

Елена Петровна
БЛАВАТСКАЯ

**ИЗ ПЕЩЕР
И ДЕБРЕЙ
ИНДОСТАНА**

ВЕЛИКИЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ

Е.П. БЛАВАТСКАЯ

« ЭКСМО-ПРЕСС »

Москва

2001

ББК 87.3
Б 68

Перевод под редакцией *К. Леонова*

Б 68   **Блаватская Е.П.**
Из пещер и дебрей Индостана. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 832 с. (Серия «Великие посвященные»).

ISBN 5-04-007640-1

Ни у кого нет такой органической духовной связи с древней Индией, как у русских. Наверное, поэтому высокая миссия слияния широких религиозно-философских идей Древнего Востока с точным анализом европейского Запада оказалась под силу только выдающемуся русскому мыслителю Елене Петровне Блаватской. Именно «пещеры и дебри Индостана» являются одним из главных источников ее учения, задача которого — приведение в гармонию всех сторон человеческой жизни, согласование материальных задач человека с его духовными запросами.

ББК 87.3

© Леонов К. Ю. Перевод, 2001
© ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс».
Составление, 2001

ISBN 5-04-007640-1

РАДДА БАЙ

(Вера Желиховская о своей сестре
Елене Петровне Блаватской)

I

Елена Петровна Блаватская, урожденная Ган [фон Роттенштерн-Ган], более известная у нас в России под литературным псевдонимом Радды Бай, под которым в восьмидесятых годах [девятнадцатого века] писала свои талантливые очерки об Индии,¹ была необычайным явлением даже в наш век, освоившийся с необыкновенными личностями. В России ее деятельности и ученых трудов («Разоблаченная Изида», «Тайная доктрина», «Ключ к теософии», «Голос безмолвия», «Драгоценные камни Востока», «Теософский словарь») и разнообразных статей в ее лондонском журнале «Lucifer», в индийском «The Theosophist» и множестве английских и французских изданий, почти не знают. Для нас, русских людей, они представляют лишь внешний интерес, как замечательное умственное движение, возбужденное во всем мире русской женщиной, без всяких на то средств, кроме своего ума, громадных знаний и необычайной силы воли. Того нравственного значения, за которое ее прославляют на Западе, провозглашая борцом за жизнь загробную, за главенство в человеческом бытии духа, за ничтожество плоти и земной жизни, данных нам лишь как средство усовершенствования бессмертной души нашей, как противницу материализма и поборницу духовных начал в человеке и природе, — в России она иметь не может. Она могла приобрести такое значение и влияние на умы человеческие лишь там, где потрясены устои христианства, либо где они совсем неведомы. Мы же, ее соотечественники, не погрязшие, благодарение Богу, в нелепице западного материализма, можем только воздать должное ее уму и знаниям вообще, а затем ее литературному таланту, хотя бы в той мере насколько он проявился в нашей русской прессе.

Елена Петровна была дочерью известной русской писательницы, Елены Андреевны Ган, урожденной Фадеевой,² когда-то

---

¹ В журнале «Русский Вестник» были опубликованы: «Из пещер и дебрей Индостана», «Дурбар в Лахоре», «Загадочные племена на Голубых горах» и др.

² Писавшей под псевдонимом «Зинаида Р.».

названной Белинским «русской Жорж Санд». Отец Елены Петровны, командуя батареей конной артиллерии, вел военную, кочевую жизнь, отразившуюся на раннем воспитании девочки. Когда, по смерти матери, ее родные, Фадеевы и Витте, взяли сирот к себе на воспитание, Елена Петровна никогда не могла привыкнуть к обычному распределению занятий с учителями и гувернантками, которых постоянно приводила в отчаяние непокорностью рутине и в восторг остротой ума и способностей, в особенности филологических и музыкальных. Все свойства ее характера отличались решительностью и более подходили бы мужчине, чем женщине. Энергия никогда не покидала ее в трудностях и опасностях необычайной жизни ее. С детства у нее была страсть к путешествиям, к смелым предприятиям, к сильным ощущениям. Она никогда не признавала авторитетов, всегда шла самостоятельно, сама себе прокладывая пути, задаваясь независимыми целями, презирая условия света, решительно устраняя стеснительные для ее свободы преграды, встречавшиеся на пути... В семнадцать лет она вышла самовольно замуж за человека, годившегося ей в отцы, и через несколько месяцев, не задумываясь, его бросила, уехала неведомо куда и почти десять лет исчезала так, что даже родные годами не знали о ее местопребывании...

Близким своим она сознавалась, что затем только и обвенчалась с Н. В. Блаватским,³ чтобы «быть свободной» от контроля родных.

Большую часть молодости Блаватская провела вне Европы; несколько лет жила в северной Индии, изучая языки, санскритскую литературу и те отвлеченные знания, которыми славятся индийские раджа-йоги,⁴ и за которые впоследствии ей пришлось много поплатиться. Слишком усердные последователи, прославляя ее какой-то чародейкой, дали повод врагам упрекать ее в обманах и называть шарлатанкой...

Соскучившись по своим родным, Блаватская возвратилась в Россию ровно через десять лет, в 1859 году. Сначала она приехала ко мне, сестре своей, и отцу нашему в Псковскую губернию, а потом к родным матери в Тифлис. Она возвратилась из своих

---

³ Это был очень хороший, хотя несколько заурядный, пожилой человек, служивший в то время на Кавказе, куда он только что был назначен во вновь сформированную Эриванскую губернию вице-губернатором.

⁴ Раджа-йог — великий мудрец. Раджа-йогов не надо смешивать с факирами или простыми фокусниками, показывающими удивительные феномены по всем городам Индии.

странствий человеком, одаренным исключительными свойствами и силами, проявившимися немедленно и поражавшими всех ее окружающих. Она оказалась сильнейшим медиумом, состояние, которое она впоследствии сама сильно презирала, считая его не только унижительным для человеческого достоинства, но и очень вредным для здоровья. Позже ее психические силы, развернувшись, дали ей возможность подчинить своей воле и контролировать внешние проявления медиумизма. Но в 27 лет они проявлялись помимо ее воли, редко ей повинаясь. Ее окружали постоянные стуки и постоянные движения, происхождение и значение которых она тогда еще не умела объяснить...

— Сама не знаю, что за напасть такая! — говорила она. — Пристала ко мне какая-то сила, из Америки ее вывезла. Мало того, что кругом меня все стучит и звенит, но вещи движутся, поднимаются без толку и надобности... Да и кроме того, осмысленные проявления выказывает: в разговоры стуками мешается и на вопросы отвечает, и даже мысли угадывает. Чертовщина какая-то!

Тогда американские теории, завезенные на практике в Петербург Юмом, уже всем были известны. Тем не менее, мало кто имел в России случай видеть медиумические проявления на деле.

Удивительные свойства Блаватской наделали такого шума в Пскове, что и поныне, более чем 30 лет спустя, старожилы помнят ее кратковременное в нем пребывание.

В особенности, поражали осмысленные ответы на задуманные вопросы; такое всезнание сил, орудовавших вокруг Блаватской, и в то время уже дало ей прозелитов из среды завятых скептиков, гораздо более, чем движение неодушевленных предметов и постоянно видимые ею «тени», которые она описывала, тени, оказывавшиеся верными портретами умерших лиц, которых она сама никогда не знала, но присутствовавшие узнавали постоянно по ее описаниям.

Скоро Псков и отчасти Петербург, как позже и весь Кавказ, заговорили о «чудесах», окружавших Блаватскую. На нее приезжали смотреть как на диво, ее атаковали письмами и просьбами и самыми нелепыми требованиями, которым она благодушно подчинялась, позволяя себя связывать, класть на мягкие подушки и принимать всякие меры к предупреждению обмана. Что не мешало отнюдь всему вокруг нее звонить, стучать и ходуном ходить. Эти проявления всегда бывали, даже во время сна и болезненного беспамятства Елены Петровны.

В особенности не стало границ толкам, когда с помощью ее «духов» (так называли все эти проявления) был открыт убийца, совершивший преступление в окрестностях нашей деревни, села Ругодева, где мы проводили лето. Ее духи прямо назвали имя преступника, деревню и дом мужика, где он скрывался, недоумевавшему становому, который тотчас туда поскакал и там действительно нашел его и арестовал.

С ужасом и презрением к своему тогдашнему «бессмысленному, произвольному медиумизму» вспоминала впоследствии Елена Петровна об этом времени. Через несколько лет она совершенно покорила своей воле эти силы, вредные свойства и нечистое происхождение которых она определяет в сочинениях своих с полной уверенностью в своей правоте, хотя может быть и ошибочно. На следующий год Блаватская уехала в Тифлис. По дороге, именно в Задонске, у обедни, ее узнал преосвященный Исидор, бывший экзарх Грузии, впоследствии митрополит С.-Петербургский, находившийся проездом из Киева. Он знал ее еще в Тифлисе и прислал служку звать ее к себе. Преосвященный расспрашивал ее ласково, где и как она странствовала, куда едет и пр. Заметив вскоре окружавшие ее феномены, владыка обратил на них внимание. С большим интересом расспрашивал, задавал вопросы мысленно и, получив на них толковые ответы, был еще более изумлен...

На прощание он благословил ее и напутствовал словами, которые навеки остались ей памятны и дороги как мнение об исключительном даре ее просвещенного иерея православной церкви. Он сказал: «Нет силы не от Бога! Смущаться ею вам нечем, если вы не злоупотребляете особым даром, данным вам... Мало ли неизведанных сил в природе? Всех их не дано знать человеку, но узнавать их ему не воспрещено, как не воспрещено и пользоваться ими. Он преодолет и, со временем, может употребить их на пользу всего человечества... Бог да благословит вас на все хорошее и доброе».⁵

Е. П. Блаватская прожила на Кавказе (где протекала ее ранняя юность) еще года четыре. Ее талантливая, подвижная натура постоянно требовала новой деятельности, новых интересов и занятий. Довольствоваться обычной, заурядной средой, бесцветным существованием большинства женщин ей было невыносимо. Она искала целей разнообразных, как рыба ищет воды, а вольная

---

⁵ Данный случай был описан в журнале «Ребус» в очерке «Правда о Е. П. Блаватской», 1883 г., NN 40-48.

птица — воздушной шири, без пределов и препон ее своеобразному полету.

Она всю жизнь, можно сказать, металась, разыскивая что-то, стараясь выбиться на вольный свет из уз и оков, ее стеснявших. Всегда неудовлетворенная, она хваталась за то и другое и, вновь обманутая надеждой, бросала начатое предприятие и стремилась в погоню за новой приманкой.

Эти стремления к неведомому, долго не дававшемуся ей, чему-то отвлеченному, неуловимому, к ей самой непонятной вначале задаче, выполнение которой лежало на ней тяжелым и требовательным сознанием возложенного на нее долга, — прекратились лишь с появлением на ее горизонте интересов, возбужденных теософским учением.

Тогда она сразу остановилась, как блуждавший корабль, нашедший, наконец, верную пристань, останавливается и уверенно опускает свой якорь. Этому делу она была верна всю жизнь. Она отдала ему здоровье, время и всю душу, в нем узнав, наконец, то дело, которому была предназначена, в котором, ей казалось, она нашла достойную всех усилий цель: распространение между людьми всех сословий и рас веры в единство духовных сил человечества, в познание теософии — древнейшей религии разума.

— Идеалы и вера почти везде утрачены! Лженаука их уничтожила, — говорила она. Люди нашего века требуют научного оплота, научных доказательств бессмертия духа: древняя эзотерическая наука — Аумная религия — как называли ее наши православные отцы церкви (от санскритского корня слово Аум — Высшая Сила) — даст им их!

Но все это пришло гораздо позже. Всю молодость Елена Петровна бросалась из места в место, от одного дела к другому, не находя занятия по душе. Надо принять во внимание, что в те годы женская деятельность была явлением не столь обычным, как ныне, но она не держалась рутины и умела преодолевать препятствия.

Она была великая искусница в рукоделиях, умела прекрасно делать искусственные цветы; одно время у нее была целая мастерская, и дела шли очень успешно. Потом она занималась торговлей в более обширном смысле: сплавом леса, орехового наплыва за границу. Для чего даже переселилась в Мингрелию на берега Черного моря.

Еще позже она занялась каким-то дешевым способом добычи чернил. И это у нее спорилось недурно. Впоследствии она перепродала его.

В 1864 году она снова уехала на юг России, потом в Грецию и, наконец, в Египет. Там она, еще не дойдя до заключений о злобредности спиритических занятий, очень увлеклась составлением местного общества спиритов, во время сеансов которого происходили замечательные явления, засвидетельствованные не раз местными газетами.

Для близких ее этот период пребывания Блаватской в Каире ознаменовался первым проявлением ее способностей видеть умерших в самый день их кончины, что в последующей жизни с нею бывало постоянно. Никто почти в семье или из ее близких не умирал за тысячи верст от нее для нее неизвестно: она всегда видела их и в тот же день писала об этом явлении своим, осведомляясь о подробностях смерти.

«Правда ли, что безрукий Петр умер?» — писала она мне, ничего еще не знавшей о кончине этого слуги семейства нашей матери, на другой день после события. — «Я видела его... Представь себе, у одной нашей англичанки, медиума, писавшей карандашом на гробнице фараона, вдруг появились фразы на языке, которого никто из ее спутников прочесть не мог. Я была в стороне и подошла как раз вовремя, чтоб помешать исполнению их намерения бросить исписанную непонятными каракулями бумажку и прочесть на ней следующее русское послание ко мне: «Барышня! Барышня! Помогите! Помолитесь обо мне! Пить хочу! Мучаюсь!...» По самому названию (барышня) я догадалась, что это пишет кто-нибудь из Фадеевских наших людей и сама взяла карандаш...»

Писавший назвался Петром Кучеровым; объявил ей, что умер накануне, в богадельне, куда я поместила его вместе с его братом, когда эти люди остались беспомощными инвалидами после смерти старших членов семьи Фадеевых и отъезда из Тифлиса. Петр объяснил ей, что и брат его недавно умер, и все это оказалось вполне, число в число, верно. Этот бедный человек был при жизни горький пьяница и, если верить показаниям его, по смерти был наказан мучительной жаждой, воздаянием за свой грех.

После сеанса Елена Петровна видела его самого и подтвердила это в том же письме, которое она писала в Египте, тогда как человек этот умер накануне в Тифлисе. Надо сказать, что и телеграфов тогда еще на Кавказе не было, если бы и вздумалось кому-либо ими воспользоваться для таких, никому неинтересных сообщений.

В 1873 году Е. П. Блаватская уехала в Америку. Англичанин Синнет, ее биограф, в книге «Случаи из жизни мадам Блаватской», утверждает, что у нее уже и тогда «были постоянные психические сношения с ее учителями оккультизма в Тибете и на Цейлоне», что, послушная только их велениям, она всегда готова была к переездам из страны в страну... Прав ли он? Зависит от мнений верующих или скептиков. Но факт тот, что едва она попала в этот рассадник спиритизма, где уже в то время проявлялись феномены материализаций, как все ее письма переполнились скорбью и негодованием по этому поводу. Посещение ею «Коттеджа Вермон» братьев Эдди, о которых полковник Г. С. Олькотт⁶ написал целую книгу под заглавием «Люди с того света»,⁷ кажется было последним камнем на весах мнения Блаватской о спиритизме. Она начала писать статью за статьей в американских журналах, указывая опасность медиумизма. Письма ее переполнились раздражением против злоупотреблений спиритов силами и здоровьем медиумов и людским суеверием.

У братьев Эдди Елена Петровна впервые встретила с ярым спиритом, полковником американской службы, сражавшимся за свободу невольников, Генри С. Олькоттом, и скоро успела привлечь его к своему мнению. Оба ярые противники материализма, они не отрицали пользы, принесенной огрубевшему в безверии миру неожиданным вторжением в него спиритизма, но находили, что роль его должна ограничиться обращением общества к вере в «нечто, не снившееся нашим мудрецам», но не ввергать их в другую крайность, — в суеверие и «в вызывание дурных сил, иначе говоря, в черную магию...»

«Какие мы спириты, Бог с вами!» — писала она своим родным. — «Если я примкнула к создающемуся здесь Теософскому обществу — ветви индийского Арийского братства, — то именно потому, что они честно борются с предрассудками и с злоупотреблениями лжепророков буквы, жрецов Калхасов, и с бреднями спиритов. Мы, пожалуй, спиритуалисты, да и то не на американский, а на древнеалександрийский лад...»

Вскоре в американских газетах стали появляться похвалы ее статьям. Разбор ее печатной полемики с профессором Гексли,

⁶ Будущий президент Теософского общества, соратник Блаватской по делам Общества с момента его основания.

⁷ Обратившую и в России на себя внимание благодаря статьям о ней профессора Вагнера в «Русском Вестнике».

проповедником материализма, наделал шуму. В то же время она задумала писать свой первый ученый труд «Разоблаченную Изиду». В письмах же ее начали все чаще и решительнее появляться намеки, что не ей принадлежит то, что она пишет; что сама она не понимает, что с ней творится. Но для нее вполне очевидно, что говорит она и пишет об ученых и отвлеченных предметах не сама от себя — потому, что она в них «ни бельмеса не понимает», — но внушает ей и «диктует некто знающий все».

Эти странные проявления неведомо откуда в сорок лет осевших ее научных знаний, в соединении с такими необычайными указаниями на какое-то «вселение», очень тревожили близких Е. П. Блаватской... Они, одно время, положительно опасались за ее рассудок.

«Скажи мне, милый человек», — писала она тетке своей,⁸ — «интересуешься ли ты психо-физиологическими тайнами? А ведь все это для любого физиолога удивительная задача. У нас в Обществе есть очень ученые члены (например, профессор Уайлдер, археолог-ориенталист), и все они являются ко мне с вопросами и уверяют, что я лучше их знаю и восточные языки, и науки, как положительные так и отвлеченные. Ведь это факт, а против факта, как и против рожна, не попрешь!.. Так вот скажи ты мне, как могло случиться, что я до зрелых лет, как тебе известно, круглый неуч, вдруг стала феноменом учености в глазах людей действительно ученых?.. Ведь это непроницаемая тайна!.. Я — психологическая задача, ребус и энигма для грядущих поколений, сфинкс!.. Подумай только, что я, которая ровно ничего не изучала в жизни, я, которая ни о химии, ни о физике, ни о зоологии — как есть понятия не имела — теперь пишу обо всем этом диссертации. Вхожу с учеными в диспуты и выхожу победительницей... Я не шучу, а говорю серьезно: мне страшно, потому что я не понимаю, как это делается!.. Все, что я ни читаю, мне кажется теперь знакомым... Я нахожу ошибки в статьях ученых, в лекциях Тиндаля, Герберта Спенсера, Гексли и других... У меня толкутся с утра до вечера профессора, доктора наук, теологи. Входят в споры — и я оказываюсь права... Откуда же это все? Подменили меня, что ли?»

В то же время она присылала вырезки из разных газет, которые подтверждали ее словесные и печатные победы над различными авторитетами и, кроме того, возвещали свету массу таких невероятных фактов об оккультных свойствах и феноменальных

---

⁸ Надежде Андреевне Фадеевой, родной сестре ее матери.

способностях основательницы Теософского общества, что людям здравомыслящим было невозможно им верить. «Феномены» — попросту чудеса, которые в целых книгах расписывают приверженцы ее, Олькотт, Джадж,⁹ а впоследствии Синнет и многие другие, — вместо славы доставили Блаватской только горе и обвинение в шарлатанстве и обманах. Воистину услужливые друзья оказались опаснее врагов. Они только возбудили недоверие к своему учению и его представительнице, прославляя то, что она сама всегда презрительно называла «psychological tricks» («психологическими фокусами»), известными в Индии сотням тысяч людей...

Враги, которых, понятно, у нее было множество, воспользовались неосторожностью приверженцев Блаватской, обвиняя ее в «этих фокусах», тогда как если б о них никто и не знал, это несколько не повредило бы ее делу и уж никак не уменьшило бы достоинств ее сочинений. О них нет двух мнений: и друзья и враги сходятся в признании их гениальности. Первый ее капитальный труд «Разоблаченная Изиды» вызвал сотни лестных отзывов в американской, а позже и в европейской прессе. Мало русских людей читали эти два толстейших тома с целыми колоннами ссылок мелкого текста на писателей всех стран.¹⁰ Но тем знаменательнее факт, как удивительно сошлись мнения об этом классическом сочинении Блаватской двух выдающихся российских деятелей: архиепископа армянского преосвященного Айвазовского¹¹ и нашего талантливоего писателя Всеволода Сергеевича Соловьева. Первый, как только прочитал «Разоблаченную Изиду», а заодно и книгу Синнета «Оккультный мир», изобилующую рассказами о «феноменах», тотчас написал мне, что, по его мнению, «большого феномена, чем появление такого сочинения из под пера женщины — и быть не может»; а второй (г. Соловьев) пишет от 7 июля 1884 года из Парижа почти в тех же выражениях: «Читаю вторую часть «Изиды» и совершенно убеждаюсь, что это феномен!»¹²

---

⁹ Джадж У. К., по образованию юрист, член Теософского общества, редактор журнала «Path», выходящего в Нью-Йорке.

¹⁰ Доныне «Разоблаченная Изиды» еще не переведена на русский язык. [Биографический очерк написан в 1893 г., через два года после смерти Е. П. Б. — *Прим. ред.*]

¹¹ Брат знаменитого живописца, умерший в 1880 г. в Тифлисе.

¹² Впоследствии г. Соловьев круто изменил свое мнение и всячески старался доказать противное. По письмам его, хранящиеся у меня, изобличают его фальшь. — В. Ж.

По нашему и этих двух свидетельств для нас, русских, достаточно, чтоб доказать, что книга эта имеет неопровержимые достоинства.

III

Россия вступила в войну с Турцией, и не стало покоя Елене Петровне. О! какие разгромные статьи писала она в американские газеты в конце 1876 и в течение всего 77 года, направленные против иезуитства католиков, выраженного во враждебных антиславянских выпадах папы. Как она бдлела душой, каждым фибром, каждой каплей своей русской православной крови за кровь своих соотечественников. Письма ее того времени не чернилами, а кровью и слезами писаны.

Она делает великолепный перевод на английский язык тургеневского стихотворения «Виндзорский крокет», и его публикуют сразу в нескольких газетах. Ей не дают покоя ньюйоркские поляки своими антироссийскими выходками. Появление же в печати пресловутой папской речи, в которой говорится о том, что «чем скорее будет подавлена схизма, тем лучше», и что «рука Божия может руководить и мечом башибузука», — повергло ее в жар и недомогание.

Оправившись, она разразилась рядом таких язвительных статей, обличающих папу и его «благословение турецкого оружия», что нью-йоркский *пунций* счел благоразумным вступить с ней в переговоры и прислал парламентаря. Но тот, разумеется, не был принят, а следующая статья Елены Петровны еще расцветилась описанием этого визита «доморощенного» иезуита... Среди постоянного беспокойства за исход войны, за своих близких,¹³ в которых она принимала участие, Блаватскую даже не радовал громкий успех ее книги, лестные отзывы о ней таких ученых мужей, как Уильям Джон Дрейпер и Альфред Рессел Уоллес... Последний в своей рецензии на «Изиду» писал: «Я поражен вашей эрудицией», — восклицает этот соперник Дарвина, — «положительно, вы открыли мне новый непредвиденный мир с точки зрения, которая объяснила мне многое донныне непонятное...»

Этой осенью Блаватская несколько раз была встревожена видением двоюродного брата, Александра Витте (в то время

---

¹³ За дядю своего Ростислава Андреевича Фадеева, двоюродного брата Александра Юльевича Витте и племянника Ростислава Николаевича Яхонтова.

майора Нижегородского драгунского полка), в крови, с перевязанной головой. К несчастью видение это оказалось пророческим. 2 октября 1877 года он просто чудом спасся от гибели. Но при этом был контужен в голову так сильно, что едва не умер. Контузия оставила роковые последствия — вечные головные боли — осложнившие через несколько лет болезнь, от которой А. Ю. Витте и скончался в 1884 году.

Несказанно радовали Елену Петровну победы русского оружия, за которыми она пристально следила; гораздо больше, чем ее собственные успехи. Это явствует из ее писем в Россию. Взятие Плевны, например, подвигло ее на восторженно-радостное послание к родным; тогда как присланный в то же время из Англии диплом, присваивающий ей почетное масонское звание, вызвал лишь умеренное удовлетворение и шутивное замечание в письме:

«Слушайте, братцы!» — пишет она. — «Довожу до вас курьер: английские масоны, главой коих является сам принц Уэльский, прислали мне диплом за мою «Изиду»... Я, значит, нынче — «таинственный масон»!.. Того и жду, что за добродетели мои меня в папы римские посадят... Посылаю вырезку из масонского журнала. А орден очень хорош — рубиновый крест и роза».

Еще до европейских масонов диплом на членство на санскритском языке с изображением браминских символов прислала ей старейшая в мире (еще дохристианская) ложа Бенаресского общества Сат-Бай.

Вскоре после заключения мира с Турцией Елене Петровне Блаватской пришлось волей-неволей принять американское гражданство. Один американец, умирая, завещал ей свое имение. Для получения его ей было необходимо выполнить простую формальность, но это ужасно взволновала ее.

«Только что вернулась из верховного суда, где принимала присягу в верности Американской республике», — писала она. — «Теперь я равноправная с самим президентом Соединенных Штатов гражданка... Это все прекрасно: такова моя оригинальная судьба. Но до чего же противно было повторять за судьей тираду, которой я никак не ожидала, — что-де, я, отрекаясь от подданства и повиновения императору Всероссийскому, принимаю обязательство любить, защищать и почитать единую конституцию Соединенных Штатов Америки... Ужасно жутко мне было произносить это подлейшее отречение!.. Теперь я, пожалуй, политическая и государственная изменница?.. Нечего сказать!.. Только как же

это я перестану любить Россию и уважать государя?.. Легче языком сболтнуть, чем на деле исполнить».

И точно, всю жизнь она, какой была горячей патриоткой, такой и осталась. Приняв гражданство, она еще долго продолжала, как и во все время войны, присылать деньги на русских раненых, и даже первые выручки, полученные за «Изиду», пошли на ту же цель. Все, что получала она в то время за статьи в русских газетах, все шло целиком на Красный Крест и на бараки кавказских раненых.

IV

Весной 1878 года с Е. П. Блаватской случилось странное происшествие, она неожиданно упала в обморок, продолжавшийся несколько дней. Ее сочли умершей и собирались хоронить, когда из Индии была получена Олькоттом телеграмма от того человека, которого она считала внушителем всех своих знаний и называла «Учителем». Он писал: «Не бойтесь, она не умерла и не больна, но заработалась. Тело ее требовало отдыха. Будет здорова». По истечении пяти суток Блаватская пришла в себя и действительно оказалась совершенно здорова.

После этого руководители Теософского общества, оставив его в Америке на попечение м-ра Джаджа (который и поныне является его американским главой), собрались и переехали в Индию. Они мотивировали свой исход желанием более углубленно изучать санскрит и на месте принять участие в совместной работе над восстановлением первобытных верований индусов с ученым проповедником Даянандом Сарасвати — великим реформатором, прозванным «индийским Лютером». Даянанд проповедовал единобожие по Ведам, священным книгам буддизма, писанным в древние времена, когда еще религия не была искажена многобожием, измышленным браминами, превратившими чистое и нравственное учение Будды в пеструю мифологию.

Теософское общество задалось тремя следующими основными целями:

1) основание всемирного Братства без различия вероисповеданий, рас и происхождения. Члены его обязались постоянно стремиться к нравственному самоусовершенствованию и посильной помощи своим ближним — как духовной, так и материальной;

2) содействие в распространении арийских и других восточных языков, наук и знаний;

3) изыскания в области сокровенных законов природы и психических сил человека.

Из трех этих задач лишь первая обязательна для всех; выполнение же второй и третьей предоставляется на добрую волю членов.

17 февраля 1879 года Блаватская и Олькотт достигли берегов Индии.¹⁴ На пристани в Бомбее братство Арья Самадж приготовило им торжественную встречу, с музыкой, цветами и слонами.

Вот отрывок из ее письма к родным, в котором она с присущим ей юмором повествует об этой встрече:

«Меня и смех и злость разобрали, как подплыл к пароходу баркас, украшенный цветами, и лодки с музыкой. Опутали нас гирляндами так, что Олькотт стал похож на карнавального *boeuf gras* [откормленного быка], а я на шарообразный рассадник лилий и роз, и с музыкой провезли на баркасе к пристани. Там новое удивление! Встретили нас местные танцовщицы, чуть не совсем голые, окружили, все время бомбардируя цветами, и провели... вы думаете к экипажу?.. Как же! — к белому слону... Господи! Что только стоило мне влезть по рукам и спинам голых кули¹⁵ на эту громадину. Чуть я не вывалилась из павильона на спине его, когда слон вставал... Других «счастливых» усадили просто в паланкины, а меня с Олькоттом повезли под бубны, литавры и радостные выкрики, как обезьян на показ, в помещение Арья Самадж».

Закипела неустанная работа. Олькотт все больше разъезжал, а Елена Петровна писала, по одиннадцати часов в сутки не разгибаясь работала. Она писала в местные газеты, посылала корреспонденции во все страны света и готовила материалы для задуманного ею журнала «Геософист».

Британские власти заподозрили их было в зловредных намерениях: в шпионаже, в пропаганде русского влияния. За ними установили полицейский надзор; их письма вскрывались, на них косо смотрели... Блаватская выходила из себя! Писала негодующие письма друзьям своим в Лондон. Многие влиятельные лица обрушились газетными статьями и письмами на местные бомбейские власти в их защиту.

---

¹⁴ Приезд и первое время пребывания в Индии превосходно описано в книге «Из пещер и дебрей Индостана», опубликованной в «Русском Вестнике». Это сочинение, написанное по-русски и подписанное псевдонимом Радда Бай, было переведено на английский язык.

¹⁵ Индийских грузчиков.

Решающую роль во всем этом деле сыграло письмо, адресованное лорду Литтону (вице-королю Индии) лордом Линдсеем, членом Королевской академии наук, президентом лондонского Астрономического общества.

«Ваша полиция осрамилась!» — писал он, — «я сам член их Общества, так вы, пожалуй, и меня за агитатора сочтете, если я приеду в Бомбей?..»

Заступничество подействовало. Полицейский надзор был снят, но осталось несмываемое пятно. И по сей день враги Теософского общества и Е. П. Блаватской лично то и дело укоряют ее в шпионаже.

Несмотря на предубеждение англо-индийских властей против основательницы Теософского общества, жидущегося на ее русском происхождении, к тому же не скрывающей своего патриотизма,¹⁶ она все же сумела завоевать надлежащее ей положение и приобрела многих друзей в среде литераторов и др. лидеров, формирующих общественное мнение.

Вскоре ее стали приглашать на рауты, обеды и на пикники в местные дачные места: Симл, Отакамунду и тому подобные гористые районы. Она очень тяготилась обязательными выездами, отвыкнув от общества и туалетов, да еще в условиях нестерпимой тропической жары и предельной занятости. Ради пользы дела приходилось терпеть определенные неудобства, уступая настояниям «друзей», пускать в ход «естественные феномены» — для привлечения внимания профанов к действительности «оккультных сил» — и все это ради пропаганды Общества... Местные газеты¹⁷ подхватывали рассказы «очевидцев» на лету, прославляя «чудеса проповедницы теософии» и составляя ей репутацию колдуньи, которая шла ей не в прок, провоцируя обвинения в шарлатанстве в ущерб тех истинных заслуг, которые и без того должны были доставить ей известность.

А тут еще приятель ее, редактор правительственной газеты «Пионер», м-р А. П. Синнет, премного погрешил против Е. П. Блаватской, разумеется, без всякого намерения навредить ей. И, даже, напротив, думая прославить ее такими книгами, как его «Оккультный мир», — возбуждающими лишь весьма понятное недоверие. По окончании летнего сезона в Симле вновь были

---

¹⁶ Это было время военных действий русских войск в Афганистане и во всем Закаспийском крае. Враждебные чувства англичан против России сильно обострились.

¹⁷ «Indian Mirror», «Amritta-Bazar-Patrika», «The Pioneer» и пр.

подняты враждебные толки, возбужденные статьями «Пионера», описывающими невероятные случаи. Решительнее других поднялись клерикалы, вполне объяснимо относившиеся с неприязнью к простым членам, а тем более к основательнице Теософского общества, пропагандировавшего, как бы то ни было, хоть и весьма нравственное, но не чисто христианское учение. В ход пошли, помимо клеветы о пророссийской агитации, и другие басни порочащие Блаватскую. Самым нелепым было обвинение в самозванстве. Придумали, что настоящая Е. П. Блаватская умерла и похоронена в Адене, а та, которая выдает себя за нее, это не она, а ее горничная... Пришлось прибегнуть ей к свидетельству близких и родных: к дяде ее, генералу Ростиславу Андреевичу Фадееву, и князю А. М. Дондукову-Корсакову, исполняющему в то время обязанности главноначальника на Кавказе. Последний выслал ей свидетельство о том, что муж ее был вицегубернатором в Эривани. Кроме того, он написал ей дружеское письмо, как к старой знакомой.

Все это было опубликовано друзьями и прозелитами Елены Петровны, но их, понятно, было меньше, чем неприятелей и равнодушных, в которых утверждались неприязненные к ней отношения. И вражда к ней, возбужденная миссионерами-иезуитами и патриотическими фанатиками, увеличивалась по мере того, как возрастала популярность Теософского общества и ширилось влияние его представителей на высшие туземные касты — на индусов, браминов и сингалезских буддистов, во множестве примыкавших к Обществу.

Г. С. Олькотт, президент Теософского общества, открыто принял буддизм. Во время их посещений острова Цейлона, сингалезцы каждый раз устраивали им царский прием. Елена Петровна Блаватская всегда настаивала на том, чтобы одним из основных принципов Общества была свобода совести, а именно: равноправие всех религий и самая широкая терпимость его членов к взаимным верованиям и убеждениям друг друга; и этот принцип никогда не был нарушен, хотя из-за этого Теософское общество вынуждено было разойтись со своим патроном, индусским проповедником единобожия Даянандом Сарасвати, вследствие его требования, чтобы в состав Общества входили исключительно буддисты. Тем не менее тяготение в Обществе к буддизму, в особенности в Индии, оказалось весьма велико. Сам его основатель и президент даже составил буддийский катехизис, одобренный для введения во все училища самим Сумангаллой, главным первосвященником на Цейлоне.

От всех этих беспокойств, вызванных клеветой и всяческими неурядицами, Блаватская нравственно страдала более всех, к тому же на ней сказывались и неподходящие климатические условия, увеличивая ее хронические недуги. Болела она постоянно, а несколько раз так сильно и опасно, что доктора отрекались от нее, решительно приговаривая ее к смерти. Но в этих крайних ситуациях, по свидетельству многих очевидцев, всегда случалось что-либо непредвиденное, возвращавшее ее к жизни в последнюю минуту. Или откуда не возьмись появлялся неизвестно кем присланный туземный знахарь и давал ей неведомое чудодейственное лекарство; или просто приходил спасительный сон, несущий с собой облегчение; или же за нею являлись неизвестные люди и куда-то увозили ее на некоторое время, откуда она приезжала облегченная. Такие случаи засвидетельствованы десятками лиц, в присутствии которых протекала ее болезнь и на глазах у которых она временно исчезала; об этом же свидетельствуют и штемпеля тех писем Блаватской, которыми она извещала о своих неожиданных исчезновениях. Передо мной, например, ее письмо из Мирута в окрестностях Аллахабада, в котором она пишет, что «получила приказание, оставив железные и торные пути, следовать за присланным провозжатым через джунгли в священные рощи Деобенда...»

Следующим письмом сестра меня извещала, что тибетский лама по имени Дебо-Дургай излечил ее в этих «священных рощах».

«Я была в бреду», — рассказывает она, — «не помню, как внесли меня на носилках на огромную высоту. Очнулась я на следующий день под вечер. Я лежала посреди большой, каменной, совершенно пустой комнаты. Вокруг в стенах были высечены изображения Будды; кругом курились какие-то кипевшие в горшках снадобия, а надо мной совсем белый старик-лама делал магнетические пассы».

Вскоре она снова заснула на целые сутки, и во сне ее спустили обратно с гор и передали на руки друзьям, ожидавшим внизу. Так вся жизнь Е. П. Блаватской была соткана из странностей и необыкновенных происшествий.

V

Нравственные потрясения всегда отзывались на физическом ее состоянии. Так ранней весной 1881 года она сильно заболела, пораженная и до глубины души потрясенная ужасным происшествием 1-го марта.

Она писала:

«Господи! Что ж это за ужас? Светопреставление, что ли у вас?.. Или Сатана вселился в исчадия земли нашей русской! Или обезумели несчастные русские люди?.. Что ж теперь будет? Чего нам ждать?!.. О, Господи! Атеистка я, по-вашему, буддистка, отщепенка, республиканская гражданка, а горько мне! Горько! Жаль царя-мученика, семью царскую, жаль всю Русь православную!.. Гнушаюсь, презираю, проклиная этих подлых извергов — социалистов!» «Пусть все смеются надо мной, но я, американская гражданка, чувствую к незаслуженной мученической смерти царя-самодержца такую жалость, такую тоску и стыд, что в самом сердце России люди не могут их сильнее чувствовать».

Ее журнал «Теософист» вышел в траурной обложке. Это было внимание Олькотта к ее чувствам. Сама она лежала больная...

Придя в себя, она написала в «Пионер» превосходную статью обо всем, что свершил царь Александр II, и очень была довольна тем, что большинство газет ее перепечатали.

На выражение некоторыми местными органами удивления по поводу «облачившихся в траур американской гражданки и ее журнала» Блаватская послала коллективный ответ в «Bombay Gazette».

«Не как русская подданная надела я траур», — между прочим говорит она в ней, — «а как русская родом. Как единица многомиллионного народа, облагодетельствованного тем кротким и милосердным человеком, по которому вся родина моя оделась в траур».

«Этим я хочу высказать любовь, уважение и искреннее горе по смерти царя моих отца и матери, сестер и братьев моих в России!»

Ей прислали портрет царя в гробу.

«Как посмотрела я на него», — пишет она тетке своей Н. А. Фадеевой, — «верь не верь, должно быть помутилась рассудком. Неудержимое что-то дрогнуло во мне, да так и подтолкнуло руку мою и меня саму: как перекрещусь я русским большим крестом православным, как припаду к руке его, покойника, так даже остолбенела... Это я-то, — старину вспомнила, — рассентиментальничалась. Вот уж не ожидала».

Зимой с 1881 на 1882 год вся индийская теософская община переехала на постоянное место жительства в Адьяр. прелестное местечко в предместье Мадраса. Там Теософское общество купило дом и землю на реке, впадающей в океан, которую Елена Пет-

ровна тотчас окрестила на русский лад Адьяркой. Так слывет она и поныне в этой штаб-квартире теософов.

Тотчас по приезде была особенно торжественно отпразднована седьмая годовщина существования Теософского общества. На эти годовщины всегда бывают в Адьяре съезды делегатов от всех ветвей Общества. Но особенно торжественны и многолюдны они бывают в те годы, где замешано число семь, чрезвычайно почитаемое теософами по своему мистическому, издревле чтимому оккультистами, тайному значению. Все свои начинания, переезды и местожительства они всегда норовят соединить с этим «счастливым» числом.

Ранней весной 1884 года Олькотт и Блаватская собирались выехать по делам в Европу. Поэтому уже в декабре они двинулись из Адьяра в Бомбей.

В то же самое время еще раз повторилось явление, не раз уже с нею бывавшее, но всегда поражавшее близких Елены Петровны.

В Одессе, в конце декабря, скончался ее дядя, Ростислав Андреевич Фадеев. Одновременно с его кончиной она видела его три раза кряду и писала своим:

«Я еду под гнетом страшного горя: либо родной дядя умер, либо я сошла с ума!...»

Первые два видения она объяснила сном, но третье не укладывалось в подобное объяснение. Она ехала в Бомбей. Была одна в купе, но не спала, когда вдруг увидела его перед собою, но таким, каким был он двадцать лет тому назад. Она не только его видела, но и говорила с ним...

Лишь приехав в Суэц, она из газет узнала, что не была жертвой галлюцинации, а точно (как и была в том уверена, хотя и старалась утешить себя предположениями противного) видела самого умершего.

Таким видениям (доподлинности явлений умерших, по собственной их воле, без всяких вызовов и медиумических вмешательств) она безусловно верила. Да и не могла не верить, наблюдая их на протяжении всей своей жизни.

VI

Едва сойдя на европейский берег, Е. П. Блаватская была осыпана приглашениями из Лондона, Парижа и Германии, но упорно отказывалась от них, стремясь лишь к одному: устроить свидание с теткой своей Фадеевой и со мной.

Она писала нам умоляющие письма, призывая нас приехать к ней в гости. Погостив некоторое время в Ницце у леди Кетнесс, герцогини де Помар, председательницы одной из двух парижских ветвей Теософского общества, она в мае переехала в Париж, сняв себе там отдельную небольшую квартирку, где рассчитывала прожить спокойно. Но весть о ее прибытии скоро появилась в газетах, и ее стали осаждать друзья, знакомые, репортеры и просто любопытствующие.

Желая хоть на время спастись из этого осадного положения, она приняла приглашение своих больших поклонников графа и графини Д'Адемар,¹⁸ живших неподалеку от Сен-Дени, в прелестной вилле возле Энгхьена.

Там она прожила со всем своим штатом (приехавшим для встречи с нею из Нью-Йорка м-ром Джаджем, со своим секретарем м-ром Бертрамом Китлеем, с брамином Могини Чаттерджи и слугою-индусом) три недели, о которых ее милые хозяева и все находившиеся с нею, теперь, после смерти Елены Петровны Блаватской, вспоминают с величайшим благоговением.¹⁹

Отдохнув на вилле Гонзаг, Елена Петровна вернулась в Париж как раз вовремя, чтобы встретить меня и тетку, которым была невыразимо рада. Все шесть недель, что мы у нее гостили, она старалась отделаться от своих многочисленных навязчивых посетителей, но это ей не всегда удавалось.

В то время ни в Германии, ни во Франции еще не было должным образом организованных филиалов Теософского общества. В Париже, где и поныне нет единого Общества, неукосни-

---

¹⁸ Впоследствии графиня Д'Адемар издавала теософский журнал под общим руководством Блаватской («Revue Theosophique». Redacteur en chef H. P. Blavatsky). Оба, и муж и жена, до конца оставались преданными друзьями, вопреки ошибочным показаниям г-на Соловьева в журнале «Русский Вестник» за февраль 1892 г.

¹⁹ Вот отрывок из письма графини к Джаджу, которым она ему напоминает об одном из вечеров на вилле Гонзаг, где они у нее гостили («Люцифер», июль, 1891).

«Помните ли вы тот удивительный вечер, когда мадам Блаватская сидела в нашей гостиной, погруженная в задумчивость. Как она, встав, вдруг подошла к окну, отворенному в сад, и, махнув рукой, властным жестом вызвала издали тихую музыку?.. Как эта чудная, сладостная гармония будто неслась, летела к нам из дальних областей небесного эфира, все ближе, все громче, и вдруг зазвучала полным аккордом над нами, в самой комнате, где мы сидели... Помните, как индус Могини тогда бросился к ее ногам и приложился губами к подолю ее платья?.. Этим поцелуем он выразил тот общий восторг, который все мы чувствовали к удивительному созданию, потерю которого мы никогда не перестанем оплакивать!..»

тельно следующего теориям Блаватской, а лишь несколько разрозненных и враждующих между собой ветвей, несогласие которых приводит в отчаяние строгих членов его в Англии и Америке, тогда и вовсе не было собственных теософов. Было очень много праздно любопытствовавших иностранцев — по большей части русских парижан; были и французские охотники до сенсаций, а между ними попадались, разумеется, и серьезные люди, ученые профессора и доктора различных наук. Из них самым знаменательным посетителем Е. П. Блаватской был выдающийся астроном и талантливый писатель Камилл Фламмарин. Он просиживал часто целые дни напролет один на один с Еленой Петровной, а иногда являлся с женой и упрашивал Блаватскую поехать к ним, провести у них день.

Бывало множество так называемых «окультистов» — ясно-видящих, магнетизеров, чтецов мыслей. Полковник Олькотт, возвращаясь из постоянных своих отлучек в Лондон, целые дни проводил с ними в беседах и присутствуя на сеансах, так как сам он являлся сильным магнетизером, известным многими замечательными исцелениями. В частности он лечил и романиста Всеволода Соловьева, который дивился его силе. Но с еще большим воодушевлением тот восторгался «феноменами», производимыми Е. П. Блаватской: звуковыми, которые были слышны всем, и световыми, постоянно происходившими вокруг нее, но которые видел он один. Г-н Соловьев, впоследствии столь круто изменивший свое мнение о теософии, как и свои взгляды на его провозвестницу, в то время был ярым поклонником и того и другого, предрекая им великую славу. Все это явствует из писем г. Соловьева к Елене Петровне Блаватской и ко мне. Он не только ждал великих благ от покровительства всемогущих «Учителей» или махатм — патронов Теософского общества, но даже состоял в общении с ними: получал письма от раджа-йога Кут-Хуми и видел самого раджа-йога Морию в его астральном теле... Впрочем, он видел однажды и саму Е. П. Блаватскую у себя в комнате, в Париже, в то время, когда она находилась в Индии. Он сам чрезвычайно занимательно рассказывал нам об этом явлении в письме от 22-го декабря 1884 г. Но надо думать, что он увлекся... Такие излишества от людей несдержанных, или же попросту лицемерных, преувеличивавших оккультный дар Блаватской, — в силу ли особой преданности или по расчету, в ожидании особых благ от дружбы с ней, — ей только вредили. Но тем не менее всем было очевидно удивительное развитие ее психических

свойств: ясновидения, чтения мыслей, видения того, что творилось за тридевять земель от нее. Такого рода духовные феномены беспрестанно демонстрировались ей, гораздо чаще, чем даже звуковые феномены,²⁰ или проявления животного магнетизма.

Под последним термином подразумеваются явления, подобные нижеследующему.

Для демонстрации своих возможностей при большом стечении посетителей попросит, бывало, Блаватская сложить присутствующих руки на руки, горкой. Сама же только рукой проведет по воздуху над этой грудой рук, и все тут же с криком отскакивали в стороны, — каждому казалось, будто его ладонь пронзало стрелой насквозь, пригвождая его к столу. Точно такое же болезненное ощущение она, по своей воле, могла производить, проводя над каким-либо органом человеческого тела.

Один старик, магнетизер Звett, друг и ученик известного оккультиста и мага барона Дюпote, утверждал, что при «зложелании» таким электро-магнетическим ударом можно нанести ощутимый вред и даже убить.

Такие «естественные» феномены, как чтение нераспечатанных писем, или же более удивительные происшествия с перемещением портретов раджа-йога Мории и самой Елены Петровны в закрытом медальоне, с которого присутствовавшие не спускали глаз, были много раз описаны в русских и иностранных газетах и журналах. Один особенный случай, засвидетельствованный многими очевидцами, а именно: психометрическое прочтение Блаватской запечатанного письма Е. А. Витте к ее сестре Н. А. Фадеевой и привнесение в него отпечатка теософской звезды, нарисованной красным карандашом на отдельном листе бумаги, очень красноречиво описан г. Соловьевым в статье «Любопытный феномен», напечатанной в журнале «Ребус».²¹

Как и многие другие в то время, г. Соловьев добивался и жаждал «феноменов», как манны небесной... В Париже Блаватская не имела покоя от его просьб научить производить подобно ей электрические, звуковые и прочие проявления. А когда она уехала в конце июня в Лондон, то он доставал ее и там письмами.

---

²⁰ Звуковые феномены или «бросание аккордов», или же «звон астральных колокольчиков» слышался постоянно по произволу Елены Петровны. Куда она, бывало, махнет рукой, оттуда и летят гармонические звуки, будто аккорды арфы или другого струнного инструмента.

²¹ За 1-ое июля 1884 г. Приводим ссылку на эту публикацию лишь потому, что в таком необычайном деле именно в России дороги любые свидетельства авторитетных русских людей.

И если бы он один! В письме от 7-го июля она пишет своей тетке: «Одолевают меня корреспонденты мои! Просто не знаю, что и делать с никчемными письмами влюбленных в меня людей. На половину, разумеется, я не отвечаю. Но ведь множество таких, которых я и сама люблю и которым бы я желала помочь, как, например, Всеволоду Сергеевичу Соловьеву!..»

Позже она опять писала из Лондона, жалуясь не столько на недосуг от занятий, как на то, что ее вечно отрывают от дел.

«Никогда мне и здесь не выздороветь! Это не жизнь, а какой-то безумный чад с утра до ночи. Визиты, обеды, вечера и митинги — ежедневно!.. Одна Ольга Алексеевна Новикова²² перевозила ко мне весь сановный Лондон, кроме министра Гладстона, который, по словам «St. James Gazette», «столько же боится меня, как и восторгается мной». Каково? Это уж просто наваждение какое-то! ... 21 июля было собрание в честь основателей Теософского общества в *Princes Hall*. Разослано было 1000 билетов. Ольга Алексеевна Новикова привезла представителей всех посольств, румынского князя Гику, весь штат своего преданного друга Гладстона и, наконец, Хитрово, нашего генерального консула, приехавшего по делам из Египта. ... Вот картина, которую предоставляю вам вообразить. Зала громадная, дамы в бальных туалетах, парадные костюмы всех наций. Я сижу на подобии трона в балетах в черном бархатном платье, с ненавистным мне хвостом в три аршина, а ко мне то и дело подводят всех желающих со мной лично познакомиться. Представьте себе, в продолжении двух часов пожимать руки и улыбаться 300 леди и джентльменам! Уф!!! ... Государственный секретарь по делам Индии уселся возле меня и комплименты откалывал насчет любви ко мне индусов... я, было, перепугалась, чтоб и тут не приплели политического колорита. ... Кроме всяких европейских *notabilities* [знаменитостей], напредставляли мне кучу разных черных и желтых принцев: явайских, малайских — почему я знаю!.. А профессор Крукс с женой поместились за моим креслом, словно адъютанты, и он, то и дело, называет мне своих коллег по Королевскому обществу, знаменитых ученых: физиков, астрономов и всяческих мракологов. ... И вдруг Синнет стал в позу и заораторствовал.

— Леди и джентльмены! Вы видите женщину, которая свершила мировое дело. Она одна задумала и выполнила колос-

---

²² Урожденная Киреева. В английской и русской прессе более известная под заглавными буквами «О. К.».

сальный план: создание целой армии культурных людей, коих долг бороться с материализмом и атеизмом, равно как и с суевением и с невежественными толкованиями христианского учения (то есть против 137 сект скакунов, прыгунов, ревунов и тому подобных мракобесов), посрамляющих христианский мир. ... Взгляните, леди и джентльмены культурной Англии, на женщину, доказавшую миру, что может сделать сила воли, неуклонное стремление к заданной цели, к ясно осознанному идеалу!.. Одна, больная, без средств и без покровителей, лишь с помощью своего первообращенного апостола — полковника Олькотта, мадам Блаватская задумала соединить в одно интеллектуальное целое всемирное братство добровольцев всех рас и всех наций, и вот она выполнила эту задачу! Она осилила равнодушие невежд, сопротивление фанатиков, вражду и клевету осмысленным и энергетическим выполнением своей гуманной миссии... — и проч., все в таком же духе...»

Хотя друзья Елены Петровны и надеялись, что здоровье ее поправится в Европе, но она все время болела и в начале августа было опять слегла.

Случилось это в Кембридже. Ее там чествовали профессора университета. После торжественного обеда был митинг. Блаватская устала страшно и на другой день слегла.

К счастью тут приехал для свидания с нею, проездом из Америки в Германию, некто г. Гебхард, преданный ей друг и убежденный теософ, как и вся семья его.

Он ужаснулся ее состоянию и, не долго думая, не жалея никаких средств, сам съездил в Лондон и убедил приехать на консилиум ведущих специалистов, профессоров.

Доктора тщательно осмотрели ее, возились два часа, ошупывали, остукивали, записывали, совещались и, решив, что во всем организме Блаватской здоров лишь один мозг, предписали, разумеется кроме лекарств, недостижимые для нее средства: отдых, полное спокойствие, приятные развлечения и прочие немислимые удовольствия, которые доктора вообще любят прописывать пациентам... Были два приемлемых совета: массаж и железистые воды. Их взялся осуществить с предоставлением всевозможного ухода и комфорта г-н Гебхард, но с условием, что она переедет к нему в Эльберфельд, где находились его фабрики шелковых и парчовых материй, и жила вся его семья.

Разумеется, Елена Петровна согласилась на переезд в этот небольшой, но дивно красивый городок, тем более, что этот доб-

рый и щедрый друг (чтоб не прерывать ее занятий) требовал, чтобы она переезжала к нему со всем штатом индусских и британских секретарей и тех друзей, в доме которых она жила в Лондоне. В то же время полковник Олькотт должен был воспользоваться этим случаем для созыва в Эльберфельде съезда немецких теософов с целью формирования и правильной организации германской ветви Теософского общества.²³ Одним словом, дом Гебхардов в Эльберфельде на многие месяцы превратился в европейский теософский центр, куда к Елене Петровне, усердно лечившейся, съезжались последователи ее учения со всех сторон, не исключая и России, представителями которой были фрейлина У. Н. Глинка, романист Вс. С. Соловьев,²⁴ Г. А. Цорн и г-жа Гермерлей из Одессы, и оттуда же наезжавшая, единственно ради племянницы своей, а отнюдь не ради теософии, Н. А. Фадеева.

Почти все гости и все домочадцы г. Гебхарда описывали и устно, и письменно множество произошедших там «феноменов».

Особого упоминания заслуживают таинственные появления писем махатм²⁵ Мории и Кут-Хуми, в которых всегда находились прямые ответы на тему разговоров, в данную минуту занимавшую присутствующих...²⁶ Перечислить все чудеса, описанные лицами, в разное время окружавшими Елену Петровну Блаватскую, невозможно. Да по нашему разумению и совершенно излишне, так как не в них суть и задача ее стремлений. Хотя она сама, и в особенности те, которых она называла своими «Учителями», и прибегали, если верить рассказам ее приверженцев, к фактическим демонстрациям «тайных сил, сокрытых в природе и в духе человека» (как определяют источники этих необычайных проявлений сами теософы). Но они прибегали к ним лишь ради того, чтобы привлечь внимание всеотвергающих материалистов; чтобы заставить их задуматься и понять, что есть силы превыше того немногого, что

---

²³ Германская ветвь существует и поныне под председательством тогда же избранного в Эльберфельде президента — известного доктора наук Гюббе Шлейдена, издателя теософского журнала «Сфинкс».

²⁴ Тут произошло, между прочим, и свидание г. Соловьева с махатмой Морией в его астральном теле, или с его «двойником», подробно описанное им во многих письмах, а также в отчетах Лондонского общества психических исследований.

²⁵ Махатма — «великая душа». Принятое название ученых раджа-йогов в Индии.

²⁶ Во любом теософском журнале желающие могут найти описание этих и многих других, невероятных для большинства простых смертных, происшествий. Перечень их, засвидетельствованный очевидцами, есть также в книге Синнета «Случаи из жизни мадам Блаватской».

ведомо человечеству, и возбудить в них желание развить духовную сторону своего бытия через «самосовершенствование».

В борьбе с материализмом — с нравственными язвами эгоизма и разврата, порожденными безверием нашего времени, — а также в посильной помощи нуждающимся и состояла главная и единственная задача трудов Е. П. Блаватской и цель всех последних лет ее жизни.

VII

Пока основатели Теософского общества находились в Европе, их недруги в Индии не дремали. По инициативе шотландского иезуита Патерсона²⁷ в Адьяре разыгрался целый заговор. Подкупленная им экономка Блаватской и ее муж, столяр, которые должны были присматривать за вещами и поддерживать порядок в комнатах до ее прибытия, — люди, которых она буквально спасла от голодной смерти, — смастерили такую канитель подложных писем и столярных сооружений, будто бы предназначенных для будущих обманов, что они послужили поводом для недоброжелателей к вечной на нее клевете.

Сколько бы потом ее сторонники ни давали опровержений, как решительно и ясно ни доказывали фальшь и нелепость этих обвинений, показывая всю безответственность действий лондонского Общества психических исследований, напечатавшего свой недобросовестный «отчет», основываясь лишь на показаниях одного человека, не позволившего даже сличить почерк сфабрикованных писем с подлинным почерком Елены Петровны, ничто не помогло снять с нее несправедливого обвинения.

Почему? Потому, вероятно, что большинство протестов, доказывающих всю несостоятельность обвинений Блаватской в такой, например, глупости, как заказывание обманных потайных сооружений в своем доме во время своего отсутствия, или такой несусветной клеветы, как подлог будто бы ею самую сфабрикованных писем раджа-йогов, писем, написанных на разных языках и присылаемых из всех уголков земного шара и получаемых где бы то ни было как в ее присутствии, так и без нее,²⁸ — почти ни-

---

²⁷ Он сам, судя по отчетам об этом деле (неоднократно освещенным в печати), не скрывал, что «ради христианских целей» не задумываясь подкупал слуг Е. П. Блаватской «для доставления пужных ему сведений».

²⁸ Последние письма махатм получены в Лондоне после смерти Блаватской — явное доказательство того, что, если кто здесь и лжет и фабрикует письма, то уж никак не она!

когда не находили места в сторонних журналах, а почти исключительно публиковались в теософских органах. Отчет же Общества психических исследований (враждебно настроенного к Теософскому обществу), переведенный на все языки, получил широкое распространение.²⁹ Когда же и где не преобладала клевета и злоба людская над правдой и справедливостью?.. Учением теософов, благотворительными делами Общества, созданного Е. П. Блаватской, ее учеными трудами и ее нравственными устремлениями интересуется избранное меньшинство, а у нас в России и вовсе почти никто. Такими же живыми сенсационными рассказами как воспоминания г. Соловьева о его знакомстве с покойной Е. П. Блаватской, кто не поинтересуется? Кто не посмеется его веселым разоблачениям? А смеясь, кто же станет допытываться до его мотивов? Разбираться, правду ли он говорит?.. Кому какое дело до того, сколько выстрадала Блаватская от таких, в сущности, несостоятельных нападков ее зложелателей. Смех, хотя бы и вызванный ложью, легче распространяется между людьми и лучше запоминается, чем скучная никому неинтересная правда.³⁰

Справедливости ради следует отметить, что в английской, американской и индийской прессе появилось множество опровержений злостной клевете мадрасского миссионерского печатного органа «Христианская коллегия» и фальшивым (может быть и непреднамеренно, а по неопытности следователя, м-ра Ходжсона, — «одураченного юнца», как его называет журнал «Журнал журналов» м-ра Стэда) донесениям, легшим в основу отчета Общества психических исследований. Тем не менее, вся эта история едва не стоила жизни Елене Петровне. Она решила немедленно возвратиться в Мадрас, хотя доктора предупреждали ее об опасности, которой она подвергалась. Она предпочла рискнуть своим здоровьем, а, возможно, и самой жизнью, лишь бы опровергнуть бесстыдный навет иезуитского журнала, который напечатал, что она «не посмеет возвратиться в Индию», потому что кроме обманов и лжи, которыми она «морочила легковверных, она, к тому же, еще и присвоила кассу самого Теософского общества...»

---

²⁹ Им теперь и воспользовался г. Соловьев для забрасывания грязью светлой памяти Елены Петровны Блаватской в журнале, прежний издатель которого, М. П. Катков, так гордился сотрудничеством с нею!

³⁰ Интересующихся действительным мнением г. Соловьева, которое он выражал в своих прежних письмах, отсылаю к моему ответу ему под заглавием: «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины».

Каково было ей, отдавшей все свое личное состояние, все свои литературные заработки на созданное ею Общество, читать такую клевету?

Разумеется, она тотчас собралась и уже в ноябре снова была в Индии.

Здесь ряд торжественных встреч убедительно опроверг навет журнала «Христианская коллегия» и отчасти вознаградил самоотвержение Елены Петровны. Учащиеся высших мадрасских учреждений преподнесли ей сочувственный и благодарственный адрес, подписанный восемьюстами студентами, большая часть которых даже не принадлежала к Теософскому обществу.³¹ Помимо ее учения, все индийцы благодарны ей за то, что своим влиянием Теософское общество смягчило классовые предрассудки, заставив англичан отбросить свою заносчивость в отношении туземцев, познакомившись ближе через индусскую и буддийскую литературу с их интеллектуальным уровнем развития. Опять-таки; с лучшими произведениями их древней литературы западную Европу познакомили талантливые сочинения и переводы Блаватской. Индийцы это хорошо осознают и вряд ли когда забудут ее имя.

Но несмотря на утешительные проявления участия и дружбы, несмотря на лестные овации и встречи, Елена Петровна, войдя в свой кабинет и увидав неожиданные сооружения негодяя-столяра Коломба (недоконченный шкаф с двойным дном и какую-то перегородку на шалнерах, которая, впрочем, не двигалась из-за отсыревшего дерева), пришла в такое негодование, так взволновалась, что в тот же вечер слегла... Три недели она боролась со смертью. Опять европейские доктора объявили ее на смертном одре, и опять она их поразила, внезапно оправившись, в то время как доктор возвестил присутствующим последнюю агонию.

И хотя непосредственная опасность миновала, но, тем не менее, по мнению врачей, она была бы приговорена к неминуемой смерти, если бы осталась в Мадрасе. Ходить она не могла совсем. Ее подняли на кресле на пароход и отправили в сопровождении знакомого доктора, плившего тоже в Италию, с двумя не то слугами, не то компаньонкой и секретарем-туземцем, обратно в Европу.

Олькотт с нею поехать не мог: с трудом были собраны средства на ее путешествие. Да кроме того, по случаю всех этих пе-

---

³¹ Этот адрес хранится в Адьярском архиве, а его копии разосланы во все ветви Теософского общества.

редряг, в среде самого Общества поднялись такие интриги и волнения, что президент его, волей-неволей, должен был оставаться на своем посту.

Совсем больная, нравственно разбитая, Елена Петровна достигла Италии в самом жалком душевном и физическом состоянии. Она поселилась возле Неаполя, в Торре-дель-Греко, желая уединиться так, чтобы никто и не знал, где она. Олькотт взял с нее слово, что она даже писать никому не будет, кроме самых ей близких... Он думал, что так скорее утихнут толки и забудется кутерьма, поднятая происками индо-незуитов.

Пребывание ее в Торре-дель-Греко явилось одним из печальнейших эпизодов ее жизни... Но, разумеется, вынужденное отчуждение от нее всех ее друзей не могло продолжаться долго: ее скоро разыскали, и посыпались на нее отовсюду уверения в преданности и приглашения. В то же время в Индии непричастные к этому делу члены Общества подняли целый бунт против Олькотта, требуя ее адрес, не признавая никакого представительства, ни авторитета помимо ее.

Узнав, что отчасти на здоровье Блаватской подействовали нелепые обвинения в том, что она «измыслила никогда не существовавших раджа-йогов», индусы засыпали ее письмами, а журналы — заявлениями об их доподлинном существовании. Из Непалатамы, страны по преимуществу пандитов (ученых), пришло послание за 70-ю подписями, перепечатанное во всех теософских журналах.³² Вот вкратце его содержание:³³

«Мы, нижеподписавшиеся, были несказанно удивлены, ознакомившись с «Отчетом лондонского Психического общества о теософии». Настоящим заявляем, что существование махатм никоим образом и никем не измышлено. Наши прапрадеды, еще задолго до мадам Блаватской, были убеждены в их психической силе, ибо знали их и общались с ними. И сейчас в Индии есть множество лиц, не имеющих никакого отношения к Теософскому обществу, но находящихся с ними [махатмами] в постоянных сношениях. Мы располагаем многими доказательствами существования и деятельности этих «высших существ». Пусть мистер Ходжсон и его «комитет» поищут правду поглубже, и тогда может быть сами найдут, что поторопились и составили ошибочное заключение. ... Он, со своим комитетом, выказал величайшее не-

---

³² Их насчитывается более 20-ти названий, но преимущественно на английском языке.

³³ «Бостонский Курьер», 18 июля, 1886.

вежество в истории Индии и индийцев, а за ними и пресловутое Общество психических исследований совершило грубейшую ошибку, не оправдав надежд, возложенных на него мистиками».

Помимо таких официальных заявлений, Елена Петровна получила множество дружеских протестов против ее затворничества и того, чтобы она придавала слишком большое значение поверхностным заключениям неопытного следователя (которого, скажем в скобках, сама же и потребовала для разбирательства в Адьяре) и готовности Общества психических исследований им верить. Она сама писала родным своим из Вюрцбурга, куда переселилась летом по настоянию многих друзей:

«Я понимаю, что Психическому обществу на руку такая передряга. Оно бьет на то, чтобы не расходиться с европейской наукой. Так как же оно могло бы честно и безбоязненно заявить, что все наши феномены — результаты не обманов, а сил, европейским ученым совершенно неизвестных и непонятных. Это было бы для них опасно: вооружило бы против психистов главные общественные силы Англии, научные корпорации и духовенство. Лучше уж нас, теософов, которые ничего не боятся и идут вразрез с рутинной своей прямой дорогой постараться затоптать!.. Ну вот я и обманщица, и шпионка! Я у них как бельмо на глазу, потому что не своя, а русская; вот и произвели в оплачиваемого агитатора. Господи! Узнаю свою вечную долю: *d'avoir la reputation sans en avoir eu le plaisir* [пользоваться дурной славой, не имея от этого никакой выгоды]. Уж хоть бы, в самом деле, родной России какую пользу принесла, а то всего только и было, что отрицательная польза: почти все редакторы лучших газет в Индии — мои друзья-приятели — прекрасно знали, что каждое их слово против России режет меня по сердцу, ну и воздерживались! Вот и вся моя услуга родине, навсегда потерянной...»

VIII

Визиты и письма многочисленных «друзей» скрашивали жизнь Е. П. Блаватской. В Вюрцбурге ее снова посетили русские знакомые и, разумеется, Всеволод Соловьев, который целых шесть недель прогостил там, и, хотя ныне он пишет («Русский Вестник», 1892 г.) совсем другое, но письма его того времени доказывают, в каком восторге он был от психических сил моей сестры.

Возвратившись в Париж, он писал ей самые дружеские письма, где сообщал о своих разговорах о ней с мадам Адам и

известным доктором Шарлем Рише; о том, что он их обоих окончательно «убедил в действительности» ее личной силы и «феноменов, исходящих от нее», и сулил ей скорый «триумф, от которого похерятся все психисты...»³⁴

Такие дружеские проявления полного доверия радовали Елену Петровну, не позволяя ей даже предполагать грядущих новых огорчений. Она, к несчастью, не умела ни любить, ни страдать вполнину. Обманываясь в людях, которым верила, она страдала глубоко, гораздо более, чем большинство их того заслуживало.

Хотя у нее было много тревог и в Вюрцбурге, и болела она в ту зиму крепко, однако, несмотря на все невзгоды, ее новое сочинение «Тайная доктрина» очень быстро подвигалось. В октябре она писала Синнету:

«Я очень занята «Тайной доктриной». То, что было в Нью-Йорке (имеются ввиду картины психографического ясновидения, или «внушения», — как она их сама называла), повторяется еще несравненно яснее и лучше!.. Я начинаю надеяться, что эта книга отомстит за нас. Такие предо мной картины, панорамы, сцены, допотопные драмы!.. Еще никогда я лучше не слышала и не видела».

Графиня Констанция Вахтмейстер, вдова министра иностранных дел в Стокгольме, поселилась в эту зиму с Еленой Петровной Блаватской и с той поры с нею почти не разлучалась, отдав всю жизнь, состояние и время пропаганде учения.³⁵

Рано потеряв любимого мужа, она тоже, было, увлеклась спиритизмом и сама была медиумом. Но углубившись в теории теософов относительно вреда и опасности медиумического состояния, она поборолла в себе это свойство и всей душой предалась теософии и оккультизму.

«Я убедилась», — писала она мне, — «что человек имеет двойственную природу, и что для некоторых избранных, умеющих развить свои силы до возможного совершенства, открываются новые широкие и светлые горизонты, недоступные другим. Они именно те, о которых так красноречиво повествует св. Па-

---

³⁴ Это письмо Вс. С. Соловьева к Е. П. Блаватской, из Парижа, от 8 октября 1885 г. и многие другие можно прочесть в моем памфлете: «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины».

³⁵ Графиня Вахтмейстер и теперь работает вместе с сыном своим, тоже посвятившим себя теософии. Граф теперь в Индии, а мать его с утра до вечера трудится. Безотлучно находясь в Сити, в Лондонской конторе Теософского общества.

вел: те, для коих не существует ни времени, ни расстояния. Бывают еще такие счастливицы, прирожденные оккультисты, которые от рождения одарены свойствами, облегчающими достижение такого высшего духовного развития. Такова Блаватская. Я в этом совершенно убедилась».

Далее следует описание «изумительных» способов и приемов Блаватской при занятиях ее. Как в прежние времена Олькотт и Джадж описывали ясновидение и феномены, сопровождавшие написание «Изиды» в Америке, точно так же описывает и графиня Вахтмейстер рождение на свет в Вюрцбурге «Тайной доктрины»...

Чуждаясь этой «сказочной», так сказать, стороны жизни и деятельности Блаватской, мы не будем передавать ее рассказов,³⁶ но не можем не выразить удивления по поводу сходства их с рассказами первых ближайших сотрудников Елены Петровны. «Феномены духа», по свидетельству графини, составляли обыденные явления их жизни в Вюрцбурге, а потом в Остенде. Они были так обычны, что она никогда не удивлялась, когда Елена Петровна заранее предупреждала ее о содержании писем, которые получались на следующий день, или заранее просила ее отвечать то-то и то-то на будущие запросы. Мы, ее близкие, всегда удивлялись, как в этой необыкновенной женщине вмещались, казалось бы, не совместимые крайности: проникновение мыслей, знание будущего и вместе с тем детская наивность, простодушие, легкое верие и незнание людей. И, Боже мой, как часто, благодаря последним свойствам своим, сестра моя доверялась недостойным людям и пила из-за этого горькую чашу!

Размеры этого биографического очерка не позволяют мне останавливаться на новой сложной интриге, именно в это время разразившейся над головой Елены Петровны. Человек лживый, честолюбивый и мстительный, чаявший добиться того, чего получить не мог, озлобившись на нее, подстроил нехорошее, изменническое, обманное дело, желая окончательно скомпрометировать ее во мнении некоторых ее последователей и рассорить с самыми близкими ей людьми. Если это ему и не удалось, то все же сильно отразилось на спокойствии Блаватской и, разумеется, на ее здоровье. По всей вероятности, ему даже удалось отнять у нее несколько лет жизни. Чем этот «преданный друг», как он сам себя постоянно называл, уверяя, что никогда не изменит своих дружеских чувств, и может ныне по праву гордиться!..

---

³⁶ «Люцифер», июнь, 1891. К. Е. Вахтмейстер «В Вюрцбурге и Остенде».

Болея телом и душою, Блаватская несколько раз в течение этих двух лет принималась отпрашиваться «в отставку», уверяя, что, устранившись от прямого участия в администрации Теософского общества, она тем самым лучше ему послужит, имея больше времени писать... Но никто ни в Англии, ни в Америке, ни в Индии и слышать не хотел об этом. Напротив, европейские члены Общества усердно призывали ее принять на себя исключительное представительство в Европе, предоставив Олькотту Индию. А из Индии летели к ней усердные призывы и мольбы не оставлять их и возвратиться в Адьяр. Последнее было немислимо, поэтому она понемногу склонялась к Англии, боясь туда сразу перебраться из-за климатических условий. Но, по ее собственным словам, ее лондонские последователи все чаще и усерднее наезжали к ней за инструкциями, используя при этом все меры воздействия на ее окончательное решение перебраться за Ламанш и издание у них нового «Теософиста».

В то время сестра моя опять летом гостила у своих верных друзей Гебхардов в Эльберфельде, где свиделась со мной и старшей моей дочерью, и с нами же окончила сезон на морских купаниях в Остенде. Туда на поклон к ней заезжало множество посетителей из Германии, Франции и Швеции, но более всего из Лондона по делам. Там уже приступали к печатанию первой части «Доктрины». Кроме того, Синнет писал свою книгу о жизни Е. П. Блаватской и несколько раз приезжал совещаться о ней. На зиму же к ней снова приехала графиня Вахтмейстер, и с той поры ни она, ни мадам Гебхард ее не оставляли, чередуясь, дежурили возле нее до самого ее переезда в Лондон, неустанно ухаживая за ней в болезнях и помогая в трудах. За помощниками по научным занятиям вообще дело теперь не стояло. Из Лондона к ней то и дело являлись люди науки, доктора и профессора, желавшие заранее познакомиться с содержанием ее новой книги, предлагая свои услуги и помощь. Были и такие, что приезжали издалека: из Стокгольма, из Швейцарии, из Америки.

Вообще одну ее теперь никогда не оставляли. И слава Богу, что было кому позаботиться и побереечь ее: к весне она опять перенесла тяжелую болезнь... Остендские доктора уже готовы были уложить ее в гроб, но врач Аштон Эллис, из Лондона, не допустил до этого.

Узнав из телеграммы графини Вахтмейстер, что Блаватской очень дурно, он, бросив все, тотчас переплыл канал и целую не-

делю неотлучно при ней находился, за что и поплатился прекрасным местом при Вестминстерской больнице. Он, не задумываясь, самовольно бросил службу, чтобы помочь женщине, которую, надо заметить, знал не лично, а только по ее творениям и делу.

В конце апреля (1887 г.) друзья перевезли Елену Петровну в Англию, окружив переезд ее всевозможными заботами, перенося ее в креслах на паром и в вагон, заранее приготовив для нее прелестную виллу в Норвуде, среди цветущей местности, вполне заменявшей дачу.

Тут закипела работа.

Тотчас же приступили к изданию нового журнала и к образованию особого отдела лондонского Теософского общества, под названием «Ложа Блаватской». В лондонском Обществе председательствовал Синнет; но теперь местные теософы находили, что главенство обязательно должно перейти к основательнице Общества, и сам Синнет ее просил об этом. Но она решительно отклонила это предложение, резонно заявив, что ей в таком случае пришлось бы бросить «Доктрину»... Она вскоре и без того завалила себя делами, работая не меньше, чем прежде в Адьяре. Своим она писала, извиняясь за короткие письма:

«Вы подумайте сколько у меня неотложного, ежедневного дела! Издавать мой журнал «Люцифер», писать статьи в парижский «Лотос», в нью-йоркский «Путь», в мадрасский «Теософист», который без моих статей (как жалуется Олькотт) потерял слишком много подписчиков; продолжать второй том «Тайной доктрины», да поправлять по пяти раз корректуры первого тома; да принимать по двадцати и тридцати человек, ежедневно являющихся за делом и без дела. Ведь тут не 24, а 124 часа в сутки не хватит... Не бойтесь: не пишу, значит здорова, сравнительно! А то сейчас напишут другие. Вон видели вы на обложке журнала «Лотос» сенсационное заявление, что он издается *«sous l'inspiration de H. P. Blavatsky»* [«вдохновляемый Е. П. Блаватской»]?.. А какое там *«inspiration»* [«вдохновение»], когда некогда в него иногда и слова написать!.. Получаете вы его?.. Я для вас обеих подписки взяла, а третью — для Каткова. Пусть хоть взглянет. Я Каткова просто обожаю за его патриотизм! Молодец. Режет правду. Такие статьи, как его, делают честь всей России. Я уверена, что, если бы родной дядя³⁷ жив был, он нашел бы в них отголосок собственных мыслей...»

«Что вы на меня напали за то, что я свой журнал Люцифером назвала?» — пишет она в другом письме. — «Это прекрасное

---

³⁷ Ростислав Андреевич Фадеев.

название! *Lux, Lucis* — свет; *ferre* — носить: «Светоносец» — чего лучше?.. Это только благодаря мильтоновскому «Потерянному раю» Люцифер стал синонимом падшего духа. Первым честным делом моего журнала будет снять поклеп недоразумения с этого имени, которым древние христиане называли Христа. «Эсфорос» греков, «Люцифер» римлян, ведь это название Утренней Звезды, провозвестницы яркого света солнечного. Разве сам Христос не сказал о себе: «Я, Иисус, звезда утренняя» (Откровение св. Иоанна, XXII, 16)?.. Пусть и журнал наш будет, как бледная, чистая звезда зари предвещать яркий рассвет правды — слияние всех толкований по букве в единый по духу свет истины!»

В ту же осень открыли теософскую типографию и отдельную контору в центре торгового Лондона, в Сити. Начали, кроме ежемесячного журнала, издавать еженедельные брошюры «T. P. S.» — их аббревиатура равно может означать «Theosophical Published Siftings» или «Theosophical Published Society» [«Издание теософских исследований» или «Издание Теософского общества»]. Такое большое дело вскоре обратило на себя внимание даже лондонской прессы и публики, привычных к активным проявлениям общественной жизни.

Обратило и английское духовенство внимание на успехи нового учения и быстрый рост Теософского общества. Но надо отдать ему должное: оно не позволило себе тех излишеств, на которые пустились индошотландские иезуиты в Мадрасе.

Хотя, по инициативе представителей епископальной церкви, в Лондоне и прошло несколько бурных митингов, однако, прекрасное, выдержанное в христианском духе письмо, опубликованное Е. П. Блаватской в «Люцифере» под заглавием «Lucifer to the Archbishop of Canterbury» [Люцифер архиепископу Кентерберийскому], прекратило всяческие препирательства. Оно доставило, по собственному заявлению примаса Англии, «если не учению теософов, то его проповеднице» полную его симпатию и уважение...

На многолюдных собраниях Теософского общества нередко присутствовало духовенство, их посещала и сама супруга епископа Кентерберийского.

Вещие видения Елены Петровны не прекращались. В начале июля 1886 года мы были удивлены письмом ее (из Остенда), в котором она просила дать ей подробности о смерти А. М. Бутлерова. Это письмо было получено в то же время, как извещение о его кончине появилось в столичных газетах. Оно было написано

ею в самый день его смерти, как известно, последовавшей в имении покойного профессора, в Казанской губернии. В июне же следующего года я, живя в Петербурге, получила от сестры следующее письмо:

«Я видела странный сон. Будто мне принесли газеты, я открываю и вижу только одну строчку: «Теперь Катков действительно умер». Уж не болен ли он? Узнай, пожалуйста, и напиши... Не дай Бог!»

М. Н. Катков тогда был в Петербурге, но о болезни его еще не говорили. Однако заговорили недели через две-три, и вскоре, все газеты наполнились его именем. Ему становилось все хуже и хуже, пока не наступила развязка: Катков действительно умер! — как увидела Блаватская в своем вещем сне.

Стоит привести здесь и письмо ее к Н. А. Фадеевой. Вот оно вкратце:

Maycot, Crown-Hill, Upper Norwood, 5 августа 1887 г.

«В большом, я милый друг, горе! Эта смерть Каткова просто в туман какой-то привела меня. Думаю, думаю и сама не разберусь. Ну, «что мне Гекуба и что я Гекубе»?.. Ну, поди же! Словно с ним хороню всю Россию... Да, смерть этого великого патриота и смелого защитника многолюбимой мною матушки-России сбила меня с колес. Обидно!.. Страшно обидно, что вот только проявится из ряда вон русский человек — Скобелев ли, Аксаков, кто другой — так и прихлопывает смерть в самую нужную минуту. Ведь не подыхает же Бисмарк, Баттенберг, болгарские регенты или Солсбери, и *tutti quanti* [все прочие], нет? А всё наши. Чем был для России Катков теперь только можно видеть и сообразить: вой радостный раздастся из всех журнальных редакций. Только две — «Pall-Mall» и «St. James Gazette» благородно отозвались: какое бы-де бремя с нас не сымала эта смерть, но «желательно было бы, чтоб в Англии нашлись такие два-три патриота, каким был Катков...» «Давайте и нам побольше Катковых, тогда Англия будет лучше преуспевать...» Писала сейчас письмо в редакцию его, надо было! Семь лет ведь работала для «Московских ведомостей» и для «Русского вестника»... Хоть, вероятно, и не поверят искренности моей печали, а я писала, что чувствую... Тот не патриот и не русский человек, кто не сознает в эти тяжелые для России дни, что эта утра для нее незаменима! Много у России «правителей» да кандидатов на них, но другого такого верного стража ее национальных интересов — нет! И долго еще, может быть, не будет. Господи!

что за несчастье преследует Россию?.. Словно темные силы опутали ее невидимой сетью... И некому теперь более разрушать эти петли могучим, правдивым словом прозорливого патриота!.. Для меня, потерявшей всякую надежду увидеть родную Русь, вся моя любовь к ней, все горячее желание видеть ее торжествующей над врагами, сосредоточивалось и как бы отсвечивалось в передовых статьях Каткова. Кто так напишет, как он писал?.. Кто же теперь, когда и он, и дядя, и Аксаков, и все, все ушли. Кто сумеет разгадать, кто посмеет рассказывать, как они разгадывали и указывали России на козни против нее?.. Пропала Россия!.. Потеряла своего лучшего защитника и путеводителя, своего вождя на поле политики. Да, правда, «закрылось навеки бдительное око патриота», как дракон оберегавшего интересы нации, и лишь теперь поймут, чем Катков был для царя и отечества. Стало быть был он опасным и попадал метко, когда все иностранные дипломаты и пресса дрожали при его имени, — как теперь дрожат от радости, что избавились. Лафа-де нам теперь будет дурачить Россию...

«Счастливые христиане православные, могущие искренно пожелать покойному: «царствие, тебе, небесное, великий патриот!» Я же могу только из глубины души пожелать ему «вечную память» в сердцах всех любящих родину русских.

«Ставит эта родина, Россия-матушка, статуи да памятники своим поэтам, музыкантам, авторам. Поставит ли Москва первопрестольная памятники тому, кто, думаю, сделал для России своим могучим словом не менее, чем Минин и Пожарский сделали мечами. Лучше бы вместо театральных эффектов погребения, с венками от Национальной Лиги республиканской Франции, доказала Россия, что не зарастет в сердцах верных сынов ее тропа к его могиле. Пусть запомнят наши дипломаты его указания, да на деле докажут, что уроки его не пропали даром, а раскрыли им глаза. Пусть не допускают, чтобы Россия была отдана на посмеяние Европы, благодаря свинопасам — регентам, да Миланам, австрийским холопам. А зарастет тропа в их памяти, то да будет им стыдно!..

«Вот, что я им написала... Может дурой назовут?.. Ну, пускай дура. Зато не лицемерно, от сердца высказалась.

«Пока жива — ваша всегда... А коли позволят там — так и после Нирваны все ж ваша. Е. Б.»

Очень обижали Е. П. Блаватскую неверные сведения, печатавшиеся о ней в России. Эти известия бывали до того курьезные, что она неоднократно даже обвинялась в убийствах и т. п. уголовных преступлениях. Отвечать на такие басни она никогда не хотела. Но ее сторонники не раз пытались возражать на «отечественную клевету» на уважаемую проповедницу. Однако безуспешно: их протесты в России к сведению не принимались, а бросались редакторами, вероятно, в печку...

Тем не менее раз или два ее близкие, возмущенные нелепостями, возводимыми на нее, должны были вмешаться, но никогда их законных протестов не принимали те органы, где были даны о ней ложные сведения.³⁸ Раз даже сама Елена Петровна написала возражение, но и его отвергла наклепавшая на нее газета... Она была очень омрачена и по этому поводу писала:

«Ну что это они все врут?.. Откуда они взяли, что я собираюсь упразднить христианство и проповедовать буддизм? Если бы читали в России что мы пишем, так и знали бы, что мы проповедуем чистую хриstopодобную теософию — познание Бога и жизненной морали, как ее понимал сам Христос. В третьем ноябрьском номере «Люцифера» за 1887 год моя статья («Эзотерический характер Евангелий»), где я так возвеличиваю проповедь Христа, как дай Бог всякому истинному христианину, не зараженному папизмом или протестантскими бреднями. Много они знают, что проповедует Блаватская!.. Объявляют: «построила капище в Лондоне и посадила в него идола Будды!..»

«Выдумали вздор! Сами они идолы, вот что! Уж если репортеры их городят пустяки, так имели бы мужество печатать возражения. Уж, кажется, я необидное нимало, самое добродушное письмо написала, а у N и его поместить добросовестности не хватило?.. Ну, Бог с вами, милые соотечественники!..»

С каждым днем лондонскому Теософскому обществу все больше прибавлялось работы, и само оно разрасталось не по дням, а по часам. Вскоре и вторая штаб-квартира, снятая на два года на Лэнсдоун Роуд, возле Кенсингтонских садов, и размещенная в гораздо большем доме, чем первая, стала мала. Задумали найти такой дом, в котором возможно было бы отвести от-

---

³⁸ Точно так и «Русский Вестник» ныне, напечатав 29 глав нападок на нее г. Соловьева, отказался поместить их опровержение, которое я должна была издать отдельно. — В. Ж.

дельную залу для собраний на 300-400 человек и, кроме того, устроить кабинет или павильон в саду с одной дверью, без окон, покрытый вместо крыши куполом голубого стекла. Он предназначался для занятий по оккультизму членов Эзотерической секции, с открытием которой у Елены Петровны прибавилось хлопот, связанных с проведением два раза в неделю устных занятий. Она лично давала уроки присутствующим «эзотеристам» и следила за их правильной передачей отсутствующим, рассылая конспекты, с чертежами и вычислениями, всем, записавшимся в ее Секцию.

В начале зимы 1889 года Блаватская стала очень редко и мало писать своим. Я укоряла ее за это, вопрошая: «чем уж так ужасно занята, что ни слова не пишешь?»

Елена Петровна ответила в характерной ей манере.

«Друг и сестра! Твой неосмотрительный вопрос поразил нас, как бомба, начиненная наивным незнанием активной жизни теософа! Я, как прочла твое Козьма-Прутковское изречение, так созвала своих и перевела им его на язык Шекспира. А как перевела, так Барт, Арчи, Райт, Мид, графиня и весь мой домашний штат в разные стороны в обмороке попадали от твоего диффамационного вопроса... Чем занята? Это я-то?!.. Да если есть на свете перезанятая жертва, так это твоя сестра горемычная. Вот пересчитай, Зоил бессердечный, мои занятия: каждый месяц пишу от 40 до 50 страниц эзотерических инструкций, — наставления в тайных науках, которые не могут печататься, а несчастные пять-шесть добровольцев-мучеников эзотеристов должны по ночам сидеть, рисовать, писать и на машине литографировать, всего только в число 320 экземпляров... Я же должна все пересматривать, что бы не ошиблись и не осрамили моих оккультических занятий. Ведь у меня учатся седые ученые, каббалисты и франкмасоны, как ты сама видела. Потом издание «Люцифера» на мне лежит: от передовой статьи более или менее забирающей за моей подписью, до корректуры. «Revue Theosophique» тоже моя графинюшка Адемар присылает, и ей помочь надо! Да и самой кушать: значит еще и хлебную статейку в чужие журналы поставить надо. Да приемы по субботам, да митинги каждый четверг, с учеными расспросами, со стенографом за спиной, да двумя-тремя репортерами по углам, тоже время-то берут?..

«К каждому четвергу ведь и приготовиться надо, потому что не с улицы люди приходят, не неучи, а такие господа, как электрик Кинхланд, как доктор Уильям Бенет, как натуралист Кар-

терблэк. Я должна быть готова защищать теорию оккультизма против прикладных наук так, чтобы по отчету стенографа прямо можно было печатать в нашем новом специальном ежемесячном журнале под заглавием «Transactions of the Blavatsky Lodge» [«Труды ложи Блаватской»].

«Спохватились мои теософы, написали, видишь ли, циркуляр по всему белому свету: «Н. Р. В.³⁹-де стара и больна. Помрет Н. Р. В., тогда — свищи! Некому будет нас уму-разуму учить, тайной премудрости. Давайте-ка сделаем складчину на расходы»... И вот — сделали. Один стенограф да издание стоят им более 40 фунтов стерлингов в месяц. А «Н. Р. В.» сиди с продранными локтями, без гроша в кармане, да отдувайся за всех — учи их! Уж конечно я сама ни гроша не приму за такое учение!.. «Серебро твое да будет тебе на погибель, ибо ты помыслил приобрести дар Божий за деньги», — говорю я тем, кто воображает купить божественную мудрость веков за фунты и шиллинги...»

«Забирательные» статьи Елены Петровны Блаватской весьма часто касались России и русских, и очень жаль, что для таковых не находилось переводчика. Более верное представление о ней имели бы ее соотечественники, если бы могли прочитать такую статью, какой разразилась она по поводу глупейших британских «митингов негодования» относительно наших «жестокостей в Сибири» и наших «притеснений евреев». Статья эта опубликована в журнале Блаватской [«Люцифер», июнь, 1890] под заглавием «Бревно и сучок». Или ту, что она написала по поводу катастрофы 17 октября... Даже последнее печатное слово Е. П. Блаватской, появившееся уже после смерти ее, в майском номере «Люцифера» за 1891 год, касалось нашей русской царской семьи. В статье, озаглавленной «Истинное Величие»; она пишет:

«Погребение г-жи Стреттер, англичанки, бывшей няни детей покойного Императора Александра II, произвело, два-три дня тому назад, большое впечатление на жителей Петербурга. Государь Александр III, герцогиня Эдинбургская и все остальные их братья, великие князья Российского Дома, следовали за гробом этой простой женщины пешком, а государыня императрица ехала в траурной карете... Вот прекрасный урок и пример сердечного внимания, который двор королевы Виктории — бездушный раб

---

³⁹ «Н. Р. В.» — латинские заглавные буквы имени Елены Петровны Блаватской, которыми ее называли все близкие в Англии, по тамошнему обычаю.

формализма и этикета — должен бы принять во внимание и призадуматься над ним глубоко».

Примечательно, что рядом с этими последними словами, вышедшими из под пера Елены Петровны Блаватской, помещено первое, поспешное извещение о ее собственной кончине...

Это траурное извещение поражает тем сильнее читателя своей неожиданностью, что в той же самой книге (и даже на той же самой странице) кончается статья, подписанная ее инициалами «Н. Р. В.» («Цивилизация, как смерть красоты в искусстве»), а другая, «Мои книги», открывает тот же номер журнала — статья, в которой она сама с такой строгостью относится к своим сочинениям, с какой никогда не разбирали их ни один критик.

XI

На втором году переселения Блаватской в Англию она познакомилась с той талантливой и преданной женщиной, которая ныне, по смерти провозвестницы теософского учения, стала главным ее оплотом и двигателем в Англии. Я говорю о миссис Анни Безант, ораторе-писательнице, которая приобрела широкую известность в Англии еще до того, как она познакомилась с Блаватской.

Вот что последняя писала о ней осенью 1889 года.

«Война у меня с материалистами и атеистами хуже, чем когда-нибудь!..»

«Восстали на меня все либеральные безбожники, все «свободомыслители» — друзья Брэдлоу — за то, что я, будто бы, совратила с пути истинного их возлюбленную Анни Безант. Правда, что я из этой правой руки атеиста Брэдлоу, материалистки убежденной и деятельной, сделала наиярейшего теософа. Она теперь тоже меня называет своей спасительницей, как и Гебхарды, как и маркиз Шифре⁴⁰ и прочие бедняги, сбитые с толку нашими недомыслимыми мыслителями... Прочтите ее *profession de foi* [символ веры]: «Почему я стала теософом», брошюру, где она объясняет, почему она сделалась убежденным теософом. Она прочла эту исповедь в зале, где собралось две тысячи человек, все больше члены Общества свободомыслия, между которыми она занимала, после лидера его Брэдлоу, самое видное место. Ее обращение как громом поразило Англию! Прочтите вырезки из газеты, которую посылаю.

---

⁴⁰ Испанец, представитель мадридской ветви Теософского общества.

«Церковники так обрадовались ее отречению от безверия, что даже позабыли свою ненависть ко мне и хвалят теософию!!! Вот так происшествие! Но что это за сердечная, благородная, чудесная женщина! И как она говорит! Слушаешь и не заслушаешься! Демосфен в юбке!.. Это такое приобретение, что я не нарадуюсь! У нас именно не доставало красноречивого оратора. Я говорить совсем не умею. А это — соловей какой-то! И как глубоко умна, как всесторонне развита! Она пренесчастливая была... Ее жизнь целый роман. Уж эта помощница не изменит ни делу, ни даже мне».

Блаватская была права: с такой сотрудницей она могла бы отдохнуть и успокоиться, если бы дни ее не были сочтены. Переход в лагерь теософов этой «заступницы пролетариев», этой проповедницы рабочих классов, обожаемой лондонскими бедняками, известной всей Англии своей педагогической деятельностью, наделал большое волнение в социалистических кругах и во всей прессе. Ист-Энд — это лондонское царство нищих, особенно его несчастные работницы, рабыни фабрикантов-кулаков, возопили, думая, что она их покидает... Но эта энергичная женщина успокоила их, объявив, что, напротив, сделавшись членом Общества, одна из главных целей которого практическая филантропия, она будет им еще лучшей помощницей и слугой.

Она сдержала слово. С ее помощью первые значительные деньги, предоставленные в распоряжение Е. П. Блаватской на благотворительность одним богатым членом ее Общества,⁴¹ 1000 фунтов стерлингов, были пущены на долгосрочное приобретение дома в Ист-Энде, где был открыт приют для женщин-работниц.

Открытие этого клуба-приюта на 300 женщин с дешевейшим, если не вполне даровым прокормлением, с даровой библиотекой, воскресными уроками, швейными и другими машинами; вдобавок с 40, почти бесплатными, кроватями для женщин в нем, преимущественно сирот, — произвело самое лучшее впечатление и дало много прозелитов Теософскому обществу.

К тому времени вышли из печати, один за другим, два тома «Тайной доктрины», лестными отзывами о которой положительно переполнялась вся английская и американская пресса, нашед-

---

⁴¹ Такие пожертвования часто давали Блаватской возможность поддерживать многие благотворительные учреждения в Индии: школы, библиотеки Теософского общества; но в Англии она ничего еще дотоле не предпринимала общественного, довольствуясь лишь помощью бедным членам их братства.

шая отголоски во всей Западной Европе. И, вслед за ними, «Ключ к теософии» и «Голос безмолвия», труды, окончательно давшие имени Е. П. Блаватской почетное место не только в теософском мире, но и в науке, и во всемирной литературе.

Но вслед затем доктора объявили сильно занемогшей Елене Петровне, что она не переживет весны, если не даст себе продолжительного полного отдыха; что доработалась она до крайне опасного истощения мозга и перенапряжения нервной системы.

В феврале 1890 года ее едва живую отправили в Брайтон, на морской берег, где целый день катали в ручной коляске, не позволяя ни на минуту ничем заниматься, даже читать или писать письма.

Два месяца отдыха немного восстановили ее силы, но, к сожалению, не надолго, потому что не далее как в мае она снова принялась за многочисленные свои занятия.

К этому времени ближайшими сотрудниками Блаватской (графиней Вахтмейстер, Анни Безант, братьями Китлей и пр.), жившими с нею постоянно под одним кровом, было подыскано новое помещение для их общежития — «штаб-квартиры Теософского общества», как гласит надпись над главным входом. Три дома, соединенные садом, на цветущей улице Авеню Роуд в парке Регента. К главному большому дому была пристроена одноэтажная зала для собраний;⁴² там же было прекрасное помещение для Е. П. Блаватской на нижнем этаже; а на верхнем — комнаты для проживающих с нею пяти или шести дам и трех-четырех ее личных секретарей.

Такого роскошного помещения еще не было у нее в Лондоне. Но, входя в него, Елена Петровна сказала:

— Не проживу я долго в этом доме: нет на нем моего числа — цифры 7. Отсюда меня вывезут — на сожжение!⁴³

Так оно и случилось. Хотя ее убеждали, что в их помещении, на другом доме, есть № 17, и что 19 (номер ее главного дома) тоже счастливое число, но она качала головой и возражала, улыбаясь:

— Я ведь и не считаю смерть несчастьем! Страдая, как я, можно ли считать освобождение от тела — несчастьем? Окунуться в бестелесный покой, в блаженную нирвану, что может

---

⁴² Рассчитанная на 300 человек, но теперь ее перестраивают за невозможностью вместить всех желающих бывать на лекциях.

⁴³ Елена Петровна Блаватская завещала, чтобы тело ее было кремировано.

быть желанней?.. Лишь бы закончить дело, дописать третью и четвертую книгу «Доктрины»! Тогда можно и отдохнуть...⁴⁴

В июле 1890 года Елена Петровна переехала на Авеню Роуд, а в мае следующего года ее не стало.

В ту весну, после страшно суровой для Англии зимы 1891 года, в Лондоне начались повальные эпидемии. В особенности свирепствовала инфлуэнца, которой переболели решительно все в теософской штаб-квартире. Заболела и Блаватская, что не мешало ей все время заботиться о других больных и интересоваться всеми. Одиннадцатого апреля, в четверг, день их собрания, она в последний раз была в зале заседаний, но в ту же ночь слегла. Однако утром порывалась «работать». У нее, как всегда, были неотложные письменные дела, но не могла уже встать: у нее оказалось 40 градусов жару.

Через неделю, однако, она поправилась и снова села за свой письменный стол. Ей надо было отвечать на приветственные телеграммы из Америки...

Первые успехи Е. П. Блаватской начались в Соединенных Штатах. Они же доставили ей и последние удовольствия и лавры в этой жизни. Из Бостона два дня кряду посылали ей телеграммы со съезда американской секции Теософского общества, куда она отправила делегатами от лондонского Общества миссис Безант и д-ра Арчибальда Китлей. Она послала с ними письмо «к своим первообращенным братьям по теософии и согражданам»; как бы завет, как действовать им в будущем на преуспевание их дела, и вместе с тем дружеское послание, которым, словно зная близкое грядущее, она прощалась с ними... Три раза было перечитано там это последнее ее письмо. И каждый раз чтение его побуждало слушавших передавать по телеграфу «основательнице и главной представительнице их Общества» чувства благодарности и сочувствия, и самые горячие пожелания здоровья. Последние письма с Бостонской конференции были получены, когда Е. П. Блаватская уже лежала в гробу, но телеграммы были прочитаны ею и доставили ей радостную минуту... Это действительно были не официальные сообщения, а глубоко прочувствованные приветия людей, искренно преданных, сочувствующих ее недугам и благодарных ей за труды ее.

---

⁴⁴ Третья часть этого сочинения написана и скоро выйдет из печати; четвертой же уж никогда не появиться. Хорошо, что сочинение это в каждой части своей представляет отдельное, вполне самостоятельное целое.

В первых числах мая Блаватская снова сильно заболела, вероятно простудившись. У нее сделалась ангина и бронхит, и всякие осложнения в груди, в горле. Однако, она мужественно боролась с одолевавшими ее недугами и все порывалась, до последней минуты, к своему письменному столу. Она даже скончалась подле него, «на своем посту», — как говорят ее приверженцы, — не в постели, а в своем кресле. Знаменательно, что в то самое утро, 8 мая, доктор всех обнадежил, найдя, что она вне опасности.

Она оделась и хотела приступить к занятиям, но вдруг закрыла глаза, и во втором часу дня ее не стало.

«Она ушла так тихо и мирно», — напишет о ней очевидец, — «что мы, стоявшие возле нее, даже не заметили, когда она в последний раз вздохнула... Великое чувство мира снизошло на нее и на нас, когда мы опустились на колени, поняв, что все кончено...»

В блестящий майский день гроб, где покоилось тело основательницы Теософского общества, весь покрытый цветами, увезли на станцию Ватерлоо, а оттуда в Уокинг, где находится лондонский крематорий. Не было никаких торжественных шествий, по неперемому ее желанию никто даже не надел траура. Только у дверей пекла, которое должно было превратить в прах ее тело, было произнесено несколько слов благодарности и последнего привета «творцу и вдохновительнице теософского движения, учившей своих последователей жить честно, чисто и деятельно, — на пользу другим и в преуспеяние своего вечного бессмертного духа!..» Так сказано было в речи над ее телом.

Праха ее разделен на три части, которые хранятся в урнах в Нью-Йорке, Адьере и Лондоне — в собственных апартаментах Блаватской, сохраняемых в память ее нетронутыми и необитаемыми.

Невозможно перечислить всех демонстраций, речей и статей, появившихся в возвеличение и похвалу покойной сестры моей.⁴⁵ Всюду собираются пожертвования для стипендий в школах, для библиотек, для литературного фонда имени Блаватской: «Н. P. B.'s. Memorial Fund» достиг в Индии, Америке и Англии очень значительных цифр. Но всего замечательней были по ней поминки и богослужения на Цейлоне. Там открыты три стипен-

---

⁴⁵ Разумеется нашлось много и насмешников, и хулителей, но утешительно, что хвалы ее уму и деятельности опираются на сочинения ее и факты, тогда как брань ее врагов — бездоказательна.

Имя Блаватской, русской женщины, возбудившей такое мировое движение, не сотрется со скрижалей истории, а должно получить заметное место в числе деятелей конца XIX века.

дни ее имени в женских училищах, но кроме того одето несколько странствующих монахов и накормлено около 3000 нищих. Везде в Индии, Америке и Англии, во всех теософских центрах, решено поминать каждую годовщину ее смерти — благотворениями, чтением ее сочинений на торжественных митингах и милостыней. День этот назван «Днем Белого Лотоса».

По нашему мнению, одно из лучших надгробных слов Е. П. Блаватской сказано в дельной статье публициста Стэда, в его «Журнале журналов», за июнь 1891 г., где на первой странице помещены четыре ее портрета.

«Не говорите мне о ее феноменах!» — между прочим восклицает он. — «Каково их значение, когда эта великая женщина, в наш век безверия, свершила феномен духовный, феномен небывалый, заставив многих самых образованных людей нашего поколения уверовать, что невидимый нам мир населен мыслящими существами, несравненно превосходящими нас разумом и истинными познаниями... Блаватская свершила это чудо! ... Населив вновь мир духа, обобранного современной наукой до бессмысленной пустоты, эта русская женщина, эта «шпионка», — по мнению англо-индийского правительства, — привлекла к сотрудничеству образованнейших лидеров общественного мнения и, уже в преклонных годах, удрученная страданиями, сумела обратить в прозелита такую незаурядную личность, как Анни Безант, годами ратовавшую за атеизм, а ныне прославляющую власть «махатм», покровителей теософского движения!»

Е. П. Блаватская в 1877-78 г.
Фото Сарони, Нью-Йорк.

ПИСЬМА ИЗ ПЕЩЕР И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

I

Поздно вечером 16 февраля 1879 года, после тяжелого тридцатидвухдневного плавания из Ливерпуля, раздались с пассажирской палубы радостные восклицания: «Маяк, Бомбейский маяк!..» И вот все, кто ни был чем занят, побросали карты, книги, музыку и кинулись наверх. Луна еще не всходила и, невзирая на звездное тропическое небо, на верхней палубе было совершенно темно. Звезды блистали так ярко, что трудно было сразу разглядеть между ними земной огонек: точно громадные глазища навывкате, моргали они на вас с черного неба, на склоне которого тихо сиял Южный Крест... Но вот, наконец, еще ниже на далеком горизонте заблестал и маяк, ныряя огненной точкой в волнах словно из растопленного фосфора. Горячо приветствовали измученные путешественники давно желанное явление. Все развеселились...

Недолго пришлось нам, однако, любоваться маяком; раздался звонок, и в главной каюте потушили огни. Было десять часов вечера, и в приятных мечтах о будущем дне все разошлись по каютам. Зато в эту ночь никто не ложился спать. Все суетливо укладывались, приготавливаясь на другое утро как можно ранее распротиться с нашею дырявою, заливаемой водой кадущкой, величаемой «океанским стимером» * Ливерпульского общества, и с ее вечно пьяным, грубым капитаном, который, между прочим, чуть было не утопил нас, а по воскресным дням запрещал пассажирам не только что играть в карты или шашки, но даже заниматься музыкой.

К четырем часам утра все пассажиры были уже на палубе, даже дамы. Такое раннее появление прекрасного пола не входило в расчет группы англо-индийских офицеров и очень было их переконфузило. Одна партия храбрых воинов, при помощи магросов, весело обливалась водой под палубную помпой, в то время как товарищи их, ожидая очереди, расхаживали кругом в национальных костюмах индусов, т. е. безо всякого костюма. Но скромные леди тоже *возвращались*, а не ехали в Индию. Видимо, успев уже по привычке к подобной пласти-

---

* Пароход (англ.). — Прим. ред.

ческой обстановке, они остались совершенно хладнокровными, тем более, что теперь вся разница заключалась в одном колорите. К тому же едва светало...

Но что это был за рассвет!.. Пароход уж больше не качало... Под искусным управлением только что прибывшего туземного лоцмана в костюме Геркулеса, бронзовый силуэт которого резко выделялся на бледном небе, наш стимер, тяжело пыхтя испорченной машиной, тихо скользил по спокойным прозрачным водам Индийского океана прямо по направлению к гавани. Приближались к заливу, и до Бомбея оставалось всего несколько миль; и тому, кто, подобно нам, за четыре недели до того дрожал от пронзительного холода и снежной бури, застигшей нас у входа во много воспеваемый поэтами, но еще более проклинаемый моряками Бискайский залив, окружавшая нас обстановка казалась просто волшебным сном!.. После тропических ночей на Красном море и невероятно знойных дней, промучивших всех от самого Адена, на нас, северян, веяло чем-то непривычным, тяжело обаятельным в этой чудно-мягкой предрассветной свежести воздуха. Ни одного облачка не виднелось на густо усеянном потухшими звездами небе... Догорающий свет луны, серебряною пеленой застилавший небеса, стал мало-помалу исчезать; и по мере того как прямо перед нами, на востоке, над далеким островом постепенно загоралось первое зарево рассвета, последнее лунное сияние все более и более сосредоточивалось на западе, обрызгивая золотыми искрами прорезаемую кильватером и далеко оставляемую за нами темную водную полосу: словно с вами, людьми из Америки,* прощалось сияние запада и свет востока приветствовал пришельцев из далеких стран. Все сильнее голубело небо, быстро поглощая одну за другою последние еле мерцавшие звезды; и чудилось нечто трогательное в кротком достоинстве, с каким царица ночи передавала свои верховные права могучему узурпатору. Наконец, она стала тихо погружаться в волны и — исчезла... И вдруг, почти без малейшего перехода от тьмы к свету, багрово-огненный шар вынырнул с противоположной стороны из-за мыса, уперся на несколько мгновений золотым подбородком в нижний ярус скал острова и, как бы оглядывая нас, на минуту приостановился... Затем

---

* В это время Блаватская уже была гражданкою Соединенных Штатов Северной Америки. — *Прим. ред.*

одним могучим взмахом очутилось дневное светило высоко над морем, и победоносно поплыло вверх по тропе своей, мгновенно рассеяв мрак и разом захватывая в пламенные объятия и посиневшие воды залива, и прибрежные дачи, и острова с их скалами и лесами кокосовых пальм... Не забыли золотые лучи поласкать и толпу благочестивых поклонников своих, парсов-гебров, простиравших руки с берега моря к могучему «Оку Ормузда». Картина была до того великолепна, что на минуту все примолкло на палубе; даже красноносый старый матрос, суетившийся возле нас с канатом, приостановил работу и, крикнув, одобрительно кивнул солнцу головой.

Пробираясь тихо и осторожно вдоль столь же прелестного, как и коварного залива, мы имели еще довольно времени любоваться его окрестностями. Направо от нас виднелась группа островов, во главе которой высится головообразный Гхарипури, или Элефанта, со своим глубокой древности храмом. *Гхарипури* в переводе означает «город пещер» — по мнению ориенталистов, «город очищения» — коли верить туземным санскритологам. Этот высеченный неизвестною рукой в самой сердцевине скалы храм из камня, похожего на порфир, давно уже служит яблоком раздора для археологов, из коих ни один не был доселе в состоянии определить даже приблизительно его древность. Высоко вздымается скалистое чело Элефанты; густо обросло оно вековым кактусом, а под челом, у самого подножия скалы, высечены два придела и главный храм... Словно сказочный Змей Горыныч, широко разинул он черную зияющую пасть, как бы готовясь поглотить дерзновенного, пришедшего выведать сокровенную тайну титана; и скалит он на пришельца два уцелевшие, потемневшие от времени длинные зуба, — две громадные колонны, поддерживающие при входе небо чудовища...

Сколько поколений индусов, сколько рас простиралось во прахе пред *Тримурти*, тройным божеством твоим, о Элефанта!.. Сколько веков понадобилось слабому человечеству, дабы прорыть в порфирном чреве твоём весь этот город пещерных храмов и мраморных пагод и изваять твои гигантские идола? Кто может это знать теперь! Много лет прошло с тех пор, как виделись мы с тобою в последний раз, древний и таинственный храм! А все те же беспокойные мысли, те же неотвязные вопросы волнуют меня теперь, как и тогда, и остаются все же безответными... Через несколько дней опять увидимся мы с

тобой; снова взгляну я на твое суровое изображение, на твой гранитный тройной лик в 19 футов вышины, чувствуя столь же мало надежды когда-либо проникнуть тайну бытия твоего!.. Эта тайна попала в верные руки еще за три века до нашего столетия. Недаром старый португальский летописец дон Диего де Кута похвывается (8 декада, книга III, глава XI) тем, что «большой квадратный камень, вделанный над аркой пагоды с четкою и крупною на нем надписью, был выломан и послан королю дом Жуану III, а затем *таинственно* исчез... и добавляет далее: «Возле этой большой пагоды стояла другая... и даже третья... самое изумительное строение на острове как по красоте, так и по неимоверно громадным размерам своим и богатству материала. И на эти-то постройки сатаны наши (португальские) солдаты накинулись с такою яростью, что в несколько лет не осталось от них камня на камне».

А главное, не осталось надписей, кои могли бы дать ключ ко многому. Вследствие этого фанатизма португальских вандалов, хронология пещерных храмов Индии должна остаться для археологического мира навеки загадкой, начиная от браминов, которые уверяют туристов, будто элевантскому храму 374 000 лет, и кончая Фергюсоном, доказывающим, что этот храм был высечен чуть ли не в XII веке по Р. Х.¹ Куда ни взгляни в историю, всюду одни гипотезы, мрак. И, однако же, о Гхарипури упоминается в эпической поэме *Махабхарата*, написанной, по мнению Колебрука и Уилсона, задолго до царствования Кира. В другой древней легенде говорится, будто храм Тримурти на Элеванте построен еще сыновьями *Панду*, изгнанными по окончании войны, воспетой в *Махабхарате* — между династиями Солнца и Луны — восторжествовавшей расой Солнца: раджпуты (потомки последнего) воспевают еще до сей поры победу свою над врагами. Но и в их народных песнях нет ничего положительного. Прошли и еще пройдут столетия, а вековая тайна так и умрет в скалистой груди пещеры...

Налево, как раз против Элеванты, через залив и как бы в контраст всей этой древности и величию, растянулся Малабарский холм, жилище современных европейцев и богачей туземцев. Их ярко расписанные *бэнглоу* (бунгалю) утопают в зелени индийской смоквы, баньяновых и других деревьев; а пря-

---

¹ *Rock-cut Temples of India.*

мые высокие стволы кокосовых пальм покрывают бахромой верхушек своих весь гребень холмистого мыса.

Остров Бомбей, называемый туземцами «Мамбе», получил свое название от богини *Мамба* — на маратском языке *Махима*, или «амба», «мама» и «амма», смотря по диалекту — слово, означающее буквально: «Великая Матерь». Едва сто лет назад, там, где теперь городская эспланада, стоял храм, посвященный «Мамбе Дэви». С невероятными затруднениями и издержками перенесли его ближе к берегу, близ крепости, и поставили против храма Болешвара, *Владыки Невинных*, — одно из названий бога *Сивы* или, вернее, *Шивы*. Бомбей составляет часть значительной группы островов. Между ним и материком немного узкий при входе рукав реки постоянно расширяется; затем, снова суживаясь, далеко впивается между вогнутыми боками обоих берегов, составляя таким образом бесподобнейшую в мире гавань. Недаром изгнанные англичанами португальцы прозвали ее «*Buon Bahia*», т. е. хорошим заливом.

В припадке туристского восторга некоторые путешественники сравнивали бомбейский порт с неаполитанским. Но оба, в сущности, столь же похожи друг на друга, как *лаzzарони* похож на *кули*; все сходство между последними в цвете кожи, а между портами — в воде. В Бомбее, как и в его гавани, все оригинально и самобытно, ничто не напоминает даже южной Европы. Взгляните на эти каботажные суда и рыбацьи лодки: оба построены наподобие птицы, и обоим служила моделью морская птица *сам*, нечто вроде рыболова. Такая лодка, особенно на ходу, олицетворение грации; в движении она словно плывет задом, а странной формы косоугольный (латинский) парус прикреплен к высокому шесту острою вершиной вверх, словно два крыла. С широко раздутыми на обе стороны крыльями, такое туземное судно, при попутном ветре и пригнувшись носом почти в уровень с водой, летит с изумительною быстротой.

Окрестности залива перенесли в то утро наше воображение в одну из волшебных стран «Арабских сказок». * Далеко тянулась вдоль восточной стороны города горная цепь Гхат, с перемежающимися ее почти столь же высокими холмами. От

---

* Так в английском переводе называются сказки «Тысяча и одной ночи». — *Прим. ред.*

подножия до скалистых, фантастически торчащих вершушек своих, эти холмы обросли дремучим лесом и непроходимыми *джунглями*, где живут хищные звери, а народное воображение одарило каждую скалу своей особенной легендой. Весь скат усеян пагодами, минаретами и храмами всевозможных сект. Там и сям, горячо обливаемая утренним солнцем, торчала древняя крепость, когда-то грозная и неприступная, теперь же полуразрушенная и обросшая непроницаемым кактусом. Что ни шаг, то чья-либо святыня. Здесь — далеко уходящая внутрь горы «вихара», колья буддийского *бикшу*; там скала, осененная символом бога *Шивы*; далее — капище джайнов; заросший тиной священный *танк* — пруд, наполненный благословенною брамином и поэтому очищающею ото всякого греха водой — неперемнная принадлежность каждой пагоды. Все окрестности, вся страна усеяна символами богов и богинь; каждое из 33 миллионов божеств индийского Пантеона имеет в чем-нибудь своего представителя или что-нибудь посвященное себе: кусок камня, цветок, дерево, птицу. Вот на западной стороне Малабарского холма выглядывает «Валукешвара», храм *Владыки из песка*.

Толпы индусов обоего пола, блистая на солнце золотыми кольцами на пальцах ног и рук, браслетами от кисти рук до локтей и от щиколотки до икр ног, со свежеразрисованными красною, желтою и белою красками священными сектантскими знаками на лбах, в ярких тюрбанах и белоснежных одеяниях, тянутся длинною вереницей к знаменитому храму.

Индия — страна легенд и таинственных уголков. Нет в ней развалины, нет памятника или леска, чтобы не было у него своей истории. А главное, как обыкновенно ни опутана последняя паутиной народной фантазии, все гуще свиваемой с каждым последующим поколением, но трудно, однако, указать хоть на одну такую, которая не была бы основана на каком-нибудь историческом факте. С терпением, а главное с помощью ученых браминов, раз войдя в их доверие и дружбу, всегда возможно докопаться до истины. Но уж, конечно, не англичанам, с их высокомерием и явно выказываемым презрением к «побежденной расе», ожидать чего-либо подобного. Поэтому-то между *официально* расследованной Индией и (если дозволено так выразиться) *подземной*, настоящей Индией такая же разница, как между Россией в романах Дюма-рèге и настоящей *русской* Россией.

Еще далее по той же дороге стоит парсийский храм огнепоклонников. У алтаря его горит неугасаемый огонь, ежедневно пожирающий пуды сандалового дерева и ароматических трав. Зажженный триста лет тому назад священный огонь еще ни разу не потухал, невзирая на беспорядки, сектантские распри, ни даже на войну. Парси́ицы весьма гордятся этим храмом *Заратушты*, как они называют Зороастра. Рядом с этим — храмы индусов, разукрашенные как красная писанка. То капища, чаще всего посвященные Хануману, богу-обезьяне и верному союзнику бога Рамы, или же какому другому божеству, как, например, слоноголовому Ганеше (бог тайной мудрости), или одной из *дэви*. Подобные храмы встречаются на всех улицах. Пред каждым ряд столетних пипал (*Ficus religiosa*), без которых не обойдется ни один храм, так как эти деревья служат любимым жилищем для стихийных духов и грешных душ. Все это перемешано, спутано и разбросано, являясь пред глазами внезапно, как картина во сне... Тридцать столетий оставили своих представителей на этих островах. Природная лень и сильно присущее Индии чувство консерватизма сохранили еще до европейского вторжения эти памятники буддистов и других неприязненных браминам сект даже от разрушительного мщения фанатиков. По природе индус неспособен на бессмысленный вандализм, и френолог напрасно отыскивал бы на его черепе шишку разрушения. Если столько древностей и незаменимых памятников старины, пощаженных рукой времени, теперь искажены, разрушены и даже совсем попорчены, то разрушителями их постоянно являлись если не мусульмане, то португальцы, под руководством иезуитов.

Красота Бомбейского залива далеко, однако, не искупает, со стратегической точки зрения, слабостей его порта. Эта слабость, которую, впрочем, никто кроме специалиста никогда бы и не заметил, странно указывается самими же англичанами. И с чужестранцами толкуют они о ней, и рассуждают об этом в газетах, и даже горько жалуются на нее в своих «гидах».

А между тем, описывая так подробно свои слабейшие пункты, англо-индийцы видят в каждом невинном туристе из других государств — шпиона. Проехала здесь, года два назад, русская артистка, пианистка m-lle Olga Duboin, и пожелала прокатиться по Индии; двадцать сыщиков тайной полиции, как тени, следили за ней по пятам. Явился немец-живописец, уроженец Петербурга, но еле говорящий по-русски (г. Орас

фан-Руит), изучать типы Индостана; шпионы переодеваются и являются к нему, предлагая себя в модели. Приехала партия, состоящая из американского полковника, чистейшего янки, двух англичан из Лондона — ярых патриотов, но либералов, и американской гражданки, хотя и *русской* по рождению, и вот национальность последней подымает на ноги всю полицию! Напрасно было бы доказывать, что эти туристы единственно заняты метафизическими спекуляциями о мирах неведомых, и что они не только не интересуются политикой земного мира, но что их русская спутница даже и «за в ней не смыслит». «Коварство России давно вошло в поговорку», отвечают ей.

Е. П. Блаватская
(в то время, когда она писала
«Из пещер и дебрей Индостана»)

Эта национальная черта англичан кричать «караул, режут», тогда их никто и не думает трогать, — отвратительна. Она в них особенно развилась со времен Биконсфильдского

ко отняли всякое оружие, но даже лишили последнего топора и ножа. Крестьянину нечем ни дров нарубить, ни защититься от тигра. Но англичане все еще дрожат. Правда, что их здесь всего 60 000, в то время как туземного населения насчитывают до 245 миллионов. Да и система их, перенятая ими от искусных укротителей зверей, хороша лишь, доколе зверь не почувет, что его укротитель, в свою очередь, трусит... Тогда горе ему! Во всяком случае подобное постоянное выказывание хронического страха обнаруживает лишь сознание собственной слабости.

Наконец мы бросили якорь, и в одну минуту сотни тощих, голых индусов, могулей, парсийцев и других народов атаковали как наш багаж, так и нас самих. Вся эта ватага мгновенно выскочила как бы со дна морского; защебетала, зачирикала, залопотала и стала голосить, как умеют голосить одни азиатские народы. Чтобы скорее избавиться от подобного Вавилонского столпотворения, грозившего оглушить нас навеки, мы бросились в первый попавшийся бундер-бот и отчалили.

Едва успели мы войти в густой, заросший сад нашего будущего жилища, как с каждого дерева послетала с пронзительным карканьем стая ворон: птицы эти окружили нас, прыгая на одной ноге. Чудилось нечто положительно *человеческое* в позе хитро склоненной на бок головы *пьяной* птицы, и чисто дьявольское выражение светилось в лукавом глазе, оглядывающем нас снизу вверх...

II

Мы занимали три маленькие *бэнглоу*, утопающие как гнезда в зелени сада, с крышами, буквально покрытыми розами, растущими на трехсаженных кустах, и с окнами, затянутыми кисеей, вместо обычных рам и стекол. Эти бунгало находились в туземном квартале. Таким образом мы были разом перенесены в настоящую Индию: мы жили в Индии, и отнюдь не как англичане, лишь издали *окруженные* Индией; мы могли изучать ее нравы, обычаи, религию, суеверия и обряды, знакомиться с ее преданиями, словом, жить в одном кругу с индусами, в кругу заколдованном и недоступном англичанам, как вследствие вековых предрассудков туземцев, так и по собственному высокомерию англо-саксонской расы.

Все в Индии, в стране слона и ядовитой кобры, тигра и неудачного английского миссионера, все своеобразно, странно; все кидается в глаза чем-то непривычным и неожиданным даже для того, кто побывал в Турции, Египте, Дамаске и Палестине. В этих тропических странах условия природы до того разнообразны, что делается понятным, почему все формы бытия в животном и растительном царствах должны различаться от тех же форм, к которым мы так привыкли в Европе. Взгляните: вот идут женщины к колодцу через частный, но всем открытый сад, где пасутся чьи-то коровы. Кому не случалось встречать женщин, видеть коров и любоваться садом? Кажется, вещи самые обычные; но стоит лишь взглянуть в них внимательнее, чтобы тотчас же сообразить всю громадную разницу между этими самыми предметами в Европе и Индии. Нигде человек не чувствует так своего ничтожества, своей слабости, как пред этою величественною природою тропиков. Прямые, как стрелы, стволы кокосовых пальм достигают иногда 200 футов вышины; эти «принцы растительного царства», как назвал их Линдлей, увенчанные короной длинных ветвей — кормильцы и благодетели бедного народа: пальмы доставляют ему и пищу, и одежду, и кров. Самые высокие наши деревья показались бы карликами пред баньяном и особенно пред кокосовыми и другими пальмами. Наша европейская корова, приняв индусскую свою сестру сперва за теленка, тотчас же отказалась бы от родства с нею, так как ни мышинный цвет шерсти, ни прямые, как у козла, рога, ни большой на спине ее горб (как у американского бизона, но без его гривы) не позволил бы ей впасть в подобную ошибку. Что же касается женщин, то хотя каждая из них способна привести любого художника в восторг своими движениями, костюмом, грацией, тем не менее от нашей румяной и дебелой какой-нибудь Анны Ивановны ни одна из красавиц Индостана не дождалась бы ни ласки, ни привета: «Ведь экая срамота, прости Господи, глядишь: баба-то совсем голая!» Мнение нашей русской женщины 1879 года вполне согласовалось бы на этот счет с таковым же мнением знаменитого русского странника XV столетия, «грешного раба Божия Афанасия, сына Никитина, из Твери». Совершив «грешное странствовало» свое по трем морям: морю Дербентскому, сиречь «Дорьи Хвалиской», морю Индии,

«Дорьи Иондустанской», морю Черному или «Дорьи Стамбульской» (Стамбул), — Афанасий Никитин прибыл в Чаул¹ (или, как он называет его, *Чевиль*) в 1470 году и описывает Индию в следующих словах: «Сия есть земля Индейская. Люди в ней ходят голые, с непокрытыми головами и голыми грудями; с волосами заплетенными в одну косу. Жены здесь рожают детей каждый год и ребят у них много; мужи и жены черные. Их князь носит одну фату на голове, а другую обматывает промеж ног; бояре носят ее на плечах (т. е. брамины, носящие шарф через плечо), а княгини — на плечах и вокруг поясницы; но все босые. Жены прохаживаются простоволосые и с голыми грудями. Мальчики и девочки ходят до семи лет совершенно наги и стыда своего не скрывая...»² Все это описание совершенно верно; только относительно их *бескостюмья* Афанасий Никитин не совсем-то прав: описание его может относиться лишь к низшим и беднейшим кастам. Эти действительно прохаживаются в одной «фате»; да и *фата*-то эта до того бедна, что часто представляет собою лишь тесемку. Но у женщин она состоит из куска материи иногда до 15 аршин длины; один конец служит короткими шароварами, а другим прикрывается грудь и голова на улице, хотя лица всегда открыты; прическа же напоминает греческий шиньон. Ноги ниже колен, руки до плеч и поясница всегда голые. Да и ни одна здесь честная женщина не согласится надеть башмаки: последние составляют принадлежность и отличительную черту только «нечестных» туземок. В южной Индии, напротив, башмаки дозволены лишь женам и дочерям браминов. Когда не так еще давно жена мадрасского губернатора вздумала, под влиянием миссионеров, хлопотать в пользу закона, обязывающего женщин покрывать грудь, то дело дошло почти до революции: ни одна женщина на это не согласилась, так как верхнее платье здесь носят лишь публичные танцовщицы. Проект, к великому горю миссионеров и благородных леди, провалился; правительство скоро поняло все неблагоприятное восстанов-

---

¹ В 30 милях от Бомбея. Чаул был при португальцах цветущим и богатым городом.

² За неимением в руках подлинника, с английского перевода графа Виельгорского, в «*India in the XV century*», by R. F. Major, London, 1869, part. III, p. 8 & 9.

лять против себя женщин (которые в иных случаях гораздо опаснее своих мужей и братьев) покушением уничтожить обычай, предписанный законом Ману и освященный трехтысячелетнею давностью.

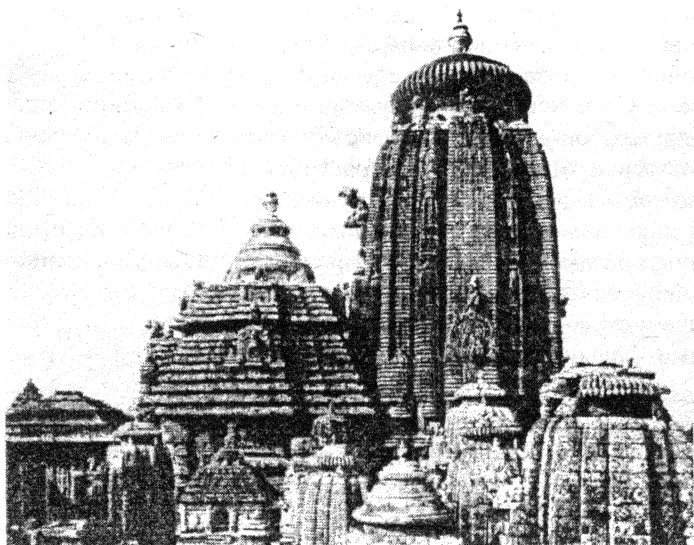
В течение более двух лет до нашего выезда из Америки мы находились в постоянной переписке с одним ученым, известным даже в Европе, брамином, слава которого гремит в настоящее время по всей Индии. Этот брамин, под руководством которого мы приехали изучать древнюю страну ариев, «Веды» и трудный язык ее, пандит Дайананд Сарасвати, свами.¹ Он считается величайшим санскритологом современной Индии. Пандит этот составляет для всех непроницаемую загадку: выступив лет пять тому назад на арену реформаторства, он, как древние «гимнософисты» (упоминаемые греческими и римскими писателями), жил до того времени отшельником в «джунглях», а затем, под руководством мистиков и анахоретов,² изучал главные философские системы *Арьяварты* и тайный смысл «Вед». С первых дней своего появления он поразили всех, и его тотчас прозвали Лютером Индии. Странствуя из одного города в другой, сегодня на юге, завтра на севере, переносясь с невероятною быстротой с одного конца страны на другой, он исходил весь полуостров от мыса Кумари до Гималаев и от Калькутты до Бомбея, проповедуя *едиство божества* и доказывая с «Ведами» в руках, что в этих древних писаниях нет ни одного слова, могущего быть перетолкованным в смысле политеизма. Гремя против идолопоклонства, великий оратор восстает всеми силами против каст, раннего брака и суеверия. Карая все это зло, привитое к Индии столетиями фальшивой казуистики и лжетолкованием «Вед», он

---

¹ *Свами* (Swami) называются здесь ученые анахореты, посвященные в таинства своей религии, недоступные остальным смертным; это безбрачные монахи, отличные от «нищенствующей» братии, от так называемых *саньиси* и *госсейнов*.

² Между индусами укоренилось древнее поверье, что на Бхадринатских высотах (22 000 футов над уровнем моря) существуют пространные подземные жилища, обитаемые этими анахоретами уже несколько тысяч лет. *Бхадринат* (в северном Индостане на правом берегу реки Бишегунги) знаменит своим храмом Вишну, построенным в самом центре города; внутри храма быют несколько горячих минеральных источников. Около 50 000 пилигримов ежегодно посещают это место: воды источника очищают их от грехов.

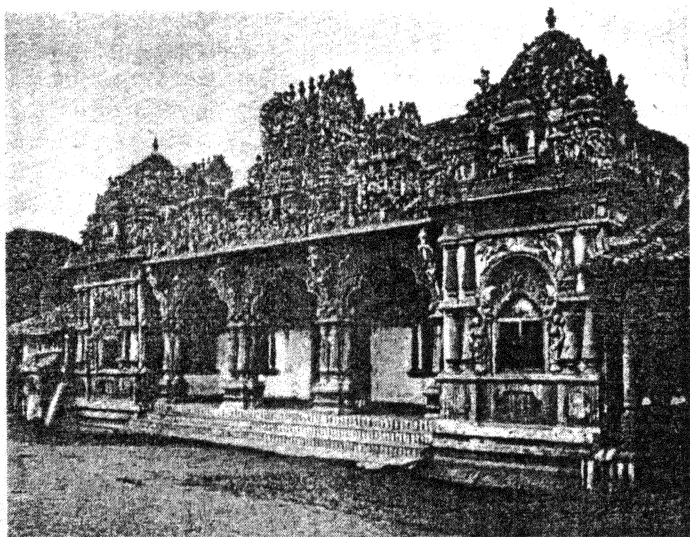
прямо и бесстрашно укоряет в нем браминов, обвиняя их пред массами народа в унижении родины, когда-то великой и независимой, теперь павшей и поработанной. Но Великобритания имеет в нем не врага, а пожалуй даже и защитника. Он не только не подстрекает народ к бунту, но, напротив, говорит ему прямо: «Прогоните англичан, и завтра и вы, и я, и все мы, восстающие против идолопоклонства браминов и зол мусульманского деспотизма, будем перерезаны как бараны. Мусульмане сильнее идолопоклонников, но последние сильнее нас...» И однако же англичане так мало понимают свою выгоду, что два года тому назад, в Пуне, где народ разделился на две партии: реформаторов и идолопоклонников-консерваторов, когда партия первых развозила своего проповедника с торжеством и ликованиями на слоне, а другая бросала в него камнями и грязью, то вместо того, чтобы защищать Дайананда, она выслала его из города, запретив ему впредь являться туда.

Индусский храм в Центральной Индии

Много горячих диспутов держал пандит с браминами, этими коварными врагами народа, и всегда выходил победителем. В Бенаресе к нему подослали убийц; но преступление

не удалось. В одном местечке Бенгалии, где он особенно резко нападал на фетишизм, какой-то фанатик ловко бросил ему на голые ноги огромную змею кобру-дикапеллу, укушение которой причиняет в три минуты смерть и от которого медицина до сих пор не знает спасения. «Да решит наш спор сам бог *Васуки!*»¹ воскликнул поклонник Шивы, уверенный, что его воспитанная и дрессированная для таинств змея тут же покончит с оскорбителем ее святыни. «Да», спокойно ответил Дайананд, стряхнув сильным движением ноги обвившуюся вокруг нее кобру, «только твой бог слишком медлил; спор решаю я...» И быстрым, могучим движением пятки раздавил голову змеи. «Идите», добавил он, обращаясь к народу, «и поведайте всем, как легко погибают фальшивые боги!»

Один из храмов индусов

---

¹ *Васуки* — змея, обвивающая на идолах шею бога Шивы и обоготворенная мифологией браминов, так же как и змеей *Ананда*, на котором изображен лежа бог Вишну. В конце июля, когда совершается празднество *Наг*, или змий, на всех площадях в улицах приготовлены сосуды с молоком, и змеи сотнями приносятся профессиональными «заклинателями» во все города и деревни. В этот день Индия откармливает своих пресмыкающихся «богов», а европейцы боятся выйти из дому.

Благодаря превосходному знанию санскритского языка, пандит оказывает великую заслугу как народу, расценивая его невежество насчет монотеизма Вед, так и науке, указывая, что такое именно брамины, единственная каста в Индии, имевшая в продолжение столетий право изучать санскритскую литературу и толковать «Веды» и воспользовавшаяся этим правом лишь для собственного интереса. Задолго еще до появления таких ученых ориенталистов, как Бюрнуф, Колебрук и Макс Мюллер, было немало туземных реформаторов, старавшихся доказать чистый монотеизм учения «Вед». Являлись и основатели новых религий, отрицавшие откровение этих писаний, как, например, раджа Рамохун Рой, а за ним бабú Кешуб-Чендер-Сен, оба калькуттские бенгальцы.¹ Но ни те, ни другие не имели положительного успеха: они только к бесчисленному множеству других сект Индии прибавили новые. Рамохун Рой умер в Англии, не успев ничего сделать, а преемник его, Кешуб-Чендер-Сен, установив «церковь Брахмо-Самадж», в которой исповедуется религия, извлеченная из глубины собственного воображения бабу, бросился в самый отвлеченный мистицизм и теперь оказывается «одного поля ягода» со спиритами, которые его считают за медиума и провозглашают калькуттским Сведенборгом.

Таким образом, все попытки возобновить чистый первобытный монотеизм арийской Индии оставались до сей поры более или менее тщетными. Они разбивались, как волны, о неприступную скалу брахманизма и веками вкоренившихся предрассудков. Но вот неожиданно-негаданно является пандит Дайананд. Никто даже из самых приближенных к нему учеников не знает, кто он и откуда он. И сам он откровенно сознается перед народом, что даже имя, под которым они его знают, ему не принадлежит, а дано ему при посвящении его в *йоги*.² Знают одно: такого ученого санскритолога, глубокого

---

¹ В настоящее время этот последний совершенно сошел с ума, сделался каким-то пляшущим дервишем и, сидя в грязном бассейне, прославляет Чайтанию, Корап и Будду, а себя называет пророком.

² *Патанджали*, основатель одной из шести главных философских систем древней Индии, учредил мистическую школу под названием «школа *йогов*». Думают, что и неоплатоники Александрийской второй и третьей школы были последователями индийских *йогов*, особенно их теургии, вывезенной, по преданию, из Индии, Пифагором. Есть еще и в настоящее время сотни *йогов* в Индии, усердно следующих системе

метафизика, удивительного оратора и бесстрашного карателя всякого зла, Индия не видала со времен «Шанкарачарьи», знаменитого основателя философии *веданты*, самой метафизической из всех систем Индии, венца пантеистического учения. К тому же наружность Дайананда поразительная: громадный рост, бледная (скорее европейская, нежели индийская) смуглость лица, большие черные искрометные глаза и длинные черные с проседью волосы.¹ Голос у него чистый, звучный, способный передавать оттенки всякого внутреннего чувства, переходящий от нежного, почти женского шепота, увещания, до громоподобных раскатов гнева против злоупотреблений и лжи презренного жречества. Все это взятое вместе неотразимо влияет на нервного, мечтательного индуса. Всюду, где бы ни появился свами Дайананд, толпы падают перед ним ниц и простираются во прахе ног его. Но он не проповедует им, как, например, бабу Кешуб-Чендер-Сен, повой религии, не учит их новым догматам; он только просит их обратиться к санскритскому, почти забытому языку и, сравнив учение праотцев их, арийской Индии, с учениями Индии браминов, вернуться к чистым воззрениям на божество первобытных риши (*rishis*): Агни, Вайю, Адити и Ангиры.² Он даже не учит, как другие, что «Веды» были-де получены откровением свыше; он учит, что «всякое слово в «Ведах» принадлежит к высшему разряду божественного вдохновения, *возможного* человеку на этой земле, — вдохновению, повторяющемуся в истории всего человечества, в случае надобности, и между другими народами...»

В эти последние пять лет у свами Дайананда насчитывают около двух миллионов новообращенных, большею частью из высших каст. Последние, по-видимому, готовы положить за него все до одного и жизнь, и душу, и даже самое состоя-

---

Натанджали и — если верить им — имеющих общение с *Брахмой*. Однако большая часть их тупеядшы, и хотя «пнище» по призванию, но плуты вследствие ненасытной жажды индусов к чудесному. *Настоящие* же *йоги* не являются публично, но живут в полном уединении и проводят всю жизнь в учении, кроме особых случаев необходимости, какому покорился Дайананд, явившийся «спасать свою страну».

¹ Йоги и дикшаты («посвященные») носят волосы длинные, не обрезая ни бороды, ни усов.

² По преданию, четыре книги «Вед» были переданы людям этими четырьмя патриархами.

ние, что для индуса часто бывает драгоценнее самой души. Но Дайананд, как истый йог, до денег не дотрагивается, денежные дела презирает и остается довольным несколькими горстями риса в день. Словно заколдована жизнь этого удивительного индуса, так беспечно играет он самыми худшими человеческими страстями, возбуждая во врагах своих самый бешеный и столь опасный в Индии гнев. Мраморное изваяние не оставалось бы спокойнее Дайананда в минуты самой ужасной опасности. Мы один раз видели его на деле: отослав всех приверженцев своих и запретив им следовать за ним либо заступаться за него, он остановился один пред разъяренною толпой и спокойно смотрел в глаза чудовищу, готовому прыгнуть и разорвать его на куски... Два года тому назад он начал переводить с собственными, совершенно новыми комментариями «Веды» с санскритского на язык *хинди* — самый распространенный здесь диалект. Его *Веди-Бхашия*¹ служит неисчерпаемым источником учености самого Макса Мюллера, в переводах немецкого санскритолога, который постоянно переписывается и советуется с Дайанандом. Ему также многим обязано другое светило по части ориентализма — Монье Уильямс, профессор в Оксфорде, который, побывав в Индии, лично познакомился с пандитом Дайанандом и его учениками.²

Но здесь необходимо небольшое отступление.

Лет пять тому назад в Нью-Йорке образовалось общество образованных, энергических, решительных людей. Один остроумный ученый прозвал этих людей «членами Общества *des Malcontents du spiritisme*». Основатели этого клуба были люди,

---

¹ Издаётся и выходит ежемесячно в Бомбее; подписная плата идет на устройство школ и библиотек для *Арии-Самадже*, Бомбея. *Ария-Самадже* — буквально «общество» или скорее, «братство ариев». Этих школ и библиотек учреждено теперь пандитом Дайанандом более 60 во всей Индии. Все они содержатся на собственные средства; санскритский язык в них обязателен.

² В продолжение двухлетнего своего пребывания в Индии Уильямс усиленно искал себе помощника для переводов с санскритского. Ему наконец удалось привлечь лучшего из учеников Дайананда, молодого пандита Шамджи Кришнаварту. Юный индус недавно уже отправился в Оксфорд пожинать лавры для ученого английского санскритолога. В настоящее время он сделался оксфордскою знаменитостью. В два года изучил превосходно латинский и греческий языки и сдал блистательно трудный экзамен, оставив далеко позади себя всех юных лордов. О нем говорят постоянно английские журналы.

верившие в феномены *спиритуализма*, как и в возможность всяких других феноменов в природе, но вместе с тем отвергавшие теорию «о духах». Люди эти взирали на современную психологию как на науку, стоящую еще на самой первоначальной ступени развития, находящуюся в совершенном неведении относительно «духовного человека» и, притом, отвергающую в лице многих своих представителей все то, чего она сама не может разом объяснить по-своему.

Жилище человека среднего достатка в Индии

С первых же дней основания этого Общества (Теософического) к нему примкнули многие из самых ученых людей Америки. Члены эти разнились в своих понятиях и взглядах не менее членов любого географического или археологического общества, столько лет ссорившихся, например, из-за истоков Нила или египетских иероглифов. Но как в отношении к устьям и иероглифам все единодушно соглашались, что раз существуют воды Нила и пирамиды, то где-нибудь да находятся и эти истоки, и ключ к иероглифам; так точно и в отношении к феноменам *спиритизма* и *магнетизма*. Феномены ждали лишь своего Шампольона, а Розетский Камень следовало искать не в Америке или Европе, а в странах, где еще верят в магию, где местным жречеством производятся «чуде-

са» (в которые общество не верило) и куда еще не проникал холодный материализм науки, словом — на Востоке. «Ламобуддисты», рассуждал совет Общества, «не верят ни в Бога, ни в личную индивидуальность человеческой души, но они славятся своими феноменами; а «месмеризм» известен и практикуется в Китае под названием *инь* и *ян* уже много тысяч лет. В Индии боятся и ненавидят столь уважаемых спиритами духов, но их простые, невежественные факиры производят «чудеса», ставящие в тупик самых ученых исследователей и приводящие в отчаяние известнейших в Европе фокусников. Многие из членов Теософического общества бывали в Индии, многие родились там и самолично неоднократно присутствовали при «колдовствах» ее браминов. Основатели этого клуба, глядя на современное невежество относительно духовной стороны человека, рассуждали, что должен же когда-нибудь метод сравнительной анатомии Кювье быть допущенным и в метафизике и перейти из области *физической* в область *психологической* науки и на таких же дедуктивных и индуктивных началах, как и в первом случае; иначе психиатрия не сделает ни одного шага вперед и запрудит даже и другие науки естествознания. Мы уже видим, как физиология мало-помалу захватывает не принадлежащие ей права охотиться во владениях чисто метафизических, абстрактных знаний, притом делая все время вид, будто бы и знать ничего не хочет о последних, и, втеснив их в неподдающееся ее страданиям Прокрустово ложе естествознания, старается подвести психологию под итог *точных* наук.

В скором времени Теософическое общество стало считать своих членов не сотнями, а тысячами. Все «malcontents» спиритуализма в Америке (а там считается спиритуалистов 12 миллионов) присоединились к помянутому Обществу. Между тем установились колытеральные* ветви его в Лондоне, Корфу, Австралии, Испании, Кубе, Калифорнии и пр. ¹ Производились эксперименты, и все более приходили к убеждению, что *не одни же «духи» производят феномены.*

---

* Побочные (англ.). — Прим. ред.

¹ В Теософических обществах Лондона насчитывают не менее семи членов Королевского общества меж сотен других известных в области науки и литературы людей. К F. R. S. (Fellow Royal Society) прибавляют F. T. S. (Fellow Theosophical Society). Сын одного известного члена парламента — президент Лондонского общества, а президент «Eclectic Theosophical Society» Симлы бывший министр (Secretary for India) А. О. Юм.

Наконец основалась ветвь Теософического Общества и в самой Индии, и на Цейлоне.¹ В числе членов Общества постепенно стало оказываться больше буддистов и брахманистов, нежели европейцев. Составился союз, и к имени общества было добавлено название «Brotherhood of Humanity» (братство человечества). Вступив в деятельную переписку с вождями религиозных и реформаторских партий *Арии-Самадж* (то есть Общества арийцев), основанной свами Дайанандом, все слились с Теософическим обществом. Затем главный совет Нью-Йоркского Общества решил отправить в Индию делегацию с целью изучения на месте, под руководством санскритологов, древнего языка «Вед», рукописи и «чудес» *йогизма*. Для этого избраны президент Нью-Йоркского общества, два секретаря и два советника. И вот 17 декабря 1878 года «миссия» отплыла из Нью-Йорка в Лондон и затем в Бомбей, куда и прибыла в феврале 1879 года.

Вице-президент
Теософического общества

Пандит Прамада-Дас-Митра,
профессор санскритского языка

Понятно, что при таких благоприятных обстоятельствах члены помянутой миссии в состоянии изучать страну и произ-

¹ В 1882 году в Индии было 36, а в Цейлоне 8 теософических обществ, основанных Американским обществом.

водить исследования тщательнее, нежели кто-либо другой, не принадлежащий к Обществу. На них взирают, как на «братьев», и им помогают самые влиятельные туземцы Индии. Они имеют членов между пандитами Бенареса и Калькутты, между первосвященниками буддистских *вихар* Цейлона (ученый «Сумангала»), между прочим, глава пагоды на Adam's Peak, о котором упоминает г. Минаев в своем путешествии), среди лам Тибета, в Бирме, Траванкоре и т. д. Членов миссии допускают в святилица, где еще не была нога европейца; поэтому они смело могут надеяться, что, несмотря на неохоту представителей *точных* наук и их недоброжелательство к ним, верующим, они будут в состоянии оказать более одной услуги миру и науке.

Тотчас по приезду в Бомбей мы намеревались ехать лично знакомиться с Дайанандом и поэтому немедленно отправили к нему телеграмму. В ответ он нас известил, что ему необходимо ехать в Хардвар (Hurdwar), куда стекалось в этот год несколько сот тысяч пилигримов. Он просил нас вместе с тем не приезжать в Хардвар, так как там непременно должна появиться холера, и назначил нам чрез месяц местом свидания местечко у подножия Гималаев, в Пенджабе. Таким образом нам оставалось довольно времени осмотреть все достопримечательности Бомбея и его окрестностей.

Решив наскоро осмотреть первый, мы согласились ехать потом, не теряя времени, в Декан, на большой храмовой праздник в *Карли*,¹ старинный пещерный храм буддистов, по уверению одних, — браминов, как доказывают другие. Затем, посетив Танну, на острове Сальсетте, и храм Каннари, мы намерены были отправиться в столь прославленный Афанасием Никитиным Чаул.

А пока поднимемся на вершины Малабарского холма, к «Башне Молчания», последнему жилищу каждого из сынов Зороастра.

---

¹ Эти религиозные сборища (*мелла*) назначаются по очереди в разных пунктах Индии и всегда в городах, история коих связана с каким-либо особенно священным преданием. В Хардваре подобная «мелла» назначается каждые 12 лет. На эту религиозную *ярмарку* стекаются представители всевозможных сект и держат диспуты, после ученых диссертаций, каждый в защиту своей особенной секты. Одних *саньяси* — «монашествующих нищих» — было там в 1879 году до 35000. Холера действительно появилась.

«Башня Молчания», как сказано, кладбище парсов. Тут богатый и убогий, *набоб* и *кули*, мужчины, женщины и дети — все кладутся рядом, и от каждого из них *через несколько минут* остаются лишь одни скелеты... Странное, тяжелое впечатление производят на иностранца эти «башни», где действительно целые века царствует гробовое молчание. Подобные строения рассеяны повсюду, где только живут и умирают парсы, особенно в Сурате. Но в Бомбее из шести таких башен самая большая выстроена 250 лет тому назад, а следующая за ней по величине даже очень недавно. Это круглые, иногда и четырехугольные стросния без крыш, без окон, без дверей, от 20 до 40 футов вышины и с одним лишь закрытым кустами отверстием на восток, состоящим из толстой железной дверцы. Первый труп, принесенный в новую *дакхму* (так называются эти башни), должен быть трупом невинного ребенка и непременно дитяти «мобеда» (жреца). К этим башням, построенным в стороне, на холме и среди уединенного сада, никому не дозволяется подходить, даже главному смотрителю и сторожам, ближе как на тридцать шагов расстояния. Одни *пассесалары*¹ (носильщики трупов), ремесло коих наследственное и которым закон строго воспрещает заговаривать с живыми, дотрагиваться или даже подходить к ним, входят и выходят из «Башни Молчания». Входя, они вносят труп, различно богатого или бедного человека, завернутый в белые и самые старые тряпки; раздев его донага, они кладут его в тот или другой из трех кругов и, не произнося ни слова, выходят в таком же молчании из башни, запирая ее до следующего покойника, а саван — тряпки — тотчас же сжигают.

Смерть у огнепоклонников лишена всего своего величия, и труп возбуждает в них лишь одно омерзение. Коль скоро замечают, что наступает последний час больного, все домашние отделяются от него, как для того, чтоб не помешать душе освободиться от тела, так и затем, чтобы живому не оскверниться прикосновением к мертвому. Один *мобед* шепчет на

---

¹ Положение этих несчастных людей гораздо хуже положения наших палачей. Живя совершенно отдельно от света, в глазах которого они верх всего осквернительного, они никогда не сообщаются с остальным миром. Не смея ничего покупать на базаре, они обязаны доставать себе пищу как знают. Они рождаются, женятся и умирают в отчуждении от прочих, проходя через улицы города лишь за покойником или с ним на пути в башню.

ухо умирающему напутственное из Зенд-Авесты наставление: «Ашем-Воху» и «Ято-ахуварье», и удаляется, пока отходящий еще жив. Затем приводят собаку и заставляют ее смотреть в лицо умирающему. Эта церемония называется *сас-дию* (собачий взгляд), так как собака единственное из живых существ, взгляда которого боится *друкс-насу* (злой демон), сторожащий умирающих, дабы завладеть их телом... Следует однако остерегаться, чтобы чья-нибудь тень не легла между мертвым и собакой; иначе пропадает вся сила собачьего взгляда, и демон воспользуется благоприятною минутой. Где бы ни умер парс, там он и остается, пока за ним не явятся *пассесалары*, с руками, погруженными до плеч в старые мешки. Положив покойника в железный закрытый гроб (один для всех), его относят в дакхму. Если б отнесенный в дакхму даже ожил (что нередко случается), он уж не выйдет более на Божий свет: *пассесалары* в таком случае убивают его. Кто раз осквернился прикосновением к мертвым телам и побывал в «башне», тому возвращаться в мир живых уже невозможно: он осквернил бы все общество.¹ Родные следуют за гробом издали и останавливаются в 90 шагах от «башни». У отверстия, после последней молитвы, повторяемой хором носильщиками возле тела, а *мобедом* издали, еще раз повторяется церемония с собакой. В Бомбее нарочно для этого дрессированная собака держится на цепи у дверец башни. Затем *пассесалары* вносят тело внутрь и, вынув его из гроба, кладут на отведенное трупы, смотря по полу или возрасту, место.

Мы два раза присутствовали при церемонии «умирания» и один раз при «погребении», если позволено употребить подобное не подходящее к делу выражение. На этот счет парсы гораздо снисходительнее индусов, считающих присутствие европейца осквернением их религиозных обрядов. Хоронили какую-то богатую женщину, и наш знакомый смотритель башни, Н. Байранжи, пригласил нас к себе в дом. Таким образом мы присутствовали при всех обрядах, находясь шагах в

---

¹ Вследствие нескольких таких несчастных случаев, парсы хлопочут о новом законе, который бы, во-первых, признал за оживающими право вернуться в мир живых и, во-вторых, обязал *пассесаларов* оставлять единственную дверцу башни незапертою на ключ, дабы дать средство несчастному эке-мертвеццу спастись бегством. Странно, что коршуньи, пожирающие немедленно покойника, никогда не трогают мнимого мертвеца и с криком отлетают в сторону.

сорока от башни, на веранде бунгало нашего любезного хозяина. Сам он, хотя уже много лет служил при «башне», в нее никогда не входил и даже близко не подходил. Пока собака глазела на покойника, мы, признаться, с тайным чувством отвращения глазели, в свою очередь, на огромную стаю коршунов, летавших над *дакхмою*. Коршуны влетали в нее и снова вылетали с кусками окровавленного человеческого мяса в клюве... Эти птицы, которые ныне сотнями свили себе гнезда над «Башней Молчания», привезены нарочно с этою целью из Персии, так как коршуны Индии оказались и не довольно хищными и слишком слабыми, чтобы справляться с окоченевшими трупами со скоростью, требуемою законом Зороастра. Говорят, будто процесс совершенного очищения костей от мяса требует не более нескольких минут...

Женщины, толкущие рис.
Центральная Индия

По окончании обряда нас повели в другое здание, где на небольшом столе стояла превосходная деревянная модель *дакхмы* с ее внутренним устройством. Таким образом мы могли легко сообразить, что в эту минуту происходило в башне. Представьте себе дымовую четверугольную трубу, стоящую на земле, и вы получите верное понятие об устройстве пустой «башни». В гранитном помосте, в самом центре, чернеет глубокий, безводный колодец, покрытый, как водосток, железною решеткой. Вокруг, на постоянно возвышающейся к стене покатости, окружая колодец тройным кольцом, прорыты три широкие круга; в каждом из них, отделенные одно от другого тонким простенком в два вершка вышины, находятся гробовые места для тел. Таких мест 365. В первый круг или выбой (2 фута ширины) у колодца кладутся дети; в средний (в 4 фута) — женщины; в третий (5 футов ширины), расположенный у самой стены, — мужчины. Этот тройной круг служит типом трех кардинальных у Зороастра добродетелей: «добрых дел, ласковых слов и чистых помышлений». Последний круг принадлежит детям, первый мужчинам.

Благодаря стаям голодных коршунов, менее нежели в час времени кости всегда обглоданы до последнего атома, а через две-три недели тропическое солнце сушит скелеты до такой хрупкости, что они при малейшем прикосновении обращаются в прах, а затем их уже сваливают в колодец. Ни малейшего запаха, ни малейшего предлога для чумы или другой эпидемии. Способ этот, пожалуй, еще вернее телосожигания, которое все-таки оставляет за собой в атмосфере *гота*¹ хотя слабый, но дурной запах. Вместо того, чтобы кормить «мать сырую землю» падалью, парсы отдают *Армаити* (земле)² лишь совершенно очищенный прах. Почитание земли, предписанное им Зороастром, так велико у них, что они принимают всякие меры предосторожности, дабы не осквернить «Коровы-Кормилицы», дарящей их «стократ золотым зерном за всякое зерно». Во время муссона, когда дождь льет в продолжение четырех месяцев ливнем и, конечно, смывает все оставленные коршунами около трупов нечистоты в колодец, вода, стекая в него, всасывается в землю уже фильтрованная: все дно колод-

---

¹ *Гот* — место, отведенное на берегу моря или реки для сожигания тел индусов.

² *Армаити* — буквально «Корова-Кормилица». Зороастр учит, что земледелие самое благородное и Богом любимое занятие. — *Ясна* (гимны).

ца, стенки которого выложены гранитными плитами, покрыто с этой целью водоочистения песчаником и углем.

Менее мрачно и гораздо любопытнее зрелище *Пинжра-пая*, бомбейского «госпиталя для престарелых животных», существующего, впрочем, в каждом городе, где только живут *джайны*, о которых кстати здесь сказать несколько слов. По своей бесспорной древности эта секта здесь одна из самых интересных, она много древнее буддизма (появившегося около 543—477 до Р. Х.). *Джайны* похваляются тем, что религия Будды есть не что иное, как ересь джайнизма, так как Гаутама, основатель буддизма, был учеником и последователем одного из их главных *гуру* и святых. Обычай, обрядность и философские воззрения *джайнов* ставят их чем-то средним между браминами и буддистами; в общественном отношении они походят на первых, в религиозном склоняются более к буддистам. Как и брамины, они придерживаются каст, никогда не едят мясного и не почитают тел святых; но вместе с буддистами они отвергают «Веды» и богов индусов, вместо которых поклоняются своим двадцати четырем *тиртанкарам* (Tirthankara) или *джайнам*, причтенным к лику «блаженных». Опять как у буддистов: духовенство у джайнов сохраняет безбрачие и живет в уединенных *вихарах* (кельях) и монастырях, выбирая себе преемников во всех классах общества. Считая священным и употребляя в духовной литературе лишь язык *пали* (как и на острове Цейлоне), они имеют с буддистами одну общую традициональную хронологию, также не едят после заката солнечного и тщательно подметают место, прежде чем сесть на него, боясь раздавить и малейшую букашку. Обе системы или, скорее, философские школы, следуя в этом древней школе атомиста Канады,* защищают теорию вечных атомов или элементов и неразрушимости материи. По их понятиям, мир никогда не имел начала и никогда не будем иметь конца. «Все в мире одна иллюзия, *майя*», говорят ведантисты, буддисты и джайны. Но в то время как последователи Шанкарачарьи проповедуют *Парабрахму* (божество без воли, понимания и без действия)¹ и исходящего от него *Ишвару*, джайны вме-

---

* Канада (*поедающий атомы*) — основатель системы вайшешика. — Прим. ред.

¹ *Брахм* — без понимания, ума и воли, «ибо Брахм само есть абсолютное понимание, ум и воля...» — учит веданта.

сте с буддистами отрицают создателя Мира и учат лишь о существовании *свабхавата*, пластического, вечного и самозданного принципа в природе. Зато твердо веруют, как и все прочие секты в Индии, в переселение душ; их страх лишиться жизни животное или насекомое и этим совершить, быть может, отцеубийство доводит их любовь ко всему животному царству и попечение о нем до невероятно аффектированных крайностей. Не только в каждом городе и деревне устроены больницы и приюты для всех искалеченных и старых животных, но их жрецы ходят не иначе, как с кисейным «намордником» (да простят они мне это непочтительное выражение), прикрывающим им рот и поздри, дабы дыханием своим нечаянно не истребить какой-нибудь мошки. Поэтому они и воду пьют не иначе, как фильтрованную. Джайнов считают несколько миллионов; они рассеяны в Гуджерате, Бомбее, Конкане и других местностях.

Бомбейский *Питжралаль* занимает целый большой квартал, разделенный на дворы и дворики, на лужайки и рощицы с прудами, большими клетками для опасных животных и загородками для более ручных. Заведение это могло бы служить моделью для Ноева ковчега. На первом дворе, вместо животных, мы увидели несколько сот человеческих живых скелетов: стариков, женщин и детей. То были уцелевшие жители из так называемых *famine-districts* (голодающих уездов), приползшие в Бомбей молить о куске хлеба. Отечественное правительство, выгнав их из последних лачужек за недоимки податей, взимающихся во время голодного мора так же, как и в самые урожайные годы,¹ довершило свое христолюбивое попечительство о язычниках, отведя им место при больнице животных. В то время как несколько постоянно находящихся при этой странной богадельне ветеринаров перевязывали перебитые лапы у шакалов, терли мазью опрокаженные спины чесоточных собак и приправляли деревянные костыли хромым журавлям, там, в двух шагах, на другом дворе, умирали от голода старики, женщины и дети. Их кормили пока за счет благотворителей животных, а животных, к счастью, было в то время менее обыкновенного. Наверное многие из этих страдальцев с радостью согласились бы, не теряя времени, транс-

---

¹ Несколько лет тому назад подати взимались с крестьян натурой, но теперь крестьяне должны вносить их наличными, не взирая ни на что.

мигрировать в любого из зверей, так спокойно доканчивающих жизненное поприще в больнице...

Но и в Пинжрапале розы не без шипов. Если травоядные «субъекты» ничего лучшего не могут себе пожелать, то сомневаюсь, чтобы плотоядные, как, например, тигры, гиены, шакалы и волки, оставались вполне довольны как постановлениями, так и насильно предписанною им диетой. Так как сами джайны не употребляют мясной пищи и с ужасом отворачиваются даже от яиц и рыбы, то и все находящиеся на их попечении животные обязаны поститься. При нас кормили старого, подстреленного английскою пулей тигра. Понюхав рисовую похлебку, он замахал хвостом и, свирепо скаля желтые клыки свои, глухо зарычал и отошел от непривычной пищи, все время косясь на толстого надсмотрщика, который ласково уговаривал его «покушать». Одна решетка спасала джайна от протеста этого ветерана лесов «действием». Гиена, с окровавленной, повязанною головой и отодранным ухом, бесцеремонно и видимо в знак своего презрения к этому для нее спартанскому соусу, сперва села в лохань с похлебкой, а затем опрокинула ее; волки же и несколько сот собак подняли такой оглушающий вой, что привлекли внимание двух неразлучных друзей, Кастора и Поллукса заведения, старого слона с передней ногой на деревяшке и исхудалого вола с зеленым зонтом над больными глазами. Слон, по своей благородной природе думая лишь о приятеле, покровительственно обвил хоботом шею вола, и оба, подняв головы, с неудовольствием замычали. Зато попугай, журавли, голуби, фламинго, корольки, все пернатое царство ликовало, заливаясь на все тоны над завтраком. Охотно отдавали ему честь и обезьяны, прибежавшие первыми на зов. Нам также указали на *святого*, кормившего в углу насекомых собственною кровью. Совершенно нагой, он неподвижно и с закрытыми глазами лежал на солнце. Все тело его было *буквально* покрыто мухами, комарами, муравьями и клопами...

— Все, все они наши братья! — умиленно повторял директор госпиталя, указывая рукой на сотни насекомых и животных. — Как можете вы, европейцы, убивать и даже поедать их?

— А что, — спрашиваю, — сделали бы вы в случае, если бы вот эта змея подползла к вам и попыталась укусить вас? От ее укушения ведь неминуемая смерть. Неужели вы бы не убили ее, если б успели?

— Ни за что на свете! Я бы старался осторожно поймать ее, а затем отнес бы за город в пустое место и пустил бы ее на свободу.

— А если б она все-таки укусила вас?

— Тогда бы я произнес «мантру».¹ А если б мантра не помогла, то я счел бы это за определение судьбы, и спокойно оставил бы это тело, чтобы перейти в другое.

Это нам говорил человек по-своему образованный и даже весьма начитанный. На наше возражение, что ничто не дается природой напрасно, и что если устройство зубов у человека плотоядное, то стало быть ему определено самою судьбой питаться мясом, он отвечал нам чуть ли не целыми главами из Дарвиновской «Теории естественного отбора и происхождения видов». «Это все неправда, будто первобытные люди родились с глазными зубами», рассуждал он. «Лишь впоследствии, с разращением рода человеческого и когда в нем стала развиваться страсть к плотоядной пище, то и челюсти, покаясь новой потребности, стали изменяться, пока мало-помалу совершенно не изменили своей первобытной формы»...

Подумаешь: *où la science va-t-elle se fourrer?..**

III

В тот же день вечером в театре Эльфинстона давалось в честь «американской миссии» (как нас здесь величают) необычайное представление. Туземные актеры играли на гуджерагском языке древнюю волшебную драму *Ситта-Рама*, переделанную из *Рамаяны*, известной эпической поэмы Вальмики. Драма состояла из 14 актов и несчетного множества картин с превращениями. Все женские роли игрались по обыкновению мальчиками и, верные историческому и национальному костюму, все актеры были полунагие и босые. Зато богатство костюмов — какие требовались — декорации, машины, превращения были поистине изумительны. Трудно было бы даже на сцене больших столичных театров представить лучше и вернее природе, например, армию союзников Рамы — обезьян, под предводительством их знаменитого в истории

---

¹ *Мантра* — молитва в стихах и вместе с тем заговор против всякой немочи. В Индии все глубоко верят в силу мантры.

И где наука всё это берет? (фр.). — Прим. ред.

(Индии, *s. v. p.*) полководца Ханумана: воина, государственного мужа, бога, поэта и драматурга. Древнейшая и лучшая из всех санскритских драм *Хануман-наттек* (наттек — драма) приписывается этому нашему талантливому праотцу... Увы! прошли те времена, когда гордые сознанием своей белой, быть может, *après tout** только *вылинявшей* под северным небом кожи, мы взирали на индусов и других черномазых народов с подобающим нашему величию презрением! Крепко огорчался мягкосердечный сэр Вилльямс Джонс, переводя с санскритского такие, например, унижительные для европейского самолюбия речи, что «*Хануман* был-де нашим прародителем». Коли верить легенде, то за оказанное храброй обезьяньей армией пособие Рама, герой и полубог, даровал в супружество каждому из холостяков этой армии одну из дочерей великанов острова Ланки (Цейлона), *бакшазасов*, назначив этим «дравидским» красавицам в приданое все *западные* части света... Тогда, после величайшего в мире торжества бракосочетания, обезьяны-воины, соорудив из собственных хвостов висячий мост, перекинули его из Ланки в Европу и, благополучно перебравшись с супругами на другой берег, зажили счастливо и наплодили кучу детей. Эти дети — мы, европейцы. Найденные в языках Западной Европы (как в наречии басков, например) чисто дравидские слова привели браминов в восторг; в благодарность за это важное открытие, так неожиданно подтверждающее их древнее сказание, они чуть было не возвели филологов в сан богов. Дарвин увенчал дело. С распространением в Индии западного образования и ее научной литературы, в народе более чем когда-либо утвердилось убеждение, что мы потомки их Ханумана и что притом каждый европеец (если только поискать) украшен *хвостом*: узкие панталоны и длинные юбки пришлецов с Запада много способствуют к укоренению этого крайне нелестного для нас мнения... Что ж? уж если раз наука в лице Дарвина поддерживает в этом мудрость древних ариев, то нам остается лишь покориться. И право, в таком случае гораздо приятнее иметь Ханумана — поэта, героя и бога — праотцем, чем какую-либо другую «макашку», хотя бы даже и бесхвостую...

Но *Ситта-Рама* — пьеса представленная в тот вечер — принадлежит к мифологическим драмам-мистериям вроде

---

* Впрочем (фр.). — *Прим. ред.*

Эсхиловых. Глядя на это классическое произведение отдаленнейшей древности, зритель невольно переносится в те времена, когда боги, сходя на землю, принимали живое участие во вседневной жизни смертных: ничто не напоминало нам современную драму, хотя внешняя форма сохранилась почти та же. «От великого до смешного (и наоборот) всего один шаг»: от козла (τράγος ὑδῖ), выбираемого в жертвоприношении Бахусу, мир получил трагедию; предсмертное бляение и бодание четвероногой жертвы древности вышлифованы рукой времени и цивилизации: в итоге является предсмертный шепот Рашели во образе Адриенны Лекуврер и ужас наводящее реалистическое «брыканье» современной Круазет в сцене отравления в «Сфинксе»... Но в то время как потомки Фемистокла, в продолжение многих лет рабства, как и независимости, принимали и продолжают с восторгом принимать все изменения, а по современным воззрениям и «улучшения» Запада, как вновь исправленное и дополненное издание гения Эсхила, — индусы, к счастью археологов и любителей древностей (вероятнее всего со времен нашего незабвенного праародителя Ханумана), так и застыли на одном месте...

С живым любопытством готовились мы следить за представлением *Ситта-Рама*. Кроме здания самого театра, да разве нас самих, все было здесь туземное и ничто не напоминало нам нашу западную обстановку. Об оркестре не было и помину: вся наличная музыка должна была раздаваться за кулисами или же на самой сцене. Наконец взвился занавес... Тишина, заметная даже в антрактах при таком наплыве зрителей обоюбого пола, стала еще заметнее. Видно было, что в глазах публики, по большей части поклонников Вишну,¹ шла не обыкновенная пьеса, а религиозная мистерия, представляющая жизнь и приключения их любимых и самых уважаемых богов.

Пролог. *Эпоха* (ранее которой еще ни один драматург не рискнул выбрать для своего сюжета) *пред сотворением*, или скорее пред последним появлением *мира*:² в то время как

---

¹ Рама — одно из воплощений Вишну.

² По единодушному соглашению философских систем всех сект Индии (кроме мусульман), вселенная существовала всегда. Индусы разделяют эти периодические проявления и исчезновения мира на *дни* и *ночи* Брахмы. Ночи или отсутствие объективного мира — называются *пралиаи*, а эпохи нового пробуждения к жизни и свету — зовутся *ман-*

праляи приходит к концу, Парабрахма просыпается; вместе с его пробуждением вся вселенная, покоящаяся в божестве, то есть бесследно исчезнувшая с предыдущего разрушения мира в субъективной эссенции его, отделяется вновь от божественного принципа и делается видимой. Все боги, умершие вместе со вселенною, начинают медленно возвращаться к жизни. Один «Невидимый» дух — «вечный, безжизненный», ибо он есть безусловная *самобытная жизнь*, — парит, окруженный безбрежным хаосом. Священное «присутствие» невидимо: оно проявляется лишь в правильном периодическом колыбании хаоса, представляемого темною массой вод, затягивающею всю сцену. Эти воды еще не отделены от суши, ибо Брахма, творческий дух Нараяна, еще сам не отделился от Вечного. Но вот колыхнулась вся масса, и воды начинают светлеть: от золотого яйца, лежащего под водами хаоса, пробиваются лучи; оживотворенное духом Нараяны яйцо лопается, и проснувшийся Брахма поднимается над поверхностью вод под видом огромного лотоса. Являются легкие облачка; сперва прозрачные и белые, как паутина, они сплываются и мало-помалу превращаются в «праджапати» — десять олицетворенных творческих сил Брахмы, владыки всех тварей, поющих хвалебный гимн Творцу. Всяло чем-то наивно поэтическим от этой непривычной нашему уху странной мелодии, без оркестра, в унисон. Пробил час общего пробуждения; конец *праляи*: все ликует, возвращаясь к жизни. На отдалившемся от вод небе являются *азуры* и *сандхарвы*.¹ Индра, Яма, Варуна и Кувера, — духи, заведующие четверью странами света. Из четырех стихий: воды, огня, воздуха и земли, брызжут дождем атомы и зарождают змия *Ананду*. Чудовище всплывает на поверхность воды и, согнув лебединую шею дугой, является лодкой, на которой поконится Вишну; в ногах бога сидит Лакшми — богиня красоты, его супруга. «Сватха! Сватха! Сватха!»² — восклицают хором небесные певцы, приветствуя божество. Вишну в одном из своих будущих воплощений (аватар) будет Рамою, сыном великого царя, а Лакшми воплотится в Ситте. Вся поэма Рамаяны вкратце пропета небесными хористами. Кама, бог любви, осеняет божественную чету, и от

вантарамы и *югамы* или «веками богов». Эти периоды также называются «вдыханиями» и «выдыханиями Брахмы».

¹ Небесные музыканты и певцы — херувимы.

² Свят. Свят, Свят!

этого вмиг загоревшегося в их сердцах пламени плодится и размножается весь мир...¹

Далее идут 14 действий хорошо всем известной поэмы, в которой принимают участие несколько сот лиц. Под конец *пролога* собравшиеся боги, по примеру лиц древних драм, подходят к рампе и знакомят вкратце публику с сюжетом и развязкой предстоящей пьесы, прося снисхождения зрителей. Словно оставив свои ниши в храмах, сошли с них знакомые нам божества из раскрашенного гранита и мрамора, чтобы напомнить смертным о делах...

...«давно минувших дней,
Преданьях старины глубокой»...

Зала была битком набита туземцами. Кроме нас четырех, не было ни одного европейца. В креслах расстилалась, как огромный цветник, масса женщин в ярких цветных покрывалах. Между прекрасными бронзовыми лицами выглядывали красивые, иногда матово-белые личики парсийских женщин, очень напоминающих красотой грузинок. Все первые ряды были заняты женщинами. От огнепоклонниц с их чистыми лицами и волосами, покрытыми белой косынкой под цветным покрывалом, их сестры индианки отличались непокрытой головой, роскошью своих блестящих черных кос, закрученных греческим шиньоном на затылке, расписанным красками лбом² и кольцами в одной ноздре. В этом состоит вся разница их костюма.³ Как те, так и другие страстно любят яркие, но

---

¹ Вишну — одно из трех лиц *Тримурти* (буквально: три лика; *мурти* означает священный лик или идол), троицы индусов, *сохранитель* всего живущего, как Брахма — *творец*, а Шива — *разрушитель* его.

² В Индии всегда легко различить как исповедуемую веру, так и секту и даже касту, к которой кто-либо принадлежит, по знакам, расписанным на лбах сектантов обоего пола, а также девушку от замужней и вдовы.

³ По истреблении Александром Македонским священных книг гетров, их секта была постоянно притесняема идолопоклонниками. Царь Ардшир-Бабéхан восстановил огнепоклонничество в 229—243 годах по Р. Х. После этого их опять преследовали до царствования одного из трех царей Шахпуров, II, IX и XI из Сассанидов, но до которого именно — не известно, хотя один из них сильно покровительствовал учению Заратушты. Вследствие поражения Йездегерда, огнепоклонники эмигрировали на остров Оромазд, а 16 лет позднее, отыскав древнюю книгу пророчеств Зороастра, много столетий было затерянную, вследствие одного из

однообразные материи, покрывают голые руки до локтей браслетами и носят одинаковые *сары* (покрывала). За ними, в партере волновалось целое море самых оригинальных, нигде кроме Индии не встречающихся тюрбанов. Тут были и длинноволосые *раджпуты* с их прямыми, чисто греческими чертами лица, с разделенною на подбородке бородой, концы которой закручиваются за уши, в *пагри*, тюрбане, состоящем из двадцати аршин белой тонкой кисеи, обкрученной веревкой вокруг головы, в серьгах и ожерельях; тут были *маратские брамины*, с гладко выбритою (кроме центральной длинной космы волос) головой, прикрытой громадным блюдообразным тюрбаном ослепительно красного цвета с золотым, выгибающимся вперед, словно рог изобилия, украшением наверху. Задавшись было долгом сосчитать, сколько разных форм тюрбанов в одном Бомбее, мы уже через две недели объявили себя побежденными: легче сосчитать звезды на небе. Каждая каста, ремесло, секта, каждое из тысячи подразделений общественной иерархии имеет свой отличительный, блестящий пурпуром и золотом головной убор; золото снимается только в случае траура. Но зато все, даже богачи, советники муниципалитета, купцы, брамины, *рао бахадуры* и пожалованные правительством баронеты — все до одного ходят босые, голые до колен и в белоснежных *балахонах*: этой полурубашки-полукафтана нельзя сравнить ни с чем другим. Сидит министр, либо раджа какой на слоне¹ — видали мы их в Бароде даже на жирафах из конюшни зверинца Гайквара² в торжественные дни их праздников — сидит и жует *пансонари* (бетель).^{*} Голова у него так и клонится вниз под тяжестью драго-

---

пророчеств они бежали массой в Индостан. После долгих странствований, от 1000 до 1200 лет тому назад, они появились на территории Махарани Джаядевы, принца, подвластного раджпутскому царю Чампанара, который и дозволил им поселиться на его землях с условием, чтоб они сложили оружие, заменили персидский язык языком *хинди*, а их женщины свой национальный костюм — костюмом женщин Индии и привяли бы все обычаи страны, дозволив им, впрочем, ходить обутыми, так как это строго приказано Зороастром. С тех пор произошли изменения, но весьма незначительные.

¹ Слоны в Бомбее, под предлогом, что они пугают лошадей англичан, теперь запрещены, но во всех других городах провинции их очень много.

² Гайквар — общее имя или титул владетельных принцев Бароды.

* Смесь пряных листьев перца бетель с кусочками семян пальмы арека и небольшим количеством извести. — *Прим. ред.*

ценных камней на тюрбане; все пальцы на руках и на ногах украшены перстнями, а ноги браслетами. В тот вечер в зале не было ни слонов, ни жирафов, но зато были и раджи, и министры. С нами приехал красавец-посол и бывший воспитатель юного Махарани Удайпурского (*Oodeypore*), раджа-пандит, Мохунлал-Вишнулал-Пандиа, в бледно-розовом маленьком тюрбане с бриллиантами, в розовых же барежевых панталонах и белой газовой кофте. Длинные, черные, как вороново крыло, волосы падали на янтарную шею, украшенную ожерельем, способным свести с ума парижанку. Бедному раджпуту ужасно хотелось спать; но он геройски выдерживал роль и, задумчиво пощипывая бородку, водил нас по безысходному лабиринту метафизических запутанностей Рамаяны.

В антрактах нас потчевали кофе, шербетами и папиросами, которые мы и курили во все время представления, сидя напротив сцены, в первом ярусе. Нас, как идолов, обвешали длинными гирляндами из жасмина, а сам директор, дебелый индус в рогообразном малиновом тюрбане и белой прозрачной кисее на смуглом теле, несколько раз окроплял нас розовой водой.

Представление, начавшееся в 8 часов вечера, дошло до 9-го акта только в два с половиной часа пополудни. Невзирая на стоявшего позади каждого из нас сипая с гигантской *пáнккой* (веером), жара была нестерпимая. Чувствуя себя не в силах выдержать долее, мы отпросились домой. Опять букеты, *пансопари* и окропление розовой водой, и мы наконец добрались домой в четыре часа пополудни... На другой день мы узнали, что представление окончилось в половине седьмого утра.

IV

Раннее утро последних мартовских дней; светлое безоблачное небо. Ветерок, нежно ласкающий бархатной рукой заspanные лица пилигримов; по дороге опьяняющий запах тубероз и жасмина в цвету, перемешанный с острыми запахами базара. Толпы голоногих браминок, стройных и величавых, в цветных *сары*, с блестящими, как золото, медными *лотти* (кувшинами) на головах, направляющихся, как библейская Рахиль, к колодцу. Наполненные тинистой водой священные

танки (пруды), на ступенях которых индусы обоих полов совершают свое утреннее религиозное омовение. Под забором сада, под самыми скалами Малабарского холма, чей-то ручной *мангуст*, величиной с сурка, пожирает голову пойманной им *кобры*; обезглавленное туловище змеи судорожно, но уж безвредно обвивается вокруг и хлещет худощавого зверька, с видимым наслаждением взирающего на эту операцию. Возле группы животных группа индусов. Совершенно нагой *мали* (садовник), стоя у безобразного каменного идола Шивы, сыплет ему приношение соли и бетели, дабы отвратить гнев «Разрушителя» за убийство одного из подвластных ему богов, опасной змеи кобры. В нескольких шагах от железнодорожной станции мы встречаем скромную католическую процессию из новообращенных париев и туземных португальцев. Под балдахинном, на носилках, раскачивается коричневая Мадонна в одеянии туземных богинь и с кольцом в носу (*sic*). На руках у нее младенец в желтых *тиджамах* и красном тюрбане брамина. «*Хари! Хари देваки!*» (Слава, слава деве-богине!) восклицают новообращенные, не признавая ни малейшей разницы между *Деваки*, матерью Кришны, и Мадонной.

Наконец наши *гарри*, туземные двухколесные таратайки с запряженными в них двумя сильными волами с громадными прямыми рогами, подкатывают к крыльцу станции. Чиновники-англичане таратаят в изумлении глаза при виде европейцев в *туземных* позолоченных колесницах... Но мы американцы; мы приехали познакомиться с Индией, а не с Европой и ее произведениями на здешней почве.

Если турист потрудится бросить взгляд на берег, противоположный бомбейской пристани, то он увидит пред собою темно-синюю массу, возвышающуюся, словно стена, между ним и горизонтом. То Парбуль, плоскоголовая гора в 2250 футов высоты. Правый склон ее крепко прижался к двум остроконечным скалам, доверху покрытым густым бором; самая высокая из них — *Матаран*, цель нашей поездки. Полотно железной дороги расстилается у подножия прелестнейших холмов, перескачет сотни озерков и пронзывает слишком двадцатью тоннелями самую сердцевину скалистых *хот*.

Мы ехали с тремя знакомыми индусами. Двое из них — когда-то высокой касты, ныне исключены из нее и «отлучены» от пагоды за сообщничество и сношения с нами, презренными иностранцами. На станции к нам присоединились еще

двое приятелей из туземцев, с которыми мы переписывались из Америки уже несколько лет. Все они члены нашего Общества, реформаторы юной Индии и враги браминов, каст и предрассудков, сговорились отправиться вместе с нами на годичную ярмарку храмового праздника в пещерах *Карли*, посетив сперва Матаран и Кхандалы. Один из них был брамин из Пуны, другой *мудельяр* — помещик из Мадраса, третий *сингалезец* из Кегаллы, четвертый *земшдар* — землевладелец из Бенгала, пятый — громадного роста раджпут, независимый *такур* из провинции Раджастхан,¹ которого мы давно знали под именем Гулаб Лалл Синга, а звали просто Гулаб Синг. Распространяюсь о нем более, нежели о других, потому что об этом странном человеке шли самые удивительные и разнообразные толки. Ходила молва, будто он принадлежит к секте *раджа-йогов*, посвященных в таинство магии, алхимии и разных других сокровенных наук Индии. Он был человек богатый и независимый, и молва не смела заподозрить его в обмане, тем более, что если он и занимался этими науками, то старательно скрывал свои познания ото всех, кроме самых близких ему друзей.

Такуры почти все ведут свой род от *Сурьи* (солнце) и потому называются *сурьявансами*, потомками солнца, в гордости не уступая никому. По их выражение: «земная грязь не может пристать к лучам солнца», т. е. к раджпутам; поэтому они не признают никакой касты, кроме браминов, отдавая почести лишь одним бардам, воспевающим их военные доблести, которыми они так справедливо гордятся.² Англичане страшно

---

¹ Это имя означает буквально «обитель или земля царей», от двух слов: *раджа* — царь или принц, и *стхан* — земля, обитель и владение.

² Замечая о невежестве Европы в отношении Индии, полковник Толд, между прочим, говорит следующее: «Великолепие и роскошь при дворах раджпутских владений в ранние периоды истории несомненно были изумительны, невзирая на поэтические вольности и преувеличения их бардов. Северная Индия была с самых ранних времен богата и в ней-то находились богатейшие сатрапии Дария. Во всяком случае, страна эта изобиловала самыми поразительными событиями, могущими служить богатым материалом для истории. Нет того незначительного в Раджастхане княжества, которое не имело бы своих Фермопил, или городка, не породившего своего Леонида. Но покров веков завесил от потомства то, что перо историка могло бы завещать бесконечному удивлению народов: Сомнаут явился бы тогда соперником Дельф, сокровища Хинда поспорили бы с богатствами ливийского царя, и в сравнении с армией

боятся их и не решились их обезоружить, как другие народы Индии. Гулаб Синг приехал со слугами и щитоносцами.

Владея неистощимым запасом легенд и, как видно, хорошо знакомый с древностями своей страны, Гулаб Синг оказался самым интересным из всех наших собеседников.

— Вон там на лазоревом фоне неба, — рассказывал нам Гулаб Лалл Синг, — рисуется вдали величественный *Бхао-Маллин*; то бывшая обитель святого отшельника, куда теперь ежегодно стекаются толпы пилигримов и где, по глупому народному преданию (прибавил он улыбаясь), происходят разные чудодейные дела... На верху горы в 2000 футов высоты — платформа крепости, а позади ее еще другая скала в 270 футов; на самой ее остроконечной верхушке находится развалина другой, еще более древней крепости, служившей в продолжение семидесяти пяти лет обителью одному святому. Чем отшельник питался, останется навсегда неразгаданною тайной; вероятно, кореньями, которых, впрочем, на голой скале никогда не бывало. Единственный доступ к этому отвесному возвышению — это высеченные в скале углубления для носка ноги и веревочные перила. Казалось бы, одним только акробатам да обезьянам и лазить по ней! И однако же фанатизм придает индусам, по-видимому, крылья: ни с одним из них никогда не было еще несчастного случая. Как на беду, лет сорок тому назад, несколько человек англичан задумали было полезть туда для осмотра развалин. Поднялся ветер и сильным порывом их снесло в бездну. Тогда генерал Диккинсон приказал разрушить доступ к верхней крепости. А нижняя крепость (осада которой стоила бомбейской армии, в первые времена их нашествия, столько крови и потерь) теперь совершенно брошена и служит логовищем тиграм и орлам...

Пред таинственным и грандиозным *прошлым* Индии, древней *Арьяварты*, ее *настоящее* естественная тушевка; черная тень на светлом фоне картины, необходимое зло в цикле каждой нации. Индия одряхла и упала, как падают громадные памятники древности, разбившись вдребезги; но зато каждый из мельчайших кусков этих обломков останется навеки драгоценностью для археолога и артиста, и даже со временем может послужить ключом для философа, как и для

братьев Панду армия Ксеркса стала бы незначительной горстью людей и отодвинулась бы на задний план».

психолога. «Древние индусы строили как гиганты и заканчивали работу как ювелиры», восклицает в восторге епископ Гебер в книге своих путешествий по Индии. Описывая «Тадж-Махал» в Агре,¹ это поистине восьмое чудо света, он называет его «целою поэмой из мрамора». Но он мог бы также добавить, что трудно найти в Индии хотя сколько-нибудь сохранившуюся развалину, которая бы не повествовала красноречивее целых томов о прошлом Индии, о ее религиозных стремлениях, верованиях и надеждах.

Нигде в мире древности, не исключая даже фараоновского Египта, переход от субъективного идеала к демонстрации его объективным символом не выражен более отчетливо, искусно и вместе артистически, как в Индии. Весь пантеизм веданты заключается в символе двуполого божества *Арданари*. Он окружен двойным треугольником, известным в Индии под именем «знака Вишну»; возле него лежит лев, бык, орел; в руке у него полный месяц, отражающийся в воде у ног его. Веданта учит несколько тысяч лет уже тому, что некоторые немецкие философы проповедовали в прошлом и настоящем столетиях, а именно, что все объективное в мире, как и сам мир, не более как иллюзия, *майя*, призрак нашего воображения, заключающий в себе столь же мало действительности, как отражение луны в воде; как феноменальный мир, так и наша субъективная концепция об *эго* — одна греза. Истинный мудрец никогда не поддастся оболещениям иллюзии. Он знает, что человек познает самого себя и становится настоящим *эго* лишь по окончательном слиянии собственной частички с целым, соделавшись неизменным, вечным, всемирным *Брахмой*, и поэтому весь цикл рождения, жизни, дряхлости и смерти в его глазах один фантазм воображения...

Вообще говоря, философия Индии, раздробленная на бесчисленное множество метафизических учений, имеет в связи с ее онтологическими доктринами столь развитую логику и такой замечательной утонченности психологию, что может поспорить в этом со всеми древними и современными школами, как идеалистов, так и позитивистов, и побить каждую по-

---

¹ Тадж-Махал — громадный памятник-мавзолей, построенный императором Акбаром над могилой любимой жены. Его тело лежит рядом с ней, в Агре, на правом берегу реки Юмны. Это здание, которое будет описано мною далее, знаменито своею красотой и нет ему нигде соперников во всем свете.

одиночке. Позитивизм мистера Лунса (Lewes), подымающий дыбом от ужаса каждый волосок на голове оксфордских богословов, является какою-то карикатурной игрушкой пред учением атомистической школы вайшешики, с ее миром, разделенным, как шахматная доска, на шесть категорий вечных атомов, 9 веществ, 24 качества и 5 движений. И как ни трудным и даже невозможным кажется верное представление всех этих абстрактных идей, идеалистических, пантеистических и даже чисто материалистических в сжатой форме аллегорических символов, однако ж Индия сумела более или менее успешно выразить все эти учения. Она обессмертила их в уродливых о четырех головах кумирах, в геометрических формах своих замысловатых храмов и памятников и даже в запутанных линиях и знаках на лбах своих сектантов.

Обо всем этом и о другом рассуждали мы с нашими спутниками индусами. Присевший к нам на одной из станций католической *падре*, учитель из иезуитской коллегии Св. Ксаверия в Бомбее, не выдержал и вмешался в разговор. Улыбаясь и потирая руки, он любопытствовал узнать, в силу каких софизмов мог бы наш спутник доказать что-либо подходящее к философскому объяснению, например, «в основной идее четырех лиц этого увенчанного змеями уродливого Шивы, что торчит там при входе погоды», заключил он, тыкая по направлению идола пальцем.

— Очень просто, — отвечая бенгальский *бабу*. — Вы видите, что эти четыре лика направлены к четырем странам света — к югу, к северу, западу и востоку?.. Но эти лица на одном туловище и принадлежат одному богу...

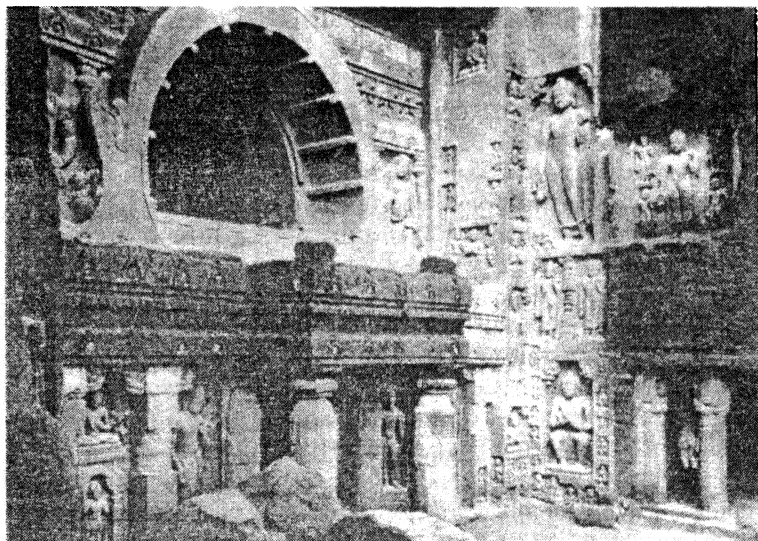
— Вы прежде объясните нам философскую идею четырех лиц и восьми рук вашего Шивы, — заметил он.

— С большим удовольствием... Считая нашего великого Рудру ¹ *вездесущим*, мы изображаем его с лицом, повернутым в одно и то же время во все четыре стороны, восемь рук указывают на его всемогущество, а одно туловище напоминает, что хотя он везде и всюду и никто не может избежать как его всевидящего ока, так и карающей его длани, но все же он един...

Падре хотел было что-то сказать, но поезд остановился: мы приехали в Нарель.

---

¹ Имя Бога в Ведах.

Храм в Аджанте

V

Прошло едва 25 лет с тех пор как Матеран, — громадная масса различных родов траппа, большею частью сильно кристаллизованного, — был впервые попран ногой белого человека. Под самым боком Бомбея, всего в нескольких милях от Кхánдалы (летней резиденции европейцев), грозные вершины этого великана долго считались совершенно неприступными. К северу, его гладкая и почти перпендикулярная стена возвышается на 2450 футов над долиной реки Пен; а еще выше возносятся до облаков бесчисленные вершины отдельных скал, холмы, покрытые дремучим бором и пересеченные долинами и пропастями. В 1854 году железная дорога пронизала один из боков Матерана и теперь доходит до подножия последней горы, останавливаясь в Нарсле, котловине, где еще недавно была одна только пропасть. Оттуда до верхней площадки остается около 8 миль, и туристу приходится выбирать между пони и паланкином, закрытым либо открытым, смотря по вкусу. Так как мы приехали в Нарель только к шести часам пополудни, то последний способ представлял маленькое неудобство:

цивилизация одолела неодушевленную природу, но до сих пор еще, невзирая на весь деспотизм властелинов, не могла преодолеть ни тигров, ни змей. Если первые удалились в более непроходимые трущобы, зато змеи всевозможных родов, особенно кобры и *коралилло*, живущие предпочтительно на деревьях, царствуют в матеранских лесах как и во времена оны, и ведут против узурпаторов настоящую гверильясскую * войну. Горе запоздавшему пешеходу или даже всаднику, проезжающему под деревом, на котором засела такая змея! Кобры и другие пресмыкающиеся по земле породы редко нападают на человека, разве только в случае, если неосторожная нога наступит на них; вообще же они бегут и прячутся от людей. Но эти лесные гверильясы, *tree serpent*, кустарные змеи, выжидают жертв. Едва голова человека поравняется с ветвью дерева, на котором приютился «враг человечества», как, укрепясь за ветку хвостом, змея ныряет всюю длиной туловища в пространство и жалит человека *в лоб*. Этот любопытный факт, долго считавшийся вымыслом, теперь проверен и принадлежит к фактам естественной истории Индии. В подобных случаях туземцы видят в змее посланника смерти и исполнителя воли кровожадной Кали, супруги Шивы.

Но вечер после знойного дня был так обаятелен, а лес манил нас издалека такою прохладой, что мы решились рискнуть. Среди этой дивной природы, где так и тянет стряхнуть с себя земные оковы, обобщиться с нею жизнью беспреградной, и самая смерть в Индии является *привлекательной*.

К тому же после восьми часов вечера всходила полная луна, и нам предстояло трехчасовое путешествие в гору в одну из тех лунных тропических ночей, за который туристы готовы приносить всевозможные жертвы и которые одни только истинные великие художники и способны описать. Молва начинает громко произносить имя нашего В. В. Верещагина как одного из тех немногих художников, которые сумели передать на полотне всю прелесть лунной ночи в Индии...

Пообедав на скорую руку в *дак-бэнглоу* (почтовой станции), мы потребовали наши кресла-носилки. Нахлобучив покрепче на лбы наши *топи* с их широкими, крышей спускающимися на глаза и затылок полями, мы отправились в 8 часов вечера в путь. Восемь *кули*, одетых по обыкновению в «вино-

---

* От испанского *guerillas* — воинство, ополчение. — *Прим. ред.*

градные листья» из тряпок, подхватили каждое кресло и с гиком и криком, бессменными спутниками индусов, пустились в гору. За каждым креслом бежали по восьми человек переменных носильщиков, итого, не считая индусов со слугами верхом, 64 человека: армия, способная спугнуть любого забредшего из *джунглей* леопарда или тигра, словом всякого зверя, исключая только наших бесстрашных «кузенов» по прадедушке Хануману. Едва мы повернули из аллеи в лесок у подножия горы, как несколько десятков этих родственников присоединились к нашему шествию. Благодаря заслугам союзника Рамы, обезьяны считаются в Индии священными, почти неприкосновенными. Правительство, следуя в этом старинной мудрости Ост-Индской Компании, запрещает трогать их или даже прогонять их из городских садов, а тем менее из принадлежащих им по праву лесов. Перескакивая с одной ветки на другую, стрекоча как сороки и делая страшнейшие рожи, они, как ночные кикиморы, преследовали нас почти всю дорогу. Облитые светом полной луны, они висли как русалки на деревьях и, далеко забегая вперед, поджидали нас на поворотах дороги, словно указывая нам путь. Один младенец-макашка так и свалился ко мне в ноги на носилки. В одно мгновение ока родительница его, бесцеремонно перескакивая по плечам носильщиков, явилась тут же и, прицепив младенца к груди, скорчила мне самую богопротивную гримасу... и была такова.

— *Бандры* (обезьяны) всегда приносят своим присутствием счастье, — заметил мне в утешение за измятую топи один из индусов. — К тому же, если мы видим их здесь ночью, то можем оставаться совершенно спокойными: наверное на десять миль кругом нет ни одного тигра...

Все выше и выше подымались мы по крутой извилистой тропе; а лес становился все гуще, темнее и непроходимее... Под чащей иногда становилось темно, как в могиле; пробираясь под вековыми баньянами, невозможно было различить в двух вершках собственный палец. Мне казалось непонятным, чтобы люди шли тут иначе как ощупью; но *кули* даже ни разу не споткнулись, а, напротив, прибавили шаг. Все, как бы сговорясь, молчали в такие минуты; среди этого тяжелого, окутывающего нас как флером мрака, слышалось лишь короткое, прерывистое дыхание носильщиков, да мерная, мелко выбиваемая дробь нервных шажков их босых ног по каменистому грунту тропинки... Делалось больно, стыдно за человечество,

или скорее за ту часть человечества, которая способна была превратить другую во выючных животных. И эти несчастные, с одного конца года до другого, получают за подобную работу по 4 *ашты* в день на человека: 4 *ашты*, то есть менее 8 коп. в сутки за совершение путешествия вверх и вниз на 8 миль в конец, не менее двух раз или четырех концов, что составляет 32 мили на возвышенности 1500 футов и к тому же с ношею на шеях в 6 пудов!.. Впрочем, в Индии, стране застывшей в вековых обычаях, где все идет по одному шаблону, 4 *ашты* — законная плата за день какой угодно работы. Призовите искусного поденщика-ювелира, и он сядет, поджав ноги, на пол, без всяких инструментов, кроме щипцов и крошечной железной печи, и создаст вам, из вашего золота и по данному рисунку, украшение, достойное мастерской фэй. За это, то есть за 10 часов работы, он потребует 4 *ашты*...

Но вот чаще и чаще стали попадаться просеки и открытые площадки, где становилось светло, как днем. Миллионы кузнечиков трещали по лесу, наполняя воздух металлическим звуком, напоминающим гудение губной гармоники; гоготали совы, и стаи испуганных попугаев метались с одного дерева на другое. По временам доносилось до нас издалека, из глубины поросшей дремучим лесом пропасти, долгое, громоподобное рычание тигра, могучий рев которого, по словам *шикарри* (охотников), можно слышать в тихую ночь за много миль. Освещенная, словно бенгальским огнем, панорама изменялась при каждом повороте. Реки, поля, леса и скалы, растилаясь у ног наших на необозримом пространстве, волновались, дрожали, облитые серебряным светом, переливались как волны марева... Фантастичность этой картины просто захватывала дух; кружилась голова, когда заглядывали мы в эти глубины на 2000 футов вниз, при неверном свете луны; а бездна так и тянула к себе... Один из наших спутников (американец), ехавший верхом, принужден был сойти с лошади и пойти пешком, боясь невольно поддаться влечению и нырнуть в бездну головой вниз. Несколько раз мы встречали спускавшихся с Матерана совершенно одиноких мужчин и даже молодых женщин, возвращавшихся с поденной работы на горе в свои села. Но случается нередко, что ушедший накануне человек не возвращается более и пропадает без вести. Полиция хладнокровно решает, что его унес тигр или убила змея, и исчезновение предается тут же забвению: что может значить

одною личностью более или менее среди 240 миллионов народонаселения Индии? Но странно поверье, существующее между племенами Декана, сгруппированными вокруг этой таинственной и доселе во многих местах еще не исследованной горы. Поселяне уверяют, будто, несмотря на число погибающих в горах, никогда еще не было найдено в лесу *ни одного скелета*: покойник, будь он целым или обглоданным тиграми, тотчас же переходит во владение обезьян; они собирают кости и хоронят их в глубоких ямах, зарывая так искусно, что не остается и малейшего следа. Англичане смеются над этим поверьем, но полиция не отрицает бесследного исчезновения тел. При прорытии горы для железной дороги найдено, на удивительной глубине, несколько скелетов, сохранивших как бы измятые зубами зверей и переломанные браслеты и серебряные украшения на руках, ногах и шеех. Эти украшения доказывали, что их владельцев зарывали не люди, так как ни религия индусов, ни жадность их не допустила бы их до этого... Неужели же в царстве животных, как и между людьми, рука руку моет?

Переночевав в португальской гостинице, свитой как орлиное гнездо из бамбука и прилипшей к почти перпендикулярно обрывающемуся боку скалы, мы встали с рассветом и, обойдя все знаменитые красотой *points de vue*,^{*} тотчас же собрались в обратный путь. Днем панорама являлась еще великопнее: недостаточно целых томов для ее описания. Не будь горизонт замкнут с трех сторон истерзанными гребнями горных хребтов — все плато Декана явилось бы пред глазами. Бомбей — как на ладони; лиман, отделяющий город от Сальсеты, кажется тонкою серебристою струйкой. Как змея извивается он кольцами по направлению к гавани, окружает Канери и другие острова, разбросанные словно горошинки по светлой скатерти вод, пока наконец не сливается нестерпимо блестящей линией с далеким горизонтом Индийского океана. С другой стороны северный Конкан, замыкаемый хребтом Таль-Гхат; иглообразные верхушки скал Джано-Мабли, и наконец зубчатый кряж Фунелля, грозный силуэт которого, словно замок сказочного великана, обрисовывает свои темные линии на далекой, дымчатой синеве неба.

Тому, кто совершал несколько раз перевал через Кавказские горы и следил за громом и молнией под ногами с Кре-

---

* Вид (фр.). — Прим. ред.

стовой горы, кто побывал на Альпах и посетил Риги, знаком с Андами и Кордельерами и обходил все углы Катскильских гор в Соединенных Штатах — тому, надеюсь, будет дозволено выразить свое скромное на этот счет мнение. Быть может, Кавказские горы и величественнее и в отношении красоты несколько не уступают *гхатам* Индии, но то красота чисто условная, классическая, если можно так выразиться; она внушает восторг, но вместе с тем и страх: человек чувствует себя пигмеем пред этими титанами природы. Но в Индии, за исключением Гималаев, чувство, возбуждаемое горными видами, совершенно другого рода. Самые высокие вершины нагорной равнины Декана, как и треугольной цепи, обрамляющей северный Индостан, и даже восточных *гхат*, не превышают 3000 футов. В одних только западных гхатах, растилающихся вдоль всего Малабарского берега от мыса Кумари до реки Сурата, найдутся вершины в 7000 футов над уровнем моря. Поэтому, не с белым, как лунь, дедушкой Эльбрусом, или Казбеком, вышиной в 15—16000 футов, мы позволим себе сравнить горы Индостана. Главная и совершенно своеобразная прелесть последних состоит в изумительно прихотливой их форме. Эти горы или, скорее, отдельные вулканические скалы, иногда тесно прижатые друг ко другу, тянутся хребтами; но чаще всего, к великому затруднению геологов, разбросаны безо всякой видимой причины в самых неподходящих к ним по грунту местностях. На каждом шагу пространные долины, замкнутые, как стеной, высокими скалами, по краю которых часто пролегает железная дорога. Взгляните вниз: вам померещится, будто перед вами мастерская прихотливого титана-ваятеля, наполненная разбросанными полуоконченными группами, статуями, памятниками... Вот невиданная птица, распутив крылья и разинув пасть дракона, сидит на голове чудовища в 600 футов вышины; возле нее бюст человека в зубчатом, как стена феодального замка, шлеме; далее сказочные, пожирающие друг друга животные, безрукие статуи, шары, наваленные кучами, одинокие стены с бойницами, переломленные мосты и башни. Все это перепутано, разбросано; все с каждым новым шагом изменяет форму, как призрачные видения во время лихорадочного сна... А главное, нет здесь ничего искусственного; все это чистая игра природы, которою при случае и пользовались древние строители. Человеческое искусство в Индии следует чаще искать

внутри, чем на поверхности земли. Как бы стыдясь или считая грехом соперничать с изваяниями природы, индусы редко строили свои древние храмы иначе, как в недрах земли. Выбрав, например, пирамидально заостренную скалу или куполообразный холм, как в Элефанте и Карли, они выдалбливали их, по преданию Пуран, в продолжение веков, по планам, грандиозность которых превышает все понятия современной архитектуры и теперь совершенно ей недоступна.

Факир в Мадрасе

Лимро-Гуджират, брамин,
член Теософ. общества

Из Нареля проезд в Кхандалы совершается по железной дороге, напоминающей своею удивительною постройкой такую же дорогу из Генуи вверх через Аппенинские горы. Это путешествие скорее можно назвать «воздушным», нежели сухопутным. Дорога проходит на возвышении 1400 футов над Конканом, и в иных местах одна сторона рельсов проложена на острых гребнях скал, в то время как другая опирается на своды арок; один виадук в Мали-Кхинде возвышается на 163 фута. В продолжение двух часов мы летели между небом и землей, окруженные с обеих сторон пропастями, густо заросшими цветущими манговыми деревьями и бананами. Надо отдать справедливость английским инженерам: они строят великолепно.

Переезд через Бхор-гхат совершен благополучно, и мы в Кхандалах. Наш бунгало построен на окраине пропасти, глубину которой тщательно скрыла природа самою роскошною растительностью. Все в цвету, и одной этой бездонной ямы хватило бы на всю жизнь ботаника. Пальмы исчезли; они растут лишь на морских берегах, и их заменили баньяны, манго, *пингалы* (*Ficus religiosa*), смоковницы и тысячи других деревьев и кустарников, пород для нас, профанов, неизвестных. Флора Индии была не раз оклеветана: ее обвиняли в том, что цветы ее прекрасны, но без запаха. Быть может, в известные сезоны замечание окажется справедливым; но пока цветет жасмин и различных родов бальзамины, белая тубероза и золотистая *чампа* — царь по величине меж цветущими деревьями, — то это совершенная неправда. От одного запаха чампы, растущей обыкновенно на гористых местностях и цветущей, как алоэ, один раз каждые сто лет, может закружиться голова; а в этот год сотни таких деревьев цвели на Матеране и в Кхандалах.

Сидя в тот вечер на веранде отеля над пропастью и невольно залюбовавшись окружающими нас видами, мы заговорились почти до полуночи. Все вокруг нас спало, и мы остались одни с нашими спутниками, говорившими по-английски не хуже любого оксфордского профессора. Кхандала, большая деревня, построенная на гладкой ровной возвышенности одной из гор хребта Сахиядры (около 2200 футов над морем), окружена изолированными холмами такой же странной формы, как и прочие. Один из них, прямо пред нами на противоположной стороне пропасти, представлял совершенное подобие длинного одноэтажного строения с плоскою крышей и зубчатым парапетом. Индусы клялись, что в окрестностях этого холма существует потайной вход, ведущий в пространные залы под холмом — целый подземный дворец, и что есть еще люди, владеющие тайной этой подземной обители. Святой отшельник, йог и маг, обитающий уже много столетий в подземелье, открыл тайну его знаменитому махратскому вождю Сиваджи. В этой таинственной обители непобедимый герой, как Тангейзер в опере Вагнера, провел семь лет своей юности; там он и приобрел свою необычайную силу и храбрость.

Сиваджи — деканский Илья Муромец XVII столетия, вождь и царь махратов, основатель их весьма недолгой империи. Ему одному Индия обязана ослаблением, если не совер-

шенным уничтожением мусульманского ига. Маленького, как женщина, роста, с рукой, как у ребенка. Он, однако же, владел необычайною силой, которую, конечно, соотечественники его приписывают колдовству. До сих пор его сохраняющаяся в музее сабля приводит всех в изумление своею величиной и тяжестью, в то время как разве только десятилетний ребенок в состоянии просунуть руку в узкую рукоятку. Основанием славы нашего героя, сына бедного офицера на службе у могольского императора, послужило умерщвление этим новым Давидом мусульманского Голиафа — Афзал-хана. Но он убил его не прашей, а страшным махратским орудием *вагхнакх*, состоящим из пяти длинных стальных, заостренных, как иглы, и крепких, как железо, когтей, которые публичные бойцы надевают на пальцы правой руки и затем рвут друг друга как дикие звери на куски. Декан полон преданиями о Сиваджи, и даже английские историки упоминают о нем с большим уважением. Как в легенде о Карле Великом, одно из местных преданий уверяет, что он не умер, а обитает до поры до времени в одном из многих подземелий горных хребтов Сахиядры. Когда пробьет час освобождения (по исчислению астрологов он недалек), Сиваджи явится и снова освободит свою любимую родину.

Хитрые и ученые брамины, настоящие иезуиты Индии, пользуются этими глубоко вкоренившимися в народе преданиями, чтобы выманить у них деньги, часто даже последнюю корову, кормилицу целых семей. Привожу курьезный пример случившегося всего месяца два тому назад происшествия. В последних числах июля 1879 года появилось послание, таинственно ходившее по рукам в Бомбее. Перевожу буквально с махратского оригинала: ¹

«Шри!» (Приветствие — непере译имое).

«Да будет всем известно, что это послание, начертанное на оригинале золотыми буквами, снизошло в присутствии святых браминов с «Индра-лока» (небо Индры) на алтарь храма Вишвешвара, что во святом граде Бенаресе.

Внимайте и помните, народы Индостана, Раджастхана, Пенджаба и пр. и пр. В субботу, на второй день первой половины месяца *магха*,² эры Шаливагана 1809 года (то есть 1887

---

¹ Оригинал был переведен на все диалекты Индостана (которых 273!!).

² *Магха* — 11-й месяц, по летосчислению эры Шаливагана.

года), ровно через восемь лет, во время Ашвини Накшатра,¹ когда солнце войдет в знак Козерога, а время дня станет приближаться к созвездию Рыб, то есть ровно один час и 36 минут по восходу солнца, пробьет конец калиюге и восстановится столь желанная сатья-юга.² На этот раз сатья-юга продлится 1100 лет. Во все продолжение этого периода сроком человеческой жизни будет 128 лет. Дни удлинятся и будут состоять из 20 часов 48 минут, а ночи из 13 часов и 12 минут, то есть сутки станут длиться ровно 34 часа и 1 минуту. В тот знаменательный для нас первый день сатья-юги, в четыре часа и 24 минуты после восхода солнца, к нам прибудет с далекого севера новый царь, с белым лицом и златыми кудрями. Он сделается самодержавным владыкой Индии. *Майя* (иллюзия) человеческого неверия со всеми ей подвластными ересями будет низвергнута в Патал,³ а *майя* достойных и благочестивых людей поселится с ними и поможет им наслаждаться жизнью в *Мрэтин-локе*.⁴ Да будет также всем и каждому известно, что тому, кто поможет в распространении сей божественной рукописи, за каждую отпустится столько грехов, сколько обыкновенно отпускается набожному человеку за пожертвование брамину ста коров. Что же касается неверующих и непомогающих нам, то они будут отправлены в *Нарак* (ад).

Передано и переписано рабою бога Вишну, во храме Вишвешвара, в Бенаресе — Мадлау Шрирам, в субботу, 7-го дня, первой половины шравана⁵ 1801 года, эры Шаливагана...» (то есть 26 июля 1879 года).

Дальнейшая судьба этого невежественно-хитрого послания мне неизвестна; остановила ли полиция распространение его или нет, — дело мудрых правителей. Но оно превосходно характеризует как легковерие погрязшего в фанатизме народа, так и бессовестность браминов, эксплуатирующих свою несчастную паству.

Чрезвычайно интересно в отношении названия *Патал*, буквально означающего «преисподняя», одно открытие, сделанное санскритским ученым (свами Дайанандом Сарасвати,

---

¹ *Ливини Накшатра* — первое из 27 созвездий на пути луны.

² То есть придет конец Махаюги — великого цикла, обнимающего все четыре юги.

³ *Патал* — в одно и то же время преисподняя (ад) и антиподы.

⁴ *Мрэта* — наша земля; «*Мрэтин-лока*» — место нашей земли.

⁵ *Шраван* — пятый месяц индусского года.

о котором мы говорили во втором письме), особенно если оно подтвердится филологами, как это обещано фактами. Дайананд доказывает, что древние арийцы знали и даже посещали Америку, которая и называется в древних рукописях Паталом — преисподней страной, из имени которой позднее народная фантазия создала ад вроде греческого ᾍδης. Он подтверждает свое открытие изобильными цитатами из старейших писаний, особенно из легенд о Кришне и его любимом ученике Аржуне. По преданию, сам Арджуна ввел это поклонение змеям в Патале. Стечение обстоятельств и тождественность имен до того поразительны, особенно, когда мы находим их в двух совершенно противоположных странах света, что, право, стоило бы нашим ученым обратить на это внимание.

Имя жены Аржуны *Иллуль* чисто древне-мексиканское и если мы отбросим в сторону гипотезу свами, то станет совершенно невозможным объяснить себе присутствие подобного названия в санскритских рукописях задолго до христианских времен. Из всех древних языков и диалектов только между языками аборигенов Америки постоянно встречаются подобные комбинации согласных букв как *тль*, *иль* и т. д. Дайананд указывает, между прочим, на Сибирь и Берингов пролив, как на путь, пройденный Аржуной 5000 лет тому назад и приводивший его в Америку.

Далеко за полночь просидели бы мы, слушая подобные легенды, если бы содержатель гостиницы не прислал предупредить нас об опасностях, угрожающих нам на балконе, ночью, особенно в *лунные* ночи. Программа этих опасностей состояла из трех отделений: 1) змеи; 2) дикие звери; 3) дакоиты. Кроме кобры и «скалистой змеи», здешние горы изобилуют породой маленьких горных змей, известных под именем *фурзен*, самой опасной из всех пород; укушение их убивает человека с быстротою молнии. Луна привлекает их, и целые компании этих непрошенных гостей залезают на веранды домов «греться»; им тут, во всяком случае, теплее, нежели на земле. Цветущая же и благоуханная пропасть у подножия веранды оказывалась любимым местом прогулки тигров и леопардов, приходящих туда по ночам «напиться» у протекающего внизу широкого ручья, и бродящих иногда до самого рассвета под окнами бунгало. Наконец шальные дакоиты, притоны которых рассеяны по этим неприступным для полиции горам, часто стреляют в европейцев из одного лишь удо-

вольствия отправить к праотцам ненавистного им *белляти* (иностранца). За три дня до нашего приезда жена одного брамина была унесена тигром в пропасть, а две любимые собаки коменданта, спавшие на дворе, были убиты змеями. Не дожидаясь дальнейших объяснений, мы немедленно разошлись по своим комнатам. На рассвете нам предстояло ехать за 6 миль в Карли.

VI

В пять часов утра мы уже были у подножия горы, доехав в нашей колыхаге на волах до последних пределов не только экипажного, но и верхового тракта. Последнюю полмилю мы ехали по настоящему взбаломученному морю камней, а теперь оставалось лишь взлезать или скорее карабкаться на четвереньках по тропе, идущей зигзагами вверх по перпендикулярному почти склону в 900 футов высоты. Совершенно растерявшись, поглядывали мы на эту историческую громадину, не зная, что делать далее. Почти на самом верху горы, под далеко нависшими скалами, зияло с дюжину черных отверстий; сотни пилигримов в праздничных одеждах ползли по склону, как разноцветные муравьи. Но тут выручили нас наши преданные друзья индусы. Один из них, приложив ладонь ко рту, закричал громким, пронзительным не то криком, не то свистом. По первому зову раздался ответный сигнал сверху; вслед за тем несколько полуголых браминов — наследственные сторожа храма, — с быстротой и ловкостью диких кошек запрыгали по скалам сверху вниз. В пять минут они уже были около нас, опутали нас ремнями и затем скорее поволокли, нежели повели, вверх. Через полчаса, измученные, но целые, мы уже стояли пред входным портиком главного храма, до той поры сокрытого со всех сторон гигантскими липами и кактусами.

Величественный, весь покрытый скульптурой портик храма (в 52 фута ширины), на четырех массивных колоннах, образующих четырехугольник, покрыт вековым мхом. Впереди портика стоит «колонна льва», так названная от четырех изваянных в натуральную величину львов, сидящих спиной к спине на четырех сторонах капители. Над главной дверью проведена огромная арка, а стены по обе стороны фасадной

двери покрыты изваяниями мужских и женских фигур гигантских размеров: впереди этих фигур далеко выдвигаются из стены три колоссальные слона *en relief* с головами и хоботами. Самый храм овальной формы в 128 футов длины и 46 ширины; среднее его пространство отделено от правого и левого крыла 42 колоннами, поддерживающими круглый куполообразный потолок; за ним, отделенный от первого алтарем, находится другой купол, поменее, над комнатой вроде потаенного святилища, служившего внутренним алтарем для древних первосвященников арийского племени. Оба ведущие к ней боковые коридора, не доходя до главного алтаря, обрываются, заставляя предполагать, что в древности здесь были или двери, или стена, которых теперь уже не существует. Все 42 колонны на высоких подножиях, восьмиугольных стержнях и богатой лепной работы на капителях, изображающей на каждой двух коленапреклоненных слонов с двумя сидящими на них фигурами, бога и богини, «самой изящной работы», говорит Фергюсон. По его мнению, храм этот, или *чаитья*, сохранился лучше всех других и древнее прочих. Он может быть отнесен к эпохе за 200 лет до Р. Х., так как надпись, разобранная Принсепом на колонне Силастамбы,¹ гласит, что *колошта льва* есть жертвоприношение храму от Аджитры Указа, сына Сахы Равизобхоти, а другая надпись указывает на посещение храма Датхамой Харой (он же и Даттагамини) царем цейлонским на 20 году его царствования, то есть 163 года до нашей эры. Д-р Стивенсон,² почему-то в этом случае настаивает на 70 годах до Р. Х., уверяя, будто *Карлен* (Карли) построен императором Девобхути, под надзором Ксенократа (Дханукаката). Но как могло бы это быть ввиду предыдущей и, как доказано, совершенно подлинной надписи? Даже Фергюсон, этот известный защитник египетских древностей и враг древностей Индии, положительно доказывает, что Карли принадлежит к постройкам III века до Р. Х., добавляя при том, что «расположение отдельных частей архитектуры его совершенно тождественно с архитектурой хоров готического круглого или со многоугольными апсидами собора».

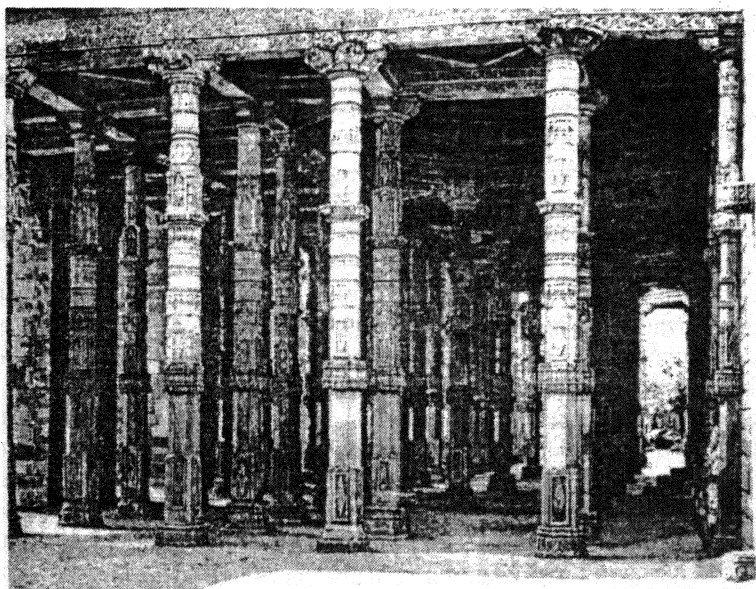
Над главным храмом еще два выдолбленные в скале яруса; в каждом из них открытая во всю ширину галерея с толстыми рез-

---

¹ *Journal of the Asiatic Society*. Vol. VI.

² *Bombay, Asiatic Society's journal*. Vol. V.

ными колоннами, а из галереи идут внутрь горы большие залы-кельи и внезапно оканчивающиеся по-видимому глухую стеной коридоры, иногда очень длинные, но теперь бесполезные. Сто-рожа и хранители святилища либо сами утратили тайну входов, ведущих далее, либо ревниво скрывают ее от европейцев.

Один из храмов

Кроме главной, есть множество меньших *вихар*, или храмов-монастырей, еще древнее первой, как полагают археологи, рассеянных по склону горы; но какому именно веку или эпохе принадлежат они, о том не знает никто, кроме немногих браминов, да и те молчат. Вообще говоря, положение археологов в Индии весьма грустное: массы народа, погруженные в невежество, не могут, конечно, оказать им какой-либо помощи, а ученые брамины, посвященные во все тайны потаенных библиотек в пагодах, молчат и стараются всеми силами препятствовать разысканиям археологов. Да и трудно и даже несправедливо было бы обвинять в этом браминов после всего случившегося. Горький опыт в продолжение долгих столетий научил их, что их единственное спасение — в осторожности и

недоверчивости, иначе и национальная история и драгоценнейшие их святыни давно пропали бы бесследно. Политические перевороты, мусульманские нашествия, столько веков терзавшие Индию и потрясшие эту страну до самого основания, всеразрушающий фанатизм мусульманских вандалов, католические падре, пускающиеся на всякие хитрости, лишь бы завладеть рукописями, а затем уничтожить их, все это более чем оправдывает браминов. Несмотря, однако же, на вековые разрушения, до сих пор в разных местах Индии имеются обширные библиотеки, доступ куда пролил бы яркий свет не только на древнюю историю самой страны, но и на самые темные гипотезы всемирной истории. Некоторые из этих наполненных драгоценными рукописями библиотек находятся во владении туземных принцев и подвластных им пагод; но большая часть в руках джайнов (самой древней секты) и такуров Раджпутаны,¹ старинные, наследственные замки которых разбросаны по всему Раджастхану, как орлиные гнезда, на вершинах скал. Знаменитые коллекции в Джайсалмере и Патане известны, но недоступны правительству. Рукописи написаны на древнем и давно забытом языке, понятном лишь великому первосвященнику и его посвященным библиотекарям. Один толстый фолиант считается до того священным и неприкосновенным, что он повешен на тяжелой золотой цепи среди храма Чинтамуна в Джайсалмере (столице Раджпутанской пустыни) и снимается только для обчистки и нового переплета с каждым восшествием нового понтифика. Это сочинение известного в истории Сомадитьи Суру Ачарьи, великого первосвященника до мусульманского нашествия. Мантия его сохраняется до сих пор в храме и в нее облачается при посвя-

---

¹ Такуры играют в Индии ту же роль, какую играли в Европе средневековые бароны феодальных времен. Номинально они подвластны или своим владетельным принципам, или же британскому правительству: но *de facto* они ни от кого не зависят. Построенные на неприступных скалах, их замки, кроме явного затруднения добраться до них иначе как по одному человеку, гуськом, представляют еще ту выгоду, что каждый из них сообщается с подземными ходами, тайна которых переходит лишь наследственно, от отца к сыну. Мы посетили два из таких подземных покоев: один из них способен поместить в своих обширных залах целую деревню. Одни йоги (кроме владельцев) и посвященные адепты имеют свободный к ним доступ. Хорошо известно, что никакая пытка, — тем более, что они саморучно и ежедневно прибегают к пытке сами, — не в состоянии заставить их выдать тайну.

щении каждый новый первосвященник. Тод, живший столько лет в Индии и приобретший любовь народа и браминов, какой ни один англичанин не добился и не добьется, человек, привязавшийся к этому народу всеми силами души и написавший об Индии единственную правдивую историю,¹ не мог получить дозволения даже дотронуться до фолианта. Молва идет, что ему предложили принять веру этой секты, обещая в таком случае посвятить его во все таинства. Страстный археолог, он чуть было не решился на это, но, принужденный по болезни ехать в Англию, умер, не успев вернуться в свое второе отечество. Таким образом тайна этого нового тома Сивиллы остается доселе неразгаданной.

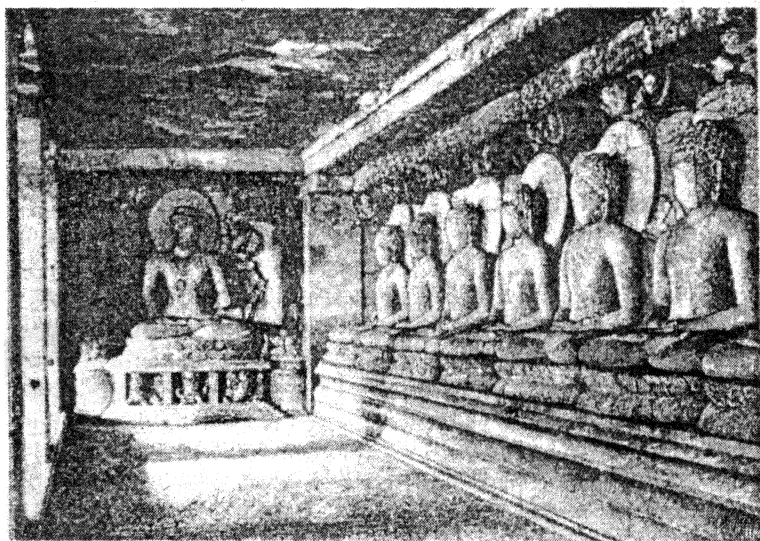
То же рассказывают и о Карли, его библиотеках и подземных ходах. А между тем археологи даже не в состоянии определить, кем построен этот древний храм, буддистами или браминами. Огромная *дагхона* (алтарь), закрывающая от взоров прихожан находящееся за нею святилище, похожая на низкий минарет с куполом, осенена грибообразною крышей, называемую археологами зонтиком, как фигуры Будды и китайских мудрецов. Но шиванты, во владении коих находится теперь Карли, уверяют, будто это приземистое здание, похожее на барабан с куполом, есть *лингам* Шивы. К тому же и лепная работа, и вырезанные в скале изваяния богов и богинь не допускают мысли, что этот храм есть произведение буддистов.

«Мое замечание, что пещеры *чаитьи* как бы мгновенно достигли высшего совершенства в архитектурном и скульптурном смысле, относится в особенности к этому пещерному храму (Карли)», пишет Фергюсон. «Возьмем ли мы нашим путеводителем Махавансу или надписи царя Ашоки, как тот, так и другой выбор приводит нас к одному и тому же результату. Очевидно, что эта страна (Декан) под именем Махараштханы (в рукописях Махавансы, а в надписях — Питеники) есть та самая необращенная земля, куда Ашока на десятом году своего царствования посылал миссионеров Будды; поэтому, если допустить это исчисление, то между обращением страны и сооружением этого великолепного памятника прошло не более одного века. В *вихарах* Карли, как и в других таких же, принадлежащих к той же эпохе, нет ничего такого, что не могло бы быть изваяно из натуральной пещеры того же

---

¹ «The Annals and Antiquities of Rajast'han». By Colonel James Tod.

времени; но в храме Карли мы видим такое смешение стилей и такое совершенство работы, что находимся более чем когда-либо в затруднении. Что такое этот памятник древности? Храм ли то браминов или буддистов? Выстроен ли он по плану, начертанному после смерти Шакьи Синги, или это есть принадлежность еще более древней религии? Наконец, если мы правы, полагая, что рытье пещер началось только после царствования Ашоки (в III веке до Р. Х.),¹ то для чего же, в то время как другие *вихары* (за исключением, впрочем, десятков иных, как Элефанта, Аджунта, Каннери и пр., которые Фергюсон старается придвинуть по возможности ближе к нашим временам) так малы и ничтожны, был предпринят подобный громадный труд прорытия скалы и сооружены именно этого храма?»

В буддийском пещерном храме

«That is the question».² Если Фергюсон, вынужденный фактическими доказательствами надписей допустить древность Карли, все-таки станет утверждать, что Элефанта гораздо современнее, то ему едва ли когда-либо удастся выпутаться из

¹ Умер в 222 до Р. Х.

² Вот в чем вопрос (*англ.*). — *Прим. ред.*

этой дилеммы, так как стиль архитектуры тот же, а скульптурная работа еще грандиознее. Приписывать храмы Элефанты и Каннери буддистам, а затем относить их постройку к IV и V, а другую к X столетиям нашей эры, значить навязывать истории странный и ни на чем не основанный анахронизм. После I века по Р. Х. в Индии не оставалось ни одного влиятельного буддиста; разбитые и преследуемые браминами, они бежали тысячами на Цейлон и за Гималаи. Со смертью царя Ашоки буддизм стал быстро распадаться, и в Индии его совершенно вытеснил теократический брахманизм. Гипотеза Фергюсона, что изгоняемые с материка последователи Шакьи Синги, вероятно, искали убежища на окружающих Бомбей островах, также едва ли может выдержать критически анализ. Элефанта и Сальсета под боком Бомбея (всего в двух и пяти милях) наполнены древними храмами индусов. Возможно ли предположить, чтобы брамины, более чем когда-либо в силе пред периодом, предшествовавшим мусульманскому нашествию, фанатики и смертельные в ту эпоху враги буддистов, дозволили ненавистным им еретикам строить буддистские пагоды не только в своих владениях вообще, но в «Харипури» в особенности, на острове их священного «города пещерных храмов»? Не нужно быть ни специалистом-архитектором, ни великим археологом, чтобы с первого же взгляда убедиться в том, что храм Элефанты, например, есть работа циклопов, требующая столетий, а не годов. В то время как в Карли все выстроено и высечено по строго обдуманному плану, в Элефанте как бы тысячи разных рук, задавая каждая своим планом и следуя собственной идее, созидали каждая в свое время. Все три пещеры, например, выдолблены внутри твердой порфировой скалы: как средний большой, так и два боковые храма. Первый храм, почти квадратный (130 $\frac{1}{2}$ ф. длины и 130 ширины), имеет 26 толстейших колонн и 16 пилястр. Некоторые колонны отстоят друг от друга на 12, другие на 16 футов, на 15 и три вершка, на 13 и два вершка и так далее. Таковую же разницу мы находим в пьедесталах колонн, где каждая разнится украшениями и чистотой работы от другой. Так почему же, спрашивается, не обратить внимания на объяснения браминов? Они говорят, что храм был задуман и начат сыновьями Панду, после «великой войны» *Махабхараты*, и что они завещали всем верующим продолжать работу по своему усмотрению. Затем храм строился целые три века. Желаящий искупить свои грехи приносил резец и работал; часто

многие из членов царских фамилий и сами цари лично принимали участие в труде...¹ Если храм был мало-помалу заброшен, то это потому, что люди предыдущих и нынешнего поколения сделались слишком недостойными посещать подобное святилище.

VII

Ярмарка была в самом разгаре, когда мы, окончив наши визиты в кельи, облазив все ярусы и осмотрев знаменитую «залу бойцов», спустились вниз не по лестницам, от которых не осталось и следа, а как спускаются ведра в колодцы — на веревках. До трех тысяч народа собралось из соседних сел и городов. Женщины, разукрашенные до пояса, в блестящих *сарис*, с кольцами в ноздрях, ушах, губах и всюду, где только можно их прицепить, с гладко зачесанными назад блестящими от кокосового масла волосами, цвета воронова крыла, с синим оттенком, косы коих были украшены пурпуровыми цветами, посвященными Шиве и Баване, женской половине бога. Перед храмом образовались ряды лавочек и палаток, где продавались все принадлежности обычных жертвоприношений: ладан, ароматические травы, сандаловое дерево, рис и *гулаб*, красная краска в порошке, которым они мажут идолов и затем собственные физиономии. Факиры, байраги, госсейны, весь штат нищенствующей братии прохаживались в толпе; обвитые четками, с обмазанными синеваатою сажеей лицами и телом, с их длинными, включенными волосами, собранными на макушке в чисто женский шиньон, они со своими боролатыми физиономиями представляли пресмешное подобие голых обезьян. Некоторые из них, вследствие самобичевания, были страшно изранены. Были тут и *бути* — змее-чародеи, с целыми десятками кобр, фурзенов и змей вокруг пояса, шеи, рук и ног — модель, достойная кисти художника, желающего изобразить мужскую «фурнию». Особенно отличался между ними

---

¹ По правую сторону храма конический камень, называемый *линга* или *лингам* (эмблема Шивы в его роли оплодотворяющей силы природы), стоит посреди небольшой четырехугольной капеллы с четырьмя дверями. Вокруг этой капеллы расположено много огромных человеческих фигур: то, по словам брамhinов, портреты-статуи самих ваятелей, изображающее придверников святилища, индусов самой высокой касты.

один *джадугар* (колдун), обвинивший себе голову кобрами как чалмой; раздув капюшоны и подняв свои зеленые, листообразные головы, кобры безостановочно шипели — шипением, напоминающим тяжелое дыхание умирающего; оно слышно за сто шагов. Быстро высовывая тонкое жало,¹ они сверкали маленькими злыми глазками на всех проходящих... Между прочим, вот что случилось: передаю факт так точно, как происходил, безо всяких объяснений и собственных гипотез, а прямо предоставляя разгадку проблемы натуралистам.

Надеюсь, вероятно, на заработок, *бунн* в змеиной чалме прислал к нам мальчика, предлагая показать, как он очаровывает змей. Не желая терять случая, мы согласились. Не стану распространяться обо всех штуках и фокусах, какие нам удалось видеть; перейду прямо к главному факту. Вынув *вагуду* (род дудки из бамбука), бунн сперва погрузил змей в каталептический сон. Наигрываемая им мелодия, тихая, медленная и чрезвычайно оригинальная, усыпила было и нас самих: по крайней мере, всех нас вдруг стало непреодолимо клонить ко сну безо всякой видимой причины. Из этого полубетаргического состояния мы были вырваны нашим приятелем Гулаб Сингом, который, нарвав какой-то травы, советовал нам натереть ею крепко виски и веки. Затем бунн вынул из грязного мешка что-то вроде круглого камешка, похожего на рыбий глаз или черный оникс с белой крапинкой посередине, величиной с наш гривенник. Он уверял, что кто купит этот камень, тот «очарует» им какую угодно кобру (на других змей камень не действует), мигом парализуя и под конец усыпляя ее: к тому же это единственное, по его словам, спасение против укушения кобры; следует только немедленно приложить этот талисман к ране, к которой он тут же и пристанет так крепко, что его нельзя будет оторвать; затем, высосав весь яд, камень отпадает сам собою, и тогда минует всякая опасность...

---

¹ Выражение, общепринятое на всех языках. «ужаление» змей, чрезвычайно неверно передает факт укушения. Жало змеи (или ее язык) совершенно безвредно. Для того, чтоб яд перешел в кровь человека или животного, змее надо «прокусить» тело зубами, а не уколоть жалом, чего никакая змея не делает. Тонкие, как иглы, глазные зубы ее сообщаются с мешочком (железкой, наполненным ядом и находящеюся под небом); если у кобры вырезать этот мешочек, то она после того живет не более двух, трех дней. Поэтому заявление некоторых скептиков, что *бунн* «вырезают» эти мешочки или железки у своих змей, несправедливо.

Буни между тем стал дразнить своих змей. Выбрав громадную кобру, футов в 8 длины, он раздражил ее до бешенства: обвив хвостом пень, она поднялась на дыбы и стала страшно шипеть.¹ Наконец она укусила буни за палец, на котором вскоре показалось несколько капель крови. У толпы вырвался единодушный крик ужаса. Но буни не торопясь приклеил к пальцу свой камешек, который и пристал к нему как пиявка, и затем стал продолжать свои представления. «У змеи мешок вырезан», заметил полковник из Нью-Йорка; «это просто фарс...» Как бы поняв замечание, буни, после небольшой борьбы в ловкости, поймал кобру за шею одною рукой, а другою всунул ей в рот сломанную спичку, установив ее перпендикулярно между двумя челюстями так, что они остались разинутыми; затем он стал подносить змею к нам поочередно, указывая на убийственную железку с ядом. Но полковник сдался не сразу. «Мешок там, а яду быть может и нет. Почему знаем?» Принесли живую курицу и, связав ей ноги, положили возле змеи. Но та отвернулась от жертвы и грозно шипела на буни. Тогда, просунув между связанных лап курицы палку, буни стал снова дразнить кобру, пока та, наконец, не укусила несчастную птицу. Слабо закудахтала жертва, встрепенулась раз, другой и окоченела. Смерть была мгновенная...

Вслед за этим произошло нечто столь странное, что можно быть заранее уверенным, что мой рассказ восстановит против себя всех петербургских и московских антиспиритов и критиков. Но *факты*, даже вследствие самой убийственной критики, не могут перейти в область фикции, а так и останутся фактами. Змея мало-помалу дошла до такого исступления, что видно было, как самому *джадугару* становилось опасно приблизиться к ней. Как бы приклеенная хвостом ко пню, она металась во все стороны передним телом, стараясь укусить что ни попадало. В нескольких шагах от нас показалась собака, и на нее-то теперь буни устремил все свое внимание. Скорчившись на земле, на благоразумном расстоянии от бесноватшейся кобры, он вперил в собаку неподвижный, стеклянный взор и стал напевать что-то сквозь зубы. Собака сразу обнаружила признаки беспокойства: поджав хвост, она было

---

¹ «Шипеть» также неправильное выражение. Змея (кобра по крайней мере) не шипит, а скорее «хрипит»: тяжелое и громкое дыхание раздувает все тело ее, как грудь у человека.

полуобернулась, чтоб уйти, но осталась как бы прикованною к земле. Через несколько секунд собака стала ползти на животе по направлению к буни, все ближе и ближе, слабо визжа и не сводя с него глаз, словно очарованная... Я поняла мысль чародея, и мне стало ужасно жаль бедной собаки; мне хотелось как-нибудь спасти ее, разрушить это влияние. Но, к ужасу моему, я почувствовала, что у меня самой язык как бы прилип к гортани, и что мне невозможно было не только встать, но и пошевелить пальцем. Эта дьявольская сцена продолжалась, к счастью, недолго. Медленно ползя, собака уже была на пол-аршина от кобры: в одно мгновение со страшным шипением змея кинулась на нее и укусила в голову... С жалобным визгом животное упало на спину, задрыгав ногами и менее чем в минуту издохло. Сомневаться в присутствии яда в мешочке становилось более невозможным. Между тем камешек отпал от ранки, и колдун стал всем показывать свой заживший палец, на котором чуть краснел укол не более как в булавочную головку. Поставив всех своих змей на хвосты и держа камешек между большим и указательным пальцами, он стал показывать влияние на них своего талисмана. По мере приближения пальцев к головам змей, те подавались всем телом назад; упершись глазами в камень, они дрожали, наклонялись все ниже и ниже, пока наконец не падали наземь усыпленные... Затем он предложил скептическому полковнику сделать лично опыт. Несмотря на наши предостережения, этот немедленно согласился, выбрав для первого эксперимента большую кобру. Вооруженный камнем, полковник храбро подошел к ней и поднес его к голове змеи. Сперва, раздув капюшон, она сделала движение, чтобы кинуться на него, но вдруг остановилась как бы вкопанная и, закинув голову назад, вперила глаза в камешек, которым тот медленно водил по всем направлениям, приближая его постепенно ко лбу змеи и заставляя ее крутиться на хвосте. От страха мы положительно не смели двигаться. Когда же камень, а вместе с ним и пальцы полковника приблизились на полвершка от головы змеи, она вдруг зашаталась всем телом и во все стороны, как пьяная; шипенье делалось все слабее, капюшон повис по обеим сторонам шеи; глаза стали закрываться. Склоняясь все ниже и ниже, змея наконец упала наземь, как надломленный сучок дерева, и в свою очередь заснула...

Только тогда мы вздохнули свободно. Отведя колдуна в сторону, мы пожелали купить у него камень, на что он, к на-

шему удивленно, тотчас же согласился, запросив две рупии. Талисман перешел в мою собственность и в настоящее время находится у меня в сохранности. Бунни уверяет (а наш приятель индус подтверждает), что это не камень, а нарост. Его находят в нёбе у кобры, у одной из ста, между костью верхней челюсти и кожей, покрывающей нёбо. Камешек этот не прикреплен к черепу, а висит отдельно на жилке и может быть вынут посредством простого надреза кожи; но вслед за этою операцией кобра умирает. По словам Бишу-Натха (имя нашего колдуна), подобный во рту нарост делает из владеющей им змеи нечто вроде царя между кобрами». Такая кобра все равно что брамин, дважды рожденный брамин между шудрами¹ (говорил бунни), и другие кобры повинуются ей. Затем бунни предложил поймать другую собаку, что и было сделано: змея укусила ее, а он приложил к ранке камень; собака даже и не заметила укушения, оставаясь очень спокойною, пока он не отнял камня от раны. Прощаясь с нами, бунни советовал держать «талисман» в сухом месте и остерегаться оставлять его поблизости мертвого тела, или же оставлять при свете во время солнечного и лунного затмения, иначе он потеряет силу. Затем, в случае укушения бешеной собакой, стоило только положить «камень» в стакан с водой и оставить его в ней на ночь; на другой же день дать больному выпить эту воду, и он выздоровеет.

— Это черт, а не человек! — воскликнул полковник, когда бунни ушел в направлении к святилищу Шивы, куда нас, впрочем, не пустили.

— Такой же смертный, как и мы с вами, — заметил, улыбаясь, *раджпут*, — и даже очень невежественный. Только, как почти все эти *serpent charmers*,* он воспитан браминами во храме Шивы, великого патрона всех змей; там их учат разным «месмерическим фокусам» *практически*, не объясняя им ровно ничего, с целью, чтоб они верили, что все это производится Шивой, которому они, конечно, и приписывают всю честь своих чудес.

— Но ведь правительство давно уже предлагает премию в несколько тысяч рупий за противоядие от укушения кобры.

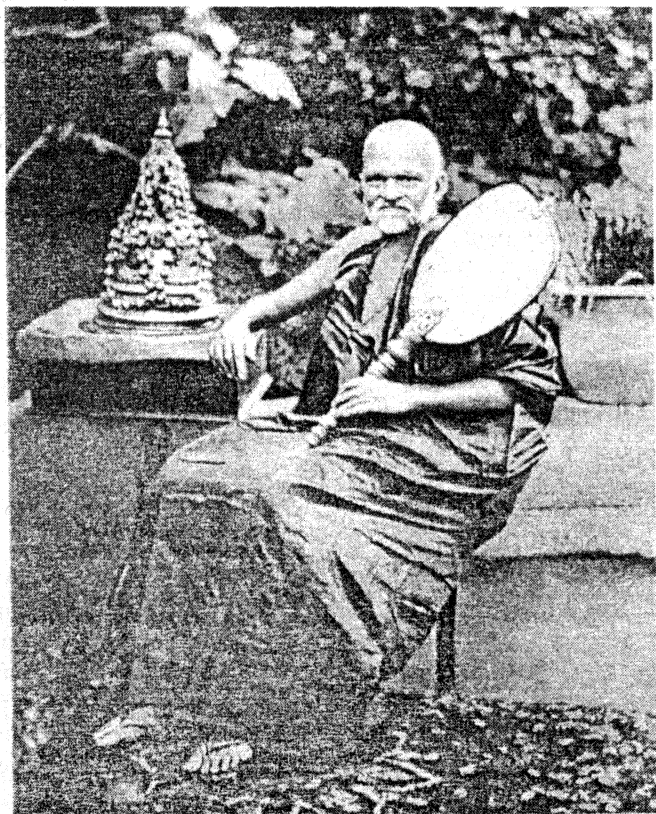
---

¹ *Шудры* — низшая из четырех главных каст: 1) брамины. 2) кшатрии (воины). 3) вайшья (купеческое сословие) и 4) шудры (земледельцы, слуги) Эти четыре касты подразделяются на бесчисленное множество других.

* *Заклинатели змей (англ.)*. — *Прим. ред.*

Почему же они не являются за премней, когда каждый год погибает столько народу?

— Брамны никогда не допустят их до этого. Если бы правительство потрудились вникнуть серьезнее в статистику смертных случаев от укушения змей. то оно нашло бы, что *ни один шдус из секты Шивы не умирает еще от кобры*. Умирают люди других сект, а своих они спасают.

Суббати-Веллиманкара, первосвященник при храме Будды

— Но ведь вот же он нам, незнакомым, и вдобавок иностранцам, открыл секрет. Почему же англичанам не воспользоваться им?

— Потому что для европейцев он совершенно бесполезен. Индусы и не скрывают этого противоядия, ибо знают, что без них никто не в состоянии им воспользоваться. «Камень» сохраняет свою силу лишь при условии быть вынутым из *живой* кобры. Чтобы поймать эту змею живою, необходимо сперва погрузить ее в летаргический сон или, как это называется, «очаровать» ее. Кто из иностранцев способен на это? Даже между индусами, за исключением воспитанников шиваитских браминов, не найдется ни одного во всей Индии человека, владеющего этим секретом древности. Одни брамины Шивы, да и то далеко не все, а только исключительно принадлежащие к школе лже-Патанжали, к школе так называемых аскетов *бхутов* (демонов), имеют монополию. Во всей стране осталось лишь с полдюжины таких школ-пагод, рассеянных по всем пунктам Индии, а их обитатели скорее расстанутся с жизнью, чем выдадут тайну.

— Мы заплатили две рупии за камень, который в руках полковника оказал такое же влияние, как и в руках буни. Разве так трудно скупать запасы подобных камней?

Наш приятель засмеялся.

— Через несколько дней талисман в ваших неопытных руках потеряет всю свою целительную силу. Он оттого-то так дешево и продал вам его, и в эту минуту, вероятно, приносит свой ловкий обман в жертву пред алтарем своего божества. За одну неделю целительного свойства вашей покупки ручаюсь; затем вы можете его смело выбросить за окно.

Мы скоро убедились в истине сказанных слов на деле. Укушенная на другой же день зеленым скорпионом девочка каталась в последних судорогах. Как только мы приложили к ране камень, ребенок получил немедленное облегчение, а через час уже весело играл, тогда как в случае укушения даже простым черным скорпионом люди болеют по две недели. Но когда дней *через десять* после того в Аллахабаде мы пожела-ли испробовать силу «камня» над бедным кули, которого только что ужалила змея (тут же убитая кобра), талисман наш даже и не пристал к ране, а через час несчастный умер.

Я не берусь ни объяснять, ни защищать свойство «камня»; я просто заявляю факт, оставляя его дальнейшую судьбу на произвол судьбы и господ скептиков. Но и в этом мне легко пайти много живых свидетелей в Индии. Когда д-р Файрер, только что издавший в свет свое известное во всей Европе

сочинение о змеях Индии *Thanatophidia*, категорически заявил в нем о своем неверии во все эти пресловутые средства «фокусников» Индии, то случилось следующее. Его повар через неделю или две по появлении его ученого сочинения между англо-индийцами был укушен коброй. Проходивший мимо дома буни вызвался спасти несчастного. Именитый натуралист уже приготовился было приказать вытолкать буни за порог, как майор Келлей и другие офицеры упростили его «попробовать». Презрительно махнув рукой и объявив, что через час его повара все-таки не станет, доктор согласился. *Через час* повар стряпал почтенному ученому и его гостям обед на кухне, а сам профессор чуть было не кинул свое новое сочинение в огонь...

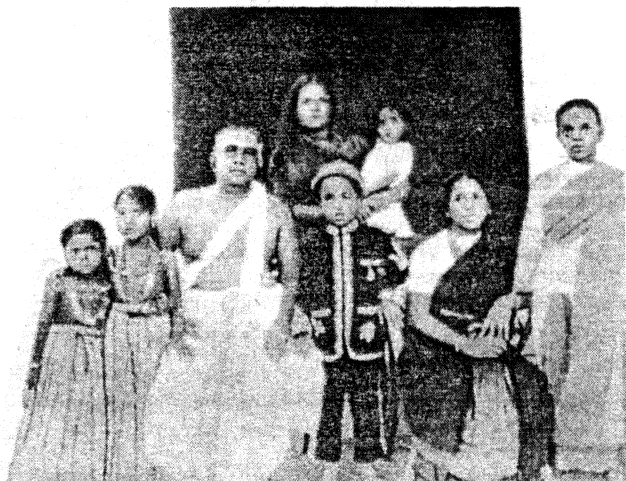
День становился страшно знойным; солнце накалило скалы до такой степени, что они жгли ноги даже сквозь толстые подошвы. Мы решились уйти домой, то есть в нашу прохладную пещеру, находившуюся шагах в шестистах от большого храма.

VIII

Пройдя портик у главного входа, мы заметили стоящего отдельно от толпы молодого человека, поразившего нас своею идеальною красотой. То был член секты *садху*, «кандидат во святого», как выразился один из нашей компании.

Эти *садху* отличаются от прочих сектантов. Они не ходят нагими, не покрывают тела мокрою золой, не носят отличительных знаков на лице и лбу и не поклоняются идолам. Принадлежа к строгой секте адвайти школы веданты, они признают лишь Парабрахму (великого духа). Одетый в довольно приличную светло-желтую кисейную рубашку без рукавов, с длинными распущенными волосами, *садху* стоял с непокрытою головой, опершись локтем на корову, с выросшею у ней из горба «пятою ногой». Это удивительное произведение природы обмахивалось своею пятою ногой, словно рукой, чеша голову копытцем и хлопая им по ней мух. Приняв сперва этот запасный член за фокус, мы очень недоверчиво смотрели как на него, так и на красивого обладателя коровы; но, подойдя ближе, мы убедились, что то действительно была игра шаловливой природы, а не хитрость человека. Мы узнали от хозяи-

на, что это животное было подарено ему магаджей Холькаром и уже два года кормило его своим молоком, единственной его пищей.

Браминская семья. Глава семьи в молельном костюме.

Садху — ученики и последователи *раджа-йога* обыкновенно секты ведантистов (как уже сказано выше), то есть посвященных мистиков, совершенно отрешившихся от света и ведущих целомудренную жизнь монахов; они не отличаются каким-либо особенным костюмом, кроме белого тюрбана и длинных волос. Между *садху* и *буни* (учеников шиваитов) существует смертельная вражда, выражающаяся с одной стороны молчаливым презрением, а с другой — неудачными со стороны буни попытками стереть *садху* с лица земли. Эта неприязнь напоминает антагонизм «света и тьмы», нечто вроде дуализма Ахура-Мазды и Аримана у последователей Зороастра. На первых народ взирает как на магов, сынов солнца и божественного начала; на вторых — как на опасных колдунов. Наслышавшись о репутации первых и их «чудодейных» способностях, сгорая любопытством увидеть на деле приписываемые им (даже многими англичанами) *чудеса*, мы очень просили *садху* навестить нас вечером в нашей вихаре. Но красивый аскет наотрез отказался, под предлогом, что мы посе-

лились в храме идолопоклонников, одна атмосфера которых действует на него неприязненно. Видя его непреклонность, мы было пробовали предложить ему денег, но он решительно от них отказался, и мы ушли.

Группа учеников махатм, среди которых полковник Олькотт и Е.П. Блаватская

Тропинка, или скорее выем на почти перпендикулярной стене скалы к нашей вихаре, ведет от главной пещеры вдоль обрыва в 900 футов глубины. Требуется верный глаз, твердая поступь и очень крепкая голова, чтобы при малейшем неосторожном шаге не скатиться в пропасть; тут посторонняя помощь почти бесполезна, так как по этому выему (около двух футов ширины) идти двум особам рядом положительно невозможно. Пришлось пробираться гуськом, призывая на помощь все имеющееся налицо присутствие духа; у некоторых же из нас этот дух находился в бессрочном отпуску. Особенно неприятно было положение нашего американского полковника. весьма полного, близорукого почти до слепоты и, вследст-

вие этого, страдающего головокружением. В виде слабого утешения, мы было затагнули хором дуэт из *Нормы* «*Morgiam insieme*»... и для вящей уверенности, что смерть либо минует всех, либо мы все четверо «умрем вместе», крепко держали друг друга за руки — гуськом; однако полковник нас заставил-таки сильно перетрусить за него. Мы были уже на полдороги, как вдруг он, оступившись, зашатался, внезапно вырвал руку из моей руки и — покотился вниз... Держась все трое одною рукой за кусты и скалы, мы даже не успели поддержать его другою. Вырвавшийся у нас единодушный крик ужаса замер с первой секунды, когда, обернувшись лицом к пропасти, мы увидели, как, наткнувшись по склону шагах в шести под нами на деревцо, он повис на нем обеими руками и ногами. К счастью, мы знали его за хорошего гимнаста, владеющего к тому же замечательным хладнокровием. Но минута была критическая: тонкий ствол мог каждую минуту сломаться, и наш полковник полететь в бездну. Мы уже стали было кричать о помощи, как вдруг, будто выросши из недр горы, нам предстал таинственный садху со своею коровой...

Оба шли футах в двадцати под нашими ногами, по невидимым выступам скал, где, казалось, негде было укрепить и детской ноги — шли также беспечно и уверенно, как если бы вместо отвесной скалы они шли по широкой шоссеиной дороге. Подняв голову, садху закричал висевшему над его головой полковнику держаться крепче, а нам не трогаться с места. Ласково потрепав «пятиногую» по шее, он снял с нее веревку, все время тихо напевая что-то вроде «мантры»; затем, взяв ее обеими руками за голову, направил ее в нашу сторону и, зашелкав языком, спокойно сказал ей: «чал!» (иди!) В одно мгновение, запрыгав, словно дикая коза, вверх по скалам, корова очутилась немного впереди нас, где и стала на тропинке, как вкопанная. Сам же садху, по-видимому, с такою же ловкостью полез к дереву, и обмотав полковника веревкой за пояс, сперва поставил его на ноги, а затем, поднявшись выше на тропинку, одним взмахом сильной руки втащил его за собою, немного бледного и потерявшего лишь свое *rinse-nez*, но отнюдь не присутствие духа.

Происшествие, грозившее было окончиться трагедий, заключилось комедией.

Солнце уже склонялось к западу и становилось опаснее, чем когда-либо, терять время. «Через несколько минут станет

темно, и тогда мы все погибнем», заметил секретарь полковника, Эдвард У***. Между тем наш *садху*, не понимавший, по-видимому, ни слова по-английски, опутав снова шею своей коровы веревкой, стоял неподвижно на повороте тропинки. Его высокая, тонкая фигура, возвышаясь над пропастью, словно висела на воздухе; одни развевающиеся по ветру длинные черные волосы заставляли помнить, что пред нами стоит живой человек, а не великолепное бронзовое изваяние. Забыв только что миновавшую опасность и наше положение, мисс Б., художница по призванию и страстная почитательница всего артистического, громко воскликнула: «Вы только взгляните на этот чисто греческий, величественный профиль!.. Посмотрите на позу этого человека... Как он весь отделяется на золотисто-голубом фоне неба. Это греческий Адонис, а не индус»... Но «Адонис» первый прервал этот восторг. Он медленно повернулся к нам, взглянул мельком, не то кротко-насмешливым, не то презрительным взором на выпучившую на него глаза мисс Б***, и произнес своим тихим певучим голосом на языке хинди:

— Маха-саиб (великий саиб, господин) не может идти далее без помощи чужих глаз; его глаза — враги саиба. Пусть саиб сядет на мою корову; она никогда не оступится...

— Чтоб я сел верхом на корову, да еще вдобавок и пятиногую? никогда! — воскликнул бедный полковник с таким растерянным видом, что мы все покатались со смеху.

— Лучше саибу сидеть на корове, нежели лежать на чите,¹ — серьезно и также кротко заметил *садху*. — Зачем приближать час, который еще не пробил?

Делать было нечего, и мы наконец уломали полковника. Осторожно и ловко посадив его на корову и посоветовав держаться крепче за ее пятую ногу, индус повел ее на веревке вперед, а за ним поплелись и мы.

Через минуты две мы уже стояли на крытом крыльце или — по-здешнему — веранде, идущей глубоко внутрь скалы вихары, где и нашли наших вернувшихся другою тропинкой индусов. Рассказав им о происшествии, мы повернулись, ища глазами *садху*. Но он уже успел исчезнуть со своею коровой...

— Не ищите его, он ушел другою, одному ему известною дорогой, — небрежно заметил Гулаб Синг. — В вашей благо-

---

¹ *Читта* — костер, на котором сжигают покойников.

дарности он вполне уверен, а денег ваших ему не нужно. Он садху, а не бун, — добавил он с гордостью.

Мы вспомнили, что наш гордый приятель сам принадлежит к секте садху.¹

— Кто знает. — шепнул мне полковник, — быть может и правда, что о нем говорят?

В главной зале вихары, в трех стенах которой были прорыты двери в 12 меньших келий, находилось высеченное в скале в натуральный рост изображение *Бавани* (богиня Шивы). Из утробы «деваки» струились чистые, прохладные воды горного родника, падавшие в бассейн у ног ее. Кругом лежали кучи жертвоприношений: цветы, рис, бетель и ладан. Там было так сыро, что мы предпочли остаться почевать на воздухе. Таким образом мы провели эту ночь на веранде, висая, можно сказать, между небом и землей, освещаемые снизу огнями пылавших костров, зажженных слугами Гулаб Синга на страх диким зверям, а сверху — светом полной луны. Эта обстановка, ужин в чисто-восточном вкусе, на полу, на разостланных коврах и на толстых банановых листьях вместо тарелок; скользящие неслышными шагами, как немые тени, босые служители в белых кисейных драпировках и красных тюрбанах; пред нами беспредельная глубь, теряющаяся в волнах лунного сияния, а за нами темные своды вековых пещер, вырытых неизвестною расой, в неведомые времена и неведомо в честь какой доисторической религии, — все это переносило нас в непривычный мир, в другие далекие эпохи... Вот пред нами сидят пять представителей пяти различных народов, пяти совершенно разных типов и в пяти разнообразных костюмах. Все пятеро известны в этнографии под генерическим названием *индусов*, вроде того как орлы, грифы, ястреба, коршуны и совы известны в орнитологии за «хищных», но представляют между собою такую же разницу. Каждый из этих пяти собеседников — раджпут, бенгалец, мадрасец, сингалезец и махрат — потомок рас, о началах и происхождении которых европейские ученые спорят уже более полувека, не приходя ровно ни к какому между собою соглашению. Несмотря ни на что, показания самих народов отвергаемы по

---

¹ «Садху-Нанака» не следует смешивать с сектой синхов последователей «Гуру-Нанака»: первые — ведангисты «Адвайты»: последние — монотеисты. *Адвайты* признают лишь «Парабрахму», *безличное* божество.

большой части потому только, что они не гармонируют с предвзятыми понятиями; смысл древних рукописей их перековеркан и факт отдан в жертву фикции, коль скоро последняя исходит из уст неких излюбленных оракулов. Невежественный народ часто обвиняется в суеверии по той лишь причине, что создает себе вымышленных идолов в мире духовном; а между тем образованный мир, мир жаждущий познаний, мир просвещенный, поступает в отношении к своим авторитетам еще глупее обвиняемого им народа. Предоставив полдюжине увенчанных лаврами ученых право извращать факты по своему, выводить собственные заключения по личному усмотрению, он побивает камнями каждого, кто осмелится восстать против резолюции этих якобы непогрешимых специалистов, называя его невеждой и глупцом. Вспомним, например, случай с Луи Жаколио, прожившим двадцать лет в Индии, изучившим в совершенстве язык и страну и смешанным однако же с грязью Максом Мюллером, чья нога никогда не была в Индии.

Самые древние народы Европы являются ребятами, еле вышедшими из пеленок в сравнении с племенами Азии, особенно в Индии. И, Боже мой, как жалки и бедны кажутся генеалогии самых старинных европейских фамилий сравнительно с генеалогией некоторых раджпутских семейств! По мнению полковника Тода, более двадцати лет изучавшего их на месте в Раджастхане, эти родословные, ведущие свои записи от 1000 до 2200 лет до Р. Х. и подтверждаемые во множестве случаев греческими писателями, являются самыми совершенными и самыми безошибочными между родословными всех древних народов. После долгих и тщательных разысканий и сравнений с ними *Пуран* и разнообразных надписей на памятниках, Тод пришел к заключению, что в одних рукописях Удайпурского архива (ныне уже кем-то припрятанных) найдется ключ не только к истории Индии, но и ко всемирной древней истории. Вот что, между прочим, говорит он по этому поводу: «Дабы отыскать этот ключ, мы не должны следовать легковерному примеру многих археологов, незнакомых с Индией и потому воображающих, будто истории Рамы, Махабхараты, Кришны и пяти братьев Панду суть одни лишь «аллегории». Тот, кто пожелает серьезно вникнуть в их легенды, очень скоро убедится, что эти так называемые «басни» все до одной основаны на фактах истории, доказательством чему служат

потомки их героев, племена, древние города и до сей поры существующие монеты. Разберем сперва надписи на колоннах *Инды-Престхы*, *Пураса* и *Мевара*, на скалах *Джунагура* в Биджоли, на *Аравули* и в древних, рассеянных по всей Индии джайнских храмах, где мы находим столько надписей на языке, до сей поры нам неизвестном языке, в сравнении с которым самые иероглифы являются игрушкой, — и только тогда мы получим право выразить наше окончательное мнение».

А между тем профессор Макс Мюллер, который, как сказано выше, никогда и не заглядывал в Индию, судит и рядит и устанавливает для нее хронологические таблицы по собственному усмотрению. Европа, принимая его слово за слово оракула, беспрекословно подчиняется его решениям. Et c'est ainsi que s'écrit l'histoire...^{*} Говоря о хронологии почтенного немецкого санскритолога, не могу утерпеть, чтобы не показать (хоть бы России), на каких хрупких началах основаны все его ученые доводы и как мало мы можем придавать веры его исчислениям, когда дело идет о давности той или другой рукописи. Быть может, что в этом поверхностном описании Индии, не имеющем ни малейшей претензии на ученость, сказанное мною покажется не идущим к делу; но в России, как, впрочем, и во всей Европе, об этом филологическом светиле судят лишь по знакам восклицания и одобрения его подобострастных последователей, а *Веда-Бхаши*, например,¹ свами Дайянанда не читают, да может никогда и не слышали об этом сочинении, что профессору Макс Мюллеру, конечно, весьма на руку. Постараюсь передать суть дела как можно короче.

В своем санскритском сочинении *Sahitya Grantha* профессор Макс Мюллер, указывая, что арийское племя в Индии приобрело свои понятия о Боге постепенно и чрезвычайно медленно, желает этим доказать, что *Веды* совсем не такое древнее писание, как это утверждают некоторые из его коллег. Представив затем более или менее веские доказательства и подтверждение этой новой теории, он заключает их неопровержимым, по его мнению, фактом, указывая в *Мантрах* на слово *hirannya-garbha*, которое он переводит словом «золото», и при этом добавляет, что так как отдел *Вед*, называемый

---

^{*} И так пишется история (фр.). — Прим. ред.

¹ Перевод *Вед* на язык хинди с комментариями и объяснениями. Это первый полный перевод.

Chanda, появился 3100 лет тому назад,¹ то отдел *Maṅtra* не мог быть написан ранее 2900 лет. При этом он рассекает филологически и хронологически *Maṅtra* («Agnihī Roogwebhīhī» etc.), в которой он находит выражение *hirannya-garbha* и затем торжественно уличает оное в анахронизме: «о золоте древние народы не имели никакого понятия (говорит он), стало быть, если в *Maṅtra* говорится о золоте, то эта *Maṅtra* сочинена и эпоху сравнительно современную» и пр.

Но тут именитый санскритолог сильно обрывается. Свами Дайананд доказывает, а за ним и другие ученые пандиты и даже самые ему неприязненные подтверждают, что Макс Мюллер совершенно не понял значения термина «*Hirannya*». Первоначально оно вовсе не означало, а в соединении со словом *garbha* и теперь не означает «золота» — слова современного и не существующего на старом санскритском языке *Ved*. Таким образом, все блестящие доводы профессора так и пропадают даром; слово *Hirannya* в этой *Maṅtra* должно переводить «божественный свет», символ познания (в мистическом смысле), подобно тому, как у алхимиков «свет» назывался *сублимированным золотом*, из лучей которого они надеялись составить объективный металл. А в соединении со вторым словом — *Hirannya-garbha* (буквально *светозарное чрево*), означает в *Vedaх* первоначальный принцип, в утробе коего (как золото в утробе земной) покоится свет божественного познания и истины, эссенция освобожденной от греховного мира души. В *Maṅtraх*, как и в *Chandaх*, постоянно следует искать двоякий смысл: 1) чисто-метафизический и отвлеченный и 2) чисто-физический, так как земное или существующее на земле тесно связано с миром духовным, из которого исходит и которым снова поглощается. Например, *Индра* бог грома, *Сурья* — бог солнца, *Вайю* — бог ветра, и *Агни* — бог огня; все четверо, подвластные этому первоначальному божественному принципу, исходят, по учению *Maṅтры*, из утробы *Hirannya-garbha*. В этом случае они (боги), подвластные единому принципу, суть духи или олицетворенные силы природы. Но посвященные в таинство адепты Индии весьма хорошо понимают, что вместе с этим бог *Индра*, например, просто

---

¹ *Веды* разделяются на две части: на *Чанды* (стопы, стихи и пр.), и на *Maṅтры* (молитвы, ритмические гимны и вместе с тем заклинания в их применении белой магией).

звук, происходящий от столкновения электрических сил, или, вернее, само электричество; *Сурья* не бог солнца, а центр огня в нашей системе — эссенция того, из чего проистекают огонь, тепло, свет и т. д., то есть именно то, чего никто, даже из наших великих ученых, лавирующих между Тиндалем и Шрёпфером, не умел еще определить... Этого-то тайного смысла профессор Мюллер и не сумел доискаться, вследствие чего он и рубит сплеча, придерживаясь одной мертвой буквы. Каким же образом позволяет он себе определять давность Вед по собственным выводам и заключениям, когда он еще так несовершенно понимает язык этого древнего писания?..

Вот сущность ответа свами, к которому мы и отсылаем гг. санскритологов, если они только потрудятся заглянуть в его *Rigvedādi Bhāshya Bhoomika*¹ (книга 4, стр. 76).

В эту ночь все мои спутники, кроме меня, спали как убитые. Свернувшись возле догорающих костров, они нимало не обращали внимания ни на гул доносившихся с ярмарки тысяч голосов, ни на продолжительный, глухой, словно раскаты далекого грома, рев тигров, поднимавшийся из долины, ни даже на громкое моление пилигримов, шествие которых по узкому карнизу скалы, с которого мы чуть было не слетели днем, продолжалось взад и вперед всю ночь. Они приходили партиями по два, по три человека; иногда шли одинокие женщины. Так как им не было доступа в большую вихару, на веранде которой мы лежали, то, поворчав, они отправлялись в боковую келью, нечто вроде часовенки, с изображением Деваки-Мата (богини матери) и с наполненным водою *танком*. Подойдя к дверям, пилигрим простирался на земле, клал приношение у ног богини и затем или окунался в «святую воду очищения», или же, зачерпнув рукой воды из *танка*, мочил себе лоб, щеки, грудь; потом снова простирался и шел уже назад, спиной к дверям, где опять простирался, пока с последним воззванием к «мата, маха мата!» (матери, великой матери!) окончательно не исчезал в темноте. Двое слуг Гулаб Синга, с традиционными копьями и щитами из носорожьей кожи, получив приказание охранять нас от диких зверей до рассвета, сидели на ступеньке над пропастью. Не в состоянии уснуть, я следила за всем окружающим с возрастающим любопытством.

---

¹ Это периодическое ежемесячное издание, вероятно получается в России, в С.-Петербургской Академии Наук.

Не спал в ту ночь и такур. Каждый раз, как я полуоткрывала отяжелевшие от усталости веки, мне бросалась в глаза гигантская фигура нашего таинственного друга...

Поместясь по-восточному (с ногами) на одной из высеченных в скале скамеек, у самой окраины веранды, он сидел неподвижно, обвив обеими руками приподнятые колена и вперив глаза в серебристую даль. Раджпут сидел так близко к краю, что малейшее неосторожное движение, казалось, должно было свергнуть его в зиявшую у ног его пропасть. Но он двигался не более стоявшей наискось от него гранитной богини Бхавани. Обливавшее все впереди его сияние месяца было так сильно, что черная тень под нависшею над ним скалой делалась еще непроницаемее, оставляя его лицо совершенно во мраке. Только вспыхивавшее по временам яркое пламя догорающих костров, обливая темно-бронзовое лицо горячим отсветом, позволяло порой разглядеть неподвижные черты сфинксоподобного лика, да как угли светящиеся, такие же неподвижные глаза.

Что это? спит ли он или замер? Замер, как замирают посвященные *раджа-йоги*, о которых он сам рассказывал утром... О Боже мой! хоть бы заснуть!.. Вдруг громкое продолжительное шипенье, раздавшееся у самого уха, как бы из-под сена, на котором мы свернулись, заставило меня внезапно вскочить с какими-то неясно определенными воспоминаниями о «кобре». Затем пробило раз, другой... То был наш американский дорожный будильник, как-то нечаянно попавший под сено. Сделалось и смешно, и стыдно за невольный испуг.

Но ни шипенье, ни громкий бой часов, ни мое быстрое движение, заставившее мисс Б*** сонливо приподнять голову, не пробудили Гулаб Синга, который все также висел над пропастью, как и прежде. Прошло еще с полчаса. Несмотря на долетавший издалека гул праздника, все кругом было тихо и неподвижно; сон бежал от меня все более и более. Подул свежий предрассветный и довольно сильный ветер, разом зашелестевший листьями и вскоре закачавший кругом нас вершинами торчавших из бездны деревьев. Все мое внимание было теперь сосредоточено на группе трех сидевших предо мною раджпутов: на двух щитоносцах и их господине. Не знаю почему, но оно было особенно привлечено в эту минуту длинными развивавшимися по ветру волосами слуг, сидевших сбоку всранды и более защищенных от ветра, нежели их *саиб*.

При взгляде в его сторону, мне показалось, будто вся кровь у меня застыла в жилах: висевшую возле него и крепко привязанную к колонне кисейную вуаль (*топи*) хлестало со всех сторон ветром; длинные же волосы *саиба* лежали неподвижно, словно приклеенные к плечам: ни один волос не шевелился, ни малейшего движения в легких складках обвивавшей его белой кисеи; изваянная статуя не может казаться неподвижнее...

Да что ж это такое? Бред, галлюцинация или изумительная, непонятная действительность? Крепко зажмурив глаза, я было решила не глядеть долее. В эту минуту что-то захрустело в двух шагах от ступени, и длинный черный силуэт — не то собаки, не то дикой кошки — ясно очертился на светлом фоне неба. Животное стояло на краю обрыва боком, и высокий, трубою хвост то подымался, то опускался в воздухе... Оба раджпута быстро, но неслышно встали и повернули голову к Гулаб Сингу, как бы ожидая приказаний... Да где же сам Гулаб Синг? На месте, где за минуту до того он так неподвижно сидел, никого не оказалось; лежала лишь одна сорванная ветром *топи*... Страшный, продолжительный рев вдруг оглушил меня, заставив вскочить на ноги; рев этот, проникнув в вихару, казалось, разом пробудил уснувшее эхо и отозвался глухими раскатами вдоль всего обрыва. Господи... тигр! Не успела эта мысль еще ясно сложиться в уме моем, как захрустели деревья, и словно чье-то тяжелое тело покатилося в пропасть. Все мгновенно вскочили; мужчины схватились за ружья и револьверы; произошла страшная суматоха...

— Что с вами? — раздался спокойный голос Гулаб Синга со скамьи, где он снова сидел, как ни в чем не бывало. — Что это вас всех испугало?

— Тигр! Ведь это был тигр? — посыпались вопросы европейцев и индусов. Мисс Б*** дрожала, как в лихорадке.

— Тигр, или что другое, теперь это для нас очень мало значить. Что бы оно ни было, теперь оно лежит на дне пропасти, — отвечал, зевая, раджпут. — Вы, кажется, особенно встревожены? — добавил он с легкою иронией в голосе, обращаясь к истерически рыдавшей англичанке, которая видимо колебалась, упасть ли ей в обморок или нет.

— И почему это правительство не уничтожит всех этих ужасных зверей? — всхлипывала наша мисс, вполне веровавшая во всемогущество своего правительства.

— Вероятно потому, что наши *повелители* приберегают порох на нас самих, делая нам честь считать нас опаснее тигров, — отрезал Гулаб Синг.

Чем-то грозным и вместе насмешливым звучало это слово «повелители» в устах раджпута.

— Но каким же образом вы отделались от «полосатого»? — допытывался полковник. — Разве кто стрелял?

— Огнестрельное оружие только у вас, европейцев, считается *единственным* или, по крайней мере, *самым верным способом* одолевать диких зверей. У нас, дикарей, есть и другие средства, даже более опасные, — пояснил бабу Нарендро Дас-Сен. — Вот когда вы приедете к нам в Бенгалию, то будете иметь хороший случай познакомиться с тиграми; они приходят к нам непрощенные и днем и ночью, даже в городах...

Начинало светать, и Гулаб Синг предложил спуститься вниз и до первых жаров осмотреть другие пещеры и развалины крепости. В пять минут все было готово к завтраку, и в половине четвертого мы отправились другой, более покатой дорогой в долину, на этот раз без особенных приключений. Только махрат, не говоря ни слова, отстал от нас и исчез.

IX

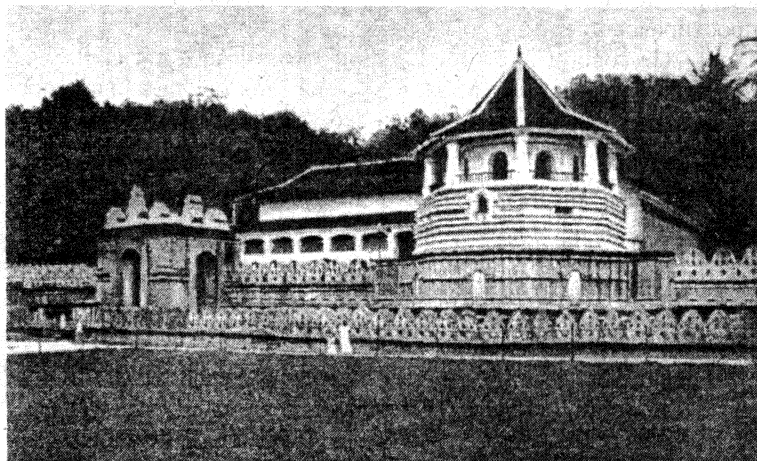
Осмотрев Логарх, крепость, взятую Сиваджи в 1670 году у могулов, и ныне разрушенные покои, где вдова Нана Фарнави́зы¹ под предлогом протекции и 12000 рупий пенсии со стороны Англии, сделалась *de facto* пленницей генерала Уелслея (Wellesley) в 1804 году, мы поехали в богатую и когда-то укрепленную деревню Варгаон. Там мы решили переждать знойные часы (от 9 утра до 4 пополудни) и потом ехать в исторически знаменитые пещеры Бирзы и Баджах, милях в трех от Карли.

Часа в два пополудни, когда, обвеваемые огромными протянутыми через всю длину комнаты пánками, мы, несмотря на то, сильно охали от жары, неожиданно предстал нам исчезнувший с дороги приятель наш — махратский брамин. Со-

---

¹ Нана Фарнави́за был первым министром пешвы, молодого Махадева Рао, которого он так строго держал в руках, что тот, после публично полученного от него выговора, утром 26 октября 1796 г., бросился вниз с террасы своего замка, в Пуне, и умер.

проводимый полдюжиной дакни (жителей Деканского плато), он тихо ехал верхом, сидя почти на ушах лошади, которая фыркала и очень неохотно шла; когда же он подъехал к крыльцу веранды и спрыгнул с коня, мы увидели в чем дело: поперек седла лежал, волоча по земле хвост, громадный тигр. Из полуоткрытой пасти висела кусками запекшаяся черная кровь. Его сняли и положили у порога.

Храм в Конди, где хранится зуб Будды

Неужели это наш ночной посетитель? мелькнуло у меня в уме. Я взглянула на Гулаб Синга. Он лежал в углу на ковре, опершись головой на руку, и читал; брови его слегка нахмурились, но он не произнес ни слова. Молчал и брамин, привезший тигра, тихо отдавая приказание, словно он приготавлился к торжественному таинству. По народному суевию, то было действительно «таинством», как мы это скоро узнали...

Клочок шерсти тигра, убитого не пулей или каким-либо холодным оружием, а *словом*, считается самым верным талисманом против нападения ему подобных. «Такие случаи чрезвычайно редки, говорил нам махрат, так как чрезвычайно трудно встретить человека, обладающего этим *словом*. Отшельники *йоги* и *садху* не убивают их, считая убиение даже тигра и кобры грехом, а просто *отстраняют* от себя зверей. Есть только одно *братство* в Индии, члены коего обладают

всеми секретами и для которых нет в природе тайн... А что тигр был убит не вследствие падения со скалы (они никогда не оступаются), не пулей и не каким-либо другим орудием, а просто *словом* Гулаба Лалл Синга, то в этом нам порукой тело самого зверя». «Я нашел его очень скоро», продолжал рассказывать брамин, «в кустах, где он лежал, прямо под нашею вихарой, и у подножия скалы, с которой он скатился вниз уже мертвым... Гулаб Лалл Синг, — ты раджа-йог, и я тебе кланяюсь!..», добавил гордый брамин, присоединяя дело к слову и простираясь пред такуром на землю.

— Не говори пустого, Кришнарао! — перебил его Гулаб Синг. — Вставай, и не представляй из себя *шудры*... Тигр просто свалился со скалы и сломал себе при падении шею. Иначе нам пришлось бы употребить в дело оружие, а не *слова*...

— Повинуюсь тебе, саиб, но... прости, что верю все-таки в *свое*... Ни один *раджа-йог* еще не сознавался, что он принадлежит к *братству*, с тех пор как существует гора Абу.

Он стал оделять нас клочками шерсти, вырываемой им у мертвого зверя. Все молчали. Со странным чувством любопытства я стала наблюдать над группой моих спутников. Полковник (президент нашего общества) сидел, потупив глаза в землю и очень бледный; секретарь его, мистер У***, курил сигару и лежал навзничь, вперив холодные, ничего не выражающие глаза в потолок. Он молча принял клочок шерсти и спрятал его в портмоне. Индусы стояли над тигром, а сингалезец чертил какие-то кабалистические знаки на лбу у зверя. Один Гулаб Синг продолжал лежать, спокойно читая в углу. Мисс Б*** тихо предложила мне вопрос: «Знает ли наше правительство о существовании этого *братства*, и дружелюбно ли расположены *раджа-йоги* к англичанам?»

— О, чрезвычайно дружелюбно! — серьезно отвечал раджпут, прежде чем я успела раскрыть рот, — если они только существуют: одни раджа-йоги мешали до сей поры индусам перерезать всем вашим соотечественникам горло; удерживая их... *словом*.

Англичанка не поняла.

Наши психологические исследования в Индии начинались, по-видимому, хорошо, обещая столь же богатую нашему обществу жатву, как и археологические.

Пещера Бирзы — около шести миль на юго-запад от Варгаона, вырыта по тому же плану, как и Карли. Сводообразный

потолок храма поддерживается двадцатью шестью колоннами, 18 футов вышины, а портик — четыремя в 28 футов, над которыми высечена замечательной красоты группа лошадей, быков и слонов. Зала «посвящения», огромная овальная комната с колоннами и одиннадцатую кельями, идущими внутрь скалы. Пещеры Баджа древнее и красивее. Там сохранились надписи, доказывающие, что все эти храмы были высечены буддистами, или скорее джайнами. Нынешние буддисты признают, как известно, лишь *одного* Будду — Гаутаму, принца Кашилавасту (VI века до Р. Х.), а джайны считают и признают за Будду каждого из своих двадцати четырех (*Тиртаикара*) божественных учителей, из коих последний был учителем (*гуру*) Гаутамы. Это разногласие чрезвычайно мешает верному определению древности некоторых вихар или *чаитий*. Секта джайнов неизвестной и глубокой древности; поэтому имя *Будды*, упоминаемое на надписях и таблицах, может относиться как к последнему, так и к первому Будде, жившему (по генеалогии, составленной Тодом) гораздо ранее 2200 лет до Р. Х. Первая надпись, например, в пещере Беире (гвоздеобразная) гласит так:

«Аскетом из Пазики, уподобленному очищенному от грехов *святому* Будде, первобытному, небесному и великому».

Решают, что эта пещера вырыта буддистами.

Вторая надпись в той же пещере, над другою кельей, содержит в себе следующее:

«Благоугодный дар небольшого приношения движущейся силе (жизни), умственному принципу (душе), многолюбимому вещественному телу, плоду Ману, бесценной драгоценности, высшему и присутствующему здесь Небесному».

Выходит, что постройка принадлежит не буддистам, а браминам, признающим Ману.

Или вот еще эти две надписи (из пещеры Баджа):

1) «Благоугодный дар символа и колесницы (вместилища) грехоочищенного Сака-Сака».

2) «Дар вместилища Радды (жены Кришны, символ совершенства) Сугате, навеки ушедшему»

Сугата опять одно из имен Будды. Опять противоречие!

Здесь, возле Варгаона, после сражения Кхирхи, махраты схватили капитана Вогана (Vaughan) и брата его, которых и повесили.

В тот же вечер мы вернулись в Бомбей. Через два дня мы готовились пуститься в наше далекое путешествие в северо-западные провинции, и наш маршрут казался самым привлекательными. Мы приготовлялись увидеть Бенарес, город 5000 храмов и стольких же обезьян; Канпур, прославленный кровавым мщением Нана-Саиба, и развалины города Солнца, разрушенного, по мнению Колебрука, около 6000 лет тому назад; Агру и Дельхи, и затем, объехав весь Раджастан с его тысячами такурских укрепленных замков, крепостей, разрушенных городов и легенд, намеревались проехать в Лахор, столицу Пенджаба, и остановиться, наконец, в Амритсаре. Там, в *Золотом Храме*, построенном посреди озера «Бессмертия», должна была состояться первая встреча членов нашего «Общества» — браминов, буддистов, сикхов, словом, представителей тысячи и одной секты двухсот сорока пятимиллионной Индии, которые все, более или менее, сочувствовали нашему Теософическому *Обществу братства со всем человечеством*.

Х

Бенарес, Праяга (ныне Аллахабад), Насик,* Хардвар, Бадринат, Матхура — вот те священнейшие места древней доисторической Индии, которые одно за другим мы собирались посетить, но, конечно, не так, как их обыкновенно посещают туристы à vol d'oiseau,** с дешевым *гидом* в кармане и под командой сбивающего вас и с ног, и с толку чичероне. Нет, мы хорошо знали, что вокруг всех этих мест, словно плющ на развалинах старых замков, обвилось предание, веками выросли сорные травы фантазии, пока, наконец, по примеру этих паразитных растений, постоянно сдавливая в своих холодных объятиях стены, они совсем не разрушили первобытной формы здания, и археологу так же трудно по обезображенным, усыпающим окрестности остаткам судить об архитектуре когда-то целого здания, как и для нас из этой массы легенд отделить плевелы от настоящего зерна. До неискаженной истины, до первоначальной истории каждой интересующей нас местности нам, конечно, придется доискиваться самим, следуя собственным соображениям.

---

* Ныне Нашик. — *Прим. ред.*

** Поверхностный взгляд (фр.). — *Прим. ред.*

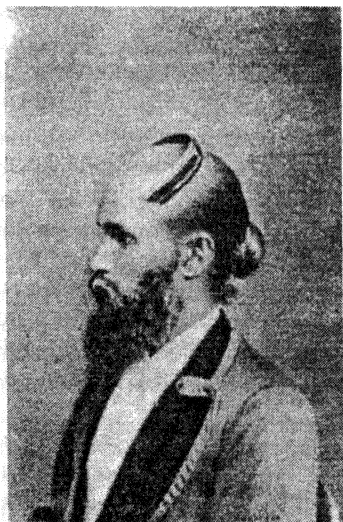
Современная Индия не представляет и бледной тени не только древней, то есть Индии дохристианской эры, но даже и Индостана под владычеством Аурангзеба, Акбара, Шах-Джахана. Словно кровавыми, окаменелыми слезами усеяны круглым красноватым булыжником окрестности каждого многократно истерзанного города, каждой разрушенной деревушки. Но не по природным камешкам, изранивая себе ноги, приближаетесь вы к высоким, окованным железом воротам старинных укрепленных городов, а по гранитным еще древнейшим обломкам, под которыми часто покоятся развалины третьего еще более древнего города. Нынешние названия даны им мусульманами, которые обыкновенно строили свои города на пепелище побежденных, взятых приступом городов; названия последних кое-как еще упоминаются в преданиях, но названия их предшественников исчезли из памяти людской еще до мусульманского вторжения. Кому когда удастся проникнуть в эти вековые тайны!..

Зная все это заранее, мы решились не терять терпения, и даже, если бы того потребовали обстоятельства, посвятить целые годы на частые экскурсии в одни и те же места, пока не добьемся более верных исторических данных, менее исковерканных фактов, нежели добытые нашими предшественниками. Последние должны были довольствоваться набором диких вымыслов, с трудом вызываемых из уст напуганного, неохотно отвечающего дикаря, или же враждебного, нарочно искажающего истину брамина. Нам же помогает целое общество образованных, заинтересованных теми же вопросами, как и мы, индусов; мы уже имеем положительное обещание быть допущенными хотя бы в некоторые тайны древних хранителей их, *махайтов*, слышать не предание, а верный перевод старинных, чудом уцелевших хроник и грамот о некоторых городах.

История Индии давно исчезла из памяти ее сынов, она совершенно неизвестна ее завоевателям; но она несомненно существует, хотя, быть может, и в растерзанных частях, в тщательно оберегаемых от европейского глаза рукописях. Недаром брамины, в редкие минуты дружеских излиятий, иногда проговаривались. Так не раз уже упомянутому мною англичанину Году старый *махайт* (настоятель) некоего древнего храма-монастыря раз заметил: «не теряй времени, сааб, в напрасных розысках: Индия *беллати* (Индия иностранцев, англ-

личан) пред тобою, *гупта* Индию (то есть тайную) ты никогда не увидишь; мы, хранители ее тайн, скорееотрежем язык друг у друга».

Буддист, член
Теософического общества

Брамин, член
Теософического общества

И однако же Тод много кой-чего узнал. Правда, ни один англичанин не был так любим туземцами, как этот старый, храбрый друг Махарани Удайпурского; но зато и он любил туземцев и никогда не показывал презрения даже к беднейшему из них. Он писал до периода полного развития современной этнологии, и книга его до сей поры считается авторитетом во всем касающемся Раджастанхана. Хотя, по собственной скромной оценке ее автора, она представляет «лишь свод добросовестно собранных материалов для будущего историка».

Так пусть же недоверчиво улыбаются наши друзья и наши недоброжелатели, даже смеются над нашею претензией «проникнуть в мировые тайны Арьяварты», как выразился недавно один критик. Смотри с самой пессимистической точки зрения, наши заключения если даже и не окажутся достовернее заключений и доводов Фергюсона, Вильсона, Уиллера и прочих археологов и санскритологов, трактовавших об Ин-

дии, то во всяком уж случае не будут бездоказательнее прочих. Нам замечают, что мы неблагоприятно затеяли то, пред чем ежедневно отступают археологи и историки, которым способствует здешнее правительство с его влиянием и неистощимой казной; что мы взялась де за работу, оказавшуюся не под силу даже Азиатскому Королевскому обществу...

Пусть так. Но у всех свежо в памяти, а у нас тем более, как бедный венгр, не только без средств, но почти нищий, отправился пешком в Тибет, чрез страны неизведанные, опасные, увлекаемый лишь любознательностью да желанием пролить свет на историческое начало своего народа. В результате вышло то, что были внезапно открыты неисчерпаемые рудники литературных сокровищ. Филология, дотоле бродившая в египетских потемках безвыходного лабиринта этимологий и уже важно предлагавшая ученому миру помириться с самыми фантастическими теориями, вдруг неожиданно напала на нить Ариадны. Она открыла, наконец, что санскритский язык если не праотец, то все же «старший брат» всех других древних языков, по выражению Макса Мюллера. В Тибете найдена неисчерпаемая литература на языке, о письменности которого не было ничего известно. Благодаря необыкновенному рвению Александра Ксомо де *Кэрэши*, она им частью переведена, а частью анализирована и выяснена. Перевод же его доказал всему ученому миру, что, во-первых, подлинники *Зенд-Авесты* — солнцепоклонников, *Трипитаки* — буддистов, и *Айтареубрахманы* — браминов, были в оригиналах своих написаны на том же древнесанскритском языке; во-вторых, что все три языка, то есть зендский, непалийский и современный или брахманосанскритский — более или менее диалекты первого; в-третьих, что от санскритского произошли все менее древние индо-европейские и современные языки и диалекты Европы; в-четвертых, что три самые значительные религии язычества: зороастризм, буддизм и брахманизм, хотя только ереси монотеистического учения *Вед*, но это не мешает им быть всем трем древними религиями, а вовсе не современными подлогами.

Мораль вышесказанного очевидна. То, чего не могли бы добиться целые поколения ученых, то есть проникнуть в *ламасерии* Тибета и получить доступ к священной литературе этого вполне изолированного народа, того добился бедный странник, без средств и без протекции; быть может, и даже вероятно, только потому, что смотрел на диких монголов и

тибетцев, как на *братий* своих, а не как на *низшую расу*. И стыдно становится подумать, стыдно за человечество вообще, а за науку в особенности, что первый добывший такие драгоценные для науки результаты, сеятель столь обильной для нее жатвы, оставался почти до самой смерти тем же непризнанным бедным тружеником. Достигнув Калькутты по возвращении из Тибета пешком, без гроша денег, он сделался известен и его имя стало громко произноситься с почестями и хвалой лишь в то время, как, вследствие бескорыстной любви своей к науке, Ксомо де Кэрэш умирал в одном из беднейших кварталов Калькутты и, больной, на обратном пути пешком через Сикким в Тибет умер в Даржелинге, где и похоронен.

Само собою разумеется, что в пределах журнальных писем нельзя было серьезно начинать что-либо подобное затеваемому нами. Мы могли лишь надеяться, что зложим первый камень здания, дальнейшую постройку коего может взять на себя разве будущее поколение. Чтоб успешно опровергнуть установленные целыми двумя поколениями индологов мнения о древностях Индии, потребуется не менее полувека упорной работы. А для того чтобы заменить эти мнения другими, необходимо заручиться фактами, основанными не на хронологии и лжепоказаниях лукавых браминов, заинтересованных в невежестве европейских санскритологов (как то испытали, к своему горю, лейтенант Вильфорд, а за ним Луи Жаколио), а на неопровержимых доказательствах древнейших, доселе неразобранных надписей, ключа к которым европейцы еще не нашли, ибо он, как не раз уже указано, хранится в *не менее древних*, почти недоступных рукописях. Да если даже наши надежды и осуществятся, и мы получим этот ключ, то и тогда явится другая необходимость: начать систематическое опровержение, страница за страницей, каждого из многих десятков фолиантов, доселе опубликованных Королевским Азиатским обществом, *гипотез*. А на это потребовалось бы дюжины постоянно занятых ученых санскритологов, которые даже в Индии редки, как белые слоны.¹

Сильно занятые подобными мыслями, мы, то есть один американец, три европейца и три туземца, заняли целый вагон

---

¹ Благодаря частным капиталам и усердию некоторых образованных патриотов-индусов, два *даровые* класса языков санскритского и *пали* уже были открыты: один в Бомбее — Теософическим обществом, другой в Бенаресе — под председательством ученого Рамы Мисры Шастри, а в 1882 году первое имело уже 14 школ на Цейлоне и в Индии.

Great Indian Peninsular Railroad, и отправились в Насик, один из древнейших, как уже упомянуто мною, городов Индии, и самый священный в глазах обитателей западного президентства. Насик заимствует свое имя от санскритского слова *насика*, то есть «нос», вследствие эпической легенды, уверяющей, будто Лакшман, старший брат обоготворенного царя Рамы, отрезал на этом самом месте нос у великанши «Сарпнаки», сестры царя Раваны, похитителя Ситты (троянской Елены индусов).

Поезд железной дороги останавливается в шести милях от самого города, и мы приехали в ночь; поэтому нам пришлось отправиться далее в час пополудни в шести золоченых двухколесных таратайках, называемых *экка*, и на волах. Даже невзирая на поздний час ночи, рога этих животных были вызолочены и украшены гирляндами цветов, а на ногах звенели медные браслеты. Дорога пролежала неровными, ухабистыми оврагами, густо заросшими джунглями, в которых, по приятному показанию наших возниц, постоянно играли в прятки тигры и другие четвероногие мизантропы лесов. С тиграми в эту ночь мы не знакомились, но зато в продолжение всей дороги были угощаемы концертом целого общества шакалов. Неотвязно следовали они за нами, раздирая уши своим воплем, диким хохотом и лаем. Эти милые животные здесь до того дерзки и вместе с тем трусливы, что хотя они в ту ночь бегали вокруг стаями достаточно сильными, чтобы легко поужинать не только всеми нами, но и нашими златорогими волами, ни одно из них однако не осмелилось подойти ближе нескольких шагов. Достаточно было стегнуть одного из них длинным кнутом, которым мы запаслись от змей, чтобы вся стая с невообразимым визгом далеко отбегала прочь. И однако же погонщики не пренебрегли ни одним из своих суеверных средств против нападения тигров. Они хором пели заклинательные молитвы «мантры», сыпали бетелем по дороге в знак своего уважения к лесному «радже», и после каждого куплета заставляли волов становиться на передние колена и низко наклонять в честь высших богов голову, причем легкая, как ореховая скорлупа, *экка* грозила каждый раз, вместе с седоком, перекинуться вверх дном через рога животных. Это приятное путешествие в темную ночь длилось пять часов. Мы достигли «гостиницы пилигримов» лишь в шесть часов утра.

Настоящая причина святости Насика, как мы узнали, не в отрезанном хоботе великанши, а в местоположении города на

Годавари, вблизи источников этой реки, называемых почему-то туземцами *Гангой* (Гангес). Этому магическому имени, вероятно, город и обязан своими многочисленными богатыми храмами и отборным классом браминов, поселившихся на берегах реки. Два раза в год пилигримы собираются сюда молиться, и число странников превышает в такие торжественные дни даже население Насика (35000). Чрезвычайно живописны, но столь же и грязны дома богатых браминов, построенные вдоль спуска, от центра города до самых берегов Годавари, по обеим сторонам которой тянутся целые леса узких пирамидальных храмов. И что ни храм, то легенда, которую каждый брамин из массы этих наследственных жуликов рассказывает на свой манер, в надежде, конечно, на приличное вознаграждение.

Самое интересное в Насике — это пещерные храмы, расположенные в пяти милях от города.

Так как приходилось долго ехать в крутую гору, то мы решились отправиться на слонах. Нам привели лучшую парочку в городе, самца и самку, на которых, по уверению хозяина, «ездил сам принц Уэльский и остался доволен». За все удовольствие туда и назад на целый день мы сторговались по две рупии за слона, ударили по рукам и стали приготовляться.

Наши товарищи-туземцы, с малолетства привыкшие джигитовать на слонах, мигом очутились на спине у своего. Как мухи облепили они его, преспокойно рассевшись где ни попало, цепляясь за разные веревочки сидений гораздо более пальцами ног, нежели рук и вообще представляя картину полного довольства и комфорта. Под нас, европейцев, как самую смиренную из двух, приготовили слоницу, на спине которой прикрепили нечто вроде двух скамеечек, на сиденье покато на обоих боках и без малейшей опоры для спин. Недоверчиво посматривали мы на это «усовершенствованное» сиденье, но делать было нечего. Наш вожак (махут) поместился между ушами громадного животного (о росте которого несчастные подростки, показываемые в странствующих цирках Европы, дают весьма слабое понятие), а мы с постыдным чувством мурашек по всему телу кое-как влезли по лесенке на спину слоницы, ставшей по приказанию *махута* на колена. Она носила поэтическое название *Чанчули-Пери* (в переводе «Деятельная Пери») и была действительно самая послушная и веселая из всех когда-либо виденных мною представительниц своей породы. Крепко

цепляясь друг за друга, мы, наконец, подали сигнал, и *махут*, вооруженный железным дротиком, ткнул животное острием его в правое ухо. Установясь сперва на передние ноги, от чего нас отбросило назад, слониха тяжело приподнялась затем на задние, и мы, едва удержавшись от падения, шарахнулись вперед, чуть было не сбив *махута* с места. Но этим не окончилось еще наше испытание. При первых шагах *пери* мы все четверо развалились в разные стороны, словно комки киселя...

Пришлось остановиться. Нас кое-как подобрали, причем добродушная *Пери* много помогала нам хоботом. Мы отправились далее. С ужасом подумывая о предстоявших нам пяти милях подобного путешествия и совестясь отказаться от поездки, мы однако с гневом отвергли постыдное предложение хохотавших товарищей привязать нас к сиденью... Чуть не пришлось мне горько раскаяться в своем самолюбии. Этот непривычный нам способ локомоции * являлся чем-то невообразимо фантастическим и вместе глупым. Рысью бежавшая возле важно шагавшей слонихи лошадь с багажом казалась нам с непривычной высоты каким-то малым осленком. Каждый шаг *Пери* превращал нас в акробатов, заставляя выкидывать самые неожиданные штуки. Шагнет она правой ногой — и мы ныряем вперед; левой — мы как сноп и валимся назад, все время вдобавок перетряхиваемые с одного ее бока на другой. Это ощущение, особенно под палящим солнцем, стало вскоре переходить в лихорадочный бред, оно являлось чем-то средним между морской болезнью и кошмаром во сне. К довершению удовольствия, только что мы стали подниматься по каменистой, извилистой тропинке, на окраине глубокого оврага, в гору, как вдруг наша *пери* тяжело оступилась. Этот неожиданный толчок заставил меня окончательно потерять равновесие: сидя на задней части спины слонихи, на почетном месте экипажа, я неудержимо покатилась вниз, и в следующую затем секунду непременно очутилась бы с неприятным для своей особы изъязном на дне оврага, если бы не удивительный инстинкт и понятливость нашего умного животного. Слониха задержала мое падение со своей «покатоности», буквально поймав меня налету *хвостом*. Чувствуя вероятно, что я падаю, она крепко и ловко обвила хвост вокруг моего туловища и тут же, установясь как вкопанная, стала опускаться на

---

* Передвижение (англ.). — Прим. ред.

колена. Но природная тяжесть моя дала себя, вероятно, знать и оказалась не под силу тонкому хвосту доброго животного. Хотя *Пери* и не выронила меня, но зато быстро опустилась на землю и тут же тихо и жалобно замычала, вероятно размышляя, что чуть было не поплатилась за свое великодушие собственным хвостом. Так по крайней мере заявил соскочивший мигом с ее головы *махут*, бросившийся на помощь мне и принявшийся осматривать якобы «поврежденный» хвост слониhi. И тут произошла сцена, как нельзя лучше характеризующая грубое лукавство, хитрость, жадность к наживе и вместе с тем трусость низшего класса индусов, «бескастников» (*outcastes*), как их здесь называют.

Сперва хладнокровно осмотрев хвост и для вящей проверки крепко дернув его несколько раз, он уже собирался возвратиться на свое место, но, услышав мое неосторожное соболезнование о хвосте *Пери*, он внезапно и самым неожиданным образом переменил тактику. Бросившись плашмя наземь, он вдруг стал кататься по ней, испуская все время ужасные, дикие вопли. Рыдая на всю долину, он стал приговаривать и причитать, как над покойником, стараясь уверить публику, будто «мам-сааб»¹ оторвала у его *Пери* хвост. «*Пери* навеки осрамлена (плакался он). Ее супруг, свидетель позора ее, гордый *Айравати*, прямой потомок любимого слона бога *Индры*, теперь отвергнет ее, и ей останется лишь умереть»...

Так голосил *махут*, невзирая на все увещания сбежавшихся наших товарищей. Напрасно было доказывать ему, что «гордый *Айравати*» не показывал ни малейшего поползновения поступить так жестоко со своею супругой, добродушной *Чанчули-Пери*, о бок которой он даже в эту критическую минуту преспокойно чесал свой хобот, и что у самой *Пери* хвост был цел и на месте. Ничего не помогало! Тогда, выведенный из терпения наш приятель *Нараян*, известный силач, прибег к весьма оригинальному средству. Бросив одною рукой на землю серебряную рупию, он приподнял другою тщедушную фигурку *махута* за его *дотти*² и преспокойно швырнул его

---

¹ Т. е. *Madame Sahib*. Слово *сахиб*, произносимое *сааб*, приклеивается здесь к каждому титулу, чину, имени. Так, например, говорят *Sar-tain-Saab*, *Colonel-Saab*, *Мам-Сааб* и т. д.

² *Дотти* — длинный кусок материи, которым обвивают себе индусы верхнюю часть ног и поясицу. У простого народа это единственная одежда, за исключением такой же тряпки на голове.

прямо носом на монету. Невзирая на окровавленную физиономию и даже не обращая внимания на нее, *махут* бросился на рупию с жадностью дикого зверя на добычу. Много раз простершись во прах пред нами, с нескончаемыми «салаамами» в знак благодарности, он стал без малейшего перехода изъяслять такую же безумную радость, какое за минуту до того выказывал горе. В заключение спектакля и в знак того, что хвост был действительно цел «молитвами *сааба*», он повис на нем, как виснет звонарь на колокольной веревке, пока его силой не оторвали и не заставили вернуться на свое место.

— Неужели все это за одну несчастную рупию? — воскликнули мы в изумлении и дружным хором.

— Изумление ваше понятно, — объявили нам индусы. — Трудно, особенно нам, не чувствовать стыда и отвращения при виде подобного унижения и жадности. Но не забудьте, что этот несчастный *махут*, у которого есть жена и, вероятно, дети, получает от своего хозяина номинально 12 рупий в год без содержания, а *фактически* последний с ним чаще расплачивается пинками, чем деньгами. Вспомните также долгие века угнетения от своих же браминов, от фанатиков-мусульман, видящих в индусе лишь нечистую гадину, наконец, от наших настоящих, высокообразованных, *зумаших* властителей-англичан, и вы, вместо отвращения, почувствуете, быть может, глубокое сожаление к этой карикатуре рода человеческого.

Но «карикатура» рода человеческого видимо считала себя счастливой, не чувствуя ни малейшего унижения. Сидя, поджав ноги на широкой макушке Пери, он ей рассказал про свое неожиданное богатство, и, напоминая ей, что она «божья» слониха, заставлял кланяться *саабам* хоботом. *Пери*, в превосходном расположении духа, вследствие пожертвованного ей мною целого стебля сахарного тростника, забрасывала хоботом назад и игриво дула нам через него в лицо...

XI

Из мира современных пигмеев житейских дрязг Индии, столь падшей и униженной, мы опять в мире глубокой древности, в мире Индии неведомой, великой и таинственной...

Пещеры Насика, очевидно, вырывались не одним поколением, как и не одною сектой. Первое, что в них поражает, —

это грубость первоначальной работы, громадные размеры и дряхлость скульптуры на капитальных стенах, в то время как резьба и изваяния на шести колоссах, поддерживающих главную пещеру, во втором этаже, великолепно сохранились и чрезвычайно изящны. Это обстоятельство заставляет думать, что пещера была начата за много веков до своего окончания. Но когда же хоть приблизительно? Одна из приведенных санскритских надписей, находящихся на работах гораздо позднейшей эпохи (на подножии одного из колоссов) прямо указывает на 453 год до Р. Х., как на год этих пристроек. Так, по крайней мере, доказывают по астрономическим данным на этой надписи Гибсон, Бэрд, Стивенсон, Ривз и несколько ученых, воспитанных на Западе, стало быть не предубежденных, как туземные пандиты. Да, впрочем, дата, по соединению планет, очевидна; она обозначает или 453 год до Р. Х., или 1734 нашей эры, или же 2640 лет до Р. Х., что невозможно, так как в надписи говорится о Будде и буддистских монастырях. Привожу главные и самые интересные фразы из нее по переводу, сделанному сперва доктором Стивенсоном и переправленному в коллегии санскритских правительственных пандитов в Бенаресе:

«Совершеннейшему и высшему. Да окажется сие благоприятным ему! сыном царя Кшанараты, властелина племени кшатрий (то есть воинов) и покровителя людей, владыкой Диника, лучезарным как заря, приносится сей дар сто тысяч коров пасущихся на реке Баназа вместе с рекой, а также дар золота, им, строителем сего святого пристанища богов и места для укрощения страстей браминов. Нет более желанного места, нежели это место, и даже в Прабхазе, куда стекаются сотни тысяч браминов, повторяя священный стих; ни в святом граде Гайя, ни на Крутой горе возле Дазатуры, ни на Змеином поле в Говардхане, ни во граде Пратисраи, где монастырь буддистов, ни даже и здании, воздвигнутом Денанакарой на берегу *пресноводного* моря (?). Это место доставляющее несравненные милости, приятное и во всех отношениях полезное для пятнистой оленьей шкуры (?) аскета.¹ Безопасная лодка, присланная в дар также им, строителем бесплатного парома, ежедневно перевозит к хорошо охраняемому берегу. Им также, строителем здания для путников и общедоступного резервуара воды, позолоченный лев был поставлен у постоянно осаждаемых толною ворот этой *Говардханы*; также другой (лев) у перевоза, а еще другой у Раматирты. Для тощего стада найдется здесь разных родов корм; для такого стада более ста родов трав и тысячи горных кореньев припасены этим щедрым дарителем. В этой же самой *Говард-*

---

¹ Аскеты Индии и в наши времена покрываются à la Геркулес шкурой диких зверей, обыкновенно тигра.

хане, в лучезарной горе, эта вторая пещера была вырыта по приказанию той самой благотворительной особы, в тот самый год, когда почитаемые людьми. Солнце, Сукра и Раху¹ были в полном ликовании своего восхода; в этот-то год и были дары поднесены. Лакшми, Индра и Яма,² освятив их, отправились назад с кликами торжества на свою колесницу, поддерживаемую заклинательными мантрами, на беспрепятственном пути: «когда все они (боги) уснули, то полил проливной дождь» и т. д.

Первые пещеры вырыты на конусообразном холме саженях в сорока от подножия. В главной, в 45 квадратных шагов, стоят три фигуры Будды; в боковых — лингам; затем два джайнские идола, а в верхней пещере находится идол или скорее статуя *Дхармы Раджси*, или *Юдхиштхиры*, старшего Панду, которого здесь обоготворили и которому поклоняются в собственном, в честь его воздвигнутом, храме. Затем целый лабиринт келий, очевидно, буддистских отшельников, громадная статуя Будды в лежачей позе; другая таких же колоссальных размеров и окруженная колоннами с капителями, украшенными фигурами различных зверей. Стили всех эпох, как и всех сект, перемешаны, и перепутаны как разнородные деревья в лесу.

Весьма замечательно то обстоятельство, что почти все без исключения пещерные храмы Индии вырыты в конусообразных скалах и горах, словно древние строители нарочно отыскивали такие природные пирамиды. О странной и необычайной, нигде не виданной мною, кроме Индии, форме уже замечено при описании поездки в Карли. Случай ли это, или же одно из правил религиозного зодчества тех далеких времен? И кто тут подражатель? Зодчие ли египетских пирамид, или же неизвестные строители подземных храмов Индии? Как в пирамидах, так и в храмах все кажется геометрически рассчитанным и, подобно пирамидам, вход во храмы находится не внизу, но на известном расстоянии от подножия горы. Природа, как известно, никогда не подражает искусству, а напротив, последнее всегда старается воспроизвести формы природы. И если даже в этом сходстве между символами Египта и Индии на найдется ничего, кроме случайности, то остается только сознаться, что игра

---

¹ *Раху* и *Кехетти* — две неподвижные звезды, составляющие голову и хвост созвездия Дракона; Раху также одна из девяти планет.

² То есть созвездия — Девы, Водолея и Тельца, который подвластны и посвящены этим трем из двенадцати высших богов.

³ На небесном пути.

случая бывает иногда необъяснима. Далее нам придется, быть может, представить более веские доказательства тому, что Египет заимствовал многое у Индии. Не забудем, что начала царства фараонов совершенно неизвестны науке; а то малое, что мы успели узнать, не только не противоречит этой теории, но даже указывает на Индию, как на колыбель и первобытную родину египтян. Так в своей *Истории Индии* Каллука-Батта писал еще во дни глубокой древности следующее:

«Во время царствования Висвамитры, первого царя Сома-Вангской династии, веледствие пятнадцатидневного сражения, Мапу-Вена, наследник древних царей, покинутый браминами, эмигрировал со всею армией и, пройдя страну Арии и Барии, дошел наконец до берегов *Масры*...»¹

Лесли нам ответит, что «Каллука-Батта» — историк до того древний, что санскритологи до сей поры ссорятся из-за него, затрудняясь придать ему какую-либо правдоподобную эпоху и поэтому благоразумно колеблются между 2000 лет до Р. Х. и эпохой императора Акбара (т. е. как раз во времена Иоанна Грозного), то вот что говорит историк более современный и всю жизнь свою изучавший Египет (не в Лондоне или Берлине, по примеру многих его коллег, а и самом Египте) прямо с надписей древнейших саркофагов и папирусов, словом Генрих Брюгш-бей.

«...Повторяю, это мое непоколебимое убеждение, что египтяне пришли из Азии задолго до исторического периода и, перейдя этот мост всех наций — Суэцкий перешеек, — нашли новое отечество на берегах Нила». Есть доказательства, что во времена одиннадцатой династии египтяне вели торговлю с Аравией и берегами Индийского Океана — кто знает, с каких незапамятных времен? А надпись, найденная на скале Хамавата, гласит, что *Шанкара*, последний царь одиннадцатой династии, послал вельможу Ханну в *Пуит* или Пёнт. «Я был послан везти корабли в страну Пунта, дабы привезть домой душистой камеди, собираемой принцами Красной Земли», сказано в надписи. Комментируя эту надпись, Брюгш-бей объясняет, что «под именем Пунта древние жители *Кеми* (Египта) подразумевали дальнюю страну, омываемую большим океаном, страну, полную гор и долин, изобилующую

---

¹ *Ария* — Иран (Персия); *Бария* — древнее имя Аравии; а *Маср* или *Масра* — имя чисто египетское. «Масром» мусульмане еще зовут Каир, коверкая имя и *Мисро*, *Муср* и т. д.

черным деревом и другим дорогим лесом, бальзамом, ладаном, драгоценными металлами и камнями; страну богатую, изобилующую дикими зверями, жирафами, леопардами, пантерами, большими обезьянами и длиннохвостыми макашками». Даже название обезьяны на древнеегипетском языке *Каф*, *Кафи* (у израильтян *Коф*) чисто санскритское — *Кати*.

Факиры

Этому «Пунту» (очевидно, Индии) легендарные сказания уже весьма древнего Египта придавали весьма священный характер; ибо Пунт¹ (или Пент) был «первобытною обителью богов, которые именно отсюда, под предводительством А-Мона (*Ману-Вена* Каллуки-Батта?), *Хора* и *Хатор* отправились по направлению долины Нила и благополучно прибыли в Кемі».²

¹ *Пент* — от Па-нутер, «священная земля», или египетская — «страна богов».

² С памятника 11-й династии (См. *История Египта во времена фараонов, написанная единственно с десяти ее памятников*. Г. Брюгш-бея. Том I, стр. 114).

Недаром Хануман имеет такое родственное сходство с египетским священным киноцефалом (*Cynocephalus*), а эмблемы *Озириса* и *Шивы* одни и те же. *Qui vivra verra!*..*

Обратный путь в город на *Перу* оказался приятнее. Мы приноровились к ее шагу и, въезжая в Насик, почувствовали себя бесподобными наездниками. Зато в продолжение целой недели мы едва могли ходить от боли в пояснице.

ХII

На вопрос — кто бы что предпочел, если бы пришлось выбирать между слепотой и глухотой — девять из десяти всегда скорее помирятся с последней. А кому пришлось хоть раз заглянуть в один из волшебных уголков Индии, часто напоминающей вам самые фантастические и казалось бы в природе невозможные декорации Большой Парижской оперы, — этой страны мраморных кружевных дворцов и заколдованных садов, — тот вдобавок к глухоте решил бы скорее захромать на обе ноги, нежели лишиться подобных зрелищ.

Рассказывают, что великий поэт Саади раз горько жаловался на равнодушие друзей, которым будто бы надоедали его бесконечные, восторженные похвалы своей возлюбленной. «Если бы, замечал он им, вы получили хотя один раз возможность и счастье, подобно мне, увидеть ее дивную красу, вы вполне поняли бы мои стихи, непрестанно воспевающие — увы! так слабо и так бледно — то чарующее душу чувство, которое она внушает всякому, хотя издали увидавшему ее!..» Я вполне понимаю положение влюбленного поэта, но не виню и друзей его, не выдавших его возлюбленной. Поэтому я дрожу от боязни, как бы мои постоянные восторженные рапсодии об Индии не нагнали на читателей скуки друзей Саади. Но что же делать бедному повествователю, если на каждом шагу он открывает в своей «милрой» все новые и самые диковинные прелести! Самые темные ее стороны, отвратительные, безнравственные, а подчас и глубоко ужасающие черты — и те полны чего-то столь дико-поэтического, незаурядного, чего никогда не встретишь ни в какой другой стране. Нередко местные сцены заставляют непривычного европейца содрогать-

---

* Поживем — увидим (*фр.*). — *Прим. ред.*

ся; но в то же время, как ночной призрак, они притягивают его, приковывают к себе внимание, и от них невозможно глаз оторвать....

Всего этого мы насмотрелись вдоволь в продолжение многих дней нашей *école buissonnière*. Дни эти мы провели вдали от линии железной дороги, этого проблеска цивилизации, которая столь же к лицу Индии, как модная шляпка на голове полуголой перуанки, «девы солнца» Кортесовских времен.

Ежедневно бродили мы через реки и джунгли, по селам и развалинам старых крепостей, по проселочным дорогам, между Насиком и Джабалпуром; днем переезжая из одной деревни в другую, частью в арбах на волах, иногда на слонах, а не то так и в *пальках* (в паланкинах) и верхом, а ночью — обыкновенно разбивая палатку где ни попало. В эти дни мы имели случай убедиться, насколько человек, в силу одной привычки, может сделаться властелином, хоть и пассивным, над непобедимыми для всех других и смертельно опасными климатическими условиями. В то время как мы «белые», невзирая на толстейшие пробочные *топи* на головах и защиту навеса, чуть не падали в обморок и положительно *тлели* под нестерпимо палящими лучами солнца, и когда даже туземцы-спутники обвивали лишним куском кисеи голову, наш приятель, бенгальский *бабу*, проезжал верхом целые мили под вертикально стреляющим в него солнцем с обнаженной головой!.. У него даже не было с собой и простого *пэгери*, куска легкой материи для тюрбана, не только шляпы. Спокойно ехал он целые часы с непокрытою ничем, кроме собственных густых волос, макушкой, и над его бенгальским черепом солнце оказывалось совершенно бессильным. Этот народ никогда не покрывает головы, кроме торжественных случаев, когда тюрбан надевается лишь как принятое украшение, как цветы на бале, во время *дурбара*, свадьбы или пира.

Бенгальские *бабу*, занимающие почти все низшие гражданские и особенно писарские должности, наводняют все железнодорожные и телеграфные станции, канцелярии, почтамты и правительственные присутственные места. Закинув через плечо белые кисейные мантии наподобие римской *тоги*, с голыми от колен ногами и всегда простоволосые, они гордо расхаживают на платформах станций и пред дверьми своих контор, с презрением посматривая на женственные украшения

махратов, с их кольцами на пальцах ног и рук и огромными серьгами в верхней части правого уха... Они не носят сектантских знаков на лбах, как прочие индусы, и позволяют себе лишь дорогие *колье*, да и то редко. И однако же, в то время как страстно преданные женоподобным украшениям махраты справедливо считаются одним из храбрейших народов Индии (не раз уже заявив себя очень неприятно с этой стороны англичанам) и долгими веками войн выказали себя превосходными и храбрейшими воинами, Бенгалия, испокон века, из *шестидесяти пяти миллионов своих жителей не произвела еще на свет ни одного солдата*: среди туземных войск английской армии никогда не было и нет ни одного бенгальца. Это странный, но тем не менее неопровержимый *факт*, которому мы долго не могли верить, но должны были наконец сдаться пред подтверждениями многих английских офицеров и самих бенгальцев. И со всем этим, однако, их нельзя назвать трусами. Если *бабу* и высшие классы раджей изнежены, то их *земиндары* (землевладельцы) и поселяне несомненно храбры. Обезоруженный правительством бенгалец идет на тигра своей родины, самого свирепого изо всех тигров Индии, так же спокойно с дубиной, как в прежние времена шел на него с винтовкой и ятаганом.

Много глухих тропинок, на которые, быть может, с начала мира не ступала нога белого, еще более чудом уцелевших рощ прошли и посетили мы в эти короткие дни. И всюду мы встречали привет, благодаря магическому влиянию Гулаб Лалл Синга, который за отсутствием своим послал провожать нас и руководить нами в дороге своего доверенного слугу. И если бедные, голые крестьяне дичились и часто запирали пред нами двери, зато все брамины являлись к нашим услугам.

Прелестны местоположения в окрестностях Кандеша, по дороге в Тхальнер и Мхау, но много украшена здесь природа и искусством человеческим, и это искусство проявляется более всего на мусульманских кладбищах. Теперь все они большею частью полуразрушены и заброшены вследствие изгнания из этих местностей мусульманских принцев и ханов и большинства индусского населения. Когда-то властелины почти всей Индии, мусульмане теперь в загоне и в тысячу раз более унижены, чем индусы. Но много они оставили по себе несокрушимых памятников, между прочим свои кладбища. Эта неискоренимая верность мусульманина своим покойни-

кам — одна из самых трогательных черт в характере сынов Пророка. Их посмертная преданность, всегда горячее выказываемая ими, нежели их любовь к семейству при жизни, как бы вся сосредоточивается на последних жилищах тех, кто отошли до них в лучший мир. Насколько их понятия о рае, обещанном Магометом, грубы и материальны, настолько поэтична обстановка их кладбищ, особенно в Индии. В этих тенистых, прелестных садах, с рядами белых гробниц, увенчанных чалмами, покрытых сверху донизу розами и жасмином, с кипарисами вокруг, невольно можно засиживаться по целым часам. В них мы обыкновенно совершали привалы, обедали, часто и ночевали. Особенно прелестно кладбище возле городка Тхальнер. Из нескольких уцелевших исторических мавзолеев великолепен памятник семейства Киладара, повешенного на городской башне в 1818 году генералом Гислопом, который между прочим расстрелял в тот же день всех солдат сдавшегося гарнизона, под предлогом, будто те составили против него заговор. Кроме памятника этому повешенному злополучному Киладару, есть четыре другие мавзолея, из коих один славится на всю Индию. Восьмиугольной формы, весь из белого мрамора, он покрыт сверху донизу резьбой, какой не найти и на *Père Lachaise*. Персидская надпись на подножии гласит, что он стоил 100000 рупий. Днем залитый горячим солнцем, этот высокий, минаретообразный мавзолей отделяется на синеве безоблачного неба, блестя как пирамидальная ледяная глыба; ночью, при том особенном фосфорическом свете луны в Индии, который приводит в восторг всех путешественников и артистов, он еще ослепительнее и поэтичнее. Будто вновь выпавшим легким снегом покрыты его вершины; возвышая над темною зеленью кустов свой тонкий профиль, он кажется каким-то полуночным чистым видением, витающим над этой безмолвной обителью разрушения и смерти и оплакивающим невозвратное прошлое...

А рядом с такими кладбищами, обыкновенно на берегу рек возвышаются гхоты индусов... Есть действительно нечто величественное в этом обряде сожжения мертвых, — а в очень недалеком прошлом и сожжения живых, — но только в теории, а не на практике. Следя за церемонией и видя, как в какой-нибудь час времени после смерти от покойника остается лишь несколько пригоршней пепла, который тут же рукой посвященного брамина, жреца смерти, и рассеивается на все

четыре стороны по ветру, над рекой, дабы пепел навеки смешался со священной водой, зритель невольно поражен глубокой философией основной мысли подобного обряда. Разбрасывая горсть того, что некогда жило и чувствовало, любило и ненавидело, радовалось и плакало, брамин поручает пепел всего этого четырем стихиям: *земле*, из которой оно мало-помалу развилось и сформировалось в человека и которая так долго питала его; *огню*, эмблеме чистоты, пожравшему его тело, дабы дух его также был очищен ото всего греховного и мог свободнее вращаться в той новой сфере загробного существования, где каждый грех является камнем преткновения на пути души человеческой к «Мокше» или вечному блаженству; *воздуху*, которым он дышал и тем самым жил, и *воде*, которая очищала его физически, как и духовно, поила его и теперь принимает его пепел в «чистое лоно свое...» (Мантра XII.)

«Чистое», как прилагательное, является здесь только в фигуральном смысле «мантры». Говоря вообще, реки в Индии, начиная с трижды священного Ганга, невообразимо грязны, особенно близ городов и селений. Двести миллионов человек круглым счетом оmyваются в них от тропического пота и грязи по несколько раз в день; а *касты*, недостойные сожжения, как шудры, парии, мэнги и пр., бросают в них добавки всех своих покойников. Далее все касты, до браминов включительно, бросают туда же детей, умерших ранее трехлетнего возраста.

Пройдемся вдоль берегов любой реки, но только поздно вечером, чтобы провести там ночь и дожидаться рассвета. Вечером хоронят лишь богатых или принадлежавших к высшим кастам. Только для таковых зажигаются после заката солнечного высокие костры из сандалового дерева вдоль священных вод; для них одних произносятся мантры и заклинания богам, а для простых смертных, для бедных *бескастников*, нет не только костра, но и простой молитвы: *шудра* недостойн слышать даже после смерти божественные слова из священной книги откровения, продиктованного в начале мира четырьмя Риши Ведавьясе, великому богослову Арьяварты. Как не допускался он ближе семи шагов к ступеням храма при жизни, так не допустится он и в загробной жизни стать наряду с «дважды рожденными».

Ярко горят костры, протягиваясь по берегу реки длинной огненной змеей. Черные силуэты странных, дико-фантастичес-

ких фигур тихо двигаются среди огней, то подымая тонкие руки к небу как бы в молитве, то подбавляя дров к костру, то мешая огонь длинными вилообразными кочергами, пока потухающее пламя не вспыхнет снова, треща и вясь и брызгая во все стороны растопленным человеческим жиром, да выпаливая под облака целый дождь золотых искорок, тотчас же исчезающих в густом облаке черной копоти. Это на правом берегу; перейдем на левый...

В тот самый предрассветный час, когда красные огни костров, черные облака миазмов и тощие фигуры факиров-прислужников, отразившись в последний раз в темном зеркале реки, одни потухают, другие расходятся, а миазмы с их запахом пригорелого мяса рассеваются утренним ветерком и все на *гхотах* погружается в тишину до следующего вечера, — в тот самый час, на противоположном берегу, начинается процессия другого рода...

Печальной, безмолвной вереницей, то короткою, то длинною, смотря по смертности в городе и окрестностях, тянутся индусы обоего пола. Они подходят к реке отдельными группами, без плача, безо всяких обрядов. Вот двое принесли на плечах что-то длинное, тонкое, завернутое в красную тряпку. Раскачав его за ноги и за голову, носильщики хладнокровно кидают ношу в желто-грязные воды реки. При падении, красная тряпка слетает в сторону, и темно-зеленое лицо молодой женщины показывается на один лишь миг, чтобы тотчас же исчезнуть в мутных волнах. Далее другая группа. Старик и две молодые женщины; одна из них, девочка лет десяти, низенькая, худая, далеко еще не развитая, рыдает с причитаньем: то *мать мертвого ребенка*, которого она тотчас же бросит в холодные воды грязной реки. Слабый голос ее монотонно раздастся по берегу, а дрожащие руки словно не находят силы кинуть бедную, маленькую фигурку, скорее похожую на темно-коричневого котенка, нежели на младенца. Старик ее уговаривает, затем берет мертвое тело из ее рук и, войдя в воду по пояс, кидает его на середину реки. За ним входят обе женщины, в чем стоят, то есть одетые или скорее полунагие, по обыкновению, и, погрузившись семь раз сряду в воду, для очищения после мертвого тела, выходят на берег и даже не отряхнувшись идут домой. Между тем коршуны, вороны и другие хищные птицы, целый день кружащиеся над рекой в ожидании добычи, собираются черною тучей над телами и

долго задерживают их путь вниз по течению. Иногда такое обглоданное тело, зацепясь за прибрежный тростник или попав меж двух камней, беспомощно торчит из-под мелкой воды, пока наконец один из прибрежных *мэнгов*, несчастное бескастное существо, доля которого всю жизнь со дня рождения до последнего вздоха возиться за подобной *нечистой* работой, не придет вооруженный своим длинным шестом и, зацепив застрявший скелет между ребер, не выковырнет его из-под камней или тростника, чтобы снова толкнуть по течению — по дороге к синему Океану...

Но встанем теперь с песчаного и, несмотря на раннюю пору, уже накаленного берега. Простимся с водяным кладбищем бедных. Встанем и пойдем далее... Тяжелы и омерзительны для европейца подобные картины, и невольно при этом переносишься быстрокрылою мечтой туда, на далекий север, на те мирные сельские кладбища, где вместо резных мраморных с высокими чалмами гробниц, костров из сандалового дерева, да грязной реки вместо последнего ложа, стоять кресты, осененные старыми березами. Как мирно спят под высокой сочной травой наши *покойнички*. Не видал никто из них, сердечных, плывя вниз по течению, ни гигантских пальм, ни дворцов мраморных, ни пагод, крытых чистым золотом. Но зато над их бедными курганами цветут и фиалки, и белые ландыши, да весной заливаётся соловей на старой березе...

Для нас соловьи уже давно не поют ни в соседних рощах, ни на душе. Этого-то уж тут всего менее. Но пойдем вдоль высокой стены из красного песчаника, ведущей к крепости, когда-то знаменитой и залитой кровью, теперь же безвредной и полуразрушенной, как и прочие. Стаи зеленых попугаев, испуганные нашим приближением, выпархивают из каждой полуразваленной ниши стены, сверкая на солнце крыльями, словно летающие изумруды. Мы на «проклятой» англичанами территории, и стране Чандвада, где во время сипайского мятежа бхили, ринувшиеся из своих засад как неудержимый горный поток в долины, перерезали несколько дюжин своих властелинов.

ХIII

В двенадцати милях на юго-восточной стороне Чандвада находится целый город пещерных храмов, известных под

именем *Енкай-Тэнкай*. Опять, как и в прочих пещерах, храмы на высоте ста футов над подножием, а холм пирамидальный. Описывать их здесь в подробности невозможно, так как предмет этот требует совершенно иной разработки. Поэтому лишь бегло замечу, что и в этом случае все статуи, идолы и работа на колоннах приписываются *буддистским* аскетам первых веков по смерти Будды. На том бы и можно покончить, если бы здесь неожиданно не являлось для гг. археологов новое и гораздо более серьезное затруднение, нежели все затруднения, вместе взятые, касательно других спорных пунктов. В этих пещерах находится более идолов, называемых *буддами*, нежели где-либо в другом месте. Они покрывают главные входные двери, густо посажены вдоль каменных балконов, занимают задние стены всех келий, стоят на часах, как чудовищавеликаны у входов, и наконец две такие фигуры сидят в главном *танке* (бассейне), где столетие за столетием ключевая вода оmyвает их по пояс без малейшего видимого ущерба для их гранитных тел. Между этими *буддами* есть прилично одетые, с пирамидальными, многоярусными пагодами на головах, есть и голые: некоторые в сидячем положении, другие представлены стоя; есть между ними колоссальной величины идо-лы, есть и маленькие, найдутся и средние. Все бы это еще ничего, хотя мы знаем, что реформа, затеянная Гаутамой или Сидхартой-Буддой, именно в том и состояла, чтобы вести ожесточенную войну против браминов и искоренить навеки идолопоклонство. Эта религия сохранялась чистой, *без малейшей примеси идолопоклонства* целые века, пока, наконец, попав в руки тибетских лам, китайцев, бирманцев и сиамцев, она не совратилась и не исказилась ересями. Затем, изгоняемая из Индии, преследуемая ожесточенными и, в свою очередь, торжествующими браминами, она нашла последнее убежище на острове Цейлоне. Там теперь она и процветает подобно тому легендарному алоэ, что цветет будто бы лишь один раз в жизни и цвет коего убивает главный корень, а семена цветов, пуская, в свою очередь, отпрыски, производят сорную траву. Но главное затруднение для археологов состоит не в идолах, приписываемых буддистам, а в физиономиях, в *типе* всех этих *Енкай-тэнкайских будд*. Все они до единого, от малого до большего — негры: приплюснутые носы, толстейшие губы, профили под углом 45° и курчавые волосы! Ни малейшего сходства между этою физиономией чистокровных

негров и каким-либо из будд даже в Сиаме или в Тибете, где, при монгольских лицах с широкими скулами и такими же широкими носами, у всех этих идолов, однако, гладкие, совершенно *прямые* волосы. Этот неожиданный и нигде не находящийся в Индии африканский тип приводит антиквариетов в полное смущение. Недаром археологи избегают говорить об этих замечательных пещерах, так как после насикских пещеры енкай-тэнкайские для современных антиквариетов настоящие Фермопилы.

Раджпут, воин и помещик

Один из великих учителей (махатма)

Мы проехали Малеганв и Чикалвал, где осматривали чрезвычайно любопытный и весьма древний храм джайнов, снаружи построенный без малейшего цемента из сложенных квадратных, так аккуратно и тесно прилаженных камней, что даже тонкое лезвие ножа не проходит между ними; внутри храм украшен великолепной резьбой. Вернувшись в Тхальнер, мы отправились прямо в Гхару. Там, для того чтобы посетить великолепные развалины старинного, когда-то укрепленного города *Манду*, находящиеся в двадцати милях к северо-востоку, нам пришлось опять нанимать слонов. На этот раз мы доехали благополучно и скоро. Упоминаю об этом месте, так как оно связано в моих воспоминаниях с одним из самых замечательных когда-либо виденных мною зрелищ, относящих-

ся к той ветви многочисленных сект Индии, что обыкновенно называют «чертопоклонством».

Мáнду расположен на хребте гор Виндии около 2000 футов над уровнем моря. По уверению Малькольма, этот город был построен в IV веке по Р. Х. (в 313 году) и долго был столицей индусских раджей Дхары. Историк Фириштах указывает на Мáнду как на резиденцию Диливара хана Гхури, первого царя Мальвы, процветавшего от 1387 до 1405 года. В 1526 году город был взят приступом Багадур-шахом, царем Гуджератским, и затем снова взят обратно в 1570 году Акбаром, имя коего и год его посещения вырезаны на мраморной доске над главными воротами.

Странное чувство, должно быть схожее с тем, которое овладевает иными особами при их первом посещении Помпеи, охватило нас при самом входе в этот огромный, пустынный, называемый туземцами «мертвым» город. По всему видно, что некогда Мáнду был одним из самых обширных городов Индии. Городская стена — *тридцать семь* миль в окружности, по измерению, сделанному в 1852 году. В этом бесконечном пространстве тянутся улицы на целые мили; по обеим сторонам стоят разрушенные дворцы, валяются мраморные колонны. Из-за развалившихся гранитных стен зияют провалы подземных покоев, в прохладном полумраке которых проводили жаркие дни султанши. Далее разбитые ступени, засохшие танки, безводные резервуары, бесконечно длинные дворы, мрамором выложенные помосты и поломанные арки величественных портиков. Все это заросло выющимися растениями и кустами, ныне скрывающими берлоги диких зверей. Высоко над развалинами торчат там и сям полууцелевшие стены мраморных и гранитных дворцов, пустые окна которых, широко тараща безглазые впадины под густою бахромой вековых чужездных растений, как бы хмурятся на назойливых, нарушивших их покой пришлецов. А еще далее, там, в самом центре развалин, из разбитого сердца опочившего города, из широкой богатырской груди, в которой когда-то бушевало столько страстей, столько жизни, выросла целая кипарисовая роща...

Казалось просто невероятным, чтобы город, который еще в 1570 году назывался *Шадиабад*, «обителью счастья», и в несчетный раз описанный и упоминаемый францисканскими миссионерами Адольфом Акуавива, Антарио де Монсеротти,

Энрикесом и другими лицами посольства, отправленного с тот самый год из Гоа к Могольскому правительству за разными привилегиями, один из величайших городов того времени в целом свете, с великолепными улицами и роскошью, удивлявшею даже самые роскошные дворцы того периода в Индии, — чтобы тот город был этими самыми развалинами, на которых мы насилу могли отыскать чистое место для палатки. Наконец, из опасения диких зверей, мы решились разбить ее в единственном, почти неповрежденном здании Джами-Масжид, или «Соборной мечети», возвышающемся на гранитной платформе, ступеней на двадцать пять выше площади. Ведущая сюда лестница, мраморная, как и все прочее, широка и мало повреждена временем; но зато крыша совершенно исчезла, и над нами сиял бы целую ночь небесный свод, если бы не случилось одного обстоятельства, о котором ниже. Кругом главного строения, стоящего на квадратной площадке, с четырех сторон идет низкая галерея, поддерживаемая несколькими рядами огромных столбов. Издали, невзирая на свою немного неуклюжую непропорциональную величину, это здание очень напоминает Акрополь в Афинах. Со ступеней, где мы расположились, видится мавзолей Гушанга-Гури, царя Мальвы, доведшего город до высшей степени блеска и роскоши. Массивное, величественное строение из цельного белого мрамора, с крытою галереей на превосходно украшенных резьбой колоннах, когда-то ведшей прямо в один из его дворцов, теперь же обрамляющей глубокий овраг, который завален камнями и зарос кактусом. Внутри мавзолея просторная комната с потолком и стенами из широких квадратных плит, покрытых сверху донизу изречениями из Корана, писанными золотыми буквами, а посреди комнаты саркофаг самого султана. Неподалеку от этого жилища смерти дворец Баз-Бахадура — в мелких кусках, в пыли и заросший деревьями...

Усталые и изнемогая от жажды и голода, пройдя весь день по развалинам, и с тремя убитыми змеями, перекинутыми через палки как военный трофей, мы вернулись за несколько времени до солнечного заката и уселись пить чай и ужинать у входа нашей палатки, уже расположенной внутри мечети. Мы нашли у себя неожиданных гостей: *патель* — официальное лицо, нечто среднее между сборщиком податей и мировым судьей — соседней деревни и два землевладельца (*земиндары*) приехали верхом засвидетельствовать нам свое

почтение и умолять как нас самих, так и наших спутников-индусов, с которыми были давно знакомы, принять их приглашение и ехать с ними. Услыхав, что мы намерены ночевать в «мертвом городе», они горячо восстали против этого плана. По их уверениям, мы затеяли опасное и совершенно неслыханное дело. Через два часа развалины оживятся и из-под каждого куста, из подземных комнат каждого дома начнут вылезать для ночного разбоя гены, *читты* и тигры, не говоря о нескольких тысячах шакалов и диких кошек. Наши слоны или убегут, или же будут обессилены и съедены. Следует, не теряя времени, собраться в путь и, оставив как можно скорее за собою развалины, ехать в их деревню, которая отсюда всего на полчаса расстояния. Там у них уже все приготовлено, и наш бабу ожидает нас.

Только в эту минуту заметили мы, что наш простовольный и осторожный друг блещет своим отсутствием. Как видно, еще за три часа до того он спустился в долину к своим знакомым и послал их за нами.

Вечер был так хорош и мы так было славно устроились, что мысль перевернуть все наши планы на утро вовсе не улыбалась нам. К тому же казалось просто смешным, чтобы развалины, где мы спокойно проходили целый день, не встретив ничего опаснее трех убитых нами змей, были наполнены дикими зверями. Мы продолжали благодарить и отнекиваться.

— Но вам положительно невозможно оставаться здесь, — настаивал толстый *патель*. — Если случится несчастье, то я один должен буду отвечать перед правительством. Неужели вам приятно будет провести ночь без сна и в рукопашной схватке с шакалами, если не хуже того?.. Вы не верите, что окружены дикими зверями, невидимыми до заката солнца, но тем не менее опасными? Так поверьте же инстинкту слонов, которые не трусливее нас, но, пожалуй, умнее. Взгляните, что они проделывают!..

Действительно, с нашими важными, напоминающими философов слонами происходило в эту минуту нечто необыкновенное. Высоко задрав вопросительным знаком хоботверху, они сопели и с беспокойством топтались на одном месте. Еще минута, и один из них, перервав толстую, привязывавшую его к сломанной колонне веревку как гнилую нитку, повернулся в один прием всем тяжелым телом и стал напротив ветра. Крепко тянул он хоботом воздух, подняв правую

ногу и как бы собираясь бежать... Он, очевидно, чуял опасного зверя.

Полковник поглядел на него через очки и продолжительно свистнул.

— Дело действительно выходит серьезное, — заметил он. — Ну, а как в самом деле на нас нападут тигры...

Да, подумалось мне, а такура-то Гулаб Лалл Синга с нами и нет!..

Оба наши индуса, поджав ноги, сидели на ковре и спокойно жевали бетель. На вопрос об их мнении они хладнокровно отвечали, что это до них не касается: что мы решим, тому они и последуют. Но остальные наши спутники, англичане, уже перепугались и поспешно собирались уезжать. Через пять минут мы все сидели на слонах, а через четверть часа, и в тот самый момент, как солнце заходило за гору и мигом распространились сумерки, мы выезжали из Акбаровских ворот и начинали спускаться в долину.

Но не отъехали мы и десяти шагов, как позади нас, не более как в полуверсте расстояния и как бы из только что оставленной нами кипарисовой рощи, поднялся вой и лай шакалов, а вслед за этим, как рев обманутого ожидания, послышалось такое продолжительное, громкое, вдруг потрясшее воздух рычание, что нас всех бросило в холодный пот. Наш слон рванулся вперед и чуть было не сбил с ног ехавших впереди верховых. Но на этот раз собственно мы, наездники, находились в безопасности: мы сидели в крепкой *хауде*, — в плотно запертой, как карета, башне.

— Вовремя же мы убрались, — заметил полковник, рассматривая из окна, как верховые, человек двадцать приведенной *пателем* прислуги, зажигали факелы.

Через час мы остановились у ворот довольно большого бунгало и нас встречал, улыбаясь, наш простоволосый спутник бенгалец. Введя всю нашу компанию во двор и под веранду, он объяснил нам, что, зная наперед, что наше «американское» упрямство восстанет против всякого предостережения, он пошел на хитрость, которая, к счастью, и удалась.

— А теперь отправимся умыться и за ужин...

И он добавил, наклонясь ко мне:

— Вы давно желали присутствовать на чисто индусском обеде или ужине. Ваше желание теперь исполняется. Наш хо-

зьян брамин, и вы первые европейцы, переступающие порог его *семейного* жилого дома...

XIV

Кому когда-либо приходило в Европе в голову, что есть на белом свете такая страна, где каждый шаг в жизни человека, малейший его поступок, особенно в домашнем быту, самое незначительное действие связаны с религиозными постановлениями и *не могут* быть иначе совершены, как по известной программе? В этой стране не только все крупные эпизоды жизни, все главные выдающиеся черты ее, как-то: зачатие, рождение, переход из одного периода жизни в другой, женитьба, родительское звание, старость и, наконец, смерть, но даже все ежедневные отправления, функции физические и физиологические, как, например, утренние омовения, туалет, еда *et tout ce qui s'en suit*,* со дня рождения до последнего вздоха, — все это должно быть исполнено по установленному браминами шаблону, *под опасением отлучения от касты*. Браминов можно уподобить музыкантам оркестра, в котором разнохарактерные инструменты представляют бесчисленные секты этой страны. Все они различной формы, разнятся и в звуках; тем не менее все подчинены одному и тому же капельмейстеру.

Насколько бы эти секты ни отличались одна от другой в толковании своих священных текстов и как бы враждебно ни относились они друг к другу, стараясь выставить вперед и возвысить над прочими каждая свое божество, но все они и каждая из них, слепо повинуюсь веками установленным обычаям, обязаны следовать, как музыканты, одному дирижерскому жезлу — законам М^ану. На одном этом пункте они сходятся и составляют единодушную, единомыслящую общину, крепко, неразрывно связанную массу. И горе тому, кто в этой общей симфонии произвольно или даже нечаянно сфальшивит! Старшины (должность у индусов наследственная) и выбираемый пожизненно верховный совет каждой касты или даже субкасты (коих множество) держат членов своей общины, что называется, в «ежовых рукавицах». Их решения беспелляционны, и поэтому-то исключение или, по принято-

---

* И все, что за этим следует (фр.). — Прим. ред.

му выражению, «отлучение» от касты является, одним из самых страшных наказаний, влекущих за собою ужасные последствия. «Отлученный» хуже прокаженного, так как солидарность между кастами, особенно в этом отношении, нечто феноменальное и может сравниться разве лишь с солидарностью сынов Лойолы. Если, при самом строгом соблюдении всех требований, члены двух разных каст, хотя бы и связанные самыми горячими чувствами взаимного уважения и дружбы, не могут не только вступать между собою в брак или вместе обедать, но даже и выпить, принять стакан воды друг у друга, или же выкурить вместе кальян, то понятно, насколько строже соблюдаются подобные запрещения касательно «отлученного». Несчастный в полном смысле слова *умирает* для всех: для своих столько же, как и для чужих. Даже собственное семейство: отец, мать, жена, дети обязаны или отвернуться от него, или же быть, в свою очередь, отлученными. Нет надежды на замужество его дочерей, на женитьбу сыновей, как бы ни были дети неповинны в наказуемом грехе...

С минуты «отлучения» индус как бы исчезает для всех любивших и знавших его. Его мать, жена, дети не смеют накормить его, ни даже позволить напиться из домашнего коловца. Никто из прежней касты, тем менее из других, ни за какие деньги не осмелится ни продать ему, ни приготовить для него пищу. Ему буквально приходится или умереть с голоду, или же еще более *осквернить* себя, покупая необходимое у *бескастников* или у европейцев.

Понятно, что против такой силы — она тем страшнее в своей пассивности, что против последней закон совершенно бессилён — не помогут ни западное воспитание, ни английское влияние. Остается одно: каяться и подчиняться всевозможным унижениям, а благодаря алчности браминов иногда и полному разорению. Я знаю лично несколько браминов, кончивших самым блестящим образом курс в английских университетах, которые, вернувшись на родину, вынуждены были подвергнуться всем отвратительным требованиям «очищения», а именно: сбривать половину усов и бровей, ползать голыми на животе вокруг пагод, держаться по часам за хвост *священной* коровы, читая молитвы, и, наконец, есть испражнения этой коровы! ¹

---

¹ Называется *панч-гайя*, дословно «пять коровьих» (принадлежностей): смесь из молока, масла, сыворотки, мочи и экскрементов...

Путешествие за море (*калани*, т. е. за «черную воду») считается самым тяжким из грехов и требует вследствие этого самых строгих очищений. На совершившего такой поступок взирают как на человека, который от самой минуты отъезда на корабле *беллати* (иностранцев) до минуты возвращения осквернялся постоянно... Всего несколько дней тому назад один наш знакомый, доктор юриспруденции, блистательно окончивший курс в Англии, вынужден был пройти через подобное «чистилище» и чуть с ума не сошел. На наше замечание, для чего же ему подчиняться всему этому, если, по собственному сознанию, он давно перестал верить в брахманизм и сделался ярким «материалистом», он нам привел причины, против которых возражать было невозможно. «У меня в доме две дочери (говорит он), одна пяти, другая шести лет; если я их не выдам замуж, особенно старшую, в продолжение этого года, то их станут считать перезрелыми и на них уже никто не женится. Допустив, чтобы меня отлучили, я их этим обещаю, поставлю в невозможность найти мужей и сделаю их навеки несчастными. Затем старуха-мать до того суеверна, что, вследствие такого семейного позора, непременно покончит с собою: она уже не раз грозила мне самоубийством»... Но, быть может, заметят нам: почему бы ему, человеку образованному, разом не разорвать всякую связь с брахманизмом и кастой? Почему бы не соединиться с другими товарищами в подобном ему положении? Забрав семейство и всех ему близких — не перейти целою колонией на сторону цивилизации, присоединиться к европейцам?

Вопрос весьма естественный, но и ответ на него далеко не затруднителен. Как в знаменитом ответе одного маршала Наполеону, из тридцати двух приведенных им причин, почему нельзя было атаковать некоей крепости, первую причиной являлось отсутствие пороха, так что о других причинах и спрашивать было нечего, так и из многих причин, почему для индуса немислимо *объевропейтсья*, — первая должна оказаться совершенно достаточною и, конечно, не потребует указания остальных. Разрубив Гордиев узел, индус не только не помог бы горю, но попал бы прямо из огня да в полымя. Будь у него семь пядей во лбу, будь он в науке соперником какого-нибудь Тиндаля, в политике равен Дизраэли и Бисмарку, принадлежи он к знатнейшему роду, — как только он отрекается от своей касты и соотчичей, так разом становится в положе-

ние гроба Магомета: говоря метафорически, он повиснет между небом и землей!..

Мудрая поговорка: «от своих отстал, а к чужим не пристал», кажется, сложена нарочно для этого злополучного народа. Напрасно воображают, будто отстранение как индийцев-магометан, так и индусов¹ от гражданской службы есть лишь результата несправедливой, трусливой политики, боящейся привлечения своих заклятых врагов к управлению страной. Общественный остракизм и совершенно откровенно высказываемое со стороны англичан враждебно-презрительное чувство «высшей» к «низшей» (по английским понятиям) расе играет в этом вопросе гораздо более серьезную роль, нежели предполагают даже в Англии. Это незаслуженное презрение, высказываемое при всяком случае туземцам (включая тут и мусульман), с каждым годом расширяет между двумя нациями пропасть, которой им веками не засыпать. Приведу два примера.

Мы гостили у одного весьма влиятельного здесь лица, редактора английской газеты, и имели случай познакомиться с одним чрезвычайно замечательным мусульманином, молодым человеком из высшей туземной аристократии Сеидом М. Что туземец принят в доме, посещаемом всем местным английским *beau monde*,^{*} объясняется двумя причинами: во-первых, мистер С*** далеко не заурядный англичанин, а джентльмен в полном смысле этого слова; во-вторых, этот курьез, как нам кажется, можно отчасти объяснить тем, что Сеид М., не в пример прочим, носит европейское платье, воспитывался в Англии и человек не только талантливый, но вдобавок сумевший заставить даже англичан уважать его. Горячий патриот, он бросил адвокатуру, обещавшую ему громкое имя и еще большее состояние, и перешел в гражданскую службу, приняв место судьи в незначительном округе, из-за одной надежды, по его словам, «хоть сколько-нибудь улучшить политическое и общественное положение туземцев». Единственный, быть может, пример между индийскими мусульманами: он не делает разницы между могулами и индусами и одинаково горячо защищает интересы обеих рас. Его любовь к индусам даже

---

¹ Европейцы весьма часто впадают в ошибку, смешивая индийских мусульман с *индусами*. Первые даже оскорбляются этим названием, и зовут себя индийскими *могулами*. Те — семиты, а индусы арийского племени и разнятся от них во всем.

* Высший свет (фр.). — Прим. ред.

чуть ли не горячее привязанности к единоверцам: мать Сеида была перешедшею в мусульманство браминкой...

— Все мы, туземцы, дети одной и той же несчастной матери нашей, Индии, — говорил он нам недавно, выражаясь привычным ему восточным и весьма поэтическим слогом. — Сыны одной горькой участи, мы должны дружно нести ее, а не растревлять наболевшие язвы распрями между двумя фанатическими религиями.

Это говорилось вследствие только что происшедшего публичного в Бенаресе побоища между могулами и индусами во время и по случаю религиозных празднеств у первых.

Сеид М. заезжал к нам каждый день и обыкновенно тотчас же заводил беседу о «болячках» Индии, как он их называл, и по целым часам бывало спорили — С. отстаивая англичан, М. доказывая угнетенное положение туземцев, несправедливость к ним англо-индийского общества и невыносимое высокомерие британцев в Индии. Раз у них зашел спор горячее обыкновенного по поводу только что вышедших в Калькутте новых гражданских служебных постановлений. М. спрашивал, почему, например, из двух чиновников, англичанина и туземца, и совершенно равных чинах и занимающих совершенно одинаковые должности (окружного судьи, например), англичанин получает на 35, а иногда с разными натяжками и на 60 процентов более годового оклада, нежели полагается на той же должности туземцу? Первому выдаются для летней кочевки экстренные суммы, так называемые «лагерные», каждый год «вспомогательные», а туземцу *ничего*, кроме жалованья? «И ведь все это из денег Индии (добавил он), т. е. из кровавого пота несчастной дойной коровы англичан, коровы, уже до того передоенной, что следует только удивляться, как у нее до сих пор не отвалилось вымя»...

Припертый таким образом к стене, С., блестящий писатель и такой же оратор, знакомый с политическим направлением калькуттского кабинета как с собственным карманом, не нашелся что на это ответить и сказал парадоксальную глупость: «Не забудем (пробормотал он), что мы в этой стране *изгнанники*; что вы, индийцы, по вашему же собственному сознанию, нуждаетесь в нас, и что было бы несправедливо заставлять нас служить вашей стране без хорошего вознаграждения. Вы, туземцы, обязаны платить нам: наши нужды, наконец, более ваших»...

У М. от изумления даже опустились руки.

— «Изгнанники»?.. — воскликнул он наконец. — Вы изгнанники? Да кто же вас просил приезжать сюда из-за морей спасать нас! Неужели...

Но он не закончил!.. Под перекрестным огнем наших изумленных взглядов, при этой комической выходке, сам С. расхохотался над самим собою... Он видимо старался замять этот щекотливо-политический разговор. Но М. не унимался; очевидно, у него сильно накипело на сердце, и он через несколько минут снова повел атаку.

— Вот, — заметил он, — мы с вами старые друзья, и вы принимаете меня как равного. Но ведь это не потому, что мои прадеды были в продолжение стольких веков первыми сановниками могульской империи, или что мы ведем свой род от дочери Магомета... А просто оттого, что я в Англии сделался более или менее похожим на *джентльмена*, что я ношу черный фрак и, при случае, даже палевые перчатки. Иначе и в туземном костюме, хотя он красивее ваших черных мешков, вы стыдились бы принимать меня, тем более сажать за свой стол.

И на горячий протест хозяев он прибавил:

— Не спорьте, С.; а главное не отвечайте за других, так как я вам сейчас же докажу, что вы неправы и что есть между вами лица, в глазах которых даже мой черный фрак не спасает меня. Вчера, например, леди К. не приняла моего визита. Это бы еще ничего. Но знаете ли, что она приказала сказать мне через секретаря ее супруга? Фраза знаменательная, уже облетевшая весь город и обрисовывающая в нескольких штрихах наше политическое и социальное положение. Она приказала мне передать свое «удивление»... Я должен был знать, что лорд К., ее высокородный супруг и мой начальник, три дня тому назад уехал из города, а что «жены» сановников ни в Англии, ни в Индии не имеют обыкновения принимать визиты «по службе». Иными словами, что ей и в голову не могло придти, чтобы туземец «осмелился» сделать английскому семейству визит наравне с другими смертными, кроме разве по *служебным обязанностям*.

— Леди К. этим показала только свою природную глупость, — вспыхнула мистрис С. — Никто, кроме нее, не сделал бы вам подобной дерзости.

— Совсем нет, — отвечал, по-видимому, спокойно мусульманин. — Делали мне весьма часто и другие ваши дамы,

и даже их мужья, мои собственные сослуживцы, такие же ничем не вызванные дерзости. — И он назвал несколько имен. — А если я, в моем исключительном для туземца положении, подвержен таковым, то чего же приходится ожидать другим, менее фаворизованным судьбой и правительством туземцам?

Он сидел, нагнувшись над чашкой, и говорил тихо, по-видимому, сохраняя полное хладнокровие. Только ложечка, которою он машинально постукивал о блюдечко, слегка дрожала в его руке, да черные глаза налились кровью и пылали...

Один из наших спутников

Бабуля. Один из спутников Е.П. Блаватской во время путешествия по Индии

— За Англию, которая меня воспитала, — продолжал он тем же тоном, — за правительство, которому я присягал в верности и которому служу, я готов отдать, ради моей же любимой Индии, жизнь. Мы, как народ, неспособны теперь управлять страной без чужой помощи, это я знаю, хотя худо ли, хорошо ли, а управляли ею веками, и страна была богаче и счастливее. Но я сознаю, что теперь, за последнее столетие, мы выродились и что помощь Англии нам необходима. Но если я присягал в верности правительству, то не делал еще ничего подобного в отношении к обществу и частным лицам...

и я ненавижу их!.. Попомните мои слова: если Англии когда-нибудь снова придется бороться с мятежом, то этому виной будет единственно английское же общество; и случится это вследствие до бешенства доводящего туземцев презрительного высокомерия посылаемых сюда ваших чиновников. Нам все твердят о тирании и деспотизме России, нас пугают жестокостью ее правительства. Да знаете ли вы, что на это отвечают хоть бы наши мусульмане, потомки султанов, сердарей, героев и величайших государственных людей прошлых веков? Они говорят следующее: да, быть может, администраторы России и жестоки и ее правительству не сравниться с «благодушным» правительством ее величества императрицы Индии. Но когда мы читаем и слышим со всех сторон, что в России такой-то генерал — *мусульманш*, другой — армянин и, несмотря на это, главнокомандующий целой армией, между тем как у нас последний английский солдат скорее дезертирует, нежели согласится повиниться и признать начальником *туземца*, будь последний хоть принц крови, то, сравнивая нашу горькую участь с судьбой и надеждами каждого верного России иноверца и иноплеменника, у нас невольно шевелится на душе вопрос: чем же это мы одни заслужили подобные унижения? Почему это только нас одних держат в черном теле? И, в безмолвном отчаянии, сознавая всю безвыходность нашего положения, нельзя нам подчас и не позавидовать положению нашего брата мусульманина — в так называемой вами *деспотической* России!..

Второй пример. Семейство одного известного и очень ученого доктора медицины в Бомбее, уроженца Гоа, по фамилии португальца. Уже более трех поколений они христиане католики, но прадеды как мужа, так и жены были чистокровными высокорожденными браминами. И муж, и жена воспитывались за границей и получили превосходное образование. Муж — кавалер нескольких почетных орденов, член многих ученых обществ и находится на хорошем счету в Азиатском Королевском Обществе. Жена — молодая двадцатилетняя женщина, превосходно образованная, обладает восхитительным голосом. *Ни тот, ни другая в обществе не приняты*. На их музыкальных вечерах по вторникам, кроме нескольких журналистов из европейской *богеми*, не найдется ни одного лавочника-англичанина; из дам положительно ни одной. «Помилуйте», завопят либеральные барыни и барышни, юность

которых, быть может, протекла в какой-нибудь задней лавке Оксфордской улицы, «помилуйте! Кто же водит знакомство с подобными *неграми?*»...

Чем-то странным, чудовищно невероятным покажется все это нашим русским читателям.

Ради яснейшего понятия о туземцах Индии, мы здесь распространились об этом вопросе, быть может, более, нежели следовало; как бы то ни было, но злополучные индусы, ввиду всего этого, предпочитают временное унижение и все страдания «очищения», как физические, так и нравственные, подобной перспективе общего презрения до самой смерти.

Множество подобных вопросов занимало нас в продолжение тех двух часов, которые нам пришлось высидеть до обеда с браминами. Это, как казалось с первого взгляда, опасное, почти невозможное отступление от предписаний Ману — обед с иностранцами и людьми других каст — объяснялось на этот раз просто. Во-первых, толстый *патель* был *главою* своей касты, поэтому не боялся отлучения; во-вторых, он заранее принял все предосторожности и предписанные законом меры, дабы не *оскверниться* нашим присутствием; а в-третьих, либерал в душе и приятель Гулаб Лалл Синга, он обещал ему показать нашему обществу на деле, сколько софизма и тонких уловок придумано хитрыми браминами, дабы, сохраняя на вид мертвую букву закона, в то же время ловко вывертываться при экстренных случаях из-под его железной руки.

Таковы были, во всяком случае, объяснения нашего бабу в ответ на выраженное нами удивление. Нам оставалось, стало быть, только возрадоваться редкому случаю и не упустить оного. Кто раз был допущен не только разделить, но даже присутствовать при обеде брамина, тот становится как бы священным в его глазах. Не только сам хозяин, но даже все члены касты его взирают на такого счастливца как бы на принадлежащего по крайней мере *de jure* к их касте. Но зато как редки, почти невозможны такие случаи!..

XV

Индусы едят всего два раза и день (мы говорим о богатых), утром в десять и вечером в девять часов; оба раза трапеза сопровождается сложными обрядами и церемониями. В

остальное время дня никто, даже дети не едят ничего, так как есть без предписываемых религий заклинаний считается грехом. Тысячи образованных индусов давно перестали верить в эти суеверные обряды — остатки глубокой старины, но, невзирая на это, обязаны подчиняться им.

Наш хозяин Шамрао Бахунатджи принадлежал к древней касте «Патарских Прабху» (Pátáres Prabbhus) и весьма гордился своим происхождением. Прабху (т. е. лорды, господа) — потомки кшатриев (воинов), родоначальником коих был Ашвапати (700 лет до Р. Х.), происходивший по прямой линии от Рамы и Притту, которые, по местной хронологии, управляли Индией в *дванара* и *трета* югах.¹ Для них одних брамины обязаны исполнять чисто-ведические обряды, известные под названием «обрядов кшатриев». Теперь их зовут *патанами* вместо патаров (т. е. «падшие»), и этим несчастьем они также обязаны родоначальнику своему царю Ашвапати. Раз, раздавая милостыню святым отшельникам, он нечаянно обошел великого Бригу. Оскорбленный этим, пророк и ясновидец проклял его, пригрозив, что его царствованию скоро придет конец, а все потомство погибнет. Тогда царь, бросившись к его ногам, стал умолять о прощении. Бригу наконец согласился простить его, но проклятие святого уже пустило корни, и все, что он сам мог сделать для поправления дела, было не допустить его род до окончательной гибели. Вследствие этого патары вскоре потеряли престол и даже всякую власть. С тех пор им приходилось жить «пером» и службой разным правительствам, переменить имя патаров на патанов (падших) и жить беднее, нежели многие из миллионов бывших их подданных. К счастью, еще прадеды нашего словоохотливого амфитриона перешли в брахманство, т. е. пролезли через золотую корову...

Выражение «жить пером», как мы узнали, относилось к тому, что со времени английского владычества почти все должности писарей и мелких чиновников в бомбейском президентстве заняты патанами, как в северо-западных провинциях их занимают бенгалийские бабу. В одном Бомбее их насчитывают до 5000. Они смуглее конканских браминов, но

---

¹ То есть по летосчислению индусов в *последней* до настоящей *кальпе* и в *предшествующей той юге*, так как они делят *махаяугу* или «большой период» на четыре меньшие периода (*юги*), или по чисто-арифметическому исчислению около двух миллионов лет тому назад!!

зато и гораздо красивее и умнее. А таинственное выражение «пролезать через золотую корову» означало следующее: в исключительных случаях и при готовности затратить большую сумму денег, не только кшатрии, но даже презренные шудры могут преобразоваться, так сказать, в «побочных» браминов. Настоящие брамины, от которых исключительно зависит эта метаморфоза, заставляют их покупать это право за несколько сот, а иногда и тысяч коров. Затем, вылив из чистого золота корову, которая освящается при разных мистических церемониях, кандидата заставляют пролезать три раза через ее пустое отверстие, и тогда подвергшийся такому искусству тотчас же перерождается в брамина. Нынешний траванкорский махараджа и даже великий, недавно умерший махараджа Бенареса — оба шудры и некогда купили себе подобным образом желаемое право.

Все эти сведения как исторически-легендарная хроника о патарах были переданы нам с большою любезностью нашим хозяином. Попросив нас готовиться к ужину и обещав вернуться за вами через полчаса, почтенный Шамрао исчез, уводя с собою и наших кавалеров. Оставшись одни и пользуясь отсутствием мужчин, мисс Б*** и я отправились рассматривать пустой, как нам казалось, дом, захватив с собою одного лишь простоволосого бабу для объяснений. Бабу, как истый, современный бенгалиец, презирал религиозные приготовления к столу и поэтому находил лишним «готовиться». Он пошел с нами.

«Прабху», если их несколько братьев, все живут в одном бунгало, и у каждого женатого брата непременно своя особенная комната (если не отдельное помещение во дворе) и свой слуга. Дом нашего хозяина был обширный, окруженный меньшими пристройками, занимаемыми его братьями, тогда как главное здание служило для гостей и заключало в себе общую столовую, молельню или кумирню, комнату для родильниц, другую для покойников и т. д. Как и все туземные бунгало, весь нижний этаж был окружен верандой (крытою галереей), с которой входы с арками и без дверей вели в большую, занимавшую весь нижний этаж залу. Вокруг этой комнаты, со всех ее четырех сторон шли деревянные с великолепной резьбой колонны, поддерживавшие потолок верхнего этажа и заменявшие в этом случае стены. Мне почему-то показалось, что эти колонны когда-то должны были украшать

один из дворцов «мертвого города». Резьба была совсем не индусского характера, и вместо богов, баснословных чудовищ и зверей, колонны были покрыты арабесками с изящно вырезанными цветами и листьями. Колонны поставлены вблизи одна от другой, но рельефная работа не позволяла им, однако, составлять одну сплошную стену, вследствие чего вентиляция оказывалась немного форсированною: во время нашего сидения посреди столовой нас продувал из-за каждой колонны сильный сквозной ветер и со всех четырех сторон жужжали миниатюрные ураганы, будя все уснувшие было в климате Индии ревматизмы и зубную боль. Весь фасад дома был покрыт прибитыми к стенам и над окнами железными подковами — вернейшее средство против злых духов и от *глазу*. К правой стороне фасада была прилеплена пристройка — высокая комната, называемая «озри»; из этой «озри» во всех туземных домах ведет наверх (резной работы, как и все прочее) лестница, у подножия которой на большой висячей без ножек кровати, спускающейся с потолка на железных цепях, лежал в натуральную величину идол, которого я сперва приняли за спящего индуса и даже приготовилась было ретироваться. Узнав, однако, нашего старого друга Ханумана, я расхрабрилась и стала его рассматривать... Увы! от когда-то целого бога оставалась одна лишь голова; остальное, долженствовавшее представлять тело, оказалось старыми тряпками... Налево от веранды находился еще ряд пристроенных комнат; каждая из них имела особенное назначение. Комната для прекрасного пола, который хотя и не обязан прятаться под вуалью, как мусульманки, и проводить жизнь в гаремах, имеет однако весьма мало общения с мужчинами и держится совершенно особняком. Здесь женщины только готовят пищу для мужчин, но не обедают вместе с ними; они часто пользуются уважением и даже иногда робкою почтительностью со стороны мужа, но тем не менее не осмелятся с ним заговорить не только при постороннем лице, но даже при его сестрах и матери. Что же касается вдовы в Индии, то это самое несчастное существо в мире. Как только умирает муж, ей сбывают волосы и брови навсегда. Все ее украшения снимаются: и серьги из ушей, и кольца из носу, браслеты с рук и ног, и перстни со всех двадцати пальцев. Она буквально *умирает* для своего семейства как и для света, и даже «мэнг» не женится на ней, так как самое легкое к ней прикосновение оскверняет мужчину и он

должен тут же бежать «очищаться». На ее долю выпадает самая черная работа в доме, и ей не позволено есть вместе с замужними женщинами или детьми. Самосожжение вдов («сутти») запрещено, но брамины взяли свое: все вдовы жалят о костре.

Наконец, осмотрев последнюю комнату — святилище индусов — «кумирню», наполненную идолами, перед которыми стояли цветы, горели лампы, свечи и курился фимиам в богатой бронзовой вазе, а пол был густо усеян *тульси* и другими ароматическими травами, мы отправились одеваться. После умывания нас заставили снять обувь: таков обычай, и нам оставалось лишь подчиниться или отказаться от браминского ужина. Но нас ожидал еще более неожиданный сюрприз. Войдя в столовую, мы просто остолбенели: оба наши европейские кавалера были одеты — или скорее раздеты — индусами!

Из приличия на них оставили нечто вроде безрукавных фуфаяк; они были босы, с обмотанными вокруг бедер снежной белизны *дотти* и представляли нечто среднее между белыми индусами и константинопольскими *garçons de bains*.^{*} Оба были невыразимо смешны, и я не знаю ничего уморительнее европейца в подобном костюме. К великому смущению мужчин и, как полагаю, скандалу серьезных хозяек, я расхохоталась на весь дом. Сорокапятилетняя мисс Б*** старалась покраснеть, но тут же последовала моему примеру. Худшее совершилось; посмотрим, что далее...

Церемонии и обряды, о которых только что шла речь, достигают у индусов полного апогея пред каждым обедом и ужином. За четверть часа до того как садиться за еду, каждый индус от мала до велика обязан совершить *пуджу* пред богами. Он не переменяет белья, но снимает даже то малое, чем прикрывается во время дня. Выкупавшись у колодца, то есть умыв себе руки, ноги и лицо, он распускает длинную прядь волос на макушке бритой головы и остается простоволосым;¹

---

* Прислуга в бассейнах (*фр.*). — *Прим. ред.*

¹ Одни *бенгалийцы* носят короткие волосы, не сбривая на голове ничего; *пенджабы* также не бреют волос, но носят их во всю вырастающую длину и никогда не стригут их, пряча их только днем под белую чалму. *Раджпуты* тоже сохраняют длинные волосы, подбирая их на затылки. Но *махраты* и *декканцы* носят волосы наподобие ирокезов, оставляя один длинный чуб, как то бывало делали запорожские казаки.

обедать одетым или с покрытою головой считается у индусов грехом. Обмотав бедра белой *шелковой дотти* (шелк обладает свойством отгонять злых духов, обитающих в магнетических токах атмосферы, говорит Мантра, книга V, стих 23), они идут поклониться идолам и затем уже садятся за трапезу.

Засим, позволю себе еще раз сделать маленькое отступление, хотя бы ради невольного являющегося вопроса: не таится ли за этим кажущимся суеверием о духах и шелке чего-либо более глубокого. Уже давно, хотя изредка и с видимым нежеланием расстаться с излюбленной учеными идеей, что все обычаи древности и язычества основаны де на одном лишь *невежестве* и *грубом суеверии*, — уже давно, говорю я, стали открывать, что некоторые из этих обычаев, казавшихся столь нелепыми с первого взгляда, возникли из чисто научного принципа. Почему же не предположить скорее, что древние ввели подобный обычай, хорошо зная свойства и благотворное влияние электричества в соприкосновении с голым телом человека на органы пищеварения? Те, которые изучали древнюю философию Индии с твердым намерением проникнуть в тайный смысл ее афоризмов, в большинстве случаев убедились, что с самых древних времен свойства электричества были в значительной доле известны таким философам, как, например, Патанжали. Чарака и Шушрут изложили систему Гиппократова еще за несколько веков до того, кого на Западе так долго называли «отцом медицины». Исчисления Сурьи-Сидхенты, доказывающие, что он знал и исчислил силу паров, века тому назад, неизгладимо начертаны на камне, что хранится в Бадринатском храме Вишну. Древние индусы первые вычислили скорость света и определили законы, которым он следует в своем отражении; а Пифагорова таблица и его знаменитая теорема о свойстве квадрата гипотенузы находятся в древних книгах Джиотиши (*Geotishà*). Еще недавно западные математики указывали на Гиппарха Никейского как на отца тригонометрии, хотя все, что они когда-либо могли узнать о нем, почерпнуто ими со слов его же ученика Птолемея; а теперь здесь найдена древняя рукопись, доказывающая, что «уравнение центра» (*équation du centre*) было известно индусам задолго до Р. Х.

Все это позволяет нам предполагать, что древние арийцы, устанавливая этот странный обычай носить во время еды *шелковые «дотти»*, имели в виду нечто серьезнее, нежели отвод от

«демонов». Хотя странно, что даже в наш просвещенный век есть ученые доктора-спиритуалисты, которые (как д-р Евгений Кроуэл, в Нью-Йорке) пишут целые ученые диссертации, доказывая, что так называемым «медиумам» одно спасение от злых духов-кикимор — носить на голове и груди плотно завязанные *шелковые* платки, и хотя почтенный Кроуэл еще не совсем ясно доказал ученому миру, что кикиморы вообще (американские в особенности) дрожат пред произведением шелковичных червей, зато он совершенно ясно и логично объясняет роль шелковой материи в отношении к электричеству. А поэтому...

За нами явился хозяин, и мы отправились в столовую.

Войдя в «трапезную», мы тотчас же увидели, в чем состоят предохранительные меры индусов от осквернения. Каменный пол залы был разделен на две равные половины чертой, нарисованной мелом со странными кабалистическими знаками по концам. Одна половина предназначалась для хозяев и однокастников, другая — для нас. В стороне находился еще третий квадрат для наших туземных спутников другой касты. За исключением этого легкого барьера, обе половины были одинаковы. Вдоль двух противоположных стен узкие ковры с подушками и низенькими скамеечками для сидений, по числу ужилавших; а пред каждым сидением на голом полу продолговатый квадрат, разделенный как шахматная доска на меньшие квадратики, — тоже мелом, — предназначаемые для различных блюд и тарелок. Последние заменялись толстыми и крепкими листьями ост-индского дерева «тика» (*Butea frondosa*): большие блюда — из нескольких листьев, сколотых вместе шипами, блюдечки — из одного закругленного по бокам листа. Весь ужин был налицо и стоял пред каждою скамейкой; мы сосчитали сорок восемь таких блюдечек из малых листьев, на которых лежало по *глотку* яств — сорока восьми сортов! Все эти кушанья являлись нам материалом из *terra incognita*, некоторые оказались чрезвычайно вкусными, а ужин состоял из строго растительной пищи; говядина, птицы, яйца, рыба были изгнаны из этого *menu*. Тут были и *чатни*, маринованные в меду и уксусе, фрукты и овощи; и *панчамрит* — смесь из пампелло (ягоды), тамаринда, кокосового молока, патоки и прованского масла; и *кушмер* из редисок, меда и муки; и прожигающие насквозь рот пикули, и пряности, и т. д. Все это довершалось горою великолепно изготовленного риса

и другою горой *чанати* — лепешек вроде грузинских «чурек-ков». Блюда стояли в четыре ряда, по 12 в ряд, а между каждым рядом дымилось по три курительных ароматных палочки, величиной с копеечную церковную свечу. Вдоль всего нашего отделения ярко горели красные и зеленые свечи в семи огромных, странной формы канделябрах, представляющих каждый семиглавую кобру, обвившую хвостом древесный пенёк и поднимающую во все стороны головы. Из семи ртов ее подымались семь тонких, завитых штопором красных и зеленых восковых свечей. Дующий из-за всех колонн сквозной ветер развеивал во все стороны желтое пламя, наполняя нашу высокую трапезную фантастически прыгающими тенями и заставляя сильно чихать наших «легко одетых» господ. Оставляя темные силуэты индусов еще более в тени, этот неверный свет тем резче выбрасывал ярким белым пятном этих двух европейцев, как бы дразня и глумясь над ними...

Один за другим входили родственники и однокастники хозяев. Все они были нагими до пояса, со священным «тройным» шнурком браминов через плечо, босые, с распущенными волосами и все в белых шелковых «дотти». За каждым «саабом» шел слуга, несший его чашку, два серебряные или даже золотые рукомыльника и полотенце. Все они, поклонившись хозяину, подходили к нам поочередно и, сложив вместе ладони, прикладывали руки ко лбу, к груди и наконец, нагибаясь, дотрагивались ими до земли, проговорив: *Рам-Рам и намасте*.¹ Затем они, поджав ноги, молча садились на свои места, напоминая мне, что этот древний обычай приветствовать друг друга вдвойне произносимым именем прародителя существует с доисторических времен.

Когда мы все разместились, индусы, спокойные и величавые, как бы собираясь совершать таинство, мы, чувствуя себя не совсем ловко, не зная что делать с собою далее и боясь совершить, в невинности души, какую-нибудь глупость и тем оскорбить хозяев, вдруг раздалось из темного угла тихое пение нескольких женских голосов. Полдюжины «научей» (певиц и танцовщиц пагод) затянули в унисон гимны и восхваления богам. Тогда под этот шумок, проголодавшиеся и усталые, мы принялись за рис, который, по научению и благодаря

---

¹ Первое — имя обоготворенного ими героя; второе, в буквальном переводе с санскритского, — «преклоняюсь перед вами».

бабу, мы принялись есть правой рукой, так как иначе, если бы мы стали есть его левой, то разом привлекли бы на пир целую стаю *ракшасов* (демонов) и выгнали бы в ужасе всех туземцев. О ножах, вилках и ложках не было, конечно, и помину. Страшась провиниться неволью и по рассеянности, я всунула левую руку в карман, крепко держась во все остальное время пиршества за носовой платок...

За исключением тихого пения, продолжавшегося всего несколько минут, пиршество оказалось из самых молчаливых. Был понедельник — день постный, и правило гробового молчания за пищей соблюдалось у них в тот день еще строже. Обыкновенно, когда при случаях неизбежной необходимости случится кому проговорить хоть одно слово, то он спешит, омочив средний палец дотоле спрятанной за спиною левой руки в воду, увлажнить себе оным оба века. Но действительно набожный человек не удовольствуется таким очищением: прервав молчание, он обязан тотчас же встать, умыться и уже в тот день не дотрагиваться до пищи.

Благодаря подобному гробовому молчанию, мне представлялась возможность наблюдать за всем происходившим с величайшим вниманием. Несколько раз, впрочем, взглянув на полковника и мистера У***, уплетавших рис пригоршнями, мне стоило величайших усилий, чтоб опять не расхохотаться. Мной неволью овладевал неудержимый смех. Оба сидели с невозмутимою важностью и неловко работали и локтями и руками. Но я счастливо удержалась и устремила все свое внимание на необычайную процедуру индусов. Постараюсь описать любопытные детали их манеры обедать и ужинать.

Каждый из них, усевшись с поджатыми под себя ногами и держа в левой руке принесенный слугою кувшин, наливал себе из него воды сперва в чашку, а затем в горсть правой руки. Потом он медленно и долго кропил из нее вокруг стоявшего отдельно от других кушаний листа с яствами (как мы узнали, для богов и духов) и во все время этой церемонии напевал «мантру» из Вед. Набрав после этого в правую пригоршню рису, он повторял несколько других двустий с припевом и, отложив пять щепоток на правую сторону своей тарелки, снова умывал руки (от глаза), снова кропил водой вокруг этой тарелки и, налив окончательно несколько капель в горсть правой руки, выпивал ее. Потом проглатывал другие шесть щепоток рису, одну за другою, бормоча все время молитвы и, об-

макнув в чашку с водой средней палец левой руки, дотрагивался им до обоих глаз. В заключении он прятал левую руку за спину и тогда только начинал свой ужин правой. Все это совершалось в несколько секунд, но с большою торжественностью. Ели индусы, наклоняясь всем туловищем вперед и подбрасывая рукой пищу в рот с ловкостью японских жонглеров, не проронив ни одного зернышка, не пролив ни единой капельки из разных жидкостей. Из уважения к хозяевам и, вероятно, желая оказать этим честь Индии, наш полковник видимо старался подражать им в каждом движении. Он также было наклонился далеко вперед всем туловищем, но, увы! — почтенное брюшко оказалось серьезною помехой. Потеряв равновесие, он чуть было не повалился со своей скамеечки лицом прямо в яства, счастливо отделавшись на этот раз одними очками, которые полетели в кислое молоко с чесноком. После такого несчастного опыта храбрый американец разом отказался от дальнейших попыток «индуизироваться» и успокоился.

Все кончили ужин по обыкновению рисом, приправленным сахаром, толченым горохом, оливковым маслом, чесноком и гранатами. Это последнее лакомое блюдо они едят поспешно, нервно, поглядывая на соседей и как бы вперегонки. Каждый из них смертельно боится опоздать и кончить после другого, так как это чрезвычайно дурная примета. Пред самым концом они снова забирают воды в горсть и, пошептав над нею заклинания, проглатывают ее залпом. Горе тому, кто поперхнется при этом! Ему залез в горло *бхут* (демон, дух умершего) и он должен бежать очищаться пред алтарем. Эти злые духи людей, умерших с неудовлетворенными желаниями и земными страстями в полном их разгаре (других беспокойных покойников они не признают), сильно тревожат бедных индусов. Индийские духи, если верить показаниям всех и каждого, толкуются вокруг смертных. Их боятся и проклинают на всю Индию, не пренебрегая никакими средствами, дабы отвязаться от них и успокоить расхолодившихся *бхутов*. Понятия, идеи и выводы индусов диаметрально противоречат аспирациям* и надеждам западных спиритов. «Добрый и чистый дух, говорят они, на землю уж душу свою не пустит, коли та душа была также чиста. Он рад умереть и соединить свой дух

---

* Стремлениям (англ.). — Прим. ред.

(*атма*) с Брахмой, жить на *сварге* (небесах) жизнью вечной и брататься с прелестными *гандхарвами* (поющие ангелы или херувимы), под небесную песнь коих он дремлет целые вечности, в то время как душа (*джива*) продолжает очищаться от земной грязи в теле более чистом и более совершенном, чем только что оставленное ею». ¹ Но не то ждет злые души. Душа, не успевшая до смерти тела совершенно очиститься от земных помышлений, невольно отяжелеет под бременем грехов и вместо того, чтобы, следуя законам метемпсихоза, тотчас же воплотиться в другую форму, она остается бесплотною, осужденная бродить на земле. Она делается *бхутом* и, страдая сама, причиняет иногда невыразимые мучения своим же родственникам. Вот почему индус боится более всего на свете остаться *бесплотным* после смерти.

— Лучше перейти по смерти в тело тигра, собаки, даже желтогоного ястреба, — говорил мне недавно один старый индус, — нежели сделаться *бхутом*! Каждый зверь, какой бы он ни был, имеет свое собственное *закошное* тело и право честно им пользоваться. А *бхуты* навек обреченные *дакошты*, разбойники, воры, вечно настороже, как бы поживиться чужим добром. Это самое ужасное, невообразимо страшное состояние; это и есть *ад* по нашим понятиям. Что это за спиритизм такой на Западе? Неужели умные и образованные англичане и американцы сошли совершенно с ума?

И он так и не поверил, чтобы могли быть довольно безумные люди, чтобы любить *бхутов* и даже *приглашать их к себе на землю*.

После ужина мужчины все отправились во двор, к колодцу, и, умывшись, снова оделись. Обыкновенно они к ночи надевают чистые *малмалы*, род узких, длинных блуз, из тонкого жаконета, тюрбаны и деревянные сандалии с пуговкой, которую они захватывают между пальцами ноги, но оставляют обувь всегда у дверей дома. Вернувшись в приемную, они

---

¹ По их понятиям, *дух*, «атма», частица целого, или Парабрахма, не может быть наказуем за грехи, к коим он никогда не причастен. То *манас*, животный разум (*animal intelligence*), и животная душа — *душа*, «джива», полуматериальная иллюзия или *майя*, грешит и страдает и переходит из одного тела в другое, пока не очистится. Дух только осеняет ее земные странствования. Когда *эго* совсем очистилось, то это *эго* или душа окончательно соединяется со своим *атмой*, духом, и малопомалу оба погружаются в Парабрахму и исчезают в нем.

рассаживаются возле стены на коврах и подушках, жуют бетель, курят трубки или индийские сигары и слушают священное чтение или смотрят на танцы «научей».

Это в обыкновенные дни. В этот же вечер (вероятно, в нашу честь) все оделись очень богато. На многих были *дарши* — из богатой атласной полосатой материи, и по несколько золотых браслетов, золотые, украшенные бриллиантами и изумрудами *колье*, золотые часы, цепочки и белые, тонкие, как дымки, с золотыми полосами *джави* — браминские шарфы через плечо. Толстые пальцы нашего хозяина и правое ухо так и сияли бриллиантами.

Прислуживавшие нам женщины — хозяйки, исчезнувшие тотчас после ужина, вернулись к нам через полчаса разодетые и были теперь формально нам представлены. Их было пять: хозяйка, жена толстяка, женщина лет двадцати шести или семи; две женщины помоложе, из которых одна, к нашему удивлению, оказалась ее дочерью, с ребенком на руках; старуха — мать хозяина, наконец, жена брата его, *семилетняя* девочка. Таким образом хозяйка оказалась бабушкой, а девочка, которая должна была поступить в полное владение мужа года через два, много три, могла, в свою очередь, сделаться матерью задолго до двенадцати лет. Все они были босые, с перстнями на пальцах ног, и все, кроме старухи, носили гирлянды на шее и венки из натуральных цветов вокруг черных, как вороново крыло, кос. Их костюмы состояли из плотно облегающих шею и грудь вышитых золотом коротких корсажей (*чалли*). Надетые на голое тело, они не доходили на целую четверть до *сарри* — юбки-покрывала (если можно назвать юбкой эти короткие штаны, верхняя часть которых служит покрывалом для головы и вместе мантильей) и храбро открывали смуглый, блестящий при огне, словно вылитый из бронзы, стан красивых женщин. Их прекрасные руки были покрыты выше локтей дорогими браслетами, также как и щиколотки ног. При малейшем движении они звякали, а маленькая невестка, похожая на большую куклу на пружинах, еле могла двигаться под их тяжестью. У молодой хозяйки, «бабушки», носовое кольцо, продернутое через левую ноздрю, опускалось ниже подбородка и оттягивало нос. Только когда она сняла его, чтоб удобнее пить чай, мы рассмотрели всю ее удивительную красоту.

Начались танцы «научей», из коих две были очень красивы. Пляска состояла из более или менее выразительной мими-

ки. Ноги же семенили на одном месте, почти не двигаясь, или же двигаясь так быстро, что исчезали в тумане...

Я заснула сном праведных.

XVI

Приятно после стольких проведенных на голом полу палатки ночей выспаться на кровати, хотя бы и висячей, — особенно когда это сопровождается сознанием, что спишь на ложе «бога». Последнее обстоятельство, впрочем, было мною открыто только поутру, когда, сходя с лестницы, я нашла, что божественного генерал-аншефа (Ханумана) лишили висячего трона, а его самого, вместе с тряпичным телом, бросили под лестницу... Положительно, индусы XIX столетия вырождаются и кощунствуют!

Оказалось, что, за исключением старого дивана, это была единственная кровать в доме. Наши два кавалера провели ночь хуже нас: они оба спали в старой пустой башне, бывшей *гопаром* (алтарь) древней разрушенной пагоды за домом, куда их положили с благим намерением спасти от шакалов, забирающихся по ночам во все нижние этажи, где вместо окон и дверей существуют одни отверстия. Кроме неизменного ночного концерта, шакалы на этот раз не беспокоили их своим присутствием. Зато мистеру У*** и полковнику пришлось воевать целую ночь с неотвязным *вампиром*, который оказался не только летучею мышью, но и «духом», как они это позднее узнали к своему горю. Вот как это случилось:

Безо всякого шума влетал в башню вампир и, помахав своими холодными, липкими крыльями, садился то на одного, то на другого из спящих, очевидно, решившись полакомиться европейскою кровью. Раз десять они просыпались и прогоняли его, но каждый раз безуспешно; только что они было соберутся задремать, как снова почувствуют его легкое, почти неслышное прикосновение на плечах, ногах, груди. Наконец У*** изловчился: он поймал его за крыло и свернул ему шею...

К утру, похвалясь в невинности души этим подвигом пред хозяином дома, они, казалось, навлекли на себя все грома небесные. Двор был полон народа, а пред дверьми башни стояли, понуриив голову, все домашние: старуха-мать рвала на

себе волосы и запевала, приговаривая и причитывая что-то на всех языках Индии. Что же такое случилось? Происшествие ужасное, узнав о котором мы пришли в величайшее смущение: по особенным известным только одному домашнему брамину приметам, в этого кровожадного вампира, со дня своей смерти, *переселился* старший брат хозяина, а неистовствовавшей старухи — сын. Уж девять лет как покойник жил под этим новым видом, отбывая все повинности метемпсихоза. Днем, зацепясь когтями за ветку старого пипала, что пред башней (испокон века жилище духов), и, повиснув головою вниз, он проводил в глубоком сне часы между восходом и заходом солнца; ночью посещал старую башню, где ловил забравшихся туда на ночной покой насекомых. И так жил этот вампир, отмаливая потихоньку старые грехи, совершенные им, когда он был еще прабхуским «патаном». А теперь? Его бездыханное тело валялось у входа в башню, и одно крыло уже отгрызли крысы... Старуха заливалась слезами, бросая яростные взгляды из-под покрывала своей бритой головы на У***, который, в качестве убийцы, имел вид отвратительно равнодушный.

Но дело запутывалось и становилось трагическим. Весь комизм его исчезал пред искренностью ее неподдельного горя. Толпа стояла вокруг; молчаливая и серьезная, очевидно, не смея высказать свои настоящие-чувства английским «саабам», но поглядывая на нас не особенно приветливо исподлобья. Возле старухи стоял семейный жрец и астролог, с книгой *Шастр* под мышкой и с жезлом в руке, приготавливаясь начать над башней церемонию очищения. Он уже распорядился покрыть куском новой холстины полуобъеденный, облепленный муравьями труп отвратительного вампира, лежавшего пред ним с широко распростертыми крыльями...

У*** по-прежнему стоял, хладнокровно посвистывая и с заложенными в оба кармана руками. Подошедшая мисс Б***, не стесняясь присутствием хорошо говорившего по-английски хозяина, громко ораторствовала (совершенно *à l'anglaise* *) о грубом, невежественном суеверии этой «падшей расы». У*** не отвечал, но весьма презрительно улыбался. Тогда наш хозяин с низким «салаамом» подошел к полковнику и учтиво попросил его вместе со мною на «несколько минут разговора»...

---

* На английский манер (*фр.*). — *Прим. ред.*

«Ну, подумалось мне, выгонят!..»

Но мы, как видно, не измерили еще сердца индусов до полной их метафизической глубины.

Он начал с того, что сочинил экспромтом весьма кудрявое вступление. В нем напоминалось, что он, хозяин, человек образованный, получивший *западное* воспитание. Вследствие этого он-де не совершенно еще уверен в том, что в теле вампира действительно обретался дух покойного брата. Дарвин и другие великие натуралисты Запада, однако, как бы сами верят в переселение душ, но, как он понимает, в *обратном* смысле; то есть родись у него в минуту несчастной смерти вампира сын, то, по самым последним научным соображениям, в этом сыне, вследствие разлагающихся по близости атомов вампира, явилось бы, по всей вероятности, много вампировского. «Так ли он понял Дарвина и его школу?» спрашивал он нас.

Мы скромно отвечали, что вследствие непрерывных путешествий за последний год мы немного отстали от современной науки и о таковом ее последнем заключении еще не слышали.

— А я следил за нею, — немного напыщенно произнес добродушный Шамраб, — и поэтому полагаю, что вполне понял и оценил ее последние выводы. Я даже только что кончил превосходную «Антропогению» Геккеля и много думал над его логическим, научным объяснением об образовании человека из более низших животных форм путем трансформации. А что такое *трансформация* как не *трансмиграция* древних и современных индусов — *метемпсихоз* греков?

Мы ничего не нашли сказать против тождества и даже заметили, что по Геккелю оно действительно как бы выходит так.

— Ну вот видите ли! — воскликнул он обрадовавшись. — Стало быть, наши воззрения не так глупы и суеверны, как об этом пишут и говорят некоторые противники Ману. Великий Ману, между тем, предупредил и Дарвина, и Геккеля. Судите сами: последний ведет генеалогию или *генезис* человека от группы «пластидов», от слизистого *монера*; этот «монер» через *амебу*, а затем *зипамебия*, *асцидии* и, наконец, безголового и бессердечного *амфиокса*, на восьмой стадии трансмигрирует в миногу — превращается, наконец, в позвоночного *амниота*, в промамалии, сумчатое животное, а к отделу позвоночных принадлежит и *вампир*... Вы, конечно, как люди образованные, против этого спорить не станете?

Мы и не спорили.

— Так прошу вас, следите за мной...

Мы, без сомнения, следили с большим вниманием, только уж решительно не понимали, куда он нас заводит.

— Дарвин, — продолжал он, — ведет свое учение о происхождении видов, следуя почти слово в слово «палингенетическому» учению нашего Ману. В этом я вполне убедился и готов это доказать с книгами в руках. Древний законодатель говорит, например, вкратце следующее: «Великий Парабрахма повелел, дабы от зародившегося в тине глубоких морей червя земного, пройдя через все стадии животного творения, явился в мире, наконец, человек. Червь сделался змием, змий рыбой, рыба преобразовалась во млекопитающее и т. д.». Не эта ли самая основная идея заключается в дарвиновской теории происхождения органических форм посредством постепенного перехода из простейших видов в более сложные, из бесструктурной протоплазмы в тине силурийского и лаврентийского периода (тина морей Ману) в антропоида, а затем в человека?..

Мы согласились, что действительно представлялось такое сходство.

— Но, несмотря на все мое искреннее уважение к Дарвину и его последователю Геккелю, я не могу с ними согласиться в их окончательных заключениях, особенно с выводами последнего, — продолжал ораторствовать Шамрад. — Этот вспыльчивый и желчный немец, так верно копирующий эмбриологию нашего Ману и все метаморфозы наших предков, теряет из вида эволюцию *души человеческой*, которая, по учению Ману, следует рука об руку с эволюцией *матери* во всех ее изменениях... Сын *Сваямбхувы* («несотворенного») говорит так: «Каждое творение в ряду своих переселений приобретает, в дополнение к качествам всех предыдущих форм, новые таким образом, что чем ближе оно подходит к высшему земному типу, человеку, тем ярче в нем разгорается божественная искра» и добавляет: «Но, раз сделавшись Брахмой на земле (то есть достигнув в образе *человека* верхней точки цикла трансмиграций), человек вступает в ряд трансмиграций *сознательных*». Другими словами, его будущие превращения будут зависеть не от слепого закона постепенного развития, но от поступков его на земле, за малейший из коих он будет или награжден, или наказан. Поэтому в воле человека и от

него самого зависит, пойдет ли он выше по дороге к *мокиш* (вечному блаженству), переходя из локи в локу,¹ пока не дойдет до *Брахмалоки*, или же, вследствие грехов, снова не оттолкнется законом возмездия назад. В таком случае он будет обязан возвратиться к прежним, уже раз бессознательно пройденным животным формам. Но если и Дарвин и Геккель, как физики, оба теряют из вида этот, так сказать, *второй том* их неполной теории, так остроумно «дополненной» в учении Ману, то все же они нигде в своих сочинениях и не отвергают его. Не так ли?..

— Кажется, что не отвергают.

— Так почему же, — вдруг неожиданно накинулся он на нас, — почему же меня, вполне изучившего самые современные и последние идеи западной науки, меня, верующего в ее представителей, которые, в свою очередь, буквально подтверждают научными выводами по крайней мере *первую половину* (эволюцию физического мира) учения Ману... почему меня, спрашиваю я, почтенная мисс Б*** причисляет к невежественным и грубым индусам, называя наши *дополненные* научные теории «суеверием», а нас самих сынами «павшей низшей расы»...

И у бедного Шамраб даже навернулись на глазах слезы при воспоминании о незаслуженном оскорблении со стороны бестактной англичанки. А мы стояли сконфуженные, не зная что сказать.

— Ведь я же не возвожу всех этих наших народных верований в «непреложные догматы». Я взираю на них пока как на простые теории, стараясь слить в одно, заставить древнюю науку гармонировать с современною; я просто «гипотезирую», как и Дарвин и Геккель. К тому же, как я слышал, мисс

---

¹ Таких *лок* в религии индусов семь *главных* и множество *менее значительных*!.. «Лока» значит — страна. место. Локи вообще — очистительные миры, и некоторые секты видят их в звездах. Души не очень грешные и освобожденные от земных переселений отправляются в эти миры, постепенно переходя от одного в другой, но всегда в образе человека, хотя этот образ растет и совершенствуется с каждой новой «локкой». Такие освобожденные от земной материи духи делаются, по понятиям индусов, *питри* и *дэвами*, которым поклоняются и приносят жертвы под названием «душ предков» (*pitris*). Последние соответствуют описанным средневековыми каббалистами *планетарным духам*. (См. *Heinrich Kunrath «Amphitheatrum»* etc., соч. Парацельса и пр.).

Б*** спиритка: она верит в духов, в *бхуту*. А если «бхут», по ее понятиям, в состоянии влезать в тела медиумов и овладевать на долгие часы и даже дни их организмами, то почему же невозможно не только *бхуту*, но и менее грешной душе войти в тело вампира?..

На подобную, чересчур уже «сжатую» логику мы, признаюсь, не нашли что ответить, а предпочли, не затрагивая этого деликатного метафизического вопроса, извиниться пред ним за грубость мисс Б***:

Полковник Олькотт

Могини. Один из учеников махатмы Кут-Хуми.

«Она англичанка (говорили мы), и ее не переделаешь: она не желала никого оскорблять, а просто высказала необдуманно клевету о суевериях» и т. д.

Хозяин мало-помалу успокоился. Он еще с бóльшим рвением принялся было доказывать нам, почему, вследствие глубоко обдуманного им закона «атавизма», или наследственной передачи свойств прыжками чрез пятого на десятого (как говорится) предка, он дошел до настоящей необходимости полуверить в тождество покойного брата его с покойным вампиром... Но вдруг У*** чуть было не испортил всего дела:

— Старуха совсем рехнулась!.. — закричал он нам через весь двор. — Она прокликает нас, утверждая, что убийство

вампира лишь начало целого ряда несчастий, навлеченных сыном на их дом — вами, Шамрао... — грубо продолжал он, обращаясь к последователю Геккеля. — Она говорит, что вы осквернили вашу браминскую святость, пригласив нас, *беллати*, ужинать с вами и провести ночь в вашем доме... Посылайте, за слонами, полковник, не то нас выгонят.

— Но, помилуйте! — говорит в свою очередь растерянный брамин. — Чтò же мне делать? Она старая женщина, быть может с предрассудками, но она мать моя... Вы люди образованные, люди ученые; скажите же мне и научите, как помочь всему этому несчастью? Чтò бы вы сделали на моем месте?..

— Чтò бы я сделал, сэр? — воскликнул рассерженный глупостью положения У***. — Будь я на вашем месте и верь я в то, во что вы верите, я бы не задумался ни на минуту, а взяв револьвер, перестрелял бы: во-первых, всех соседних вампиров, хотя бы для того, чтобы разом освободить всех моих родственников от отвратительных тел этих животных; затем я прикладом револьвера разбил бы голову вон тому мошеннику брамину, который сочинил подобную глупость. Вот что бы я сделал, сэр!..

Но этот совет не удовлетворил бедного потомка Рамы, и долго бы он бегал в недоумении от одного к другому, колеблясь между священным чувством гостеприимства, врожденным страхом к брамину и собственным суеверием, если бы всех нас не выручил находчивый бабу. Услыхав, что мы, в свою очередь, рассердились и посылаем в деревню за слонами, чтобы тотчас же уехать, бабу уговорил нас подождать хоть один час, заявив нам, что подобный поступок был бы величайшим оскорблением хозяину, который отнюдь неповиновен во всей этой истории. А что касается глупой старухи, то он обещал ее угомонить очень скоро; у него уже и план де готов.

С этою целью он попросил нас отправиться на большую дорогу осмотреть развалины старой крепости и ждать там его прихода. Мы повиновались, но, чрезвычайно заинтересованные его «планом», шли тихо и нехотя. Мужчины злились, мисс Б*** ораторствовала, а Нараян, невозмутимо хладнокровный, как и всегда, поддразнивал англичанку «духами». в которых она веровала. Проходя за домом, мы увидели бабу, шедшего вдоль стены с фамильным жрецом и горячо о чем-то

с ним спорившего. Бритая голова жреца кивала на все стороны, длинное желтое платье развевалось, а руки высоко воздымались к небу, как бы призывая богов во свидетели его слов...

— Ничего он не поделает с этим фанатиком, — заметил полковник, закуривая трубку.

Не успели мы после этого замечания отойти и на сто шагов, как увидели бабу, бежавшего за нами и делавшего нам знак остановиться.

— Все благополучно кончилось, — кричал он нам еще издали, размахивая руками и от смеха насилу выговаривая слова. — Вам предстоят благодарения. Вы являетесь спасителями и благотворителями покойного *бхута*... Вы...

И он упал на камень, держась обеими руками за узкую, запыхавшуюся грудь, и хохотал до того, что заразил своим смехом всех нас, еще даже не понимавших, в чем дело.

— Подумайте только, — рассказывал он, — ведь всего десять рупий стоило; предлагал пять, но он заупрямился, а десять взял.

И он опять катался со смеху.

Наконец он объяснил нам следующую, дающую отчетливое понятие о святости браминов, придуманную им хитрость. Он знал, что вообще все *метемпсихозы* шаивов (поклонников Шивы) зависят от воображения фамильных «гуру», которые и получают за эти наставления от каждого семейства от 100 до 150 рупий в год. Такие брамины в то же время и астрологи, и распорядители всех установленных религиозных в семействе обычаев. Все обряды сопряжены с расходами, которые поступают в карманы ненасытных домашних браминов, причем обряды в честь какого-нибудь счастливого события оплачиваются гораздо лучше, чем те, которые совершаются вследствие несчастия. Зная все это, бабу прямо приступил к делу: он предложил брамину пять рупий, если тот разыграет фальшивую *самадхи*, то есть притворится вдохновенным и, заговорив как бы от умершего сына, — объявить матери, что тот сам искал смерти в теле вампира; что он, с целью отвязаться от этой трансмиграции и перейти в высшую, — нарочно искал смерти; что ему теперь лучше и что он благодарить «сааба», освободившего его от отвратительного образа. К тому же он, бабу, слышал, что брамин желает продать ожидаемый на днях плод своей буйволицы, а Шамраб отказывался от покупки.

Чего же лучше? Пусть только преподобный отец *гуру* объявит (под влиянием той же *самадхи*), что освобожденный дух намерен теперь поселиться в теле будущего буйволена, и мать, конечно, заставит Шамрао купить это новое воплощение ее старшего сына. Пойдут увеселения, новые обряды, и почтенному брамину выпадет изрядная, по этому случаю, доля рупий.

Сначала, боясь быть избалованным, *гуру* отказывался и призывал небо и богов во свидетели, что в вампире действительно проживал сын дома; но потом, когда бабу (сам глубоко изучивший все штуки браминов) доказал ему, что его выдумка не в состоянии была выдержать критики, так как подобной трансмиграции в *Шастрах* не находится, — он поддался, потребовав только 10 рупий и молчания... Таким образом дело было слажено, и старуха успокоилась.

Когда мы подходили к высоким воротам дома, Шамрао вышел к нам на встречу с сияющим лицом... Боясь насмешек, или же не находя ни в современных положительных науках вообще, ни в Геккеле, в частности, чего-либо положительного, на что бы сослаться в вопросе об этой новой трансмиграции, он нам не объяснил, почему вдруг все переменялось к лучшему. Он только довольно неловко заметал, что старуха-мать, вследствие ей одной известных таинственных и новых соображений, успокоилась за судьбу сына, а затем не намекал более на эту маленькую неприятность. Зато он сделался еще приветливее и веселее и умолял нас «из чистой любви к науке» отправиться с ним в этот вечер на религиозную *тамашу*. Известная на весь околоток *джадувала* (заклинательница, колдунья) находилась в то время под влиянием *семи богинь*, семи сестер, которые все поочередно овладевали ею и пророчествовали ее устами...

Мы с радостью согласились и стали с нетерпением ожидать вечера.

XVII

Чтобы рассеять неприятное впечатление утренней истории, Шамрао предложил нам, между тем, сидеть у открытой двери молельни и взирать, как он будет совершать свои утренние обряды, поклонение богам. Для нашей любознательности ничего не могло быть приятнее этого, и мы, усевшись

на веранде, стали наблюдать за ним в широкое, заменяющее дверь, отверстие...

Было девять часов утра, обыкновенный час утренней молитвы туземцев. Шамрао пошел к колодцу приготовиться и «одеться» как он выражался, тогда как злые языки сказали бы: «раздеться». Через несколько минут, вернувшись в одном дотти, как за столом, и с непокрытой головой, он направился прямо к кумирне. В то самое время, как он входил туда, раздался громкий удар привязанного к потолку молельни колокола, который и не переставал звонить во все время обрядов. Звонарь оставался невидимым; но бабу сообщил нам, что то звонит мальчик с крыши...

Шамрао вошел правою ногой и очень медленно. Затем он подошел к алтарю и сел, поджав и скрестив ноги на низенькую, стоявшую перед ним скамеечку. В глубине комнаты на алтаре, похожем на модную этажерку, стояли расположенные на покрытых красным бархатом полукруглых полках домашние боги. Идолы были из золота, серебра, меди и мрамора, смотря по достоинству и заслугам. Сам алтарь находился под куполообразной беседкой из сандалового с великолепною резьбой дерева; а по ночам эти боги и приношения покрывались огромным стеклянным колпаком от крыс.

Пока мы с любопытством рассматривали все это, Шамрао, бормоча все время молитвы, наполнил золой горсть левой руки и, закрыв ее на минуту правой, налил в нее воды и, растерев золу между ладонями, стал проводить большим пальцем правой руки линию от кончика носа до середины лба, а отсюда к углу правого виска, а потом назад — от правого к левому. Совершив эту разрисовку своей физиономии, он стал по порядку натирать той же мокрой золой горло, живот, левую руку, грудь, правую руку, плечи, спину, уши, глаза и голову; после этого, направляясь в угол комнаты к освященному фонтану, он трижды окунулся с головой, как был в дотти, в огромной полной водою бронзовой купели, откуда и вынырнул, изображая собою неуспевшего высохнуть на солнце толстого тритона. Эта операция завершила первое действие.

Действие второе началось молитвами *сандля* — религиозной медитацией — и *мантрами*, которые набожные люди повторяют по три раза в день, утром с восходом солнечным, в полдень и на закате солнца. Он громко произносил имена 24 богов, и каждое имя сопровождалось ударом колокола. Кон-

чив, он сперва закрыл глаза, заложил уши ватой, а двумя пальцами правой руки левую ноздрю и, шумно вытянув воздух правой, захватил большим пальцем и другую ноздрю, крепко сжав губы, чтобы не дышать. В этом положении всякий благочестивый индус должен мысленно повторить некий стих с метром *Гайатри*: то священные и непроизносимые слова, которые ни один индус не осмелится повторить громко, и, даже читая их *мысленно*, удерживает насильственным образом дыхание, чтобы не вдохнуть в это время чего-либо нечистого. Дав честное слово не повторять всего стиха, я могу однако, привести отрывочные фразы; молитва начинается так:

«Ом!.. Земля!.. Небо! да осенит меня обожаемый свет... (этого имени нельзя произносить)... Твое солнце, о *Единый*, да осенит меня, недостойного... я закрываю глаза, затыкаю уши, не дышу... дабы видеть, слышать, дышать одним тобою... Да озарит наши мысли (снова тайное имя)».

Любопытно сравнить с этой молитвой индусов Декартовскую молитву, «*Méditation III*» в его «*L'Existence de Dieu*» (1.641). Если читатели помнят, в ней говорится следующее: «*Я теперь закрою глаза, заложу уши, отгоню все пять чувств от себя... и остановлюсь над одною мыслию о Боге, задумаюсь над Его качеством и стану взирать на красоту этой чудной светозарности*».

Кончив эту молитву и держа между двумя пальцами священный браминский шнурок, индус читает тихо и про себя другие молитвы. Потом, смешав немного рису и сандалового порошка, он берет стоящий на алтаре кувшин с водой и, отмыв старые пятна, наклепывает на него свежие из только что сфабрикованного им теста. За этим следует церемония «умовление богов».

Снимая их одного за другим, по чину, он опускает их сперва в купель с водой, а затем купает в молоке, в другой бронзовой купели у алтаря. Молоко перемешано с простоквашей, маслом, медом и сахаром, так что вместо купанья выходит пачкотня. Но все это смывается в третий раз в первой купели и вытирается досуха чистым полотенцем. Поставив идолов на место, индус рисует на них кольцом с левой руки сектантские знаки, употребляя для *Линги*-белый сандал, а для *Гэпатти* и *Сурьи* — красный. Потом он их окропляет разными душистыми маслами, посыпает цветами, принося каждый день свежие, и оканчивает длинную церемонию звоном из

всей силы идолам под нос посредством маленького колокольчика — «дабы разбудить их», говорят брамины, вероятно полагая не без основания, что боги в это время все со скуки уснули. Заметив или же воображая (что иногда одно и то же), что боги проснулись, он начинает им подносить свои жертвы: зажигает курительные свечи, лампы и раскуривает им кадиланицей фимиам, по временам шелкая пред их физиономиями пальцами, чтобы, как надо полагать, они «смотрели в оба». Покурив во все стороны ладаном и камфарой и набрав в руки цветов,¹ он осыпает их снова, становится за скамейку и, произнося последние молитвы, проводит ладони обеих рук над пламенем свечей и ламп, трет себе руками лицо и, обойдя три раза вокруг алтаря, кладет трижды земной поклон и удаляется, лицом к алтарю и идя задом.

В то время как хозяин кончает свой утренний обряд, в молельню входят женщины и, сев на низенькие принесенные ими скамейки, начинают перебирать четки и молиться. Четки здесь играют немалую роль, как и у буддистов. У каждого бога свои особенные четки, и факиры покрываются ими.²

Оставив женщин молиться на свободе, мы последовали за Шамрао в коровье стойло. В лице этого животного поклоняются «кормилице-земле», природе. Отперев дверь, он сел возле коровы и стал обмывать ей ноги, сперва ее же молоком, затем водой. Потом он покормил ее рисом и сахаром из горсти, выпачкал ей голову сандаловым и другими порошками, украсив рога и все четыре ноги гирляндами из цветов; покадив под морду ладаном и покрутив над головой зажженной лампой, он обошел ее трижды и сел отдохнуть. Есть такие индусы, что обходят вокруг священной коровы до ста восьми раз с четками в руках. Но наш Шамрао был человек с маленькою тенденцией повольнодумничать и слишком начитался Геккеля. Отдохнув, он наполнил кружку водой, обмакнул в нее хвост коровы и — выпил!..

Таким же образом он исполнил обряд поклонения священному растению *тульси*³ (жене Кришны) и Солнцу, с тою

---

¹ У каждого божества и богини свой любимый, привилегированный цветок.

² Эти четки, называемые *мала*, имеют сто восемь зерен; их делают или из черных ягод вроде шиповника — *рудракша*, или же из светлого дерева *тульси*.

³ Царский *Basilicum*, попросту базилик.

только разницей, что так как он не мог исполнить над этим божеством обряда омовения, то, став пред светилом дня на одной ноге и набрав в рот воды, он прыснул на *Сурью* три раза, обрызгав, вместо Солнца, всех нас.

Причина странного поклонения растению *тульси* до сих пор еще остается для нас загадкой. Знаю только одно, что хотя в сентябре каждого года совершается брачная церемония этого растения с богом Вишну, но *тульси* называется женой Кришны, быть может, потому, что Кришна воплощение Вишну.

Но вот настал вечер, и мы опять на слонах, и снова собираемся в путь; но это ненадолго. До логовища старой колдуньи (пифии Индостана) всего пять миль, и дорога хотя и пролегает через густые джунгли, но гладкая и ровная. Даже и джунгли с их свирепыми обитателями уж не пугают нас. Прежние трусливые слоны отосланы домой, и мы сидим на других, присланных нам соседним раджей. Они не раз охотились за тиграми, и рев всех зверей в околотке не испугает этих старых патриархов лесов; словно два темных холма стали они пред верандой... Итак, в дорогу!.. Красноватое пламя факелов ослепляет глаза, усугубляя мрак окружающего нас со всех сторон леса. От этого яркого освещения он кажется еще чернее, еще таинственнее...

Есть что-то невыразимо заманчивое, почти торжественное в подобных ночных путешествиях по Индии. Тихо и глухо всюду: все спит кругом, внизу и над головами. Один тяжелый мерный звук гигантских шагов слона глухо раздается в тиши ночной, словно удары молота по наковальне в подземной кузнице Вулкана. По временам разносятся по лесу странные голоса и звуки, будто кто-то тихо воет меж разбросанными скалами руин. «То ветер завывает», говорим мы: «удивительный феномен акустики»... — «Бхута! бхута!» — шепчут испуганные факельщики, трижды потрясают вокруг себя зажженными факелами, и быстро крутятся на одной ноге, щелкая пальцами, чтоб отогнать расходившихся духов. Жалобный вой замолк, и снова слышится одно металлическое трещанье ночных сверчков, заунывное кваканье древесной лягушки, да мелко выбиваемая дробь кузнечика. Временами все это умолкает, чтобы через минуту снова наполнить лес стройным хором... Боже мой! сколько бытия, сколько жизненной силы скрывается под каждым листиком, под малейшей травкой этих тропических лесов! Мириадами горят звезды на темной

синеве неба, и, словно бледное отражение далеких светил, такими же мириадами светятся фосфорические искры светляков и огненных мушек, со всех сторон мигая нам на еще темнейшей зелени кустов, точно указывая и освещая наш путь...

XVIII

Выехав из темного бора, мы очутились на довольно ровном месте, в котловине, окруженной с трех сторон стеной того же непроходимого леса, где, вероятно, и в полдень лежат ночные тени. Мы находились теперь на высоте около 2000 футов над подошвой Виндийской цепи, так как прямо над нашими головами виднелись высокие развалины стен Манду.

Неожиданно подул довольно холодный ветер и чуть не погасил все наши факелы. Пойманный в лабиринте скал и кустарника, он вдруг завыл, яростно потряс зелеными перьями цветущей моринги, вырвался и, пронесшись вихрем кругом котловины, полетел по ущелью, вопя и заливаясь, точно все лесные духи выли похоронные песни по ведьмам гор...

— Мы приехали! — объявил Шамрад, слезая с лошади: — Вот деревня, а дальше ехать нельзя.

— Куда приехали?.. И где же деревня... здесь один лес!

— Деревни и домов вы ночью не увидите. Землянки все скрыты меж кустарников, а многие, вырубленные в скалах, мало отличаются от них и днем. Огня же никто здесь не зажигает после заката солнца... боятся духов, — пояснил он.

— А где же ваша ведьма? Неужели нам придется глядеть на нее в темноте?

Шамрао пугливо оглянулся кругом, и голос его заметно дрожал во время ответа нам:

— Прошу вас и умоляю, не называйте ее *дакши* (ведьмой)... Она может услышать вас... Теперь нам недалеко до нее, хотя вам и придется идти пешком... с полмили. Туда к ней и лошадь, не только что слон, не пройдет. У нее мы найдем огонь...

Сюрприз выходил довольно неприятный. Идти ночью полмили в Индии, пролезая сквозь чащи кактусов в дремучем лесу, полном зверей! Мисс Б*** решительно протестовала и объявила, что не пойдет, а останется ожидать нас, не слезая со слона, в *хауде*, где может преспокойно заснуть. Она так и сделала.

Нараян, протестовавший против этой *partie de plaisir** с самого начала, хотя и не объясняя нам почему, заметил ей, что она очень благоразумно поступает в этом случае.

— Вы ничего не потеряете, отказавшись от свидания с *дакши*... И я очень бы желал, чтобы вашему примеру последовали и другие...

— Но какой же вред может выйти от этого? — настаивал Шамраб, немного огорченным тоном, так как он первый затеял эту поездку. — Не говоря уж о том, что наши гости будут иметь случай увидеть чрезвычайно любопытное зрелище «воплощения богов», зрелище редкое и которое не всякому европейцу удастся видеть, *Кангалимм* — женщина святая... Она пророчица, и ее благословение, хотя она и язычница, не может никому повредить... Я настаивал на этой поездке из чистого патриотизма...

— Если ваш патриотизм, сааб, состоит в том, чтобы хвататься пред иностранцами мерзейшими язвами нашей без того униженной, почти задохшейся в грязи родины, то почему же вам скорее не пришло в голову собрать властью *пателя* всех прокаженных в вашем околотке и похвастаться перед вашими гостями ими? — отвечал со странною горечью Нараян.

Боясь ссоры между индусами, полковник заметил, что теперь уж поздно каяться. К тому же, хотя он сам в «воплощения богов» не очень верит, но знает, что так называемое на Западе *беспование* есть факт. Суд, недавно свершившийся в России над тихвинскими крестьянами, которые сожгли Аграфену-ведьму, — доказательство существования странной и таинственной болезни, называемой на Западе «медиумством», а в России «кликушеством». Полковник желал изучать всякие такие психические явления, где бы и под каким бы видом они ни являлись, с научной точки зрения...

Странное зрелище представилось бы глазам наших американских и европейских друзей, если б они могли увидеть нас среди этого ночного шествия! Дорога шла узкою тропой в гору, и по ней нельзя было пройти более чем по два в ряд, а нас было тридцать человек с факельщиками.

Нельзя сказать, чтоб явившееся полчаса позднее в берлогу пророчицы Манду общество отличалось особенною свежестью или изяществом туалетов. У полковника и У*** дорож-

---

* Увеселительная прогулка (*фр.*). — *Прим. ред.*

ные блузы были в лохмотьях, как и мое платье. Кактусы собрали с нас посильную дань по дороге; а во взъерошенных волосах бабу копошилась целая колония светляков и длинноногих трещеток-сверчков, неотразимо привлекаемых к его голове, вероятнее всего, запахом кокосового масла. Толстый Шамраб пыхтел, как паровая машина. Один Нараян, высказав свое мнение, вернулся к своему невозмутимому хладнокровию, проходя во всякое время дня и ночи, а теперь в особенности, на бронзовую статую Геркулеса с палицей.

При последнем повороте, где нам пришлось лезть вверх по огромным обломкам скал, мы очутились на тропинке, которая вела далее по ровной окраине густого леса. Когда это последнее препятствие было побеждено, наши глаза были неожиданно и несмотря на наши факелы ослеплены необычным светом, а слух поражен самыми непривычными звуками.

Пред нами открылась другая котловина, вход в которую, через пройденное нами ущелье, маскировался только что обойденным лесом. Как мы потом сообразили, можно было ходить вокруг этого заколдованного леса неделю и даже не подозревать о котловине, в глубине которой мы увидели жилище знаменитой *Кангалиммы* — колдуньи и оракула всего околота.

«Логовище» оказалось довольно хорошо сохранившейся развалиной древнего индусского храма, и сквозь его четыре толстые колонны чернело бы, если бы не мешала дверь, глубокое отверстие, прорытое под горой. Что было за дверью, — никто не знал. По уверению Шамраб, еще ни одна нога живого существа, из трех последних поколений, не переступала за эту толстую, обитую железом дверь, ведущую во внутренность подгорного храма. Кангалимм жила там одна, и в памяти старейших обитателей всегда жила там. Говорили, что ей 300 лет.

Мы, видно, приехали рано, и пифия еще не выходила. Но площадка пред храмом была полна людей, и весьма дикую, хотя и живописную картину представлял этот народ. Громадный костер пылал на середине двора, и вокруг него копошились, словно черные гномы, голые дикари, подбрасывая в него целые ветви посвященных «семи сестрам-богиням» дерев. Медленно и мерно перескакивали они с одной ноги на другую, повторяя хором монотонную фразу, все одну и ту же, и на тот же напев, под аккомпанемент нескольких туземных

бубнов и барабана. Глухо раздавалась однообразная трель последнего, и ей вторило лишь лесное эхо да истерические всхлипывания двух девочек, лежавших под кучей листьев возле костра. Их принесли матери, надеясь, что «богини» сжалятся над ними и выгонять овладевших ими злых духов. Обе они, еще молодые женщины, сидели над детьми на корточках, подгорюнившись, и тупо смотрели на огонь. При нашем появлении никто из присутствовавших даже не шевельнулся. Да и во все время пребывания нашего с ними все они действовали, как бы не видя нас.

— Это они все чувствуют приближение богов... Вся атмосфера полна их эманациями, — таинственно объяснял нам Шамрао, благоговейно озираясь.

— Они просто под влиянием *тодди* и опиума, — срезал его непочтительный бабу.

И, действительно, как сонные тени двигались те из них, которые не принимали прямого участия в «представлении», а принимавшие напоминали нам одержимых пляскою св. Витта, в группе Пэджа. Один из них, длинный, белый, как лунь, и худой, как скелет, старик, отделившись, при нашем приближении, из толпы, распустив руки крыльями, стал вдруг крутиться на одной ноге, громко скрежеща желтыми и длинными, как у старого волка, зубами. На него было страшно, отвратительно смотреть! Он скоро упал, и безмолвно, почти механически его откатали *ногами* (!) в сторону, к больным девочкам. Но то ли еще ожидало нас! Ведь сказка наша впереди...

В ожидании «примадонны» этой лесной оперы, мы уселись, как могли, на пне старого упавшего дуба, у самого портика храма, приготавливаясь забросать нашего снисходительного хозяина вопросами. Но не успели мы сесть, как с нервным чувством неподдельного изумления и даже отчасти ужаса я быстро откинулась назад...

Предо мною стоял остов чудовищной головы зверя, подобного которому я ничего не находила в моих зоологических воспоминаниях.

Эта голова была гораздо более головы слоновьего скелета... То был однако слон, если судить по искусно приделанному хоботу, конец которого изгибался гигантскою черною пивкой почти у моих ног. Но у слона нет рогов, а у этого целых четыре! Передняя пара, на плоском лбу, торчала, слегка закручиваясь вперед и раздаваясь в обе стороны, как рога быка,

а за ними другие два, массивные, с широкою, как у оленя, перепонкой у корня, которая постепенно суживалась почти до середины рога, откуда они разветвлялись в обе стороны, на такую гигантскую высоту, что могли бы, кажется, украсить головы десяти обыкновенных оленей. В пустых впадинах черепа были вделаны два подобия глаз, из выделанной желтой и прозрачной, как янтарь, кожи носорога;¹ а за этим подобием глаз горели две зажженные плоски, что придавало голове еще более ужасный, просто дьявольский вид.

— Да что ж это такое, наконец! — слышалось общее восклицание. Даже полковник не встречал ничего подобного и не мог узнать зверя.

— *Сиватерий*,^{*} — отвечал Нараян. — Разве вы не видали остовов этих допотопных зверей в европейских музеях?.. Странно: в Гималайских горах их находят в большом количестве, хотя и в раздробленном состоянии... Они так названы в честь бога Шивы.

Признаюсь, мне в первый раз доводилось видеть это страшилище, которое Сенковский позабыл представить нам в своем допотопном романе, наряду со спасающим влюбленную чету мамонтом. Но лучше поздно, чем никогда. И вот, мы теперь стояли лицом к лицу с этим интересным чудовищем.

— Если коллектор (collector) когда узнает о существовании этого остова у вашей ведьмы, — вставил слово бабу, — то недолго он станет украшать сие святилище...

Возле остова и рассыпанные на полу портика лежали кучи белых цветов, если не совсем допотопных, то, по крайней мере, неизвестной нам, профанам в ботанике, породы. Они были величиной с большую розу и посыпаны красным порошком «лал» — неизменной принадлежностью всех религиозных церемоний сей страны. Далее валялись кокосовые орехи, стояли медные блюда с рисом, в которых горели воткнутые в рис разных цветов свечи, а посреди портика курилась, окруженная высокими в больших медных канделябрах свечами, странной формы жаровня, на которую мальчик в белом одеянии и такой же белой *пэгери* на голове то и дело подбрасывал ладан и другие порошки.

---

¹ В Раджастхане из такой кожи делают щиты. Они очень дорого стоят и носятся только богатым классом раджугов.

^{*} Вымершие гигантские буйволообразные жирафы. — *Прим. ред.*

— Эти люди, — рассказывал нам Шамрао, — хотя и поклоняются Кангалимме, как воплощению богинь, не принадлежат ни к ее, ни к его секте. Они чертопоклонники и индусских богов не признают.

— Я ездил в прошлом году по делам в Тиневелли, — продолжал он, — и, живя у одного приятеля моего шанара, был допущен видеть одну из таких церемоний в честь чертей. Из европейцев, несмотря на хвастанье миссионеров, еще пока ни один не был допущен на подобный обряд, хотя между обращенными в христианство шанарами есть и описывавшие им эти церемонии.

— А как же им поклоняются? Расскажите, в чем состоит их обряд?

— Обряд этот заключается, главное, в пляске, песнях и жертвоприношениях. Шанары не имеют каст, и священные обычаи индусов ими не соблюдаются. Они едят всякое мясо... Народ собирается возле назначенного жрецом *пековшия*, начинает бить в барабаны и резать домашнюю птицу, баранов, козлов. Поклоняясь мистеру Полу, в знак особенного уважения к нему самому, его вкусам при жизни и особенно национальности, всегда резали быка или корову... В тот вечер обряды совершались главным жрецом. Он явился с ногами, покрытыми до колен звенящими браслетами, с покрытым колокольчиками жезлом, с распущенными волосами, в черной мантии, вышитой фигурами разных страшнейших чертей, и с красными и белыми цветами на шее. При звуках рогов, барабанного боя и глубокого тона «чертова смычка»,¹ секрет фабрики которого сохраняется между одними шанарскими жрецами, — он вышел и, подождав минуту, пока мистеру Полу угодно будет вселиться в его недостойное тело, вдруг, высоко подпрыгнув на месте, приблизился к жертвенной корове и заколол ее на месте. Напившись горячей крови, он стал плясать... Но что это была за пляска! Вы знаете, я далеко не суеверен, но когда я увидел этого словно вдохновляемого всеми демонами *нарака* (ада) жреца, вертящегося с поразительной быстротою волчка на одном месте, со мной чуть не сделалось дурно. Вдруг, при бешеных криках и вое толпы, он стал наносить себе окровавленным жертвенным ножом глубокие раны

---

¹ Род балалайки с тремя толстыми струнами из человеческих — как говорят — жил, по которым водят смычком из бамбука.

по всему телу. Видеть его, как он с пенящимся ртом и развевающимися волосами купается в крови закланной жертвы, смешивая ее с собственной, стало, наконец, выше сил моих. Со мною стало происходить нечто вроде галлюцинации. Мне представлялось, будто то я сам верчусь. И вот все быстрее и быстрее...

Шамрао вдруг прервал свой рассказ и разом онемел на месте.

Пред нами стояла Кангалимм.

Мы все было смутились, до такой степени появление ее было неожиданно. Под влиянием рассказа Шамрао мы не видели ни как, ни откуда она явилась: и если б она выросла из-под земли, то этот факт не застал бы нас более неприготовленными и удивил бы не более, чем удивила нас ее поразительная личность. Нараян вытаращил на нее свои большие черные глаза, а бабу смущенно щелкнул языком...

Вообразите себе трехаршинного роста, обтянутый коричневым сафьяном скелет, на костлявых плечах которого посажена крошечная мертвая головка восьмилетнего ребенка! Глаза, глубоко впавшие и вместе с тем такие огромные, до такой степени пронизывающие вас насквозь своим дьявольским жгучим пламенем, что вы чувствуете под этим взглядом, как ваш мозг перестает работать, мысли начинают путаться, а кровь холодеет в жилах... Я здесь описываю свои личные чувства и описываю довольно слабо. Но и полковник, и У*** сильно побледнели, а У*** так даже плюнул.

Конечно, это впечатление длилось не долее нескольких секунд: и когда ее мертвенно-пристальный и вместе жгучий взгляд оторвался от нас, чтобы перенестись на простертую пред ней толпу, оно так же мгновенно изгладилось, как и явилось. Но все наше внимание сосредоточивалось теперь на этом замечательном создании...

Триста лет? Почем и как кому это знать? Судя по ее наружности, ей можно было дать с таким же вероятием или невероятием и тысячу лет. Пред нами стояла неподдельная, живая или скорее одаренная движением мумия, до того высокая, что она казалась как бы застывшею с самого сотворения мира. Ни время, ни невзгоды жизни, ни самые стихии не могли ни коснуться, ни даже повлиять более на эту статую смерти. Всесокрушающая рука времени, коснувшись ее в свой предназначенный час, сделала свое дело и — остановилась.

Такою явилась пред нашими глазами колдунья «Мертвого города».

И со всем тем ни одного седого волоска! Длинные, черные, как смоль, блестящие от кокосового масла и отсвечивающие каким-то зеленоватым блеском волосы тяжело падали прямыми, как стрелы, густыми космами вдоль спины и до самых колен... «Говорят, у покойников... у вампиров растут в могилах волосы и отрастают ногти», мелькнуло у меня в голове. И в то же время, к величайшему моему стыду, я старалась разглядеть ногти на руках и ногах отвратительно страшной старухи... А она?

Она стояла по-прежнему неподвижно, словно превратилась в безобразного бронзового идола, и устремив свои углем горящие глаза в толпу, раболепно лежащую в пыли у ног ее. В одной руке она держала небольшое медное блюдо, на котором пылал большой кусок горячей камфары, а в другой горсть рису. Желтоватое бледное пламя, развеиваясь по ветру, почти касалось ее лица, лизало ей подбородок и освещало ее мертвенную голову; но она, казалось, не чувствовала и огня. Вокруг ее морщинистой, как гриб, тонкой, как косточка, шеи лежал тройной ряд не то медных, не то золотых медальонов, а голову окружала такая же змея. На жалком подобии тела кусок шафранного цвета кисеи; вокруг торчащих ребер — такой же...

Девочки, приподняв головы, вдруг завывли пронзительным животным воем, и их примеру последовал и старик. Тогда ведьма, судорожно встряхнув головой и будто приподымаемая на пружинах, медленно начала свою заклинательную молитву.

— *Ангатти эне-ангатти!*¹ — шептал Шамрао, с которого лился крупный пот. — Богиня... одна из семи сестер уже вселяется в нее... Смотрите!...

Рекомендация была излишней — мы смотрели во все глаза.

Сперва медленно, судорожно и как-то неровно засемила ногами колдунья; затем постепенно ее движения стали плавнее; и вот, будто приноровившись к выбиванию барабанной дроби, нагнувшись всем длинным телом вперед и угрем извивая его во все стороны, она понеслась с невероятною быстротой вокруг пылающего костра... Сухой лист, погоняемый

---

¹ Буквально «входит в человека». Само же выражение означает, что дух, бес или какая другая невидимая сила начинает входить в избранное им тело.

вихрем, несется не быстрее. Беззвучно падают на скалистую почву ее босые костлявые ноги; черные космы разлетаются, как стая змей, во все стороны, хлещут простирающих к ней руки больных зрителей, навиваются словно живые... Кого ни заденет черная прядь на голове этой фурии, тот так и падает на землю, рыча от счастья, благодаря богиню и считая себя излеченным!.. То ведь не развевающиеся косы ведьмы хлестнули его, то сама *богиня*, одна из «семи», дотронулась до избранного!..

Быстрее, все быстрее летят дряхлые ноги; молодые, крепкие руки барабанщика еле поспевают за ними; а старуха все мчится вперед... Устремив неподвижный, мертвенный взор свой во что-то для всех невидимое, для нее одной присущее, она лишь по временам и на одно мгновение заглядывает в лица стоящих, пронизывая их насквозь этими взглядами; и на кого взглянет она, на того и бросает зернами сухого риса. Маленькая горсточка кажется неистощимою; словно в морщинистой ладони спрятан мешок самого Фортуната. Но вот, она вдруг останавливается, будто вкопанная. После этой длившейся, по часам, ровно 12 минут бешеной скачки вокруг костра вы думаете она шатается, падает?.. Ничуть. Ни малейшего знака утомления, ни капли пота на мертвенном лице! Она остановилась лишь на две секунды, дабы дать время богине выскочить из нее: И вот, в один прыжок, не посрамивший бы и дикой кошки, она перескакивает через костер, и в один взмах уж очутилась в глубоком танке, возле портика, по горло в воде. Окунувшись один раз с головой, где под водой ею овладевает другая сестра богиня, она снова выскакивает из колодца и ждет — олицетворенное подобие головы Медузы... Мальчик в белой одежде подает ей другое блюдечко, с другим куском зажженной камфары. И вот она опять несется.

И снова, в продолжение уже 14 минут, по часам полковника, она мчится, и скачет, и прыгает, после чего окунается два раза с головой в колодце в честь *второй* сестры. И так с каждым новым «беснованием» она прибавляет по одному разу, пока дело не доходит до шести исчезновений под водой.

До сих пор мы еще не слышали ее голоса. Ее губы крепко сжаты, и она их еще не разжимала. Теперь ровно *полтора часа* как она бежит, мчись во весь опор и ни разу не переводя духа. Во все это время она остановилась шесть раз, всего на несколько секунд при каждом перерыве... «Сестры» не мешают; они знают свое дело... На то они и богини!

— Да что это, черт или женщина!.. — восклицает вполголоса полковник в то время, как голова ведьмы исчезает в шестой раз под водой.

— Будь я проклят, если знаю! — ворчит У***, нервно дергая себя за бороду. — Знаю только, что зерно ее чертова риса попало мне в горло и застряло там... Я не могу его выплюнуть...

— Тише... пожалуйста, тише!.. — шепчет Шамрао. — Вы испортите все дело...

Я взглядываю на Нараяна и теряюсь в догадках... На его бронзовом, всегда столь спокойном, даже суровом лице теперь лежит тень глубокого, неподдельного страдания. Его губы судорожно сжимаются; болезненно прищуренные глаза светятся сквозь черные ресницы фосфорическим блеском глаз дикого зверя; а зрачки, расширенные, как у человека под влиянием морфия, и, по-видимому, устремленные на черный лес пред нами, смотрят куда-то далеко в неведомые и, быть может, никем не виданные страны... Что это с ним? думается мне; но я не успеваю его спросить, потому что колдунья, оставив за собою ручьи воды, снова пускается в бешеную погоню за собственной тенью. Но на этот раз она изменяет программу. Она уже не бежит, а порывисто скачет. То пригнувшись к земле, с движением черной пантеры, она подскакивает к одному больному и, дотронувшись пальцем до лба дрожащего поклонника, смеется неслыханным смехом, скаля зубы, как пена; то, отпрянув как бы от собственной тени, она кружится над нею, манит к себе, заигрывает с нею, являясь какою-то адскою карикатурой Диноры в ее «вальсе с тенью». Потом, выпрямившись, в один прыжок — она уже опять у курящегося под портиком алтаря, где она простирается пред ним, стучаясь лбом о гранитный помост; другой скачок, и она у остова чудовищного сиватерия и, падая перед ним ниц, снова разбивает камни лбом, с глухим стуком пустого бочонка о мостовую. Последний прыжок, и она стоит, выпрямившись во весь огромный рост, на голове сиватерия между его четырьмя рогами...

С чувством ужаса и отвращения, который мы уже и не стараемся скрывать, мы все быстро пятимся назад, все, кроме Нараяна.

Он остается один возле чудовищной головы; сложив руки на груди, он смотрит в упор в лицо страшной колдуньи...

Но что это? Кто это вдруг заговорил таким глубоким, густым басом? То ее губы шевелятся, то из груди ужасной старухи вылетают эти быстрые отрывистые фразы; а между тем голос звучит глухо, точно он вылетает из-под земли...

— Тсс... тсс... — снова шепчет Шамрао, дрожа всем телом. — Она пророчествует!..

— Горе, горе... вам! — гудит голос. — Горе вам, дети нечестивых «джай» и «виджай»,¹ насмешливых, неверующих придверников великого Шивы, проклятых восьмьюдесятью тысячами святых мудрецов! Горе вам, не верующим в богиню Кали и отвергающим нас, ее семь божественных сестер!.. Асуры... плотоядные, желтоногие коршуны!.. Друзья притеснителей нашей страны!.. собаки, не гнушающиеся есть из одного корыта с погаными *беллати*!..

— Ваша пророчица, как видно, пророчествует задним числом... — произносит У***, философически закладывая руки в карманы. — Это в ваш огород камешек, почтенный Шамрао...

— Гм!.. Да, кажется, и в наш с вами, — бурчит немножко сконфуженный полковник.

Злополучный Шамрао обливается потом ужаса и перебегает под черной тенью леска, где мы приютились, подальше от ведьмы, от одного к другому, уверяя нас, что мы ошибаемся, что мы не довольно хорошо понимаем язык...

— Это она не об вас... поверьте, не об вас!.. Это обо мне, потому что я служу... она неумолима!..

— Ракшасы!.. Асуры!.. осмелившиеся явиться пред нами, богинями... *в обуви*... стоят в сапогах из кожи священной коровы... будьте вы прокля...

Но ее проклятию не суждено было родиться в сей мир. Одно мгновение — и огромная фигура Нараяна, навалившись плечом на сиватерия, перевортывает его вверх дном, вместе с хоботом и беснующейся на нем пифией. Еще секунда — и нам кажется, будто ведьма летит по воздуху, с помелом или без него, — про то лучше знать Шамрао, — по направлению к портику; а какой-то плечистый с бритой головой брамин катится кубарем вниз в провалье... Не проходит и третьей секунды, как мы приходим к грустному заключению, правда, благодаря происшедшему общему смятению, скорее по стуку

---

¹ История этих *ракшасов*, падших духов, найдется далее. Она весьма интересна.

тяжело захлопнувшейся двери подземелья, нежели чему другому, что представительница на земле «семи богинь» обратилась в постыдное бегство, скрылась навсегда от наших любознательных взоров и своем низменном царстве! . . . . .

О, Нараян!.. Как неряшливо, неаккуратно вращаются миры вокруг нас! Я начинаю серьезно оспаривать их действительность. С этой минуты я начинаю глубоко верить, что все в мире иллюзия — одна *майя*! Я делаюсь ведантисткой... Я сомневаюсь, наконец, найдется ли в нем что-либо объективнее индусской «ведьмы», вылетающей в *трубу*! . . . . .

Проснувшаяся мисс Б*** пожелала узнать, что такое случилось. Ее разбудил шум многих голосов и топот ног убегающей толпы голых людей по направлению к ущелью. Все они, казалось, бежали без оглядки, как бы боялись какой погони, и казались очень испуганными...

Затем, облегчив себя рассказом о своих впечатлениях и посушив зубную клавиатуру при свете звезд между благосклонною улыбкой и зевком, она снова безмятежно уснула.

На другое утро, на заре, мы нежно прощались с добродушным Шамрао. Он уже успел придти в себя после такого поражения и успокоиться от ночного потрясения. Позорно-легкая победа Нараяна сильно смущала его. После подобной капитуляции «семи богинь», очистивших поле битвы при первом толчке от простого смертного, его вера была сильно поколеблена и в «сестер», и в святую отшельницу. Вследствие этого он горячо, хотя и немного сконфуженно, пожал нам руки, и, с лучшими пожеланиями его и семейства, наши слоны, с восседавшими на мощных их спинах героями сего правдивого повествования, направили свои тяжелые стопы к большой дороге к Джабалпуру.

XIX

Путь нашего самопросветительного паломничества по первоначальному плану лежал на Северо-Западные провинции, эти *status in statu** Англо-Индии, где о вице-короле зна-

---

* Государство в государстве (*лат.*). — *Прим. ред.*

ют, но стараются его игнорировать, приказания его принимаются, но мало кто их исполняет, — провинции с правительством деспотическим, подозрительным и неугомонным. Но о них после...

Чтобы снова попасть на Джабалпурскую линию, с которой мы сошли в нескольких милях от Насика, нам приходилось возвращаться на Акбарпур, затем ехать по проселочным дорогам на станцию Саневад, на железную дорогу Холькара, соединяющуюся с Большой Индусской Пенинсулярной дорогой. Древние пещеры Багха (Bagh) находились всего за пятьдесят миль от нас, на восток от Манду, и являлись сильнейшей приманкой. Мы колебались, не сделать ли нам крюк, и снова переехать Нербудду. У нашего бабу за Кандешом, как и везде, оказывалось кумовство, которое здесь зовется «однокастничеством», и мы наперед могли знать, что встретим и в Мальве вездеприсущих, услужливых бенгальских бабу, рассыпавшихся по землям индостанским, как у нас рассеяны жида по России. Кстати же к нашему «полку» прибыл еще один товарищ.

Накануне мы получили через странствующего и богомольствующего *саньяси* письмо от Свамиджа Дайананда. В Хардваре холера усиливалась с каждым днем, и наш еще не знакомый нам союзник снова откладывал наше с ним свидание до конца мая в *Дехрадуне* (Dehra-Dun), у подножия Гималаев, или же в манящем туриста своей прохладной прелестью Сахарампуре, в сорока милях от последнего. Странник вместе с письмом принес нам от *свами* букет самых странных цветов, о которых, полагаю, в Европе не имеют и понятия. Они растут лишь в известной местности, в Гималайских долинах, обладают удивительной способностью изменять к полудню цвет и, засыхая, по наружности не увядают. Это прелестное растение (*Hibiscus mutabilis*) от зари до 10 часов утра распускает цвет, представляющий ночью один клубок сжатых зеленых лепестков, и густо покрывается белоснежными цветами как большие белые розы, но к полудню розы начинают алеть: все более и более краснея, они наконец к четверем часам пополудни делаются темно-пунцового цвета как пионы. Цветы эти посвящены *азурам* (род пери или ангелов в индийской мифологии) ¹ и

---

¹ Этких *азур* не следует смешивать с *асурами* или «дьяволами», которых мифологическая история Индии называет первым вторгшимся в страну неприятелем и которые, по всей вероятности, были древние ассирийцы.

богу *Сурье* (солнцу). Последнее божество, влюбленное с сотворения вселенной в Азуру постоянно шептывает цветку, в котором приютилась его возлюбленная, о своей пламенной любви. Но Азура — девственница и посвятила себя с начала времен служению богине чистоты, патронессе всей монашескующей братии. Любовь Сурьи напрасна: Азура не слушает его... Но цветок краснеет и теряет наружно свою лилейную чистоту под впивающимися в него огненными стрелами влюбленного бога... Туземцы называют это растение *Lajaloo* (скромницей).

В ту ночь мы ночевали в долине на берегу ручья, разбив палатки под тенистой смоковницей. Нарочно свернув с пути в Бомбей, чтобы повидаться с нами и исполнить поручение Свамиджа, саньяси сидел с нами далеко за полночь, рассказывая о своих странствованиях и чудесах своей когда-то великой родины, о старом «льве» Пенджаба Рунджит Синге и его геройских подвигах. Станные, загадочные субъекты встречаются между этими пилигримами. Многие из них чрезвычайно учены, говорят и читают по-санскритски, видимо следят за современной наукой и политическими событиями, и все-таки остаются верными своим древним философским воззрениям. Обыкновенно совершенно нагие, за исключением желто-красного куска опоясывающей им бедра кисеи (да и то по приказанию полиции в городах, где живут европейцы), они странствуют от пятнадцатилетнего возраста по день смерти, умирая почти всегда в глубокой старости, не заботясь о завтрашнем дне и живя буквально как птицы небесные и лилии в долине. До денег они не дотрагиваются, а живут подаванием и довольствуются горстью риса. Все мирское имущество их состоит из маленькой тыквенной бутылки для воды, четок, медной чашки и посоха. Саньяси и свами большей частью *сикхи* из Пенджаба и монотеисты. Они презирают идолопоклонников и ничего не имеют с ними общего, хотя последние также часто величают себя этими именами.

Но наш новый знакомый был уроженец Амритсара в Пенджабе и воспитан в «Золотом храме», что на *Амрита-Сарас* (озере Бессмертия). Там находится их верховный *гуру* — учитель сикхов, который никогда не выходит за пределы своего храма, где он сидит целые дни, изучая священное писание этой странной, воинственной секты — книгу *Адигрантха* (*Adigrantha*). Сикхи взирают на него как тибетские ламы взи-

рают на своего далай-ламу. Как последний есть воплощение Будды для лам, так амритсарский маха-гуру — воплощение основателя секты для сикхов, Нанака, хотя по их понятиям Нанак никогда не был божеством, а только пророком, вдохновляемым духом Единого Бога. Таким образом наш саньяси не был одним из вышеописанных нагих пилигримов, но настоящим *акали* — одним из шестисот священников-воинов, приставленных к «Золотому храму» для божественного служения и его охраны от нападения жадных мусульман. Звали его Рам Рунджит Дас, и его наружность вполне соответствовала принадлежащему ему титулу «Божьего воина», как себя величают храбрые акали. Его наружность была чрезвычайно замечательна и типична, и он скорее походил на геркулесоподобного центуриона древних римских легионов, нежели на кроткого служителя алтаря, хотя бы и сикхского.

Рам Рунджит Дас предстал пред нами верхом на прекрасной лошади в сопровождении другого сикха на почтительном расстоянии, по-видимому послушника, либо слуги. Еще издали он был признан нашими индусами за акали по совершенно отличному от других туземцев костюму. На нем была ярко-голубая туника безрукавка — совершенно такого покроя, как мы видим на изображениях римских воинов; на его мускулистых огромных руках были широкие стальные браслеты и щит за спиной. На голове конической формы синий тюрбан, а вокруг стана, вместо пояса, несколько тяжелых стальных обручей, о которых злые языки и враги сикхов говорят, что при случае эти священные пояса становятся в руках опытного «Божьего воина» опаснее, будто бы, всякого холодного оружия.

Кому не известна история сикхов, самой воинственной и храброй секты во всем Пенджабе? Слово «сикх» (Sikh) означает «ученик». Основанное в XV столетии богатым и благородным брамином Нанак, новое учение так быстро прививалось к северным воинам, что в 1539 году (год смерти основателя) их насчитывали уже до ста тысяч человек; а теперь эта секта, тесно связанная пламенным религиозным мистицизмом и своими воинственными склонностями, исповедует свою веру по всему Пенджабу. Она основана на принципах теократического правления, и ее тайные догматы почти неизвестны европейцам, а англичанам так и совершенно неизвестны. Их учение, взгляды, обряды — все содержится и совершается в величайшей тайне. Знают только одно: сикхи строгие моно-

теисты, не имеют каст и не признают их, едят все то, что и европейцы, и — редкое исключение между индусами — *хоролят* покойников. Второй том *Адигрантхи* учит: «боготворить Единого Бога, избегать суеверий, *помогать смертным* вести строгую нравственную жизнь и *жить мечом*». Один из их великих *гуру* (Говинда, сын махараджи), дабы сделать их вполне отличными от мусульман и других индусов, ввел между ними обычай никогда не брить ни бороды, ни усов и носить длинные волосы. После многих отчаянных сражений, сикхи, врагами коих являлись теперь индусы столько же, как и магометане, остались победителями. Их вождь, знаменитый Рунджит Синг, установив собственное верховное владычество в верхнем Пенджабе, заключил в начале XIX-го столетия трактат с лордом Ауклендом, и его владения были признаны независимым государством. Но после смерти «старого льва» снова возникли из-за его престола междуусобия между самими сикхами. Махараджа Дулип Синг (его побочный сын от публичной танцовщицы) оказался до того слабым, что допустил своих сикхов, остававшихся дотоле верными союзниками англичан, попытаться отвоевать от них весь Индостан, как когда-то они завоевывали пограничные деревни и крепости в Афганистане. Попытка окончилась плачевно как для буйных сикхов, так и для слабого Дулип Синга, который, чтобы спастись от своих солдат и заслужить прощение от англичан, принял христианство и был тайно перевезен в Шотландию. Его заменил Гулаб Синг. Верный слову и политической программе Рунджит Синга; он отказался сделаться изменником, за что и получил в награду прелестную Кашмирскую долину от перепуганных сикхами англичан, а сикхи перешли в неволю к ним, как и остальные индусы.

Наш акали подарил нам в тот вечер, только не от свами Дайананда, а от себя, сткляночку из горного хрусталя, наполненную священной водой из озера Бессмертия. В случае глазной боли или другого недуга, он советовал нам помочить ею больное место, уверяя, будто одной капли ее довольно для излечения самой упорной болезни. Вода в стклянке была необычайно чиста и прозрачна, от того ли, что в Амритсарском *тулао* (резервуаре) воды, по причине множества в нем родников, постоянно переменяются, или от чего другого, но озеро Бессмертия славится во всей Индии необычайною прозрачностью и чистотой своей воды, несмотря на то, что сотни

людей ежедневно окунаются в нем. Когда мы посетили это прелестное озеро, или скорее бассейн в 150 кв. ярдов, то каждый камешек и малейшее на нем пятнышко на довольно глубоко дне виднелись словно через чистейшее стекло. Амрита Сарас — прелестнейшее из всех мест северной Индии. Отражение «Золотого храма» в водах озера представляет нечто волшебное, восхитительное. Один Айвазовский был бы в состоянии передать эту картину на полотне.

Итак, нам приходилось еще около семи недель колесить с места на место, на выбор: по Бомбейскому ли президентству, по Северо-Западным провинциям, или же по Раджастану. Что выбрать? Куда ехать? Пред подобным изобилием интереснейших местностей мы колебались, как известное животное между двумя стойлами. Мы так много наслышались о дворцах Хайдарабада и Голконды, прямо переносящих путешественника в волшебную обстановку из «Тысячи и одной ночи», что серьезно стали было собираться повернуть наших слонов к верхнему Синдху и ехать в Хайдарабат, в территорию Низама.

Рассказы о чудесах хайдарабатских разжигали наше любопытство, и мы стремились увидеть воочию эту волшебную страну. И Нараян, и бабу, оба несколько раз побывали там, а у Нараяна находились там даже и родственники. Особенно прельщал он нас своими рассказами и описаниями, так как был знаком с каждым уголком центральной Индии. Грустно отражалось в его красноречивых сказаниях все великое прошлое Индии, великое еще так недавно — в XVIII столетии, в сравнение с ее горьким настоящим положением. Как низко упала эта красавица Востока, к ногам которой стремились некогда все мудрецы Греции и богатствам коей завидовали все цари земные!.. Попранное во прах, забитое, все в ней теперь гложет, постепенно замирает и исчезает, начиная от малейшего национального порыва, тотчас же подавляемого ревнивой подозрительной Англией, и кончая когда-то роскошными девственными лесами... ныне падающими сотнями десятин разом под топором железнодорожных промышленников.

Было нечто необычайно-пленительное в этих простых рассказах бедного индуса. Словно последней песней лебедя звучала в них нота патриотизма, забитого, сдержанного, но столь же пламенного, как и любовь к родине его славных дедов, заставлявшая их когда-то жертвовать не только богат-

ством и собственной жизнью, но даже жизнью всех им близких — жен, детей, во славу отечества под победоносным знаменем Сиваджи.

Чем образованнее, развитее становится индус, тем горше для него делается сравнении настоящего с тем, что было. Приведем один пример из тысяч: индусы более всего гордятся своей прошлой цивилизацией, величию родины в те дни, когда Европа еще была погружена чуть ли не во мраке каменного периода. По единодушному мнению путешественников и особенно антиквариев, интереснейшим зданием в Хайдарабаде считается «Чахар-Минар», когда-то знаменитая коллегия в Индии, построенная султаном Мухамед Кули-ханом на развалинах еще древнейшей коллегии. Она выстроена на перекрестке четырех главных улиц, на четырех арках; под ними свободно проходят высоко навьюченные верблюды и слоны с башнями. Над этими арками возвышается на несколько ярусов само здание коллегии; каждый ярус был предназначен специально отделу науки. Увы! прошли те дни, когда Индия изучала философию и астрономию у ног своих туземных мудрецов. Теперь эти ярусы превращены англичанами в складочные магазины. В зале, где изучали астрономию и стояли курьезные инструменты средневековой эпохи, теперь сложен опиум; а залу философии наполняют огромные ящики с ликерами и запрещенными как Кораном, так и браминами ромом и напитком «вдовы Клико».

Мы совсем было собрались в Хайдарабад, когда наши чичероне и товарищи одним словом привели нас в ужас, расстроив разом все наши планы. Дело в том, что в продолжение шести так называемых «жарких» месяцев в году термометр в Хайдарабаде (в Нижнем Синдхе) стоит на 98° в тени (по Фаренгейту), а температура воды в Индии достигает температуры крови; в Верхнем же Синдхе, где чрезвычайная сухость воздуха вместе с бесплодностью песчаного грунта делают из климата этой страны нечто схожее с прелестью температуры африканских пустынь, термометр беззастенчиво доходит до 130° в тени (по Фаренгейту). Недаром несчастные миссионеры испытывают здесь такую постоянную неудачу; понятно, что среди населения спокойно вращающегося при таком пекле, самые красноречивые Дантовские «описания ада» не в состоянии произвести на местного жителя ничего, кроме разве «прохлаждающего» впечатления.

Рассчитав, что отправиться в Багх нам нет препятствия, но что нечего и думать ехать теперь в Синдх, мы успокоились. Затем мы решили, общим советом, покинуть всякую идею о заранее определенном маршруте и путешествовать наудачу, куда глаза глядят. Вследствие такого плана мы отослали на другой же день наших слонов, и незадолго до солнечного заката подъезжали уже в *тонгах* к слиянию Вагрея и Гирны, двух знаменитых в летописях индийской мифологии речонок, блистающих чаще всего своим отсутствием, особенно летом. Пред нами, словно притаившееся у противоположного берега чудовище, зияла своими четырьмя отверстиями гора, будто моргая в сумрачном тумане своими впалыми, черными глазами... То были пресловутые Багхские пещеры...

Мы могли бы тотчас же перебраться к ним на пароме, но на этот раз благоразумие взяло верх над привлекательною перспективой ночи, проводимой, как в Карли, в пещерах древних отшельников. К тому же наши индусы и даже *тангаваллы* с паромщиками отказались наотрез сопутствовать нам. Первые — потому что даже днем опасно посещать пещеры, не послав туда предварительно людей с факелами и вооруженных *шикари* (охотников). Эта часть Амджирского раджа изобилует дикими зверьями, особенно тиграми, которых, как видно, наравне с бенгальскими бабу, можно встретить всюду по Индии. Вторые же протестовали потому, что после заката солнца ни один индус не согласится подойти на милю к пещерам. Одни *беллати* со своими «глупыми географическими понятиями» видят в реках Вагрее и Гирне простые речки; в сущности же то боги-супруги, Шива и Парвати; это во-первых. А во-вторых, багхские тигры не простые тигры, как думают *саабы*, а слуги *садху*, святых чудодеев, уже много веков обитающих в этих пещерах; они частенько даже и «оборотни» этих самых вековых старцев, и никто из них — ни боги, ни садху, ни оборотни, ни тигры — не любят, чтоб их тревожили ночью...

Нечего было делать. Грустно взглянув по направлению пещер, мы снова полезли в наши допотопные экипажи и поплелись далее. Бабу с Нараяном решили, что мы переночуем у некоего «кума» в городке Багх, от которого мы находились всего в трех милях.

Построенный на вершине заросшего лесом холма, Багх пока, как спорная собственность, не принадлежит никому, но

зато маленькая крепость его, в толстые ворота которой мы скоро и въехали, составляет *частную* собственность вместе с находящимся в нем базаром некоего «дхани», то есть вождя Бхималахского племени, по словам нашего бабу, «великого вора и разбойника», который вдобавок оказался его «кумом»...

— Да как же вы ведете нас к человеку, на которого указываете, как на вора и разбойника? — робко осведомились мы.

— Он «вор и разбойник» в *политическом* только смысле. Иначе он превосходный человек и самый верный друг. А без него мы и с голоду умрем: ведь базар его собственность, — очень хладнокровно отвечал бенгалец.

Кум оказался, впрочем, в отсутствии; нас принял его родственник и, насколько мы поняли, помощник *бхамия* (начальника). Нам отвели сад, и едва мы успели разбить палатки, как со всех сторон стали приносить нам провизию. Каждый выходящий из палатки бросал на землю через плечо бетель и мелкий сахар — приношение иностранным духам, которые-де непременно должны были нам всюду сопутствовать. Наши индусы просили нас, впрочем, *не смеяться*, говоря, что это здесь, в глуши, очень опасно.

Рассуждать с этим народом оказалось напрасным. Мы были в центральной Индии, гнезде всех суеверий страны, и окруженные *бхиллями* (Bhils). Вдоль всего горного хребта Виндии, от Джама, на западе «Мертвого города» и кругом всей Раджпутаны, страна густо заселена этим племенем, самым храбрым, разбойничьим и суеверным изо всех полудиких племен Индии. Несколько слов о них окажется может быть небезынтересными.

Ориенталисты уверяют, будто название «бхилль» происходит от санскритского корня *bhil* (отпадать, разлучаться); сэръ Дж. Мальколм полагает поэтому, что бхилли суть раскольники, отпавшие от брахманской религии и затем выгнанные из касты. Все это, быть может, и так; но их племенные предания говорят иное. Конечно, здесь, как и везде, к истории примешана мифология, и до их родословного дерева приходится добираться через густую чащу вымысла. Проведший с нами вечер родственник отсутствующего бхамии рассказал нам следующее:

Бхилли или *билли* — потомки одного из сыновей *Махадэвы* (бога Шивы) от прекрасной чужеземной женщины с голубыми глазами и белым лицом, которую бог нечаянно встретил

за *калапани* (за черною водой, за морями) в лесу. Из нескольких родившихся от этого союза сыновей, один, столь же замечательный своей красотой, как и порочностью, убил любимого быка Махадева и был за это изгнан родителем опять за *морю*, в Джодхпурскую пустыню. Загнанный в самый южный ее угол, он здесь женился, и вскоре его потомки переполнили страну. Они рассыпались по всему протяжению Виндийского хребта и начали селиться на западной границе Мальвы и Кандеша, а позднее на лесистых и диких берегах рек Махи, Нармады и Тапти. И все они, наследовав красоту прародителя, наследовали вместе с голубыми глазами и светлым цветом лица разбойничьи наклонности и всю порочность его. «Мы воры и грабители» (наивно говорил нам родственник честного «кума» бабу), потому что так приказал отец нашего прародителя — могучий Махадева-Шива. Послав его каяться в пустыню, он (то есть бог) сказал ему: «Иди, окаянный, убийца невинного брата твоего, моего сына, быка ¹ Нарди. Иди... и живи изгнанником и разбойником на страх братьям твоим»... Так как же мы осмелились бы послушаться приказами нашего великого бога? Наши малейшие действия совершаются соответственно с распоряжением наших *бхамий*; а так как последние суть потомки Надир Синга, первого *Бхилалы* (плод от супружества раджпута с бхилльской женщиной), то бхамии и считаются нами прямыми посредниками между нашим народом и Махадева-Шивою»...

Такова власть над бхиллями этих «посредников», что самые ужасные преступления совершаются по одному их слову. Само племя нашлось вынужденным, дабы хоть сколько-нибудь обуздать их безусловную власть, назначить род советников в каждой деревне; этих советников они называют *тарви*, иногда сдерживающих этих безумно-разбойничьих *дхани* или лордов. Но их честное слово свято, а гостеприимство безгранично.²

---

¹ Странно, что бык *Апис*, священное животное у египтян, в такой же почести и у последователей Зороастра, как и у индусов. Бык *Нарди*, создание Шивы, эмблема жизни в природе — сын творчества отца или оживотворяющий дух его. Ормазд сотворяет быка, а Ариман убивает его. Аммиан Марцеллин в одном из своих сочинений упоминает о книге, в которой рассчитан *точный возраст* быка Аписа — ключ в тайне мироздания и исчислениям по циклам. Брамипы тоже объясняют аллегорию о быке Нарди — аллегорией о продолжении *жизни* на земном шаре.

² Совершенно как у кавказских татар.

Истории и летописи Раджпутских принцев Джодхпура и Удайпура подтверждают эту легенду о бхильской эмиграции из их первобытной пустыни, но откуда они явились туда, никто не знает. Тод положительно уверяет, что «бхилли» аборигены Индии, как мины, мерасы, гоанды и те племена, что обитают в Нербудских лесах. Только почему же в таком случае, рядом почти с африканскими типами прочих холмовых племен, бхилли являются гораздо светлее прочих и даже часто с голубыми и серыми глазами? Что все эти аборигены довольствуются названиями *бхоманутра* и *венанутра*, то есть «сыны земли» и «дети лесов», в то время как раджпуты, их первые покорители, именуют себя *сурьявансами*, а брамины *индунутрами* — потомками солнца и луны, еще очень немного доказывает. В настоящем случае, как мне кажется, их наружность, подтверждающая их предания, имеет гораздо более веса и значения, нежели филология. Как весьма логично выразился д-р Кларк,¹ «обратив должное внимание на следы древних суеверий народа, мы гораздо легче и вернее доберемся до их первобытных прадедов, нежели научными наблюдениями над их языком; ибо суеверия их привиты к самому корню, а язык подвержен всевозможным изменениям».

Но до сих пор все то, что мы знаем из истории этого народа, сжато в нескольких словах вышеприведенного предания, да в самых древних песнях их бардов. Поселясь в Раджастхане, эти барды или *бхаты* навещают бхиллей ежегодно, дабы не терять из виду подвигов своих соотчичей. Их песни — та же история, так как бхаты существуют в их племени с незапамятных времен, воспевая эти подвиги для грядущих поколений, что составляет их прямую и наследственную обязанность. Заметим кстати, что нет во всей Индии мало-мальски воинственного племени, у которого бы не было своих народных бардов. А в самых древних песнях бхилльских *бхатов* их начало происходит «из-за морей», то есть где-нибудь в Европе. Некоторые ориенталисты, особенно Тод, желают доказать, что раджпуты, покорившие бхиллей — пришельцы скифы, а бхилли — аборигены Индии. В доказательство этого они приводят черты, общие обоим народам, как например: 1) поклонение оружию — мечу, копью, щиту и коню; 2) поклонение и жертвоприношение солнцу (которому скифы, поклонявшиеся

---

¹ *Travels in Scandinavia*. Vol. I, p. 33.

мечу, как главному божеству, между прочим вовсе и не поклонялись); 3) страсть к азартным играм (которая у китайцев и японцев развита еще более); 4) обычай пить кровь врага из черепа (что делают и некоторые краснокожие аборигены Америки) и т. д. Конечно, здесь не место входить в научные этнологические диспуты, но все же невозможно не заметить, как странно иногда рассуждают ученые люди, когда им приходится защищать излюбленную ими идею. Довольно вспомнить, до какой степени история *древних скифов* запутана и темна сама по себе, чтоб убедиться, как неосновательно делать подобные выводы, основываясь лишь на слабых исторических данных, которые мы имеем под рукой о тех народах, коих обыкновенно включают в общее название *скифов*. Что между обычаями древних скандинавов, поклонников Одина (страна коих была действительно занята скифами за 500 лет до Р. Х.), и обычаями раджпутов есть много поразительно общего, это неопровержимо. Только такая тождественность дает по крайней мере столько же, если не более, права раджпутам указывать на нас, как на «колонию ушедших на запад сурьявансов», как и нам уверять, что раджпуты — «перекочевавшие в Индию скифы». Скифы Геродота и скифы Птолемея и римских писателей — две совершенно различные народности. Первый называет Скифией страну от устья Дуная до Азовского моря (по Нибуру), до устья Дона (по Роулинсону); а Скифия Птолемея — страна исключительно азиатская, включающая всю северную Азию от Волги до Серики (Китая). К тому же, эта Скифия была разделена западною частью Гималаев, называемою римскими историками «Imaus», на Скифию *intra Imaum* и на Скифию *extra Imaum*. При подобной неопределенности, быть может, раджпуты и действительно *азиатские скифы*, а скифы — *европейские раджпуты*. Только нынешние раджпутские воины никак не соответствуют описанию наружности скифов, какое находим у Гиппократу: «Тела у этих людей (говорит отец медицины) толстые, грубые, приземистые; суставы их слабы и вялы, животы отвислые, волос на них почти нет и каждый из них походит на другого». Кто, познакомившись с воинами Раджастхана, с этими стройными, гигантского роста молодцами, с длинными волосами и обросшими бородой лицами, узнает в них портреты скифов по Гиппократу? К тому же, скифы — кто бы они ни были — *хоронили* своих покойников, чего раджпуты, если судить по их древ-

нейшим летописям, никогда не делали. Скифы были кочевым народом, и описаны Гесиодом как «люди, живущие в кибитках и повозках, и питающиеся кобыльим молоком» (кумысом). Раджпуты же народ испокон века оседлый, живущий в городах и имеющий свою историю, по крайней мере за несколько сот лет до Р. Х. (ранее времен Геродота). И если они празднуют *Асвамедду* (жертвоприношение лошадей), то уж до «кобыльего молока» никогда не дотронутся и презирают монголов. Геродот говорит, что скифы, называвшие себя сколотами, ненавидели более всего чужеземцев и выгоняли их из своих мест; а раджпуты один из гостеприимнейших и мире народов... Наконец, история довольно ясно указывает нам скифов в войне с Дарием (516 лет до Р. Х.), а в те времена скифы еще сидят на своих местах, возле Дуная. В те же времена раджпуты уже были известны в Индии и имели свое царство. Что же касается *Асвамедды* (жертвоприношения лошадей солнцу), на котором Тод основывает главное свое доказательство, напоминая, что скифы тоже приносили в жертву лошадей, то этот обряд упоминается как в *Ригведе*, так и в *Айтарее брахмане*. О последнем же сочинении Мартин Хауг говорит, что, по всем вероятностям, оно уже существовало за 2000—2400 лет до Р. Х.

Сознаюсь, от кума бабу до скифов и раджпутов допотопных времен — отступление довольно долгое. Опасаясь усыпить читателя, спешу вернуться к пещерам.

Пока местные *шикари*, под водительством воинственного акали, отправлялись вытравливать могущих находиться в пещерах тигров и оборотней, наш бхиль получил для нас позволение присутствовать при совершавшейся в городе свадебной церемонии. Брамин выдавал замуж дочь, и ее в тот же день венчали. Эти новые для нас церемонии были так занимательны, что день прошел незаметно. Когда мы вернулись домой, то было уже поздно ехать в пещеры, и мы отложили поездку до следующего дня. Между тем опишу виденные нами празднества, тем более занимательные, что обряды сватовства, обручения, свадьбы и т. д. не изменялись в Индии по крайней мере за последние два тысячелетия. Они совершаются по предписанию Ману и без малейшей вариации на древнюю тему. В своих религиозных воззрениях Индия как бы кристаллизовалась, и кто видел брак индусов в 1879 году, знает его наверное и в древней Арьяварте за 1000 лет до настоящей эры.

За несколько дней до отъезда нашего из Бомбея мы прочитали в одной местной газете объявление о двух свадьбах: свадьба богатой наследницы, браминки; другая — в семействе огнепоклонников.

Объявление о первой гласило так:

«В семейства Бимбая Мавланкара, и прочее, готовятся к радостному событию. Наш почетный член, не в пример другим менее счастливым браминам его касты, нашел жениха для своей внучки в богатом семействе однокастпиков в Гуджерате. Маленькой Рамабае уже исполнилось *пять лет*, а ее жениху *семь*. Свадьба назначена через два месяца и обещает быть блестящей».

Второе объявление касалось совершившегося факта и появилось в одной парсийской газете, весьма сильно напирающей на *реформу* и жестоко бичующей своих соотчичей за их «отвратительные, устарелые обычаи» и, между прочим, за ранний брак. Она справедливо осмеивала какой-то *Гуджератский Листок*, в напыщенных выражениях описывавший брачную церемонию в Пуне... Там счастливый жених (которому уже минул *пятый* год) «прижимал к сердцу вручаемую ему тещей *краснеющую* невесту *двух с половиной лет*»!.. Обычные ответы брачной пары оказались до того неясными, что священнику гебров (мобеду) вместо жениха и невесты пришлось обращаться уже к родителям с обычными при церемонии вопросами: «Берешь ли ты его себе законным мужем, о дочь Заратушты (Зороастра)! и готов ли ты быть ее супругом, о сын Ормазда!..» «Брачные приготовления оказались вполне успешными», говорит сатирическая газета, «жених был выведен за руку во всей молодцеватости своей *togae virilis** и высокого, в виде сахарной головы, тюрбана, а невеста, вынесенная на руках, угощала присутствующих, вместо улыбок, страшнейшим ревом, среди которого она совершенно забывала о носовом платке и вспоминала, по-видимому, лишь о соске, требуя ее себе среди неистового крика и почти задыхаясь под тяжестью фамильных бриллиантов...» То был парсийский брак, «с барометрической верностью характеризующий ход прогресса нашего быстро развивающегося народа», добавляет газета.

---

* Одежания мужа (*лат.*), одежда римлянина по достижении им совершеннолетия. — *Прим. ред.*

Прочитав это, мы, конечно, много смеялись, хотя не совсем веря, чтобы даже в Индии могли совершаться столь ранние браки. Мы слыхивали о *десятилетних супругах*, но о *двухлетних невестах* приходилось слышать впервые. В Багхе мы убедились, как неизмерима браминская изобретательность: недаром они в древности постановили закон о запрещении кому бы то ни было, за исключением священнодействующих браминов, изучать санскритский язык и особенно читать Веды. *Шудра* и даже высококастный *ваизия* предавался, во времена оны, позорной смерти за такое преступление. Весь секрет в том, что Веды запрещают вступать в брак женщинам ранее 15—20 лет, а мужчинам до 25 или даже 30-летнего возраста. Распорядившись, чтобы всякая религиозная церемония прежде всего наполняла карманы браминов, эти тунеядцы перековеркали свое древнее писание на собственный лад и, обременив постепенно индусов бесконечным каталогом обрядов, постановлений, несуществующих праздников и глупейших церемоний, дабы при том не быть пойманными в лживом толковании священных книг, хитро придумали вменить в кощунство чтение их всякому, кто только не принадлежал к их лагерю. Между прочими «преступными выдумками» (как их называет свами Дайананд), вот одно из постановлений, извлеченное из браминских книг, идущих диаметрально вразрез с Ведами. По всей центральной Индии празднуется так называемый «брачный сезон», *Kudwa Kunbis*, земледельческой касты, к коей принадлежат все *земндары*. Сезон этот празднуется лишь один раз в двенадцать лет, но зато он является полем обильнейшей жатвы для господ браминов. Все матери как взрослых (то есть десятилетних) ребят, так и младенцев еще в пеленках и даже еще не родившихся детей, обязаны совещаться с богиней *Матой*, хранительницей новобрачных, — конечно, через ее оракулов, браминов. *Мата* — покровительница всех четырех родов брака между индусами: «брака отроков, брака детей, брака младенцев и брака *во чреве*». Последний самый занимательный, хотя бы в силу своей азартности и полной зависимости от слепой судьбы.

Вместо *будущих* плодов, *венчаются между собою матери*, то есть те, которые находятся в интересном положении. Много поэтому любопытных эпизодов является среди этих матримониальных пародий; но национальный инстинкт индусов не смущается никаким необыкновенным казусом. Они

остаются безмятежно и спокойно верующими, выказывая лишь изредка и то при самых исключительных случаях открытый антагонизм против браминских учреждений. Их вера скорее вековой страх пред непогрешимостью «избранников богов», нечто внушающее к ним, среди невольного смеха, и невольное уважение. А брамин, как давно известно, не ударит лицом в грязь ни пред каким афронтом насмешливой и слепой судьбы. Если, например, у обеих *обвенчанных матерей* родятся мальчики, или оба новорожденные окажутся девочками, — на то воля *Маты*: богиня, значить, пожелала, чтобы вместо супругов родились два брата или две сестры, и эти дети, если они вырастут, признаются законными наследниками *обеих* матерей. В таких случаях, по приказанию богини, брамин расторгает брачные узы, ему снова платят, и конец делу. Но если дети родятся двух полов, то уже брака расторгнуть ничто и никто не может: ни уродство, ни хронические болезни, ни даже полное юродство одного из супругов...

Чтобы не возвращаться к этому предмету, заметим здесь кстати, что ни один индус не имеет права оставаться холостым. Религия предписывает ему брак ради сына, на котором лежит обязанность вводить покойного отца, посредством некоторых *необходимых* заклинательных молитв, в *сваргу* (рай). Даже каста *брахмачарий*, — члены коей дают обет безбрачия, хотя и остаются в миру и вращаются в мирских делах, представляя единственный в стране экземпляр *светских* холостяков, — обязана усыновлять себе мальчиков. Все же остальные индусы пребывают во браке до *сорокалетнего* возраста, после чего получают право, с согласия жены и семейства, удалиться в джунгли и, ради спасения души, делаться аскетами. Если в семье родится урод, то и это не препятствует ему жениться; он только должен подобрать себе такую же калеку-жену. Это по части мужчин. Но что за странная, невероятно несправедливая участь выпала во всех жизненных условиях на долю несчастной женщины Индии! Жизнь *честной* и особенно богомольной, верующей женщины не что иное как длинный ряд роковых для нее событий. Чем выше она стоит по рождению и своему общественному положению, тем горше ее судьба. Одни *науци* — танцовки, посвященные богам и служащие при храмах, свободны, счастливы и живут в великом почете. Они *весталки* и *дочери весталок*, как ни странно последнее выражение. Взгляд индусов, особенно в вопросах о нравственности,

самобытный и во всяком случае «антизападный», если можно так выразиться. Никто не относится строже этого народа к женской чести и целомудрию; но их брамины перехитрили даже римских верховных жрецов и авгуров. У древних римлян Рея Сильвия, например, мать Ромула и Рема, несмотря на то, что в ее *faux pas* * участвовал бог Марс, была, по обычаю весталок, погребена за этот проступок живой, и Нума с Тиберием, как известно, тщательно позаботились, дабы целомудрие их жриц не сделалось чисто номинальным. Но «весталки» берегов Инда и Ганга понимают дело иначе, нежели его понимали на Тибре. Одно тесное знакомство *науцей* с богами (коих брамины заменяют по прокуратуре) очищает *науцей* ото всех плотских грехов, соделывая их в одно и тоже время безукоризненными и беспорочными. *Науца не может* быть «падшей женщиной», как другие смертные, несмотря на кучу «божественных музыкантов», снующих в пагодах в виде маленьких весталок и их братцев. Никакая между тем римская матрона, даже сама целомудренная Лукреция, не была в таком почете за свои добродетели, как осыпанная драгоценностями красавица *науца*. Это уважение к «любимцам богов» особенно проявляется в чисто туземных центральных городах Индии, где народ сохранил всю свою слепую веру в непогрешимость браминов.

Не такова участь бедной *честной* женщины в Индостане. Научи все грамотные и получают самое высокое по туземным понятиям образование. Они читают и пишут на санскрите, изучили лучшую литературу древней Индии и ее шесть главных философий, из коих в особенности музыку, пение и танцы. Но, кроме этих «богорожденных» храмовых жриц, есть еще *публичные научи*, профессиональные танцорки, которые, как египетские «калмеи», доступны и не одним богам; и эти тоже более или менее все грамотные. Поэтому замужние женщины, боясь малейшего приравнения к последним, не желают учиться ничему такому, чему учатся эти презируемые, незнакомые с богами существа. Если браминка богата, она проводит в одуряющем бездействии всю свою жизнь; если бедна — еще хуже: все ее земное существование сосредоточивается в однообразнейшем соблюдении механически совершаемых обрядов. Нет для нее ни прошлого, ни будущего;

---

* Опрометчивый поступок (фр.). — *Прим. ред.*

одно по часам заведенное, веками установленное, монотонное настоящее. И это еще при счастии, пока жизнь ее идет гладко и без семейных утрат. О замужестве же по любви или по свободному выбору не может быть и речи. Выбор для нее жениха, ограниченный собственной кастой, иногда чрезвычайно затруднителен и во всяком случае разорителен, потому что здесь жену не продают, а покупают ей право выйти замуж. Вследствие этого рождение девочки не радость, а горе, особенно в небогатом семействе. Она должна быть выдана замуж не позже семи, восьми лет, потому что девятилетняя девочка считается здесь уже «старой девкой» и, принося лишь бесчестие родным, навлекает на себя насмешки всех своих более счастливых сверстниц.

Если когда-либо англичане сделали что хорошее в Индии, то это без сомнения в те дни, когда они успели подавить, если не совершенно искоренить, ужасный обычай детоубийства. Убиение девочек почти во всеобщем употреблении в этой стране; оно особенно практиковалось в центральной Индии и более всего свирепствовало между племенем джадежда, некогда столь могущественным в Синдхе, а ныне сделавшимся разбойничьим племенем. По всем вероятностям, они первые и ввели его. В древности этот зверский обычай — отделяться от дочерей из-за страха обязательного выдавания их замуж — не был известен арийцам. Даже в старинной браминской литературе мы видим, что во времена преобладания чистокровных арийцев женщина пользовалась одинаковыми с мужчиной правами. Она имела голос в государственных советах, была свободна в выборе супруга, как и властна предпочесть безбрачие замужней жизни. Много знаменитых женских имен играют первенствующие роли в хрониках древней земли арийцев и перешли в потомство, как имена женщин-поэтов, астрономов, философов и даже мудрецов и законников.

Но с набегов персов в VII столетии нашей эры, а затем фанатических, разбойничьих магометан все изменилось: женщина стала рабой, и брамины воспользовались этим, дабы еще более закрепить ее. В городах доля женщин-индианок еще печальнее, нежели судьба поселянки. Взглянем на одну такую бесконечную канитель церемоний и обрядов.

Церемонии, предшествующие предложению и свадьбе, чрезвычайно многочисленны и сложны. Их разделяют на три главные группы: церемоний до свадьбы, *во время* бракосоче-

тания и *после* брака. В одной первой группе одиннадцать необходимых обрядов: сватовство, сравнение двух гороскопов, жертвоприношение козла, назначение счастливого по звездам дня, приглашение гостей, постройка алтаря, закупка священных горшков для хозяйства, жертвоприношение семейным богам и, наконец, взаимные подарки. Все это совершается с разными обрядами и религиозными церемониями. Как только дочь достигла четырехлетнего возраста, отец и мать посылают за домашним *гуру*-брамином, вручают ему только что снятый астрологом касты (должность весьма важная) гороскоп девочки и посылают к такому-то, у кого есть сын в летах. Предупрежденный заранее, отец мальчика берет гороскоп и, положив его пред семейными богами в кумирне, отвечает: «Соглашаюсь на *паниграхан*... Да поможет нам Рудра (Всевышний)!¹ Затем, спросив: когда же *лагна* (соединение)? — сват откланивается. Через несколько дней отец вручает своему семейному жрецу гороскопы невесты и жениха-сына, которые относятся к главному астрологу. Найдет он оба благоприятными — ладно; скажет, что нет, и сватовству конец; отец жениха отправляет тогда резолюцию астролога к родителям девочки, и дело передается забвению. В благоприятном же случае отец и брамин тут же кончают сделку. Брамин подает отцу кокосовый орех и пригоршню сахару, и после этого уже нельзя изменить обещания, иначе *vendetta* индусов затянется на целые поколения. Приносится в жертву козел, и молодые обручены, а затем астрологом назначается день свадьбы.

Все эти церемонии были уже давно совершены в семье, к которому мы, в Багхе, отправились на свадьбу. Эти обряды считаются особенно священными, и нас, вероятно, не допустили бы присутствовать при совершении их. Но мы их увидели позднее в Бенерасе, благодаря ходатайству бабу. Принесение в жертву бедного козла чрезвычайно интересно; передаю его в подробности.

Ребенок мужского пола посылается приглашать несколько замужних женщин «старух» (от 20 до 25 лет) пожаловать на поклонение домашним *ларам* (богине-покровительнице того дома) и духам. Каждое семейство выбирает себе свою особую богиню, что при 333 миллионах богов и богинь не составляет особенного затруднения. Вечером приносят юного

---

¹ *Паниграхан* — санскритское слово, означающее: «рука в руку».

козла, и все ложатся вокруг него спать. Рано утром приемная зала в нижнем этаже посыпается коровьим навозом, любимейшим индусскими богинями фимиамом, а посередине комнаты начертывается мелом квадрат, в который на высоком алтаре становится идол богини. Затем приводят козла, и старейший в доме мужчина, взяв животное за рога, заставляет его кланяться идолу. После этого, со свадебными гимнами, «старые» и молодые женщины начинают обмывать козлу ноги, осыпают ему затем голову красным порошком (причем будущая жертва сильно бодается), дымят ему зажженную лампой вокруг носа для отогнания от него злых духов и, наконец, отходят в сторону. Тогда старейший старец берет бамбуковую веялку, сыплет в нее рису и предательски ставит ее пред козлом. Взяв между тем в руки обнаженный меч, старец становится по правую его сторону, и в то время как ничего не подозревающая жертва с большим аппетитом принимается за рис, он ловким ударом меча отсекает козлу голову и, держа ее в правой руке, орошает богиню горячею капающею из нее кровью... Все принимаются петь хором, и обручение совершено.

Церемонии с астрологами, обмена подарков и т. д. слишком длинны, чтоб их описывать. Довольно заметить, что астролог играет в них двойную роль авгура и нотариуса. После общего воззвания к *Ганеше* (богу с хоботом) контракты пишутся на изнанке гороскопов; к ним прикладываются печати, записываются счастливые созвездия жениха и невесты и преподается общее благословение. Перехожу прямо к брачной церемонии, которой мы были очевидцами в Багхе.

Невесте было на вид лет десять, жениху не более четырнадцати. Невеста сидела на высоком месте в бархатной шитой золотом юбке, вся в цветах и золотых украшениях. В ее маленьком носу было продето огромное золотое кольцо с каким-то сияющим камнем, который совсем ей оттягивал ноздрю. Физиономия у нее была очень плачевная; по временам она косилась на нас исподлобья. Жених, здоровый, толстый мальчик в парчевом кафтане и шапке Индры (т. е. тюрбане, сделанном наподобие многоярусной пагоды), сидел на коне верхом, окруженный целой кучей родственников. Сооружаемый для этого случая пред ступенями дома алтарь уже был готов. Он строится по размеру и длине руки невесты, считая три раза от плеча до среднего пальца, и сделан из выбеленного глиной

кирпича. Сорок шесть глиняных горшков, выбеленных и выкрашенных красными, желтыми и зелеными полосами (цвета Тримурти), возвышались двумя пирамидами по обеим сторонам посаженного на алтарь «бога браков», а целая толпа замужних девочек толкла в семи больших ступках желтый имбирь. Когда он был готов, то вся эта партия амазонок бросилась на жениха, стащила его с лошади и, раздев донага, стала обмазывать его размоченным в воде имбирем; лишь только он обсох на солнце, его снова стали одевать с песнями. Пока одни его одевали, другие девочки, вооружась каждая листом свернутого в трубку лотоса, капали ему на голову воду — приношение водяным богам.

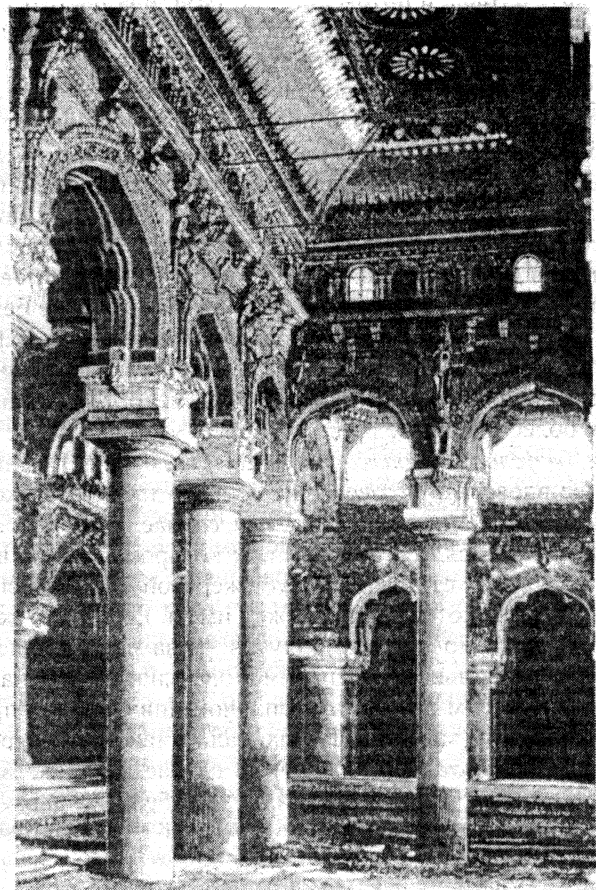
Нам объяснили, что в продолжение всей прошлой ночи совершались в домах жениха и невесты последние обряды церемонии, начатых еще за несколько недель до свадьбы: воззвание к *Ганеше*, к брачному богу, к стихийным божествам — богу огня, воды, воздуха, земли; к богине оспы и других немочей; к духам прадедов и планет; к злым духам, добрым духам и к духам домашним... Но вдруг раздалась музыка... О боги! что это за адская симфония! Раздирающие слух звуки тамтама, тибетские барабаны, сингалезские дудки, китайские трубы, литавры, гонги оглушали нас со всех сторон, пробуждая в душе ненависть к человечеству и его дьявольским изобретениям. «De tous les bruits du monde celui de la musique est le plus désagréable»...^{*} — вспомнилось мне. К счастью, агония длилась недолго, и на выручку нам явилось оригинальное и все-таки более сносное пение браминов и *научей*. Свадьба была богатая, и «весталки» явились в полной форме. Минута затишья, сдержанного шепота... и вот одна из них, высокая, красивая девушка, с глазами, занимающими половину лба, стала молча перебегать от одного к другому гостю и каждого поочередно мазать рукой по лицу, оставляя на нем следы сандалового и шафранного порошка. Она подскользнула и к нам, бесшумно порхая по пыльной дороге своими босыми, разукрашенными золотыми кольцами ногами. Прежде чем мы успели опомниться, она уже мазнула меня, и полковника, и мисс Б*** по носу, заставив последнюю громко чихнуть и затем целые десять минут обтираться и брюзгливо ворчать...

---

^{*} Всех звуков мира та музыка значительно приятней (фр.). — Прим. ред.

Бабу и Мульджи, с улыбками великодушия на лицах, любезно подставили свои физиономии к полной шафрана ручке. Один лишь Нараян, в ту самую минуту, как поведившая на него все время своими огненными очами весталка, став на самые кончики своих проворных ног, собиралась совершить над ним *гулал-пекне*, — быстро отшатнулся и, нахмурясь, полубернулся к ней спиной, получив всю дозу порошка в плечо. Весталка, в свою очередь, грозно нахмурилась, но, затаив досаду, только сверкнула на него глазами и подлетела к Рам Рунджит Дасу. Но с этой стороны ей еще менее посчастливилось: оскорбленный в своем монотеизме и целомудрии, «божий воин» так бесцеремонно оттолкнул весталку, что она отлетела на посуду брачного бога, чуть не перебив ее всю. В толпе послышался сильный ропот, и мы уже приготовлялись было на изгнание за грехи буйного сикха, когда разом грянули опять все барабаны, и процессия тронулась. Впереди всех ехали на позолоченной повозке и на украшенных от рогов до хвоста цветами волах трубачи и барабанщики; за ними следовал другой оркестр пеших дудочников; за этими третий — верховых, дующих во всю мочь в *гонги*. За ними, по две в ряд, шли разукрашенные перьями и цветами, в богатых пополах, лошади с родственниками молодых. Далее отряд *бхиллей* в полном обезоружении, так как англичане только что отняли у них все боевые снаряды, кроме лука и стрел. Все они словно страдали флюсом, подвязанные до самого носа своими белым *пэгери*. За ними шли духовные брамины, с курительными свечами в руках, окруженные своим летучим батальоном весталок, выделявавших во всю дорогу глассады и па; за этими светские брамины «дважды рожденные» и, наконец, юный жених верхом на красивом коне, по обе стороны которого шли по два воина с хвостами *яка* (тибетский бык) в руках для отмахивания мух, а за их спинами еще по два человека с серебряными веерами; группа жениха замыкалась голым брамином на осле, державшим над женихом огромный из красного шелка китайский зонтик. За всем этим повозка на волах, нагруженная считанною тысячею кокосов и сотнею бамбуковых нанизанных на красной веревке корзинок. Покровительствующий бракам бог ехал в грустном одиночестве на спине слона, которого *махут* вел за украшенную гирляндами цепь. За хвостом слона скромно шла наша партия, которая и замыкала процессию...

Бесконечно длились обряды по дороге; невыразимо странными казались нам торжественные «мантры», распеваемые пред каждым деревом, возле погод, пред танками, кустами и наконец пред священной коровой. Когда мы вернулись к дому невесты, было уже около четырех часов пополудни, а мы пришли в шесть утра...

Дворец Тирумала

Началась последняя брачная церемония, после которой для женщины закрывается весь мир, но перед которой мы

открыли глаза и уши и принялись наблюдать внимательнее прежнего. Вот поставили жениха и невесту у алтаря. Соединив им руки длинною травой *кускуса*, брамин обвел их три раза вокруг алтаря. Затем им развязали руки, и жрец снова прогнусил мантру. Когда он кончил, жених-мальчик, схватив свою миниатюрную невесту на руки, снова трижды обошел с нею вокруг алтаря, а потом еще три раза, идя на этот раз впереди невесты, которая следовала за ним, как покорная жена. Когда все совершилось, юного мужа посадили на высокое сидение у дверей дома, а новобрачная, взяв в руки таз с водой, простерлась у ног будущего повелителя, разула его и, обмыв ему обе ноги, *обтерла их распущенными своими волосами*. Обычай, как мы заметили, действительно древний. По правую руку жениха сидела его мать; поклонясь ей низко в ноги, невеста совершила ту же операцию и над свекровью, после чего удалилась в дом; за ней вышла из толпы ее мать и повторила над зятем и его матерью такое же омовение, но уже без обтирания волосами. Брак свершился. Загремели снова барабаны да тамтамы, и полуоглохшие мы наконец уехали домой. Сам Сатана в свои гениальнейшие минуты не мог бы придумать ничего более несправедливого, более утонченно-жестокоего. *Полная, безусловная гражданская смерть* ожидает женщину в случае ее вдовства, овдовой она хотя пятилетней, даже двухлетней девочкой, наконец, и в том случае, если она только прошла через обряд обручения, при котором, как мы видели, она не присутствует, а фигурирует жертвой один козел. Мужчина же не только по праву может иметь несколько жен, хотя — будь сказано к чести индусов — за исключением распутных, приученных резидентами и опекунами-англичанами к пьянству и другим прелестям западной цивилизации принцев и махараджей, — мы еще не слыхивали о таком примере, чтоб у индуса было *более одной* жены. В случае же вдовства мужчина обязан вступить во второй и третий брак. Но для женщины нет такого закона. Для нее вторичный брак считается величайшим грехом, неслыханным позором: тотчас по сожжении трупа мужа, вдове бреют голову навсегда. Ей не дозволено носить ни одного украшения; ее браслеты, перстни, ожерелья, все это ломается в куски и вместе с волосами сожигается с трупом мужа. Всю жизнь она должна ходить с ног до головы в *белом*, если она осталась вдовою до 25-ти-летнего возраста, или же в красном, если она старше. Храмы, религи-

озные церемонии, общество закрываются пред нею навсегда. Она не смеет говорить ни с кем из родных и даже есть с ними. Она спит, ест и работает отдельно; соприкосновение с ней считается нечистым в продолжение семи лет. Если вдова встретится первую на дороге человеку, выходящему утром из дому по делу, то он возвращается домой и откладывает дело до другого дня, так как встреча со вдовой самая дурная примета. Уличенные в лживом истолковании Вед, с преступною целью жечь вдов, дабы завладеть их имуществом, поставленные в невозможность продолжать этот жестокий обычай, брамины возобновили редко приводимое в исполнение — и то касающееся лишь *богатых* вдов, отказывающихся от саможжения в последнюю роковую минуту, — и применили оное ко всем вдовам поголовно. Бессильные против британского закона, они мстят невинным и постигнутым несчастьем женщинам.

Любопытна история уличения браминов профессором Уилсоном в фальсификации текста Вед и подлоге. В продолжение долгих веков брамины жестоко сожигали злополучных вдов, но Уилсон, лучший санскритолог того времени, рылся в самых древних рукописях, пока не убедился, что нигде в гимнах Вед нет такого постановления, хотя в законе Ману, непогрешимого толкователя «откровения», оно будто бы находилось во всей ясности и так и было переведено Колебруком и другими ориенталистами. Дело становилось затруднительным. Стараться доказать, что истолкование Ману неправильно, — равнялось, ввиду народного фанатизма, толчению воды.

Уилсон стал изучать Ману, сравнивая текст Вед с текстом законодателя. И вот что он нашел наконец: *Ригведа* повелевает брамину класть вдову, до зажжения костра, рядом с трупом мужа, а по совершении некоторых обрядов *свести с костра* и громко пропеть над нею следующий стих из *Грихья-Сутры*:

Вставай, о женщина! вернися в мир живых;
Заснув у трупа, просыпайся снова;
Довольно времени была ты верною женой
Тому, кто сделал тебя матерью его детей.

Затем присутствовавшие при сожжении покойника женщины мазали себе глаза «коллирием», и брамин обращался опять к ним со следующим стихом:

Приблизьтесь, женщины замужние, не вдовы;
С мужьями добрыми несите ги¹ и масло.
Пусть *первыми все матери восходят на алтарь*
В одеждах праздничных и ценных крашеньях и т. д.

Именно предпоследний стих и был искажен браминами самым тонким, хитрым образом. В оригинале стих читается так:

«А роханту ганайо йоним *агре*»...²

буквально: «первыми — матери ступайте в утробу алтаря» (yonim agre, т. е. *внутри* алтаря). Изменив лишь одну букву последнего слова «агре», которое они переделали в «*агне*» (огонь), брамины получили право посылать в продолжение долгих веков несчастных малабарских вдовиц в *yonim agneh* — «В утробу огня», на костер. Трудно бы найти на белом свете подобную адскую подделку.

И не только Веды никогда не позволяли сожигания вдов, но есть даже место в *Таитрии-Арнукне* (Яджурведа), где меньший брат покойника, его ученик или даже, за неимением родственников, доверенный друг, в то время, как готовятся зажечь огонь на костре, — обращается ко вдове и говорит ей следующее: «Встань, женщина, не ложись более возле безжизненного трупа; возвратись в мир живых, подальше от умершего супруга, и сделайся женой того, кто держит тебя за руку и желает вступить с тобою в брак». Этот стих доказывает, что во времена ведического периода существовал для вдов *вторичный* брак, тем более, что в нескольких местах древних рукописей, врученных нам свами Дайанандом, мы нашли повеление вдовам «собирать кости и золу мужа в продолжение нескольких месяцев по его смерти, и в заключение исполнять над покойником известные обряды»...

Невзирая, однако, на полную улику, на произведенный открытием Уилсона скандал и на то, что брамины пред двойным авторитетом Вед и Ману принуждены были, в свою очередь, спасовать, вековой обычай оказался столь сильным, что некоторые *супра* (набожные индуски) до сих пор сожигают себя, когда могут. Не далее, как в конце семидесятых годов прошлого столетия, по смерти главного министра в Непале

---

¹ Ги — растопленное масло.

² См. профессора Уилсона «Burning of the Hindu Widows» и Макса Мюллера «Comparative Mythology», 1866.

Юнг Бахадура, четыре его жены настояли на самосожжении. Непал — неподвластен Британии, и англо-индийское правительство не имело права вмешаться.

XXI

В четыре часа утра мы уже переезжали Вагрей и Гирну, или правильнее (*comme couleur locale* *) Шиву и Парвати. Вероятно, по примеру смертных супругов, «боги» в это утро ссорились, так как очень уж они вдвоем бурлили, и наш паром, зацепившись за что-то на дне реки, чуть не перевернул нас всех в холодные объятия Махадевы и его сварливой половины.

Подобно всем пещерным храмам в Индии, вырытым, как я подозреваю, аскетами с целью искушать человеческое терпение, и эти кельи находятся на вершине почти отвесной горы. Принимая в соображение, что такая неприступность их нисколько не мешает даже простым тиграм, не говоря уже об «оборотнях», залезать туда и даже селиться в них, остается думать, что подобный род архитектуры был действительно избран лишь с целью вводить слабых смертных во грех. Семьдесят две высеченные в скале ступени, заросшие мхом и колючками; с глубокими выбоинами, которые громко свидетельствовали о несметных миллионах ног пилигримов, выбивавших их в продолжение двух тысяч лет, — таков для начала парадный вход в Багхские пещеры. Прибавьте к прелестям подобного подъема множество просачивающихся сквозь ступени горных ручьев, и никто не удивится, что мы в то утро положительно изнемогали под бременем жизни и археологических затруднений. Бабу, который, сняв туфли, скакал по колючкам с такою же легкостью, как если б у него вместо человеческих подошв были копыта, посмеивался над «слабыми европейцами» и только еще более бесил нас...

Но, взобравшись на вершину горы, мы перестали роптать, почувствовав с первого взгляда, что будем вполне вознаграждены за всю нашу усталость. Едва мы взошли на небольшую, расстилавшуюся под далеко нависшею над ней бурю скалой площадку, как пред нами открылась, через прямоугольное отверстие футов в шесть шириной, целая анфилада темных

---

* В соответствии с местным колоритом (*фр.*). — *Прим. ред.*

пещер. Мы были поражены мрачным величием этого давно покинутого храма. Не теряя времени на подробный осмотр потолка над площадкой, очевидно, служившею когда-то верандой, над портиком, с его торчащими сверху, как большие черные зубы, отломками того, что некогда было колоннами, и не останавливаясь даже осмотреть две комнаты по обеим сторонам древней веранды, одну с разбитым идолом какой-то плосконосой богини, другую с Ганешей, — мы приказали зажечь факелы и вошли внутрь первой залы... На нас пахло могильной сыростью. При первом слове все понизили голос до едва слышного шепота: глухо завывшее, протяжное и долго замиравшее потом эхо заставило нас всех неприятно вздрогнуть. С робким гортанным восклицанием: «Дэви!.. Дэви!..» наши факельщики мгновенно бросились лицом на землю и, несмотря на сердитый протест Нараяна и особенно «божьего воина», тут же начали творить *луджу*¹ голосу невидимой, обитавшей в этих пещерах богини... Единственный проникавший во храм свет входил в отверстие двери, погружая в еще более глубокий мрак почти две трети залы. Эта зала, или средний храм, очень велика — 84 квадр. фута и 16 футов высоты. Двадцать четыре массивные колонны составляют квадрат, по шести возле каждой стены, включая угольные столбы, и четыре средние, которые поддерживают в центре потолок скалы, слишком переслоенный, чтобы, как в Карли и Элефанте, выдержать на таком большом пространстве чрезмерную тяжесть горы. Базы колонн состоят каждая из плитуса и двух полукруглых фризов. У четырех средних столбов круглые стержни, со спиральными кряжами, которые, суживаясь кверху, постепенно изменяются из 16-ти в 8-угольные полосы, переходя под подставками в квадратные, и представляя таким образом нечто чрезвычайно оригинальное и изящное. Другие колонны — две передние и две задние — почти квадратные до первой трети своей высоты. Затем и эти начинают постепенно округляться, переходя в 8-ми и 12-угольные полосы со спиральными кряжами, а еще выше в 12-ти и 24-угольные, оканчиваясь под карнизом пышными орнаментами, напоминающими коринфский стиль. У***, известный архитектор по профессии и опытный художник, уверял нас, что оригинальнее этих колонн он ничего не видел.

---

¹ Церемония поклонения.

Какие употреблялись инструменты туземными зодчими на созидание подобных, в цельных скалах, работ, он и ума приложить не мог. Как и все пещерные храмы Индии, история которых теряется во мраке неизвестности, и эти приписаны ориенталистом Эрскином буддистам, хотя и здесь предание относит их к работам мифических братьев Панду.

Но не говоря уже о том, что вся индийская палеография в каждой новооткрываемой древней надписи своей протестует против такого самовольного заключения, есть еще много других причин сомневаться в правильности воззрений на этот счет большей части английских ориенталистов. Мы выскажем пока одну. Положим, что показания браминов неправильны и что буддисты, как то желали доказать Стивенсон и другие, проповедовали свою религию, строили вихары и пользовались одинаковыми правами с другими сектантами в Индии еще в начале VI века нашей эры. Но, с другой стороны, эти же члены Азиатского Общества давно решили, что религия Будды, затеявшего свою реформу именно *против идолопоклонства*, исказилась «не ранее V столетия». До того времени не было и не могло быть ни одного браминского идола в чисто буддистских храмах, как это уже и доказано. Каким же образом, спрашивается, в пещерных храмах Карли, Насика, Кеннери и т. д. (Карли построен, по единодушному мнению антиквариев, между III и I веком до-христианской эры, никак не позже 95 года до Р. X., а пещеры Насика в первом или во втором веке нашей эры) находится такая бездна браминских идолов, вышедших из-под резца зодчих *одновременно* со стенами зданий? Почти все они иссечены в стенах и составляют существенную часть самых пещерных храмов. Разве в первые два века *до* и *после* нашей эры буддист осмелился бы изображать столь противных духу учения Будды идолов? «Найденные в Насике надписи (отвечают нам антикварию) доказывают, например, что славный монарх А'ндхры, Готамипутра, покорив царя Цейлонского, выгнав скифов, греков и персов, основал в одно и то же время госпиталь для больных и немощных, школу для стрельбы из лука, коллегию для изучения буддизма и другую коллегию для браминов, представляя таким образом интереснейшую картину человеколюбивого, отличавшегося веротерпимостью и либерального правителя. Эта надпись вместе с тем доказывает: 1) что буддисты жили с браминами в *дружбе* до своего изгнания из Индии и пользовались одина-

ковыми с ними правами, и 2) что, постепенно переняв у браминов их политические воззрения, они снова вернулись к бывшей своей вере, только прибавив Будду к идолам и проч.». — Но ведь это же случилось не ранее V столетия? говорите вы. — Никак не ранее. — А пещерные храмы, наполненные сверху донизу браминскими идолами, строились, по вашему же определению, между III веком до Р. Х. и II по Р. Х.? — Конечно, в этом мы единодушно соглашаемся. — Но как же вы *соглашаете* такое противоречие между двумя фактами? — А мы (говорят они) даже и труда такого на себя не берем: мы авторитеты, определяющие и постановляющие *безапелляционно*, а объяснять какие-либо кажущиеся несообразности предоставляем другим...

Cum grano salis,* однако. Объяснять себе или другим они дают нам право; но если объяснения хоть немного разойдутся с их «непогрешимыми» заключениями, на объясняющего тотчас же кладется клеймо невежества, и критика его выставляется на позор всему свету, как оскорбляющего науку игноранта. *Et c'est ainsi qu'on écrit l'histoire!* (особенно в Индии). Вероятно, так же будет поступлено и с этими скромными заметками. Некоторые русские археологи восстанут против приводимого нами мнения (т. е. мнения туземных археологов), ибо оно диаметрально расходится с мнением Фергюсона и других великих европейских оракулов о циклопических постройках архаических времен. Но чтобы разом доказать, чего стоит мнение хотя Фергюсона, этого блестящего маяка британских архитекторов, приведу еще один пример. Этот великий зодчий, но очень посредственный археолог, объявлял в начале своей ученой карьеры, как объявляет и теперь, что «пещерные храмы Кеннери выстроены *все до одного* от V до X столетия». Так и порешили было. Но вдруг д-р Бэрд, во время своих раскопок в этих пещерах, находит в одном из памятников, сооружаемых буддистами в их храмах, известных под названием *топе*, медную доску с надписью. На затертость надписи нельзя было пожаловаться: в ней на санскритском языке говорилось яснее дня, что этот *топ* был приношением, сделанным *старому* храму в начале 245 года (по астрономической эре индусов). Это летосчисление, говорят Принсепс и д-р Стивенсон, совпадает со 189 годом христианской эры и

---

* С некоторой осмотрительностью (лат.). — Прим. ред.

неопровержимо решает вопрос если не о годе самой постройки, то о годе приношения. когда эта пещера уже считалась *старым храмом*, по выражению надписи. На это Фергюсон, нисколько не конфузясь, отвечает, что *для него* древние надписи в вопросах о хронологии ровно *ничего не доказывают*, ибо могут и *врать*, и что он, Фергюсон, «основывает свои соображения и определения древности развалин *не на надписях*, а на известных им самим открытых архитектурных канонах или уставах».

В настоящее время между ним и доктором права, известным бабу Раджендра Лалл Митрой из Калькутты, признанным в Лондоне ученым археологом и антикварием Индии,¹ идет война. Раджендра Лалл отвечает ему, что «каноны», извлеченные почтенным английским архитектором из глубины его умозрительного знания, никак не могут применяться к таким древним и часто *неизвестного* стиля архитектуры храмам, как так называемые «пещерные храмы» Индии.

Прямо против входа дверь ведет в другую залу, продолговатую, с двумя шестиугольными колоннами и с нишами по бокам, в которых стоят довольно хорошо сохранившиеся статуи: богини в 10 футов вышины и несколько богов в 9 футов. За этой — вход в комнату с алтарем. Это правильный шестиугольник в три фута между углами, под высеченным из цельной скалы куполом. Сюда не впускался, как и ныне не впускается, никто, кроме посвященных в таинства *адитума*. Кругом — кельи бывших жрецов; их около двадцати. Осмотрев алтарь, мы было уже собирались идти далее, как полковник, взяв из рук одного из слуг факел, отправился с двумя другими осматривать эти боковые комнаты. Через несколько минут раздался его голос, громко звавший нас из второй кельи налево. Он нашел секретный ход и кричал нам: «Пойдемте далее... надо увериться, куда он ведет!..»

— В берлогу одного из «оборотней»... Смотрите в оба, полковник... берегитесь тигров!.. — прокричал за нас в ответ бабу.

Но по дороге к «открытиям» нашего президента было не легко остановить. Мы пошли на его зов.

— Комната... потайная келья!.. Лезьте все за мною... целый ряд комнат... Мой факел потух!.. несите спички... факелы!..

---

¹ Член-корреспондент Азиатского общества; член Теософического общества восточной секции и пр., и пр.

Но лезть за ним и нести факелы оказывалось легче на словах, нежели на деле. Факельщики наотрез отказались лезть и чуть было не разбежались со страха. Мисс Б*** брезгливо посматривала на закопченную стену и на свой туалет, а У*** поместился на отвалившемся куске колонны и решил, что не пойдет, а закурит сигару и, окруженный отрядом трусливых факельщиков, станет нас ожидать. В стене было несколько выступов, очевидно, высеченных позднее пещеры, а на полу валялся большой, как бы нарочно высеченный в неправильную форму камень, соответствующий своею формой дыре в стене. Бабу на своем живописном языке тотчас же указал нам на него, как на бывшую «затычку» потаенного хода. По тщательном осмотре мы убедились в очевидном намерении каменщика-строителя сделать его похожим и даже ничем не отличающимся от прочих неровностей грубо обтесанной стены. К тому же, мы нашли на нем нечто вроде стержня, на котором его, вероятно, и поворачивали, когда являлась надобность открывать этот вход.

Первым полез в дыру, продолговатую, фута в три вышины, но не более двух в ширину — наш мускулистый «воин божий», а так как дыра, когда он стал на кусок колонны, приходилась почти на середине груди этого пенджабского Еруслана Лазаревича, то он и влез довольно легко. За ним, с ловкостью обезьяны, прыгнул бабу и, втащив факел, осветил всю комнату. Затем, с помощью акали, который втаскивал меня сверху за руки, и Нараяна, помогавшего снизу, меня благополучно, хотя и с усилием, перегрузили через отверстие, в котором я, впрочем, изрядно застряла, сильно оцарапав при этом о стены руки. Как ни тяжелы археологические расследования при пяти пудах брэнного тела, я однако же чувствовала, что с двумя такими геркулесами, как Рам Рунджит Дас и Нараян, смело могла бы отправиться хоть на самые вершины Гималаев. Последними полезли мисс Б***, которая чуть было не проглотила горсть свалившихся ей в вечно открытый рот пыли и камешков, а за нею Мульджа. Но У***, который предпочел на этот раз чистоту своих белых панталон осмотру святынь незапамятной древности, остался внизу с людьми...

Тайная келья оказалась комнатой в двенадцать квадратных футов; а прямо против зиявшей на полу дыры, на противоположной стене, только тоже под потолком, находилось другое точно такое же отверстие, хотя «затычки» от него мы

не нашли. Келья была совершенно пустая, если не считать черных пауков, похожих по величине на крабов. При нашем появлении и особенно при ослепляющем их, вероятно, свете, между ними произошла паника: они забегали сотнями по стенам, висли на воздухе и падали нам на головы. Первым движением мисс Б*** было убивать их, но на этот раз все четыре индуса сильно и единодушно протестовали против такого намерения. Англичанка обиделась и вскипятилась.

— Я думала, что вы реформатор, — презрительно заметила она Мульджи, — а вы выказываете предрассудки не хуже идолопоклонника...

— Я прежде всего индус, — гордо ответил «молчаливый генерал». — А индусы испокон века считают грехом пред природой и собственной совестью лишать жизни инстинктивно убегающее пред силой человека, даже и опасное животное, не только что такое безвредное насекомое, как паук.

— Уж не боитесь ли вы будущего переселения в черного паука? — фыркнула она.

— Нет... но, в случае необходимости, все-таки желал бы лучше трансигрировать в паука, нежели в англичанина, — обрезал он.

Мы все расхохотались, все, кроме патриотической старой девы. На этот раз она сильно рассердилась и тотчас же, под предлогом головокружения, спустилась назад в дыру. Все наше общество начинало ей тяготиться, и ее никто не удерживал.

Что касается нас, то мы полезли во второе отверстие под водительством на этот раз Нараяна. Он бывал здесь и прежде, и по этому поводу рассказал нам весьма странную историю. Он уверял, и весьма серьезно, будто такие комнаты тянутся одна за другой до самой вершины горы. Затем они повертывают в сторону, спускаясь вниз до огромного подземного жилища — целый пещерный дворец, где по временам живут раджа-йоги. Желая удалиться на время от света и провести несколько дней в уединении, раджа-йоги находят его там, в подземном жилище. Наш президент как-то сбоку странно покосился через очки на Нараяна, но промолчал. Индусы не противоречили.

Вторая келья была во всем подобна первой и имела такое же отверстие. Через него мы пролезли в третью, где и сели отдохнуть. Здесь я почувствовала, что мне становится трудно дышать; но, приняв это просто за одышку, действие устало-

сти, ничего не сказала товарищам, и мы полезли в четвертую келью. Только отверстие в эту было до двух третей завалено мелкими камнями и землей, и нам пришлось минут двадцать откапывать его прежде, чем мы могли пролезть далее. Как нам сказал Нараян, комнаты все шли в гору; пол одной находился на уровне с потолком предыдущей. Четвертая келья была в развалинах, но две повалившиеся колонки составляли как бы ступени к отверстию пятой кельи и, казалось, представляли менее затруднения. Но тут полковник, остановив занесшего уже было ногу Нараяна, лаконически заметил, что теперь пришло время держать совет. «Выкурить трубку совещания», сказал он, употребляя выражение краснокожих индейцев.

— Если Нараян говорит правду, то ведь так мы можем путешествовать из одного отверстия в другое до завтрашнего дня?

— Я сказал правду, — как-то торжественно отвечал Нараян, — но с тех пор, как я был здесь, мне говорили, будто несколько отверстий уже завалено, а именно в следующей за этой кельей.

— Ну, стало быть, нечего и думать идти далее. Но кто же завалил их? Или просто они от времени обрушились?..

— Нет... их завалили нарочно... *они*...

— Кто они? Оборотни, что ли?..

— Полковник, — промолвил с усилием индус, и даже при постепенно слабеющем свете факелов можно было заметить, как задрожали у него губы, а он сам побледнел, — полковник... Я говорю серьезно, и не шучу!

— Да и я не шучу. Кто же это они?

— *Братья... Раджа-йоги*; некоторые из них живут недалеко отсюда.

Полковник откашлялся, поправил очки и, помолчав немного, с заметным неудовольствием в голосе наконец проговорил:

— Послушайте, мой милый Нараян, не думаю, чтобы вашею целью могло быть желание морочить нас... Но неужели вы хотите нас заставить поверить или сами верите, чтобы кто-либо в мире, даже спасающийся в джунглях аскет, мог жить в местах, куда не залезают даже тигры и откуда сами летучие мыши ретируются, за недостатком воздуха? Посмотрите на огонь факелов... Еще там две комнаты — и мы задохнемся!

Действительно, наши факелы совсем потухали, и мне становилось чрезвычайно трудно дышать. Мужчины тяжело переводили дух, а акали громко сопел.

— И однако же, я говорю святую истину, далее живут они... Я сам был там.

Полковник задумался и стоял в видимой нерешимости пред входом.

— Вернемтесь назад! — неожиданно заорал акали. — У меня кровь идет из носу.

В эту самую минуту со мной произошло нечто столь же неожиданное, как и странное для меня тогда: я почувствовала, как вдруг у меня сильно закружилась голова, и я почти в беспомощности скорее упала, нежели опустилась, на обломок колонны, прямо под отверстием в пятую келью. Еще секунда, и несмотря на тупую, но сильную, как удары молота, боль в висках, мною стало овладевать невыразимое чувство отрадного, чудного спокойствия; я смутно сознавала, что то был уже не грозящий, а действительный обморок; что через несколько секунд, если меня не вынесут на воздух, я должна буду умереть. И однако же, хотя я не могла уже пошевелить ни одним пальцем, ни произнести ни одного звука, я не испытывала ни малейшей агонии, ни искры страха в душе: одно только апатичное, но невыразимо приятное чувство успокоения, полное затишье всех чувств, кроме слуха. На минуту я, должно быть, совсем потеряла сознание, но помню, как пред тем глупо внимательно прислушивалась к мертвенному вокруг меня молчанию. Неужто это смерть? — раз неясно мелькнуло у меня в голове. Затем мне показалось, будто меня стали обвевать сверху чьи-то мощные крылья: «Добрые, добрые крылья, ласковые, добрые крылья»... словно выбиваемые маятником, отчеканивались у меня эти слова в мозгу, и я идиотически внутренне засмеялась им. Потом я стала отделяться от колонны и *знала* скорее, чем *чувствовала*, что падаю в какую-то бездну, все ниже и ниже, среди глухого отдаленного грома. Но вдруг раздался громкий голос: я его не слухом услышала, а словно почувствовала... В нем было что-то осязательное, что-то разом задержавшее меня в моем беспомощном падении и остановившее его. То был давно известный, хорошо знакомый мне голос, признать который в эту минуту я не имела сил. Среди грома голос этот сердито раздался издалека, как будто из самого поднебе-

сья, и, прокричав на языке хинди: *Диувáна́ Гумере у а́не́ка кья кáма тха?* (Безумцы! какая нужда была вам сюда заходить?)

замолк . . . . .

Как меня протащили затем через пять узких отверстий, останется для меня навеки тайной... Я пришла в себя уже внизу на веранде, где дул со всех сторон ветер, так же скоро, как и повалилась наверху, в наполненной гнилым воздухом келье. Когда я совсем оправилась, то прежде всего мне бросилась в глаза нагибавшаяся надо мною высокая мощная фигура, вся с головы до ног в белом, и черная, как смоль, раджпутская борода. Но лишь только я узнала обладателя бороды, как разом изъявила свою искреннюю радость, спросив его тут же: «откуда вы взялись?» То был наш друг, такур Гулаб Лалл Синг, который, обещав встретить нас в Северо-Западных провинциях, теперь являлся нам, как будто спадший с неба или выросший из-под земли — в Багхе!

Действительно, можно было полюбопытствовать и спросить у него, откуда и как это он пожаловал к нам, тем более, что не меня одну поразило его присутствие. Но мой несчастный обморок и плачевное состояние прочих исследователей подземелья делали всякие расспросы на первое время почти невозможными. С одной стороны, мисс Б*** насильно закуривала моим носом свою стеклянку с нашатырным спиртом; с другой, «божий воин» — весь в крови, как будто и на самом деле только что сражался с афганами; далее Мульджи с сильной головною болью. Один полковник да Нараян отдались легким головокружением. Что же касается бабу, то его никакие углекислые газы, кажется, не в состоянии были доконать, а также как и свирепые солнечные лучи, убивавшие других наповал, безвредно скользили по этой неуязвимой бенгальской оболочке. Ему только очень хотелось есть... Наконец, из запутанных восклицаний, междометий и объяснений, мне удалось узнать следующее:

Когда Нараян, первый заметив, что я в обмороке, бросился ко мне и мигом оттащил назад к отверстию, из верхней кельи раздался вдруг неожиданно голос такура и как громом поразил их на месте. Прежде чем они могли прийти в себя от изумления, Гулаб Синг вышел из верхнего отверстия с фонарем в руках, и соскочив вниз из следующего, кричал им, чтоб

они поскорее «подавали» ему «бай»¹ (сестру). Это «подавание» такого грузного предмета, как моя тучная особа, и представившаяся моему воображению вся эта картина чрезвычайно рассмешили меня тогда. Но мисс Б*** сочла священным долгом своим обидеться за меня, хотя на нее никто и не обратил внимания. Сдав с рук на руки полумертвую поклажу, они поспешно последовали за такуром; но Гулаб Синг, по их рассказам, все как-то умудрялся, несмотря на затруднение, причиняемое ему подобным багажом, действовать и без их помощи. По мере того как они пролезали через верхнее отверстие, он был уже у другого нижнего, и, сходя в одну келью, они только успевали видеть мельком его развевающуюся белую *чадру*, исчезающую из одного хода в следующий нижний. Аккуратный до педантизма, точный во всех своих исследованиях, полковник никак не мог сообразить, каким это образом такур мог препровождать так ловко почти бездыханное тело из одного конца отверстия в другой! «Не мог же он выбрасывать ее пред собою из прохода вниз; иначе она разбилась бы...», рассуждал он. «Еще менее возможно думать, чтобы, сойдя вниз первым, он затем протаскивал ее за собою. Непостижимо!..» Мысль эта долго преследовала полковника, пока не стала чем-то вроде задачи: что появилось первым — птица или яйцо? А такур на все вопросы только пожимал плечами, отвечая, что не помнит; что он просто выносил меня из келий как можно скорее и поступал, как только умел; что ведь они все шли вслед за ним и должны были видеть, и, наконец, что в подобные минуты, когда всякое мгновение дорого, «люди не думают, а действуют», и тому подобное.

Но все эти соображения и трудность объяснить процедуру загадочного передвижения явились лишь впоследствии, когда нашлось время думать и размышлять о случившемся. Теперь же никто ничего еще не знал о том, как и откуда явился в такую минуту наш Гулаб Синг. Сойдя вниз, они нашли меня лежащую на ковре на веранде, и такура, отдающего приказания двум слугам, подъехавшим из-за горы верхами, а мисс Б*** в «грациозном отчаянии» с открытым ртом, тарачившую изо всей мочи глаза на Гулаб Синга, которого она, кажется, серьезно принимала за «материализованного духа».

---

¹ Все наши друзья — индусы, как и буддисты, называют вас здесь «братьями» и «сестрами».

Между тем, объяснение нашего друга было, на первый взгляд, и просто, и весьма естественно. Он был в Хардваре со свами, когда тот послал нам письмо, чтоб отложить наш приезд к нему на время. Приехав из Джабалпура в Кандву, по Индорской железной дороге, он побывал у Холькара по делам и, узнав, что мы здесь, решил присоединиться к нам ранее, чем предполагал. Достигнув Багха поздно вечером, накануне, и не желая тревожить нас ночью, узнав, наконец, что мы будем в пещерах утром, он заранее приехал встретить нас. Вот и вся тайна...

— Вся?.. — воскликнул полковник. — Разве вы знали, что мы залезем в кельи, когда забрались туда ожидать нас?..

Нараян едва дышал и смотрел на такура глазами лунатика. Тот даже и бровью не повел.

— Нет, не знал. А в ожидании вашего приезда зашел посмотреть на кельи, которые давно не видал. А там замешкался и пропустил время...

— Такур-саиб, вероятно, вдыхал в себя свежий воздух в кельях... — ввернул словцо бабу, скаля зубы.

Наш президент ударил себя по лбу и даже привскочил.

— И в самом деле!.. Как же вы могли выдержать так долго?.. Да!.. Но откуда же вы прошли в пятую келью, когда ход был завален в четвертую и нам пришлось самим откапывать его?

— Есть и другие ходы. Я прошел внутренним, давно известным мне путем, — спокойно отвечал Гулаб Синг, раскуривая *гэргури*. — Не все следуют по одной и той же дороге, — добавил он медленно и как-то странно, и пристально взглянул в глаза Нараяну, который согнулся и почти припал к земле под этим огненным взглядом. — Но пойдемте завтракать в соседнюю пещеру, где все должно быть готово. Свежий воздух вас всех поставит на ноги...

Выйдя из главной пещеры, в 20 или 30 шагах на юг от веранды, мы наткнулись на другую такую же пещеру, к которой надо идти по узкому карнизу скалы. В эту *вихару* нас такур не пустил, боясь после нашего несчастного опыта с кельями, что у нас сделается головокружение. Мы сошли по раз уже пройденным ступеням на берег реки и, повернув по направлению к югу, обогнули гору, шагов на 200 от лестницы, и оттуда поднялись в «столовую», по выражению бабу. В качестве «интересной больной», меня *понесли* по крутой тропинке в собст-

венном складном стуле, привезенном мною из Америки, никогда меня не покидавшем на дороге, и благополучно высадили у портика третьей пещеры.

Когда мы вошли, пред нами простерлись на землю четыре знакомые нам еще с Карли телохранителя такура. Ковры были разостланы и завтрак готов. Всякий след угара исчез, и мы уселись за стол в самом веселом расположении духа. Разговор, конечно, тотчас же зашел о Хардварской *мелле*. — о которой часто упоминалось в прошлом году, даже в русских газетах, и откуда наш неожиданный приятель только что приехал. Сведения, сообщенные нам Гулаб Лалл Сингом, оказались чрезвычайно интересными, так как он только за пять дней до того уехал с этой гигантской религиозной ярмарки, подробности коей, переданные им же, тотчас были записаны мною. Но через несколько недель мы сами посетили Хардвар.

Одно воспоминание об этой чудной местности (Хардваре) вызывает в моем воображении картину первобытного земного рая. Пишу о ней как очевидец.

Каждый двенадцатый год, называемый индусами *кумба* (планета Юпитер входит в то время в созвездие Водолея), приносит с собою особенно благоприятный день, который и назначается главными состоящими при пагодах астрологами днем открытия ярмарки. Сюда собираются богословы всех сект и пилигримы со всей Индии, от принцев и махараджей до последнего факира включительно. Первые ведут диспуты; каждый представитель и оратор старается доказать превосходство своей религии или философа над другими. Последние стекаются, чтоб окунуться в Ганг у самого его источника; для этой операции также назначается благоприятный по звездам час. Говоря о Ганге, следует исправить здесь маленькую ошибку: имя священной реки индийцев немного переверкано европейскими географами.

Этой реке следовало бы называться или — *Гангеса*, или же *Ганга*, как ее зовут туземцы, а никак уж не «Ганг» (в мужском роде). «Ганга» священна в глазах индуса, ибо она величайшая у них богиня-кормилица всей страны и дочь старого *Гимавата* (Гималаев), из сердца коего она вытекает для спасения народов. Поэтому ее и боготворят; построенный у ее источников город Хардвар считается туземцами не менее священным.

Хардвар (пишется Герн-двара — или ворота бога-солнца или Кришны) часто называется Гангадвара или ворота Ганга и столь же известен под именем *Купелы*, в воспоминание аскета Купелы (скорее Капилы?), который долго жил здесь и спасался, оставив по себе множество чудесных традиций. Город расположен в прелестнейшей, цветущей долине, у южного подножия Севаликского хребта, между двумя почти сталкивающимися горными цепями. В этой долине, возвышающейся на 1024 фута над уровнем моря, северная природа Гималаев борется с тропической растительностью долины, и в этих усилиях превзойти друг друга они совокупно создали один из самых восхитительных уголков Индии. Сам городок — собрание древних, невозможно-фантастической архитектуры замкообразных башенок, вихар, маленьких, ярко расписанных, похожих на игрушки деревянных крепостей, пагод с бойницами и висячими резными балкончиками, и все это при таком изобилии алое, роз, далий и пышных кактусов в цвету, что с первого взгляда не отличишь окна от двери. Гранитные фундаменты многих домов стоят на самом русле реки и четыре месяца в году находятся до половины под водой, а за эту горстью разбросанных строений, выше, на скате холма, сгущились белоснежные высокие храмы. Некоторые из них приземистые и толстые с широкими боками и раззолоченными куполами; другие с величественными, многоярусными башнями; третьи с высокими стройными острыми крышами, которые скорее походят на шпицы колоколен, чем на купол. Странной, прихотливой, нигде не виданной архитектуры храмы эти, словно нечаянно свалившиеся со снежных вершин ледяной обители горных духов (которыми так полны гималайские предания), пугливо заглядывают, приютившись под родною сенью горы, через голову маленького городка в чистые холодные струи Ганга. Здесь река еще не осквернена грязью и грехами миллионов ее поклонников. Подержав их в своих ледяных объятиях, чистая дева гор уносит свои светлые, прозрачные, как хрусталь, волны через пылающие равнины Индостана, и только за 348 миль оттуда, возле Канпура, ее воды мутятся и темнеют, пока наконец у Бенареса не превращаются в какой-то гороховый с перцем суп...

После завтрака мы простились с «божьим воином», который отправлялся по дороге в Бомбей. Почтенный Сикх крепко пожал нам всем руки и, приподняв правую руку ладонью впе-

ред, с серьезным и важным видом давал нам всем поочередно свое пастырское благословение по обычаю последователей Нанака. Но когда он дошел до полулежавшего на земле такура, облокотившегося на седло вместо подушки, с ним произошла резкая перемена. Она была до того резка и очевидна, что всем нам бросилась в глаза: до того времени он быстро переходил от одного к другому, пожимая каждому руки и затем благословляя; но когда его взгляд опустился на рассеянно глядевшего на приготовления к отъезду Гулаб Синга, то он внезапно остановился, и важное, немного горделивое выражение его лица мигом перешло во что-то словно униженное и сконфуженное. Затем вместо обычного «намасте» (кланяюсь вам), наш *акали* совершенно неожиданно для нас простерся пред такуром на землю. Благоговейно, словно пред своим амритсарским гуру отчетливо прошептал он: «*Апли аднья, садху саиб, аширват*»...¹ — и так и замер на земле...

Мы были так поражены этой выходкой, что сами как будто чего-то сконфузились; но ни один мускул не дрогнул на спокойном и бесстрастном лице таинственного раджпута. Он медленно отвел глаза от реки и перевел их на лежащего пред ним акали; а затем просто, не проронив ни одного слова, слегка дотронулся до его головы указательным пальцем и, встав, заметил, что и нам пора ехать...

Во всю дорогу он следовал за нашим тихо ехавшим по глубокому песку экипажем верхом и рассказывал о местных преданиях Хардвара и Раджастхана, сложившихся с незапамятных времен в народе эпических легендах и о великих деяниях *Гери-Кули*,² принцев богатырей расы *Гери* (Солнца). Это имя «Гери-Кули» заставляет серьезно предполагать многих ориенталистов, что кто-нибудь из этой фамилии эмигрировал в Египет, в темные доисторические времена первых Фараоновских династий, откуда древние греки и переняли вместе с именем и предания, сложив таким образом свои легенды о божественном *Гер-Кулесе*. Древние египтяне боготворили сфинкса под именем «Гери-мукха» — или *Солнца на небосклоне*. На той горной цепи, что обрамляет Кашмир, к северу нахо-

---

¹ «Повелевай слугою... святой саиб... благослови раба».

² «Гери-Кули» буквально: из фамилии или семейства Солнца. *Кула* по-санскритски: фамилия, прозвище. Раджпутские принцы, особенно Махарани Уйдепурские, чрезвычайно гордятся своим астрономическим происхождением.

дится, как известно, громадная, похожая на голову вершина (13000 футов над уровнем моря) и называется *Гери-мухх*. Имя это встречается в древнейших Пуранах. Почему гг. филологи не позаимуются этим странным совпадением имен и легенд? Кажется, почва богатая... На Гималайском «Геримукхе» находится священное озеро «Гангабаль» (место Ганга) и народное поверье указывает на гигантскую голову как на голову «Гери» — бога-солнца на закате. Неужели это простая случайность? Смею думать, что в этом совпадении имен не более найдется игры случая, чем в том факте, что Египет, как и Индия, воздавал божественные почести *корове* и *быку*, что в земле Фараонов древние египтяне выказывали такое же отвращение и религиозный ужас к убиению скота, то есть коров и быков, как и современные индусы.

Вечером нас завезли в какую-то кругом обрамленную лесом глухую лощину, из которой мы выехали на берег огромного озера. Здесь снова приключилось с нами нечто на первый взгляд совсем обыкновенное, но в сущности весьма загадочное. Мы вышли из экипажей; у берега, густо заросшего тростником (не по нашим русским понятиям «тростником», а тростником, скорее соответствующим Гулливеровским описаниям бробдиньягской природы) стоял большой, новый, привязанный к тростнику паром. Около парома не было никого, и берег казался совершенно пустынным. Оставалось еще часа полтора, два до солнечного заката. В то время как наши люди с телохранителями и слугами такура выкладывали из таратайки наши узелки и поклажу и переносили их на паром, мы уселись на какой-то развалине у самой воды, любуясь великолепным озером. У*** собирался срисовать вид, который был действительно прелестен.

— Не торопитесь снимать эту местность, — остановил его Гулаб Синг. — Через полчаса мы будем на островке, где виды гораздо красивее этого. Там мы можем провести ночь и даже все завтрашнее утро.

— Боюсь, темно будет чрез час... А завтра нам придется рано выехать, — говорил У***, открывая ящик с красками.

— Нет... можем оставаться и до трех часов пополудни... До станции железной дороги всего три часа, а поезд в Джабалпур отходит только в восемь часов вечера. К тому же, сегодня вечером вы увидите и услышите на острове странный и чрезвычайно интересный натуральный феномен: я угощу вас

концертом... — добавил он с привычною ему загадочною улыбкой.

Мы все навестили уши.

— Да на какой же это мы едем остров? — любопытствовал полковник. — Разве мы ночуем не здесь у берега, где так прохладно и где...

— Лес так полон игривыми леопардами, а тростник скрывает змей, хотели вы сказать, — перебил его, ослабляясь, *бабу*. — Вон, взгляните направо, возле мисс Б***, под тростником! Полюбуйтесь счастливым семейством в пустыне: отец, мать, дяди, тетки, дети, — начал он громко считать; — я даже подозреваю в этой компании тещу...

Мисс Б*** взглянула по направлению тростника и, заголосив так, что весь лес застонал ей в ответ, опрометью бросилась, как к спасительному ковчегу — к *тонге*. В трех шагах от нее, сверкая блестящею чешуей в лучах заходящего солнца, играло штук сорок змей и змеенышей. Они кувыркались, свивались, развивались, переплетаясь хвостами, представляя картину полного и невинного счастья. Такур присел было на камень возле У***, который уже собирался начинать рисунок, но туг бросил его и стал смотреть на опасную группу змей, хладнокровно покуривая свой неугасимый *гэргэри* (раджпутский кальян).

— Криком вы только заранее привлечете сюда из леса уже собирающихся на ночной водопой зверей, — немного насмешливо заметил он мисс Б***, которая пугливо высовывала из *тонги* свое бледное, искаженное ужасом лицо. — Бояться никому из нас решительно нечего. Не троньте зверя, и он вас оставит в покое и даже убежит от вас скорее, чем вы от него...

С этими словами он слегка махнул чубуком по направлению семейной группы. Как громом пораженная, вся эта живая масса мгновенно осталась недвижимою, а в следующую затем секунду исчезла с громким шипеньем и шуршаньем в тростнике.

— Да это чистый месмеризм!.. — воскликнул полковник, не проронивший ни одного жеста раджпута и сверкая глазами из-под очков. — Как вы это сделали, Гулаб Синг? Как научиться этому искусству?..

— Как сделал? Просто спугнул их движением чубука, как вы видели. Что же касается «искусства», то в этом действии

решительно нет никакого «месмеризма», если под этим, современным и довольно модным, кажется, словом вы подразумеваете то, что мы, дикие индусы, называем *вашикаран видья*, т. е. наука очаровывать людей и зверей силою воли. Змеи убежали потому, что испугались направленного против них движения...

— Но ведь вы не отвергаете, что изучили это древнее искусство и имеете этот дар?

— Нет, не отвергаю. Всякий индус моей секты обязан изучать вместе с другими тайнами, переданными нам нашими предками, тайны физиологии и психологии. Но что ж в этом? Боюсь, мой дорогой полковник, что вы вообще слишком склонны смотреть на мои малейшие действия сквозь призму мистицизма, — добавил он, улыбаясь. — Это вам Нараян видно говорил про меня; не так ли?..

И он ласково, хотя с таким же загадочным выражением опустил взор на сидевшего у его ног и редко спускавшего с него глаза деканца. Колосс потупился и молчал.

— Да, — тихо, но весьма иронически ответил за него принявшийся за рисовальный аппарат У***. — Нараян видит в вас нечто более своего бывшего бога Шивы и весьма немногим менее Парабрахма... Поверите ли?.. Он нас серьезно уверял в Насике, будто «раджа-йоги», в том числе и вы (хотя, признаюсь, еще до сих пор я не понимаю, что такое именно «раджа-йог»), могут кого и что угодно, и одною силою воли, *заставить*, например, видеть не то, что у тех действительно пред глазами и что видят и все другие, а то, чего совсем нет и не было, и что находится лишь в воображении магнетизера или «раджа-йога»... Ха, ха, ха!.. он называл это, сколько помню, *майя*, иллюзий.

— И что ж?.. Вы, конечно, довольно посмеялись над нашим Нараяном? — так же спокойно осведомился такур, смотря в темнозеленую глубь озера.

— Гм! да... немножко, — рассеянно признался У***, который, очинив карандаш и разложив на коленях папку, внимательно начал всматриваться вдаль, выбирая самое эффектное для рисунка место. — Я, признаюсь, скептик в подобных делах, — добавил он.

— А, зная У***, — вмешался полковник, — я скажу, что, как д-р Карпентер, он не поверил бы такому феномену, даже если б испытал его на самом себе...

— Нет... да, впрочем, правда. Я, действительно, кажется, и тогда не поверил бы, и скажу почему. Если б я увидел пред собою не существующее, или скорее существующее лишь для одного меня, то как бы эти предметы ни были для меня лично объективны, прежде чем принять галлюцинацию за нечто вещественное, кажется, уж в силу одной простой логики, я был бы прежде всего обязан скорее заподозрить самого себя, увериться, что я еще не сошел с ума, чем позволять себе верить, что то, что я один вижу, не только есть действительность, но что эти картины суть рефлексия мысли, управляемой волей другого человека, — человека, который, таким образом, временно управляет и моим оптическим нервом и мозгом... Что за чепуха!.. неужели кто-нибудь в состоянии меня уверить, что есть на свете такой магнетизер или раджа-йоги, который бы заставил... ну, хоть бы *меня*, видеть то, что ему заблагорассудится, а не то, что я сам вижу и знаю, что и другие видят?

— И однако же есть люди вполне верующие, ибо они убедились, что такой дар возможен, — небрежно заметил такур.

— Что ж, что есть?.. Есть, кроме таких, еще и двадцать миллионов спиритов, верующих в материализацию *духов!* только не включайте *меня* в их число.

— Но вы верите, однако, в существование животного магнетизма?

— Конечно, верю... до известной степени. Если человек в оспе или другой прилипчивой болезни может заразить здорового человека, то, стало быть, и здоровый может передать больному избыток своего здоровья и вылечить его. Но между чисто физиологическим магнетизмом и влиянием одной особы на другую — бездна; переступать же эту бездну в силу одной слепой веры не считаю нужным...

— Но разве так трудно убедиться в том, что то, что вы видите, или по крайней мере думаете, что видите в минуту галлюцинации, есть только отражение картины, созданной с этой целью в мысли того, кто испытывает над вами свою власть?..

— Позволяю себе думать, что для удостоверения в подобном явлении необходимо, прежде всего, получить дар распознавать чужие мысли и, вследствие этого, получить возможность безошибочной проверки их. Я не обладаю таким даром...

— Могут найтись и другие средства убедиться в возможности явления. Например, если пред вами предстанет картина

местности действительно существующей, но отдаленной и вам совершенно незнакомой, хотя не только известной магнетизеру, но даже той самой, о которой он заранее условился со скептиками, — что именно *эту, а не другую* местность вы увидите и опишете. Затем, вы ее действительно и аккуратно описываете... Разве это не доказательство?

— Быть может, во время транса, припадка эпилепсии или сомнамбулизма подобная передача впечатлений и возможна. Не спорю, хотя сам сильно сомневаюсь. Но в одном, по крайней мере, я вполне уверен и всегда поручусь за это: на совершенно здорового человека, вполне в нормальных условиях, магнетизм не способен иметь ни малейшего влияния. Медиумы и ясновидящие провербиально * болезненны. Желал бы я посмотреть, какой магнетизер или «раджа-йог» повлиял бы на меня?

— Ну, У***, мой милый, не хвастайте! — вмешался дотоле молчавший полковник.

— Никакого тут нет хвастовства. Я просто ручаюсь за себя потому, что лучшие европейские магнетизеры пробовали свою власть надо мною, и каждый раз проваливались. Поэтому, вызываю всех магнетизеров — живых и мертвых, как и всех индусских раджа-йогов в прибавку, попробовать чары своих токов надо мною... Всё сказки...

У*** начинал горячиться, а такур замял разговор, перейдя на другие предметы.

Но тут позволю себе необходимое отступление.

Кроме мисс Б***, никто из нашего общества туристов не был ни спиритом, ни спиритуалистом, менее всех У***. Мы давно перестали верить в проказы духов усопших, хотя и допускали многие из медиумических явлений, только совсем на других основаниях, чем то делают спириты. Отвергая вмешательство и даже всякое присутствие «духов» при известных *столоверчениях* и других явлениях, мы однако — особенно с тех пор, как живем в Индии — веруем в «дух» живого человека, в его могущество и прирожденные ему, хотя до сих пор и *тайные* (за весьма редкими исключениями), *заглохшие* способности; веруем, что во плоти, при известном образе жизни, дух — божественная искра — как бы потухает в человеке, если он ее не раздувает; наоборот, человек может развить в

---

* Как хорошо известно (англ.). — Прим. ред.

себе силу духа, совершая затем гораздо более удивительные для непосвященного зрителя феномены, нежели разоблаченные кикиморы спиритов. Если гимнастика способна не только удесятерять силу мускулов, придавая им чуть ли не сверхъестественную упругость и гибкость (как это мы видим в знаменитых акробатах), то почему же при известном упражнении не развиваться так и «духу»? Мы верим также, ибо убедились, что эта *тайна* — неизведанная и отвергаемая нашими западными физиологами и даже психологами — хранится в Индии, где она наследственна и доверяется весьма немногим.

У*** был новичок в Обществе и отвергал возможность таких явлений даже в деле месмеризма. Воспитанник Королевского Института Британских Архитекторов, где он и кончил с золотой медалью курс, он вышел оттуда скептиком, отвергающим все *en dehors des mathématiques pures*; * поэтому и неудивительно, что он озлился за это приставанье к нему со «сказками»... Возвращаюсь к рассказу.

Бабу и Мульджи ушли торопить людей нагружать паром: все приутихли и над нами, как говорится, «тихий ангел пролетел». Нараян, погруженный по обыкновению в созерцание Гулаб Синга, сидел на песке неподвижно, обхватив колена руками, и молчал. У*** прилежно и торопливо рисовал, лишь изредка подымая голову, и как-то странно хмурился, вглядываясь в другой берег, весь погруженный в свою работу... Такур продолжал покуривать, а я, усевшись на своем складном стуле, внимательно наблюдая за всем, не могла теперь оторвать глаз от Гулаб Синга...

«Кто и что такое, наконец, этот загадочный индус?», думалось мне. «Кто такой этот человек, соединяющий в себе как бы две совершенно отличные одна от другой личности: одну — внешнюю, для глаз, света и англичан, другую — внутреннюю, духовную, для близких друзей? Но даже эти самые друзья его, разве они многим более других людей знают что о нем? И что они знают, наконец? Они видят в нем мало отличающегося от других образованных туземцев индуса, разве только наружностью, да тем, что он еще более, чем они, презирает все общественные условия и требования западной цивилизации... Вот и все. За исключением еще разве того, что он хорошо известен всем в центральной Индии; что его знают за довольно богато-

---

* За исключением чистой математики (*фр.*). — *Прим. ред.*

го человека, за такура, то есть за феодального начальника *раджа* — одного из сотен других подобных ему в Индии *радж*, или уездов. Затем, он вполне преданный нам друг, который сделался нашим покровителем в дороге и посредником между нами и подозрительными, несообщительными индийцами. Но кроме этого мы ровно ничего более о нем не знаем. Правда, нечто более, нежели другим, известно мне. Но я клялась молчать и молчу, да и то, что даже знаю я, до такой степени странно, что все это скорее походит на сон, нежели на действительность...

Давно, очень давно, двадцать семь слишком лет тому назад, мы встретились с ним в чужом доме, в Англии, куда он приезжал с одним туземным, развенчанным принцем, и наше знакомство ограничилось двумя разговорами, которые хотя тогда и произвели на меня сильное впечатление своею неожиданною странностью, даже суровостью, но, как и многое другое, все это кануло с годами в Лету... Около семи лет тому назад он написал мне письмо в Америку, припоминая разговор и данное обещание; и вот мы опять свиделись на его родине — в Индии! И что ж? Изменился он в эти долгие годы, постарел?.. Нисколько. Я была молода тогда, и давно успела сделаться старухой. Он же, явившись мне впервые человеком лет 30, как бы застыл на этих годах... Тогда его поразительная красота, особенно рост и сложение, были до того необычайны, что заставили даже чопорную, сдержанную лондонскую печать заговорить о нем. Журналисты, заразясь отходящею Байроновскою поэзией, наперерыв воспевали «дикого раджпута» даже тогда, когда на него сильно негодовали за то, что он напрямик отказался предстать пред королевины очи, побрезгав великою честью, для которой являлись из Индии все его соотечественники... Его прозвали тогда «Раджи Мизантропом», а салонная болтовня «Принцем Джальмой-Самсоном», сочиня о нем всевозможные сказки до самого дня его отъезда.

Все это взятое вместе разжигало во мне мучительное любопытство, не давая мне покоя и заставляя забывать все остальное.

Вот почему я теперь сидела пред ним, вперив в него глаза не хуже Нараяна. Я вглядывалась в это замечательное лицо с чувством не то страха, не то необъяснимо благоговейного уважения. Вспоминалось мне и про таинственную смерть тигра в Карли, и про спасенье собственной моей жизни, за не-

сколько часов до того, в Багхе, и про многое другое. Он явился к нам только в утро того самого дня, а сколько дум расшевелило его присутствие во мне, сколько загадочного он уже принес с собой!.. Да что же это такое, наконец? чуть не вскрикнула я. Что это за существо, которое я встретила столько лет тому назад, молодым и полным жизни, и вот опять встречаю таким же молодым и полным жизни, но еще суровее, еще непонятнее? Неужели это брат его, а может и сын? — вдруг мелькнуло в голове. Нет, это он сам: тот же старый шрам на левом виске, то же самое лицо. Но, как и за четверть века назад, ни одной морщинки на этих правильных, прекрасных чертах, ни одного седого волоса в черной, как вороново крыло, густой гриве; то же выражение окаменелого спокойствия в минуты молчания на темном, словно вылитом из желтой меди лице... Что за странное выражение; какое спокойное, сфинксообразное лицо!..

— Сравнение не совсем удачное, мой старый друг! — вдруг как бы в ответ на мою последнюю мысль раздался тихий, добродушно насмешливый голос такура, заставив меня страшно вздрогнуть. — Оно уже потому неправильно, — продолжал он, — что вдвойне грешит против исторической точности. Во-первых, хотя Сфинкс и крылатый лев, но он в то же время и женщина, а раджпутские Синги¹ хотя и львы, но никогда еще не имели чего-либо женственного в своей природе. К тому же Сфинкс — дочь Химеры, а иногда и Ехидны, и вы могли бы выбрать менее обидное, хотя и неверное сравнение.

Словно пойманная на месте преступления, я ужасно сконфузилась, а он весело расхохотался. Но мне от этого не легче.

— Знаете что? — продолжал Гулаб Синг, уже серьезнее и вставая. — Не ломайте себе головы понапрасну: хотя в тот день, как загадка будет разгадана, раджпутский Сфинкс не бросится в море, но, поверьте, и русскому Эдипу от этого ничего не прибавится. Все то, что вы когда-нибудь можете узнать, вы уже знаете. А остальное — предоставьте судьбе...

— Паром готов! Идите!.. — кричали нам с берега Мульджи и бабу.

— Я кончил, — вздохнул У***, торопливо собирая папку и краски.

---

¹ Синг — лев, на языке Пенджаба.

— Дайте посмотреть, — лезли к нему проснувшаяся Б*** и подошедший полковник.

Мы взглянули на свежий, еще мокрый рисунок и остолбенели; вместо озера с его синееющим в бархатистой дали вечернего тумана лесистым берегом, пред нами являлось прелестное изображение морского вида. Густые оазисы стройных пальм, разбросанные по изжелта-белому взморью, заслоняли приземистый, похожий на крепость туземный бунгало, с каменными балконами и плоскою крышей. У дверей бунгало — слон, а на гребне пенящейся белой волны — привязанная к берегу туземная лодка.

— Да где же вы взяли *этот* вид? — недоумевал полковник. — Для того, чтобы рисовать виды из головы, не стоило и сидеть на солнце...

— Как из головы? — отозвался возившийся с папкой У***. — Разве озеро не похоже?

— Какое тут озеро! Видно, вы рисовали во сне.

В это время вокруг полковника столпились все наши спутники, и рисунок переходил из рук в руки. И вот Нараян, в свою очередь, ахнул и остановился в полном изумлении.

— Да это «Дайри-боль», поместье такур-сайба! — провозгласил он. — Я узнаю его. В прошлом году во время голода я жил там два месяца.

Я первая поняла, в чем дело, но молчала. Уложив вещи, У*** подошел наконец, по своему обыкновению, вяло и не торопясь, как будто сердясь на глупость зрителей, не узнававших в море озера:

— Полноте шутить и выдумывать; пора ехать. Отдайте мне эскиз... — говорил он нам.

Но, получив его, он при первом взгляде страшно побледнел. Жаль было смотреть на его глупо-растерянную физиономию. Он поворачивал злополучный кусок бристоля во все стороны: вверх, вниз, наизнанку, и не мог придти в себя от изумления. Затем он бросился, как угорелый, к уложенной уже папке и, сорвав завязки, разметал в одну секунду сотню эскизов и бумаг, как бы ища чего-то... Не найдя желаемого, он снова принялся за рисунок, и, вдруг, закрыв лицо руками, обессиленный и точно сраженный, опустился на песок.

Мы все молчали, изредка переглядываясь и даже забывая отвечать такуру, стоявшему уже на пароме и звавшему нас ехать.

— Послушайте, У***, — ласково заговорил с ним добродушный полковник, словно обращаясь к больному ребенку. — Скажите, вы помните, что вы рисовали этот вид?..

Англичанин долго молчал; наконец произнес хриплым, дрожащим от волнения голосом:

— Да, помню все. Конечно, я его рисовал, но рисовал с натуры, *рисовал то, что видел все время пред своими глазами*. Вот это-то и есть самое ужасное! ¹

— Но почему же такое «ужасное»? Просто временное влияние одной могучей воли над другою, менее мощной. Вы просто находились под «биологическим влиянием», как говорят д-ра Карпентер и Крукс.

— Вот это именно и страшит меня. Теперь припоминаю все. Более часа я рисовал этот вид: я его увидел с первой минуты на противоположном берегу озера и, видя его, *все время* не находил в этом ничего странного. Я вполне сознавал или скорее воображал, что рисую то, что все видят пред собою. Я совершенно утратил воспоминание о берегу, как я его видел за минуту до того и как я его снова вижу. Но как объяснить это? Великий Боже! неужели эти проклятые индусы действительно обладают тайной такого могущества? Полковник, я сойду с ума, если бы мне пришлось верить всему этому!..

— Но зато, — шепнул ему Нараян с блеском торжества в пылающих глазах, — вы теперь не в состоянии более отвергать великую, древнюю науку *йога-видьи* моей родины!..

У*** не отвечал. Шатаясь, словно пьяный, он взошел на паром и, избегая взгляда такура, сел спиной ко всем у края и погрузился в созерцание воды.

XXII

Островок был маленький, весь поросший высокой травой, и имел издåли вид плавающей среди голубого озера пирамидальной корзинки зелени. За исключением нескольких пучков широких, тенистых *манго* и смоковниц, на которых при нашем появлении страшно засуетилась целая колония обезьян, он был, по-видимому, необитаем. В этом девственном лесу

---

¹ У*** сохранил этот рисунок, но никогда не намекает на его происхождение.

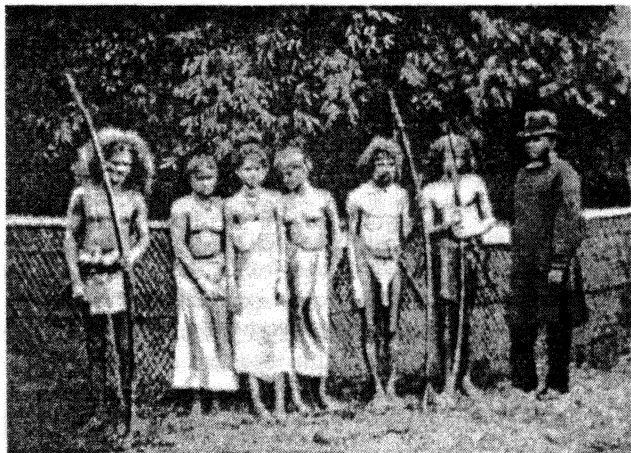
густейшей травы нигде не было заметно и следа ноги человеческой. Читая слово «трава», и здесь не следует забывать, что я говорю об *индийской* траве, а не о европейском подстриженном под гребенку газоне и даже не о *русской* траве; трава, под которой мы стояли, как букашки под лопухом, высоко развела свои перистые, разноцветные вершины не только над нашими головами, но даже и над белыми *пэгери* такура и Нараяна: первый из них стоя, по общеупотребительному английскому выражению, «шесть с половиною футов в чулках», а второй был разве на вершок ниже. Эта трава показалась нам с паром тихо волнующимся морем черных, белых, желтых, голубых, преимущественно же розовых и зеленых цветов. Выйдя на берег, мы нашли, что то был большей частью обыкновенно растущий отдельными группами бамбук, перемешанный с гигантскою травой сирки, потрясающей разноцветными перьями своих верхушек почти в уровень с манговыми и другими высокими деревьями.

Невозможно себе представить что-либо красивее и грациознее *сирки* и бамбука. Изолированные букеты бамбуковой травы, колоссальной, но все же не более, как травы, начинают при малейшем дуновении ветерка развеивать в воздухе свои зеленые головы, словно разукрашенные страусовыми перьями. От времени до времени, при каждом порыве ветра, слышался легкий металлический шелест в тростнике; но в хлопотах устраиванья ночевки мы не обратили на это особого внимания.

Пока наши кули и слуги возились, приготовляя нам ужин и палатку, да прочищали кругом дорогу, мы пошли познакомиться с обезьянами. Уморительнее мы еще ничего не встречали. Без преувеличения, их было штук до 200. Собираясь на покой, макашки вели себя очень прилично: каждое семейство выбирало себе ветку и защищало ее от нападения других квартирантов на дереве, но защищало без сражения, довольствуясь лишь угрожающими гримасами. Мы переходили от одного дерева к другому осторожно и тихо, боясь их спугнуть. Но видно, что много лет, проведенных с факирами (которые очистили остров только в прошлом году), приучили обезьян к людям. То были священные обезьяны, как мы узнали, и они не проявляли ни малейшего страха при нашем приближении. Они допускали нас совсем близко и, приняв приветствие, а некоторые так и кусочек сахарного тростника, смотрели на

нас с высоты своих древесных тронов спокойно, чопорно скрестив ручки и даже с некоторым важным презрением в умных карих глазках.

Но вот зашло солнце, и все мигом всполошилось на деревьях. Нас стали звать ужинать. Бабу, преобладающею страстью коего было (по понятиям ортодоксальных индусов) «покощунствовать», залез на дерево, откуда, перенимая все позы и жесты своих соседей, к благочестивому ужасу наших кули, отвечал на угрожающие гримасы обезьян еще безобразнейшими; затем он спрыгнуть с ветки и заторопил нас «домой».

Индусские типы

С последним исчезающим за горизонтом золотым лучом вся окрестность будто разом подернулась светло-фиолетовой прозрачной дымкой. С каждой минутой сгущались тропические сумерки: постепенно, но быстро утрачивали они свой мягкий, бархатистый колорит, делались все темнее и темнее. Словно невидимый живописец накладывал на окружающие нас леса и воды одну тень за другой, тихо, но непрерывно работая гигантской кистью своей по чудным декорациям на фоне нашего островка... Уже слабые фосфорические огоньки зажигались вокруг нас: блистая против черных древесных стволов и величественных бамбуков, они исчезали на ярко перламутровых серебристых просветах вечернего неба... Еще

минуты две-три, и тысячи этих волшебных живых искр, предвестники царицы ночи, запылали, заиграли кругом, то вспыхивая, то потухая, сыплясь огненным дождем на деревья, кружась в воздухе над травой и над темным озером... А вот и сама ночь. Неслышно спустившись на землю, она вступает в свои верховные права. С ее приближением все засыпает, все успокаивается; под ее прохладным дыханием утихает вся деятельность дня. Как нежная мать, она убаюкивает природу, бережно окутывая ее своим легким черным покровом; а усыпив, стоит настороже над усталыми, дремлющими силами до первой зари...

Все спит в природе; не спит в этот торжественный вечерний час один человек. Не спали и мы. Сидя вокруг костра, мы разговаривали почти шепотом, словно боялись пробудить эту уснувшую природу. У*** и мисс Б*** давно улеглись, да их никто и не удерживал. А мы, то есть полковник, четыре индуса, да я, забившись под эту пятисаженную «травку», не могли решиться проспать такую чудную ночь. К тому же мы ожидали обещанного нам такуром «концерта».

— Имейте терпение, — говорил нам Гулаб Лалл Синг, — пред восходом луны явятся и наши музыканты...

Месяц всходил поздно, почти в десять часов ночи. Пред самым его появлением, когда уже воды озера стали бледнеть на другом берегу, а небосклон заметно светлел, постепенно переходя в серебристо-молочный цвет, вдруг засвежело и поднялся ветерок. Забурлили было уснувшие волны, заплескались и зашуршали они у подножия бамбуков и затрепетали кудрявые вершины великанов, зашептали, будто передавая друг другу приказания... Вдруг, среди общего молчания, мы услышали те же самые странные музыкальные звуки, какие подслушали, подъезжая к острову на пароме. Словно со всех сторон вокруг нас и даже над головами настраивались незримые духовые инструменты, звякали струны, пробовались флейты. Минуты чрез две, с новым порывом пробивающегося сквозь бамбук ветра, раздались по всему острову звуки как бы сотен Эоловых арф... И вот разом началась дикая, странная, неумолкающая симфония!..

Она гудела по окружающим озеро лесам, наполняла воздух невыразимой мелодией, очаровывала даже наш избалованный европейский слух. Грустны, торжественны были ее протяжные ноты: они то плавно звучали похоронным маршем,

то вдруг, перейдя в дрожащую дробь, заливались трелью соловья, гудели словно сказочные гусли-самогуды и, наконец, с протяжным вздохом, замирали... Здесь они напоминали протяжный вой: заунывный, грустный, как осиротевшей волчицы, утратившей детенышей; там — они звенели, как турецкие колокольчики, звучали веселой быстрой тарантеллой; далее, раздавалась заунывная песнь будто человеческого голоса, неслись плавные звуки виолончели, заканчиваясь не то рыданием, не то глухим хохотом... А всему этому вторило из лесу со всех четырех сторон насмешливое эхо, будто голос сотни аякующих леших, внезапно разбуженных в своих зеленых дубравах, откликающихся на призыв этого дикого музыкального шабаша!..

Полковник и я переглядывались, обезумев от удивления. «Что за прелесть!» «Что за чертовщина!..» — раздались, наконец, в унисон наши два восклицания. Индусы посмеивались и молчали; такур покуривал свой *гэргери* так же безмятежно, как если б он внезапно оглох. Но вот после минутного интервала и пока у нас невольно мелькал в голове вопрос: уж не волшебство ли опять какое? — невидимый оркестр разыгрался, расходился пуще прежнего, и на минуту совершенно нас было оглушил. Полились звуки, понеслись словно неудержимой волной в воздухе и снова приковали наше внимание. Ничего и никогда не слышали мы подобного этому непонятному для нас диву... Слышите? Будто буря на море, свист ветра в снастях, гул бешеных, опрокидывающих друг друга волн! Снежная в глухой степи метель и выюга...

То как зверь она завоет,
То заплачет как дитя!

А вот загремели величественные ноты органа... Его могучие звуки то сливаются, то расходятся в пространстве, обрываются, перемешиваются, путаются, как фантастическая мелодия во время лихорадочного сна, музыкальное видение, вызванное завыванием и визгом ветра на дворе.

Но чрез несколько минут эти, вначале чарующие слух, звуки начинают будто ножом резать мозг. И вот нам представляется, будто пальцы незримых артистов бряцают уже не по невидимым струнам, дуют не в заколдованные трубы, а скрипят по нашим собственным нервам, вытягивают жилы и затрудняют дыхание...

— Ради Бога перестаньте, такур! довольно, довольно!.. — вопит полковник, затыкая обеими руками уши. — Гулаб Синг... прикажите им перестать!..

При этих словах трое индусов покатываются со смеху и даже сфинксообразное лицо такура озаряется веселою улыбкой...

— Честное слово, вы меня, кажется, не шутя принимаете если не за великого Парабрахму, то, по крайней мере, за какого-то гения, за марута, владыку ветра и стихий, — говорит он нам, весело смеясь. — Да разве в моей власти остановить ветер или мгновенно вырвать с корнем весь этот бамбуковый лес?.. Просите чего-нибудь полегче!..

— Как остановить ветер? Какой бамбук?.. Разве мы это слышим не под психическим влиянием?..

— Вы скоро помешаетесь на психологии и электробиологии, мой дорогой полковник. Никакой тут нет психологии, а просто естественный закон акустики... Каждый из окружающих нас бамбуков — а их ведь несколько тысяч на острове — скрывает в себе природный инструмент, на котором наш всемирный артист, ветер, прилетает пробовать свое искусство после солнечного заката, особенно в последнюю четверть луны.

— Гм! ветер?.. да... Но ведь это начинает переходить в ужасный шум... Очень неприятно... Как бы этому помочь? — осведомляется наш немного сконфуженный президент.

— Уж, право, не знаю... Ничего, чрез пять минут вы к нему привыкнете, отдыхая в те промежутки, когда ветер минутами затихает.

И вот мы узнаем, что таких природных оркестров много в Индии; что они хорошо известны браминам, которые называют этот тростник *виша-деви* (гитарой богов) и, спекулируя народным суеверием, выдают эти звуки за *божественные оракулы*. К этой особенности тростника¹ факиры идолопоклоннических сект прибавили и собственное искусство. Вследствие этого остров, на котором мы находились, считается особенно священным.

— Завтра утром, — говорил нам такур, — я вам покажу, с каким глубоким знанием всех правил акустики наши факиры просверлили различных величин дыры в тростниках. Смотря по объему ствола, в каждом колене этих пустых трубок они

---

¹ На этот род бамбука постоянно нападает маленький жучок, который пробуравливает в очень скором времени большие дыры в совершенно пустом стволе тростника, где и задерживается ветер.

увеличивают выеденные жучками отверстия, придавая им то круглую, то овальную форму. На эти усовершенствованные ими природные инструменты можно по справедливости смотреть как на превосходнейшие образцы применения механики к акустике. Впрочем, удивляться тут нечему: наши древнейшие санскритские книги о музыке подробно описывают эти законы, упоминая о многих ныне не только забытых, но даже совершенно неизвестных нам инструментах... А теперь, если это слишком близкое соседство распевшегося тростника беспокоит ваши нежные уши, я вас, пожалуй, поведу на поляну у берега — подальше от нашего оркестра. После полуночи ветер стихнет, и вы уснете спокойно... А пока пойдемте посмотреть, как загораются «священные костры». Как только окрестные жители слышат далекие голоса «богов» в тростниках, они тотчас же начинают сходитья целыми деревнями на берег, зажигают костры и совершают «пуджу» (поклонение острову).

— Но неужели же брамины в состоянии поддерживать такой очевидный обман? Ведь самый глупый человек, и тот должен наконец догадаться, кем и как просверлены тростники и от чего происходят звуки!.. — осведомляется удивленный полковник.

— У вас в Америке — быть может, но никак не у нас в Индии. Покажите даже и полуобразованному туземцу, как это сделано, расскажите и объясните... на это он вам ответит, что он и без вас знает, что эти дыры просверлены жуком и увеличены факиром. Но что же из этого? То не простой жучок сверлил, а *воплотившийся в насекомое с этой целью один из богов*, а факир, святой мученик, действовал по приказанию этого бога. Вот все, чего от нас добьетесь. Веками вьевшийся в массы народа фанатизм и суеверие сделались как бы необходимою частью его физиологических потребностей. Искорените в нем это чувство, и у него откроются сами собою глаза, и он узрит истину. — но не прежде. Что же касается браминов, то счастлива была бы Индия, если б это вековые плуты не делали ничего худшего... Пусть себе народ поклоняется музе и духу гармонии, это еще не страшно.

В Дехра-Дене (рассказывал нам *бабу*) такие бамбуки посажены с обеих сторон центральной улицы и тянутся более чем на милю. За зданиями ветер не может свободно действовать, и потому звуки слышатся лишь в вечера, когда он дует с востока, что бывает чрезвычайно редко. Но в прошлом году,

когда наш свами Дайананд прибыл на летнюю кочевку и его осаждала каждый вечер толпа последователей, бамбуки, как раз после его проповеди, в которой он громил суеверие, вздумали распеться. В это самое время утомленный продолжительною проповедью и немного нездоровый, свами опустился на ковер и, закрыв глаза, сидел неподвижно. Толпа вообразила тотчас же, что душа свами, покинув тело, вошла в тростники и из них ведет разговор с богами. Многие, желая изъяснить тем свое благоговение учителю и, вероятно, доказать, в какой полноте восприяли они его учение, бросились творить пред напевавшим тростником «пуджу»...

— И что ж свами... что он сказал на это?..

— Ничего не сказал... Вы его, видно, еще не знаете. Не говоря ни слова, он вскочил и, сломав первую бамбуковую трость по дороге, задал ею *пуджникам* такой «европейский бакшиш»¹ по спинам, что толпа мгновенно разбежалась. А свами, беспощадно колотя по чем ни попало, гнался за ними целую милю, затем плюнул и уехал далее. Он ужасный силач, наш свами, и разговаривать долго не станет, — смеялся бабу.

— Но ведь таким образом вместо того, чтоб обратить их на путь истины, он только разгоняет толпу? — заметил полковник.

— Вот и выходит, что вы наш народ знаете так же мало, как и вашего союзника свами... Не успел он прибыть в Патни (местечко в 35 или 40 милях от Дехра-Дена), как толпа человек в 500 привалила депутацией от города, кланяясь ему в ноги и умоляя вернуться. Между главными просителями были те, у кого вся спина оказалась в синяках. Они привезли свами назад с самыми торжественными церемониями, на слоне, усыпая всю дорогу цветами... Он тотчас же устроил *самаджу* (общество), и в этой «Ария-Самадже» Дехра-Дена теперь двести членов, которые навсегда отказались от идолопоклонства и суеверия.

— А при мне, — рассказывал Мульджи, — он в Бенаресе два года тому назад разбил палкой до ста идолов на базаре и поколотил брамина. Последнего он вытащил из-за просверленной спины огромного идола Шивы, из-за которой тот вел разговор за своего бога, требуя денег на новую одежду для Шивы...

---

¹ Удар тростью здесь зовется народом «европейский бакшиш» или «бамбуковый бакшиш»; последнее слово в повсеместном употреблении в Азии.

— И не поплатился он за это?

— Брамин потребовал его в суд, но явилось столько заступников за него, что судья был принужден его оправдать, присудив лишь заплатить штраф за разбитых идолов. Одно нехорошо: брамин в ту же ночь умер от холеры, и противники свами громко кричали, что он умер вследствие джаду (колдовства) Дайананда Сарасвати.

— А вы, Нараян, знаете что про свамиджи?.. Принимаете ли вы его за своего «гуру»? — спросила я.

— У меня один гуру и один бог — на земле, как и на небе, — нехотя ответил Нараян, — и никогда не будет другого...

— Кто же этот гуру и кто ваш бог?.. тайна разве?..

— Такур-саиб, конечно!.. — огорошил его бабу. — Оба у него сливаются воедино...

— Ты говоришь глупости, бабу, — холодно заметил Гулаб Синг. — Я не признаю себя достойным быть чьим бы то ни было гуру, тем менее богом. Прошу тебя не кощунствовать. Но вот мы и пришли. Сядем здесь на берегу, — добавил он, указывая на принесенные ковры и явно желая замять разговор.

Мы пришли на небольшую поляну у озера, шагов за двести, триста от бамбукового леса. Теперь звуки волшебного оркестра доносились до нас слабо и урывками. Мы сидели против ветра, и они долетали лишь как полный гармонии шепот, совершенно уже напоминая тихое пение Эоловой арфы и не имея в себе более ничего неприятного или резкого. Напротив, эти звуки придавали еще более поэтический колорит этой сцене.

Мы расселись на разостланных для нас коврах, и от усталости, так как я была на ногах с четырех часов утра, мной сильно овладевал сон. Мужчины продолжали разговаривать о свами и о «пудже», а я крепко задумалась, и мало-помалу, как это всегда случается, разговор стал долетать до меня лишь урывками...

— Проснитесь!.. — расталкивал меня полковник. — Вот такур говорит, что вам не следует засыпать под лунным светом...

Совсем я не засыпала, хотя действительно сон сильно одолевал меня, а просто задумалась. Но я даже и не отвечала, до такой степени лень овладевает человеком под подобным небом...

— Да ради Бога, проснитесь же! — надоедал мне полковник. — Вы только взгляните на эту луну... на картину вокруг

нас. Видали ли вы что-либо великолепнее этой панорамы? Смотрите...

«Вот взошла луна золотая»...

завертелось у меня в голове. Воистину то была «луна золотая». В эту минуту она испускала целые потоки золотистого света, обливала каскадами волнующееся у наших ног озеро, осыпала на огромное пространство золотою пылью каждую травку, каждую былинку и камешек. Ее желто-серебристый шар быстро скользил вверх по темно-голубому, усеянному мириадами огромных, блестящих звезд небу, сияя над нашими головами. Скольким бы лунных ночей ни пришлось видеть в Индии, каждый раз найдутся новые и неожиданные эффекты... Подобных картин не описывают; их невозможно изобразить ни на полотне, ни словами; их можно только *чувствовать*. Но что за невыразимое величие и красота! В Европе, даже на юге, обыкновенно полная и яркая луна гасит вокруг себя на большое пространство звезды, и наибольшие из них меркнуть в ее сиянии. Здесь совершенно напротив: словно громадная жемчужина, осыпанная кругом бриллиантами, катится она по небесному, точно из синего бархата своду. При этом лунном сиянии можно не только читать мелко написанное письмо, но и свободно различать все тени окружающей зелени, что в Европе немыслимо. Взгляните на деревья, на статные пальмы с их раскинутыми веером верхушками во время полной луны! С самой минуты восхода месяца его луч начинает ползти сверкающей серебряной чешуей по обращенной к нему стороне дерева от верхушки все ниже и ниже, пока не зальет всего растения морем света. Безо всяких метафор, вся поверхность листвы кажется всю ночь утопающей под переливающимися дрожащими волнами серебра, в то время как из-под листьев является чернее и мягче черного бархата. Но горе неосторожному новичку, горе заглядевшемуся на луну с непокрытою головой смертному! Опасно не только что уснуть, но даже и слишком долго зазеваться на целомудренную индийскую Диану. Припадки падучей болезни, безумие, часто смерть, — вот наказания, посылаемые ее коварными стрелами современному Актеону, осмелившемуся лицезреть жестокую дочь Латоны в ее полной красе. Оттого здесь ни днем, ни ночью, ни европейцы, ни туземцы не снимают на дворе своих *топи* и *пэгри*. Даже наш бабу, прохлаждавшийся целые дни с непо-

крытую головой под солнцем, надевал ночью во время луны белую шапочку.

Огни, как нам предсказал такур, зажигались один за другим на материке, и давно уже мелькали вдали черные силуэты поклонников. Их дикие священные песни и громкие возгласы — *Хари, Хари, Махадева*.¹ — доносились до нас с того берега громко и отчетливо. А тростники, под напором ветра, раскачивая свои стройные стволы, отвечали им нежными музыкальными фразами... Становилось жутко на душе, чувствовалось какое-то странное опьянение при этой обстановке, и идолопоклонство в этих погрязших в вековом невежестве, но глубоко поэтических страстных натурах являлось менее отталкивающим, казалось понятнее. Индус — прирожденный мистик, а чарующая природа его страны сделала из него ярого пантеиста.

Где-то далеко в лесу заиграла *альгуджа*, род индийской свирели, с семью отверстиями. При этих звуках мигом взбудоражилось и встрепелось целое обезьянье семейство, спавшее в листве соседнего дерева. Две-три макашки тихо спустились на землю и стали оглядываться, как бы поджидая кого.

— Это у вас что же за Орфей, чарующий и людей? — осведомились мы.

— Факир, вероятно: *альгуджа* обыкновенно призывает священных обезьян к пище. Некогда жившая на этом острове коммуна факиров теперь переселилась в старую пагоду, неподалеку отсюда в лесу. Там им более поживы от прохожих; оттого они и бросили остров...

— А может от того, что оглохли, — выразила невинное мнение проснувшаяся и подошедшая к нам между тем мисс Б*.

— Кстати об Орфее, — спросил такур, — известно ли вам, что лира этого греческого героя-полубога была далеко не первою, которая обладала способностью очаровывать и людей, и зверей, и даже самые реки? Некий китайский «музыкальный артист» (как их зовут в Англии) *Кюи*,² живший да тысячу лет до предполагаемой учеными эры Орфея, выражается так: «когда я играю на моем *кинге*, то все дикие звери сбегаются и, очарованные моей мелодией, строятся в ряды предо мной»...

---

¹ *Хари* — одно из имен Шивы, а *Махадева* — великий бог.

² Какая случайность! *Кюи* — имя известного петербургского музыканта: только ни звери, ни люди не пляшут под его музыку.

— Это вы где же читали?

— Мог бы вычитать даже в сочинениях ваших западных ориенталистов, так как это сведение находится и там. Но собственно я нашел это в древней санскритской рукописи (перевод с китайского) второго столетия до вашей эры; оригинал же находится в древнем сочинении, известном под именем «Хранитель пяти главных добродетелей» — род хроники или трактата о музыкальном развитии в Китае, написанный по приказанию императора Хоанг-ти за несколько сот лет до вашей эры.

— Да разве китайцы когда что понимали в музыке? — рассмеялся полковник. — Я слышал и в Калифорнии, и в других местах заезжих артистов из Небесной Империи... Их музыкальная какофония способна с ума свести человека на месте...

— То же самое многие из вас, западных музыкантов, говорят и про нашу — как древнеарийскую, так и современную музыку индусов. Но, во-первых, понятие о мелодии — вещь совершенно условная; а во-вторых, есть большая разница между знанием музыкальной техники и применением этого знания к развитию мелодий, доступных всякому, — как образованному, так и необразованному — уху. В техническом отношении музыкальная пьеса может быть превосходна, а сама мелодия являться вполне непонятною и даже неприятною для непривыкшего к ней уха. Ваши самые известные оперы, например, кажутся нам, индусам, каким-то диким хаосом, каскадом неприятно резких, перепутанных звуков, в которых мы ровно ничего не смыслим, а только получаем, слушая их, головную боль. Я бывал не раз и в Лондонской и в Парижской опере, слушал Россини и Мейербера; я желал отдать себе отчет в моих впечатлениях и слушал с величайшим вниманием. Признаюсь, я предпочитаю наши простые туземные мелодии всем произведениям ваших лучших художников в Европе. Первые мне вполне доступны, а вторых я вовсе не понимаю, и они так же мало меня трогают, как и наши национальные напевы вас. Но, оставляя всякие «напевы» в стороне, скажу вам, что не только наши предки, но даже и предки китайцев, конечно, не уступают вам, европейцам, если не в инструментальной технике, то в музыкальной «технологии» и особенно в отвлеченных понятиях о музыке.

— Арийские народы древности, быть может, и не уступают нам, но допустить то же самое в туранской расе китайцев трудно, — спорил наш президент.

— Но музыка природы была везде первою ступенью к музыке искусства. Мы предпочитаем первую, и поэтому держимся ее веками. Наша музыкальная система есть величайшее искусство, если — извините этот кажущийся парадокс — избегать всего искусственного; то есть она отвергает в своих мелодиях все звуки, не входящие в реестр *живых* голосов в природа. Китайцы именно этого-то и не делают. Китайская система, например, содержит в себе восемь главных звуков, служащих как бы камертоном для всех других происходящих от главного звука тонов, которые и классифицированы под именами их родоначальников. Эти восемь звуков суть: *метал, камень, шелк, бамбук, тыква, глиняная посуда, кожа, дерево*. Поэтому у них являются: металлические, деревянные, глиняные, тыквенные, кожаные, бамбуковые и каменные тоны. Таким образом и мелодии у них не может быть никакой, а выходит один сумбур: их музыка состоит из перепутанных серий отдельных нот. Их императорский гимн, например, есть ряд одних длинных, бесконечно вытягиваемых звуков в унисон. Но у нас все своеобразно и самобытно; мы, индусы, обязаны нашею музыкой одной живой природе, а не неодушевленным предметам. Мы, в высшем значении этого слова, пантеисты; поэтому и музыка наша, так сказать, пантеистическая. Но вместе с тем она и в высшей степени научная. С самой колыбели человечества арийские народы, вышедшие первыми из младенчества, стали прислушиваться к голосам природы и нашли, что обе, мелодия и гармония, соединяются лишь в одной нашей великой матери. В ней нет ни фальшивых, ни искусственных нот, и вот человек, венец ее создания, пожелал подражать ее звукам. В совокупности все эти звуки (по единодушному показанию ваших же физиков) сливаются в *одни тон*, который мы слышим, когда умеем прислушиваться, в неумолкаемом шелесте листвы больших лесов, в журчании вод, в реве океана и бури, и даже в отдаленном гуле больших городов. Этот тон — средний F, основной тон во всей природе. В наших мелодиях он нам служит исходною точкой, которую мы воспроизводим с первой ноты и вокруг которой группируются все прочие. Заметив, что верхние, нижние и средние ноты имеют каждая своего типического представителя в животном царстве; что козел, павлин, бык, попугай, лягушка, тигр, слон и т. д. имеют, каждый из них, свою особенную ноту, наши предки стали прислушиваться и нашли, что всякая из

этих нот соответствует одному из *семи главных тонов*. Так была открыта и основана *октава*. На подразделения же и размер их навели сложные звуки тех же животных.

— О вашей древней музыке, — ответил полковник, — и о том, изобрели ли что в музыке ваши предки или нет, я, конечно, ничего не знаю. Но, признаюсь, слушая пение ваших современных индусов, я никак бы не мог заподозрить их в знакомстве с какою бы то ни было музыкой.

— Это потому, что вы еще никогда не слыхали настоящего певца. Поезжайте в Пуну и посетите «Гайан-Самадж»,¹ и только тогда мы возобновим этот разговор. До тех пор напрасно спорить...

— Музыка древних арийцев, — внезапно вмешался бабу за честь своей родины, — растение допотопное и почти исчезнувшее из Индии, но все же достойное полного внимания и изучения. Это вполне доказано теперь моим соотечественником, раджей Сурендронат Тагором,² который, по сознанию лучших музыкальных критиков Англии, твердо установил права древней Индии «считаться матерью музыкальной науки». Каждая школа — итальянская, немецкая и древнеарийская — родилась в свой особенный период, развилась в своем исключительном климате и при совершенно различной обстановке. И как всякая из этих школ имеет свою особенность, а для своих последователей и прелесть, так и наша школа не представляет собою исключения. Только в то время, как вы, европейцы, приучены к мелодиям Запада и хорошо знакомы с вашими школами, наша музыкальная система, как и многое другое в Индии, вам еще совершенно неизвестна. Поэтому, осмеливаюсь заявить, что вы, полковник, и судить о ней не имеете права...

— Не горячись, бабу. Всякий имеет право если не судить, то расспрашивать о незнакомом ему предмете, иначе он никогда и не узнает истины... Если бы, — продолжал такур, — музыка индусов принадлежала (как говорит бабу) к столь же мало отдаленной от нас эпохе, как и европейская, соединяя в

---

¹ По всей Индии устраиваются теперь музыкальные общества для возрождения национальной древней музыки. Одно из них Гайан-Самадж (Gaijan-Samaj) в Пуне.

² Раджа Сурендронат Тагор — доктор музыки, кавалер великого множества почетных орденов, между прочим, от короля португальского и императора австрийского, за свое сочинение «О музыке арийцев».

себе при том, как последняя, все выработанные в разные эпохи и различными музыкальными системами достоинства, то быть может знатоки и поняли бы и лучше оценили бы ее. Но наша музыка принадлежит к доисторическим временам. За исключением разве древних египтян (которые, если судить по двадцатиструнной арфе, найденной Брюсом в одной из фивских гробниц, были тоже посвящены в музыкальные таинства гармонии), мы, индусы, являемся единственным знакомым с музыкой народом в те еще времена, когда все другие нации на земном шаре боролись со стихиями за одно право своего существования. Мы обладаем сотнями санскритских рукописей о музыке, никогда еще не переведенных даже и на туземные языки. В глубокую древность этих трактатов (от 4000 до 8000 лет) мы, индусы, несмотря на все отрицательные доводы ваших ориенталистов, вполне верим и будем упорствовать в этой вере, ибо мы их читали и изучали, а европейские ученые их пока и в глаза не видали. Таких трактатов, написанных в разные и самые отдаленные эпохи, у нас много, и все они согласуются в своих показаниях, доказывая нам яснее дня, что *в Индии музыка была уже известна и приведена в систему, когда современные цивилизованные нации жили еще на западе Европы как дикие племена*. Но все это не дает нам однако права требовать, чтобы вам, европейцам, нравилась наша музыка, к которой не приучены ваши уши и духа коей вы неспособны пока еще понять... Мы можем до некоторой степени объяснить вам ее технику, дать вам некоторое понятие о ней как о науке; но создать в вас то, что арийцы называли *ракти*, или способность человеческой души воспринимать и очаровываться совокуплениями различных звуков в природе — альфа и омега нашей музыкальной системы — никто не может, как не могут заставить и нас упиваться мелодиями Беллини.

— Но почему же? — горячился полковник, — и что это за тайная сила такая в вашей музыке, которую способны понять одни вы, азиаты? Если мы с вами разнимся в цвете кожи, то ведь за то наш органический механизм один и тот же. Другими словами, та физиологическая конструкция костей, крови, нерв, жил и мускулов, из которой состоит индус, имеет столько же частей, связанных одна с другою по совершенно такому же плану или модели, как и живой механизм, известный под именем американца, англичанина или всякого другого европейца. Они, являясь на свет из одной и той же мастерской

природы, имеют одно начало, как один и тот же конец: физиологически говоря, мы дубликаты друг друга...

— Физиологически — да, и даже психологически, если бы только не вмешивалось между нами воспитание, которое, что ни говори, выворачивает природу человека в ту или другую сторону, изменяя не только умственное, но и душевное направление его: в иных случаях совершенно погашая в нем божественную искру, в других — раздувая и даже превращая ее в неугасимый маяк, служащий путеводною звездой его умственных способностей на всю жизнь.

— Так. Но все же это едва ли может иметь такое сильное влияние на физиологию уха.

— Ошибаетесь опять. Если в физическом или скорее в физиологическом отношении рассматриваемый как человеческая машина индус ничем не разнится от европейца, то вследствие совершенно свособразного воспитания, в умственном и психическом, особенно в психическом отношении, оба диаметрально отличаются один от другого, представляя как бы два различных вида в природе. Вспомните лишь, насколько цвет лица, сложение, способность к производству, жизненность и все наследственные качества чисто физических отправления изменяются со временем вследствие климатических условий, пищи и обиходной обстановки человека (новейшая научная маска ваших материалистов, если не ошибаюсь, для удобнейшего игнорирования более отвлеченных тайн бытия), и вы получите ответ на ваш вопрос. Примените этот самый закон постепенного перерождения уже не к физическому, а чисто психическому элементу в человеке, и вы узрите те же результаты. Изменяя воспитание души, вы изменяете ее способности. Там, где она прежде наслаждалась, усматривая нечто вполне недоступное иначе воспитанной душе, она уже не чувствует ничего кроме скуки и пред нею является один хаос... Вы, например, верите. — и верите лишь на основании доказанного вековым опытом, — что гимнастика, укрепляя мускулы, не только развивает тело человеческое, но и способна как бы переродить его; мы же, индусы, идем одною ступенью выше: мы верим, вследствие тысячелетних опытов и объективных демонстраций, что существует гимнастика и для души, как для тела. Это наша тайна, тайна униженных, поработанных одной животной силой индусов, и проникнуть в эту тайну мы не дозволим никому, кроме горсти избранных, но

она может быть доказана вам в свое время... Что постепенно одаряет глаз моряка зрением орла, акробата ловкостью и силой обезьяны, бойца — железными мускулами? Упражнение и один навык, скажете вы. Так почему же не предположить такую же способность и в душе человека, как в его теле? Разве только потому, что современная наука или совсем отвергает душу, не допускает и не признает в ней отдельной от тела личности?..

— Полно, такур. Вы-то уж должны бы знать, что я верю как в душу, так и в ее бессмертие...

— Мы верим в бессмертие *духа*, а не души... Впрочем это нейдет к делу. Итак, вы должны согласиться, что упражнением всякая дремлющая в душе человеческой способность может быть доведена до высшей точки своей силы и деятельности, равно как вследствие неупотребления и отвычки каждая такая способность может и заглохнуть, и даже окончательно исчезнуть. Природа так ревнива к своим дарам, что в нашей власти систематически развивать или убивать в наших потомках — и даже в продолжение весьма немногих поколений — какой угодно физический или умственный дар, просто вследствие одного упражнения или полного пренебрежения...

— Но ведь этим вы все-таки не объясняете мне тайной прелести ваших национальных мелодий...

— К чему входить в подробности, когда вы сами должны видеть, что мое объяснение есть общий ключ к разрешению не только вашего вопроса, но и мириады других задач? Ухо индуса приучено веками схватывать один род комбинаций слуховых волн или атмосферических вибраций, а ухо европейца привыкло к другому роду; поэтому где душа первого наслаждается, там душа последнего не чувствует ничего, а уши страдают. Я мог бы на этом и остановиться, так как объяснение, кажется, столь же просто, как оно и понятно; но желаю пробудить в вас нечто более чувства удовлетворенного любопытства. То, что я вам сказал, разъясняет тайну лишь с ее физиологической стороны. Оно является столь же понятным, как и факт, что мы, индусы, безнаказанно едим, например каждый день целыми горстями пряности, от одной крошки коих у вас могло бы сделаться чуть не воспаление в кишках. Наши слуховые нервы, в начале времен тождественные в своих способностях с вашими, переродились вследствие векового упражнения и сделались столь же отличными от ваших, как и

цвет нашей кожи и наши желудки. Прибавьте к этому, что глаз наших кашмирских ткачей, мужчин и женщин, отличается способностью различать ровно 300 тенями более, нежели глаз европейца, — это по показанию ваших ученейших физиков и лионских фабрикантов, — и всякий поймет, как легко разъяснение кажущейся проблемы. Навык, закон наследия, все, что угодно... Но вы, прибыв из Америки изучать индусов и их религию, никогда не поймете последней, если прежде не научитесь знать, как тесно, как почти неразрывно связаны все наши науки не с современным, конечно, ортодоксальным, невежественным брахманизмом, а с философией нашей первобытной религии Вед.

— Но что же, например, музыка имеет общего с Ведами?..

— Многое — почти все. Как то было у древних египтян и китайцев, так и у нас: все звуки в природе, а поэтому и музыка находились в прямой связи с астрономией и математикой, то есть с планетами, знаками зодиака, с солнечным и лунным течением и с числами; а особенно с тем, в самом существовании чего ваши ученые еще не совсем уверены, с *акашей*, или эфиром пространства. Учение о «музыке сфер» родилось здесь, а не в Греции, или Италии, куда его ввез Пифагор лишь по окончании своих занятий с гимнософистами Индии. И, конечно, лучше кого бы то ни было, и до, и после него, знал этот великий философ, — единственный из западных мудрецов, открывший до Коперника и Галилея гелиоцентрическую систему мира, — насколько малейший звук в природе зависит от *акаши* и ее соотношений. Одна из четырех Вед, «Самаведа», вся состоит из пения. Это — собрание гимнов и *мантр*, петых во время жертвоприношений «богам», то есть стихийным силам. Понятно, что при знакомстве с естествознанием (а наши древние жрецы если и не были знакомы с естественными науками по новейшим методам химии и физики, зато знали много такого, до чего современные ученые еще не добрались), жрецы подчас и заставляли стихийных «богов» или слепые силы природы отвечать их молитвам различными знаменами. В этих *мантрах* каждый звук, малейший переход рассчитан и имеет свое значение; а, имея причинность, должен иметь, конечно, и свое действие. «Учение о звуке, говорит профессор Лесли, есть бесспорно самое неуловимое, тонкое и сложное из всей серии физических наук». А если кто когда уловил в полном совершенстве это учение, то, конечно, это древние

«риши», наши философы и святые, оставившие нам в наследство Веды...

— Я теперь начинаю лучше понимать, откуда взялось начало всех мифологических сказок греческой древности, — задумчиво проговорил полковник. — Басни о свирели бога Пана и его «сиринксе», семитростниковой дудке, о фавнах, сатирах и даже о лире самого Орфея... Я знаю, что древние греки имели мало понятия о гармонии, и, конечно, не их ритмические декламации в драмах (вероятно, никогда не доходившие даже до высоты современного, самого простого речитатива), поддерживаемые слабою лирой да свирелью Пана, могли когда-либо внушить им мысль о всечарующей лире Орфея. Я сильно начинаю склоняться к мнению многих из наших известных филологов и ученых. Подозреваю, что Орфей, самое имя коего ὄρφος или ὄρφνός, то есть темнокожий, свидетельствует, что даже между смуглыми греками он считался еще смуглее их самих, — выходец из Индии. Таково было мнение Ламприера и нескольких других...

— Ваше подозрение, быть может перейдет и в действительность когда-нибудь. Нет никакого сомнения, что самый высокий и чистый из музыкальных стилей древности принадлежит Индии. У нас все наши легенды приписывают магическое влияние музыке, как дару и науке, прямо ниспосланным на землю богами. И хотя мы вообще приписываем все искусства небесному откровению, но музыка стоит во главе всех прочих. Изобретение вины, инструмента вроде вашей гитары, принадлежит Нараде, сыну Брахмы. Вы будете очень смеяться, если я вам скажу, например, что наши древние *ундгатри* (певчие жрецы), обязанностью коих было служить при *ядаи* (жертвоприношении), знали кое-что из неведомых тайн естества в таком совершенстве, что посредством известных им комбинаций производили, безо всякого фокуса, заметьте, явления, которые во времена невежества принимались за проявление сверхъестественной силы. Явления, производимые «ундгатри» и «раджа-йогами», для посвященных *вполне естественны*, сколько бы ни казались чудесными непосвященным.

— Но разве вы... совсем, так-таки совсем не верите в наших духов? — приставала к нему мисс Б***. Она сильно побаивалась такура.

— Если позволите, *совсем* не верю.

— А... в медиумов?..

— Еще менее, уважаемая леди. Но в медиумизм, для которого у нас существует испокон века другое название — *бхута-дак*, в буквальном переводе «постоялый двор для чертей»,¹ верю, как и во всякую другую психическую болезнь. О настоящих медиумах сожалею, стараюсь им помочь, когда могу; а шарлатанов глубоко презираю, редко пропуская случай изблечить таких...

Предо мною промелькнула сцена в притоне ведьмы у «Мертвого города», катящийся с горы пойманный брамин-оракул и бегство старухи. Теперь для меня стало ясно то, чего я прежде не понимала: Нараян действовал по приказанию такура...

— Наши *анга-тиене*, — продолжал последний, — или «одержимые» этою неведомой для непосвященного «силой», в которой спириты видят духов, суеверные видят черта, скептики — фокус и обман, а настоящие ученые — не открытую еще наукой силу природы, всегда почти слабые женщины или дети. Вы стараетесь еще более развивать в таких их страшную душевную болезнь, мы же ищем спасти их от этой «силы», о которой вы ничего не знаете и о которой поэтому не стоит теперь рассуждать... Мы, сыны Индии, десять веков находимся в неволе у разных и часто не стоящих нас народов... Но покорившие нас нации покорили только наши тела, не нас самих.² С нашими душами им никогда не справиться! *Майвирупа*³ настоящего ария — свободна как сам Брахма; скажу более: для нас, в нашей религии и философии, он — наш дух — и есть сам Брахма, выше которого стоит один неведомый, вез-

---

¹ Слово *дак* — трактир, постоялый двор, а *бхута* — злая душа умершего человека, которой вследствие ее грехов преграждена дорога в *мокишу* — небесную обитель — и которая присуждена скитаться на земле. В философии индусов нет «чертей» или падших ангелов.

² *Ведантисты* или последователи философской системы *Шанкарачарьи*, говоря о себе, редко употребляют слово «я», а говорит, например: «это тело пошло», «эта рука взяла» и т. д., во всем касающейся физических или автоматических действий человека. «Я», «он» употребляется ими лишь касательно умышленных отправлениях. «Я думал», «я желаю идти» и пр. Тело в их глазах — одна шелуха, наружная оболочка внутреннего, невидимого человека, который и есть настоящий «я».

³ *Майвирупа* буквально — тело иллюзии или майи, настоящее эго: *камарупа* — тело желания или *воли*, произвольно созданное нашим сильным желанием (обладающим творческой силой, по понятиям индусов) — двойник наш, который и является там, куда желание посылает

десущий и всемогущий дух Парабрахма. Нашей *майявирупы* не покорить ни англичанам, ни даже вашим «духам». Ей никогда не быть рабой... А теперь пойдёмте спать.

его. При жизни таких внутренних тел у человека де столько же, сколько в луковице кожиц — каждое нежнее и тоньше, и каждое носит свое особое название, как обладающее полной независимостью от тела. После де смерти, когда земной жизненный принцип умирает вместе с телом, все эти внутренние тела соединяются во единое тело и, смотря по заслугам, либо поставлены на столбовую дорожку к *мокише*, на которой до окончательного освобождения от оков материи бесчисленное множество «станций», и тогда такая душа зовется *дэва* (божественной); или же она делается *бхута* — злою душой, и мучится на земле между скитанием в невидимом мире и трансмиграцией в разных нечистых животных. В первом случае, — *дэва* не станет сообщаться с живыми. Единственная нить, связывающая ее с землей, — загробная привязанность к тем, кого она любила и над кем она простирает свое влияние и покровительство и после смерти. *Любовь* переживает все другие земные чувства, и *дэва* может являться любимым людям во сне, или иллюзией (*майя*) на секунду, и не иначе, так как тело *дэвы* начинает постепенно, с минуты освобождения из земных оков, изменяться: с каждым переходом из одной сферы в другую она теряет кое-что из своей объективности, делаясь все неуловимее. Она де родится, живет и умирает в каждой новой сфере или *локе*, которая становится все субъективнее и чище; а в переходных состояниях она «дремлет в акаше» — в эфире. Наконец, освобождаясь от последнего земного помышления и греха — она становится *ничем* в вещественном смысле. Она потухает, как пламя, и, слившись в одно с Парабрахмой, живет в вечности жизнью духа, о которой ни паши материальные концепции, ни язык не в состоянии создать себе представления. Но «вечность» Парабрахмы не есть «вечность» души. Последняя, по выражению *веданты*, есть *вечность в вечности*. Насколько ни была бы жизнь души святою, но так как она имела свое начало и свой конец, то и заслуги, как и грехи ее, не могут награждаться или наказываться «вечностью Парабрахмы». Это было бы противно справедливости, «несоразмерно», — говорит философия *веданты*. «Один дух живет в вечности, не имеет ни начала ни конца, ни окраин, ни границ, ни центральной точки». *Дэва* живет в Парабрахме, как капля воды в океане, до будущего возрождения мира из *праляи* (периодически наступающий хаос, разрушение, или, скорее, исчезновение всех миров из области объективности). С новым великим циклом, *махаюгой*, она отделяется от «вечного», притягиваемая жизнью в объективных мирах, как капля воды притягивается солнцем и конкрезируется по обратной дороге на землю, из сферы в сферу, пока снова не опустится в грязь нашей планеты, и, пройдя малый цикл, снова на начнет подыматься на противоположной стороне круга. Так она вращается в *вечности* Парабрахмы переходя от одной концепционной меньшей вечности в другую. Каждая из этих «человеческих», то есть доступных уму, вечностей состоит де из 4 320 000 000 лет объективной и стольких же субъективной жизни в Парабрахме (где индивидуальность души, по учению *веданты*, вовсе не исчезает, как то полагают некоторые европейские ученые), то есть всего 8 640 000 000 лет. Эта цифра достаточна, по их понятиям, как для искупления самых ужасных грехов, так и для пожинания плодов добрых дел такого скоропреходящего периода, как жизнь человеческая. Одни души *бхутов*, когда в них угасает последняя искра раскаяния и желания изгладить грехи, *испаря-*

Оставив Мальву и «независимую» территорию Холькара в стороне, мы вскоре опять очутились в чисто британских владениях, на железной дороге к Джабалпуру и Аллахабаду. В первом городе мы останавливались — всего на несколько часов взглянуть на знаменитые «мраморные скалы». Не желая потерять целый день, мы отправились на лодке, выехав в два часа ночи, избегнув таким образом жары и совершив великолепную прогулку на реке за десять миль от города.

Джабалпур (на территории Саугора и Нербудды, в 222 милях от Аллахабада), город, находившийся когда-то на махратской, а теперь на британской земле.

Окрестности Джабалпура прелестны и представляют величайший интерес для любителей естествознания. Пред геологом и минералогом здесь является обильнейшее поле для ученых изысканий в необыкновенном разнообразии формаций гор, доставляющих всевозможные роды гранита, а длинный ряд скалистых гор способен удовлетворить сотню Кювье, задав им работы на целую жизнь. Известняковые пещеры Джабалпура — настоящий костник допотопной Индии: они переполнены остовами чудовищных, ныне вымерших зверей.

Но далеко в стороне от прочих хребтов и совершенно особняком стоят «мраморные скалы» — игра природы, каких в Индии немало. На довольно плоском, поросшем густым кустарником берегу Нербудды, ни с того ни с сего, как бородавка на гладкой щеке матери-природы, вдруг вырастает странной формы длинный ряд белоснежных скал. Но какие это скалы!.. Белые и чистые, словно отшлифованные в капризную форму свою рукой человеческой, они прихотливо громоздятся одна на другой, скорее походя на колоссальный пресс-папье с этажерки Титана, нежели на скалы. Уже с полдороги, при извилистых поворотах реки, они стали минутами являться нам, то выглядывая, то снова скрываясь, дрожа в предрассветном тумане, как далекий обманчивый мираж на небосклоне пустыни,

---

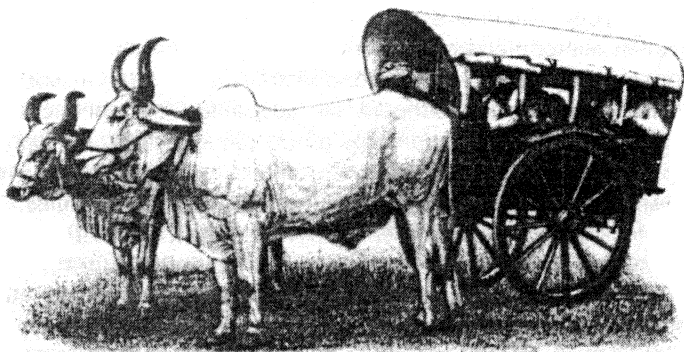
ются под конец. Тогда их божественный, неумиращий дух, отделясь от души навсегда, возвращается к своему первобытному источнику, душа рассеивается на свои примордиальные атомы и эго погружается во мрак вечного бессознания. Ее личность пропадает. Такова философия веданты касательно духовного человека. Поэтому индусы и не верят в возврата духов на землю, кроме случаев *бхутов*.

пока наконец совсем не скрылись. Но вот пред самым восходом солнца они снова и совершенно неожиданно явились нашим очарованным глазам, явились вдвойне, на берегу и в реке. Подобно заколдованному замку, вызванному по мановению волшебного жезла кудесника, они вдруг выросли словно из-под земли на зеленом берегу Нербудды, отражаясь, как в зеркале, во всей своей девственной красе на спокойной поверхности ленивых, сонных вод рукава реки, все на нас и тенью, и прохладой... А как дорого каждое мгновение предрассветной прохлады в Индии — знают лишь те, кто побывал, да пожил в этой огненной стране.

Увы! как ни рано отправились мы в путь, но по приезде к скалам нам недолго пришлось наслаждаться их прохладой. Едва успели мы причалить к волшебному берегу, предполагая среди этой поэтической обстановки прозаически напиться чаю, как взошло солнце и разом стало словно стрелять своими огненными лучами и по лодке, и по нашим злополучным головам; преследуя нас из угла в угол, оно наконец выгнало нас даже из-под нависшей над водой скалы. Из снежно-белых мраморные красавицы превратились в золотисто-пурпуровых, осыпая реку огненными брызгами, раскаляя прибрежный песок и ослепляя нам глаза... Недаром предание указывает, а народ видит в них не то жилище, не то превращение самой *Кали*, самой жестокой из богинь индийского пантеона. В течение уже многих лет злобная супруга Шивы ведет ожесточенную войну со своим благоверным, который под видом «Трикутишвары» (трехголового Линги) предьявляет незаконные права на скалы и реку, патронессой коих состоит его богиня Кали.

Потому-то, вероятно, каждый раз, как дерзновенная рука ни в чем неповинных работающих в правительственных каменоломнях кули (индийцев) отсечет кусок белого бедра богини, тотчас раздаются откуда-то словно подземные крики. И вот злополучный каменщик дрожит и колеблется между боязнью надсмотрщика и ожиданием мести кровожадного божества. Кали — патронесса не только скал, но и *экс-тагов* — удавителей, которые еще недавно наводили ужас на всех одиноких путников. Много бескровных жертв принесли эти *таги* на мраморном алтаре Кали; страна изобилует леденящими кровь рассказами об их страшных подвигах, совершенных будто бы в честь богини. Эти рассказы, еще слишком свежие в памяти

людской, чтобы перейти в разукрашенные легенды, совершенно правдивы, тем более, что они вполне подтверждаются официальными документами судебных и следственных комиссий.

Экипаж путешественников

Если Англия когда-нибудь оставит этот край (а она делает это не прежде, чем кость будет совершенно обглодана), то между немногими оказанными ею стране услугами на первом плане должно будет поставить полное искоренение *тагизма*. Под этим названием, как все еще, вероятно, помнят, практиковался в продолжение более 200 лет самый хитрый и ужасный род человекоубийства в Индии. Как дознались, наконец, в сороковых годах, то было разбойничество ради грабежа. Извращенные понятия о значении Кали являлись лишь ловким предлогом: в этом случае богиня служила злодеям одной ширмой. Иначе каким же образом объяснить присутствие стольких мусульман в среде ее поклонников-индусов? Большинство между «рыцарями *румали*» или священного платка, коим удавливали жертвы, явились в день расправы магометане; самыми знаменитыми между их вождями были не индийцы, а сыны пророка, как, например, Ахмед, так что в числе последних тридцати семи переловленных полицией *тагов* находились *двадцать два* мусульманина. Понятно, что религия последних, не имея ничего общего с богами Индии, не играла в этом случае никакой роли: побудительной причиной был попросту грабеж. Правда, окончательный обряд по-

священия в тагизм¹ был совершаем в лесах пред ужасным, покрытым четками из человеческих черепов идолом Бавани.² До того времени таг проходил курс учения, состоявший в преподавании особенно трудного приема набрасывать на шею не ведающей своей судьбы и заранее отмеченной жертвы румаль и душить человека так, чтоб он умер мгновенно, не испустив и малейшего стога. В этом обряде посвящения роль, которую приписывали богине, обозначалась известными символами, вроде тех, которые во всеобщем употреблении у франкмасонов: как, например, обнаженный кинжал, череп и даже воскрешаемый «гроссмейстером» ложи труп убитого Хирама Абифа, «сына вдовы». Кали служила не более, как сценической обстановкой для других целей. *Тагизм* был тем же франкмасонством, с особенными знаками взаимного распознавания, паролем и своим непонятным непосвященному жаргоном — только с преступною целью; между тем франкмасонство в наш век есть совершенно безвредное (кроме разве для карманов самих масонов) времяпрепровождение. Как масонские «ложи» принимают безразлично атеистов и христиан, так и таги принимали воров и разбойников всех наций, и даже говорят, будто между ними бывали англичане и португальцы.

Бедный поэтический Шива, несчастная Бавани! Какую гнусную роль изобрело для них народное невежество, олицетворив эти глубоко философские, полные поэзии и познания природы, типы! Шива, в своем первобытном значении — в одно и то же время всесокрушающая и всевозмещающая сила природы. Триада индусов — аллегорическое представление главных стихий: огня, земли и воды. Все трое: Брахма, Вишну и Шива, в своих различных фазисах, попеременно изображают эти стихии; но Шива бог огня гораздо более, чем Вишну: он сожигает и вместе с тем очищает, возрождая, как феникс из пепла, новые, полные свежей жизни формы. Шива-*Сункарен* разрушитель и Шива-*Ракиака* — возродитель. Он представляется с пламенем на левой ладони и с жезлом умерщвления и вместе воскрешения (*Сулайотхам*) в правой руке.

Мы посетили одного древнего старика, бывшего тага. Отбыв свой срок на Андаманской каторге, он вследствие искренних сознаний и каких-то услуг правительству был про-

---

¹ Слово «таг» (thug) означает просто вор или разбойник.

² Другое имя той же богини: таги звали ее *Бавани*.

щен. Вернувшись в родную деревню, он теперь безмятежно кончает дни, занимаясь веревочным мастерством, — профессия, выбранная им, вероятно, в силу приятных воспоминаний об удалстве юности. Он посвятил нас в искусство «тагизма», сперва в теории, а затем любезно предложил, если мы купим ему барана, показать нам свою ловкость и на практике. Он желал доказать нам, говорил он, как легко, менее чем в три секунды, отправить на тот свет живое существо: вся тайна искусства заключается в ловкой и быстрой игре суставами пальцев правой руки. Чуть, бывало, раздастся условный и роковой крик совы (птица, посвященная Бавани-Кали), будь там хоть двадцать ловко заманенных в западню путников — за каждым из них стоял уже таг. Одна секунда, и *румаль* уже на шее жертвы, а привычные железные пальцы тага крепко держат оба конца «священного платка»; еще мгновение — суставы пальцев, сдавливая шейную кость, совершали известный артистический поворот — и жертва падала бездыханной! Ни стона, ни крика... Таги поражали с быстротой молнии. Задушенного тотчас же уносили в заранее приготовленную в лесу, часто под руслом ручьев или временно высыхающих рек, глубокую яму и зарывали ее. След так и простывал. А тридцать лет тому назад, когда еще не было ни настоящих железных дорог, ни системы управления нынешней, кто знал или беспокоился об исчезновении отправившегося в путь мусульманина, либо индуса, кроме разве самых близких к нему людей? К тому же, страна наполнена тиграми, как видно, предназначенными судьбой отвечать за свои и за чужие грехи. Кто бы ни исчез, бывало, все один ответ: «тигры съели!..»

То была удивительно искусно организованная система! Ловкие сообщники, брамины, рыскали по всей Индии, заезжая преимущественно в большие города, расспрашивая и разузнавая на базарах — этих общественных клубах азиатских народов — когда и куда кто отправляется в путь; стращали путников тагами и советовали ехать с такой или другой партией — переодетых тагов, конечно. Успев заманить несчастных, они предупреждали разбойников и получали за эту комиссию смотря по заработку. Долго эти неуловимые, невидимые шайки, рассеянные по всей стране и работающие партиями от 10 до 60 человек, гуляли на воле, но, наконец, попались. Следствие открыло ужасные, отвратительные тайны: к этим шайкам принадлежали богатые банкиры, брамины-жрецы, мелкопоме-

стные раджи и даже несколько английских на государственной службе чиновников. За эту услугу Ост-Индская кампания воистину заслуживает народной благодарности в Индии.

Барана мы старому разбойнику не купили, а денег ему дали. Из благодарности он предложил было полковнику показать, на собственной его американской шее, все прелиминарные ощущения румалю, обещая, конечно, избавить его от последней, знаменитой «подвертки». Но наш президент великодушно отказался...

На обратном пути мы остановились. возле «Муддун-Махала» — другого беспричинного курьеза: это дом, построенный неизвестно кем и для чего, на огромном округленном валуне. Этот камень (должно быть сродни *кромлехам* кельтских друидов) при малейшем к нему прикосновении *качается во все стороны*, вместе с домом и теми, кто в него полюбопытствует залезть. Мы, конечно, полюбопытствовали, и только благодаря бдительности ходивших за нами, как нежные няньки, Нараяна, бабу да такура сохранили в целостности наши носы...

Удивительный народ эти туземцы! Не думаю, чтобы нашлась в природе такая штука, на которой бы они не могли усидеть с величайшим комфортом, только предварительно и слегка побалансировав. Вспрыгнет индус на колышек, на железную перекладину немногим толще телеграфной проволоки, подогнет под нее все десять пальцев цепких и длинных, как у обезьян, ног, присядет на корточки, да и сидит себе по целым часам...

— Салам, сааб! — говорю я раз сидевшему наподобие вороны на какой-то жердочке, у взморья, почтенному нагому старичку. — Чтò, покойно тебе сидеть, дяденька?.. И не боишься свалиться?..

— Затем валиться?.. — серьезно отвечал «дяденька», сплюнув в сторону кровавый фонтан разжеванного бетеля. — Ведь я не дышу, мэм сааб...

— Как не дышишь? Да разве может человек не дышать? — вопрошала я, немного ошеломленная таким сведением.

— Нет... не дышу теперь. А вот минут через пять, как стану снова набирать воздух в легкие, так тогда и попрдержу рукой за столб... А затем я снова стану сидеть спокойно и не дыша...

На этом необычайном физиологическом заявлении мы с ним тогда и расстались. Ничего не добились мы более от поч-

тенного старины, а только ушли с внутренним убеждением, что он мог бы зарабатывать большие деньги на любом театре Европы, как акробат. Но этот случай разом перепутал все наши «научные» соображения.

Мы недавно слышали, что йоги и другие практиканты *гупта-видьи* (тайной священной науки) в Индии славятся тем, что открыли секрет не дышать от 21 до 43 минут сряду и — все-таки не умирать! Некоторые из них, годами ежедневной, постоянной практики, приобретают, так сказать, свойство *гибернации*: впадают, как некоторые животные, в спячку и, оставаясь в таком положении без дыхания и даже малейших признаков жизни, позволяют зарывать себя в землю на несколько недель, даже месяцев, а затем — оживают!.. Мы, наконец, сами увидели подобную штуку; но в дни курьезного ответа, полученного мною от старика, мы были знакомы с этим явлением только по книгам и рассказам очевидцев-путешественников, да некоторых из наших туземных знакомых. Правда, по показанию одного английского хирурга Котопы (*Coathope*), долго не верившего этой способности прекращать на время дыхание, но наконец сдавшегося, как он выражается, «пред фактом», один такой, лично ему известный, йог мог оставаться без дыхания от семи до двенадцати минут. А ведь физиология положительно учит, что даже у здоровых арабских и сингалезских водолазов удушье наступает не позднее как через полторы, много две минуты полного пребывания тела под водой. Затем, хотя некоторые из нас верили в существование природных, но затаенных в человеке сил, вызываемых только вследствие особенного «режима», о которых наука, имевшая доселе чрезвычайно поверхностное знакомство с йогами и индийскими «заклинателями», знать еще не могла, другие, как мисс Б***, верили в спиритизм, а третьи, как У***, не верили ни во что, — но все мы, как верующие, так и неверующие протестовали против такого странного явления. Неужели же нам верить в подобные глупости? рассуждали мы. До сих пор мы наивно воображали, что только один осетр с К° догадался, с целью удобнейшего выплывания на поверхность воды, делаться относительно легче, наглатываясь сколько возможно более воздуха и наполняя им не только брюхо, но вдобавок и плавательный пузырь. Осетру это возможно, но человеку!.. Да если, положим, и для человека существует в исключительных случаях такая возможность

делать воздушные запасы, то все же это редко и трудно приобретаемый дар: употреблять же его для сидения на жердях по-птичьи — просто ни с чем несообразная глупость!.. Мы решили, что старец прихвастнул, чтобы посмеяться над «белыми саабами». Но необходимый процесс для такого оригинального сидения, как мы узнали позднее, он описал верно.

В те дни, однако, мы даже немного обижались подобными объяснениями, принимая их за насмешку. Но вот опять, и на этот раз в Джабалпуре, нам пришлось увидеть явление еще «почище». Проходя по берегу реки, вдоль так называемой «факирской аллеи», такур нам предложил завернуть во двор пагоды. Это место священо, и европейцев туда не пускают; как и мусульман. Но Гулаб Синг поговорил с главным брамином, и мы вошли. Двор был полон поклонников и аскетов, и между прочими мы заметили трех совершенно голых и весьма древних факиров. Черные, сморщенные, худые, как скелеты, с седыми, как лунь, шиньонами на головах, они сидели или, скорее, стояли в самых, как нам показалось, *невозможных* позах. Один из них, опираясь *буквально одною правою ладонью в землю*, стоял, перпендикулярно вытянувшись, головой вниз и ногами вверх: тело его было так же неподвижно, как если бы вместо живого человека он был сухим древесным сучком. Голова не касалась земли, но, приподымаясь немного вверх в самом ненормальном положении, закатывая глаза, тарасила их прямо на солнце. Не знаю, правду ли или нет говорили словоохотливые, подошедшие к нашей компании городские обыватели, уверявшие, будто этот аскет проводит в подобной позе все дни жизни своей от полудня до солнечного заката. Но знаю одно: мы провели с факирами *ровно час и двадцать минут*, и во все это время факир не пошевелил ни одним мускулом!..

Другой стоял на одной ноге на круглом, вершка в три в диаметре, камешке, называемом ими «священным камнем Шивы», поджав другую ногу под животом и выгнув все тело назад дугой; он также тарасил глаза на полуденное солнце. Обе руки были сложены ладонями вместе и воздевались как бы в молитве... Он казался приклеенным к своему камешку. Почти невозможно было вообразить себе, каким способом человек мог дойти до такой эквилибристики...

Наконец, третий сидел поджав под себя ноги; но как он мог сидеть — было столь же непонятно. Седалищем ему слу-

жил каменный *лингам*, вышиной с уличную тумбу, но толщиной не более окружности камешка Шивы, то есть вершка в три, много четыре в диаметре. Руки сидевшего были переплетены пальцами за шеей, а ногти глубоко вросли в верхние части рук.

— Этот никогда не изменяет позы, — говорили нам. — Он сидит в этом положении уже лет семь...

— Но как же он ест? — спрашивали мы в недоумении. Ему приносили есть — или, скорее, пить — молока, раз в 48 часов, из пагоды, вливая ему в горло посредством бамбука. Его ученики (всякий такой аскет имеет своих добровольных слуг, кандидатов на святость) снимают его в полночь и полощут в танке; а обмыв, ставят назад на тумбу, как неодушевленную вещь, ибо он более не разгибается.

— Ну, а эти? — спрашивали мы, указывая на двух других. — Ведь они должны постоянно падать? Малейший толчок должен опрокинуть их?..

— Попробуйте... — посоветовал нам такур; — пока человек находится в состоянии *самадхи* (религиозный транс), его можно разбить, разломать на куски, как глиняного идола, но сдвинуть с места его нельзя...

Дотрагиваться до аскета во время транса считается индусами за святотатство; но, видно, такур был хорошо знаком с исключениями «не в пример прочим». Он опять вступил в переговоры с нахмуренным, сопровождавшим нас брамином и, окончив быстрое совещание, объявил, что из нас никому не дозволяется трогать факира, но что он получил позволение, и покажет нам то, что еще более удивит нас. С этими словами, приблизясь к факиру на камешек и осторожно взяв его за костлявые бедра обеими руками, он приподнял его и поставил на землю немного в стороне. В теле аскета не пошевелился ни один сустав, словно вместо живого человека то была бронзовая или каменная статуя. Затем он поднял камешек и показал нам его, прося однако же не дотрагиваться — дабы не оскорбить присутствующих. Камень был, как уже сказано, круглый, плосковатый и довольно неровный. Лежа на земле, он раскачивался при одном прикосновении пальца...

— Вы видите, насколько не солиден этот избранный факиром пьедестал? И, однако же, под тяжестью аскета камень остается неподвижным, как бы вращая в землю.

И, взяв снова факира на руки, он переставил его на прежнее место. Тот, несмотря на закон тяготения, которое по всей

очевидности должно было увлечь его далеко перегибающееся назад дугой туловище и голову, как будто мгновенно и вместе с камнем прирос к земле, не изменив положения ни на одну линию. Как это они умудряются достигать такого искусства, про то знают лишь они одни. Я заявляю факт, а объяснять ничего не берусь.

У ворот пагоды мы снова надели нашу обувь, которую нам велели снять у входа, и вышли из этого *святнища* вековых тайн, смущенные более, тем до входа, в него.

Индия страна неожиданностей; даже для обыкновенного наблюдателя все в ней с точки зрения европейца происходит шиворот на выворот: от мотанья головой, которое всюду понимается как жест *отрицания*, а здесь означает полное *утверждение*, до обязанности хозяина выпроваживать самого приятного гостя, который иначе просидит целую неделю на своем месте и, пожалуй, даже умрет с голоду, но не уйдет без приглашения, — все здесь противоречит нашим западным идеям. Спрашивать, например, о здоровье жены, даже если она и знакома с вами, или сколько у человека детей, и есть ли у него сестры, — верх оскорбления. Здесь, когда вы находите, что гостю время уходить, вы кропите его розовою водой и, повесив ему на шею гирлянду цветов, любезно указываете на дверь, приговаривая: «Теперь я прощаюсь с вами... Заходите опять!» Станный, оригинальный народ вообще; но еще страннее и непонятнее их религия... За исключением некоторых отвратительных обрядов известных сект, да злоупотреблений со стороны браминов, религия индусов, должно быть, имеет в себе нечто глубоко и непонятно привлекательное, если она способна совращать с пути истины даже англичан. Вот что, например, случилось здесь несколько лет тому назад.

Появилась одна интересная и чрезвычайно ученая, хотя по содержанию своему переворачивающая вверх дном всю современную науку, брошюра. Она была написана по-английски и напечатана в небольшом издании полковым доктором медицины и хирургии Н. С. Полем в Бенаресе. Слава Поля, как ученого специалиста по физиологии, была велика между его соотечественниками англичанами: он одно время считался авторитетом в медицинском мире. Брошюра трактовала о виденных доктором между аскетами примерах «спячки», продолжавшейся в одном случае восемь месяцев, о *самдхи* и других явлениях, производимых *йогами*. Появившись

под заглавием «Трактат о философии *йога-видьи*», эта брошюра разом взбудоражила представителей европейской медицины в Индии и возбудила яростную полемику между англо-индийскими и туземными журналистами. Д-р Поль провел 35 лет в изучении невероятных, но для него совершенно несомненных фактов «йогизма». До *раджа-йогов* он никогда не мог добраться, и с большим прямотушием и видимым сожалением сознается в этом; но он вошел в дружбу с факирами и *светскими* йогами, то есть теми, которые не скрывают своего сана и иной раз соглашаются сделать и европейца свидетелем некоторых феноменов. Д-р Поль не только описал самые странные совершавшиеся на его глазах факты, но даже и объяснил их. *Левитация*, например, нечто идущее совершенно в разрез с признанными законами тяготения и против чего так восставал астроном Бабине, объясняется им научно. Но главное, что помогло ему проникнуть в некоторые, считавшиеся доселе непроницаемыми, тайны, это его горячая дружба с капитаном Сеймуром. Последний, лет 25 тому назад, произвел в Индии, особенно в армии, беспрецедентный скандал: капитан Сеймур, богатый и образованный человек, принял брахманскую веру и пошел в *йоги*! Его, конечно, объявили сумасшедшим и, поймав, насильно отправили в Англию. Сеймур бежал из Англии и снова явился в Индии, в одежде *саньяси*. Его схватили во второй раз, посадили на пароход, привезли в Лондон и заперли в доме умалишенных. Через три дня, несмотря на запоры и часовых, он исчез из заведения. Его потом снова встретили знакомые в Бенаресе, а губернатор получил от него письмо из Гималайских гор. В письме он объявлял, что никогда не был сумасшедшим, невзирая на то, что был посажен в больницу; он советовал генералу не мешаться более в его частные дела и говорил, что никогда уже не вернется в цивилизованное общество. «Я *йог* (писал он) и надеюсь умереть не ранее, как достигнув цели моей жизни: сделаться *раджа-йогом*». Генерал не понял, но махнул рукой. С тех пор никто из европейцев уже не видал его, никто, кроме д-ра Поля, который, говорят, переписывался с ним до самой своей смерти и даже два раза ездил в Гималаи — *ботанизировать*. Главный инспектор медицинского департамента, взирая на сочинение Поля как «на прямую пощечину науке в лице физиологии и патологии», приказал скупить по дорогой цене от частных лиц все вышедшие экземпляры и принести их в

жертву этой науке, предав публичному сожжению. Брошюра вследствие этого стала редкостью. Из нескольких спасенных книг одна находится в библиотеке махараджи Бенаресского, а один экземпляр такур подарил мне.

Поезд в Аллахабад отправлялся в 8 часов вечера, и нам приходилось провести всю ночь и до 6 часов утра в дороге. Хотя у нас был свой десятиместный вагон I класса, в котором не было места для посторонних лиц, однако, по разным причинам, я была уверена, что не усну во всю ночь. Поэтому, заранее запасшись свечами для ручного фонаря, я готовилась преступить железнодорожный закон и читать всю ночь интересовавшую меня брошюру д-ра Поля. Часа за полтора до отъезда мы отправились все гуртом отобедать за общим столом в *Refreshment Rooms*, то есть в буфет дебаркадера. Наше появление произвело видимое впечатление: мы занимали с четырьмя индусами весь край стола, за которым находилось человек пятьдесят первоклассных пассажиров, тарачивших на нас удивленные, полные нескрываемого презрения, глаза. Европейцы, братающиеся с индусами!.. Индусы, обедающие с европейцами!.. Сдержанный шепот стал переходить в громкие восклицания, и одна важная леди даже не вытерпела: встала из-за стола и ушла. Если бы не внушительное присутствие, несомненно, родного типа: англичан У*** да мисс Б***, и полковника, которого все принимали за английского офицера, наверно случился бы скандал. К такуру подошли два англичанина и, пожав ему руку — тоже редкостное происшествие — отвели его в сторону как будто для дела, но в сущности для удовлетворения любопытства: они оказались его старыми знакомыми. На других индусов никто не обратил ни малейшего внимания. Здесь мы узнали в первый раз, что за нами следит полиция. Такур, указав на розового, с длинными белокурыми усами капитана в белом кителе, быстро шепнул мне: «остерегайтесь»... То был агент тайной полиции из политического департамента, посланный вслед за нами из Бомбея. Услыхав это приятное для нас известие, полковник расхохотался на всю залу, что еще более взволновало кушавших альбионцев. Мы узнали позднее, что все слуги отеля *обязаны* шпионить. Но в Индии обычай — водить за собой всюду собственных слуг, даже на званые обеды: поэтому и за нашими стульями торчало по одному индусу, а за такуром находились его четыре щитоносца и двое слуг. Неприятель был таким обра-

зом совершенно отрезан этой армией голоногих защитников, и отелным шпионам оставалось мало шансов подслушать наши разговоры; да нам к тому же и нечего было скрывать. Но, признаюсь, на меня это известие подействовало очень скверно. Наконец, этот неприятный обед кончился. Устроившись на ночь в вагоне, я принялась за свою брошюру...

Между прочими интересными вещами, д-р Поль обстоятельно и весьма научно объясняет тайну периодически прекращаемого *йогами* дыхания и некоторых других, по-видимому, совершенно невозможных феноменов, которые он наблюдал неоднократно собственными глазами. Его теория «дыхания» вкратце следующая:

Йоги открыли тайну и приобрели способность хамелеона присваивать себе поочередно все видимые или кажущиеся условия полноты и худобы. Это животное, как известно, наполнив легкие воздухом, то является весьма толстым, то вдруг, освободясь от наполняющего его воздуха, чрезвычайно тщедушным. Многие из пресмыкающихся получают этим же способом надувания тела возможность, по мере являющейся надобности, переплывать большие реки, а посредством остающегося, по окислению крови, излишка воздуха, приобретают чрезмерную живость вообще как на суше, так и на воде. Способность запасаться большим количеством воздуха, нежели то необходимо, есть характеристическая черта всех животных, подвергающихся *гибернации* или *спячке*. Древние индусы-философы, подметив эту способность, воспользовались ею и усовершенствовали ее. Прием, употребляемый *йогами*, известный под именем *бхаштрика кумбхарка*, состоит в следующем:

Йоги, желающие приобрести этот дар, удаляются в подземные пещеры, где атмосфера однообразнее и влажнее, нежели на земной поверхности, и где поэтому и позыв на пищу гораздо слабее. Аппетит человека пропорционален количеству углекислоты, выдыхаемой в известный промежуток времени. Поэтому *йоги* никогда не употребляют соли, а живут одним молоком, питаясь им раз в сутки по ночам, а дни проводя в полукаталептическом состоянии. Двигаются они весьма медленно, дабы как можно реже дышать: движение увеличивает количество выдыхаемой углекислоты; и вот философия *йогов* предписывает им *избегать движения*.

Количество выдыхаемой углекислоты увеличивается при громком и оживленном разговоре и уменьшается при тихом:

йога учат говорить медленно и тихо, и часто заставляют давать обет молчания. При *физическом* труде количество углекислого газа также возрастает, а при *умственном* оно убывает: поэтому *йоги* проводят жизнь в созерцании и размышлении. Йоги практикуют два рода методов: *надмасанна* и *сиддхасанна*, для возможно более редкого дыхания. Вот что говорит «Шика-Деви»: ¹

«Скрести обе ноги; выпрями крепко спину и шею, положи ладони на колени, зажми рот и начни сильно выдыхать воздух через обе ноздри. Затем вдыхай и выдыхай с возможною быстротой, пока не почувствуешь дурноты: тогда начни вдыхать в себя воздух через правую ноздрию и, наполнив оным легкие, тотчас же останови дыхание и старайся смотреть на кончик носа. Затем выдыхай воздух через левую ноздрию, после этого вдыхай снова через правую. Останови опять дыхание; прекратив его, начинай снова весь процесс через правую ноздрию», и проч.

«Получив дар практиковать вышеупомянутые созерцательные позиции в продолжение двух часов кряду», говорит Поль, «йоги начинают практиковать *пранаяму* — степень самопроизвольного столбняка (*transe*), характеризуемого обильною испариной, дрожанием всех членов и чувством необычайной легкости во всем организме. Затем йоги практикуют *пратнахару* — степень самопроизвольного транса, в коем происходит полное бездействие (*suspension*) всех пяти чувств. За этой степенью йоги изучают процесс *дхараны* — степень произвольного столбняка, в котором не только их физические чувства, но даже и все умственные способности замирают: человек погружается в полную каталепсию ума и тела. Этот столь обильный физическим страданием и требующий самой твердой решимости прием доводит йогов до *дхианы* — состояния «полного невыразимого блаженства». По их словам, они плавают в океане вечного света или электричества акаши (*Анаита Джюоти*, на который они и указывают как на «Душу Вселенной»). В состоянии *дхианы* йог делается ясновидящим. *Дхиана* йогов — то же, что *турия-авастха* ведантистов, к которым принадлежат *раджа-йоги*.

«*Самадхи* — последняя степень (продолжает Поль). В этом состоянии йог, подобно летучей мыши, ежу, сурку при-

---

¹ Известный йог и чудодей II столетия до Р. Х.

обретает дар переносить отсутствие атмосферического воздуха и лишение пищи и воды. Я лично наблюдал, в продолжение 25 лет, три случая *самадхи*: первый случай в Калькутте, второй в Джессельмире, а третий в Пенджабе. Все три *йоги* погрузились в состояние кажущейся смерти, герметически затыкая языком своим горловое отверстие. Каким образом Пенджабский факир (о котором пишет д-р Мак-Грегор, ручаясь за достоверность случая, коего он был сам очевидцем) мог прожить без пищи 40 дней и ночей, зарытый в стеклянном ящике в землю, это удивляло много ученых людей в Европе; но я видел случаи еще страннее. На основании *лагимы* и *гаримы* (запаса воздуха в легких, на манер хамелеона), один мадрасский брамин в моем присутствии держался на воздухе пять раз от 4 ½ до 12 минут... Но все это лишь физические феномены, производимые *хатха-йогами*. Каждый из них подлежит исследованию естественных или физических наук, и всегда интересовал меня гораздо менее феноменов из области психологии. И со всем этим мне в этом отношении не посчастливилось в Индии. Из числа трех встреченных мною в течение 35-летней моей карьеры в Индии *раджа-йогов* ни один не решился открыть мне малейшей из приписываемых им великих тайн природы, невзирая на их ко мне расположение. Один напрямик отказался от приписываемого ему могущества; другой откровенно сознался, что обладает таким могуществом и даже не раз доказывал мне оное на деле, но отказался ото всякого по этому поводу объяснения. Наконец, третий согласился кое-что объяснить мне, если я ему поклянусь никогда и никому не объявлять того, что от него узнаю, даже и на смертном одре. Так как в этом случае моей единственной целью было желание просветить погрязший в невежестве и атеизме мир, то, признаюсь, я отказался. А дар *раджа-йогов* несравненно интереснее и в тысячу раз важнее для мира, нежели феномены *хатха-йогов*. Этот дар чисто психический: *раджа-йоги* к знанию *хатха-йогов* присоединяют всю шкалу умственных феноменов. Приписываемые им дары, по крайней мере в священных книгах, следующие: 1) дар пророчества и предвидения грядущих событий; 2) понимание всех незнакомых им языков; 3) целение недугов; 4) искусство читать чужие мысли; 5) слышать разговоры и все происходящее за несколько тысяч миль; 6) понимание языка зверей и птиц; 7) *прокамия* — способность останавливать руку времени, сохраняя юношескую

наружность в продолжение долгого, почти невероятного периода времени; 8) способность оставлять собственное тело и переходить в другое; 9) *вазитва* — дар укрощать и даже убивать самых диких зверей *одним взглядом*; и наконец, самое ужасное — месмерическая сила, вполне подчиняющая себе людей и одним действием воли заставляющая их бессознательно повиноваться невыраженным приказаниям йогов».

Несколько из упомянутых феноменов Поль видел и убедился в их объективной реальности; действительности же других, — «видев так много столь же непонятного», по его словам, если не верит, то и не отрицает. Но за что он вполне ручается, это за то, что *йог* может по желанию прекращать и задерживать дыхание до 43 минут и 12 секунд...

О наука!.. Неужели и ты, как все прочее, одна суета сует? Физиология, в виде д-ра Лефевра и цитирующего его другого доктора медицины, члена Королевского Общества и вдобавок вице-президента Королевского Общества Медиков, ученого Суэна Тейлора, уверяет нас, что «еще ни один живой водолаз, кто бы он ни был, не выдерживал полного затопления тела более *двух минут сряду*». А сам автор добавляет, что пока человек не рыба, совершенно немислимо, чтоб он мог выдерживать в воде даже *полмишутой* длительности.¹

Стало быть, рассуждать нечего: наука решила, и не нам легковверным профанам противоречить ей. Но несомненно, что в Европе ровно ничего еще не знают ни о приемах *йогов*, ни о средствах, употребляемых с самых древних времен философами Индии для постепенного, так сказать, «перерождения» всего человеческого организма. Стало быть, в этом по крайней мере случае, все, что наши ученые физиологи имеют право заявить, ограничивается приблизительно следующим: «Явления жизни, которые мы изучали, исследуя их под *известными* нам, так называемыми нормальными и ненормальными условиями, мы изучили хорошо и вполне ручаемся за правильность наших выводов...». Однако почему бы, кажется, им тут же не прибавить: «Но, не имея претензии уверять мир в нашем полном знакомстве со всеми неизвестными, как и известными силами природы, существующими или же могущими развиться при неизвестных еще нам условиях, мы не име-

---

¹ The Principles and Practices of medical jurisprudence by A. Suaine Taylor, M. D. F. R. S. etc. Vol II, 1873, p. 5.

ем поэтому и права преграждать кому-либо стремления к более смелым исследованиям в области, до которой мы сами по великой нашей осторожности (а подчас и нравственной трусости) еще не дошли, стремления к открытию высших, хотя и редких явлений в человеческой природе. Не осмеливаясь утверждать, будто человеческий организм совершенно неспособен к развитию в нем трансцендентальных способностей, проявляющихся лишь при особенных, часто и неизвестных еще науке условиях, мы не желаем и ограничивать наших исследователей одними нашими научными открытиями...»

Произнося столь благородную и вместе скромную речь, гг. физиологи (не исключая и нашего зубастого д-ра Карпентера) разом заслужили бы благодарность потомства. Их ученые коллеги, не опасаясь более прослыть (невзирая на все предшествующие великие их заслуги в науке) за невменяемых, впавших в детство, легковверных субъектов, принялись бы исследовать все таковые явления серьезно и беспристрастно, а не «под шумок», как это делается теперь иными, из боязни, чтоб их не накрыли на месте преступления. Все феномены «спиритизма» перешли бы тогда из области материализующихся «тещей» и «бабушек», до бабьего гадания, в область чисто психо-физиологических наук, и пресловутые «духи», по всей вероятности, испарились бы. Нетленный же и, уж конечно, «не от мира сего» дух стал бы и более доступным и более понятным человечеству. Оно лишь тогда уяснило бы себе гармонию целого, усмотрев, как тесно, неразрывно связан мир видимый с миром невидимым. Но, как весьма глубоко выразился один из уважаемых русских ученых, профессор Бутлеров, «все это подлежит знанию, увеличение же массы знания может только обогащать, а не упразднить науку. Нужно, чтоб это совершилось в силу строгого наблюдения, изучения, проверки опытом, чтобы пришли к нему руководясь *положительным научным методом*, так же как приходят к признанию каждого явления природы. Мы зовем не к слепому вероятию, по примеру давно прошедших лет, а к знанию; не к отречению от науки, а к расширению ее области...»

Тогда и Геккель с эволюционистами, и Альфред Россель Уоллес со спиритуалистами, оба изъявили бы полное удовольствие. Ибо что же в самом деле мешает человеку иметь два принципа в своем начале: один чисто-духовный, другой чисто-животный принцип? Право, не подобает даже и вам,

великие ученые, стараться остановить «влияние Плеяд», предлагая себе в путеводители хотя бы даже «*Актуршо* с сыновьями». Неужели никогда не случилось вам применить к вашей собственной умственной гордости вопросы, некогда предлагавшиеся «голосом из вихря» многострадальному Иову? Хотя вы и умудрились поймать *левиафана* в пучине морской, продернув ему крючок в нос, но все же, говоря словами книги Иова, «разве вы присутствовали при построении основ мира сего, и отверзались ли когда пред вами врата смерти», чтобы так уверенно утверждать, что здесь, а не там... «обитель вечного света»?..

— Аллахабад!.. Алла-ха-бад!.. — раздался крик кондукторов. Было шесть часов утра, когда наш поезд, шипя и раскачиваясь, с грохотом подошел к великолепному дебаркадеру Ост-Индской железной дороги, и разом рассеял мои думы. Все мои спутники проснулись и засуетились, все, кроме такура, который имел обыкновение исчезать на станциях, словно проваливаться сквозь землю. Но мы уже свыклись с его оригинальными выходками и даже не осведомились о нем. На станции нас ожидал профессор санскритского языка — пандит Сэндер Лалл Баттачарья, в дом коего мы все и были приглашены. Красивый, дородный мужчина, с мускулистыми голыми ногами, гордо драпирующийся в красную расшитую золотом кашемировую шаль и с ярким *пэгери* на длинных черных волосах, — таков был наш хозяин. Здесь тип совершенно изменяется. Не видать более бритых махратских голов, увенчанных шлемообразными тюрбанами. Длинные волосы, черные бороды и дорогие шали, накиннутые наподобие римских тог.

В самом центре туземного или «черного»¹ Аллахабада, среди лабиринта улиц, переулков и садов, находится дом пандита Сандера Лалла Баттачарьи, куда он нас всех и пригласил. Было всего восемь часов утра. Дом исчезал в роскошной зелени густых тиковых деревьев, и луч солнца, казалось, никогда не добирался до внутренних обширных и темных комнат. Со всем этим нам разом стало невыносимо жарко. В начале апреля, до полудня, стояла 120-градусная (по Фаренгейту) жара в тени! Тотчас по приезде мы уселись на коврах и, полулежа на

---

¹ Все города Индии, где только живут англичане, делятся на *черный* и на *белый* город. В последнем индусам жить не дозволяется.

мягких подушках из пальмового листа, боялись пошевелиться. Минутами ветерок, прорываясь сквозь мокрую ткань кускуса, веял нам в лицо ароматической прохладой, а панки,¹ раскачиваясь безостановочно над нашими головами, рассекали душный воздух, позволяя нам хоть минутами вдыхать вместо раскаленной атмосферы глотки искусственного воздуха...

Мы провели три дня в Аллахабаде. Ровно в три часа ночи мы отправились осматривать город и окрестности, и возвращались к семи часам утра завтракать; затем бросались в общей темной зале на ковры, под панки, и спали до четырех часов пополудни. Напившись чаю «со льдом», отправлялись снова рыскать, изучая древности и являясь домой только в десятом часу вечера *обедать*. Ночью мы не спали, а садились *дышать* в саду до зари...

Город расположен на юго-восточной окраине *Дуаба* — «земли двух рек», на песчаном, образовавшемся вследствие слияния Ганга и Джумны мысе.

«Белый город» (местопребывание европейцев) расположен вдали и в стороне от «черного» города туземцев. Он состоит из огромных, широких, пересекающих друг друга аллей, с великолепнейшими деревьями, по которым прыгает множество белок. В больших, совершенно закрытых садовыми стенами дворах расположены бунгало англичан, похожие скорее на богатые загородные виллы, чем на городские жилища. «Белый город», таким образом, вовсе и не город. За исключением нескольких прекрасных площадей, Аллахабад просто гигантский парк, имеющий 32 мили в окружности, симметрически усеянный на расстоянии четверти мили одна от другой загородными дачами. Здесь чопорная колония британцев, вздыхая по своей туманной родине, старается создать вокруг себя искусственный Лондон. Здесь этикет царствует неумолимым деспотом. Дамы, с утра затянутые в корсет, проводят время,

---

¹ *Панка* — общий веер. Их устраивают в каждой комнате, особенно в спальнях, иначе можно задохнуться. Это толстые, стеганные на вате полотнища, растянутые во всю ширину комнаты под потолком, иногда в несколько рядов; они приводятся в движение веревками, продеваемыми сквозь стену на веранду. За стеной сидят день и ночь *панкавалли* (кули), которые сменяются каждые два часа и неустанно раскачивают эти *панки*. Писать невозможно во время их движения: все летает по комнате, панки производят постоянный ураган в миниатюре и иногда во время испаринь сильно простужают.

делая друг другу церемонные визиты; два раза в неделю назначена великосветская «пуджа» — официальный прием. Церемониальные обеды между коротко знакомыми называются обедами «запросто»; но на эти дружеские трапезы мужчины являются во фраках и белых галстуках, а дамы в бальных платьях и бриллиантах. И все это при 120° F тепла!.. Обедают в 8 часов, разъезжаются около десяти вечера, так как здесь все встают в 5 часов утра. Жизнь интеллектуальная во всех отношениях... Во время нашего первого визита в Аллахабад никто из нас не счел нужным оставить свою карточку у здешней богини-патронессы провинции — леди Купер; поэтому на нашу партию стали взирать еще с бóльшим подозрением. Кто же кроме «русских шпионов» осмелился бы выказать такое неуважение к представительнице в Северо-Западных провинциях самой императрицы Индийской?..

В первый день мы отправились (получив на то с большим затруднением позволение от начальства) осматривать крепость. Вероятно, опасаясь, чтобы мы не сняли плана крепости, англичане отправили вслед за нами с полдюжины шпионов: за нами как тени следовали полицейские (мусульмане), а вдали выглядывал наш приятель — капитан Ленг. Он мог бы и не беспокоиться: пред этими останками древней, некогда величественной Праяги, столицы Индии брахманской, затем буддистской и, наконец, мусульманской, — мы всецело углубились в прошлое и совершенно забыли о настоящем...

Праяга-Аллахабад одно из самых древних мест Индии, тесно связанное с ее прошлою туманною историей. Здесь риши периода Вед — великие патриархи Индии, вдохновляемые поэзией, — впервые складывали свои брахманские толкования. Одушевляемые ревнивым религиозным усердием, по своим последствиям всегда для потомства опасным, ибо, тщательно оберегая от нескромного ока непонятные невежественным массам философские истины, оно отстраняет от них народ, предоставляя ему довольствоваться собственными умозрениями, — риши эти были первыми сеятелями злокачественных семян язычества в Индии. Скрывая под поэтической оболочкой аллегорий и эмблем абстрактные, ими одними в беспредельном мирозерцании узреваемые качества Божества, они, в своих стараниях соделать эти отвлеченные качества доступными массам, не профанируя их, превратили вскоре каждый атрибут в отдельного бога и богиню. Следст-

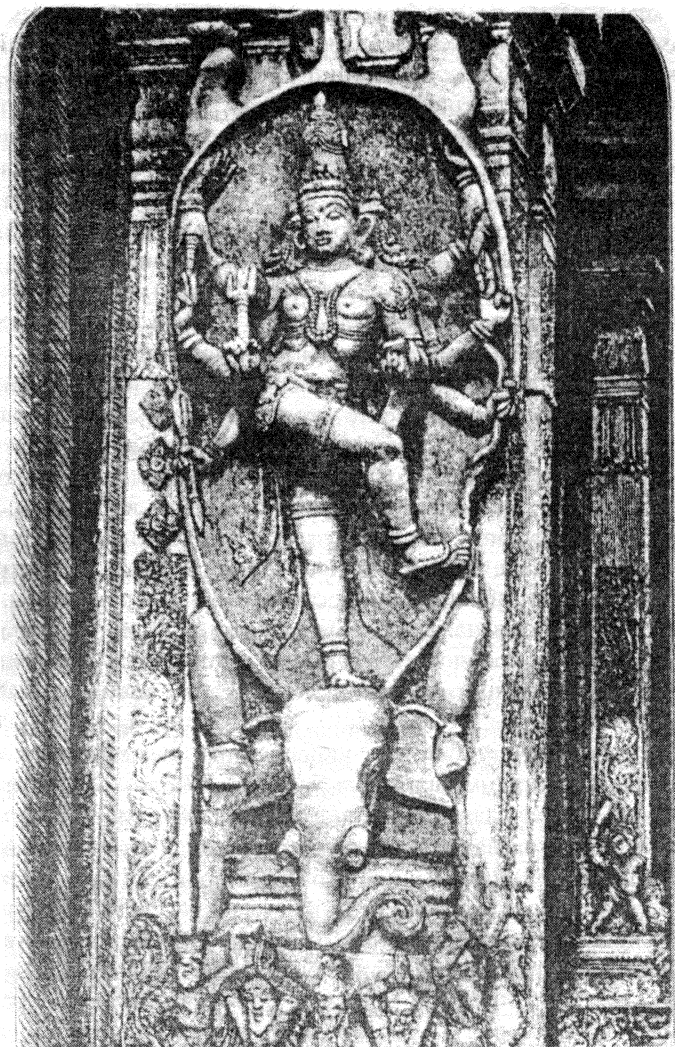

вие этого народ и «сотворил себе кумиров». И стал он с тех пор прозревать истину во лжи, и один обман — в истине; последняя же осталась всецело в ревнивых руках древнего и ученого духовенства. Так было в древности в Египте, так было в Греции, в Халдее, везде. Недаром Сарасвати, богиня тайных наук природы, глубоко скрывается в своем подземном течении от глаз демонов материализма: она является лишь тем, кто неутомимо и неуклонно преследует ее, докапываясь до чистых источников ее живой воды; на земле же и пред очами легковверных масс она разъезжает на чванливом павлине, стоглазый хвост коего распущен на солнце, а глаза слепы к сиянию дня... И только первых, жаждущих ее учения, она голубит и поит, утоляя палящую жажду своих верных поклонников, успокаивая их вечное стремление к неведомому и для всех прочих недостижимому. Но увы! прямых наследников ришей Индии и иерофантов древнего Египта мало; а недостойным, якобы «посвященным», имя — легион.

Когда мы подъезжали к гласису крепости, нам указали на груды камней. На этом месте стояла некогда знаменитая во всей Индии мечеть *Джама-Мастжид*, выстроенная еще при шахе Джагане. Насильно отняв ее у мусульман, безо всякой к тому причины, англичане обратили ее сперва в казармы, потом отдали под лавку маркитанта, а по уходе полка совершенно срыли ее вследствие каких-то таинственных стратегических соображений. «Самым постыдным, незаслуженным образом мы лишили наших магометанских подданных дорогой им святыни, не предложив им за нее даже и одной рупии вознаграждения», пишет полковник Кин в своем сочинении «Могольская империя».

Аллахабадский форт и укрепленный в нем замок построены великим императором Акбаром, около 1575 года нашей эры, на развалинах древнего города буддистских индугов. Как выше сказано, Праяга — древнейшая столица Лунной (или *Самаванси*) династии кшатрий. От архитектурных красот времен Акбара, от высоких башен величественного купола над ажурной работы галерей, от аркад и расписных стен и балкончиков, виденных и описанных еще Гебером, от всего того, чем епископ так восхищался едва шестьдесят лет тому назад — ровно ничего не осталось. Рука истинного вандала — англичанина на службе Ост-Индской компании — снесла балконы, залепила, замазала и сравнивала мавританскую резьбу на

стенах внутренних и наружных, и скрыла все это под безобразнейшим слоем простой штукатурки. В крепости остался один лишь все искупающий предмет, простоявшая уже с лишком две тысячи лет колонна Ашоки.

На фасаде храма

Есть колонны величественнее, выше и красивее этой, хотя бы в Египте, но нет ни одной интереснее для археолога и для филолога. Надписи на ней пред терпеливым криптографом и языковедом открывают целую панораму древнего, столь мало еще известного нам мира. По этим надписям мы можем изучать самые задушевные мысли царственных зодчих, следить за постепенным изменением идей и понятий и в продолжение с лишком двадцати веков присутствовать при борьбе народов различных исповеданий, от начала истории сражавшихся брат против брата и заливавших земной шар своею кровью — каждый во имя того, что для него самого казалось святой *истиной*, а для его брата — грешным заблуждением.

Привожу несколько извлечений из самых замечательных между этими надписями на колонне:

«...На 27 году моего помазания¹ (sic) я повелел, дабы сей религиозный указ был издан письменно. Сознаюсь и каюсь пред моими (*народами?*) в доселе гнездившихся в сердце моем прегрешениях. Мысль о религии и любовь к религии должны (*с этого времени*) постоянно увеличиваться... и мои народы, как и *грихаста* (духовенство), словом — все смертные, станут от этого неразрывно связанными ею (религией), и, победив в себе земные страсти и грехи, достигнут все они великой мудрости. Ибо в одной религии пребывает истинная мудрость. В религии главное достоинство; а религия вся состоит из достохвальных дел: воздержания от дурных поступков, милосердия, кротости, любви к ближнему, нравственной чистоты и целомудрия. Для меня все сие составляет помазание посвящения.² К неимущим и скорбящим, к двуногим и четвероногим, к птице небесной и твари движущейся в водах отнеслись тогда (*со времени посвящения?*) обильные деяния мои... Для сего самого и провозглашен сей указ. Да внемлют оному все. Да пребудет он в полной силе в века грядущие, и всякий, кто только последует оному, должен будет, несомнен-

---

¹ Для проверки прошу сравнить мой перевод с переводом в журнале *Asiatic Society*. (Vol. 6, part 2. 1837 года). Разница небольшая.

² *Журнал Азиатского Общества* тоже переводит: «anointment of consecration». Буддистский первосвященник в Цейлоне, Сумангала, объясняет мне в письме эту фразу тем, что Пиадази первый приказал снова помазать себя при принятии буддизма во имя этих главных семи добродетелей.

но, достичь вечного блаженства и соединиться с *Сугатой* (Буддой)»...

Далее следует перечень девяти грехов. Эти девять грехов известны под названием *азинаве* и, по учению Гаутамы Будды, их следует избегать: «гнев, жестокосердие, воровство, гордость, зависть, уныние, пьянство, прелюбодеяние, убийство». На западной стороне колонны начертаны разные правила об отношениях аскетов к прихожанам и «всеобщем во имя Будды отпущении наказаний и прощении преступникам в специальные три дня». В какие дни именно, не сказано. На южной стороне находится наименование зверей и птиц, которых грех лишать жизни; затем, самая интересная, как проливающая яркий свет на жизнь этого царственного апостола буддизма, надпись, в которой говорится следующее:

«На двенадцатом году моего помазания был по моему повелению издан ради удовольствия и пользы народов указ. Истребив сей (указ?) и взирая на мою бывшую религию (идолопоклонство), как на великий грех, я ныне, ради блага всего мира, возвещаю о сем событии (т. е. об отмене закона). В то же время я молюсь различными молитвами за тех, кто разнится со мною в моей вере, дабы они все, последовав моему примеру, соделались достойными достичь вечного спасения... Но каким образом действовать, дабы религия истины и света постоянно распространялась среди человечества? Истинно говорю, лишь посредством обращения в оную всех низкорожденных (вне касты), убогих и немущих может наша религия соделаться всеобщей... А если вследствие обращения таковых (низкорожденных) возрастет она, то насколько быстрее распространится наша религия чрез обращение в нее высокорожденных, тех, между коими пребывает *имя Божие*...¹ Истинна

---

¹ Присутствие имени *Бога* в буддистской надписи послужило санскритологам обильным материалом для диспутов. «Буддисты — атеисты; они не веруют ни в Бога, ни в бессмертие души человеческой», говорят многие. «Это выражение Пиадази: *воспоминание прежней религии* — неправильное выражение». Позволяю себе высказать полную уверенность в том, что это мнение совершенно ошибочно. Буддист, если он только образован и знаком с *Сутрами*, чистою философией Будды, верует как в божество — правда, безличное, — так и в загробную жизнь. Мое убеждение основано не на собственном умозрении, а на пятилетней постоянной переписке с учеными буддистами Цейлона и Бирмы, членами Теософического Общества. Вина не буддизма, если до сей поры наши ученые не могли понять ни его тонкой метафизики, ни отвлеченностей последней.

сия есть религия (т. е. буддизм) и ей одною умножаются добродетели».

В этом случае «имя Божие» есть синоним «нирваны», смысл коей (невзирая на Бюрнуфа, Бартеlemi Сент-Илера и К° и даже на профессора Ма́кса Мюллера) постоянно ускользал от санскритологов и толкователей буддизма. Никто еще до сей поры не понял его правильно, а судили и рядили о нем по одной *мертвой* букве.

Против этих разнородных теорий восстают самые ученые буддийские священники Цейлона, Бирмы и Сиама. В Бога, как личность отдельную от вселенной, как в нечто индивидуальное, буддисты действительно не верят. Но их *summit* *bohit*,* или *нирвана*, то же, что *мокша* браминов. Это — окончательное соединение бесконечно малой и, в разъединении, ограниченной *частицы* с беспредельным и безграничным *целым*; это вечная сознательная жизнь души в квинтэссенции божественного духа; душа же есть временно отделенная искра, привлекаемая и вновь погружающаяся в безбрежный океан пламени *Мировой Души* — первобытный источник *всего*. Но такое окончательное поглощение индивидуальной, очищенной от всего земного и греховного души «душою вселенной» (*anima mundi*) еще не означает исчезновения или «полного истребления» души человеческой. Объясняя нам эту теорию, молодой сингалезец Даммападжоти, весьма ученый монах, раздавил наполненный ртутью стеклянный шарик и, рассыпав его на блюдечке, стал раскачивать. Капли живого серебра отделялись, рассыпались и, едва дотронувшись друг до друга, снова сливались вместе.

— Вот нирвана и души, — сказал он нам.

— Так почему же считается столь трудным достичь нирваны? — спросил кто-то из нас. — При существующем взаимном притяжении всякая душа, уже в силу одной своей односторонности с *мировой* душой, должна, раз освободившись от оков земных, слиться с нирваной.

— Конечно; но это взаимное притяжение существует лишь при совершенной чистоте частицы. Взгляните, что случится теперь!..

И, посыпав другое блюдечко пеплом и пылью, он обкатал шарики ртути в этой грязи, замесив ее вдобавок каплей мас-

---

* Высшее благо (*лат.*). — *Прим. ред.*

ла... Живые дотоле крупинки, под толстым слоем грязи, лежали теперь на дне блюдечка неподвижно. Напрасно было прикатывать их к главной капле чистой ртути — они не сливались уже с родной каплей...

— Вот последствие земной грязи, — пояснил нам Даммападжоти. — Пока душа не очищена от последнего земного атома — не попасть ей в нирвану, не жить жизнью вечною, среди божественной эссенции...

— Стало быть, вы веруете в загробную жизнь?

Даммападжоти засмеялся и, как казалось, немного презрительно.

— Верим, конечно, но стараемся избежать продолжительности оной, как величайшего, хотя и справедливого несчастья, как наказания за наши грехи. Жить — значит чувствовать и страдать; не жить, но находиться в нирване — есть синоним вечного блаженства...

— Но ведь этак выходит, что вы добиваетесь *уничтожения души*.

— Нисколько; мы только добиваемся уничтожения страдания, нераздельного с частной жизнью; мы ищем достигнуть безусловного блаженства в соединении с верховною мировой душой. Одно целое бесконечно и совершенно; в раздроблении своем каждая частица делается и конечной, и полной несовершенств и изъяна...

В *Сутрах* действительность объективного мира называется обманом чувств; действительность формы и всякого вещества выставляется опасной иллюзией; даже действительность самого индивида или я отвергается. Но то именно, против существования чего восстают все наши современные материалисты, то, что они стараются стереть с лица земли, уверяя, что все это одни лишь бредни, ни на чем не основанные умозрения, то *сутры* и признают «единственною действительностью в мире иллюзий», а «метафизика Казиапы» объясняет, почему именно оно так. Эта действительность — *духовное я* человека. Это вполне отдельное и отличное от материи, хотя бы самой сублимированной. Одна *причинность* есть действительность, ибо эта причинность без начала, как и без конца, не имеет ни прошлого, ни будущего, но всегда существует в настоящем, а все ее действия суть одни лишь временные и второстепенные явления, «блеск молнии в океане электричества». Все проходит, все изменяется в своей объективной форме и, поддаваясь

разделению времени и исчислению, все есть иллюзия; но *причинность* всего безгранична, как и бесконечна, и не может быть исчислена; стало быть *она-то* и *есть* действительность.

Нирвана *ничто*, потому что она все. Парабрахма — без сознания и воли, ибо Парабрахма есть *абсолютное* «мировое сознание» и *безусловная воля*. Бесконечная, безначальная и беспричинная *монада* Пифагора — *первопричинность* всего; по сотворении *триады*, «обитающая во мраке и молчании» *монада* возвращается в свою невидимую и неосязаемую обитель. И однако же, по Проклу, она и есть «вечный Бог», и вся вселенная тяготеет вокруг *монады*. Еврейские каббалисты также указывают на своего *Эн-Софа*, как на нечто бессознательное и не обладающее волей, ибо *Эн* или *Айн-Соф* есть *самопричинность*, а слово *Айн* в буквальном переводе означает отрицание последующего слова — *ничего*. «Дух не имеет образа, и поэтому о нем нельзя говорить, что он *существует*», учит книга буддистов *Праджня Парамита* (Совершенство мудрости).

XXIV

У таких памятников, как колонна Ашоки, обыкновенно находятся старые пипалы (*Ficus religiosa*), прямые потомки *Боддрума* («древо познания») столь излюбленного, по преданиям, основателем буддизма. Находилось такое дерево когда-то и у колонны, но его уж более нет: оно было срублено англичанами, без всякой к тому причины, как и всегда.

Мы спустились в подземные пещеры по скользкой, поросшей мхом каменной лестнице. Гордо потрясая бритую голову, голый брамин шел впереди нас, освещая нам дорогу смрадным факелом, а по обеим сторонам ступеней неподвижно сидели и стояли в разных позах факиры, с нечесаными по годам и закрученными в шиньон длинными волосами, грязные, отвратительные. Настоящие аскеты никогда не сидят в людных местах, но пребывают или в уединении лесов, или же в далеко сокрытых от равнодушных глаз дворах храмов, как например в Джабалпуре. Посреди первой залы, низкой и с колоннами, стоял громадный, украшенный венками великолепных роз *лингам*; по сторонам — ниши с расставленными в них идолами и их живописными изображениями. Каменные идолы были покрыты сыростью, и крупные капли просачивающейся

воды, следы подземной реки Сарасвати, орошали почерневшие стены. При слабо мерцающем свете факела невозможно было различить надписи. Так как все уцелевшие отрывки переведены, то мы и не особенно интересовались ими. Есть сильное подозрение, что эти подземные залы находились еще в VII столетии на одном уровне с землей; но частью вследствие сырости, частью по причине веками накопившегося слоя мусора, они осели и теперь находятся под землей. «Бессмертное дерево» *Актай-Бат* упоминается как Хвен Тхсангом, так и историками Рашид-Уддином и Абу-Риханом, которые и указывают на него, как на древнейшее дерево в Индии.

Мы прошли зал двадцать, но кроме «дерева» ничего интересного не видали. За ним в стене зияет большое отверстие, ведущее, по словам брамина, до Бенареса. Все святые, говорил он, отправлялись этим ходом молиться в священный город. По дороге они «беседовали с Сарасвати...»

Тайному ходу мы предпочли мост через Джумну и переехали по нему на другой берег реки. Этот мост один из великих подвигов англо-индийского инженерного искусства. Мост в два яруса, перекинутый через широчайшее место, над самым слиянием двух рек, имеет 3331 футов длины по прямой линии. Экипажи и пешеходы проезжают и переходят по нижнему, а поезд железной дороги проходит по верхнему ярусу. Мы попали как раз под поезд и чуть было не оглохли.

Недалеко от вокзала железной дороги возвышаются старинные ворота со сводом, ведущие в прелестный, отлично содержимый сад. Наружные стены густо покрыты ползучими растениями и великолепными розами. В *Кушру-Баг* (сад Кушру) находятся могила и памятник принца этого имени, его матери Шах-Бегумы и многих других исторических лиц. Кушру был внук великого царя Акбара и сын раджпутки, дочери махараджи Амберского, славившейся на всю Индию своей красотой и колдовством, — последнее, быть может, потому, что она обворожила сына Акбара, Салима, мусульманина, и, прогнав других его жен, была всю жизнь его единственной женой. Как бы то ни было, но к Кушру-Багу, после заката солнечного, не подойдет на полверсты ни мусульманин, ни индус. Все потомство Акбара с самим царем (хотя он похоронен в Агре) собирается по ночам держать загробный *дурбар*...

На другое утро мы отправились осматривать «Ложу Ханумана», на берегу Ганга, и другие курьезы Аллахабада. «Ло-

же» это оказалось открытою, четырехугольною и вымощенною гранитом комнатою, вырытою (футов на двадцать в земле. Над ней возвышается купол на четырех гранитных столбах, на 10 футов над поверхностью земли, и без стен, дабы удобнее было толпе заглядывать со всех четырех сторон вниз, любуясь на спящего бога-обезьяну. Несколько широких, мрачных ступеней ведут вниз, но по ним спускаются лишь одни охраняющие покой идола — брамины. Любопытнее всего, даже самого идола, огромная и многоречивая надпись от муниципалитета на трех языках: английском, хинди и урду (язык магометан). Эта надпись строго запрещает христианам и особенно мусульманам «совершать над этою святыней индусов какие-либо кощунства, как-то: бросать камни в святилище, подходить к нему в сапогах, громко смеяться, делать непристойные, способные огорчить чувства поклонников бога замечания или же изъявлять *гадливость* (squeamishness)». (Я перевожу эту надпись слово в слово.) Невзирая на запрещение, на угрозы штрафом и даже тюрьмой, мы, дав дежурному брамину одну рупию, преспокойно подошли к самым колоннам, не сняв даже обуви. Мы заглянули вниз: идол громадных размеров, футов в 20 величины, ярко-красного цвета и с короной на обезьяньей голове, почивал на спине, растопырив приподнятые колена, свернув хвост калачиком и положив щеку на ладонь левой руки, тогда как другая держала скипетр. Над его носом болталась лампада, и он был весь усеян цветами. Полюбопытствовав узнать, из какого материала сделан идол, и получив ответ от брамина, что он «сделан из *ничего*», но есть притом «живое тело бога», мы не удовольствовались таким загадочным ответом. Как быть? С первого дня как Хануман заснул в своей яме, никто, кроме посвященных браминов, никогда не сходил вниз. Бросить в спящее божество камешком и судить по звуку — преступление, предусмотренное муниципалитетом, могущее повлечь за собою штраф в 100 рупий. Тут-то наш президент, как истый изобретательный янки, явился на высоте дилеммы; вынув горсть медных и мелких серебряных монет и опустив руку за перила, он, в виде эксперимента, но как будто нечаянно выронил *анну* (3 копейки) на живот богу, все время не спуская глаз с зорко следившего за ним брамина, который тотчас же хитро осведомился, не принести ли ее назад «саабу»? — нет, ответил президент, — все, что упадет вниз, пусть останется приношением Хануману. Ободренный

этим, полковник бросил другую монету, уже целясь. Попав прямо в нос божеству, но без ожидаемого звука, он стал затем кидать все сильнее и чаще, пока, наконец, после падения с дюжины монет, одна не звякнула, как бы ударясь о нечто металлическое. Когда он остановился, довольный этим открытием, брамин предложил ему бросить еще несколько монет в рыло Хануману, умиленно повторяя, что подобная игра весьма приятна *дэву*...

От Ханумана мы пошли поклоняться «бабе Сандасси». Во избежание всякого недоразумения, спешу заметить, что *баба* Сандасси не русская «баба», а индусский «дед», и даже, судя по его возрасту, весьма почтенный. Уверяют, будто ему 250 лет, а сам он говорит, что родился так давно, что забыл, когда именно. Как бы то ни было, но «баба» это лицо историческое и весьма уважаемое даже англичанами, которые, к удивлению народов Индии, оказались хоть раз благодарными за оказанные им услуги. Правда, их благодарность ограничилась тем, что они пока не стреляли еще «бабой» из пушки, ни разу не повесили его и даже не засадили в тюрьму; но ведь и это уж чего-нибудь да стоит в Индии. Они даже подарили ему квадратный камень в полтора ярда длины и ширины, на котором он сидит не вставая уже ровно 53 года; и тот же муниципалитет великодушно снабдил его дощечкой с надписью. Дело в том, что память о «бабе»-деде у британцев тесно связана с памятью о мятеже. В те тяжелые для них дни он многим европейцам спас жизнь, пряча их в пустое отверстие под камнем, с которого он не сходит и в котором скрывает свои талисманы и лекарства. Два раза его самого чуть не убили, но он не выдал прячущихся...

Баба — пенджабец и сикх, последователь Нанаки. Неподалеку от стен форта, на палящем берегу Ганга сидит этот ныне совершенно слепой и белый как лунь старец. Гордо драпируя голое тело в кусок белой кисеи, он со своими серебристо-белыми длинными волосами в тихие, безветренные дни походит скорее на мраморное изваяние, чем на живое существо. Вот что слово в слово написано на великодушно прибитой городским начальством дощечке, шагах в шести от деда:

«Баба Сандасси, родом из Пенджаба. Человек испытанной и строгой честности, неспособный к обману. Оказал много услуг правительству. Сидит на сем камне с 5 июля 1827 года. Ослеп в 1839 году, лишившись зрения вследствие постоянно-

го сидения на солнце и отражения лучей в воде. Прохожим запрещается тревожить его. Желаящие с ним беседовать обязаны снимать башмаки и сапоги. По приказанию Аллахабадского муниципалитета, октябрь 1858 года».

Сняв обувь, мы подошли к старику и приветствовали его словами: «да пребудет раджа Нанак с благословением божним во *сварге!* (раю)». Такур, которого слепец, к удивлению нашему, узнал еще за десять шагов и громко приветствовать благословением, тотчас же вступил с ним в разговор. Мы узнали, что слепой сикх ест и встает с места лишь раз в сутки, и глухую полночь: при помощи своих учеников, он сначала погружается в священные воды Ганга, а затем, омывшись, съедает горсть рису на молоке и, надев на плечи новый кусок кисеи, снова садится на место до следующей полуночи. Под палящим солнцем, под грозой и дождем мунсуна сидит, таким образом, голый старец день и ночь, с непокрытою головой, не имея даже и куска кисеи между теменем и небом. По уверению учеников его, он никогда не спит; по крайней мере никогда и никто из них не видал его лежащим; а если он и спит (чего ученики его, впрочем, не допускали), то спит с открытыми глазами и сидя, не имея возле себя и жерди, на что бы облокотиться. Куски кисеи, которые он никогда не носит на плечах более одного дня, продаются иногда за большие деньги жителям, крепко верующим в их целебное свойство после того, как они побыли целые сутки на теле сикха. Вырученные деньги поступают в сиротское заведение, которое сикх содержит единственно на собственный счет; в это заведение принимаются безразлично дети всякого вероисповедания; их бывает иногда до 300. Туда же поступают и все другие приношения деньгами и вещами, щедро расточаемые на аскета, потребности коего состоят ежедневно в рисе, молоке, да в пяти аршинах белой кисеи. Часто после продолжительного самосозерцания он обращается к тому или другому из учеников и посылает его иногда за несколько миль в леса за известными предметами, как-то: за корнем какого-либо растения, за цветком или камешком, снабжая его при этом подробнейшими инструкциями. Так один раз, когда жена коллектора, заболев злокачественным вередом на ноге, совсем уже умирала и английские врачи собирались было резать ей ногу, угрожая в противном случае гангреной и смертью, больная в отчаянии прислала мужа посоветоваться с «дедом». Супруг был атеист

и скептик, и сикху верил не более, чем своему пастору. Однако пошел, отправясь к нему, как новый Никодим — ночью. Не успел он даже начать объяснения, в чем дело, как «дед» прервал его, посылая назад домой: «Твоей «мэм-сааб» сделалось хуже, ты должен тотчас же спешить к ней (говорил слепой) и дать ей нюхать целую ночь до утра вот эту траву; а рано утром на другой день ты получишь от меня (сикха) мазь, которая и вылечит ногу твоей жены».

Озадаченный коллектор взял траву, какой-то сухой, вымоченный тут же в Ганге пучок, и, вернувшись, нашел весь дом в смятении: его жена умирала, если уже не умерла. Забыв весь скептицизм, коллектор поднес ей под нос траву, и коллекторша очнулась, а к утру спокойно уснула. Между тем «дед» подозвал старшего ученика (который и рассказывал нам это происшествие), приказал ему перейти вброд рукав Джумны, войти в лес, направо, следуя по третьей тропинке, сосчитать двадцать три манговых дерева и под двадцать четвертым к югу и у самого корня дерева искать. Там, вершка на два под землей, в покинутом муравейнике, он найдет тигровый коготь, который и должен принести. Ученик отправился и, сделав все, как было приказано, принес коготь учителю. Сикх велел сперва обуглить коготь на огне, затем истолочь в мелкий порошок и, прибавив разных трав, сделал из него мазь и послал к коллектору с инструкциями. Через неделю «мэм-сааб» пришла сама благодарить слепого старика...¹

Все, с кем мы только ни говорили о сикхе, отзывались о нем с величайшим уважением, а индусы и даже мусульмане — с благоговейным страхом.

XXV

Народы Индии не делают ничего вполнину: они или величайшие фанатики, или же безусловные атеисты. Их любовь, как и ненависть, безгранична, и когда индус назвал вас без принуждения «братом» или «другом», то это не пустая фраза. Все наши спутники были «реформаторами» (как их здесь на-

---

¹ Это происшествие нам было подтверждено сестрой коллекторши. Через три дня рана, не поддававшаяся никаким известным науке лекарствам, зажила совершенно.

зывают) и давно порвали все связи с браминами и сектами, но зато все до одного были мистики, верующие в высшее духовное развитие человека, убежденные, что такое развитие способно поставить последнего почти на уровень с божеством, если только он того достоин. Но вместе с грубыми фанатиками и образованными, в высшей степени экзальтированными (подобно Нараяну) мистиками к толпе «свободных мыслителей» (как они себя величают) с каждым годом из рядов учащейся молодежи прибавляются новобранцы школы Чарльза Брэдло и Луиса. За последнее десятилетие под «благодетельным» влиянием (скорее чисто английского, нежели западного) воспитания происходит нечто феноменальное: все учащееся в городских школах и коллегиях юное поколение выпускается из них безвозвратно атеистическим. Исключения чрезвычайно редки.

Политика Англии — никогда и ни под каким предлогом не мешаться в чисто религиозные вопросы завоеванной страны. Можно, конечно, подозревать, что такое правило является следствием скорее трусливости, чем либерализма правительства.

Следуя золотому правилу, а также, быть может, и для того, чтобы не оскорбить «христианских чувств» своих сановников, все места президентов, директоров и «принципалов» туземных коллегии отдаются тщательно выбираемым с этою целью отъявленным материалистам. Так как по своему серьезному и ответственному значению такие должности всегда и важны, и доходны, то понятно, что их берегут единственно для англичан; туземцу, будь он в тысячу раз учнее своего принципала, такое положение недоступно.

С другой стороны, миссионерам разных сект, имя коим здесь легион, не дозволяется вход в коллегии. Вследствие вышесказанной политики, они вращаются в самых подонках общества, между париями и не допускаемыми в брахманские секты *мэнгами*. В постоянной борьбе и ссорах между собою, они, дабы насолить друг другу, буквально *покупают* обращенных: парии и мэнги, все до единого или чертопоклонники или безо всякой религии, обратятся за деньги, а часто и из-за куска хлеба во что угодно. Можно наверное сказать, что нет ни одного обращенного в христианство индуса, который бы не был вором, мошенником, горьким пьяницей, а подчас и убийцей. Миссионерство в Индии — величайшая профанация христианства. Ни одно европейское семейство ни за какие

блага не наймет в услужение *обращенных*. Миссионеры открывают свои собственные школы, но эти школы, как и результаты их — один только фарс. Падкие на даровое учение, индусы посылают к *падри* своих детей только от пяти до семи, много до восьмилетнего возраста; после этого едва выучившихся читать детей обыкновенно женят или выдают замуж; раз вступивших в брачное состояние юных супругов, конечно, трудно заманить назад в школы. Надежды на добровольное обращение разлетаются в прах...

Еще безотраднее постановка этого дела у католиков. Основанная на собственные средства богатая иезуитская коллегия Св. Ксаверия в Бомбее, вместо того чтобы просвещать народ, рассеивать мрак невежества и поучать юных язычников, окончательно сбивает их только с толку. Воспитанники пресловутой коллегии выходят из нее, правда, с полнейшим презрением к вере и обычаям своих предков — обыкновенная система и хорошо известная уловка сынов Лойолы; но зато они питают еще сильнейшую, если возможно, ненависть к римско-католической, если не к христианской вере вообще. Не находя возможности прибегать в Английской Индии к столь излюбленным ими насильственным обращениям, отцы иезуиты являются здесь под такую циническую, отвратительную оболочку, так грубо извращают и без того шаткие понятия туземных мальчиков о правде и чести, что под их якобы *христианским* управлением в итоге получают еще худшие результаты, чем под вольнодумной дирекцией таких ученых атеистов, как «принципалы», например, Бомбейской и Лагорской коллегии.

Поэтому с психологической точки зрения Индия представляет необычайно интересное зрелище. За исключением горсти «реформаторов», она разделяется на два враждебные друг другу лагеря: *фанатиков* и *ультра-скептиков*. Первые, полные религиозного суеверия, видят божество во всем: в тигре, в корове и ее хвосте, в дереве, вороне и во всякой гадине; вторые, не менее полные того, что позволяю себе назвать *суеверием научным*, отрицают все, кроме материи.

«Чудны творения твои, о Тиндаль!..» — хором восклицают юные индусы, поклоняясь этому светилу науки.

Но со всем этим обе партии, как ортодоксальная, так и атеистическая, глухо враждебны своим правителям. Партия ярых, до безумия экзальтированных браминами *фанатиков*, само собою разумеется, никогда не помирится в душе с пра-

вительством, которое дает им в собственной их стране лишь отрицательные преимущества над миссионерами ненавистной им религии. Лагерь *материалистов*, ежегодно подкрепляемый целыми партиями блистательно кончивших курс индусов, выброшенных в океан житейский этими университетами и коллегиями буквально без ладьи и компаса, без надежд в этой жизни, — вследствие устраняющей их ото всякого участия в управлении страной политики и без надежд на жизнь будущую, в которую наши азиатские поклонники европейских «апостолов разума» стыдятся верить (как то делали их глупые предки). Им остается в жизни — нуль. Поэтому мы их и застаем в последней четверти XIX века перефразирующими на все лады известное изречение эпикурейцев: «Станем есть, пить и веселиться... ибо завтра — все мы превратимся в угольную кислоту, воду и аммиак!»

Позволяя себе это предисловие, я не отступаю от моего рассказа. Я только желаю представить русским читателям Индию такой, какой ее сделала Англия, и приготовить их этим самым к яснейшему пониманию рассуждения, в которое мы не раз вступали с учеными пандитами.¹ Узнав о нашем приезде, эти пандиты и туземные философы стали приходить к нам целыми партиями; некоторые из них приехали нарочно для свидания с нами из Бенареса.

Вернувшись от баба Сандасси, мы нашли у профессора Батачарьи огромное общество пандитов. Они просидели с нами в саду далеко за полночь. Мы приехали из Америки изучать философию их древних и современных религий, а они пришли тарачить с неподдельным изумлением глаза на «западников», имеющих глупость и безумие предпочитать Капилу и Патанджали — Гёксли и Тиндалю, философию Ману и буддизм — позитивизму Огюста Конта. Отказавшись от всякой веры, они однако же не посмели отказаться от касты и ее требований. Они смеялись надо всем божественным и вместе с тем страшились людей и общественного мнения. Не так ли зачастую бывает и у нас в Европе?

Разговор, конечно, зашел об их древней философии, о риши, йогах и аскетах. Пандиты вполне распоясались и с гордостью, достойной лучшего дела, стали раскрывать перед на-

---

¹ Пандит — ученая степень в Индии, соответствующая степени доктора философии.

ми все нравственные язвы, нанесенные, а затем постоянно растравляемые в них одной и той же искусной рукой их английских «принципалов». «Неужели нас могли интересовать бредни древних метафизиков и богословов?» — спрашивали они. «Кто же кроме ханжей, факиров, да полоумных аскетов может еще видеть какое-либо значение, например, в тройном божестве? Баба Сандасси — старый дурак, а факиров, лезущих для очищения от грехов в Гангу и остающихся под водой, рискуя в ней утонуть, пока они трижды не прочтут *мантры*, правительству следовало бы засадить в рабочий дом...»

Наши доводы и противоречия ужасно раздражали некоторых из них. Один статный индус, драпированный в белую с золотом шаль, с золотыми кольцами на всех пальцах ног, огромным знаком Вишну на лбу и в золотом *ринсе-пез*, обратился наконец ко мне уже с прямым вопросом: «Неужели я, прожив так долго в Америке, родине Томаса Пена, верю еще в какое-либо божество?»

— Признаюсь, верю, и вовсе не таюсь в такой невежественной слабости, — последовал мой ответ.

— И в «душу» человека? — переспросил он со сдержанной усмешкой.

— Да, и в душу; и как ни удивительно, даже в *бессмертный* дух...

Юный магистр, нервно заиграв кольцами на ногах, обратился с новым вопросом, довольно на этот раз оригинальным.

— Стало быть, по вашему, Гексли шарлатан и глупец?

В свою очередь мне пришлось вытаращить глаза.

— Это почему же?.. — осведомилась я у *ринсе-пез*.

— Потому что или он, признанный всеми авторитет, знает, о чем он говорит, или же он шарлатан, рассуждающий о том, чего не понимает...

— Гексли, — сказала я, — как натуралиста, физиолога и ученого не только признаю, но и преклоняюсь пред его знанием, уважая в нем один из величайших авторитетов нашего времени, то есть во всем касающемся чисто физических наук; но как о философе имею о нем весьма невысокое мнение.

— Но ведь против логических выводов, основанных на *фактах*, трудно идти... Вы читали его статью в «Fortnightly Review» об «автоматизме человека»?

— Кажется, читала... и кой-что запомнила из его удивительных софизмов... Но что ж о ней?

— Вот что. Профессор в ней *неоспоримо* доказал, что человек не более как сознательный и сознающий себя *автомат*,¹ добавляя к этому в своих «Lay Sermons», что человек — «хитрейший из часовых приборов природы»,² но не более.

Мне немного начинал надоедать этот спор; я взглянула на Гулаб Лалл Синга. Тот сидел, нахмутив брови, не мешаясь до этого времени в разговор. Зная его презрение к современному материализму, мне захотелось втянуть и его в спор. Как бы поняв мою мысль, он тут же поспешил мне на помощь.

— Позвольте мне ответить вам за нашу гостью, пандит саиб. Я прочел упоминаемую вами статью очень недавно, и у меня, может быть, сохранились свежее в памяти ученые софизмы Гексли; я готов привести вам самые резкие из них. Действительно, Гексли называет человека «автоматом» и «часовым прибором природы»... Но дело не в самом выражении, а в том, успел ли он доказать то, что говорит? Я говорю и докажу, что не только не успел, но что он самым ребяческим образом противоречит своим словам...

«Pince-nez» просто подскочил при таком кошунстве против науки.

— Как? где?.. великий Гексли противоречит себе?.. Укажите и объясните...

— Если позволите, объясню и укажу, и, право, это не будет стоить большого труда. Вы забываете, что, сокрушив достоинство человека эпитетом «автомата», быть может из сожаления к незрелой до его великих идей публике, к маленьким слабостям меньшей и неученой братии, то есть тех, которые (говоря языком Герберта Спенсера) «не поспевают за современным быстрым движением завоевателей на почве естественной истории и поэтому отстают от физических наук», — Гексли тут же снисходительно добавляет нечто весьма странное. Называя человека «автоматом», он между тем великодушно допускает, что эта машина «одарена *до известной степени* свободной волей, так как во многих случаях человек способен поступать согласно с собственными желаниями...».³ Не так ли, если помните?

— Кажется, так... — смущенно заявляет pince-nez.

---

¹ «*Fortnightly Review*», November 1874, p. 577.

² «Lay Sermons», p. 164.

³ *Fortnightly Review*, *ibid.*, стр. 577.

— А если так, то мы должны думать, что эта оговорка является лишь ради общего предрассудка и подносится профессором публике в виде сахара на горькой пилюле; потому что ведь иначе выходит, что наш Гексли, величайший из современных ученых, просто противоречит сам себе... И однако даже и вы должны согласиться, что человек одарен свободной волей?..

— Конечно. Но в чем же вы видите тут такое великое противоречие?

— Неужели же вам не совершенно ясно, что этим добавлением, этой, по-видимому, простой оговоркой Гексли, вроде японского самоубийцы, сам накладывает на себя, как и на свою теорию, руки, и что так ловко придуманное им выражение «автомат» является через эту несчастную для него оговорку чистой нелепостью?.. Сперва, по его уверению, человек в буквальном смысле, и не менее лягушки и кролика, есть не что иное, как условие, влияющее на течение дел (*Physycal Basis of Life*). В итоге получается то, что человек остается, после этого ученого объяснения, тем же, чем всегда был, то есть *мыслящим и одаренным свободной волей существом*. Этот одаренный свободной волей «автомат» является интересной и, конечно, неожиданной новостью в области физических наук, как заметил его оппонент д-р Элам. Потому что ведь ни скептику, ни верующему никогда не может придти в голову, что свободная воля есть что-либо иное, кроме простого свойства поступать по собственной воле!.. Таким образом «автомат» рассыпается в прах, и мы видим, что Гексли недурно было бы поучиться логике у нашего Канады и других философов, которых вы так презираете.

— Прекрасно... положим, что в этом вы правы... — бормотал огоршенный магистр. — Но вот возьмем другой пример... Тиндаля, который говорит существенно то же самое: «Материя и только одна материя содержит в себе все обещания, все могущество земного бытия!», объявлял он в 1874 г. перед отборнейшей и ученейшей публикой в мире, на Белфастском собрании. Это счастливое выражение: «In matter I discern the promise and potency of all terrestrial life», вызвав на Тиндаля злобу всех отсталых фантазеров, облетело теперь весь свет... оно сделалось настоящим лозунгом физики!..

— Но совершенно напрасно привело в трепет ужаса весь верующий мир, — можете добавить. Подобно Гексли, Тин-

даль в другой лекции сам опровергает свое «счастливое выражение». Не угодно ли вам заглянуть в его *Scientific Materialism*, ответ на критику (д-р Мартино) этого самого, поднявшего мир на дыбы, выражения. Там он совершенно ясно сознается в том, что наше внутреннее «сознание» (*consciousness*) принадлежит «совершенно к *другому* классу явлений, соотношение коего с физической наукой *немыслимо*», и тут же, разделяя явления природы уже на *два*, а не на *один* класс, почтенный материалист начинает рассуждать о той (между обоими классами) бездне, перешагнуть которую невозможно и которая так и «останется навеки *непроходимой* в умственном смысле (*intellectually impossible*)...» Где же оно теперь? Куда девалось это пресловутое всемогущество его материи?..

Пандиты переглядывались. Видно было, что нашла коса на камень. Слышать, как двух таких патриархов науки, каковы Гексли и Тиндаль, обвиняют в том, что они сами еще не знают, чему желают учить других, и не быть в состоянии заступиться за этих пророков положительных наук, и грустно и обидно. Наша партия торжествовала...

— А теперь, — продолжал такур, — позвольте и мне, в свою очередь, цитировать слова другого не менее ученого и столь же известного, как и те два ученые, натуралиста, — в подтверждение шаткости их теорий. Вспомните, что говорит Дюбуа-Реймон о явлении сознания: «Совершенно и навеки остается непостижимым, чтобы данное количество атомов углерода, водорода, азота и кислорода могли являться науке иначе, как безусловно пассивными (*indifferent*) к своему положению и движениям и это — в прошлом, настоящем, как и в будущем». Эти слова, вдобавок, цитируются самим же Тиндалем.¹ И к ним уже в собственных словах он добавляет следующее: «Непрерывность (*continuity*) между молекулярными процессами и явлениями сознания... скала, на которой материализму суждено неминуемо разбиваться при каждой его претензии считаться полной философией человеческого мышления»... И несмотря на такое полное сознание в одной статье, он в другой статье «О научном материализме» (стр. 419), не запинаясь, рассуждает об «отношениях физики к сознанию», как о чем-то «*неизменном*» и положительном...

---

¹ «*Fortnightly Review*», November 1875. p. 585.

— В этом его поддерживают все другие авторитеты науки... — уже робко ввернули слово пандиты, — и Вирхов тоже...

— Далеко не все, — перебил полковник спорщиков, — а только некоторые, да и те в умеренном числе.

— И, право, требуется не более самого поверхностного знакомства с физиологией и патологией, — добавил Гулаб Лалл Синг, — чтобы придти к убеждению, что не только «неизменного», но даже и исключительного отношения очень мало найдется между чистой физикой и даже физиологией, а не только между чисто психическими явлениями... Что же касается Вирхова, то он, отделив «Антропогению» Геккеля, в то же время (хотя и косвенно) отделил и тех, кто так горячо поддерживал это сочинение при его появлении.

— Очень жаль, — буркнул пандит в *pince-nez*, — потому что в таком случае Вирхов идет против авторитета одного из величайших мыслителей своей родины, именно против Бюхнера. А ведь сам же Бюхнер говорит в «*Kraft und Stoff*» (стр. XXVII. Предисловие): «натуралисты все давно *доказали*, что за исключением сил физической, химической и механической, *нет других сил в природе*».

— Не сомневаюсь, что Бюхнер это говорит, как и в том, что у вас отличная память, — насмешливо ответил такур. — Да то ли еще он говорит! Вот, например, он как бы повторяет слова нашего Ману: «Материя — начало всего существующего; все естественные и умственные силы природы присущи ей (стр. 32). Природа всезарождающая и всепожирающая есть собственное начало и конец, рождение и смерть. Она произвела человека собственным могуществом и берет его к себе назад...» (стр. 88). Но Ману, говоря то же самое,¹ одним простым

---

¹ «Из собственной его (Брахмы) эссенции ступает мировая эфир — материализация его воли, видимая и невидимая, осязаемая и неосязаемая материи, разлагающаяся по его дуновению на *огонь, воду, землю и воздух*. Из паров земных (дыхание Брахмы) зарождаются все твари и вещества органические и неорганические, из семени, брошенного в землю, оплодотворенного божественным духом и зародившегося из его собственного бесконечного и безначального вещества — всемирного семени» (*Шлока*, XV)... «Дав миру время развиться по законам перерождения (эволюции), верховный властелин, оплодотворяющий после каждой *пралаяи* (периодического мирового разрушения, или, правильнее, исчезновения мира из объективного в субъективный) лучезарное яйцо природы, по окончании своих перерождений (трансформаций) снова погружается в душу вселенной — Парабрахму» (*Ману*, книга I).

заявлением, что все *видимое* зарождается от *невидимой*, но *сознательной* силы, стоит в отношении логики, как и философии, стократ выше всех Бюхнеров прошлых и будущих. Что некоторые естествоиспытатели и так называемые философы *уверяют* нас, будто кроме этой тройной материальной силы нет других сил в природе, то это всякому известно. Но чтоб они когда-либо доказали свои гипотезы прямым подтверждением науки, это я положительно отвергаю...

— Но неужели же нам в XIX столетии предпочитать Бюхнеру и Гексли — Ману?

— Если Ману в сущности учит тому же, что и западные современные ученые, так почему бы и нет? Вы не можете не согласиться, что Ману *предупреждает* в своем учении почти все то, что проповедуют теперь свету гг. эволюционисты — «апостолы разума», выдавая свои теории за нечто совершенно новое. Если же Ману успевает еще и в том, на чем обрываются эти апостолы материи, и поэтому отрицают оное, то есть если он логически доказывает необходимость связи между духом и материей и устами Патанджали¹ подтверждает эту связь экспериментальными демонстрациями над самой двойкой природой человека — этого высшего тайника духа и материи — то я положительно утверждаю, что Ману стоит несравненно выше современной науки, по крайней мере во всем касающемся как чисто духовной природы, так и физиологии человека.

— Вы нам, кажется, советуете вернуться к идолопоклонству? — последовал иронически вопрос.

— Нисколько. Наши древние философы никогда не учили нас поклоняться идолам. К тому же и советовать вам это было бы напрасно, когда вы и без того воздаете честь Вишну и Шиве и другим богам, до сих пор еще не стерев их знаков с вашего лица... Если раз уж вы решили откинуть все обычаи старины, то почему же вы не расстаетесь и с этими языческими знаками?

Брахма — мировое воплощение Парабрахмы, бог в образе природы. Невидимый и безо всякого образа дух оживотворяет лишь лучезарное чрево (яйцо), из которого и появляется двупольный Брахма, или творческая сила Парабрахмы, при начале каждого нового цикла.

¹ Патанджали — основатель системы *йогизма* и психологического развития человека посредством постепенного изменения его физической природы.

— Это... это обычай касты... и не имеет ничего общего с верой в идолов, — бормотали переконфуженные пандиты.

— Как не имеет? Неужели вы забыли или никогда и не знали, что касты, по учению браминов, основаны самими богами; что боги первые подчиняются касте, и лица идолов украшаются ежедневно каждое знаками своей особенной секты? — неумолимо преследовал их такур.

— Но ведь и наши лучшие философы, — спорили пандиты, — вероятно, носили эти знаки... Если мы верим Дарвину и Геккелю, то, быть может, лишь потому, что эти ученые дополняют и окончательно развивают материалистические воззрения Капилы и Ману. *Саткья* Капилы, например, не менее атеистическая философия, нежели Геккелевская *Антропогеня*.

— Вы, вероятно, забыли учение Капилы... Там, где Геккель видит силу и творчество в одной материи, Капила считает немыслимым что-либо приписывать *пракрити*¹ без содействия *пуруши*.² Он сравнивает их: «пракрити» с человеком со здоровыми ногами, но безглазого и безголового, а «пурушу» — с существом с глазами и мозгом, но без ног и движения. Для того чтобы мир мог развиваться и произвести наконец человека, *пуруша* (дух) должен был сесть на шею безголовой *пракрити* (материи), и только тогда она стала одарена сознанием жизни и помысла, а *пуруша* получил способность двигаться ее ногами и заявить о своем существовании. Если *пуруша* бессилен в своих заявлениях и есть как бы одна не существующая абстракция без помощи объективной формы *пракрити*, то последняя и того хуже. Без содействия духа и его оживотворяющего влияния она лишь куча безжизненного навоза...

Пандиты наконец ушли, унося с собой полное убеждение в том, что мы невежественные ретрограды.

— Ну, хороша же наша ученая «юная Индия»! — говорил полковник. — У меня положительно разболелась голова от их бредней...

— За это благодарите англичан, — отвечал такур, — а с нас несправедливо взыскивать за чужие грехи.

---

¹ *Пракрити* — пластическая материя, природа в своем хаотическом и неясном состоянии.

² *Пуруша* — дух неосознанный и не проявляющийся и природе иначе, как чрез пракрити или материю, которую он оживляет.

Мы снова в темных, душных вагонах. Через пять минут поезд с оглушающим грохотом промчит нас через длинный мост на Джумне, а через шесть часов мы будем в Канпуре, где Англо-Индия перевернула самую кровавую страницу своей истории. Нас провожают наши голоногие друзья пандиты в шитых золотом шалях; к ним присоединились несколько бенгальских бабу, в белоснежных кисейных тогах и все до одного простоволосые. Такур уехал с Нараяном накануне приготовит для нас такое место, куда еще «никогда не ступала нога англичанина — и не ступит» (говорил он).

Все окна вагона с темно-зелеными стеклами, иначе пассажиры могли бы ослепнуть. Когда их спускают, то на их место поднимаются подвижные ставни из кускуса на шарнирах. Вделанные по обе стороны оконных рам в стенах вагона гидравлические машины при каждом повороте колес поезда обливают ставни водой, отчего они вертятся как вентиляторы в форточках и якобы пропускают рассекаемый поездом прохладный воздух. Но, увы! не отъехали мы и двух миль, как, пощупав ставень рукой, я чуть было не обожгла себе пальцы: вода на солнце сделалась совершенно горячей.

Накануне отъезда такур принес нам пучок свежих листьев и предложил попробовать их. Вкусом они напоминали щавель, оставляя во рту прохладное, как после мяты, ощущение. Он взял с нас формальное обещание держать по маленькому кусочку этих листьев во рту во все время переезда до Канпура и вообще днем во время жары. «Пока вы их будете жевать, как бетель, жара не будет иметь на вас вредного влияния (сказал он нам), и вам подчас даже будет слишком прохладно». И действительно, мы с тех пор будто не чувствовали зноя. Но нам не удалось уговорить У*** держать эту траву во рту, а мисс Б*** постоянно ее выплевывала, и оба чуть было не заболели. Искренно сожалею, что не имею права ни описать этого растения, ни послать его в Россию для исследования: индусы странный народ, и даже сам такур, лучший и благороднейший из всех нам известных индусов и наш преданнейший друг, не свободен от этих странностей. Он как будто скрывает познания своей родины, особенно такие, на которые современная наука взирает как на нечто сказочное. На наши вопросы: почему бы ему не обогатить и западную науку лиш-

ним открытием, столь полезным в этой знойной стране, он как-то загадочно улыбнулся, заметив, что эта трава растет только в Индии, да и то встречается весьма редко, и что всех де не спасешь. «Наука на Западе богата и без наших крох, и вы, которые у нас все взяли, оставьте нам хоть эти крохи», добавил он.

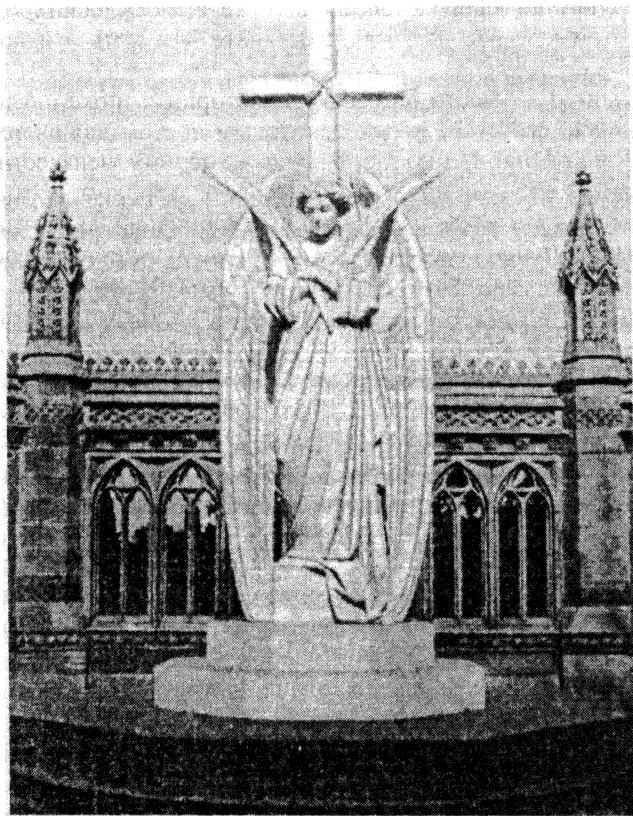
Канпур — место безо всякой истории и, пока англичане не избрали его в 1777 году передовым постом для своих гарнизонов в Индии, оно оставалось в полной неизвестности. Станция железной дороги находится за городом, и мы уже собирались взять две раззолоченные *гари* на волах, когда слуга такура объявил нам, что его *маха сааб* (великий господин) выслал нам европейский экипаж. Это был обитый яркопунцовым бархатом четырехместный ландо, с двумя висевшими позади, как две крупные капли крови, *саусами*, в красных с золотом кафтанах и таких же тюрбанах, и с четырьмя такими же саусами в ливреях, долговязыми и быстроногими скороходами, бежавшими впереди ландо. Прибавьте к этому четырех конных раджпутов, телохранителей Гулаб Лалл Синга, и вы поймете, почему народ, встречаясь с нами, чуть не бросался на землю пред таким ярким величием.

Первое бросившееся нам в глаза строение была пустая, из темно-красного кирпича, огромная церковь без окон и дверей, с высокой остроконечной колокольней. Это здание в продолжение с лишком трех недель служило слабой крепостью перерезанному впоследствии гарнизону, засевшему в нем по открытии мятежа 6 июня 1857 года.

Что было первой причиной этого кровавого мятежа? Европа читает реляции англичан и воображает, что читает историю. Ей даже и в голову не приходит спросить, есть ли между многими историями бунта хоть одна написанная верно и беспристрастно. Индусов никогда и никто не спрашивал, сколько в показаниях их завоевателей истины, которая из двух сторон виновна в больших преступлениях и кто совершил более зверских жестокостей: образованный ли, гуманный европеец, или дикий, доведенный до иступления азиат? По этому поводу мы собирали факты не от одного, а от многих, отнюдь не сговорившихся между собой людей. Их показания в главных чертах согласуются вполне, поэтому мы и верим им более, нежели всем «историям» мятежа 1857 года, взятым вместе. «Смазанные свиным салом патроны», причина бунта *мусульман*, и

«ремни из коровьей кожи», возмутившие *индусов*, — не что иное как последняя, переполнившая сосуд горечи капля...

Memorial monument над колодезем в Канпуре, где погребены сотни англичан — жертвы восстания 1857 г.

За несколько времени до мятежа, в Битхпуре, большом местечке на правом берегу Ганга, в 12 милях от Канпура, проживал индус из старинного и гордого рода, по имени Дундху Пунт, более известный под прозвищем Нана-Саиба. Он был усыновленным наследником последнего «пейшва́» (царственного главы Махратской конфедерации) Баджи Рао и по смерти последнего получил в наследство все его поместья,

сокровища и имения. Некоторые англичане, подбросившее, сознаются в том, что этот молодой человек, двоюродный брат махараджи Синдхи, имел полное право ненавидеть правительство. Усыновленный в 1832 году, еще ребенком, Нана-Саиб вырос в полной уверенности, что он наследует титул и положение «пейшвы» — честь, в сущности, благодаря англичанам, более номинальная, чем действительная, но все же льстившая самолюбию того, кто имел на нее право. За пять лет до бунта старый Баджи Рао умер, а вслед за его смертью тогдашнее правительство лорда Дальгузи тотчас же и безо всякого повода объявило, что звание «пейшвы» упразднено и что принц Дунхду наследует лишь частные поместья и собственность отца. Вследствие этого получаемый старым раджей пенсией был прекращен; армии приказано не отдавать чести наследнику, и даже несколько старых, давно негодных артиллерийских орудий, великодушно оставленных свергнутому с престола принцу, которыми бедный узник тешился на старости лет, отняты у Нана-Саиба. В продолжение четырех с лишком лет юный принц разорялся в напрасных усилиях заставить директоров Компании отменить несправедливое решение. Вместо того чтобы твердо, но ласково обратить его внимание на тщетность его хлопот, дирекция показала ему на дверь, грозя отнять у него даже его частное наследие. Между тем у Нана-Саиба были две сестры, двенадцати и тринадцати лет, старшая красавица, и обе замужем. Поехав однажды с кормилицей и слугами на богомолье, они подверглись нападению пьяных офицеров, которые ворвались в передний двор иезуитского храма, когда те только что сошли, раздетые, в священный танк, и... обесчестили обеих. Единогласное показание уверяет, будто Нана-Саиб убил обеих девочек собственной рукой и *по их же неотступной просьбе*: а убив, выпил по капле крови каждой и поклялся на ней отметить женам и дочерям англичан, или же умереть самому.

Можно наверное сказать, что Нана-Саибом, как и всеми главными заговорщиками, гораздо более руководило чувство мести и ненависти к англичанам, чем надежда на политический переворот. Конечно, если бы планы Нана-Саиба удалась, то в Индии снова водворилась бы Могульская и Махратская империя. Но чувство ненасытной мести, страстное желание обесчестить Англию в лице ее знатнейших жен и дочерей, обесчестить так, чтобы (по словам передававшего нам эти

подробности) «бесчестие это сделалось историческим, и предание страны воспевало бы справедливую месть Махратского принца до будущей *пралайи*», было главным и первым его побуждением.

Девизом Нана-Саиба сделалось изречение побежденной богини Виргилия. И действительно, он, по выражению его биографов, «выдвинул весь ад», создав вдобавок всех демонов восточной мести к своим услугам...

Насолив ему со всех сторон, лишив его сначала сестер, а затем звания, почестей, пенсии, англичане с доверчивостью невинности и чистой совести, вследствие нескольких ловко придуманных и заданных им Нана-Саибом пиров, вообразили себе, что наследник «пейшвы» их величайший друг. Ежедневно ожидая, что сипаи его полка последуют примеру своих товарищей и взбунтуются, генерал Уиллер еще 26 мая вызвал Нана-Саиба из Битхпура «помочь ему успокоить сипаев и предупредить мятеж». Нана явился немедленно и привел с собою двести из своих пятисот вооруженных телохранителей и три или четыре оставшиеся у него пушки. Его назначили охранять казначейство, и он поселился в собственном доме в Навабгундже. Ему были известны все переговоры между гражданскими и военными властями, и он вместе с англичанами приготавливал «убежище» женщинам и детям...

Когда 6 июня взбунтовались сипаи и вместо того, чтобы, по обыкновению своему, перерезать офицеров, разграбили полковую кассу, а затем отправились по дороге к Дельхи, желая присоединиться к корпусу главных мятежников, то англичане, укрепившись в церкви и провиантских бараках, великодушно передали в руки клявшегося им в «вечной дружбе» Нана-Саиба арсенал, пороховой магазин, парк и все, что оставалось от казны, поручая своему «верному союзнику» защищать их от народа. Тогда Нана, сбросив наконец маску, вернул сипаев с дороги, и на другой же день, то есть 7 июня, открыл было по своим «друзьям» огонь, но тотчас же опять прекратил его: адская мысль озарила махрата. Смерть мгновенная и не дающая времени страдать — не наказание. Как кошка с мышью, принялся он играть со своими пленниками: он знал, сколько было в бараках провизии, и начал их морить голодом... Чрез две недели из 250 человек, вошедших в укрепление гарнизона, оставалось только 150, а из 380 женщин и детей наполовину менее. Трупы гнили почти на поверхности

земли, пред глазами переживших. То была долгая страшная агония...

Вероятно, если бы Нана-Саибу посчастливилось, он не казнил бы женщин, ни детей, которых, как известно, он оставил в живых до последней минуты своей власти. Но 15 июля, при Андуне, он проиграл сражение и должен был скрыться. В минуту безумного бешенства, в последнюю ночь своей власти и пребывания в Канпуре, он отмстил, говорят, за своих сестер: он впустил толпу опоенных опиумом и *багом* сипаев (мусульман и индусов) в дом, где содержались европейские женщины, за несколько часов до их смертной казни. Рассказывают также, что четверо мужчин, судья Торнгилл, полковник Смит и двое других, были нарочно оставлены в живых, дабы сделать их свидетелями этого национального бесчестия. На заре мужчин вытащили на улицу и зарезали, а также 250 женщин и детей. Тела их бросили в глубокий и знаменитый с тех пор «колодезь».

Продолжать повествование напрасно, ибо вся Европа знает остальное. Добавлю лишь некоторые подробности, о которых она никогда не слыхала. Когда Канпуром снова овладели англичане и в нем водворилась тишина, Нана-Саиба уже там не было: он исчез бесследно. Как известно, англичане долго показывали в железной клетке узника, которого, за неимением оригинала, хотели выдать за принца Дундху, но принуждены были, наконец, выпустить этого человека, так как вся Индия хохотала над этим. Между тем Нана-Саиб, говорят, жив, и до сих пор есть люди, еще не потерявшие надежды увидеть его в Индии. О пленниках же коллектор, полковник Шерер, рассказывает следующее:

«Подъехав к дому убийства и резни, мы нашли в нем на шесть вершков глубины запекшейся крови... Мы заглянули в колодезь, и пред нами мелькнула вся ужасная истина: спасти было уже некого. Пред нашими глазами открылась та ужасающая картина, при одной мысли о которой еще теперь в далекой Англии осиротевшие сердца обливаются кровью... Колодезь был глубок, но узок; заглянув в него, мы нашли его наполненным до краев мертвыми и совершенно нагими телами. Всех трупов насчитали 253».

Вот что рассказывает англичанин и очевидец. Но он умалчивает о том, как на другое утро сгоняли жителей Канпура и расстреливали *каждого десятого* человека; умалчивает о

том, что, схватив между ними несколько сотен людей (вероятно, большей частью невинных), их заставляли *слизывать запекиющуюся в комнатах кровь*; умалчивает о том, что эту кровь *слизывали*, не вставая, человек до пятисот в продолжение сорока восьми часов, что две трети из них умерли от рвоты, а остальную треть англичане добились прикладами; умалчивает, наконец, о том, что не несколькими десятками мятежников заряжали пушки (как уверяют английские рассказы), а что такую смертью погибло их *несколько тысяч*.

Лорд Каннинг приказал все *белые* трупы, не трогая их, оставить в колодце и засыпать землей и известью. Площадь превратили в сад, а над колодцем построили знаменитый «Memorial monument», памятник 1857 года.

Прямо с железной дороги мы поехали в этот сад. Сад тенист, наполнен кипарисами, плакучими ивами и другими превосходными растениями и цветами; но ни архитектура часовни, ни стены сада, ни самый памятник над колодцем не соответствуют ни великому трагическому событию, ни суммам, пожертвованным на исполнение задуманной Каннингом идеи. Статуя работы барона Марокетти и по его идее представляет «Ангела милосердия». Но почему это поза именно *милосердия*, а не чего-либо другого, определить трудно. По розовому полю, белыми рельефными буквами красуется вокруг всего подножия легенда мятежа. Легенда эта — чистый курьез. Она есть как бы соединение всех отборнейших, *непечатных* ругательств и проклятий язычников... Ограбленный, выгнанный из своих наследственных владений принц Дундху-Пунт (Нана-Саиб) предается в ней «огню вечному», как «раб презренный и мятежный, осмелившийся взбунтоваться против законных властелинов *избранного Богом народа*». Англичане — «избранный Богом народ»! Вся симпатия, все глубокое сожаление к столь незаслуженному страданию, к этим погибшим мученической смертью несчастным детям и матерям, — все это исчезает при чтении непристойно ругательной, до приторности высокомерной, напыщенной эпитафии. Мученический прах, покоящийся под нею, забывается; остается пред глазами лишь высокомерная надпись, из которой так и бьет в нос фарисейство гордых и жестоких отцов, братьев, сыновей! Во всем саду между многими десятками надгробных надписей ни одной, положительно ни одной из Нового Завета. Дух древнеизраильской нетерпимости, мстительности, дух заповеди:

«око за око, зуб за зуб» деспотически царствует в этом саду смерти и пуританства. Но уж если так, то, соболезнуя о неповинных мертвых, нельзя в этой ужасной трагедии не видеть справедливого «закона возмездия»: «что посеешь, то и пожнешь», слышалось мне в шелесте каждой плакучей ивы над каждой могилой, в далеком журчанье ручья. Велики и ужасны прегрешения Нана-Саиба. Но кто осмелится утверждать, что его поступками не руководили кровавые слезы и стоны двухсотмиллионного населения, народа, попираемого ногами завоевателя, народа оплеванного, издыхающего с голоду сотнями тысяч в продолжение последнего долгого века? И поверят ли христиане-читатели, что чья-то рука начертила на множестве надгробных памятников следующее столь подходящее к святыне места размышление: «Оправдана гордость расы, кричащей вослед каждому азиату: *Nic niger est, hunc tu Romane, caveto*».

XXVII

Милях в четырех от Канпура, на скалистом правом берегу Ганга, в темном и почти дремучем лесу, находятся замечательные руины. То остатки нескольких огромных древних городов, построенных один на развалинах другого. От последнего остались одни лишь колоссальные куски стен, бойниц, храмов, да развалины когда-то величественных дворцов, от которых там и сям уцелело по одной, много по две комнаты, скорее стены бывших покоев. Над этими стенами бедные поселяне начали устраивать крыши из листвы и селиться в них, пока мало-помалу не превратили древний город Джаджмоу в деревню. Но развалины тянутся на много миль, а новое поселение скучилось кое-как, оставив прочие руины в полное владение обезьянам. Об этих городах история (англичан) умалчивает, отвергая предания летописей Индии, что Джаджмоу стоит на месте родной сестры и соперницы своей Асгарты — города солнца. Асгарта, по словам древней летописи в Пуранах, построена сынами солнца, два века спустя по взятию царем Рамою острова Ланки, то есть за 5000 лет до Р. Х. по летосчислению браминов. А прошлое Джаджмоу, несколько раз разоренного набегами из-за Гималайских гор, совершенно неизвестно европейским историкам. Раз только

упоминается этот таинственный, ныне «не помнящий родства», город, — это в автобиографии Бабура (Загир Эддин Магомета), могульского императора, жившего в начале XVI века.¹ В одной из его многочисленных кампаний против афганцев, последние искали убежища и пожелали укрепиться в древнем городе Джаджмоу, — пишет султан. Но Хумайюн, его сын, разбил их. Таким образом, эти развалины одно из многих мест, совершенно неизвестных англичанам ни в прошлом своем, ни, добавим, в настоящем.

Дорога к Джаджмоу — ужасная. Мы ехали на слонах, и только благодаря твердой поступи этих умных животных не полетели несколько раз в глубокие овраги, как и не повисли новыми Авессаломами за волоса на ветках. Тихо и осторожно ступали слоны по карнизам обрывов, останавливаясь перед каждым низко висящим сучком и раздробив его на щепки хоботом, прежде чем сделать хоть шаг далее. Собственно им, слонам, ветки и не мешали: но они уже так приучены и относятся к ездокам необычайно понятливо. Мы ехали мили три по скалам и лесу, прежде чем доехали до первых развалин, и почти все время по узким тропинкам, по которым не проехать на быках даже и туземной скорлупе, называемой «эккой». Наконец, мы стали проходить пред жилыми зданиями, из одного оврага в другой, из ямы в провалы, и окончательно попав на что-то вроде широкой тропы, оглянулись вокруг. И оглянувшись — онемели! Ни одного человеческого существа кругом, но зато не было той развалины, куска стены или повалившейся колонны, на которой бы не восседало несколько десятков обезьян. Их было без преувеличения несколько тысяч. Жители жалуются, что они воруют у них последнюю провизию; что, как далеко ни припрятать просо или кукурузу, или какую-либо зелень, — эти лесные «дакоиты» непременно украдут ее ночью. И однако же ни в одну из них туземец не осмелится бросить камнем: то священные, как и всюду, обезьяны, «дэва-саабы», или в буквальном переводе «господа-боги». Жители умирают с голоду, зато маргышки жиреют.

---

¹ Император Бабур, литературная знаменитость в Индии, племянник, Самаркандского султана и прямой потомок Тамерлана; он завоевал Кабул в 1504; затем в 1519 завоевал Пенджаб, а в 1526 — Дели. Он первый устроил сообщение и почту между Агрой и Кабулом и записал свою биографию или *мемуары*, знаменитые в Индии изобилием исторических сведений.

У самой опушки леса протекает Ганг, и на правом его берегу еще доселе виднеются гигантские остатки мраморных ступеней, ширина коих как бы предназначалась, во времена оны, для великанов. Весь песчаный берег на протяжении многих миль, весь лес покрыты глубоко осевшими в землю обломками колонн, разбитыми резной работы пьедесталами, идолами и барельефами. Рисунок резьбы, архитектурные остатки, самый размер развалин представляют нечто грандиозное, неожиданное даже для тех, кто побывал в Пальмире и в египетском Мемфисе. Непонятно, почему эти развалины никем еще не описаны, тем более что они под самыми стенами Канпура. В пространном сочинении «О территориях, приобретенных Ост-Индской компанией» сказано о них всего два слова. «Джаджмоу — бывший город, ныне деревня с пустым развалившимся базаром. Как говорят местные летописи, он построен на развалинах двух городов. Расстояние от Калькутты 620 миль, шир. $26^{\circ} 26'$, долг. $80^{\circ} 28'$ ». Вот и все! И однако же, под Джаджмоу похоронен древнейший город древней Индии... Для прямого доказательства его древности достаточно следующего примера. Немного лет тому назад, во время сильного урагана, несколько толстых и старых баньянов были сломлены грозой, а некоторые так и совсем вырваны с корнями. На концах последних были найдены куски изваянного мрамора, в которые корни совсем вросли. Стали копать глубже, и ярда на четыре под землей найдены вершины развалин громадных зданий. Но дело теперь не столько в этих зданиях, как в том, сколько веков потребовалось, во-первых, для такого наноса на берегах Ганга, чтоб уровень земли пришелся наконец не только в уровень зданий (некоторые из них в 300 ф. высоты), но даже покрыл их на четыре ярда землей; а во-вторых, сколько промежуточного времени прошло между этим событием и временем, когда ныне 1200-летние баньяны стали пускать корни в эту наносную землю? По концентрическим кругам стволов¹ было доказано, что этим баньянам не

---

¹ Как известно, лесные деревья увеличиваются в объеме слоями, нарастающими снаружи, и каждый новый слой образует род кольца вокруг дерева, так что, считая их, можно придти к довольно верному заключению о летах его. Адамсон нашел баобаб возле Горен, которому между 5000 и 6000 лет. Гумбольдт, говоря о нем, называл его древнейшим в мире деревом!.. В объеме некоторые баобабы имеют от 90 до 100 футов.

менее двенадцати веков, а есть в лесу деревья старше и этих. Особенно одна группа этих *Ficus indica* поразила нас своим ростом, разве немногим менее знаменитого баньяна на берегу Нербудды, возле Броча и называемого в народе «Капир-Бар». Это последнее дерево — историческое. Ему было 700 лет уже тогда, когда Александр Македонский отдыхал под тенью его со всею своею армией. Теперь оно состоит из 356 толстых стволов и около 3000 меньших.

Мы кочевали в лесу целые три дня. Такуру были известны все закоулки и тропинки, и он сдержал свое слово. Он повел нас туда, куда действительно не заходила еще нога англичанина: в темное подземелье на глубине 110 с лишком футов под землей. Мы отправились туда до зари, когда еще все спали. Такур кроме нас взял с собою лишь одного Нараяна, да доверенного слугу, старого, седого раджпута, который сопровождал нас от самого Бомбея. У*** и мисс Б*** оставались в Джаджмоу с бабу и Мульджи, и даже не знали, когда и куда мы ушли. Это подземное путешествие осталось для меня, как и для полковника, самым интересным событием нашего путешествия — вероятно, вследствие его необычайной таинственности...

Более часу нам пришлось идти лесною чащей. Наконец мы вступили в узкое, заросшее кустарниками ущелье — не то природное, не то искусственное, разбирать было некогда. Впереди шел такур, за ним я, за мною Нараян, потом полковник со слугой раджпутом в замке. Пробираясь гуськом, мы шли в глубоком молчании, так как путь становился труден и было не до разговоров. Наконец мы стали спускаться по крутым извилистым ступенькам, у подошвы коих вышли на маленькую поляну. Направо у одинокой скалы стояла лачуга, в которую мы и вошли. Если не светло было в лесу, так как не совсем еще рассвело, то в этой мазанке, осененной густыми баньянами и прислоненной в упор к скале, которая таким образом служила ей задней стеной, царила полная темнота. Раджпут высек огня и зажег глухой фонарь, который и подал такуру. Тогда, взяв в одну руку фонарь, а другой мою руку, последний прошел со мной, как мне показалось, в этой египетской темноте прямо сквозь стену. Новость ли необычайного положения или просто следствие постоянно возбужденных нервов, но, признаюсь, при вступлении в эту неизвестную остальному миру подземную область меня стало

сильно коробить; однако любопытство и стыд превозмогли, и я молча последовала за ним. Фонарь слабо освещал наш путь, бросая резкую полосу света лишь под самые ноги; кругом царила непроницаемая мгла, а меня неудержимо увлекала вперед мощная, одетая вся в белое фигура гиганта, лицо которого мне казалось теперь темнее самой ночи... Он быстро и не колеблясь шел вперед. Все молчали, и даже наши шаги беззвучно падали на ровный, мягкий грунт прохода, словно мы ступали по толстому ковру.

Вдруг такур остановился, крепко сжав мне руку.

— Что это?.. Неужели вы в самом деле и серьезно... *трусите*? — неожиданно спросил от меня, презрительно подчеркивая последнее слово. — Рука ваша дрожит как в лихорадке!..

Я почувствовала, как вся кровь хлынула мне в лицо при этой *заслуженной* обиде; но сделала то, что всякий другой сделал бы на моем месте: внутренне «поднялась на дыбы» и попробовала оправдаться.

— Я не трушу... да и бояться мне нечего... — пробормотала я, чувствуя в темноте вперенный в меня взгляд Гулаб Синга. — Я просто устала...

— Жен-щи-на... — тихо и как бы про себя прошептал с какой-то снисходительною горечью в голосе такур, но пошел тише.

Не имея в руках достаточно веских доказательств противного и не отрицая этого нового как мне самой, так и моему полу оскорбления, я проглотила его и смолчала. Так шли мы четверть часа, если не долее, по ровной, немного покатой и мягкой дороге и, как мне казалось, необыкновенно высокому проходу; мой старый приятель не выпускал моей руки, полковник уже начинал громко пыхтеть, а я внутренне злилась на собственную слабость и посрамление. Но вот наконец такур снова остановился и, высоко подняв фонарь, разом открыл все его глухие стенки. Пред нами явилась гладкая и ровная стена из скалы. Ни одной трещины не было видно на ней.

— Вот взгляните, — обратился Гулаб Синг к полковнику, — и убедитесь, какие чудеса совершали наши механики-предки, незнакомые, по мнению европейцев, с науками. Держу пари на что угодно, что явись сюда все лучшие механики Запада, им никогда не открыть секрета этой... двери! Я вам теперь хочу доказать, что это — дверь, а не скала.

Наш любознательный президент, получивший когда-то медаль за лучшее сочинение о механике в Ранселаровском (Rensselaer) Технологическом Институте Трои (Нью-Йорк), стал зорко исследовать стену. Его старания увенчались полным *фиаско*. Ни постукивание, ни ощупывание впадин ни к чему не привели. Между тем, пользуясь полным светом открытого фонаря, я разглядела местность. Род полукруглой комнаты, со скалистыми стенами и теряющимся на огромной высоте потолком; грунт словно усыпан черным порошком.

— Если верите мне на слово, — заметил наконец такур, терпеливо следивший за исследованиями полковника, — то я могу вас уверить, что этот ход прорыт и устроен много тысяч лет тому назад. Как видите, — добавил он, дотрагиваясь и напирая плечом на угол скалы, — «сыны Солнца» были хорошо знакомы с законом рычага и подъема, а также и с правилами центра тяжести еще до Архимеда. Иначе как бы они могли придумать вот это?..

И когда он напер сильнее и повернул какой-то незаметный в стене штифт, пред ним неслышно и тихо образовалось отверстие фута в два шириной и во весь его рост в высоту, — точно одна из новомодных дверей в американских домах, вся до замка ускользящая в стену. Но здесь дверной ручки не было; не видно было и продолбленной дверной стены...

Мы все вошли, и такур снова неуловимым движением и давлением на что-то задвинул стену. Невзирая на любопытство полковника и его бесконечные расспросы, он отказался выдать секрет прохода.

— Довольно того, что я доказываю вам, что эти тайные подземные ходы существуют уже много тысяч лет в Индии, — говорил он нам, — и еще более тысяч народа нашли здесь в разные времена спасение через тех, кто посвящен в тайну их существования. Теперь таких уже немного осталось, — добавил он, как мае послышалось, с нотой грусти в голосе. — И не успели они спасти против ее воли одну из храбрейших, благороднейших женщин Индии, последнюю из великих героинь нашей «матери!»...¹ Через несколько минут мы сядем отдохнуть, и тогда я вам расскажу эпизод из последнего мятежа. В Европе он почти, если не совсем, неизвестен...

---

¹ Говоря о родине, индусы всегда называют Индию «матерью».

Теперь мы шли по широкому, высокому коридору со сводом. По всей вероятности, последний сообщался, так или иначе, с поверхностью земли, ибо воздух в подземелье, хотя и немного сырой, был однако же чистый, невзирая на его 140 футов глубины под землей. Впрочем, дорога шла все время покато, немного под гору, и только к концу третьего коридора из пещеры, которую тотчас опишу, шла незаметно в гору. Очевидно, часть этих проходов была уже подземельем в то время, когда Асгарта еще находилась в числе других городов, процветая на земной поверхности. По обеим сторонам коридора нам попадались бездверные отверстия, продолговатые квадраты, ведущие в другие боковые ходы; но такур нас туда не водил, заметив только, что они ведут в жилья, т. е. иногда *занимаемые* покои. Что подземелье посещалось еще весьма недавно, в этом мне служила порукой находка старого измятого конверта, с какими-то иероглифическими знаками, но совершенно современного покроя и с клеем под запечатанную сторону. Весь этот проход, то есть коридоры, насколько мы могли судить, длиной верст в пять или шесть. Пройдя мили три, считая от потаенной двери, т. е. почти на середине между двумя ходами, мы очутились в природной и огромной пещере, с небольшим озером в центре и искусственными вырубленными из скал скамьями кругом бассейна. В воде, посреди озера, стоял высокий гранитный столб, с пирамидальной верхушкой и толстой заржавленной цепью, обмотанной вокруг него. Уже идя по коридору, мы замечали, что временами темнота почти рассеивалась и слабый, словно сумеречный свет озарял нас в такие минуты сверху; в пещере же — вероятно самая низкая местность подземелья — было темно, как в Гизехской пирамиде. Но тут такур приготовил нам сюрприз. Он дал старому раджпуту приказание на непонятном для нас диалекте, и тот, словно снабженный глазами кошки, тотчас отправился куда-то в темноте, пошарил в углу и тут же начал зажигать один за другим факелы, вставляя их в приделанные к стенам железные кольца. Скоро вся пещера осветилась ярким блеском. Тогда, уставшие и крепко проголодавшиеся, мы разместились на окраине озера и принялись за корзину с провизией.

А теперь постараюсь вкратце рассказать историю как пещеры, так и обещанный такуром эпизод из мятежа 1857 года. Последний принадлежит прямо к истории, хотя англичане и старались исказить его, как исказили и даже *скрыли* многие из

фактов этой позорной для них эпохи. Услыхав о нем впервые от Гулаб Лалл Синга, мы впоследствии узнали касающиеся этого случая интересные подробности от многих старых индусов, из коих некоторые были даже очевидцами в этом деле; а в одном случае и от англичанина, старого англо-индусского офицера.

О древнем городе Асгарте и его печальном конце *Пураны* рассказывают следующую легенду. Судаса-риши был священным главой духовенства «брахматмой»,¹ а его брат Агасти — махан-кшатрией (великим царем-воином) Асгарты. В отсутствие обоих, царством управляла махарани (великая царица), бывшая некогда *кумарикой* (Девой Солнца) во храме *Сурья-Нари* (Солнца-Природы). Ее красота пленила царя; и вот в самый момент ее приношения себя в жертву на алтаре огня (то есть религиозного самосожжения), он, воспользовавшись древним обычаем, дававшим право царям спасти индийских весталок от смерти, потребовал ее к себе в жены. До него уже раз явился другой претендент на ее руку, царь Гимавата, но она отказалась от предложения, предпочитая смерть в пламенных объятиях супруга-бога, священного огня. Оскорбленный за-гималайский царь поклялся отомстить. Много лет спустя, когда Агасти-царь был на войне в Ланке (Цейлоне), его побежденный соперник, воспользовавшись его отсутствием с войсками, сделал набег на Асгарту. Царица защищала свой город с храбростью отчаяния; но наконец он был взят приступом. Тогда, собрав всех «дев Сурьи» из храмов, жен и дочерей своих подданных и собственных детей, всего 69000 женщин, включая *кумарик*, царица заперлась в громадных подземельях храма Сурья-Нари и, приказав построить священные костры вдоль всего подземелья, сожглась на них вместе с другими женщинами и всеми сокровищами города, предоставляя в распоряжение победителей лишь пустые здания.

Вернулся царь и, найдя на месте дворца, царицы и детей лишь пепел, бросился догонять победоносную армию. Настигнув ее, он разбил ее совершенно и, захватив вместе с царем ее 11000 пленных, вернулся к развалинам Асгарты. Здесь он заставил пленных выстроить на пепелище погибшего новый и еще более богатый город, и затем, когда он был окончен, соорудить посреди города, пред храмом Нары, костер,

---

¹ «Душа Брахмы», высший духовный сан.

способный вместить в себе 11000 человек. На нем и гимаватский царь, и его воины, среди проклятий и поруганий со стороны всего народа Асгарты, были сожжены живыми в отмщение за погибшую царицу.

По преданию и древним летописям, уже пройденное нами подземелье, как и то, которое нам оставалось пройти, по другую сторону пещер, есть то самое подземелье храма, в котором сожглась царица. Этот мягкий грунт, принятый мною за черный и мельчайший песок, есть пепел 69000 женщин и *кумарик*, то есть девственниц!

Мы вышли из пещеры другим коридором, и этот узкий проход повел нас в гору. Дорога шла отлого; ноги также утопали, как и в первом, словно в мягком ковре. Наконец, круто повернув вправо, она привела нас к такой же глухой стене, как и первая. Единственная между двумя разница состояла в том, что запиравшая отверстие скала, вместо того чтоб уходить в боковую стену, при открытии опускалась вниз, оставляя низкую, фута в полтора, стенку, которую нам и пришлось перешагнуть. За этой стеной в небольшой пещере находится глубокий колодезь. Здесь кругом нас, на 16 миль в квадрате, погребены развалины давно усопшего города Асгарты.

Чтобы выбраться снова на землю, нам пришлось всходить три раза сряду по бесчисленным ступеням. Еще нечто вроде двери — камень между двумя скалами, поворачивающийся на чем-то неизвестном мне, — и мы снова в какой-то пещере; свет, хотя и слабый, ослепляет нас после восьми часов темноты. Выйдя на чистый воздух, мы почувствовали, как должен чувствовать себя человек, вышедший из прохладного погреба и залезший в духовую печь. Жара стояла невыносимая. Все спало в лесу и, кроме неумолкаемой трескотни кузнечиков, не слышно было ни шороха. Даже обезьяны дремали в листве... Был полдень, и нам приходилось, под страхом апоплексии, выжидать в тени, пока не спадет полуденный зной. Шагах в десяти стоял старый разрушенный храм, от которого остался один *гопарам*, ворота с комнатой или двумя внутри здания. Там мы скрылись от этого ужасного, невыносимого зноя, спугнув по дороге сотни разноцветных попугаев, сверкавших словно подвижная радуга пред нами своими блестящими крыльями на солнце...

Мы вернулись на кочевку к вечернему чаю.

Говорить подробнее о подземном путешествии не приходится по многим причинам, из коих главная та, что эта мест-

ность совершенно никому неизвестна; да и многое из виденного и слышанного нами так странно, что, вероятно, у меня не достало бы и слов для более точного описания. Есть и другие подземелья, например в Амбере, возле Джайпура, в которых не был еще, кроме нас, ни один европеец, также подземный, ведущий далеко под море ход из Элефанта, где, забравшись мили на две в его глубину, мы чуть было не задохлись, вместе с сопровождавшими нас парсами. Но про эти ходы известно и англичанам, хотя никто из последних еще не посещал их. Про подземелья же в Джаджмоу, к удивлению своему, сколько я ни спрашивала англичан, никто ничего не знает. Недаром наш друг такур, взявший с нас честное слово никогда не наекать о дороге, ведущей к ним, так спокоен насчет их открытия англичанами. Индусы — народ скрытный и загадочный вообще; ¹ а изо всех индусов такур загадочнее всех их, взятых вместе. Недавно, собираясь описывать эту поездку, спрашиваю его:

— Вы ничего не имеете против моего описания для русской публики вашего подземелья в Джаджмоу?

— Ровно ничего, — говорит, — коли надеетесь на свою память.

— В памяти я уверена. Но вы говорили, что англичанам самое даже существование этого места неизвестно? А если они, которые с жадностью читают все русские газеты, немедленно переводя все сколько-нибудь касающееся Индии и вообще Азии, прочтут мое описание да примут к сведению?

— Что ж из этого? Пусть принимают.

— А если пойдут искать, да и отыщут его?

---

¹ Они до того загадочны, что, при всех стараниях полиции вообще и тайной полиции в особенности, англичане до сей поры не могут сообщить следующего: «как могли во время мятежа 1857 года, без телеграфов и железной дороги, передаваться с такой быстротой новости с одного конца Индии на другой? Едва что случалось в Калькутте, как на 2000 миль оттуда где-нибудь на севере Индии, через несколько часов уже знали на базаре об этом, а англичане узнавали только чрез неделю. Сэр Джон Кей, в своем сочинении *Sepoy War 1857—8*, в подробной истории о мятеже, замечает этот странный «необъяснимый для правительства факт». «Когда был вырезан наш штаб в Аллахабаде, пишет капитан Морель, я был в то время в Мадрассе. На другое утро, 8 июня, является ко мне знакомый брамин и рассказывает о случившейся катастрофе. Не веря, я бегу в дом губернатора. Там ничего не знают. Мы официально узнали об этом лишь через шесть дней!» (*A few days in 1867 in India*).

Гулаб Синг как-то странно прищурился и посмотрел на меня не то пытливо, не то немного презрительно.

— Что же в моих словах такого странного? Кажется, предположение весьма естественное?

— Весьма... — подчеркнул такур, — только с точки зрения европейцев, а не с нашей. Извиняясь заранее в смелости, осмеливаюсь предположить, что я, быть может, немного более вас изучил не только англичан, но и человеческую природу вообще. А, изучив ее, скажу вам наперед следующее: девять шансов из десяти, что, прочитав это описание, всякий англичанин примет ваш рассказ за сочиненную вами сказку. Они народ слишком гордый и чванный, чтобы допустить, что есть такие места в их владениях, о которых они еще никогда не слыхали и куда не ставили еще своих часовых...

— Ну, а если билет вынется, как нарочно, с *десятым* номером... что тогда?

— Тогда они пойдут на поиски и — ничего не отыщут.

— Да как же вы можете так наверное ручаться?.. Ведь подземелье существует... Не исчезло же оно с лица земли?..

— Именно потому, что оно существует в действительности, они и не найдут его. Вот если бы вы выдумали его, то они нашли бы его непременно, если бы даже им пришлось для того прорыть его самим... Они бы сделали это, хоть бы для того, чтобы задать нам, туземцам, острастку и вместе показать дома — вот какие мы в Индии тонкие молодцы: ничто не ускользает от нашего всевидящего ока!.. Ведь сочиняли же они подложные политические корреспонденции и ловили мнимых политических преступников, подкупая для этого воров из острога; и все это только для того, чтоб оправдать ими же сочиненные и посланные самим себе доносы...

— Последнее предположение. Они, то есть все власти и их шпионы, знают, что вы были с нами в Канпуре и Джаджмоу... Ведь я опишу дело, как оно было... Если они пристанут к вам показать им, где это подземелье, — извините меня, — если они вздумают *заставить вас* открыть им эту тайну... что вы тогда станете делать?..

Такур засмеялся тем тихим, неслышным смехом, от которого меня всегда бросало и в жар и в холод.

— Успокойтесь, этого никогда быть не может. Но в случае, если б они вздумали «приставать», то предупреждаю вас наперед, что вы, а не я увидите себя в фальшивом положении.

Поверьте, что я даже и слова не вымолвлю в таком случае, а предоставлю защиту коллектору моего округа и всем знающим меня жителям. А коллектор мистер В. донесет, что с 15 марта по 3 мая 1879 я не выезжал из своего «раджы» и что он посещал меня два раза в неделю, а жители, между прочим все англичане, подтвердят это...

С этими словами он встал и, сев на свою лошадь, простился и уехал, бросив мне на прощание следующее немного насмешливое замечание.

— Почему вы знаете... быть может, у меня есть брат близнец, о котором миру так же мало известно, как и о подземелье?.. Вот запишите и это; не то и ваши земляки примут вас, вместе со всем нашим Тесософическим Обществом, за дополненное издание барона Мюнхгаузена.

И наверное примут.

Подобное событие уже раз случилось с такуром. Его все видели в Пуне, где он открыто показывался в продолжение целого месяца. Когда же его захотели замешать в одно политическое дело, коллектор, магистрат и два миссионера показали, что Гулаб Лалл Синг не выезжал из своего поместья более шести месяцев. Заявляю факт, отказываясь, как и всегда, объяснить его. Еще не прошло и года, как оно случилось.

XXVIII

И вот мы в Дели — великом граде могулов. Если другие города и места Индии держали нас, словно очарованных, под влиянием волшебного сна с его мимолетными грезами о всем, что когда-либо являлось прелестного в архитектуре, то Дели остался навеки запечатленным в наших воспоминаниях как воплощение на вид несокрушимого и все же побежденного гиганта, уснувшего Самсона, оставившего свои густые пряди в руках предательской Далилы. Нигде во всей разоренной Индии не найдете вы стольких свидетельств о могуществе мусульманской империи, нигде не почувствуете себя столь вынужденными с благоговением преклониться пред памятью великих мастеров, создавших «Надир-Шах Моск», башню Кутаб, дворец Делийский, а главное, *Тадж-Махал* в Агре.

Дели вынырнул перед нами из-за пригорка, за несколько минут до солнечного заката, и мигом вызвал во мне воспомин-

вание о золото-жемчужной столице Магометова рая, по рассказам Пророка. Во время одной из своих духовных экскурсий в эту вновь открытую им небесную область поэт-пророк имел случай видеть и подробно описать нам одного ангела, нижняя половина тела коего состояла из пламени, а верхняя из прозрачного льда: оба враждебные друг другу элемента превосходно уживались, нисколько не вредя друг другу. При первом взгляде на древнюю столицу Шах-Джагана мне припомнился образ этого ангела. Предположив, что Магомет пророчески узрел Дели в далеком будущем и при таком солнечном закате, его «огне-ледяной» ангел является лишь восточной и весьма верной метафорой этого города. Залитая багрово-золотистым пламенем заходящего солнца, вся нижняя часть дворцов, мечетей, минаретов Дели, построенная без исключения из красного песчаника, казалась громадным горящим костром, из недр которого высоко воздымалась, теряясь в прозрачной и уже потухающей синеве вечернего воздуха, верхняя часть строений — глыбы ослепительной белизны мраморных куполов, минаретов, башен... А надо всем этим, словно туловище и голова «ангела», водруженная на скалистом пригорке, столь высоком, что платформа, на которой она построена, стоит на 30 с лишком футов над уровнем самых высоких крыш Дели — возвышалась Джумма-Мусжид, главная мечеть города. С ее лесом башен, стенных зубцов и минаретов, над полосатою из черного и белого мрамора головой о трех куполах, эта мечеть — самая замечательная по своей оригинальности, если не по красоте, в Индии.¹ Зрелище было величественное и вырвало у всех нас единодушный крик удивления.

Древний город, на развалинах коего Шах-Джаган выстроил в XVII столетии Дели, назывался в истории Индии Индрапрештой, а затем Индерпутом. Основателем его был царь Юдхиштира, смерть которого по древним летописям браминов последовала в 3101 году до Рождества Христова. До христианской эры история этой столицы покрыта непроницаемым мраком, среди которого изредка являются беглые проблески событий, историческая верность коих подтверждается истори-

---

¹ Джумма-Мусжид была заложена и начата Шах-Джаганом на четвертом году его царствования (в 1633) и окончена на десятом. Она стоила около 100 000 фунт. стерл. на английские деньги на один материал, так как постройка ее и рабочие были, конечно, даровые.

ей других народов. Летопись Индерпута от самого его основания и до конца существует, конечно; но она в руках браминов и скрывается ими, как и многое другое, под тем предлогом, что пока будет продолжаться *калюга* (черный период), арийцы не должны открывать своей истории «белым» врагам. А так как до конца этой и до начала будущей сатья-юги остается ждать 42721 год, то до тех пор наши ученые ориенталисты успеют и состариться, и не нашему поколению будут открыты великие тайны древней истории Индии. Европейские ученые мстят за это браминам, отвергая их показания и историческую достоверность даже того немногого, что туземные историографы соглашаются им поведать... А что помимо их известно и принято всеми — может быть рассказано в нескольких словах. Даже это представляет необычайный интерес, благодаря словно сказочным событиям...

Ничто не может сравниться с прелестью не только заветных уголков и исторических памятников полуразрушенного Дели, но и вообще окрестностей и даже городского вала. Эти еще грозные на вид стены, осеняемые густою бахромой акаций и финиковых пальм, красноречиво напоминают туристу о прежнем их величии и о тех славных рыцарских временах, когда на укрепленных валах прохаживались часовые непобедимых султанов — Акбара и Аурангзеба. Теперь, обрамленные траурною тенью темной *сальвадоры*, остались одни разбросанные по гласису минареты могил, гробницы да одинокие памятники навеки уснувших героев... И долго не забыть нам унылой, таинственной долины Кутаба! По этой долине, растягиваясь беспрерывной полосой в семь миль ширины и более чем на тридцать миль в длину, вдоль берега Джумны, разбросаны развалины не одного, а *нескольких* древних и новейших городов. Это целая эпопея из гранита и мрамора, эпическая поэма славного прошлого бесчисленных поколений героев!.. От самого сада Шахлимара, у городских ворот, почти до полдороги к Агре, вся долина усеяна развалинами циклопических построек и разрушающимися зданиями более современной эпохи: когда-то грозных крепостей царей раджпутских; дворцов, мраморные стены коих точно изваяны руками фей; изразцовых башен, гранитных бастионов и странной, невиданной формы зданий. Вот обширные, как целые храмы, гробницы с гигантскими воротами и входными арками, словно пятиmillionная армия Ксеркса хоронила с военными почес-

тями каждого покойника; разваленные обелиски — останки массивной Патанской архитектуры; уцелевшие комнаты от царских дворцов (ныне превращенных в хижины, в даровые квартиры парий), стены коих сооружены из кирпича, покрытого сплошь драгоценной эмалью и прелестнейшей мозаикой; древние золоченые купола, из трещин коих повырастали целые леса кактусов; куски стен — сквозных, как дорогое венецианское кружево, и развалины старинных языческих храмов, посвященных неизвестным богам, с жертвенниками, живопись которых доселе еще представляет ослепительно яркие цвета и свежесть будто вчера намазанных красок!.. Что ни шаг, то новая руина; куда ни взглянешь — опрокинутые стены, упавшие статуи, разбитые колонны... И среди этого чудного, диковинного мира как бы животрепещущих развалин царит и день и ночь мертвенная тишина. Что за дикая сцена запустения! Когда мы очутились в этой местности, нам почудилось, будто мы попали в сказочное царство «спящей красавицы»...

Обитель полного тления недаром зовется в народе Долиной Смерти. Ее избегает как пешеход, так и всадник: одни туристы рискуют еще вступать на проклятую почву. Ее когда-то великолепные чертоги повалились, мозаичные стены потрескались и стонут, задыхаясь в объятиях дикого кактуса. Только благодаря цепким ветвям этого растения они еще не совершенно рухнули, но стоят, словно приговоренные к смерти мученики...

Пять дней мы бродили по ним. Уходя из дома с рассветом, мы и завтракали и обедали среди этой обстановки прошлых веков, возвращаясь только к вечеру. Каким-то грустным, тоскливым чувством сжимается сердце при входе в эту пустынную долину, гробницу стольких поколений! Все кругом тихо, мертвенно, безмолвно... Ни малейшего звука не доносится даже с далеких городских стен, где угрюмо торчат среди памятников и минаретов тяжелые английские бастионы и где, следя за ними, точно вражьи глаза, чернеют на каждом из них по девять пушек, направленных на проходящих. Изредка лишь что-то шарахается под ногами, и встревоженный непривычными людскими шагами дикобраз, взъерошив иглы во все стороны и фыркая, как испуганная кошка, откатывается клубком в сторону; пролетит стая павлинов, затемняя на секунду дорогу и блестя дождем разноцветных искр; лань пуг-

ливо выгянет из-за темной зелени алоэ, да проскользнет в траве проворная ящерица, сверкая радужною спиной на солнце. Кругом ни единого отголоска. Разве только от времени до времени, среди этого тяжелого безмолвия, раздается еле различаемый ухом шорох, а вслед за ним легкой стук как бы оторвавшегося камешка: то рука неумолнмого времени непрестанно производит работу разрушения над «Долиной Смерти», отрывая кирпич за кирпичом, камень за камнем от мозаичных стен древних чертогов: словно крупные мраморные слезы, роняют они на свои красные, как алая кровь, подножия. И падают они век за веком, пока, наконец, и чертоги, и самые стены не превратятся во прах...

По дороге, ведущей к долине Кутаба, на старом памятнике, у древней крепости Фероз-Шаха, я начертила карандашом известный стих Данте, надпись над воротами ада, как нельзя лучше подходящий к унылой долине и ведущему к ней пути...

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nell' eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente...¹

Целые города мавзолеев и саркофагов из драгоценнейшего мрамора — вот все, что осталось от некогда богатейшей из мусульманских империй! «Эти белеющие вдали памятники», — говорил мне недавно один более других откровенный англичанин-судья, — «положительно производят на меня какое-то нервное, непонятное чувство страха, когда я сижу один по вечерам на балконе... Точно армия покойников в белых савахнах, пришедшая требовать отчета в судьбе своих потомков»...

Проехав мимо красивой мечети с целой рощей минаретов, заглядывающих целый день в прозрачные воды залива реки, мы остановились возле «Джуммы Мусжид», великой мечети. С трех сторон невероятно широкие мраморные ступени ведут к трем главным воротам. Это целое путешествие в гору; крыши всего города находятся под ногами туриста на последней ступени. Что касается центральных, четвертых ворот, обращенных к востоку, то они считаются до того священными, что к ним не дозволено даже и близко подходить. Эти трое ворот ведут во двор — сквер в 450 футов с открытыми аркадами,

1

Мой путь ведет во град мученья,
Мой путь ведет на вечное страданье,
Мой путь ведет средь проклятых людей.

окруженный с трех сторон колоннадами красных столбцов и с большим мраморным бассейном посередине, наполняемым особенным механизмом из нескольких источников в долине. На западной стороне, обращенной к востоку, т. е. к Мекке, возвышается мечеть — «Красавица Востока». Весь фасад покрыт толстыми плитами из белого мрамора, а вдоль карниза расстилаются надписи — стихи из Корана, буквами из черного мрамора с золотом в четыре фута длины каждая. Три огромные белые купола исполосованы таким же черным мрамором, а высокие минареты — красным и белым. Каждая из башенок является чудом изящества.

Была пятница и к тому же какой-то праздник, и на дворе, способном вместить 12000 народа, толпились правоверные. Наши индусы не пошли с нами, а остались внизу у знакомого, одного из несметных кумовей бабу. Мы же оставались в самой мечети всего несколько минут, так как, к великому афронту * У***, его и полковника заставили разуться и, по их уверению, вследствие этой прогулки по холодным мраморным плитам оба схватили насморк.

В несколько сот шагов от городской стены находится обсерватория, громадная, как и все остальное. Как и несколько других обсерваторий и по тому же плану, она была выстроена знаменитым раджей Джайпурским, Джей Сингом, ученым астрономом и астрологом начала XVIII столетия, тем самым астрологом, что, по желанию императора Магомет-шаха, преобразовал местный календарь. Кроме громадных солнечных часов, мы нашли на этом пространном, как целая площадь, дворе «азимутовые круги», как их представил нам Гулаб Синг, какой-то удивительной формы столбы для измерения высот и тому подобные ужасные орудия астрономии. Весь этот двор завален и застроен кривыми стенами, каменными треугольниками со ступенями, ведущими в пустое пространство, странными геометрическими фигурами из гранита «для местных астрологов», как мы узнали, и все это покрытое непонятными нам знаками, ужас наводящими абракадабрами, цифрами, среди которых один такур был как дома, а мы, бедные профаны, совершенно сконфузились и ушли домой с головою болью...

«Кутаб-Минар», башня в девяти милях от города, считается высочайшей колонной в нашем мире, даже и теперь, ко-

---

* Публичное оскорбление (англ.). — *Прим. ред.*

гда она глубоко осела и верхнюю часть ее отбило молнией. Эта колонна, в настоящее время 349 футов высоты, по местным преданиям служила придворным магикам для их приятельских совещаний с «планетарными» духами. Действительно, судя по высоте башни, можно с достоверностью предположить, что эти стихийные жители часто спотыкались об одну и рвали себе крылья на ее острых зубцах. Быть может они для того и направили молнию, чтобы сокрушить последнее?.. От фундамента башня заостряется до верху, где, когда крышу еще не разгромило, умещались 12 магов, каждый с 12 фолиантами «заклинаний». Ее стены покрыты куфическими надписями и гигантскими буквами, выдолбленными на несколько футов глубины. Красная снизу до верху, высоко паря под облаками, «Кутаб-Минар» кажется издали каким-то чудовищным, кровавым восклицательным знаком, поставленным над «Долиной Смерти»...

Немного в стороне, распластавшись, как гриб, широко раскинутыми террасами, стоит особняком и под куполом пирамидальное, состоящее из четырех ярусов, замечательное строение. То «коллегия Акбара», знаменитая необычайной красотой своей резьбы и построенная им для сходок «мудрецов», нарочно приглашавшихся из всех стран света для «религиозных диспутов».¹ Совершенно сквозное в нижней террасе, со стенами, покрытыми живописью, мозаикой, барельефами с инкрустациями всякого рода, нишами с выпуклою работой на золотом фоне и бесконечной вереницей геометрических узоров и надписей, это здание как бы служит великолепным преддверием к башне-великану...

Пять дней прошли как один день, и мы уезжали в тот вечер в Агру, древнюю столицу Акбара. Прощаясь, быть может навсегда, с долиной Кутаба, мы отправились отдохнуть в последний раз под тенью гигантской башни. Никто не знает, когда, кем и для чего именно она была построена. Черные мраморные полы четырех опоясывающих ее балкончиков покрыты теми же странными знаками, как и ступени ее внутренней витой лестницы. Ее четыре комнаты — одна в каждом ярусе — ведут чрез низкую дверь на наружную галерею, и находи-

---

¹ Известно, что император Акбар никогда не был правоверным мусульманином, но, целую жизнь отыскивая истину во всех религиях, постоянно колебался между христианством, мусульманством и религиями парсов и браминов. Он был великий астролог своего времени.

лись охотники подниматься по ней. Но мы отказались от подобного путешествия под облака: мы все начинали чувствовать признаки болезни, которую можно было бы назвать «индигестией * руин». У нас начинали являться по ночам кошмары в виде башен, дворцов и храмов. Но такур отправился с Нараяном-Кришнарао наверх, оставив нас под покровительством тезки последнего, бабу Нараяна Дасс Сена.

Вероятно и наш махратский Геркулес увидел в таинственной башне нечто очень страшное, потому что, когда оба сошли чрез полчаса вниз, такур казался серьезнее и суровее, нежели когда-либо, а смуглые щеки Нараяна совсем сделались земляного цвета и губы его нервно дрожали.

— Смотрите, — шепнул вполголоса мисс Б. неудержимый бенгалец, — смотрите, быюсь об заклад, что такур-саиб вызывал для Нараяна одного из своих предков... на бедняге лица нет!..

Что-то глубоко-страдальческое и вместе с тем зловещее блеснуло в черных глазах брамина... Но он тотчас же опустил глаза и, сделав видимое над собою усилие, смолчал...

Я хотела вмешаться и разом остановить неуместные поддразнивания бабу, но такур предупредил меня. Не переменяя разговора, он незаметно отвел наши мысли от этого щекотливого предмета, дав им совершенно другое направление...

— Ты прав, бабу, — задумчиво отвечал он, не обратив ни малейшего внимания на очевидную иронию бенгальца, — нет во всей Индии местности более подходящей к вызыванию памяти о событиях великого прошлого *моих* раджпутских предков, чем эта башня!.. Здесь, — продолжал он, указывая на Дели, — полководцы и владетельные принцы Раджастхана были в конце XVII столетия в последний раз лишены престола по праву принадлежащего им царства, достояния их отцов... Здесь фанатические, жестокие могулы, водворясь на троне, завоеванном ими лишь хитростью, перевернули произвольно последнюю, кровавую страницу истории великой независимой Индии!..

По обыкновению своему, такур, проводив нас до железной дороги, простился и обещал встретить нас, *быть может*, в Агре, во всяком случае в Баратпуре. Мы расстались.

В дороге Нараян был неузнаваем и находился как бы под гнетом невыносимого бремени или печали. Бабу вертелся как

---

* Диспенсия. — *Прим. ред.*

бес пред заутреней; Мульджи по обыкновению молчал; а я думала, думала до одурения... Что такое происходит между такуром и Нараяном?.. Что это за тайна... Кто знает!..

Как при нашем въезде в Дели, солнце и теперь садилось, утопая в расплавленном золоте облаков, а далеко на горизонте видится величественный «Кутаб-Минар», уже до половины окутанный в темно-фиолетовые ночные тени; верхняя часть башни еще горела как огненный столб в золотисто-оранжевом сиянии заходящего солнца...

Император Акбар, царь Соломон Индии, по великой премудрости своей, величайший как и любимейший из могульских повелителей Индии и единственный из них, память которого дорога наравне как магометанам, так и индусам. Последними он еще более, может быть, любим, так как всегда выказывал пристрастие к ним. Акбар Великолепный, Благословенный, Акбар-любимец богов и «Краса престола мира», вот прилагательные к его имени.

Акбар считался четвертым в поколении пророка Магомета; поэтому ему много и прощалось правоверными, хотя он много грешил против веры. Особенно оскорблял их император своими сомнениями и вечной погоней за *истиной*: «как будто вся божественная истина не сосредоточилась в нашем благословенном Пророке!» рассуждает один из его историков. Он имел страсть к изучению философии и питал глубокое благоговение к древним рукописям, назначая огромные премии за самые старинные летописи «шести великих вер Востока»: христианской, магометанской, иудейской и вер браминов, буддистов и парсов. Он почитал все шесть и не принадлежал ни к одной. Говорят, будто после него осталась кипа автографных рукописей и, чему еще труднее верится, будто они еще уцелели. Родившись в 1542 году, он умер в 1605, процарствовав около полустолетия. Не могу промолчать об одной странной, переданной мне истории — легенде, быть может, или просто вымышленной басне. Но так как она находится в тесной связи с историей России, совершенно совпадает с числами ее самых крупных исторических событий и называет одну известную русскую княжескую фамилию, то передаю, как слышала, продавая за то, за что сама купила.

Как и все в Индии, Акбар слепо верил в астрологию и магию. Еще будучи принцем, он пристрастился к одному белолицему юноше, в одно прекрасное утро таинственно приве-

денному к нему во дворец. Затем юноша исчез, и один принц знал, кто и где он. Но, по восшествии Акбара на престол, тот снова явился и совершенно завладел императором. Никто не знал его настоящего имени и откуда являлся оба раза таинственный чужеземец, хотя при дворе, где толпились сотни иностранцев, «мудрецы с Востока, Юга и Севера», никто не обратил сперва на юношу особенного внимания; но вскоре завистники стали коситься на него и подкапываться под царскую милость. Рассказывали, будто юноша, презренный раб, пленник с далекого Севера, был подарен Акбару латинским полководцем из Афганистана. Интрига против этого чужеземца достигла наконец того, что жизнь его стала не в безопасности. Император испугался, и юноша в одно прекрасное утро также таинственно и во второй раз исчез, как и появился. Острастки ради и в виде внушения, Акбар притворился, будто не знает, куда его фаворит пропал, приказал его врагам предстать пред свои грозные очи, и в то утро несколько голов свалилось с плеч. Только чрез двенадцать лет человек еще молодой и в котором старожилы придворные, невзирая на перемену, скоро узнали пропавшего юношу, снова появился при дворе. Но возмужалый, важный и сосредоточенный, он был представлен самим императором всем придворным как ученый астролог и *гуру* (учитель), и двор повергся пред чужеземцем во прах на этот раз искренно и с сердечным трепетом, ибо слава молодого астролога предшествовала его появлению в Агре и о нем говорили шепотом и со сдержанным страхом. «Пандит Васишти Аджа́нубаху»¹ изучал сокровенные науки — «джаду» и «йога-видью» (то есть черную и белую магию) у самих *джиннов* в недрах Гималаев, возле Бадрината, и сам великий император выбрал его своим гуру. Велик Аллах! Чужеземец обладает перстнем самого Сулимена (Соломона), владыки всех *джиннов* (духов). Правoverные, берегитесь оскорбить пандита!

Хроника уверяет, будто пандит Васишти Аджа́нубаху оставался при Акбаре до самой смерти последнего, а затем, хотя сам уже был в глубокой старости, неизвестно куда исчез. Уходя, он будто бы собрал своих учеников и сказал им следующие знаменательные слова: «Васишти Аджа́нубаху уходит и скоро исчезнет из этого дряхлого тела; но он не умрет, а

---

¹ *Аджа́нубаху* — прозвище, состоящее из двух санскритских слов: *Аджа́ну* — «длинные» и *баху* — «руки».

появится в теле другого Аджа́нубаху, более великого и славного, который положит конец могульскому владычеству...¹ Аджанубаху II отмстит за Аджа́нубаху I, *отечество коего было унижено и разграблено* ненавистными сынами лжепророка». Сказав эту святотатственную в глазах учеников речь — старый колдун исчез — «будь его имя проклято», набожно добавляет мусульманский автор.²

Прошу читателя держать в памяти как подчеркнутую мною фразу, так и хронологию событий. Сделанное нами недавно открытие, быть может, и ничего не значит, но совпадения и имена многозначительны. Во всяком случае оно представляет более чем простой интерес для *русских* читателей. Легенд насчет пандита Васишти что деревьев в лесу дремучем; но я выбрала лишь ту, прямо относящуюся к делу. Что этот пандит был русский, взятый мальчиком в плен татарами во время победы Иоанна Грозного в 1552 над Золотой Ордой, при Казани, то это не представляет для меня теперь ни малейшего сомнения. А что касается вопроса: кто именно таков был этот легендарный «пандит», что он имел общего с княжескими русскими фамилиями, то предоставляю это на разрешение самих читателей. Наша песня еще впереди, и самое странное из этой странной истории еще не сказано, хотя, конечно, одно имя Аджа́нубаху ничего еще не значит. Это прозвище дается здесь вообще всем адептам «тайных наук». Народная молва уверяет, будто особа, предназначенная судьбой сделаться «владыкой тайных сил природы», родится с весьма длинными руками... Возвращаюсь к истории.

Во время взятия Дели приступом в 1857—58 году, англичане ворвались наконец в город. Во время свалки и этой ужасной резни сипай хранитель сокровищ исчез, и о нем никогда не слыхали более. Что случилось с сокровищами — не берусь сказать. Но ларчик с бумагами оставил по себе следы. По крайней мере, по рассказам, один из свитков пергамента на-

---

¹ Сиваджи, герой и покоритель могулов, основатель Махратской империи, родившийся во второй четверти XVII в. и вступивший на престол *пейшвы* в 1664 г., получил прозвище «Аджа́нубаху», так как имел очень длинные руки. Предание утверждает, что Сиваджи был — воплощением некоего сильного и могущественного «чудодея с далекого Севера». Он родился 17 лет спустя по смерти Акбара — кажется, в 1622 году.

² *Легенды о Могульской империи*. Собрание преданий, переведенных с языков урду и махратского.

ходится у некоего воеводы Северо-Западных провинций. Рукописи написаны частью по-персидски, частью на языке хинди, и каждая бумага носит на себе собственную печать императора. Это заметки, записки, документы, кои в целом составляют как бы записную книжку императора Джеллал-Уддина Акбара. Узнала же я о существовании их и содержании одного из пергаментов следующим курьезным манером. Один из членов нашего Теософического Общества, близкий родственник обладающего таинственным свертком, пожелал узнать от меня, нет ли в числе русских княжеских фамилий имени и фамилии «Васишти Аджанубаху».

— Нет, никогда не слыхала, — говорю. — Есть у нас имя Василий, но не Васишти, а про «Аджанубаху» не слыхивала. Это что же за имя такое? *Аджанубаху* в переводе с санскритского, кажется, «длинные руки» (*аджану* — длинные, *баху* — руки). Так прозывался Сиваджи, великий вождь махратов и основатель их царства? О нем, что ли, идет дело!..

— Нет, — говорит, — не совсем. Ну, а имя *Лонгиманус* есть в России?

— И того нет; а есть фамилия Долгоруких, если буквально перевести с латинского *Лонгиманус* и санскритского *Аджанубаху*.

— Ну вот и добрались, — замечает мне мой собеседник, — теперь для меня все ясно...

— А для меня так стало еще темнее!..

Тогда я узнала от него легенду о пандите Васиште и Акбаре и только что рассказанный мною эпизод при Дели. Записки Акбара интересовали его уже с давних пор. Хорошо знакомый с языками, он изучил заметки императора и, зная о легенде астролога Васишти в Агре, тотчас же смекнул, что одна из записей в них касается этого таинственного незнакомца. На все мои просьбы показать мне бумаги он должен был отказать мне, так как они хранятся в тайнике, известном одному их обладателю, старшему брату его. Но тут же обещал перевести слово в слово акбаровскую запись, которую он списал для себя. Он сдержал слово. Вот она, как была написана, по летосчислению мусульман, в 938 году хиджры.

Перевожу с английского перевода, сделанного из разбросанных заметок в документах Акбара.

Заметка 1-я. «В начале полнолуния, месяца морана 935 года (1557) приведен был из Гхэзни Патаном Асаф-Ханом, от

«уламама» (?), молодой *москов*. Взят и поработан в Кипчак-Ханате (Золотая орда) при *деревне* Казани (?), в те дни, когда шейтан в образе московского царя, говорят, разбил ханов... Зовут молодого *москова* в переводе на наш язык *хинди* (то есть санскритский) Коср Васишта Аджάνубаху,¹ также — *Лонгиманус* на языке португалов *падри* (миссионеров). Он сын старшего косра (князя), убитого в Кипчак-Ханате... Васишта говорит так: «Язык свой, московский, знаю; также языки Ирана и Патана. Учился астрологии и *мудрости* в Гилане (при Каспийском море). Оттуда повезли меня опять в Иран, где служил царю Тамасту. Падишах рассердился за дурной сон и подарил меня Асаф-Хану. Хочу учиться премудрости *суфиев* и саманов... (вероятно шраманов или шаманов, буддистов)... и хочу получить *шаст* (цепь, но в этом смысле талисман) с Великим Именем на нем»... «Пусть учится». А далее: «Отослан в Кашмир».

Заметка 2-я. ...«Вернулся для совещаний, получил *Аллагу-Акбар*.² Васишти отыскал Великое имя Хэ³ и посвящает суфиев благословенной Рабии».⁴

А в 968 году рукой, по-видимому, самого императора, приписано: «Велик Васишта Аджάνубаху!.. В его руках и луна, и солнце. Он сбросил *таклид* (ошейник) обманчивых религий и нашел истинную мудрость суфиев, выраженную в следующем стансе:

«Как лампа, так и свет ее — *одно*,
Одни глупцы лишь зрят в кумире и его брамине
Отличные друг от друга два предмета»...⁵

.....

---

¹ А с этого в переводе на русский язык — князь (коср Васишта, или Василий) Длинные Руки или Долгорукый!?

² Символический девиз Акбара, вырезанный на талисмане: и который Акбар жаловал лишь признанным магикам и астрологам для ношения онога на тюрбане, как знак их достоинства.

³ *Хе, Нен*, в переводе — Оно, то есть Бог.

⁴ *Рабия* была основательницей мистической секты *суфи* и жила в первом столетии хиджры. Поэт персидский Хафиз принадлежал к этому братству.

⁵ Пантеистическая идея суфиев и ведантистов об единстве всего мира. Вселенная составляет *одно*: формы и образы миров физического, как и отвлеченного — одни волны того все океана. Бог во вселенной и вселенная в Боге. Вне нет ничего, даже хаоса.

Так кончаются эти выписки. Кто такой был Васишта Ад-жанубаху, останется, вероятно, навеки неразгаданной проблемой. Если то был один из князей Долгоруких, взятый в плен татарами при Иоанне Грозном, то ведь должно же это событие быть упомянутым где-нибудь в летописях этой фамилии, если не в истории? Но что он был русским — это мне доказано тем, что в одной «странной на неизвестном языке строчке», по выражению нашего друга, *срисованной* им с пергамента, я увидела и узнала подпись имени «князя Василия»; она начертана старинными церковными буквами и неумелым почерком, как писали наши прадеды триста лет назад, и подпись очень неясная; но как слово *кнез*, так и имя *Василий* могут быть сразу прочтены каждым русским.

Изумительны тайны твои, о седая, молчаливая древность! И чем более изучаем мы ее в Индии, тем тверже поселяется во мне непреодолимое убеждение, что как русские в частности, так и доисторическая Россия, Болгария и вообще все славянские народы теснее связаны с Арьявартой, нежели то известно истории или даже подозреваемо современными ориенталистами.

Не раз приходилось мне на этих страницах категорически заявлять, что я не имею ни малейшего притязания соперничать с учеными этнологами и филологами; но, невзирая на их авторитетные заключения, все же не могу удержаться, чтобы не противоречить им на каждом шагу, замечая, как часто и насколько их выводы, столь по-видимому логические и блестящие вне Индии, делаются слабыми и неправдоподобными для того, кто изучает страну на месте и принимает в соображение не только местные предания, но и гармоническое сочетание последних в отдаленнейших друг от друга пунктах страны. Вполне сознаю, что поступаю в этом случае в противность строгим научным принципам и выработанному новейшим языковедением методу; знаю, что, наостряя уши при одних фонетических сходствах между языками, помимо всяких других соображений, грешу против основных правил этимологии, установленных строгими языковедами и безропотно принимаемых в Европе последователями их школ. Профессор Макс Мюллер имеет полное право смотреть на меня с презрительной насмешкой и даже называть мой слух «диким», а теории *unwissenschaftlich*;^{*} и все-таки, невзирая на этот жестокий

---

* Пенаучные (нем.). — Прим. ред.

урок (впрочем, счастливо пережитый мною), каждый раз, когда мне приходится в беседах наших с пандитами присутствовать при разговоре на санскритском языке или услышать из уст нашего уважаемого друга и союзника свами Дайананда ¹ его частое воззвание к ученику: «Дехи ме агни», то есть *дай мне огня*, то в неученой простоте духа своего не могу воздержаться, чтобы не воскликнуть: да это совсем по-русски!

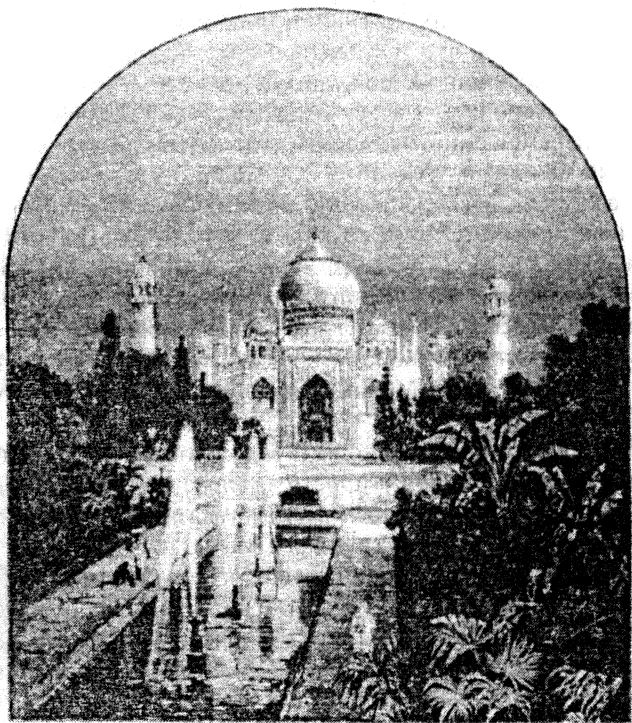
Одна русская родственница моя, дама умная, образованная и весьма наблюдательная, хотя по-санскритски и неученая, недавно прислала мне следующее замечание в письме: «Ты, мать моя, пишет она, заступайся за брахманское *Тримурти* и фантазируй над сокровенным смыслом и началом одного сколько тебе угодно; а что твое *Тримурти* в русском переводе выходит просто *три морды*, так это уж несомненно». И она совершенно права, так как слово «мурти» по-санскритски значит *лицо* и *идол*; а «*Тримурти*» в буквальном переводе *три лика*, тройной образ Брахмы, Вишну и Шивы. Поэтому я не могу согласиться даже и с самым великим Максом Мюллером и сразу поверить ему, что «в немецком языке процент чисто санскритских слов гораздо более, нежели в славянском и русском».

Агра, как и разные другие города, построена на могилах многих предшественников. Настоящий ее вид самый плачевный. Грязь, вонь и ужасная, судя по наружному виду жилищ,

---

¹ Увы! «уважаемый друг и союзник» превратился с тех пор в опасного недруга и неприятеля! Фанатизм и ханжество взяли свое. В противоположность первоначальной программе, свами *требовал*, чтобы «Братство человечества» — Теософическое Общество, — принимало членами одних лишь «арийцев», то есть особ, отрекшихся от прежней веры и переходящих *безусловно* в веру индусов-ведантистов. Когда-то сам «ведантист», он теперь стал гнать и преследовать «веданту» — самую очищенную и лучшую из древних философий Индии — и заменил ее всецело Ведами, с их мертвой буквой, объясняемой им на свой манер и по собственному произволу. Новый Лютер Востока вначале, он мало-помалу превратился в Кальвина, а теперь быстро следует по дороге, выбранной наследниками Лойолы. Убедясь в том, что ни полковник О***, ни я никогда не согласимся сделаться публично «ария-самаджами» и призвать его одного за *непогрешимого* папу, он воспылил гневом, стал публично обзывать нас «настиками» (атеистами) и предал анафеме. «Такур», заступаясь за нас, объявил его страдающим «безумием властолюбия». Таким образом свами потерял около 45 человек англичан и американцев, признававших его своим *учителем*, а наше общество выиграло человек 100 «арий-самалжей», перешедших из его лагеря в наш.

нищета преобладают в мусульманских кварталах. Агра — преддверие в Раджастан, род лакейской, в которой «господа» не живут, но чрез которую они только случайно проходят. Англичане, как и во всех других городах, отделясь китайской стеной казарм и гордости от туземцев, живут совершенно обособленно.

Тадж-Махал

Но что за драгоценная жемчужина Тадж-Махал! Исчерпав все потоки красноречия в описаниях Дели, мне теперь приходится описывать это восьмое чудо света, и я чувствую себя совершенно неспособной исполнить подобную задачу. Если бы возможно было вызвать из таинственной области промелькнувшие на земле образы, о существовании которой на сучат алхимики и каббалисты, самые поэтические грезы

Микеланджело, то, быть может, не выдавший Таджа в действительности успел бы создать себе подходящий к нему образ. Далеко ото всякого другого здания, окруженный прелестнейшим садом, Тадж-Махал стоит один в своей невыразимой красоте на берегу голубой Джумны, отражающей его чистый, горделивый облик... Это здание до такой степени совершенно в своих архитектурных размерах, очаровательно и закончено в исполнении малейших деталей, и вместе с тем величественно в своей простоте, что не знаешь, чему более удивляться — плану ли, работе или же материалу!..

Этот материал — массы самого дорогого белого мрамора, изредка перемешанного с черным и желтым, перламутра, мозаики, яшмы, агата, изумрудов, аквамарина, жемчуга и сотни других камней. Мы еле могли поверить, что Тадж — работа смертных, и были вполне готовы проглотить местную легенду, уверяющую правозерных, будто неутешный халиф был вознесен во время сна неким святым дервишем в райскую обитель Магомета, где сам Аллах повелел архангелу Гавриилу снять для него план одной из своих обителей. По этому плану и был выстроен Тадж-Махал над телом обожаемой супругом Мумтаз.

Взойдя на верхнюю площадку, в сорока шагах от вас, вы видите самый мавзолей, и просто замираете... Чувствуешь себя точно во сне: словно пред вашими глазами внезапно предстало видение из другого, лучшего, более чистого мира, и вы стараетесь опомниться, уверить себя, что вы наяву и что пред вами действительность, а не фантазия вашего воображения, греза из «Тысячи и одной ночи»!.. Корреспондент лондонской газеты «*Illustrated News*», известный в журнальном мире Симсон, живописец, архитектор и археолог, возвращаясь в прошлом году из Кабула в Англию, говорил мне, что он не взялся бы выстроить такого памятника за все бывшие сокровища Голконды. «Таких исполнителей нет более в нашем холодном, все-отрицающем веке», рассуждал современный артист. «Для одной отделки этой мраморной глыбы потребовались бы Фидий и Бенвенуто Челлини с Микеланджело им в подмогу»!.. Мнение это нисколько не преувеличено.

Пред вами мраморный фасад величественного в своей изящной простоте храма. Стены совершенно белые и гладкие. Только под стрельчатой аркой, над широким портиком, извиваются затейливые, сквозные, словно окаменелое кружево,

украшения из того же материала, представляющие цветы, фрукты и арабески; да над карнизом купола и вдоль боковых стен тянутся узким бордюром изречения из Корана огромными золотыми буквами. Из-под портика вход прямо во внутренность огромной залы в мавзолее, окруженной коридорами и приделами. Те же ослепительной белизны стены с панелями, покрытыми мозаикой — гирлянды прелестнейших цветов из драгоценных камней. Некоторые из них так натуральны, артист так верно копировал природу, что рука невольно приближается к ним, как бы желая удостовериться, что то дело одного искусства. Ветки белого жасмина из перламутра перевиваются с красным гранатовым цветком из сердолика и деликатными усиками виноградной лозы и жимолости; а нежные олеандры выглядывают из роскошной зелени листвы. Все это выложено по белому мрамору не микроскопической мозаикой флорентинцев, а *восточной* мозаикой Индии, т. е. кусками такой величины и формы, что они не портят цельности драгоценного камня. Каждый листик, каждый лепесток — отдельный изумруд, яхонт, жемчужина или топаз; и насчитываешь иногда таких камней до ста штук для одной веточки цветов, а подобных этой ветке — сотни на панелях и решетках! Таинственный полумрак парил в этой обители смерти, и мы с первого взгляда не различили, сколько сокровищ погребено вместе с царской четой. Принесенные факелы, ярко осветив панели, разом зажгли миллионы драгоценных искр, вырывая у нас невольные крики удивления.

Потолок под куполом, освещаемый дневным светом из решетчатых стрельчатых окон, вырезанных в цельном мраморе стен, густо покрыт такими же цветами и фруктами из разноцветных камней; только, вместо гладкой поверхности, мозаика выложена на мраморных украшениях рельефом, так что издали действительно скорее напоминает собой цветущую беседку из живых растений, нежели бездушный камень. Раз увидев Тадж, турист уже готов прочесть без улыбки красноречивый отзыв некоего набожного местного историка, оканчивающего свое описание мавзолея следующим наивным заявлением: «Нет никакого сомнения, что план этого перла Востока, которым мы, мусульмане Индии, так справедливо гордимся, был с самого своего начала предназначен великим

---

* Жемчужина (англ.). — *Прим. ред.*

Пророком, дабы внушить правоверным правильное понятие о благословенных райских обителях».

Прямо под сводом купола стоят два кенотафа, окруженные сквозной мраморной, как и все остальные, решеткой в шесть футов вышины, сверху донизу выложенною по узорам такими же драгоценными цветами и с бордюром, напоминающим цветы лилии. Резная работа до того мелка и изящна, что, невзирая на толщину решетки (в несколько дюймов), она представляет совершенное подобие кружева.

Осмотрев весь мавзолей, мы взобрались по витой лестнице на северный минарет и сидели, часа два, отдыхая в нем. Невозможно было оторваться от этой чудной картины. С минаретов окрестности Агры на иного миль кругом открываются, как на ладони. Разбросанные по обоим берегам извиающейся серебристой лентой Джумны виднеются великие памятники династии Тимура — крепости, дворцы, мечети, башни... Город с этой высоты теряет свой грязный вид и тонет в зелени кустов и деревьев.

Поселясь в двух шагах от Тадж-Махала, мы посещали его ежедневно.

Говорят, что после смерти его многолюбимой Мумтаз, идола души его, бедный халиф впал в глубокую меланхолию. Но вот явился святой дервиш и направил его мысли к сооружению умершей такого памятника, который удивил бы весь мир, обещая ему для этого покровительство Пророка. Дервиш сдержал слово. По первоначальному плану, халиф готовился выстроить и для себя совершенно подобный этому мавзолею на противоположном берегу Джумны, соединив оба памятника мостом из белого мрамора. Но задолго еще до окончания Таджа император заболел и сам очутился у преддверия смерти. Тогда его четыре сына, дети Мумтаз, не дожидаясь его смерти, затеяли войну за престол. Аурангзеб остался победителем в этом почтительном сыновнем турнире и запер как трех братьев, так и собственного отца в Гвальюрскую крепость — род Бастилии Индии.

По смерти узника-отца Аурангзеб, как истый магометанин и почтительный сын, воздал всякую честь переставшему быть опасным родителю. Он похоронил его возле «Венца Сераля» и окончил мавзолей на деньги перерезанных для этого случая богатых вельмож. Он даже пошел далее отца в бешеных издержках: соорудил пред настоящими воротами в сад

другие ворота из *чистого серебра* с целыми главами Корана, вычеканенными на них и украшенными, как кубок Бенвенуто Челлини.

За последнее десятилетие моголов крепко колотили махраты, и бедные правоверные очень этим огорчались, тем более, что махраты действовали под предводительством непобедимого Сиваджи — дежканского Ильи Муромца. Аджанубаху II, по пророчеству пандита Васишти, угрожал захватить в свои «длинные руки» все дотопе покоренные императором государства Индии¹ и отомстить за *родину* Аджанубаха I. Вдруг Аурангзеб (буквально «краса престола») затрясся, как осиновый лист, и, вскочив, молча и с полными ужаса глазами, указал придворным в угол. Придворные ничего в углу не увидели, но все слышали, как раздался чей-то дряхлый, но громкий голос и слова «горе... горе великому дому Тимура! Пришел конец его величию!..» Император повалился без чувств. Он клялся, что видел тень своего предка Акбара, который и повторил это ужасное пророчество, уже раз произнесенное им, по преданию, на смертном одре...

С той минуты все царство пошло вверх дном и разорилось во прах. Аурангзеб умер в 1707, а с «красою престола» исчезло и все величие его династии.

«Великий храм» Сумната, индийского Озириса, бога, перед судом коего являются души умерших и от которого зависит их будущий образ по закону метемпсихоза, один из крупнейших и богатейших в Индии. Он находится в Гуджарате, на берегу Индийского океана. Во времена Махмуда при этой пагоде состояло 2000 жрецов, 500 танцовщиц (научей), 300 священных свирельщиков и 300 брадобреев. Узнав о его богатстве, султан решил заглянуть в него и поделиться добычей с богом. Войдя в храм, он увидел себя в просторной зале со сводом, поддерживаемым 56 серебряными колоннами и с золотыми богами по стенам. Приказав солдатам уложить божков в обоз, Махмуд подошел к великому идолу Сумната и без разговоров отбил ему нос. Тогда брамины попадали ему в ноги и молили пощадить их великое божество, предлагая ему за милость столь громадную сумму денег, что его визирь советовал ему принять предложение. Но султан был строгий

---

¹ Аурангзеб, называл себя горделивым прозвищем «покорителя вселенной», всегда приказывал носить перед собой золотой глобус в виде символа...

магометанин и отверг предложение, за что и был вознагражден Пророком. Когда Сумната разбила на куски, то внутри его нашли несметное сокровище, состоящее из жемчуга и бриллиантов, на сумму вдесятеро большую той, что предлагали брамины. Таким образом добродетель еще раз восторжествовала на земле.

Самый дворец, где был заключен Шах-Джаган, уже в развалинах, но от него мы прошли в *зенану* (гарем) через двор, где Тавернье видел и свое время ванну в 40 футов длины и 25 ширины из серого мрамора. Все стены бесчисленных комнат покрыты тысячами выпуклых зеркал на персидский манер; и здесь опять все из белого мрамора — крыши, колонны, столбы, стены... Отдельные прелестные павильоны висят, словно кружевные звезды, на своих красных пьедесталах, окруженные сквозными балкончиками, покрытые вьющимися растениями. Все эти чудеса архитектуры, где люди жили, любили и страдали, все это ныне пусто, заброшено и словно заснуло непробудным сном... Одни зеленые попугаи прерывают торжественное молчание этой нежилой части крепости, пробуждая ленивое эхо; да голубокрылые пташки выют гнезда в углублении панелей, каждый отдельный кусок коих может служить образцом резчику.

Ночью, при лунном свете, это место представляет нечто волшебное. Словно воевода-мороз пролетел над королевством спящей царевны и покрыл все здания узорчатым инеем... Эта волшебная ажурная работа скорее походит на миниатюрную резьбу из слоновой кости, нежели на что-либо знакомое нам в произведениях европейских мраморщиков.

Тут же, в крепости, через стену от Тадж-Махала, «Моти Мусжид», мечеть, выстроенная Шах-Джаганом во время его семилетнего заключения. Прежде всего другого осмотренный мавзолей помешал нам отдать должную справедливость «жемчужной мечети». Но она, поистине, драгоценнейшая жемчужина меж всеми мечетями. Совершенная по архитектурной форме, в высшей степени поэтическая по обстановке, белая, как вновь выпавший снег, без малейшей примеси другого цвета, она к тому же останавливает внимание и заслуживает симпатию посетителей уже вследствие своей печальной легенды. Говорят, будто идея построить эту прелестную мечеть принадлежит Джеханари, любимой дочери султана-узника. Видя страдания отца и его безутешную печаль, прин-

цесса, которая настояла, чтобы разделять с ним его заключение, придумала и уговорила его заняться этой работой, которая одна могла, по ее мнению, рассеять его меланхолию. Уверяют, будто, соглашаясь, свергнутый султан воскликнул в глубокой сердечной горести своей: «Да будет по-твоему, дочь моя, и да назовется будущая святая мечеть «Жемчужиной»... Ибо, как настоящая жемчужина, обязанная своим зародышем, развитием и красотой внутри раковины страданиям и мукам жилицы оной, так Моти Мусжид да будет обязана своим существованием неисходному горю, испытываемому злосчастным отцом жестокого Аурангзеба!» И вот задуманная мечеть, дитя горьких часов заключения, вдруг появилась, канув у подножия Тадж-Махала, словно застывшая слеза «ангела судеб», обязанного вносить в книгу раскаяния все земное горе и страдание.

Впоследствии мы видели в Дели последнее жилище, могилу преданной дочери султана — Джеханари: по внешнему виду — горделивый белый мраморный саркофаг со скульптурными украшениями и мозаикой, как и все прочее; но внутри мавзолея зеленый свежий садик с незатейливым партером и цветами, которые ежедневно и с величайшим тщанием поливает старый сгорбленный могул, ставший полуидиотом после пережитых им ужасов Дели. Живая развалина среди мертвых руин, этот старик — воплощение неизменной любви и преданности к угасшему дому падишахов — единственный и последний потомок длинного ряда доверенных слуг султанов, избежавший общей участи только вследствие своей дряхлости и ничтожества. Ему лет под сто. Дрожая и шатаясь на костлявых ногах, он повел нас во внутрь, указав на стене погребальной залы эпитафию, сочиненную самую Джеханари перед ранней смертью и вырезанной по ее желанию на ее гробнице. Принцесса просит, чтобы одни цветы и трава указывали место, где будет лежать ее прах... «Пусть одни цветы, сорванные рукой Аллаха, смешиваются с тлеющим остовом смертного пилигрима — Джеханари... Они — лучшее украшение последней обители освобожденного от земных оков духа...» — говорит между прочим надпись. Мы дали несколько монет могульскому Кашею и, верный до гроба, слуга, спрятав их в высокой траве и поглаживая дрожащею рукой мрамор саркофага, тут же стал шептать, как бы обращаясь к самой покойнице: «Я куплю тебе, Бегум-ханум, новые цветочки... я поса-

жу тебе взамен погибших, увядших роз свежие!..» В Тадж-Махале, во время назойливых попрошайничеств жирного и час за часом богатеющего муллы, который не отставал от нас, прося для своего халифа «еще одну, только одну рупию», мне вспомнилась эта сцена. Бедный, дряхлый Кашей, вся догорающая жизнь коего сосредоточилась на могиле умершей за два века до того принцессы, только потому, что она была прабабкой его любимых убитых господ, возник предо мною, как последнее проявление в нашем веке горячей преданности к нам нашей «меньшей братии»...

В этой пространный крепости, в отделении гарема на каждом шагу натыкаешься на замурованные комнаты, тайники и подземные ходы, заделанные века тому назад и нечаянно найденные англичанами. Сколько кровавых, страшных сцен произошло внутри этой крепостной ограды! Сколько жертв, долгих мук и роковых, навеки погребенных тайн!.. Пройдя длинный ряд коридоров, нам показали место, где английские инженеры, пробив глухую стену, нашли в ней расположенную над рекой келью; в келье три широко ухмыляющиеся скелета — молодого человека и двух женщин, одной старой, другой молодой. Последняя была богато одета и вся покрыта дорогими камнями. Здесь их замуровали, оставив погибнуть голодной смертью; как бы из желания довести их предсмертные муки до *non plus ultra** утонченной жестокости, посреди комнаты чернело отверстие глубокого колодца, с журчащею внизу водой, заделанное толстой железной решеткой... В одном из подземных проходов была найдена почти бездонная пропасть, поперек жерла коей было вделано толстое бревно. На этом бревне, словно пучки сухой травы, на веревке висело около дюжины женских скелетов!.. Сколько таких молодых жизней попадало с этого бревна и ужасную, черную пропасть, никто не знает, разве один ангел смерти. Но Азраил не выдает тайн своих, особенно нам, неверным, ибо, по просьбе Магомета, он более не является в видимой оболочке...¹ Таким образом гаремная жизнь представляется чрезвычайно привлекательной, и нам остается лишь позавидовать счастливым Зюлейкам...

---

* Крайняя степень (лат.). — Прим. ред.

¹ До Пророка. — уверяет нас Коран, — он являлся за жертвами во плоти, и только по просьбе Магомета, пожелавшего освободить человечество от ужасного зрелища, ангел является теперь невидимо и неслышно.

Милях в девяти от городских ворот, на поляне, в саду деревни Скундыры, похоронен сам великий Акбар. Его мавзолей — второе издание его крепости, только в уменьшенном виде. Он занимает сорок десятин земли, стоит в саду или скорее в загороженном парке, разбитом на несколько верст в квадрате. Мавзолей находится на четырех постепенно уменьшающихся кверху террасах, с обычными минаретами, увенчанными куполами по углам. Все купола покрыты черепицами из мозаичной работы — зеленой и голубой с золотом. Непостижимо, как ни краски, ни накладная работа не изменились ни на одну полутень в продолжение целых трех веков в климате, где сырость и жара губят в один год самые прочные работы европейских мастеров.

На саркофаге выложены золотом и персидскими буквами девяносто девять качеств Аллаха.

На другое утро мы расстались с Агрой рано; так рано, что *заря не успела* даже еще зарумянить белоснежные купола Тадж-Махала!.. Нам предстояло сделать двадцать четыре мили до завтрака, приготовленного для нас в Футхепуре Сикри — знаменитейших развалинах северо-западных провинций, где нас ожидал наш друг и покровитель — такур. Гулаб Лалл Синг даже и не заглянул в Агру — место, которое он почему-то ненавидел, хотя он полуобещал встретить нас там. Но мы давно уже привыкли к его своеобразным действиям, к его неожиданным появлениям и таким же исчезновениям, и никогда ни о чем его не расспрашивали.

В это утро мы оставляли чисто британскую территорию и вступали на классическую землю Раджастан — родину такура, которой он так гордится и история коей прослежена английскими ориенталистами за 600 лет до Ксеркса, а Тодом за 3000 до Р. Х.; то земля сказочных и исторических героев, бешеной удали и рыцарских чувств к женскому полу, столь мало ценимому, презираемому и даже угнетаемому во всей остальной Индии... Здесь Гулаб Синг был у себя и готовился принимать нас хозяином. Нам словно легче дышалось... Едва дребезжащие, полуразваленные вагоны поезда, идущего до Джайпура, остановились у Футхепурской станции, как у всех нас, за исключением двух англичан, вырвался крик облегчения. В одну секунду, как бы выросшие из-под земли, щитоносцы такура перенесли наш багаж в кареты, присланные дewanом (министром) махараджи Баратпурского. «Его высочест-

во в Хардваре, на богомолье, но деван к вашим услугам и приказал простереться пред американскими братьями-саибами», проговорил высокий юный раджпут с длинными волосами и в белом тюрбане: «Кареты к вашим услугам».

А вот и такур-саиб... верхом и с полдюжиной плечистых, бородатых, длинно-кудрявых оруженосцев, которых мы еще не видали... Черный силуэт всадника ярко обрисовывается на безоблачном темно-синем горизонте, и громадная фигура напоминает мне конную статую Петра Великого. Мы все довольны...

XXIX

Быстро проходили дни и недели и еще быстрее передвигались мы с места на место; но, несмотря на то, что не теряли времени, мы не видали и двадцатой доли тех исторически знаменитых мест, которыми славится Индия. А между тем жара становилась с каждым днем ужаснее. В начале мая она достигает вообще по всему Индостану своей высшей точки; но Раджастан является в этом смертельном месяце даже в Индии пеклом, в сравнении с которым сам Аллахабад способен обворожить своей прохладой. В то время как в Петербурге и Москве поля еле начинают одеваться молодой зеленью, а кусты сирени еще стоят обнаженные, на палящих равнинах Раджпутаны все уже испеклось, пережарилось, и поверхность земной коры, как сухарь, слишком долго оставленный в духовой печи, пересохнув, начинает рассыпаться прахом. Ее огромные поляны, выгорелые, печальные, желто-бурого цвета, в местах, где они не столь густо заселены, напоминают русские степи: тот же сухой ковыль, то же частое марево на раскаленном горизонте...

Словно высохшая до мозга костей старика, дремлет вокруг нас усталая, угасающая природа Индии, доживая под палящими стрелами свирепого солнца «сезон жары». Весна, лето, зима и осень для туземца лишь звук безо всякого значения. У индуса всего три времени года, и, говоря о них, он различает сезон «жаркий», «холодный» и «сезон дождей». Через три-четыре недели на ярко яхонтовом, девять месяцев в году безоблачном небе, покажутся первые дождевые облака... Загремит гром, подымутся на Бенгальских берегах циклоны и

опустошительные бури. Погибнет несколько человек, разрушится несколько зданий; но зато, пролетев с юга, ураган принесет на мощных крыльях своих столь желанный муссон, весь пропитанный ароматами Цейлона и Южной Индии. И вот снова, в два-три дня, под проливным дождем зацветает вся Индия от Гималаев до Кумари. Затопленные равнины Раджастхана превратятся в моря, из глубины коих будут торчать лишь скалы такуров с их полуразрушенными крепостями и замками. Эти скалы, рассеянные теперь, словно безобразные бородавки, по лицу *Сурьявансы* — «Земли Солнца» — обмоют и зацветут, и снова все залюкует в природе... Закукует кукушка — певец любви Индостана, птица, посвященная Каме, божку любви. Подымет пар от земли — благоуханнейший из всех ароматов природы в понятиях индуса — пар от первого дождя, и начнутся свадьбы, пиры и веселье...

Но пока до дождя, «возлюбленного земли», по словам греческого поэта, — Раджпутана могла нам предложить не более того, что сама имела. Кругом все выжжено, и нечему уж более выгорать. Все мертво и безмолвно, и на голых полях не видно даже обычной фигуры земледельца, бедного черного скелета, копающегося на них, словно крот, во все остальные времена года... До первых дождей ему нечего делать в поле. В подобный зной даже выносливый верблюд покорно ложится, где попало: жвачка теряет для него всю прелесть, и по целым дням он либо непробудно спит, либо тут же издыхает. Все словно вымерло, застыло в природе, и деятельность ее проявляется теперь в одной смерти да тлении... В такие дни птицы десятками падают мертвые на сухую землю. Общее безмолвие прерывается лишь длинной, жалобной трелью ястреба, где-то недвижно висящего на воздушных горячих струях, да где-нибудь на бугорке стая коршунов, окружив падаль, стоит не двигаясь, понурив голову и не трогая лакомой пищи, довольствуется одними грезами. Смерть в разнообразнейших видах парит над головой европейца. Она мигает на него из дрожащих световых волн, угрожая солнечным ударом; тихо подкрадывается к нему в вагоне, суля «апоплексию от жары»,¹ причиняемую на железной дороге рассекаемым быстротой движения раскаленным воздухом, дома — удушливой температурой. Она ждет жертву в каждом затемненном, срав-

---

¹ В Индии врачи зовут этот род смерти *Heat apoplexy*.

нительно прохладном уголку, куда сырость поливаемых ставен и дверей привлекает ядовитых тысяченожек, скорпионов, даже змей.

Смерть в Индии не пропустит ни одного случая: она лучший союзник туземца и она часто избавляет его от тирана. Она сторожит англо-индийца из-за каждого угла; все средства для нее хороши. Вечно потеющий англичанин находит ее всюду: в искусственной прохладе; *панки*, осуществляющей в Индии *perpetuum mobile*,* — под колыханием коей он ест, спит, пьет, ругается, дерется и отправляет служебные обязанности, — как и в каждом стакане питья со льдом. Воспаление легких и холера прекращают его карьеру в несколько часов.

Все это нам было известно, и мы были предупреждены о раджпутанском зное. Но до тех пор все нам сходило с рук, и безнаказанность сделала нас дерзкими. В Дели такур нам сказал: «Не бойтесь; за вас двух я *ручаюсь*, и если оба наши англичанина послушают моего совета, то поручусь и за них»... И мы были совершенно спокойны.

Все более и более — я говорю о полковнике и о себе — овладевал такур нашею волей, всеми нашими помыслами. А заручившись всем нашим умом и душой, раздражив наше любопытство до крайних пределов, заставив нас чувствовать, что по одному мановению руки его мы готовы последовать за ним без колебания и метафоры — в огонь и воду, овладев наконец окончательно нашей волей, он видимо не пожелал воспользоваться своими преимуществами... Всегда ровный и приветливый со всеми, он был с нами, быть может, минутами ласковее, но также непроницаемо замкнут насчет своих таинственных несомненных познаний в «тайной науке», как и с прочими. Что он знал о нашем страстном желании поучиться у него, получить объяснение его необычайной, а для нас *абсолютно* доказанной психологической силы — это также для меня несомненно, как и то, что он, находясь в эту минуту в Тибете, знает, если только желает знать, каждое слово из того, что я пишу. Но, зная это, он молчал. Минутами мне казалось, что он будто изучает нас; желает убедиться, насколько он может довериться нам, и я боялась говорить о нем даже с полковником. Принадлежа к нашему «обществу», он оставался простым членом, отказавшись даже от не раз предлагаемого ему звания

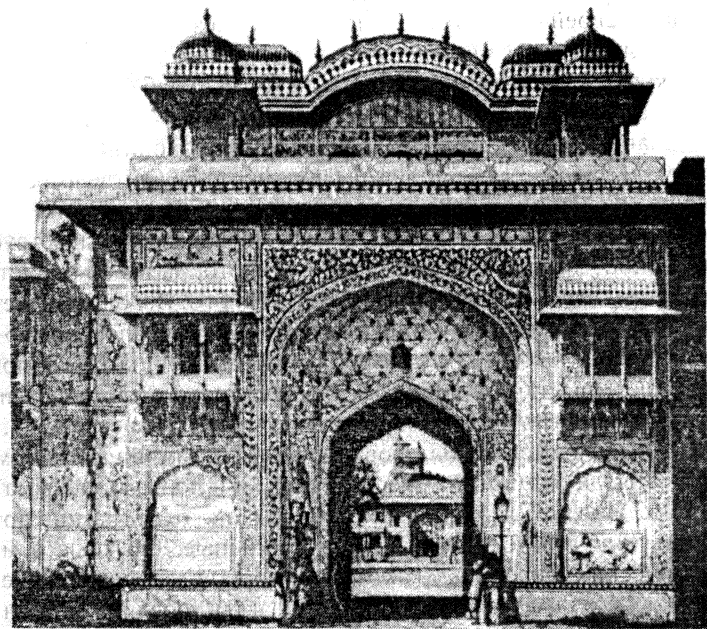
* Вечный двигатель (лат.). — Прим. ред.

«почетного члена общего совета». Один из таких главных советников Теософического Общества в Лондоне, лорд и граф и, главное, человек признанный одним из ученейших членов Королевского Общества, зная о нем, писал в прошлом году другому члену совета нашего Общества, редактору главного журнала правительства: «Ради Бога, просите такура ответить мне, есть ли для меня надежда достичь результатов, которых я тщетно ожидаю вот уже пятнадцать лет... Спиритизм изменчески предал меня. Феномены его — факт; объяснения — *чушь*. Как возобновить прежние сношения с тем, с кем я когда-то разговаривал так свободно за три тысячи миль, каждый из нас в своей комнате?.. Теперь все исчезло, он не слышит меня более, даже *не чувствует*... Почему?!...» Когда я передала такуру письмо по просьбе редактора, Гулаб Синг просил меня написать под его диктовку следующее: «Милорд, — вы англичанин и ваша вседневная жизнь вся проходит по английскому шаблону. Честолюбие и парламент начали дело разрушения, мясная пища и вино окончили оное. Для ассимиляции духа человека со всемирной душой Парабрахмы существует лишь одна узкая и тернистая тропа, по которой вы не пойдете. Материальный человек убил в вас духовного. Вы один можете воскресить последнего и никто другой на это не способен...»

Конечно, скептики и материалисты, как те, которые приписывают явления спиритизма *нечистой силе*, так и другие, убежденные, что после смерти от нас ничего не останется, а будет, по выражению Базарова, «лопух расти», ничему этому не поверят, а одни станут нас с такурами и лордами подымать на смех, другие отрещиваться от нас. Но к этому нам не привыкать стать. Зато люди серьезные, ученые, опытные в медиумических явлениях, как профессора Бутлеров, Вагнер, Цёльнер, Уоллас и другие, которых факты победили и принудили признать за факты, эти ученые, убедившиеся в существовании силы, способной завязывать узлы на бесконечной веревке, поверят *реальности* странных и необъяснимых феноменов, виденных нами в Индии. В одном мы разойдемся с ними: они верят, что невидимая сила, работающая над превращениями материи на спиритических сеансах, принадлежит *духам*: мы не верим в активное вмешательство усопших и приписываем эту силу лишь духу *живого человека*. Кто из нас прав, кто ошибается, может решить только время. Прежде всего люди должны убедиться в объективности этих спорных

явлений, а затем уже приниматься за объяснение их. Спиритизму более всего повредила теория верующих в него.

Все вышесказанное не отступление от моего рассказа, а необходимое объяснение тому, что следует. «Письма из Пещер и Дебрей Индостана» не одно географическое и этнографическое описание Индии со вплетенными в него фиктивными героями и героинями, а скорее дневник главных членов Теософического Общества, с которыми начали уже считаться и спиритизм, и материализм в Европе, а главное — неряшливые ориенталисты.

Дворцовые врата

Садясь в экипаж махараджи Баратпурского, мы ужаснулись, еле коснувшись до него. То было огромное полуоткрытое ландо времен царя Гороха, довольно удобное, впрочем, и способное легко вмещать шесть и даже восемь человек. Но сиденье его, в ожидании нашего приезда, успело превратиться в кресло, на котором поджаривались когда-то жертвы инквизиции... На подножках и железной обшивке ландо можно бы-

ло готовить яичницу, а от прикосновения голой руки к его стенке у меня слезла кожа на ладони. В ужасе отдернув руку, я не решалась садиться; и даже бравый полковник остановился в смущении... В такой колеснице разъезжает, вероятно, один Вельзевул, князь ада!

— Вам нельзя будет ехать до вечера в этой коляске, — заметил такур, хмурясь. — Придется провести день здесь поблизости. Войдите в буфет, пока я пошлю за крытой каретой...

Последовало совещание. До волшебных садов Дига, поливаемых 600 фонтанами (исторически известное наследие Баратпурских махараджей) было 18 миль; до столицы штата 5; до места завтрака 15. Поезд опоздал, и было уже десять часов. Ехать в самый полуденный жар, когда и теперь у нас кружилась голова и темнело в глазах, было бы безумием. Все, кроме такура, даже индусы побледнели, то есть сделались земляного цвета, и обвевались шарфами... Один бабу, казалось, блаженствовал. Простоволосый, как и всегда, и подпрыгивая на переднем сиденье, на котором уже уселся с ногами, он нырял в волнах раскаленного воздуха, как другой ныряет в прохладных струях реки, уверяя, что вовсе еще не так жарко, и что в Бенгалии такой день считался бы многими прохладным.

Пока такур отдавал приказание, и два оруженосца поскакали куда-то за каретой, мисс Б***, совершенно изнемогая от жары и придираясь ко всему и всем, сочла своим долгом оскорбиться словами бабу:

— *C'est du persifflage, cela!** — повторила она, обмахиваясь в волнения. — Ему прохладно, когда мы все умираем от жары!..

— Ну, а вам-то что до этого?.. разве вы можете запретить человеку чувствовать себя иначе, нежели себя чувствуете вы? — уговаривала я ее, предчувствуя новую между ними ссору.

— Но ведь это он нарочно!.. Он смеется над нами, — громко ворчала старая дева. — Он, как и все индусы, ненавидит нас, англичан! Он радуется нашим страданиям!..

— Совершенно напрасно так думаете, — поддразнивал ее бабу из коляски. — Я вовсе не ненавижу наших *добрых* повелителей. Только когда им жарко, мне всегда бывает прохладно и — *vice versa*... Садитесь возле меня, и я вас стану обмахивать вашим веером... Вы знаете, как я вас... уважаю!..

---

* Да это же просто глумление! (фр.). — Прим. ред.

— Прошу вас не учить меня, если я даже и ошиблась! — взвизгнула она, бледнея от бешенства. — Не вашей... расе учить нас — англичан!

— Я вам серьезно советую быть осторожнее... при такой жаре. — вмешался такур, слезая с лошади и многозначительно подчеркивая последние слова. — Малейшее волнение может оказаться гибельным в нашем климате, которого даже и английская власть не сумела еще поработить.

И снова та же острая молния сверкнула в полузакрытых глазах раджпута, и ноздри слегка дрогнули при тоне презрения, с каким она произнесла слова «ваша раса». Но рассвирепевшая островитянка уже закусил удила, и остановить ее не было возможности.

— Мы не можем долее пребывать в гармонии, необходимой для приятного путешествия, — объявила она. — Пусть господин президент выбирает теперь между членами европейцами и *азиатами!*..

— Тут никакого не может быть выбора, — медленно начал он, сильно разгневанный и выколачивая в своем смущении горячую золу из трубки на подушки ландо его светлости. — Все члены вверенного мне в Нью-Йорке общества, *к какой бы они расе или религии ни принадлежали*, равно уважаемы мной и дороги Центральному Обществу. От выбора поэтому я отказываюсь; а о праве своем решать споры и недоразумения между членами — заявляю. Я слышал каждое слово вашего... немного крупного разговора и должен сознаться, что не нахожу в нем ничего похожего на ссору!.. Почтенная мисс Б*** вспыхнула и наговорила дерзостей бабу. Он промолчал и поступил как джентльмен. Надеюсь, что мисс Б*** теперь поймет, что оскорблен *он*, а не *она*, а в его лице и прочие члены-туземцы; надеюсь, что она присоединит к моей и свою просьбу, чтоб они забыли эту пустую вспышку и попросит наших добрых, уважаемых друзей не уезжать от нас...

Мисс Б*** вся затряслась от бешенства.

Стоя в двух шагах от меня и облокотясь на седло, такур не спускал с нее широко открытых зрачков, блестящих в эту минуту каким-то зловещим фосфорическим сиянием. Нараян, опустив глаза и голову, молчал; но на сильно закушенной губе его выступила крупная капля крови...

— Как! мне... *мне* просить у *него* извинения?.. — прошипела англичанка. — Мне... когда он...

«Вот тебе и «Братство человечества», подумалось мне.

Такур вдруг быстро протянул к ней руку... Захлебываясь и бормоча несвязные звуки, она неожиданно грохнулась, как скошенный сноп, хрипя и в судорогах, прямо в объятия У***, на руки которого Гулаб Синг ловко перебросил ее падающее тело...

— Так и есть, как я се предупреждал, — тихо и спокойно произнес такур, наклоняясь над сильно вздрагивавшим телом. — Солнечный удар; несите ее в дамскую уборную!

Оскорбленный мисс Б*** бабу пошел на отчаянное средство и — явился ее и нашим спасителем. Он побежал с Нараяном в поле и принес целую охапку травы под названием *кузимах*. Эта трава, имеющая свойство крапивы, покрывает тело вследствие одного легкого прикосновения к ней сыпью и ужасными волдырями. Не говоря ни слова, он попросил меня надеть перчатки и растирать ноги больной кузимахом. У самого у него лицо и руки мгновенно вздулись как пузырь, но он не обратил на это внимания. Признаюсь, я исполнила возложенное на меня поручение со злобным рвением. Я почему-то надеялась... *чувствовала*, что такур не допустит до такого трагического конца, каким явилась бы смерть англичанки во время нашего путешествия, а доставить ей неприятный, но благодетельный зуд в продолжение нескольких дней мне было весьма с руки. Через пять минут втирания ноги англичанки превратились в кровавые волдыри, но зато сама она открыла глаза и имела удовольствие заметить (по крайней мере я надеялась), как за ней ухаживает «сын презренной расы». Но бабу не ограничился этим: тогда как с девяти часов вечера У***, ее соотечественник, под предлогом нездоровья и усталости, залег спать в соседней комнате, маленький бенгалец не оставлял ее ни на минуту. Один он переменял ей головные примочки изо льда, который наконец под вечер и вследствие нашей телеграммы был прислан из Агры, и ушел от нее лишь на другое утро, когда с первым поездом приехал вслед за льдом и врач англичанин.

Узнав о странном лекарстве бабу, доктор фыркнул себе что-то под нос, но объявил, что и *кузимах* хорош, как и всякое другое отвлекающее кровь от головы средство. Приказав везти пациентку назад в Агру, а по выздоровлении тотчас же назад в Бомбей, он взял 50 рупий и отправился в ожидании обратного поезда завтракать, попросив У***, en

passant,* чтоб эти «негры» ему не мешали. У***, чувствуя, что я гляжу на него, сильно покраснел, но обещал — не сделал ни малейшего замечания. Он ехал с ней, так как нельзя же было отпустить ее в таком состоянии одну, а нам невозможно было уехать, не повидавшись со *свами* Дайанандом.

Но вернемся на несколько часов назад. Накануне, под вечер после катастрофы и когда больная уснула, четверо нас: такур, полковник, Нараян и я, собрались вместе за маленьким садиком станции, у разбитых для нас палаток. Палатки принадлежали такуру, появились в несколько минут, словно вызванные волшебством из-под земли, и были весьма курьезны. В другое время их внутреннее устройство, где находился кругом и коридорчик, и спальная, и гостиная, и даже комнатка для ванны, привлекли бы все внимание нашего любознательного президента, особенно их вполне восточная меблировка. Но в настоящую минуту нашего рассказа он был слишком взволнован. Его занимала лишь одна мысль — об ответственности его положения как президента Общества; мысль, что компания наша расстраивается, и один из членов ее, как бы ни был он виноват, находится в опасности. Неизвестность будущего и искреннее огорчение ввиду фактической невозможности помирить два столь противоположные элемента в управляемом им и доверенном ему Обществе, как чванные англичане и туземцы, которые, как огонь и вода, лишь шипели при малейшем соприкосновении, все это не давало ему покоя. И он шагал, бедный полковник, в величайшем смущении, прогуливаясь взад и вперед пред навесом средней палатки, где такур, спокойный и безмятежный, как и всегда, курил у дверей на ковре.

— Не волнуйтесь, полковник; она не умрет, — равнодушно заметил такур.

— Нет!.. вы даете мне в том слово, мой дорогой такур? — воскликнул обрадованный американец.

— Давать слово в жизни или смерти больной особы, не будучи врачом, было бы слишком дерзким с моей стороны, — возразил раджпут, смеясь. — Но, судя по долголетнему опыту, если она пережила первые полчаса и к солнечному удару не присоединились симптомы другой какой болезни, то, конечно, главная опасность миновала...

---

* Между прочим (*фр.*). — *Прим. ред.*

Американец поднял на него свои ясные голубые глаза и, задумчиво пощипывая бороду, покорно заметил:

— Мы приехали в Индию за 10000 миль изучать психологию и все касающееся *духовного* человека... и... по вашему зову. Мы вас выбрали нашим *гуру*,¹ а теперь, когда мы нашли в вас одно воплощение «тайной науки», неужели теперь вы отвернетесь от нас?

В голосе нашего президента зазвучала очень грустная нотка. Такур быстро взглянуть на него и, помолчав, отвечал уже совершенно спокойно и даже ласково:

— Я действительно посвящен в то, что у вас называют *гупта-видьей* — тайными науками...

— Вам известны эти науки? Вы наконец решаетесь сознаться в этом хоть пред нами — вашими невежественными, но всею душой вам преданными учениками?

— Я никогда этого не скрывал и не мог бы, даже если бы хотел скрыть... Я *брахмачарья*.² Но ведь под названием «брахмачарьи» и словом «тайные науки» разумеется иногда очень многое, и смысл их весьма эластичен. Со славных времен риши прошли тысячелетия, Индия пала и выродилась, — печально добавил он. — Теперь вы найдете во всех больших городах «брахмачарий», которые заменяют недозволенную им кастой законную жену тайным гаремом — *зенаной* — и отдают в рост деньги; часто встретите шарлатанов, составляющих и продающих во имя «тайных наук» любовные зелья! Неужели и за такими вы станете гоняться и отдавать им почести из-за одного имени?..

— Что такое «тайные науки»? — продолжал такур. — Для меня эти науки, как и для всякого, кто им посвятил всю жизнь, содержат в себе ключ ко всем тайникам природы и миров как видимого, так и невидимого. Но этот ключ достается дороже, нежели вы думаете. *Гупта-видья* — обоюдоострое оружие, и к нему нельзя приступать, не пожертвовав заранее жизнью, хуже, разумом, так как она одолевает и убивает каждого, кто не успеет одолеть ее самое. Басни древности основаны не на одной фантазии. И в нашей допотопной Арьяварте найдется сфинкс, как и в Египте, и на одного Эдипа в итоге получают тысячи жертв. Особенно она опасна для вас, европейцев и белых. Вот

---

¹ *Гуру* — учитель.

² Род светского монаха, от рождения посвященного безбрачию и обязанного изучать сидх — науку теургии или белой магии и чудотворство.

почему я колеблюсь пред вашим страстным, но... неразумным желанием дозволить вам даже начать первые испытания...

— Такур! ради всего для вас дорогого!.. — воскликнул наш президент умоляющим голосом. — Прошу вас во имя всего нашего общества, во имя науки и человечества!.. Вы знаете, я не трус. Я не дорожу жизнью, и если хотя в конце ее не блеснет для меня луч истины, то чем... скорее этот конец... тем лучше!.. Только наставьте меня раз на путь истины, и клянусь никогда ей не изменить...

Такур отвечал: не сейчас.

— Хорошо, — вдруг обрадовал он полковника. — Теперь, когда вы завтра, вероятно, будете освобождены от ваших двух англичан, я могу вас пригласить к себе, в Д*** поместье. До вашей поездки к свами Дайананду остается еще две недели... Раз у меня, полковник, я вас подвергну одному предварительному и небольшому испытанию. Останетесь вы победителем — хорошо, быть вам моим *челой* на семь лет. А нет, ну, тогда все останется по-прежнему. Согласны?..

— С радостью, с радостью!.. — суетился наш развеселившийся президент. — И вы увидите, такур, что я не ударю лицом в грязь ни перед каким испытанием!..

По окончании разговора такур попросил меня отправиться к мисс Б*** узнать о ее состоянии. Все трое, т. е. Гулаб Синг, полковник и Нараян, заперлись затем одни в палатке. Когда я вернулась часа через полтора, полковник весь сиял.

— Знаете, — произнес он радостным шепотом, — как скоро ушел Нараян, — такур допускает меня к «первому искусству»...

— Знаю; ведь это он при мне вам обещал, если счастливо пройдет предварительное испытание.

— Нет, это совсем другое... он позволяет мне попробовать *кхумбаки* и *пураки*... когда бы я ни пожелал!

— Господи!.. — в ужасе всплеснула я руками. — Да ведь это вы, значить, будете висеть вниз головой и не дыша по целым часам?.. Да с вами будет непременно удар!.. В своем ли вы уме?..

— Почему же непременно удар? Все зависит от силы воли, а в ней у меня недостатка никогда не было, — немного обидясь отвечал О*.

— Ну, как знаете... Только смотрите, не смеется ли он над вами... Он только желает вам доказать, как совершенно способен европеец к подвигам индийского аскетизма...

В первый раз со времен нашего знакомства достойный американец чуть не разбранился со мною за это замечание. Он приехал де изучать «тайные науки» и изучить их.

— Да вы на что же решились?.. — рассердилась я наконец. — Факиром, разрисованным коровьим навозом желаете быть или раджа-йогом? Так ведь вы или забыли, или не знаете, что первым настоящая *гунта-видья* столько же знакома, как и вам, а настоящие *раджа-йоги*, такие как такур, вниз головой и вверх ногами не висят и мозгов себе вверх дном не перетряхивают.

Последний аргумент видимо поразил его.

— Как?.. Разве такур не практиковался в 86 позициях, предписанных «Йогой» Патанджали?..¹

— Очень это похоже на него, который всегда говорит с таким презрением о юродствах «хатха-йогов», т. е. тех, которые, следуя мертвой букве учения Патанджали, стоят по целым дням на голове, — отвечала я, окончательно разозлясь.

— Но как же он дозволяет мне?

— Дозволяет, чтобы отвязаться от вас, потому что вы пристаёте к нему слишком, и он желает вас проучить вероятно... Не сердитесь, полковник; но где же вы когда-нибудь встречали факира или даже простого *байрага-россеина* (странствующего монаха) с таким, как у вас, брюшком?

О* снова обиделся, даже огорчился.

— Но я могу похудеть; я только желаю ему показать *силу воли моей*, доказать, что не одни индусы достойны посвящения в высшие «тайные науки».

— Не этими фокусами докажете вы это ему! Я его лучше вас знаю... Полноте, не морочьте себя напрасными надеждами! Благодарите судьбу и за то, что, принадлежа оба к ненавидимой и презираемой им «белой расе», видя лучше всякого другого нашу безусловную горячую к нему преданность, а быть может еще более за нашу искреннюю симпатию к его народу и уважение к родине его, нежели за первое, он делает

---

¹ Эта система философии аскетизма самая трудно понимаемая в Индии. Как халдейская каббала, по которой Симеон бен-Йохай составил в первом веке еврейскую, или же некоторые трактаты алхимиков, каждое существительное имя в ней означает по условному ключу что-нибудь другое. Этот ключ, по общепринятым понятиям, находится у одних *раджа-йогов*, и брамины не имеют и понятия о настоящем значении ее учения.

такое неслыханное для нас исключение. Не требуйте от него того, чего он не может, не смеет нам дать, и довольствуйтесь крохами, которые он нам бросает по дороге.

— Но почему же, — не отставал от меня полковник, — скажите, почему! Ведь есть же у него ученики?

— Есть, да не такие, как мы с вами, дети гнилой цивилизации, наследники всех пороков Запада. Вот посмотрите на Нараяна: бедный малый — мистик и фанатик по природе; он живет и дышит им одним и готов по одному мановению пальца его положить за такура десять тысяч жизней, когда б имел их. А он никогда не будет у него принять *челой*, хотя он и природный индус.

— Но как же вы можете знать! Разве он говорил?..

— Ничего не говорил, а знаю; хотя бы потому, что лучше вас понимаю Патанджали и что я не в первый раз в Индии. Несчастный Нараян *не может сделаться раджа-йогом, потому что он женат*.

— Да ведь он женат еще пока номинально: его жене всего одиннадцать лет. Это только обручение.

— А разве такур имеет право разбить всю жизнь молодого, ни в чем неповинного существа? Разве он такой человек? Вы забываете, что брось теперь Нараян жену, она будет обещена до дня смерти. Не только она, но и все ее родные и родственники до седьмого колена лишаются касты...

— Несчастный молодой человек!.. — с сердечным соболезнованием воскликнул полковник.

— Но... ему, быть может, еще улыбнется счастье... она, быть может, еще... умрет? — наивно добавил он.

— Бедная, маленькая *Авати-бай!*¹ Как вам не стыдно надеяться на ее смерть!..

— Да я вовсе и не надеюсь на это... но ведь все может случиться... и я ведь только из желания ему добра...

Не успел он еще договорить последнего слова, как произошло нечто необыкновенное. Мы стояли на заднем дворе станции под деревом и говорили почти шепотом, а палатка такура находилась, по крайней мере, за двести шагов отсюда. Вдруг, словно из густой листвы мангового дерева, над нашими головами раздался чистый, звучный голос Гулаб Синга в

---

¹ *Авати* — «океан», *бай* — «сестра» следует после каждого женского имени у парсов, так и у индусов.

ответ на эгоистическое замечание нашего президента, который так и замер на месте...

— *Тому, кто строит собственное свое счастье на несчастьи другого, — не быть никогда раджа-йогом!*.. — явственно произнес голос.

Начатые почти над нашим ухом, последние слова фразы, как бы постепенно удаляясь, прозвучали где-то далеко и наконец слились с жалобным завыванием и хохотом голодных шакалов в поле.

Полковник побежал во всю прыть своих толстых ножек назад, в палатку такура, где и нашел его за ужином с Нараяном и двумя другими нашими индусами. Такур допивал свою вечернюю порцию молока — единственная его пища (сколько мы успели заметить за все долгие недели его пребывания с нами), и на вопрос, не выходил ли он перед тем из палатки, полковник получил отрицательный ответ ото всех присутствующих.

— Я глядел на него как под влиянием минутного безумия, — рассказывал мне затем полковник, — а он сидел такой же, как и всегда, равнодушный и спокойный, вперив в меня свои удивленные глаза, которыми он словно перебирает и пощипывает вам душу до самого ее дна!.. И знаете, что он отвечал мне на мое невольное восклицание, что я, кажется, слышал его голос на дворе станции? «Очень может быть, мой дорогой полковник. Невидимые коридоры вечности и безграничного пространства *акаши*¹ наполнены всеми голосами природы — прошлого и настоящего. Весьма естественно, если вы и наткнулись нечаянно на застывшую волну моего голоса и, приведя ее в движение, пробудили в одном из таких коридоров эхо... Помните, ничто не исчезает бесследно в природе; поэтому никогда не произносите, даже *не думайте* того, чего бы вы не желали впоследствии найти запечатленным на таблицах вечности»... Черт меня побери, если я понимаю эту ходячую загадку, которую мы все зовем такуром! Кто и что он такое?!..

На другой день мы уложили мисс Б***, слабую, но уже бранчливую, в вагон и отправили ее на попечение У*** и врача назад в Агру. На прощальный привет бабу, который прово-

---

¹ *Акаши* — эфир наших учений и, сверх того, еще нечто непередаваемое на нашем языке и чему метафизика Запада не нашла еще подходящего названия.

зился с ней и ухаживал за ней до утра, она отвечала милостивым, но величавым и довольно холодным наклонением головы. Из индусов она никому не подала руки; но У***, устыдясь нашего присутствия, торопливо и будто прячась за спины зрителей, пожал им всем руки, кроме такура, который не присутствовал при проводах.

Под вечер того же дня мы отправились в столицу махараджи, где и ночевали впервые во дворце независимого принца Индии. Но об этом и дальнейших наших приключениях сказка впереди.

XXX

Маленькое владение, когда-то царство с царьками и царицами, Баратпур знаменит лишь своими Семирамидиными садами, своим Дигом. Раджа его чрезвычайно гордится своей независимостью пред менее счастливыми братьями, раджами других владений Раджпутаны, забывая, что он обязан своею независимостью собственно совершенно замкнутому географическому положению своей территории. В Баратпуре нет ни президента, ни даже какого-либо чиновника британского, по той простой причине, что, сдавленный словно в тисках между Агрой, Джайпуром и Альвуром, этот штатик походит на пленника, окруженного рядом солдат и поэтому освобожденного от лишнего часового, которому оставалось бы поместиться на плечах или голове узника. Невзирая на такое положение, население, т. е. высшие классы (кшатрии, каста воинов), с гордостью, достойною испанских гидальго, презирают махратов и даже раджпутов, которых теперь перестали бояться. Разоренные дотла англичанами, они довольствуются малым и живут в своем «Царстве Павлинов» (названном так потому, что на одной долине Бхаратской насчитывают до 6000 священных павлинов) беззаботно и даже счастливо. Баратпур — гнездо бардов и священного песнопения, в котором прославляются с утра до ночи доблестные подвиги богов и смертных. Поэтому из семисот тысяч жителей, на пространстве каких-нибудь 77 миль в длину и 50 в ширину, четыреста тысяч *браминствуют*, ровно ничего не делая, а триста тысяч проводит всю жизнь, таская воду из озер Дига и разнося оную на плечах для орошения 1978 квадратных миль. Кроме этих озер, занимающих

всего несколько верст, во всем владении не имеется ни капли воды.

Раджа и 99% общего числа жителей джаты. Это племя, когда-то составлявшее огромное большинство населения Раджастанхана — «аборигены палящих равнин», расстилающихся вдоль Инда и его притоков.

Джаты — один из древнейших народов Индии, и хотя «аборигены» для пришедших позднее их раджпутов, но не аборигены, а также пришельцы для настоящих аборигенов, племен, рассеянных по всей Индии, скрывающихся в неприступных горных ущельях, в лесах и джунглях. Их предания, как и сама история, или вернее те истрепанные в клочки страницы, что у нас ходят теперь под именем истории, указывают на джатов как на племя, передовые колонии коего пришли в Индию из-за Гималаев, вероятно из-за Оксуса (ныне Амударья), еще до времен Кира. В IV веке история застаёт Джатское царство в Пенджабе, но не указывает на эпоху его основания и не даёт никаких сведений о первом появлении джатов. Из всех племен, живущих ныне в Индии, которым желают навязать в прародители скифов, джаты самое подходящее к гипотезе. Наружность скифов, как мы находим ее описанной Геродотом, резко отпечатлелась на них. Приземистые, плотные, волосатые, с сильно развитыми мускулами, джаты столько же подходят к этому описанию, сколько высокие, стройные раджпуты и бхилли отходят от него. Достаточно взглянуть на чисто греческие профили раджпутов, чтоб убедиться в невозможности производить их от скифов. Эта так же нелепо, как сваливать в общую «скифскую яму» и пенджабских сикхов, колоссов с орлиными носами и чисто европейским типом лица, только потому, что до обращения их в монотеизм они приносили в жертву лошадей. Сикхи и раджпуты, по общему мнению писателей-ориенталистов, один из красивейших типов рода человеческого.

Огромная часть Раджастанхана перемешала в себе теперь под «благодетельным правлением Англии» (стереотипное выражение) чистых раджпутов, и их такуры и земиндары пользуются одинаковыми правами, или, что, быть может, будет вернее, одинаково не пользуются никакими правами, кроме прав обыкновенного помещика и хозяина в собственных поместьях. Но между такурами раджпутской и джатской крови мнение народное, редко ошибающееся, вырыло непроходи-

мую бездну. Такур-джат — феодальный барон, грабящий по ночам. Такур-раджпут — рыцарь, un chevalier sans peur ni reproche * в полном смысле слова. Чтоб успокоить первых и тем доставить себе верных союзников, правительство хотя и воспретило дневные грабежи de jure, но разрешило их de facto, предоставив грабителям, как шейхам бедуинов в Палестине и Сирии, взимать контрибуцию с приезжих караванов и путешественников, якобы гарантируя последним полную безопасность от бхиллей. Но раджпутские такуры не приняли ни одной из предлагаемых им милостей. Владея и управляя почти самовластно горстью своих подданных, они почти не выезжают из пределов своих деревень и даже часто из замка. Гордые и неукротимые, поставленные теперь в невозможность воевать друг с другом, они, по-видимому, покорились своей участи, но знают лишь с раджами, которым, как вассалы, они обязаны платить дань людьми и деньгами. С англичанами они не имеют почти никаких прямых сношений, а ведут дела, в случае надобности, чрез министров своего сюзерена, махараджи.

Суеверие джатов можно сравнить разве только с суеверием дравидов южной Индии; это какой-то волшебный, заколдованный мир. Провести несколько дней с джатами все равно, что день и ночь читать сказки... Что ни шаг, то капище с особенной своей легендой, на первом плане которой выступают рыцари и боги с богинями, всегда играющими в них роли добрых и злых волшебниц, как в сказках Перро, где добродетель всегда торжествует, а порок всегда бывает наказан.....

— Видите эти разрушенные стены крепостей, вон там на валу, где растет это огромное дерево с золотистыми цветами? — спрашивает нас посланник девана.

Мы подъезжали к столице Баратпура, и пред нами возвышались горы мусора, развалины когда-то знаменитых укреплений, а за ними в грязной и душной котловине расстилался город, собрание полуразрушенных лачуг. На плоских террасах домов стояли безобразные идолы, и меж ними важно расхаживали павлины, сверкая в лучах заходящего солнца стоглазыми хвостами.

— Вижу... Что ж в этом дереве такого удивительного? — прищурился полковник.

---

* Рыцарь без страха и упрека (фр.). — *Прим. ред.*

— Теперь ничего, — отвечал, вздыхая, посланник. — Но это желтые, как золото, цветы, эти бесчисленные гроздья ароматных чашечек, все это слезы Кришны... Увидев, что англичане перерезали дорогу нашим инженерам к пруду и переходят городской ров, *дэв* (бог) бросил в отчаянии булаву под ноги первому отряду и на этом месте тотчас же выросло дерево. Затем на дерево закапали священные слезы как частый дождь, и из каждой капли вырос цветок.

— Чем плакать, лучше бы богу было не плошать и тут же свернуть всему отряду шею, — покощунствовал сквозь зубы бабу.

Южный раджпут, ехавший возле кареты верхом, только вскинул глазами на бабу. В его черных, как смоль, глазах выразался немой упрек.

— Вы бенгалец и... вероятно, *настика*?¹ — срезал он его.

— И да, и нет, — отвечал бабу, немного сконфуженный прямым вопросом, а еще более устремленным на него пристальным взглядом Нараяна, — я из Бенгалии, но принадлежу... или скорее *принадлежал* к секте чарвака, к лакаятикам. Но теперь, — поспешил он прибавить, — я теософ и готов верить во что прикажет нам президент....

Мы рассмеялись, стараясь обратить откровенное признание в шутку. По-видимому, оно произвело тяжелое впечатление на его религиозных товарищей. Они, вероятно, не знали до сих пор о принадлежности нашего ветренного бабу к этой столь презируемой прочими индусами секте. К счастью его, такур отсутствовал. Усадив нас и отправив под охраной своих всадников, он сам по обыкновению куда-то исчез.

Баратпур построен на развалинах, от которых на земной поверхности не осталось теперь и праха древней столицы, основанной героем Бхаратом. Настоящей столице минул всего один век. Среди развалин древних бастионов и башен, забитых наглухо ползучими растениями, прячется, будто стыдясь своей современной мизерной наружности, дворец махараджи. Он окружен со всех сторон башнями и уцелевшими куполами на плоских террасах старой крепости со многочисленными пробоинами, и представляет, по замечанию Фергиосона, «страшную смесь всех стилей архитектуры» от сарацинского до джатского.

---

¹ Настика — атеист.

Миновав несколько старинных ворот со сводами и полуразрушенными стенами, на обломках коих часовые преспокойно спали или курили *челум*, мы подъехали ко дворцу. Махараджи не было, он отправился пилигримом со свитой в Хардвар.¹ В первый раз по приезде в Индию мы вступали в жилой дворец раджи и, конечно, ожидали увидеть нечто волшебно-прекрасное. Разочарование было полное.....

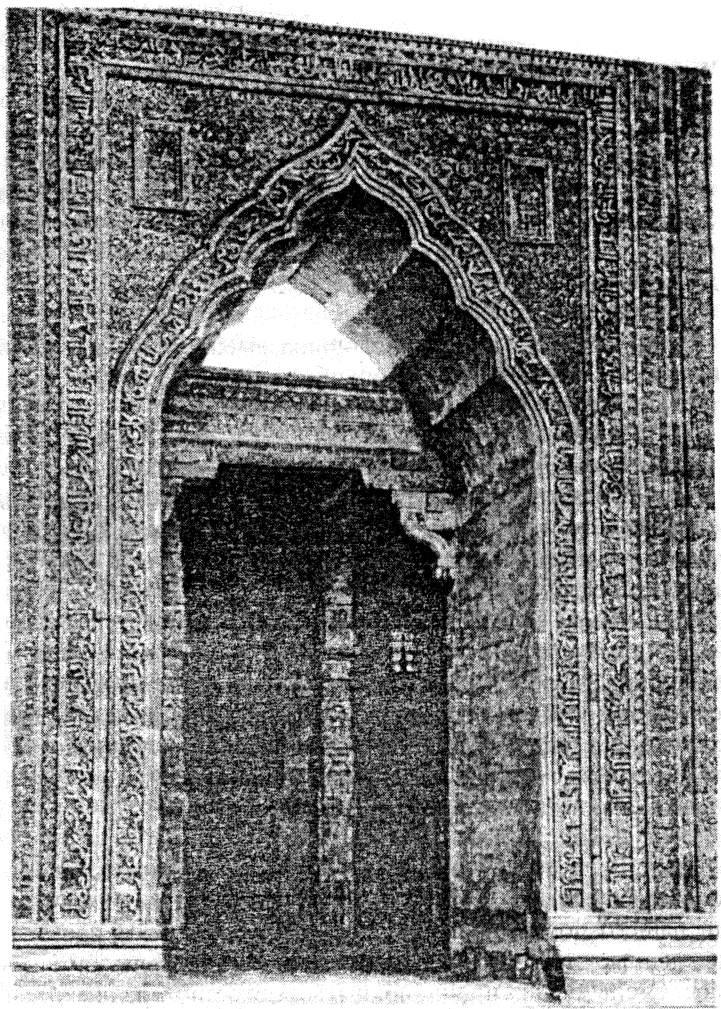
Здание огромное, как и все дворцы раджей, но угрюмое, закопченное, со стенами, покрытыми плесенью, с бесконечным рядом галерей, веранд, башен и башенок, лестниц и коридоров. Внутри бесконечные ряды комнат, неизвестного назначения, но от первой до последней, от дурбарной «тронной» залы до малейшего чулана под крышей, каждая походила на кладовую продавца старой мебели. Всюду полы без ковров, каменные, но весьма неровные, неподметенные, вероятно, со дня отъезда раджи, так как каждый шаг подымал облака пыли, заставляя нас чихать и откашливаться. Комнаты, загроможденные полуизломанным хламом, — вот что нашли мы во дворце независимого раджи.

Заметив, должно, быть отсутствие всякого восторга на наших откровенных лицах, встретивший нас на крыльце бородатый джат, который взялся было показать нам *царские* покои, желая заставить нас, вероятно, изменить мнение о великолепии дворца, повел нас в какую-то *секретную*, угловую комнату, посещаемую, как он нам сообщил весьма конфиденциально, всеми английскими *бар-саабами* (большими господами) и весьма хвалимую ими. Комната эта, которую он приказал своему дядьке отпереть каким-то особенным ключом тоже с секретом и вдобавок с музыкой, оказалась кругом обвешенною картинами во французском вкусе самого непозволительного содержания. Полковник насилу удержался, чтобы не обругать джата, а Нараян, еле взглянув, опрометью бросился вон из комнаты, облегчив целомудренное сердце целым потоком слов, которых мы не поняли, но которые видимо произвели на бородатого наперсника угнетающее впечатление. Он сильно растерялся и поспешил запереть «секретную» комнату, пробормотав нечто вроде извинения. Мы только по-

---

¹ В Индии все большие и малые раджи отправляются по крайний мере раз в год на поклонение ко священным местам. Они обыкновенно совершают хоть часть пути пешком, одетые в бедное платье пилигрима-аскета, босиком и раскрашенные знаками своей секты.

няли одно: все «бар-саабы» *феринги* и даже «*мем-сааб*», их дамы, посещали этот *европейский* «музей» и всегда очень весело смеялись. Вследствие такого поражения, однако, бородач поспешил ретироваться, оставив нас на попечении старого дядьки или воспитателя раджи.

Знаменитий пам'ятник Аджира

Всюду та же грязь, пыль, безвкусица, запустение и ветхость. Сам махараджа не живет в своих «царских» покоях. Они предназначены восхищать заезжих белых варваров. Сам же он поселился уже давно в *зенане*, в терему, с полдюжиной жен.

— Old curiosity shop (bric-à-brac),* — пробормотал все еще сердитый полковник, оглядываясь. — А где же такур-саиб? — внезапно осведомился он. — Разве мы не увидим его более сегодня? Нараян!.. Мульджи!.. не знаете ли, где такур?

— *Маха-саиб* (великий господин) никогда не входит во дворец Баратпурских владетелей, — шепнул нам на ухо Нараян. — Он уехал вперед в Диг и ожидает нас завтра туда к *чотта-хазри* (к завтраку)...

— Гм! — промычал президент, разглядывая китайского фарфорового мандарина с разбитым носом, — вечер значит пропал... А не знаете вы, любезный Нараян, почему это такур-саиб избегает... жилища здешнего раджи?

Махрат видимо смутился.

— Я не имею права, полковник, вмешиваться в частные дела и... обсуждать их... особенно действия *маха-саиба*, — отвечал он, наконец, запинаясь.

Но любопытство полковника было не из тех, которое можно было остановить замечанием. Он обратился к старому воспитателю раджи, который плелся за нами, окруженный привратниками со связками ключей. Вопрос был повторен старику. Услышав его, древний джат вдруг смутился еще сильнее Нараяна.

В первую минуту он совершенно растерялся. Затем принялся подобострастно кланяться и уверять полковника, что он, американский сааб, — «покровитель бедных» и «благотель вдов и сирот»; после чего хитро отвел прямой вопрос, будто вдруг спохватясь, что солнце уже село и сейчас же стемнеет. Кончилось тем, что он вместо ответа пригласил нас в назначенное для нас помещение.

Полковник с тем и остался.

Нас поместили в огромном отдельном флигеле, который сообщался с главным зданием крытой террасой прямо с крыши нашего помещения. Комнаты наши, хотя и менее загроможденные мебелью, представляли все-таки невообразимый хаос. Стены были сплошь покрыты портретами раджей, напи-

---

* Магазины старых диковинок (*англ.*) — хлама (*фр.*). — *Прим. ред.*

санными масляными красками и во весь рост; а рядом с ними висели лубочные картины дешевого английского фабричного произведения, с лордами и леди спортсменами, верхом на малиновых лошадях в сопровождении бегущих за ними бледно-розовых и зеленых собак.

Нас видимо старались принимать и угощать по-европейски. Обеденный стол был найден во владении целой колонии красных муравьев; и так как оказалось невозможным спровадить их, не убив нечаянно нескольких — преступление, предусмотренное законами Ману, и на которое дядька джат не решался, — то нам притащили другой стол. Мраморная с великолепной мозаичной работой доска на трех золоченных надломленных ножках тотчас же рухнула под тяжестью целой груды тарелок, к ужасу дядьки-воспитателя, усмотревшего в этом падении явное предзнаменование чьей-нибудь неожиданной смерти. К нескрываемому отвращению наших индусов, нам принесли целую корзину французских вин и ликеров, а к неопisanному изумлению старого джата-дядьки, веселящие душу напитки были тотчас же с позором изгнаны полковником. Воспитатель никак не мог взять в толк, чтобы «саабы-феринги» могли отказаться от вина и водки. Его удивлению не оказалось границ, когда, к довершению эксцентричности, видимо показавшейся ему сумасбродством, мы попросили его дать нам поужинать по-туземному на циновке и с листьями платанов вместо блюд и тарелок.

Было всего восемь часов вечера, когда, окончив нашу трапезу на полу, в сомнительно приятном обществе двух громадных сороконожек, которые скрылись от нашего преследования в приготовленной мне спальне, мы стали перетаскивать со всевозможными предосторожностями несколько расшатанных кресел на веранду, где наконец и уселись, собираясь подышать после знойного дня вечерним воздухом. К нашей компании скоро присоединились два посетителя, помощник или секретарь девана, проводивший нас утром со станции, и толстейший бенгальский бабу, инспектор школ махараджи, единственные в Баратпуре люди, говорившие по-английски. Любознательный полковник засыпал их вопросами. Через час мы знали не хуже их всю подноготную махараджей Баратпурских и Павлиньюго царства.

Между прочими историческими сведениями, мы узнали, что нынешний раджа, выдаваемый англичанами за настояще-

го, законного наследника трона, есть в глазах своих подданных узурпатор, хотя в этом преступлении виновен не он, а правительство. В 1825 году, по смерти Бульдео Синга, *радж* должен был по закону перейти к брату его, Дуржун Салю. Он имел за себя огромную партию и законы Ману. Но у Ост-Индской компании были солдаты с пушками и право хитрейшего, если не сильнейшего. К тому же, как теперь, так и тогда, Джон Буль настаивал на своем праве быть всемирным защитником слабого и невинного и, под предлогом протектората, проглатывать слабого и невинного вместе с его царством. Непрошенные опекуны явились и тут. Их политика состоит в том, чтобы допускать ко владению только тех раджей, которые воспитаны ими самими, по мудрому шаблону Меттерниха в отношении к Наполеону II, злополучному императорскому принцу. Подобно герцогу Рейхштадтскому, все эти индийские раджи гибнут à la маркиз де-Сад, благодаря своим английским воспитателям, которые с первого же дня ведут их незаметно на путь ранней гибели от разврата и пьянства.¹

Итак, невзирая на то, что Дуржун Саль уже сидел по выбору народа на престоле, в 1826 году явилась армия в 20000 человек со 122 пушками. Армия была отражена с большим уроном, как рассказывают, «самим богом Кришной и священными павлинами Сарасвати», коих двадцать тысяч спустились на армию, причем павлины, сев на головы солдатам, принялись отчаянно выклевать им глаза. Англичанам не удалось тогда взять приступом город. Но они вернулись через месяц и (перевожу со слов Баратпурской хроники), «воспользовавшись тем, что Кришна совершал в то время то-

---

¹ Молодой раджа Куч-Бехарский, которого я встречаю каждое лето в Симле, в Дарджелинге и на холмах миссурских, сделался теперь чистокровным англичанином; пьет шампанское бочками, одаривает всех *belles de la saison* [красавиц сезона (*фр.*)] — «мэм-сааб» и *миси-биби*, — которые ему делают великую честь провальсировать с ним, драгоценными браслетами, колье и брошками, разоряется на спорт и кутеж, делая все это не только с согласия, но с одобрения не отходящего от него ни на шаг воспитателя полковника Х... А ему нет еще и двадцати лет! Даже юные девицы не сгдытся принимать от него дорогие подарки. Понятно, какой будет правитель Куч-Бехарский раджа. А сломит он себе голову или допнется до чертиков, благодушные отцы правители тотчас, под тем предлогом, что они законные опекуны, сперва заберут все управление в свои руки, а затем и *аннексируют* потихоньку его царство. Тепло и сыто, и приличия соблюдены.

нас»,¹ но вероятнее всего благодаря быстроте действия, армия перерезала, как уже сказано выше, дорогу инженерам раджи к спасительному пруду, а затем перерезала и неповинных жителей, по уверению рассказчиков, до 9000. После этого, поймав удиравшего с женами и двумя сыновьями раджу Дуржун Салю, англичане отправили злополучного принца в Бенарес на вечное житье. Раджа умер в 1851 году, потомки стали помаленьку вымирать, что было весьма с руки правительству.

А теперь позволяю себе маленькое отступление и забегаю на минуту для ясности рассказа вперед.

В 1880 году, во время нашего пребывания в Бенаресе, мы познакомились с единственным оставшимся в живых внуком. Остальные все перемерли с голоду. На присланной нам карточке красовалось:

«Рао Кришна Дева Сурна Синг. Внук махараджи Баратпурского».

Рао Кришна оказался весьма образованным и красивым молодым человеком. Вдобавок к этому мы тотчас же вспомнили тогда, что он был героем очень таинственной, хотя и весьма неправдоподобной истории, рассказанной нам в Баратпуре нашими двумя посетителями, которую я теперь и передаю.

Его отец, сын изгнанного раджи, уже совсем умирая с голоду, выучился фотографии и питался тем, что снимал портреты с пилигримов ко священным берегам Ганга и виды разных храмов и капищ. Религиозный до фанатизма, он отправился в один прекрасный вечер, — в день затмения луны, величайшего у индусов праздника, — во храм своего патрона Кришны. Невзирая на оплошность *аватара* Вишну, касательно столицы бывшего царства отца его, он не переставал приносить ему жертвы когда только мог. В тот вечер у злополучного сына махараджи было пусто в кармане и пусто в желудке. Перебирая четки, сидя на корточках пред идолом, он с горя заснул. Юный бог явился к нему во сне и, указав на густое дерево в саду занимаемой раджей лачуги, сказал ему: «Копай под этим деревом во время каждого полнолуния и, доколе останешься верным мне, будешь находить ежемесячно на южной стороне оногo 1000 серебряных рупий». Проснувшись и вспомнив, что в ту ночь было как раз полнолуние,

---

¹ Религиозная *медитация*, предписанная всем богам, как и людям: самопогружение в Брахму, который сидит у каждого смертного в сердце.

принц-фотограф отправился восвояси и, вооружась заступом, стал копать. Кришна сдержал слово, и тысяча рупий были найдены. Тогда, в порыве благодарности, принц дал обет отправляться каждый год с сыном на поклонение богу в некий известный храм близ Хардвара. На следующий месяц на полнолуние — тот же результат: тысяча рупий под деревом. Единственному его сыну, Рао Кришне (имя, прибавленное к прежним отцом его, в благодарность божественному патрону), было всего тогда восемь или девять лет. Каждый месяц бог Кришна клал мешок с рупиями под дерево, и каждый год отец с сыном отправлялись пешком и босиком к далекому храму, с посохом в руке и в полном костюме индийских аскетов, т. е. в легком и первобытном одеянии Адама.

Когда Рао Кришне минуло четырнадцать лет, отец взял его по обыкновению с собой в ежегодное поклонение. В тот год между пилигримами свирепствовала сильная холера, убивавшая жертву менее чем в час, и они мерли как мухи по дороге. На поляне у Деодорского леса заболел и наш юный Рао; отец его с ужасом и отчаянием заметил, что мальчик умирает. Заметили это и шедшие с ними другие пилигримы и *саньяси*, и тотчас же, дабы не оскверниться прикосновением к трупам при подаваемой помощи, разбежались... Осталась наблюдавшая издали группа богомольцев... Они-то и разнесли по Индии совершившееся на их глазах.

Мальчик умер, и отец оглашал весь лес воплями отчаяния и безысходного горя. Он заклинал товарищей пилигримов помочь ему хотя бы соорудить костер для сожжения трупа; наконец двое из них решились оскверниться и подошли. Мальчик лежал посиневший и совсем мертвый, и над ним совершены все предписанные Ману обряды. Прошло несколько часов, костер был готов и оставалось лишь положить на него мертвое тело, как вдруг пилигримы увидели неизвестно откуда появившуюся новую и совершенно незнакомую им личность... То был старик аскет, лет за сто. Тройной священный шнурок через плечо указывал, что он брамин, а знак на лбу черной и белой краской — что он принадлежит к секте веданты, называемой *адвайтми*.¹ Тихо и едва волоча ноги, он подошел к лежавшему в

---

¹ *Адвайтми* (не дуалисты) секта противная *двайтам* (дуалистам): они не признают богов, а одного Нарабрахму, т. е. мировую божественную эссенцию, которая по вездесущности своей не отличается от эссенции духа человеческого.

стороне трупу и, наклоняясь над лицом умершего, долго и не трогая тела, вглядывался в него. Отец и другие пилигримы, видя тройной шнурок, не смели подойти ближе и молча глядели издали на немую сцену. Впрочем, старик-отец был, как рассказывают, до того убит горем, что, может быть, и не обратил бы на него внимания, если бы тут не произошло нечто весьма странное. Аскет, стоявший до того неподвижно, стал мало-помалу шататься и склоняться все ниже и ниже к покойному. Еще секунды две-три, и паломники увидели, как задрожало дряхлое тело, как подкосились ноги... Внезапно грохнув на землю, старец, точно подкошенный сноп, вытянулся рядом с мертвым юношей и... и в ту же секунду, высоко вскинув руками, последний сел и, дико озираясь по сторонам, стал, к ужасу пилигримов, манить их к себе потихоньку рукой...

Когда прошла первая минута смятения и ужаса, и отец с воплем радости кинулся к воскресшему сыну, подошли и другие паломники. Осмотрев тело аскета, они его нашли мертвым и окоченевшим. Но страннее всего было то, что он казался как бы умершим уже за несколько до того часов. На теле его виднелись все холерные признаки: черные пятна, опухоль и скорченные ноги, в то время как с тела юноши, еще за несколько минут до того начинавшего, как казалось, разлагаться, все эти признаки исчезли, не оставив за собой и следа. Тело его было чисто и казалось совершенно здоровым. Словно старик и юноша поменялись организмами.

Нравоучение и объяснение: все на свете *майя*, иллюзия, и нам не следует даже и смерти верить. Индусы глубоко убеждены в тайном могуществе *мантр* и *мантриков* (заклинательных молитв и заклинателей), а также и в способности адептов тайных наук бесцеремонно переселяться в случае надобности в тела других людей, пользуясь глубоким сном, болезнью или даже смертью последних. Поэтому они и объясняют случай с Рао Кришной тем, что старику-аскету надоело жить в своем дряхлом и брэнном теле. К тому же он, вероятно, тронулся отчаянием осиротевшего отца. Вследствие этой двойной причины и уверясь в смерти мальчика, почтенный аскет прочел *мантру*, вылез из собственной кожи и влез в тело умершего, которого тем самым и оживил. При этом «все выиграло, обе стороны остались довольны, и никто ничего не потерял».

— Как никто не потерял? — спорили мы с рассказчиком. — Мальчик-то сохранил одно живое тело, или, скорее,

дряхлый старик приобрел себе новое... а ведь духовную личность свою, индивидуальность души бессмертной Рао Кришна уж наверное потерял!

— Весьма ошибочное рассуждение, — отвечали нам тогда, как и позднее ведантисты. Вера в индивидуальность духа нашего и его собственную личность есть самое сильное и из всех заблуждений самое опасное. Это, по нашему, ужасная *ересь*. Бессмертный дух не отличается от Всемирного Духа...

— Так по-вашему и во мне сидит Парабрахма? — спрашиваю я их.

— Не в вас, а, так сказать, вы в нем имеете вечное бытие, и ваш дух (*атман*) ничем не отличается от духа другого человека... А душа, т. е. седалище вашего личного, присущего вам одной разума, конечно, ваша...

— Благодарю вас хоть и за то... Так не все ли равно?

— Конечно, не все равно. Ведь душа (манас, или жизненная душа) не может быть подобно духу бессмертной. Дух есть часть божественного, несотворенного Парабрахмы, без начала, как и без конца, а разум, имея начало, должен иметь и конец. Манас рождается, развивается и умирает. Вследствие этого не может быть бессмертным. Пример: зачерпните рукой несколько капель воды из океана, сожмите их в горсти, и пусть сделает то же ваш сосед. Ваши руки — две совершенно одна от другой отличные руки; одна белая, другая темно-коричневая; но зато они и не бессмертные, а рано ли, поздно ли обратятся обе во прах, а вода в обеих горстях из одного безбрежного океана — олицетворение в нашем случае Парабрахмы, должна вернуться в том или другом виде к первоисточнику своему, к единой Параматме (высшая всемирная душа)... Поняли?

— Ровно ничего не поняла; но это ничего не значит. Вы верьте себе на здоровье, а я еще подожду...

Так учили нас индусы-теософы, подтверждая нам рассказанную историю.

В те дни нашего первого путешествия мы отнесли к рассказу этому с большим сомнением и очень этим огорчили наших друзей.

— Но ведь это вольнодумство, — упрекали они нас хором. — Ведь такие факты известны по всей Индии, и много, много было таких *исторически* известных случаев. Сам великий Шанкарачарья, истолкователь веданты, переселялся не-

сколько раз при жизни в тела раджей, дабы исправлять их несправедливости и помогать народу. Припомните его полемику с богиней Сарасвати и великого комментатора Упанишад.¹

«Неразумно и недостойно философа и даже просто честного человека, — говорит полковник Год, — относиться к народным поверьям такой глубокой древности презрительно». «Чужд должен быть тот человек милосердию, кто смеется над ними; неосторожен тот в политике, кто не употребляет всякого средства для предупреждения таких оскорблений вследствие невежества либо необдуманности».

Невозможно передать и части рассказов школьного учителя и джата о способности индусских духовных эго получать и отдавать взаимно визиты и хозяйничать в чужих телах. На это потребовалась бы особенная книга, с приложением избранных рассказов из *Барона Мюнхгаузена*. Впрочем, будучи упитана в продолжение четырех лет подобными повествованиями, с указанием при каждом на *факты*, т. е. *чужих людей с живыми в них душами* (sic), последнее непочтительное замечание пишу, быть может, совсем не я, а только мои европейские *пожны* или футляр. Иногда у меня голова идет кругом, мутится в мозгу, и я перестаю даже сознавать и перепутываю собственную личность. При таких необычайных рассказах я не решалась заявлять о себе мысленно, что я — точно *я сама*, а не (как в одной из историй Марка Твена) мой собственный брат-близнец, утонувший возле меня в ванне... Мы просидели таким образом от восьми часов вечера далеко за полночь на веранде, слушая один рассказ за другим, один другого необычайнее!..

Наконец, наши гости попросили позволения уйти. Мы лишь тогда вспомнили, что сами виноваты в продолжительности их визита: мы *забыли попросить их убраться!* В Индии, если хозяин не позаботится отправить гостей вовремя (Европеец фразой: «надеюсь, что скоро снова зайдете», а туземец,

---

¹ Упанишады, третье подразделение Вед, называется также *rehasya* или мистическое учение. Следует иметь ключ к тайному кодексу, чтобы понять в совершенстве эти метафизические концепции человеческого ума. Как справедливо заметил профессор Monier-Williams, Упанишады суть единственная религиозная школа, достойная глубоких мыслителей Индии. Это священные книги всех образованных туземцев. Упанишады, истолкованные Шанкарачарьей, суть краеугольный камень веданты (т. е. завершение или *конец* всей земной науки).

предложив жвачку бетеля и оросив гостей розовой водой), то посетители из учтивости готовы остаться у вас целую ночь. Это пренеприятная обязанность, и первое время она нас сильно конфузила. Теперь же мы попривыкли и находим этот обычай даже весьма удобным, тем более, что подобная деликатная задача не требует здесь даже и Демьяновой ухи. Напротив, гости сами несут приношение в виде плодов, сладких снадобий и цветов, а от угощения убежали бы без оглядки: строгие законы неумолимой касты не позволяют им дотронуться даже до стакана воды. Когда же подают воду европейцу в доме индуса, стакан, либо другая посуда, как навеки оскверненная, разбивается тут же вдребезги. Учтивый европеец всегда сам разобьет ее.

Гости наши уже собирались уходить, как полковник, упрямый и задорный в спорах, как истый янки, смеясь, снова заметил джату и школьному учителю:

— Благодарю вас за посещение и доставленные сведения. Только извините, а мне что-то все-таки не верится, чтобы душа живого человека могла завладеть по одному желанию и капризу чужим телом.

— Да мы и не утверждаем, что может сделать *всякая* душа, а только *майяви-рупа* (тело иллюзии, perisprit) посвященного йога.

— В могущество их и тайную силу вполне верю, — перебил он уже серьезнее. — Верю потому, что лично убедился во всем этом по приезде в Индию. Но чтобы душа, даже самого сильного адепта, и будь у него семь пядей во лбу, могла по усмотрению переселяться в другое тело, — не могу поверить. Ведь этак вы делаете из них чистых оборотней!.. Этак, пожалуй, каждый *йог* способен оборачиваться, как и в сказках наших краснокожих, в крокодилов, кошек, лягушек... Это черт знает что уж такое!..

— Не спорьте, полковник, — заметил доселе молчавший Нараян. — Не спорьте; вы не можете знать, до чего может доходить... *их* могущество и до...

— Да ведь на все есть границы! — перебил наш президент с ноткой досады в голосе. — Ну вот, наш такур, например... Я верю в его науку, глубокие познания и психическую силу, как верю в собственное существование... Неужели же мне поэтому верить и в то, что, воспользовавшись телом дохлой крысы, он способен перелезть и в нее?.. Тыфу, какая гадость!

И он даже плюнул, причем я вспомнила почему-то У*** и его спор с такуром на берегу озера.

— Оборачиваются в крыс и тигров одни *джаду*, колдуны, да тибетские дугпы и шамары, — почти гневно воскликнул, сверкая глазами, Нараян. — Великий сааб никогда не снизойдет до этого!.. Но если бы он и захотел так сделать, то... конечно...

Тяжелый шум могучих крыльев в двух шагах от нас внезапно прервал Нараяна на полуслове. Он весь задрожал и устремил пристальный взгляд в угол веранды. Великолепный павлин, разбуженный, вероятно, громкими голосами спорщиков, слетел с крыши и, тяжело опустившись на землю, стоял перед Нараяном, чванливо распустив пышный веер хвоста...

Полковник расхохотался во все горло...

— Уж не думаете ли вы, мой бедный Нараянджи, что в этом павлине сидит наш такур?.. Пожалуй, вы готовы уверить себя и нас, что Гулаб Синг нарочно оборотился в павлина, чтобы остановить ваши нескромные раскрытия его могущества!.. Ха, ха, ха...

Наш президент катался со смеху, но Нараян и не улыбнулся. Мы заметили, что даже бабу оставался серьезным. Прочие видимо напускали на себя вид равнодушия и развязности, которой не чувствовали. Один толстый учитель сопел, ослабляясь и стараясь уже несколько минут вернуть словцо. Наконец ему удалось воспользоваться минутным затишьем, и он многозначительно откашлялся.

— Вот полковник сааб не верит нашим рассказам о переселении душ из одного живого тела в другое... А ведь перед ним находится, если верить всей Индии, живой, так сказать, пример, — громко заговорил он. — Спросите кого хотите, и всякий вам скажет, что в *молодом* такуре Гулаб Лалл Синге сидит душа старого владетельного такура, деда его, и что он...

Полковник и я наострили уши и слушали, стараясь не проронить ни слова.

— Доканчивайте же!.. — нетерпеливо воскликнул наш президент внезапно смолкнувшему и как бы что-то соображавшему учителю.

— Что такур... еще при жизни...

Но нам не суждено было услышать конец этого интересного сведения. На крыше, над нашими головами внезапно раздались резкие звуки пав и что-то свалилось к ногам снова

было присевшего учителя, шлепнувшись с глухим стуком о каменный помост. В полутемноте, и прежде нежели мы могли разглядеть образ этого нового явления, тучный педагог, подскочил с упругостью резинового мячика на стуле и тут же развалил его в куски, чуть не развалясь сам вместе с ним. Удержавшись как-то на ногах, он отскочил в сторону и заорал высокой, испуганной фистулой:

— Кобра, кобра!.. берегитесь... кобра!..

Наш маленький бабу, веривший столь же мало в законы Ману, запрещающие убиение какого бы то ни было живого существа, от тигра до клопа включительно, как и в оборотней, бросился тут же с быстротой обезьяны на помощь своему соотечественнику. Вырвав у него из рук тонкую бамбуковую трость, он схватил змею, вероятно более нас испуганную, одной рукой за хвост, а другою, вооруженною гибкою тростью, разом перебил ей спинной хребет, затем наступил ей толстым башмаком на голову и доканал хлыстом. Во рту у неприятной гадины мы нашли павлинье яйцо, которое и объяснило нам как визит павлина-оборотня, так и появление кобры. Забив рот яйцом, которого кобра не могла сразу проглотить и, вероятно, почувствовав себя бессильной пред атаковавшими павлинами, она со страху свалилась с крыши.

Мы посмеялись над суеверием Нараяна и Мульджи и, простясь с гостями, вошли в нашу столовую. Наш почтенный президент машинально подошел к одной из картин и, приподняв очки на лоб, стал рассматривать многочисленные фигуры изображенного дурбара при свете стоявшей на столе большой лампы. В ожидании, пока он окончит обозрение, я села у окна, сильно усталая и позевывая.

Все было тихо кругом. Баратпур спал, наши товарищи ушли, спали и павлины на крышах, успокоясь после произведенной тревоги. Не спали одни мы, да Нараян, все еще сидевший понуря голову на ступеньках веранды. Он никогда не ложился ранее нас и был готов к нашим услугам во всякое время дня и ночи. Поступал ли он так вследствие желания такура или по своей доброй воле, нам не удалось узнать. Но с самого дня нашего выезда из Бомбея, как только в комнате или палатке раздавалось могучее храпение нашего добродушного начальника, Нараян ложился поперек дороги, ведущей в двери моей временной опочивальни, и не трогался оттуда до утра. Счастливый народ в этом отношении индусы! Они нахо-

дят себе комфорт повсюду, от вершин Гималайских до раскаленной почвы Индостана. Самый богатый раджа ни за что не согласится спать на кровати. Кусок ковра, и постель готова. И климат кажется им нипочем. Кисейная *доти*¹ да рубашка, голые от колен ноги, босиком и такой же полуголый бюст, вот костюм их во все сезоны и во всех климатах. Приехавшие со мною в Дарджелинг индусы-бенгальцы и мадрасцы — в октябре месяце прошлого года, как одевались на палящих берегах Хугли в Калькутте, так и остались, не прибавив и лоскутка к костюму в Сиккиме, где я коченела от холода и сырости, дрожа под шубами и одеялами. Для них 8000 футов над уровнем моря или 3 вершка над его уровнем² не составляют никакой разницы, и они купались по два раза в день в полузамерзших ледяных струях горных потоков с таким же наслаждением, как и в нагретой воде своих священных танков на равнинах Бенгалии. И никогда ни один из них не заболел даже насморком. На мой вопрос и просьбу разъяснить эту тайну неуязвимости, они смеялись, уверяя, что это очень просто: «Вы, белые саабы, моетесь мылом и натираете тело разными ядовитыми эссенциями; а нас с первого дня рождения наши матери натирают после мытья кокосовым маслом, и мы продолжаем эту операцию каждое утро в продолжение целой нашей жизни. Все поры нашего тела пропитаны и наполнены веществом, которое не допускает ни сырости, ни холода внутрь организма...» Предоставляю физиологам и аллопатам судить о правильности или неправильности этого воззрения. Последние нам, вероятно, ответят, что это вредный обычай, что масло не пропускает естественных испарений и т. д. Быть может; но наши деликатные *grandes dames* могли бы позавидовать коже (если не цвету) последнего кули или простой мужички Индии. Эта кожа мягче и нежнее всякого атласа и бархата, а вместе с тем, как видно, и не подвержена, подобно нашей, простудам.

Вдруг загорланили где-то несколько петухов.

— Идите спать, Нараян, — обратилась я к сидевшему на ступенях махрату. — Слышите, джатские петухи уже запели. Полковник, отправляйтесь и вы!.. Вы мешаете Нараяну ложиться, — добавила я, вставая. — Покойной ночи, саабы...

---

¹ *Доти* — кусок кисси, в 8 или 10 аршин, служит мужчинам, вместо шаровар, а женщинам — вместо юбки.

² Самая высокая местность Калькутты — улица Клайп. во время мелководья всего 27 футов над морским уровнем.

На мое учтливое прощание не последовало никакого ответа, и я с удивлением обернулась к полковнику. Он стоял на том же месте с картиной в руках, полуобернувшись ко мне спиной, и был до такой степени углублен в созерцание дурбара, что, наклоняясь низко над лампой, не замечал даже, как одна лысина спасала его волосы от неминуемого сожжения.

— Что с вами, полковник?.. — снова спросила я. — Заснули вы, что ли, над лампой?.. Господи! да что же вы не отвечаете?.. Что с вами такое?..

И я бросилась к нему с непритворным испугом. В голове моей промелькнула мысль о «ножках», «оборотнях» и разных других чудесах Индии.

Взглянув ему в лицо, я еще более испугалась. Красный, как вареный рак, с белыми пятнами по лицу, с которого катились крупные капли пота, он стоял похожий на статую ужаса. В его широко раскрытых глазах ясно читался страх, изумление и какая-то беспомощная растерянность... Я заметила, что он держит картину рисунком вниз и что его полный ужаса взгляд устремлен на обратную сторону.

— Да что же вы видите, наконец, такого ужасного на обороте этого пергамента?.. — продолжала я, потрясая его изо всей силы за руку. — Да скажите хоть слово!..

Мой почтенный президент испустил нечто вроде слабого мычания и пальцем левой руки ткнул в написанную золотом на языке Урду надпись; незнакомая с закорючками этого диалекта, я ровно ничего не поняла.

— Что же тут написано?.. Скажите.

Вместо прямого ответа он прошептал слабым голосом:

— Нараян!.. Нараян!.. идите сюда!..

В одну секунду наш верный спутник стоял возле нас и смотрел на него с таким же удивлением, как и я сама.

— Я не очень хорошо знаю эти буквы... Я, быть может, ошибаюсь... Прочтите, Нараян, мой сын, прочтите, — тихо шептал он слабым голосом.

— «Дурбар шах-Алума. Передача его величеством падишахом Бенгальского Девауни Ост-Индской компании, а также провинции Бехара и Бриссы... Встреча раджпутских послов... примирение... по воле благословенного пророка Магомета... после горького поражения при Патне в 1173 году. Писал Ахмед-Дин 1177 года».

— Что ж в этом такого страшного?.. И нам-то что до их несчастья? — спрашиваю я.

— Нам-то что? — почти закричал полковник. — Нам?.. нам?.. А вот сейчас увидите что!! По хиджре это ведь 1177 г., — не так ли?

— Кажется, что так, — отвечал, глядя на него с изумлением, Нараян.

— Ну, а 1177 год хиджры каким будет годом по нашему европейскому летосчислению?

Нараян, подумав с минуту, отвечал:

— 1765 год, кажется; т. е. около 114 лет назад...

— 1765 год! Сто четырнадцать лет! — прокричал, сильно напирая на каждый слог, побагровевший полковник. — Да? Ну так смотрите же оба, узнавайте... называйте!.. а затем мне остается одно: приказать посадить себя в сумасшедший дом!..

Быстро выхватив картину их рук Нараяна, он перевернул ее рисунком вверх и, указывая на стоящую возле падишаха фигуру, прошептал хриплым голосом:

— Смотрите... вот, вот *он*... несомненно, *он*... Да и разве есть по всем мире другой такой? *Он*!.. — повторял он, указывая пальцем.

Мы взглянули, и признаюсь, от такой неожиданности у меня захватило дух и кровь похолодела... Картина сильно заколыхалась в руках Нараяна.

Перед нашими глазами между 70 или 80 фигурами придворных мусульман и браминов, у трона падишаха стоял, несомненно, образ такура Гулаб Синга!.. Действительно, по выражению полковника, разве есть во всем мире другой, похожий на него — *он*! То был портрет его двойника, если не его самого. Не говоря уже о том, что громадный рост фигуры возвышал ее на целую голову над остальными фигурами, то было единственное в картине изображение, совершенно свободное от раболепной позы всех прочих придворных. Офицер англичанин еле выдвигался из-под локтей великолепных усатых сердарей, и ненависть живописца оттеснила его совсем на задний план. Одна фигура того, в ком мы все разом признали Гулаб Синга, возвышаясь высоко над толпой, бросалась в глаза своей горделивой осанкой. Даже поза была его, ему одному свойственная поза: он стоял, сложив на груди руки и спокойно глядя чрез голову придворных в пространство. Лишь костюм

был иной. Раджпутский тюрбан с султанчиком из перьев, стальные до локтей перчатки, род панциря, несколько кинжалов у пояса, да щит из прозрачной носороговой кожи у ног... Длинные, волнистые волосы, борода, лицо не оставляли никакого сомнения, что то был он, наш таинственный и неразъяснимый покровитель...

— Да ведь это же невозможно, это непостижимо!.. — прервал наконец молчание все еще сильно смущенный полковник: — Ну как тут что-нибудь понять?.. Человеку на вид нет и сорока лет, а портрет его является на картине, написанной за сто лет тому назад!..

— Вероятно это... портрет деда его!.. — пробормотал, будто извиняясь за такура, Нараян.

— Деда? — презрительно передразнил наш президент, — а почему же не вашего или не моего деда?.. Разве бывает такое, даже фамильное, сходство!.. Нет, нет... Не деда и не прадеда, а его самого... Я начинаю однако бредить, — спохватился полковник: — Действительно, если картина не подлог, то ведь это... *невозможно!*.. Скажите, — вдруг обратился он ко мне комически умоляющим голосом, — скажите мне... ведь это невозможно... нет?

— Не знаю, полковник... Вот уже несколько дней, как я начинаю терять способность даже и думать. Кажется, что... Но не спрашивайте меня, спросите лучше его самого... если осмелитесь, — добавила я мысленно и сама не зная почему рассердясь на бедного полковника.

— Нет, нет... Это невозможно, — продолжал он рассуждать как бы про себя: — Невозможно!.. Поэтому прекратим этот разговор.

— А быть может, и действительно это портрет его деда, — заметила я. — вспомните, что нам начал было рассказывать про него инспектор школ. Только ведь он говорил...

Меня просто покорило от взгляда, брошенного на меня Нараяном. При первых же словах он взглянул на меня с таким жгучим и вместе страдальческим укором, что я почувствовала, как у меня остановились слова в горле. Но и простой намек уже оказал свое действие.

— Праведное небо, а я было забыл!.. — воскликнул, хлопнув себя по лбу, полковник: — Да только ведь этак задача делается еще труднее... Подумайте только, — продолжал он как бы про себя и соображая, — если такур и его дед...

— Довольно! — объявила я решительно. — Если вы действительно уважаете его, не забывайте, что он нам многократно советовал: не слушать разных про него толков и не стараться узнавать что бы то ни было про него. Я по крайней мере настолько чувствую к нему уважение, чтобы нейти против его желания. До завтра, господа!

Я вошла в свою комнату и опустила парду (портьеру). Чрез несколько минут все умолкло в соседней комнате, а чрез четверть часа уже стало раздаваться знакомое всхрапыванье с присвистом.

.....

.....

Что это, виденье, действительность или просто фантазия, сон?.. Духота страшная, и я не могу уснуть. Огромная *панка*, колыхаемая двумя кули на веранде, вместо прохлады навевает лишь нестерпимую жару. Словно пышет в лицо горячий воздух из духовой печки!.. Я не сплю, это верно. Вон моя *айя* (горничная), свернувшись клубочком, как черная кошка, спит на циновке у подножия кровати... Вот мое солнечное топи, свалившись на пол, раскатывается назад и вперед колыханием панки... Нет, я не сплю... Так что же это, почему мне кажется, будто я начинаю видеть сквозь толстую циновку двери и различать в темноте; все предметы, мебель, спящего или по крайней мере лежащего поперек дверей Нараяна и даже оставленную полковником на столе дурбарную картину?.. В соседней столовой делается все светлее, словно ее освещала, выплывавшая из-за черных туч, полная луна. Кто это?.. Неужели такур?.. Но ведь он в Диге! Вот он тихо и неслышно подходит к спящему Нараяну и дотрагивается до его плеча. Нараян вскакивает, и я вижу, как он простирается пред *махасаибом*, прикасаясь сложенными ладонями к его ногам... Такур простирает руку к картине, и, вся зардевшись миллионами словно электрических искр, она мгновенно исчезает из моих глаз... Все начинает путаться, ступешевываться, и я открываю глаза только утром, на зов моей *айи*, которая тихо и с бесконечными *саламами* будит меня, говоря, что карета готова и *корнель-сааб* (colonel-sahib) ожидает только меня.

Какое странное, но удивительно ясное сновидение!.. — думается мне, пока я сажусь в золоченую, присланную нам деваном карету.

Из Баратпура в Диг дорога, гладкая и ровная, пролегает пыльной лентой среди бесконечных степей и луж. Наша золоченая карета, времен царя Гороха, за которой следовала длинная вереница *джаток*, увлекаемых рысистыми бычками-карликами, летела вперед с гиком и криком кучеров и скороходов. Мирные, встречавшиеся на пути, поселяне простирались пред нами во прах, пугливо сторонились и оказывали всевозможные почести. Так ехали мы часа два по пустыням без малейшего признака растительности, окруженные со всех сторон болотами, канавами да солеными озерками. Наконец, мы подъехали к гигантским воротам Дига, справедливо прозванного «Баратпурским оазисом».

Внезапная перемена декораций. Как бы по мановению волшебного жезла возник пред нами, среди выжженных полей, да покрытых вековой тиной болот, заколдованный замок-крепость с башнями, теремами и висячими садами Семирамиды.

Мы въехали в полуразрушенный городок, если можно так назвать дюжины две каменных башенок, и стали подыматься к крепости. Городок приютился под сенью величественного памятника глубочайшей древности, столь глубокой, что ум современных летописцев, теряясь во мраке недостижимого доисторического прошлого, отказывается определить его начало.

Древние названия Дига: «Дираг» и «Диргпура» упоминаются часто в *Сканде-пуране* и в IV главе *Багват Махатмы*. Диг, то есть старый, доисторический Диг, построен *шестьдесят веков* назад, объяснил нам Нараян, наша ходячая энциклопедия.

Современный Диг «основан джатами, пришлецами *скифами* из далекого севера», говорят англо-индийские историки. Диг, по народному поверью, выстроен пришедшими вместе с джатами колдунами, которые и соорудили бывшее мощное укрепление с его волшебным замком и прелестными садами — *в одну ночь*. Как все, выстроенное на такую скорую руку, Диг, невзирая на его непроходимые, наполненные водой рвы и недоступность его в продолжение девяти месяцев в году своим, как и чужим, впрочем оказался *майей*, иллюзией, пред рыжеволосыми завоевателями. Во время разлива рек и сотен озерков Баратпурских степей целый океан образуется вокруг городка, и в такое время он действительно недоступен неприятелю.

Но англичане хотя и посидели у моря, а все же не дождались погоды: в декабре 1804 года генерал Фрезер осадил и взял Дигштурмом, затем, разорив укрепления дотла, великодушно возвратил «оазис» Джатскому радже. Теперь от крепостных стен не осталось и камня на камне. В одном углу к юго-востоку торчит *Шах-Бурдж* новейшего Дирага. Это огромная скала, просторная площадь коей окружена теперь вместо укреплений зеленой изгородью, но все еще сохранила по одному бастиону в каждом из своих четырех углов. Впрочем, внутри высоко воздымающегося воздушного сквера остались от укреплений три стены в 21 фут толщиной, говорящие и поныне о своем славном прошлом. В западном углу «крепости» дворец раджи с его роскошным садом, священными павлинами и фонтанами. Этот дворец с садом и составляют главную приманку для туристов.

Современные путешественники решили в один голос, что за исключением Тадж-Махала, в Агре, Дигский дворец великолепнейшее здание в Индии: те же мраморные громадные залы со стенами, выложенными мозаикой из дорогих камней; тот же стиль архитектуры в башнях; та же изумительная тонкость работы в кружевной резьбе белых мраморных балюстрад, террас и перил лестниц.

Смешно и гадко становится, читая в *якобы ученых* сочинениях разных чиновников об Индии их замечания и выводы по части археологии. Авторы точно ищут унижить туземцев даже периода *Махабхараты*, указывая на них, как на расу, совершенно неспособную к изящным искусствам. Нет де между несостоящими (забитыми и голодными) браминами такой творческой силы, стало быть не могло ее быть и прежде, гласит логика этих «сочинителей», забываящая так кстати, что мы видим то же самое и в современных греках и даже в выродившихся римлянах. Вследствие этого, между сотнями грандиозных храмов, находимых еще ежегодно и доселе в непроходимых джунглях центральной Индии, нет ни одной исторической руины, на которую англо-индийцы взирали бы как на произведение *чисто туземного* искусства. Там, где строил, очевидно, не могул (как, например, храмы, рассеянные по Раджпутане и Мевару), тотчас же отыскивается ловкая, хотя и ни на чем не основанная гипотеза о греках да итальянцах. В *Пуранах* упоминается о пленных «явани», которые употреблялись на работы победителями. «Они-то и есть создатели этих храмов». При этом забывается, что название «явани» давалось

браминами не только грекам, ионийцам, но и другим иностранцам, между прочим скифам. Все это не беда: то грек, видите ли, застрявший в Индии со времен македонян, который де всенепременно строил храм Карли и даже древнейшие *вихары* Элефанты и Эллора. Нет для такого заключения ни малейших данных; ему противоречат Пураны, как и прочие летописи и все традиции Индии, даже и *самые законы Ману*. Непреложные и непреступаемые, они запрещают руке *млеччха* (нечистого иностранца, не-брамина), точно так же как и руке поганого пария, прикасаться к малейшему камню из заготовленных для священной постройки. Иначе, «в случае такого осквернения», — читаем в Ману, — «храм, хотя бы и почти оконченный, следует разрушить в той части, где к нему коснулась такая рука; материал предать очищению, а затем только продолжать постройку» (*Манавадхарма* и *Васту-шастра*).

Рабочие руки, трудившиеся над ними, принадлежали *туземным* артистам; а не пришельцам могулам; а если греки что-либо строили в Индии, то все же они строили по планам инду-сов, а не могулов, и вот именно почему:

Могулы, как всем известно, всегда были (в Индии, по крайней мере) великими артистами в делах разрушения и кровопролития; а изящными искусствами, хотя некоторые из калифов и покровительствовали им и знали в них толк, они не занимались. Испанские мавры да сарацины, построившие Альгамбру, им не пример, хотя бы уж потому, что могулы, завладевшие Индией, вовсе не мавры или сарацины вроде просвещенного рыцаря Саладина, и даже в громадной пропорции все и не арабы, а просто праотцы по большей части нынешних героев-разбойников Кабулистана и Гиндукуша, то есть варварские, только что к тому времени обращенные в Ислам племена Средней Азии, да афганы и древние туркмены. В могулах Индии преобладает до сего дня чисто туранский и монгольский тип и, чтоб убедиться в этом, приглашаем наших противников взглянуть на мусульманское население от Бомбея до северных провинций. Их мелкобородые (если не совсем безбородые) лица с выдающимися, как у калмыков, скулами указывают на полное в них отсутствие семитического элемента.¹

---

¹ В продолжение пяти лет мы постоянно расспрашивали знакомых магометан об их происхождении. Где бы ни встречался арийский или бледнолицый тип с правильными чертами, мы открывали в их праотцах, *наильно обращенных могулами в ислам, инду-сов.*

Так неужели же мы можем верить ориенталистам, которые стараются убедить нас, будто не индусы, а могулы, да беглые греки трудились над этими чудесами искусства, что не потомки славных ришей и целых поколений математиков, геометров и поэтов строили эти ни с чем несравнимые по оригинальности здания, а разбойничье племя Средней Азии, не имеющее и до сей поры ни малейшего понятия об искусствах? Там, где установился веками и преобладает чисто арабский элемент, ведь не строят же себе, как никогда и не строили, мусульмане таких гробниц, дворцов и мавзолеев, какие мы теперь находим в одной Индии? Нет ничего подходящего к Тадж-Махалу, гробницам Акбара, калифа Хайнумана, мечетям и дворцам Дели, Лакнау и Дига ни в Персии, ни в современном Египте, ни в Сирии или Багдаде, ни даже в полуобъевропеившейся Турции. Пусть же теперь кто-нибудь взглянет на памятники и дворцы южной Индии; на резьбу и скульптурные украшения храмов Мадуры, Срирангама и других в Мадраасском президентстве; на пирамидальную глыбу Танджавурской великой пагоды, древнейшей в стране. Покрытая на 200 футов в высоту статуями, в двойной рост человека, богов, богинь и аватаров, с ее гигантским быком из черного гранита пред фасадом и скульптурными украшениями колонн и потолков, эта пагода считается «одним из лучших произведений искусства Браминской Индии» (епископ Гебер). Не мусульмане ли и ее строили? Так пусть отрицатели всякого таланта в индусах проедут, как мы проехали, вдоль и поперек Раджпутаны, Мейвара, Синда и Мальвы. Пусть взглянут они на это громадное пространство, засеянное, буквально как поле горохом, развалинами индусских храмов, крепостей и дворцов, — а затем решат, кто их строил. Здесь, в Раджпутане и Мейваре, могулы долго не засиживались, по той простой причине, что их здесь жестоко колотили не в пример другим народам Индии. Здесь-то уж они ничего не строили, хотя и многое что поразоряли. А здесь именно турист и найдет на полуразрушенных стенах храмов такие изваяния и лепную работу, такое разнообразие художественных произведений, пред которыми, пожалуй, побледнеет и Гомеровское описание Ахиллеса щита...

Кто когда из европейцев слышал о храме Баролли, возле Читтора, столь знаменитого в летописях Раджастхана? Его открыли среди дремучего леса и описали полковник Тод и

капитан Вауг. Позволяю себе несколько выдержек из описаний этих офицеров. Они лучше всего покажут разницу между мнениями образованных беспристрастных англичан времен Ост-Индской компании и мнением современных «аршинников» в Индии. Присылаемые из Лондона *разорять* и *успокоить*, они судят о всем туземном лишь по усмотрению собственных мелких, завистливых умишек, причиняя тем ущерб как науке, так и истине.

«Среди векового леса, — пишет Тод, — мы вдруг увидели храм Баролли. Подходя к священной руине, мы оставили наших лошадей и поднялись по широкой каменной лестнице на паперть храма. Описать изумительную и разнообразную архитектуру этого древнего памятника я положительно отказываюсь: это дело карандаша, работа коим оказалась бы просто бесконечной. *Здесь человеческое искусство, дойдя до своих крайних пределов, как бы истощилось*; и только здесь и впервые мы получили вполне сознательное понятие о красоте и оригинальности индийского зодчества и скульптуры. Колонны, стены, потолки, наружные лепные и резные украшения куполов, — где каждый отдельный камень изображает собой миниатюрный храм, словно изваянный под пальцами волшебницы, — все это громоздится одно над другим, до самой увенчанной урнообразным символом Шивы верхушки главного купола, и производит в зрителе положительно головокружение. Одна только резьба на капители каждой колонны потребовала бы целых страниц описания и объяснений. Все здание, невзирая на свою глубокую древность, находится еще в изумительном состоянии целости, и мы приписываем это сохранение двум главным причинам: 1) каждый камень этого здания изваян из мелкозернистого кварца, — быть может, самого крепкого, как и самого прочного в мире камня, но зато и самого трудного для долота; и, затем, 2) ввиду известной мусульманской нетерпимости и страсти и к иконоборству, от низу до верху, т. е. от его ступеней до верхушки купола, вся наружная часть храма оставалась в продолжение нескольких веков покрытой тонким мраморным цементом...¹ Скульптурные окраины украшений так же свежи и прекрасны, как бы вчера только вышли из-под резца художника. Одна из поло-

---

¹ Этот цемент был снят после того, как Сиваджи Махратский положил конец династии и дому Тимура, два века назад.

винок полуразрушенной двери — верх совершенства, красоты и вкуса. Главные фигуры на ней — бог Шива и его богиня Парвати со свитою. Он изображен стоя на лотосе, со змеей, обвивающей его гирляндой. Как бог войны и разрушения, он держит в правой руке *демру* (барабан), звуками коего воодушевляет своих воинов; в левой — *купру* (чашу) из человеческого черепа, из которой он пьет кровь убитых воинов. «Дочь горы» стоит, налево от супруга, на *курме* (черепах). Она изображена с длинными, мелкозаплетенными косами, в ушах раковины вместо серег. Каждая часть тела в этой грациозной группе дышит той прелестной естественностью, *которая настолько замечательна своим присутствием в древней индийской скульптуре*, насколько она поражает своим отсутствием в нынешней. Мужественная, полная достоинства поза гордой фигуры *Баба Адама* (отец Адам), как один раджпут назвал при мне *Махадева*, может сравниться только с нежным женственным обликом и полною грации фигурой богини. Змеи и цвет лотоса переплетаются над их головами. Ниже представлен химерический зверь *Грас*, наподобие рогатого льва, возле — пустынный, играющий на гитаре, и два оленя, благоговейно прислушивающиеся к священной мелодии. Каждая группа отделяется от другой гирляндами цветов и листьев. Капитан Вауг срисовывает одну из этих групп, соглашаясь со мной, что пред нами открылись *бесподобные, ни с чем не сравнимые образчики высшего искусства*. Между ними находятся такие части — особенно головы некоторых фигур, — которым поза-видовал бы сам Канова. Группы сделаны горельефом, почти отделяются от плиты...»

«В алтаре *Тримурти*... одно лицо «Разрушителя» осталось целым.¹ *Тиара*, венчающая трехликую главу — образчик превосходной работы. Гений ваятеля *не может идти далее...* фигуры колоссальные, семи футов каждая»... «Описывать купол над *мундуфом* (притвор, древний пронаос) почти невозможно: тому, кто желает получить о нем верное понятие и разглядеть мельчайшие подробности это волшебное произведение резца, *следует рассматривать эту работу в микроскоп*. Мы нашли в этой массе украшений гармонию в целом, не найденную нами нигде еще в других зданиях подобного рода. Даже миниа-

---

¹ *Тримурти* изображается с тремя лицами (*мурти* — лицо), но всегда на одной голове.

тюрные слоники изваяны анатомически верно и превосходно закончены в деталях»...

Следует за этим двенадцать страниц описания *dii minorum gentium** и других чудес Баролли. «Потребовалось бы дюжина художников и шесть месяцев непрерывной работы для самого поверхностного описания всех диковин этого чудного храма», заключает Тод.¹

Не осталось никакого указания потомству, когда и кем был выстроен этот мало кому известный, даже в Индии, храм. Какой-то раджа Хун (Нооп) — легендарный герой этой местности. Но даже Тоду, написавшему два толстые тома в доказательство тому, что раджпуты — скифы, Махадева-Шива — Адам, а Ману — Ной, даже ему не удалось приобщить гуннов к мифологии индусов. Одно только совершил политический агент Компании в Раджпутане: он нашел в храме Баролли и перевел надпись на барельефе Махадевы, с находящимся в ней числом: 13 *картика* (месяц, посвященный Марсу Индии) эры Селивана 981 год или 925 год от Р. Х. В этой надписи упоминается о приношении Махадеве (патрону йогов) «его рабом» (имя стерто рукой времени) необходимой суммы для починки его *древнего храма*.

Если в 925 году, почти за тысячу лет назад и за полстолетия до вторжения мусульман в Индии, храм Баролли уже считался «древним», то очевидно, что его строили не могулы, а тем менее греки. Во всей громадной массе его не найдется ни архитектуры, ни в его изваяниях какой-либо черты, напоминающей об эллинах. Нет и намека на дорический, еще менее на ионический стиль. Все в нем своеобразно, все в чисто индусском стиле.

Извиняясь за долгое отступление и не обещая не впасть снова в обычную мне ошибку, я желаю объяснить причину его. Во-первых, так как я сама посетила этот храм позднее, мне все равно пришлось бы описывать его, и мой рассказ, после стольких описаний мною других храмов, мог бы, пожалуй, показаться монотонным; а во-вторых, я хотела в этом случае опереться на свидетельство — в том, что я не пристрастна к Индии, а только отдаю ей справедливость, — всем известного за аккуратного писателя, англо-индийского археолога и са-

---

* Второстепенные боги (*лат.*). — *Прим. ред.*

¹ *Personal narrative (Rajasthan)*, vol. II, стр. 645—654. Тод жил в Раджпутане 22 года безвыездно политическим агентом.

новника. Тод прожил целые годы в Индии, а восторг, пробирающийся в каждой строчке его описания чудес искусства древней Индии, гораздо значительнее моего.

Затем самый вопрос, «кто строил все это в Индии, могучи или индусы», послужил в первые часы нашего приезда в Диг поводом к весьма неприятному знакомству, которое и окончилось столь же неприятной ссорой.

Храм в Мадуре

Едва мы поднялись на террасу и вошли в залу, как нашли там, к великому неудовольствию всей нашей компании, двух незнакомых англичан. Проездом из Джайпура куда-то, они

остановились позавтракать в Диге на счет махараджи и угоститься даровыми ликерами и шампанским. С последним они, видно, уже познакомились, так как оно вывело их из обычной сынам Альбиона высокомерной сдержанности. Забыв «этикет», они поклонились нам при нашем появлении и даже заговорили первые с О., косясь все время, впрочем, на наших туземных товарищей и подмигивая полковнику. Быть может то было просто добродушной с их стороны шуткой, но мне их гримасы показались очень дерзкими и особенно оскорбительными для индусов. Я тотчас же ушла с Нараяном осматривать «терема», а О. остался с англичанами в дурбарной зале, где те расположились ранее нас за приготовленным для нас одних столом. Другого стола, ни большего, ни малого, не было во всем дворце, обширные и запыленные залы которого выглядели какой-то мраморной пустыней. Нам пришлось поневоле ждать. Впрочем, англичане уехали часа через два; но и за этот короткий срок они успели оскорбить наших друзей и затеять личную со мной стычку.

Когда, устав ходить по бесчисленным коридорам и лестницам, я вернулась через час, они все еще были за столом и спорили с О., который отстаивал древние искусства Индии и заступался за туземцев вообще. Наши индусы сидели в другой комнате на циновках, мрачно прислушиваясь к разговору. Нараян, замечательно угрюмый и скучный с самого утра, прошел к товарищам, не заходя в залу, а я села у самого конца стола за кофе, решив не принимать никакого участия в разговоре. Не обладая добродушным хладнокровием нашего почтенного президента, я чувствовала, что вспылю, если бы мне пришлось спорить с ними, и поэтому упорно молчала. Осторожность моя не увенчалась успехом: полковник испортил весь план.

Забыв имя одного известного в древней Индии геометра, он возвысил голос, призывая на помощь Нараяна и бабу, и кончил тем, что вызвал обоих из соседней комнаты. Пока он им объяснял имя, кого он желал вспомнить, один из индо-британцев, бесцеремонно оглядывавший меня, обратился ко мне.

— Ваши слуги... конечно? — спросил он, презрительно кивнув на Нараяна и бабу.

Я вспыхнула от негодования и досады при этой очевидной *умышленной* дерзости.

— Слуги... Вы ошиблись: оба *джентльмена* наши дорогие друзья и братья, — добавила я, сильно напирая на слово «джентльмены».

Наглость и нахальство развиваются в индо-британцах быстро. Мой ответ вызвал у обоих громкий хохот.

— Друзья... это, положим, еще возможно... так как о вкусах не спорят, — язвительно протянул англичанин, медленно допивая стакан шампанского со льдом. — Но как же... «братья»? Ведь вы, вероятно, уроженка Европы?..

— Полагаю, что так. Но, к счастью моему, я не *англичанка*. Поэтому я и горжусь привилегией называть этих двух туземных джентльменов не только друзьями, но даже и братьями, — отвечала я очень сухо и глядя прямо в глаза долговязому грубияну.

В свою очередь, он весь вспыхнул.

Не знаю, что он собирался возразить на мой ответ, но товарищ не дал ему времени собраться с мыслями. Схватив его под руку, он почти насильно увлек его на другой конец комнаты, где тотчас же начал ему внушать что-то вполголоса. Я догадалась, что он объясняет ему о нашем Обществе и рассказывает, кто я такая. Оно так и вышло.

При первых словах нашего крупного разговора темные лица туземцев позеленели, а глаза заискрились недобрым, столь знакомым мне фосфорическим блеском. Они стояли словно две неподвижные статуи... Один полковник засуетился, поспешно вставая из-за стола.

Англичане взяли за шляпы и сумки и, кивнув головой О., приготовились было уходить. Старший из них видимо желал избежать неприятной ссоры, и, пробормотав что-то о том, что с женщинами не спорят, направился к выходу. Но мой противник, разгоряченный как шампанским, так и данным ему мной отпором, не унялся. Остановившись посреди залы и покачиваясь слегка от овладевавшего им опьянения, он сделал в мою сторону полуоборот и, надменно повернув ко мне голову, проговорил сердито через плечо:

— Я только что узнал, что вы та *самая русская леди*, о которой наши газеты, столько говорили, *предостерегая* правительство... Теперь мне становятся понятнее ваши *братские* отношения и чувства к черной сволочи¹ (sic). Но позвольте

---

¹ Black rable.

вас предупредить, что, — невзирая на только что выраженную вами благодарность Провидению за то, что вы родились не англичанкой, могу вас уверить, что безопаснее принадлежать к *нашей*, нежели к *вашей* нации, по крайней мере *здесь, в Индии*, — добавил он многозначительно.

— Очень вероятно. Но я все-таки радуюсь и горжусь, что я не англичанка... — сказала я, вставая и сдерживаясь сколько могла.

— Напрасно. *Наше правительство не любит допускать русских*, даже дам, *слишком брататься с покоренными нами азиатами...* В наших британских владениях русским не место... Не забывайте этого.

— Но это вы забываетесь, сэръ!.. — свирепо воскликнул потерявший всякое терпение полковник. — Вы оскорбляете женщину и грозите ей!.. К тому же она гражданка свободной Америки и *вовсе* не русская... т. е. не *такая* русская, за какую вы ее принимаете!.. — поправился он, встретив мой негодующий взгляд.

— Извините меня, полковник, и предоставьте мне самой, прошу вас, право защищать себя... Прежде всего я *русская*; русской родилась и русской умру, я русская *в душе*, если не на паспорте... Стыдитесь! Неужели вы желаете, чтоб эти господа уехали, увозя с собою впечатление, что пред их нелепой выходкой и дерзостями я готова была отречься от родины и даже от своей национальности.

— Оно было бы, пожалуй, и осмотрительнее, — ядовито заметил другой англичанин.

— Осмотрительнее может быть, но никак не честнее. Во всяком случае, — добавила я, обращаясь снова к первому, — весьма сожалею, если ваше замечание о том, что в «британских владениях русским не место» *факт*, а не пустая с вашей стороны дерзость. В *наших*, в русских владениях, как, например, в Грузии и на Кавказе, находится место всякому иностранцу, даже *десяткам* нищих англичан, которые приезжают к нам без сапог, а уезжают с миллионами в карманах...

И, видя, как при этих словах исказилось лицо у заступника британских привилегий, я позвала индусов и, повернувшись к прочим спиной, ушла в сад. У Нараяна глаза налились кровью, а бабу, у которого с лица пот катил градом от сдержанного бешенства, бросился, как был одетый, под высокобьющий водомет и стал прыгать, фыркая под водяной пылью,

«чтобы хоть немного освежиться и очистить себя от оскверненной *бара-саабами* атмосферы!» — орал он на весь сад.

Мне было невыразимо горько; не за себя, конечно, а за этих ничем неповинных оскорбляемых индусов, осужденных какою-то фатальной силой на вечное, ничем не заслуженное поругание. Что меня принимали за шпиона, сделалось теперь очевидно, которая при других обстоятельствах только бы меня сместила. Я и теперь чувствовала одно презрение к «победителю», до того трусливому, что он, очевидно, страшился влияния одинокой женщины на умы миллионов «побежденных». В другое время оно бы, пожалуй, даже очень польстило моему самолюбию и вообще было бы весьма смешно, «когда бы не было так грустно», да вместе с тем и опасно. Меня страшило то, что вместо услуг индусам — членам нашего Общества, я могу сделаться, из-за одного того, что я *русская*, предлогом к их преследованию и разным придиркам со стороны их «начальства». Россия и все русское непрерывный кошмар Англо-Индии. Чем ближе к Гималаям, тем сильнее русский «домовой» душит по ночам всякого британского чиновника. А у страха, говорят, глаза велики, и он из белого, пожалуй, сделает черное...

Еще при первом появлении нашего Общества в Индии до меня уже стали доходить слухи о неудовольствии разных сановников, у которых в канцеляриях служили многие из бомбейских членов-туземцев Теософического Общества. «Великие мира сего», *бара-саабы*, сухо советовали своим робким подчиненным «не очень-то дружить с новоприбывшими *авантюристами* из Америки».

Словом, положение было очень неприятное.

Я села на скамью у водомета, около которого бабу отряхался теперь на солнце, наподобие мокрой собачонки. Нараян молчал, как убитый. Взглянув на него, я вся обомлела: темные круги под его огромными глазами потемнели еще сильнее, зубы оскalisiлись, как у дикого зверя, и он вздрагивал словно в лихорадке...

— Что с вами, Нараян? — испуганно спросила я. С минутой он ничего не отвечал; только белые, крепкие зубы заскрежетали еще сильнее... Вдруг он присел на песок дорожки и как-то разом повалился лицом в клумбы ярко-алых *арали*, — цветок, посвященный богине Кали...

Цветок ли, любимый кровожадной богиней мщения, водушевил нашего кроткого, терпеливого Нараяна, или что другое внушило ему страшную мысль, но он приподнял голо-

ву и, вперив в меня налитые кровью глаза, спросил изменившимся голосом:

— Хорошо... хотите, я убью его? — прошипел голос.

Я вскочила словно ужаленная.

— Что вы, опомнитесь! Да разве стоит этот пьяный фанфарон, чтоб из-за его дерзостей честные люди рисковали шеей? Вы шутите или бредите, мой милый!..

Но он не слышал меня. Опустив голову на раздавленные растения и словно обращаясь к невидимому собеседнику под землей, он продолжал говорить тем же хриплым изменившимся голосом. Он словно изливал внезапно прорвавшуюся волну страдания, полную накипевшей в нем за это время бессильной любви в недра матери сырой земли... Я никогда не видала его в таком возбужденном состоянии. Он казался мне невыразимо жалким, но вместе с этим положительно страшным.

«Что это такое с ним приключилось?» — подумалось мне. — «Неужели все это из-за этой глупейшей истории?»

— Вас оскорбляют... из-за нас... из-за нас одних, — продолжал он полусшепотом. — Да то ли еще будет!.. вас станут скоро преследовать, гнать... Бросьте нас, отвернитесь... скажите, что вы шутили, смеялись над нами, и вас простят, станут звать к себе, предлагать свою дружбу и общество... Но вы этого не сделаете, иначе *мах-сааб* не относился бы к вам, как он теперь относится... Поэтому много горя ждет вас в вашем будущем... горя и клеветы.¹ Нет, опасно быть друзьями бедных индусов! Нет счастья для сынов *каштоги*, и безумец тот, кто подает нам руку, потому что рано ли, поздно ли, а все же горько ему придется поплатиться за свое преступление!..

С удивлением, почти с ужасом прислушивалась я к этой неожиданной бессвязной речи, но не находила, что ему сказать в утешение и молчала. Невольно я стала искать глазами бабу. Он лежал на скамейке, шагах в тридцати от нас, и, обшиваясь на солнце, должно, быть дремал.

— Не сердитесь на меня, упасика,² и простите, что я потревожил вас, — раздался снова голос Нараяна, уже более ровный и спокойный.

---

¹ Это будто пророческие слова относительно автора этих писем и Теософического Общества.

² *Упасика* — буквально «ученица философии», под руководством *гуру* — «учителя», обыкновенно из монашескующей братии. *Чела* — ученик студент тайных наук и мистик.

— Сердиться на вас, мой бедный Нараян? За что же мне сердиться; ведь вы пошутили? — прервала я его, не зная сама, что сказать.

Он привстал и снова сел на дорожке в обычной ему позе. Обхватив оба колена мощными руками и упершись в них подбородком, он сидел теперь, покачиваясь назад и вперед и вперив глаза в погибшие *арали*. Он видимо боролся, чтобы совладать с собой, и наконец преуспел: голос его уже не дрожал и не хрипел; но, когда он снова заговорил, в голосе этом слышалось столько непритворного страдания, что я невольно вздрогнула.

— Нет, я не шутил, — произнес он медленно и твердо. — Одно слово, и я бы убил его... Не все ли равно? Ведь моя жизнь так или иначе пропала...

— Но почему же? Что такое случилось? Не может быть, чтобы вы так волновались из-за одного этого дурака? Скажите, ведь не из-за него?

— Нет, не из-за него *одного*, — прошептал он чуть слышно, — а все же мне было бы легче, если б я мог убить пред смертью *хоть одного из этой нестерпимой для нас расы!!*

— Убить... Как вы это легко говорите... Ведь это же ужасное преступление!.. А что сказал бы такур?..

— Ничего не сказал бы. Что ему за дело до меня! — еще тише произнес он.

— Но ведь вы... его *чела*?..

Он весь вздрогнул, и его всего перекосило, точно его кто полоснул ножом по сердцу. Он припал еще ниже к коленам, и вдруг из его груди вырвался такой вопль отчаяния, что я совершенно растерялась... Я чувствовала, что бледнею и не в состоянии выносить этой сцены долее.

— Нет, я не *чела* его. Он мне отказал... Он прогоняет меня!.. — зарыдал бедный колосс, словно пятилетнее дитя.

«Вот оно что!» — вдруг догадалась я. — «Это значит, англичанин является здесь только переполнившей чашу каплей!» И вдруг мне вспомнилось видение... сон... то, что я видела или что представилось мне, будто я видела накануне ночью в Баратпуре. Нараян обнимал ноги такура. Но ведь то был сон? или взаправду все это происходило в действительности и я видела эту сцену наяву?

— Когда же он вам отказал?

Вдруг послышались поспешные шаги. Нараян вскочил и, быстро наклонясь, сказал мне шепотом...

— Прошу вас, сохраните мою тайну нерушимо!.. Ни слова об этом никому... Вам я еще пригожусь!.. Но не говорите мистеру О... Я ухожу.

Но он не успел.

— Что это вы зарылись здесь, словно вызываете подводных *бхутов*? — внезапно раздался возле нас голос полковника, — а где же Нараян и где же бабу?.. — продолжал он, подходя к нам с «молчаливым генералом», — а... вот они где... Не прячьтесь: оба фанфарона уехали... Я им объяснил многое, чего они не знали, например, правила и цель нашего Общества... Они заинтересовались и даже признались, что ошибались.

— Нашли, где и с кем миссионерствовать, — заметила я с досадой, перерывая этот поток слов.

— Не все же, однако, англо-индийцы подлецы и предатели! — смущенно бормотал полковник.

— Наверное не все, но и не найдется, бьюсь об заклад, более двух дюжин англо-индийцев, которые бы уважали индусов... Здесь, как я теперь вижу, надо быть очень и очень осторожным... Чему вы смеетесь, Мульджи? — спросила я «молчаливого», улыбавшегося во весь широкий рот.

— Вашей щедрости, мам-сааб, — две дюжины англичан в Индии, уважающих нас, негров-то?.. Не очень ли много?

— Действительно, — подхватил проснувшийся и совсем просохший бабу. — Будь у нас даже «две дюжины» таких, то уверяю вас, что все 250 миллионов индусов, «без различия каст и религий», — привел он цитату из теософических статутов, — молились бы, да совершали бы *пуджу* утром и вечером калькуттским и другим *бара-саабам*!

— Я знал только одного за всю мою жизнь, да и того хотели посадить в сумасшедший дом, но он, к счастью своему, умер, — брякнул Мульджи.

— Кто же он? — любопытствовал полковник.

— Мистер Питерс (Peters), бывший коллектор в Мадрасе, в Мадрасском президентстве. Он умер более двадцати лет тому назад... Когда я был еще мальчиком.

— Расскажите же нам его историю толковее, — приставал уже навостривший уши полковник.

— Пожалуй, господин президент, только ведь я не умею рассказывать.

Но он все-таки рассказал ее нам, и «история» оказалась прекурьюзной. Я передам рассказ так, как я записала

его со слов рассказчика. В Мадрасе она известна всем и каждому.

XXXII

Мистер Питерс был коллектором *святого града* Мадур, Мекки южной Индии. Страстный археолог и почитатель древних рукописей, он нуждался в браминах для разыскания и перевода таковых; поэтому, хотя, быть может, он сперва и недолюбливал их, но все-таки водился, как говорится, с индусами и не притеснял их по примеру своих собратий. Материалист худшего пошиба, он только смеялся над их суеверием и предрассудками; но он точно так же относился и к своей христианской религии, а потому брамины не обращали на это большого внимания. «Настика» (атеист), говорили они, махая рукой. Но вскоре все это изменилось, и мистер Питерс удивил и народы Индии, и своих компатриотов.

Вот как это случилось.

Раз к нему явился никому неизвестный *йог* и попросил личного свидания. Получив позволение предстать пред светлые очи господина коллектора, тот вручил ему древнюю рукопись, объясняя, что получил ее от самой богини Минакши (одна из благовиднейших форм Кали), которая де повелела передать ее мистеру Питерсу. Рукопись была написана на *олле*,¹ и вид ее был такой древний, что внушал к себе невольное уважение антиквария. Коллектор, гордившийся своими познаниями по части древних писем, обрадовался и тотчас же пожелал прилично вознаградить отшельника. К величайшему его удивлению, *йог* с достоинством отказался ото всякой платы. Но он удивил начальника еще более. Как почти все чиновники англо-индийцы, мистер Питерс принадлежал к масонской ложе. Отшельник внезапно подал ему самый тайный масонский знак и, проговорив известную формулу шотландского братства: «Не так я *это* получил, не так я должен *это* передать»² (то есть рукопись — не за деньги), быстро исчез.

Призадумался Питерс. Послал *ситая* следить за исчезнувшим гостем, а сам тотчас же занялся, при помощи панди-

---

¹ *Олла* — пальмовые листья, высушенные и приготовленные для письма.

² «I have not so received it, nor shall I so impart it».

та-брамнина, разбором рукописи и ее переводом. *Йога*, конечно, не нашли, так как, по мнению Мульджи, отголоску в этом случае всего города Мадур, то был оборотень самой богини Минакши. Из прилежного же изучения *оллы* коллектор узнал много кой-чего интересного.

То была, по уверению пандита, собственноручная автобиография богини Минакши, в которой шла речь о проявлениях, могуществе, качествах и вообще ее характер. По собственному заявлению, богиня обладала силой (*шакти*)¹ самого приятного разнообразия, и мало было чудес, которых она не сулила бы своим любимцам. В ее личное могущество даже и не требовалось слишком слепо верить: *девати* (богиню) было достаточно *любить* искренно и горячо, как любят мать, и она простирала свое покровительство на поклонника, берегла, любила и помогала ему.

— Ишь ты, *рыбоглазая!* — свистнул, услышав вышесказанное из уст пандита, неисправимый материалист Питерс.

Этот эпитет, впрочем, вовсе не был дерзостью с его стороны. В буквальном переводе «рыбоглазая» есть имя богини, от слов: *мина* — «рыба» и *акши* — «глаз».

«Но что такое или кто такая богиня Минакши?» спросят нас европейские профаны.

Минакши есть та же Кали, то есть оплодотворяемая духом Шивы его творческая сила, *шакти*, его женский принцип и *аспект* или один из многочисленных видов его супруги Кали.

Каждое божество громадного пантеона Индии, женского ли оно или мужского пола, в своем первородном виде, то есть при первом отделении от «единого и безличного», чисто отвлеченного принципа, который называется у них Парабрахмой, всегда бывает среднего рода. Но в своем земном проявлении оно двоится, как первородный Адам с Евой, и женская половина, отделяясь от мужской, становится богиней, а другая остается божком. Всемирное божество Парабрахма — оно, а его двойная энергия, которая впоследствии зарождает несчетное число богов и богинь — *он* и *она*, то есть двуполая. От главных богов, Брахмы, Вишну и Шивы, и их *шакти*, зарождаются в свою очередь другие боги. Но эти не прямое потомство, как то можно подумать, божественных супругов, потом-

---

¹ *Шакти*, буквально «сила», женский принцип в богах мужского пола. Но *шакти* в обыкновенном смысле — могущество.

ство, имеющее в пантеоне браминов совершенно отдельное и отличное от других место: то сами эти же первородные боги и богини, играющие в маскарад и представляющие собою бесчисленные «аспекты» или виды.

Поэтому кровожадная богиня Кали, самая могущественная из всех *шакти*, являясь под одним из своих видов, как Минакши, например, меняет совершенно все свои личные атрибуты и делается неузнаваемой. Было бы несвоевременно и слишком скучно объяснять здесь идею такого превращения. Достаточно будет сказать, что Кали, превращаясь в Минакши Мадурскую, становится миролюбивейшей из богинь, обладающей всеми наилучшими качествами: кротостью, долготерпением, великодушием и т. д.

Минакши богиня-патронесса города Мадур; она обладает необычайным могуществом в понятиях, конечно, своих поклонников. Несчастные, в которых засел *писача*, «бес», приводятся на излечение к ней толпами. А таких бесноватых в Индии много, потому что благочестивые брамины причисляют к категории «беснующихся» даже тех, что у нас в Европе называются «медиумами». Феноменальным явлениям дается право гражданства в Индии только в присутствии посвященных в «тайные науки», *йогов*, *садху* и других чудодеев. Все то, что происходит *помимо воли человека* и называется у нас *беснованием*, относится браминами к непристойному поведению *писач*.

Но что такое *писача*?

Писачи — те же «духи», *esprits frappeurs* спиритов, только не в полном составе своей разоблаченной личности. *Бхутом* (земным духом) или *писачей* делается та только часть души человеческой, которая, отделяясь после смерти от бессмертного духа, остается обыкновенно в *невидимом*, но часто ощущаемом живыми образе, среди атмосферы, там, где она при жизни тела вращалась и имела бытие. После смерти человека все *божественное* в нем уходит выше, в более чистый и лучший мир, остаются удерживаемые этой атмосферой *одни подонки души*, ее земные страсти, которые и находят себе временный приют в полуматериальном «двойнике» усопшего, выгнанном из своей обители разложением и полным разрушением физической оболочки; а этим задерживается окончательное исчезновение «двойника», причиняя ему мучения. Такой посмертный казус всегда прискорбен семейству умершего и почитается браминами большим несчастьем. Для пре-

дотворачивания такого нежеланного события индусы принимают всевозможные меры. Оно является, как они думают, чаще всего следствием *греховной жажды жизни*, или же особенного пристрастия покойника к кому или чему-нибудь, *с кем* или *с чем* он не желал, да и по смерти не желает, расставаться. Поэтому индусы стараются оставаться равнодушными ко всему, не допускать в себе пристрастия ни к чему, боясь больше всего в мире умереть с *неудовлетворенным* желанием и вследствие этого превратиться в *писачу*. Туземец всех каст и сект ненавидит «духов» и, видя в них *писачей*, тех же бесов, старается изгнать такого как можно скорее.

Однако же и почет Минакше! На дворе ее пагоды можно видеть ежедневно толпы индусских кликуш. Есть и такие между ними, которые поют петухами и лают по-собачьи, как и у нас на Руси. Но медиумов между ними еще более: то просто-напросто духовидцы и *прорицатели*, в присутствии коих происходят разнообразные явления и всякая чертовщина. Как только приведут одержимого *писачей* пациента перед рыбыи очи богини, бес начинает кричать (устаи одержимого конечно), что он тотчас же упразднит занятую им квартиру, лишь бы только богиня дала ему время... Больного уводят, и верный своему слову *писача*, в знак того, что сдержал его, бросает пред Минакши клочок волос, вырываеиый им всегда на прощанье с головы его жертвы. Такие пучки волос, по рассказам, летят де неизвестно откуда, с утра до вечера, в храме, пред глазами удивленного народа, и из них можно было бы делать превосходные тюфяки, если бы брамины не сжигали их с великими церемониями.¹

Стекающиеся тысячами и сотнями тысяч пилигримы приносят громадные доходы этому храму, и его священнодействующие брамины-оракулы считаются богатейшими в Индии. Кроме храма Минакши, во всем мадрасском президентстве только пять других таких доходных *пагод*, а именно: знаменитые храмы Тирупатти, Алагар, Вайдешваран, Ковиль и Сваималай; первые два посвящены богу Вишну, а три последние Шиве. В обыкновенные, будничные дни в этих пагодах собирают *ежедневно* от 3000 до 10000 рупий, но в празд-

---

¹ Коли верить рассказам, эти волосы очень опасно трогать. Мульджи, в период своей невинной юности, украл такой чуб из храма Минакши, и *писача* тотчас же овладел мальчиком... «Насилу отделался от дьявола, благодаря дэвати», рассказывал генерал.

ничное время суммы ежедневных доходов превышают всякое вероятие. Они достигают часто от 25000 и даже до 75000 рупий *в день!* Эти цифры не преувеличены, а хорошо известный англо-индийскому правительству факт. Недаром же мадрасское начальство давно уже точит зубки на колоссальный «пагодский фонд», *the pagoda fund*, южной Индии.

Мистер Питерс, прочитав рукопись о Минакши, умилился в душе пред столь высокой добродетелью и решился узнать богиню поближе. До той поры, хотя он много изучал философию индусов, но их взглядов на «беснование» не разделял, а исцелильницу от оногo к области философии не причислял; напротив, постоянно забавлялся и трунил над такими верованиями туземцев. Но со дня получения рукописи он стал посещать храм и старался собирать все существующие о богине легенды.

Одна из таких легенд, собранных ученым коллектором, оказалась чрезвычайно интересной; и хотя британские геолого-этнографы не оказывают ей должного внимания, но мистер Питерс причислил оную к событиям вполне историческим. К тому же она описана самой богиней в ее «автобиографии», которую и похоронили впоследствии по собственному желанию Питерса в том гробу, где покоится его прах.

Река Вайга, на южном берегу которой расположен город Мадурa, принадлежит к числу так называемых *антарваханы пади*, то есть рек, протекающих от своего источника до впадения в море *под землей*, словом, подземных потоков. Даже в сезон муссонов, когда окрестности затоплены проливными дождями и река выходит из своих берегов, ее ложе осушается в три-четыре дня и от реки остается одно каменистое дно. Но стóит только во всякое время года порыть на аршин или два под землей, чтобы получить превосходную воду, не только необходимую для города, но и достаточную на орошения полей всего уезда.

Таких рек-отшельниц очень немного в Индии, и они поэтому считаются весьма священными. Как известно всем, а может быть только немногим, в Индии каждый храм и холм, каждая гора и лес, словом, каждая местность, как и здание, считающиеся почему-либо священными, имеют свою *пурану* (историю или летопись).¹ Записанная на древних пальмовых

---

¹ *Пурана* — в буквальном переводе, «древняя», но это слово также и синоним — *истории*.

листах, она навсегда тщательно сохраняется священнодействующим брамином той или другой пагоды. Иногда санскритский оригинал переводится на местный язык, и оба текста сохраняются с равным уважением. В годовщину праздников, в честь таких «богинь-рек» и «богов-холмов» (река у них всегда — *богиня*, а холм — *бог*), рукописи выносятся, и эти местные *пураны* читаются брамином народу по ночам, с великим церемониалом и с должными на них комментариями. Во многих храмах, ночью под новый год индусов¹ также читается *брамином-астрологом* народу календарь на следующий год.

Эти календари аккуратно указывают положение планет и звезд; отличают *счастливые* и *несчастливые* часы каждого из 365 дней наступающего года; предсказывают день, число и даже *час того дня*, когда будут дожди, ветры, ураганы, затмение планет или солнца и разные другие явления природы.² Все

---

¹ В марте и апреле, смотря по секте.

² Часы и минуты затмений, положим, и у нас астрономы предсказывают не хуже браминов-астрологов. Но странно то, что последние редко ошибаются, предрекая нередко за целый год вперед числа и даже часы случайных ураганов и дождей, которые (особенно последние) чрезвычайно редко случаются вне периода дождевого сезона. Вот что пишет об этих браминах-астрологах махараджа Граванковский, в статье *The Borderland between Matter and Spirit* («Граница между материей и духом»): «Вера в астрологию, над которой так смеются современные народы, все-таки крепко держится в большей части человечества, и мы находим верующих в нее в самых неожиданных областях. Некий приятель пишущего эти строки, европеец, рассказывал на днях, что раз он отправлялся к лесному складу, в самую чашу густого леса, находящегося на островке, при слиянии двух рукавов большой реки. Погода была сухая, и оба ложа потоков совсем высохли. Встретив знакомого астролога по дороге, мой приятель получил от него предостережение, что ровно через три дня будет сильный дождь, река выйдет из берегов и страшно разольется. Но небо было в тот день безоблачно и, не обратив на астрологическое предсказание никакого внимания, приятель мой все-таки продолжал путь к лесному складу. В результате случилось следующее: дождь полил как из ведра в назначенный день, река разлилась, прервав всякое сообщение и унося много драгоценного леса, а сам мой приятель вынужден был спастись на самом возвышенном пункте островка, в импровизированном на скорую руку убежище из бревен, где он и провел несколько суток в весьма плачевном положении. Теперь мой приятель верит в *астрологию*, хотя большее число *астрологов*, несомненно, мошенники. Мы знаем также о многих случаях, когда *час* рождения и *пол* ребенка были совершенно верно, задолго до периода рождения, предсказаны астрологами» (см. журнал *Theosophist* № за ноябрь 1884, стр. 41, 2-й столб.).

это читается пред богом или богиней, патроном или патронессой храма. Толпа благоговейно внимает прорицаниям идола, говорящего устами своего брамина о голоде, войнах и других народных бедствиях, после чего астролог и брамин благословляют толпу и, разделив между беднейшими рис, плоды и другие съедобные приношения, полученные идолами, отпускают ее домой.

В скором времени погрузившийся в изучение славных деяний могучей *Дэвы* и пораженный ее добродетелями, мистер Питерс, навещая зачастую храм, стал находить нечто привлекательное в выражении рыбьих глаз Минакши. Ее эфиопские уста, казалось, растягивались в кроткую улыбку с приближением коллектора, он стал привыкать к ее безобразию. Холостяк и со скромными вкусами, как и все ученые, Питерс начал изучать религии индусов сперва ради науки, а может быть и со скуки, стал втягиваться мало-помалу в эту головоломную философию и вскоре превратился в настоящего *шастри*.¹ Он уже не подтрунивал над благочестивыми браминами, а стал брататься с ними и окружать себя ими.

Между последними находился один *мантрика*, брамин из храма Минакши, должность которого состояла в том, чтобы произносить пред богиней *мантры* и другие заклинательные молитвы. В скором времени он сделался *alter ego* коллектора. Наконец, в один прекрасный день он принес ему идола Минакши, и бронзовое изображение было поставлено в спальне хозяина. Зная его за археолога, немногие проживающие в Мадуре англо-индийцы не обратили на это особенного внимания.

Но вот в одну ночь мистер Питерс, спавший всегда очень крепким сном, узрел во сне свою богиню. Рыбоглазое видение поспешно будило его, приказывая «встать и одеться». Но даже я такое приказание не могло подействовать на непробудный сон коллектора. Тогда ему померещилось во сне, будто сама богиня стала поспешно одевать его; священные руки Минакши не брезгали даже натягивать на его ноги сапоги, сделанные из кожи *священной* коровы (поэтому самая осквернительная в глазах браминов часть европейского туалета). Одев своего поклонника, она дотронулась до его лба и со словами: «спасайся в окно, скачи вниз, иначе ты погиб»!.. исчезла, а мистер Питерс проснулся...

---

¹ Богослов, изучивший на память все «шастры», богословские сочинения.

Коллекторский дом был весь в огне. Пламя уже лизало жадными языками стены его опочивальни, и единственная выходная из нее дверь пылала. Не задумываясь, он выпрыгнул из окна и тем спас свою жизнь. Дом был выстроен на берегу реки, но в то время Вайга была по обыкновению совершенно суха. Вдруг, к изумлению всех, на ложе ее, перед глазами сбежавшейся толпы, вода стала просачиваться и быстро прибывать перед самою верандой горевшего дома. Благодаря этой неожиданной помощи, пожар был скоро потушен, и многие из вещей драгоценной коллекции мистера Питерса спасены. Сгорели только весьма важные для правительства бумаги и документы.

Факт этот заявлен собственною коллектора рукой и за его подписью, подтвержден свидетельством его помощника, клерков и многих из присутствовавших на пожарище, а затем и внесен в шнуровую книгу городского архива, где этот любопытный документ находится и по сие время.

Страннее всего то, что мистер Питерс, как по свидетельству его камердинера, так и по собственным воспоминаниям, лег накануне в постель раздетый и разутый, а тут, выскочив из окна, нашел себя одетым и в сапогах! Вдобавок ко всему, он выпрыгнул из первого этажа не один, а с *тяжеловесным бронзовым идолом Минакши под рукой*. Загадочный факт, рассказываемый им самим сотни раз, заставлял всех улыбаться и качать головой: «Почтенный Питерс был де просто пьян накануне и вероятно заснул как был, даже обутый». Но брамины и туземная часть населения торжествовали и остались в полной уверенности, что *его одела и спасла сама Махадевати*, «великая богиня».

Очевидно, что и мистер Питерс вполне разделял это мнение, судя по непредвиденным результатам происшествия: он вдруг сделался чрезвычайно набожным, если только можно употребить это слово в отношении к предмету такого благочестия, и из полного материалиста действительно «превратился в *пуджиста*», по выражению Мульджи. Питерс стал оказывать почести богине Минакши не хуже любого брамина; бросив службу и выйдя в отставку, облачился в наряд *байрагов*, совершал ежедневно все предписанные *шастрами* религиозные обряды и наконец прослыл в народе под именем «белого святого». Он полюбил индусов и сделался таким ярым защитником их, что память его пребывает доселе в

сердцах благодарных туземцев, а имя произносится с величайшим уважением всеми проходящими на поклонение пилигримами.

Вследствие такого необычайного «пассажа» правительство объявило его сумасшедшим и назначило комиссию психиатров отправить его в Англию на излечение. Но «богиня» и тут не выдала своего поклонника. Врачи и эксперты, очевидно, подпали под влиянием *тараны* (магнетического влияния) Минакши, так как вместо свидетельства об умственном расстройстве они дали ему чистый лист, объявлявший, что рассудок экс-коллектора находится в полном здравии. Уехав затем обратно в Мадрас, они подтвердили и там свое показание. Питерс имел влиятельных друзей в Англии и независимое состояние: его оставили в покое.

Когда много лет спустя он умер, то пожелал, чтобы его прах был зарыт в таком месте, откуда можно было бы видеть храм его богини. Так и было сделано. Его похоронили, после сожжения, на пригорке, откуда золотая *ступпи* (купол) на восточной башне храма видна как на ладони. До сего дня возвышается гранитный мавзолей, и пилигримы приходят навещать могилу «белого святого». «Peters Tomb» одна из примечательностей Мадур, и турист, желающий полюбоваться видом города и храма, отправляется на всем известный пригорок. Последний находится на земле, принадлежащей храму Минакши, иначе могилу и памятник давно бы уже сняли и сравняли с землей...

От Мадур рукой подать от Мадраса. Когда мы ездили туда года два позднее, а затем и поселились на реке Адьяра, один из старых браминов, знавший Питерса лично, много нам рассказывал про него.

— Богиня открылась ему, — говорил он между прочим, — в своей *настоящей первородной эссенции*; иначе он бы ее никогда не стал так боготворить.

А в ответ на наше замечание, что хотя они, ведантисты, и много говорят про *единство* Парабрахмы, но что их поклонение идолам опровергает и противоречит этому единству в их понятиях, он нам отвечал:

— *Девати* (богиня) идол только в глазах неученого *шудры* (низкая каста); для посвященного *шастри*, Минакши, как и прочие божества, просто *один из киртичей общего здания*, имя коему *Сат*, «сущий».

Это объяснение и выражение «кирпич» показалось нам тогда весьма неудовлетворительным, а мне так и очень смешным. Позднее, однако, я лучше поняла его значение.

До серьезного изучения мною *Вед* и вообще символизма верований браминов, я часто задавала себе вопрос: в силу чего такие мыслители, какими являются (тому, кто изучал шесть главных философий Индии) авторы этих в высшей степени замечательных своеобразных систем, в силу чего могли такие умные люди сделаться сами или даже допустить в массах, как бы они ни были невежественны, *политеизм* и его внешнее выражение — идолов? Долго я не могла отдать себе отчета в этом странном пристрастии. Я не могла себе объяснить даже поверхностно, почему, например, Кешуб Чэндер Сен, всем известный высоко образованный бенгальский реформатор, человек когда-то очаровавший своим разговором и взглядами королеву Викторию,¹ а все лондонское высшее общество своим необычайным, увлекающим красноречием, — почему даже этот мистик, глава и *лидер* Брахмо-Самаджи, не мог до конца жизни отбросить свою богиню *Дургу*. Иногда казалось просто омерзительным слышать его и читать в печати, как он, в своем мистическом полубреде, смешивал в одно Магомета, Будду, Чайтанью и *Дургу*! Но я поняла теперь и сожалею искренно о своих громко высказанных порицаниях этому, уже умершему, реформатору. Он был горячий монотеист, но он родился индусом и оставался им до смерти. Быть может, следующее объяснение загадки окажется бесполезным.

В странной мифологии браминов, которая на первый взгляд еще сказочнее греческой, и вообще в их еще более странном мировоззрении, тем не менее скрывается глубокая философия. Внешняя форма идолопоклонства есть лишь завеса, скрывающая истину, как покрывало Изиды. Но эта истина дается не всем. Для одних завеса скрывает не лик Изиды, а только уходящее в непроницаемую для них тьму, пустое пространство; для других оттуда проливается свет. Неодаренным от природы, тем врожденным у многих, внутренним чувством, которое так метко зовется у индусов «третьим глазом» или «оком Шивы», гораздо полезнее довольствоваться фантастическими разводами на завесе: таким не проникнуть вглубь

---

¹ Кешуб Чэндер Сен всегда называл королеву своего «матерью», а члены брахмо-самаджской секты считаются и зовутся индийскими «унитариями», полухристианами.

непроницаемого мрака, не наполнить пустого пространства. Но тот, кто обладает «третьим глазом» или, говоря яснее, способен перенести свое зрение с грубо объективной на почву чисто внутреннюю, тот узрит в этом мраке свет, а в кажущейся пустоте различит *вселенную*... Внутреннее самосознание укажет ему безошибочно, что присутствие Бога тут *чувствуется*, но не может быть передано, и что хотя выражение его в конкретной форме находит свое извинение в самой горячности желания передать это чувство массам. И вот, хотя еще порицая в душе форму поклонения, он не станет более открыто смеяться над идолами и верой в них того, кто, неспособный проникнуть за завесу, довольствуется внешностью только потому, что ему трудно, если не совсем невозможно, получить какое-либо подходящее представление о «неведомом Боге».

Дабы доказать наглядно, что все триста тридцать миллионов богов Индии, взятые вместе, указывают на *одного* неведомого Бога, постараюсь объяснить яснее. Для этого окажется достаточным привести одну из аллегорий-сказок древних браминов из *Пуран*, сказку, не дошедшую, как видно, до наших ориенталистов. Она скоро сказывается.

К самому концу последней *пралаяи* (*pralaya*, т. е. промежуточный период между двумя сотворениями нашего мира) Великий Раджа, пребывающий в вечности бесконечного пространства, желая дать средства будущим людям познать Его, выстроил из *присущих Ему качеств* дворец над горой *Меру* и стал проживать там. Но когда люди снова заселили мир, то дворец этот, один конец коего опирался в правую, а другой в левую бесконечность, оказался столь обширным, что маленькие люди даже и не догадывались о его существовании: для них дворец был небесной твердью, за которой в их понятии не было ничего... Тогда Великий Раджа, познав неудобство и жалея маленьких людей, пожелал открыться им *не в целости, а частями*. Он разрушил дворец, созданный из Его качеств и стал бросать один кирпич за другим на землю. Каждый из кирпичей превратился в идола: красный в бога, а серый — в богиню, и каждый из *дэвата* и *дэвати*, воплотившись в идола, *получил одно из неисчислимых качеств Маха-Раджи*. Сперва весь пантеон состоял из одних превосходных качеств. Но люди, пользуясь безнаказанностью, стали делаться все порочнее и злее. Тогда Великий Раджа послал *карму* (закон возмездия) на землю. *Карма*, не щадящая и богов, превратила многие из *качеств* в орудия наказа-

ния; и таким образом появились между всепрощающими кроткими божествами боги-разрушители и боги-мстители.

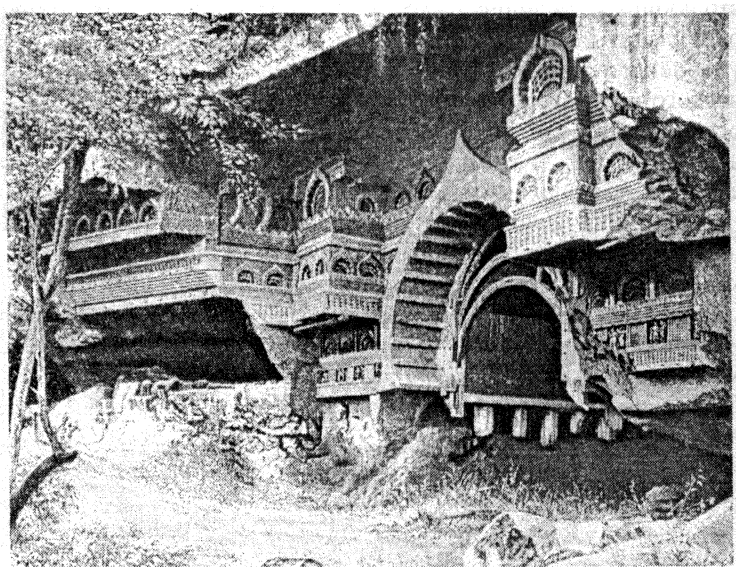
Сказка эта, рассказанная нам мадурским брамином, объясняет, почему он назвал богиню Мишакши «кирпичом»; а вместе с этим указывает на единство в глубине всего этого многобожия. Между *dii majores* священной горы Меру, Олимпа Индии, и *dii minores* разница в их сути невелика. Первые прямые, а вторые раздробленные, преломляющиеся лучи одного и того же светила. Что такое в действительности Брахма, Вишну и Шива? Тройной луч, прямо исходящий из «светила вселенной», *Сваямбхува*, т. е. *сиш*ы или духа оживотворяющего и оплодотворяющего материю, олицетворенную в Сарасвати, Лакшми и Кали: три представления *пракрити* (материи), три богини трех богов. Эти три четы, синтезированные в *Сваямбхуве*, «божестве не проявляющемся», суть символы, олицетворяющие невидимое присутствие его во всех явлениях природы. Словом, Брахма и Сарасвати, Вишну и Лакшми, Шива и Кали представляют в своей совокупности *дух* и *материю* с тройственным в них качеством — *созидания, сохранения и разрушения*.

Вишну один, а имен у него 1008. Каждое из этих имен есть название *одного из качеств Единого*. А личные качества Вишну воплощаются, в свою очередь, в других второстепенных богов индийского пантеона. Превратившись таким образом в отдельную от Вишну личность (между тем как сам Вишну есть лишь олицетворение одного из семи главных качеств или атрибутов Сваямбхувы), каждое олицетворение называется одним из *аспектов* или «видов» Вишну, Брахмы или Шивы, словом, того или другого из *главных* богов или богинь. У всех по столько же имен, которые священнодействующий брамин той или другой секты повторяет *в наше время* как попугай, но из коих каждое имело во дни древности глубокое значение. Сваямбхува первая эманация или луч Парабрахма, *бескачественного* божества, первое веяние духа его; он и есть *тримурти*, синтезис трех духовных сил в соединении с тремя силами материальными. А из качеств этих трех пар рождаются меньшие боги, *dii minores*, представляющие в свою очередь качества наибольших богов.

Так семь первобытных цветов призмы, на которые разлагается *бесцветный* луч, в дальнейших сочетаниях образуют вторичные сложные цвета и разнообразятся *ad infinitum*. У бога *Сурьи* (солнца), говорят брамины, *семь сыновей*, потомство которых составляет добрую треть пантеона *дэв*. А бог

воздуха, *Вайю*, родитель семи первородных слогов и семи музыкальных тонов, в которых зарождаются и из коих исходят всевозможные комбинации звуков в гармонии природы.

В древней Индии религия была тесно связана с созерцанием природы. В Божестве олицетворялись всемирные истины и самая суть *Истины*. Всякая открытая истина, в чем бы она ни заключалась, имеет прямое отношение к божеству или *самобытной* истине. В пантеизме, индусской религии, грубо собственно только внешний метод выражений, обыкновенно имеющий отталкивающую и карикатурную форму.

Чайтья в Кондане

Естественный вывод из всего этого тот, что пантеизм Индии, видимо обоготворивший все грубые силы природы и как бы олицетворяющий одни внешние образы, связан с областью физического ведения, химии, особенно астрономии, и представляет собой как бы опоэтизированный материализм, продолжение халдейского сабензма. Но если, отбросив его внешнюю форму, доведшую темные массы до самого отвратительного поклонения кумирам, мы проникнем до первона-

чального происхождения мифов пантеизма, то не найдем в них ни богов, ни даже внешнего поклонения разным предметам из царств природы в их обыкновенном образе, а поклонение *духу вездесущему*, поэтому столь же присущему малейшей травке, как и силе, зародившей и вырастившей ее.

Таким является простое и естественное объяснение 33 *крорам*¹ (330 миллионов) богов Индии. Эти боги зародились и получили бытие вследствие темного стремления олицетворить неолицетворяемое, сотворяя себе тем самым «кумира». Краугольный камень философского и религиозного мировоззрения их мудрецов очутился с течением времени в руках властолюбивых, холодно расчетливых браминов, и этот камень был разбит ими на осколки, истолчен в мелкий порошок для удобнейшего усвоения массами. Но для мыслителя, как и для всякого *непредубежденного* ориенталиста, эти исковерканные осколки, как и мельчайший щебень от них, все-таки от того же камня, — атрибуты проявленной энергии Парабрахма, единого, безначально и бесконечно сущего.

Брамины-ведантисты постулируют три рода существования: *пáрамáртхика* — *действительное*, истинное; *въявахáрика* — *условное практическое*, и *пратибхáзика* — *кажущееся*. Парабрахма единственное представление первого, поэтому он и зовется *сам*, «воистину сущий» или единосущий; ко второму классу принадлежат олицетворенные в различных образах боги, *личные души*² смертных и все явленное, феноменальное, в мире субъективного чувства. Этот класс, получив бытие в представлении темных масс, имеет основание не более твердое, чем все то, что мы видим во сне; но ввиду реальности практических отношений людей к этим богам, существование их допускается *условным* образом. Третий класс включает в себя такие предметы, как марево, перламутр, принимаемый за серебро, свернувшаяся змея, принимаемая за веревку, а в своем подразделении и человека. Люди *думают*, воображают себе, что видят то или другое: стало быть для того, кто это видит и воображает таковым, оно *действительно существует*. Но так как эта действительность только временная и самая суть предметов преходящая, стало быть условная, то и выходит в конце концов, что вся эта действительность есть только *иллюзия*.

---

¹ *Крора* — 100 лакков или 10 миллионов.

² *Личная душа*, или *земное сознание*, отлична от бессмертного в нас «духа» в учении браминов.

Все эти воззрения не только не мешают вере в личность божества и единство его, но даже служат непроходимой преградой атеизму. В Индии нет атеистов в том значении, какое мы, европейцы, придаем этому термину. *Настика* есть атеист в смысле *неверования в богов, идолов*. Это известно в Индии каждому, и мы в этом вполне убедились. Атеистам Запада и даже его *агностикам* далеко до философии *настиков* Востока. Первые грубо отрицают все кроме материи, последние, то есть индийские материалисты, *настики*, отнюдь не отрицают возможности существования того, чего они не понимают. Истинный философ поймет *дух*, а не букву их отрицания. Он легко убедится в том, что если, указывая на абстракцию, называемую *Парабрахму*, они учат, что этот принцип «без произвола и деятельности, без чувств, как и без сознания», то делают они это именно потому, что, по их понятию, *единое* под этим названием есть *безусловный* произвол, *безначальная* и *бесконечная* деятельность, *самобытные* самосознание, самомышление и самочувствие.

Выходит так, что пантеисты Индии, удерживая своих идолов, грешат только избытком религиозного, хотя и дурно применяемого чувства. Да и то сказать: после всесокрушающего и ровно ничего не создающего, *животного* материализма Европы, такой пантеизм является нравственным и душевным отдохновением, цветущим оазисом среди мертвой, песчаной пустыни. Лучше верить *хотя бы в одно из качеств божества*, олицетворив его и поклоняясь ему под тем видом, которое по силе разума каждого представляет ему удобопонятнейшее представление и символ *Всего*, — нежели, отвергая это *Все* под предлогом, что оно недоказуемо научными путями, не верить ни во что, как то делают наши ученые материалисты, да и модные агностики.

С точки зрения всего вышесказанного, хотя удивляясь и даже искренно смеясь над оригинальным выбором предмета божественного поклонения мистера Питерса, мы поймем, почему из ярого материалиста школы Милля и Клиффорда он так внезапно и неожиданно для всех превратился в пантеиста и даже в *пуджиста*.¹

А теперь вернемся снова в Диг.

---

¹ От слова *пуджа* — поклонение богам по установленным правилам; не молитва, а обрядность.

Рассказ Мульджи, весьма сокращенный мною, но в его устах переполненный подробностями, довел нас незаметно до обеденного часа, то есть до пяти часов пополудни.

Кругом нас стоял невыносимый зной.

Палящие лучи обливали как растопленным золотом мраморные стены и купола киосков, лежали ослепляющими пятнами на сонных водах прудов, пускали смертоносные стрелы во все живое и мертвое. Они заставили даже кучи попугаев и павлинов, которыми сады Индии изобилуют, как наши русские огороды воробьями, прятаться в самую чащу кустов. Тишина вокруг нас стояла непробудная... Все спало, все млело и горело...

Но мы еще до начала рассказа о мистере Питерсе забрались в центральную беседку из мрамора, высокую и почти спрятанную в самой чаще сада, где, не рискуя выходить из найденного нами благословенного приюта, наслаждались в нем относительной, конечно, прохладой. Окруженная со всех сторон водой небольшого бассейна, среди которого она возвышается, обширная и затемненная водяными ползучими растениями, она давала нам приют, где мы не чувствовали ни большего жара, ни утомления. К нам, на несколько сажен в окружности, манило тенью и прохладой; за чертой зеркального, миниатюрного пруда пылал ад и земля трещала и лопалась от огненных лобзаний страшного весеннего солнца, лучи которого лизали своими пламенными языками все еще роскошную, но уже увядающую растительность сада. Розы сжимались и осыпались; даже лотос и водяная лилия закручивали в трубочку окраины своих толстых, выносливых лепестков, словно брезгливо сторонясь от жгучего прикосновения. Одни орхидеи, «цветы страстей»,¹ высоко поднимали свои пестрые, насекомообразные чашечки, упиваясь этим огненным потоком, как другие цветы упиваются прохладной росой...

Что за оригинальный, прелестный сад! Разбитый на голой скале, на пространстве каких-нибудь ста двадцати сажен в длину да пятидесяти в ширину, он заключает в себе более двухсот больших и малых водометов и фонтанов. Управляющий, слащавый, похожий на евнуха старик, уверял нас, что

---

¹ *Passion flower*, называется потому, что этот род орхидей распускается вполне только в полуденный зной.

«не все водометы пущены»; многие засорились и попортились; но что в день приема в Диге, если не ошибаюсь, принца Уэльского, их было шестьсот. Но мы остались вполне довольны и двумя стами. За несколько рупий садовники доставили нам возможность чувствовать себя среди восхитительной прохлады целый день и гулять лунной ночью в аллее, обсаженной вместо деревьев двумя сплошными рядами высоко бьющих фонтанов. Ничто не могло сравниться с эффектом этих двух стен водяной пыли, искрящейся в лунном свете бриллиантами и переливающей всеми радужными тенями перламутра. Чудный уголок, а между тем забытый всеми, не посещаемый никем, кроме случайно проезжих англо-индийских чиновников, всегда готовых пользоваться угощениями туземных принцев, а в благодарность поносить их на всех перекрестках.

Махараджа Баратпурский сам и не заглядывает в Диг. Джатский потентат, питомец правительства, предпочитает шипенье шампанского журчанию всех фонтанов своего прелестного дворца, и нет для него мелодии слаще звука откупориваемой бутылки коньяку...

Таким образом, вековой тенистый сад гложет в своей дикой красоте, брошенный людьми, но зато предоставленный в полное распоряжение целой армии великолепных, хотя тоже одичалых пав. Любимая птица Юоны (которая в Индии зовется *Сарасвати*) наполняет сотнями дорожки, важно прогуливаясь и заматывая длинными хвостами накопившийся годами сор. Она унижает сверху донизу деревья, и благодаря ее присутствию старый сад часто издали принимает вид заколдованной рощи в волшебной сказке: залитые ярким солнечным светом, косматые деревья словно дышат, шевелясь и волнуясь, и из-за их густой листвы выглядывают, отливая сапфирами и золотом, тысячи сверкающих любопытных глаз... То глазки, рассеянные по хвостам движущихся в ветвях павлинов.

Выйдя на террасу в сад, я долго не могла отдать себе отчета в этой странной фантазмагории и спустилась по ступеням вниз, чтобы ближе рассмотреть чудное явление. Мое любопытство было тотчас же наказано «оскорблением действием». Тяжелый полет сорвавшегося с дерева и испуганного моим внезапным появлением павлина прервал мои размышления о чудесах Индии, сбив у меня с головы топи, а самое

меня — с ног. Я утешилась эксплорацией * сада, а бабу отомстил за мое падение, вырвав из хвоста другого, ни в чем неповинного павлина полдюжины перьев «на память о Диге!...»

Сад перерезан по всем направлениям узкими дорожками, которые чистятся и освобождаются от накапливающегося на них навоза только пред приездом «именитых гостей», как объяснил нам садовник; из чего, с отличающей нас прозорливостью, мы заключили, что не принадлежим к этой счастливой категории. Во всех углах, и даже в глубине сада, мирно дремлют, в своих мраморных гнездах, неподвижные воды под покрывалом густой тины. Бассейны фонтанов, пруды и миниатюрные озера превратились в зеленую кашу, и только воды ближайших ко дворцу прудов очищены и много способствуют общей красоте этого уголка. Невзирая на очевидное запущение, особенно красив восьмиугольный бассейн посредине сада, с прохладным, приютившим нас от жара, киоском. Окруженные меньшими бассейнами с высокими водометами, вылетающими из корзин роскошных тропических цветов, мы блаженствовали в продолжение целого дня, сидя в нем словно в подводном царстве. К пруду ведут четыре перерезающие его накрест аллеи водометов, а к киоску — четыре мраморные, ажурные мостика...

Утомленные разговором, мы теперь сидели в молчании; каждый из нас предавался собственным думам и занятиям. Я читала, подумывая более о такуре, нежели о содержании книги; полковник дремал. Сидя на скамейке у стены и закинув назад голову в чащу ползучей зелени, из-за которой торчала его длинная, седая борода; наш уважаемый глава, полковник О., слегка похрапывал. Нараян и Мульджи сидели на корточках на полу, а бабу поместился наподобие кариатиды на пьедестале какого-то сломанного и отсутствующего идола, и тоже дремал.

Так мы сидели не двигаясь, сонные и молчаливые, довольно долго. Наконец, часам к 5 ½, дремлющий сад стал постепенно просыпаться; жара остывала, павлины вылезали из своих углов, стаи зелено-золотистых попугаев перекликались с верхушек деревьев... Еще несколько минут — и солнце исчезнет за чертой соленых озер; истомленная за день природа отдохнет до следующего утра, остынет до нового огненного искуса.

---

* Исследование (англ.). — Прим. ред.

Я бросила книгу и стала наблюдать, как все вокруг нас начинало дышать и двигаться. Сад превращался из пещи Даниловой в рощу классической идиллии: недоставало в нем только игривых, плещущихся нимф, да веселой свирели Пана. Прозрачная влага пруда отражала теперь только синее небо, да на ночь садившихся по вырезным перилам мостика тщеславных павлинов. Приготовляясь ко сну грядущему, они играли хвостами, как испанки веером: распуская и снова закрывая их и снова любуясь их отражением в воде... Наконец, брызнув последними золотыми искрами, солнце исчезло, и на нас потянул легкий ветерок. В беседке было так хорошо, так прохладно, что мы решительно отказались идти обедать в душные залы дворца и решили потребовать *кхану* (обед) в беседку, отправив для этого послом бабу.

Неугомонный бенгалец, под предлогом боязни мщения общипанного им павлина, которого он узнал, по его уверению, в одном из сидящих на перилах, вместо дороги по мостику выбрал кратчайший путь, стремительно нырнув с пьедестала, где восседал, прямо в пруд. Неожиданный всплеск воды перепугал, разбудив дремавшего полковника, который тотчас же заботливо осведомился, нет ли для бабу опасности утонуть?..

— Лучше утонуть, нежели рисковать мщением *оборотня!* — прокричал, захлебываясь водой и фыркая, насмешливый скептик.

— Какого оборотня? — любопытствовал наш президент, успокоенный тем, что вода доходила бабу еле до груди.

— Да проклятого павлина! Ведь это тот самый оборотень, что слетел к нам вчера вечером в Баратпуре на веранду! — горланил бенгалец, с усилием ступая по вязкому дну пруда. — Я же сам видел, как он подмигнул Мульджи на меня.

— Это он все в мой огород кидает камушками, — заметил хмурясь «генерал». — Разве этот *настика* когда-нибудь во что верил? Он вечно смеется надо всем и всеми...

— Ну, теперь можете посмеяться и вы над ним... взгляните только на эту фигуру! — сказала я расхохотавшись.

Действительно, бабу представлял прелюбопытное зрелище. Он насилу вылез из тины и, вскарабкавшись на высокий парапет пруда, оставлял за собою на белом мраморе целые потоки зеленоватой грязи. Покрытый болотными травами и тиной, он утратил всякое человеческое подобие.

— Вы походите на утопленника, мой бедный бабу, — засмеялась я ему. — Ну, можно ли чувствовать такое влечение к воде! Ведь это сегодня вы уже во второй раз. Смотрите, не сделайте после смерти водяным *писачей*, да и не утоните когда-нибудь.

— «Чем был, то есмь и тем буду», — получила я в ответ цитату из афоризмов его всеотрицающей секты. — «Прах есмь и прахом буду», а утонуть, говорят, самая приятная и лёгкая смерть, *мам-сааб*...

— Чтò ты *есть*, все видят; чем *будешь*, не ведаю; а вот что ты непременно был в предшедшем своем существовании нью-фаундлендским щенком, так это верно, — отомстил ему Мульджи.

Но бабу не слышал сделанного сквозь зубы на его счет замечания. Немного сконфуженный своею наружностью, он бросился бежать опрометью к дому.

Владей я, как то воображал Нараян, даром предвидения, я бы скорее проглотила свой язык, прежде нежели решилась бы на сделанное мною последнее замечание. Бедный, веселый, беззаботный мальчик!.. Думал ли он тогда, что его ожидает ранняя и столь мучительная смерть в мутно-желтых волнах Ганга?.. До самого сего дня я не могу равнодушно вспомнить о бедном бабу и о веселых проведенных нами вместе неделях путешествия, хотя уже прошло пять лет с тех пор и почти два года со дня рокового происшествия. Как часто, слишком часто, грезится мне с того времени в тревожном сне эта полуребьяческая, худенькая фигурка, вся покрытая черно-зеленой тиной дигского пруда! Мнится мне тогда, будто ее когда-то блестящие, полные добродушного веселья глаза, теперь стеклянные и потухшие, глядят на меня в упор; и я слышу снова ясно, как наяву, знакомый, смеющийся голос на мое бессознательное пророческое предостережение: «не утоните когда-нибудь», таким же пророческим ответом: «*чем был, то есмь... прах есмь, прахом буду*» — и я просыпаюсь с дрожью ужаса при воспоминании!..¹

---

¹ Бедный малый утонул 1883 году самым ужасным и вместе глупым образом. Между Дерадуном и Хардваром Ганг еще не река, а поток мелкий, но чрезвычайно быстрый. Там переходят в одном месте по мостику, а у кого лошади, те ведут ее за повод, возле мостика, в воде, не достигающей лошади и по колено. Но Бабу захотел, невзирая на предостережение, переехать реку верхом. Лошадь споткнулась и упала, а он запу-

«Неужто так он и остался... *прахом?*») часто задаю я себе вопрос, задумываясь над прошлым. И тотчас же я припоминаю тесно связанный с этою безответной загадкой смерти, неразрешенной еще нашими европейскими мыслителями, спор между Нараяном и бабу и ответы такура на наши вопросы. Этот спор завязался у них всего несколько дней после памятного для меня проведенного в Диге дня.

Передам этот замечательный разговор *in extenso*,^{*} надеюсь, что для серьезного читателя он будет интересен, не потому, конечно, что он решил долго мучившие меня лично вопросы, но потому, что он объясняет своеобразный взгляд ведантистов на загробную жизнь, ее тайны и вообще на душу человека.

Для вашего уяснения позволяю себе сказать несколько предварительных слов и тем сделать последующий разговор более понятным для читателя. Иначе незнакомому с философией ведантистов (*тайной* школы), и особенно с их сложной теорией души и ее значения в вечности, было бы весьма трудно уследить за всеми этими столь разнообразными названиями «духовного человека». Они бесчисленны, как и имена их масок-богов, потому что каждый *аспект* души (или скорее того совокупного духовного *агрегата*, который зовется у ведантистов *настоящим* человеком, или «духовной личностью», тогда как его брэнное тело или *земная* личность считается *иллюзией*), каждое качественное видоизменение души имеет свое особенное, характеристическое название. Например, они делят «земную личность» на три главные группы: духа, души и тела, а затем подразделяют эти группы на семь составных сил или принципов, из коих первые две, дух и «божественная душа» (седалище духа), безличные и бескачественные *per se*, а пять остальных именуются *коша*, т. е. «ножнами» или оболочкой разных духовных и земных качеств человека, стало быть личные и качественные. Так *маюмая коша* в буквальном переводе вышло бы: «призрачного понятия ножны», то есть седалище или вместилище чисто земных, а поэтому самому *призрачных* концепций человека. Эта коша есть оболочка *понятий его земного разума*, в соединении с действиями органов

тался в стремених и не мог высвободиться. Поток, по рассказам, катил обоих более мили, до бассейна водопада, где седок и лошадь оба исчезли. Его смерть была, само собою разумеется, приписана «гневу богов»!

* Полностью (лат.). — *Прим. ред.*

наших пяти чувств, которые, затемняя божественный, чистый разум своими грубыми земными понятиями, превращают таким образом всякую истину в мираж.

Особенно затруднительна эта теория для тех, кто, признавая сотворение отдельной души для каждого человека и отвергая теорию его многочисленных реинкарнаций, тем самым отвергают *эманации*, т. е. самую суть пантеистического учения Индии. Читая, например, о *седмиричной* конституции человека, можно подумать, будто в нас сидят семь отличных одна от другой личностей («семь бесов», по выражению одного русского теософа), которые являются, в своем нумерическом порядке, будто кожицы в луковице, становясь по мере своего удаления от наружной и самой грубой оболочки, т. е. тела, все эфирнее и субъективнее. Но философия веданты ничего подобного не проповедует. Все эти кошки придуманы ради уяснения ее догмата о полном единстве Парабрахмы — основания и *субстанции* всей *явленной* вселенной; если же не объяснять эманациями этот догмат зарождения качественной вселенной от бескачественного духа, то догмат этот остался бы совершенно непонятным для самих пантеистов.

Дух един и неразделим; а души человечества представляют несчетное число отдельных единиц. Эти души суть эманации, «духи от духа». Но так как безличная и бескачественная безусловность лично проявляться не может, то представляется обратная сторона Парабрахмы, *Мулапракрити*,¹ его совечная сила или энергия, корень всего существующего. Неразделимая от Парабрахмы, она вместе с ним составляет *невидимую вселенную*. То, что отделяется, не есть *Мулапракрити*, но только свет или сияние от «света вселенной», который и есть эманация, превращающаяся в *видимую* вселенную. Но здесь снова является затруднение: где место для *видимой* вселенной? Как поместить что-либо там, где все уже занято даже и в *безграничном* пространстве, если фактически это пространство и есть самое Вездесущее, *Сат*? Как, наконец, извлечь качественное вещество из бескачественного духа, т. е. из того, что является в нашем представлении ничем?

Ведантисты решают это затруднение так: *видимая* вселенная есть не что иное как *призрак* наших чувств, временная

---

¹ *Мулапракрити* — буквально «корень материи», т. е. первобытная эссенция вещества. Но так как Парабрахма — Все, то и этот корень тот же Парабрахма.

иллюзия столь же временных, как и обманчивых понятий *земного* человека, который и сам есть иллюзия и одна *коша* или ножны духовной и поэтому единственной *реальной* личности. Ни видимый мир, ни объективный человек, *не существуют* в действительности; ибо все видимое и подлежащее сознанию посредством свидетельства наших пяти чувств есть *самообман*, потому что существует и есть все лишь одно — *Сат*.

Но прежде чем превратиться из *реального* «ничто» хотя бы в *призрачное* «нечто», такая трансформация должна происходить постепенно. «Сияние от света» есть все-таки Парабрахма бескачественный, стало быть и неспособный к действию. И вот *тьень* — конечно, тоже «призрачная», ибо тени без тела не бывает, а Парабрахма бестелесен, — начинает в постепенной дифференциальности своего бессознательного действия (*nota bene* — бессознательного только в нашем условном понятии о самосознании) превращаться из бескачественного и безличного в качественное и личное, т. е. сперва в видимые миры, а затем и в человека. Но человек, как и миры, не мог быть сотворен *разом*, даже в той грубой оболочке, которую мы *воображаем* видеть в нем. Он был сформирован и образовался следующим порядком:

Группа I

1. *Брахма* или *атман*, луч Парабрахма, или дух.

2. *Будхи* — его *вахана* или вместилище, носитель духа; высшая или божественная душа.

(Эта двойственная единица есть *корень* человека, хотя в нашем понятии эта сама по себе *безличная* и *бескачественная* единица является чистою *абстракцией*. Ее личность начинает слагаться и обрисовываться только по прошествии многих воплощений, так как *будхи*, чтобы приобрести даже духовные качества, должна, унося их после смерти земной личности, брать их от первого принципа II группы — *Манас*).

Группа II

3. *Манас* — седалище ума. В совокупности с *камарупой* (см. ниже) это и есть настоящая земная личность, эго человека или обитаемого ею тела, и зовется *человеческой* или *земной* душой, когда она подразумевается в своей отдельности от

будхи, или «божественной души». В соединении же с *будхи* она называется *сутратмой* (нить-душа), так как она одна из этой тройной группы следует, изменяя только свои личные качества, за первой группой во всех ее земных воплощениях.

4. *Камарупа* — «седалище желаний». Этот принцип переживает человека, но вместе с

5. *Майявирупой*, «призрачным телом» или *двойником* личности, со временем исчезает. Эти 4-й и 5-й принципы превращаются после смерти человека в *писачи*, или в тех материализованных «духов», в которых спириты видят *души* своих покойников, а брамины — *бесов*.

Группа III

6. *Джива*, или жизнь; «жизненный принцип».

7. *Стхула-шарира*, или тело человека, маска души. Эта группа есть самая кратковременная из всех «иллюзий», которая и исчезает бесследно после ее разрушения.

Таким образом, мы видим, что три группы с их семью разделениями резюмируются все «божественной душой». Безличная и бескачественная единица должна приобретать личность и духовные качества от каждого нового *манаса*, т. е. от разумного эго, и не в одной, а в бесчисленной серии его воплощений. Прежде нежели она может успеть сделаться *богоподобной* личностью, достойной соединиться даже временно с *Сат*¹ и перестать быть «иллюзией», она должна пройти все стадии людского страдания, испытать лично все испытываемое беспомощным человечеством, делать самоличные усилия к очищению себя от земной грязи, извлекая из обитаемых ею личностей только высшие, духовные качества, *если такие имеются*, перегорать как золото в огне. Всякое новое воплощение есть новый шаг к очищению и совершенству. Все это для того, чтобы в конце веков и все прошлое человечество могло также жить поистине в Боге, как Бог будет жить в будущем (человечестве), «в седьмом», учат ведантисты *тайной школы*, называя настоящее человечество только *пятым*.

---

¹ *Сат* — слово почти непереводимое на европейские языки. Здесь *Сат* означает *единосущную реальность*, кроме которой все одна иллюзия, самообман. *Сат* есть вечная, безграничная *суть* всего, в вечном и безграничном пространстве, где кроме *Сата* нет ничему более места. Словом, *Сат* есть *единосущие* бескачественного и безусловного духа — *невяленного божества*.

А теперь следующий разговор с такуром делается понятнее читателю.

— Учитель, — спрашивал Нараян такура, среди горячего спора с бедным бабу, — что это он говорит и возможно ли это слушать!.. Чтоб от человека после смерти его ровно ничего не оставалось? Чтоб его тело, как он уверяет, просто разлагалось на свои составные элементы, а что мы называем душой, а он «временным самосознанием», испарялось, исчезая, как пар из застывшего кипятка?..

— Чтò ж такое в этом странного? Ведь бабу *чарвака*¹ и поэтому говорит лишь то, чтò тебе скажет всякий другой *чарвака*.

— Но ведь *чарваки* врут! Есть и другие, которые верят, что настоящий человек не есть его физическая оболочка, а заключается в его разуме, в седалище его самосознания... А разве может самосознание покинуть душу даже после нашей смерти?

— В *его* случае может, — отвечал также хладнокровно такур, — потому что он искренно и твердо верит в то, чтò теперь проповедует.

Нараян бросил удивленный, полный смятения взгляд на такура, а бабу, побанвавшийся последнего, окинул нас торжествующей улыбкой.

— Но как же так?.. Ведь веданта учит, что «дух Духа» бессмертен и душа человеческая не умирает в Парабрахме... Разве есть исключения?..

— В основных правилах духовного мира исключений не может быть, но есть правила для зрячих и правила для слепых.

— Это я понимаю; но в таком случае, как я ему и сказал, его «полное и окончательное исчезновение самосознания» не более, как аберрация слепого, который, не видя солнца, отрицает его... но узрит его духовными глазами после смерти...

— Ничего он не узрит. Отрицая его при жизни, он не увидит его и за гробом.

Заметив, что Нараян страшно волнуется и что даже мы оба с полковником уставились на него в ожидании более определенного ответа, такур, очевидно, нехотя продолжал:

— Ты говоришь о «духе Духа», об атмане, и смешиваешь дух с душой смертного, то есть с *манасом*. Дух, без сомнения,

---

¹ *Чарвака* — секта бенгальских материалистов.

бессмертен, ибо он без начала и стало быть без конца. Но речь идет теперь не о духе, а о человеческой, сознающей себя душе; ты ее смешиваешь с первым, а бабу отрицает и то, и другое, как дух, так и душу. Вы оба не понимаете друг друга.

— Его-то я понимаю, но...

— Не понимаешь меня?.. Постараюсь высказаться яснее. Вся суть твоего вопроса приводится к следующему: ты желаешь узнать, возможна ли, даже в случае закоренелого материалиста, полная утрата его самосознания и самочувствия после его смерти? Так что ли?

— Да, потому что он вполне отрицает все то, что для нас составляет несомненную истину... во что мы все свято веруем...

— Хорошо. На это я, веруя так же свято, как и ты, в наше учение, которое называет посмертный период, то есть промежуточное время между двумя жизнями, лишь *временным* состоянием, отвечаю утвердительно и говорю: один ли год или миллион лет продолжается этот антракт между двумя действиями иллюзии жизни, загробное состояние может безо всякого нарушения правил оказаться совершенно тем состоянием, в каком находится человек во время глубокого обморока. Бабу, стало быть, *в его случае прав*.

— Но почему же... и как... коль скоро правило бессмертия не допускает, как вы нам говорите, исключений?.. — осведомился полковник.

— Не допускает, конечно: *для всего того, что действительно существует*. Тому, кто изучал *Мундакья упанишаду* и *Веданта-сутру*, не следовало бы и спрашивать...

— Но *Мундакья упанишада* именно и учит, — робко заметил Нараян, — что между *будхи*¹ и *манасом*,² как между *шиварой* и *праджной*,³ на самом деле не более разницы, как между *лесом* и *его деревьями*, между *озером* и *его водами*...

— Совершенно справедливо: потому что одно или даже сотня засохших от потери жизненного сока или вырванных с корнями деревьев не могут помешать лесу оставаться тем же лесом...

---

¹ «Божественная душа» человека.

² *Манас*, как седалище земного рассудка, дает мировоззрение, основанное на свидетельствах этого разума, а не духовное прозрение.

³ *Ишвара* — «коллективное сознание» *явленного* божества, Брахмы; а *праджня* его индивидуальная мудрость.

— Так... но ведь *будхи* представляет в этом сравнении лес, а *манас-тайджаси*¹ деревья. А если первая бессмертна, то как же, будучи тем же, что и *будхи*, может манас-тайджаси² потерять совершенно сознание до своего нового воплощения?.. Это-то и затрудняет меня...

— Напрасно, если ты только возьмешь на себя труд не смешивать абстрактное представление целого с его случайными видоизменениями. Вспомни, что если мы можем, говоря о *будхи*, сказать: «она безусловно бессмертна», то нельзя сказать того же ни о *манасе*, ни о *тайджаси*. Ни та, ни другая не существуют отдельно от божественной души, потому что первая есть качественная принадлежность земной личности, а вторая — то же, что и первая, только с отражением в себе *будхи*. В свою очередь, будди оставалась бы только безличным духом без этого в себе элемента, заимствованного ею от человеческой души и который обуславливает и делает из нее нечто как бы *отдельное от Всемирной души* на все время цикла человеческих воплощений. Скажи ты поэтому, что *будхи-манас* не может ни умереть, ни потерять сознания ни в вечности, ни во время переходных периодов, и тогда, по нашему учению, ты был бы прав. Но применять эту аксиому к ее качествам, все равно как если бы ты настаивал, что так как душа полковника О. бессмертна, то значит и румянец на его щеках тоже должен быть бессмертным. Выходит, что ты, очевидно, смешал в своих понятиях сущность с явлением; забыл, что в соединении с одним *манасом* или «человеческой» душой — светозарность самой *тайджаси* делается вопросом времени; так как и бессмертие и загробное сознание становятся для *земной* личности человека качествами вполне условными, завися от сотворенных ей самой, при жизни ее тела, условий и верований. *Карма* (закон возмездия) действует непрерывно: и мы *пожинаем в мире загробном плоды лишь того, что сами посеяли в этой жизни*.

— Но если мое эго может очутиться после разрушения моего тела в состоянии полной бессознательности, то какое же может быть *для меня* в этом наказание за грехи моей жизни? — спросил полковник, задумчиво поглаживая бороду.

---

¹ *Тайджаси* «светозарная» — вследствие связи ее с *будхи*; манас — озаренная светом «божественной души».

² *Манас-тайджаси* — «светозарный разум», *человеческий ум*, освященный светом духа; а *будхи-манас* «божественное откровение *plus* человеческий разум и самосознание».

— Наша философия учит, что наказания постигают эго только в будущем воплощении, а непосредственно за гробом ожидают нас только награды за понесенные и *незаслуженные* страдания в земной жизни. Все наказание, как видите, *состоит в отсутствии награды, в полной потере сознания своего счастья и покоя. Карма* — дитя земного эго, плод действий его всеми видимой личности, даже *помышлений и намерений* духовного я; но она также и нежная мать, которая залечивает нанесенные ею в предшедшей жизни раны, прежде чем станет снова бичевать это эго, нанося ему новые. Если нет в жизни смертного такого горя или несчастья, которое не было бы плодом и прямым последствием греха в его предшедшем существовании, то зато, не сохранив о том ни малейшего воспоминания в настоящей жизни и чувствуя себя не заслуживающим такой кары и поэтому страдающим *безвишно*, вследствие уже одного этого человеческая душа достойна утешения и полного отдыха и покоя в жизни загробной. Для вашего духовного «я» смерть является всегда избавительницей и другом: безмятежным сном младенца, или же сном, полным блаженных грез и сновидений.

— Но, сколько мне помнится, периодические воплощения *сутратмы*¹ уподобляются в *Упаншиаде* земной жизни, проходящей поочередно между сном и бдением... Так ли это? — спросила я, желая возобновить первый вопрос Нараяна.

— Так; это сравнение очень верное.

— Не сомневаюсь; только я его плохо понимаю. После сна для человека начинается другой день, но человек душой, как и телом — все тот же самый, что был и накануне; тогда как при каждом новом воплощении меняются не только его наружная оболочка, пол и самая личность, но, по-видимому, и все его духовные качества... Да и как же это сравнение может быть верным ввиду того, что люди, восстав ото сна, хорошо

---

¹ В веданте *Будхи*, в своем совокуплении с духовными качествами, сознанием и понятием тех личностей, в которых она воплощалась, называется *сутратмой*, что буквально значит «нить души»; потому что как перлы на витке, так целый длинный ряд жизней человеческих напизывается на эту нить. *Манас* должна сделаться *тайджаси* (светозарным), дабы в соединении с *сутратмой*, так сказать вися на ней, как жемчужина на нитке, достигнуть и *прозреть* себя в вечности. Но часто, вследствие греха и ассоциации с чисто земным разумом, и самая эта светозарность исчезает.

помнят не только то, что они делали вчера, но и за многие дни, месяцы и даже годы назад, а между тем в своей настоящей жизни они не сохраняют ни малейшего воспоминания о какой-либо прошлой своей жизни... Ведь проснувшийся человек может, пожалуй, забыть то, что он видел во сне, но он все-таки знает, что он спал и что во время сна он жил... о прошлой же жизни мы даже и этого не знаем. Как же так?

— Есть такие, быть может, что и знают, — как-то загадочно произнес такур, не отвечая на прямой вопрос.

— Подозреваю... только *не мы*, грешные. Поэтому как же нам, не достигшим еще до *самма-самбудхи*,¹ понимать это сравнение?

— Изучая его и поняв правильнее характеристику и три рода того, что мы называем сном.

— Ну, это довольно трудно. Даже наши величайшие физиологи только запутались на этом вопросе, а провалившись в объяснениях сами, запутали нас еще более, — засмеялся полковник.

— Потому что взялись не за свое дело, а за обязанность психологов, которых у вас, в Европе, вовсе нет, по крайней мере между учеными. Западные психиатры те же физиологи, только под другим названием, и действуют на основании принципов еще более материалистичных. Прочтите хоть Модсли (Maudsley), и вы увидите, что они лечат от душевных болезней, не веря в существование самой души.

— Но мы снова удаляемся от предмета наших расспросов, который вы как будто не желаете нам выяснить, такур-саиб... Вы точно подтверждаете и одобряете теории бабу, а ведь он именно на том основании, что мы ничего не знаем ни о нашей прошлой земной, ни о посмертной жизни, и желает доказать, что за гробом нет и не может оставаться какого-либо сознания...

— Говорю снова: бабу — *чарвака*, который и повторяет то, чему его учили. Я подтверждаю и одобряю не самую систему материалистов, но только правильность воззрений самого бабу в том, что касается его личного загробного состояния.

— Выходит поэтому, что такие, как бабу, должны составлять исключение из общего правила?

---

¹ Познание прошлых своих инкарнаций. Одни йоги и адепты тайных наук достигают де посредством величайших аскетических подвигов такого полного прозрения *всего* своего прошлого.

— Нисколько. Сон есть общее и неизменное правило как для человека, так и для всякой земной твари. Но есть разные сны и еще более разные сновидения...

— Но он отрицает не одно сознание в посмертной жизни и в ее сновидениях, говоря языком *Веданта-сутры*. Он отвергает бессмертную жизнь вообще, как и бессмертие собственного духа.

— В первом случае он поступает совершенно по канонам европейской современной науки, основанной на свидетельстве наших пяти чувств. В этом он грешен только пред теми, кто не разделяет его мнений. Во втором случае он не менее прав: без предварительного внутреннего сознания и веры в бессмертие души ей не сделаться *будхи-тайджаси*,¹ она останется *манасом*; а для одного *манаса* бессмертия быть не может. *Дабы жить жизнью сознательной в загробном мире, следует сперва уверовать в тот мир в земной жизни.* На этих двух афоризмах тайной науки построена вся наша философия о посмертном сознании, как и о бессмертии души. *Сутратма* получает всегда по своим заслугам. По разрушении тела для нее начинается либо период полного бдения, либо сон хаотический, либо непробудный сон без грез и сновидений. Если ваши физиологи нашли причинность снов и грез в бессознательной заготовке их во время бдения, почему то же самое не признать и по отношению к *посмертным* сновидениям? Повторяю то, чему учит *Веданта-сутра*: *смерть есть сон*. После смерти, пред духовными глазами души, начинается представление по заученной нами при жизни, а часто нами же самими сочиненной программе: практическое исполнение наших или *правильных* верований, или же созданных нами самими иллюзий. То посмертные плоды древа жизни. Понятно, что вера или безверие в факт сознательного бессмертия не

---

¹ То есть без полной ассимиляции с *божественной* душой, *земной* душой или *манасом* — не жить в вечности сознательной жизнью. Она делается *будхи-тайджаси* (или *будхи-манасом*), когда ее стремления влекут ее при жизни от земного к миру духовному. Тогда, упитанная эссенцией и проникнутая светом своей божественной души, *манас* исчезает в *будхи*, делается *ею самою*, сохраняя одно лишь духовное сознание о своей земной личности. Иначе, как *манас*, то есть *человеческое* мнение, основанное на свидетельстве только физических чувств, — земная или личная наша душа впадает, так сказать, в непробудный сон, без грез и без сознания, до нового воплощения.

могут повлиять на безусловную действительность самого факта, коль скоро он существует. Но как вера, так и безверие в него отдельных личностей не могут не обусловить действий этого факта в его применении к каждому в частности. Теперь, надеюсь, вы поняли?

— Начинаю понимать. Материалисты, не веря ни во что, не проверяемое их пятью чувствами и так называемым *научным* разумом, и отвергая всякое духовное проявление, указывают на земную жизнь как на единственное сознательное существование; поэтому, по вере, а в их случае по безверию, и воздается им позднее. Они утратят свое личное «я», заснут бессознательным сном до нового пробуждения. Не так ли?

— Почти так. Можете добавить, что ведантисты, признавая два рода сознательных существований, земное и духовное, указывают только на последнее, как на *неопрровержимую* действительность; земная же жизнь, вследствие ее изменчивости и кратковременности, одна иллюзия обманчивых чувств. Жизнь наша в сферах духовных уж по тому одному должна признаваться действительностью, что в них живет никогда не меняющееся наше бесконечное и бессмертное «я», *сутратма*, тогда как при каждом новом его воплощении оно одевается в совершенно отличную от предшедшей личность временную, преходящую, в которой все, кроме ее духовного прототипа, обречено на бесследное разрушение.

— Но позвольте, такур, разве личность, мое земное, сознательное «я», может погибнуть не только временно, как в случае материалистов, но даже *бесследно*?

— По нашему учению, оно даже *должно* так погибнуть и во всей своей полноте, кроме того в ней начала, которое, соединясь с *будхи*, стало чисто духовным, составляя с ней впредь и навеки одно несокрушимое целое. Но в случае завязтого материалиста может случиться что, так как ни сознательно, ни бессознательно ровно ничего из его личного «я» никогда не отражалось в *будхи*, то ей и не приходится уносить в вечность ни одного атома этой земной личности. Ваше духовное «я» бессмертно; но от вашей настоящей личности оно унесет с собой лишь *то, что заслуживает бессмертия*, то есть один аромат скошенного смертью цветка.

— Ну, а сам цветок или земное «я»?

— Сам цветок, как и все прошлые и будущие цветки, которые цвели и будут цвести после них на родной ветке, *сут-*

ратме, дети одного корня будхи, обратятся в прах. Ваше настоящее «я» не есть, как вам самой должно быть известно, сидящее предо мной наше тело,¹ ни ваша манас-сутратма, а сутратма-будхи.

— Но это не разъясняет мне, почему вы называете загробную жизнь бессмертной, бесконечной, действительной, а жизнь земную зовете *призраком*? Ведь, по вашему учению, выходит, что загробная жизнь имеет свои пределы, что и она, хотя продолжительнее земной жизни, но все же должна иметь свой конец.

— Без сомнения. Духовное эго человека движется в вечности, как маятник, между часами жизни и смерти. Но если эти часы, периоды жизни земной и жизни загробной, ограничены в своем продолжении, и даже самое число таких этапов в вечности, между сном и бдением, иллюзией и действительностью, имеет свое начало, как и свой конец, то сам *духовный* странник вечен. Поэтому и часы его загробной жизни, когда, разоблаченный, он стоит лицом к лицу с истиной, а не с миражами его преходящих земных существований, во время периода его скитальчества, который у нас зовется «циклом рождений», составляют в наших воззрениях *единственную действительность*. Такие перерывы, невзирая на их конечность, не только не мешают *сутратме*, постоянно совершенствуясь, следовать все время неуклонно, хотя постепенно и медленно по пути к ее последней трансформации, когда она, достигнув цели, становится «божественным» существом; они не только содействуют достижению этой цели, но без таких конечных перерывов *сутратме-будхи* никогда бы и не достигнуть ее. Сутратма — актер, а ее многие и разнохарактерные воплощения — роли его. Не назовете же вы, я полагаю, эти роли, а тем менее их костюмы, личностью самого актера? Как и он, душа принуждена играть во время цикла рождений, и до достижения самого преддверия паранированы,² много таких, часто не-

---

¹ Ведантисты чувствуют такое полное презрение к физической оболочке, что, говоря о чисто механических действиях тела, они не употребляют местоимения я, и говорят: «Это тело ходило», «эти руки делали» и т. д. Лишь когда речь идет об умственных действиях, они заявляют о себе: «Я думал», «Я желал» и т. д.

² Между *нирваной* и *паранирваной* есть большая разница. *Нирвана* — та духовная жизнь, которую живет каждая *личная душа сутратмы* (кроме душ материалистов, как видно), то есть душа А., или душа Б., после

приятных для ней ролей; но как пчела собирает с каждого цветка его мед, оставляя остальное на пищу земным червям, так и наша духовная личность, *сутратма*, собирая один нектар душевных качеств и самопознания каждой земной личности, в которую *карма* принуждает ее воплощаться, сливает наконец все эти качества воедино, являясь тогда существом совершенным, *дхиан-коганом*.¹ Тем хуже для земных личностей, с которых ей не пришлось что-либо собрать. Такие личности, конечно, не переживают *сознательно* своего земного существования.²

— Стало быть, бессмертие для земной личности все-таки условный вопрос, и самое бессмертие не безусловно?

— Нисколько; оно только не простирается на *несуществующее*. Для всего того, что существует, как *Сат* или исходит от *Сата*, бессмертие, как и бесконечность, безусловны. *Мулапракрити* — оборотная сторона Парабрахма, но оба одно и то же. Суть этого всего, т. е. дух, сила, материя, бесконечна, как

каждого своего разоблачения и которая ей присуждается законом возмездия (*кармой*) за ее личные земные страдания. *Паранирвана* же — то блаженное состояние, которое ожидает *сутратму* в ее полном составе, то есть в совокупности всех личных душ, нанизанных на этой *нити*. «Душа» — неправильное выражение, но я его употребляю за неимением у вас термина более подходящего: следовало бы сказать не «личных душ», а «одних *ароматов* личных душ», по выражению такура. Ибо, по «разрушению мира» (пралайи), все эти «ароматы», слившись в одно целое, образуют единого «божественного человека», который и *живет в Парабрахме* — вечно; тогда как каждая душа отдельно взятой личности живет только *в луче* божества, *в атма-будхи*, временно. Между *нирваной* и *паранирваной* аналогическая разница как между состоянием души *до* и *после* дня Страшного Суда.

¹ *Дхиан-коган, esprit planétaire* [планетарный дух (фр.)], «от Парабрахма исходящий и в Парабрахма вновь уходящий» после жизненного цикла.

² Философия *тайной* веданты не верит в ад и не допускает наказания за земные грехи в духовном мире. Человек же родится беспомощным, игрушкой внешних, не зависящих от него обстоятельств, хотя он и одарен свободным произволом. Он столько страдает безвинно в этом мире, что бесконечное милосердие даст ему полный отдых в мире теней; и только затем уже, в следующей земной жизни и в новом воплощении, он понесет должное наказание за грехи в предшедшей своей *роли*. Выбор всякой такой последующей жизни и наказание определяются и приводятся в исполнение *кармой*, «законом возмездия». Это же доказывается тем, что на нашей земле постоянно страдают, по-видимому, ни в чем неповинные люди.

и безначальна, но форма, приобретаемая этим тройным единством во время воплощений, внешность есть, конечно, только одна иллюзия личных концепций. Поэтому мы и назвали одну загробную жизнь *действительной*, а земную, со включением в ней самой земной личности, называем *призрачной*.

— Но зачем же в таком случае называть реальность сном, а призрак — бдением?

— Сравнение сделано для облегчения нам представления; с точки зрения земных понятий оно весьма верное.

— Зачем, если загробная жизнь основана на справедливости, на заслуженном воздаянии за всю земную скорбь, а *сутратма* пользуется малейшим проблеском духовных качеств в каждом из своих воплощений, то как же можно допустить, чтобы духовная личность в нашем бабу, — он ушел, и мы можем говорить о нем не стесняясь, — чтобы личность в этом мальчике, столь идеально честном, благородном, бесконечно добром, невзирая на все его безверие, чтобы эта личность, говорю я, не перешла в бессмертие, а погибла как «навоз от цветка»!

— Кто же, кроме его самого, когда обрекал его на такую судьбу? Я знаю бабу с малых лет и вполне уверен, что жатва с него *сутратмой* будет обильная; хотя его безверие и материализм далеко не напускные, но все-таки умереть навеки и в полноте своей личности он не может.

— Но вы же, такур, сейчас только подтверждали правильность его воззрений на его личное состояние за гробом?.. А его воззрения — то, что у него улетучится после смерти *всякое сознание*...

— Подтверждал и снова подтверждаю. Можно проспать несколько станций на железной дороге и все-таки, не сохранив об *этих* ни малейшего сознания, проснуться на следующей и достичь цели путешествия уже в сознательном состоянии. Вы нападаете на сравнение между сном и смертью? Так вспомните же, что даже человеку известны три рода сна: непробудно-крепкий, без малейшего сновидения; сон с хаотическими, неопределенными сновидениями; наконец со снами, столь живыми и ясными, что для спящего они делаются на время полной действительностью... Почему же в таком случае вы не можете допустить, что так бывает и с освобожденной от тела душой? По разлуке с ним для нее начинается, смотря по ее заслугам, а главное, *ее вере*, жизнь либо вполне сознатель-

ная, либо полусознательная, или же она впадает в тот непробудимый сон без грез, как и без сознания, который равняется состоянию *небытия*. Это есть исполнение «программы», о которой я говорил, сочиненной и заготовленной заранее для себя материалистами. Но материалист материалисту рознь. Человек злой или даже просто большой эгоист, прибавляющий к своему полному безверию равнодушие ко всему миру, должен непременно оставить у преддверия смерти свою личность навеки. Ей нечем зацепиться за ее *сутратму*, и с последним вздохом ее обрывается между ними всякая связь. Но такие, как бабу, проспят только одну «станцию». Придет время, когда и он сознает себя снова в вечности и раскается, что потерял даже *один* день¹ из жизни вечной.

— Но вернее ли все-таки сказать, что смерть есть рождение к новой жизни или, еще лучше, возвращение в вечность?

— На деле оно так и есть, и я ничего не имею против перефразировки. Но только с нашими условными понятиями о материальной жизни слова «жить» и «существовать» неприменимы к чисто субъективному состоянию посмертного бытия, и если бы они употреблялись в нашей философии без твердого знания всех ее объяснений, то ведантисты весьма скоро пришли бы к странным идеям, которые преобладают в наше время между американскими спиритами, проповедующими о вступающих в брак «духах» как между собой, так и со смертными... Как и у истинных, а не номинальных христиан, загробная жизнь ведантистов есть та страна, где нет ни слез, ни воздыханий, где ни посягают, ни женятся... Поэтому и вследствие того, что жизнь разоблаченной души, обладая всей живостью реальности, как в иных сновидениях, не имеет ни одной из грубо объективных форм земной жизни, пригодных

---

¹ В ответ на часто получаемое ведантистами замечание, что сотни и тысячи таких прожитых *сутратмой* или *эго* человека земных жизней, все-таки равняются как бы вместо бессмертия полному исчезновению каждой личности, они обыкновенно отвечают: «Возьмите для сравнения с вечностью жизнь человека на земле — жизнь, составленную из столько-то дней, недель, месяцев и лет. Если эта личность сохранила в старости хорошую память, то она может легко вспомнить все выдающиеся в ее прошлой жизни дни и годы. Но, и забыв некоторые из них, разве она не остается все одной и той же личностью? Так и для божественного *эго* при конце цикла воплощений. Для него каждая отдельная жизнь будет тем же, что каждый отдельный день в жизни человека».

только для телесных чувств, наши философы и сравнили ее с грезами во время сна. А теперь я, кажется, все объяснил...

Мы разошлись, но этот разговор запал мне в душу, и я его никогда не забывала. В тот день я чуть не поссорилась с бабу за его *чарвакские* выходки; но в этом бенгальце, невзирая на все его добрые качества, недоставало какой-то струны... и я решила предоставить его собственной участи. Однако часто, — как часто! — после его ранней смерти я сожалела о своем равнодушии...

Едва мы кончили обед в беседке, как нам доложили, что какой-то молодой человек в одежде йога, присланный «такурсаибом», просит позволения видеться с нами. При имени такура полковник, осведомлявшийся уже несколько раз о своем гуру (учителе), но не получивший никакого удовлетворительного ответа от Нараяна, поспешно вскочил из-за стола.

— Пусть, пусть он войдет! — засуетился он в восторге. — Я уверен, что это его *чела*, которого он обещал выслать по приезде домой, собственно для моего специального обучения в *пранаяме*...¹

— Что ж вы, тотчас после обеда, думаете взять первый урок?... — осведомилась я.

— Конечно, если только *чела* будет согласен... Зачем терять дорогое время?

— Но ведь с вами еще, чего доброго, сделается удар на полный желудок... Вы просто сходите с ума с вашей страстью к *йогизму*. Вспомните, что я вам говорила... предостерегая вас, на станции, возле Баратпура...

— Помню, помню, — обиженно проговорил наш президент. — Я хорошо понимаю и давно сознаю, что вам почему-то не хочется, чтобы я изучал таинства древней Индии...

— Да какие же это таинства? Просто фокусы, и для вас они совсем лишние и даже опасные...

— Буду надеяться, что такур не питает каких-либо вредных замыслов против моей жизни, ни даже против... моего здоровья, — получила я сухой ответ.

Я махнула рукой.

— Полковник, — тихо позвал его Мульджи. — Мам-сааб права... *Пранаяме* учатся с самой ранней молодости и...

---

¹ Первоначальный метод обучения кандидатов в йоги. Процесс состоит в том, чтобы постепенно приучаться не дышать, произнося известные мантры.

Но он не успел кончить, а нахмуренное лицо полковника прояснилось улыбкой блаженства: перед ним стоял, неслышно проскользнув босыми ногами по мостику и в темноте, посланный такура...

Он вдруг воспрянул перед нами, словно вырос из-под мраморного пола киоска; весь облитый дрожащим, сильно колеблющимся от ветерка, светом восковых свеч, он стоял у входа, неподвижный, опустил глаза и со сложенными на груди руками. Длинные фантастические тени скользили по его белой одежде и лицу, придавая его маленькой, тонкой, почти прозрачной по худобе фигурке что-то странное и неземное в ее очертаниях.

— *Сарва бхишта ммундаха!*.. (Да исполнятся все ваши желания!) — прозвучал его тихий, нежный, как у девушки, голосок, на тамильском языке.

Мы все отвечали на его приветствие, кто как знал и умел. Мульджи и Нараян, бормоча что-то по-санскритски (должно быть, формулу), закрывая ладонями уши и оба низко кланяясь; бабу, скаля зубы и со сложенными вместе ладонями; я, пробормотав сквозь зубы обыкновенное приветствие по-английски.

Зато полковник отличился, удивив присутствующих вообще, а меня насмешив к тому же несказанно.

Он согнулся в три погибели и, заложив уши ладонями по примеру двух индусов, вдруг распластался перед смиренно стоявшим перед ним юношей и почти уткнулся носом в его голые ноги...

Мы все бросились к нему, думая, что он поскользнулся, слишком низко кланяясь, и упал. Но он вскочил на ноги также проворно и, приветствуя посла еще раз, проговорив «салам» и, прикасаясь правой рукой ко лбу, приглашал его левой к скамье у стола со всевозможными знаками подобострастного уважения, словно у него дело шло о приеме принца крови.

— Что вы такое творите, полковник? — сказала я ему тихо по-французски. — Ведь он подумает, что вы смеетесь над ним.

— Ради Бога, ни слова! я его узнал... хотя такур только намекал мне про него... Он не простой чела, не ученик, а адепт «Братства Роши»...¹ Вы слышали, он приветствовал нас на

---

¹ Brotherhood of the Grove — известное, хотя тайное общество мистиков в Мадрасском президентстве.

тамилском наречии?.. — прошептал в ответ полковник тоже по-французски.

— Так что же это доказывает? Он...

— Извините меня, *madame et monsieur*... что я вас прерываю... Но я говорю по-французски, я родом из Пондишери, — вдруг огорошил нас на языке Виктора Гюго новоприбывший тем же тихим, нежным голоском, в котором не слышалось ни малейшей нотки насмешки, столь понятной бы в его случае.

Я не выдержала и расхохоталась на весь сад; но полковник почему-то рассердился, хотя и скрыл довольно ловко неприятную конфузию.

— А... вы из Пондишери? Очень, очень рад. Значить, нам будет легче объясняться... А я уже было боялся, что мы не пойдем друг друга...

— Я говорю и по-английски, — прозвучал тот же голос.

— Превосходно! — воскликнул полковник, и тут же, и столь же внезапно он видимо утрачивал кое-что из своего благоговения пред таким обширным светским образованием в ущерб, как он полагал, наукам мистическим. — Превосходно! Садитесь же сюда к столу и познакомимся... Вы к нам от такур-сайба?..

— Да, это он послал меня к вам...

— Вы его *чела*?.. Ах да, извините меня, между прочим, что я принял вас за одного из Братства Рощи... Я полагал...

И, не высказав, что именно он полагал, полковник весело, хотя немного и принужденно, рассмеялся.

— Вы не должны извиняться, потому что вы угадали верно... я действительно принадлежу к этому братству.

Мне сделалось положительно жаль полковника, до такой степени он растерялся при этом новом поражении. Широко раскрыв под очками зрачки, не сводя глаз с лица юноши, бедный президент смотрел на него таким растерянным взглядом, как будто видел пред собою выходца с того света. Смотрела и я на него с величайшим любопытством, а за мной и два индуса: Мульджи и бабу. Один Нараян сидел, грустно поникнув головой и, казалось, смотрел лишь в *самого себя*, не замечая никого и ничего.

— Вы... вы один из этих удивительных адептов... Вы *садху*! Я так и знал... Я это предчувствовал!..

— *Oh my prophetic soul!* — тихо продекламировал бабу из Гамлета.

— Пока только кандидат в оные: скромный *ишия*¹ к вашим услугам, полковник-саиб, которому такур-саиб поручил ваше предварительное воспитание, если позволите.

Незнакомец говорил тихо, серьезно и с большим достоинством. Ни малейшей улыбки на его юношеском, почти детском лице, без малейшего следа бороды и с еле заметным пушком на верхней губе. На вид ему казалось не более шестнадцати лет. Только вглядываясь пристальнее в его замечательное лицо, несомненно дравидского типа, можно было заметить на нем признаки возмужалости. Он сидел у стола, и теперь на него падал яркий свет лампы, позволявший мне рассмотреть вернее его черты. Он был еще ниже ростом и вообще еще миниатюрнее нашего маленького бабу. Его крошечные, как у десятилетней девочки, ручки лежали на столе, напоминая мне своею атласистой кожей и цветом красивые бронзовые руки на пресс-папье. Овальное, поражающее своею художью и нежностью лицо, с маленьким прямым носом, маленьким с тонкими губами ртом и неестественно огромными глазами и бровями, черными, словно он их намазал дегтем, все это осененное львиной гривой, вьющиеся волны которой падали в беспорядке на его уши, лоб и плечи. Костюм его состоял, как и у нашего бабу в знойные дни, из нескольких аршин тончайшей белой кисеи, из-под которой виднелись угловатые очертания его изможденного остова. Две глубокие морщинки между бровей, такие же складки у углов рта и глаз красноречиво опровергали первое впечатление юности. Позднее мы узнали, что ему далеко за тридцать лет.

Он сидел не двигаясь, как бы почтительно ожидая вопросов и вперив спокойный, ничего не выражающий взор в полковника. Если бы не легкое колыхание его ожерелья из *семьян рудракии*,² его можно было бы принять за каменное изваяние, так мертвенно и неподвижно было его лицо.

---

¹ *Ученик* высшего класса, студент «тайных наук», прошедший все искусства, кроме последнего, делающего из него *садху*.

² *Рудракша* — семя или скорее косточка плода на дереве, которое растет только в Гималаях и Нильгири, преимущественно в Непале. Ожерелье или четки из него — самая ценная, как и самая трудно приобретаемая вещь в Индии. Туземцы взирают на *рудракию* как на нечто священное, и одни *йоги* имеют право носить их на шею или даже прикасаться к этому семени, вследствие необычайных приписываемых ему магических свойств. *Рудракиа* — двойное слово, значит: «око Рудры»

Последовало очень неловкое молчание. Сконфуженный трижды подряд полковник поправлял очки, снимал, протирал и снова седлал ими нос, не произнося ни слова и забывая при этом известии не только изъявить радость, но даже поблагодарить новоприбывшего за принимаемые им на себя обязанности «предварительного воспитания».

«И в чем это *воспитание* будет состоять?», думалось мне, «он только насмешит весь народ!..»

— Я имею к вам письмо от такура-раджи и маленький подарок, — прервал молчание посланный.

Запустив руку под кисею, он извлек из ее широких складок сперва запечатанный конверт, а затем коробочку, и положил оба предмета пред полковником. При виде их наш президент наконец встрепенулся и тут же вошел опять в свою колею.

— А!.. весьма, весьма благодарен вам... мой *гуру*!.. — отвечал полковник с веселой улыбкой. — Вы позволяете?.. — указывая на письмо.

Гуру (учитель) сделал легкий поклон и жест одобрения, которые принесли бы честь любому маркизу парижской гостиной, до того оба были запечатлены достоинством и грацией.

Письмо было распечатано, и прочтенное сперва про себя, затем сообщено всем нам громко. Оно было коротко, но содержало интересные для всех нас известия.

«Посылаю вам, любезный полковник, — писал такур, — обещанного мной наставника в интересующих вас науках. Субраманья-Мурга-Анандам-Свами — для сокращения назовывайте его Анандой-Свами — молод, но он уже достиг предпоследней ступени, ведущей во внутренний храм *гупта-видьи*. Он член Братства Роши, стало быть вполне знакомый со всеми приемами различных систем, как они практикуются той или другой сектой. Не быв индусом, вам нельзя, конечно, следо-

---

(*Рудра* — одно из имен Шивы), и одни *триглазые* адепты тайной науки, те, которые выработали себе годами аскетизма «третье око» Шивы (другими словами, ясновидение и дар пророчания, символом коих служит *рудракиша*), знакомы со всеми этими свойствами. Целые тома на санскритском и тамильском языках посвящены описаниям этого талисмана, инструкциям, как распознавать годные от негодных семян и т. д. Магические свойства *рудракиши* зависят от возраста дерева, от почвы, от окружающего это дерево леса и даже от *личных качеств* того, кто собирает плоды. «Человеку порочному — *рудракиша* принесет не пользу, а вред». Весьма немногие деревья этой породы приносят плоды, а из приносящих более 90% не годятся для должного употребления.

вать ни одному из специальных методов, усвоенных сектами, но вам предоставится выбор из учений лучших школ и таким образом вы будете в состоянии выучиться многому... Сожалею искренно, что даже в случае вашей полной победы над *искусами* вы не можете все-таки принадлежать к нашему ашраму: ¹ вы были женаты, отцом семейства и светским человеком — три непреодолимым препятствия к *раджа-йогизму*»...

На этой фразе полковник слегка запнулся, и на секунду его голос оборвался и задрожал. Как эхо раздался, в далеком углу, еле слышный, но полный сердечной муки вздох, скорее похожи на стон... Быстро взглянув в ту сторону, я увидела исчезающую в темноте высокую фигуру на мостике...

«Бедный Нараян!» вздохнула я про себя, прося полковника продолжать чтение. Никто не обратил внимания на этот вызванный страданием звук; никто — кроме, как мне показалось, новоприбывшего. Тяжелые веки медленно приподнялись, и из-под густой бахромы ресниц сверкнул устремленный на мостик взгляд. Загадочное выражение этих глубоких, темных, как ночь, глаз поразило меня так сильно, что, мысленно рассуждая о его значении, я не расслышала окончания письма такура и должна была попросить полковника передать мне его для прочтения.

«... Впрочем», прочитала я далее, «в случае если, вы выйдете победителем, это не мешает мне считать вас моим *челой* в некоторых отношениях. Но не надейтесь когда-либо сделаться *раджа-йогом*. Это положительно невозможно.

Завтра, с зарей, вы все последуете за Анандой-Свами, который и проведет вас мало кому известной и кратчайшей дорогой ко мне. Вследствие известных причин, вы отправитесь в ландо махараджи только до ближайшей деревни, откуда оно будет отослано обратно. О поклаже не беспокойтесь: она уже отправлена куда следует из Баратпура. В деревне вас встретит другой экипаж и отвезет в Шри-Матру, место рождения Кришны. Затем вам придется ехать в лодке, верхом и даже идти пешком по лесам. Для *упасики* найдется паланкин, но и ей, конечно, надо будет сделать кэсс ² пятнадцать пешком, передайте ей, чтоб она заранее не отчаивалась: *наши дороги окажутся для нее менее трудными*, чем англо-индийские или

---

¹ Тайный храм, куда вступают одни *посвященные*. Такие существовали прежде во всех пагодах, но теперь их мало.

² *Кэсса* — 1 ¼ английской мили.

европейские пути сообщения; я *позабочусь о том*. Советую вам всем сохранить в тайне ваш визит в наши раджпутские вертепы; *бара-саабам* нет до него дела».

За сим следовало еще несколько строчек инструкций и говорилось о посылке полковнику *салиграма*.

Постоянный спутник Е.П. Блаватской
полковник Олькотт (последний портрет)

Пока наш президент, с жадно бросившимися к коробке индусами, благоговейно рассматривает сокровище, опишу этот талисман и все, что мы узнали про его свойства в тот вечер от Ананды-Свами.

Салиграм пользуется такой же славой в Индии, как и *руд-ракша*; то круглый, иногда овальной формы камень, черный как смола и столь же блестящий, величиной от персиковой косточки до гусиного яйца, но достигающий, в редких случаях, до размера дыни, когда он делается *буквально бесценным*. Впрочем, его ценность зависит более от обладания различны-

ми свойствами, нежели от величины и формы. Есть крошечные *салиграммы*, похожие на зерно перца, стоящие целые состояния. Как и всегда бывает, находятся между ними, подобно египетским *скарабеем*, поддельные камни, бессовестные имитации; но *посвященного* брамина никакая подделка не обманет. Впрочем, этот камень по-настоящему вовсе и не камень, а окаменелая раковина.

Настоящие и самые ценные салиграммы находятся только в одном месте, во глубине реки Гандака, в Непале, одной из главных данниц священного Ганга. Это место охраняемо от искателей салиграма солдатами Непальского короля, которые живут на берегах круглый год в казармах, и каждый найденный салиграм посылается в царскую сокровищницу. Их нельзя купить у махараджи ни за какие деньги, но он дает их изредка тем из ученых браминов, к чьим рукам камень пристанет как пиявка, протянутым к ним на расстоянии нескольких аршин. Этот род искусства удается весьма редко; но английский резидент, Годсон, присутствовал при таком случае и видел, по рассказам, явление собственными глазами.

Бывают такие *салиграммы* — к числу этих принадлежит образчик, подаренный такуром президенту — на коих фигуры представляют Кришну (*аватара* Вишну) под видом *Гопала* (пастуха) со стадом его коров. На нем игра природы достигла своего крайнего искусства: картина казалась словно выдолбленной тончайшим резцом художника, хотя воображению и приходилось играть в созерцании коров некоторую роль.¹

Образование таких камней приписывается натуралистами какому-то роду рыб. Рыба де выбирает камушек, а затем, прижавшись к нему, начинает свивать себе гнездо или раковину, материалы для которой она выпускает, как паук, из собственного организма. Замуровавшись в раковине на некоторое время и почувствовав всю скуку уединения, рыба разбивает раковину и уплывает далее; а камень с раковинной превращаются в *салиграм*. Это я вычитала, впрочем, в *туземной* естественной истории *дравидов*. Насколько объяснение совместно с истиной и западной наукой, сказать не берусь.

---

¹ Мы видели у одного махараджи *салиграммы*, на коих нашли изображения нескольких аватаров: как-то: *Уграха-Карасинхи* — то есть Вишну, раздирающий под видом льва *Хиранья Казиту*, тирана ракшасов; *Кальяна Нарасинга* — Вишну, улыбающийся спасенному им *Прахладу*, и т. д. «Не может это быть природой: это дело черта», говорил один миссионер.

Полковник несказанно обрадовался такому редкому дару. Он осматривал *салиграм* со всех сторон, любовался им, нянчился с ним. Узнав от Ананды-Свами, что он должен носить его, для вящей действительности его скрытых качеств, на теле, он стал приставать ко мне зашить его немедленно в кожаный мешочек, с тесемками, для привязыванья вокруг пояса. Он притащил иголку, ниток, ножницы. Лишь изрезав пару новых лайковых перчаток, я успела купить этой ценой спокойствие на весь остальной вечер.

Отправляясь, далеко за полночь, отдохнуть часа два до отъезда, я увидела на ступенях террасы две фигуры. Одна из них сидела, опустив на ладони голову; другая стояла пред ней, скрестив на груди руки. Я узнала Нараяна и Ананду-Свами...

XXXIV

Наутро все было сделано по программе такура. С зарей, т. е. за полчаса до солнечного восхода, так как зари у нас в Индии не полагается, мы отправились к какой-то деревушке при полном свете звезд, и вышли из ландо в ту самую минуту, когда, словно газовые рожки под рукой театрального капельдинера, звезды все разом потухли, а с горизонта на нас блеснуло, дохнув огнем и пламенем, солнце, светило дня и бич туристов в Индии.

Было шесть часов, а до девяти нам оставалось проехать еще миль пятнадцать до Маттры, святой земли индусов всех сект, кроме шаивов. Только твердо решившиеся покончить с жизнью могут путешествовать в Раджпутане весной позже девяти часов утра. Вследствие этого мы выгрузились из нашего раззолоченного ландо только для того, чтобы перейти в крытый шарабан времен господства португальцев, а может и самого Александра Македонского, в который, как на слона, пришлось нам влезать по лестнице. Я поместилась с Нараяном и бабу на одной скамье, а полковник сел между Анандой-Свами и Мульджи на другой.

Вероятно, полуночный разговор Нараяна с юным «Братом Роши» повлиял на него и успокоил его. Бедный отверженный кандидат казался если не совсем утешенным, то по крайней мере покорившимся своей участи. Пока *trio* мистиков торжественно рассуждали о чудотворной силе золы из священного

коровьего навоза, мы с бабу искали средств позавтракать из корзинки с провизией, не выкалывая себе глаз и не причиняя другим ущерба. Нас подбрасывало и швыряло с одного конца шарабана на другой самым недостойным образом, и я чуть было не возроптала на такура за такой экипаж.

Ради исторической верности, впрочем, спешу оговориться: употребляя слово *trio*, я выражаюсь неверно. Рассуждали о чудодейной силе золы, которою пачкаются сектанты Шивы, только «генерал» с полковником, а поправлял их многочисленные ошибки и неправильные воззрения Ананда-Свами. Нараян слушал и поучался.

Дорога скоро пошла песчаная. Попадая, наконец, яствами вместо носа и глаз в рот, куда им и следовало сразу попасть, если бы не ухабы, мы, наконец, с бабу насытились и успокоились. Полковник тоже прояснился, и разговор скоро сделался общим и весьма назидательным.

Что у кого болит, тот о том и говорит.

— Это уж не наша с вами вина, полковник, что мы оба были женаты, — рассуждал огорченный Мульджи. — Вы еще, может быть, женились по собственному желанию, а меня закабалили, когда мне было всего шесть лет... Что ж мне было делать? не убивать же своей жены для того, чтобы поступить в *раджа-йоги*; да оно и не помогло бы, а только послужило бы еще бóльшим препятствием. Вот и выбирай... В *раджа-йоги* не пускают, а от *хатха-йогов* отстраняют. Конечно, это система весьма на практике опасная; но что же нам делать, Свами, когда другого нам нет выбора? Лучше *хатха*, чем ничего. Достигнув известного возраста, нельзя обойтись без религии... никак нельзя!..

— Можно изучать философии и не вдаваясь в крайности, — спокойно заметил Ананда-Свами.

— Вам это легко говорить. Вас не женили насильно и не спрашиваясь, и пред вами все дороги к тайным наукам открыты, — разозлился Мульджи.

— Меня, впрочем, интересует в этой науке не столько религия, сколько достижение трансцендентальных тайн *йогизма*, и я должен достичь своей цели так или иначе. Я должен научиться не только *пранаяме*, но и всему, что способствует развитию психических сил, — кипятился О***.

Аскет тихо наклонил голову, но ничего не сказал. Наступило молчание.

С минуты его появления между нами этот юноша сильно возбуждал мое любопытство. Я положительно не могла прийти к какому-либо определенному о нем заключению и только наблюдала за ним издали. Рекомендация такура была так веска в моих глазах, что я, конечно, не доискивалась, хороший ли он человек, не шарлатан ли, каких много бывает из величающих себя *аскетами* и *йогами* в Индии. С этой стороны Ананда-Свами был вполне застрахован против подозрения. Но я страстно желала узнать, насколько в нем развиты те изумительные психические дары, пред которыми мы все склонялись в лице такура. Обладает ли он в равной степени способностью читать в мыслях других как в открытой перед ним книге? Может ли он не только читать, но и *управлять* мыслями других, производить хоть некоторые из тех удивительных явлений, которые по-видимому так легко даются такуру? «Зачем он его прислал? к чему?» — думалось мне. Я знала, что полковник напрасно надеется достичь, хотя в малых размерах, не только высоты *раджа-йогизма*, но даже тех странных, необъяснимых психофизиологических способностей производить так называемые «чудеса», которыми справедливо славятся некоторые *хатха-йоги*.¹ Для *раджа-йога* требуется, как показано, дрессировка и чисто психические неуклонные усилия в этом направлении с самых юных лет; полное изучение, а главное понимание *тайного* смысла учения Патанджали, а не мертвой буквы его системы, и посвящение в мистерии, которых не выдадут посвященные брамины никому и ни за какую цену. А дабы сделаться *хатха-йогом*, необходимы годы нечеловеческих, сверхъестественных усилий и физических истяза-

---

¹ Посвятить себя учению хатха-йоги по мертвой букве системы Патанджали может всякий. Для этого не нужно быть ни философом, ни даже уметь читать или писать, а надо просто обладать железной волей, выносливостью индусов, их равнодушием к физическим страданиям и слепым фанатизмом, да верой в выбранного бога. Настоящие хатха-йоги пожалуй те же медиумы, с прибавлением вменяемости и произвола, которые отсутствуют в западном медиуме. Они производят свои феномены *ad libitum* [свободно (*лат.*)], заставляя явления зависеть от собственной воли и управляя джиннами, тогда как спириты сами находятся под управлением джиннов (духов), олицетворяющих эту еще не открытую силу. И хатха-йоги доходят до этого страшными самоистязаниями, которых под конец и не чувствуют как *convulsionnaires de St.-Médard*, да некоторые католические святые. Но метод раджа-йога совсем другой. Их девиз *Mens sana in corpore sano* [В здоровом теле здоровый дух (*лат.*) — *Ред.*].

ний. Да и надо родиться с такими физиологическими *идиопатиями*, иначе ничего из этого и не выйдет, а останется лишь факирская отвратительная внешность, да чистое шарлатанство. Против последнего такур громит во всеуслышание, а первого он не в состоянии представить полковнику. Так для чего же эта напрасная комедия? Зачем допускать нашего честного, доверчивого президента одурачиваться в глазах индусов, как и в собственных глазах? Расспросить разве Ананду? Следить за ним, пока он чем-либо выдаст свою миссию? Только не похоже, чтобы он был способен проговориться!.. Не сводила я с него глаз целый вечер накануне, не сводила их и теперь с пяти часов утра, и все же не пришлось мне уловить на этом юношеском лице ни тени улыбки, ни даже какого-либо определенного выражения. Оно неподвижно, положительно непроницаемо под маской мертвенного, полного спокойствия. Голос его мягкий и нежный, напоминает монотонное чтение вполголоса; ни малейшей интонации, хотя цветы восточного красноречия подчас так и сыплются; мысли сильно и верно выражены, в глазах тоже отсутствие выражения, даже иногда мысли. Огромные зрачки то сжимаются, то расширяются, блещут, потухают, словно в них происходит периодическое движение часового прибора.

У меня даже побежали мурашки по телу, когда его лучистые, спокойные глаза встретились с моим любопытным взглядом. Но и тут глаза эти мне ничего не сказали. Нет сомнения, он владеет собой еще лучше такура.

Между тем полковник не переставал волноваться.

— Но ведь я же не знаком с обрядностями! — жаловался он. — Как же мне быть? И что же мне делать с *салиграмом*?

— Этот *салиграм* обладает сильными свойствами и без лишних *джанам* (церемоний), и я даже обязан вас предупредить... — отвечал Ананда.

— Что такое? расскажите, умоляю вас...

— Этот камень представляет Гопала-Кришну.¹ Тот, кто носит его при себе, должен избегать встречаться с коровами. Иначе коровы, целое стадо их, бросятся бежать с радостным

---

¹ Гопала-Кришна — пастух-Кришна. Есть *салиграмы*, представляющие *Сампата-Кришну*, «расточителя богов», *Сантана-Кришну*, «дарующего детей» и т. д. для всяких нужд и специальностей. Если за тем, кто носит на себе *Гопала-Кришну*, не бегут встречаемые им коровы, то камень, говорят, *поддельный*.

мычанием за обладателем такого *салиграма*. Он привлекает их неуправляемой магнетической силой...

Я посмотрела на Ананду-Свами в удивлении. Смеется он, что ли, над нами? Но его лицо было, как и всегда, серьезно и бесстрастно.

Полковника чуть-чуть не передернуло.

— Это так, — вставил словечко Мульджи. — У моего деда был такой *салиграм*, и коровы такура Видванского, у которого он служил *деваном* (министром), чуть было раз не забодали его, ласкаясь к нему.

— А ведь Маттра полнехонька коров, полковник, да вдобавок еще *священных*! — пригрозила я, еле удерживаясь от смеха.

— А «священных макашек» там еще больше! — ввернул словцо бабу.

— Ну, это для того, чтобы не снимать с тебя лишних фотографий, бабу, — язвительно заметил благочестивый Мульджи. — Тебе-то уж нечего помогать мам-саиб. Она не обязана уважать наших верований, а ты — индус.

— Мы обязаны, как теософы, уважать все верования, — сентенциозно произнес президент. — Но не в том дело, а в вопросе, как мне употребить с пользой *салиграм*? Впрочем, я посоветуюсь об этом с такуром, — добавил он, как-то разом успокаиваясь. — Что это у вас за бамбук, Ананда-Свами? — внезапно спросил он, занявшись новым предметом и с любопытством разглядывая висевшую на руке аскета палку.

— Это *хануманта-бера*... магический жезл всех мадрасских аскетов, — предупредил бабу ответ.

— Так ли это? — переспросил полковник с сомнительным доверием к познаниям бабу. — Могу ли я просить вас, Ананда-Свами, дать мне на этот счет несколько подробностей?.. Я читал про такой жезл в сочинениях Жаколио. Правильно ли он его описывает?

— Нет; потому что он собирал свои сведения от тех, которые сами ничего не знали о *дэнде* (название жезла) и греховно обманывали его.

— Ну, а нам вы можете дать историю этого вашего бамбука и сказать, почему он считается *магическим* и называется «ханумановским»?

— Вам могу. Вы теософы и имеете право на наше доверие. Я к вашим услугам. Спрашивайте.

— Так почему, например, отвергая богов, как сказки, вы между тем носите посвященные Шиве и Хануману предметы? Что это за тайна?

— В этом нет ни малейшей тайны. Все дело в том, что в нашей мифологии нет той басни, которая не была бы основана на истине. Я ношу *рудракиши* и *дэндане* не потому, что брамины вздумали окружать эту истину туманом той или другой басни, а потому, что дерево и плод, из которого они сделаны, имеют сами по себе свойства, полезные для некоторой предвзятой мною цели.

— Однако, это довольно рискованное для вас дело. Те, кому вы не объясните сущность дела и причину такого действия, не увидят между вами и *хатха-йогами* никакой разницы.

— Отрешившись от света, мы не видим причины озабочиваться тем или другим его мнением о нас. Люди могут думать о нас что им угодно.

— Вы сейчас говорили о полезных для вашей цели свойствах дерева и плода *дэндане* и *рудракиши*. Не можете ли вы нам сообщить кой-чего об этих свойствах?..

— Я могу вам сообщить лишь мертвую букву легенды и основанной на ней обрядности. Настоящий смысл открывается нам только после третьего посвящения.

Два глубокие вздоха раздались одновременно в шарабане. Но лицо Ананды осталось бесстрастным, хотя он и взглянул мельком на Нараяна.

— *Хануманта-бера* (дерево Ханумана) растет лишь на Удаягирских холмах,¹ в Мадрасском президентстве, — начал Ананда своим тихим, однообразным голосом. — *Хануманта-бера* — любимое дерево обезьян породы Ханумана, и поэтому оно сделалось священным и названо в его честь. Одни невежды-материалисты способны видеть в Ханумане настоящую обезьяну, а в ней — бога. Хануман называется у нас в мифологии *ваханом* Рамы, то есть седалищем или физическим прототипом того, кто сам представляет олицетворение качеств солнца.² Хануман — прародитель дравидов, расы во всем отличной от браминов севера, и назван *ваханом* Рамы потому, что наши предки были вполне детьми солнца, *сурьявансами*,

---

¹ *Удаягири* — два слова: *удая* — солнечный восход и *гири* — холмы.

² Рама, как царь и герой, лицо вполне историческое, что уже доказано многими ориенталистами: он представитель Солнца, *un dieu solaire* [солнечный бог (фр.)].

союзниками солнца юга и тропиков, как и союзниками великого «царя-солнца» в смысле метафорическом. Хануман, короче сказать, если взирать на него в смысле символическом, есть коллективно взятое представление южных народов, даже на Западе, исторически он Бхимасена, сын Кунти, тетки Кришны, с отцовской стороны, а мифологически — сын Вайю, бога воздуха, хранитель и перевозчик при реке *Вираджайя*, индусского Стикса, которую каждому смертному приходится переезжать в мире теней и которой *никому не переехать без помощи Ханумана*. Смысл этого тот, что прежде чем человек достигнет, в других и более совершенных мирах, той точки прогресса, когда он не станет более нуждаться в грубо-объективном образе, он должен начать с исходной точки человечества, под видом обезьянообразного человека, со всеми его животными страстями и инстинктами. Дабы сделаться *дэвом*, следует сперва родиться человеком. Надо завоевать каждый шаг, каждую ступень, ведущие к высшему прогрессу *личными усилиями и заслугами*. Не трудно понять, почему брамины учат, что эта река *Вираджайя*, имеющая, по их учению, такое огромное символическое значение в нашей духовной эволюции, охраняется Хануманом, и затем почему и сам бог-обезьяна находится в таком почете.¹ Купаясь, каждый брамин обязан, при восходе солнца, закрывая пальцами обеих рук ноздри, уши, глаза и рот и сосредоточивая все свое внимание на священном четверосложии «Вираджайя», произнести его трижды и громким голосом. Особенно обязателен этот ежедневный обряд для браминов-брахмачарьев...

— В день *Хануманта джайанти*² поклонники обезьяны-воина постятся целый день и совершают *пуджу*. Затем, ровно в назначенный посвященными астрологами «счастливый» час, они отправляются на Удаягирские холмы, где, совершив все предписанные церемонии, срезают палки со священных деревьев *Хануманта-бера* и несут к себе домой.

— Такие же, как ваша палка?

---

¹ Хануман — олицетворенный символ «земного человека», который, невзирая на свою животную натуру, развивает в себе духовную природу личными усилиями и, побеждая первую, выходит интеллектуальным победителем всего земного, делаясь наконец богоподобной личностью. достойной идти рука об руку с Рамой, воплощением высшего божества.

² День рождения Ханумана — в апреле месяце.

— На вид точно такие. Но так как весьма мало ученых браминов, которые успевают довести до конца *приготовление* палки, потому что требуется более года ежедневных о ней забот, пока палка превратится в «магический жезл», то в итоге они чрезвычайно редки.

— А какие же свойства «жезла», когда он приготовлен по всем правилам?..

— Это зависит от его обладателя, так же как и в вопросах о *рудракии*, о *тульси* и других подобных этому предметах. Сообщаемые ей свойства разнообразны. Если вы спросите о них брамина-сектанта, то он вам ответит, что посредством своего *дэнда* он может вызывать подвластных ему «духов» и заставлять *писачей* выходить из завладеваемых ими человеческих тел; что *дэнда* помогает приобретать и развивать в себе ясновидение; предохраняет обладателя от *джиннов* (злых духов), болезней и дурного глаза; вылечивает ото всяких недугов; словом, что ее свойства те же, какими обладал великий «обезьяна-бог», и так далее.

— Но вы нам повторяете лишь то что, вероятно, ответил бы на наш вопрос *сектант*. А вы ведь не принадлежите к этому классу? Так вот мы желали бы знать, что вы нам ответите.

— Я отвечу, что *палка без руки*, сообщающей ей силу совершать тот или другой подвиг, бесполезна; что в руке *раджа-йога*, *ум* и *воля коего действуют вполне сознательно*, палка делается проводником этой воли, как телеграфная проволока, проводящая мысли того, кто посылает депешу, но остающаяся в отсутствии такого агента куском простого металла. В руке *хатха-йога* ее действия часто бывают изумительны, но так как ум двигательной силы действует *бессознательно*, то и свойства *дэнда* переменчивы и не всегда согласны с разумом и строгой нравственностью.

— Но разве *хатха-йог* действует бессознательно, как наши *медиумы*?

— Нет, не совсем. В принципе действуют его собственные желания и даже мышление; стало быть, он действует не бессознательно. Но, веря в своих несуществующих богов и их помощь, он не *сознает своего полного сознания*, не признает своего личного контроля. Обособляя действие от причинности, т. е. от своей сознательной воли, потому что большая часть таких чудодейных *саньяси* не философы, а просто фанатики, он и сам считает производимые им явления работой Ха-

нумана и вводит других в заблуждение, сея вместо знания и добра одно суеверие, а часто и великое зло.

— Так, стало быть, и мой *салиграм* без моей воли не станет действовать? Но как же мне приобщить его к ней?.. Научите, ради истины и во имя человечества. Могу ли я, например, лечить им, производя месмерические *пассы*?..

— Если воля в вас сильна, желание помочь и любовь к человечеству непоколебимы, то, вероятно, вы на него, со временем, сильно подействуете. Но, повторяю, ваш *салиграм* обладает еще собственными, специально ему присущими качествами. Это тоже своего рода магнит, с которым вы можете делать разные опыты, разнообразя их до бесконечности, но специфические свойства которого всегда останутся при нем.

— *Gare aux vaches, mon colonel,** — засмеялась я.

— Ах, оставьте, прошу вас! Не мешайте! — замахал руками глубоко заинтересованный президент. — Ну, а вот ваши *рудракиши*, на шее, *тульси* и эти *tutti quanti** аскетов? Что ж о них-то?.. Такие же, как и *дэнда*, — а?.. Ведь все-то это святыни, Шивы да Вишну, разных *рудр* да *дэват*, в которых вы не верите, но эмблемы коих вы все-таки носите, как будто на свете и нет других предметов с такими же полезными вам свойствами? — подмигнул полковник аскету, который и бровью не повел.

— Вы ошибаетесь. Я только не верю в сущность и личность таких богов. Я отвергаю тень, а не самое бытие. Я верю в эти мировые силы, облеченные народной фантазией в формы хранителя и разрушителя; и зная кое-что из сокровенных соотношений таких сил с силами природы и ее вещественными произведениями, я не могу не верить в них. Иначе такие личности, как такур и даже я сам, не отдавались бы вполне и всецело служению им.

— Но зачем же в таком случае, — спросила я, впервые обращаясь к нему прямо, — именно «такие», как такур, позволяют жертвовать истиной и духом — форме?.. Вот наш Мульджи замазал себе в честь Маттры, без сомнения, весь лоб белой золой. Для чего это пачкание?

— Это не «пачкание», мам-саиб, — отвечал немного обиженный «генерал», — а уважение к вековым обычаям...

---

* Будете популярны у коров, мой полковник (фр.). — Прим. ред.

* Подобные им (ит.). — Прим. ред.

— Но ведь вы не шаива,¹ для чего же вы следуете обычаю этих сектантов?..

— Потому что он общепринятый.

— Но в чем же заключается философия этого общепринятого обычая? На чем она основана?

— На сказке, — вмешался опять бабу. — Шива, видите ли, был тоже *брахмачарьей*, «девственным аскетом», как и Хануман; *Смазанам*² было его любимым местопребыванием; там, весь выпачканный в золе умерших, с человеческим черепом вместо чаши для воды и весь обвешанный, вместо гирлянд из цветов, тысячью восемью змеями, с Кодисемой³ на голове, он имел такую ужасную наружность, что заслужил название *Угры*.⁴ Но зато, когда его коллеги, другие боги, ради усмирения его слишком свирепого нрава, женили его на Парвати (Кали), то *Угра* сделался *Сантой* — святым.⁵ Так вот, в память его аскетических подвигов шаивы и натирают себе тело и всю рожу белой золой. Двойное нравоучение басни: не делайся *брахмачарьей* и аскетом, пока не уверен в своем темпераменте; а затем, *женись*, если желаешь превратиться в святого мученика...

— Ну, будет тебе болтать... ты ведь во всем найдешь что осмеять...

— Нисколько, мой дорогой Мульджи. Я помогаю мамсаиб собирать сведения; доказываю ей всю логичность и пользу втирания золы в тело...

— Такое втирание основано на гигиене, — пояснил Ананда. — Шаивы аскеты избегают многих эпидемических болезней таким способом. Это ведь зола не тел сожженных, а одного лекарственного корня, перемешанного с коровьим навозом.

— Но почему же *раджа-йоги* не натирают себе тел... этим приятным... средством?

— У них есть другие и еще лучшие.

---

¹ *Шаива* — поклонник Шивы, *вайшнава* — Вишну. *Рудра* — титул обоих богов — «господин».

² *Смазанам* — место сожжения трупов браминов.

³ Кобра-капилла. Многие из факиров секты *шаивы* — носят эту змею живой на голове вместо тюрбана.

⁴ *Угра* — свирепый.

⁵ *Санта* — святой. Игра слов: «из угры сделался *сантой*» значит — из *свирепого* превратился в *святого*.

«Оттого они и не стареют должно быть; по крайней мере наружно», подумала я, глядя на Ананду.

О*** продолжал коситься на *дэнду* и ожерелье своего *гуру* и снова повел атаку.

— Все это так, и вы нам превосходно объясняете, почему вы *не* делаете того, либо другого. Но до сих пор я не могу добиться, почему *раджас-йоги*, как посвященные, так и кандидаты на посвящение, все-таки делают кое-что из практикуемого *хатха-йогами*? Какая разница, например, в употреблении *дэнда* и *рудракиши раджас-йогом* и *хатха-йогом*?..

— Это может быть объяснено лишь тому, кто обладает правильным воззрением на разницу между этими двумя родами *йогизма* и на природные свойства названных предметов. *Хатха-йога* — позднейший и в сравнении с *раджас-йогой* современный компромисс мистицизма; это результат веков неяршливого обращения с философией, победа внешней формы и обрядности над *духом* учения; а затем и постепенное вырождение *брахма-видьи*, божественной премудрости. Утратив, вследствие личного честолюбия и земных страстей, способность к объединению с Брахмой, то есть, с абсолютной природой, большая часть браминов, отчужденная от окончательного верховного посвящения, трудностей коего она не могла преодолеть, заменила *раджас-йогу хатха-йогой*. Верующие в действительность последней убеждены, что сам *Шива-Махатмиам* сидит в каждом зерне *рудракиши*, почему и относят всякое явление, происходящее с помощью, например, *рудракиши*, как ясновидение или исцеление болезни, — не к своей силе и воле, а к непосредственному действию и участию Шивы. *Раджас-йог*, напротив, отвергает как такое вмешательство, так и личность Шивы в принципе. Для него нет антропоморфных богов, есть только абсолютная, обоюдоострая сила созидания и разрушения, первоматерия, всемирная и единая, неотъемлемая частичка коей — он сам, хотя в обманчивом сознании земных ощущений он и является преходящим индивидуумом. Проверив ее свойства годами методических опытов и сознавая эту силу в себе, он одаряет ею данный предмет, т. е. концентрирует ее в нем, будь тот предмет *рудракша*, *салиграм* или *дэнда*; а затем, при случае, дает то либо другое направление этой силе, двойственное качество коей есть притяжение и отталкивание, делая это по собственной воле и усмотрению. Шива тут ни при чем. Таким же способом он превращает и

жезл «дэнду» в *вахану*, наполняя его своей силой и духом и передавая ему на время собственные свойства. На Западе у вас магнетизер, пропитывая своим жизненным током бумагу или какой-либо другой предмет для употребления больным, делает то же самое, только в несравненно меньших размерах.

— Позвольте, однако... Вы говорите о силе, духе, свойствах и могуществе, как будто это все сводится к жизненной силе, к «магнетическому» току. Я понимаю, что магнетизер может пропитать избытком своей жизненности неодушевленный предмет в видах исцеления, я и сам это делал; но как же мне понимать ваше заявление о такой же передаче этому предмету воли, мышления, сознательных действий и т. д., т. е. невещественных, чисто психических качеств и свойств?.. Разве это возможно?

— Для того, кто о *раджа-йогах* и настоящей *брахмавидьи* ровно ничего не знает или знает очень мало, для того, кто не знаком с психологией Востока, вещество есть плод его собственных воззрений, выводов западной науки и ее гипотез, т. е. плод понятий безусловно относительных. Для него всякое вещество, от тока жизненной силы до минерала, есть материя. Ему неизвестны переходные степени от вещества условного и ограниченного до вещества первобытного и безусловного, т. е. до первоматерии — *Мулатракрити*: поэтому и объяснить ему суть действий *раджа-йога* и передачи им неодушевленному предмету эссенции его творческой силы чрезвычайно затруднительно, если не невозможно. Для западного ученого, у которого понятия о веществе основаны на соотношениях его организма со внешним миром и ограничены одной этой рамкой, все, что не есть материя, есть либо «ничто», либо чисто бестелесное качество. Он или не верит в дух, или же если и верит, то неспособен получить ясного представления о «духесат» и «духе-силе». По его мнению, дух нечто не вещественное, поэтому неотделяемое и не передаваемое. А свойств и всех условий силы он не знает. Теургия древних западников, однако же, приводит нам в своих летописях бесчисленные примеры неодушевленных предметов, одаренных временным движением и как бы сознанием и даже произволом. То же свидетельствуют и религиозные верования современных западников. Но что известно в итоге ученому западнику о мировой субстанции, о ее сущности и видоизменениях? Все, что вы знаете о веществе и его свойствах, о чувствах физических и

духовных, все ведь это лишь относительное знание, обусловленное свойствами вашего же земного организма, ваших же личных опытов и выводов науки, и основано на внешних чувствах, а не на действительных качествах вещества. Поэтому, если я вам скажу, что недалеко то время, когда, начав консервами и экстрактом из говядины, молока и других животных продуктов, ваши химики дойдут наконец до экстрактов жизненного принципа, что уже отчасти и производится с давних времен гомеопатами и такими бессознательными алхимиками, как некий профессор Йегер, то вы станете смеяться... Несмотря на такое неверие, я позволю себе предложить вам это сведение в виде пророчества.

— Но какое же тут сравнение?.. Разве можно закупорить дух в бутылку! Ведь это мы только читаем в сказке *О Рыбаке и Джинне*, о духе, засаженном в сосуд под печатью царя Соломона... в «Тысяче и одной ночи»...

— Так зачем же вы выбрали именно эту печать для девиза вашего общества?

— Потому что это фигура *Шри-антары*... чакры или «колеса Вишну», самый древний символ Индии...

— «Печать Соломона», находимая у нас, как и у халдеев, у первобытных народов Европы, как и у туземцев обеих Америк, в Африке, как и в Азии, доказывает лишь одно: сказка *о Рыбаке и Джинне* основана на факте. *Джинн*, то есть злой и вместе добрый, услужливый дух, есть олицетворенный символ той силы в природе, о которой я вам говорил: силы *созидающей и разрушающей, притягивающей и отталкивающей*. Соломон в народных легендах тот же «магик» и адепт. Он — патрон иудейских, как и европейских каббалистов, как Гермес — патрон магов египетских. Эта сила, сосредоточенная на каком-либо предмете, Соломоном ли, Гермесом ли, или *раджа-йогом* Индии, то есть посвященным в тайные науки адептом, есть не что иное, как бескачественный дух и качественная материя. Эта-то сила и создала человека, *вахана* Парабрахмы и Мулапракрити. В свою очередь, человек, сознающий в себе эту двойную силу, может передать избыток ее другим *ваханам*. Но для того, чтобы породить и развивать в себе такой избыток, он должен, прежде всего, отрешиться от собственной личности, отдаться вполне служению человечества, забыть свое личное я, сделаться сперва достойным того, чтобы быть сотрудником природы, а затем уже — *адептом*.

— Но как и в чем именно помогает он человечеству или даже его прогрессу *дэндами* да *рудракиами*? Я понимаю желание сделаться адептом, изучить таинства природы из *личной*, так сказать, эгоистической цели, прежде всего, а затем уж помогать своим познаниями другим; но я не вижу никакого отношения между *рудракиами* и адептами с точки зрения благодетелей человечества!..

— Сожалею; но объяснить вам этого при вашей настоящей, духовной слепоте не берусь. Повторяю: чтобы сделаться *раджа-йогом*, следует прежде всего отречься *безусловно* от собственной личности, не иметь *эгоистической* цели, потому что такую целью задаются одни *хатха-йоги*, которые вследствие этого и уронили значение тайных наук в глазах непосвященных.

— Но не можете ли вы, — настаивал несколько сконфуженный прямым уроком полковник, — дать мне понять простым примером, для чего именно *раджа-йоги*, как и презираемые ими *хатха-йоги*, носят, например, жезлы, вот эти *дэнды*?..

— Для того чтоб эссенция двукачественной силы не развивалась под напором внешних случайностей повседневной жизни, а находилась бы, так сказать, в резервуаре, была бы всегда готовой к употреблению, ввиду возможных событий!..

— Каких... например?

— Вообразите себе, что вы идете по улице с *раджа-йогом* и ведете разговор о предметах совершенно обыкновенных, но почему-либо интересующих его. В руке он держит никогда не покидающую его *дэнду* — вот как эта, — показал Ананда на свою семиколенную трость. — На вас бросается из-за угла бешеная собака. Опасность близкая, пред которой вопрос о вашем спасении зависит от быстроты действия, измеряемой не минутами, а секундами, мгновениями. Хотя мысль действует с быстротой электричества, однако же для приведения в порядок ума, только что занятого посторонними предметами, для извлечения из познавательного аппарата импульсов воли, необходимых для отражения собаки, может потребоваться полсекунды более того времени, которое понадобилось бы собаке, чтобы вас укусила. Без своего *дэнды раджа-йога*, быть может, не успел бы вам помочь. Но *дэнда*, пропитанная эссенцией силы *раджа-йога*, действует с быстротой молнии: направленная против животного, она мгновенно парализует его импульс броситься на нас; а повторением движения *рад-*

жа-йога мог бы даже убить зверя налету и не дотрагиваясь до него, если б это оказалось *нужным*. Вот что может сделать *дэнда* в *обыкновенных случаях*. Но называть ее поэтому *магическим жезлом* неправильно, так как ни «жизнь», ни *рудракша* не могут быть обособленными от нашей сознательной воли и мышления или действовать независимо от нас. Одарять их таким свойством значит признавать в них присутствие познавательного аппарата как у человека, и равняется произвольному распространению суеверия и грубого поклонения веществу.

— Вы сейчас сказали, что *дэнда* никогда не покидает руки *раджа-йога*? Я никогда не видал, однако, такого жезла в руках у такура?

— Действующая сила заключается не во внешней форме *вахана*, и не одна *дэнда* выбирается носителем или седалищем «силы», — получили мы уклончивый ответ.

В эту минуту шарабан стуча, гремя, подпрыгивая низом и отдуваясь полотняным верхом, скрипя колесами и вообще издавая самые невероятные звуки, загрохотал на мостовой Маттры, обетованной земли благочестивых *вайшнав* (поклонников Вишны).

«Шри-Маттра!» — воскликнул Мульджи, бросаясь ничком на пол шарабана. «Шри-Маттра!» повторил за ним Нараян, вдумчиво вглядываясь вдаль, как бы поджидая кого. Один Ананда даже не повернул головы, въезжая. Пока мы все толпились, толкая и падая друг на друга, чтобы взглянуть из-за полотна на ряд розовых, унизированных обезьянами храмов, он и глазом не мигнул, даже когда я почти отдала его голую ножку. На мои извинения он только посмотрел *в меня* (не на меня) своими глазами кроткой лани, как бы желая вычитать во мне, в чем именно я извинялась...

Мне стало жутко от этого взгляда. Я забыла Маттру и предалась воспоминаниям о потерявшем душу «человеке-автомате» в сказке какого-то американского Гофмана.*

XXXV

Мои соображения и думы об отсутствии «личной» души в Ананде были внезапно прерваны самым для нас неожиданным

---

* Имеется в виду немецкий писатель Э.Т.А. Гофман. — *Прим. ред.*

образом. Мы проезжали между двумя рядами зданий, с выступавшими почти на середину переулка террасами, когда над нашими головами на полотняный верх фургона что-то вдруг тяжело упало, забегало, засуетилось, застрекотало, и с визгом, который покрыл разом даже разнохарактерные звуки, издаваемые нашим шарабаном, нас атаковала, а, быть может, по своему и приветствовала целая стая больших и маленьких обезьян. Они цеплялись за бока экипажа, заглядывали в боковые отверстия, лезли одна через другую и через наши головы и плечи. Их появление было так внезапно, что я с трудом могла сообразить, что такое случилось. Все они разом накинлись на стоявшую на скамье, к несчастью, незакрытую корзинку с провизией. В одно мгновение ока бутылка с холодным кофе была разбита, Мульджи выкупан в черной жидкости, коробка с чаем разорвана на лоскутки, а чай рассыпан по фургону и мостовой; и мы увидели полковника, увенчанного рисовою лепешкой, а мое платье все испачканное вареньем...

Их было десять или пятнадцать штук, и в первую же минуту их появления в шарабане распространился такой острый, специфический запах, что я чуть было не задохлась. Обезьяны не тронули никого, явно производя лишь простую разведку насчет съестного; наш кучер не успел еще, повертывая за угол, остановить лошадей, а вся стая уже исчезла так же быстро, как и появилась... Два брамина с бритыми головами, подскочившие было на помощь к шарабану, увидав своих «богов» ретирующимися, спокойно вернулись на свои места у ступеней пагоды...

Чтобы добраться до приготовленного нам места отдыха, нам пришлось проехать почти вдоль всего города. Маттра, освещенная ярким утренним солнцем, лучи которого скрывали вековую копоть и грязь древних домов, показалась нам очень живописной. Город расположен веером на западном, крутом берегу Джумны, и весь разостлался на высоких, убегающих вдаль зелеными волнами, пригорках.

Мы переехали реку по мосту из плоскодонных лодок, конструкцию которого почему-то восхваляют сравнительно с прочими. Священная река, соперница *Ганга*, по утреннему обычаю была переполнена очищающимися от грехов индусами обоюго пола. Вдоль крутого берега ведут к воде ряды мраморных ступеней, платформы которых все до одной украшены миниатюрными храмиками, каждый в честь одной из пастушек.

Весь город искрещен переулками, восходящими и нисходящими, наподобие переулков Мальты, с кривыми каменными ступеньками, по которым не проехать и на лошаке, а слоны, тоже *священные*, свободно ступают по ним своими колодообразными, тяжелыми ногами, отправляясь друг к другу в гости, от одной пагоды к другой. Случается так, что, встретясь хобот к хоботу и видя невозможность, не сворачивая одному из них назад, разойтись, одному в гору, а другому под гору, слоны пускаются на следующую штуку. Обменявшись несколькими фразами с хлопыванием ушей и обниманий хоботами и убедясь в обоюдной дружбе, слон поменьше становится к стенке, а слон побольше ложится наземь, стараясь по возможности стусеваться. Затем первый поднимает ногу и осторожно, не торопясь, лезет через товарища с легкостью и грацией; но иногда слон спотыкается и падает, хотя хобот лежащего, поднятый в виде вопросительного знака на все время опасной переправы, всегда наготове и помогает изо всех сил меньшему, слабейшему брату. Уважение и услуги, оказываемые слонами один другому, вошли в поговорку, служа живым упреком людям.¹

Маттра настоящий зверинец. В нем более животных, чем людей, хотя цифра его народонаселения доходит до трехсот

---

¹ Замечательно, что слоны, народ обидчивый и с большой амбицией, никогда не дерутся между собой, живя в городах; хотя в диком состоянии они часто уничтожают друг друга. Замечательно и то, что, оказывая все знаки обоюдного уважения, они никогда не дружатся между собой, а выбирают постоянно предметом дружбы и пламенной любви — собачек, ослов, и других небольших животных. Один такой слон, любив ослика, взял его под свое покровительство. Слон был свободный, «пагодский», а ослика нанимали под работу. Раз английский солдат, наняв его, сел на него верхом и стал колотить по бокам тяжелыми сапогами. Слон стоял у ворот обитасмой его другом конюшни и; увидав, что его любимца обижают, схватил хоботом британского воина и так потрепал его, что тот, освободившись, хотел было в ярости на месте застрелить слона. Его уговорили не делать этого, потому что другие слоны, тут же стоявшие, рано или поздно, *убили бы его непременно: esprit de corps* [чувство общности] у слонов удивительный: Солдат послушался. Заинтересованный рассказом, он простил слону и кинул ему кусок сахарного тростника, предложив ему его в знак примирения. Слон постоял над ним, подумал и, взяв наконец лакомый кусок, прямо понес его и положил хоботом в рот обиженного осла, а сам повернулся и ушел, «словно оскорбленный человек и не глядя на меня», говорил солдат, рассказывая нам сам это событие.

тысяч в месяцы паломничества. Все улицы буквально запружены «священными» быками и слонами; крыши домов и храмов покрыты «священными» обезьянами, а над головами носятся тучами, затемняя Божий свет, «священные» павлины и попугаи. И все это живет на свободе, не принадлежит никому, а, напротив, распоряжается по-хозяйски как городским добром, так и самими людьми. Злополучные торговцы и торговки на базарах принуждены приносить провизию в герметически закрытых корзинах, полуоткрывая их для покупателей с величайшими предосторожностями; иначе обезьяны, вечно торчащие настороже у базарных ворот и привыкшие взимать контрибуцию с каждой повозки — чем и объясняется их атака на нас — тотчас же все разнесут, да вдобавок и за волосы оттреплют того кто станет защищать слишком энергично свой товар. Одни слоны ведут себя с величайшим достоинством и честью. Они никогда не возьмут ничего сами, но будут скромно стоять у лавки с лакомствами и ждать терпеливо, пока их попотчуют. Запах в Маттре был такой, что в продолжение целого дня моей побывки в священном городе я не отрывала платка с одеколоном от лица.

Маттра один из интереснейших и древнейших городов Индии. Но теперь от этого когда-то сильно укрепленного города уцелели всего трое полуразрушенных ворот, да остатки когда-то грандиозной крепости. Обезьяны довершили начатое афганцами разрушение, и самая мечеть Арангзеба, с ее четырьмя изразцовыми голубыми башнями, покривилась от запущения. Теперь мусульманам нет больше в Маттре места. Даже нелегко выживаемые из гнезд идолопоклонства американские миссионеры спасовали пред обезьянами да быками и давно уже обратились в бегство. Остались полновластными хозяевами темно-лазуревые Кришны, да их зверинец с прислуживающими ему браминами.

А было время, когда место рождения Кришны, божественного Дон Жуана Индии, славилось своею роскошью и богатством; слава эта и привлекла первых афганских завоевателей.

Рассказывают, что между находками в храмах Маттры оказались «пять идолов из чистого золота, глаза коих были каждый из цельного рубина, стоимостью в 50000 динариев. На одном идоле был найден сапфир, весом в 400 мискалей; ¹ «са-

---

¹ Дольше употребляется весовая мера жемчуга: в Турции 4, ⁸⁰⁴, в Египте 4,6, в Персии 4,5 г.

мое изображение, по сплавке, принесло 98300 *мискалей* чистого золота». Кроме этих идолов, «найдено и увезено 100 идолов из серебра, навьюченных на такое же число верблюдов».

XXXVI

Вместо нескольких часов мы пробыли в Маттре и ее окрестностях два с половиной дня. Такур прислал сказать, чтобы мы оставались на «празднества весны», *зок'ла аштами*.¹ День рождения Кришны в августе, но имеет свой пролог весной, вместе с торжеством Гури, раджпутской Цереры.

Описание всех праздников, даже только главных, у индусов потребовало бы напечатания целой библиотеки. *Сат б́ара, аур нотавара*, «семь дней (недели) девять праздников», раджпутская пословица, на которую не требуется комментариев. Я опишу только виденную нами мистерию в окрестностях Маттры.

Гопи, пастушки, начинают, конечно, пасторальным праздником *Гури*, местной Цереры. Гури, одна из форм *Парвати*, или *Дурга-мата*, «мощная мать», богиня жатвы и изобилия у индусов. *Дурга-мата*, — та же *mater montana*,* эпитет, принадлежащий, по Диодору, Кибеле или Весте, в ее роли «богини хранительницы детей»; а *mater montana* называется в Раджастхане *Амба мата* (мать горы), и здесь она является патронессой и хранительницей мальчиков, будущих воинов. Алтарь *Гури-Парвати-мата*, «мощной матери горы», венчает почти все возвышенные местности в Меваре, сердце Раджастхана, и ей посвящены все «Храмы-Крепости» страны. Ее деятельность разнообразнее, а обязанности труднее и многостороннее, чем у ее *рефлексий* в Риме, Греции и даже Египте, так как все заставляет предполагать, что она первообраз Изиды. Как Эфесская Диана, «Гури-Дурга» увенчана полумесяцем и, как Цибела, она имеет на голове зубчатую башню² и считается под названием *Дэви-Дурги* (сила, мощь) патронессой всех

---

¹ *Го-Кула* — племя коровы (*го*). Кришна был воспитан пастухом Нанда; пролог этого праздника на месте рождения Кришны празднуется весной. *Аштами* — первая четверть луны.

* Мать горы (лат.). — *Прям. ред.*

² Вся провинция Мевара и окрестности Удайпура усеяны такими зубчатыми башнями древности, и все они под покровительством Амбы и *Гури-Дурги*.

укрепленных мест. Она тоже Мата Джавани — «мать рождений», то есть исполняет обязанность Юноны, *Juno Lucina*; как *Ладма*, «престол которой водружен на лотосе» — она Изида Нила; как *Гури Трипура* (буквально — трех городов, *Tripolis?*) — «управляющая тремя городами», и как *Атма-дэви*, богиня душ, она, конечно, Геката, — *Hecata Triformis* греков. Словом, Гури синтезирует в себе одной всех богинь Греции и Египта, от Дианы и Прозерпины до Изиды и Астарты. Но главным образом она «земля», индийская Церера, которая и является в мистерии сидящей на снопах на колеснице, влекомой короной,¹ с *камакумной* в руках, вазой, похожей на рог изобилия, из которого падают плоды и зерна.

После этой процессии является *Камадева* — бог любви, купидон Индии, у которого лук и стрелы заменяются здесь гирляндами цветов и заостренной бамбуковой тростью. Он попадает ею в одну из *гопи*, дочь Наяды, которая и сгорает любовью к Кришне. Раздается хор. То гимн Каме, из *Бхавишьи пураны*: «Приветствие богу цветочного лука!.. Слава дэву, заставляющему мудреца позабыть всю свою твердость! Слава *Мадане*, слава Каме, богу богов; ему, который Брахму, Вишну и Шиву и самого Индру наполняет волнениями любви!»

Является Гот-нат (Кришна, под видом «владыки пещеры» (*гота*), которого не следует смешивать с *Гопи-натом* — «владыкой пастухов»). Он покрыт звериной кожей, увенчан травой кузи и играет на бамбуковой свирели, и пред ним начинают собираться *гопи*, привлекаемые звуками музыки. Но в этом действии (в первом) *гопи* не пастушки, да и сам *Готинат* превращается из «бога пещеры» в «бога горы», в *Гордан-Ната*, или *Нат-дэви* (владыку всех владык). Он увенчан блестящим венцом из лучей, как Феб, потому что здесь он является самим солнцем, как Вишну, Аполлон, Озирис. Скромная свирель тоже уступает место *ситаре*, *шестиструнной* лире,² на которой голубой бог начинает играть не мелодию, а, как мне показалось, *гаммы*, и очень монотонные. Но так как меня стали уверять, что это музыка древняя, как сама «музыка сфер», то я и успокоилась.

---

¹ Земля — *притви*. символизируется у индусов короной. См. *Asiat. Res.* Vol. III, p. 278.

² Музыка, пожалуй и лишенная мелодии для европейского уха, но имеющая *полную семиинтональную* гамму: хотя монах Гвидо Аретинский считается изобретателем (в XI веке) *седьмой* ноты и действительно греки имели всего *шесть*, но эта семиинтональная гамма есть в *пуранах*.

Пред богом «оборотнем» начинают рисоваться *гопи*, тоже к этому времени превратившиеся в *звук*.

Говорю в «звук», потому что другого подходящего слова нет. То девять *но-рагини*, а *рага* есть музыкальная *шкала*, гамма, *рагини* же (множественное число женского рода) — супруги *рагов*. В этом не я виновата, а мудрецы, изобретшие санскритскую музыку, в которой, вдобавок ко всей ее ученой прелести, нисколько не отвергаемой, но положительно не вкушаемой мною, заключается целая мифология.

Вот доказательство:

Санскритские изобретатели музыки выдумали шесть *рага*, то есть шкал, коих названия: Шрирага (*рага* значит господин), Вазанта, Панчама, Байрава, Мегха и Нат-Нараян.

У каждого из этих *рагов* по пяти жен, а у каждой из этих жен по восьми детей. Каждый *раг*, каждая *рагиня* и каждый *рагиненок* имеет имя, атрибуты, собственную биографию, генеалогическое древо, и если бы родился в России, то имел бы, вероятно, и свой формулярный список. Родившись в Индии, каждый из них за то получил титул бога, богини и боженка. Философия вышесказанного есть та, что певец и музыкант в Индии поет и играет, имея в своем распоряжении 276 разных *шкар*, по семи нот в каждой; каждая нота выражает какой-либо звук в животном царстве, а звук этот должен изображать какое-либо чувство.

Звук животных и выражаемые ими чувства выписываю для любопытных из оригинального сочинения Санскритского Музыкального Общества, потому что оно разъяснит лучше всего, *что такое* представляли Кришна Нат-джи и его *рагини*.

Ноты шкалы.		Имена санскритские	Типы звуков животного царства.	Выражающие оттенки.
<i>Са</i>	До	Шаджа	Павлин	Героизма, изумления и ужаса,
<i>Ри</i>	Ре	Ришабха	Бык	
<i>Га</i>	Ми	Гандара	Козел	Жалости, сердоболия, Насмешку и любви,
<i>Ма</i>	Фа	Мадьяма	Журавль	
<i>Па</i>	Соль	Панчама	Дрозд	Беззаботность,
<i>Дха</i>	Ля	Дхайвата	Лягушка	Отвращения и тревоги,
<i>Ни</i>	Си	Нишадха	Слон	Милосердия и сознания силы.

Вот эти-то «звуки», выражающие оттенки чувств, и олицетворялись плясавшими пред Кришной *но-рагинями*.¹ То были девять олицетворений «девяти страстей», *но-раза*, зарожденные мелодией бога музыки,² его создания, воспрянувшие к бытию под волшебной силой *Ваха*,³ и исполнение было, как и сама идея, прелестно. Взявшись за руки, *но-рагини* сперва пляшут пред своим творцом, а затем следует еще превращение. Пред зрителями является пылающий бог солнца, без *incognito* на этот раз, и *но-рагини* обращаются в знаки зодиака; начинается астрономическая мистерия, где богини-созвездия составляют вокруг бога солнца круг и выплывают знаменитый *Рас-Мандал*, танец звезд. *Но-рагини* и *но-раза* опять исчезли, остались одни олицетворенные знаки зодиака. А *расмандал* все продолжается. Медленные движения, полная грации мимика оживляются и делаются все быстрее и быстрее...⁴ Мистическая пляска на берегах Джумны напоминает танец альмей в Египте и переносит нас на песчаные берега Нила...

В третьем действии снова все изменяется. Кришна опять является пастушком с посохом и своею свирелью, и вокруг него играют и поют вновь воплотившиеся из богинь пастушки, *гопи*. *Но-рагини* еще раз превратились в *но-раза*, то есть «девяток страстей», и стараются свести пастушка, *брахмачарья*, с пути истины. Но им это не удастся. Кришна торжествует в своей добродетели, а пастушки — *en sont pour leurs frais*.*

Кришна, не обращая внимания на заигрыванье пастушек, продолжает играть на своей свирели, заменившей ему теперь шестиструнный *ситар*. Но зато коровы его священного стада, устыдясь, должно полагать, за пастушек, разбегаются... Солнце зашло и на сцене совсем темно. Тут являются свирепые катчи (другое племя раджпутов) и угоняют коров к себе; а в погоню за ними бросаются гоклы (гокуладесы) или *куклопесы* * и ста-

¹ Но — «девятка».

² «Девятка страстей» или девять муз Аполлона.

³ Бога звука, на этот раз мистического, *окультурного*.

⁴ Цимбалы, *табор* и *мурали* (род флейты) чуть не свели меня с ума; но зато я узнала в тот вечер многое. *Чхобы* Маттры имеют огромную и, говорят, заслуженную репутацию в Индии, как певцы и мимики; и басы браминов с контральта и тенорами «небесных певцов» пагоды являлись полными гармонии. Но это музыка вокальная, а инструментальная под конец невыносима для европейского слушателя.

* Остаются при своем (*фр.*). — *Прим. ред.*

* *Cyclopes* (Κυκλώπιος) — циклопы. — *Прим. ред.*

раются отбить скот у хищников. Когда они появляются, то перед зрителем восстают свирепые циклопы-пастухи Гомера, не знавшие ни закона, ни удержа, мохнатые гиганты... Они вылезают из пещер, спускаются с деревьев, и на груди у каждого сверкает, как огненный глаз, огромный жук светляк, приколотый к звериной шкуре.

Такие светящиеся жуки, единственное освещение в пещере пастуха или в круглой башне бедняка Гоклы, и до сего дня в употреблении у племени нанды, воспитателя Кришны. Часто ночью, отправляясь отыскивать пропавшую корову или быка, гокла прикрепляет несколько таких жуков к тюрбану, чтобы светлее было. Не в этом ли племени *гокуладесов* следует искать начала и объяснения *куклопесам* греков? Светляки превосходно объясняют «фонарь на лбу» у циклопов-рудокопов, а также и то, что Гомер знал их за племя пастухов, *гокула*, главным и единственным представителем коих был «одноглазый» Полифем.*

Мистерия кончилась поздно. Брамины *чоби* (так названные от *чоби*, палицы, которою они вооружаются на это представление) давно уже, осадив тирана Канзу во дворце, разнесли в мелкие щепки его крепость¹ и самого его загнали в кусты, когда мы оставили пагоду. После спектакля «*бог-Кришна*» присоединился к нам и оказался очень молодым, рослым раджутом, который, к удивлению нашему, даже говорил по-английски. Я обязана ему главными из полученных нами в Маттре сведений. Он нам объяснил смысл многого, чего мы тогда не понимали из представления, в котором ему выпала главная роль.

Он вполне верил в Кришну-героя, и отвергал Кришну-бога не менее нас самих. От него мы узнали, что служение седьмому по числу из семи главных видов Кришны, под которыми он обоготворяется в Раджастхане, то есть *Мудхун-Мохуны*, «божеству, опьяняющему любовью», находится исключительно в руках *брамины*, женщины. «Мудхун-Мохуна» есть пастушок, чарующий пастушок, *гопи*. В настоящее время великая жрица голубого бога очень стара и очень строга к храмовым *науцам*, обязанность коих состоит в разыгрывании ролей

---

* См. «Одиссея», песнь 9. — Прим. ред.

¹ *Канза* — дядя Кришны и узурпатор его престола. Каждый год брамины чоби осаждают его дворец и *якобы* убивают его в лесу, куда он спасается.

гопи и в уходе за лазоревым божеством. Эта строгость отзывается на самом ее храме, который-де страдает *недостатком* в «небесных музыкантах». ¹ Маленьких певцов *неба* им приходится занимать из других пагод, вне Раджастанхана.

Статуй или идов Кришны, как сказано, семь главных в стране, и они были описаны только Тодом, единственным, кажется, из всех англичан, которому позволили, как и нам, пятьдесят лет позднее, приблизиться к святыне.

Эти семь «чудотворных» статуй были принесены столетия тому назад таинственным лицом, Бальбой, который потом и сделался верховным жрецом Раджастанхана. Умирая, он их разделил между своими семью «внуками» от *духовного* сына (усыновленного), и теперь они составляют источник величайших доходов для их потомков, священнодействующих браминов семи главных пагод в стране.

Представлявший Кришну, собственное имя которого я забыла, доставил нам вход к Ноните, ² «младенцу Кришне». *Нонита* сидит на лотосе, похожем, впрочем, на кочан капусты, задумчиво держа в руке пирожок (*напу*): такие пирожки делаются из теста, замешанного на воде из реки Джумны, отнюдь не другой. Со времен афганцев, которые со свойственным им иконоборством бросили Нониту в Джумну, он покоился до 1803 года на дне реки. Когда его случайно выудили оттуда, он пирожка своего все еще не съел и все еще также внимательно всматривается в него, как бы не доверяя ему. В этой воздержности я ему вполне сочувствую. Принесенный мне, в виде необычайной милости, «священный» пирожок до сей поры мне памятен. Съев его, я тотчас почувствовала припадок морской болезни и оставалась под влиянием мрачной меланхолии целый день.

Осматривая храмы и их разнородные божества, я совершенно забыла о *салиграме* нашего председателя полковника О***, не оставлявшем его ни на минуту. Мои мысли были так заняты мифологическими сравнениями, что если бы кто заговорил о нем, я, вероятно, не обратила бы и внимания. Но та-

---

¹ Небесные музыканты, или певцы, как известно, при пагодах всегда сыновья научей, танцовщиц. Это им не ставится нигде, кроме Раджастанхана, в укор. Но в этой стране рыцарства *науци* — настоящие весталки.

² Пишется *нава* (новое)-*нита* (масло). В младенчестве Нонита был очень лаком до свежего масла и часто крал его у соседок, отсюда и название.

лисман напомнил нам о себе, и при таких обстоятельствах, что трудно было забыть.

Выходя, под вечер последнего дня, из полуразрушенного дворца, куда нас поместил Ананда по нашем приезде, чтобы посетить храм Гопала-Кришны, мы решили отправиться туда пешком. Пагода была так близко от нашего дома, что следовавшая за вами по пятам дребезжащая карета казалась нам излишней. Мы ее отослали, так как для того, чтобы перейти площадь не стоило и садиться в экипаж. Я пошла вперед с Нараяном, бабу и Анандой-Свами, а за нами шел полковник, в сопровождении целой свиты браминов, пандитов и шастри. Мульджи служил им переводчиком.

В пять минут, несмотря на постоянные остановки и препятствия, в виде шмыгавших между ногами обезьян, да целых процессий ослов и транспортов, мы были уже у преддверия пагоды, и я села на ступеньки широкой лестницы, поджидая главу нашей компании. Ананда-Свами стоял шагах в двух от меня и тихо разговаривал с Нараяном, с которым он видимо подружился, а бабу я отправила купить лакомств для «священных» четвероногих.

Храм Гопала-Кришны построен в глубине глухого переулка, из коего нельзя было видеть ничего, кроме одного угла площади, которую мы только что прошли. Ожидая каждую минуту полковника и бабу с орехами, я спокойно сидела, довольно удачно сдерживая до той поры нахальное и неприятное заигрыванье обезьян, которые чуть не лезли к нам в карманы. Эти животные до того привыкли жить между людьми, что даже и наши, столь отличные от туземцев платьем и наружностью, фигуры не возбуждали в них ничего, кроме ожидания обычной подачки. Их собралась около меня целая колония, и было бы трудно не заинтересоваться, глядя на их хитрые, светящиеся глазки, на взгляды их, упорно не покидающие моих рук и следящие за малейшим движением. Одна из них, престарелая на вид макашка, потерявшая уже несколько зубов, незаметно для меня стащила снятую перчатку и, прежде чем я даже догадалась о пропаже, принялась с наслаждением жевать ее в углу.

Но вот показался бабу с орехами и изюмом и стал бросать их пригоршнями в обезьян: тут у нас с ними началась потеха. Обезьяны стрекотали и дрались, мы глядели на них и смеялись, как вдруг, совершенно для нас неожиданно, со стороны

площади поднялся такой ужасный необъяснимый вой, что мне показалось, будто там сорвался с цепи целый десяток тигров... Возгласы толпы, мычание быков, рев слонов, все это сливалось в один глухой, протяжный гул. Он приближался к нам, с каждой секундой становясь яснее и громче, и я было уже собиралась последовать примеру макашек, которые со страху мигом улетучились, когда Ананда-Свами разом отвлек мое внимание от неизвестной мне опасности и приковал его к себе... Глядя на него широко раскрытыми глазами, я, должно быть, представляла картину такого испуганного удивления, что бабу, сам не понимая еще причины его, бросился вперед загораживать меня своею тонкой фигуркой, а Нараян, схватив какое-то полено, стал возле меня в позе гладиатора. Так мы стояли все трое в течение нескольких секунд, не произнося ни слова, окаменелые от изумления.

Что же случилось? Для всякого, не наблюдавшего за аскетом, как то делала я с утра до поздней ночи в течение трех суток, ничего такого, что бы показалось уж из рук вон странным. Услыхав рев, Ананда-Свами, обыкновенно так медленно и плавно двигавшийся словно на заведенных пружинах, вдруг преобразился. Во мгновение ока, одним, сделавшим бы честь любому акробату, прыжком, он очутился на конце переулка.

Раздалось еще несколько слабых мычаний, а затем целая толпа браминов наводнила переулок и среди них полковник... но в каком виде, силы небесные!

Он потерял шляпу и, по-видимому, очки. Белоснежное пальто и панталоны превратились от покрывавшего их навоза и пыли в нечто невообразимое, в тряпки, покрытые пятнами и прилипшими к ним кусками столь излюбленного лондонскими *эстетами* цвета гнилой зелени, с коричневыми тенями нюхательного табака. Лицо его было краснее спелой вишни, волосы растрепались, а в бороде торчали куски соломы и сена... Он казался очень сконфуженным.

— Я советовал полковнику не подходить к священным коровам, но он не послушался, — кричал, объясняя, Мульджи.

— Черт их побери, ваших священных коров! — огрызнулся наш президент. — Я хотел их покормить хлебом и пряниками, а они стали ко мне лезть... голов десять. Я от них, а они ко мне... мотнет головой, подбросит хвостом вверх, да и норовит мордой в карман... Мотнет, да и лезет с ужаснейшим мычанием... оглушили меня.. Ну, я и упал... поскользнулся и... упал!..

— Еще бы, когда у вас *салиграм* под рубашкой; ведь говорил же вам Ананда-джи,¹ предупреждал: берегитесь, не подходите к коровам!..

— Навалились на меня, приперли в угол, — продолжал объяснять, как бы извиняясь предо мной, бедный полковник, — ну, я и упал... брамины машут руками, просят коров по-санскритски оставить меня, и хоть бы один из них хватил их палкой!.. Ну, а коровы еще хуже!..

На лице Мульджи, при этих словах, изобразился священный ужас.

— Ударить корову Гопала-Кришны!..

— Не ушибли ли они вас? — осведомилась я, слишком еще пораженная неожиданностью и испуганная, чтобы вкушать всю комичность его положения.

— Нет... кажется, ничего, — отвечал он, ощупываясь, — Только вот перепачкался... проклятые коровы! Жаль, что со мной не было трости!..

— Прошу вас, не говорите так, полковник, — испуганно озираясь на браминов, прошептал встревоженный за нас Нараян. — Хорошо, что они не понимают вас. Они способны убить всех нас из-за священной коровы...

— А ведь вам пришлось бы еще хуже, сааб, — молвил бабу, — если бы не Ананда-Свами... Это он вас выручил... *дэндой*...

— Просто смотрел! — перебила я. — Все кончилось до его *дэнды*...

— Вы знаете, *упасика*, что это не так, — с упреком заступился Нараян и отошел прочь к стоявшему в стороне «брату Роши».

Ананда в ту самую минуту, когда первые брамины показались у входа в переулок, пропустив людей, видимо воспрепятствовал нескольким коровам ворваться за ними в узкий проход. Стадо гналось за несчастным президентом рысью, пока он не исчез от них в переулке.

— Что ж именно он делал и как он им «воспрепятствовал»? — расспрашивала я «Кришну», который присоединился к нам несколько минут позднее.

— Стоял у входа и *махал* в них *дэндой*.

---

¹ *Джи* — учтливое прилагательное, вроде «почтенного», только ставится после имени.

— Как в них?.. то есть на них, на коров?.. Ну, конечно, тем и испугал их.

— Нет, именно *в них*. Простого маханья палкой мои коровы не испугались бы.

Он говорил «мои» коровы, как будто серьезно воображал себя богом Кришной.

Мы отправились домой, так и не видав храма Гопала; солнце зашло, и под покровом тотчас же окруживших нас, как темным флером сумерек, скрывших очень кстати плачевный вид нашего президента, мы вернулись домой и стали приготавливаться к отъезду. К несчастью полковника, вся наша поклажа была отправлена из Баратпура прямо вглубь Раджастхана, и президент не мог даже переменить платья. Но наш хладнокровный глава и тут не растерялся. Он купил белую одежду туземца и предстал пред нами в костюме, представлявшем странную смесь раджпутских одеяний с европейскими.

Но он видимо сознал в душе, что получил урок. *Салиграм* исчез с его особы, и ничто не напоминало нам более о его «магическом» присутствии. Впрочем, обладание оным оказалось нам и пользу. Брамины, приняв этот факт к сведению, хотя и чувствовали к нашему президенту большую зависть и диву давались, что священный их предмет не утрачивает своих свойств даже на особе нечистого *млеччхи*, но все-таки почувствовали к нам еще сильнейшее уважение и как бы даже суеверный страх.

Мы выехали из Маттры ночью по реке в большой примитивной лодке, напоминающей венецианскую гондолу, в которой у нас стоял стол и скамейки кругом и даже было место для кухни. Последнее, впрочем, оказалось для нас бесполезным, так как мы оставили нашу гондолу в два часа ночи, и нас увезли в лес к какому-то «вассалу», по выражению Ананды, ночевать.

На другой день мы поехали к деревушке *бардов*. *Бхаты* или *бхарты* и *чаруни* или *чараны*, то есть барды и летописцы,¹ издревле занимаются переноской вещей. Такая «переноска» началась одолжением и постепенно перешла в ремесло. В этой стране, заселенной вечно враждующими племенами, разбойничьими шайками бхиллей и меров, во дни былые невозмож-

---

¹ *Бхарт* — бард и генеалог, а *чарун* — летописец. но оба класса — поэты и песнопевцы.

по было пересылать ни денег, ни вещей большой дорогой. Барды были единственным классом, который уважали и проклятий коего страшились разбойники. Взявшись доставить сумму денег или ценную вещь, *бхарт* ручался своею жизнью за доставку; если разбойники, невзирая на его сан, отнимали у него доверенное, он в ту же минуту вонзал себе нож в сердце и, обрызгав кровью грабителей, умирал с проклятием на их головы. *Это проклятие всегда исполнялось*, говорят раджпуты. Прошли века, и теперь *бхарта*, везущего миллионы, не тронут разбойники, будь их сотня против одного. *Бхарты* служат посыльными по всему Раджастану, и их сан делает их священными в глазах самого свирепого разбойника. «Даже полудикий коли и сахрай страшатся проклятий *этого странного существа*, которое ведет караваны с полной безопасностью чрез самые безлюдные пустыни и непроходимые леса этой местности. Путник, желающий достигнуть беспрепятственно портов Джалора или Радханпура, ведущего в Сурат или Мускат-Мандави, присоединяется к каравану, во главе которого едет *бхарт*: он в полной безопасности»...

На другое утро, восстав от спокойного сна в лесу, Ананда нас повез именно к одному такому *чарану*, в семействе коего мы и провели время до самого вечера. В белом, длинном и широком одеянии, старик походил на Оссиана, сошедшего с холста картины. Сидя с *ситаром* в руках на полу, он пел нам легенды о древней удали сынов его страны, о падении Читтура, о героях коганах (племя такура) и о *блаженстве смерти за долг чести*, за данное слово, за родину... Его два сына, рослые, красивые раджпуты, пели в свою очередь, и их легенды были все основаны на подвигах Кришны, Бальрамы, Арджуны и племен *Гарикула*. А их жены и старуха-мать прислуживали нам, кормили нас и не знали, что и делать для «саабов», отправляющихся к «великому такуру».

Костюм женщин у *бхартов* чрезвычайно живописен: темные шерстяные юбки и сверху белые как снег *сары*, а в черных, как смоль, волосах цветы, кораллы и золотые украшения. Здесь женщины скорее напоминают красивых неаполитанок прежнего времени, чем индусок. В этом благословенном уголке Индии нет ни каст, ни фанатизма бомбейских браминов. *Бхарты* и *чараны* составляют, так сказать, *imperium in imperio*.^{*} Они не

---

* Государство в государстве (лат.). — Прим. ред.

зависят ни от кого, и правительство умно воздерживается от вмешательства в их дела: весь Раджастан поднялся бы как один человек в защиту своих священных *бхартов*. Они — последнее звено, соединяющее их горькое настоящее с величием их незабвенного и незабываемого прошлого.

Эти неизвестные в Европе, да и мало кому известные в Индии певцы хранят, быть может (для нас это несомненно), первые страницы *истории всего человечества*, а не одной только Арьяварты. Героические песни Индии — это все, что у них осталось от прошлого. Но эти песни дают право *бхартам* требовать, чтобы на них взирали как на первобытных историков всего человечества. Они жили задолго до тех времен, когда греческие басни впервые обратили на себя внимание поэтов и даже Геродота, отца истории, тысячелетия тому назад; *бхарты* воспевали *настоящие* события и *живых* людей, а не мифы. Каллиопу боготворили в Индии со времен Вьясы, современника Иова, по мнению первых ориенталистов, таких как сэр Уильям Джонс, Уилсон и другие. А эти санскритологи, если и грешили иногда неправильностью выводов, зато никогда не жертвовали истиной и фактами ради доходного места. Уцелели еще тысячами свитки одних исторических генеалогий и летописей в стихах; и их поэтические преувеличения не помешали б историку извлечь из них события и факты, изложение коих на одном из европейских языков перевернуло бы, весьма вероятно, заключения не только Маколеев и Гротов, но даже и наших *русских историков*.

Нам говорили «посвященные» барды (между ними есть и такие), что огромная коллекция их летописей, начальные свитки коих написаны с устных преданий, пополняет все пробелы и даже исправляет все ошибки всемирной истории; что в них найдутся все доказательства тому, что племена одного Раджастана заселили в доисторические периоды берега северных морей, Балтики, Черного, Каспийского и других; что все германские и *особенно славянские* народности в Европе суть потомки ушедших из Раджастана племен (в древности *Раэттана*). И действительно, если финны и мадьяры Венгрии должны искать начало своего рода и племени в Средней Азии и Тибете, шведы — в Кашгаре, а немцы (только Макса Мюллера, впрочем) на Оксусе, так почему бы и нам не поискать родоначальников варяго-русов в лесах и «великой пустыне» Джайсалмера? Кто знает, быть может, славянские праотцы

«братушек» — древнейших ¹ болгар и сербов, чехов и нас, русских, — и в самом деле спят под семью этажами доисторических городов Саураштры, Амбера и Удайпура? Аларих и Чингиз-хан отнюдь не сами изобрели странный способ своего похоронного церемониала. Когда величественный курган над телами этих двух героев был возведен, говорит Гиббон, огромное вокруг него пространство было засажено лесом, «дабы помешать навеки ноге человека ступить по священному праху».

Так хоронили в древние времена и героев Раджастхана, и этот способ описан в песнях барда Чанда. Там, где теперь «долина смерти», пустыня Индии, ведущая к долине Инда, были прежде непроходимые леса. Тысячелетия превратили их в прах, а местность, где находятся еще такие курганы — в пустыню. В степях России таких «курганов» много; и то, что у нас зовется «бабой», называется в Индии тоже «баба», только слово это означает «отец», и я видела несколько таких каменных баб в Меваре.

Далее, другое кладбище простых воинов, и опять памятники «бабы», сооруженные над могилами тоже павших в битвах раджпутов. Пепел сожженных тел привозился на родину, и над «вождями» ставилась не «баба», а более dokonченный монумент. На некоторых памятниках был вылеплен рельефом сам всадник в полном вооружении, со щитом, мечом и пикой; а подле него его жена — верный признак, что она сожгла себя на могиле супруга, т. е. совершила сати.

В Раджастхане всякое освященное преданием *маха-сати*, т. е. великого самопожертвования (самосожжения), место тотчас же делается ареной подвигов духов, «нечистым местом». Это, впрочем, не у одних раджпутов. «Духи» самоубийц, должно полагать, каются в своем поступке и на Западе, и приходят доживать свой насильно прерванный век в менее удобных, но зато и более наклонных к пороку телах. И у нас в России самоубийцам не ложится спокойно на избранном ими ложе, если верить народной молве. Как бы то ни было, но в Индии их «духи» достигают апогея надоедливости. Спириты могли бы здесь ликовать зело, но не-спириты очень на них жалуются. Меж страшных алтарей самоубийства, среди костров, где так часто, так безжалостно сожигались юность, красота, земное счастье, где мать, рыдая, в то же время благо-

---

¹ То есть придунайских славян, а не пришедшей с Алтая чуди.

словляла дочь на *подвиг святости*, а отец, обязанный присутствовать при *маха-сати* от начала до конца, пел хвалебные гимны часто единственной дочери, юное, трепещущее тело коей трещало и корчилося в пожирающем пламени, — тотчас же заводились «демоны», зарождаясь с *ночи девятого дня*. Там, на даровых квартирах, немедленно появлялась *Джигер-Кхор* — страшная *гарпия* древности и *Дхакуна* — ее поводырь.¹ Оба эти демона, как это хорошо всем известно, рыскают по ночам, нападая на живых, у которых Джигер-Кхор пожирает сердца, вырывая их из животрепещущего тела. Некоторые мавзолеи, как гробницы в Помпеях, сделаны с комнатой внутри, где совершаются ежегодно обряды поминок по покойнику или покойникам. Для раджпута это самый страшный, тяжелый день в году, но которого, по общепринятому обычаю, ему невозможно избежать. Он обязан отправляться в эту похоронную комнату один и там совершать обряд над прахом, окропляя комнату водой, делая приношения цветами и рисом, а затем лежать ничком на полу часа два, бормоча *мантры*.

— Мой родной брат, — говорил старый бард, — один из храбрейших воинов Мевара, вернувшись домой после *питри-шиварес* (поминок), узнал, что за эти два часа он поседел, как восьмидесятилетний старик... А ему не было и тридцати.

— Что ж, он разве видел что-нибудь?

— Нет, но... чувствовал; все время *чувствовал* на себе ледяные руки Джигер-Кхоры, которая доискивалась его сердца... Он спасся *мантрами*. Так, так, день *питри-шивара*² великий... но ужасный день! На кладбище, откуда мы пришли, они возятся каждую ночь...

— Кто они?

— *Бхуты* (духи). Выйдя из задней двери на внутреннюю веранду, можно видеть даже отсюда по вечерам, как *они* мелькают разноцветными огоньками над могилами...

— Синеватыми, — поправил Ананда, — это вы видите просто *шахаба*, блуждающие огоньки, которые вы найдете на всех кладбищах и особенно на полях сражений, — внушительно добавил он.

---

¹ *Дхакуна* — злой дух и служит путеводителем *Джигер-Кхоре* — слепой *гарпии*.

² *Питри* — предки, умершие родные в восходящей линии. *Питар* — отец, *эз* или *шивар* — господин. *Питри-шиварез* выходит — «умершие господа предки».

— Так, так... на полях сражений... конечно. А где же легло костями более храбрых воинов, как не здесь? Но эти огоньки — их души!

— Не души, а фосфорическое сияние от тления стольких животных тел.

— Это нам говорил и наш *махарадж*, такур-саиб... Но ни он, ни вы не верите в Дхакун и Джигер-Кхор, потому что они не посмеют вас тронуть, а нас они не боятся.

Такое противоречие и скептицизм со стороны Ананды как будто не нравилось ему. Старик нахмурился и вдруг, ударив по струнам ситара, затянуть песнь *Джохура*. Джохур, — это тот ужасный обряд, когда обессиленные воины, убежденные, что им не одолеть врага, собирают своих жен, матерей, сестер и невест, и убивают их собственноручно, сожигая затем их тела на костре. 1275 год навеки памятен в Раджастхане, и барды поют до сей поры «о падении города Читтура» и о смерти «Рани *Падмани*», невинной причины битвы и падения города, который со времен исторического периода три раза подвергался страшнейшему «сакка»,¹ т. е. штурму и истреблению целого племени. Читтур погиб окончательно в 1676 году, но его защищали уже не законные владельцы, а его победители и разрушители. Легенда относится к событиям 1275 года и полна интереса и прелести. Вот эпизод в нескольких словах.

Бхимза, дядя малолетнего раджи и его опекун, влюбляется и женится на дочери царя цейлонского, когана Гамир Санка, красавице *Падмани*, — эпитет, даваемый только «прекраснейшим из прекрасных». Ее красота, таланты, благородство души и самоотвержение, доведшее ее до костра, а Читтур до окончательного падения, составляют любимый сюжет народных преданий Раджвара (Раджастхан).

Теперь передам, как могу, чудную балладу бардов, пропетую нам нашим старым хозяином. Я даю буквальный перевод, но, конечно, с большими сокращениями главных событий исторического и навеки памятного в стране сражения.

Не грозного Читтур-града жаждет сердце Ала-ад-дина,
Лотосоокой Падмани, супруги храбрейшего Бхимзы,

---

¹ *Сакка* раджпутов то же, что (вероятно, перешедшие от них к англо-саксонцам и галлам) современные слова *sack* и *sac*. «le sac d'une ville» — ограбление города по взятии.

Жаждет патан.¹ Посылает гонца на дурбар махараджи,
«Отдай за Дели мне рани...² Возьми ты все царство, богатства,
Все, чем владею, за *рани*, за перл драгоценный Востока!
Иначе погиб ты! Читтур, твой град, разгромлю я навеки,
Сгублю *Агни Кулла*³ и сердце твое с ним я вырву!»
Разгневался Бхимза, наш царь, и страшно сверкнул он очами.
«Не надо мне царства, калиф, не боюсь я могулов!..
Не владеть тебе рани-царицей, мне верной Падмани.
Плюю тебе в бороду, враг! Приди!.. тебя ждут агни-куллы!..»

Град осажден. Голодает Падмани, могул торжествует,
Шлет снова посла:

«Хоть взглянуть позволь мне на рани Падмани!..
Без стражи приду я один... тебе доверяюсь, раджа,
Слову раджпут не изменит!..»
Жалея красавицу рани, во избежанье *Джи-гура*,
Дал Бхимза согласие, впустил он калифа в ворота Читтура.
Одного и без стражи...

...Узрел злой патан отраженье⁴
Рани прелестной в стене залы зеркальной дурбара.
Возгорел Алла страстью: за доверие злую измену
Радже патанец готовит...

...«За доверье доверьем плачу»,
Ала-ад-дину рек Бхимза, «иду за тобой, провожая
Тебя за ворота Читтура»... Вдруг крикнул тот, стражу сзывая,
Пленником сделал он Бхимзу, и в лагерь патанский коварно
Увлеч, говоря: «О раджпут! ты заложник Ала-ад-дина,
Отдай мне Падмани, купи свое царство, свободу»!..⁵

---

¹ *Ала-ад-дин* — патанский император.

² *Рани*, женский род *рана* или *раджи*. Жена *раны* удайпурского зовется *рани*; а также и жена каждого *раджи*.

³ «Агни-кулла», племя *агни* (огня), вымершее с Читтуром.

⁴ Историк Ферришта подтверждает факт, рассказывая, что Ала-ад-дину позволено было взглянуть на рани Падмани только посредством устроенных в дурбарной зале зеркал.

⁵ Исторический факт. Ала-ад-дин доверился Бхимзе, зная, что раджпут умрет скорее, нежели изменит слову, и сделал это для того только, чтобы заманить его в засаду. Лицемерием и фанатизмом этот воинственный и наиболее преуспевавший в делах из всех государей, когда-либо занимавших престол Индии, походил на последнего из Тимуров, Лурунгзеба. Титул «Секундер-Сани», «второй Александр» (Македонский), который он выдумал для себя и приказал чеканить на своих монетах, был по отзыву летописцев вполне заслужен. В Индии он являлся

Отчаяние овладело жителями Читтура, осажденного 80 000 войском предателя патанца. Старшины стали держать совет: отдавать ли Падмани за раджу или же то будет бесчестно. Но *рани* сама нашла, что она обязана пожертвовать собой за любимого мужа, решив в то же время не отдаваться Ала-аддину живой. Посоветовавшись с его дядей Горрой и его сыном Бадулем,¹ пришли к заключению, что следует попробовать освободить Бхимзу, не отдавая на поругание чести *рани* и не рискуя ее жизнью. Послали сказать императору, что пришлют ему Падмани, если только он снимет лагерь и отойдет далее. Ее доставят к нему и отдадут на руки; только она не может быть отослана без приличного ее сану торжества и проводов. Она должна отправиться к нему приготовившись, с большой свитой ее придворных, с принадлежащими ей вещами и приданым, и всеми желающими в Читтуре проститься с ней, женщинами и девами, не считая тех, которые пожелают сопутствовать *рани* в Дели. Калиф согласился и приготовился, дав сперва требуемую читтурцами клятву, что святость женских привилегий, т. е. наглухо запертых носилок не будет нарушена.

Тогда вышла из города толпа женщин, «матерей и престарелых родственниц раджпутских воинов», а среди их несли до 700 носилок; каждый паланкин несли шесть воинов, переряженных носильщиками. Царские палатки были окружены, по обещанию калифа, *кханатами* — полотняными, стегаными стенами, и носилки со свитой были пропущены внутрь. Полчаса было даровано Бхимзе на прощание с его *рани*; но тотчас по его появлении он был посажен в пустые носилки и бегом унесен из лагеря. В прочих носилках было скрыто оружие и в них сидело до 700 вооруженных воинов, цвет молодежи Читтура. Не прошло еще дарованного получаса, Ала-аддин, ревнуя к такому долгому прощанию и подозревая засаду, несмотря на данную клятву, внезапно ворвался за *кханаты*: события, все до одного подтвержденные историком Фериштой. Вместо прелестной Падмани и свиты юных дев калиф нашел около пяти тысяч воинов и несколько сот почтенных, но весьма без-

---

настоящим Атиллой, бичом всех раджей, и почти совсем истребил племя *агни* в Чатуре.

¹ Бадуль — один из величайших героев Раджастхана средних веков. Он один убил собственноручно множество могулов.

образных старух, которые «вцепились в могулов, как дикие кошки». Раджпуты, пожертвовав заранее жизнью, только хотели прикрыть бегство Бхимзы, и под напором 80 000 человек, окруженные со всех сторон, погибли все *до единого человека*. Увидев своих сыновей и родственников мертвыми, brave старыe раджпутки вонзили себе кинжалы в сердца, и, как гласит баллада:

«Не гора то выросла на долине Читтура,
То тела brave воинов, *да не будет им стыдно*,¹
Все легли за царя... Над горою, другая гора, —
То тела матерей и женщин Раджвара»...

Радже Бхимзе дали быстрого коня, и он успел уйти от преследовавших его могулов. Подвиг товарищей и их старых матерей так воодушевил читтурцев, что в течение следующих за сим дней они совершали чудеса храбрости. Осажденные отразили наконец осаждающих, и Ала-ад-дин принужден был отступить, потеряв половину войска.

Но, увы! лучший цвет молодежи Читтура погиб в патанском лагере! Через несколько месяцев влюбленный патанец вернулся снова к приступу и на этот раз остался победителем. Предводимый Бхимзой, весь город, кроме детей и женщин, вышел сражаться за городские ворота. Герои без минуты колебания бросились на неприятеля «один против десяти», по свидетельству истории, и легли «скошенные на поле битвы», говорит баллада, «как колосья под дыханием циклона». Девизом раджпутов, как и у древних, да и настоящих руссов, было всегда: *Ляжем костями, мертвые срама не имеют*.

Спасся, хотя и очень раненый, один только юный Бадуль, двоюродный брат Падмани, в то время двенадцатилетний

---

¹ Обращаю внимание читателя на эту чисто раджпутскую фразу или скорее клятву. Слово *ладж*. — буквально «стыд», термин, употребляемый раджпутами в смысле чести. «Ладж рекхо» — *да не будет мне стыдно*, или буквально. что выходит одно и то же. «да сохранюсь от стыда». так как у раджпутов слово *стыд* синоним *бесчестья*. Не та ли это фраза, что была в употреблении у «богатырей Владимира», произнесенная «Добрыней Никитичем». если не ошибаюсь? Не то ли самое хотел сказать Святослав своим знаменитым: «ляжем ту костями; мертвые бо сраму не имеют»? А «ладж рекхо», «да сохранюсь от стыда», фраза, которую можно найти в летописях Удайпура, сказанная за три тысячи лет тому назад Сурьявансой-Балрамой. Не раджпуты же переняли ее от варяго-руссов?

мальчик, но в понятиях раджпутов обязанный уже с таких юных лет защищать родину и умирать за нее.

Герои Читтура невольно напоминают героев Черной Горы. В характере черногорца есть много сродного характеру раджпута: те же баснословные удаль и храбрость, то же презрение к физическому страданию, та же бесконечная любовь к родине. Юные двенадцати и тринадцатилетние храбрецы, о которых мы столько читали в семидесятых и восьмидесятых годах, словно воскрешают в себе Бадуля Читтурского.

Этот эпизод описан чрезвычайно эффектно в Коман Разе, а в воинственной эпосе старика-барда он являлся еще рельефнее. Маститый старец весь преобразился: его черные глаза горели, сияя воинственным пылом при звуках собственного пения; покрытое морщинами лицо то искажалось неукротимой ненавистью к врагу при воспоминании о «*сакка Читтура*», то принимало выражение горя и страдания при рассказе о страдании запертых в осажденном городе жен и матерей, о их приготовлениях к джохуру (самосожжению), дабы не попасться живыми в руки могулов, не отдать себя врагу на поругание. Майн бхука хо!.. «Я голодна... голодна!..» кричит, витающая над полем битвы богиня смерти и разрушения, покровительница осажденного города, оскорбленная поступком раджи. Наклонится неумолимая Кали над одним воином, и он падает в ледяные объятия Ямуни (дэва смерти); направит свой *чераг* (фонарь) над другим и меч падает из его руки, а собственный щит опускается, закрывая его лицо «как тень могилы, бросающая свой черный покров на прах погребенного воина»....

Бадуль, покрытый кровью, возвращается один в стены Читтура. Происходит диалог между ним и женой его дяди, виновницей падения города, злополучной Падмани. Она желает, прежде чем присоединиться к супругу, то есть совершить *сати* и *джохур*, услышать из уст юноши о последних подвигах ее «властелина», *son doux seigneur et maître...**

Бадуль отвечает:

Он был косцом поля битвы, я — подбирал одни лишь колосья,
Шаг за шагом я следовал, как жнец за острой косою...

Я видел, как он, наш отец, ложе чести себе приготовил;
Кровавым ковром его крыл, подушкой выбрал он князя

---

* Обожасмого повелителя (*фр.*). — Прим. ред.

Могулов... и лег на него. Он спит теперь сладко и крепко,
Хранимый телами врагов, усыпленных его же рукою...

Падмани-вдова опять вопрошает своего племянника:

Скажи мне, Бадуль, как мой царь,
как мой милый владыка сражался?..

А Бадуль ей в ответ: «О мать!.. как еще описать его храбрость,
Когда не осталось врага, пред ним трепетать или им любоваться?..»
Улыбнулася *рани*, прощается с отроком храбрым,
Говоря: «Владыка мой ждет... Костер уж пылает»,
Бросается в пламя; за ней — жены, юные девы Читтура...

Официальная история Удайпура, как и его летописи, добавляет, что за Падмани последовало 22 000 этих дев и жен Читтура в «огонь, спасающий их честь и имя». Они принесли свою жизнь в жертву долгу, сожглись на ужасном костре.

Феришта (историк) упоминает только о тех *сакка*, которые были успешны, о *сакка* Ала-ад-дина и Акбара, и тем грешит против истории. Но и он рассказывает об ужасах этого повального самосожжения и о пещере Маха Сати.

Читтур¹ — один из древнейших городов Удайпура или Мевара и был всегда знаменит своими героями. Вот в нескольких словах его история с 1275 года до 1803, не говоря уже о доисторических и даже домусульманских на него нашествиях.

В 1303 году Ала-ад-дин снова явился под стенами Читтура и, заняв его, окончательно разорил все, что мог, пощадив — странное дело — только места, освященные когда-то присутствием страстно любимой им женщины. Дворец Бхимзы и «прекрасной Падмани» остался не тронут; огромная колонна, обелиск *джайтов* и принадлежащий к нему храм буддистов, сооруженные в 896 году, так как Падмани принадлежал к вере, исповедуемой в Цейлоне — тоже каким-то чудом уцелели... *Où la poésie de l'amour va-t-elle se nicher!..** Ала-ад-дин, — жестокий тиран и фанатик, являющийся нежным рыцарем!

Собственно Читтур, то есть старый город с крепостью, выстроен на огромной скале, а более современный, строившийся с 1350 года, расположен у подошвы ее. Внизу протека-

---

¹ Хотя мы посетили этот город гораздо позднее, но, чтобы не возвращаться к нему, описываю его здесь.

* Где гнездышко свила поэзия любви (*фр.*). — Прим. ред.

ет река Бирух, и на ней выстроен замечательный мост на девяти арках, из коих средняя, полукруглая, имеет к тому же по четыре готические арки по обеим сторонам. Но нижний город неинтересен. Надо карабкаться на старый, осмотреть все эти древние здания, чтобы получить верное понятие о его археологических достопримечательностях. Там, внутри крепости, существующей, по преданиям, со времен Кришны (у которого, мимоходом будь сказано, своих два храма здесь, громаднейшие по величине в стране), стоит еще Ноллака-биндар, внутренняя цитадель, выстроенная руками, конечно, сказочных циклопов, — до того массивны ее стены и башни. Возле нее — дворец Падмани до зубчатых стен коего самое время-разрушитель еле еще коснулось. Там ее терем; пространные, высокие его комнаты остались с тех пор пустыми, а бедная, злополучная красавица, как и ее сестры по судьбе, получила незавидную, посмертную репутацию *бхута*, полночного домового. В *дурбарной* зале (тронной) сохранились *зеркальные* стены. Они получили название от мозаикообразной на них чешуи; из мелких кусочков блестящей, полированной стали, как в персидских дворцах.¹ Одно чудо любви могло помочь Алл-ад-дину узреть в этих «зеркальных» стенах чудный образ Падмани и воспламениться им. Поглядевшись в них и приложив все свое старание увидеть в этих кусочках отражение собственной, хорошо мне известной физиономии, я открыла, долго проискав, мой правый глаз у себя на макушке, а нос у левого уха. С таким *anamorphosis*'ом любимого предмета пред глазами не стоило калифу брать на душу греха!..

У храмов Кришны находятся еще два резервуара (*танки*), каждый сто двадцать пять футов в длину, пятьдесят в ширину и пятьдесят футов глубины, из огромных плит черного мрамора. Верхушку скалы венчает храм, посвященный «разрушающим силам» с трезубцем Шивы у входа. Стены храма невообразимо массивны, и божеству, патрону пагоды, потребовалось бы много времени и усилий доказать свою разрушительную силу на этих стенах. Разбросанные по крепости, уцелели еще восемьдесят четыре цистерны, многие из них полные водой. Но самое замечательное здание, хотя и не столь древнее, это *Кхерут Кхумб*, «обелиск победы», воздвигнутый *рани* Кхум-

---

¹ Вопрос: персияне ли переняли этот способ стеного украшения от древних индусов, или же раджути от иранцев?

бом¹ вследствие блестящей победы, одержанной этим раджпутским государем над союзными армиями Мальвы и Гуджарата. Обелиск воздвигнут на террасе сорока двух футов в квадрате; сам он высотой в 122 фута и стоит на четырехугольнике, каждая стена коего имеет 35 футов длины. В этом обелиске-башне 9 этажей, по одной комнате с боковым внутренним коридором и витой лестницей в каждом. Башня увенчана куполом. Все здание из белого мрамора и покрыто сверху до низу резной работой. На стенах этого обелиска-башни целая мифология. Кроме того, в городе есть два-три древнейших частных замка и несколько столь же древних башен.

За Ала-ад-дином Читтур был взят Бахадур-шахом, царем гуджаратским, в 1533 году. Бахадура прогнал, в свою очередь, Хумаюн, делийский падишах, который и возвратил город его раджпутским владетелям. Затем Читтур был взят императором Акбаром в 1567 г. В этот год за *саккой* опять последовал *джохур*. Снова зажглись страшные огни в пещере *Маха Сати*; снова полилась кровь дев и женщин рекой, и целое племя раджпутов, превратив их тела в пепел, ринулось из крепостных ворот на могулов и легло все на месте — «ибо мертвые срама не имут».

Что за ужасная кровавая драма разыгрывается акт за актом в истории этого Читтура! По основании его доисторическим, сказочным героем «раджей Хунном», богиня «силы и разрушения», патронесса всех укрепленных мест, *Дурга*, обещает первым царям Читтура никогда не оставлять без помощи свою любимую скалу, Читтур. Пока *Еклинг-ка-дэван*² останутся ей верными, она, Еклинга, «рожденная от львицы» богиня, не покинет их.³ Первый раджа Читтура, «посвященный» *Банна*, был духовным супругом богини. Он принес клятву при посвящении его *Чирндживой*,⁴ и доколе раджи будут соблю-

---

¹ Правил в Меваре с 1418 до 1468 года.

² Один из титулов махараджей удайпурских.

³ Рим имел своего Ромула. Читтур — своего *второго* основателя — племянника раджи Мори. происхождение которого тоже теряется в мифах древности.

⁴ Эта клятва *кафара-йогов* и до сей поры произносится ежегодно раджами удайпурскими: «Клянусь Гуру Чирндживой и богиней Еклингой; Такьяком, мудрым змеем, и Хари — мудрым; клянусь Бхавани (Палладой) — разить врага. Рази, рази!» Все доспехи, полученные *Банной* от Еклинги — лук и стрелы, копьё, щит и меч. — хранятся в сокровищнице раджи удайпурского. На них дают обет «монахи-воины».

дать эту клятву, богиня не даст пасть Читтуру. Пока его раджи не перестанут называться именами *Раджа-Гуру* — «учителями раджей», *Хиндуа Сурадж* — «солнцем индусов» и *Чуква* — «всемирными владыками» — Читтур не может бедствовать.

Но вот несколько раджей, загордившись, — так говорит легенда, — начинают часто забывать обет и даже перестают оказывать должное почтение богине. Они вводят в ее сообщество других богов (ненавистного Шиве Кришну), и ярко-алый цвет знамени темнеет. Дурга Еклинга обещала свое покровительство потомкам *Банна*, доколе они ей не изменят. При первом *сакка* Ала-ад-дина двенадцать раджей, венценосных глав Раджвара, защищали это знамя, но оно померкло, и они все остались на поле битвы. Во время второго *сакка*, начатого Бахадур-шахом, такур Деольский, из царственного дома Мевара, принес себя в жертву богине (убил себя на ее алтаре) и она спасла его город. Но на третий раз, в страшные дни осады юным Акбаром, Дурга Амба, приняв свой первородный образ Кали, осталась глухой к их воззваниям. Она отвернулась от своего зубчатого венца, и ее появление Самарси (радже Читтура в 1412 г.) было ее последним.¹ Удай-Синг, раджа меварский, закончил ряд царей, грешивших против богини, бежав при первом известии о появлении Акбара и его армии. Тогда лик богини отвернулся навеки от Читтура. Славный город пал, несмотря на его отчаянную защиту. Не Дурга Еклинга, а Кали явилась пред конем Удай-Синга с ее обычным воинственным кликом: *Майн бхука хо!* (Я голодна); она исчезла и насытилась лишь кровью последнего из славного племени *агни-куллов*.

Тридцать тысяч человек погибли в те дни, когда Акбар стоял под стенами Читтура. Страшный *джохур* был приготовлен, и оставшиеся в живых 8000 раджпутов, съев вместе последнюю *бира*² и облачившись в шафрановые рубашки — эмблема пылающего костра, — отправились исполнять свою ужасную обязанность. Девять *рани* (королев) и 15 принцесс (их дочери), два малолетние сына раджи и все женщины разных классов погибли от руки мужей, сыновей, братьев и родственников, и тела их были преданы сожжению в пещере *Маха Сати*. Затем эта восьмидесятысячная армия отворила настезь

---

¹ См. летописи барда *Чанды*. Книга последняя. 2 стр.

² *Бира* или *пан*, пахучий лист, бетеля, с разными пряностями, который подается у индусов при прощании и съедается вместе.

ворота крепости и устремилась неудержимым потоком на армию Акбара. Ни один из восьми тысяч не пережил этого дня, и ни одна *желтая* рубашка не была запятнана постыдной сдачей в руки врага.

Да, божество раджпутов их покинуло в тот ужасный, страшный последний день Читтура. Скала их мощи и независимости была предана *сакка*; а ее храмы и дворцы были разрушены дотла, и Акбар захватил даже все символы царственного дома: *накара*,¹ которых звук возвещал на мили кругом об отъезде и приезде ее раджей и князей; канделябры с алтаря «великой матери» *Амба мати*, которая опоясала мечом *Банну*, и даже этот самый меч.² С тех пор *Читтур сакка ка нан*, «клянусь грехом сакка Читтура», сделалось священной и ненарушимой клятвой у раджпутов.

— *Тийджо сакка Читтур ра* (третье сакка Читтура) довело Раджастхан до того, что вы теперь видите у нас! — проговорил бард, мрачно окончив свои песни. — «Великая мать» отвернулась от нас, и вот почти три века, как Раджастхан умирает... Солнце его покинуло... Сурьявансы вырождаются!..

Увы! то была лишь метафора. Солнце жгло и палило даже в этом дремучем лесу. Я изнывала в этой душной атмосфере и, расположившись на коврах, разостланных на затемненной веранде, еле могла шевелить языком. Но любопытство и интерес взяли верх над ленью и зноем, и я пожелала узнать, в каком теперь виде Читтур: что с ним сделалось после *сакка* Акбара.

За барда отвечал Ананда.

— Один из раджей меварских овладел развалинами вскоре после последнего разгрома, но в 1676 году отворил его ворота и передал Аурангзебу по его первому требованию, без боя на этот раз. Читтур был снова возвращен его раджпутским владельцам лишь в конце прошлого века.

---

¹ Большие барабаны в 8 или 10 футов в диаметре.

² Считая жертвы свои, Акбар оценил свой успех снятыми с трупов золотыми *цинарами* (ожерельями), знаками царственного рода и дворянства, и все вместе весили 74 ½ *мана* (ман — 4 фунта). С тех пор *сумма* 74 ½ зовется *тилак* «проклятой». Поставленное на письме раджпута или деловом документе, это число означает ненарушимую клятву, ибо оно есть синоним клятвы «грехов сакка Читтура». Нарушителя ее выгоняют из племени и города, в котором он живет, предают общему проклятию, часто убивают (См. *Rajpoot Tribes*).

— Были вы там?.. Видели его развалины?..

— Был и видел все, что осталось от него. Некогда непобедимый Читтур давно оставлен жителями, как и правительством *рани*. По мнению первых, на городе лежит проклятие богини; в глазах второго он сделался совсем негодным. «Резиденция царей, которая в продолжение 3000 лет воздымала свою венценосную главу высоко надо всеми прочими городами Индии», говорит летопись, «сделалась теперь убежищем диких зверей, выбравших своим логовищем ее храмы»... Священная столица охраняется теперь одними *госсейтами* и *йогами*, и вход в нее запрещен *ране*¹ и принцам крови особенным указом Махнута, главы монахов-воинов; ни проклятье богини, ни дикие звери, ни *джигер-кхоры* (демоны гарпии) не трогают йогов, оттого вы их и не боитесь! — пожаловался бард.

Пондишерский аскет не отвечал на это замечание, и правильность воззрений суеверного певца так и осталась неподтвержденной и неразъясненной потомству. Но Нараян обратился к Ананде, спрашивая его, можно ли рассказать нам, какую роль играли предки такура в последнем действии кровавой драмы Читтура?

Аскет молча наклонил голову в знак согласия, а Нараян, заметив, что это эпизод, который он намерен рассказать нам, внесен официально в летописи домов (царских) Салумбры и Майтреи² и воспевается всеми бардами, приступил к рассказу.

— Имена Джеймуля и Путты остались навек бессмертными и неразделимыми в истории Читтура, — начал Нараян, у которого загорелись глаза при рассказе о предках даже отвергавшего его такура, так сильно бедный юноша боготворил нашего героя. — Эти имена останутся символом всего беспримерно героического, будут жить в сердцах раджпутов и всех индусов, считаться ими святыней, доколе сохранится в стране хотя одна искра воспоминания о нашем великом прошлом... Когда защищавший «Ворота Солнца» вождь Салумбры погиб, выбор нового вождя пал на Путту из Каильвы. В то время ему было всего шестнадцать лет; его отец, доблестный воин, пал в одном из предшедших сражений семь лет до

---

¹ *Рани* зовется только раджа удайпурский теперь. Между *рани* и раджей такая же разница, как между императором и королем».

² «Имена» сияющие ярче всех других на этой темной странице истории Читтура, священные для барда, как и для всякого истого раджпута.

того, а мать отказалась от славы *сати* по просьбе умиравшего от ран мужа и пожертвовала доблестной смертью ради этого единственного сына, которого и воспитала, как наследника славного имени. На Западе у вас восхищаются матерью Гракхов, спартанскими и римскими матронами; но все это лишь слабые отражения прабабки отца такур-саиба по женской линии. Опоясывая сына мечом, она повелела ему надеть заранее «желтую рубашку» и умереть за Читтур. Только, как справедливо заметил полковник Год, она превзошла древнюю римлянку-мать тем, что подкрепила сына собственным примером. Она сделала более. Юный Путта был обручен: страшась, как бы любовь к нареченной и ее образ не повлияли на сына во время битвы, она вручила своей невестке¹ копье и кинжал и, взяв ее за руку, повела молодую девушку со скалы вниз к городским воротам, где защитники Читтура были свидетелями доблести двух женщин, одной престарелой, другой чуть не ребенка. «Защищаясь, как львица, нападая, как тигрица», гласит летопись, возле матери, которая совершила в этот день чудеса храбрости, молодая амазонка упала, наконец, убитой к ногам старой героини. Мудрено ли, что, видя такой пример неустрашимого патриотизма в своих матерях и дочерях, Раджпуты-воины превращались в настоящих львов, заслуживая вполне имя *синга* (льва)! Защита длилась с восхода солнца до поздней ночи. Увидав, как невеста его упала мертвой, Патту подал знак матери. Приказав громким голосом приготовить *джохур*, зажечь костры в пещере самим женщинам, а затем воинам в задних рядах убивать их, когда все будет готово, Путта со старой матерью во главе передового отряда бросился на могулов. Прочтите, что говорит сам император об этом последнем, отчаянном нападении, в котором *старуха-воин*, как ее называет Акбар, «сбрила собственноручно головы с плеч его храбрейших сердарей». Сам *шайтан* вселился в эту *раджпутти*, — пишет он. — Джеймуль, двоюродный брат Путта, оказывал такие же чудеса храбрости у других ворот и соединился в общем нападении на врага к вечеру. Когда, наконец, пал и Путта, простреленный насквозь пулями, его мать, «похожая на кровавую Кали», смело взяла сына на руки, снесла его под тучей стрел и пуль в городские ворота и, передав труп

---

¹ «Обручение» в Индии равняется узам брака. и его нельзя расторгнуть. Невеста по закону уже жена.

для сожжения, вернулась на поле битвы. Джеймуля Беднорского убила пуля самого императора, который очень гордился всю остальную жизнь этой честью. Этот факт заявлен историком Абул-Фузилем и императором Джехангиром, который называет и ружье,¹ из которого Акбар застрелил Джеймуля — *сикрам*. Да, великих героев произвела наша Индия!..

Еще баллады, еще несколько героических песен, и Ананда зовет нас, говоря, что солнце село и нам пора в путь...

Индусы садятся на слона, а мы с бабу и полковником залезаем в крытую повозку на быках. Мы едем к развалинам древнего храма, в уцелевшей части которого живут отшельник йог и его ученики. К утру мы будем там, а целую ночь придется тащиться по лесу... Но мы не боимся ни его тигров, ни разбойников бхиллей: у полковника его *салграм*, и он теперь страшится гораздо более коров, нежели всех королевских тигров дикого Раджастхана; а у меня необъяснимое чувство безопасности при мысли о такуре и даже об Ананде. К тому же, с нами едет старый бард и его два сына...²

---

¹ Вот, что пишет Бернье (Bernier) из Дели, 1 июля 1663 года (издание 1684 года, в переводе на английский язык) в Лондон: «Я не нахожу ничего замечательного в этом парадном входе (дворца) кроме двух каменных слонов по обеим сторонам ворот. На одном статуя Джамеля (Джеймуля), знаменитого раджи Читтурского, а на другом *Поттера* (Путта), его (двоюродного) брата. Это те два известные здесь храбреца, которые вместе с их матерью, *женщиной еще храбрее их*, задали столько работы Акбару, и которые... предпочли смерть вместе с матерью сдаче города: и за этот поступок даже их враги сочли их достойными посмертных статуй. Эти два большие слона, с сидящими на них храбрыми воинами, производят с первого взгляда на них при входе в этот укрепленный дворец впечатление какого-то величия и тяжелого ужаса».

² На этом письме Е. П. Блаватской обрываются и продолжение их не найдено.

ЗАГАДОЧНЫЕ ПЛЕМЕНА НА «ГОЛУБЫХ ГОРАХ» в джунглях Индии

Несколько слов предисловия

Недавно одна большая лондонская газета делала саркастические замечания о том, что русские ученые, а русская публика — тем более, имеют весьма смутные понятия об Индии вообще и о ее народностях — в частности.

На эту новую британскую «инсинуацию» каждый русский мог бы, при случае, задать первому встречному англоиндийцу такой вопрос:

«Позвольте полюбопытствовать: много ли и что именно вы сами знаете с большей части подвластных вам народов Индии? На чем, например, порешили ваши лучшие этнологи, ваши знаменитейшие антропологи, филологи и статистики свой полувековой спор насчет, словно с неба свалившегося, таинственного нильгирийского племени тоддов? Что известно вашему «Королевскому Обществу», — хотя члены его вот уже около полстолетия из кожи лезут, чтобы выяснить этот вопрос, — о загадочных племенах «Голубых гор?». О страх наводящих, ужас внушающих карликах, именуемых муллукурумбами? О янади, кхоттах, эрулларах, бадагах: то есть о пяти племенах Нильгири и о десятках: других, менее таинственных, но столь же мало приведенных в известность больших и малых племенах, живущих на других горах?..»

В ответ на все эти вопросы, если, паче чаяния, британец почувствует себя в припадке честной откровенности (проявление в нем весьма редкое), оклеветанный русский ученый к путешественник может услышать следующую неожиданную исповедь:

«Увы! Мы ровно ничего о них не знаем. Существование их нам известно только потому, что мы встречаем их, часто бьем и колотим, а подчас и вешаем, но, с другой стороны, мы не имеем ни малейшего понятия ни о происхождении, ни о языке большинства этих дикарей, менее всего о нильгирий-

цах. Наши англо-индийские, как и отечественные ученые чуть не сошли с ума на одних тоддах. Поистине, это племя составляет загадку этнологов нашего века и, как кажется, загадку неразрешимую. И не только для нас, европейцев, но и для самих индусов, прошлое этого крошечного численностью племени покрыто непроницаемою завесою вековой тайны... Все в нем необычайно, своеобразно, непонятно, необъяснимо! Все, как было с первого дня, когда мы нежданно-негаданно наткнулись на него, так и осталось до сего дня загадкой сфинкса!..»

Так ответил бы всякий честный англо-индеец русскому. Так ответил мне один английский генерал, — о котором упомянем еще не раз далее, — на мои расспросы о тоддах и курумбах.

«Тодды! Курумбы!» — почти закричал он, придя в азарт. — Тодды почти свели меня с ума одно время, а муллукурумбы доводили меня не раз до белой горячки! Как и почему, — узнаете после. Но, слушайте. Если кто из наших правительственных идиотов (*dunces*) скажет вам, что он хорошо знает и даже изучил тоддов, то скажите ему от меня, что он хвастает и лжет. Этих племен никто не знает. Их происхождение, религия, язык, обряды, предания, все это *terra incognita* для ученого, как и для профана... А их удивительная «психическая сила», как ее называет Карпендер,¹ их так называемое колдовство и дьявольские чары, кто может нам растолковать эту силу? Это непонятное, ничем необъяснимое их влияние на людей и зверей; у тоддов — к добру, у курумбов — ко злу, кто может разгадать, показать нам, что это такое, какая это сила, которою они орудуют по своему усмотрению? У себя дома мы, понятно, смеемся над нею и их претензиями. Мы не верим в магию и называем веру в нее туземцев суеверием, ерундой. Мы и не посмеем ей поверить. Во имя нашего расового превосходства и всеотрицающей цивилизации, мы обязаны отвертываться от такой чепухи. И однако же наш закон признает фактически эту силу, если не в принципе, то в ее проявлениях, наказывая обвиняемых в ней под разными замаскированными предлогами и пользуясь многими лазейками

---

¹ Identification Society of London, имеющее своим предметом вопрос о «потерянных племенах»; общество чрезвычайно богатое и один из курьезов Англии.

нашего законовещения... Этот закон признал и самих колдунов, повесив вместе с их жертвами и некоторых из них, не только за кровавые, но и за те бескровные, таинственные убийства их, которые никогда еще не были легально доказаны, в тех драмах, которые так часто разыгрываются здесь между колдунами Нильгири, с одной, и туземцами долин, с другой стороны...»

«Да, вы правы; вы имеете основание смеяться над нами и нашими тщетными усилиями, продолжал он,— потому что, невзирая на все наши старания, со дня открытия этих грязных магов и колдунов в тущобах Нильгири («Голубых гор»), мы не продвинулись ни на один вершок в разрешении вопросов о них. Более всего нас раздражает эта поистине чародейственная в них сила, опровергнуть проявления которой мы не в состоянии, так как для этого нам пришлось бы бороться ежедневно против неопровержимых доказательств... Отвергая объяснения этих фактов туземцами, мы только запутываемся в гипотезах собственного изделия. Отвергая реальность так называемого колдовства и чар, и, вместе с тем, вешая колдунов, мы просто являемся в нашем противоречии грубыми палачами людей, чьи преступления не только еще не доказаны, но и отрицаются нами в самой возможности... То же самое мы можем сказать и относительно тоддов. Мы смеемся над ними и все-таки глубоко уважаем это загадочное племя... Кто они, что они такое? Люди или гении этих гор, боги под засаленными лоскутьями человечества? Все предположения о них отскакивают, как резиновый мячик от гранитной скалы... Так и знайте вперед, ни о тоддах, ни о курумбах вам ничего верного не скажут ни англоиндийцы, ни сами туземцы, а не скажут потому, что они сами ровно ничего о них не знают; да никогда и не узнают...»

Так говорил мне нильгирийский плантатор, отставной генерал-майор и судья на «Голубых горах», отвечая на все мои вопросы об интересующих меня давно тоддах и курумбах. Мы стояли против скал «Озера», и когда он замолчал, долго еще слышали, как горное эхо, пробужденное его громким голосом, повторяло насмешливо и замирая: «не узнают... не узнают!»

А ведь действительно интересно было бы узнать! Такое открытие касательно тоддов было бы, пожалуй, позанима-

тельной даже нового открытия о десяти потерянных племенах Израиля, которые «Общество Отождествления» — вдруг нечаянно и негаданно открыло теперь в англичанах.

А теперь дадим пока, что знаем. Но прежде мы должны сказать несколько слов.

Избрав в этих заметках главными героями тоддов и муллу-курумбов, мы чувствуем, что вступаем на опасную для себя почву, почву нежеланную и нелюбимую ни европейскими учеными, ни неучеными европейцами, менее же всего желающею угодить массам печатью. Всем нам ведомо, как упорно она чурается всего, что близко ли, далеко ли напоминает читателям о «духах» и спиритизме. Но говоря о «Голубых горах» и их странных племенах, нам совершенно невозможно умолчать о том, что составляет их главную и самую выдающуюся характеристику.

Нельзя, описывая совершенно своеобразный уголок земного шара, а главное — его загадочные, ни на кого другого не похожие племена, выкидывать из рассказа то, на чем вся их бытовая и религиозная жизнь построена. По крайней мере, сделать это в отношении тоддов и курумбов также невысказано, как ставить на сцене «Гамлета», выкинув из пьесы принца Датского. Тодды и курумбы рождаются, растут, живут и умирают в атмосфере колдовства. Если верить рассказам туземцев и даже старожиллов на этих горах из европейцев, то эти дикари находятся в постоянном общении с невидимым миром. Поэтому если в этой гирлянде географических, этнологических, климатических и многих других аномалий природы наш рассказ станет, развиваясь, перемешиваться, как пшеница с плевелами, со всяческою, извиняюсь за выражение, чертовщиной, или с аномалиями человеческой природы в области трансцендентальной физики, то вина в том, право, не наша. Зная, как эта область не жалуета гг. естественниками, мы бы душевно были рады осмеять, как они, все места как далекие, так и «не столь отдаленные» этой нелюбимой страны: да совесть не допускает. Нельзя браться описывать совсем новые племена, мало кому известные расы, не затрагивая, в угоду скептикам, самой характеристичной, рельефной черты их повседневной жизни.

Факты налицо. Простые ли они последствия ненормальных и чисто физиологических явлений, по излюбленной тео-

рии медиков: или же результаты проявлений (навёрное, столь же естественных) сил природы, которые кажутся науке (в ее настоящем неведении) невозможными и несуществующими и поэтому отвергаются — для вашего дела это не составляет ни малейшей разницы. Мы заявляем, как уже сказано, только *факты*. Тем хуже для науки, если она еще ничего о них не узнала; а не зная о них ничего, все-таки продолжает называть их «диким абсурдом», «грубым суеверием» да «бабьими сказками». К тому же притворяться неверующим и смеяться над верой других в то, что сам признаешь за доказанные реальные явления, не допускающие ни малейшего сомнения, не есть дело ни честного человека, ни аккуратного рассказчика.

Насколько мы лично верим в так называемое колдовство и «чары», покажут следующие страницы. Есть целые группы явлений в природе, которые наука не в состоянии разумно объяснить, указывая на них, как только на нечто проистекающее из действий одних химических и физических мировых сил. В материю и силу наши ученые верят; а в жизненный принцип, отделенный от материи — не желают верить, хотя, когда мы учтиво просим их объяснить нам, что такое в сущности эта *материя* и что такое заменившая ее теперь *сила*, то наши величайшие просветители становятся в тупик и говорят нам: «Не знаем».

Так вот, пока им еще известно об этих трех предметах так же мало, как англо-индийцам о тоддах, мы попросим читателя сначала вернуться с нами за более нежели полстолетия назад. Мы предлагаем ему послушать нашу сказку-быль о том, как мы впервые напали на существование Нильгири («Голубых гор»), ныне Мадраасского Эльдорадо. Как там мы нашли никому до того неизвестных великанов и карликов, в коих может быть усмотрено русской публикой полное сходство между се отечественными ведьмами и знахарями, а может быть, кое-что еще и похуже. Вдобавок ко всему этому, из этой сказки-были читатель узнает, что есть в Индийском поднебесье такая чуткая страна, где, на высоте 8000 футов в январе месяце люди ходят в одних кисейных покрывах, а в июле часто кутаются в теплые шубы, хотя эта страна находится всего в 11 градусах от экватора. Так приходилось поступать нижеподпи-

савшейся, тогда как под ногами у нас 8000 ниже постоянно стояло (по Фаренгейту) 118 градусов жары в *прохладной* тени самых густых деревьев.

Глава 1,

в которой два Нимрода отправляются на охоту за «богами», а натываются вместо них на боа-констриктора и на бробдиньягов и лилипутов

*У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом...
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...*

Ровно шестьдесят четыре года тому назад, то есть в конце 1818 года в сентябре месяце, недалеко от Малабарского берега южной Индии и всего в 350 милях от Дравидского пекла, именуемого Мадрасом, было случайно сделано самого неожиданного характера открытие. До такой степени оно показалось тогда всем странным, даже невероятным, что в первое время ему никто не поверил. Мгновенно возникли легендоподобные, запутанные и совершенно фантастические слухи, сперва в народе, а затем распространились и выше. Но когда они проникли в местные газеты и превратились в официальную действительность, то лихорадка ожидания перешла у всех в полное горячее состояние...

В медленно шевелящихся и, вследствие жара, почти атрофированных от бездействия мозгах англо-мадрасцев произошла молекулярная пертурбация, говоря языком известных физиологов. Все, за исключением лимфатических *мудильяров*, соединяющих в себе темпераменты лягушки и саламандры, закопошилось, зашевелилось и громко забредило о некоем чудно прохладном эдеме в самых недрах «Голубых Холмов»,¹

---

¹ Перевод, со слова «Нильгири», составленного из двух санскритских слов: *Нилам* — голубой и *Гири* — «горы» или «холм», так названные от яркого цвета этих гор, как они представляются глазам жителей из долин Майсура и Малабара.

открытом будто бы двумя усталыми охотниками. По сведениям последних, там земной рай: благоуханные зефиры и прохлада круглый год; страна над вечными туманами Куимбатура,¹ в которой шумят величественные водопады, стоит от января до декабря вечная европейская весна; цветут дикие саженные розы и гелиотропы; благоухают в кувшин величиною лилии,² и где свободно разгуливают, судя по их громадной величине, допотопные буйволы и обитают Гулливеровские бробдиньяги и лилипуты. Каждая долина, каждое ущелье этой чудной индийской Швейцарии представляет замкнутый от остального мира уголок земного рая и пр.

От этих рассказов у «высокочитимых» отцов «Ост-индской компании» проснулась сонная и не менее мозгов атрофированная печень, и потекли слюнки. В первое время никто не знал, где именно были открыты такие чудеса, ни куда, ни как ехать за столь заманчивою в сентябре прохладой. Наконец «отцы» решили, что следует подкрепить открытие официальным путем и прежде всего узнать, что такое именно открыто. Охотников пригласили в Главную Контору Президентства и тогда узнали, что близ Куимбатура произошло следующее.

Но, во-первых, что такое Куимбатур? *

Куимбатур — главный город уезда этого имени, а самый уезд находится милях в трехстах от Мадраса, столицы южной Индии, и знаменит во многих отношениях. Во-первых, он был обетованною землею для охотников на слона и тигра, как и на

---

¹ Как известно, вследствие сильного зноя и болотных испарении местности, туман расстилается на высоте от 3 до 4000 футов над морским уровнем и вдаль всей цепи Куимбатурских гор, — постоянный голубой туман, чрезвычайно замечательного яркого цвета, который и превращается во время муссонов в дождевые тучи.

² Это не преувеличенное описание самой, быть может, замечательной в мире флоры. Кусты роз всех цветов вырастают в высоту домов и покрывают крыши, как и род гелиотропа, который достигает да 20 футов; но самые замечательные из цветов — это белые с одуряющим запахом лилии. Действительно, величиной с графин, они растут в трещинах голых скал отдельными кустами в аршина 2-3 величиной, распуская за раз с дюжину цветков. Эти лилии не растут на высотах менее 7000 футов, и ниже их нельзя найти. И чем выше, тем они прекраснее, и на Тоддабетском пике (около 9000 футов) они цветут десять месяцев в году.

* Ныне — Коямпуттур. — *Прим. ред.*

более мелкую дичь, так как этот уезд, вдобавок к другим прелестям, славится своими болотами и дремучими лесами. Почуввав смерть, слоны почему-то всегда уходят из чащи лесной в болото. Там они залезают в глубокую тину, где и приготавливаются спокойно к *нирване*. Вследствие такой замечательной привычки, болото избилует их клыками, и слоновая кость добывается (или скорее добывалась во времена оны) довольно легко.

Говорю «добывалась» в прошлом. Увы, для бедной Индии все с той поры изменилось. Теперь в ней ничего не добывается и никто ничего не может добыть, кроме разве вице-короля, которому вице-королевство доставляет царские почести и сумасшедшие деньги, впрочем, иногда с примесью гнилых яиц от сердитых англо-индийцев. Между «тогда» и «теперь» легла бездна имперского «престижа», поперек которой стоит привидение лорда Беконсфильда... *Тогда* «отцы Компании» добывали, покупали, открывали и сохраняли. *Теперь* вице-королевский совет получает, взимает, отнимает и ничего не сохраняет. *Тогда* «отцы» были круговращательной силой в застывающей крови Индии, которую они хоть и сосали, но иногда и обновляли, подливая новой крови в ее устаревшие жилы. *Теперь же* вице-король с советом подливают разве только желчи. Вице-король — есть центральная точка огромной империи, с которой он не имеет ни симпатии, ни чего-либо общего. «Отцы» если и были в одном смысле бурьяном родины священной коровы, то были и сочным репейником, кормившим миллионы кротких ослов. А вице-король это нынешний искусственно привитый цвет к растению, называемому индийской Империей, который, истощая силы, медленно убивает самое растение. По поэтическому выражению сэра Ричарда Темиля, «вице-король крепкая ось, вокруг которой должно вертеться Колесо Империи...» Положим, что это и так: только это колесо стало с некоторых пор крутиться с такой бешеной быстротой, что грозит ежеминутно разбиться вдребезги.

Но как тогда, так и теперь, Куимбатур славится не только своими лесами и болотами, но считался и считается рассадником проказы, лихорадок и *эlefантиаза*.¹ Куимбатур, то есть

---

¹ Эта ужасная и почти неизлечимая болезнь, которая может, впрочем длиться целые годы, оставляя человека в других отношениях совершенно здоровым, весьма здесь обыкновенна. Начинает

уезд, носящий это название, скорее ущелье, нежели что иное. Это миль двести в длину и двадцать в ширину бесконечно длинная и узкая полоса земли. Расположенный между Малабаром и Карнатиком, Куимбатурский уезд врезается острым углом в Анамалльские или Слоновые горы¹ к югу; постепенно поднимается к высотам Майсура — к северу; затем, как бы приплюснутый сбоку Западными «Гхатами»² с их дремучими почти девственными лесами, круто обрывается и исчезает в более мелких *джунглях* лесных племен. То тропическая, вечно зеленая от испарений болот обитель слона и ныне уже вымирающего боа-констриктора. Со стороны Мадраса эта нагорная масса, похожая издали на прямоугольный треугольник, словно прицеплена к другому, еще более громадному, треугольнику — к равнинам Декканской нагорной плоскости, опирающей свою северную оконечность в Виндийские горы (Vindya) Бомбейского президентства, а западную и восточную оконечности — в «холмы» Сахиядри Мадрасского президентства. Эти две разжалованные англичанами в холмы горные цепи составляют точку соединения между восточными и западными *гхатами* Индии. По мере того, как восточные приближаются к западным гхатам, они начинают постепенно утрачивать свой вулканический характер. Соединясь наконец с волнообразными живописными возвышенностями западного Майсура и словно слившись с ними, они окончательно перестают считаться *гхатами* и называются просто холмами.³

Обе оконечности этого как бы треугольника возвышаются в Мадрасском президентстве по обеим сторонам, направо и налево города Куимбатура в виде двух восклицательных знаков. Словно два гиганта, часовые, поставленные природой сторожить вход в ущелье, стоят эти два остроконечные пика, увенчанные зубчатыми скалами на подножии из зеленых лесов и с бедрами, вечно укутанными в облаках да сизых туман-

---

сперва пухнуть с подошвы до подколенника одна нога, затем другая, пока обе не превратятся в настоящие бесформенные ноги слона как видом, так и величиной.

¹ От слова *ане* «слон» и потому, вероятно, что с незапамятных времен горы эти изобилуют слонами.

² *Ghâts* — «горы».

³ *Ghata* — «гора», а *гирри* — «холм».

нах. То остроглавые горы, прозванные в местной англо-индийской географии «Тенерифами» Индии, Нильгири и Муккартебет. Первый, то есть Тоддабет, возвышается на 8760 футов, другой на 8380 футов над морским уровнем.

В продолжение столетий обе эти вершины, особенно от Рангасуами, возвышенности самого грозного издали вида, слыли в народе за горы, недостижимые для простых смертных. Давно уже такая их слава перешла в местные легенды, и вся эта страна считалась в народном суеверии за область священную и потому заколдованную, переступить рубеж которой, даже нечаянно, было бы святотатством, достойным смерти. То, де, обитель богов и высших *дев* (див). Там *сварга* (рай) и там и *нарака* (ад), полный «азуров» и «пизачей».¹ Таким образом, под охраной религиозного поверья Нильгири и Тоддабет оставались в продолжение долгих веков совершенно неизвестными остальной Индии. Тем менее в те далекие времена «достопочтенной» (Right Honourable) Ост-Индской Компании, то есть в двадцатых годах нашего столетия, могло прийти в голову кому-либо из европейцев исследовать замкнутую со всех сторон внутреннюю местность в горах; не потому, чтобы кто из них верил в поющих духов, а потому, что веря в недостижимость их высот, никто и не подозревал, чтобы там найдясь столь прелестные уголки, тем более кем-либо обитаемые, кроме диких зверей да змей. Редко бывало, когда англичанин-спортсмен или охотник из евразиев, дойдя до подошвы одного из заколдованных холмов, настаивал, чтобы туземный *шикари* (охотник) проводил его на несколько сот футов выше. Проводники-туземцы, как бы сговорясь с *шикари*, очень естественно, под тем или другим предлогом от этого отказывались. Чаще всего они уверяли «сааба», что далее и идти нельзя; нет, де, там ни лесов, ни дичи, а есть только одни бездны, скалы до облаков да трупобой, обитаемые злейшими лешими — почетная стража *див*. Поэтому ни один *шикари* не соглашался ни за какие деньги идти выше известной черты на этих горах...

Что такое «шикари»? Современный представитель этого класса остался тем же, чем он был и в баснословные времена

---

¹ «Азуры» — «духи», певцы, услаждающие уши богов песнями, как *гандхарвы* тешат их музыкой, *писачи* — духи-вампиры. Все они *девы* (дивы) и разделяются на много классов.

царя Рамы. В Индии всякая профессия становится наследственной, а затем переходит в *касту*. Чем был отец, тем будет и сын. Целые поколения кристаллизуются и как бы застывают в одной и той же форме. *Шикари* обыкновенно одет в костюм, составленный из охотничьих ножей, пороховниц из буйвольего рога, да древнего кремневого ружья с девятью осечками на десять выстрелов, на совершенно голом теле. Часто он имеет вид дряхлого старика, и при встрече с ним одаренному чувствительным сердцем «иностранцу» (то есть не туземцу, как и не англичанину) всегда хочется предложить ему гофманских капель: до того у него впалый и словно подведенный большо живот. Но не потому наш *шикари* еле ползает и ходит сгорбившись, согнутый в три погибели, а по долгой, развившейся в силу его профессии, привычке. Пусть только подзовет его к себе сааб-спортсмен, пусть покажет и посулит ему несколько рупий, и *шикари* мигом выпрямится и начнет торг на какого угодно зверя. Условившись, он опять согнется в дугу, поползет осторожно, обвив тело и подошвы пахучими травами, чтобы не выдать себя зверю и чтобы не почуял тот «духа человеческого». И просидит он несколько ночей напролет, спрятавшись, как хищный ястреб, в густой листве древесной, среди «вампинов», менее его кровожадных. Не выдавая своего присутствия и полувздохом, дряхлый Нимрод готовится хладнокровно следить за агонией привязанного им для приманки тигра к дереву злополучного козленка или младенца буйвола. А затем, оскалив зубы до ушей при виде тигра, он станет прислушиваться, не шевеля ни одним мускулом, к жалобному блянию и обонять с наслаждением запах свежей крови, смешанный с хорошо ему знакомым острым специфическим запахом полосатого палача лесов. Раздвинув осторожно я неслышно ветви, он будет зорко и долго наблюдать за насыщающимся зверем, и когда тот, тяжело ступая, окровавленными лапами по засохшей земле, облизываясь и зевая, обернется еще раз по привычке всех «полосатых» поглядеть на останки своей жертвы, тогда *шикари* выстрелит из своего кремневого ружья и наверно положит зверя на месте с одного разу. «Ружье шикари никогда не осекается, стреляя по тигру», древняя пословица, перешедшая между охотниками в аксиому. А если *сааб* желает сам позабавиться стрельбой в лесного

«бара-сааба» (большого господина¹), то *шикари*, заметив с дерева, куда тигр отправился ночевать, при первых лучах солнечных тотчас же соскочит со своей ветки, бросится со всех ног в деревню, наймет толпу, устроит облаву и будет он целый день под палящими, убийственными лучами солнца бегать от одной группы к другой, устраивать, кричать, жестикулировать и отдавать приказания, пока «сааб» № 1 не ранит с безопасной высоты своего слона «сааба» № 2, тогда *шикари* все-таки придется самому dokonать звери из своего древнего ружья. Только затем уже, если не случится чего особенного, отправится *шикари* под первый попавшийся куст, где он в одно и то же время и за один раз, роскошно позавтракает, пообедает, поужинает горстью протухлого риса и капель болотной воды.

Так вот с тремя такими удалыми шикарями, и как сказано, в сентябре 1818 года, к концу летних вакаций, два англичанина, чиновники-землемеры на службе Компании, отправились на охоту в Куимбатур, заблудились и дошли до самых в те времена охотничьих пределов, а именно до Гузлехутского ущелья, близ ныне знаменитого водопада Колакамбе.² Над ними, далеко и высоко под облаками, прорываясь отдельными пятнами сквозь сизый тонкий туман, виднелись скалистые иглы Нильгири и Муккартебета... То *terra incognita*, заколдованный мир —

*... Горы таинственные,
Обитель Див небедомых,
Холмов голубых...*

как гласит старая песня на нежном наречии малаялима. Поистине «голубые»! Смотрите на них с какой угодно точки и на каком хотите расстоянии, снизу, сверху, из долины или с дру-

---

¹ Эта кличка дается туземцами, безразлично, как всякому чиновнику или охотнику из англичан, так тигру. Для невинного индуса действительно не представляется между двумя такого уж большого различия; разве только что на первом, к его незаслуженному счастью, ружье злосчастного туземца, при каждой национальной попытке, всегда давало осечку.

² Этот водопад имеет 680 футов высоты. Теперь под ним проходит дорога в Уттакаманд.

гих высот, и пока они не пропадут у вас совсем из вида, то даже в туманную погоду, холмы, сверкая как драгоценный сапфир внутренним огнем, словно тихо дышат, переливаясь, как волнами, своими золотисто-голубыми, в отдалении — синими лесами, невольно поражая своим необычайным колоритом...

Землемеры, пожелав попробовать счастья, приказали шикарям вести их далее. Но удалые шикари, «как того и следовало ожидать», наотрез отказались. Далее из отчета двух англичан мы узнаем, что эти старые, опытные и храбрые охотники, истребители тигров и слонов, с первого слова о том, чтобы идти далее, за водопад, бросились бежать. Пойманные и приведенные назад, они все трое повалились ниц перед ревущим потоком и, по наивному сознанию одного из межевщиков, Киндерзлея, «соединенные усилия наших двух толстых плетей не могли поднять их на ноги»... «и прежде нежели они не окончили своих громких заклинаний *дивам* этих гор, мольбы богам не наказывать и не губить их, невинных шикарей, за такое преступление. Они трепетали как осиновый лист, катались по мокрой земле берега, словно в припадке эпилепсии»... «Никто и никогда не переступал за пределы водопада Колакамбе, — говорили они, — и кто вступит в эти тущобы, тому никогда не вернуться живым!»

Так в тот раз, или, скорее, в тот день, англичанам не удалось даже и переступить за черту водопада. Волей-неволей пришлось вернуться в деревню, из которой, переночевав накануне, они вышли утром. Без проводников и шикарей англичане боялись заблудиться, а потому уступили. Но они внутренне поклялись заставить шикарей идти в будущий раз далее. Вернувшись в селение на новый ночлег, они созвали почти всю деревню и стали держать со старшинами совет. То, что они услышали, разожгло их любопытство еще более.

В народе ходили о заколдованных горах самые невероятные слухи; и многие из мелких «земиндаров» (землевладельцев) ссылались на местных плантаторов и чиновников евразиев, как на людей, которые *знают правду* о священной местности и хорошо понимают невозможность добраться туда. «Рассказывали целую эпопею о некоем плантаторе индиго, имевшем все добродетели, кроме веры в индусских богов. В один прекрасный день, — говорили важные брамины, — мистер Д.

в погоне за зверем, не обращая внимания на наши постоянные предостережения, забрел за водопад и пропал с того дня без вести. Только через неделю затем узнали власти о его вероятной участи: да и то благодаря старой «священной» обезьяне из соседней пагоды. Почтенная макашка имела, как видно, привычку делать в свободные от религиозных обязанностей часы визиты в соседние плантации, где ее угощали и кормили набожные кули. В одно утро она явилась с сапогом на голове. Сапог оказался с отсутствующей ноги плантатора, а сам хозяин оного так никогда и не нашелся: без малейшего сомнения дерзновенный был разорван на куски «*пизачами*», — решили в народе. Правда, Компания заподозрила было браминов пагоды, которые давно тягались с пропавшим за принадлежавшую ему землю... Но ведь *саабы* всегда и во всем подозревают этих святых людей, особенно в Южной Индии.

Подозрению не было дано ходу. Так бедный плантатор и сгинул с тех пор... Он перешел всецело и навеки в далекий и в те времена еще менее «Голубых гор» исследованный властями и учеными мир, мир бестелесной мысли; а на земле он превратился в сон, вечная память о котором, под видом старого сапога, стоит и доселе за стеклом в шкафу уездной полиции.

Говорили... что еще говорили? А вот что: по ею сторону «дождевых туч» горы необитаемы; это, конечно, в отношении одних только простых, всеми зримых смертных; а по ту сторону «сердитой воды» водопада, то есть на высотах священных вершин Тоддабета, Муккартебета и Рангасуами, живет неземное племя — племя кудесников и полубогов.

Там — вечная весна, нет ни дождей, ни засухи, ни жары, ни холода. Чародеи этого племени не только не женятся, но и не умирают, даже не рождаются: их младенцы сваливаются совершенно готовыми из поднебесья и «растут вверх», по характерному выражению Топси в «Хижине дяди Тома». Ни одному смертному не удавалось еще побывать на этих вершинах; как никогда и не удастся, разве только после смерти. «Тогда это явится в пределах возможности, потому что, как хорошо известно браминам, — а кому же это лучше знать? — небожители «Голубых гор», из уважения к Богу Бrame, уступили ему часть своей горы под *сваргу* (рай), антресоли которого, надо полагать, находились в то время в починке.

Однажды некий шикари из их села, напившись пьяным в коллекторской кухне, отправился ночью высматривать тигра и нечаянно забрел за водопад. На другое утро его тоже нашли под горой мертвым, и пр.

Так гласило устное, так еще повторяет и печатное, предание в «Сборнике местных легенд, преданий» в переводе с тамильского на английский язык миссионерами; издание 1807 года, которое и рекомендуется читателю.

Подстрекаемые такими рассказами, а главное — видимыми препятствиями и затруднениями экскурсии, наши два охотника решились доказать еще раз туземцам, что для «высшей», властвующей над ними расы слово «невозможность» не существует. Британскому *престижу* необходимо было заявлять себя во все времена истории; иначе о нем могли бы позабыть.

Известно ли у нас, в благодушной России, что такое именно заключается в этом магическом слове «британский *престиж*»? Конечно, читателю более или менее известно, что в Индии все от ожиревшего европейца-лавочника, евразия-плантатора, потешающегося крепким арапником в руке над спинами кули, от чванного чиновника под серым *топи* на голове, имеющем аршин в диаметре и похожем на глубокий, опрокинутый соусник, до рыжего, прилизанного, долгополого, раззолоченного по швам и разящего на десять шагов водкой солдата-англичанина, — все и каждый ищут заявить и установить кулаком собственный, а равно и национальный *престиж*. Но знают ли как именно выражается в Индии *политический престиж*? Узнать это можно только сравнительно. В далекие и более счастливые времена Уорена Гастингса и его удалых товарищей, престиж британский состоял в том, чтобы улыбаться щедрому восточному человеку и, принимая от него дары и натурою, и златом, все-таки при случае надуть его, грабить и отнимать у него наследие отцов. Теперь декорация несколько изменилась, но только на первом плане, а задний план и вообще весь грунт остались те же. «Престиж» нашел полезным для поддержания блестящей фантазмагии, именуемой Имперскою политикой, по выражению англо-индийских сатириков, преподносить ежегодно Маммоне миллионы заморенных голодом бедняков. *Райот* (землепашец) — есть козел отпущения в Индии за британские грехи. *Райот* —

жалкое существо, которое от рождения до смерти со своим всегда огромным семейством живет кусочком иссохшего поля. Обязанный платить за всё, от вице-королевских охот, даваемых в честь скучающих теистов из королевского дома, до подарков императрицы царькам Индии, бесталаннейший райот лучше всех осуществляет силу и значение этого страшного слова: «политический престиж». Этот «престиж» наследовал Ваалу-Пеору, в ненасытную пасть которого бросались ежегодно тысячами рабы и пленники. Британцы перещеголяли впрочем, в этом даже самих ассирийян. Они бросают в пасть «политического престижа» миллионы человеческих жизней. Со дня основания этого престижа, райот осуществляет собою великое открытие Дарвина «борьбы за существование». Умирая голодною смертью в стране несметных богатств и расточительности для поддержания «престижа» сильнейшего, райот сделался живым символом и вместе протестом против теории survival of the fittest.

Да не вознегодуют, читая это как и все подписанной «Радда-Бай» в русских журналах, ее подозрительные и ревнивые друзья англо-индийцы! Пусть лучше вспомнят, что писал о них и об этих самых вопросах «Али-Баба»,¹ остроумнейший из их писателей, каждый взмах пера которого был злейшею и вместе глубоко правдивою сатирой на современное положение Индии. Какими яркими, живыми красками описана им эта мученица страна! Взгляните на его панораму Индии, на обязательное теперь в ней присутствие легионов ярко-пунцовых солдат да залитых в золото вице-королевских сайсов и чупрасси. Сайсы — конюхи и скороходы чиновников, а чупрасси — официальные правительственные рассыльные, носящие ливрею «империи» и состоящие при всех, больших и малых, гражданских чиновниках; если продать их на вес золота в их ливреях, то они представят сумму, половины которой достаточно, чтобы прокормить сотни семейств ежегодно. Прибавьте к ним издержки багровых от пьянства членов совета и разнохарактерных комиссий, учреждаемых обыкновенно *при конце* каждой повальной голодовки, и докажется, что политический британский *престиж* убивает ежегодно более тузем-

---

¹ Aberight Mackay, профессор в Мораре, владении Гвалиора, умерший два года тому назад в Индии.

цев, нежели взятые вместе холера, тигры, змеи и даже легко (и всегда так кстати) лопающиеся индийские селезенки...¹ Правда, убыль, причиняемая им в рядах чернорабочего люда, пополняется прибылью все разрастающегося племени и поколений евразиев. Эта весьма некрасивая раса «креолов» — один из самых объективных и удачных символов нравственности, внесенной расой цивилизованною в расы полудиких рабов их, индусов. Евразии созданы на свете англичанами при помощи голландцев, французов и португальцев. Они — венец и бессмертный памятник деятельности благодусных «отцов» Ост-Индийской Компании. Компанейские «отцы» часто вступали в браки с туземками, законные как и незаконные (так как разница между теми и другими в Индии весьма небольшая: она основана на веровании супругов в степень святости коровьего хвоста). Но и это последнее звено дружеских отношений между высшею и низшею расами оборвалось. Теперь, к великой радости индусов, англичане стали смотреть на супруг и дочерей с отвращением, которое превышает разве только гадливостью туземцев при виде англичанки более или менее *декольте*. Две трети Индии наивно верят в распущен-

---

¹ Этот орган человеческого тела, по-английски *сплин* (spleen) действительно играет в Индии большую роль. Туземная селезенка — лучший друг и защитник английских шей, которым без нее неминуемо грозила бы веревка. Селезенка до такой степени слаба и нежна во мнении англо-индийских судей и присяжных, что стоит дать туземцу щелчок в живот, дотронуться до него деликатно европейским пальчиком, чтобы тот вдруг упал да и умер! Туземные газеты уже давно подняли гвалт о такой неизвестной до прихода Британцев деликатности их *сплина*. Особенно ненадежна селезенка у раджей, чем англичане очень огорчаются. «Почти невозможно», — рассуждают они, — «чиновнику прикоснуться к *радже* или даже к собственному китмагару (буфетчику) без того, чтоб у того, как на зло, не лопнула селезенка!» Вот, например, сделался с каким-то полоумным раджей припадок. Подхватил его под руки «политический агент», немножко потряс, чтобы привести в чувство, а только посадил на сундук, как у того и дух вон! А теперь вот и возись с этим штатином... Ищи для него, подыскивай нового раджу... Нечего делать, приходится опять брать на себя новую обузу — опеку над осиротевшим штатом! (*Резюме* из англо-индийской печати).

Подлинно: полны терний извилистые тропы, по которым идет вперед индийское правительство!

ный браминами слух, что «белые» обязаны своим цветом проказе.

Но не в этом вопрос, а в «престиже». Это чудовище родилось вследствие трагедии 1857 года. Заметая метлой последующих реформ все следы Англо-Индии коммерческой, официальная Англо-Индия вырыла между собой и туземцами такую бездну, что не завалить ее и тысячелетиями. Невзирая на грозный призрак британского престижа, она расширяется ежедневно, пока не поглотит окончательно одну из пород — либо черную, либо — белую. «Престиж» поэтому есть не более, как рассчитанная мера сохранения. Вследствие усиленного внимания к престижу и стал появляться в последние годы голодный мор среди туземцев. В глазах этой «христианской» нации, это даже не грех. Туземец давно объявлен ею не человеком, а вещью. Он — наскоро собранная природой комбинация слабо склеенных атомов, прямая эволюция, беспереходных стадий асцидии в негра, даже без помощи обезьяны. Этот новый научный взгляд внушается всем туземцам: от запаиваемого до полусмерти шампанским и опиумом *раджи*, до прозрачного от худобы и голода *куш* и *раита*. Первый уже так хорошо дрессирован «политическими резидентами», что готов, за лишний пушечный выстрел в следующем ему по праву салюте, продать во имя политического британского *престижа* всю Индию, с родными отцом и матерью в придачу. Второй, то есть *райот*, способен реализовать эту великолепную Беконсфильдовскую идею в своих иссохших от лишений мозгах вполне только при последних минутах жизни: он синтезирует ее, умирая голодной смертью...

Принося за эту диверсию челобитную, возвращаюсь к положению куимбатурцев в 1818 году. Попав между двух огней: *престижа* земных владык и суеверного страха пред владыками преисподней и их мщением, злосчастные Дравиды почувствовали себя прищемленными между рогами ужасной дилеммы. Не прошло и недели, английские *саабы*, оставившие было жителей деревушки в сладкой надежде, что миновала их еще одна гроза, вернулись в Метопалам у подошвы Нильгири и поразили их как громом объявлением, что через три дня по прибытии нескольких гарнизонных солдат и ме-

жевщиков отряд намерен предпринять путешествие на священные вершины Голубых гор.

Услышав страшную для них новость, несколько земиндаров обрекли себя на *дхарну*, то есть, голодную смерть у дверей *саабов*, пока те не взмилуются и не обещают отказаться от намерения. Деревенские *мунсифы*, разодрав одежду, что не стоило больших усилий, обрили головы своим женам и заставили их, в знак общественного бедствия и общего траура, царапать себе (конечно, жен) в кровь лица. Брамины читали заклинания и *мантры* вслух, посылая про себя англичан с их богохульными затеями в *нарак* ко всем чертям. *Метополам* огласился воплями и криками отчаяния на целые три дня. Ничто не помогло. Как сказано, так и сделано. Снарядив партию из подобранных между компанейцами смельчаков, новые Колумбы решились было пуститься в путь и без проводников. Деревня опустела, будто после военного разгрома: туземцы разбежались в ужасе, и межевщикам, коноводам партии, не оставалось делать ничего иного, как пойти самим разыскивать путь к водопаду. Они заблудились и вернулись. Эксплуататоры однако не смутились. Поймав где-то спрятавшихся двух поджарых малабарцев, объявили их пленными: «Либо ведите и вот вам золото; либо отказывайтесь и все-таки пойдете, так как вас потащат силой. А затем, вместо золота, тюрьма». А в те блаженные дни кротких отцов компанейства слово «тюрьма» было синонимом, Мадрасском, да и в других президентствах, *пытки*. Оно и теперь иногда случается, как это было еще недавно доказано; и в те времена жалобы самого младшего из писарей высшей расы было достаточно, чтобы подвергнуть туземца пытке. Угроза подействовала. Бедные малабарцы понули головы и, ни живые, ни мертвые, повели европейцев к Колакамбе.

Странно, если случилось затем то, что рассказывают: а что было так, в этом нам порукой официальное донесение двух межевщиков. Не доходя до водопада, на привале, одного из малабарцев, невзирая на непривлекательную костлявость, унес тигр прежде чем кто-либо из охотников заметил зверя. Крики несчастного привлекли их внимание, когда уже было поздно. «Выстрелы или не попали, или же убили жертву, которая вместе с похитителем исчезла из глаз, словно оба про-

валились сквозь землю», — сказано в рапорте. А другой туземец, переправившись через быстрый поток на другой «запрещенный» берег за милю от водопада, где партия в первый день восхождения заночевала, безо всякой видимой причины *внезапно умер*, вероятнее всего от страха. Любопытно читать мнение очевидца касательно этого странного совпадения. Описывая этот случай (в «Madras Courier», 3 ноября 1818 года), один из чиновников, по имени Киндерзлей (Kindersley) пишет так:

«Убедясь в непритворной смерти второго *арана* (nigger), наши солдаты, особенно суеверные ирландцы, очень смутились. Но мы с Уишем (Whish) (имя другого межевщика) тотчас же решились: отступить — значило обесчестить себя без пользы, став вечным посмешищем товарищам и закрыть навеки вход в Нильгирийские горы и к их чудесам (коли такие там имеются) всем другим англичанам. Мы положили отправиться далее без проводников, тем более, что ни оба умершие ма-лабарца, ни другие живые, не более нас самих знали дорогу по ту сторону водопада».

Далее следует подробное описание их трудного восхождения на горы и карабканья по совершенно перпендикулярным скалам, пока они не очутились за облаками, то есть, за чертой «вечного тумана», и не увидели его волнующейся синевы под ногами. Так как все, что они там нашли, описано далее и находится в извлечениях из писем Д. Сэлливана, уездного коллектора куимбатурского, посланного после правительством на формальное следствие, то, во избежании повторений, я и ограничусь лишь поверхностным, в немногих словах, описанием главнейших походов двух межевщиков.

Отправляясь выше, далеко за рубеж туманов, наши авантюристы наткнулись на огромного боа-констриктора. Один из них нечаянно упал в полутемноте на что-то «слизистое и мягкое». Это «нечто» зашевелилось, зашуршало, встало и оказалось тем, чем оно и было, то есть весьма неприятным собеседником. Удав, в виде приветствия, обвился вокруг одного из «суеверных» ирландцев и успел, до получения нескольких пуль в широко разинутую пасть, сжать «Патрика» в своих холодных объятиях с такою силой, что несчастный через несколько минут после этого умер. Убив не без больших за-

трудней чудовище и смерив содранную кожу, путешественники нашли, к ужасу и удивлению, что боа имел 26 футов в длину! Затем пришлось копать для бедного ирландца могилу, что они совершили с большим трудом, еле успев спасти тело от налетевших со всех сторон белых коршунов. Могилу эту показывают до сего дня. Она находится под скалой, немного выше Куннура. Первые поселенцы англичане сложились и украсили место приличным памятником, в воспоминание «первого пионера, погибшего в экспедиции в горы».

Над двумя «арапами» не поставили ничего, хотя по праву они-то и были «первыми» погибшими из экспедиции жертвами, как и первыми, хотя и невольными, пионерами. Но если в глазах англичанина даже всегда ненавистный ирландец все же *ничто вроде* человека, то туземец Индии — даже и не скотина: иначе за него наверное бы заступилось Общество Покровительства Животным, чего оно, как всем известно, не делает.

Потеряв двух черных пешек и одного белого человека, англичане полезли далее и встретились со стадом слонов, дававших друг другу регулярные сражения. Слоны, к счастью, не заметили их, а потому и не тронули. Зато они заставили разбежаться во все стороны испуганный отряд. Когда отряд хотел снова собраться, то нашел себя рассеянным на группы по два и по три человека. Проплутав всю ночь в лесу, человек семь вернулись в разные часы следующего дня в деревню, из которой экспедиция вышла за сутки до того с такой заносчивостью. Три человека европейцев исчезли бесследно.

Оставленные одни, Киндерзлей и Уиш бродили по склонам гор в продолжение нескольких суток: то подымаясь на вершины, то снова спускаясь в ущелья. Все время им приходилось питаться ягодами и грибами, которые они находили здесь во множестве. Каждый вечер рев тигров и слонов заставлял их искать убежища в высоких деревьях и проводить ночи без сна, чередуясь часами и ожидая ежеминутно смерти. *Дивы* и другие таинственные обитатели и хранители «заколдованных» трущоб заявили себя таким образом с первого же дня. Неудачные искатели несколько раз порывались вернуться назад, но, невзирая на все усилия, хотя шли прямо вниз, встречали ежеминутно такие препятствия на пути, которые заставляли их поневоле сворачивать в сторону, а ища обойти

скалу или холм, они находили себя снова в безвыходной труппе. Их инструменты и даже оружие, кроме висевших на них ружей и пистолетов, остались в руках остальной партии. Им было невозможно ни ориентироваться, ни найти дороги вниз, и оставалось одно — подниматься все выше и выше. Если сообразить, что со стороны Куимбатура Нильгири возвышаются лестницей громадных перпендикулярных скал от 5000 до 7000 футов до самой долины Уттаманда, что многие из таких скал образуют страшные бездны и что межевщики именно и выбрали эту дорогу, то можно легко себе представить с какими трудностями пришлось им бороться. По мере их восхождения, природа как бы отрезала им путь назад. Часто им приходилось взлезать на верхушки деревьев, чтобы затем перепрыгивать через обрывы на ближнюю скалу.

Наконец, на девятый день странствия, потеряв всякую надежду найти в этих горах что-либо кроме смерти, они решились попытаться еще раз вернуться назад, стекаясь с горы прямо и избегая, сколько возможно, всяких поворотов в сторону. Вследствие такого решения они положили сперва взобраться на самую высокую перед ними местность, чтобы разглядеть с нее окрестности и лучше сообразить предстоящий им путь. Они находились в то время на поляне, в небольшом расстоянии от высокого и, по-видимому, довольно отлогого холма, как им показалось, с небольшими скалами наверху. Чтобы добраться до последних, казалось стоило только взбежать на холм, что, судя по его наружному виду, не представляло больших затруднений. К их удивлению, и с потерей последних сил, им пришлось взбираться около двух часов. Густо покрытый травой, которую здесь называют «атласною» (satin grass), отлогий холм оказался до того скользким, что с первых же шагов пришлось им подниматься почти ползком и цепляясь за траву и кусты, чтобы каждую минуту не скатываться назад. Взбираться вверх по такой траве все равно, что стараться взойти на стеклянную гору. Достигнув, наконец, после невероятных усилий вершины, оба упали в совершенном изнеможении и приготовились, как пишет Киндерзлей, «к худшему».

То был ныне известные всему Уттакаманду, знаменитый «холм гробниц», или, как их здесь называют, cairns. Такое

друидское название всего более подходит к характеру этих памятников неизвестной, но глубокой древности, которые межевщики сперва приняли за скалы. Этот, как и многие другие холмы Нильгирийской цепи, весь усеян подобными гробницами. Рассуждать о них, впрочем, много не приходится. Как и все остальное в этих таинственных горах, их происхождение и последующая история покрыты непроницаемым мраком. Пока, впрочем, наши герои отдыхают, собираясь с новыми силами, можно поговорить и о могилах, на это не потребуется много времени.

Когда лет двадцать позднее нашего рассказа стали производить раскопки, то в каждой гробнице было найдено большое количество железной, бронзовой и глиняной утвари, необычайной формы фигуры и металлические грубой формы украшения. Ни фигуры, — по-видимому идола, — ни украшения, ни утварь ничем не напоминают подобных им предметов, употребляемых в других частях Индии и другими народами. Особенно глиняные изделия замечательны своим видом: словно первообразы гадюк (описанные Беросом), что ползали в хаосе при сотворении мира. Касательно самих гробниц, кем и когда они были сооружены, какой из людских пород они послужили последним убежищем на земле, также ничего нельзя ни сказать, ни даже предположить, ибо всякая гипотеза разбивается тем либо другим затруднением. Что означают эти странные геометрические фигуры, каменные, костяные и глиняные, эти додекаэдры, треугольники, пяти, шести и восьмиугольники самой правильной формы, эти, наконец, глиняные фигурки с бараньими и ослиными головами на птичьих телах? Гробницы, то есть окружающая могилу стена, всегда овальной формы, от двух до трех аршин вышины и сложена из крупных неотесанных и безо всякого цемента камней. Стена всегда обрамляет глубокую, иногда в пять и шесть ярдов глубины, могилу, покрытую довольно правильным сводом и выложенную иногда как склеп гладкими камнями, хотя склепы трудно различить — до такой степени они завалились от древности землей и камнями. Форма гробниц, хотя и схожая своим внешним видом с такими же древними могилами в других частях света, мало сама по себе проливает свет на их происхождение. Такие памятники находятся в Бре-

тани и других частях Франции, в Уэллсе и в Англии, как и в горах Кавказа. Конечно, у английских ученых и тут дело не обошлось без вездесущих скифов и парфян. Только схороненные в них археологические останки уже совсем не скифские; да и скелетов в них еще не находилось до сей поры, как и чего-либо похожего на оружие. Надписей также нет никаких, хотя и были вырыты каменные доски, по углам которых выцарапано нечто похожее на иероглифы, вроде тех, что находятся на обелисках Паланки и других мексиканских развалин.

Между всеми пятью племенами Нильгирийских гор, людьми пяти совсем различных между собою пород,¹ не нашлось никого, кто мог бы доставить хотя бы малейшее сведение касательно этих, никому не известных могил. Тодды, самое древнее из пяти племен, также ничего не знают о них. «Не наши и не можем сказать, чьи они; наши отцы и первые поколения нашли их здесь, и никто не строил их за наше время», — вот постоянный ответ тоддов археологам. Если вспомнить при этом древность, которую себе приписывают тодды, то выйдет, что в этих могилах хоронили праотцев Адама и Евы. Обряды погребения у всех пяти племен совершенно различные между собой. Тодды сжигают своих покойников вместе с любимыми буйволами; муллу-курумбы хоронят их под водой; эруллары привязывают их к верхушкам деревьев, и т. д.

Если бы, придя в себя, заблудившиеся охотники встали и принялись бы осматривать окрестность, которая расстилалась перед ними во все стороны на много десятков миль, то они, вероятно, предупредили бы меня описанием одной из великолепнейших панорам Индии, так как, не ведая еще тогда сами того, они находились на самой высокой, за исключением Тоддабетского *ника*,² вершине этих гор. Трудно представить себе, а еще менее браться описывать чувства, волновавшие в то время двух альбионцев лицом к лицу с такою грандиозною картиной. Вероятнее всего, что ничего похожего на восторг художника или члена «Альпийского клуба» не нашло себе места в их усталой груди. Они были голодны и полумертвы от истощения, а такое физическое состояние всегда будет брать верх в подобные минуты над духовным элементом бедного

---

¹ См. описание этих пяти племен далее, в 3 главе.

² Англичане почему-то называют его Доддбет.

человечества. Если бы, — как то делают теперь, шестьдесят лет позднее, их потомки, — если бы они приехали к этому холму верхом или в рессорной коляске, окруженные десятками корзин с яствами для веселого пикника, то они, вероятно, пришли бы в такой же энтузиазм, как и все мы перед открывающимся с этого холма как бы новым миром. Но то был критический час, как для всего Мадрасского президентства, как для них, так и для нас: погибни они тогда в горах, не было бы теперь ежегодно спасаемых сотен жизней, как и не был бы написан нами этот правдивый рассказ.

Так как эта местность тесно связана с последующими событиями, то я прошу позволения очертить ее и вместе с тем выразить, за отсутствием лучшего описания, свои собственные чувства. Трудно тому, кто побывал хоть раз на «Холме гробниц», забыть его в продолжение самой долгой жизни. А пишущая эти строки не раз совершала Геркулесовский подвиг восхождения на холм по этому скользком пути... Впрочем, спешу оговориться и вместе покаяться: подвиг всегда был совершаем мною в покойном кресле-паланкине, на головах у дюжины алчных кули, всегда готовых в Индии рисковать селезенкой из-за пригоршни меди. В Англо-Индии мы легко привыкаем ко всему, даже обращаться в невменяемых убийц ближнего, злосчастного меньшого брата, пряникообразного и высохшего кули. Но в отношении к «Холму Могил», по крайней мере, мы желаем и требуем смягчающих обстоятельств в виду нашей тяжелой вины перед совестью. Всегда ожидающий на нем путника мир волшебства и чудес природы способен парализовать всякую предосторожность не только касательно чужой, но даже и своей селезенки.

Постарайтесь вообразить себе эту картину. Взойдите на этот холм, то есть почти на 9000 футов выше уровня моря, которое, к слову, синее тонкою ниткой в сорока милях отсюда, на горизонте Малабарских берегов, и взгляните: под ногами у вас миль на двести кругом расстилается пространство, как на ладони! Куда ни взглянешь: направо, налево ли, на юг или на север, перед глазами у вас волнуется безбрежное море зеленых, алых и синих холмов, остроконечных, зубчатых и закругленных вершин скал, самых фантастических и капризных форм: точно иссиня-зеленый, облитый сиянием тропиче-

ского солнца, бурливый океан во время циклона, покрытый мачтами утопающих и утонувших кораблей. Таким мы видим иногда океан-призрак во время сна.

Взгляните теперь на север. Хребет Нильгирийской цепи, поднимаясь на 3500 футов выше нагорных плоскостей Майсура, перебрасывается гигантским мостом 15 миль в ширину и 49 в длину, как бы вырастая из пирамидообразного Иелламулая западных *ghat*, и стремится, сломя голову, отлогими уступами, с сияющими безднами по обеим сторонам, вплоть до утопающих в бархатистой сизой мгле округленных холмов Майсура. Там, наткнувшись на острые скалы Пайкара, чудовищный мост, кроме узенькой полоски, которая соединяет одну цепь с другою, вдруг обрывается перпендикулярно вниз, разбивается на мелкие скалы, превращается в бульжник и начинает шуметь, бурлить потоком, бешено прорываясь вперед, будто догоняя светлую реку, вырвавшуюся из мощных недр его горы.

А теперь бросьте взгляд на южную сторону «Холма Могила». Там, миль на сто в длину, во всю юго-западную область «Голубых гор» дремлют во всем величии своей недоступной, девственной красоты темные леса, непроходимые болота Кумимбатура, замыкаемые красными, как кирпич, холмами Кхунда. Еще далее, левее на восток, извиваясь каменным змеем, уходит вдаль средний хребет *Ghat*, между двумя рядами высоких, вулканических, почти отвесных скал. Увенчанные, словно растрепанными волосами на макушке, букетами изогнутого во все стороны ветром ельника, эти вереницы отдельных зубчатых вершин представляют самое любопытное зрелище. Можно подумать, будто выбросившая их вулканическая сила имела в виду приготовить каменную модель грядущего человека: до того эти утесы имеют человекообразную форму. Сквозь волнующийся, прозрачный, как дымка, туман, они будто сами волнуются, двигаясь одна за другою, и мнится, будто скачут и бегут они. Эти старые, покрытые вековым мохом, скалы. Перепутываясь, толкая, опережая и разбиваясь друг о друга, спешат они, как мальчишки-школьники, скорее вырваться из узкого ущелья на простор и свободу.... А кругом, высоко над ними, под самыми ногами стоящего на «Холме Могила» туриста, расстилается на первом плане картина совсем другого рода: тишь да гладь, да Божья благодать...

Поистине, весенняя идиллия Вергилия, обрамленная грозными картинами из «Ада» Данте. Изумрудные, испещренные цветами пригорки, рассыпанные, как бородавки, по светлому лику горной долины, с ее длинной шелковой муравой и ароматическими травами. Только вместо белоснежных барашков да пастушков с пастушками стада громадных черных, как смоль, буйволов, а вдали неподвижная, как бронзовая статуя, атлетическая фигура длиннокудрого Тодды-Тералли, или «священнодействующего».

На этой выси царствует вечная весна. Даже декабрьская и январская морозные ночи не способны изгнать ее отсюда в полдень. Здесь все свежо и зелено, все цветет и благоухает круглый год, и «Голубые горы» являются здесь во всей прелести улыбающегося даже сквозь слезы младенца, прекраснее, быть может, во время сезона дождей нежели в другое время года.¹ Да и все на этих высотах как будто только зарождается, появляется на свет божий впервые. Сердитый горный поток здесь еще в колыбели. Он бьет пока из-под родного камня тонкою струей, убегая далее журчащим ручейком, на прозрачном дне которого лежат атомы будущих грозных утесов. В своем двойном образе природа является здесь полным символом человеческой жизни: чистой и ясной, как само младенчество на этих высотах: суровой и истерзанной, как сама жизнь, в борьбе стихийной — ниже. Но все вверху, как и внизу, цветет во все времена года всеми радужными красками волшебной палитры Индии. В этих горах пришельцу из долин все кажется необычайным, чуждым, диким. На них поджарый, пряничного цвета кули превращается в бледнолицего рослого тодда, который, как привидение древнего римлянина или грека, с гордым профилем, важно драпируясь в белую льняную тогу, подобной которой нет ничего похожего в Индии, глядит на индуса с благосклонным презрением быка, взирающего задумчиво на черную жабу. Здесь желтоногий пестрый ястреб низменностей является могучим горным орлом; а иссохший ковыль и обгорелый репейник кактуса Мадрасских полей вырастает в гигантскую траву, в целые леса тростника, где слон

---

¹ В сезон дождей, когда у подошвы гор льет проливной дождь, здесь он только покрапывает по несколько часов в день, да и то урывками.

может смело играть в прятки, не страшась людского взгляда. Здесь поет русский соловей, а кукушка кладет яйца в гнездо южной желтоносой майны, вместо гнезда своего северного друга, голубой вороны, которая превращается в этих лесах в свирепого, черного, как смоль, ворона. Здесь всюду контраст: куда ни глянешь, аномалия. Из густой листвы дикой яблони вылетают в светлый полдень мелодичные звуки, чириканье и песнь неизвестных в долинах Индии пернатых; а из темного бора несется подчас зловещий рев тигра и читты, да мычание дикого буйвола... Минутами торжественная тишина, царящая на высотах, прерывается тихими, таинственными звуками, шуршаньем, порою диким, сиплым криком. Затем все снова умолкает, замирает в благоуханных волнах чистого горного воздуха, и опять надолго воцаряется перерываемое ни одним звуком молчание. В такие минуты затишья одно внимательное, любящее природу ухо способно уловить биение ее мощного, здорового пульса, чутко угадывая его непрерываемое движение даже в этом немом заявлении радостной жизни мириадами ее творений, видимых и невидимых.

Нет, не легко забыть Голубых Нильгири тому, кто пожил в них! В этом чудесном климате мать-природа, собрав свои разбросанные силы, собрала их в одно для произведения всех образчиков своего великого творчества. Она как бы чередует-ся проявлениями то северных, то южных полос земного шара. Потому-то она то оживляется, просыпаясь к деятельности, то снова замирает, усталая и ленивая... То видишь ее полудремлющую во всем величии облитой ярким солнцем юга красоты, убаюкиваемую согласно мелодией всех ее царств; то встретишь ее гордую и дикую, напоминающую о своей мощи колоссальными растениями тропических лесов и ревом ее великанских зверей. Еще один шаг в другую сторону, и она снова падает, как бы изнеможенная после крайнего усилия, и сладко засыпает на ковре северных фиалок, незабудок и ландышей... И лежит наша великая, мощная мать, тихо и неподвижно, овеваемая прохладным ветерком да нежными крыльями целого роя невиданных, волшебного-красивых мотыльков и бабочек.

Теперь подножие этого холма обвито тройным поясом рощ эвкалипта. Рощи обязаны своим существованием ранним

европейцам-плантаторам.¹ Кто не знаком с этим прекрасным *Eucalyptus globulus*, австралийским деревом, которое разрастается в три-четыре года, как другое не разрастется и в двадцать, тот не знаком с главной прелестью садов. Служа замечательным средством, очищающим воздух от всяких миазмов, такие рощи делают климат Нильгири еще более здоровым. Все ошалевшие от чересчур монотонно-горячих ласк индийской природы туземцы, как и представители Европы в Мадрасском президентстве, рвутся искать выздоровления и отдыха в лоне ее на этих горах; и она никогда не обманывает этих ожиданий; соединив, как в один букет, все климаты, все флоры, зоологию как и орнитологию пяти частей света; гений гор подносит все это от имени своей владычицы каждому забравшемуся в Нильгири усталому путнику.

«Голубые горы» — это визитная карточка с полным исчислением заслуг и титулов, которую природа, злая мачеха европейца в Индии, оставляет в знак полного примирения своему, сию же замученному пасынку.

Час такого примирения пробил и для наших бедных героев. Совершенно разбитые, они еле могли держаться на ногах. Пострадавший менее Уиша и более сильный Киндерзлей, отдохнув, стал обходить пригорок. Он старался высмотреть с этого холма в расстилавшемся перед ним хаосе скал и лесов удобнейший для возвращения путь. Ему показалось, будто он видел недалеко оттуда дым и поспешно вернулся к товарищу, чтобы сообщить ему новость, как вдруг он был поражен будто громом... Пред ним стоял, повернувшись к нему в полуоборот спиной, бледный как смерть и как в лихорадке дрожащий Уиш. Вытянув руку, он конвульсивно тыкал указательным пальцем в даль. Тогда, взглянув по направлению пальца, всего в несколько сот футов от них, в ложбинке у самого подножия холма Киндерзлей заметил сперва жильс, а немного далее — людей. Вид этих предметов, который в другое время несказанно бы обрадовал их, поразил в то время почему-то обоих ужасом. Правда, дом был какой-то страшный, невиданной ими прежде нигде архитектуры. В нем не было ни окон, ни дверей,

---

¹ Сорок лет тому назад тремя фунтами семян этого дерева, присланными из Австралии, генерал Морган засеял все пустые места и долины окрестностей Уттакаманда.

и он был круглый, как башня, и с совершенно пирамидальной, хотя и закругленной сверху крышей. Что же касается людей, то на первый взгляд оба компанейца даже колебались принять их за людей. Оба инстинктивно бросились за стоящей невдалеке от них куст и, раздвинув ветви, глядели во все глаза на странные двигающиеся перед ними фигуры. То, что они в них узрели, описано Киндерзлеем как «группа великанов, а возле них — несколько групп страшно уродливых карликов!» Забыв всю прошлую удачу и насмешки, они были готовы серьезно принять их за гениев и гномов этих гор; но вскоре оказалось — то были просто огромные тодды, их данники и обожатели баддаги и крошечные слуги этих данников, безобразнейшие в мире дикари муллу-курумбы.

Истратив весь заряд, потеряв одно из ружей и чувствуя себя в состоянии полного расслабления неспособными противиться нападению даже таких карликов, компанейцы собрались, незаметно скатившись кубарем с холма, улизнуть, как вдруг заметили подошедшего с тыла другого неприятеля. Подкравшиеся к ним и усевшиеся выше их на дереве, обезьяны внезапно открыли по ним пальбу весьма неприятным для них снарядом — грязью. Их стрекотанье и воинственные крики очень скоро привлекли внимание пасшегося невдалеке отсюда стада огромных буйволов. Буйволы замычали в свою очередь, высоко подняв головы к вершине пригорка, а затем и тодды, как видно, заметили их. По крайней мере через несколько минут отвратительные карлы появились перед ними и овладели безо всякого сопротивления двумя полумертвыми героями. С Киндерзлеем сделался, по его показанию, «обморок от одного испускаемого чудовищами-дикарями зловония». К их великому удивлению, однако, карлики их не съели и даже не очень помяли: «Они только прыгали да плясали перед нами, хохоча во всю огромную глотку», — пишет Киндерзлей. Великаны, то есть тодды, оказались совсем *джентльменами* (sic!). Удовлетворив свое весьма понятное любопытство при виде, как оказалось, первых белых когда-либо виденных ими людей, тодды напоили их превосходным буйволиным молоком, накормили похлебкой из грибов и сыром, а затем уложили отдыхать в замеченном ими пирамидальном домике, где оказалось «темно, но тепло и сухо и где они проспали, как убитые, до другого утра».

Всю ночь, как потом оказалось, тодды просидели в торжественном совете. Несколько лет спустя, когда мистер Сэлливан, которого они до сих пор называют «отцовским братом»,¹ самое почтительное у них после «отца» название, приобрел их искреннюю любовь и доверенность. Рассказывая ему об этой памятной для них ночи, тодды ему говорили, что они уже давно поджидали к себе в горы «людей со стороны заходящего солнца». На вопрос Салливана, как они могли это знать, они отвечали неизменно одною и тою же фразой: *так нам доено объявили буйволы, а они всегда и все знают*. В эту ночь их старики решили участь англичан, а также и перевернули новую страницу в книге своей собственной истории.

На другое утро, видя, что англичане еле могли двигаться, тодды приказали своим данникам снарядить для больных нечто вроде носилок, на которых их и понесли баддаги. Англичане заметили, что тодды услали еще с утра куда-то карликов. «С тех пор и до самого дня возвращения в Нильгири, мы их не видели и даже нигде не встречали», — рассказывает Киндерзлей. Как узнано позднее, особенно из рассказов миссионера Метца, тодды не без причины боялись для своих гостей враждебного присутствия карликов муллу-курумбов; они их послали назад в их лесные тущобы, *строго запретив им глядеть на белых странников*. Такое, немного странное запрещение было ими мотивировано миссионеру тем, что «взгляд курумбы убивает непривыкшего к нему и боящегося его человека», а так как боязливое отвращение англичан к этим карликам было, конечно, подмечено тоддами в первую же минуту их появления, то вследствие этого явилось и запрещение курумбам *глядеть* на пришельцев.

Бедные, великодушные тодды! Кто знает, как часто впоследствии раскаивались их старики, что недоброму глазу муллу-курумбов они не предоставили этих людей, от возвращения которых в Мадрас и их доклада зависела дальнейшая участь Нильгири!.. Но «так давно порешили буйволы... а они знают!»

Тихо медленно несомые на носилках баддагами, удивляясь и, конечно, радуясь своему негаданному счастливому

---

¹ По причинам, о которых будет заявлено далее, тодды не признают никаких родственников, кроме отца, да и то чаще всего номинально. Для тодда тот ему отец, кто его усыновит.

избавлению, англичане имели теперь случай лучше разглядеть дорогу и окружающие их окрестности. Они были поражены громадным разнообразием этой растительности, которая соединяет в себе почти все породы тропиков, а вместе с тем и северных климатов. Нередко им попадались гигантские старые сосны, шероховатые стволы которых совсем исчезали у корней среди алоэ и кактусов. Фиалки цвели у подножия пальм, и белоствольная береза и трепещущая осина отражались в темных тихих водах пруда, рядом с царским цветом Египта и Индии гордым лотосом. По дороге они находили фруктовые деревья всех стран, ягоды всех сортов от бананов до яблонь и от ананасов до малины и клубники. Страна изобилия, благословенная обитель! «Голубые горы» видимо избраны природой одним из пунктов ее всемирной выставки!

Во все время спуска вокруг путников журчали сотни ручьев; из трещин скал била здоровая ключевая вода, поднимались пары из минеральных источников и всюду веяло прохладой, о которой они давно позабыли в знойной Индии.

В их первую по дороге ночь, с ними приключилось очень смешное происшествие. Баддаги, после небольшого совещания, вдруг насильно завладев ими, раздели догола и, не обращая внимания на их отчаянное сопротивление, окунули в теплую минеральную воду лужи и обмыли им раны и царапины. После этого, держа их поочередно на скрещенных руках выше уровня воды и прямо над теплым паром, стали петь нечто вроде заклинаний с аккомпанементом таких ужасных кривляний и диких возгласов, — пишет Киндерзлей, — «что нам серьезно почудилось одну минуту, будто они собираются нас принести в жертву одному из лесных богов».

Но англичане ошиблись, хотя лишь к утру убедились в несправедливости своего подозрения. Натерев им больные ноги каким-то тестом из мягкой глины и сочных трав, баддаги тепло закутали их и «буквально усыпили над теплым паром источника». Проснувшись на другое утро, они почувствовали необычайное облегчение во всем теле и особенно крепость в мускулах. Всякий след боли в ногах и сочленениях, как бы по волшебству, исчез. Они стали совершенно здоровыми и окрепшими. «Нам сделалось положительно совестно перед эти-

ми, заподозренными нами так напрасно, дикарями», — рассказывает Уиш в письме к приятелю.

К полудню они спустились так низко, что им стало довольно жарко, и они заметили, что перешли черту туманов и находились уже на Куимбатурской стороне. Уиш пишет, что они не могли довольно надивиться одному: при восходе на гору они встречали ежечасно следы присутствия разных диких зверей; им приходилось глядеть в оба и окружать себя величайшими предосторожностями, чтобы не попасть в логовище тигра, не наткнуться на слона или стаю читт... «теперь же, на возвратном пути, *лес как бы вымер*: самые птицы щебетали, казалось, только издали, не подлетая к нам... нам не перебежал пути даже красный заяц». Баддаги вели их вниз узенькою, извилистою и еле заметною, но неправильною тропой, не пересекаемою, видимо, никакими препятствиями.

Как раз перед заходом солнечным они вышли из лесу и скоро стали встречать на пути куимбатурцев из подгорных сел. Но им не пришлось знакомить их с проводниками. Завидя еще издали толпу возвращавшихся с работы кулей, баддаги мгновенно исчезли, прыгая с одной скалы на другую, словно стая испуганных обезьян. Так чудесно спасенные англичане остались снова одни. Но теперь они находились на опушке леса, и всякая опасность миновала. Подозвав людей, они узнали от них, что находятся почти в Малабаре; в Уинди, то есть стране диаметрально противоположной Куимбатуру. Целая горная цепь отделяла их таким образом от водопада Калакамбе и деревни, из которой они отправлялись. Малабарцы вывели их на большую дорогу и к ужину они были уже под гостеприимной кровлей *мунсифа*¹ небольшой деревушки. На другое утро они запаслись лошадьми и к вечеру прибыли благополучно в знакомую им деревню, в ту самую, откуда пустились в путь в заколдованные горы ровно двенадцать дней назад.

Слух о благополучном возвращении богохульных *саабов* из обители богов разнесся по селу и его окрестностям с быстротой молнии.

«*Дивы* не наказали дерзновенных... они даже не тронули *ферингов*, которые так смело вторглись в их веками замкнутые от остального мира владения... Что это значит? Неужели

---

¹ Староста.

они избранники *Сидду?*» — Вот что шепталось, сообщалось и передавалось из одного села в другое, пока не сделалось необычайным событием дня. Брамны хранили зловещее молчание. «Такова на этот раз, — говорили старики, — воля благословенных *див*; но что скажет будущее? Это одним им (сиречь, богам) известно». Волнение распространилось далеко за границы уезда. Целые толпы суеверных дравидов приходили простирались перед англичанами и отдавать им все предписанные для «избранников богов» почести.

Межевщики торжествовали. «Британский престиж» пустил глубокие корни и утвердился на долгие годы у подножия «Голубых гор»...

Глава 2

Новое восхождение на Тоддабетский пик. — Англия объявляет «Голубые горы» британской территорией и кладет Нильгири в карман. — «Боги» разжалованы в смертные. — Различные гипотезы о тоддах.

*А вы, друзья, как ни садитесь,
Все в музыканты не годитесь...*

До этой страницы, невзирая на данные, почерпнутые мною из печатных рассказов Киндерзлея и Уиша, наша быль все-таки выглядит сказкой. Не желая быть заподозренной даже в преувеличении, продолжаю описание уже со слов самого правителя куимбатурского, «высокоблагородного» (High Noble) Д. Сэлливана, из напечатанных в тот год его рапортов Ост-Индской Компании. Таким образом, наша быль примет чисто официальный характер. Она не будет уже, как то могло казаться доселе, извлечением из полуфантастического рассказа еле живых, голодных охотников, быть может, в припадке лихорадочного от лишений бреда и не одной ссылкой на сказки суеверных дравидов, а дословным пересказом донесений английского чиновника и изложением его последующих статистических работ касательно «Голубых гор». Мистер Д. Сэлливан жил на Нильгири и управлял его пятью племенами долгое время. Память об этом справедливом и

добром человеке не исчезнет еще много лет. Она живет доселе на холмах,¹ увековечена выстроенным им Уттакамандом с его прелестным озером и цветущими садами, а его книги, доступные каждому, служат свидетельством и подтверждением всего того, что читатель найдет далее. Интерес нашего рассказа может только возрасти от выписки подлинных слов покойного коллектора Куимбатурса.

Проверив во дни нашего личного пребывания на горах точность наблюдений над тоддами и курумбами целого роя чиновников и миссионеров и сравнив их показания и теории с данными из книг мистера Сэлливана и дословных показаний генерала и мистрис Морган, ручаюсь за достоверность сведений. Продолжаю летопись с того дня, как после чудного своего избавления землемеры вернулись в Мадрас.

Слухи о новооткрытой земле и ее жителях, о гостеприимстве и особенно об услуге, оказанной тоддами героям нашей второй главы, приняли под конец в стоустой молве такие размеры, что «отцы» проснулись и принялись наконец серьезно за дело.

Послали нарочного из Мадраса в Куимбатур. Теперь на путешествие туда требуется двенадцать часов, а тогда потребовалось двенадцать дней. Пришел приказ «правителю» уезда от главного начальства: «Поручается, де, г-ну коллектору, мистру Джону Сэлливану, исследовать и проверить глупые басни о «Голубых горах», а затем и донести о них по начальству».

Немедля коллектор снарядил экспедицию: уже не горсть людей, собранную кое-как межевщиками и тотчас же расстроенную, а такую экспедицию, словно он отправлялся с нею в полярные моря. С ним шла целая армия сипаев, несколько десятков боевых слонов, сотни охотничьих читт,² собак и пони, а в арьергарде следовали дюжины две опытных охотников-англичан. Везли подарки: тоддам оружие, которого они никогда не употребляют, а курумбам — праздничные тюрба-

---

¹ Сын его, мистер Е.О. Сэлливан известен всему Мадрасу, он уже несколько лет служит одним из четырех членов мадрасского генерал-губернаторского совета и живет почти все время на горах в Нильгири.

² Читты — вид гепардов, приученных к охоте за кабанами, медведями и сернами. Они в употреблении в Индии у всех охотников.

ны, которых те отродясь не надевали. Все было как следует. Везли палатки и инструменты, врачей и лекарства, быков на убиение и туземных арестантов для удобрения земли там, где приходится рисковать жизнью и терять людей, взрывая скалы и проводя дороги. Не везли только одного — туземцев-проводников, опять-таки потому что все люди этой профессии снова разбежались из деревень. Участь, постигшая двух малабарцев в первой экспедиции, была жива еще в памяти всех. То, что прошло даром «барасаабам», может взыскаться с туземцев, рассуждали запуганные браминами — с одной, а англичанами и их «престижем» — с другой стороны, уstraшенные дравиды.

Трое «больших раджей» прислали посольства из Майсура, Вадьяна и Малабара с инструкциями молить коллектора, чтобы он пощадил страну и ее многие народности. Гнев богов, — говорили они, — иногда бывает сдержан, но когда он разразится, то становится ужасным. Посягательства на священные вершины Тоддабета и Муккертабета должно будет отозваться неслыханными бедствиями для всего края. Семьсот лет тому назад цари Чоллы и Пандии, желая завладеть горами, отправились было с двумя армиями воевать с дивами, но не успели они перейти за туманы, как все были задавлены с обеими армиями и всем обозом обрушившимися на них огромными скалами. В тот день пролилось столько крови, что скалы сделались от нее с тех пор ярко-багровыми на протяжении целых миль, и даже земля стала красною.¹

Но коллектор остался непоколебим. Англичанина умолить всегда бывает трудно. Он не верит в могущество богов; зато все плохо лежащее всегда должно принадлежать ему — по божественному праву.

Итак, в январе 1819 года караван мистера Сэлливана тронулся в путь и стал восходить со стороны Денайгонкотты, то есть, оставив «смерть посылающий» водопад в стороне. Вот что затем читала недоумевающая публика в «Мадрасском курьере» от 30 января и 23 февраля в перепечатан-

---

¹ Действительно, в некоторых местах, особенно в Уттакаманде, не только скалы, но и земля, были красны, как кровь, но только от присутствия железа и других элементов. Дождь делает из улиц города красно-оранжевые потоки.

ных этой газетой донесениях коллектора. Сокращаю и даю резюме:

«Имею честь доложить высокопочтеннейшей (Most Honourable) Ост-Индской Компании и их превосходительствам, гг. директорам, что вследствие приказанья, полученного (такого-то числа и проч.), я отправился (следует повторение вышесказанного) ...в горы. Заручиться проводниками я не успел; ибо под предлогом, что эти горы принадлежат их богам, аборигены объявили мне прямо, что предпочитают тюрьму и смерть путешествию за черту «тумана». Вследствие сего, снарядив отряд из европейцев и наших сипаев, 2 января 1819 года мы стали подыматься из деревни Денайгонкотты, отстоящей от подножья Нильгирийского «пика» на две мили... Для наглядного понятия о климате на этих горах, имею честь представить следующие сравнительные таблицы от первого до последнего дня восхождения».

Таблицы показывали, что тогда как со 2 до 15 января по всему Мадрасскому президентству термометр (по Фаренгейту) показывал во все время от 85° до 106° жары, — на Нильгирийских горах, начиная от 1000 футов над морской поверхностью ртуть стояла всего на 50°, спускаясь затем по мере восхождения и показывая на высоте 8076 футов всего 32° (то есть до нуля по Реомюру) в самые морозные часы ночи.

Забежав на минуту вперед, мы видим, что теперь, когда Нильгирийские холмы покрыты европейскими плантациями, город Уттакаманд имеет до 12000 постоянных жителей и все приведено в порядок и известность, климат этой прелестной страны есть уже сам по себе невиданное и чудесное явление: в 300 милях от Мадраса и в 11 градусах от экватора, от января до декабря температура, невзирая на юго-западный и северо-восточный муссон, вращается постоянно между 15 и 18 градусами разницы в продолжение самых холодных, как и самых жарких месяцев в году, от восхода до захода солнечного, в январе, как и в июле, на 1000, как и на 8000 футов высоты. Вот наглядное доказательство этому, взятое из первых наблюдений г. Сэлливана.

Термометр,¹ января 2 на 1000 футов высоты:

---

¹ По Фаренгейту.

«В 6 часов утра — 57°; в 8 — 61°; в 11 — 62°; в 2 часа пополудни — 68°; в 8 часов вечера — 44°».

На 8700 футов высоты тот же термометр показывает 15 января: «В 6 часов утра — 45°; в полдень до 2 часов — 48°; в 8 часов вечера — 30°; ночью, в 2 часа, вода слегка замерзала в кувшинах».

И это в январе, замстьте, почти на 9000 футах над морем!

Внизу, в долине, 23 января, термометр стоял уже в 8 часов утра на 85° жары; в полдень — на 99°; в 2 часа пополудни — на 108°, а в 8 часов вечера — на 97°; в 2 часа ночи он показывал — 98°!

Чтобы не затруднять читателя цифрами, заключаю сведения о Нильгирийском климате следующей сравнительной таблицей средней температуры между Уттакамандом, ныне столицей «Голубых гор», Лондоном, Бомбеем и Мадрасом.

Лондон	50°
Уттакаманд (7300 ф.)	57°
Бомбей	81°
Мадрас	85°

Каждый хиревший и прощавшийся с печенью в Мадрасе спешил на эти благодетельные горы и почти всегда выздоравливал. В первые два года по основании Уттакаманда, то есть с 1827 до 1829 года, из 3000 постоянно поселившихся там жителей и 1313 приезжих временных гостей умерли только двое. В Уттакаманде год за годом смертность никогда не превышала $\frac{1}{4}$ %, и в замечаниях санитарного комитета говорится следующее: «Климат в Нильгири объявлен теперь с достоверностью самым здоровым в Индии. Губительное действие тропического климата не исчезает в нем только в тех случаях, когда у больного невозвратно разрушен один из главных внутренних органов» («Records of the Medical Baard of Madras»).

Говоря о вековом неведении окружающих Нильгири народов об этой чудной местности, мистер Салливан рассуждает о нем в своем донсении так:

«Нильгирийские холмы расстилаются между 76° и 77° восточной долготы и 11° и 12° северной широты. С северной стороны они неприступны вследствие почти перпендикулярных скал. На южной стороне, милях в сорока от Океана, они

покрыты до сей поры неисследованными, ибо непроходимыми, лесами; с запада и востока они замкнуты остроконечными утесами и холмами Хунда. Неудивительно, стало быть, что в продолжение многих веков они оставались вполне неизвестными остальному миру, а в Индии были ограждены от вторжения своею необычайною во многих отношениях своеобразностью».

«Взятые вместе эти две цепи, то есть Нильгирийская и Хундская, обнимают географическое пространство в 268494 квадратных мили, покрытое сплошь вулканическими скалами, долинами, ущельями и утесами».

Вследствие всего этого, уже на высоте 1000 футов экспедиция мистера Сэлливана увидела себя вынужденною оставить слонов и бросить почти весь багаж, так как приходилось продвигаться все выше и выше, перелезая через скалы посредством веревок и блоков. В первый день погибли три человека, на второй — семь человек арестантов. Сопровождавшие Сэлливана, Киндерзлей и Уиш не оказали ему ни малейшей помощи. Дорога, по которой их провели так легко на возвратном пути баддаги, исчезла навеки, как будто следы ее были замечены каким-то волшебством: ее не нашли еще и до сей поры, хотя искали ее долго и тщательно. На все вопросы баддаги притворялись непонимающими. Очевидно, аборигены не имеют намерения выдавать англичанам *всех* своих тайн.

По одолении главного препятствия, то есть отвесных утесов и скал, окружающих Нильгирийскую гору словно сплошною китайскою стеной, и после потери человек пятнадцати арестантов да двух сипаев, хотя партии предстояли еще большие затруднения, но она нашла себе скоро и награду. Подымаясь шаг за шагом, то вырубая выемки в скалах для ноги, то опускаясь снова на сотни футов на веревках в глубокие бездны, на шестой день путешествия англичане очутились наконец на довольно ровном месте. Здесь в лице коллектора Великобритании «объявила «Голубые горы» королевскую территорию. По водружении на высокой скале английского флага», — «нильгирийские боги сделались подданными его великобританского величества».

С этого часа экспедиция стала встречать следы человеческого жилья. Она увидела себя в «стране волшебной, величе-

ственной красоты»; но через несколько часов «эта картина вдруг чудодейно исчезла: мы снова попали в туман. Незаметно подкравшись, облако окутало нас со всех сторон, хотя мы давно, — как думали Киндерзлей и Уиш, — перешли за черту вечного тумана».

В те годы Мадрасское метеорологическое отделение обсерватории не успело еще решить характера этого странного явления и приписать оное, как теперь, его настоящим причинам.¹ Поэтому и мистер Сэлливан мог только, удивляясь, констатировать феномен, описав, как он тогда появился. «В продолжение целого часа, — пишет он, — мы чувствовали себя *осязательно* среди окружающего нас теплого, мягкого, как *пух*, тумана, что доказывали наши насквозь промокшие платья. На расстоянии полушага люди стали друг у друга пропадать на глазах: — до того облако было густо; а затем люди, как и части окружающей нас панорамы, начали быстро прыгать перед нами, то появляясь, то снова исчезая в этой мокрой и словно освещенной бенгальским огнем голубоватой атмосфере»...

Местами вследствие затруднительного медленного подъема «пар делался до того невыносимо горяч», что некоторые из европейцев «чуть было не задохлись».

К сожалению, ни натуралисты, ни физики высокопочтенной Компании, сопровождавшие мистера Сэлливана, не могли или не успели исследовать этого явления. Не далее как через

---

¹ Во время муссонных дождей, особенно юго-западного муссона, атмосфера постоянно более или менее наполнена густыми испарениями. Туман, формируясь сперва на вершинах, по мере того, как жара дня уступает вечерней сырости и пары опускаются ниже, растилается по всем скалам подножья. К этому следует прибавить постоянные болотные испарения из лесов, где древесная чаща сохраняет почву влажною круглый год, и где болота и пруды никогда не высыхают, как то бывает в долинах. Вследствие этого Нильгирийские горы, опоясанные рядом выступающих вперед утесов с далеко нависшими скалами, удерживают большую часть года пары, которые затем и превращаются в туман. За чертой их атмосфера в горах всегда чрезвычайно чиста и прозрачна: туманы бывают видны только снизу, а с больших высот их не видно. Но все-таки мадрасские ученые не могут решить до сей поры проблему необычайно яркого голубого цвета как туманов, так и самих гор.

год после того было уже поздно изучать его: как только большая часть утесов, которые когда-то опоясывали «холмы», стали исчезать один за другим, взрывающиеся для прокладки дорог в Нильгири, исчезло бесследно и само явление.¹ Пропал голубой пояс Нильгири. Теперь туман является гораздо реже:— только во время муссонов. Зато сами горы сделались еще сильнее издали, еще более яркого, лазоревого цвета...

Первые донесения коллектора полны хвалений и удивления природному богатству и изобилию этой чудной страны. «Где только мы ни проходили, почва оказывалась всюду превосходною. Мы узнали от баддаг, что она дает по два урожая в год пшеницы, ячменя, гороха, опиума и других разных злаков. Невзирая на мороз январских ночей, мы нашли мак в полном цвету. По-видимому, мороз не оказывает в этом климате никакого действия на растительность... Во всех долинах и ущельях мы находили превосходную воду. На каждой четверти мили непременно встречался горный ручей, который нам приходилось, часто с опасностью, переходить вброд. Многие из источников сильно пропитаны железом, температура некоторых Превышала намного температуру воздуха... Куры и домашняя птица, найденная у оседлых баддаг, вдвое больше самых крупных пород той же птицы в Англии; а наши охотники нашли, что нильгирийская дичь, особенно фазаны, куропатки и зайцы, последние совершенно красного цвета, тоже гораздо крупнее этой дичи в Европе. Волки и шакалы встречались нам целыми стаями... Также попадались тигры, очевидно, еще не знакомые с ружьем и несколько пар слонов. Последние, посмотрев на нашу компанию, отвертывались довольно равнодушно и уходили в лес, не торопясь и как бы в полном неведении о возможной опасности... Южная сторона гор, покрытая на 5000 футов своей высоты тропическими, вполне девственными лесами, изобилует слонами особенного, почти черного цвета и величиной выше цейлонских слонов. Змей много и весьма красивых; в местностях, превышающих 3000 футов. они совсем безвредны (как это теперь доказано). Обезьян тоже несчетное число и на всех высотах».

---

¹ А дорога до сих пор, то есть конная, только одна Силурская из Мегонполлама: все другие опасны, и по ним могут проходить только пешие и привычные кули да их маленькие пони.

Да будет замечено к слову, что англичане безжалостно с тех пор их истребляют.¹ Бедные наши горемычные «прародители»! И каких только нет в Нильгири обезьян: от больших черных, с серыми пушистыми капюшонами «лангуров» — *Presbytis jubatus* — до «льва-обезьяны» *Jnuus eilenus*. Лангуры живут на вершинах самых высоких скал, в глубоких трещинах отдельными семействами, как настоящие «пещерные первобытные люди». Красота их меха служит предлогом к жестокому избиению европейцами этого кроткого и чрезвычайно умного животного. «Львы-обезьяны» счастливее. Они избегли такой горькой участи, выбрав себе местом жилья такие тущобы, куда еще не заходила нога человека. «Льва-обезьяну» можно встретить только на опушке леса на южной стороне «Голубых гор», куда они выходят иногда погреться на солнце. Завидя человека, они тотчас же спасаются в непроходимые чащи Малабарских лесов. Голова у этой обезьяны совершенно львиная, с бело-желтою гривой и пучком таких же волос на кончике хвоста, откуда и название их.

В этом описании флоры и фауны «холмов» я, конечно, придерживаюсь не одних показаний и исследований Сэлливана во время его первого восхождения. В те дни он знал еще очень мало и описывал лишь то, что встречал в дороге, вследствие чего я и дополняю его показания позднейшими открытиями.

Наконец, они напали на след настоящих обитателей и владельцев Нильгирийских гор, тоддов и курумбов. Чтобы не возвращаться опять к предмету, скажем тотчас же, что тогда как по позднейшим сведениям баддаги, живущие с тоддами уже около семисот лет, являлись иногда им одним известными дорогами в полянах Куимбатура, где живут их сродники, другие баддаги — тодды и курумбы — оставались совершенно неизвестны туземцам. Они и теперь, когда давно уже установилось правильное и ежедневное сообщение между Уттакамандом и Мадрасом, никогда не сходят со своих гор. Долго не знали, чему приписать такое неестественное молчание баддаг о существовании двух живущих вместе рас. Теперь решили, и кажется весьма справедливо, что тайна объясняется

---

¹ Туземный шикари, если он не магометанин, ни за что не убьет обезьяны; она для него священна всюду в Индии.

лишь одним суеверием, начало и причина которого, впрочем, все еще остаются европейцу необъяснимыми, а для каждого туземца — весьма понятными. Не говорили баддаги о тоддах потому, что для них тодды — боги, неземные существа, которых они боготворят; а произносить имена своих *фамильных*, раз избранных божеств,¹ считается у индусов за величайшее им оскорбление, за кощунство, на которое не решится ни один туземец, даже под угрозой смерти. А курумбов они ненавидят, страшась их столько же, сколько обожают тоддов. Одно уже, хотя бы тихо произнесенное имя «Курумбы», навлекает, по их мнению, несчастье на того, кто его произносит.

Поднявшись на высоту 7000 футов и выйдя на волнообразную широкую поляну, партия изыскателей нашла группу зданий у подножья скалы, которые Киндерзлей и Уиш тотчас же признали за уже виденные ими дома тоддов. Каменные домики без окон и дверей, с их пирамидальными крышами, были им слишком памятны, чтобы они могли их забыть. Заглянув в единственное отверстие, служащее в таких домах вместе окном и дверью, они нашли жилища пустыми, хотя видимо обитаемыми. Далее, мили за две от этой первой «деревни», они увидели:

«...Картину, достойную кисти художника и перед которою мы остановились в неопишемом изумлении, а сопровождавшие нас сипай-туземцы — в великом и суеверном страхе», — докладывает коллектор. — «Перед нашими глазами открывалась сцена из быта древних патриархов. На разных пунктах пространной, обрамленной кругом высокими утесами долины паслось несколько стад огромных буйволов с колокольчиками и серебрянными бубенчиками на рогах... а далее — группа длинноволосых, с седыми бородами почтенного вида старцев, укутанных в белые мантии»...

То были, как они узнали позднее, старшины поджидавших их тоддов и священные буйволы *Тоуэля* (ограды храма)

---

¹ Каждое семейство индусов, хотя и принадлежащее к одной секте и одной касте с прочими, выбирает себе свое особенное, именно, *фамильное* божество из 33 миллионов национального пантеона; и об этом божестве, хотя оно всем бывает известно, члены семьи никогда не упоминают, считая каждое произнесенное о нем слово — *профанацией*.

этого племени. Вокруг них полулежали, сидели, ходили и стояли «в позах, живописнее коих ничего нельзя себе вообразить», человек семьдесят или восемьдесят мужчин с непокрытыми головами. При одном взгляде на таких «красивых, рослых Голиафов» первая мелькнувшая в голове почтенного англичанина и патриота мысль была о возможности «сформировать особенный полк из этих молодцев и, послав в Лондон, подарить его королю!»... Позже он сам увидел непрактичность такой мысли: но в первые дни тодды поразили его и «совершенно заполонили своею замечательною, совсем не индийского типа, красотой». Шагах в двухстах от мужчин сидели их женщины, с длинными, гладко причесанными и распущенными по спине волосами и в таких же мантиях. Он насчитал их около пятнадцати и с ними — с полдюжины ребятишек, совершенно нагих, невзирая на январский холод.

В другом описании гор¹ товарищ Сэлливана, полковник Хеннесей, распространяется на десяти страницах о разнице между тоддами и другими индусами, с которыми в неведении их языка и обрядов долго их смешивали.

«Как англичанин разнится от китайца, так тодд отличен во всем от других туземцев», — пишет он. — «Теперь, когда я узнал их лучше, мне становится почти понятным, почему баддаги, сродников коих мы знавали и прежде в горах Майсура, взирают на этих людей как на высшую, почти божественную расу... Тодды положительно похожи на богов, как их представляли древние греки. Из нескольких сот молодцов (fine men) этого племени я еще не видал ни одного ниже 6 $\frac{1}{4}$ футов ростом. Они сложены великолепно и черты лица у них чисто классические... прибавьте верные, блестящие, густые волосы, обрезанные (в кружок) низко на лбу, над бровями, а за ушами падающие на спину тяжелыми массаами кудрей, и вы получите некоторое представление об их красоте. Усы и бороды их, которые они никогда не стригут, такого же цвета. Большие, карие, иногда темно-серые и даже синие глаза смотрят на вас глубоким, нежным, почти женским взглядом... улыбка кроткая и веселая, как бы младенческая в своем выражении. Рот, даже у дряхлых стариков, украшен крепкими, целыми, часто вели-

---

¹ «The Tribes of the Nilgherry Hills».

коленными зубами. Цвет лица светлее северных канарезцев. Одеваются они все одинаково: род римской белой тоги из полотна, с одним концом, закинутым сперва под правую руку, а затем — назад, за левое плечо. В руках посох с фантастическими на нем вырезками... Когда я узнал его мистическое назначение и веру владельцев в его магическую силу, этот маленький, в два с половиной фута длины бамбук смущал меня не раз... Но я не смею, *не имею права*, выдав неоднократно *то, что я видел*, отрицать справедливость такого их заявления и веры. Несмотря на то, что в глазах христианина вера в магию должна всегда казаться греховною, не чувствую за собой права опровергать и смеяться над тем, что считаю, невзирая на отвращение, истинным фактом».¹

Но не станем забегать вперед. Эти слова написаны много лет назад. Как Салливан, так и Хеннесей, видели тогда тоддов впервые и упоминали о них официально. Но даже в этом чиновничьем изложении фактов звучит недоумение, проглядывает то же сдержанное удивление и любопытство касательно этого таинственного племени, как и у всех других.

«Кто они такие?..» — рассуждает Сэлливан в донесении. — «Хотя они видели белых людей во второй уже раз, но все-таки их величавое спокойствие и горделивая осанка смутили меня, так мало они походили на то, что мы привыкли видеть в подобострастных манерах туземцев Индии. Они как будто поджидали нашего прихода. Отделясь от толпы, высокий старик пошел нам навстречу, а за ним шли двое других, неся в руках чаши из древесной коры, наполненные молоком. Подойдя на несколько шагов, они остановились и заговорили с нами на совершенно незнакомом нам языке. Видя, что мы не поняли ни одного слова, они тотчас же переменили его на мало-ялимский, а потом на канарезский язык (на котором говорят баддаги), после чего мы разговорились свободнее».

«Для этих странных аборигенов мы были людьми как бы с другой планеты. «Вы не из наших гор. Наше солнце — не ваше солнце, и наши буйволы вам неизвестны», — говорили мне старики. — «Вы родитесь, *как рождаются баддаги*, а не мы (!?)», — заметил другой, несказанно удивив меня этим. Из

---

¹ J.d. c.272.

этих слов нам делалось ясно, что для них мы были обитателями земли, о которой они кое-что знали, хотя до сей поры никогда не видели ни ее самой, ни ее жителей; но что самих себя они считали совсем особенною породой».

Когда они все уселись на густой траве, возле стариков, а прочие тодды стояли в отдалении, англичанам было объявлено, что их ожидали уже несколько дней. Баддаги, служившие до того времени тоддам единственным звеном сообщения между ними и остальным миром, то есть Индией, успели уже их предупредить, что белые раджи, проведая от двух спасенных ими охотников об «обители буйволов», идут к ним в горы. Они тогда же сообщили мистеру Сэлливану, что у них много уже поколений существовало пророчество о том, что к ним придут люди из-за морей и поселятся у них, как до того поселились баддаги. Что им придется уступить часть владений и «жить с ними как с братьями одной семьею». «Такова воля их»,— добавил один из старцев, указывая на буйволов,— «они лучше знают, что для детей хорошо, и что дурно».

На это мистер Сэлливан замечает: «В то время мы не поняли этой загадочной фразы о буйволах и только впоследствии узнали ее смысл. А смысл хотя и странный, но далеко не новый нам — в Индии, где на корову взирают, как на существо священное и неприкосновенное».

В тоддах, невзирая на их собственные предания, которых они упорно держатся, английские этнологи желали бы признать остатки «некоего гордого племени», ни имя, ни другие приметы коего им, впрочем, неизвестны. На таком твердом основании они строят свою гипотезу, которая состоит в том, что это *гордое* племя, *вероятно*, занимало некогда (а именно когда — неизвестно) надречные низменности Даккана; пасло свои священные стада буйволов (которые, между прочим, никогда не считались священными в Индии), задолго до эпохи, в которую их последующие соперницы, коровы, монополизировали народное благоговение. Затем предполагается, что то же *гордое* племя «свирепо отражало и задерживало вторжение приходивших постоянно из-за северных гор (то есть Гималаев) арийских племен или макс-мюллеровских браминов «с Оксуса».

Эта милая и на первый взгляд правдоподобная гипотеза опять-таки разлетается в куски перед известным фактом, что

тодды, хотя и действительно «гордое племя», но не только сами никакого оружия не носят, а даже не сохранили о нем ни малейшего воспоминания. А если, как сказано, они не держат при себе ни ножа в защиту от диких зверей, ни даже собаки для ночной охраны, то видно у них есть другие способы к отражению врага, кроме *вооруженной* силы.¹

По мнению мистера Сэлливана, тодды совершенно закономерно предъявляют права на «Голубые горы», как на свою вековую собственность. Они заявляют, а проживающие здесь столетиями соседи подтверждают это право давности собственным сознанием. Они показывают единодушно, что тодды владели уже горами, когда пришли самые ранние поселенцы других племен, именно, муллу-курумбы, за ними баддаги и за баддагами хотты и эруллары. Что все эти племена просили и получали от тоддов, которые прежде жили одни, позволение селиться на горах. За это дозволение все четыре племени всегда платили тоддам дань не деньгами, потому что до прихода англичан деньги были неизвестны на горах, но натурой: несколько горстей зерен с каждого обрабатываемого поля от баддаг, несколько штук железных изделий, необходимых для постройки домов и домашнего обихода от хоттов, коренья, ягоды и плоды от курумбов и т. д.

Все эти пять рас во всем весьма резко отличаются одна от другой, как мы это тотчас увидим ниже. Их языки, религии, обычаи, также, как и типы, не имеют ничего общего. По всей вероятности, эти племена — последние остатки доисторических рас аборигенов южной Индии; но если кое-что и было узнано о баддагах, хоттах, курумбах и эрулларах, то на тоддах история завязла, как на мели. Судя по древним могилам на «холме» да некоторым развалинам храмов и капищ, не только тодды, но и курумбы должно быть достигли в доисторические времена некоторой цивилизации: у тоддов есть положительно нечто вроде писем, какие-то знаки вроде гвоздеобразных записей у древних персов.

Но чем бы тодды ни были в далеком прошлом, теперь они совсем патриархальный народ, вся жизнь коего сосредоточена на его священных буйволах.

---

¹ J.d. См. главу IV.

Из этого многие писавшие о тоддах заключили, что они поклоняются буйволам, как богам, то есть проповедуют зоолатрию. Но это не так. Сколько нам известно, их религия имеет характер гораздо более возвышенный, нежели простое и грубое поклонение животным.

Второе и последующие донесения мистера Сэлливана еще интереснее. Но так как я привожу слова почтенного английского чиновника только ради подтверждения собственных наблюдений и показаний, то здесь не место повторять эти донесения. Позволю себе только представить еще несколько дополнительных статистических замечаний, как его самого, так и других чиновников о пяти племенах Нильгири.

Вот сжатое показание из статистического сочинения о них полковника Торнтон.

«1. Первыми на скатах гор за чертой водопада встречаются *эруллары*. Они живут в настоящих земляных норах и питаются кореньями. Теперь, с приходом англичан, они стали менее дики. Они живут группами от трех до четырех семейств, и их насчитывают около тысячи душ.

2. Над ними живут *курумбы*. Эти разделяются на две ветви: а) просто курумбы, живущие в землянках, которые образуют деревушки и б) муллу-курумбы, отвратительного вида и необычайно малого роста люди, которые живут в настоящих гнездах на деревьях и похожи более на больших обезьян, нежели на человеческие существа».

Примечание. Хотя и в других городах Индии есть племена, схожие в общих чертах и даже носящие то же название, но они резко отличаются во всем от этих двух племен, особенно от курумбов, страшилищ и злых гениев, избегаемых всеми другими племенами, кроме тоддов — царей и властителей Голубых гор.

Как хорошо известно, *курумбан* — тамильское слово, означает «карлик»; но в то время, как курумбы низменностей — просто очень маленькие аборигены, нильгирийские курумбы часто не превышают трех футов ростом. Оба эти племени не имеют и понятия о необходимых и самых элементарных потребностях жизни и почти не вышли из состояния самых грубых дикарей, *выказывая признаки самой первобытной расы человечества*. Они говорят на языке, более напоминающем

щебетание птиц и горловые звуки обезьян, нежели людской говор, хотя у них изредка и встречаются слова из многих древних диалектов дравидской Индии. Численность эрулларов и курумбов не превышает тысячи в каждом племени.

3. *Кохтары*. Еще более странная раса. Они не имеют понятия о различии каст и отличаются столько же от других горных племен, как и от туземцев Индии. Столь же дикие и первобытные, как эруллары и курумбы, живя, как кроты, в земляных норах и на деревьях, они — странное дело — оказываются превосходными золотых и серебряных дел мастерами, кузнецами и горшечниками. Они обладают секретами выделки стали и железа, их ножи, как и другое оружие, крутостью, отточкой и своею почти несокрушимою крепостью превосходят все когда-либо фабрикованное в Азии или в Европе. Кохтар не употребляет другого, кроме остро отточенного с обеих сторон, длинного, как вертел, оружия. Но с ним он идет и на кабана и на тигра, и даже на слона, и всегда берет верх над зверем.¹ Кохты не выдают своей тайны ни за какие деньги. Ни одно из племен в горах не занимается таким мастерством. Где они могли познакомиться с ним — это еще одна из загадок для наших этнологов. Религия их не имеет ничего общего с религиями других аборигенов. Кохты не имеют понятия о богах браминов и поклоняются каким-то фантастическим божествам, которые у них не изображаются. Число кохт, насколько мы могли привести в известность, не превышает 2500.

4. *Баддаги*, или «бюргеры». Самое многочисленное, богатое и цивилизованное из всех пяти горных племен Нильгири. Они — браминисты и разделяются на несколько кланов. Их около 10000, и почти все они занимаются земледелием. Баддаги почему-то поклоняются и оказывают божественные почести тоддам; последние стоят для баддаг несравненно выше их бога Шивы.

5. *Тодды*, называемые также тоддуварями. Эти разделяются на два большие класса. Первый из них, класс священно-

---

¹ Теперь, когда давно уже узнали, что кохты обладают таким секретом, все стараются заказывать у них ножи и дают оттачивать оружие. Простой с грубым клинком нож, сделанный коптом, оплачивается в несколько раз дороже самого лучшего шеффильдского ножа.

действующих, известен под названием *тералли*; принадлежащие к нему тодды посвящены служению буйволам, приговорены к вечному безбрачию и совершают какие-то непонятные обряды, которые они весьма тщательно скрывают от европейцев и даже ото всех не принадлежащих к их племени туземцев. Второй класс — *кутты*, простые смертные. Насколько нам известно, первые составляют аристократию племени. В этом небольшом племени мы насчитали 700 человек, и, судя по их показанию, их численность никогда не превышала этой цифры».

Дабы показать, что сюжет этой были «вполне достоин внимания, добавим к показанию мистера Сэлливана мнение авторов книги, изданной в 1853 году по приказанию Ост-Индской компании. «The States in India», статья о Нильгири. Там говорится о тоддах следующее:

«Это крошечное племя привлекло за последнее время весьма восторженное и серьезное внимание не только посетителей Нильгири, но и лондонских этнологов. Интерес, возбуждаемый тоддами, очень замечателен. Они заслужили необыкновенные (in no ordinary degree) симпатии мадрасских властей. Этих дикарей описывают как великолепно сложенную атлетическую расу великанов, найденных самым неожиданным образом в недрах Гхаты. Манеры их полны грации и достоинства, а наружность можно характеризовать так...»

За этим следует уже известное описание наружности тоддов. Параграф о тоддах кончается фактом, на который я нарочно назираю, ввиду его многозначительности и прямого отношения к разъяснению события, коего мы были очевидцами, и опять-таки сознанием полного неведения их истории и происхождения.

«Тодды не употребляют никакого оружия, *кроме короткой тросточки из бамбука, которая никогда не покидает их правой руки*. Старания многих лет узнать что-нибудь об их прошлом, о языке и религии, остались вполне безуспешными. Это самое *таинственное племя из всех народов Индии*» (с. 692).

Мистер Сэлливан оказался весьма скоро *вполне работоспособным* «Нильгирийским Адонисами», как их прозвали ранние поселенцы и плантаторы на «Голубых горах». То был первый, может единственный а Англо-Индии пример, чтоб

английский чиновник *бара-сааб* открыто *бртался*, вступал бы в такие интимные дружеские сношения с подвластными ему аборигенами, как то делал куимбатурский коллектор. В награду за подарок Компании еще лишнего куска территории в Индии его также повысили в чин «главноуправляющего» «Голубыми горами». Там мистер Сэлливан прожил около тридцати лет; там он и умер.

Что же его привлекало к этим людям? Что могло быть на самом деле общего между цивилизованным европейцем и совершенно примитивными людьми, как тодды? На этот вопрос, как и на многие другие, нам никто еще не мог ответить. Не потому ли, что все неизвестное, таинственное, привлекает нас, как пустое пространство, и, производя головокружение, притягивает к себе, подобно бездне? С практической точки зрения, конечно, тодды не более как дикари, совершенно незнакомые с первыми основными правилами цивилизации, и даже на вид, невзирая на их физическую красоту, довольно грязные. Но дело не в наружной их оболочке, а во внутреннем, духовном мире этого народа. Во-первых, тодды *совершенно незнакомы с ложью*. На их языке даже не имеется таких слов, как «неправда» или «ложь». Воровство или даже простое присваивание не принадлежащего им — также им неизвестны. Достаточно прочесть то, что о них говорит капитан Гаркнесс в своей книге, озаглавленной «A Strange Aboriginal Race» («Странное племя аборигенов»), дабы убедиться в том, что такие редкие качества не суть продукт единственно нашей цивилизации. Вот что пишет о них этот известный путешественник:¹

«... Прожив около двенадцати лет в Уттакаманде, говорю положительно, что никогда не встречал народа, как в цивилизованных, так и в первобытных странах, который выказывал бы такое религиозное уважение к праву *meum et tuum*, как тодды. Они внушают это чувство детям с самого нежного возраста. Мы (англичане) не нашли между ними ни одного вора! Обман и ложь им неизвестны, кажутся невозможными» (с. 18-36). А далее: «Как и у туземцев низменной страны южной Индии, ложь во мнении этого племени самый подлый, непростительный порок. Фактическим доказательством этому врожденному в них чувству является на высоте Додабетского пика

---

¹ «A Strange Aboriginal Race», by Captain Harkless, с. 37.

их единственный храм: он посвящен ими отрешенному боже-
ству, Истине (Temple of Truth). Тогда как среди жителей долин
как самый символ, так и самое божество слишком часто забы-
ваются, тодды поклоняются обоим, питая к идее и символу, в
теории, как и на практике, самое искреннее ненарушимое чув-
ство уважения»... (с. 31). Вот именно такая нравственная чистота
тоддов и их редкие душевные качества привлекли к себе не
только мистера Сэлливана, но и многих миссионеров. Надо
принять во внимание значение такой похвалы в устах людей,
непривыкших отзываться с особенною похвалой о тех, на кого
они сами не производят никакого впечатления.¹ А на тоддов
прибытие миссионеров да и вообще англичан с первого до по-
следнего дня произвело не более впечатления, как если бы вме-
сто живых людей эти дикари были каменными статуями. Мы
знавали миссионеров и даже одного епископа, которые не уст-
рашились ставить нравственность тоддов в пример своей «вы-
сокорожденной» пастве публично в церквах по воскресеньям.

Но в них действительно есть нечто еще более привлека-
тельное, если не для публики — вообще, и для статистиков в
частности, то для тех, которые посвятили себя всецело изуче-
нию более отвлеченной стороны человеческой природы:
именно таинственность, чувствуемая всеми в соприкоснове-
нии с тоддами, и та психическая сила, о которой было упомя-
нуто в первой главе. Об обеих мы имеем сказать многое.

Коллектор, проведя в горах дней десять, вернулся в Куим-
батур, а оттуда отправился в Мадрас, дабы отдать лично пол-
ный отчет главной конторе Компании о своем путешествии на
«Голубые горы». Исполнив эту обязанность, Сэлливан вернул-
ся немедленно в привлекающие его горы и к сильно уже интересо-
вавшим его тоддам. Там он первым построил себе европейский
дом, *каждый камень которого был ему принесен тоддами.*

«Откуда они доставали *эти* большие, хорошо обтесанные
камни, так и осталось до сей поры загадкой», — рассказывал
генерал Морган.

С первого дня коллектор сделался другом, покровителем
и защитником тоддов, и в продолжение тридцати лет он стоял
за них горой, ограждая их самих и их интересы от алчности и

---

¹ До сих пор, то есть до 1883 года, невзирая на все усилия мис-
сий, не было ни одного примера обращения тодда в христианство.

несправедливых захватов Ост-Индской Компании. Он не говорил о них в официальных бумагах иначе, как «о законных владельцах почвы» (the legal lords of the soil) и заставил «почтенных отцов» считаться с тоддами. В продолжение многих лет Компания платила им аренду за уступленные ими леса и поляны. Все время, пока мистер Сэлливан был жив, никому не позволялось обижать и делать захватов на землях, которые тодды заранее указали англичанам, как на свои священные пастбища, оговорив их в контрактах.

Эффект донесения мистера Сэлливана в Мадрасе был громадный. Все, что только жаловалось на климат, все, что страдало печеню, лихорадкой и другими болезнями, так щедро расточаемыми европейцам тропиками, да имело средства на переезд, все это бросилось по направлению к Куимбатуру. Из несчастной деревушки Куимбатур сделался в несколько лет уездным городом. Установилось тотчас регулярное сообщение между Матополламом у подошвы Нильгири и Уттакамандом,¹ городом, основанным в 1822 году на высоте 7500 футов. Вскоре стала переезжать туда, с марта до ноября, вся мадрасская бюрократия. Вилла за виллою, дома за домами стали вырастать на цветущих скатах гор, как грибы после весеннего дождика. По смерти мистера Сэлливана плантаторы завладели почти всею местностью между Котхагири и Утти. Пользуясь тем, что «владельцы гор» выговорили себе самые высокие места на Нильгири для пастбищ «священных» буйволов, англичане присвоили себе девять десятых «Голубых гор». Миссионеры воспользовались случаем, чтобы осмеять туземцев и их суеверие в богов и горных гениев. Все оказалось напрасным. Баддаги продолжали держаться своих особенных взглядов на тоддов, хотя скоро тем пришлось довольствоваться голыми верхушками скал, которые они теперь разделяют с лангурами. «Отцы» Компании, а после них и правительственные бюрократы, хотя и продолжали на бумаге величать тоддов «законными властителями почвы», на деле же под шумок стали заявлять себя, как и всегда, «лордами над баронами».²

---

¹ Для сокращения его все называют «Утти». Так будем и мы говорить о нем.

² Так называют англичан в Раджастхане, где они официально именуют такуров и раджей «баронами» — the feudal barons of

На курумбов пока не обращали внимания. С первого появления англичан курумбы, словно они были действительно тем, чем казались, отвратительного вида гномами, точно исчезли под землей. О них не слыхали и их не видели в первые годы по открытии. Потом они стали мало-помалу показываться и селиться в болотах и под сырими нависшими скалами. Однако вскоре они дали о себе знать... Каким образом, — это будет рассказано в дальнейших главах; теперь же мы займемся сперва тоддами и баддагами.

Когда стали приводить в известность и порядок новое хозяйство и собирать сведения для статистики новых племен, почтенные этнологи нашли отпор, какого никогда не ожидали. Им встретились по вопросу о происхождении тоддов непреодолимые затруднения и пришлось почти впервые сознаться, что после двадцатилетних усилий узнать что-либо о них верные так же невозможно, как и причислить их к какому-либо из других племен Индии. «Легче проникнуть на Северный полюс, нежели в душу тодда», — пишет миссионер Метц. На что полковник Хенессей отвечает: «Единственное сведение, которого мы могли после стольких лет добиться состоит в следующем: тодды утверждают, что с тех самых пор, как «царь Востока» (?) даровал им эти горы, они живут на них и ни разу не отлучались и даже не сходили с вершин... Но к какому именно периоду мы должны причислить эпоху этого неизвестного царя Востока? Нам отвечают, что они живут на «Голубых горах» вот уже *сто девяносто седьмое* поколение! Считая по три поколения на каждое столетие (хотя мы видим, что тодды замечательно долговечны), окажется, если верить им, что они поселились здесь около 7000 лет тому назад. Они настаивают, что их праотцы пришли на остров Ланку (в этом, как и в прочих именах ошибки нет, это очевидно) с востока, со «стороны восходящего солнца», и служили *праотцам царя Раваты*, мифического царя-демона, побежденного не менее мифическим Рамой, около двадцати пяти поколений тому назад; значит, считая по принятому исчислению, около 1000 лет назад, что, если прибавить эту цифру к первой, составляет им

Rajistan, а сами при каждом удобном случае вспоминают им, что они только их *вассалы*.

родословную более 8000 лет! Оказывается, что мы или должны принять эту сказку, или же откровенно сознаться, что кроме этих не имеется никаких следов об их загадочном прошлом!...»¹

Так кто же такие, наконец, эти люди?

Задача, конечно, трудная, если вспомнить, что этот вопрос не подвинулся ни на шаг вперед с 1822 года. До сего дня старания многих наезжающих из Лондона и Парижа в разные времена филологов, этнологов, антропологов и всяких других логов, не увенчались ни малейшим успехом. Напротив, чем более о них старались разузнать, тем менее получаемые сведения оказывались подходящими к прямому вопросу. Все приобретенное сводилось под один и тот же итог: тодды не принадлежат к обыкновенному человечеству. Они рождаются и умирают только *для виду*, их миссия на земле охранять их верных слуг баддагов от козней муллу-курумбов, и т. д.

Понятно, что такие данные не могли находить себе места в «истории народов Индии». За недостатком более верных сведений, господа ученые утешились гипотезами собственного изобретения. Вот некоторые из них.

Первым теоретиком является натуралист Лешено де ла Тур (Leschenault de la Tour), ботаник короля французского. Его письма по этому вопросу чрезвычайно интересны своею оригинальностью.² Почтенный ученый, вследствие каких-то, ему одному свойственных соображений, признал тоддов за выкинутых кораблекрушением на Малабарский берег не то бретонских, не то норманских крестоносцев. В горах кавказских нашлись же крестоносцы, признанные в хевсурах и тушинах; так почему же им не быть и в горах малабарских? В первое время эта мысль улыбнулась многим.

К сожалению, выяснилось очень скоро одно обстоятельство, которое уничтожило разом такое поэтическое предположение: у тоддов нет не только на их языке, но нет даже и в мыслях таких слов, как *Бог, крест, молитва, религия, грех* или какого-либо подобного выражения, напоминающего даже просто монотеизм и деизм, не говоря уже о христианстве.

---

¹ «The Nilgherri Toddas».

² Часть этих писем печаталась от 1 июня 1820 года до 15 декабря 1821 года в «Мадрасской газете».

Тоддов нельзя даже назвать язычниками, потому что они не поклоняются никому и ничему, кроме собственных буйволов, именно только *собственных*, так как буйволы чужие, других племен, не пользуются никаким от них почетом. Одно молоко, с прибавлением ягод и плодов из *их* лесов составляет их единственную пищу. Но они скорее умрут с голоду, нежели дотронутся до молока, сыра или масла от *других* буйволиц, кроме их собственных, *священных* кормилиц. Они никогда не едят мяса, как не сеют и не жнут, считая всякую работу, кроме доения буйволиц и ухода за стадами, чем-то вроде бесчестья.

Один такой образ жизни достаточно показывает, что между крестonosцами средних веков и тоддами очень мало общего. К тому же, как не раз сказано, они не умеют владеть оружием и никогда не проливают крови, чувствуя к ней нечто вроде священного ужаса. Кавказские горцы на северо-востоке от Тифлиса, как пшавы и хевсуры, так и тушины, сохранили у себя много средневекового оружия и утвари; у них немало и христианских обычаев.¹ А у тоддов не найдется не только средневекового, но и простого современного ножа. Все это, в связи с главным вышеупомянутым фактом, что у тоддов нет ни малейшего представления о божестве, делают теорию Лешено де ла Тура уже совсем неподходящею...

Затем пошла в ход, хотя и давно избитая, но излюбленная и многоспасительная в таких случаях теория о кельто-скифах. Но и эта по своему обыкновенно скоро провалилась. Когда тодда умирает, его сжигают с разными любопытными обрядами, вместе с любимым буйволом, а в том случае, когда покойник был «священнодействующим», приносится в жертву от семи до семнадцати голов этих животных. Но буйволы все-таки не лошади; а тип лица тоддов — совершенно европейский, сильно напоминающий уроженца южной Италии или Франции, довольно трудно согласовать с типом скифа, насколько мы о нем знаем. Лешено де ла Тур сильно боролся с препятствиями, но как только его осмеяли, он тотчас же бро-

---

¹ К тому же эти горцы доказывают свое немецкое происхождение уже тем, что варят пиво и делают колбасы. Да и милиция, поставленная ими во время войны, была одета в панцири и кольчуги, в шишаки с забралами и явилась даже с *крестами* на правом плече.

сил свою теорию. Гипотеза же о скифах, невзирая на всю нелепость предположения, держится и до сей поры.

Потом явилась на сцену вечно побиваемая и вновь оживающая теория о десяти «потерянных племенах Израиля». Миссионер немец Метц с помощью некоторых своих собратьев из англичан, одаренных одинаковым с ним пламенным воображением, принялись разрабатывать эту теорию с восторгом. Но в опровержение этой фантазии достаточно повторить уже неоднократно сказанное выше, что у тоддов никогда не было и тени *никакого* Бога, тем менее — Бога Израиля.

Тридцать три года жил с тоддами и бился с ними бедный благочестивый немец. Он жил их каждодневной жизнью, перекочевывая с ними с места на место; ¹ мылся раз в год, питался одною молочною пищей, наконец растолстел и получил водянку. Он привязался к ним всеми силами своей любящей, честной души, и хотя не окрестил ни одного тодды, но хвалился, что научился превосходно их языку и познакомил три поколения тоддов с религией Христа. Но когда навели справки, то оказалось не совсем так.

Во-первых узнали, что Метц не знал ни полслова на их языке. Тодды выучили его канарезскому диалекту, на котором они сами говорят с баддагами и женщинами своего племени. Но из того таинственного языка, на коем рассуждают их старшины, когда держат совет, и который употребляется ими во время их неведомых обрядов в *тирьери*,² Метц не понимал ни одного звука. Этого языка не понимают женщины тоддов, или им, может быть, запрещено говорить на нем. Что же касается христианского просвещения тоддов, то привезенный в Учти больным и почти умирающим бедный Метц признался очень откровенно, что в эти тридцать три года общего с ними сожителства ему не удалось окрестить ни одного тодды, ни взрослого, ни ребенка. Впрочем, он все-таки надеялся, что «посеял в них семена будущего образования».

---

¹ Хотя тодды народ не кочевой и живут в домах, однако, выбирая для своих буйволов лучшие пастбища, они часто переходят из одного поселка в другой.

² Священное и весьма строго охраняемое ими жилище, иногда подземное, за буйвольим хлевом, *тирьери* есть храм, посвященный совершенно неизвестному никому, кроме тоддов, культу.

Но и в этом ему предстояло разочарование. Прибывшие на холмы с западного малабарского берега отцы иезуиты, питавшие в свою очередь надежду признать в тоддах колонии древних сирийских христиан, или по крайней мере, манихейцев,¹ очень долго наводили справки. С обычною им хитростью и ловкостью они успели войти в сношения с тоддами. Они вкрасились, если не в доверие, то в хорошее знакомство с этими, обыкновенно молчаливыми, серьезными дикарями и успели узнать от них, к великой своей радости, — потому что они ненавидят протестантов еще более, нежели язычников, — что Метц мог бы прожить с ними целые века в теснейшей дружбе и все-таки не произвести на них ни малейшего впечатления.

«Слова белого человека то же, что говор *майны* (род говорящей птицы) или трещание языка обезьяны», — говорили старые тодды иезуитам; не замечавшим в припадке коварной радости обоюдостоного комплимента. «Мы слушаем и смеемся. На что нам ваши *дивы*, когда у нас есть наши великие буйволы?» — добавляли они, рассказывая, как Метц предлагал им взамен веры в буйволов — веру в религию тех, которые отнимали у них их пастбища и обижали их ежедневно.²

Несмотря на одинаковую с Метцем участь, последователи Лойолы подняли честного немца на смех, распустив про него анекдоты по всей южной Индии. Мы знаем и даже можем указать таких иезуитов, которые, скорее нежели допустить туземца перейти в протестантство, укрепляют его всеми силами в его вере в чертопоклонстве.

Это было лет десять тому назад. С тех пор миссионеры обеих религий оставили тоддов в покое. Теперь уже давно решено, что всякая попытка к их обращению оказалась бы только потерей времени. Невзирая на такое полное отсутствие в этом племени всякого религиозного чувства, по единодуш-

---

¹ Одно время отцы-иезуиты пытались доказать, что тодды, как древние манихейцы, поклоняются «свету» солнечному, лунному и даже огню простой лампы. Но это, во-первых, вовсе не доказывает их манихейства, а во-вторых, и неправда. Тодды смеялись над этой идеей в разговоре с мистером Морганом и мною. Унте, напротив, отвращение к свету луны.

² Ouerres et travaux des missionnaires Peres Jesuites sur les cotes du adabar (с. 233).

ному показанию писателей и всех жителей Утти, нет во всей Индии народа честнее, нравственнее, добрее тоддов. Эта горсть патриархальных дикарей, без роду и племени, без истории, как и без малейшего (по крайней мере, *видимого*) признака веры во что-либо священное, кроме грязных буйволов, пленяет каждого своею совершенно детскою невинностью. Вместе с тем, тодды не только далеко не глупый народ, что доказывает их удивительная способность говорить на многих языках и умение скрывать свой собственный, но и весьма понятливы. Сэлливан упоминает в своих «Записках», что он разговаривал с ними по целым часам, и что ему оставалось только разводиться руками в глубоком удивлении, слыша, как они отзывались об англичанах, «как верно и разом они поняли наш национальный характер и подметили все наши недостатки».

Познакомив читателя с тоддами в общих чертах, рассказав о них все, или почти все, что известно о них в Индии, я могу приступить к рассказу о своих собственных приключениях и наблюдениях среди этого, так мало известного и загадочного племени.

Глава 3

Где я лично знакомлюсь с тоддами

La verité que je défends est empreinte sur tous les monuments du passé. Pour comprendre l'histoire, il tant étudier les symboles ansiens, les signes sacrés du sacerdoce et l'art de guérir dans les temps primitifs, art oublié aujourd'hui...

Baron Du Potet.

Сцена в Мадрасе в первой половине июля 1883 года. Дует западный ветер, начиная с семи часов утра, т. е. вскоре после восхода солнца, и затихая только к пяти часам пополудни. Дует он уже шесть недель, а конец его деятельности наступит только в конце августа. Термометр показывает 128° в тени. Так как в России мало кто знает, что такое «западный» ветер в южной Индии, то постараюсь дать об этом неумолимом враге европейца хотя бы слабое представление. Все двери и окна, в

направлении которых следует этот ровный, постоянный, бархатисто-мягкий ветерок, завешаны густыми *татти*, иначе, циновками из *кузи*, пахучей травы. Все щели законопачены, все отверстия наполнены ватой, почему-то считающейся лучшим препятствием западному ветру. Но это нисколько не мешает ему проникать всюду, даже через такие вещества, которые оказались бы достаточно непроницаемы для воды. Этот ветер пронизывает самые стены, и от его ровного, покойного дуновения происходит следующее замечательное явление. По дороге западного ветра книги, газеты, рукописи и всякая бумага шевелятся сами собою, словно живые. Лист за листом подымается как бы невидимою рукой, и под напором горячего, нестерпимо знойного дыхания каждый листок начинает скручиваться все более и более, пока не скрутится в тончайшую трубочку; после чего листья только колышутся, вздрагивая под каждым новым дуновением. На мебель и вещи ложится тонкая, сперва еле осязаемая, затем густейшая пыль. Если она покроет материю, ее уже не выколотит оттуда никакая щетка. А на мебели, если ее не вытирать ежечасно, к вечеру наберется такой пыли на полвершка.

На такое время одно спасение — панка: открыть широко рот, повернуться лицом к востоку и сидеть или лежать неподвижно, вдыхая в себя прохладу, искусственно производимую колыханием гигантского, протянутого поперек комнаты веера. Только когда зайдет солнце, можно бывает дышать свежим, чистым, хотя и сильно нагретым воздухом.

В марте мадрасское европейское общество, следуя за местным правительством, всегда перекочевывает на «Голубые горы» до ноября. Решилась эмигрировать на время и я, но не весной, а именно в половине июля, когда западный ветер успел уже иссушить меня до мозга костей. Получив приглашение от добрых друзей, семейства генерала Моргана, погостить у них, семнадцатого июля, полузадохнувшаяся от жары, я наскоро собралась и в шесть часов вечера садилась в вагон железной дороги. На другое утро до полудня я уже была в Матьялоламе, у подошвы Нильгири.

Здесь я столкнулась нос к носу с англо-индийскою эксплуатацией, которая у нас зовется цивилизацией; а в то же время и с мистером Сэлливаном, членом совета и сыном по-

койного коллектора кумбатурского. Эксплуатация явилась под видом мерзейшего ящика о двух колесах и с полотняною башней над ним, за который я заплатила вперед еще в Мадрасе под его псевдонимом «закрытой удобной на рессорах кареты». А мистер Сэлливан представился мне гением-хранителем гор, с большим влиянием, конечно, на воздымавшихся перед ним высотах, но беспомощный, как и я сама, перед эксплуатацией частных британских спекуляторов у подножия Нильгири. Он мог только утешать меня. Представившись и рассказав, что возвращается в лоно требующего его правительства из собственной где-то плантации, он тут же показал мне пример смирения, усевшись без протеста и как мог в другой гнусной двуколке. Великие «высшей расы», столь гордые с браминами, умаляются и часто дрожат перед низшими своего народа в Индии. Это замечено мною не раз. Быть может, они страшатся их разоблачений, а пуще, вероятно, ядовитого языка и всемогущей клеветы.

Еще не замолкли вдали раскаты сердитого грома так называемой грозы вследствие Ильбертского Билля,¹ Джон Булль низших сфер, схватив за шиворот Джона Булля англо-индийской аристократин, увлек его насильно за собой и разом оседлал вице-королевский совет с бабу Риноном во главе. Напрасно упирался либеральный маркиз. Поникнув добродушною главой, бабу Ринон смирился перед бакалейщиками и сапожниками своей верховной расы. Вздумав положить новую заплату на старую ризу Индии, новоиспеченный римский католик, очевидно, забыл о библейской мудрости своих праотцев. И стало последнее горше первого дня для бесталанных сирот туземной Индии!..

Так было истолковано мною поведение члена совета, не осмелившегося сказать ни слова грязному приказчику «агента для перевозки пассажиров и клади из Мадраса на Нильгири». Когда тот нахально объявил, что в горах идут дожди, и он не станет рисковать новою краской и лакировкой закрытых карет, потому что пассажиры могут ехать и в открытых одноколках, то ни мистер Сэлливан, ни другие ехавшие в Учти

---

¹ Ibert Bill, против которого восстали как один человек все англо-индийские лавочники, спекуляторы и низший класс высшей расы.

британцы, не нашли для него ни одного из тех англо-индийских жестов и взглядов, которые повергают во прах наивысшего чином туземца.

Нечего было делать, и сев бочком в таратайку, перед которой *тонга* на дороге в Симлу все равно, что королевский вагон перед ящиком, в котором запирают на поездах железной дороги собак, мы стали подыматься в гору. Одноколку влекли два печальные остова когда-то почтовых кляч. Не успели мы отъехать и полмили, как один из остовов, слабо подрыгав задними косточками, свалился с ног, опрокинув на себя одноколку, а вместе с нею и меня. Все это произошло на три вершка от бездны, по счастью, не очень глубокой, да в которую я, впрочем, и не свалилась. Все кончилось неприятным изумлением и порванным платьем.

Весьма любезно подскочивший на помощь какой-то англичанин, у которого одноколка завязла в красной глине, обрушил свой гнев на ямщика, которому не принадлежала ни таратайка, ни тут же издохшая лошадь. Ямщик был туземец, и его было бы бесполезно задабривать. Пришлось дожидаться другой одноколки и двух других кляч со станции. Но я не сожалела о потерянном времени. Познакомясь с членом совета, в силу общего притеснения нас агентом, я разговорилась и с другим англичанином. В этот час, проведенный в ожидании со станции помощи, я узнала много новых подробностей об открытии Нильгири, отце мистера Сэлливана и о тогдах. Впоследствии я часто виделась в Учти с обоими «сановниками».

Через час пошел дождь, и моя одноколка скоро превратилась в ванну с душем. Вдобавок ко всему, по мере того, как мы поднимались выше, холод все усиливался. По приезде в Хотагири, откуда нам оставался час езды, мне пришлось дрожать от стужи под шубой. Я въезжала в «Голубые горы» в самый сезон дождей. Густая, красная от размокшей земли вода потоками катилась нам навстречу, и великолепная панорама по обеим сторонам дороги заволочлась туманом. Но вид был очарователен, даже при такой печальной обстановке, а воздух, холодный и сырой, после душной атмосферы в Мадрасе был величайшим наслаждением. Он был весь пропитан запахом фиалок и здорового смолистого леса. А этот лес, покрывающий все скаты гор и холмов изумрудным покровом,

скольких тайн он был свидетелем на своем долгом веку! Чего только не видали в «Голубых горах», глубокой могиле, скрывавшей так долго так ревниво сцены, напоминающие сцену ведьм в «Макбете», эти старые столетние стволы! Теперь легенды давно не в моде: их называют сказками, и это весьма естественно. «Легенда — цветок, распускающийся только на почве веры». А вера давно уже стала исчезать в сердцах цивилизованного Запада; поэтому засыхают и цветы ее под убийственным дыханием современного материализма и общего безверия.

Эта быстрая перемена в климате, обстановке и во всей природе показалась мне волшебством. Я забыла холод, дождь, отвратительную одноколку с башней, под которой я восседала на своих перепачканных в грязи полуразломанных ящиках и чемоданах,— только спешила дышать, набираться этого чистого, чудесного воздуха, которым я не дышала уже много лет... Только к шести часам вечера мы подъехали к Утти.

Было воскресенье, и мы скоро стали встречать толпы, идущие домой после вечерней службы. То были большею частью евразияты, эти рассиропленные «черной» кровью *европейцы*, ходячие паспорта «с особыми приметами», которые они носят на себе от рождения до гроба в ногтях, в профиле, в волосах и в цвете лица. Я не знаю ничего в мире смешнее и отвратительнее евразия в модной жакетке и круглой шляпе на крошечном лбу, кроме разве евразياتки в шляпе с перьями, в которой она походит на лошадь под черною попоной, в страусовых перьях, над траурной колесницей. Ни один англичанин не способен чувствовать и особенно оказывать такого презрения к индусу, как евразият. Последний ненавидит аборигена ненавистью, пропорциональную количеству заимствованной от туземца крови... Индусы платят евразиятам тою же монетой и еще с прибавкой большего процента. «Кроткий» язычник превращается в свирепого тигра при одном имени евразията.

Но я смотрела не на неуклюжих креолов, вязнувших в сапогах по колено в густой уттакамандской грязи, заливавшей кровавым морем все улицы небольшого городка. С приближением к Утти мой взгляд останавливался не на гладко выбритых миссионерах, которые проповедовали под дождевыми зонтиками и в пустом пространстве, патетически размахивая

свободною рукой перед проливавшими слезы деревьями. Нет, тех, кого я искала, не находилось там: тодды не расхаживают по улицам и почти никогда не приближаются к городу. Мое любопытство было напрасно, как я скоро узнала. Оно удовлетворилось лишь через несколько дней.

Накануне я провела ночь в вагоне на железной дороге и задышалась от нестерпимой жары и духоты. А теперь с непривычки я дрожала под перинами, и у меня всю ночь топился камин.

В продолжение почти трех месяцев, до конца октября, я работала над приобретением новых сведений о тоддах и курумбах. Я ездила на кочевки к первым и узнала почти всех старшин этих двух необычайных племен. Мистрис Морган и ее дочери, которые все родились на этих горах и говорят на языке баддагов, как и на тамильском, много мне помогали и старались обогащать ежедневно наш запас фактов. Все, что я узнала от них лично и от других, а также и почерпнутое из доставленных мне рукописей, собрано мною здесь. Отдаю эти факты на рассмотрение читателей.

Можно побиться об заклад, что не найдется на всем земном шаре другого племени подобного тоддам. Где же и когда, спрашивается, бывало племя, о котором самые близкие его соседи, например, баддаги, аборигены одной страны с тоддами и даже совместные с ними обитатели небольшого уголка земли в горах, так же мало знали бы и не могли бы ничего более о нем сказать, как и майсурцы или дравиды отдаленных берегов Индийского океана? Эти «соседи» никогда и не слышали о существовании тоддов до дня их открытия, шестьдесят лет назад. Баддаги, ныне почему-то называемые *бюргерами*, не только не в состоянии дать каких бы то ни было сведений о прошлом тоддов до собственного прихода в горы, но даже не понимают и языка своих сюзеренов: тех, кого они почтительно величают «владельцами гор»¹ (*lords of the Hills*)! Со дня своего переселения в горы баддаги, о которых еще много речи впереди, стали, как уже сказано, пасти многочисленные стада тоддских буйволов, работать на тоддов, взирая на них как на высшие небесные существа. На все вопросы англичан они от-

---

¹ Так называют тоддов и сами англо-индийцы в официальных бумагах. Тоддам еще недавно англичане платили род арендных денег за Нильгири в виде ежегодной суммы, а теперь, кажется, перестали.

вечали с убеждением: «тодды — дивы, посланные Брамой на землю боги», да так и стоят на этом заявлении.

Рассказ о неожиданном открытии этого и других, доселе совсем неизвестных в Индии племен, как и самой страны внутри «Голубых гор» над Куимбатуром, читается словно волшебная сказка. Эта находка была некогда для Мадраса тем же, чем открытие Америки было для Старого Света: она произвела не менее волнения в народах Англо-Индии. Ни европейцы, ни даже туземцы и не подозревали в начале нашего столетия, что над самыми, так сказать, головами их раскаленных городов и сел находится такая страна; что на несколько всего тысяч футов выше их пекла стоит истинная Швейцария с ровным прохладным климатом, с совершенно отличною от других стран природой и своеобразными флорой и фауной, с совершенно во *всем отличным от других народов племенем!* Из многих прочитанных нами, вышедших за последнее полу-столетие сочинений касательно Нильгири и тоддов, мы еще не встречали ни одного, которое не начиналось и не кончалось бы вопросом: «Кто такие могут быть эти тодды?»

Откуда взялись они в самом деле? Из каких стран пришли эти великаны, настоящие «бробдиньяги» Гулливерова царства гигантов? С которой из засохших, давно вымерших и испепелившихся ветвей человечества сорвался и упал в «Голубые горы» этот странный, никем не знаемый плод? Положим, что для туземцев вообще, а для суевренных подгорных малабарцев и майсурцев — в частности, тодды — суть прямые потомки див, богов этих прелестных гор, которым они, как древние критяне своим таинственным «Кабирам», поклоняются, не спрашивая об их происхождении. Но проживающим в южной Индии европейцам тодды решительно представляются необъяснимым явлением, вопросительным знаком, на который невозможно получить ответа. О них, как выше показано, совещались, спорили, составляли самые невозможные, дикие гипотезы, пока, наконец, несколько лет тому назад их не предали, как обыкновенно предают темные вопросы, воле Божией. А теперь, когда англичане прожили с ними бок-о-бок более сорока лет, разузнав о них все, что только было возможно узнать, то есть, нечто, равняющееся нулю, теперь мадрасские власти немного успокоились и переменили тактику. «Никакой

тайны за тоддами не полагается, оттого и разрешить никто ее не мог», — заговорили они теперь. — «Ничего в них нет и не было загадочного... Люди как люди. Даже и на первый взгляд непонятное влияние на баддагов и курумбов объясняется весьма просто: суеверным страхом невежественных аборигенов и уродливых карликов перед физической красотой и ростом, перед нравственной мощью другого племени». Резюме: «Тодды — весьма красивые, хотя и грязные дикари, без религии, как и без сознательного прошлого. Они просто — *не помнящее родства племя*, полуживотные, как впрочем, и все туземцы Индии...» и т. д. и т. д.

Зато все служащие, землевладельцы, плантаторы, весь тот люд, словом, который поселился и живет уже годами в Уттакаманде, Коттагири и других поселках и городках на скатах Нильгири, относится к вопросу немного иначе. Оседлые жители выраставших, как по волшебству, в тридцатых годах *саттаркумов*¹ в «Голубых горах» знают многое, чего еще не снилось английским новоприезжим чиновникам, но благоразумно молчат. Кому охота служить посмешищем для других? Но есть и такие, что не боятся говорить открыто и громко известное за правду.

Между последними назову пригласившее меня семейство, не покидавшее Уттакаманда уже более сорока лет. Это семейство, начиная самым заслуженным генералом Родесом Е. Морганом и его милою и образованною женой и кончая восьмью замужними дочерьми и женатыми сыновьями, имеет свой особый, давно уже установившийся взгляд на тоддов, как и на курумбов, особенно на последних.

— Жена и я, — часто говаривал нам почтенный английский генерал, — состарились на этих холмах. Мы, также как и дети наши, говорим на языке баддагов и понимаем диалекты других местных племен. Баддаги и курумбы у нас работают на плантации сотнями. Они привыкли к нам и любят нас, смотрят на нас как на своих, как на самых верных друзей и защитников их. Стало быть, если кто знает их самих, домашнюю жизнь, обычаи, обряды и верования их, то это мы: жена, я и

---

¹ Так англичане называют все городки на горах Индии, как Симла, Дарджилинг, Миссури и пр., куда посылают офицеров и солдат лечиться.

старший сын, который, служа здесь коллектором, постоянно имеет с ними дело. Поэтому, основываясь *на неоднократно доказанных на суде фактах*, говорю прямо: тодды и курумбы действительно и бесспорно владеют какою-то силой, одарены могуществом, о котором наши мудрецы не имеют понятия... Если бы я был *суеверным* человеком,¹ то разрешил эту задачу весьма просто. Я сказал бы, например, как говорят наши миссионеры: муллу-курумбы — исчадия ада и родились прямо от дьявола. Тодды же, хотя и язычники, но составляют им противоядие: они, видимо, посланные Богом орудия для ослабления власти и козней курумбов. Но, не веря в дьявола, я уже давно пришел к другого рода убеждению: не следует отрицать в человеке и в природе всех тех сил, которых мы не понимаем. Затем, если наша заносчивая наука неразумно отвергает их, то это лишь вследствие того, что не умеет объяснить их и классифицировать.² «Слишком много доводилось мне видеть примеров, прямо доказывавших существование и присутствие такой неизвестной нам силы, чтобы не порицать скептицизма в этом отношении даже самой науки!»³

---

¹ Почтенный генерал «вольнодум», питающий глубокое уважение и так называемому научному *агностицизму* школы Герберта Спенсера и подобных этому философов.

² Интересно сравнить мнение английского генерала-скептика с мнением священника Белюстина, часто писавшего в столичных газетах о русском простонародном суеверии по вопросам о колдовстве и ведьмах. Также мнение Н.С. Лескова. Далее взгляд генерала еще более приблизится к взгляду священника.

³ Извлечение из английской рукописи генерал-майором Морганом. «Донесение» его в комитет, учрежденных главным советом Теософического Общества, для исследования религий, нравов, обрядов и суеверий «Горных дравидских племен». Это донесение одного из главных членов совета и президента Тоддабетского Теософического Общества в Уттакаманде было публично прочтено перед 3000 народа, публики и членов во время годовичного собрания членов 27 декабря 1883 года в Адьяре (Мадрас). Семейство генерала Моргана известно всей южной Индии. Как сам он, так и жена его пользуются большим уважением властей и всего европейского общества. Называю их настоящими именами и фамилией и привожу свидетелями *с полного их согласия*. Отечественные скептики приглашаются адресоваться за дальнейшими сведениями к самому генералу, если желают узнать мнение ученого англичанина о чарах и колдовстве муллу-курумбов.

То что видел и слышал среди тоддов и курумбов мой уважаемый друг и хозяин могло бы наполнить целые тома. Приведу пока один случай. За него ручаются как генерал, так и жена его и все семейство. Этот рассказ показывает, как глубоко эти образованные люди верят в колдовство и дьявольскую силу муллу-курумбов.

«Живя в продолжение долгих лет на Нильгири, — пишет мистрис Морган ¹ в своей книге *«Witchcraft on the Nilghiris»* («Колдовство на Нильгири») — окруженная сотнями разноплеменных туземцев, которых я нанимала работать на наших плантациях и хорошо знакомая с их языком, я имела случай наблюдать годами их быт и обычаи. Я знаю, как часто они прибегают к демонологии и колдовству между собою, особенно курумбы. Это племя разделяется на три ветви. Первая — просто курумбы, оседлые жители лесов, которые часто нанимаются в рабочие; вторая — тени-курумбы (от слова *тейн* — мед), живущие медом и кореньями, и третья — муллу-курумбы. Эти встречаются чаще тенов-курумбов в цивилизованных частях гор, то есть в евразийских поселках, и их очень много в лесах вдоль Виняда. Они употребляют лук и стрелы и любят охотиться на слонов и тигров. В народе существует поверье, часто доказанное на деле, что муллу-курумбы (как и тодды) имеют власть над всеми дикими зверями, особенно над слонами и тиграми, и могут даже принимать образы этих зверей при случае. Посредством ликантропии (оборотничества) они совершают безнаказанно много преступлений. Они очень мстительны и злы. Другие курумбы постоянно прибегают к их помощи... Если туземец желает отомстить врагу, он отправляется к муллу-курумбе...

Несколько времени тому назад между рабочими на моей Уттакамандской плантации находилась целая артель баддагов, человек тридцать молодых здоровых людей, которые все до одного выросли в нашем поместье, где работали до них и отцы их и матери. Вдруг, безо всякой видимой причины, началась убыль в их рядах. Я стала замечать почти ежедневно отсутствие то одного, то другого работника. По справкам всегда оказывалось, что отсутствующий внезапно занемог, а затем вскоре и умерал.

---

¹ Дочь генерал-губернатора Траванкорского, в Тривандруме, где она и родилась.

В один из базарных дней я встретила *монегара* (старосту) деревни, к которой принадлежала моя артель рабочих. Увидев меня, он остановился и подошел ко мне с поклонами.

— Мать, — сказал он мне, — я печален и попал в большую беду! — и тут же заплакал.

— Что такое случилось? Говори скорее...

— Все мои парни умирают один за другим, и я не в состоянии ни помочь им, ни остановить наваждения... Их убивают курумбы!..

Я поняла и спросила о причине такого с их стороны озлобления.

— Все денег более и более хотят... Мы отдаем почти все, что сами зарабатываем. Но они все недовольны. Прошлою зимой говорю им, что денег у нас более нет, не могу больше дать, а они нам в ответ: «*Ладно... как знаете... а мы свое получим!*...» Если они так отвечают, то мы знаем наперед, что это значит. Эти слова влекут за собою неминуемо смерть нескольких людей из нашей артели... Ночью, когда все кругом нас спит, мы вдруг все просыпаемся разом и видим, что между нами стоит курумба. Наша артель ведь спит вся вместе, в одном большом сарае...

— Так зачем же вы не запираете двери покрепче на засовы? — спросила я старосту.

— Запираем, да какая может быть польза в засовах? Запирайте сколько хотите, а курумба пройдет куда угодно, хоть через каменные стены... Смотришь, проснувшись в страхе, а уже он тут, среди наших: стоит и разглядывает каждого. Подымет так палец и уткнет его то в одного, то в другого, в *Маду*, в *Куриру*, в *Джоги*... (имена трех последних жертв)... сам не открывает рта, молчит, а только указывает, а затем вдруг и след его простыл! Через несколько дней те, в кого он потыкал пальцем, заболевают, начинают гореть, животы у них пухнут горой, а на *третий день*, а то на *тринадцатый*, они умирают. Так умерло у меня за последние несколько месяцев *восемнадцать* молодых людей из тридцати... Вот нас и осталась всего горсточка!... И он горько заплакал.

— Но почему же вы не принесете жалобы правительству? — спросила я.

— Да разве *саабы* поверят? Кто же может поймать муллу-курумбу?

— Так дайте этим ужасным карликам то, что они требуют, двести рупий, и пусть они обещают оставить хоть остальных в покое..

— Да, надо будет так сделать, — сказал он со вздохом. И поклонившись, ушел»...

Этот пример есть один из многих, приводимых госпожою Морган, женщиною умной и вполне серьезной. Он показывает наглядно, что веру в колдовство разделяют с «суеверными» туземцами даже многие англичане.

— Я живу между этими народами более сорока лет, — говорила мне часто генеральша. — Я наблюдала за ними тщательно и долго. Было время, когда я не верила в эту силу, называя ее абсурдом... Но раз убедившись, я поверила, как и многие другие...

— Но вам известно, что над этою вашей верой в колдовство... смеются? — заметила как-то я.

— Знаю и давно убедилась в том. Но мнение публики, судящей поверхностно, не может изменить моего мнения, коль скоро оно основано на фактах.

— Мистер Беттен говорил мне вчера за обедом, смеясь, что месяца, два тому назад, у него была встреча с курумбами, но, что он, несмотря на их угрозы, до сих пор жив.

— Что именно рассказал он вам? — спросила она с оживлением, снимая очки и положив в сторону работу.

— Что он на охоте ранил как-то слона, но что тот ушел от него в чащу. Животное было великолепное, и он не захотел упустить его. С ним было человек восемь бюргеров-баддагов, и он приказал им следовать за собою в погоню за раненым слоном. Но зверь завел их очень далеко, так далеко, что если бы они не увидели, наконец, его мертвого тела, то баддагишикари не пошли бы далее под предлогом, что могут встретить курумбов. Но это не помогло бы, потому что они и без того встретились с ними лицом к лицу, подойдя к слону. Курумбы объявили, что слон их, и что они его только что убили, показывая в доказательство с дюжину своих стрел в его теле... Но Беттен отыскал между ними и рану от своей пули. Вышло так, что курумбы не убили, а только докончили сильно уже раненое животное... Но карлики стояли на своем праве. Тогда, по словам Беттена, невзирая на их проклятья, он про-

гнал их, и, отрезав ногу и клыки слона, уехал домой... «Ну вот, я до сего дня здоров и невредим», — смеялся он, — «а ведь индусы, чиновники в моем департаменте, уже было совсем похоронили меня, услышав о моей встрече с курумбами!»...

Мистрис Морган, выслушав терпеливо мой рассказ, только спросила: — Он вам более ничего не говорил?

— Нет.

Обед кончался, и разговор сделался общим.

— Ну так я вам сама доскажу то, что он пропустил; а рассказав, призову свидетеля, единственного, кроме Беттена, пережившего неприятную встречу.

А говорил он вам, что при его первой попытке завладеть клыками слона, курумбы прокричали ему: «Тот, кто дотронется до *нашего* слона, увидит нас у себя перед *своею* смертью». Это обыкновенная формула их угрозы смертью. Если бы его баддаги были из здешних мест, то они скорее позволили бы ему убить себя на месте, нежели пренебрегли бы эту угрозу. Но он их привез с собой из Майсура. Беттен ранил слона, но он слишком гадлив, как он сам сознается, чтобы резать на куски мертвого зверя. Он только полуохотник, лондонский *кокней* (сокнеу), — прибавила она с презрением. — Отрезали ногу и вырезали клыки его майсурские шикари, и они же унесли их, повесив на жерди, домой. Их было восемь человек. Теперь желаете знать, сколько их осталось в живых?

И они захлопала в ладоши, призывая этим жестом слугу, которого она тотчас же послала за Пурной.

Пурна оказался стариком-шикари в весьма расслабленном состоянии. Его маленькие черные глаза с желтыми белками, как после разлития желчи, пугливо перебежали от его госпожи ко мне. Он, видимо, не понимал, зачем его призвали в гостиную саабов.

— Скажи мне, Пурна, — начала решительно генеральша, — сколько вас, шикарей, ходило два месяца тому назад с Беттен-саабом на слона?

— Восемь человек, мам-сааб, Джотти-мальчик — девятый, — прохрипел с трудом старик, откашливаясь.

— Сколько вас теперь осталось?

— Я один, мам-сааб, — вздохнул шикари.

— Как? — воскликнула я в непритворном ужасе, — разве все остальные, даже и мальчик, умерли?

— *Мурче* (умерли), все умерли! — простонал старый охотник.

— Расскажи мам-сааб, как и отчего они умерли, — приказала генеральша.

— Муллу-курумбы их убили, животы вспухли у одного за другим, все и перемерли, последний — пять недель тому назад...

— Ну а как же этот-то спасся?

— Его я послала тотчас же к тоддам на излечение, — объяснила мистрис Морган. — Других они не приняли... пьющих они не берутся лечить и всегда отсылают назад: от того и мои добрые работники умерли... один за другим, до двадцати человек, — добавила она со вздохом. — Ну а этот старик выздоровел, к тому же он не дотрагивался до слона и нес только одно ружье, как он рассказывает. Беттен, как я слышала от него самого и других, угрожал шикарям, что если они не унесут трофей, слона домой, то он заставит их переночевать в лесу с курумбами до утра. Испуганные такую перспективой, они и отрезали скорее ногу, вырезали клыки, а затем унесли их домой. Пурна, который долго служил у моего сына в Майсуре, прибежал ко мне, и я его тотчас отослала к тоддам вместе товарищами. Но они не приняли никого, — кроме Пурны, который никогда не пьет. Ну а другие стали с того самого дня хиреть. Они ходили на наших глазах точно привидения, зеленые, худые, с огромными животами, и не прошло месяца, как они все умерли один за другим *от лихорадки*, по показанию военного доктора.

— Но ведь бедный мальчик не мог еще быть пьяницей? — спросила я. — Почему же хоть его не спасли ваши тодды?

— Здесь теперь пятилетние дети и те пьют, — ответила она с выражением отвращения на лице. — До нашего прихода в эти горы в Нильгири никогда не пахло спиртными напитками. Это одно из благодеяний внесенной нами цивилизации. А теперь...

— Что же теперь?..

— Теперь водянка у нас губит столько же людей, как и курумбы. Она их лучшая союзница... Иначе курумбы в таком близком соседстве с тоддами были бы безвредны.

На этом наш разговор кончился. Генеральша приказала запрячь двух огромных волов в такую же огромную карету и предложила мне поехать с ней на ее поселок *за травами*. Мы отправились.

Дорогой она мне рассказывала все время о тоддах и курумбах. Мистрис Морган — женщина с удивительной наблюдательностью и памятью, женщина энергичная, в высшей степени деятельная и храбрая. А надо иметь большой запас этого качества, чтобы ратовать, как то она делала, во имя правды и человеколюбия в продолжение сорока лет против англо-индийских понятий об общественных приличиях и установленных правилах жизни. Еще в то время как она была женою бедного капитана Ост-Индской Компании, которому, как и всем служащим, была воспрещена всякая частная спекуляция, она решилась, видя ежегодное приращение семейства, составить мужу и детям состояние. Она закупила огромное количество земли и лесов, продававшихся сорок лет тому назад за номинальную цену на вновь открытых горах, и стала хозяйничать. Она выписывала семена, засеяла первая несколько сот десятин пустыря эвкалиптом, чайными и кофейными деревьями; занялась разведением скота, и в продолжение нескольких лет молоко, масло и сыр ее двухсот превосходных коров наполняли все базары Нильгири. Она продолжала это, невзирая на нарекания гордого англо-индийского общества, даже когда ее муж из капитана сделался генералом. На замечание главнокомандующего она ему прямо отвечала, что так как ее муж не вор, а своего состояния не имеет, то правительство не имеет права пустить ее восьмерых детей по миру, запретив ей, частному лицу, заботиться об их благосостоянии. Она получила должное. Работая день и ночь, любимая туземцами, а поэтому находя и хороших помощников в своих рабочих, в двенадцать лет, говоря ее словами, она заработала своими руками пять леков.¹ Она продавала, покупала, спекулировала и собрала огромные деньги. Ее дом, выстроенный ею самой, — самый большой и великолепный в Уткааманде. В нем теперь поселился на три года главнокомандующий, сэр Фредерик Роберте с женой. «Это моя единственная и самая горькая ошибка!» — жаловалась она мне часто.

---

¹ Лек — 100000 рупий или 250000 франков.

— Он воображает, что может со мною поступать как с афганцем. Он вырубает мои любимые деревья, переделывает на свой лад мой дом и портит плантации...

Во время моего пребывания с ними, у них шла ожесточенная война...

К счастью, ее муж давно в отставке. Если нет героя для его *valet de chambre*, то тем менее имеется таковой для хозяйна дома. Мистрис Морган держит афганистанского героя в ежедневном страхе.

Добрая мистрис Морган очень любит свои горы и гордится ими. Она сроднилась с ними и считает всех тоддов и даже бадагов-рабочих как бы частью своего семейства. Она не может простить правительству непризнания «чар» и их ужасающих результатов.

— Наше правительство просто глупо, — говорила она, волнуясь, в карете. — Оно отказывается назначить комиссию для проведения следствия и не желает верить в то, во что веруют все туземцы всех каст, пользуясь этими ужасными средствами для совершения безнаказанных преступлений гораздо чаще, нежели это может кому-то прийти в голову! Страх колдовства так велик у нас в народе, что часто люди готовы убить целую дюжину невинных особ колдовством другого рода, лишь бы вылечить одного больного человека, заподозренного в немощи от *глаза* курумбы... Раз я ехала верхом: вдруг моя лошадь, внезапно фыркнув и захрапев, неожиданно бросаюсь в сторону, чуть не выбила меня из седла. Присмотревшись, я увидела среди дороги очень странную вещь. То была большая плоская корзина, в которой лежала, тараша на прохожих безжизненные глаза, отрезанная голова барана, затем кокосовый орех, десять рупий серебром, рис и цветы. Эта корзина была поставлена у верхнего угла треугольника, составленного из трех тонких ниток, привязанных к трем колышкам. Все это было расположено так, что кто бы ни шел с той или с другой стороны дороги, должен был непременно наткнуться на эти нитки, порвать их и, таким образом, получить удар во всей его силе от убийственного *суннума*, как этот род колдовства называется у нас. Это средство самое обыкновенное у туземцев. К нему прибегают весьма часто в случае болезней, исход которых грозит смертью. Тогда приготавливают *сунниум*. Кто до

него дотронется, хотя до одной их ниток, получит болезнь, тогда как больной выздоравливает. *Суншум*, на который я чуть было не наткнулась, был поставлен под вечер по дороге к клубу, по которой более всего ходят в темноте. Меня спасла лошадь, но я потеряла ее: через два дня она издохла. Не верьте после этого в *суншумы* и колдовство! И ведь что меня более всего сердит, — продолжала она, — это то, что смерть вследствие колдовства всегда приписывается нашими докторами какой-то неизвестного качества лихорадке. Удивительная должна быть эта лихорадка, которая так умно и безошибочно умеет выбирать свои жертвы. Она никогда не нападает на тех, у кого нет ничего общего с курумбами. Она является лишь вследствие неприятной встречи с ними, ссоры или их злобы на жертву. Да в Нильгири нет, как и никогда не было никаких лихорадок. Это самое здоровое на земном шаре место. Мои дети не болели от рождения ни одного часа. Посмотрите на Эдит и Клару. Взгляните на силу и цвет лица этих девочек, — говорила она, указывая на дочерей.

Действительно, всякая мать имела бы право гордиться таким цветущим здоровьем своих детей. Не найдя места в переполненной нами карете, обе молодые девушки, бежавшие более четырех миль без усталости возле ее дверей, переговаривались с нами также спокойно, как если бы они сидели на месте. Их огромные мальчишеские прыжки через рвы и канавы в продолжение часа с лишним только еще более размянули их и без того розовые щеки.

Но мистрис Морган не слушала моих искренних комплиментов их силе. Она продолжала бранить лекарей. Наконец, она прервала свои нарекания восклицанием:

— Взгляните! Вот один из прелестнейших *муррти*, тоддских поселков. Здесь живет их самый древний и святой *капиллол*.

Тодды, как уже сказано, народ полукочевой. От Рангасуами до Тоддабета вся поверхность горной цепи усеяна их *муртами*, деревушками или поселками, если группа трех-четырех пирамидообразных жилищ может считаться поселком.

Такие жилища построены недалеко одно от другого и между ними, отличаясь от прочих величиной и более тщательной постройкой, всегда красуется *тирири*, «священный

буйволятник». В нем за первую «комнатой», служащей ночным приютом для буйволов и особенно для буйволиц, комнатой огромных размеров, выстроена всегда другая комната. Эта комната, где царствует вечный мрак, потому что она не имеет ни окон, ни дверей, а единственный в нее вход — просто дыра в квадратный аршин, не более, — это и есть, по-видимому, *храм* тоддов; их *Sancta Sanctorum*, где совершаются никому неизвестные таинственные обряды. Даже вышесказанная дыра строится в самом темном углу уже и без того темного хлева, там, где желающим забраться в святилище пришлось бы долго искать этого входа. Туда не может вступить ни одна женщина, как и никто из женатых тоддов — то есть никто из класса мирян, или *кутов*. Одни *тералли*, «священнодействующие» имеют свободный доступ во внутренний *тирири*.

Само здание всегда окружено довольно высокою каменною оградой, внутри которой двор, или *туэль* тоже считается священным. Постройки, сгруппированные вокруг *тирири*, издали напоминают своею формой кибитки киргизов. Но они все каменные и смазаны крепчайшим цементом. Здания имеют обыкновенно от 1 до 15 футов в длину и от 8 до 10 в ширину, имея высоты от земли до края пирамидальной крыши не более 10 футов.

Тодды не живут днем в этих зданиях: они только ночуют в них. Невзирая ни на какую погоду, в самую выюгу муссонов и под проливным дождем, можно видеть их сидящих группами или же расхаживающих парами. Тотчас после солнечного заката они влезают в крошечные отверстия своих миниатюрных пирамид. Одна огромная фигура за другою начинает исчезать в них; после чего, задвинув изнутри отверстие толстейшею деревянною ставней, очень замысловато движущейся на стержне и запирающейся посредством крепкого засова и двух выбоин в стене, тогда уже не показывается до утра. Его нельзя ни видеть, ни выманить из жилища после солнечного заката.

Тодды разделены на семь *кланов* или родов: в каждом клане считается сотня мужчин и дюжины две женщин. По собственному их уверению, эта численность не изменяется, да и не может измениться, существуя уже с первой эпохи их поселения в горах. Статистика подтверждает это за последние

пятьдесят лет. По мнению англичан, этот странный факт неизменности в цифре их рождений и смертности, как бы замкнувший число тоддов в семь сотен на много веков, следует приписать полиандрии: у тоддов одна жена на всех братьев одной семьи, будь их дюжина.

Значительное меньшинство женского пола в ежегодных рождениях приписывалось сначала весьма распространенному между племенами Индии детоубийству. Но это никогда не было доказано. Несмотря на все принимаемые меры и неутомимое соглядатайство, несмотря даже на обещанную награду за донос со стороны англичан, почему-то сгорающих желанием поймать и уличить тоддов в противозаконном деянии, до сего дня невозможно было выследить ни одного такого случая. Тодды только презрительно улыбаются на все подозрения.

— Зачем нам убивать маленьких *матерей*? — говорят они. — Если бы они не были нам нужны, мы бы и не имели их. Мы знаем, сколько нам необходимо мужчин и сколько матерей, и лишнего мы не станем иметь.

Этот странный аргумент заставляет статистика и географа Торна в его книге о Нильгири писать с каким-то озлоблением: «Эти дикари, идиоты... Они смеются над нами!..» — заявляет он, сам не замечая, что приписывает идиотам способность так ловко мистифицировать высшую интеллектуальную расу.

Но люди давно знакомые с тоддами, изучавшие их самих и быт их годами, думают, что тодды дают свои показания серьезно и глубоко верят в заявленный факт. Они идут еще далее и открыто делают предположение, что тодды, как и многие другие племена, живущие, так сказать, в лоне природы, владеют гораздо большим числом тайн природы, а поэтому знакомы с практической физиологией лучше, нежели наши ученые врачи. Люди эти вполне уверены, что ссылаясь на бесполезность прибегать к преступлению детоубийства, когда число «матерей» их племени находится в их распоряжении, тодды говорят одну правду, хотя их *modus operandi* в этом темном физиологическом вопросе и составляет для всех необъяснимую тайну.

На языке тоддов слова «женщина», «девочка» или «девушка» не существуют. Понятие о нашем поле у них неразрывно связано с понятием о материнстве. Поэтому у них и нет

для них другого названия, на каком бы языке они не выражались. Говорят ли они о старухе или о годовалой девочке, тоды ее всегда называют «матерью», употребляя лишь такие прилагательные для ясности изложения, как «старая», «молодая» или «маленькая».

— Наши буйволы, — иногда замечают они, — определили раз и навсегда число наших людей: от них зависит и число матерей.

Тодды никогда долго не заживаются на одном *муррте*, а переходят из одного в другой по мере истребления буйволами подножного корма. Благодаря почве и изобилию растительности на горах этот корм не имеет себе подобного в Индии. Поэтому, вероятно, их буйволы и превышают величиной и силой все встречаемые в других частях не только страны, но и всего мира породы. Но опять и в этом даже проявляется нечто загадочное. Есть у баддагов и у плантаторов буйволы, которые пользуются таким же хорошим кормом; почему же, спрашивается, эти буйволы гораздо менее ростом и слабее, чем тот же скот в «священных стадах» тоддов? Их животные буквально гигантской величины, словно это последние остатки допотопных прародителей. Всем известно, что, невзирая на все улучшения породы, старания собственников-плантаторов не увенчались успехом: их буйволам никогда не сравняться с буйволами тоддов, которые к тому же упорно отказываются одолжить свой скот для скрещения пород. Впрочем, благодаря климату, отсутствию мух, оводов и мошек, все породы буйволов и быков, а также и баранов, великолепны в этих горах и составляют исключение в Индии.

Каждый клан, которых, как сказано, всего семь, разделяется на несколько больших семейств; каждое семейство, смотря по числу душ, имеет свой особенный домик, даже два или три домика в *муррте*, на нескольких пастбищах. Таким образом, каждая семья имеет готовый кров, на которое бы из пастбищ она не перешла, а иногда и несколько таких одной ей принадлежащих поселков с неизбежным *тирири*, храмом-буйволятником. До прихода англичан и прежде чем они рассеялись, как чужеродное растение по всей поверхности Нильгири, тодды, удаляясь из одного *муррта* в другой, оставляли *тирири* пустыми, как и прочие здания. Но, заметив любопыт-

ство и нескромность новых пришельцев, которые с первых дней своего насильственного вторжения старались проникнуть в их священные здания, тодды стали осторожнее. Они уже не доверяют, как доверяли прежде, и уходя, оставляют при тирири священнодействующего «*тералли*»,¹ который ныне стал известен под именем *поллола*² с его ассистентом *капиллолом* и двумя буйволицами.

«Целых сто девяносто семь поколений жили мы спокойно на наших горах, — жаловались тодды властям, — и ни один человек, кроме наших *тераллиев*, не осмеливался заносить ногу на трижды священный порог *тирири*. Буйволы гневаются... запретите белым братьям подходить к *туаэллю* (священной ограде): не то беда будет, страшная беда!»

И власти благоразумно запретили поселенцам из долин, особенно любопытным и еще чаще нахальным англичанам и их миссионерам вторгаться в *туаэлли* и даже подходить к ним. Но они успокоились тогда только, когда двое из них были в разное время убиты буйволами: подняты на их острые, огромные рога и буквально раздавлены до смерти под тяжелыми ногами. Это животное презирает даже тигра, который редко смеет тягаться с ним.

Так никто до сих пор и не узнал, какая тайна скрывается в комнате за буйволятником. Даже миссионер Метц не успел разрешить загадки в тридцать лет общего сожительства. Описание и сведения по этой части майора Фрезера³ и других этнологов и писателей оказались теперь вполне фантастическими. Майор «залез в комнату за буйволятником и нашел в этом столь интересовавшем всех *храме* грязную и совершенно пустую комнату», по той простой причине, что участок вместе со зданием на нем был уступлен тоддами городу за другое, более отдаленное пастбище, но гораздо обширнее. Все, что было в домиках и храме, было вынесено, и здания предоставлены на слом.

Кроме своих буйволов тодды не занимаются никаким другим скотоводством или хозяйством. Они не держат ни ко-

---

¹ Безбрачный аскет, отшельник.

² *Поллол* — хранитель, а *капиллол* — буквально «меньший хранитель».

³ «The Toddas, what is known of them».

ров, ни баранов, ни лошадей, ни коз, ни даже какой-либо птицы. Они не терпят кур, потому что «петухи беспокоят ночью и будят своим криком уставших буйволов»,— объяснил мне один старик. У тоддов, как уже сказано, нет даже собак, хотя и можно найти у каждого баддага в доме это полезное и даже необходимое в таких лесных трущобах животное. Тодды не занимаются теперь, как не занимались до прихода англичан никакою работой: не сеют и не жнут, и однако имеют, по видимому, всего вдоволь, хотя денежными делами не обременяются и в деньгах толка вовсе не знают за исключением немногих стариков. Женщины их очень красиво и оригинально вышивают края своих белых простынь, их единственный покров; но мужчины открыто презирают всякую ручную или телесную работу. Вся их любовь, помышления и религиозные чувства сосредоточены на великолепных буйволах. Но их женщины не допускаются к ним; доение буйволиц и уход за ними принадлежит исключительно мужчинам.

Через несколько дней после моего приезда в сопровождении только дам и детей мы отправились посетить *муррти* миях в пяти от города. В этом поселке теперь жило несколько семейств тоддов, и старик *тералли* с целою свитой «священнодействующих», как нам говорили. Я уже имела случай видеть нескольких тоддов, но не видала еще ни их женщин, ни обрядов с буйволами. Мы ехали с намерением посмотреть, если будет дозволено, церемонию загона буйволов в хлев, о которой мне так много рассказывали и которую мне очень хотелось видеть. Было уже около пяти часов вечера, и солнце близилось к закату, когда мы остановились у опушки леса и, выйдя из кареты, пошли пешком к большой поляне. Тодды возились с буйволами и не обратили на нас внимания, даже когда мы подошли к ним довольно близко. Но буйволы заревели. Один из них, очевидно главный, с серебряными колокольчиками на огромных закрученных рогах, отделясь от стада, подошел к самому краю дороги. Повернув к нашей группе высоко поднятую голову, он устремил на нас свои блестящие огненные глаза и громко замычал, словно спрашивая, кто мы такие...

Говорят, что буйволы ленивы и глупы, и что глаза их ничего не выражают. Я вполне разделяла это мнение, пока не

познакомилась с буйволами тоддов, и особенно с этим, словно заговаривавшим с нами на своем языке животным. У этого глаза горели, словно два угля, и в его косвенном, беспокойном взгляде светилось положительно чувство как бы удивления и вместе с тем недоверия.

— Не подходите к нему, — закричали мне спутники, — Это их вожак и самый священный изо всего стада! Он очень опасен.

Но я и не думала подходить, а напротив, стала было ретироваться быстрее, нежели подошла, когда юноша, высокий и стройный, словно Гермес среди быков Юпитера, очутился одним прыжком между буйволом и нами. Сложив руки и нагнувшись перед «священной» мордой, он быстро наклонился к уху животного и стал шептать вполголоса никому непонятные слова. Тогда произошло нечто весьма странное, до того странное, что если бы факт этого не был мне подтвержден другими, то я сочла бы его за галлюцинацию, вследствие множества слышанных мною в эти дни историй и анекдотов об этих священных животных.

Буйвол при первых словах юного *тералли* повернул к нему голову и точно слушал и понимал. Взглянув в нашу сторону, как бы желая осмотреть нас еще внимательнее, он стал кивать головой, испуская короткие, отрывистые, будто осмысленные мычания и как бы отвечая на почтительные замечания *тералли*. Затем бросив на нашу компанию уже равнодушный взгляд, буйвол повернулся к дороге спиной и тихо пошел назад к своему стаду...

Вся эта сцена была до того комична и так сильно напоминала разговор русского мужика с медведем «Михайло Ивановичем» на цепи, что я чуть было не рассмеялась.

Взглянув на серьезные и немного смущенные лица моих спутниц, я невольно удержалась.

— Видите, что я говорю вам правду! — полуторжественно, полубоязливо шепнула мне на ухо девочка лет пятнадцати. — Буйволы и тералли понимают друг друга, они *разговаривают* между собою, как люди.

К моему изумлению, мать не остановила девочку, не сделала никакого замечания. На мой вопросительный, удивленный взгляд она только ответила как бы тоже с маленьким

смущением: «Тодды во всем странное племя... Они рождаются и живут среди буйволов. Они дрессируют их годами, и действительно можно подумать, будто они ведут между собою разговоры».

Узнав мистрис Т. и ее семейство, женщины вышли на дорогу и окружили нас. Их было пять: одна с ребенком совершенно голым, невзирая на холодный дождевой вихрь; три молодые и очень красивые и одна старуха, еще очень благообразная, но зато уж очень грязная. Эта подошла прямо ко мне и спросила, должно быть по-канарезки: кто я такая. Вопросы я, конечно, не поняла и поэтому за меня ответила одна из молодых девушек. Но когда мне были переведены как вопрос, так и ответ, то последний показался мне чрезвычайно оригинальным, хотя и не очень правдоподобным.

В этом ответе я была представлена публике «чужеземной матерью и любящей дочерью буйволов», по уверению переводчицы. По-видимому, это описание успокоило и даже обрадовало грязную старуху, потому что без такой рекомендации, как я узнала после, меня бы и не допустили присутствовать при вечерних обрядах с буйволами. Старуха тотчас же побежала и, вероятно, передала сведения другому, старшему *тералли*, который, будучи окружен группой молодых священнодействующих, стоял вдали в живописной позе, опершись локтем на блестящую черную спину уже знакомого нам буйвола «вожака». Он тотчас пошел к нам и заговорил с мистрис С., которая знала их язык не хуже туземца.

Какой представительный великолепный старик! Я невольно сравнивала этого аскета гор с такими же аскетами индусами и мусульманами. Сколько последние кажутся расслабленными, мумиеобразными, столько тералли-тогда поражал нас здоровьем и силою своего мощного, высокого и крепкого, как вековой дуб, тела. Седина еле серебрила его бороду и густые, падающие тяжелыми прядями на спину, волосы. Прямой как стрела, он подходил к нам не торопясь, и мне казалось, будто к нам приближается ожившая, вышедшая из своей рамы фигура Велизария. При виде этого чудно-живописного гордого старика, глядевшего царем, переодетым в рубище, и его шести замечательно мощных и красивых *капшололей*, во мне проснулось с новою силой чувство жгучего любопытства, не-

утолимое желание узнать все, что только было возможно, о его племени и особенно о его тайнах.

Но то было напрасное и в ту минуту совсем неудовлетворимое желание. Я не говорила даже, как многие из моих европейских знакомых, на их языке. Мне оставалось ждать терпеливо и безропотно, наблюдать и принимать к сведению все, что мне будет дозволено увидеть.

В тот вечер я увидела только следующую любопытную церемонию, которая повторяется тоддами ежедневно.

Солнце почти совсем зашло за верхушкой деревьев, когда тодды стали готовиться к загону своей *священной* скотины. Рассыпанные по поляне штук сто буйволов мирно паслись вокруг «вожака», который никогда не оставляет своего наблюдательного поста в центре стада. У всех были привязаны колокольчики к рогам. Но тогда как у других они были медные бубенчики, «вожак» отличался чистым серебром своих колокольчиков и золотою серьгой в ухе.

Церемониал начался тем, что стали отделять буйволят от маток и запирают их в отдельные хлева, пристроенные к туэлю, до утра. Затем отворились широкие ворота очень низкой стены, до того низкой, что мы с дороги видели все происшедшее в *туэле*. Звеня колокольчиками и погремушками, буйволы стали входить один за другим и устраиваться рядами. То были самцы, а буйволицы ждали очереди, которая приходила для них после. Каждого буйвола подводили к устроенной во дворе цистерне или, попросту, луже; обмыв, его вытирали сухой травой, поили, а затем запирали в *тирири*.

Но в чем же состоит интерес обрядов? По мере того, как буйволы подходят к воротам, миряне обоих полов (то есть, около восьмидесяти мужчин и две-три дюжины женщин разных возрастов) становятся в два ряда по обе стороны ворот, мужчины по одну, а «матери» по другую, а затем все отвешивают по низкому поклону буйволам, каждому поочередно. При этом все делают какие-то непонятные жесты, означающие у них глубокое уважение. То же самое делается для буйволиц. Только кроме этого «матерям» приходится класть перед каждою маткой по земному поклону и протягивать ко всякой руку с клочком травы. Счастлива та «мать», от которой главная буйволица удостоит принять лакомый корм! Это считается лучшей приметой.

Убрав и заперев буйволов, мужчины принимаются доить буйволиц; женщину животное к себе и не подпустит. Эта священная церемония длится часа два, так как сосуды из древесной коры, наполненные молоком, обносят семь раз вокруг выдоенной самки, и только затем уже они относятся в молочную, особенный домик, который содержится в необыкновенной чистоте. Доят одни «посвященные», то есть «капиллолы» под присмотром главного *тиралли*, или первосвященника.

Когда все молоко выдоено и готово, ворота *туэля* запираются, и посвященные входят в буйволятник. Тогда, по уверению баддагов, комната за буйволятником освещается многими лампочками, которые горят до утра. Это жилище одних посвященных. Что совершается в этом тайнике до утра, никто не знает, да и нет надежды, чтобы кто когда узнал. Тодды презирают деньги; подкупить их, не нуждающихся решительно ни в чем и смотрящих на все чужое, *не свое*, с полнейшим равнодушием, фактически невозможно. Как весьма верно указано капитаном Гаркнессом и другими, прожившими с ними целые годы свидетелями, тодды — *бессребреники*, в полном смысле этого слова.

Глава 4

Фальшивое положение беспристрастного летописца. — Страница из темного прошлого тоддов, баддагов и муллу-курумбов. — Их предания. — Сопоставления с «Рамаяной» — Где кончается фантазия и начинается правда? — Заключение, к которому описанные факты приводят беспристрастного наблюдателя.

«Объяснения (индуктивных наук) необходимо приводят нас со временем к необъяснимому. Поэтому самые глубокие истины должны оставаться для нас неразъясненными».

Герберт Спенсер

Вынужденная в этом рассказе опираться касательно феноменальных способностей тоддов и курумбов на свидетельство мистрис Морган и ее семейства, я чувствую, что глазах неверующей публики это очень ненадежная опора. Нам ска-

жут, вероятно: «Теософы, психисты, спириты, — все это одно и то же, все вы верите в то, во что наука не только не поверит, но что она всегда отвергала с должным презрением... Ваши факты — галлюцинация, которую вы разделяете, но которой не поверит ни один благоразумный человек».

К этому мы давно приготовлены. Если мир науки, а за ним и толпы, которые желают рисоваться в ее сиянии, бесцеремонно отвергли показание в этом вопросе некоторых из своих великих ученых, то не нам надеяться убедить публику: если свидетельство профессора Геера (Hare), Уоллеса, Цёльнера, Крукса и стольких других светил науки пошло за ничто; когда мы знаем, как эти толпы, которые еще накануне поизносили подобострастно имена своих великих изобретателей, сделавших важные открытия в науке, говорят о них теперь чуть ли не с улыбкой презрительного сожаления, как о свихнувшихся с ума людях, то наше дело должно считаться заранее проигранным. Смешно надеяться заинтересовать скептиков, заставить их взглянуть серьезно на «колдовство» других — полудиких племен, когда свидетельство и научные опыты в спиритических явлениях вышесказанных ученых были осмеяны. Радиометры да разные неизвестные до того химические комбинации у них достало ума открыть; а вот наряженные материализованными *духами* куклы медиумов, то есть надувательство грубое и очевидное, как нос на лице, как слона в кунсткамере, они и не заметили! Бедные, простодушные, легковверные ученые! Но, быть может, нам еще удастся показать, что те из их собратьев, которые так сурово отвергают их свидетельство, а особенно образованный класс общества (настоящее Панургово стадо), гораздо легковвернее тех, кто склонился перед неопровержимыми фактами.

Кто из заинтересованных психологическими вопросами дня не помнит как серьезно и добросовестно изучал все эти вопросы в продолжение нескольких лет химик Крукс? Доказав совершенно неопровержимыми *опытами с помощью научных аппаратов*, что феномены самого необъяснимого характера происходят иногда в присутствии так называемых медиумов, он доказал тем самым и существование таких неисследованных сил и способностей в человеке, о которых еще и не снилось Королевскому обществу. За это открытие, взвол-

новавшее в те дни всю верующую, а особенно неверующую Европу и Америку, сказанное общество, как французская академия в отношении Шарко, чуть не изгнало честного мистера Крукса ¹ из своей среды, слепоглохой ко всему духовному и психическому. Не помог и *радиометр*, не помогло и открытие «лучистой материи».

Дойдя до этого пункта, нам придется, однако оговориться.

Мы просим читателя помнить, что этот рассказ далеко не пропаганда спиритизма. Мы просто заявляем факты; делаем попытку открыть глаза публике на счет реальности многих ненормальных, странных, еще необъясненных, но никак не сверхъестественных явлений. Веря в феномены медиумов, то есть в их настоящие, а не подставные явления, из которых последние, к сожалению, составляют более 70 %, большинство теософов отвергает теорию «духов». Лично пишущая эти строки не верит ни в материализующиеся *души умерших*, ни в объяснения спиритов: менее же всего, в их так называемую *философию*. Почти все феномены, о которых столько говорили за последнее двадцатипятилетие, также реальны и неопровержимы, как и существование самих медиумов. Но характер этих явлений настолько же имеет в себе то, что называется *spiritualite*, как те честные кузнецы и столяры, которые начинают на юге Франции и Германии представлять апостолов в деревенских мистериях и которых церковные старосты выбирают за жилистые руки и здоровенный рост.

Такую веру в одно и неверие в другое со мною разделяет, как сказано, большинство современных так называемых *спиритуалистов* и членов теософического общества: брамины Индии, с одной стороны, и несколько сотен весьма опытных

---

¹ Тот факт, что Крукс уже давно принадлежит к Теософическому обществу, вероятно, еще больше повредит его репутации между учеными. Горе, однако, Королевскому обществу. Его члены начинают один за другим следовать по примеру великого химика, присоединяясь то к Психическому, то к Теософическому обществам. Лорд Карнарвои и Балькарес, профессора Уоллес, Сиджуик, Баррет, Олерверс, Ладж, Бальфур Стюарт и пр. и пр., все или «паписты» или «теософисты», а часто и то и другое. Если Королевское общество станет продолжать свои изгнания за такие проступки, то в нем скоро останется один его дворник.

(по части спиритизма) и ученых лиц в Европе, с другой, к какому ученому принадлежит и великий химик Крукс — *n'en deplaise aux sirites*, которые рассказывают совсем другое, указывая на него во всех своих публикациях, как на убежденного спирита.

Спириты крепко ошибаются. Одно время, когда мы еще не знали лично мистера Крукса, эти легенды о нем нас весьма смущали. Но в апреле 1884 года, в его доме, в Лондоне мы ему поставили при многих свидетелях, а затем и когда мы были одни, этот прямой вопрос. Крукс отвечал прямо и не колеблясь, что в описанные им явления с медиумами он верит так же твердо, как и в свою «лучистую материю», которую он нам тогда показывал и объяснял; но что в посредничество духов *он давно не верит*, хотя одно время и был склонен к этому.

— Так кто же была «Katie King»? — спросили мы.

— Не знаю, вероятнее всего, *двойник* мисс Ф. Кук (медиума), — отвечал он добавляя, что есть серьезная надежда, что физиология и биология скоро убедятся в существовании такого полуматериального *двойника* в человеке.

На это нам опять весьма вероятно возразят, что существование таких ученых, которые верят в *двойников* и даже в спиритизм, еще не доказывает реальности ни двойников, ни феноменов медиумов. Нам скажут, что в семье не без урода; что такие ученые составляют, наконец, меньшинство, а такие, что отрицают наповал все еще не доказанное современною наукой, находятся в громадном большинстве. Не станем спорить. Заметим только, что у нас пока и умные люди имеются в виде весьма малого процента от общей суммы не только человечества, но даже образованных классов. Меньшинство также ничего еще не доказывает. Большинство имеет лишь одно видимое преимущество над меньшинством: преимущество грубой животной силы. Оно садится на меньшинство и старается раздавить его, или, по крайней мере, заглушить его голос. Это мы видим всюду. Массы поклонников общественного мнения производят давление на тех, кто предпочитает ему истину. Королевское общество и академии давят ученых, которые осмеливаются переступить — опять-таки во имя этой попоранной истины — резко начертанный ими рубеж вокруг их узкой материалистической программы. Спириты силятся побить и даже унич-

тожить теософов... Все это в порядке вещей. Есть, конечно, много и умных людей, твердо верующих в личное присутствие душ умерших на спиритических сеансах; в облеченных материей «духов»; в их откровения; в философию Аллана Кардека и даже в непогрешимость профессиональных, публичных медиумов. Оказывая должное уважение всякому личному верованию, все-таки мы не разделяем верований спиритов. Мы позволяем себе держаться, до поры до времени, собственных убеждений. Только время да помощь науки, когда она переменит тактику, могут нам показать, кто из нас прав и кто ошибается.

Убедясь окончательно, что такие авторитетные учреждения, как Королевское общество и европейская академия наук, никогда (по крайней мере, еще не скоро, не при нашей жизни) не окажут нам помощи: что большинство ученых решилось, кажется, изгнать навеки из своей среды все подобные психологические явления: что обо всем поверхностно судящая публика клеймит печатью грубого суеверия все то, чего она не понимает (многие, вероятно, *страиась понять*); что, наконец, все они согласятся называть *истиной* и *фактом* лишь собственные, почему-то ими принятые, заключения, хотя большинство научных теорий при каждом шаге вперед науки испокон века лопались одна за другой; видя все это и убедясь, как тщетны наши усилия изменить дух времени, мы и решились действовать и искать объяснений сами.

Два года мы собирали сведения и изучали «колдовство» курумбов и более пяти лет подобные проявления той же силы в различных племенах Индии. Главным советом общества был назначен комитет, и всякие меры были приняты против могущего иметь место обмана. Наши сочлены, выбранные из среды самых ярых скептиков, пришли единодушно к одному заключению: «Все, что рассказывают об этих племенах, основано на истинных фактах. За исключением, конечно, огромных преувеличений суеверной массы народа: — эти факты неоднократно были доказаны. Как, в силу какой способности, тодды, курумбы, янади и другие племена производят известное действие на людей, — мы не знаем, как и не беремся объяснить. Мы только заявляем то, что сами видели».

Так говорили наши сочлены, индусы, воспитанные в современном духе английской цивилизации, то есть *материали-*

сты, в полном смысле слова, и не верующие ни в собственных богов, ни в духов спиритов. Так говорили и мы, хотя имеем сильное подозрение, равняющееся убеждению, что эта сила в нильгирийских колдунах есть наш старый знакомый: «психическая сила» докторов Карпентера и Крукса. Мы долго приглядывались к этому столикому Протею, овладевавшему, бывало, и нами. Мы делали опыты столь же тщательные, серьезные, беспристрастные над собою, как и над другими. Мы пришли к заключению, что как перед докторами Шарко, Круксом, Цёльнером, так и перед нашими глазами — в отношении к «колдунам» действовала одна и та же сила; но что разнообразие ее проявлений зависит преимущественно от такого же разнообразия человеческих организмов; затем, от среды и обстановки, среди которой она проявляется; много от климатических условий и, наконец, от умственного направления так называемых «медиумов».

Продолжая говорить о «колдовстве» и опираясь на свидетельства множества лиц, не одного семейства Морганов, конечно, я употребляю термин в его переносном смысле. Понятно также, что призывая других свидетелей, я хочу оградить тем самым собственные показания от незаслуженного подозрения, даже в преувеличении. Говоря другими словами, я скорее страшусь нареkania: *a beau mentr gui vient de loin*, нежели ищу оправданий перед скептиками. Во мне нет ни уважения, ни страха ко всеотрицающему духу современной науки. Избирая основным грунтом, *канвою*, так сказать, своего рассказа, столько же плоды исследований и гипотезы других лиц, сколько и результаты собственных наблюдений, я имею в виду скорее истину, нежели *le gu, en dira-t-on* отрицателей. Поэтому я и продолжаю зашивать эту канву фактами, предпочитая им вечные гипотезы, вечно лопающиеся, как мыльные пузыри.

О тоддах и курумбах писали и до меня. О них рассуждали несколько серьезных писателей и статистиков. Но то были в каждом случае предубежденные, хотя, вероятно, и ученые специалисты, или же лица уж чересчур подчеркивающие по своему каждый такой ненормальный факт, а именно: английские и американские миссионеры. Большинство этого класса, в силу давно усвоенных ими взглядов и предвзятой системы,

всегда проповедовали в Индии более страх перед дьяволом, нежели любовь ко Христу. Оттого и такой их неуспех. Эти господа, понятно, обязаны видеть козни лукавого во всем туземном, и этим они только еще более затемняют истину и мешают публике констатировать факты.

Отвергая с примерным беспристрастием предания нильгирийских, как и других, племён, как и все показания о себе туземцев, продолжая фантазировать о них на все лады, англо-индийцы, с помощью миссионеров, только еще более запутали возможные сведения о тоддах и их вассалах курумбах. Их происхождение в доисторические времена, конечно, должно остаться в непроницаемом мраке. Все же можно было бы воспользоваться проблесками в исторической эпохе для лучшего с ними знакомства. Но в описаниях англичан о них ровню ничего нельзя ни понять, ни найти, кроме уже выше цитированных гипотез, которые одна невозможнее другой.

Отчаиваясь когда-либо выйти из этого лабиринта на свет Божий, мы стали расспрашивать туземных пандитов, пользующихся репутацией ходячих летописей и легенд. Пандиты нас отослали к одному аскету из баддаг. Этот неумывающийся анахорет оказался очень любезным и гостеприимным собеседником. За несколько мешков рису он рассказывал одному из наших туземных членов свои племенные легенды без перерыва три дня и три ночи. Все сказанное им собрано в этой главе. Нечего и говорить, что о приводимой далее легенде англо-индийцы никогда не слыхали.

Слово «баддага» канарезское и, как тамильское «вадуган», означает *северянин*, и теперь доказано, что все баддаги пришли с севера. Когда, лет 600 тому назад, они прибыли в «Голубые горы», то уже застали там тоддов и даже курумбов. Они вполне убеждены, что тодды там проживали целые десятилетия.

Карлики показывают, в свою очередь, что их праотцы закабалили себя на службу или в рабство праотцам тоддов еще в Ланке (Цейлоне) «за право существовать на земле», с тем условием, чтобы «их потомки были всегда на глазах у тоддов».

Иначе, замечают баддаги, «эти демоны очень скоро не оставили бы никого живым, кроме самих себя, на земле». Это-

го курумбы в минуты дьявольской злобы и не отвергают, а напротив, очень гордятся такою властью. В подобные минуты они скрежещут зубами и, в бессильной злобе на тоддов, готовы, как скорпион, ужалить себя и убить собственным же ядом. Генерал Морган, видевший их иногда в припадках бешенства, замечает, что в такие минуты он, позитивист, «боялся быть вынужденным *поверить против вали в черта*».

С другой стороны, баддаги также изъявляют претензию на древнее сожительство их племени с тоддами.

— Наши отцы служили им еще при царе Раме, — говорят они, — поэтому служим и мы.

— Но ведь тодды не верят в див (дев) ваших отцов? — однажды спросила я одного из них.

— Нет, они верят в их существование, — получила я в ответ, — но только не оказывают им никаких почестей, *потому что они сами дивы*.

Баддаги рассказывают, что когда бог Рама шел на Ланку, то кроме великой армии обезьян, многие народы южной и центральной Индии добивались сделаться союзниками великого «аватара». Между прочими были и канарцы, праотцы баддаг, от которых эти ведут свой род. Действительно, баддаги разделяют свое племя на восемнадцать каст, между коими есть очень высокорожденные брамины, как например, — «водеи», ветвь ныне царствующей в Майсуре фамилии. Англичане вполне убедились в основательности этой претензии. В древних хрониках майсурского дома до сего дня хранятся документы, которые доказывают: во-первых, что водеи одного с баддагами племени, то есть уроженцы Карнатика, а во-вторых, что аборигены этой страны принимали участие в великой священной войне царя Аудьи, Рамы, против ракшасов, великанов-демонов острова Ланки.

Эти-то вот самые, гордые своим древним и знатным происхождением, брамины и поддерживают в баддагах чувство почти боготворения, только не к себе самим, как это делают брамины во всех остальных частях Индии, а к тоддам, которые отвергают их богов. Доискаться настоящей причины такого неестественного почитания — весьма трудно, и эта тайна продолжает разжигать любопытство англичан. Почти невозможно, зная законы браминов, разрешить ее. Действительно,

эта гордая каста, не соглашающаяся ни за какие деньги работать для англичан, эти брамины, которые отказываются, видя в том унижение, перенести для себя же простой узел из дома в дом, они-то и есть между баддагами самые ревностные поклонники тоддов. На тоддов они работают не только безвозмездно, но и не откажутся от самой низкой по их понятиям работы, если только она совершается по желанию или скорее по приказанию добровольно выбранных властелинов. Они готовы служить им каменщиками, судомойками, столярами, даже *париями!* В то самое время, как эти высокомерные индусы держат себя со всеми другими народами, даже с англичанами, гордо, носят тройной священный шнурок браминов и имеют одни право священнодействия на церемониях посева и жатвы (хотя со страха часто уступают его курумбам), при первом появлении тоддов повергаются перед ними во прах... а между тем и сами они, баддагские брамины, не лишены замечательной силы в ее магических проявлениях.

Каждый год, например, на праздниках «последней в году жатвы» они обязаны представить вещественные и очевидные доказательства того, что они прямые потомки *посвященных, дважды рожденных, браминов*. Для этого они медленно ходят взад и вперед босыми ногами и без малейшего для себя вреда по широким полосам ярко горящих угольев или раскаленного до бела железа. Эта полоса проходит во всю длину фасада их храма, то есть ярдов на десять или двенадцать, и на ней они стоят и ходят как бы на паркете. Каждый баддага-водей обязан, ради чести касты, пройти по такой полосе по крайней мере семь раз...

Англичане уверяют, будто они обладают секретом какого-то растительного сока, от действия которого, если потереть им ноги или руки, кожа делается на время несгораемой. Но миссионер Метц клянется, что этого не может быть и что это чистое чародейство.

«Что могло впервые заставить эту гордую браминскую касту, — рассуждает капитан Гаркнесс,¹ — унизиться до боготворения племени, стоящего ниже их породой, цивилизацией и умственными способностями, это неразрешимая для меня загадка!.. Конечно, баддаги от природы робкого характера; к

---

¹ «The Hill-Tribes of Nilgheiry». Capt. Harkness.

тому же они одичали в продолжение стольких веков уединения в горах, однако, эту тайну можно, пожалуй, разрешить тем, что они люди, полные суеверия, как все горцы Индии... Но все-таки подобная их черта чрезвычайно любопытна для психолога».

Без сомнения, так. Но быть может, первоначальная причина этого почитания еще более «любопытна», хотя ни англичанам, тем менее — скептикам, ее не отыскать. Начнем с того, что тодды ни сколько не ниже баддаг ни умом, ни породой, а напротив, несравненно выше. Затем — настоящую причину внушаемого ими баддагам почитания следует искать не в настоящем, но во времена самой глубокой древности, в таких периодах браминской истории, в которые наши современные ученые отказываются не только серьезно заглянуть, но даже и верить в них. Однако же, хотя оно и трудно, но далеко не невозможно. Из разбросанных отрывков легенд баддаг и их документов, из рассказов их браминов, падших со времен мусульманского вторжения, но все же с проблесками тайн их праотцев, браминов эпохи ришей и чудодейных адептов «белой магии», можно сшить нечто целое и последовательное. Следует только взяться за это дело умеючи, заручиться их доверием и не быть *англичанином* и «бара-саабом», которого баддаги часто страшатся пуще курумба. Муллу-курумба, с его злыми чарами и *глазом*, он еще может умиротворить подарками; а на британца он взирает как на своего заклятого врага и злодея. Поэтому баддаги, как и прочие брамины Индии, считают своим священным долгом оставлять англичанина возможно более долго в неведении истинных фактов касательно не только своего прошлого, но и настоящего, заменяя их как можно чаще вымыслами.

Одни нильгирийские баддаги сохранили воспоминания, хотя и слабые, этого прошлого. Тодды молчат и ни разу еще не проронили и полслова; быть может, кроме их старшин «священнодействующих», мало кто из них и знает о нем. Баддаги уверяют, что перед кончиною каждый тералли обязан передать все, что знает, одному из молодых кандидатов на должность.

Что же касается курумбов, то, хотя они и помнят легенду своего порабощения, но о тоддах, кроме этого, не знают ниче-

го. А эруллары и хоты, настоящие животные, более, нежели полудикие люди.

Выходит, таким образом, что из всех нильгирийских пяти племен одни баддаги помнят и доставили доказательства о своем прошлом. Вследствие этого есть надежда, что сохраненные ими о тоддах предания не совсем основаны на вымысле. Все их показания о себе касательно того, что они пришельцы с севера, потомки канарезских колонистов, которые пришли около десяти столетий тому назад из Карнатика, страны, ныне известной под названием Южного Майсура и составлявшей в глубокой древности (исторической) часть царства Конгу, оказались верными. Так почему же им бы и не сохранить лоскутков из далекого прошлого тоддов?

Начало странных отношений между этими тремя, совершенно различными расами остается, конечно, все еще неопределимым (официально) и до сего дня. Англичане уверяют, что отношения эти установились вследствие долгого сожительства в этих пустынных горах. Отрезанные от остального человечества, тодды, баддаги и курумбы выработали себе постепенно свой особый, полный суеверных идей мир. Но сами эти племена говорят совсем другое. И то, что они рассказывают, как нечто установившееся еще в глубокой древности и не без прямого отношения к древнейшим легендам и писаниям индусов, — чрезвычайно многозначительно.

Предание этих трех столь тесно связанных судьбой племен тем более интересно, что слушая и разбирая его, как бы читаешь вырванную страницу из «мифической» поэмы Индии «Рамаяны». Ориенталисты отвергают его ради собственных, еще более невероятных, умозаключений. Но тогда как их гипотезы доказательно лишены смысла, претензия тоддов и курумбов имеет все-таки еще возможность оказаться основанною на *исторических* фактах. Все зависит от будущего положения «Рамаяны» в истории.

Признаюсь, я никогда не могла понять причины, заставляющей историков делать такую разницу между двумя поэмами, почти одинакового характера. Конечно, нам скажут, что все сверхъестественное выбрасывается одинаково из «Илиады» и «Одиссеи», как и из «Рамаяны». Но почему же наши ученые, принимающие почти беспрекословно за *исто-*

рические лица всех этих Ахиллесов, Гекторов, Улиссов да Елен с их Парисами, — почему, спрашивается, они отвергаются как пустые мифы Раму, Лакшману, Ситту, Равану, Ханумана и даже царя Айодьи? Или все поименованные лица не более как сказочные герои, или же — всем им следует воздать должное. Шлиман нашел в Троеде ощутительные доказательства существования Трои и ее действующих лиц. Нашлась бы и древняя Ланка и другие местности, помянутые в «Рамаяне», если бы только поискать их. А главное, не следовало бы отвергать с таким незаслуженным презрением и так огульно показания и легенды браминов и пандитов...

Тому, кто хоть раз читал «Рамаяну», не трудно убедиться в том, что отбросив неизбежные в эпической поэме такого религиозного характера аллегория и символы, все-таки найдем в ней неопровержимый и очевидный исторический грунт.

Сверхъестественный элемент в рассказе не исключает элемента исторического. Так и в «Рамаяне». Присутствие в ней великанов и демонов, говорящих обезьян и мудроречивых пернатых не дает нам еще права отвергать существование в глубокой древности ни одного из ее главных героев, ни даже самих «обезьян», этой великой несметной армии четвероруких, собравшихся «со всех четырех концов земного шара». Как знать, пока мы в том не удостоверимся бесповоротно, кого именно авторы Рамаяны имели в виду под этим аллегорическим названием «обезьян» и «великанов»?¹ В главе VI книги Бытия тоже говорится о сынах Божиих, которые, увидев дочерей земных и полюбив, женились на них, от какого смешения произошла на земле раса «великанов». Гордость Нимрода, вавилонское столпотворение и «смешение языков» имеют свою параллель в гордости и деяниях Раваны, в смешении народов во время войны в «Махабхарате», в бунте даитьев (великанов) против Браммы и т. д. Но главная суть в «великанах».

Что в Ветхом Завете выражено в нескольких стихах, что рассказано так подробно в книге Еноха, то самое касательно

---

¹ Это тем более вероятно, что во многих местах «Пуран» встречаются рассказы об этих самых царях, с тем же названием царств и под теми же именами, какие носят в «Рамаяне», и что в этих рассказах они уже не «обезьяны», а *люди*.

великанов раскрыто в «Рамаяне», в продолжение все этой громадной эпической поэмы. В ней под другими именами и в больших подробностях мы находим всех падших ангелов, упоминаемых в видениях Еноха. Наги, апсары, гандхарвы, ракшасы учат смертных всему тому, чему падшие ангелы Еноха учили дочерей человеческих. Самьяса, вождь сынов неба, призывающий своих двести воинов ко взаимной клятве союза на Ардисе (верхушка горы Армон) и затем поучающий род человеческий греховным таинствам колдовства, имеет своего двойника в царе нагов, или *богов-змиев*. Азазель, научая мужчин ковать оружие, а Мазарака — *знахарей* тайным силам разных трав и корней, делает то же, что ансары и азуры на реке Ришхабе, а гандривы «Хаха́ и Хуху́» — на вершине Гандхамаданы. Где предания того народа, в котором мы не находим богов, наставников людей, одаряющих их плодами познания добра и зла, демонов и великанов? Народный эпос есть лишь *пролог* в исторической драме каждого народа, имеющего свое законное место во всемирной истории; а поэтому и его эпические поэмы следует считать рассадниками последующих событий и самыми верными указаниями в этой истории. Семя дерева, искаженного, как в китайском садоводстве, искусственными прививками, которые превращают его в неестественное чудовищное растение, и семя того же дерева, выросшего на свободе, — одно и то же. Искусный ботаник узнает его под всякой внешностью. Таким точно образом долг каждого добросовестного историка докапываться до корней аллегорий такого глубоко философского рассказа, как например, «Рамаяна» Вальмики. Не останавливаясь перед ее внешнею, быть может неприятною западному реализму формой, он должен копать все глубже и глубже, до самых корней...

Этот упрек заслуживают многие ориенталисты, особенно германские. Казалось бы, прямая обязанность таких авторитетов (?) как например, профессор Бебер, беспристрастно заготавливать, очищая сырой материал для истории; а вместо этого, внося в работу сильнейший элемент лицепрития и предвзятых идей и придвигая все ближе и ближе к нашему времени эпоху, когда были написаны «Махабхарата», «Рамаяна» и «Бхагавадгита», он только сбивает с толку будущих историков

Индии,¹ древняя история которой играет такую огромную роль во всемирной истории человечества.

В книге Еноха повествуется о «великанах» в 300 локтей роста, которые, «пожрав все удобосъедаемое на земле, принялись пожирать наконец самих людей». В «Рамаяне» повествуется о «ракшасах», очевидно о тех же великанах, о которых мы знаем из историй греческих и скандинавских народов и находим их даже в легендах Южной и Северной Америки. Титаны «сыны Бура», первобытные великаны и гиганты *Пополь-Вух*, Икстликсохитля — родные братья, первобытные расы человечества. Очищая зерно исторических фактов от плевел фантазии и вымысла в одном случае, не обязаны ли мы делать то же и в других, не следуя нашему личному предпочтению? Говорят; «Глас народа — глас Божий». Предание, находящееся на всех пунктах земного шара, должно же иметь какое-нибудь себе основание. Пусть отвергают ориенталисты «великанов» как вымысел и сказки. Мы же находим *необходимость* их в самих законах природы.

Вся суть заключается в разрешении вопроса: могли ли быть и были ли когда действительно такие великаны на нашей земле? Думаем, что были; и наше мнение разделяется многими из самых ученых людей, Франсуа Ленорманом, например. Антропологи пока еще не одолели и первой буквы азбуки, дающей ключ к тайне происхождения человека на земле. С одной стороны мы находим громадные скелеты людей, кольчуги и шлемы с голов настоящих великанов. С другой стороны мы не можем не видеть, как почти на наших глазах род человеческий с каждым годом мельчает и почти *вырождается*.

Нам кажется, что антропология никогда не обращала достаточного внимания на закон аналогии. Это тем *более* странно, что уже давно доказано, что природа действует всегда, во всем и всюду однообразно, и что ее законы в своих проявлениях постоянно представляют такую аналогию. Поэтому мы и

---

¹ Здесь, конечно, не место доказывать это. Но стоит прочесть негодующие протесты таких ученых санскритологов, как например махратского брамина Теланга, человека европейского образования, и доктора философии Раджнандры Лалль Митры, вовсе не фанатиков, чтобы увидеть, до каких хронологических искажений доходит Вебер.

смей думать, что руководись наши ученые *построже* этим принципом (дающим в естествознании такие великолепные результаты и бывшим причиной стольких великих открытий), мы, быть может, имели бы возможность пополнить пробелы и в антропологии. Разве мы не видим, например, что со времен отдаленнейших геологических периодов в царствах растительном и животном, по мере приближения своего к четверичному периоду, *все* уменьшается, слабеет и вырождается; что гигантский папоротник каменноугольного периода превратился в зеленую травку наших лесов, а юрский плезиозавр обратился в ящерицу? Почему же, основываясь на этом, вполне логичном принципе аналогии в природе, нам нельзя верить, что, следуя в этом однородным законам, случилось то же и с человеком, то есть, что из первобытных великанов, с которыми нас знакомят *откровения* всех народов, мы сделались слабосильными, золотушными карликами нашего века? Кто из современных гвардейских силачей способен идти на врага, одетый в любой панцирь, шлем и доспехи, даже недавних средневековых рыцарей? А кто из рыцарей-крестоносцев был в десять футов роста — средняя величина найденных недавно в Америке человеческих скелетов?

Тодды говорят, — а говорят они вообще нехотя и очень мало, — о *кернях* на Холме: «Мы не знаем, чьи это могилы; мы их нашли уже здесь. Но они легко вместили бы полдюжины таких, как мы, а наши отцы были вдвое больше нас». Вследствие этого и многого другого, мы верим, что рассказываемая ими легенда не есть простой вымысел уже потому одному, что тодды не могли бы *ее* выдумать. Они не имеют никакого понятия ни о браминах и их религии, ни о ведах или других священных книгах индусов. А хотя при европейцах они молчат об этой легенде, но зато баддагам, по их уверению, то есть, отцам нынешних баддагов, *ее* рассказывали так, как теперь баддага-анахорет передал *ее*.

Во всяком случае, она очевидно взята из «Рамаяны». К тому же, не одни тодды сохранили *ее* в памяти. Это предание есть общее достояние, наследственная собственность не только тоддов, но и баддагов и курумбов, как уже сказано.

Для уяснения дела даем вкратце, вместе с преданием, как его рассказывал «старик» на Нильгири, выписки из «Рамая-

ны» и настоящие имена, которые тодды дают в искаженном, хотя и легко признаваемом виде. В этом предании ясно одно: дело идет о Гаване, царе Ланки, то есть о монархе так называемых *ракшасов*, народе, очевидно, богатырского сложения, злом и порочном; о брате Раваны Вибхешане и его четырех министрах, о которых в «Рамаяне» этот принц выражается, представляясь Раме «Дасаратиду, сыну царя айодского и аватару бога Вишну» так:

«Я позже рожденный брат Раваны *десятиголового*. Я был оскорблен им за то, что давал ему добрый совет отдать тебе лотосооковую Ситу, твою супругу... С моими четырьмя товарищами, людьми силы безмерной, коих имена: Анала, Хара, Сампати и Прагхаша, я покинул Ланку, мои богатства, друзей, я пришел к тебе, величие сердца коего не отвергает ни одного создания. Я желаю быть обязанным одному тебе за все... Я предлагаю себя тебе в союзники, о, герой превеликой мудрости, и поведу твои храбрые армии на покорение Ланки и на смерть злых *ракшасов*»...

А теперь сравним эту цитату с преданием тоддов.

Вот что они говорят:

«Это было в те времена, когда царь востока, *без людей обезьян* (очевидно армий Сугривы и Ханумана), шел убивать Равану, великого, но злого демона, царя Ланки. Его народ состоял весь из демонов (*ракшасов*), великанов и могучих чародеев. Тодды были в своем двадцать третьем поколении в то время на Ланке.¹ Ланка — земля, окруженная всюду водой. Царь Равана был сердцем *курумба* (то есть злой колдун); он сделал большую часть своих подданных *ракшасов злыми* демонами. У Раваны было два брата: Кумба — великан из великанов, который, проспав сотни лет, был убит Царем Востока, и Вибья — добрый и любимый всеми *ракшас*».

---

¹ То есть 199 или 200 «поколений» тоддов тому назад, что представляет по меньшей мере 7000 лет. Аристотель и другие греческие мудрецы, говоря о Троянской войне, утверждали, что она была за 5000 лет до их времени, С тех пор прошло более 2000 лет. Итого — 7000 лет. Конечно, история отвергает эту хронологию. Но что же это доказывает? Разве Всемирная История до Р. Х. и ее хронология основаны на чем-либо, кроме гипотез и возведенных в аксиомы вероятностей да предположений?

Разве не очевидно, что Кумба и Вибья тоддского предания суть Кумбхакарна и Вибхешана «Рамаяны»? Кумбхакарна, проклятый Брамой и уснувший под этим проклятием до самого падения Ланки великан, когда его убил Рама, после ожесточенного поединка магической стрелой Браны, «стрелой непобедимую, богов устрашающею», на которую взирал сам Индра, как *на скипетр* Смерти.

«Вибья, — говорят тодды, — добрый ракшас, вынужденный отказаться от Раваны вследствие его преступления против Востока (Рамы ¹), у которого он украл жену, Вибья перешел с четырьмя верными слугами за море и помог ему отнять царицу его, за что Царь Востока поставил Вибью царем на Ланкой».

Это слово в слово история Вибьешаны, союзника Рамы и его четырех министров, ракшасов.

Далее тодды рассказывают, что эта слуги были четыре *тералли*, анахореты и *добрые* демоны. Они отказались драться с братьями-демонами, даже злыми. Поэтому по окончании войны, во все продолжение которой они занимались заклинаниями за успех оружия Вибьи, они отпросились у него на покой. Забрав с собой семь других анахоретов и сто человек ракшасов-мирян с их детьми и женами, они удалились навеки из Ланки. Желая вознаградить их, Царь Востока сотворил на бесплодной плоскости «Голубые горы», подарил их ракшасам и их потомкам на вечное владение. Тогда семь добрых анахоретов, желая проводить жизнь, *кормя тоддуваров* и делая безвредными чары злых демонов, превратились в буйволов, четыре слуги Вибьи остались под видом людей и живут невидимые для всех, кроме *посвященных* тераллей в лесах Нильгири и в священных тайниках «тирири». Заняв Нильгири, чародеи-буйволы, анахореты-демоны и старшины тоддуваров-мирян составили законы, определили число будущих тоддов и буйволов, священных, как и *светских*. Затем они отправили одного из братьев обратно в Ланку с тем, чтобы пригласить еще несколько добрых демонов с семействами. Там они нашли своего господина, царя Вибью, уже на престоле брата, убитого Раваны.

---

¹ Баддагские брамины так его и называют. Они говорят, что «Царь Востока» есть Рама (см. с. 203 bis)

Такова легенда тоддов. Что «Царь Востока» — Рама, в этом, хотя тодды сами так и не называют его, не может быть и сомнения. У Рамы, как это известно, сотни названий. В «Рамаяне» его зовут «Царем Четырех Морей», «Царем Востока», «Царем Запада, Юга, Севера», как и «сыном Рагу», «Дасаратидом», «Тигром царей» и пр. Для жителей Ланки или Цейлона он, конечно, был бы «Царем Севера». Но если тодды, как мы думаем, пришельцы с запада, то это название «Царя Востока», или Индии, становится понятным.

Но вернемся к легенде и посмотрим, что она может нам сказать о муллу-курумбах. Какое отношение имели в древности к тоддам карлики-колдуны и какая судьба привела их на «Голубые горы» под строгий надзор тоддов, это мы узнаем из продолжения рассказа о посланном в Ланку «демоном».

Когда он прибыл на свою завоеванную, побитую родину, он нашел все изменившимся со дня их ухода с острова. Новый царь Ланки, преданный друг и союзник царя Рамы «Лотосоокого», старался в то время всеми силами искоренить в стране злое колдовство ракшасов, заменяя его благодетельною наукой магов-анахоретов. Но дар *Брахмавидьи* «получается лишь вследствие *личных качеств, чистоты нравов, любви ко всему живому*, то есть как к людям, так и к немой твари и, наконец, посредством сообщения с невидимыми добрыми чародеями, которые, покинув землю, живут в стране под облаками, где садится солнце».¹ Вибья сумел смягчить сердце старых ракшасов, и они раскаялись. Но в Ланке зародилось новое зло. Большая часть воинов из армии Востока, воины-обезьяны, воины-медведи и воины-тигры с радости, что покорили царицу Морей и ее жителей-демонов, крепко перепились, так крепко, что не могли отрезвиться в продолжение многих лет. В этом туманном состоянии они взяли себе в жены *Ракиази*, демонов женского пола. От такого неравного брака родились на свет карлики, злейшие и глупейшие в целом мире существа. То были праотцы настоящих нильгирийских муллу-курумбов. Они соединяли в себе все дары темной науки кол-

---

¹ Тодды указывают на Запад, говоря о стране, куда уходят их покойники. Метц называет Запад «фантастическим раем тоддов». Из этого некоторые посетители Нильгири вообразила, что тодды, как парсы, поклоняются солнцу.

довства их матерей с хитростью, жестокостью и тупостью отцов, то есть обезьян, тигров и медведей. Царь Вибья решился их было разом умертвить и уже собирался привести задуманное в исполнение, когда главный чародей, оставивший на время свою буйволью наружность, испросил им у царя помилование, обещая их увести с собою за море, на «Голубые горы». Словом, он спас карликам жизнь, под условием, что они и их потомки будут вечно служить тоддам, признавая в них своих властелинов и повелителей, имеющих над ними права жизни и смерти.

Избавив таким образом Ланку от страшного зла, чародей, сопровождаемый сотней добрых ракшасов из *чужеземного племени*, отправился домой на «Голубые горы». Оставив неисправимых и злейших из маленьких демонов-карликов на умерщвление царю Вибье, он выбрал три сотни из менее злых этого нового племени и, завернув их в полу своего плаща, перенес их в Нильгири.

С тех пор курумбы, выбрав жилищем самые непроходимые *джунгли* гор, стали плодиться, пока не сделались целым племенем, ныне известным под названием муллу-курумбов. Пока они были с тоддами и буйволами в то время единственными обитателями «Голубых гор», их злые наклонности и врожденный дар колдовства не могли делать вреда никому, кроме таких же злых зверей, которых они очаровывали и затем пожирали. Но вот поколений пятнадцать тому назад пришли баддаги, и между ними и карликами началась вражда. Отцы баддагов, то есть древние народы из Малабара и Карнатика, стали тоже служить после войны «добрым» великанам Ланки. Поэтому, когда колонии этих северян вследствие ссоры с браминами Индии и их притеснений, появились на «Голубых горах», тодды, как повелевали им честь и буйволы, взяли баддаг под свое покровительство, и те стали служить им, как их праотцы служили их отцам в Ланке...

Такова легенда этих народцев на «Голубых горах». Мы ее собрали, так сказать, по кусочкам и с величайшими затруднениями. Кто же из читавших «Рамаяну» не признает в этом предании событий из нее? Но каким образом могли баддаги, тем менее — тодды, сочинить ее? Их брамины — одна тень браминов прежних времен и не имеют ничего об-

щего с этою кастой в долинах. Не зная санскритского языка, они «Рамаяны» не читали, а некоторые, вероятно, и не слышали о ней.

Затем, вероятно, нам скажут, что как «Махабхарата», так и «Рамаяна», если и основаны на смутных воспоминаниях давно минувших событий, то, во всяком случае, элемент фантастический так преобладает в них над историческим, что невозможно признать за достоверное ни одно из описываемых в этих эпосах событий? Это опять та же старая история торжества железного над глиняным горшком. Это говорят те, кто утверждает, что до времен Панини, величайшего во всем мире грамматика, в Индии не имели понятия о письменах, и что сам Панини не умел писать и никогда не слыхивал про письмомена, даже, наконец, что «Бхагавадгита» и «Рамаяна» написаны, вероятно, по Р. Х. и т. д.¹

Неужели же никогда не взойдет заря того дня, когда арийские индусы, этот теперь политически глубоко павший, но все же великий своим прошлым и замечательными добродетелями народ и священная литература браминов получат столь заслуженное ими место в истории? Когда же лицепрятие и несправедливость, основанные на племенной гордости, дадут место полному беспристрастию, а ориенталисты перестанут, наконец, представлять читающей публике праотцев браминов суеверными невеждами, а их самих лгунами и хвастунами? Возможно ли поверить, чтобы эта, по своей громадности единственная в мире литература, обнимающая все известные и (это заключение всех, кто изучал ее философию беспристрастно) неизвестные, давно утраченные познания и науки, была вся основана на вымысле и пустых метафизических бреднях?..

Но ориенталисты пусть верят по-своему. Мы же, изучающие эту литературу с браминами, не останавливаемся на мертвой букве ее. Мы знаем, что «Рамаяна» не есть волшебная сказка, как ее представляют в Европе: что она имеет двойкий смысл — религиозный и чисто исторический, и что, нако-

---

¹ Умозаключение профессоров Вебера и Макса Мюллера. Между тем вам известно из истории, что финикийцы вели большую торговлю с Индией за 1000, если не 1500 лет до Р. Х., а Панини, по словам этих санскритологов, процветал за 200 лет до Р. Х.

нец, одни посвященные брамины способны верно истолковать ее запутанные аллегории. Тому, кто читает священные книги Востока с ключом к их тайным символам в руках, становится ясным следующее:

1. Космогония всех главных древних религий одна и та же. Они разнятся одна от другой только своею внешней формой. Исходят же все эти, по-видимому, противоположные учения из одного источника, всемирной истины, которая всегда являлась под видом откровения всем первобытным расам. Позднее, и по мере того, как человечество крепчало органами мышления в ущерб духовному умозрению, первобытные взгляды менялись и, развиваясь, пускали ростки по тому или другому направлению. Все это происходило вследствие климатических, бытовых и других условий. Как дерево, ветви которого, разрастаясь под переменчивым ветром во все стороны, принимая самые неправильные, безобразные, изогнутые формы, все же выросли из одного родного ствола, так и в вопросе разных религий: все они пустили ростки из одного семени ИСТИНЫ. И это понятно. Истина одна. Как ни бесчисленны в своем разнохарактерном разнообразии представления о ней в людском воображении, ибо нет ему преграды, это несколько не мешает им быть основанными на ней, опираться на ее краеугольном камне! Так белый луч света, разлагаясь сквозь призму на многие цвета, переливается и постоянно переходит из одного цвета в другой, чтобы затем потонуть и исчезнуть в первобытном едином луче. Для грубого материализма нашего века вселенная представляется только комбинацией тысячи разных элементов.

2. Истории всех этих религий основаны не только на геологических, антропологических и этнографических фактах тех далеко доисторических периодов, но и переданы в своей аллегорической форме весьма верно. Все эти «сказки» чисто исторические были и факты. Но разоблачить их без помощи вышесказанного ключа, отыскать который возможно лишь в *Гупта-Видье* или «тайной науке» древних арийцев, халдеев и египтян, дело совершенно немыслимое. Невзирая на такое затруднение, многие из нас совершенно убеждены, что когда-нибудь, в далеком ли, близком ли будущем, а должны же будут события, описанные в «Махабхарате», в силу после-

дующих открытий в науке, перейти в действительность и сделаться *историческими* событиями в глазах всех народов. Сбросится маска аллегории и явятся живые люди: события прошлого разъяснят все загадки, сгладят затруднения современного знания.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что прочтя выше-сказанное, если такая честь когда-нибудь предстоит нашему рассказу, всякий ориенталист и *псевдо*-ориенталист тем более пожмет плечами и рассмеется. Но это ничего не докажет, менее всего то, что прав он, а что мы ошибаемся. Наши ученые, следующие, конечно, лишь индуктивному методу, перенесли его из области естествознания, в которой он приносит пользу, во все другие отрасли науки, даже в такие, где этот метод недостаточен, как например, в биологии, даже в психологии. Порицая древний метод Платона, идущий от общего к частному, они называют его антинаучным, забывая, что в единственной положительной и *непогрешимой* науке, известной миру, то есть в математике, этот метод один только и возможен. Беконовские правила индукции, заимствованные, впрочем, почтенным философом-канцлером всецело от Аристотеля безо всяких кавычек, одни в чести у них, и наши ориенталисты наивно воображают, что, применяя этот научный метод к фактам истории и даже религии, он когда-нибудь доведет их до чего-либо, кроме их обыкновенных, редко выдерживающих критику, гипотез.

Такие ученые без сомнения не обратят никакого внимания на наши исследования по части истории браминов вообще и этнологии — в частности. Тем хуже... для них. «Воздержись в сомнении» — золотое правило всемирной премудрости написано не для них. Они воздерживаются лишь от того, что может затруднить их собственные, заранее принятые выводы. Мы добиваемся признания и помощи не от этого класса и громко заявляем право смеяться над усилиями применить индуктивный метод к наукам, которые по своей отвлеченности никогда ему не поддадутся. К чему может, в самом деле, этот метод привести санскритологов и ориенталистов, пока они станут отвергать истолкования браминских древних книг самими браминами? Разве только к таким очевидным и грубым ошибкам, в какие впали ученые этнологи относительно тод-

дов. Не имея никаких данных, на которые могли бы опереться в своих изысканиях, кроме событий, находимых ими в так называемой *Всемирной Истории*, этнологи эти не находят ничего другого, что могли бы применить к этому совершенно своеобразному племени. Они забывают иногда очень кстати, что эта история, хотя она и величается «всемирною», все-таки составлена сама и почти всецело из далеко еще не доказанных гипотез, и к тому же составлена ими самими, то есть одними западными учеными, а кто же не знает, что наши европейские историки и этнологи еще полвека назад ничего не знали ни о браминах, ни об их громадной литературе? Несмотря на этот известный пробел во «Всемирной Истории», легенды и священные книги браминов отбрасываются, как всем известно, а факты, взятые из них, ломаются, и обезображенные, втискиваются в тесную рамку прежде сделанных умозаключений. Разве не давно объявлено одним из их великих авторитетов, что, по его мнению, факты в том виде, в каком они находятся в книгах браминов, — «вымыслы суеверного невежественного народа?» (см. “Histoire de la Litterature sanscrite”, par Weber).

Оно и понятно. Факты западных ориенталистов расходятся почти во всем с *фактами* браминов. Всем нет места во «Всемирной Истории», и те или другие должны уступить. А кому же уступать, как не ученым пандитам, обязанным изучать собственную историю сквозь цветные очки гг. англосаксонских санскритологов? Вот почему эпоха сочинения «Махабхараты» подводится чуть ли не ко времени мусульманского вторжения; а «Рамааяна» и «Бхагавадгита» оказываются современницами римско-католической *Золотой Легенды*.

Будь по сему. Мы же в ожидании будущего прозрения гг. ориенталистов и этнологов полагаем пока, что из наших трех нильгирийских рас, две — неоспоримо останки если не первобытных рас, то доисторических, о которых наша «Всемирная История» никогда и во сне не слыхивала.

Глава 5

О тоддах вообще, а о муллу-курумбах и баддагах — в частности. — Вырванная страничка из деяний доктора Шарко. — Факты — опасный и нелегко побеждаемый враг. — Альфред Россет-Уоллес.

Сколько мы успели дознаться, тодды не имеют представления о божестве и даже отвергают *дэв* (див), коим поклоняются их соседи баддаги. Поэтому, когда ничего подобного тому, что мы привыкли называть религией, не существует у этого странного племени, то говорить о его религии довольно трудно. Применять к ним в нашем случае пример буддистов, которые также не признают идеи о Боге, немыслимо: у буддистов есть, во всяком случае, весьма сложная философия, тогда как у тоддов, если какая и имеется, то о ней никто ничего не знает.

Так откуда же у них явились такие высокие понятия о нравственности, редкое и почти неизвестное у других более цивилизованных народов, строгое применение в жизненной практике всех отвлеченных добродетелей, каковы, например, любовь к правде, к справедливости, уважение права собственности и соблюдение раз данного слова? Неужели же мы должны отнестись серьезно к гипотезе одного миссионера-унитарианца, что тодды — допотопный остаток семейства Еноха, «безгрешных смертных»? Тодды, сколько мы успели открыть, имеют самые странные понятия и о загробном существовании. На вопрос, что ждет тодда, когда его тело превратится на костре в пепел, один из *тералли* отвечал:

— Его тело вырастет травой на этих горах и будет кормить буйволов. *А любовь к детям и брату превратится в огонь, вознесется на солнце и будет вечно гореть в нем пламенем, грея буйволов и других тоддов.*

Приглашенный объяснить яснее, он добавил:

— Огонь этого, — указывая на солнце, — весь состоит из огней любви.

— Но разве там горит любовь единственно только одних тоддов? — заметил его собеседник.

— Да, — ответил *тералли*, — одних тоддов, потому что *всякий добрый человек, белый или черный, есть тодд*; а злые не любят, поэтому там их не может быть.

И материализм, и трансцендентальный мистицизм розенкрейцеров, кусочек, вырванных из мирозерцания древних египетских иерофантов... *Où la philosophie va-t-elle se nicher!*..

Раз в год, весной, в продолжение трех дней один клан тоддов за другим совершают рад паломничеств и восходят на Тоддабетский пик, где теперь лежат развалины храма Истины. В этом святилище они совершают нечто вроде публичного покаяния и взаимной исповеди. Там держат совет и сознаются друг другу в грехах, вольных и невольных. Говорят, будто в первые годы прихода англичан там приносились жертвы за *сокрытие истины* (прямая ложь им неизвестна) — согрешивший отдавал буйволенка; за чувство гнева на брата — целого буйвола, который иногда окроплялся кровью из левой руки кающегося тодды.¹

Все эти обряды и лоскутки видимо скрываемой ими философии, если нечто подобное у них существует, заставляют людей, сведущих в древней халдейской, египетской и даже средневековой магии, подозревать их в обладании если не полною системой, то частью так называемых тайных наук, или *окультизма*. Одна эта система, которую разделяют с незапамятных времен на *белую* и *черную* магию, способна дать логическое объяснение такого завидного чувства уважения к истине и нравственности почти в первобытном полудиком племени без религии, как и безо всякого примера чего-либо подобного в других известных ему народах и племенах. По нашему мнению — а оно перешло теперь в полное, непоколебимое убеждение, — тодды — последователи вырожденные и, быть может, полубессознательные древней науки *белой* магии, а муллу-курумбы — отвратительные последователи *черной* магии, или колдовства. Вот доказательства этому.

Легко привести свидетельство целого ряда известных в истории и литературе людей, от Пифагора и Платона до Парацельса и Элифаса Леви, которые, посвятив себя исключительно изучению этой древней науки, учат, что белая, или божественная, магия не может быть доступна тем, кто отдается или даже склонен к пороку, под каким бы видом он ни проявлял-

---

¹ Это пишет капитан Гаркнесс в своем сочинении 1837 года. Мы не могли найти развалин этого храма: мистрис Морган думает, что автор смешал тоддов с баддагами.

ся. Правдивость, чистота нравов, отсутствие эгоизма и любовь к ближнему — вот первые необходимые качества мага. Одни чистые душой «видят Бога», — говорит аксиома розенкрейцеров. Вместе с тем магия никогда не была чем-либо сверхъестественным.

Этот наукой тодды обладают вполне. К их *тералли* приносят больных, и они их вылечивают. Часто они даже не скрывают своего способа врачевания. Больного кладут спиной вверх *на солнце* и оставляют так на несколько часов, в течение коих тодд-целитель водит по больному руками, чертит разные непонятные фигуры своею палочкой по разным частям тела, особенно на больном месте, и дует на него. Потом берет чашку молока, читает заговоры над ней, то есть проходит совершенно через те же церемонии и обряды, как и наши знахари и знахарки, дует на нее и затем поит молоком своего пациента. Почти нет примера, чтобы тодд, раз согласившись лечить, не вылечил больного. А соглашаются они редко. До пьяницы и развратного человека они ни за что не дотронутся. «Мы лечим *любовью*, которая льется из солнца, — говорят они, — а на такого злого человека она не подействует».

Дабы распознать дурного или, как они говорят, *злого* от доброго человека среди принесенных больных, их кладут перед буйволом-вожаком: если больного следует лечить, то буйвол станет его обнюхивать; если же тот не годится, то буйвол приходит в ярость, и больного скорее уносят...

Другое доказательство: маги, как и их последователи теургисты, строго восставали против вызывания душ умерших. «Не тревожь и не вызывай ее (душу), дабы уходя она не унесла с собой чего земного», — говорит Пселл в «Халдейских оракулах». Тодды верят во что-то переживающее тело, потому что, по сознанию баддагов, запрещают им иметь дело с *бхутами* (привидениями) и велят избегать их, как и курумбов, которые слывут великими некромантами.

Справедливо профессор Молитор¹ (в своей «Философии истории и преданий») замечает, что «только добросовестное изучение преданий всех народов и племен может привести современную науку к должной оценке древних наук». В эти науки и тайны, — говорит он, — входила и древняя магия,

---

¹ «Philosophy of History and Traditions», p. 285.

которую изучал сам пророк Даниил и которая была двоякая: *божественная* магия и *зловредная* магия, или колдовство. Посредством первой человек ищет войти в сношение с миром духовным и невидимым; изучая второй род магии, он старается получить власть над живыми и мертвыми. Адепт *белой* магии стремится к совершению благотворных — добрых деяний; адепт *черной* науки — старается лишь о том, чтобы совершать невозможные дьявольские, зверские поступки...»

Тут почтенный епископ очень ясно проводит разницу между тоддами и курумбами. Как и между оккультистами всех веков и современными медиумами, которые, когда они не шарлатаны и обманщики, делаются бессознательными некромантами и колдунами.

Отбросив в сторону, в угождение материалистам, *гипотезу* о белой и черной магии, чем и как объяснить те тысячи неуловимых в своей отвлеченности, но совершенно ясных и неопровержимых на деле действий и обоюдных сношений между тоддами и муллу-курумбами, — спросим, почему, например, тодды производят свои исцеления днем и на солнце, а муллу-курумбы свои вредные заклинания только при луне и ночью? Почему одни вылечивают, а другие убивают и насылают болезни? Почему, наконец, курумб так страшно боится тодда, что при виде одного из этих людей, которые не тронут и не сделают вреда даже укусившей их собаке (если бы какое-либо животное или зверь *мог* укусить тодда), этот отвратительный карлик, собирая свои зелья, падает наземь, словно в падучей болезни? Это заметила не я одна, а многие, неверующие ни в черную, ни в белую магию, скептики. Об этом писали многие авторы. Вот что говорит, между прочим, миссионер Метц:

«Между тоддами и курумбами существует какая-то враждебная сила, заставляющая курумбов повиноваться против воли тоддам. Встречаясь с ними, карлик падает на землю в припадке, похожем на эпилепсию. Он извивается на земле, как червь, дрожит от ужаса и выказывает все признаки скорее нравственного нежели физического страха... Чем бы он ни был занят в то время, как к нему приближается тодд, — а курумб редко когда бывает занят чем-либо хорошим, — достаточно, чтобы тодд не только дотронулся, но даже помахал в

его сторону своим бамбуковым жезлом (bamboorod), чтобы заставить муллу-курумба...¹ бежать без оглядки. Но чаще всего он спотыкается и тут же падает, иногда замертво, пребывая до удаления тодды в мертвенном трансе (dead trance), чему я был неоднократно свидетелем».²

Эванс в своем дневнике, «Ветеринарный врач на Нильгери», говоря о том же самом, доканчивает начатую Метцем картину и добавляет: «...Очнувшись от припадка (?), курумб начал ползти на животе, как змея, и есть, срывая зубами выбираемые им на земле травы, а затем тереть и собственное лицо о землю, процесс, который мало способствовал увеличению его природной прелести. Крепко пропитанная железом и охрой земля смывается весьма трудно с тела. Вследствие этого, когда мой новый знакомый (курумб, желавший его обокрасть) встал на ноги, пошатываясь, словно пьяный, после нежеланной встречи, то он и явился перед нами, как клоун в цирке, весь испещренный желто-красными, кровавыми полосами и пятнами...»

Вот еще факт. Как уже сказано, у тоддов нет ни оружия, чтобы защищаться против зверей, ни даже собаки, чтобы давать знать о приближающейся опасности. Несмотря на это, вы не найдете в воспоминаниях самых старых из старожилов Утти ни одного случая убийства или даже поранения тодды тигром или слоном. Зарезанный дикими зверями буйволенок — о буйволе нет и речи — из стада тоддов есть величайшая редкость; унесенный тигром ребенок их или женщина — неслыханное дело. А это, прошу заметить, происходит в местах, где еще и теперь, в 1883 году, когда «Голубые горы» усеяны жилищами, заселены народом, редко проходит неделя без несчастного случая с людьми, а одна треть табунов и стад наперед считается пропавшею от диких зверей. Кули, пастухи, дети туземцев, да и отцы их более или менее подвержены лютой

---

¹ Так как курумбы разделяются на несколько ветвей и получили название вследствие крошечного роста, почему и называют и другие малорослые племена курумбами, то нильгирийское племя и получило, для отличия от других, название «муллу-курумбы» или *карликитерновники* (от слова *муллу* — «терновник» и *курумба* — «карлик»), так как они обыкновенно живут в самых непроходимых, глухих лесных чащах, где преобладает терновник.

² «Reminiscences Of Life Among Toddas», p. 144.

смерти от кровожадного тигра или блуждающего, взбесившегося дикого слона. Один тодд способен сидеть целые дни у опушки леса и спокойно дремать, равнодушный и уверенный в своей полной безопасности.

Так как же нам объяснить этот, всем известный, всеми замеченный факт? Случайностью, как у нас объясняется все необъяснимое? Странная случайность, однако; такие совпадения совершаются на глазах у англичан вот уже более шестидесяти лет; и во всяком случае, если их трудно проверить, а еще менее доказать до прихода европейцев, то они теперь проверены вполне. Даже присяжные статистики приняли во внимание и записали этот факт, хотя и тут дело не обошлось без *наивности*.

«Тодды *почти* (?) никогда не подвергаются нападению зверей, — читаем мы в «Заметках статистических таблиц» за 1881 год, — вероятно, вследствие какого-нибудь присущего им одним *специфического запаха, отталкивающего зверя!*» Боже, какая наивность!..

Эта «вероятность» *специфического запаха* достойна быть напечатанною золотыми буквами!.. Но даже такая *специфическая* глупость приятнее присяжным скептикам, нежели колющий им глаза неопровержимый *факт*.

В этой неопровержимости, перед которой европеец закрывает, как страус, глаза и, пряча голову, льстит себя надеждой, что ее не увидят другие, и лежит разгадка глубокого благоговения, с одной стороны, и страха, с другой, возбуждаемых тоддами почти во всех прочих племенах этих гор. Баддаги их боготворят, а муллу-курумбы дрожат перед ними. Если при встрече лицом к лицу со спокойно идущим тоддом, в руке которого одна безвредная и невинная на вид тросточка — страх повергает курумба на землю, то чувство благоговейной любви и преданности заставляет баддаг делать то же самое — только добровольно. Баддаг, завидя тодда еще издали, простирается перед ним не землю и молча ждет привета и благословения; и баддаг совершенно счастлив, если его *див*, слегка дотронувшись босою ногой до головы своего поклонника, начертит по воздуху одному ему понятный знак и затем спокойно удалится «с лицом гордым и беспристрастным, как у греческого бога», по выражению капитана О'Греди.

Но как же смотрят на это фанатическое чувство благоговения баддагов к тоддам англичане и как они объясняют его? Совершенно естественно и просто. Они отвергают, как глупую сказку, предания баддагов о том, как и почему такие отношения зародились в их праотцах, и объясняют эту легенду по-своему. Так, полковник Маршалл пишет в своем сочинении:

«Это чувство тем более странно, что по статистике баддагов оказалось с самого начала в одиннадцать раз более, нежели тоддов. Эта пропорция десяти тысяч к семи сотням. Но никто и ничто не разубедит суеверного баддага в том, что тодд есть сверхъестественное существо. Тодды — великаны в физическом отношении, а баддаги — не очень большого роста, хотя чрезвычайно мускулистые и сильные люди. Вот и весь секрет».

Далеко не весь. Почему, например, ни хоты (кхоты), ни эруллары — оба племени чрезвычайно малого роста и очень слабого сложения в сравнении с баддагами — хотя и уважают тоддов и всегда с ними в сношениях и дружбе, но не выказывают, однако, никакого подобострастного чувства? Чтобы проникнуть в загадку, следует знать историю баддагов и верить им, если не безусловно, то и не отвергая их добровольного показания. Вся суть, по-нашему, в том, что баддаги — *брамины*, хотя и очень полинялые и выродившиеся, а эруллары и хоты — просто парии. Как браминам домусульманских времен в Индии, баддагам известно многое, что для других является мертвою буквой. Что именно, это объяснится в следующей главе; а пока поговорим немного о баддагах и их религии. Как и все прочее на «Голубых горах», она отличается оригинальностью и неожиданностью.

На голой высоте Рангасуамийского пика стоит их единственный покинутый храм. Их религия вся состоит из обрядностей, смысл которых они давно утратили. Этот пик — их Мекка, куда они отправляются раза два-три в год читать заклинания против большей части браминских же богов. Во мнении полковника Охторлея, главноуправляющего горами, баддаги — одна из самых робких и суеверных рас Индии... «Они живут в непрерывном страхе злых духов, которые витают вокруг них постоянно в их воображении, и в таком же бесконечном ужасе при одной мысли о курумбах. Ужас, вну-

шаемый карликам тоддами, они внушают в свою очередь баддагам».

Послушаем, что говорит в своем ученом сочинении опытный полковник о *суеверии* бедных баддагов.

«Людская ли болезнь, мор ли скота, каждая, словом, неприятность или случайность в их семействах, особенно разоряющих их неурожай, тотчас приписываются баддагами чарам злых колдунов курумбов; и они бегут искать помощи в противодействующих заклинаниях *доброто* тодда... До такой степени вкоренилось во всех племенах Нильгири это глупое суеверие, что нам уже приходилось очень часто судить баддагов за повальное избиение целых семейств курумбов, как и за сожжение их деревушек. В таких случаях нет ничего труднее, как добывать против баддагов показания других племен. Как скоро жертвою оказывается курумб, а преступником — баддаг, почти невозможно развязать язык свидетеля. Убийцу всегда приходится вешать с величайшими предосторожностями, дабы напрасно не возбуждать народа. Негодование и удивление нильгирийских племен, как и баддагов, еще понятно. Внушаемые им религией принципы учат их, что единственное средство укротить гнев их богов, гнев, возбужденный смертоносными чарами против людей, скота или посева курумбами и другими заподозреваемыми суеверием колдунами, состоит в том, чтобы принести виновного в жертву богу «мщения». Но как понять или объяснить страх перед тоддами других туземцев Индии, уроженцев долин, страх, внушаемый им суеверным поклонением».

«Баддаги вместе с этим нередко прибегают и сами к помощи и содействию курумбов, особенно, когда дело идет о каком-нибудь нечестивом или незаконном приобретении. Тогда они обращаются посредством карликов к *воображаемым* и подвластным карликам злым духам...» («Statistical Records of Nilgherry»).

Так пишет главноуправляющий, и пишет верно, хотя и не входит в подробности, в которые (старается не верить. В одном, впрочем, даже англичанам пришлось убедиться: в таких «нечистых» делах никогда еще не был замешан ни один тодд. Помощь, которую баддаги нередко ищут и всегда находят у курумбов, они не могли бы надеяться получить от рыцарски-

честных тоддов, и в этих случаях они всегда подкупают колдунов...

Такие, совершенно ненормальные и находящиеся в полном антагонизме одно с другим чувства баддагов и курумбов чрезвычайно интересны с психической точки зрения. Баддаги ненавидят курумба, они трепещут перед ним в ужасе и, не смотря на это, постоянно нуждаются в нем. Алчность и любовь к наживе превозмогают в них и врожденный страх, и запрещения тоддов употреблять колдунов на темные дела. Ни один посев, никакое дело у баддагов не обходится без помощи «черного заклинателя», как они называют это отвратительное существо, именуемое муллу-курумбом...

«Весною, во время посева, ни одна работа не начинается прежде, нежели курумб не *освятит ее* приношением на поле козленка или петуха (*всегда черных*), или пока он не бросит первой горсти семян и не произнесет известных заклинаний. Дабы получить хороший урожай, баддаги обращаются к курумбу, чтобы тот провел первый бороною, а во время жатвы скосил бы или сорвал первый сноп или плод».¹

Далее в виде ученого объяснения, автор старается показать причину такого замечательного суеверия. На страницах 65 и 66 мы читаем следующее:

«Курумб смешно (*ridiculously*) мал ростом. Его чахлая мертвенная наружность с целым лесом нечесаных и связанных в огромный пучок или узел на макушке волос; его вообще омерзение внушающая фигурка *вполне объясняют глупый* перед ними *страх робкого баддага*. Встретясь с ними нечаянно на дороге, баддаг бежит от него, как от дикого зверя.² И если он не успел уйти вовремя от так называемого «змеиною взглядом» (*viper's glance*) колдуна, то баддаг тотчас же возвращается домой и с беспомощностью осужденной наверняка жертвы предается, по его мнению, *неизбежной* участи. Он совершает над собой все предписанные *Шастрами* обряды и предсмертные церемонии; разделяет, если владеет каким-либо

---

¹ «Statistics of the Nilgheiry Tribes of 1886», p. 62-63.

² Автору следовало бы добавить впрочем, что баддаг бежит только от *питающих к нему вражду курумбов*. От других ему не для чего бегать. Но если курумб на кого зол, то, как мы сейчас покажем, он делается действительно опасным.

имуществом, свои вещи, деньги, поля между родными; ложится и готовится к смерти, которая (нелепо даже подумав об этом) наступает *между третьим и тринадцатым* днем после встречи! *Такова сила суеверного воображения*», — объясняет наивно автор, — «*что она почти неизбежно убивает в назначенное время глупого бедняка...* Упоминаю также о сильно укоренившемся в народе таком же суеверии насчет тоддов. Эти, по их понятиям, обладают еще более замечательною силою по части магии: только тодды считаются честными, *добрыми* колдунами (*джижду*). Между этими двумя племенами баддагам приходится так же плохо, как ослу в стойле между двух коней. Они должны платить дань тоддам в знак своего к ним уважения, а вместе с тем и курумбу, чтобы тот не испортил посева. Впрочем курумбы, насколько правительство успело исследовать их внутренний быт, живя столько столетий в лесах, успели приобрести значительные познания в свойствах разных трав и корней. Они вылечивают даже таких больных, от которых тодды отказываются,¹ но при этом, конечно, часто и убивают *не колдовством и заговорами, а просто растительным ядом и по ошибке*».

Этим ученым объяснением убивается наповал всякое «суеверие». Прошу заметить выделенные выше строки. Мы видели показание госпожи Морган в предыдущей главе и читали случай с Бегтенем. Вот другой, весьма похожий на первый, только с совершенно другим результатом. Если *сила суеверного воображения одна убивает или способна убить в назначенное время испуганного бедняка*, то как почтенный автор объяснит следующий случай? Этот случай был очень недавно, и его все помнят в Нильгири.

Англо-индийским «бара-саабам» негде встречаться с полудикими грязными курумбами, как только в лесу, то есть, из десяти раз девять во время охоты. Поэтому и второе столкновение между английским чиновником и курумбами случилось также из-за слона.

Героем этого происшествия был человек в довольно высоком официальном положении. Его все знали как одну из тузов общества, и семейство его, кажется, еще до сей поры не

---

¹ То есть пьяниц, с зараженной и испорченной кровью. См. главу 3.

оставило Калькутты, где его молодая вдова живет у его старшего брата. Она была очень любима генеральшей Морган, и это единственная причина, почему я не могу, как в первом случае, дать его полное имя. Я обещала не называть его, хотя в описании этих происшествий его узнают все, бывавшие в Мадрасе!..

Мистер К., как мы его назовем, поехал на охоту с несколькими приятелями, несколькими *шикарями* и многочисленной прислугой. Слона убили и только тогда заметили, что забыли взять с собой особенный для вырезывания клыков нож. Решили оставить животное под присмотром четырех баддаг-охотников, чтобы охранять его от диких зверей, самим отправиться завтракать в соседнюю плантацию. Оттуда К. должен был вернуться часа через два за клыками...

Программа нетрудная и, казалось, совершенно удобоисполнимая. Несмотря на это, не успел К. вернуться, как нашел одно маленькое затруднение. На слоне сидело человек десять курумбов, которые усердно работали над клыками. Не обращая внимания на сановника, они ему хладнокровно объявили, что так как слон убит на их земле, то они и считают как его самого, так и его клыки своею собственностью. Действительно, их землянки оказались в нескольких шагах оттуда.

Понятно, как должен был быть взбешен такую наглостью высокомерный англичанин. Он приказал им убираться, пока они целы; иначе он прикажет людям разогнать их нагайками. Курумбы нагло рассмеялись и продолжали работу, даже не взглянув на *бара-сааба*.

Тогда К. закричал слугам, чтобы они прогнали карликов силой.

С ним было человек двадцать охотников в полном вооружении; сам К. был рослый красивый мужчина, лет тридцати пяти, известный своим цветущим здоровьем и богатырскою силой столько же, как и своею вспыльчивостью. Курумбов было еле десяток, почти голых и безо всякого оружия. Четыре баддага, оставленные при слоне, конечно, разбежались в отсутствие прочих при первом требовании курумбов. Казалось, было более чем достаточно трех человек, чтобы разогнать хищников-карликов. Однако же приказание К. осталось без последствий: ни один человек не пошевелился...

Все стояли, дрожа от страха, позеленевшие, с понуренными головами. Несколько человек, и в том числе прятавшиеся в кустах баддаги, бросились бежать и исчезли в лесной чаще.

Муллу-курумбы, покрывавшие, словно букашки, труп слона, глядели на англичанина смело, оскалив зубы и как бы вызывая его на действие.

Мистер К. окончательно вышел из себя.

— Прогоните ли вы, наконец, этих бродяг, подлые трупы? — зарычал он.

— Нельзя, сааб, — заметил седой *шикари*, — нельзя... Это нам верная смерть... Они на своей земле...

На сердитое восклицание поспешно слезавшего с лошади К. вождь курумбов, безобразный, как воплощенный грех, вдруг вскочив на ноги на голове слона, стал, кривляясь, прыгать на ней, скаля зубы и щелкая ими, как шакал. Потрясая уродливою головой и кулаками и выпрямившись во весь карликовый рост, муллу-курумб обвел злыми, сияющими, как у змеи, впалыми глазками присутствующих и прокричал:

— Кто первый дотронется до *нашего* слона, *скоро вспомнит нас в день своей смерти*. Ему не видать новой луны...— Угроза была впрочем напрасная. Слуги чиновника словно превратились в каменные изваяния.

Тогда взбешенный К., перехлестав на пути толстою нагайкой правых и виновных, бросился с проклятием на курумба и, схватив его за волосы, швырнул далеко от себя на землю. Остальных, которые цеплялись, как вампиры, за уши и клыки мертвого слона и было воспротивились, он переколотил нагайкой и разогнал их в одну минуту. Уходя, они остановились шагах в десяти от К., который затем принялся сам вырезать клыки. По словам его слуг, во все время операции *они не спускали с него глаз*.

Окончив работу, К. отдал клыки людям отнести домой, а сам уже было собрался занести ногу в стремя, когда его взгляд снова встретился со взглядом побежденного им старшины курумбов.

— Глаза этой гадины произвели на меня впечатление взгляда отвратительной жабы... Я почувствовал буквально тошноту...— рассказывал он в тот же вечер за обедом собравшимся у него гостям. — Я не мог удержаться, — добавил он с

дрожью отвращения в голосе, — и ударил его еще несколько раз нагайкой... Карлик, лежавший до этого времени неподвижно в траве, на месте, куда я его бросил, быстро вскочил на ноги. но, к моему удивлению, не убежал, а только отошел немного далее и продолжал смотреть на меня, не спуская глаз...

— Напрасно вы не удержались, К., — заметил кто-то. — Эти уроды редко прощают.

К. расхохотался.

— В этом меня уверяли и *шикари*. Они ехали домой, точно приговоренные к смерти... *Глаза* боятся!.. Глупый, суеверный народ. Им давно следовало открыть глаза на счет этого *глаза*. Знаменитый «изменный взгляд» возбуждал во мне только более аппетита...

И он продолжал смеяться над суеверием индусов весь остальной вечер. На другое утро, под предлогом, что он очень устал накануне. К., встававший, как и все в Индии, очень рано, проспал далеко за полдень. Вечером у него сильно разболелась правая рука.

— Старый ревматизм, — заметил он, — через несколько дней пройдет.

Но на второе утро он почувствовал такую слабость, что еле мог ходить, а на третий — совсем слег. Врачи не находили у него никакой болезни. Не было даже лихорадки, а одна непонятная слабость и какое-то странное утомление во всех членах.

— Словно в меня влит свинец вместо крови, — говорил он знакомым.

Аппетит, возбужденный в его мнении «змеиным взглядом», разом пропал; больного стала мучить бессонница. Не помогали никакие усыпительные средства. Здоровый, как бык, румяный и атлетический К. превратился в четыре дня в скелет. На пятую ночь, которую он проводил по обыкновению со дня охоты с открытыми глазами, он разбудил домашних и спящего в соседней комнате врача громким криком:

— Прогоните эту грязную гадину!.. — кричал он. — Кто смел впустить ко мне это животное?.. Что ему нужно?.. Зачем он так смотрит?..

Собрав последние силы, он швырнул по направлению ему одному видимого предмета тяжелый подсвечник и, попав в зеркало, разбил его вдребезги.

Врач решил, что у больного начался бред. К. кричал и стонал до самого утра, уверяя, что видит перед кроватью у ног побитого им курумба. К утру видение исчезло, но мистер К. стоял на своем:

— То был не бред, — еле лепетал он. — Карлик как-нибудь прокрался... Я его *видел во плоти*, а не в воображении.

На следующую ночь, хотя ему было еще хуже, и с ним сделался действительно бред, он не видел более никого. Врачи ничего не понимали, и решили, что то был один из многочисленных неуловимых видов «болотистой лихорадки» (Jungle fever) Индии.

На девятый день у К. отнялся язык, а на *тринадцатый день он умер*.

Если «сила суеверного воображения убивает в назначенное время *глупого бедняка*», то какая же это сила убила *не верившего ни во что* богатого и образованного джентльмена? Странное совпадение, ответят нам, — «простая случайность». Все возможно. Только уж слишком много таких *случайностей* в летописях Нильгири, чтобы они сами собой не представляли странного более самой истины явления. Пусть неверующие прежде порасспросят серьезно таких старожилых на этих горах, как генерал Морган и другие очевидцы, и только затем делают свои заключения.

Наивная теория, что одна грязная отвратительная наружность курумбов, внушая этот общий, разделяемый всеми племенами туземцев страх, отворяет широко двери суеверию, очень неудовлетворительна. Многие из кхотов и эрулларов, и даже баддагов, столь же грязны и часто отвратительнее тех, кого они так страшатся. Если бывали случаи, когда люди умирали вследствие одного воображения и страха, то ведь нельзя и не следует превращать исключение в непреложное правило. А в том-то и главная задача, что, по сознанию многих англичан, не было еще случая, чтобы попавший под «змеиный взгляд» рассерженного курумба туземец, а особенно баддаг, остался цел и невредим. Одно в таких случаях, по их словам, спасение: «Отправиться *в первые три часа* после встречи к тоддам и молить о помощи. Тогда, если *тералли* даст на то согласие, всякому тодду легко *выманить* (sic) яд из отравленного *глазом* человека». Но горе тому, кто находится после

глаза далее, нежели на трехчасовом расстоянии от тодда, или если последний, посмотрев на *сглаженного*, почему-то откажется «выманивать яд». В таком случае больному грозит верная смерть.

Тот факт, что тодды всегда вылечивают, если возьмутся за это, и что *сглаженные*, от которых они отказываются, всегда умирают, доказывает, что это не пустое поверье.

Как объяснить такую странность?

Само собой разумеется, что господа ученые и скептики всегда легко выйдут из этого затруднения. Они, например, скажут, что самый заявляемый нами факт не только еще не доказан, но что его совсем нет. Так они поступали в отношении ко всякому заявляемому не ими открытию; так они поступают и теперь касательно гипнотических и месмерических феноменов. Для них самая неправдоподобная, но истекающая из *научного* якобы источника гипотеза, всегда будет милее всякой истины, если она не освящена их одобрением. Это ничего, что их гипотезы почти всегда только в теории бывают весьма научны и красивы, но что на практике и в применении к голым фактам они натываются на них, как на рог дилеммы, и обыкновенно разбиваются об него вдребезги. «*Это de l'histoire ancienne*, — скажут нам, — а ваши басни о колдовстве и чарах муллу-курумбов все-таки — чушь».

— Но мы имеем возможность доказать, что это не басни, а факты...

— А мы все-таки не поверим, потому что за науку стоит большинство, а официальная наука не хочет верить...

Бедный факт! Несчастливая голая истина!.. Подлинно, в наш век она выглядит непристойною. Ей приходится либо умереть на дне своего колодца, либо умолять великих «вортов» науки одеть себя по последней физиологической моде. А на это они хотя и долго не соглашались, но теперь, кажется, решились: — как и с каким успехом, мы покажем после, а пока одной истине приходится страдать. Действительно, каждый раз, когда простому голому факту приходится заявлять о себе, он встречается сперва и борется с мнением влиятельного большинства, заносчивого пропорционально своему самомнению и глупости. Но когда дело доходит до борьбы с официальной наукой, то лучше ему разом откланяться и до поры до

времени исчезнуть. Иначе все жрецы ее, все нахватавшиеся вершков, все консерваторы, рутинеры, «обезьяны» науки и светской интеллигенции, — все это поднялось бы горой за попранные права академий, и факт был бы прогнан в область «бабьего суеверия», галлюцинаций да «гистеро-эпилепсии» (style Charcot).

Невзирая на такой прием, в продолжение многих лет изгнанные были факты снова всплыли, как потопленный труп, на поверхность житейского моря и заявили о себе громче прежнего, так громко, что даже многие из серьезных людей науки увидели себя вынужденными призаняться ими... Но не станем забегать вперед.

Было на свете много таких необъяснимых или скорее — необъясняемых нашими учеными истин и фактов,¹ от которых только пресса еще — следуя в этом раболепно тому классу ханжей науки, о которых доктор Шарко говорит с таким заслуженным презрением в книге доктора П. Ришера,² — отво-

---

¹ «Et pour cause», как выразился Шарко в ответ к пристававшему к нему спириту. «Доколе, — сказал он, — мы не с состоянием объяснить *всего*, мы обязаны не допускать *ничего* из области явлений, о которых существует столько различных и противоречивых мнений».

² В ней знаменитый исследователь Сальпегриерских феноменов (см. «Etudes Cliniques sur l'Hystero-Epilepsie ou Grande Hysterie», par le Dr. Paul Rischer) сильно порицает в предисловии и в письме к автору тех врачей, которые видят во всех явлениях галлюцинации «единственно псевдо-психическую силу» и «предрасположение к de l'attention expecante» (теория Карпентера). Мы соглашались с мнением самого автора «Etudes Cliniques» в том, что вернее можно служить науке, довольствуясь пока изучением самых обыкновенных и грубых проявлений «истерики», дабы «приняться только со временем и с чрезвычайной осторожностью за более сложные феномены», как он говорит. Но никак не можем одобрить его, когда он добавляет «j'ajoulerai même en negligéant complètement... les faits d'une appréciation beaucoup plus difficile, qui pour le moment ne se rattachent par aucun lien saisissable aux faits déjà connus», потому что ведь, оставляя так бесцеремонно «подобные затруднительные факты», нечего и быть в претензии на спиритов, что они объясняют их по-своему. Нельзя также не заметить, что, соглашались с таким мнением Ришера, знаменитый гипнотизер Шарко этим самым заявляет и, так сказать, санкционирует *существование* таких фактов: а именно явлений, не подходящих ни к одной из теорий фи-

рачивается с трепетом напускной брезгливости и бежит от них, как нечистая сила от ладана. Бывают, однако, случаи, когда нашей саркастической прессе приходится quand même взглянуть неприятному факту в лицо, и даже серьезно признаться им. Это случается каждый раз, когда вследствие так называемого *суеверного* страха перед колдовством и чарами какой-нибудь одной личности, целая деревня сжигает ее как ведьму или колдуна. Тогда законности ради и для удовлетворения общего любопытства газеты начинают распространяться о грустном проявлении «столь печального и непонятного суеверия в нашем народе».

Такой случай был года три-четыре тому назад в России, когда судили и *оправдали* целую деревню (человек шестьдесят, если не ошибаюсь) за сожжение старой полоумной бабы, возведенной мужиками-соседями в достоинство ведьмы. Таким же неприятным вопросом пришлось признаться недавно и мадрасской печати. Только наши гуманные приятели-островитяне оказались менее снисходительными, чем русские присяжные: человек сорок курумбов и баддагов были в прошлом году повешены sans bruit ni trompette.

Всем памятна ужасная трагедия на Нильгирийских высотах, происходившая в деревне Эбанауде, всего в нескольких милях от Уттакаманда. Заболел у старосты ребенок и стал медленно умирать. Так как уже было несколько таинственных смертных случаев в течение прошедшего месяца, то и болезнь ребенка была тотчас же приписана баддагами «змеиному взгляду» курумба. Староста в отчаянии упал в ноги суду, то есть — подал жалобу. Над нею англо-индейцы хохотали три дня, а *монегара* прогнали из суда в шею. Тогда бюргеры-баддаги решились на самосуд: сжечь всю деревню курумбов

зиологии и невропатологических исследований — того неуловимого научным методом Протея, ставящего в тупик почтенного профессора Сальпитриерских покоев, и которого ему никак не приходится сваливать в одну кучу с *истерическими явлениями*. «En presence de l'évidence des faits (явлений ясновидения и гипнотизма) le scepticisme prétendu scientifique, — объясняет доктор Шарко, — que quelques uns semblent affecter encore vis-à-vis de ces études, ne saurait plus être considéré que comme en scepticisme purement arbitraire, masquant a peine le parti pris de ne rien entendre et e ne rien voir» (с. X).

до последнего человека. Они умоляли одного тогда идти с ними поджигать: без тогда-де ни один курумб ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет. Такое уж у них поверье, и их в противном не уверишь. Собрав совет, тогда согласились: вероятно, их «буйволы так решили». Сопровождаемые одним из тогда, баддаги отправились, и вот в одну темную ветреную ночь они зажгли разом лачуги карликов. Ни один не спасся. По мере того, как курумба выскакивал, баддаги бросали его назад в пламя вилами, убивали топорами. Спаслась только старая старуха, спрятавшаяся во время смятения в кусты: она и донесла. Арестовали много баддагов и с ними тогда, первого преступника с основания Утти из этого племени. Но им не довелось повесить его. Накануне смертной казни он неизвестно куда пропал, а человек двадцать баддагов успели умереть *от распухания животов в тюрьме...*

Это было несколько месяцев тому назад; а точно такая же драма разыгралась три года назад в Катагири. Напрасно защитники и даже правительственный адвокат настаивали на смягчающих обстоятельствах, глубокой вере всех туземцев в колдовство и совершаемое над ними безнаказанно курумбами зло. Они требовали если не помилования, то хоть отмены смертной казни. Все оказалось тщетным. Английские ученые могут еще поверить под более ученым термином в существование «глаза» и порчи: английские суды — никогда. И однако же закон, который всего двести лет тому назад приговаривал ежегодно столько тысяч колдунов и колдуний к костру и пытке, до сих пор здравствует в Англии. Он остается без употребления, но до сего дня еще не отменен. Когда является необходимость вроде желания удовлетворить самодурную публику в лице ханжей и таких атеистов, как профессор Ланкастер, наказав американца медиума (Следа), то этот древний закон вызывается из пыли забвения и применяется к невинному ни в чем, кроме непопулярности, «преступнику». Но в Индии этот закон бесполезен. Он мог бы даже сделаться вредным, напротив, показав туземцам, что было время, когда и их владыки разделяли «суеверие». Такова сила общественного мнения в Англии, что перед ним пасует даже закон!..

Это не диверсии, как то можно подумать, а события и замечания на оные, относящиеся прямо к нашему рассказу. Ис-

тория сожжения целой деревни курумбов, то есть, не одинокой злополучной ведьмы, как в России, а уже *ста шестидесяти семи* человек колдунов с их колдуньями и колдунятами, невзирая на то, что в Индии много разыгрывается подобных этой ужасных драм, памятна каждому жителю в Уттакаманде.

Но не к этому мы теперь ведем речь. Наша задача в этом правдивом рассказе несколько более философского характера, смеем думать. Она не ограничивается описанием простого, весьма естественного преступления, совершенного в припадке безумного страха и злобы, нагнанных верой в роковую силу чар и колдовства. Равно она не останавливается на изжаренных ведьмах и колдунах, да несправедливо повешенных вольно практикующих торквемадах, «вольно практикующих» именно в силу того, что не *закон*, а судьи не хотят признать чар и колдовства. Каша задача, как мы то сейчас покажем, стремится гораздо далее.

Во-первых, как секретарь общества, задавшегося целью изучать сколько возможно глубже все такие сложные психологические вопросы,¹ я желаю доказать, что нет в мире «суеверия», которое не было бы основано на твердом грунте истины. Затем, проникнув, как я думаю, до корня вопроса о «колдовстве», я намерена показать на основании свидетельства самой науки, что это народное чародейство разрабатывается под покровом ее и закона самими господами учеными; что колдовство, месмеризм, гипнотизм — просто синонимы; что все это проявления одной и той же месмерической силы или *гипнотизма*, ныне не только допускаемого, но даже преподаваемого, как в клинике доктора Шарко, так и в разных других центрах науки.

Понятно, что я не могу надеяться разработать даже в его общем виде такой многосложный, трудный вопрос в простом рассказе. Надеюсь, однако, показать достаточно ясно, конечно, только тем, кто убедился в существовании так называемой месмерической силы, насколько заблуждались в течение стольких веков люди, глядевшие на этот вопрос с двух проти-

---

¹ Статья II статуты Теософического Общества гласит: «Вторая цель Общества изучать тайны природы и присущие человеку сокрытые силы его», то есть *естественные*, хотя от неупотребления, быть может, атрофированные психологические силы.

воположных полюсов мнения. Говорю о тех, кто видел в этой внутренней, хотя и ненормальной силе человека козни одного дьявола, как и о других, прямо и слепо отрицавших и отрицающих существование такой силы. Заблуждение первых повело к избиению сотен тысяч невинных людей; заблуждение последних ведет в наш век образованное человечество прямо к общественному мракобесию. По этому поводу и в прямом отношении с занимающим нас вопросом прошу позволения сделать маленькое отступление.

Нашему Теософическому Обществу следовало бы, истины ради, наименоваться «Обществом недовольных современной *материальной наукой*». Мы — живой протест против грубого материализма дня, столько же как и против неразумного, слишком сжатого в узкие рамки сентиментальности, верования в «духов» умерших и прямого сообщения между двумя мирами. Состоя в большинстве из людей не только лучшего общества Европы, но насчитывая между нашими членами много имен известных в современной науке и литературе, мы дерзаем поэтому обходиться без прямой санкции *официальных* ученых обществ. Мы *ничего не заявляем и ничего не отвергаем*. Мы предпочитаем, так сказать, тактику выжидательную, не упуская, однако, случая пользоваться каждым выдающимся из рамки физических условий фактом, дабы затем выставить его на соображение публики. Пусть являются такие факты живым упреком бездействию науки естествознания и ее двигателям, не желающим рутины ради пальцем пошевелить для разьяснения тайных сил природы. А от этого разьяснения зависит нравственное и физическое благосостояние, быть может, сотен тысяч людей. За неимением этого разьяснения гибнут умы отцов и матерей семейств, ходят на воле миллионы спиритов, безвредная, но тем не менее, угрожающая в будущем мономания которых, право, не уступит галлюцинациям пациентов любого *желтого дома*.

Словом, мы ищем не одних только материальных, неопровержимых доказательств сути того, что в народе ходит под названием «колдовства», «знахарства» и «глаза»; а в мистических кружках образованных людей зовется спиритическими явлениями, месмеризмом, наконец, просто *магией*; но желаем доискаться до зародивших все эти поверья причин, до самого

начала той психической силы, которую физическая наука продолжает с таким странным упорством осмеивать и отрицать, вместо того, чтобы серьезно призаняться ею и объяснить ее хотя бы поверхностно. Не добравшись же сначала до источника этой силы, не изучив и даже прямо отвергая ее существование, трудно, если не невозможно отождествлять, как то думает Шарко, бесчисленные разветвления этой тайной силы. Другими словами: вырыв общую яму под ярлыком «склад больших и малых истерий», свалив в нее безразлично все проявления какого-то «неведомого», как его теперь величают в невропатологических клиниках, психического агента (*agent psychique*), не значит объяснить что-либо профанам, а тем менее оказать услугу науке. «Агент» этот не объясняет ровно *ничего*.

Положим, что профаны науки из уважения к авторитету ее представителей, и поверят, например, следующему: эпилептическая истерика (возбуждаемая чисто физиологическими беспорядками в отправлениях человеческого организма), есть *то же самое*, что самопляшущий карандаш в руке медиума; а пророческие, оправданные событиями изречения «вдохновенных» всех веков подходят под одну категорию с галлюцинациями чревовещательницы M-lle Amanda, «вследствие истерического раздувания газами ее большой кишки...» (*sic*); а все эти четыре рода констатированных явлений, как нас важно поучают жрецы науки, происходят под совокупным действием «психического агента» и великой истерии, *la grande hystérie*.

Неужели мы должны думать, что эта неискоренимая вера народных масс в существование *колдовства*, что эта, почти достоверно доказанная особенность смертных приобретать умение (вследствие ли науки или врожденных способностей) управлять организмом других, как мы то видим в месмерических и гипнотических явлениях, употребляя способности особ под таким влиянием на добро или зло,— неужели, повторяю, мы должны думать, что все это выходит из одного источника, подводится под один и тот же итог «большой истерии»? Мы вполне верим (потому что *знаем*, изучав такие силы годами), что в них нет *трансцендентных* проявлений. Но мы также знаем и то, что если они проявляются в совокупности с физиологическими и даже климатическими особенностями

ми,¹ которые всегда влияют на психическую сторону человека, вызывая и зарождая разные ненормальные в нем явления, то эти *силы* все-таки *не то*, чем их нам представляют материалисты и физики. Поэтому достаточно ли убедительна для серьезных, развитых и даже иногда очень ученых людей эта презрительная манера «авторитетов» бросать в лицо им насмешку или обвинение в невежественной (якобы) вере в магию, при каждой попытке разъяснения таких странных явлений, а затем повернуться к ним спиной, ничего не объясняя? Не следует ли прежде всего доказать научно: 1) Каким это образом «великая истерия» и ее «консорт» «психический агент» так могли повлиять на человечество в *массе*, что у него одновременно и с самой его колыбели развилась дикая идея о колдовстве и вера в магию? 2) Вследствие каких симпатических, однохарактерных эволюций этой таинственной *пары* зародилась в людях с доисторических времен² на всем земном шаре между народами, не сообщавшимися между собой никогда и совершенно друг другу неизвестными, такое общее понятие, такая единоклубная вера в вещи, совершенно одинаковые в сути и подробностях?

Чем объяснить такую веру? Чему приписать, например, тот странный факт, что между дикими племенами «Голубых гор», которые никогда не слыхивали про наших русских ведьм, существуют во всех подробностях, от заклинаний в устах русских знахарей до особенной фармацевтики, составов зелий и пр., совершенно те же поверья, какие находим и в русских деревнях? Те же, как по духу, так и по букве «суеверия», мы открываем в английской, французской, немецкой, итальянской и испанской, как и в славянских народностях. Латинские расы подают руку славянским, а арийские и туранские семитам в их общей вере в магию и чары, в ясновидение и предвидение, в злых и добрых духов, в древних, средневе-

---

¹ Чаще всего в разреженном воздухе, на горах, как мы то видим в Шотландии, где дар предвидения, ясновидения и духовидения присущ почти каждому горцу.

² Никто не станет, надеюсь, менее всего наши ученые, отрицать *доисторической* древности халдейских магов, египетских иерофантов и браминов Индии? А все эти народы верят испокон века в *колдовство и магию*.

ковых и современных *ведьм*.¹ Называя эти поверья «тождественными», употребляю слово в его буквальном, а не в относительном смысле. Это уже не просто вера или суеверие в колдовство в его общем, отвлеченном смысле; а экземпляры одного и того же издания международной науки с ее неизменными законами, формулами и т. д. в их применении на практике.

Глава 6

Благодетельная болотная лихорадка. — Современный случай колдовства «Хука-мелла». — Колдовство официальной науки. — Какая разница между гипнотизером и колдуном? — Случай в Париже и случай в Уттакаманде.

*Nam tuares agilur paries
dum proximus ardet.*

Само собою разумеется, что чиновная или официальная Англо-Индия, равно как и все европейцы-скептики, не обращают внимания на трансцендентальные качества «психизма», — как выразился бы доктор Карпентер, — тоддов и курумбов. Для них эти качества не существуют. Скептики или обходят всякий такой случай осторожным молчанием, или же в самых

---

¹ С появлением сочинения Леяда «Ниневия и Вавилон» новый свет пролит на Книгу Еноха и универсальность науки, называемой «магией», бывшей вместе и религией всех древних народов. На чашках, кувшинах и другой посуде из *терракотты*, найденной в развалинах Вавилона и Ниневии, разобраны надписи (Томасом Эллясом, директором отделения рукописей в Британском Музее), в которых мы находим заклинания, описание талисманов против чар и колдовства, злых духов, болячек, глазу и скоропостижной смерти, как и имена духов. В подлиннике все это составлено по-халдейски в смеси с древнееврейскими словами и написано буквами, общими наречию и языкам сирийскому и пальмирскому с древним финикийским. Между прочими словами находится ныне употребляемое даже в Христианской церкви, не только в древней магии, слово «аллилуйя». Им начинаются и кончаются все заклинания. Вот что замечает переводчик Книги Еноха с эфиопского языка и рукописи (в Болдейской библиотеке) архиепископ Ричард Лоренс (archibishop of Kashiell):

поразительных случаях относят загадочную смерть того, кто навлек на себя мщение колдунов, если это был европеец, к болотной лихорадке,¹ а когда жертвой является туземец, то непременно приписывают кончину *случайно лопнувшей селезенке*.

Мы уже имели случай упоминать об этом столь оригинальном в Индии органе. Если наука в Европе не успела еще определить достаточно ясно функций селезенки, то англо-индийские чиновники изучили ее в совершенстве. Селезенка играет у нас во всех подозрительных случаях скоропостижной смерти, особенно вследствие драк и когда победителем остается англичанин, такую же универсальную роль, какую во Франции играет в явлениях ясновидения *le grand boyau hysterique*. Разрешая легко и быстро самые загадочные дилеммы в умах ученых Франции и судей в Индии, оба эти органа оказывают таким образом замечательные услуги человечеству. Недаром нильгирийские врачи, с их вечною болотною лихорадкой, так сердят почтенную мистрис Морган!

До какой степени доходит у судей презрение к истине и как легко человеку быть посаженным в Индии в тюрьму, если он туземец, видно из следующего случая, только что совершившегося в Галагхате (Ассам). Речь идет конечно опять о *колдовстве*.²

...«Благодаря превратностям (*vicissitudes*) языков, слово, употребляемое древними язычниками-заклинателями и колдунами, теперь перешло в нашу святую христианскую церковь!»

Мы же к этому замечанию можем прибавить следующее. Не в том диковина, что слово, бывшее в употреблении между израильтянами, вероятно, заимствованное ими от вавилонян во время плена, перешло к христианам, а в том, что те же халдейские заклинания, слово в слово, те же на первый взгляд бессмысленные тирады наших ворожей, мы находим и узнаем не только в России, но и у краснокожих индейцев Америки, у перуанцев и, наконец, у курумбов и тоддов «Голубых гор» Индии. Слова «аллелу, аллелу!» мы слышали не раз в заклинаниях одного муллу-курумбы.

¹ Этот род лихорадки не сваливает человека с ног до последней минуты. Болезнь проявляется в виде непрерывной деятельности неутолимой, палящей жажды. Больной, можно сказать, умирает на ногах.

² См. «Assam News», 29 мая. 1884 г.

Какого-то брамина обокрали. Невзирая на все его усилия, он не мог найти ни вора, ни вещей. Тогда он решился прибегнуть к ворожке, известной в Ассаме под названием *Хука-мелла* или «самодвижущаяся палка». Он послал за известным в городе колдуном по имени Махидхар, который пришел к нему в дом и, вырезав на месте бамбуковую палку, стал на пороге дома и стал поджидать прохожих. В то самое время проходил по улице писарь комиссионера, некто Рохнар. Он его подозвал и, объявив в чем дело, спросил, желает ли он помочь брамину отыскать его украденные вещи. Рохнар согласился и тут же взял в руки палку, над которою Махидхар только что произнес целый ряд заклинаний и мантр...

Не успел Рохнар дотронуться до бамбука, как им словно овладела какая-то сила. Он пустился бежать, крича, что палка приросла к его руке и что она тащит его. За ним, конечно, побежала большая толпа и обворованный брамин. Прибежав к небольшому *танку* (стоячая вода в большой цистерне), Рохнар прямо ткнул тростью в неглубокую воду и сказал: «Ройте здесь». Спустив воду, стали рыть и нашли часть украденных серебряных вещей. Ободренный успехом брамин пожелал найти остальное. Махидхар прочел снова свои заклинания над тростью и опять вложил ее в руку Рохнара. Та же сцена, то же неудержимое влечение вперед. На этот раз писарь побежал по другому направлению, к дереву неподалеку от дома брамина.

— Копайте здесь! — кричал он людям.

Стали копать и, разрыв землю, нашли остальное. За сим полиция, вероятно, недовольная таким легким способом отыскания украденной собственности, при котором ей ничего не перепало, арестовала Рохнара и препроводила в полицию, обвиняя его самого в краже вещей. Его посадили в тюрьму по одному подозрению и, продержав предварительно несколько дней, повели в суд, пред грозное лицо судьи, мистера Трайборна. Обвиняемый, конечно, не сознавался. В присутствии публики и всего суда он рассказал, как было дело: он говорил, что проходил мимо дома брамина, которого он не знал, и что согласился на опыт, даже не веря в него. Во всяком случае, говорил он (и очень рассудительно), будь он похитителем украденных вещей, он, конечно, никогда бы не пошел тою улицей и не согласился бы сделаться сыщником. Затем он расска-

зал, что, взяв *волшебную* палку в руку, он терял оба раза сознание; что не он нес палку, но сама палка увлекала его... и пр. Невзирая на то, что никто кроме полиции не являлся его обвинителем, а напротив, огромная толпа людей, присутствовавших при «Хукка-мелле», показывали за него, да и сам его начальник ручался за него, судья, ярый материалист, приговорил несчастного юношу-брамина к тюремному заключению на *год и три недели!*

Он подал апелляцию в высший суд. Но мистер Летманн Джонсон,¹ новый судья, только утвердил приговор на том же основании, что, если он нашел вещи не колеблясь, то стало быть, знал наперед, где они находятся; а если знал, то нет ни малейшего сомнения, что «он или сам вор или же укрыватель».

Таким образом карьера бедного юноши испорчена навсегда, а материалист торжествует.

Само собой разумеется, что мы не верим ни в *волшебные* палки, ни в ворожбу в той форме, в какой она нам является в Индии вообще, а на «Голубых горах» — особенно. Но мы верим в магическую силу, в ясновидение и сомнамбулизм. А веря в них, имеем право осуждать судью, который, отрицая *все*, не допускает возможности того мгновенно овладевающего человеком состояния, которое называется магнетизерами *etat lucide*.² Во всяком случае, людей сажают на год в тюрьму за недоказанное преступление только в Индии.

Не думаю, чтоб я очень ошибалась, заявляя мнение, что полудикие курумбы владеют полным арсеналом той силы, которой только часть пока открыта учеными гипнотизерами сальпетриевского госпиталя, и которая находится более или менее в распоряжении у магнетизеров. То же и касательно тоддов, сохранивших эту науку, которую, вероятно, их праотцы приобрели во времена глубочайшей древности.

---

¹ Judge and magistrate «Lattmann Gohnson» («Assam News»).

² Мы тем более верим в невинность Рохнара, что познакомились в Индии с этим родом *колдовства*. У нас украли золотые часы и брошку, и они были найдены в тот же день девочкой пяти лет, к руке которой факир привязал такую палку. Девочку привезли нарочно для этого из деревни, так как она *субъект (un sujet)*. А факир, или *бава* (отец), не взял даже вознаграждения.

Дело впрочем не в том, обладают ли или нет оба племени такую силой. Отрицать поголовно показание стольких незаинтересованных лиц, что как тодды, так и курумбы одарены «странною психическою силой», по выражению генерала Моргана, становится трудным, если не невозможным. Для нас, живущих в Индии, это вопрос давно решенный. Но теперь остается узнать: какая разница существует (кроме очевидных, с одной стороны благодетельных, с другой убийственных результатов ее) между этою силой, как она проявляется у тоддов, и как она заявляет себя у карликов. Затем, решив этот вопрос, сколько то будет возможно, придется выбирать между двумя родами дилеммы: отнести эту силу либо к одному, или к другому. Нам остается или верить в колдовство, или в возможность того, во что сама наука начинает верить.

В сведениях, собранных нами о тоддах и курумбах, есть много отдельных случаев, где выказывается открыто то, что мы называем месмеризмом, а теперь гипнотизмом. Если тодды лечат, как лечил иногда Гиппократ и древние иерофанты египетских храмов, действием солнца, пользуясь электрическим действием его лучей, при помощи магнетических пасс руками или животного магнетизма, то муллу-курумбы, во время своих заклинаний и чар употребляют положительно все приемы фессалийских колдуний, сколько мы о них знаем из классиков. Они пользуются луною и ее вредными в известные времена года лучами, собирают травы и варят из них зелья, употребляют кровь, обладают, наконец, секретом, но вероятнее всего, врожденною у них, как у змей, способностью *очаровывать выбранную жертву взглядом*. Магнетизер делает то же. Разница между ученым гипнотизером, который передает приказание субъекту мысленно и заставляет бедную, честную девушку совершать бессознательно непристойности словом и действием при публике,¹ и курумбом, который, завладев хитростью доверчивым баддагом, заставляет его красть и учинять всякие другие преступления, «как бы в припадке полного бес-

---

¹ Мы лично видели это в Париже, а близкая родственница, посетившая Сальпетрие, вознегодовала было на двух учеников доктора Шарко, которые потешались таким образом над беззащитною больною девушкой. Это у них называется *actes pas suggestion*.

сознания или опьянения»,¹ — разница, говорим мы, небольшая. Между образованным гипнотизером-парижанином и колдуном муллу-курумбом мы ее находим только в степени.

Французу потребуются еще двести лет, прежде чем он дойдет до знания муллу-курумба, до его искусства управлять по-своему мышлением и действиями слабейшего в сравнении с ним человеческого организма. Искусство архитектуры развивалось среди человечества тысячелетиями. Крот не учился в университетах, а подводные постройки бобра послужили людям моделью. Природа часто бывает самым мудрым из профессоров. Многие из произведений средневекового зодчества валяются зарытыми в пыли итальянских мостовых; стены циклопов стоят доселе не расшатанными...

Чтобы показать наглядно, до чего приемы европейца-«гипнотизера» и курумба-колдуна схожи между собой, и что в явлениях обоих действует *одна и та же сила*, приведу два примера: один — из научных опытов французского врача, другой — из наблюдаемых нами случаев на Нильгири. «Но то в Индии!» — нам скажут, — «в стране невежества и суеверия!» Так вот мы и начнем с примера, случившегося во Франции, почти на наших глазах, только прошлою весной и при многих свидетелях.

Во французских журналах, а затем и в шведских, в переводе, появилась чрезвычайно замечательная статья, за которой последовало несколько других; а затем присылавший их в газету (кажется «Temps») врач — замолк. Этот врач — магнетизер в Лилле, уже несколько лет делает замечательные опыты под руководством Шарко и других парижских светил. В своих опытах он дошел до того, что управлял усыпленным субъектом мысленно, то есть, не выражая приказания громко, а просто задумав его или написав желание на бумаге и отдавая его на сохранение третьему лицу. По его уверению, он, таким образом, был в состоянии произвести следующее, еще невиданное явление, которое Шарко назвал бы *acte par suggestion*, даже иногда не сейчас, а в какое угодно назначенное время, иногда, через месяц, даже через несколько месяцев.

---

¹ «As though under the influence of trance or of a full intoxication» — слова из протокола к делу, которое рассматривалось в Кошагирском суде по обвинению баддага в воровстве! Баддаг приводит этот факт в свое оправдание.

Он делал, например, следующее: стоя перед усыпленным субъектом, он или говорил ему тихо, почти неслышно, на ухо, или же просто повторял мысленно или же, наконец, ради удовлетворения скептицизма приятелей, записывал такую фразу:

«Через месяц (или через столько-то дней), такого-то числа и в такой-то час, я приказываю ему (субъекту) сделать то или другое». Следовало приказание и подробности его исполнения. Субъект просыпался ничего не помня. Через месяц, такого-то числа и в означенный магнетизером час и минуту, чем бы субъект ни был в то время занят, он исполнял приказание, буквально, с необычайною точностью и невзирая ни на какие препятствия. Он это делал машинально, сам не зная для чего, и хотя не знал за минуту до того, что он совершит то или другое, по свершении акта он смутно помнил все, хотя и не мог объяснить, почему именно он это сделал.

Эти интересные, но и опасные опыты разыгрались драмой, затем прекращены, и кажется, надолго.

В С. жил, да и теперь еще живет, потому что все это случилось весной 1884 года, полицейский агент, un agent de sûreté, как их зовут, знакомый врачу. То был здоровенный толстый человек, 35 лет, чрезвычайно набожный и вне служебных дел очень мягкого характера. Врач нашел в нем превосходного субъекта. Захватив бедного агента в свою власть, он совершал над ним всевозможные опыты. Вот что, согласясь наперед с приятелями, он наконец сделал.

Агент спал. Ни зажженные пробки, ни глубокие уколы булавками под ногтями, ни пистолетный выстрел над самым ухом не могли разбудить его. Словом, он находился в каталептическом состоянии. Тогда врач ушел с тремя приятелями в другую комнату, и один из них, написав на бумажке приказание, отдал его магнетизеру. Тот, вернувшись к субъекту, прочитал *про себя* написанное и мысленно приказал агенту совершить ровно через три недели, в два часа пополудни, следующее преступление.

«Вот малайский острый нож, — сказал он ему *мысленно*, подавая ему небольшую деревянную линейку, — я его прячу в этот шкаф. Такого-то числа, в два часа пополудни, вы возьмете его, невзирая на замки и засовы. Вы отправитесь с этим

ножом в публичный сад и увидите в такой-то аллее, у седьмого дерева, садовника, наклонившегося над цветником и поливающего растения. Вы подкрадетесь к нему незаметно и убьете его, вонзив этот нож три раза в спину жертвы. Затем вы возьмете лопату и, вырыв у корня дерева яму, зароете тело и отправитесь в полицию, где и расскажете своему начальнику о преступлении, но не выдавая себя, а, взвалив его на немцамясника, который, пока вы будете зарывать тело, будет стоять возле вас и смеяться».

Агент проснулся, разбуженный врачом, конечно, ничего не помня. В какой бы ужас и негодование пришел добродетельный агент, если бы знал о данном ему поручении. В назначенный день магнетизер с хохотавшими заранее приятелями приготовился к ожидаемой сцене и поместился в комнате, где была спрятана в шкафу линейка. В назначенный день, ровно в два часа бедный блюститель порядка находился на своей службе. Оставив свой наблюдательный пункт на улице, он *дезертировал*, по выражению его сурового начальника. Он, лучший из полицейских агентов, которого ставили в пример всем другим, учинил в тот же день преступление № 1. Ровно за пять минут до двух часов на улице произошла драка. Когда прогудел второй удар на ближайших городских часах, он записывал в своем *самет де полице* имена буйанов. К удивлению собравшейся толпы и двух буйанов, которые уже приготовились, вследствие *процес вербал*, провести ночь в кутузке, агент мгновенно уронил свой *корне*, вытаращил глаза и быстро, словно автомат, в котором завели ход, повернувшись на каблуках, пошел по улице и, поворотив за угол, исчез из глаз присутствующих. Все это совершилось так быстро, что когда, опомнившись от изумления, толпа бросилась за ним, то нашла, что его и след простыл. Агент исчез, и все решили, что он сошел с ума.

В эту самую минуту он входил в дом врача не в дверь, которую он нашел нарочно запертою, но в калитку сада, которую он, не задумываясь, выломал. То было преступление № 2.

Войдя в комнату, где сидел магнетизер с приятелями, агент в своем глубоком гипнотическом состоянии даже и не заметил их. Он направился прямо к шкафу, где лежала линейка, в его воображении — «малайский нож», и найдя шкаф за-

пертым, вынул железные клещи из кармана и сломал замок. Все это он делал автоматически, не торопясь, но весьма быстро. Достав линейку, он спрятал ее под мундир и, озираясь во все стороны, как бы боясь быть замеченным, прокрался назад из дома на улицу. Это было преступление № 3. Доктор с приятелями последовали, конечно, за ним и очень близко, так как он, очевидно, не замечал никого.

Затем он пошел к означенному магнетизером публичному саду. Сад был полон бонн и детей; но та аллея, куда он направился для совершения четвертого и самого ужасного в этот день преступления, была к удовольствию четырех наблюдателей пуста...

Воображаемая драма делалась с каждым часом интереснее...

У входа в аллею агент остановился и стал считать деревья. Он находился в видимом затруднении. По мнению врача, мысль, переданная им агенту, не довольно ясно отражалась в голове субъекта; он не знал, на какой стороне аллеи ему следовало увидеть жертву. Но он колебался недолго. Не найдя того, что он искал на правой стороне, он стал считать деревья на левой и вдруг, нагнувшись, совсем прилег на землю. Он вероятно *увидел* садовника и приготовился убить его...

Он походил в эту минуту на дикого зверя, — рассказывали очевидцы. Его крепко стиснутые зубы и полуоткрытый рот, его широко открытые глаза, выразившие, невзирая на их стеклянную неподвижность, нечто дикое, жестокое и решительное: все это, взятое вместе, испугало своей реальностью экспериментаторов. Но их страх скоро перешел в ужас, когда их субъект стал разыгрывать с поразительной верностью действие воображаемого зверского убийства. Он стал подкрадываться к невидимому для всех, кроме его одного, садовнику, тихо и осторожно, то припадая низко к земле, то выпрямляясь и делая огромные прыжки. Наконец, он достиг означенного дерева и, вынув линейку из-за пазухи, ринулся на жертву и вонзил линейку три раза в воздух. Нагнувшись как бы над телом, он долго смотрел на него, вытирая все время линейку от крови, которая была для него такую же, вероятно, реальностью, как и он сам для наблюдавших за ним.

Словом, он исполнил до малейших подробностей задуманную врачом драму. Вырыл воображаемую лопатой вооб-

ражаемую яму и зарыл в ней несуществующее тело. Потом он вышел из сада и пошел по направлению к полицейской префектуре. Но тут драма оборвалась, и эпилог не мог быть разыгран. Он встретился лицом к лицу со своим начальником, которого, впрочем, не узнал. Комиссар, видя, что он не обращает на него внимания и не отвечает на его зов, подозвал двух полицейских и велел его арестовать. Но тут проявилась во всей своей ужасной реальности сила месмеризма, гипнотизации, колдовства, — назовем это как угодно. Агент одним взмахом руки далеко отбросил от себя двух товарищей, бывших гораздо сильнее его, и продолжал идти вперед так же спокойно, как бы его ничего не останавливало. Тут к счастью подоспел доктор-магнетизер и остановил руку комиссара, который уже собирался стрелять в бунтовщика агента из револьвера. Он его умолил подождать несколько минут.

Подбежав к субъекту, он в несколько пасс окончательно вывел его из гипнотического состояния. Но на нем лежала более трудная обязанность: спасти агента от серьезных последствий, убедив его начальника, что он действительно находился в продолжение этих двух часов в состоянии невменяемости: что он, словом, совершил между другими воображаемыми преступлениями, ряд проступков против службы бессознательно и должен быть прощен в силу этого.

В этом-то и состояла трудность и вместе торжество месмеризма. Опытный гипнотизер вышел великолепно из затруднения. Производя над агентом, что называется на языке магнетизеров *passes contraires*, он приказал ему помнить даже наяву его инструкции. «Помните, — приказал он ему мысленно, — вы должны свалить на мясника преступление. Покажите вашему начальнику орудие смерти — малайский нож. Вы знаете, как и все знакомые мясника, что этот нож — его собственность».

Затем произошла драма-комедия. Совершенно очнувшийся *sieur A.* (агент) вдруг огорошил собравшую публику формальным донесением начальнику, что он оставил свой пост для предупреждения преступления, но, к сожалению, явился слишком поздно. Прибежав в сад, он нашел там мясника над телом несчастного садовника и успел вырвать у него один нож, который он и имеет честь представить начальству.

И, вынув линейку, он ее серьезно и торжественно подал комиссару. Тот, конечно, как и все присутствующие, зная, что «се malheureux» никогда не пил, тут же решил, что он сошел с ума.

Тогда врач и его три приятеля выступили вперед и, прося начальника повременить с приказаниями, стали укорять агента во лжи. «К ужасному преступлению, — говорили они, — вы присоединяете еще худшее: клевету на невинного человека. Это вы сами убили садовника. Мы следили за вами, мы видели, как вы троекратно вонзили в его спину этот ужасный малайский нож... покайтесь лучше, сознайтесь в вашем преступлении... Это одно может облегчить вашу участь».

Теперь, ни комиссар, ни все увеличивающаяся толпа ровно ничего уже не понимала. Они сочли их одну минуту всех сумасшедшими...

Но что должен был почувствовать начальник, когда его любимый агент, упав перед ним на колени, громко покаялся перед всею толпой в своем ужасном преступлении. Комиссар, говорят, побледнел и кончил тем, что поверил. Он приказал «преступнику» вести себя на место убийства, что тот не колеблясь и сделал, повторив еще раз, что он зарыл тело под деревом и что это видел мясник, на которого он поэтому и пожелал свалить вину...

«Malheureux! Malheureux! (несчастный), повторял его начальник на все лады, когда врач, подойдя, объяснил ему галлюцинацию его агента. Тогда комиссар страшно рассердился и не поверил. Только тогда, когда, разогнав толпу, он отправился с несколькими полицейскими на «место преступления» и увидал, как агент, все еще под влиянием галлюцинации, указал ему на нетронутое место под деревом, уверяя его, что «вот кровь... а вот и труп» и как, затем, он выходил из себя, не понимая, почему другие не видят трупа, комиссар понял, что это не шутка врача, но что под нею кроется нечто более серьезное, нечто действительно ужасное, хотя он и не может еще понять, как это все случилось. Когда агента спросили, притворяясь, что верят ему, почему он, честный, заслуженный сержант, совершил такое страшное, бесполезное преступление, то он отвечал, спустя голову, что *не знает*. «Меня влекла непреодолимая сила», говорил он, — «сила, которой я был не в

силах, не в состоянии противиться и *которая заставляла меня думать и чувствовать, что я поступаю прекрасно, что так и должно быть сделано*». Когда ему кто-то напомнил о старухе матери, у которой он был единственным сыном, агент горько заплакал, но продолжал видеть перед собою зарезанный им труп и равнодушно толкал его ногой...

Это продолжалось, пока не позвали якобы убитого садовника. Когда тот подошел к нему и спросил, почему он клеветает на себя, агент упал без чувств.

— Это ничего, — повторял смущенно врач, — я его сейчас повергну в новый сон и прикажу ему забыть все происшествя этого дня... Поверьте, от этого не останется никаких печальных последствий...

Но он ошибался. Когда агент пришел в себя, то в нем явились все признаки белой горячки. Он пролежал в больнице три месяца и только недавно выписался из больницы. Из добродушного, веселого и здорового малого, он сделался болезненным скелетом, пугливым, нервным и подозрительным... По словам рассказчика, барона дю-Г., очевидца всей этой драмы, *L'impression fut telle que la mort seule pourrait l'effacer du cerveau du pauvre diable!*

Между мшением комиссара да и всей полиции, нареканием клерикалов и архиепископа, видевших в такой силе одного человека над другим козни дьявола, бедному врачу пришлось плохо. Он увидел себя вынужденным оставить родной город и пересечь в Париж. Рассказывают, будто бы публикация этого происшествия была задержана стараниями клерикалов и полиции — *pour l'honneur du corps*.

Но это не помешало странной истории всплыть на свет Божий. Ее перепутали, изменили подробности и, стараниями заинтересованных лиц, сделали жандарма из полицейского агента, а из публичного сада Лилля — больничный сад в Париже. Но даже если бы нам пришлось довольствоваться официальным и немного сглаженным донесением,¹ то и этого было бы слишком достаточно для нашего сравнения. Газеты, рассуждая о происшествии и приводя много других чудес гипногизации, произведенных известным врачом в Париже,

---

¹ См. «Journal of Medecine» (за август, Лондон); «New York Home Journal» (август 1884) и лондонские журналы.

под наблюдением Ж.Б. Корреа (Korrae), упростили рассказ. «Жандарма привели в сон, — говорят они, — и доктор приказывает ему (слово в слово, как показано нами) совершить преступление. Жандарм просыпается, схватывает линейку и прокрадывается в сад: но мы следим за ним из окна и видим, как он подходит к дереву» и пр. и пр... Вернувшись в комнату доктора, в клинике, он начинает кричать: «Арестуйте меня!.. я убийца! Я подлец!.. Я запятнал свою, доселе непорочную, жизнь напрасным и зверским убийством. Я зарезал человека!...» «Зачем же вы это сделали?» — «Не знаю: меня что-то побуждало. Он мне ничего не сделал, но смотрел на меня (то есть дерево) с вызывающим видом. У меня был в руке нож (линейка) и я вонзил его ему в спину... Я слышал, как он закричал на его ребрах! Спасите меня, спасите!» И жандарм упал без чувств.

Барон Г. был свидетелем всего происшествия; он был одним из приятелей врача, которые присутствовали при этом деле от начала до конца. Очевидно, полиция не желала, чтобы такой скандал, учиненный хотя бы и в бессознательном состоянии одним из «своих», появился полностью во всех газетах. Вследствие этого и явилась маленькая перемена декораций.

Но если дело было даже и так, как его рассказывают газеты и сам Ж.Б. Корреа (а мы видали чудеса еще удивительнее этого), все-таки, какая же разница между такою властью гипнотизатора и колдовством?

В параллель к этому, мы опишем чары одного муллукурумба над мальчиком, которого мы лично знали на «Голубых горах», а затем попросим сравнить.

Между Каттагири и Утти живет семейство евразиев, людей довольно зажиточных. Оно состояло несколько лет тому назад из старухи-матери, двух сыновей и сироты-племянника, воспитанного с колыбели старухой, в память ее младшей умершей сестры.

Старуха, г-жа Симпсон, была женщина добрая и очень набожная. Сыновья служили в канцелярии губернатора, а мальчик, которому было тогда лет одиннадцать, ходил в школу миссионеров. Говоря другими словами, после полудня он был совершенно свободен и делал, что ему хотелось.

Как и всех детей на здоровых живописных горах Нильгири, его оставляли бродить одного по аллеям и чащам «города» по собственному усмотрению. Утти — город только на картах Мадраса: в европейском смысле это город только по имени. Кроме маленького туземного квартала в большом провале, на дне которого тянутся двумя рядами деревянных сараев базар и лавки, а кругом, по крутым бокам провала, лепятся, будто гнезда ласточек, туземные лачуги, в Уттакаманде нет ни одной улицы. Там есть великолепная ратуша, собор, больницы, клубы и даже магазины в летнее время, но улиц все-таки нет. Дачи, коттеджи, виллы разбросаны оазисами, как попало; на неровной поверхности сотни небольших и высоких холмов, густо покрытых большими деревьями а местами заросших настоящим лесом. Здания построены обыкновенно у подошвы холма или большой скалы для защиты от ветра, среди огромных садов, парков и плантаций, отгороженных от дорог живою изгородью. От задов частных зданий тропинки ведут часто в почти непроходимые чащи на склоне соседней горы, куда редко заходит нога европейца.

По вечерам и ночью довольно опасно пешему выходить из дому, особенно без оружия, и переходить эти чащи. Неожиданная встреча с леопардом, а иногда и с тигром, не говоря о свирепых диких кошках, удерживает дома всех, кто живет далеко от расчищенного центра города или не имеет экипажа.

Дом старухи Симпсон находился далеко от главных аллей Утти, и как раз за домом начиналась такая чаща. Мальчику было запрещено ходить в нее. Но он страстно любил птиц. У него был целый сарай, освященный большими окнами и уставленный кадками с растениями, превращенный им в птичник. Там у него находились всевозможные породы птиц, от попугаев до *колибри* «Голубых гор», крошечного *«юй-му»*. Не было только нильгирийской ласточки. Это маленькое желтое создание, чрезвычайно дикое и хитрое, летает очень высоко, и его почти невозможно заманить в силки.

Однажды, увлекаемый своею страстью, он забрел очень далеко от дома, в самую глубь чащи. Перед ним прыгала с одного дерева на другое ласточка, и он старался поймать ее. Так он пробегал за нею до заката солнца.

Если сумерек нет в долинах Индии, то в Утти, окруженном со всех сторон большими горами и скалами, переход от дня к темной ночи совершается почти мгновенно.

Увидя себя в лесу, почти в совершенной мгле, мальчик испугался и поспешил домой. Но с его обувью случилось дорогой нечто, заставившее его сесть в первой просеке на камень и снять сапог. Пока он опорожнял его, и разглядывал, стараясь найти уколотившую ему ногу почти до крови колючку, с дерева соскочила почти ему на голову дикая кошка. Тогда, видя, как не менее его испуганный зверь с детенышем во рту, ощетинился, приготовляясь атаковать его, несчастный мальчик страшно испугался и закричал на весь лес. Но в ту же минуту две стрелы, вонзаясь в бок зверя, заставили его, выронив из пасти котенка, покатиться кубарем вниз, в глубокий ров. Два курумба, грязные, полунагие, отвратительные, выскочив из засады, тотчас же овладели убитым животным и заговорили с мальчиком, смеясь над его трусостью...

Муллу-курумбы не диковинка в Утти. Их можно всегда найти на базарах. В то время как «медовые» *тейно-курумбы* никогда не приближаются к жилым местам, их братья «муллу» (курумбы *терювника*) как бы ищут сношений с белыми, между которыми они часто живутся *аштами* и *пейсами* (копейками) за разную черную работу и услуги. Поэтому и маленький евразий, вместо испуга, почувствовал, напротив, благодарность к двум курумбам, так кстати избавившим его от когтей дикой кошки.

Он говорил на их языке, как и все евразий, родившиеся на этих горах. Боясь идти далее один, он уговорил их довести его до дому, обещая им рису и водки дома. Они согласились, и все трое отправились вниз. Дорогой он им рассказал о своем затруднении насчет ласточки, и курумбы обещали ему за небольшое вознаграждение заманить несколько птичек в его сети. Курумбы славятся своим искусством как охотники: они ловят так же легко малую птицу и зверька, как и убивают тигра и слона. Как звероловы они первые на горах. Они условились встретиться на другой же день в долине и идти на лов пташек. Словом, они подружились.

Вернувшись домой, мальчик рассказал тетке об услуге, оказанной ему карликами. Та дала им несколько медных мо-

нет и немного водки, но тотчас же отослала их. Старуха, как и все евразии, была очень брезглива относительно «негров» вообще. *Esprit fort*, она называла все рассказы о могуществе «колдунов» баснями; но ее отвращение к маленьким чудовищам, в этом случае весьма естественное, было очень сильно. Она запретила племяннику всякие с ними сношения, и мальчик, боясь потерять случай добиться, наконец, для своей коллекции желанного экземпляра птицы, не сказал ей поэтому ни слова о своем проските охоты с ними на другой день.

Они встретились, и он вернулся в тот же вечер с парой желтых ласточек. Увлекаемый своею страстью к птицам и возбужденный охотой, бедный мальчик забыл в тот день всякое чувство отвращения, даже и не заметил, как часто его руки приходили в соприкосновения с руками курумбов, которые его несколько раз трогали. Под предлогом похвалы его клетчатому, яркого цвета пиджаку, они проводили несколько раз по его спине. Бедный мальчик, он был еще ребенок! Имея до того времени весьма мало сношений с туземцами, которых его приучали презирать с малых лет как идолопоклонников и «негров», он, вероятно, и не слыхивал, до какой степени боятся карликов те, чья кровь текла на пятьдесят процентов и в их жилах.

Здесь следует рассказать, как курумбы ловят птиц. Для поверхностного наблюдателя эта операция весьма проста и незамысловата. Для внимательного она представляет любопытное явление.

Карлик берет небольшую жердочку и, повертев ее в руках, словно полируя ее, он прикрепляет фута на два от земли на первом попавшемся кусте. Затем он ложится в нескольких шагах оттуда на землю, спиною вверх и, устремив глаза на заранее выбранную им птицу, если она только скачет там, *где он ее может видеть*, курумб терпеливо ждет. Вот что рассказывает К. Бетлор, бывший не раз очевидцем такой *охоты*.

В это время глаза курумбы принимают странное выражение... я замечал такое же только во взгляде змеи, когда она, поджидая добычу, устремляет его на жертву, *очаровывая* ее, а также в глазах черных жаб Майсура. Неподвижный, стеклянный взгляд этот сияет словно внутренним холодным светом, притягивает к себе и вместе отталкивает. За несколько рупий

один курумб согласился позволить мне присутствовать при его ловле. Птица порхает и чирикает беззаботно, веселая, деятельная. Вдруг она останавливается и точно прислушивается. Склонив голову набок, она остается несколько секунд неподвижною; потом, встрепенувшись, видимо силится улететь. Она иногда и улетает, но весьма редко. Обыкновенно ее словно бы что-то притягивает в очарованный круг, и она начинает бочком приближаться к жердочке. Ее перышки взъерошены, она тихо и жалобно пищит, а все же подвигается маленькими нервными скачками... Наконец, она возле «очарованной» жерди. Одним скачком она перепрыгивает на нее и — судьба ее свершилась!.. Она уже не может сдвинуться с жерди и сидит на ней точно приклеенная. Курумб бросается на бедное очарованное создание с быстротой, какой позавидовала бы любая змея; дайте ему только несколько медных грошей вдобавок к установленной плате, и он пожрет птицу живую на месте, с когтями и с перьями.¹

Таким образом двое курумбов *поймали* пару желтых ласточек для маленького Симпсона. Но они поймали вместе с этим и самого мальчика. Один из курумбов «очаровал» его, как очаровывал птиц. Он завладел его волей, стал управлять помышлениями, сделал из него положительно бессознательную вещь, которою и орудовал по воле, как гипнотизер полицейским агентом. Вся разница между двумя процессами состояла в том, что доктор начинал с видимых пассов и употреблял научный метод магнетизации. Курумб не делал ничего подобного: он, вероятно, только *поглядел* на него во время ловли, *дотронулся* до него.

С того дня с мальчиком произошла видимая перемена. Он сделался скучен, вял, перестал играть и бегать. Здоровье его не изменилось, и аппетит оставался здоровым, но он как будто постарел на несколько лет, и домашние часто замечали, что он ходит — точно во сне. Скоро в доме стали пропадать серебряные вещи, ложки, сахарницы, даже серебряное распятие, а затем и золотые вещи госпожи Симпсон. Между домашними

---

¹ Бетпор — известный охотник в Мадрасе, родом из Канады. Вместе с У. Девидсоном они путешествовали несколько лет по поручению Орнитологического Общества. См. журнал «Stray Feathers», издаваемый этим Обществом и «Birds of India».

поднялась тревога. Несмотря на все предосторожности и старания поймать вора, вещи пропадали одна за другою из крепко запертого шкафа, ключ от которого никогда не покидал старухи... Полиция, к которой обратились, оказалась бессильною напасть на след вора. Подозрение падало на всех и не могло остановиться ни на ком. Прислуга в доме была старая, и госпожа Симпсон ручалась за нее, как за самое себя.

Однажды вечером, получив из Мадраса пакет, в котором было тяжелое золотое кольцо, старуха, спрятав его в железный шкаф, положила ключ от него под подушку и решила не спать всю ночь. Для большего успеха она даже отказалась выпить свой обычный стаканчик пива на сон грядущий. Она уже замечала некоторое время, что выпив его, она как бы тяжелеет и тотчас же засыпала.

Мальчик спал в чуланчике возле спальни. Часа в два пополуночи дверь из чулана отворилась, и при свете ночника она увидела входившего племянника. Она чуть было не спросила громко: что ему нужно; но разом спохватилась и со страшным замиранием сердца притаила дыхание. Он действовал точно во сне. Глаза его были широко раскрыты, а лицо имело, — как она рассказывала на суде, выражение суровое, почти зверское. Он прямо подошел к ее кровати, тихо вынул ключ из-под подушки, так же тихо и ловко, что она скорее видела, нежели чувствовала его руку под собою. Затем он отпер шкаф, пошарил в нем, запер, снова возвратил ключ под подушку и ушел в чулан.

Таково было присутствие духа у госпожи Симпсон, что она осталась неподвижною после этого несколько времени. Ее любимый племянник, ребенок — вор! Но куда же он девает украденные вещи? Она решила ждать до конца и узнать тайну во всей ее полноте.

Тихо и быстро одевшись, она заглянула в чулан. Племянника там не было, но дверь во двор была отворена. Последовав за ним по горячим следам, она тоже вышла и увидела его маленькую тень у птичника. Ночь была лунная, светлая. Она ясно заметила, что нагнувшись у окна, он что-то зарывает в землю. Тогда она решила ждать до утра. «Мальчик — лунатик», — подумала она, — «Вероятно, и все остальные вещи там найдутся. Будить его теперь и пугать напрасно...»

Она вернулась к себе, но не прежде, чем убедилась, что ребенок тоже вернулся в свой чулан. Проходя мимо его каморки, она убедилась, что он спит крепко, хотя его глаза были так же широко открыты, как и тогда, когда он подошел к ее постели за ключом. Это ее изумило и страшно испугало. Она долго стояла над ним, но решение ее «ждать до утра» не покинуло ее.

На другое утро, призвав сыновей, она рассказала им подробно ночную сцену. Они отправились с нею к замеченному ею месту у птичника и скоро нашли свежеразрытое место. Но там ничего не оказалось. Очевидно, у мальчика были сообщники.

Как только он вернулся из школы, умная старуха, поняв, что расспрашивая его, она вероятно ничего не узнает и только затруднит еще более раскрытие темного дела, приняла его по обыкновению, накормила завтраком и только зорко наблюдала за ним. Вставая по окончании завтрака, чтобы умыть руки, она сняла с себя кольцо и нарочно оставила его на столе. При виде золотой вещицы глаза мальчика загорелись и, полуотвернувшись, госпожа Симпсон ясно видела, как он быстро препроводил кольцо в карман. Затем он встал и равнодушно вышел из дому. Но тут, с поличным, она его остановила.

— Где мое кольцо, Том? — спросила она. — Зачем ты взял его?

— Какое кольцо? — равнодушно отвечал мальчик. — Я не видел вашего кольца...

— Но оно у тебя в кармане, маленький негодяй! — закричала она, дав ему полновесную пощечину. И бросаясь на спокойно стоящего мальчика, она вынула кольцо из его кармана и показала ему. Мальчик не сопротивлялся.

— Какое же это кольцо? — сердито спросил он ее. — Это горсточка золотого песка... я взял его для своих птиц... За что вы бьете меня?

— А все серебряные и золотые вещи, которые ты украл у меня за эти два месяца, тоже только зерна по-твоему, негодный лгун и воришка? Куда ты их девал? Говори сейчас, или я пошлю за полицией!.. — кричала старуха в ярости.

— Никаких вещей я у вас не крал... я никогда ничего не брал без позволения, кроме немного зерна и хлеба... для птиц...

— Где ты воровал зерно?

— У вас в шкафу... Но ведь вы сами позволили мне брать его. Такого золотого зерна нет на базаре, иначе бы я и этого у вас не просил...

Мистрис Симпсон поняла, что она находится лицом к лицу с какою-то непонятной для нее загадкой, со страшною тайной, разъяснить которую она не может, но что мальчик — припадок ли то с ним безумия или хронического сомнамбулизма — говорит лишь правду или то, чему он сам вполне верит...

Она догадалась, что сделала промах. Тайна далеко не разъяснилась. У мальчика должны быть сообщники, и она их откроет... Она притворилась, будто ошиблась и признает свою ошибку. Сердце ее обливалось кровью, но она довела свой опыт до конца.

— Скажи мне, Том, — начала она уже ласково, — ты не помнишь, когда я дала тебе позволение брать для твоих птиц золотое зерно из железного шкафа?..

— В тот день, когда я добыл своих желтых пташек, — объяснил сурово мальчик. — За что же вы побили меня? Вы сами сказали мне: бери ключ у меня под подушкой, когда тебе нужно, бери золотое зерно для твоих птиц, оно здоровее серебряного... ну я и брал... Да его уже и мало осталось там, — добавил он с сожалением. — А без него мои птички все умрут!..

— Кто это тебе сказал?

— *Он*, тот, кто поймал для меня пташек и помогает мне кормить их.

— Кто же этот *он*?

— *Не знаю?* — с усилием отвечал ребенок, потирая себе лоб. — Не знаю... он, вы же его много раз видели... Он был здесь и три дня тому назад, во время обеда, когда я взял на тарелке дяди серебряное зерно, которое он положил на нее для меня... Он сказал: бери, дядя кивнул мне головой и я взял.

Мистрис Симпсон вспомнила, что в тот день, то есть за три дня до того таинственно пропали со стола десять серебряных рупий, которые ее сын только что вынул, чтобы заплатить счет. То была самая таинственная, необъяснимая из всех случившихся пропаж.

— Кому же ты отдал зерно?.. Ведь вечером не кормят птиц...

— Я его отдал *ему* за дверью. *Он* вышел до окончания обеда. Да ведь тот день мы обедали днем, а не вечером...

— Как днем, в восемь часов вечера разве день?

— Не знаю, то было днем... ночи совсем не было... да ее давно уже нет!

— Господи! — заплакала старуха, всплеснув руками в ужасе. — Ребенок сошел с ума, он совсем обезумел!..

Но вдруг ее озарила мысль.

— Ну так возьми и это золотое зерно, — сказала она, подавая ему свою брошку. — Возьми и покорми птиц, а я посмотрю...

Мальчик схватил брошку и радостно побежал в птичник. Там, по рассказу его тетки, произошла сцена, которая убедила ее окончательно в расстройстве умственных способностей ее маленького племянника. Он бегал вокруг клеток и сыпал воображаемое зерно. Многие из клеток были пусты. Вероятно, птицы часто кормились таким образом. Но мальчик, очевидно, не замечал отсутствия птиц: он *тер брошку* между пальцами, как бы ссыпая с нее зерно, говорил с несуществующими птицами, свистел им, радовался.

— Теперь, *auntly* («тетя»), я отнесу остальное на сохранение *ему*... Он прежде велел зарывать остаток вот тут, под окном, но сегодня утром приказал приносить ему туда... Только вы не ходите за мной... а то он не придет...

— Хорошо, мой друг. Ты пойдешь один, — притворилась старуха.

Задержав его под каким-то предлогом на полчаса, она послала тихонько от мальчика за базарным сыщиком и, посулив хорошую плату, приказала ему следовать незаметно за ребенком, куда бы он ни пошел.

— Если он что кому передаст, — распорядилась она, — то арестуйте того человека: он вор.

Сказано — сделано. Сыщик, призвав на помощь товарища, следовал целый день за мальчиком. Под вечер они увидели его идущим по направлению к чаше. Вдруг из-за кустарников выскочил уродливый карлик и поманил к себе мальчика, который направился к нему тотчас же, как автомат. Увидев, что ребенок *сыплет* ему что-то на руки, сыщики в свою оче-

редь выскочили из своей засады и арестовали курумба с полным в руках — золотою брошкой.

Курумб, впрочем, отделался несколькими днями ареста. Против него не было ни малейших улик, кроме брошки, которую мальчик, как он объявил, отдал ему добровольно: по его уверению, «неизвестно, по какой причине». На суде показания маленького Симпсона, который бредил про «золотое зерно» и не узнавал курумба, оказались неподходящими. Во-первых, он был малолетний, а затем врач объявил его *неизлечимым идиотом*. Его свидетельства, как и путанные показания госпожи Симпсон, которая знала лишь то, что ей говорил этот неменяемый мальчик, пошли за ничто. Даже свидетельство сыщика, которое имело бы вес, так как он знал этого курумба за укрывателя украденных вещей, не могло быть заявлено. В день ареста сыщик заболел, а через неделю, за несколько дней до суда, он умер. Видно, «селезенка лопнула»! Его товарищ, поставленный на очную ставку с курумбом, которого он же помогал арестовать, клялся и божился, что не видел ничего и ничего поэтому не может сказать. Сыщик приказал задержать человека, он и помог задержать. Кроме этого, он не мог показать ровно ничего. Так этим история и кончилась.

Мы видели несчастного мальчика, которому теперь, впрочем, лет двадцать. Когда его нам показали, мы увидели толстого с отвислыми щеками евразия, который, сидя на скамейке за воротами, стругал палочки для клеток. Птицы все еще — преобладающая страсть, как и прежде. Он кажется умственно здоровым в отношении всего, кроме денег, золотых и серебряных вещей, которые продолжает называть «зерном». Впрочем, после того, как родные отправили его в Бомбей, где он провел под присмотром несколько лет, и эта мания начала у него проходить. Не проходит только одно его неудержимое желание *брататься* с курумбами. Он находится хотя и на свободе, но под строгим присмотром родных.

Кажется, было бы лишним доказывать, что «одурение», насылаемое курумбами на человека, и «гипнотизация» французского врача, *одна и та же сила*, пусть ее называют чем угодно.

Позволю себе закончить эту главу, напомнив читателю сказанное Вольтером в его «Dictionnaire Philosophique».

«Свидетельство о чем-либо должно считаться достаточным, когда оно основано:

1. На большом числе рассудительных очевидцев, заявляющих единодушно, что виденное ими они видели хорошо.
2. Когда эти очевидцы здоровы телесно и умственно.
3. Когда они выказали себя беспристрастными в этом деле и безо всякого лицепрятия.
4. Когда они единодушно соглашаются.
5. Когда они серьезно подтверждают раз показанный факт».

Эти условия исполнены в нашем рассказе все до одного в отношении *чар* и *колдовства* муллу-курумбов.

Посмотрим, однако, будут ли наши показания, подкрепленные свидетельствами стольких беспристрастных очевидцев, приняты скептиками. Или же публика, за немногими исключениями, все-таки по своему обыкновению пожелает остаться, невзирая на всю философию Вольтера, *plus catholique le rare*...

Глава 7

Заключение. Tempora mutantur et nos mutamur in Illis.

Ich bin der Geist der stets verweint.

Faust (Goethe).

Наша сказка была окончена. Хотя собранных нами фактов о «колдовстве» на «Голубых горах» достало бы на три большие тома, и хотя все такие случаи проверены, мы кончаем пока на этом. Наша цель заключалась не столько в воспевании тоддов и муллу-курумбов, как в том, чтобы, показав публике их *modus operandi* в делах «белой» и «черной» магии, лишить колдовство его сверхъестественного колорита. Мы старались доказать, что пословица: «Глас народа — глас Божий», не лишена основания. Все дело состоит в отсутствии предубеждений и лицепрятия, да в правильном воззрении на такие выходящие из ряда вопросы.

А теперь дадим и нравоучение фабулы. Постараемся показать, что материализм Бюхнера и Молешота, позитивизм

Гёксли и других английских поклонников протоплазмы и их немецкого барда Геккеля, если еще не находятся на смертном одре, то, во всяком *случае*, получили смертельную рану и носят в себе зародыш собственного и весьма скорого разложения.

Если лондонское «Психическое общество исследователей», во главе которого состоят столько членов «Королевского Общества» и столько знаменитых ученых и литераторов, профессоров и философов, теперь уже смело стало печатать свои «Трансакции»¹ и научные опыты над всевозможными психическими явлениями, то, быть может, пришло время и русским ученым взглянуть на трансцендентальные феномены медиумизма немного посерьезнее.

Повторяем: *adusus non tollit usum*. Грубые шутки и остроты над одною из самых непроницаемых тайн веков, в настоящее время, как бы вдруг замерли в лучших европейских журналах; а наука, по крайней мере в Англии, если еще и не сказала своего последнего слова, то, по крайней мере, начинает впервые серьезно присматриваться, к так называемым, феноменам психизма в человеке. Первые в мире авторитеты по части физиологии и биологии, даже доселе непоколебимый Гёксли, принуждены были один за другим сдать перед следующим явлением: «передачей мысли», *thought transference*. Мысль невысказанная и охраняемая в тайнике мозгов экспериментатора вдруг передается, озаряет мышление другого человека, без помощи какого-либо из известных нам пяти чувств. Эта способность — почти что доказанный теперь факт в науке.

То, что еще несколько лет назад называлось *неученою* публикой «сверхъестественным», а *переученою* — сумбуром; то, что еще так недавно клеймилось, как суеверие, бредни, обман, начинает приобретать права гражданства, мало-помалу прокрадывается в каталог научной терминологии. Ирвинг Бишоп и его соперник Стюарт Кэмберланд, оба шарлатаны: об этом не спорим, но что оба обладают способностью, особенно первый из них, читать мысли в головах самых скептических экспериментаторов, — тоже *доказанный* факт.

---

¹ См. «Transactions of the Society for Psychical Research» журнал Общества (Trübner, London). см. «Proceedings of the S.P.R.» книжка за июль. Речь председателя Психического Общества профессора Бальфура Стюарта.

Этими опытами, весь заинтересованный психическими явлениями люд обязан вышесказанному обществу.

Но что такое «Общество Психических Исследователей»?

А вот что. После того, как, вместо благодарности, химик Крукс, за свои трехлетние наблюдения и опыты с медиумами, получил от своих «коллег» одну брань да оскорбления, в продолжение нескольких лет никто из известных ученых Англии не смел следовать его примеру. Но спиритические явления не прекращались, а шли не только своим чередом, но в своем разнообразии и количестве постоянно увеличивались. Несколько ученых, под покровом ночи, стали снова осторожно и неслышно пробираться в запрещенные официально наукой и общественным мнением лагеря. Серьезно исследовав некоторые явления, они объявили их действительностью: сперва под шумок, а затем и во всеуслышание. Получив опять отпор у «начальства», то есть, у великих тузов Королевской Академии, они решились на отчаянный шаг: они основали в своей среде общество и назвали его Society for Psychical Research.

Это было около трех лет тому назад. Главными деятелями Общества явились профессора из Оксфорда и Кембриджа, и профессор Баррет — из Дублина. Мало-помалу Общество стало приобретать членов. Учредились коллатеральные общества: появились *commis voyageurs* для разыскания всяких «психических» явлений; завелась корреспонденция сперва в одной Англии, затем, почти во всех углах земного шара: даже нечто вроде *Comité de Surveillance* был учрежден над главными медиумами. Все феномены спиритизма, месмеризма, ясновидения и так называемого «духовного зрения» (*second sight*, дар, как всем известно, чрезвычайно обыкновенный в Шотландии) наблюдаются и записываются.

Приступают они к делу разумно и очень тщательно. Дабы уяснить и доказать реальность таких явлений, «Общество Психических Исследователей», обладая большими средствами от годового взноса членов и пожертвований, учредило целую сеть интернациональных комитетов, составленных из людей беспристрастных, ученых и не-спиритов. Спириты не принимаются в его комитет. Эти исследователи (*investigating committees*) только и делают, что собирают сведения о странных явлениях и случаях «двойников», не от спиритов или

особ, склонных к спиритуализму, а от личностей, известных своею правдивостью, скорее заинтересованных доказать противное, от людей образованных, с положением в обществе, а главное от *очевидцев* таких явлений. Таким образом, собрано почти в первый год и в одной Англии до 7000 случаев.

Для разборки и проверки таких случаев наряжают над ними настоящие следствия, комиссии, в которых роль следователей играют ученые, адвокаты, судьи и особенно известные своею принципиальностью законники (*lawyers*). Затем, протоколы передаются на рассмотрение главным ученым, которые, выбрав самые замечательные из явлений, анализируют их, совершая лично научные опыты с медиумами, à la Крукс и Цёльнер.

Сперва они действовали очень осмотрительно и осторожно, подвигаясь медленно, но верно. Большая часть из ученых двигателей Общества была пока только открыта убеждению: она выжидала. Но теперь есть много и таких, которые совершенно и вполне верят: они убедились.¹

Психисты закончили тем, что одною силою фактов завербовали мало-помалу некоторых из первых английских и французских ученых. Теперь Общество находится под председательством известных профессоров Бальфура Стюарта и Седжвика (*Sedgwick*) из Кембриджа, и в нем работают профессор Оливер Лодж (восходящая звезда химии), профессор Баррет и пр. — все члены Королевского Общества. А желаете знать, о чем они рассуждают, каким явлением занимаются преимущественно в настоящий год? Загляните в их ученый журнал за июль, и вы увидите: *собранием фактов от очевидцев о виденных ими привидениях!!* Да, об этом вопросе, который Королевское Общество не допустило бы, еще так недавно, проникнуть даже на свои кухни; английские ученые рассуждают, держат о нем прения так же серьезно, как бы вместо «материализованных» покойничков дело шло о лучистой материи Крукса! Знамение времени!

Хотя члены-корреспонденты и комитет Психического Общества принимают по своим статутам свидетельства о разных констатированных явлениях только от очевидцев; хотя

---

¹ Многие из них, принадлежа в то же время к Теософическому Обществу, приводят обе ассоциации в постоянное соприкосновение и сношение.

такие очевидцы должны быть обязательно: а) лицами хорошо известными и всеми уважаемыми в своих околотках; б) по возможности *не* спиритами (показания отъявленных поклонников «духов» если не во всяком случае отвергаются, то должны всегда быть приняты *cum grano salis*), и с) особами почтенными во всех отношениях; но невзирая на все эти ограничения, число собранных случаев о привидениях, как *живых* лиц, так и *умерших*, превысило бы ожидания самих «спиритов». Никому и в голову не приходило, чтобы в одной Англии являлось столько «привидений» вне спиритических кружков...

Психическое Общество *ученых* исследователей заключило свою трехлетнюю деятельность собранием около 3000 вполне доказанных визитов не то *d'outr tombe*, не то *двойников*. В последнем ежемесячном заседании Общества в Лондоне, под председательством профессора Бальфура Стюарта, читались протоколы, и лекторы рассуждали о характере таких явлений. Залы были битком набиты публикой, преимущественно аристократией, очень падкой в Англии на странствующих мертвецов. Кроме аристократии было великое множество теософов и спиритов. Защитники теории о «духах» торжествовали: теософы молчали и выжидали.

Спич секретаря¹ был знаменателен.

— Мы ищем пока, — говорил он,² — первопричинность таких явлений не в трансцендентальной физике, а в области физической психологии... Все наше внимание и исследования обращены в настоящую минуту на феномен *явлений призраков живых людей*, то есть на то, что мы все давно знаем под именем «двойников» (*Döppelgänger*). Мы оставляем на время случаи (они в меньшинстве) явления умерших людей... Мы должны выбирать между теориями спиритов и теософов. Одни видят в них духов умерших, другие — *двойников живых*, или же только что умерших людей. До сих пор результаты наших исследований склоняются скорее к теориям и учению теософов, нежели к объяснениям спиритов.³

---

¹ M. Edmund Gurney.

² См. «Proceedings of the S.P.R.» за июль (Трюбнер, Лондон).

³ «They seem to favour more the doctrines of the Theosophists rather than those of the Spiritualists». (См. протокол заседания. Книжка за июль).

Этого нам только и надо. Научное доказательство существования *двойников* у живых людей должно установить и возможность показанных нами фактов о посещении курумбами в «астральном» теле своих жертв, а затем установить и реальность самого колдовства. Только тогда может оно, не теряя ни своего условного, ни своего фактического значения, перейти в сферу доказанных наукой психических фактов, быть вполне разоблаченным и понятным. То было бы огромным важным шагом вперед в истории всего человечества. Свет истины озарит тогда все темные углы векового суеверия. Много загадочных, необъяснимых и поэтому отвергаемых фактов из области так называемых «спиритических» явлений примут тогда более правдоподобный и естественный колорит. *Колдовство* с его темными чарами и ведьмами на первом плане явится тем, что есть: то есть психофизиологическим явлением, которое должно было бы давно уже, со времени первых стуков в столы и мебели, занять главное место в исследованиях биологов.

Допустим на одну минуту, ради сравнения, что такой полуматериальный двойник существует в человеке.¹ Затем вспомним реальность и силу виденных многими гипнотических или месмерических явлений. Эта тоже, и почти во всей их полноте, доказаны научными наблюдениями. Теперь посмотрим, где, в чем существует логическая невозможность «колдовства» и его явлений.

Что такое в самом деле «колдовство»? Начнем с так называемого «глаза» или «порчи». Это просто передача невидимым и неуловимым способом болезней, несчастий, смерти людям и даже животным. Биологи и физиологи, отрицая такую возможность, имеют столько же права отвергать ее, как и другой, параллельный ему факт, в который они, однако же, верят; а именно: в передачу столь же неуловимым и доселе весьма мало объяснимым ими процессом *прилипчивых болезней*. Допуская гипотезу невидимых зародышей в воздухе, бактерий и тому подобных предположений, почему им не допустить того же в области духовной или, как это называют, «пси-

---

¹ L'Humanite Posthyme (d'Assier) показывает позитивиста и материалиста вполне верующего в *двойника* всякого живого существа даже у животных.

хизма»? Если они допускают существование какой-то *психической* силы, исходящей из глаз и оконечностей одного человека, которая, будучи им направлена на другого человека, силой ли одной воли или при помощи металлов, завладевает его помышлениями и органами — то есть *гипнотизм*, — то какое же они имеют право, не рассмотрев и никогда не изучав приемы колдовства, отрицать возможность действия в нем той же силы?

Мы говорим прямо: зло, причиняемое так называемым колдовством (грубым материализмом или, по его настоящей кличке, гипнотизмом), не есть пустая басня. Оно существует и скоро будет доказано, как был доказан месмеризм, так долго отрицаемый и наконец принятый с переменой названия. А когда это свойство в человеке будет признано наукой, то и закон сумеет положить конец его злоупотреблениям. Есть сознательное, как и бессознательное колдовство. Сомнамбул действует двояким образом: ¹ под влиянием собственного и под давлением постороннего импульса, то есть *магнетизера*. Этот последний, если он злой, мстительный, порочный человек, может причинить своим *субъектам* совершенно безнаказанно и верно громадный вред. Направив зараженную пороками мысль и силу воли на выбранную им жертву, особенно, если она гораздо слабее его, магнетизер может возбуждать в ней какие угодно страсти, привить зародыш любой *болезни*, наконец, даже умертвить ее со временем. Если доказано, что гипнотизеры овладевают совершенно мышлением субъектов, заставляя их видеть несуществующее, слышать воображаемое и т. д., что они могут заставить человека умственно и физически здорового вообразить, что стул есть лошадь, что он садится на нее, скачет, затем, что она понесла его и он падает с нее, ломая руки и ноги. Если все это может сделать простой гипнотизер, то почему же не сделать этого колдуну? Как мы не раз показывали во время нашего рассказа, разница между гипнотизером и магнетизером, с одной стороны, и колдуном или природным гипнотизером, с другой, только в количестве и качестве, высылаемой ими силы или *тока*. Если один может действовать так сильно на органы мышления, что способен

---

¹ Сомнамбулы — те же гипнотики. Сила более могучая берет верх и управляет слабейшею, как своєю собственной.

произвести временное умопомешательство, а другой, направив ток на зараженный орган, вылечить его, произведя благодетельную в нем реакцию. то почему же, спрашивается, так немислимо верить, что *колдун* также способен, направив «зменный взгляд» (тот же магнетический ток) на какой-нибудь из жизненных органов выбранной им заранее жертвы и, безостановочно *портя его*, убить человека так же, как и зверя?

Затем, вот новое доказательство, что разница между злым, порочным, мстительным магнетизером и колдуном только в имени.

Почему, спрашивается у доктора Шарко и других ученых, которые убедились в действительности «животного магнетизма», как только переменили его название на «гипнотизм», если здоровый магнетизер может уделить часть своей жизненной силы, *vitalité* (излишек того, о чем медики ничего не знают), своему пациенту, то почему бы ему, наподобие вампира, также и не вытянуть из своей жертвы ее последние силы? Если верить в одно, то нельзя не верить в другое. А раз поверив, или скорее убедившись в обеих возможностях, невозможно не признать в колдовстве и действии гипнотизма одной и той же врожденной в человеке присущей ему силы.

Есть много таких *легально доказанных* случаев, когда магнетизер учинял преступления и долгое время безнаказанно совершал такие отвратительные поступки, перед которыми муллу-курумб, «испортивший» маленького Симпсона, простой шалун, школьник.¹ Сила воли такого негодяя — то же колдовство, *порча*, а порочное воображение — те же чары: а если вдобавок одаренный такою силой человек власть имеет направлять на темные дела *двойника* либо собственного, либо своей жертвы, то чем же он отличается от муллу-курумба? Зло, на которое он способен, может в таком случае принять

---

¹ Жюль Фавр послал за три года до своей смерти на 20 лет в каторгу итальянца-магнетизера. Под предлогом лечения, а иногда и эксперимента, негодяй, выбирая девушек из богатых домов, приводил их в состояние полного транса, подчинял своей воле, а затем заставлял их обкрадывать родных в свою пользу и затем *забывать совершенное*. Вдобавок он приказывал им делать ночные визиты в дом и комнату, которую он занимал, где он и бесчестил их.

положительно грандиозные размеры явлений средних веков: «Луденских бесноватых» или «Салемских ведьм» пуританской памяти в летописях Новой Англии.¹

Вследствие полного неведения науки о том, что такое «жизненная сила», что возбуждает ее проявление и что заставляет ее бесследно исчезать, а поэтому и токов или силы животного магнетизма, мы протестуем против решений науки в таких вопросах. Не изучив силы по причине ее неуловимости и незнания самой ее сути, никто не может судить о ее свойствах, функциях, степени, менее же всего — о ее размерах и могуществе. Мы настаиваем на том, что современные ученые, физики, химики и биологи не имеют права называть невеждами и суеверными глупцами верующих во многое такое, чего помянутые ученые еще сами не знают, а главное, положительно отказываются узнать, то есть заняться такими вопросами. Будучи решительно не в состоянии объяснить нам, что такое «жизненная сила» даже в ее принципе и не имея понятия о ее Протеевских способностях, как могут они требовать от нас повиновения их авторитету или уважения к их решениям в таких случаях? Мы знаем одно: эта сила грозит не только развенчать их материю, но и залить весь земной шар волной суеверного безумия, если наука не построит вовремя крепких плотин; а пока ученые этого не сделают, мы отрицаем требуемое ими право сидеть над нами ареопагом.

Все затруднения господ, стоящих во главе науки, заключаются в опасении, как бы новые учения так или иначе не опрокинули их излюбленной теории *материального начала* вселенной. Не позволять ни врагу, ни другу, ни своему, ни чужому искать ключ к явлениям жизни и мышления вне тесных рамок физиологических и физических законов, — вот главная задача и вся причина упорства против серьезного исследования феноменов спиритизма и прочих *суеверий*. Суеверия, положим, в отношении ко всем таким таинственным явлениям есть достаточный процент; но кто же в этом виноват? Все те же ученые. Видя, что их излюбленный метод никогда не может привести к полному решению проблем, как внутренней, так и внешней жизни, общество, получая постоянно отпор и одни отрицания фактов, которые для него сделались давно

---

¹ См. «Salem Witchcraft» by Upham.

неоспоримую действительностью, наконец, весьма естественно взбунтовалось. Оно само стало искать решения задач, и, судя поверхностно, как то делают массы вообще, оно, конечно, искало вкривь и вкось, пока не доискалось и не вышло из этого умопомрачения и сумбура.

Нам передавали лица из Петербурга, что еще недавно на сеансах спиритического кружка в Царском Селе являлся материализованный дух пьяницы, который начинал с того, что требовал водки и пил ее. Затем обычною посетительницей этих сеансов было жившее несколько лет тому назад «погибшее, но милое созданье», какая-то не оставившая и по сие время своих вкусов и привычек куртизанка. Наконец, дело дошло до того, что в кружке появилась материализация того самого осла, на котором Иисус Христос въезжал в Иерусалим! Если это было так, то по нашим теориям, последнее явление было эмблематическим отражением, *an figure*, присутствующих.

То же происходит и во Франции, и в Англии. Покаявшийся, умерший на кресте разбойник, воплотившись в сапожника-спирита, узнает своего товарища «непокаявшегося» в маркизе Сен-Жерменского предместья, тоже спирите. Маркизу такое публичное признание не понравилось, и он дает «первому разбойнику» затрещину. *Tableau*: обоих отправили в полицию.

В Европе и в Америке более двадцати миллионов спиритов и спиритуалистов, людей более или менее образованных. Первые верят, что Людовик XV воплощен ныне в *madame Vabelin*, их парижском медиуме, а покойный *Allan Kardec* собственноручно ведет счетные книги «Спиритического Общества»; что бабушка г. А. сделалась его меньшим сыном, а сам г. А. может воплотиться в короля на Юпитере. Спиритуалисты же, отвергая доктрину *реинкарнации*, верят в умерших, не разнящихся ничем от живых; в загробную жизнь духа нетленного, на лад жизни земной; что духи умерших отправляются жить в страну где-то среди Млечного пути, где они едят, спят и женятся и чуть ли не играют в винт (см. сочинение *Andrew Jackson Davis* “*Stellar Key*”).

Всеми такими бреднями, именуемыми у спиритов «философией», человечество обязано ученым. Настаивая на том, что *все* факты медиумизма и феномены спиритизма — один обман или галлюцинация, они заставили образованные массы следо-

вать влечению ума и сердца, неудовлетворенных все разбивающею наукой, и удовольствоваться одною обманчивою наружною стороною явлений. Вытесняя систематически из среды человечества мысль даже об отвлеченном божестве и убивая в нем всякую веру в бессмертный дух человека, современная наука собственноручно толкнула алчущих и жаждущих веры в жизнь загробную, прямо в идолопоклонство. Теперь поправлять зло уже поздно. Вера в богов, теней человечества в *larvae* древних римлян, часто в собственный *двойник*, отражающий образы, созданные если не памятью, то воображением в полумраке спиритических *сеансов*, сделалась теперь *религией*. Только теософы смело разоблачают «духов», срывая с них иногда сознательные, чаще бессознательные маски. Несмотря на эту прямую помощь науке, теософы получают такой же отпор от ее жрецов, как и спириты. Большинство ученых все еще отворачивается от нежелательных фактов: только меньшинство спохватилось, основав «Психическое Общество» ученых исследователей.

Эти допускают идею, что в человеческой машине есть, *быть может*, две лицевые стороны: телесная и духовная. Их *ересь* против положительной науки дошла до того, что они даже соглашаются с педантами, что тело — не более как подкладка души, ее «ножны», нечто вроде земного мундира, который, как забрало, кольчуга и латы средневековых рыцарей, скрывает *настоящего* человека с головы до ног. Многие из них вполне убедились, что при особенных психофизиологических условиях, этот человек, то есть оригинал, тело которого — одна грубая копия с него, или *двойник*, может отделаться от своей телесной скорлупы и явиться воочию объективно на несколько минут людям *до* и *после* смерти.

Воистину, знамение времени! Шарко с его сотнями последователей в Париже! Психическое Общество — с его тысячами в Лондоне!

Эти ученые, из коих некоторые верят еще пока в «привидения», держат себя, однако, в отношении к спиритам хотя и ласково, но на расстоянии, желая внушить им, как и нам, чувство своего превосходства. Разница между нами действительно огромная. То, что мы по простоте душевной зовем «колдовством» и «глазом», они именуют «зловредным психиче-

ским влиянием», *evil psychic influence*. Оно, положим, и звучит как-то нежнее (хотя и непонятнее), кажется и учение и внушительнее. Но ведь, право, называя дворняжку *львом*, мы ее этим не превратим в царя пустыни, а останется она для всех зрячих тою же шавкой. Вся разница между нами только в терминах: наши названия, хотя народные, зато понятные; а их-то, что русские барышни в губерниях зовут *экивоком* да «жалкими словами». Как уже заявлено, многие психисты принадлежат и к нашему обществу. Но, сознаваясь в этом открыто, как частные лица, часто пользуясь нашей помощью и объяснениями, как «члены ученого Общества» психические исследователи вряд ли сознаются в этом, предпочитая надевать на наши вульгарные, но зато всем понятные названия «фальшивые носы» из греческого и латинского лексиконов.

Вот наглядный пример.

Недавно, а именно в конце июля, в гостиной мистрис Т. приятельницы «О.К.» (О.А. Новиковой) собралось человек тридцать ученых и аристократов. Сэр А.Ф. рассказывал мне во всеуслышанье и даже похвалялся о своем фатальном даре *убивать людей на расстоянии и одною недоброю мыслью*. Он назвал в присутствии ученых профессоров-психистов несколько хорошо известных в лондонском обществе лиц, которых он, к своему сожалению, *умертвил печально* только потому, что, рассердясь, пожелал им «нехорошего». В трех различных случаях приятели-скептики делали с ним опыты и убедились в его силе. Одна молодая, здоровая и очень красивая дама лучшего общества, которую он тут же и назвал, желая ему помешать быть выбранным в парламент, стала клеветать на него. Узнав об этом, он воскликнул в ярости: «женщина, обладающая таким ядовитым языком, достойна смерти!» По собранным справкам она в тот же день заболела, а через месяц умерла.

— Да это чистое колдовство, черная магия по-нашему! — воскликнула я в негодовании. — Это ужасно!..

— Извините, — учтиво перебил меня сидевший возле меня кембриджский профессор-«психист». — мы не верим в Европе в колдовство, тем менее — в *магию*... Если это было так, как сэр А. рассказывает, а у нас записано много таких случаев, то мы называем такое действие на расстоянии *зло-*

вредным психическим током, действующим наподобие месмерических токов.

Разлучившись в Индии великосветским манерам, я чуть было не расхохоталась почтенному профессору в лицо.

Английский ученый, верящий в возможности действия nefarious psichical current на расстоянии, не имеет права критиковать веру в колдовство.

Но дело не в названии, а в неоспоримой тождественности изучаемых нами явлений.

Ученые, дующиеся на Психическое Общество, но не смеющие идти открыто против стольких собратий, явно презирающих спиритуализм и зовущие теософов «неолунатиками» (попросту сумасшедшими), объясняют свои враждебные чувства ко всему отвлеченному тем, что точные математические науки не принимают ничего на веру, отвергая существование всего, что не может быть проверено при помощи научных аппаратов, одним из наших пяти чувств и пр. и пр.

На это мы могли бы ответить многое. Мы могли бы, например, заметить им, что ведь принимают же они на веру эфир пространства, вещество, ускользающее от наблюдения нашими *чувствами*, гораздо более любого на сеансе духа. Но они положили верить в светоносный эфир, потому что никакие усилия их воображения не могли выработать ничего лучшего этой гипотезы, объясняющей явление света, а их научные заключения касательно этого самого «света» на основании физики? Давно ли они пришли к ним? Еле прошло несколько лет с того времени, как счастливая мысль, что свет и есть качество этого самого гипотетического эфира и зависит от его вибраций, озарила, их головы, но зато и перевернула вверх дном все их прежние атомистические теории о свете...

Мир состоит не из одних атомов, и сами ученые, как это всем известно, должны были определить материи второстепенное место, а силе, о которой они тоже ничего не знают — первое. Если ученые находят логичным и в гармонии с духом индуктивных наук верить в эфир пространства и в закон тяготения, зачисляя эти невидимые, неосязаемые вещества и силу в каталог естествознания, то почему же им этого не сделать и в отношении к душе человека? Но они отказываются допустить такую ересь, как душа, и отвертываются даже от *полу-*

материального призрака, который мы называем «двойником». Если обе вышеупомянутые гипотезы возникли вследствие длинного ряда вполне доказанных своим и неопровержимых научных фактов, обязанных открытием индуктивному способу, то ведь все-таки сами они, невзирая на все заключения, не более как гипотезы. Правильность заключения в силлогизме отнюдь не доказывает правильности первой посылки. Душа заявляла не менее эфира и тяготения свое присутствие и существование со времен первого человека; а двойник, как это доказывают 3000 констатированных Психическим Обществом явлений, заявляет себя не менее объективно, чем «лучистая материя», *четвертое* состояние материи, так недавно еще осмеянное господами учеными. Как эта материя может быть сделана *видимую для всех* лишь вследствие известных комбинаций газов и электричества, так и «двойник» может быть усматриваем только при известных психофизиологических условиях. Как бы там ни было, а если не удастся доказать, что, как все 3000 упомянутых случаев, так и показания спиритов, а вместе с ними и ученые наблюдения химика Крукса над двойником «Katie King» — один обман и галлюцинация, то ведь придется же *volens nolens* ученым признать и «привидениями».

Вследствие всего этого мы и говорим: если суровый закон индукции позволяет последователям *точных* наук, вследствие вибраций света до упавшего яблока, предполагать, а теперь и возводить на высоту непреложной истины существование, как эфира, так и закона тяготения, то почему бы им и не допустить, хотя бы тоже пока под видом гипотезы, не только «двойника», но и самую душу человека? Неужели проявления души менее очевидны, нежели эфир пространства и тяготение, а сама душа еще осязаемее или гипотетичнее последних? Если ученые имеют основание назначать светоносному, и для них все еще гипотетическому эфиру роль *физической души макрокосма* (нашей солнечной системы, или их мира), существование которой заявляется ее явлениями света, тепла и пр., то и мы имеем такое же, если не гораздо большее основание относить к существованию души, которая есть светоносный эфир *микрокосма*, или человека все наши так правильно названные «душевные» проявления...

Если нам на это возразят, что одно принадлежит физическому миру, а стало быть и подлежит точным наукам, а другое — к миру отвлеченностей и есть прямое достояние метафизики, не допускаемой материалистами в разряд их наук, то мы напомним ученым, что такое разделение есть дело их же умов. Но не природа, а они сами начертили такую разделяющую линию; да и начертили-то они ее, не имея на это ни основания, ни права. Разве они знают, что такое материя, что нематерия, позволяя себе так своевольно распоряжаться в области природы? Готовы ли они сказать нам, где кончается вещество и где начинается чисто духовная область, или даже то, что они теперь величают «силой», произнося это слово, как попугай, не понимая сами значения придуманного ими термина? Впрочем, пусть они называют вещи какими им угодно именами, но пусть только перестанут уверять публику, что их световой эфир, например, менее гипотетичен, нежели отвергаемая ими душа в человеке. Этим они только морочат добрых людей, подают им камень вместо хлеба и бросают их прямо в объятия грубого суеверия.

Когда благодаря усилиям более благоразумных и честных их собратьев реальность «двойника», или той внутренней и во всех нормальных проявлениях нашего повседневного существования невидимой оболочки души, в которую *мы* верим, станет доказанным в науке физиологии явлением, тогда все мы, вероятно, узнаем что-нибудь более о веществе этого призрака. Но до тех пор нам остается довольствоваться тем, что мы знаем (или *думаем*, что знаем, что опять-таки равняется положению ученых) об этом полуматериальном существе. Пока мы полагаем, что «двойник» есть *внутренняя* тень человека, отражающая его в свете души, как тень земная отражает его фигуру в свете солнечном *наружно*, что эта тень остается обыкновенно невидимой и неосознательной; но что вследствие душевного сотрясения или желанья, полного разгара страстей, большой опасности — эта тень может отделяться от физического тела и проявлять себя независимо от физических органов...

Вот что мы думаем теперь, несколько, впрочем, не называя, как это делают наши ученые, своих предположений и умозаключений последним словом *нашей* науки, как и не выставляя их непогрешимыми. Только следя за наукой и часто

весьма изумительными парадоксами ее избранных жрецов, мы чувствуем за собой такое же право, как и она, довольствоваться собственными выводами и утверждать, что наша гипотеза ничуть не слабее их собственных. Доказательством этому служит то, что они мечутся, как угорелые, между рогами созданных ими самими, и как мы это тотчас докажем, *совершенно* безвыходных дилемм.

Через несколько лет, когда такие случаи двойников и привидений станут доказанными в физиологии фактами, благодаря одному лагерю ученых, что тогда скажет другой лагерь, ярые материалисты? Какой отпор они придумают фактам? Как ответят они или объяснят то, что при их настоящем взгляде и успехах в биологии, откуда они изгоняют *все*, кроме протоплазмы, останется совершенно необъяснимым?

Заставить их включить душу человека в каталог ученых терминов, конечно, трудно. А вот «двойника» — так им наверно придется еще анализировать. Само собою разумеется, что они выйдут из затруднения, объявив, что «двойник» вовсе еще не доказывает бессмертия души, что если он и есть, то это лишь показывает, что на этой земле все-таки умирает только физическое тело человека, которое, быть может, и существует еще несколько времени в своем астральном или эфирном виде. Это, например, всякий биолог готов будет сделать, даже не отбрасывая своего чисто материалистического воззрения на человека, когда неведомое ему теперь (и поэтому считаемое им несуществующим, невозможным) станет ему известным, он признает его вполне возможным, даже совершенно естественным. Ввиду именно такой возможности мы и советуем ученым биологам приготовиться. Сделать это не трудно. Биологу только стоит сбросить с себя мантию непогрешимости, отрешиться от своего заносчивого *non tuussumus*, покаяться перед фактами и смириться перед неизбежным. Если ему так приятна мысль считать себя после смерти на одном уровне с дохлою крысой или замученною им на вивисекции собакой, то он может смириться и подчиниться, несколько не веруя для этого в бессмертный дух человека, а просто допуская, как сказано, продолжение его сознательной (или иначе) посмертной жизни в полуматериальной оболочке. Пусть биолог только покается, сознавшись, что он ровно ничего не знает о тайнах

жизни и смерти, и что он доселе отвергал то, о чем он положительно находился в таком же неведении, в каком находится всякий папуас касательно протоплазмы!..

Готов ли материалист на такое покаяние? Есть, впрочем, великие ученые, которые неоднократно заявляли всенародно свое невежество касательно первопричинности атома и даже самого его существования, например, Тиндаль, Конт, Бальфур Стюарт и даже сам великий Гексли. Но такие минуты героической честности не мешают остальным ученым и даже самому Гексли спекулировать на счет «жизненного принципа» и, зная еще так мало о физической машине человека, делать выводы и заключения о начале человека, о первобытном атоме, о жизненном принципе и тому подобных безделицах.

Нам кажется, что они сделали бы умнее, изучая все явления, все феномены жизни и смерти, не пренебрегая ни одним, даже из области самого глупого, по их мнению, суеверия. Если только единодушное показание достаточного числа свидетелей, разумных и беспристрастных, доказывает биологу-материалисту, что собранные факты о «двойниках» живых людей (и даже о *привидениях* умерших) не могут быть всегда объясняемы «случайностью» и «совпадением», то нам кажется, что прямая обязанность ученых исследовать даже *колдунов* и *привидения*. Посмотрим, однако, на чем основано их почти общее предубеждение против существования души и духа в человеке и, стало быть, против его *двойника*.

В заключение мы ставим биологам, именно тем, что отрицают *все* вне материи, прямой вопрос: что и сколько они знают, например, о жизненной силе или принципе? — Ответ нетруден: ровно ничего. Но они учат о нем, невзирая на свое невежество; и вот что именно учат:

Всем известно, что этот «принцип» — таинственный, загадочный, невидимый и неосязаемый, ускользающий от всех наблюдений точных наук, дается им пока в руки столько же, сколько *эликсир жизни*, над которым они еще до сих пор смеются, давался в руки средневековым алхимикам. Все так же хорошо знают, что их математики не успели открыть его в известных нам измерениях пространства; что их физики напрасно гонялись за ним в области ускользающих от них атомов; а химики не нашли его еще пока ни в одной из знакомых

им молекулярных комбинаций... Но такой неуспех весьма мало смущает их. Они прямо отвергают существование жизненной силы вне материи, или даже в относительной независимости от нее; и на наш вопрос: «Так где же она, что такое, наконец, этот пресловутый принцип по их мнению?» — отвечают нам, указывая на протоплазму!!

Биология, *наука жизни*, по нашему смиренному мнению, величайший парадокс современной науки. Это чванный апофеоз собственному невежеству, памятник мифу, на котором профессор Гексли и построил свою великую репутацию, объясняя протоплазмой все явления, как и все тайны жизни и смерти.

Взглянем, как ловко биологи объясняют нам этот вопрос. «Разве физика, — говорят они нам, — не *доказала* всему ученому миру, что во вселенной не существует *ничего*, кроме *материи в движении*; химия — что протоплазма именно и есть та материя, а биология — что жизненный принцип или *сила*, только один из способов или функций этого вездесущего божества материи в ее состоянии как *rerpetuum mobile*?»

Этот аргумент, повторяемый на все лады знаменитейшими учеными, напоминает нам логику великого русского мыслителя Козьмы Пруткова. Нашим изобретателям «химико-физической теории жизни», таким образом, и в голову не приходит вся нелепость сопоставления их «химико-физической теории жизни» с их двумя главными аксиомами отрицания, которые так диаметрально противоречат ей; а именно: 1) с теорией вечного движения и 2) теорией произвольного зарождения.

«Теория первая — они нас учат — *немыслима*, вторая — абсурд. Произвольное зарождение не было еще доказано наукой ни в одном случае».

Но что же такое их «космос материи в движении», как не прямое представление *вечного движения*? Разве это не *rerpetuum mobile* «глупых», по их мнению, поэтому и видевших глупые сны средневековых алхимиков? А их химико-физическая теория о жизни? Разве это не другое название для «произвольного зарождения», величаемого ими «абсурдом»?

Выходит, что наша современная наука просто-напросто села на мель. А сев, принялась выдумывать спасательные тео-

рни, затем и придумала фантастическую машину в вечном движении, без начала и без конца — машину, которая к тому же, видимо, изобрела сама себя и сама собою дала себе импульс; хотя ее способность движения без начала в вечности, то и время, когда был ею дан этот первый импульс, должен заставить математиков сильно призадуматься... Но в глазах науки это безделица. Коль скоро ученые открыли в бездонной пропасти своего молекулярного мозгового пространства такую машину, остальное не представляет никакого затруднения. Собрав ее по частям, наш ученый атеист представляет свою чудную, самоизобретенную «космос-машину» публике и просит поверить ему на слово, что она, вдобавок, снесла само-вылупляющееся же яичко...

У биологов это зовется «доказанным и неопровержимым фактом науки», последним плодом их древа познания. Тайна жизни открыта в этом запрещенном плоде, имя же ему — *протоплазма*. Это химическое вещество и есть — не угодно ли видеть? — доселе ускользавший от ученых-биологов «принцип» или жизненная сила: ergo, «жизнь есть свойство протоплазмы». И так это все просто и естественно, и мило, что нам остается лишь добродушно посмеяться над глупостью, как собственно, так и наших праотцев, бредивших о какой-то *душе*, *духе* и подобных *анти*-научных предметах. Так прокричим же ура! «Нет бога кроме протоплазмы, и Гексли пророк его!» Теперь нам остается только выдумать биометр для измерения кубического содержание *души* и духа, и современная наука может спокойно почтить на заслуженных лаврах...

Но что делает во время такого преподнесения ей атеистом самозарождающегося *космоса* образованная публика? Публика кланяется, умиляется и благодарит. На то и авторитет науки, чтобы держать профанов естествознания в повиновении и страхе. Публика тут уж ровно ничего не понимает; но чем менее она понимает, тем более растет ее уважение к науке. Так приказало-де начальство... Кому же лучше знать? Начальство запретило верить в факты, в «глас народа», в душу и бессмертие человека; ну вот те, что посмирнее и лезут в амбицию, туда же за грозною наукой, и слушают ее...

О, милая, легковерная публика! Как часто она нам напоминает шотландскую бабушку одного молодого моряка, кото-

рый, желая занять и развлечь ее, рассказывал ей о чудесах, виденных им во время кругосветного путешествия. Не успел внучек упомянуть ей о красивых летучих рыбах Красного моря, как старая леди гневно прервала его «непозволительную ложь»:

— Где же, когда и кем видано, чтобы сотворенная для плавания в воде рыба — летала!

Зато, когда круто свернув со столбовой дороги *фактов*, внук стал забавлять было рассвирепевшую бабушку описанием *виденного им самим острова кита*, проглотившего Иону, то набожная старушка, умилившись, заметила со слезами на глазах:

— Вот это совсем другое дело, мой дружок! Это факт всем хорошо известный... Как жаль, что ты не привез мне кусочек косточки кита на память!

Вообще всякая публика гораздо отплевываться от мошки, чтобы затем добровольно проглотить слона...

* * *

Наша оправдательная и защитительная речь кончена. Пусть решит беспристрастно читатель, что из двух составляет худший абсурд: вера ли в трансцендентальную в человеке силу, в медиумические явления и даже в колдунов, их двойников и чары, так как мы верим в них; или же вера в волшебный «космос-курицу», зародившийся в самом себе и вылупившийся из собственного им же снесенного яичка.

Мы приглашаем неверующих в Индию, особенно в Мадраское президентство, на «Голубые горы». Пусть они проживут там несколько месяцев и познакомятся с «загадочными племенами» Нильгири, главное, с муллу-курумбами. Пусть познакомятся со старожилками и войдут в их доверие, потому что иначе страх современной науки и публичного мнения зажмет рот даже старожилкам, с весьма малыми исключениями. А затем, вернувшись из Индии в Европу, пусть скептики отвергают, если могут, действительность колдовства и его чар...

Но «Голубые горы» представляют и кроме колдовства много заманчивого для путешественника. Когда настанет тот счастливый час, если ему когда-нибудь суждено настать, что наши друзья с туманных берегов «предательского», а потому

и вечно подозревающего Альбиона перестанут усматривать в каждом невинном русском путешественнике, начиная с ученого академика и кончая гетевтствующим жидом, опасного политического шпиона, то, быть может, и русские тогда начнут появляться чаще в Индии, нежели они появлялись до сей поры. Тогда заглянут вероятно и отечественные натуралисты в описанную нами горную Фиваиду. Мы совершенно уверены, что для этнолога, географа и филолога, не говоря ничего о психологах, наши «Голубые горы», или как их здесь зовут, Нильгирийские холмы, окажутся неисчерпаемым кладом для научных исследований каждого специалиста.

ДУРБАР ¹ В ЛАХОРЕ

(Из дневника русской)

Глава 1

Через Симлинские холмы в Кальку и Умбалу. — Санитарииумы Индии и чайная плантация индийского Цинциннати. — Сады Пинджора, Магараджи Путтиальского. — Колесницы-пытки. — Калька и счастливое семейство скорпионов. — Амритса и ее разнохарактерные народности.

Получив в Симле не то приглашение, не то благосклонное разрешение властей присутствовать на имевшем быть от 9 до 16 ноября 1880 года вице-королевском дурбаре, мы решились отправиться заранее в Лахор.

С 1864 года, когда состоялся дурбар, назначенный лордом (в те дни еще сэром) Джоном Лауренсом, известным в политическом мире своею «художественною политикою бездействия», по ироническому выражению ториев, которой теперь строго предписано держаться и новому вице-королю, маркизу Рипону — не было затем дурбара в Лахоре. Устроенный для формального представления вице-королю, еще мало привыкших с 1849 года к британскому господству и слишком часто о нем забывающих пенджабских властелинов, раджей и науабов,² со включением вечно подозреваемого в русской интриге магараджи Кашмирского, предстоящий дурбар обещал быть великолепным. К тому же нам хотелось побывать и на годовом празднике девалли в Амритсе, древнем гнезде сикхов...

Праздник *девалли* в буквальном переводе вышел бы праздником «Всех Святых», la Toussamt, или, точнее, «всех

---

¹ Дурбар — церемониальный и публичный прием. Кроме вице-королей, только некоторые из владетельных принцев Индии имеют право держать публичные дурбары.

² Пишется — pawab, а выговаривается «науаб»; слово, почему-то переделанное в Европе в набоб.

богов», так как *дева*, — божество, а не простой святой. Это самый высокаторжественный праздник в стране.

В ночь на девалли тратятся огромные суммы, заготавливаемые браминами в продолжение целого года; а муниципалитеты ассигнуют на торжество лаки¹ рупий. Все города, села, деревушки, даже дороги освещаются мириадами плошек, факелов и разноцветных фонарей в честь 333 миллионов национальных богов... Но Амритса, гнездо сикхизма,² великолепием своего освещения, дорогими фейерверками, а главное, прелестью своего залитого огнями Золотого Храма, отражающегося, как в чистом зеркале, в окружающем его озере, и другими затеями,— далеко оставляет за собой все прочие города Индии. На эту ночь съезжаются со всех концов страны под охраной своих британских дядек, политических резидентов, когда-то грозные потентаты Индии, как большие, так и малые. Европейцы же наводняют гостиницы, и, заняв лучшие места на иллюминации, великодушно позволяют туземным принцам стоять за спинками своих стульев. Правда, сикхи — строгие монотеисты. Но с 1489 года (год их отступничества от политеизма) они, видно, еще не успели до сей поры решить, который из 333 миллионов божеств индийского пантеона есть именно их единый бог, проповедуемый Панакой;³ поэтому они пока и продолжают чествовать одинаково всех богов. Осторожность никогда не мешает.

Решась по дороге в Лахор принять горячее приглашение наших друзей и союзников ариев⁴ и погостить у них в Амрит-

---

¹ Лак — сто тысяч рупий.

² *Амритса*, или *Амритсар* — укрепленный город Пенджаба, в полуторачасовой езде от Лахора, столицы Рунжит Синга, знаменитого в истории под именем Льва Пенджабского. Из незначительной деревушки Амритса, благодаря Золотому Храму на озере *Бессмертия*, построенному Рам Дасом, 4-м *Гуру* (духовным наставником) сикхов в 1581 году, храму, привлекающему пилигримов сотнями тысяч — сделался цветущим богатым городом. Здесь ткуются и продаются лучшие шали Индии, успешно соперничая в этом с Кашмиром и ведя оживленную торговлю козьим пухом с Бухарой.

³ Панак был основателем сикхизма.

⁴ Арин — последователи религиозного реформатора Свами, соперника знаменитого Чендер Сана пророка Бенгалии. Оба покрыли Индию *самаджам* (братскими общинами).

се, мы назначили днем нашего выезда из Симлы 21 октября, заблаговременно отправив наши вещи в долину с обычными вьючными животными Индии, кули. О народной нищете можно судить по ценам, запрашиваемым кули за перевозку тяжелых сундуков и багажа от Симлы до Кальки, т. е. 114 миль в два конца. Кто в России поверит, что мы наняли 12 человек, по два на тяжелый сундук, за десять рупий! Где в мире можно найти столь бедного рабочего, чтобы он согласился нести пешком с одной крутизны на другую сундук в несколько пудов, за 57 миль, и, вернувшись обратно, получить за это два шиллинга.

Итак, беспристрастно разделив при прощании искреннее сожаление между нашими добрыми друзьями англичанами и чудною прохладой диодоровых¹ и сосновых лесов, мы приготовились рано утром 21 октября в путь. Вследствие узких, чрезвычайно извилистых дорог, вернее, тропинок вдоль по карнизу несметных холмов и частых обвалов, в Симле запрещено ездить на экипажах. Один вице-король имеет право разъезжать на паре маленьких пони в крошечной колясочке; все же прочие смертные обязаны довольствоваться верховыми лошадьми или паланкинами, даже престарелые. Грузные леди отправляются с визитами и на балы верхом или в носилках. Поэтому, хотя почтовая станция отстоит от занимаемых английской колонией дач, разбросанных, как орлиные гнезда, по вершинам скал на 2000 с лишком футов вниз, нам пришлось отправляться — кому пешком, а кому в *джампане*. Не могу проститься с Симлой без того, чтобы не помянуть лихом и не описать этого *джампана*, придуманного, должно быть, инквизиторами. Это отвратительный паланкин, не то *chaise longue*, не то узкая люлька из парусины с четырьмя деревянными лапами, привешенными к двум толстым палкам и делающими ее похожею на привязанную вверх ногами лягушку. Взвалив это англо-китайское изобретение с обреченным на пытку седоком на плечи, от четырех до шести мускулистых здоровых *пагари* (племя горцев) начинают шагать вразброд, потрясая ношей словно кулем муки. Жертва, раз втиснутая в сиденье и плотно обтягиваемая парусиной люльки-лягушки, делается на все время перехода буквально беспомощною. *Пагари* (или *пах-*

---

¹ Диодор — гималайский кедр.

ри) кроме собственного, неизвестного остальному миру горского диалекта, ничего не понимают: кричи не кричи, для них все одно. Бесперывно перемещая с одного плеча на другое оглобли носилок, они встряхивают при этом люлькой, подбрасывают ее во все стороны, размахивая ею и словно угрожая ежеминутно вышвырнуть живую клажу в зияющую по обеим сторонам узкой крутой тропы бездну. К довершению этого эстетического удовольствия, вероятно, в надежде на прибавку бакшиша (они получают всего две анны или три пенса в день на человека) носильщики, или «джампани», как их здесь зовут, начинают кричать, стонать, а затем и громко рычать... Не останови их крихтения на первых порах, то вскоре весь лес застонет им в ответ. Англичане с ними в разговоры не пускаются а, стегая по голым спинам плетью, правят ими, как настоящими лошадьми. В моем же положении смиренной русской гостьи мне оставалось только молчать и терпеть.

Выплеснутая из адской люльки на пыльный двор станции, отряхнувшись, я присоединилась к партии знакомых, также оставявших в то утро Симлу. Здесь нас ожидала другая, не менее адская машина, изобретенная для горных путешествий. Почтовая дорога из Симлы в Кальку (57 миль) до того узка и извилиста, спуски столь круты, что еще три года назад не было другого средства ездить по старой дороге как верхом или на слонах. Но теперь построили новую, хотя и не лучшую, но более широкую дорогу. По ней, проскальзывая между идущими навстречу верблюдами и слонами, летит с быстротой молнии так называемая *тонга*. Это двухколесный экипаж, в котором двое сидят спинами к лошадям и, упираясь коленями в собственный подборок, а третий, ямщик, висит на лошадиных хвостах. В такой скорлупе, конечно, нет места для поклажи; поэтому, как я сказала, багаж заранее отправляют в долину. Вследствие постоянно осыпающихся стен от взорванных минами скал и какого-то особенного испепеляющегося в мельчайший порошок грунта дорога до того пыльна, что плотно облегающих глаза зеленых выпуклых очков и двойной вуали еле достаточно, чтобы не ослепнуть навеки, за эти несколько часов езды. Подымаясь шесть недель ранее на высоты Симлы, мы благоразумно выбрали «старую дорогу» в предпочтении новой или так называемой «Тибетской большой до-

роге», и были вполне награждены за три лишних дня путешествия. Но теперь мы спешили, и другого выбора нам не предстояло, разве ехать в закрытой арбе на волах...

Нас было тринадцать, а мест в шести тонгах всего на 12 пассажиров; и «чертова дюжина» действительно взяла свое. Кое-как рассадив прочих, мы втиснули трех худощавых англичан в шестую тонгу: на мою долю достался самый длинный из них, и его ноги, как он ни старался завивать их кренделем, постоянно торчали над задком экипажа. Наконец мы тронулись и полетели с одуряющею быстротой под гору... с первого же толчка я провалилась в нижний ящик сиденья, откуда уж и не вылезала до самой станции, всю дорогу проклиная тонгу.

Прощай, дорогая, вечнозеленая Симла!.. Чудный уголок, райское гнездышко, упавшее словно с неба среди дубрав Гималайских; прохладный Эдем, витающий над пеклом долин Индостана, прощай!.. Долго не видать мне твоих громадных сосен, елей, кедров, на кудрявых верхушках которых отдыхают гонимые ветром облака и подножие коих окутано целым лесом гигантского рододендрона... Вот вдали мелькнула большая гора, покрытая этим великаном-растением. Облитые горячими лучами утреннего солнца их ярко-пунцовые гроздья горят, словно повисшие на них птицы. Среди них белеет *Петергоф*, вице-королевская резиденция, а за горой виднеется длинный хребет снежных колоссов, один из средних рядов ступеней Гималаев. В последний раз пахнуло нам в лицо столь знакомым прохладным запахом сосны и тмина... Еще несколько поворотов, и мы очутились в непроницаемом облаке пыли. Оно упало тяжелою, душливой завесой между нами и Симлой...

Англичане чрезвычайно гордятся своею «Тибетскою» дорогой, воображая, быть может, что она и на самом деле поведет их когда-нибудь в Тибет, и называют ее образчиком инженерного искусства. Приходя в восторг при виде гранитных мостиков, перекинутых через горные потоки своих *sanitarium'ов*,¹ торчащих на разных холмах, они уверяют, что ничто не может сравниться с математическою точностью линий кар-

---

¹ Санитариумами здесь называют военные поселения для госпиталей, выбирая для этого самые здоровые местности на горах. Симла считается лучшим санитарием в Индии.

низа дороги, извивающейся пыльной лентой вокруг зеленых холмов. Один из мостков, впрочем, уже провалился под каким-то спешившим в Симлу сановником, убив невинного ямщика (судьба оставила сановника целым). Мой спутник страшно надоедал мне своими непрерывными восклицаниями восторга, и очень по-видимому озлобился на меня, когда увлекаемая, сознаюсь, более невыносимой тряской, нежели врожденным чистосердечием, я объявила ему из глубины своего ящика, что, откровенно говоря, его «Тибетская» дорога и в подметки-то не годится нашей «Военно-Грузинской» на Кавказе.

На расстоянии 57 миль мы переменили девять раз лошадей. На каждой станции эти ободранные клячи, предварительно вступив в бой с верблюдами, брыкались, угрожая сломать задние ноги о наши спины, а я снова и неминуемо проваливалась в свой ящик, и так до новой станции! От Симлы до Кальки по прямой линии не более 12 миль; а по извивающейся во все стороны, обвивающей каждый холм, словно лента на тирольской шляпе, дороге — 57 миль, как уже сказано. Можно же себе представить, сколько тонга делает поворотов и какие при быстроте такой езды необходимы предосторожности, чтобы не наткнуться при каждом новом изгибе на вереницу верблюдов или не въехать в кучу слонов. Во избежание подобной катастрофы, ямщики каждые две-три минуты трубят. Какофония уныло повторяется окрестным эхом и еле успевает замереть, как раздастся новая, услышав которую верблюды и слоны сторонятся заранее. Движение тонги было столь быстро, а сидение так низко от земли, что при одном из сильных толчков мой спутник, окруженный облаком пыли, вдруг словно волшебством исчез из моих глаз, очутившись среди дороги под хоботом у проходящего слона. По словам его, он заметил себя в этом непредвиденном положении только тогда, когда обронившая его тонга находилась уже почти за милю от него, а умный слон, приподняв его хоботом, подбросил к себе за ухо, чтобы не раздавить. Подобрал бедного бритта, мне хотелось у него спросить, включает ли он и тонгу в число существенных доказательств величия его родины вообще, и превосходства ее произведений над всеми произведениями остальных в мире стран, в частности? Но плачевный вид грязного лица и разорванное пальто сменили мой гнев на милость, и я,

как добрый самаритянин, предложила ему носовой платок для очистки физиономии.

Промчавшись со скоростью локомотива мимо Кири-Гата, большого замка на скале, вроде феодальных руин на Рейне, каких здесь множество, мы крутились по быстрому спуску вокруг горы. Раз пятнадцать древний замок то исчезал из виду, то снова являлся. А вот и знаменитый замок магараджи *Путьяллы*, горная резиденция вековой династии, последний представитель коей в настоящую минуту семилетний ребенок; а затем Солон, санитарium, ныне переполненный злополучными жертвами беконсфильдовской политики. Изувеченные на «ученой границе» Афганистана, они теперь переваривают полученный урок на более спокойной территории Раджи Бахотского, на владениях коего построены английские бараки и госпиталь. Эти любезные гости составляют далеко не приятную прибавку к народонаселению его светлости... Но злосчастный принц молчит и утешается разведением чая, как древний Цинциннати, который, впрочем, разводил не чай, а капусту, или нечто в этом роде. В Солоне при гласе трубном нас вышвырнули прямо на веранду *дак-бунгало*, попросту, почтового дома, где мы тотчас же приступили к завтраку, поданному по англо-индийскому неизменному шаблону: бараньи ребра из какой-то гуттаперчи и сухой рис наполовину с землей, сопровождаемый убийственным *карри*.¹ Наскоро законопатив рисом трещины, произведенные в наших желудках тряской, мы вгиснулись в наши тонги и помчались далее. Опять перепряжка, верблюды, брыканье и облака пыли... После четырех часов тряски — Дхурумпур на скате Куссовли... Сосны и ели тут встречаются все реже и реже, исчезают и величественные кедры, заменяясь вечным кактусом, темнолиственным манго, раскидистым нипалом и, наконец, пальмой. Тропическая растительность входит в свои права и в Кальке уже совершенно заменяет северную...

Городок Калька, 2400 футов над уровнем моря, стало быть, на 6000 футов ниже Симлы, состоит из двух десятков домов, телеграфной станции и двух отелей. В прежние годы, до занятия англичанами Пенджаба, то была деревня у ворот поместья.

---

¹ *Карри* — соус из всевозможных пряностей, главное в нем красный перец; туземцы глотают ложками то, чего европеец не мог бы и попробовать, не рискуя задохнуться.

принадлежащего магарадже Путьяллы; поместья, знаменитого своим великолепным парком. Сады Пинджора, обрамленные высотами Севаликского хребта, и теперь посещаются многими туристами. Разбитые еще при императоре Акбаре одним из его владетельных науабов, эти сады, составляющие целый парк, считаются самым великолепным местом в северной Индии, не исключая даже Шалимарского сада в Лахоре, где Рунджим-Синг держал дурбары во время своего царствования и где они назначаются и теперь для вице-королей.

К великому счастью моему вместо тонги нам дали на другое утро четырехколесную широкую *дак-гари* (почтовую карету). До Умбалы, где мы, наконец, добрались до железной дороги, путь довольно отлогий, и за исключением нескольких переправ через бурные и опасные, но осенью засыхающие потоки, — широкий и ровный. Почтовая карета есть выкрашенный четырехугольный ящик на четырех колесах, без сиденья. На полу такого ящика настиляется постель проезжего, а коли таковой не имеется, то путешественник остается на грязных досках. Трясет она не хуже телеги, а в нашей карете вдобавок к собственным ее прелестям мы нашли гнездо скорпионов: почтенную родительницу с двумя дюжинами скорпионят на спине, отца, снох и прочих членов семейства. Я чуть было на них не села. Ямщик *джаин* упрашивал меня не предавать их лютой смерти. У него, видите ли, умерло несколько детей в этот год, и кто знает! Быть может, они все трансигрировали в это интересное семейство... В пропорцию с родными горами, скорпионы имели по полтора и по два вершка в длину, и нам пришлось ждать, пока набожный джаин, осторожно загребая их на пальмовый лист, не перенес их всех на опушку леса... Приехав в Умбалу, отстоящую всего на 38 миль от Кальки, в полдень, нам чуть не сделалось дурно от жары. Тридцать градусов в тени в конце октября!

Умбала — столица куска британской территории, отнятой англичанами под каким-то предлогом от страны, называемой Сирхиндом и принадлежащей владельцам Путьяллы. Это большой укрепленный город, с крепостью на северно-восточной стороне его и с лагерем, расположенным у подножия крепости. Укрываясь от зноя в темной комнате, мы ничего не видали, да и нечего было осматривать. Вечером мы сели в вагон и на другое утро проснулись в Амритсаре.

Весь дебаркадер был полон арийцами и сикхами, пришедшими встречать «братьев американцев» с должными *намасте*.¹ Их было человек двести. Странное и живописное зрелище представляла эта почтенная гвардия, которой позавидовал бы не один из маленьких немецких князьков. Гвардия, обезоруженная, правда, но в таких невиданных фантастических и богатых костюмах, что можно было залюбоваться на нее и не одному артисту. Что за молодцы, эти brave сикхи! Колоссы, кажущиеся еще огромнее от необъятных белоснежных тюрбанов (точно свалившаяся с Гималаев снежная глыба), покрывающих их длинные густые волосы и коричневые лица, которые несравненно бледнее, впрочем, лиц центральной, а особенно южной Индии. Здесь вы не увидите голый натуры, прикрытой верхком грязного миткаля вместо виноградного листка, даже на самом бедном кули. Пенджабцы носят белые панталоны в обтяжку вроде трико; богатые — дорогие кисейные и вышитые рубашки поверх панталон; бедные — простые миткалевые. Первые отличаются шитыми золотом и разноцветными шелками, кашемировыми, парчовыми и глазетовыми кафтанами, часто на дорогих мехах; но все, богатые, как и бедные, украшены необъятными и самого разнообразного вида тюрбанами. У иных до ста аршин кисеи на голове!

У дебаркадера мы нашли ожидавшую нас прекрасную коляску; и вот, сопровождаемые этою пестрой ватагой, под перестрелкой насмешливых взглядов знакомых по Симле англичан, мы поехали в приготовленный для нашего приема загородный дом, принадлежащий президенту местной Арья-Самадж Мульрадж-Сингу, очень богатому сикху.

Дом этот — обширная прекрасная дача среди тенистого большого сада, меблированная совершенно по-европейски и со всем современным комфортом. Еле успев переменить платье и очиститься от дороги и даже не успев закусить, нам пришлось тут же, нежданно и негаданно, держать свой дурбар. В это одно утро и до пяти вечера мы познакомились с большим числом национальностей, рас, сект и разношерстных религиозных корпораций, нежели за последние полтора года, проведенные нами в Южной и Центральной Индии. Пенджабы, индусы из Бенаре-

---

¹ *Намасте* — санскритское приветствие, введенное современными реформаторами вместо мусульманского обычного «салам».

са, сикхи, джатты, раджпуты, патаны, гурки, кашмирцы приходили и уходили целыми веренищами. Сложив руки ладонями на груди, затем на лбу, они кланялись и тихо садились полукругом на ковре перед нашими двумя креслами. Каждая из этих пестрых живых гирлянд устремляла на нас почтительно любопытный взор и в глубоком молчании ожидала первого вопроса... После первого (к какой школе философии или секте каждый из них принадлежал) тотчас же начинался общий разговор о метафизических предметах. С любопытством слушали они нашу, часто смущенную, критику на их невообразимо странные, всегда самые неожиданные парадоксальные выводы. Чаще всего нам приходилось признавать себя побежденными и retirоваться.

Страсть к мистическому самоуглублению и метафизическим мечтаниям — самая общая черта индусов от Гималаев до Кумари. Что бы он ни делал, к какому бы сословию он ни принадлежал, как только у индуса появляется свободная минута, он садится на корточки и погружается в мечтание, или, скорее, в самосозерцание; а в случае, если есть собеседник под рукой — в метафизический диспут. Но да не подумает читатель, что эта религиозность опирается на догматы или вытекает из какой-либо из установленных сект и школ. И те, и другие служат мечтателям лишь канвой, по которой каждый из них вышивает в продолжение целой жизни самые фантастические узоры. Выпуская постепенно из неведомой глубины органов мышления тонкую паутину собственных умозаключений о самых трудных, неразрешимых мировых вопросах, они, наконец, так опутывают себя этою самотканною сетью, что, будучи не в состоянии вылезти из нее, только жужжат в ней, как пойманная муха. У них есть почти всегда гуру, духовный учитель, выбранный из таких же опутанных самодельною паутиной мух, как и сам он, только старше и учение его. И первый будет молиться на второго до его смерти; а после смерти отдаст ему все последние почести: по всем правилам касты сожжет тело учителя, похоронит пепел где-нибудь у себя в саду, и утром и вечером станет разговаривать со своим гуру, сперва мысленно, под влиянием мистического чувства, а затем и громко, излагая свою новую систему. Возле него станут собираться соседи, сядут на корточки и будут слушать. Затем мало-помалу припишутся к его школе и станут по ве-

черам вместе впадать в религиозный экстаз. Страсть к богословским диспутам породила и продолжает порождать бесчисленные секты, школы и религиозные братства, особенно последние. Отчасти способствуют этому и протестантские миссионеры, особенно американские. Проводя большую часть времени на площадях и базарах, эти ревностные, но далеко не образованные просветители язычества, не теряют случая вступить в полемику, но редко удачно. Под перекрестным огнем вопросов о хронологии мира, о мироздании, об отношении божества к смертным и особенно о будущности и существовании души человеческой, не будучи в состоянии бороться со своею упитанною метафизическою мудростью аудиторией, миссионеры начинают постепенно терять терпение, а под конец обыкновенно раздражаются бранью над местными богами и угрозами пекла. За этим иногда идут жалобы в суд, но обыкновенно новый импульс — соединяться против общего врага: *падри*, и вследствие этого новое языческое братство...

В день нашего приезда мы заседали на нашем дурбаре до пяти часов вечера. Огромные деревья тенистого сада не допускали смиренных лучей октябрьского солнца слишком беспокоить нас, но зато целые стаи блестящих попугаев, бесстрашно влетающих и вылетающих через открытые двери веранды, оглушали нас трескотней своих, далеко не метафизических, птичьих криков. Наконец, последняя вереница мистиков удалась, попугаи стали прятаться в тенистой листве манго, а мы отправились к Золотому Храму, на озеро Бессмертия.

Глава 2

Сикхизм и цари-гуру. — Посещение Золотого Храма. — Чудодявленный фонтан. — Мы делаемся «бессмертными». — Базар Амритсы и сетования его жителей. — Мнение англичан о господстве англичан. — Черный город и кантонементы. — Иллюминация девалли. — 92 кука, выпаленных из пушки.

Имя *Амритсар* происходит от санскритских слов: *А* — частица отрицания, *мрит* — смерть и *сар* — источник, в целом — «источник бессмертия». Имя это дано сначала не городу, а

талао, или озеру, посреди хрустальных вод которого, как бы вечно любуясь собственным отражением, возвышается Золотой Храм, выстроенный Рам-Дассом, четвертым гуру или царем-учителем сикхов в 1581 году. Начиная от Нанака, основателя сикхизма, таких царей-гуру (Раджа-гуру) у них было десять. Секта, основанная учителем при помощи полудюжины учеников-апостолов в XVI столетии, окрепла и разрослась. В XIX — она явилась англичанам разбросанною от Делли до Пешавера и от песчаных пустынь Синда до Каракорумских гор, далеко за Кашмиром. История Сикхского царства, о котором так мало известно в Европе, что падение его в 1849 году почти не остановило на себе внимания печати, весьма интересна и может быть бегло обрисована в нескольких словах: безустанная борьба с могущественными в те времена моголами в Индии, борьба не на живот, а на смерть, где против одного сикха было десять мусульман. Так длилось, с небольшими промежутками, до первой половины настоящего столетия, когда англичане помирили и моголов и сикхов, приготовив им одну и ту же участь: сделаться английскими вассалами. Преемником основателя сикхизма явился некто Унгуд, учением которого, со слов Нанака, начинается *Гранфа* (священное писание сикхов), а за ним наследовал духовный престол его ученик Уммер Дасс. Он первый осмелился пойти против авторитета законоведов и грозно восстал против бесчеловечного обычая «сутти» — самосожжения вдов на кострах мужей, повелев начертать над входом к *гаттам* (место сожжения трупов) следующую надпись, в виде предостережения: «Истинная сутти (самосожженица) та, которую пожирает не пламя костра, а тихая, хотя и вечная, скорбь по умершему; скорбь, коей следует искать утешения и прибежища лишь в одном Господе Боге». Ему наследовал Рам Дасс, строитель Золотого Храма. Сам город 400 лет назад был известен под именем Чак. Когда, вырыв озеро, Рам Дасс обстроил его множеством небольших храмов, то он назвал это место Рам Даспур. Он назначил себе преемником сына своего Арджуна. Как философ последний был великим любимцем императора Акбара, но в 1577 году, некто Чунду-Хан, один из подвластных халифу сирдарей из зависти оклеветал его. Тогда Арджуна, по подозрению в измене, был посажен в тюрьму, где и умер в 1606 го-

ду, если верить моголам. Но сикхи рассказывают иное. По их преданию, царь-учитель, получив позволение искупаться в протекающем по двору темницы ручье, внезапно исчез из глаз двух приставленных к нему часовых, перенесенный на небо. Сын и наследник его гуру Говинд, оставшись после отца одиннадцатилетним мальчиком, поклялся отомстить моголам за смерть отца, и сдержал слово. Он начал с того, что собственноручно убил Чунда-Шаха, предавшего Арджуну врагам, а затем убежал за Гималаи, в пустыню, учиться *маха-видье* (великой науке, магии). Вернувшись через несколько лет уже молодым человеком, он объявил войну всем мусульманам, заставив верных сикхов¹ своих поклясться: раз обнажив меч, не возвращать его в ножны, пока острое лезвие каждого не отправит на тот свет по меньшей мере трех моголов. Много побил он собственноручно сынов пророка. Его меч, — по уверению автора «Дабистана», — был заколдован. Им он убил, разрубив пополам, Пайенда-Хана, а когда один из телохранителей последнего бросился, как безумный, на гуру-воина с обнаженным мечом и ударил его изо всей силы, то Говинд, ловко отпарировав удар, хладнокровно заметил нападающему: «С мечом обращаются не так, а вот так», и с этими словами умертвил его самого. Этот подвиг навел Мохсура-Фани, автора «Дабистана» и личного друга Говинда, на следующий курьезный вывод: «Сие изречение, — говорит он, — ясно доказывает, что великий гуру Говинд убивал мусульман не во гневе, а лишь с целью учить их, как следует обращаться с оружием; ибо первая обязанность каждого гуру (учителя) поучать».² Защита довольно оригинальная...

Сикхи уверены, что в тело каждого из венчанных гуру входит душа основателя учения Нанак, которая и руководит гуру до смерти. Говинд подписывался на всех документах: «Нанак, на земле Говинд», как то свидетельствуют его переписка с автором «Дабистана» и письма к могольским императорам. Говинд умер в 1645 году, и церемония телосожжения его сопровождалась дикими сценами фанатизма. Несколько обращенных в сикхизм раджупатов побросались за телом в огонь, и много других последовало бы их примеру, если бы не

---

¹ Слово «сикх» в переводе означает «ученик».

² «Dabistan» II, p. 275.

гуру Гар-Рай, преемник Говинда, положивший конец этому самоистреблению. Гуркишен, восьмой царь-учитель, умер в юности. Девятый, Тег-Багадур, до того побивал мусульман, что наконец император Аурангзеб послал против него целую армию. Им овладели хитростью и отрубили ему голову в Делли. Его сын, пятнадцатилетний Говинд II, последний из царей-учителей, был самый замечательный из них. Горя желанием отомстить за позорную смерть отца, он решился совершенно преобразовать сикхов и сделать из них сущих спартанцев. Среди могущественного царства моголов он задался целью уничтожить до последнего могола. Окруженный общественной деморализацией, изуверством и религиозным суеверием, он поклялся направить умы своих сикхов к одной религиозной идее: к единобожию; к одной цели — образованию великого сикхского царства.

Он верил, что им управляет не Нанак, а сам единый Бог. «Моя бесплотная душа, — говорил он в своей «Священной биографии»¹ — отдыхает в бездейственном блаженстве, погруженная в непрерывное созерцание Единого, в то время как посланник Господа — бессмертный дух Нанака, передает вам (ученикам) слова и заповеди, начертанные перед ним огненными буквами и перстом Того, кто есть светильня мира». «Напрасно, — говорил он далее, — нисходили на землю от начала мира *Деитьи* (воплощения божества), дабы поучать человечество об единстве Божиим... Люди зрят Бога не иначе как через оскверненные сосуды в образе тварей Его, людей. Так, забыв *Ишвара* (Господа), индусы поклоняются Шиве, Бrame и Вишну, а Магомет, поучая своих сынов об Аллахе, учил их между тем произносить одно свое скверное имя в молитвах ко Всевышнему» и т. д. Но он, Говинд, послан теперь восстановить истину. «Хотя я и посланник Божий, — добавляет он, — но все же я не более как простой смертный раб Всевышнего, и горе тому, кто осмелится боготворить меня, червя земного!.. Тот будет гореть в огне страдания целые веч-

---

¹ Каждый из десяти царей-учителей сикхов написал более или менее обширную книгу, наполненную религиозными учениями, заповедями и проповедями. Эти десять книг и составляют их священное писание, известное под именем Гранфы. Книга Говинда II называется «Вышир Напук» — «Чудодейный рассказ».

ности... Бога невозможно найти в одних писаниях и церемониях. Он живет в сердце человека и познаваем лишь в смиренности и искренности внутренней молитвы».

Изданные им новые законы были единодушно приняты сикхами и теперь составляют догматы этой секты, мало напоминающие учение Нанака. Учение кротости перешло постепенно в боготворение родины как собрания сикхов, «избранных Божиих», и в религию, известную под названием *кальзы*, в буквальном переводе «земля спасенных или освобожденных от греха»; *джихад*, священная война магометан — не более как фейерверк в сравнении с пожаром, производимым между сикхами одним словом *польза*. Во имя кальзы от большого до малого, от женщины до дитяти, каждое живое человеческое существо в земле «бессмертных» подымается против врага, и будь сикхи многочисленнее, несдобровать бы тем, кто бы пожелал завладеть ими. Законы или догматы, изданные Говиндом, следующие: Бог есть дух, но хотя Его дух всемирный, он сходит на землю только, чтобы осеять сикхов, и Его присутствие нигде не заявляется Им, кроме одной кальзы; невзирая, однако на это отсутствие Бога, «все народы должны стремиться к составлению единого», т. е. должны сделаться сикхами, все, кроме «магометан, которых следует систематически и неустанно истреблять, оскверняя даже могилы их праотцев и святых». Низшие касты должно считать наравне с высшими, «ибо мы все равны перед природой». «Тройной шнурок браминов следует разорвать; и сикхи должны считать спасение души возможным лишь посредством кальзы, ожидая *пахул* (т. е. посвящения в таинства сикхизма) от одних последователей Говинда-гуру». Озеро Бессмертия и храм доступны всем кастам и сектам индусов. Воды «Озера Бессмертия» одни сулят жизнь вечную. Все сикхи должны именоваться сингами (львами). Все должны быть освящены водой,¹ носить длинные волосы, не поклоняться никому, кроме Бога и его Гранфы, не расставаться с оружием, всегда драться с мусульманами и посвящать всю жизнь и энергию стали и пр. и пр. Сикх, следующий вышесказанным законам, *сутча падиша* — «настоящий царь».

---

¹ При посвящении или обращении будущего сикха окропляют священной водой из озера уже посвященных адептов.

Победив все препятствия суеверия и касты, основав кальзу и унизив браминов и магометан, Говинд-гуру отправился драться и побивать моголов. Сиважди, махратский герой, положивший конец династии Тимура и могуществу могольской империи, нашел в нем друга и союзника. Вдвоем они разбивали злополучных сынов пророка, истребляя их тысячами; но пришел и Говинду конец. В 1708 году, в Нудере, на берегах Годавери, во время сна, в собственной его палатке рука убийцы поразила его. Но совершилось чудо. Со смертельной раной в груди Говинд-гуру, приподнявшись, в ответ впавшим в уныние сикхам, вопрошающим его, кто же поведет их после него по пути к спасению, сказал следующее: «Смиритесь и уповайте на Господа, предаю кальзу в Его руки. Тот, кто желает видеться и иметь беседу со мной, да ищет меня в гранфе Нанака. Я ваш гуру, пребуду навсегда с вами в кальзе; будьте тверды и верны долгу: где бы ни собралось пять сикхов вместе, там буду я с ними!» И он упал мертвым. Умерев на несколько часов, он ожил и его повели на Озеро Бессмертия, где он прожил еще несколько месяцев. Там, невзирая на кучу часовых, *акали*, он был снова убит ночью в своей башне.

Учение Говинда разделило сикхов на две секты. Первые — безусловные последователи Нанака — называют себя *калазами*. Они не бьют скота, не едят мяса, не употребляют спиртных напитков и не курят; проливать чью бы то ни было кровь считается у них грехом; они проводят дни в молитве и ежедневно исповедуются перед закатом солнца друг перед другом в своих грехах. Вторые, *синги*, ученики Говинда-гуру, бесстрашные воины, гроза и ужас афганов. К их числу принадлежат *акали*, или *нихунчи*, т. е. «воины Божии» и «бессмертные». Их должность: охранять днем и ночью храм, где сидит постоянно их Маха-гуру, *великий учитель*, увы, ныне номинальный! Этих *акали* 600 человек, и в народе их зовут «сипаи храма». Встреча с одним из них, как с неприятелем, вещь довольно опасная, так как эти *бессмертные* всегда ходят тяжело вооруженными, часто с мечом в каждой руке, с двумя острыми саблями за поясом, с кремневым ружьем за спиной и несколькими кинжалами. Со времени английского господства им уже не позволено ходить по улицам в таком вооружении; но зато самое страшное и опасное, хотя с первого раза не бро-

сающееся в глаза оружие им оставлено: иначе произошел бы мятеж. Оружие это — стальной пояс и такой же острый, пилообразный (с внутренней стороны) тройной круг, обвивающий гигантским штопором синий тюрбан «божьего воина». Этот круг от шести до восьми вершков в диаметре, страшно заостренный и выточенный, они бросали во врага с ужасающей ловкостью. Еще живы англичане, видевшие, как со страшным криком и словами: «*Vai gurudjisi! Kaфатт!*» (победа нашему владыке гуру!), бросив такой круг во врага, они мгновенно отсекали ему голову, а иногда обе ноги у лошади и даже у боевых слонов! ¹ Рунджит Синг, кривоглазый старый лев и предпоследний магараджа Пенджаба, высоко чтит их храбрость. Его «бессмертные» творили чудеса храбрости, и раз в стычке с афганцами эти шестьсот удальцов отсекли головы 2000 своих наследственных врагов. Теперь они присмирили и очень тоскуют по прежней боевой жизни, часто посылая делегации англичанам, прося вести их против ненавистных кабульцев. Почему правительство не воспользовалось их услугами в последнюю войну в Кабуле, непонятно... Кажется, просто боялись пробудить в сикхах засыпающую в них прежнюю удаль.

Теперь, правда, все изменилось. Поляны Аттока и Пешавера не служат более убежищем носорогам, за которыми так любили охотиться могольские императоры, и за которыми, в свою очередь, охотились сикхи. Долины Верхней Индии, где брамины и кшатрии (воины) выработали постепенно такую своеобразную цивилизацию, страна, успевавшая постоянно отражать нападения всевозможных народностей от скифов до персов, и от моголов до афган, со времен Дария и Александра до эпохи Бабура и Магомета, эта страна пала, наконец... Там, где паслись носороги, теперь гремят поезда железной дороги!..

Сикхи — еще юные, свежие энтузиасты. Ни один сикх, кроме детей и некоторых женщин, не переходил еще ни в магометанство, ни в брахманизм, ни даже, невзирая на все старания миссионеров, в христианство. Ради кальзы они на все пойдут, на все решатся... Но и их законы, под влиянием западного воспитания, начинают колебаться. Они все еще пи-

---

¹ См., между прочим, «History of the Sikhs» by Cap. Canningham. Автор жил с ними долгие годы.

тают ненависть к «сынам лживого пророка», но уже некоторые из них вступают с бывшими непримиримыми врагами своими в коммерческие компании, и они научились уже пьянству от своих новых правителей. Зато они гордятся пуще прежнего своим названием *сикхов*: омывают на заре все грехи свои в озере Бессмертия и поклоняются также горячо, как и прежде Гранфе. Их уважение к Нанаку столь велико, что даже теперь они почти боготворят некоего Баба Кхейн-Синга только потому, что он прямой 16-й потомок основателя сикхизма. Этот отвратительный *баба́* (отец) тунеядствует в Равуль-Пинде, окруженный поклонением тысяч приносящих ему добровольные приношения свыше двух лак рупий (200 тысяч) в год. Против обычая и даже закона сикхов у этого святого мужа, кроме жены, еще целый гарем, а приношения своих ревностных, но далеко не разумных почитателей он тратит с английскими чиновниками, резидентами и коллекторами на безумные празднества, охоту и пьянство.

Едва мы подъехали к кварталу Храма, как были встречены на площади нашим старым приятелем и знакомым Рам Дассом, которого уже встречали в Бауге и который едва не сделался вместе со мной жертвой миазмов в пещерах этого имени.¹ Он был сильно обрадован свиданием, и тут же на радостях и в знак своей власти показал кулак проходившему мимо мусульманину. «Божий воин» казался еще громаднее в своем официальном тюрбане. Он тотчас же вызвался провожать нас и показать все отделения храма, до самых потайных уголков. Когда мы вошли в просторный, выложенный разноцветным мрамором двор, солнце уже садилось, и Золотой Храм сиял, весь залитый горячими лучами, словно волшебное, не сего мира видение...

В этом первом дворе нас заставили снять обувь и заменили ее какими-то войлочными лаптями. Затем, сойдя несколько ступеней вниз, мы ступили на мраморную, блестящую и скользкую, как стекло, набережную, и перед нашими глазами предстало, во всей своей величавой прелести, озеро и среди оного — Золотой Храм...

Это озеро — квадратный, в 150 шагов в каждую сторону резервуар с чистою, как горный хрусталь, водой. Белоснеж-

---

¹ См. «Письма из пещер и дебрей Индостана».

ные Мраморные ступени ведут к воде с каждой стороны, заканчивая такую же квадратную мраморную набережную, которая обрамляет со всех сторон резервуар. Огромный сквер наглухо обстроен белыми дворцами из того же отшлифованного чистого мрамора. Каждый из этих дворцов выстроен одним из многочисленных раджей сикхов и, составляя его собственностью, представлен, однако, в распоряжение Маха-гуру и его «бессмертным», которые пускают жить в них разных пилигримов. С их висящими, вырезными балкончиками, портиками и террасами, эти жилища придают много красоты и поэзии «священному скверу». Заглушая городской шум, по вечерам этот сквер является прелестнейшим в мире уголком для отдыха. Между дворцами и озером растут тенистые, чудные деревья. Каждое из них посажено одним из знаменитых своєю щедростью сикхом-благотворителем, носит его имя, окружено мраморными широкими ступенями для отдыха пилигримов, и почти под каждым погребен пепел самого хозяина. Одно из них было посажено самим Говиндом-гуру и пользуется особенными почестями и заботами священнослужителей.

Пройдя половину набережной, ступая по которой в моих неуклюжих лаптях, я несколько раз чуть не свалилась, мы вошли в другой, еще более обширный двор, на одном конце которого возвышалось высокое, трехэтажное сквозное здание; а на другом — крытые ворота, ведущие через длинный мраморный мост, с прелестно вырезанными, ажурными и покрытыми мозаикой перилами, к Золотому Храму, выстроенному в самом центре озера. Первое здание — *бхунга*, или дворец акали, все три веранды которого были в то время наполнены «бессмертными». Бхунга построена в азиатском вкусе. Из нее, на каком бы из этажей не находились «божьи воины» могут наблюдать за храмом, где, словно живой идол, сидит по целым дням и ночам их Маха-гуру. Здесь во втором этаже находится келья гуру Говинда, висят его боевые доспехи и журчит фонтан, чудесно появившийся из мраморного пола в ночь его убиения. Это и есть фонтан «бессмертия». Согласно легенде сикхов, мусульмане, особенно кабульцы, напустили в ту ночь дурман на «божьих воинов», так что все акали, вместо того, чтобы поочередно охранять своего без того уже раненого гуру, уснули мертвым сном. В это время подкравшиеся кабуль-

цы убили на этот раз *pour de bon* святого воина, отправившего собственноручно столько их братьев в преисподнюю. Чудо воскресения не повторилось: *non bis in idem*. Пробудившись от волшебного сна, бедные «бессмертные» (бывшие в те времена, впрочем, еще простыми смертными) нашли своего духовного вождя с перерезанным горлом, а у головы его высоко бивший под потолок фонтан самой чистой студеной воды с надписью: «Каждый из верных сикхов моих (учеников), напившись этой воды во имя мое, делается бессмертным, минуя благополучно все трансмиграции и получив полное отпущение грехов».

Поглазев на эту надпись на стене кельи, — она на диалекте *сурмукки* — мы, естественно, попросили напиться из чудного фонтана и разом почувствовали себя бессмертными...

К нашему удивлению, за приобретенное бессмертие с нас не взяли ни полушки, и наш старый приятель акали даже обиделся, когда мы ему намекнули о пожертвовании, и отвечал, что они не берут платы от «братьев». Затем мы осматривали и прочие части бхунги. Там в великолепном киоте хранятся мечи всех гуру-воинов и показываются их другие доспехи. В верхнем этаже — богато разукрашенный алтарь, куда вносят на ночь обе Гранфы, где они и запираются. Каждая в особенно отведенной для нее и охраняемой акали комнате. Гранфы покоятся до зари на густом ложе из роз и других цветов. Перед бхунгой на площадке — мраморный помост, верх красоты и вкуса; на нем купель, из которой омываются от грехов сикхи под звуки целый день играющей инструментальной музыки и священного пения. Двор был наполнен молящимися всех национальностей и сект. Сикхи до сей поры равно уважают все вероисповедания и допускают всякого сектанта, за исключением магометанина, молиться в Золотом Храме. Поэтому на девалли Амритсара и стекаются пилигримы самых противоположных верований. Здесь вы увидите и поклонника Вишну, бьющего лбом о ступени храма, и старого шаиву, зрящего в куполообразном храме эмблему своего Шивы, и ведантиста, и буддиста, и многобожника гурка, и даже чертопоклонника джатта...

Пройдя мраморный мост со сквозными перилами, которые были покрыты в эту минуту густыми шпалерами одетых в

собственную кожу факиров, *сатъяси* в желто-оранжевых балахонах и шиньонах, да *кук*¹ с Сухаревой башней белой кисеи на голове и в узких юбках, мы дошли, наконец, до Златоглавой пагоды. Словно Венера вынырнувшая из пены морской, предстала перед нами эта красавица Индии, не знающая себе соперников, кроме магометанских Тадж-Махала в Агре да Моти-Месжиб (Жемчужной мечети) в Дели. Стены ее до двух третей из чистого, превосходно отшлифованного белого мрамора ярко вызолочены под террасами, и золотые купола группируются в центре квадрата, на каждом углу которого возвышается высокая, расписанная, словно пасхальное яйцо, башня. С трех сторон храм окружен глубоким озером, с четвертой — мостом, ведущим к бхунге акали. Вода находится почти в уровень со второю ступенью каждой из трех дверей портика: с этих ступеней сикхи, словно лягушки, прыгают целый день в озеро, а вынырнув — ложатся на мокрую верхнюю ступень и сушатся на солнце в ожидании бессмертия. С трогательным гостеприимством нам было предложено погрузиться в озеро, в чем были, а затем высушиться таким же манером. Но полагая себя достаточно бессмертными, вкусив воды источника, мы отказались.

Храм не велик, но чрезвычайно изящен по своей внутренней отделке, а главное — факт необычайный в Индии — содержится в большой чистоте. Войдя в главную дверь, мы очутились нос к носу с великим жрецом сикхов. Древний старец с седою, как лунь, бородой сидел на богатых подушках под огромным голубым бархатным, вышитым золотом балдахинном и, по-видимому, прилежно читал Гранфу. Говорю: по-видимому, так как, подойдя ближе, мы увидели над съехавшими на конец крючковатого носа очками закрытые глаза и услышали громкое сопение, прорывающееся даже среди гула многих голосов, усердно бормотавших вокруг него молитвы. Маха-гуру спал сном праведных и так крепко, что даже не проснулся, когда наш друг акали почтительно стал шарить между его поджарыми коленками, выбирая для нас несколько самых пышных роз из целого вороха рассыпанных под ним цветов. Нас известили, что он не спит, а блаженствует в са-

---

¹ Куки — тайная политическая секта сикхов, весьма враждебная англичанам.

мадхи, то есть находится в том религиозно-летаргическом состоянии, во время которого высшая душа человека (атман), отделяясь от тела, отправляется по делам духовной службы в мировые пространства, а брeнная плоть оставляется на земле под охраной «животной души» (жив-атма). Видно, «животная» хозяйка спешила воспользоваться своими временными правами, так как в минуту нашего появления она сильно заявляла о своем присутствии. После одного громоподобного всхрапа, древний старец, ткнувшись в последний раз носом в Гранфу, вдруг открыл помутившиеся от сна глаза и, открыв беззубый рот, с изумлением вперил в нас взор, как бы ожидая объяснений. Они не замедлили: наш услужливый акали немедля рекомендовал нас под именем «братьев из Наталла».¹ Это повсеместное в Индии наименование Америки, вследствие своего двоякого значения, являлось много раз причиной всевозможных *qui pro quo*. Особенно прекрасный пол Индии, не всегда годный для избрания в почетные члены географического общества, с великим любопытством осведомлялся, насколько в нас родственного сходства с зелеными чудовищами с красными глазами и многохвостыми позвоночными хребтами, какими рисуют у них в храмах *ракишасов* (чёртей) из Наталла; а увидя нас, не хотели верить, что мы не «ингрезии» (англичане).

Поглазев на нас, древний понтиф дал нам позволение влезть на восточные башни, с которых открывается великолепный вид на город. Но затем тотчас же вернул назад, дабы задать нам несколько весьма оригинальных вопросов. Один из них состоял в том, чтобы узнать — «много ли в вашем Наталле мусульман и обязует ли американцев религия травить и убивать их, как бешеных шакалов... или же англичане запрещают и натальцам трогать их, как они то делают в Пенджабе?» Узнав, что мусульман в Америке нет, а англичане не имеют права там хозяйничать, великий гуру пришел в сильное недоумение. Изъявив приятную надежду, что мусульман, быть может, оттого нет в Соединенных Штатах, что кроме горсти спасшейся от сикхов в Индостане и Кабуле под защитой англичан, они все давно пекутся в Наталле преисподнем,

---

¹ *Наталла* — имя, под которым известна Америка, в переводе — «преисподняя страна». Наталлом также зовется в народе ад.

то есть в аду, он никак не мог взять в толк, — говорил он, — как это люди, живущие в такой благословенной стране, где нет ни мусульман, ни *шгрези*, могли расстаться с ней, дабы поселиться в местности, кишашей этими двумя расами! После обмена несколькими столь же глубокомысленными замечаниями мы расстались, чрезвычайно довольные друг другом.

Сад, прилежащий к Золотому Храму, очень красив. В нем поют соловьи! Кашмир изобилует соловьями, как и розами, и первые часто залетают в пенджабские леса. Песнь соловьиная в саду гуру несомненный признак того, что в птице поселилась душа одного из певцов или свирельщиков храма, и вокруг дерева, где экс-певец заявляет о своем присутствии, приготовлены для него корм и вода из озера Бессмертия. Из сада мы отправились в «Черный город»...

Амритский базар представляет чрезвычайно оживленное зрелище: все лавки соединяют в себе и фабрику, и складочные магазины, и место распродажи. Они открыты для глаз посетителей с улицы, и, проходя медленно вдоль узкой дороги, вы можете составить себе верное понятие о сложном процессе фабрикации тех удивительных шалей, которые продаются здесь: «за морем телушка полушка», а за провоз в Европу — «алтын». Сидит голый индус на кончике позвоночного столба и чешет шерсть. Волны ее так и светятся на солнце, словно струя блестящего шелка... В конурке-лавочке, рядом с этой, другой индус красит шерсть в самые яркие, чудные цвета. За этой лавкой — третья, в которой мастер, сидя за самым примитивным станком, ткет всеми двадцатью пальцами ног и рук. Надо видеть, какие здесь вышивают золотом шали, кисеи, шелковые материи самых нежных цветов на пыльной, покрытой помоями и нечистотами улице, часто между двумя съестными лавчонками, где целый день жарятся чуреки на кокосовом масле, а рои мух затемняют свет... И никогда ни одного пятнышка?... Одно пятно разорило бы навеки бедного рабочего!

Базар здесь завален товаром из Средней Азии и дешевыми подложными произведениями из Манчестера. Последний старается всеми силами убить великолепную местную работу своими подражаниями и невозможной конкуренцией дешевизны. И действительно: кто же станет покупать драгоценно выточенных идолов из настоящей слоновой кости, которых не

постыдился бы признать своим произведением Бенвенуто Челлини и которыми так славится квартал Даршани Дарваза в Амритсе, когда Манчестер заваливает базар идолами из простой, грубо выточенной на машине кости, но в десять раз дешевле? Мало-помалу древнее рукодельное искусство исчезает и скоро совсем исчезнет. Все эти драгоценные кисеи-паутины из Дакки, чудные филиграновые украшения Дели, мозаика по золоту и мрамору и работу под чернь Мурадабада, удивительное герousse по меди Бенареса и т. д. и т. д., превратятся в легенды. Манчестерская машина скоро уничтожит даже воспоминание о всех этих произведениях терпеливого индуса, гений коего готов заявлять себя за несколько копеек в день, но у которого и эти несчастные копейки отымают корысть английского торгаша! А 20 миллионов за афганское fiasco все-таки пожалуйте. А не дадут под видом новых податей, продадут последнего буйвола, корову, кормилицу целой семьи, а нет и этих — тюрьма!

— Но неужели же, — говорю я одному malcontent, — вы можете сожалеть о том времени, когда вы находились под деспотическим игом мусульман? Ведь теперь у вас и образование идет весьма быстро, и жизнь ваших семей в безопасности?.. И проч. и проч.

И всегда один и тот же ответ: «Сознаем и великое благо образования, и разные другие благодеяния цивилизации!.. Но к чему вся эта честь, когда нечего есть?». Правда, во времена мусульманских династий нас и били, и убивали, и притесняли, да все же не морили голодом поголовно. Деньги, вымогаемые сынами пророка от индусов, оставались в стране, и рано или поздно была надежда, что они вернутся в карманы первых владельцев. А теперь?.. Теперь последние соки выжимаются и исчезают навеки среди великобританских туманов. Наши голкондские бриллианты превратились в стекло; наши священные идолы красуются в Британском музее; а несметные сокровища — в сундуках Английского Банка. Наш знаменитый Кох и Нур (гора сияния) — алмаз без соперника, вырванный Рунджит-Сингом вместе с кровью у побежденного им шах-Суджаха, сияет теперь в венце императрицы Индии... И много-много фамильных драгоценностей, некогда ограбленных Гестингсом и Ко у прадедов владетельных принцев, вынужде-

ны ныне выкупать за громадные суммы у проезжих английских ювелиров!..

Я беру со стола «Историю о присоединении Пенджаба к британским владениям в 1849 году», написанный англичанином, и читаю следующее: «Таким образом страна была спасена... Это несчастное многомиллионное население, истерзанное веками неурядицы междоусобных войн, постоянного кровопролития, деспотизма и совершенного нравственного, как и материального, упадка сил, наконец, вздохнуло свободно... Взятые под благодушное покровительство британской короны, оно с тех пор познало жизнь, ежедневно благословляя все выгоды цивилизации и в высшей степени справедливого, хотя и твердого управления величайшей из государынь Индии».

Видно, прав К.Н. Леонтьев: известная степень лукавства в политике есть обязанность,¹ и англичане, стало быть, правы.

Мы оставались в Амритсе до дня девалли. 2 ноября часов в 6 вечера мы отправились через *кантонемент* в город к храму, центру иллюминации. Кроме Бомбея и Калькутты, города Индии, конечно, не похожи на другие города вселенной. Обитаемые англичанами местности или кварталы даже не называются городом, а *Cantonement*, в отличие от Черного Города или той части городов, где обитают презренные их экс-владельцы, «сыны почвы». А города последних — не более и не менее — обыкновенные азиатские города, и кроме своих исключительных, несокрушимых памятников древности, все на один покрой. Мазанки-сакли без окон и дверей гнездятся под боком пестро расписанных хором с претензиями на название дворцов; кривые избушки на курьих ножках теснятся, валяются друг на друга, перелезают через стены и крыши своих соседей, словно спеша на приступ, и наткнувшись на глухую стену настоящего дома, прилипают к ней, заглядывая через головы нижних рядов на узкую улицу и как бы хвастая перед прохожими своими вечно развешенными на крышах лохмотьями. Эти улицы, где редко могут проехать рядом два экипажа, обыкновенно обрамлены двумя рядами лавчонок, где продается все, от совести до идолов английской мануфактуры и от венецианских настоящих кружев, под грудой лука и бананов,

---

¹ См. «Русский вестник», март 1879 г. «Мои воспоминания о Фракии».

до запрещенных в Англии сочинений Анни Безант, третирующих о мистериях современной физиологии. Но зато так называемые *Cantonement* в городах, как Аллахабад, Канпур, Амритса, Лахор и прочие, совсем даже не похожи на города... Это просто загородные части индусских городов, построенные большей частью после мятежа. Лет 30 тому назад почти возле каждого города был *джунгли*, или лес, где спасались отрешившиеся от света факиры и святые люди. Набравшись страху по усмирении мятежа, англичане всех их повыгоняли, расчистили глухо заросшие рощи, разбили в них длиннейшие широкие аллеи и выбрали промежуточные чащи местом своего жительства. Можно кататься по целым часам по ровным чудным аллеям, осеняемым вековыми деревьями, и не увидеть ни одного жилища. Только издали, и от места до места, мелькают перед нами по бокам дороги белые двойные столбы с именами тех, которые живут за несколько сот сажень за ними. Чтобы добраться до них, надо въехать в эти бездверные ворота, и только тогда среди тенистых и обросших мохом деревьев вынырнет перед нами белый, окруженный верандами «бунгало». Скрываясь от жгучих смертоносных лучей свирепого солнца, эти дачи в двух шагах еле заметны из-за своих густых шатров переплетенных ветвей. Под навесами гигантских лиан и других ползучих растений, они смеются и над жарой и над солнцем... Оно здесь бессильно, и только мигает своими огненными глазищами сквозь зеленую сетку густой листвы. В Индии не жара, а луч солнечный даже во время холодного сезона чаще всего мгновенно убивает европейца.

Солнце уже почти спустилось за горизонт, когда мы выехали из нашего загородного бунгало, хотя нам приходилось ехать мили три по одним аллеям Кантонемента. Но если зной еще и в ноябре нестерпим днем, то зато ничто не может сравниться с прелестью октябрьских и ноябрьских вечеров в Индии... Воздух был пропитан ароматом растений, и целые мириады вечерних разноцветных мотыльков и мушек кружились радужными тучами в потухающих лучах дня. По сторонам аллей — озерки и каналы, по черному зеркалу которых растлались бледно-розовым ковром плавучие чашки лотосов, привлекая целый рой светящихся жуков и мушек... Но еле заискрились в быстро сгущающихся сумерках их фосфориче-

ские блестяшки, как по окраинам дорог стали зажигаться другие огоньки — плоски наступающей иллюминации девалли. От этого дня туземцы индусы считают свой новый год. Темные силуэты «священных факельщиков» уже стали появляться между деревьями, и их группы делались с каждою минутою гуще и многочисленнее. Тихо, неслышно перебегая своими босыми ногами, они мелькали как ночные лешие под кустами над листовою нижних веток, на крышах домов. И всюду, где только не появлялась черная рука с протянутым жезлом, внутри которого горела пропитанная кокосовым маслом священная трава «кузи», там зажигалась, как огненная точка, плоска, вспыхивал яркими цветами китайский фонарь, загорался факел... В десять минут времени запылал, как днем, целый город со всеми его окрестностями... Мы знали, что в эту минуту освещается с одного конца до другого вся порабощенная, но все еще не потерявшая веры в своих богов Индия...

Но где найти слова, достойные описать чудное, волшебное зрелище иллюминированного от купола до фундамента Золотого храма и всего священного сквера сикхов. Даже англичане пришли в этот год в восторг, и их самые суровые газеты объявили, что в продолжение многих лет ничего подобного иллюминации Амритсара в 1880 году не видела Индия! Ждали вице-короля, но он приехал лишь несколькими днями позже, и ему приготовили другую иллюминацию. Стечение народа было столь громадное, что нам пришлось оставить коляску и пробираться по базарным улицам среди слонов и верблюдов. Все до последней лачуги было залито огненным морем, и нашлось много сикхов фанатиков, которые втыкали себе горящие факелы в тюрбан, проталкиваясь сквозь народ словно передвижные блуждающие маяки... Когда мы достигли большой площади, с которой спускаются к озеру, то нашли всю левую сторону платформы занятою креслами англичан, за которыми почтительно топтались раджи и сирдари. Туда мы не пошли, а отправились прямо во двор храма, где нас ожидал Рам Дасс, который и повел нас на крышу дворца магараджи Ферикотского, пославшего приказание еще из Симлы приготовить нам на ней удобные сидения. Понятно, что сам вице-король не мог иметь места лучше нашего. Мы не брезговали туземцами и потому и имели случай насладиться этим редким.

необычайным зрелищем лучше всех других европейцев: они видели перед собой один лишь освещенный храм и часть озера; а перед нами с нашей крыши открывался вид не только на храм и бхунгу акали, но и на весь священный сквер с его четьрьмя набережными, на которых роились десятки тысяч пилигримов, спускавшихся от стен дворцов до самой окраины воды одною сплошною разноцветною массой тюрбанов и вышитых костюмов; они превращали в этот вечер сквер в один пестрый луг. То была картина удивительного великолепия, нечто поразительно волшебное! Мраморный мост был полон «божьими воинами», и нам было обещано, что мы увидим и часть тайных церемоний куков.

Быть может, нам совершенно справедливо возразят, что европейцы видали иллюминации и фейерверки получше этих. Не спорю. Видели и мы такие же в Версале, в Лондоне и в других городах, но не при такой обстановке. Конечно, отражающие миллионы огней озера и пруды Версаля представляют не менее волшебное зрелище; но если сравнить окружающие толпы французов в куцых пиджаках и цилиндрах, напоминающих колена печных труб на голове, с этим пестрым волнующимся морем тюрбанов и залитых золотом праздничных костюмов; липы и каштаны (нисколько не отрицая своеобразной прелести северной природы) с пальмами и гигантскою растительностью Индии; наконец, наверное, облачное небо Запада с этим чарующим глаза темно-голубым небом юга, то мой восторг сделается понятнее.

Перед нами, почти у наших ног, как бы в одно и то же время открывались сцены самых больших европейских театров с их «Африканками», «Аидами», «Королями Лахора» и *tutti quanti* разнообразных балетов с сюжетами из восточной жизни. Перед нами красовались самые великолепные декорации когда-либо виденные европейцами в природе. Прелестнейший храм среди озера, красота которого привлекает даже днем, вызывая восторженные отзывы туристов, а теперь являющийся в десять раз опозитизированнее. С высокой же крыши нашего дворца все это вместе являлось просто каким-то фантастическим сновидением, в котором трудно было себе дать отчет, но которое охватывало вас чем-то непривычным, жгучим. С этой высоты перед нами являлись не только иллю-

минированные здания, будто из «Тысячи и одной ночи», и дворцы, но и загородные холмы и поляны. Словно выплывая из окружающей огненной центр сквера темноты, далеко растянулась перед нами безбрежная панорама, убегая через крыши обрамляющих озеро дворцов куда-то далеко, за небосклон, по волнистому морю лесистых холмов и полей, где, наконец, перейдя постепенно всю колоратуру горячих тонов, от оранжево-бирюзовых, золотистых отливов и до бледно-розового тумана, она вдруг исчезала в дымчатой синеве пространства. А прямо перед нами горел жар-птицей храм на озере, черное зеркало которого рисовало в себе, умножая их до бесконечности, непрерывные огненные нити, раболепно очерчивающие узоры его, и барельефов, надписей, арабеск, как и сквозную замысловатую резьбу перил мраморного моста. Цветы, драконы, птицы, малейшее украшение в резьбе или живописи, отделявшееся пылающим контуром на темном фоне зданий, повторялись до самой глубины незнакомого с зыбью озера. Тысячи людей над водой, тысячи, опрокинутые под ее поверхность. Они толпились на берегах озера, раскинувшись богатым пестрым ковром до последнего предела прибрежных ступеней, некоторые до половины в воде, все молчаливые и неподвижные. Тихо и безмолвно они только простирали смуглые руки к своему «Золотому Храму», и, погружая их одновременно в прозрачные струи озера, набожно окропляли себя священной водой, сулящею каждому из них вечную жизнь в Мокше.

Вдруг неожиданно взвилась огненным шипящим змеем первая ракета, за ней другая, третья, десятая, пока вся эта подоблачная артиллерия, шипя, треща и лопаясь, не спустилась звездным потоком на головы толпы. Тогда раздались неистовые крики восторга. В продолжение целого часа все, что когда-либо пиротехника производила под видом бураков, огненных колес, римских свечей и апофеозов с прибавкою туземных гербов, вензелей и священных эмблем Индии, все это трещало, грохотало, палило вокруг нас, оглушая до боли. Но толпа ликовала: особенно одно время, когда после пущенных во множестве с башни храма миниатюрных воздушных шаров с бенгальским огнем внутри, их стало почти невозможно отличить на небе от мириадов пылающих натуральных звезд...

Суеверные массы, тысячи между которыми видели фейерверк впервые в жизни своей, поверглись в прах перед ними, твердо уверенные, что то — чудо, сотворенное их гуру Говиндом, а может быть и самим Нанакгой. Некоторые даже собирали по земле упавшие полусгоревшие ракеты, чтобы сохранить их как святыню. Но вот мало-помалу, бураки стали редеть. Все глуше раздавались треск и лопанье и, наконец, все стихло... К великому горю акали прошлогодний апофеоз, в котором изображались мусульмане в фейерверочном пекле, побитые на земле и даже преследуемые в аду сикхами, был в этом году, вследствие жалоб обиженных магометан, запрещен правительством. На этот раз оно справедливо боялось возмущения. Вместо апофеоза явилось на башне Говинда какое-то удивительное колесо с вертящимся на нем чертом, и фейерверк прекратился, осталась одна иллюминация сквера.

Толпа европейцев, сидевшая на платформе возле башни с городскими часами, разошлась. Верхняя площадь тоже опустела, остались одни мы на крыше, паря над многотысячной толпой внутри священного сквера. После праздника предполагалась торжественная церемония куков, и наш акали обещал нам, что мы увидим их ход вокруг озера, во время которого они ежегодно возобновляют свои таинственные, никому не известные клятвы.

Мне уже довелось говорить об этой политической секте, которая под видом религиозных обрядов подливает масла в неугасимый в них против покорителей огонь мщенья.¹ Несколько лет тому назад один изменник поклялся англичанам за большую сумму присоединиться к секте куков и узнать все их тайны, выдать их правительству. Он не успел в этом предприятии, так как *скоростижно умер*. Но куки сделались еще осторожнее, и этот излишек осторожности и погубил многих из них. Желая доказать правителям, что их секта в сущности состоит из верноподданных, а не заговорщиков, а быть может, и потому, что несколько непокорных куков грозили своею поспешностью испортить дело, Рам Дасс Синг, их вождь и первосвященник, послал предупредить коллектора небольшого городка возле Умбалы, что некоторые из подчиненной ему паствы куки взбунтовались и грозят мятежом. Не-

---

¹ См. «Письма из пещер и дробей Индостана».

долго думая и даже не спросив высших властей, коллектор приказал перехватывать всех встречаемых куков, правых и виноватых, и доставить их к себе. Затем, поймав 92 человека, не дожидаясь даже над ними суда, он повелел привязать их к пушкам, выпалил из них и перестрелял всех в несколько часов.

Это не слух, а историческое в Индии событие, случившееся всего несколько лет тому назад, и известное всем и каждому. История вышла ужасная. Англичане перепугались не на шутку. Чтобы успокоить народное волнение, они тотчас же лишили коллектора места, выгнали якобы из службы и даже предали суду... На следствии, по их уверениям (поддерживаемым, конечно, англо-индийской печатью), они раскрыли какие-то сильно компрометирующие Рам Дасс Синга обстоятельства и воспользовались этим счастливым открытием: его сослали административным порядком в Рангун, на вечное заточение. Коллектора хотя и не могли оправдать, но успели так возбудить к нему симпатию английской публики, что последняя из кожи лезла, жертвуя большие суммы на подписку «бедному, пострадавшему за свою верность, чиновнику»; а через некоторое время ему дали отличное место где-то в Ярканде, в Кашгарии, куда его отправили чуть ли не постоянным посланником.¹ Пострадал лишь один помощник коллектора, м-р Коуен (Cowen), которому пришлось, как козлу отпущения, уносить с собой в пустыню изгнания грехи британского Израиля. Рам Дасс Синг, хоть и под надзором полиции, но все еще, странное дело, живет в Рангуне. Но насильственно разединив его с куками, англичане, к сожалению, не убили кукизма. Эта секта, словно многоглавая гидра, вместо одной потерянной головы имеет теперь их несчетное множество, считая по несколько вождей в каждом городе Пенджаба. Но кто их главный первосвященник, про то никто не знает. Дело о расстрелянных 92 куках было причислено англо-индийским

---

¹ Имя этого коллектора сэра Дуглас Форсайт (sir Douglas Forsyth) весьма известно в Индии, как и в Европе. Он еще недавно был в Ярканде и разъезжал по китайским границам; в настоящее время он только что издал с собственными комментариями, добавлениями и предисловием (перевод Е. Дельмара Моргана) книги полковника Пржевальского «От Кульджи, через Тянь-Шань, в Лобнор», с картой и планами.

правительством к разряду тех многих «неприятных, но неизбежных юридических ошибок», о которых оно, впрочем, мало заботится в Индии.

Однако нас ожидало сильное разочарование. В ту ночь, когда большая часть народа разошлась, куки начали совершать свой таинственный ход вокруг озера, но более этого мы ничего не видели. Во главе процессии шел высокий седобородый сикх, в длинной белой юбке и тюрбане, а за ним несколько сот куков. Процессия шла медленно и торжественно. Держа в левой руке бронзовую, странной формы вазу, старик кропил из нее правую рукою какою-то красной жидкостью в озеро, напевая на неизвестном диалекте стихи, которые и подхватывались при конце каждого куплета хором. Процессия скоро удалилась в один из набережных дворцов. Глухо и редко урывками доносился до нас оттуда их грустный протяжный напев. Очевидно, программа изменилась, и наш акали не хотел или не мог сказать нам что-либо более на наш счет. Вокруг нас один за другим потухали огни, и скоро остались одни лишь яркие звезды над нашими головами. Подул свежий ветер, и на высокой крыше становилось очень холодно. Мы отправились домой.

Несмотря на все наши старания и расспросы, мы ничего более не могли добиться об интересовавших нас куках. Кто и что они такое? Мы знали, что они сикхи и индусы, но есть между ними, по-видимому, отрекшиеся от веры магометане. И откуда их название, этимологию которого никто не мог нам объяснить? На запад от Кашмира до реки Индуса, в горах обитает небольшое племя под этим именем. Но эти куки все не то китайские, не то тибетские магометане-шииты, о которых англо-индийскому правительству еще менее известно, нежели о пенджабских куках, кроме, разве, того, что даже кашмирцы (не говоря уже о соседних с ними племенах — бумбах, гуджерах и других) страшно боятся их *чернокнижного* знания, видя в них опасных колдунов и чародеев. Так что же имеют с ними общего пенджабские куки, эти заподозренные в политической неблагонадежности люди, и появившаяся всего несколько лет тому назад секта?

Проходя под окнами дома, куда удалились для окончания своих темных обрядов куки, мы снова услышали их пение, но

уже громкое и резкое, раздававшееся в глубокой тишине ночного воздуха, словно невидимая угроза. Мне почему-то пришла в голову сцена и хор из «Гугенотов»: «La benediction des poignards».

Глава 3

Необходимое отступление. — Англо-индийцы, англичане и Англия. — Кто виноват? — Права садовника-бритта и садовника-индуса. — Концерт обоюдных жалоб. — Разница в результатах присяги на «коровьем хвосте» или на «Бхагавадгите». — Что руководит англичанами? — Кули. — Англо-индеец en deshabillé. — Отсутствие патриотизма в индусе.

Дойдя до этой главы, нахожусь вынужденной прервать на время нить моего рассказа ради краткого пояснения. Для многих русских Индия — такой край земли, что не обрисуй я тверже не только обоюдные отношения покорителей с покоренными, но и эскиз самой страны, многие из моего пересказа о виденном и слышанном на диковинном дурбаре в Лахоре останется и темным и невыясненным...

Не имея ни малейшего притязания на непогрешимость мнения, особенно в политике, предлагаю следующие страницы просто как личные наблюдения, поверхностные, но в общем правдивые — за это ручаюсь. Слыша столько разговоров об Индии, как пришлось мне слышать их в Симле, с одной стороны, и столько же сдержанных жалоб туземцев — с другой, судя, наконец, совершенно беспристрастно по самим событиям, развивающимся прямо перед моими глазами, думаю, что два года постоянного пребывания в стране дают мне некоторую возможность судить о ней довольно правильно. Весьма мало посвященная в сокровенные таинства Калькуттского кабинета, еще менее интересуюсь оными, все-таки полагаю, что иммакулатно белое не может показаться мне совсем черным или vice versa; тем более, что характер сношений между правителями и управляемыми до того ненормален, что всякому иностранцу бросается в глаза. В двух предыдущих главах я часто упоминала об этих удивительно страшных и ни на чем

не основанных отношениях, также и в предыдущих письмах моих из Индии, и особенно в статьях: «Из пещер и дебрей Индостана», которые печатались в «Московских Ведомостях»; отношениях со стороны англичан донельзя презрительных и высокомерных, со стороны туземцев, иногда отвратительно подобострастных и робких.

Но каждый раз, когда разговор касается их обоюдных отношений, а я позволяю себе высказать мое искреннее мнение о несправедливости и жестокости англичан к туземцам, первые уверяют меня, что я ошибаюсь, ибо ничего не смыслю в их тонкой политике, а последние на мои умиротворяющие речи и слова утешения стараются доказать, что нет во всей Индии англичанина, который желал бы им добра. Весьма скоро я пришла к следующему заключению: обе стороны преувеличивают, одна свои великие добродетели и заслуги, другая — свою будто бы незаслуженную судьбу. Первые, вероятно, в силу мудрой пословицы, гласящей, что «с жиру собаки бесятся», приехав из Англии в Индию, как бы перерождаются; последние лично, положим, и не заслужили такой лютой судьбы, но Индия в общности несет теперь лишь тяжкое бремя своих вековых грехов: она сама сложила своим прошлым бедствия настоящего, и такое положение было неизбежно.

Замечательнее всего, что ни о деяниях англичан в Индии, ни о настоящем положении туземцев под британским игмом в Англии ровно ничего не знают. До какой степени это верно, можно судить из следующего: едет образованный индус, отчасти отрешившийся от суеверных предрассудков как родины, так и касты, в Европу, — едет он в первом классе, одет уже не санкюлотом, а почти по-европейски, утирает нос платком, а не вилкой адамовою, манеры у него, как почти у всех туземцев, спокойные, даже изящные; да и образованием он стоит никак не ниже, а иногда и выше большей части его английских спутников. Невзирая на все это, его путешествие разделяется на два периода: период первый — до Адена, и период второй — от Адена до Лондона. От Индии до Адена, то есть до первой половины плавания, англичане от него станут сторониться, они будут смотреть на него как на презренное существо «низшей расы», словом, игнорировать его присутствие, и он редко посмеет даже воспользоваться своими права-

ми: сесть с ними за общий стол. Но раз за Аденом и не успел еще пароход потерять берег из виду, все и вся, словно по маговению жезла волшебника, изменяется!.. С индусом начинают заговаривать. Его уже не избегают, и случись там едущий с ним на одном пароходе в отпуск один из сановников Индии, даже и он, вероятно, заговорил бы с ним о политике, а супруга сановника благосклонно обратила бы его внимание на погоду. На обратном пути — то же. От Англии до Адена — рай. Но не успел еще стимер обогнуть раскаленные холмы Аравии и доехать до Баб-эль-Мандеба, как декорации снова изменяются: свободный британский подданный превращается в беззаветного английского раба, о каком в Англии и понятия не имеют!..

Это не выдумка, а еженедельно подтверждаемый факт. Так кого же следует в этом винить? Англию ли с ее равными для всех законами и учреждениями или же англичан, то есть англичан в Индии, что сильно изменяет вопрос... Конечно, англо-индийцев. Они одни в продолжение последнего двадцатилетия выработали в себе такие предрассудки в поборку своему высокомерию и чванству. В Индии, где все раболепно преклоняются перед ними, эти два порока раздуваются в них пропорционально с зараженной климатом печению; в Англии никто из них не посмел бы сознаться, с каким чисто азиатским деспотизмом и презрением он относится к индусам, да и не только в Англии, но и здесь каждый из них при всяком таком намеке отрещивается от него, стараясь опровергнуть прямое обвинение. Иван кивает на Петра, а сам ни за что не сознается.

— И не стыдно вам так обращаться с бедными индусами... словно они бессловесные скоты? — спрашиваю одного весьма милого и доброго бритта, в доме брата которого я в то время гостила.

Милый бритт широко открывает голубые глаза и на его розовом лице изображается удивление.

— Как так обращаться? Разве я дурно обращаюсь?

— Да ведь не медалью же вы их дарите, третируя их при каждом случае, словно кастильский погонщик упрямого мула.

— Вы кажется ошибаетесь. За других не ручаюсь. Конечно, есть среди нашей колонии (т. е. английской) люди слишком, быть может, суровые с туземцами. Но я лично, нет, вы право, несправедливы!..

— Ну, а вчера, когда к вам пришел по делам этот старый *рао бахадур*¹ в ваш кабинет, и войдя в чулках, смиренно стал у дверей?.. Ведь вы не только не посадили его, но даже и не подпустили на десять шагов.

— My dear friend! Вы рассуждаете, как женщина! — воскликнул мой приятель. — Визит старика был официальный, и я не имею права отклоняться в его пользу от раз принятой нашими администраторами мудрой политики: холодной сдержанности с туземцами. Иначе они и не стали бы нас уважать. Это политика отчуждения.

— Вероятно, совпадает с политикой сближения самого недвусмысленного характера? Разве вы не толкнули в моем присутствии вашего садовника, мирно занимавшегося своею работой на грядке, только потому, что он попался вам под ноги, когда мы шли по дорожке?..

— Это случилось нечаянно, — проговорил сконфуженный приятель мой, — иногда трудно бывает отличить их темную кожу от земли.

— Так, так. Ну а скажите мне, этот ваш черный садовник, британский он подданный или нет?..

— Да-а-а... конечно! — немного неохотно согласился мой собеседник, предчувствуя, вероятно, нечто предательское в неожиданном вопросе.

— И имеет одинаковые права, положим, хоть с садовником-англичанином?

— Да. Но к чему это? Я вас не понимаю.

— Так себе, любопытство иностранки и женщины. Я люблю делать сравнительные выводы... Только как вы полагаете... дав незаслуженную, да хотя бы даже и заслуженную, затрепину англичанину-садовнику... вы не рисковали бы получить сдачи?.. Перед законом ведь ваш садовник был бы прав, а вы, как зачинщик, остались бы оштрафованы. Ну что, если бы индус, в свою очередь, как британский подданный дал бы вам... такую сдачу?

Мой приятель даже подскочил.

— Я... я заколотил бы его до смерти! Индус — британский подданный, но он не *англичанин!*..

---

¹ Высокий туземный титул дворянина.

В этом восклицании заключается целая поэма признания. Он как бы кладет печать на приговор над целою нацией и ее судьбой в настоящем, если не в будущем.

Что англичане — великая и могущественная нация, это знает всякий, известно каждому также и то, что Англия как нация не может не желать Индии как лучшей из своих колоний, если не добра в нравственном, то преуспевания в материальном отношении, хотя бы в силу пословицы, что «никто не станет выжигать собственного посева». И в этом материальном отношении она действительно делает все возможное для Индии, не жалея ни труда, ни денег. Труд этот, правда, вознаграждается из казны Индии. Но то, что Англия действует в этом эгоистично, не может изменить факт, что она готовится для Ост-Индии великолепное будущее, если только дитя переживет пору строгого воспитания; к тому же такое будущее, которое было бы немыслимо для этой заплесневевшей страны ни при могольских династиях, ни во времена самоуправления, так как предрассудки и вековые обычаи всегда преграждали ей дорогу к прогрессу. Много горя и мук перенесла в свое время великая Бхарата; но это горе сделало ее еще способнее к ожидаемому ее полному обновлению. Еще двадцать лет тому назад индус предпочел бы тысячу смертей стакану воды, поданному ему европейцем или в доме последнего, да и не только европейца, но мусульманина, парса или своего же индуса другой касты. Принимать жидкое лекарство, приготовленное в общей аптеке, — лекарство, в которое входит вода, считалось смертным грехом; сидеть рядом с соотечественником из другой касты равнялось исключению из своей, то есть вечному бесчестью. На лед и содовую воду смотрели с отвращением... а теперь и лекарство, и лед, и содовая вода, а особенно сеть железных дорог сделали свое дело. Под влиянием цивилизации, хоть и насильно навязанной народу, вековые предрассудки, погубившие Индию, сделавшие ее такою легкой добычей для первых искателей приключений, пожелавших завладеть ею, начинают постепенно оттаивать, как замерзшая лужа под солнечным лучом...

Безо всякого сомнения англичане совершили и продолжают совершать неизгладимые благодеяния для Индии; но, повторяю, для будущего, — никак не для ее настоящего. Они

похваляются тем, что если бы они действительно ничего не дали ей, кроме своей защиты против мусульманского вторжения и помощи для окончательного подавления междоусобицы, то все-таки они сделали бы более для Индии, нежели кто другой, не исключая и самих индусов со времен первого магомтанского вторжения. Положим, что Англия сделала и более. Но зато настоящее англо-индийское правительство поступает, как мачеха, теребящая пасынков за зубы и морящая их голодом потихоньку от мужа, если действительно оно во всем другом строго выполняет заданную им от него Home Government программу. К несчастью Индии, Англия за тридцать земель от нее, а англо-индийское правительство у Индии на шее и постоянно с плеткой в руках. Само собою разумеется, что туземцы не могут быть этим довольны и постоянно жалуются... Впрочем, хотя большинство их жалоб и справедливо, но во многом они виноваты и сами. Вместо того, чтобы из уроков прошлого извлечь пользу для будущего, они, словно страусы, прячут голову в песок, предаваясь горечи настоящего.

Поступай англичане по-человечески с туземцами, их власть проявлялась бы менее деспотически, не заставляла бы, конечно, индийцев так дрожать перед ними, но она упрочилась бы на почве Индии гораздо тверже, нежели теперь, любовью и благодарностью народной. Тихие и кроткие, большая часть туземцев готова лизать каждую приласкавшую их руку, благодарить за каждую брошенную им кость. Будь англичане менее свирепо-презрительны к индусам, поласковее с народом, их престиж, быть может, и уменьшился бы, но зато упрочилась бы и на будущее время их безопасность в завоеванной стране. А вот именно этого-то они и не хотят или же не способны понять. Они как бы совершенно забывают даже то, что знает каждый ребенок, что их престиж — один блестящий мыльный пузырь, безусловно зависящий от внешних, не подвластных им событий. Их власть прочна в Индии даже и с настоящей системой каст лишь потому, что туземцы питают странное суеверие к их победимости, не находя в ней и признака какой-либо Ахиллесовой пяты, а также и потому, что, по учению Кришны, они не смеют идти против «неизбежного». Фаталисты, они верят, что живут в *Калишогге*, «черном веке», и что им нечего ждать хорошего, пока этот век еще про-

должается на земле. В этих двух суевериях, как в двух неприступных крепостях, хранятся безопасность и власть англичан. Но пусть где-нибудь крепко побьют британскую армию, и мыльный пузырь лопнет, поверье исчезнет в умах индусов, как грезы кошмара в минуту пробуждения.

В Индии, где только соберутся двое англичан, тотчас же раздаются жалобы на «дьявольскую неблагодарность черных чертей», а там, где останутся два туземца, непременно посылаются жалобы на «черные замыслы белых притеснителей»... Взятые вместе эти жалобы производят на слушателя эффект дуэта «двух слепых» в оперетке этого имени. Обманывая Англию, быть может и бессознательно, насчет Индии, эти притеснители обманывают самих себя. Они поступают с туземцами, как с рабами и цепными собаками; и раб прибегает к единственному орудию раба — ко лжи и хитрости, а собака, лишь только сорвется с цепи, запустит ему зубы в шею. Под этим пагубным влиянием все нравственно хорошее в этом народе: чувство чести, долга к ближнему, благодарности, — все, все в нем вымирает и заменяется либо отрицательными качествами, полною апатией, или же самыми низкими пороками. Тридцать лет назад вы могли пойти к первому встречному меняле (он же и банкир), сидящему на улице в своей конуре, и смело оставить у него целый капитал, не взяв у него даже и расписки; вы могли уехать после того и, вернувшись через год-другой, потребовать его. И при первом слове банкир-меняла отдал бы вам ваши деньги, будь то хоть миллион.¹ В те блаженные дни слово индуса было свято, и его выгоняли из касты за малейший нечестный поступок... До переворота 1857 года расписки были почти неизвестны в Индии: довольно было одного свидетеля для какой угодно сделки. А теперь?

Теперь подкупные свидетели расплодились не сотнями, а тысячами. Индус проведет десять цыган. При старых порядках, заставив туземца взять в руки коровий хвост и принести на нем присягу, судья мог ручаться жизнью, что индус не даст на священном хвосте ложного показания; теперь, при новом

---

¹ Это мне с горестью рассказывали некоторые прожившие всю жизнь свою в стране англо-индийцы, между прочим, мистер Ю., богатый англичанин, занимавший в продолжение сорока лет самые важные административные должности в стране:

судопроизводстве, их заставляют безразлично всех принимать присягу на «Бхагавадгите» (писание о Кришне), даже и тогда, когда свидетель вовсе и не верит в Кришну, а поклоняется Шиве или Вишну. «Коровий хвост», извольте видеть, «слишком шокировал врожденное в бритте чувство эстетики», — так объясняют эту перемену в судопроизводстве англичане. Но не от излишней ли заботы вознаградить Индию в эстетическом и артистическом отношениях так оконфузили ее в нравственном и экономическом?

А вот судите сами. Украсив, например, страну великолепными общественными зданиями, по большей части огромными замками и казармами, они дозволили такому памятнику, как двухтысячелетний Сарнаф, построенному еще до Александра Македонского, гнить и разваливаться сколько угодно. Направив свои созидательные силы к сооружению университетов, ратуш, клубов, масонских лож (в европейском вкусе) и повыгнав из всех этих учреждений, кроме первых, туземцев, они предоставили зато в полное распоряжение последних все сооруженные ими кабаки для сбыта испорченных отечественных водок, со включением дурмана, именуемого шотландским *виски*. Они насильно одели всю Индию в манчестерские произведения и разорили тем все бумажные и другие прядильни страны; заставили индусов молиться на богов бирмингемского изделия, резать шефилдской сталью; научили даже обжираться, напившись водкой, испорченными консервами, сгнивающими здесь в одну неделю, и вследствие этого умирать от холеры сотнями. Какой же им еще эстетики?

Справедливо заметил мне один индус, что европейская цивилизация, к которой туземцы не подготовлены и не способны оценить ее, действует на их страну, как роскошное, но ядовитое *манценшио*, пересаженное в цветущий сад: оно губит своими роковыми испарениями все прочие растения. «Неужели это может быть месть? — спрашивал меня недоумевающая этот молодой студент, — месть за последний мятеж?.. Но ведь ни Индия вообще, ни мы, люди последнего поколения, не причастны к преступлению!.. Так за что же?»..

Да простят мне симлинские сановники за невольное подозрение... но в замечании бедного студента есть доля правды. Луи Жаколио это давно подметил: «Англичане перепугались,

как никогда еще не пугались до того времени. Они никогда не простят Индии этого испуга», — говорит он в одной из своих книг. Мщение это, конечно, давно перешло в состояние бессознательности, и они мстят по привычке. Полагать, будто люди неотъемлемо умные в своей политике станут делать сознательно всевозможное, чтобы губить, а может быть, и потерять Индию, «драгоценный перл в венце императрицы», право, было бы слишком глупо! С другой стороны, они именно так и поступают, и мне не раз заявляли в дружеском разговоре англичане, прожившие долгие годы в Индии, знающие страну и ее жителей, как свои пять пальцев, и отрекшиеся от коронной службы вследствие одного отращения к новой системе...

Несмотря на все старания и улучшения, на учебные фермы и ученых техников, судьба земледельческих классов двух третей народонаселения не улучшается, а с каждым днем ухудшается. Большая часть этих несчастных довольствуется пищей один раз в сутки, и какую пищей! Последний нищий в России отвернулся бы от таких яств, дворовая собака у скряги-жида ест лучше: горсточка полусгнивших круп (рис слишком дорог) или пучок завялых овощей с водой, — вот вся дневная пища *кули!*..

Бедный, горемычный индус *кули!* Есть ли в мире существо терпеливее и несчастнее его? Встает он до зари и ложится на мать сыру землю перед зарей, работая по шестнадцать часов в сутки за четыре *анны*,¹ а не то так и за пинки... и Бога-то у него нет, потому — некогда, а затем — неоткуда, да и не от кого занять Бога. Брамины отвергают горемыку как нечистого парию, и веды или из вед молитва ему строго запрещены. Даже *надри* перестали соблазнять его в христианство, с серебряною *рупией* в сжатом кулаке руки, предлагающей ему крест. Кули примет монету, и только что окропит святою водой *надре*, как кули пойдет и купив коровьего навоза,² на приобретенные капиталы, вымажется с головы до ног в священном продукте, а затем воссядет идолом пред другими кули, которые станут на него молиться...

Обращение англичан с туземцами высших образованных классов холодно-презрительное, подавляющее, является здесь

---

¹ 10 сантиметров.

² Навоз здесь дорог и продается на вес.

делом гораздо более серьезным: тем более, что образованные туземцы к этому не привыкли, да его и не было во времена Ост-Индской Компании.

Послушайте, что говорит о чувствах индусов к их правителям «Statesman», откровеннейший из лондонских журналов: «Не финансы Индии, — гласит газета, — причиняют нам главное беспокойство, а положение, до которого доведены массы населения нашим правлением, и безусловная низость нашего поведения в отношении к туземным владельцам. Мы ненавидимы как классами, бывшими до нас влиятельными и могущественными, так и воспитанниками наших же учебных заведений в Индии, школ и коллегий; ненавидимы за наше эгоистичное, полное отчуждение их от всякого почетного или доходного места в управлении их собственной страной; ненавидимы народными массами за все невыразимые страдания и ту ужасающую нищету, в которые ввергло их наше государство и господство над ним; ненавидимы, наконец, принцами за тиранство и угнетение их симлинским foreign office».

Эти слова были перепечатаны всеми туземными газетами и журналами без комментариев.

Так ли было при Ост-Индской Компании, которую выгнали из страны за последний мятеж? Нет, конечно, нет! Со всем ее эгоизмом, вымогательствами, жадностью и недобросовестностью, покойная Компания умела ладить с туземцами. Она не заставляла их чувствовать ежеминутно превосходство своего рождения. Туземцы сами преклонялись перед превосходством оружия и нравственной силы англичан и уважали их, тогда как теперь они лишь боятся и ненавидят их. В те дни, когда поездка в Индию была кругосветным плаваньем, авантюристы, отправлявшиеся искать фортуны за морями, делались настоящими англо-индийцами. Многие из них, родясь и умирая в Индии, прожив в ней безвыездно тридцать-сорок лет, не в гордой замкнутости, как делается теперь, а пребывая долгие годы в постоянном обществе туземцев, — так, наконец, свыкались с их образом жизни и даже мышления, что знали о нуждах Индии и сочувствовали им не менее самих индусов. В те блаженные дни они не только не презирали их, кичась перед туземцами своею белой кожей, но даже часто вступали в законные браки с туземками. Дрались они и

с раджами и законными обладателями земель, которые они у тех отнимали во имя Англии, но с народом ладили и всегда были в дружбе. Но вдруг грянула беда непредвиденная. Удар грома 1857 года поразил страну, и все изменилось! С последними судорогами Деллы настал конец и пресловутой Компании... Храбрые авантюристы, но все же «джентльмены», распорядившиеся до той поры судьбами народов Индии, исчезли в вихре, вырвавшем с корнем как Могольскую империю, так и последнюю независимость сотен раджей. Индия была передана короне, и на место лихих авантюристов были присланы новые люди, и пошли реформы...

Не знаю, выиграла ли от этой перемены сама Англия; развивать этот вопрос теперь не приходится, но если верить не только единодушному показанию туземцев, но и признанию многих англичан, то Индия потеряла много. Какая до того индусам нужда, что безнравственная деятельность таких авантюристов, как Уорен Гастингс с компанией, сделалась в Индии впредь невозможною? Для людей с подобными своеобразными, сложившимися веками воззрениями на добровольные взаимные сделки, каковы индусы, да и вообще все азиаты, правитель восточного пошиба вроде Гастингса, готовый взирать с благосклонностью на всякие преподношения от целой провинции до Гоголевского — «борзыми щенками», несравненно приятнее правителя из породы беконсфильдовских салонных левреток. С первыми можно было и сговориться, и войти в личные сношения, и, теряя с одной стороны, выигрывать с другой; а последние, являясь каким-то недоступным светилом, бюрократом и формалистом, смотрит на туземца как на гадину, до которой не следует дотрагиваться даже и в перчатках, а только следует управлять ею, наступив крепко каблуком на хвост.

Без сомнения, с новыми порядками, введенными в страну вследствие мятежа, индус стал цивилизованнее. Вместе с прелестью вышеупомянутой европейской эстетики он познал много, чего при Компании не ведал, а именно то, что Фемида в цивилизованных государствах должна оставаться столь же слепой, как и в не цивилизованных, но зато должна пребывать и неподкупною, но узнал он это лишь на теории, не веря, конечно, в самый принцип, а на практике поверяя часто и про-

тивное. Познакомился с утонченными понятиями о гражданских добродетелях вообще, и о чести джентльмена — в частности в своих повелителях; а сам лично под постоянным прибоем тяжелых волн английского презрения утратил и последние понятия о собственной чести, как и всякое чувство собственного достоинства.

Выходит, что Британское правительство с лучшими намерениями губит Индию. И по-моему, дело это непоправимое, хотя бы потому уже, что, даже исправив все ошибки последнего двадцатилетия, а особенно за время Дизраелевского царствования, Англия все-таки неспособна ни исправить испорченной в стране нравственности, ни переделать натуру англичан, которые так сильно врезались в вырытую собственным презрением ко всему туземному колею, создали со своей стороны такие крепкие, хоть и искусственные запруды, что не сойтись им с индийцами и в тысячу лет. Скорее воды Темзы сольются с водами Ганга, чем англичанин в Индии взглянет на индуса, как на равного себе, будь этот индус размагараджей и веди он свой род от дней Адама. Англичане чувствуют положительно непреодолимое отвращение к индусам. Как я заметила выше, это психофизиологический, а не политический вопрос. Кроме нескольких старых переживших мятеж англо-индийцев, присылаемые сюда из Англии чиновники, если и приезжают в страну без особенно сильных предубеждений, то разом заражаются окружающею их атмосферой, насильно втягиваются в нее и не могут бороться против публичного мнения, выражаемого всею английской колонией. «С волками жить, по-волчьи выть» — эта поговорка применяется к английскому гораздо более, чем к какому бы то ни было другому европейскому обществу. В нем и чихнуть «не по-английски» опасно: тотчас же переглянутся с обычною им миндально-уксусною улыбкой и сделаются еще величественнее, ласковее с чихнувшей личностью и закивают головами, как бы говоря: «бедный иностранец... не привык, не знает еще изящных законов нашего общества!». Одно лишь огромное немыслимое в другой колонии жалование и предоставленные службой в Индии выгоды привлекают сюда чиновника. Но он живет здесь лишь надеждой вернуться домой, считает время трехлетними периодами от одного отпуска до другого, создает

себе в стране искусственный английский мирок, и все, что является за пределами этого мира, возбуждает в нем невыразимую гадливость и отвращение...

Описав англичан и их выработанную здесь характеристику, взглянем на туземцев и посмотрим, насколько они заслужили свою лютую судьбу. Выскажу мысль, которая может показаться парадоксальной, хотя оправдывается неопровержимыми фактами. В индусах нет, да и не может быть того чувства, которое мы, европейцы, привыкли называть патриотизмом, то есть любовью к своему отечеству в отвлеченном смысле этого слова. Нет той горячей привязанности к учреждениям родины как целого чувства, электризирующего иногда целую нацию и заставляющего ее подниматься, как один человек, для прославления или на защиту отечества: нет той отзывчивости на ее горе, как и на радости, на славу, как и на бесчестие ее... а нет в них такого чувства по столь же простой, как и понятной причине. Эта причина — очевидный и всем известный факт. Кроме отеческого дома или избышки, где ему случилось увидеть впервые Божий свет, у индуса, говоря вообще, нет другой отчизны. Скажу более: на своих ближайших соседей через стену родительского дома туземец уже часто взирает вследствие священного для него закона, предписанного его религией, не как на соотечественника, а как на чужеземца совсем другой расы, если только эти соседи не одной с ним касты. Это уже подтверждается тем, что, говоря про индуса, живущего, положим, по другую сторону его поля, первый индус отзовется как о беллати (чужеземце), термин презрения, относящийся не к одним европейцам. Таким образом, чуждый чувству патриотизма в случаях вторжения или междоусобицы, туземец, невзирая на личную храбрость, заставлявшую его защищать родной очаг и семейство до последней капли крови, интересовался да и теперь интересуется весьма мало судьбой как Индии в ее интегральном значении, так и своего ближнего, если только этот ближний не принадлежит к его касте, или даже к тому специальному отделу или подразделению касты, к которому он причислен сам.

Географическая страна разделена на бесчисленные *раджи* и малые государства; этнологически — на сотни племен и национальностей; номинально — на две расы: на ариев и се-

митов, или индусов и моголов, то есть на две главные религии: магометанскую и брахманскую. Обе веры находятся между собой в вековой непримиримой вражде, и только присутствие британских войск сдерживает фанатизм обеих рас, которые иначе стали бы резать друг другу горло на каждом религиозном празднике той или другой стороны, а таких праздников несколько десятков в году как у моголов, так и у индусов, особенно у последних. Далее, даже магометане разделены в Индии на большое число враждебных друг другу сект, неизвестных среди правоверных Турции и Европы. Об индусах же и говорить нечего: номинально все они (около двухсот миллионов) принадлежат к так называемой «вере браминов» и преклоняются перед священным законоведением Ману и Ведами. Но ведь и рыбы, пожирающие друг друга, живут в одной воде. Взгляните в безлунную летнюю ночь на небо с его тысячами звезд, если желаете получить понятие о кастах, субкастах, разделах и подразделениях веры браминов. Они и сами говорят, что их священные Веда — всемирный безбрежный океан, из-под солоно-горьких вод коего вытекают тысячи источников чистой воды. Понимай так: воды Вед-океана слишком солонны для обыкновенного желудка: поэтому, дабы сделать их годными, явились хитрые *гидрологи* под видом браминов, которые и занялись фильтровкой этих вод, каждый из них комментируя древнее писание по-своему. В результате с веками оказалось следующее:

Номинально индусы разделяют свою расу на четыре касты: 1) *брамины*, или сыны бога Брами, 2) *кшатрии*, или воины, 3) *вайши*, или торговцы и 4) *шудры*, или чернорабочие, низший класс. Но каждая из этих каст подразделяет себя на субкасты (от пяти до тринадцати), которые, в свою очередь, распадаются на фракции, коим нет числа. Словом, каждая каста есть гамма тонов, нисходящая от высокой до низкой ноты; только вместо семи в ней «до семижды семидесяти» тонов. Так, например, в двух главных подразделениях браминов высшей аристократии мы видим, что «панча дравиды» и «панча гинды» (первые — жители южной, а вторые — северной Индии), две субкасты, не могут ни вступить между собой в брак, ни есть вместе пищу, *в которую входит хоть одна капля воды*; но обе субкасты — брамины, и всякую другую

пищу могут есть в компании! Гуджератский брамин примет воду из рук или из дома махратского брамина, но не станет есть рис, приготовленный последним. Брамин *Дешашта* имеет право разговаривать с брамином *Кархада* издали, но если нечаянно перейдет его тень или дотронется до него, то сильно осквернится!..

Теперь спрашивается: может ли Индия при такой системе быть не только рассадником патриотизма, как то полагают некоторые писатели, но даже порождать время от времени патриотов? В ней до 200 миллионов индусов, принадлежащих к одной вере; но как христианская религия не мешает такому же большому числу европейцев воевать и ненавидеть друг друга, так и здесь в Индии. Есть в ней индусы махраты и индусы пенджабы, бенгальцы и дравиды, гуджераты и раджпуты, кашмирцы и непалийцы и пр., и все они — индусы. Но воображать вследствие этого, что раджпут считает частью своей родины Деккан или Бенгалию и при случае поднимется на ее защиту так же нелепо, как надеяться, что москвич станет гореть желанием отомстить зулусам, побившим англичан, или взглянет на Испанию, как на часть своей родины, потому только, что она в Европе!..

Англичане дозволяют миру полагать, будто одни они, со сравнительно малым войском усмирили бунтовщиков в 1857 году, покорили и испепелили Могольскую династию в Дели и окончательно приковали к запяткам Великобритании индийских раджей, как приковывались во времена древности царипленники к колесницам победителей. Но не потому ли они и похваляются этими подвигами, что история мятежа еще никогда не была никем другим писана, кроме их самих? Не будучи в состоянии вырвать эту кровавую страницу из летописи покорения Индии, они ее расписывают по-своему. А если представить дело в его настоящем виде, выйдет, что они и во веки веков не усмирили бы мятежников, не помоги им пенджабы, особенно сикхи. Никто не будет столь глупым, чтоб усомниться, как в их личной храбрости, так и в превосходстве их военного гения, вооружения и всего прочего над азиатскими народами: но сила соломѹ ломит, и если во время мятежа они были душой в военных делах, то пенджабы с некоторыми другими оставшимися верными Англии племенами были тою

сильною рукой, которая раздавила одну голову за другой этой многоглавой гидре, собравшейся было позавтракать зазевавшимися бриттами. И мятеж поглотил бы их всех до единого, когда бы не «верные наши пенджабы», как выражаются англичане в свои редкие минуты справедливости к туземцам. А пошел индус на индуса, восстал брат на брата вовсе не из верности, как и не из особенной любви к англичанам, а просто, во-первых, из личного мщения сикхов к индусам центральной Индии, войска и многие из племен которой помогли их общему врагу покорить Лахор и Пенджаб в 1845-1849 годах; во-вторых, из вековой ненависти к моголам.

Тот ошибается, кто полагает, будто англичане завоевали Индию. Они просто пришли и взяли ее, захватывая мало-помалу провинцию за провинцией, одно владение за другим... Они встречали сопротивление в раджах и дрались с отдельными владетелями, но народ всегда оставался безучастным и совершенно равнодушным зрителем борьбы.

Кроме этого полного отсутствия всякого патриотизма в индусах, о котором заявлено выше, это равнодушие объясняется следующим мало известным фактом. За исключением могольской и немногих чисто индийских династий, все ныне существующие плеяды магараджей и раджей в былые времена не были ни царями, ни даже независимыми владетелями своих территорий. Принадлежа без исключения к касте кшатриев (воинов), они были только вооруженными защитниками народа, обитающего на известном пространстве той или другой территории Индии, и по взаимному соглашению, получая известную с него дань продуктами и деньгами, обязывались защищать его от нападений соседей и вообще блюсти его интересы, управляя им и разбирая его жалобы по законам Ману. Законы последнего были повсеместно в Индии и считались, как считаются и теперь, чем-то священным, и вследствие этого, непреложным. Поэтому вдоль и поперек Индостана, не смотря на разницу каст и религиозных сект, страна с ее сотнями отдельных *радж*¹ управлялась под одним и тем же уложением, священный текст которого служит непреодолимою преградой к какой бы то ни было реформе. С веками свод за-

---

¹ Титул «раджа» происходит от слова *радж* — царство или государство. Есть такие, что состоят всего из нескольких сот десятин.

конов Ману перешел в мертвую букву: страна покрылась тинной, как пруд стоячей воды, заснула старческим сном, пробуждаясь лишь урывками то в одном, то в другом месте, там где происходил минутный переполох, причиненный одним из его многочисленных врагов. Но ни разу с первых страниц ее истории до последней не поднималась еще Индия всецело, не стряхивала с себя вековой плесени, ни разу не отозвался болью ни один из членов ее в то время, как вторгшийся враг увечил другой член... Пришли англичане и предложили себя защитниками вместо раджей: подумал один, поразмыслил другой из народов Индостана, и каждый в свою очередь, увидя, что пришельцы побивают их прежних хранителей, стало быть, сильнее последних, и предлагают им такую же и еще более надежную защиту, да и требуемая дань не требовалась им на первых порах столь высокая, и вот стали эти народы один за другим беспрекословно сдаваться. У них не требовали отречения ни от законов Ману, ни от веры их праотцев, и они, ничего не теряя, приобретали, как они думали, условия гораздо более выгодные. Что за дело каждому из них отдельно до других, совокупно? Его хата с краю: а тот ли, другой ли *беллати* ими управляет, индусам, кроме браминов, совершенно безразлично...

Глава 4

Город прокаженных. — Бессильная злоба газет против теософов. — Лахор в ожидании вице-короля. — Лахор при мусульманах. — Его древность и кем построен. — Мавзолей Рунджит Сита, его четырех жен и семи невольниц. — История его любимой жены, рани Чинды, и ее смерть в Кенсингтоне. — Сын «Пенджабского старого Льва». — Пушка Талисман. — Лагерь магараджей. — Серебряный фэтон раджи Джинда. — Соперничество двух науабов.

Поспешая в Лахор на дурбар, мы отказались даже от удовольствия насладиться зрелищем 9 000 «прокаженных», или «белых индусов», как их здесь называют, составляющих население городка Тарн-Тарана в семнадцати милях на юг от Ам-

ритсара. Тарн-таранцы составляют единственное исключение между жителями прочих городов, находящихся на британской территории: они изъяты от чести видеть англичан между чиновниками своего гражданского управления. Как видно, высшей расе белых не улыбается перспектива сделаться еще белее... Вследствие этого Тарн-Таран и представляет давно невиданную в Индии аномалию: белые жители управляются черными властями... Сюда посылаются на поселение прокаженные со всего Пенджаба, а изъятые от этой болезни индусы и «полу-касты», или *евразии*, управляют городом...

В Лахоре уже собралась порядочная масса англичан со всех концов Индии для торжественной встречи нового вице-короля. Все отели и «бенгау» были переполнены приезжими, и только благодаря распорядительности наших туземных теософов мы смогли избежать неприятности ночевать среди поля в палатке. Узнав, что мы будем во время дурбара в Лахоре, восемнадцать туземных теософических обществ прислали своих делегатов к нам, и мы нежданно очутились во главе маленькой армии. Это весьма не понравилось неприятелям нашего приезда, которые еще до нашего приезда сделали нам честь посвятить несколько передовых статей в своей газете «Civil and Military Gazette», самой изысканной брани, направленной против нашего общества вообще и его основателей — в частности. Эта газета в пылу бессильного негодования даже выразилась так: «Обморочив (?) всю Симлу, теософы, как недоброй памяти Тамерлан, угрожают теперь вторжением Лахору». Аллахабадский же «Indian Herald» в продолжение целого месяца просто скрежетал зубами. Сравнив нас с Парнеллом и его «разбойничью шайкой ирландцев», газета разражалась ругательствами, суля правительству всевозможные ужасы, если оно только «не освободится от зловредной пропаганды русско-американского теософизма, соблазнившего уже столько английских чиновников в Индии».

Что теософы — смиренные философы, любознательность которых не простирается за пределы чисто отвлеченных вопросов, известно каждому англо-индийцу. Всякий из них знает, что библиотека наших многочисленных обществ, изобилуя санскритскими и палийскими рукописями, не обладает ни одним сочинением даже о политической экономии, не говоря

уже о чем-либо другом политическом. Тем не менее, полиция не оставляла нас своим вниманием.

Наконец, благодаря протекциям, нам удалось оправдать наше присутствие на родине Нана-саиба... Узнали калькуттские мудрецы нас покороче и убедились окончательно в том, что мы не сносимся ни с генералом Кауфманом, ни с афганями. А раз убедясь в том, что мы гораздо более интересуемся разрешением «загадочной проблемы, почему браминам могла прийти оригинальная мысль представлять земной шар поставленным на хребет слона, помещенного, в свою очередь, на спине черепахи, а черепаху, висящей в воздушном пространстве», нежели прозаическим вопросом о присутствии сынов Альбиона в Индии, — англичане, по выражению гадальщиков на картах, «успокоились, наконец, собственным беспокойством».

Мы приехали в Лахор 6-го, а вице-короля ожидали только 9-го ноября. Поэтому мы и воспользовались этими тремя днями, чтобы пуститься в поход за древностями, которыми столица Пенджаба изобилует не мене других городов Индии. Лахор — один из древнейших и знаменитейших городов северного Индостана. Он расположен на левом берегу реки Рави, под 31о северной широты. Невзирая на близость Гималайских хребтов, в продолжение семи месяцев в году, благодаря сухости климата и соседству песчаных пустынь Синда, от жары здесь у европейцев кожа делает трещины и лопается... Но к ноябрю жара спадает: вечер и утро прохладные; а к декабрю река в некоторых местах даже льдом покрывается. В это время года туземцы, шныряющие при 40° в тени, как живчики в воде, впадают в спячку, еле двигаются и начинают замерзать, как мухи. Так было и теперь. В то время как мы просто не знали куда деваться от ноябрьского солнца, наши спутники и чичероне, различные синги, кутались в коляске в меха и шали, а наши кучера и скороходы дрожали под стегаными одеялами, заменяющими шали для простонародья.

Во времена оны Лахор был в несколько раз обширнее, и его история связана с историей каждой из магометанских династий северной Индии. Величие этой столицы было воспето во дни древности как бардами, так и прозаическими летописцами страны. Но теперь город не более одной мили в длину и трех — в окружности. Говорю, конечно, о «Черном Городе»,

ибо «кантонement» брезгливых бриттов расстилается на необъятное пространство. Его сады и аллеи, стискивая город словно боа-констриктор в своих удушающих кольцах, окружают его со всех сторон. И вероятно, чтобы белому «кантонementу» было удобнее наблюдать за поведением своего чёрного питомца через головы изображенных на Древней городской стене богов, эту стену в 30 футов понизили до 15 для большей вентиляции, если верить гиду. Как бы то ни было, но древнюю стену крепко попортили...

В этой стене ворота, а на северной стороне — цитадель, ныне переделанная под станцию железной дороги. Глубокие рвы, некогда окружавшие городскую стену, завалены, и на них разбиты великолепные сады...

Начало Лахора теряется во мраке глубочайшей древности. Современные английские историки, положительно страдающие какою-то антикофобией во всем, что касается древностей Индии, чрезвычайно было обрадовались, не найдя имени Лахора в сказаниях греческих историков времен Александра Македонского. Но так как историки походов великого завоевателя были только историками, описывающими маршрут сына Филиппа, а не всеобщую географию Индостана, то этот факт ровно ничего не доказывает. С другой стороны, оказывается следующее: в летописях Джуллундера, города в 80 милях от Лахора, куда раджпуты эмигрировали из Мультана 1400 лет до нашей эры, упоминается о посещении в V столетии до Р. Х. царем Лах-Авара своего деверя, царя «двенадцати Махаллов» или Джуллундера, состоящего из 12 крепостей. Алах-Авар и есть Лахор, хотя бы по очевидной этимологии своего имени, разобранный и доказанный санскритологами. Местное предание приписывает основание Лахора и Кашура (развалившийся городок возле первого) двум сыновьям царя Рамы, обоготворенного индусами героя Рамаяны: Лаху и Кашу. Лах выстроил крепость и назвал ее своим именем: Лах-Авар, т. е. «крепость Лаха». Туземные *пандиты* (ученые) доказывают, что Лахор ровесник древнейшим городам, основанным на западе Индии раджпутами. Верно одно: в VII столетии христианской эры мусульмане нашли Лахор цветущим, богатым городом, как это и показано их историками. В 1241 году он был взят и разорен дикими ордами Чингиз-хана, снова отбит, и

затем опять завоеван в 1307 году Тимуром «бичом вселенной»; в 1436 году взят приступом Белол-хан-Лодием, одним из афганских вождей; а афганской династии был положен конец императором Бабуром в 1524 году, с которого времени он и основал Могольскую империю. До 1767 года каждый из последующих императоров: Хумаюн, Акбар, Джахангир, Шах-Джахан и Аурангзеб соперничали со своими предшественниками в усилиях украсить Лахор, обессмертить имя свое в постройках великолепных мечетей, памятников и крепостей...

В Лахоре, однако, эти образчики восточного зодчества весьма пострадали. В конце прошлого столетия, во время долгой борьбы с магометанами, которая и окончилась взятием города приступом Рунджит-Сингом, обе непримиримые армии оставили неисправимые следы своего зверского фанатизма. В знак обоюдного презрения, заявляемого в перемежающихся победах, пока одна армия резала священных коров в пределах храмов сикхов, чем оскверняла навеки пагоды и пруды, другая побивала свиней, обмазывая их кровью стены мечетей и затапливая ею гробницы правоверных. Вследствие этого во время необходимой переделки и процесса «очищения» как храмы, так и мечети сильно попортились. Но есть еще между ними вполне достойные посещения... Таковы, например, у Делийских ворот мечеть Вазир-хана, построенная над останками какого-то газинвидского святого в 1634 году; Сонери-Месжид, или *Золотая Мечеть*, воздвигнутая в 1753 году Бахвири-Ханум, царицей лахорской, царствовавшей после смерти мужа; четырехугольник Джамы-Месжид, перед входом куда Аурангзеб выстроил в 1671 году широкую лестницу из разноцветных дорогих плит, из камня, известного в Кабуле под именем *абри*; наконец, затем прелестнейший сад Газури-Бхач, где находится мавзолей самого Рунджит-Синга, превратившего было Джаму-Месжид, великолепнейшую из мечетей Лахора, в амбар.

Мавзолей великого царя пенджабского, смесь индийского и сарацинского стилей, самая курьезная, хотя и современная постройка. В центре саркофага возвышается мраморная площадка, посреди которой красуется натуральной величины лотос, в сердцевине которого хранится прах сожженного Старого Льва, а этот лотос окружен одиннадцатью другими лотоса-

ми поменьше, которые, как и первый, служат погребальными урнами и содержат в себе прах. В четырех из священных цветков — пепел четырех *самти*, добровольно испепеливших себя живыми четырех жен магараджи, а в остальных — пепел семи прелестных невольниц, молодых девушек из *зенаты* (гарема), приговоренных к костру ради этикета и последних почестей царю лахорскому. Будем надеяться, что и эти сожгли себя добровольно, так как об этом история умалчивает. Впрочем, сопровождавший нас почтенный старец сикх, великий почитатель обычаев древности и уверявший нас, что он сам был очевидцем церемонии в 1839 году, рассказывал нам, что горе по Рунджит-Сингу было столь велико, что если бы не закон, то все они до одного человека бросились бы за своим любимым царем на костер. «А невольницы, — добавил старец, — они, прыгнув как газели на погребальное ложе, уселись за своими господами у ног царского трупа, в то время как одна играла на *бвине*.¹ Другие пели песни ликования о соединении во *мокши*, пока дым разгоревшегося костра не прервал их голосов навеки, а пламя не превратило их юных тел в пепел!»..

Но все жены Старого Льва отправились за супругом в ту

Долину вечного молчанья,
Где нет ни слез, ни вздыханья...

Главная из них, обожаемая Рунджит-Сингом, *рани* (царица) Чинда, из любви к сыну отказалась от блаженства *сутти* и осталась в сей юдоли плача сражаться за него и защищать сыновьи права на престол... Грустно кончила эта знаменитая в современной истории завоеваний Англии женщина. Ее сын, которого она так любила, из-за корысти и трусости первый вошел в заговор с врагами против нее, предав и мать, и страну... Он до сих пор здравствует, растолстел и, проводя большую часть года в своем имении Эльведен-Голл² в Англии, среди своих закадычных друзей: лорда Грея (сына вице-короля маркиза Рипона), лордов Гентингфильд, Дакра, Лейстера и Гартингтона — предается своей страсти к охоте, являясь настоящим английским помещиком. Она же жила и мучи-

---

¹ Род гитары.

² Дулин-Синг жил прежде в Шотландии.

лась много лет в одиночестве и изгнании в глухом уголке Кенсингтона, где безвыходно в своей комнате со своею старою преданною ей служанкой, последовавшей за нею из Индии, провела весь остаток дней своих до дня конечного освобождения смерти.

Эта слабая, крошечная женщина, только двенадцатью годами старше своего сына, взлелеянная в роскоши, страстно любимая столько насолившим Англии старым Львом Пенджабским, по смерти своего магараджи явилась героиней, смелость которой затмила все подвиги сикхов. Одна, окруженная изменой, ради сына она решилась на все. Взбунтовав против замыслов Ост-Индской Компании огромную партию в Пенджабе, она стала во главе своей армии и, как говорят, сражалась не хуже храбрейшего из своих сикхов. Суеверные пенджабцы до сих пор твердо уверены в том, что в этом тщедушном теле сражался сам махараджа-сааб. Взятая в плен англичанами, она была отправлена в форт Чунар, грозную крепость в 40 милях от Бенареса. Но не прошло и года, как она оттуда бежала. Одна, безо всякой помощи она достигла Непала, Бельгии, Индии, где явилась неприкосновенною для своих врагов. Но пока рани Чинда томилась в крепости, ее сын Дулин-Синг уже успел обратиться в христианство и был отправлен с семейством в Шотландию. Мать не знала о его измене вере отцов и родине и сильно тосковала о сыне. Воспользовавшись ее материнской любовью, агенты Компании, уверив ее, что она увидит любимого сына, если только отправится в некий городок на границе Непала, заманили бедную женщину в приготовленную ими западню и, схватив, отправили ее в Англию. Там она впервые узнала об обращении (в ее понятии страшном совращении) магараджи Дулин-Синга в христианство, «в веру палачей ее народа и родины», — говорила она. Она чуть не умерла с горя. Не раз впоследствии преданная мать выражала свою глубокую тоску изъявлением горького раскаяния в том, что не предала тела своего самосожжению на костре мужа. «Я пренебрегла священным обычаем, — говорила она, — отказалась от блаженства сделаться *самти*,¹ и вот боги наказали меня за это». Она умерла в Кен-

---

¹ Сжигающим себя вдовам дают название *самти*, а действие самосожжения называется *сутти*.

сингтоне (Лондон), отказываясь до последней минуты не только жить или есть с сыном, но даже дотронуться до него или внуков...

Чрезвычайно любопытен фасад стены крепости Акбара. Она тянется на протяжении почти 500 шагов от востока к западу и сплошь покрыта мозаичными украшениями и рисунками из какого-то необычайно ярких красок изразца или эмали. Рисунки представляют воинов, лошадей, слонов, символические картины всех знаков зодиака и даже ангелов, охраняющих, согласно персидской мифологии, каждый месяц и день года: доказательство довольно веское, что это работа не мусульман, считающих представление человеческих фигур за величайший грех, а выходцев из Персии еще до времен Магомета.

В Анаркуле, здании против центрального музея, мы познакомились со знаменитою в истории сикхов пушкой по имени *Земзамах*. Вылитая в Индии в 1716 году, эта громадина была отбита у Ахмед-шаха до его бегства в Кабул. В 1802 году она попала в руки Рунджит-Синга; но до того времени находилась в плену у могущественных амритсарских *бханги* (нечто вроде феодальных баронов), которые и прозвали пушку *Бхангиан-вали-топ*, то есть шапкой (или горой) Бхангиев, взирая на нее как на талисман сикхской империи, вследствие того, что каждый раз как магометане вывозили эту пушку против сикхов, последние непременно побивали своих наследственных врагов.

Но интереснее всех других древностей явились перед нами сохранившиеся живые образчики старины: принцы и раджи Индии. Кто побывал при дворах этих маленьких владетелей, которым позволено играть в царствование на веревочке у их политических резидентов, и кто познакомился с их обычаями и нравами, тот видел Индию, какою она вероятно была и 3000 лет тому назад. В этой, как бы застывшей на месте стране, где какие ни есть нововведения скорее привиты мусульманским, нежели европейским элементом, все своеобразно и чудно. Особенно здесь в Пенджабе, в пригималайских маленьких владениях, еще никто и ничто не успело англизироваться.

Съехавшимся на поклон новой верховной власти потентам был отведен для их лагерей огромный пустырь за городом,

целый оазис. Там каждый из великих, как и малых раджей и науабов имел свой отдельный лагерь на все время дурбара, где каждый из них и держал с собственными визирями, диванами, кучей телохранителей, придворных чиновников, астрологов, магов, конницы, слонов и целым роем паразитов. В иных случаях, впрочем, туземные телохранители были удаляемы на время и заменяемы почетным караулом из европейцев.

Лагери разбиты с математическою правильностью. Каждый отделен от соседнего высокою стеною из вышитой, украшенной парусины, иногда из дорогих ковров и имеет свои улицы, особый вход и ворота с часовыми. Царская палатка всегда в глубине двора, прямо против главного триумфального входа, монумента вышитых материй и китайских цветных фонарей, а перед фасадом каждой дурбарной¹ палатки, лужайка, часто с временно устроенными на ней фонтанами, рядами фонарных столбов и, о боги браминов! рядами газовых рожков! Налево лагери раджей первого ранга: Кашмира, Путтиалы, Бахавальтура, Набба, Джинда, Алувалии, Мандии, Маллер-Котли и других магараджей. Направо — огороженные лагери раджей второго разряда: Кальзеа, Даджана, Фаридкота и др. Все это владетели, территории которых входят в район Пенджаба и Кашмира. Ни принцы Раджпутские, ни раджи из южной и центральной Индии не присутствуют на дурбаре северных провинций. Нескольким афганским вождям и мусульманским принцам было учтиво отказано в позволении явиться для представления вице-королю на этом дурбаре...

За лагерями нескончаемые ряды конюшен под открытым небом. Целые табуны лошадей, слонов, верблюдов теснятся между раскинутыми на огромном пространстве шатрами солдат и прислуги. Все это лишь издали напоминает европейский лагерь. Приблизьтесь, и вы будете поражены невиданными странными формами, яркими цветами и позолотой, богатыми восточными костюмами свиты и телохранителей, развевающимися коврами, флагами и значками, фантастически украшенными лошадьми и слонами, читтами² в вышитых бар-

---

¹ Кроме главного вице-королевского дурбара, главные раджи имеют привилегию держать свои дурбары в лагерях.

² *Читта* — род леопарда, дрессированного для охоты за кабанами и дикими козами. Их держат, как собак, для охоты.

хатных пополах и шапках с намордниками, соколов в капюшонах на золотых цепях, всевозможной породы охотничьих горских собак с ошейниками, утыканными полуаршинными страшными иглами и теми тысяча и одной затеями, которыми раджи и деспоты Индии окружают себя теперь, как они то делали и во времена Александра Македонского...

Вот лагерь его светлости магараджи Ранбир-Синга Бахадура, великого командора достопочтенного ордена звезды Индии, компаньона Индийской империи, советника императрицы Индии, почетного генерала императорской армии, главы Джамму и все-таки подозреваемого и находящегося под надзором всех англо-индийских полициантов повелителя кашмирского!.. Он привез с собою 35 сирдарей и столько войска, сколько ему позволили. Двор лагеря полон воинов. Одни в блестящих кирасах, в *кот-де-маль* и железных латах, в шлемах с высоким развевающимся плюмажем и пунцовых бархатных штанах; другие, инфантерия, в малиновых тюниках, голубых с серебром узких брюках, в белых ботинках и медных шапочках со спицом, на конце которого восседает четверорукий божок. Лагерь разделен вдоль центра широкой улицей с фонарными столбами по бокам, за которыми тянутся длинные ряды палаток: красных, голубых, зеленых, всех цветов радуги и с полубатареей артиллерии по обеим сторонам. В глубине улицы большой сквер, окруженный *ханатами* из ярко-красного сукна, нижние стены которого украшены полосами золотисто-желтой материи, вышитой черными узорами кашмирского фасона. В этот сквер мы входим через род портика, громадную *шамсану* из того материала, и перед нами в центре сквера возвышается дурбарная палатка самого магараджи, великолепный образчик передвижного дворца. Вся палатка ярко-малинового бархата с полосами, вышитыми золотом, и представляет вид двухэтажной китайской пагоды с загнутой по краям крышей. Стены подбиты шоколадного цвета сукном, сплошь вышитого, словно кашмировая шаль узорами. Колонны, поддерживающие внутри палатку, серебряные и увешаны канделябрами и дорогими лампами; а на стенах — зеркала в рамах в персидском вкусе. Под входным навесом — род передней залы, земля мягко устлана дорогими коврами, среди которых красуется толстейший бархатный ко-

вер, ярко-пунцовый и весь затканый девизами из черного шелка и золота. А внутри — средняя огромная комната, застланная драгоценнейшими белыми коврами, по которым разбросаны груды подушек, подобные которым не красовались и на Парижской выставке. В глубине комнаты, на тронном месте и под балдахином, стоят два круглые кресла с драгоценнейшею и, быть может, уже слишком изобильною инкрустацией из чистого золота самых фантастических узоров, которыми так славится «счастливая долина Кашмира». Подушки сидений — из золотистой кожи, до такой степени густо зашитые золотом, что ее почти и не видно из-за вышивания. Две такие же скамейки перед креслами-тронами, а по обеим сторонам расставлены кресла из чистого серебра и с золочеными украшениями. За этими второй ряд, просто серебряных, но все с такими же великолепно вышитыми сиденьями; а за этими креслами следуют ряды стульев, покрытых великолепным вышиванием *никош*, которым так славится Кашмир. На этих тронах во время частного дурбара будут заседать сам магараджа и с ним рядом — вице-король. Кресла в первых рядах золоченые — будут украшены разными английскими сановниками, а за ними на просто серебряных скромно сядут, поджав ноги, подвластные им раджи и владетельные сирдари, тогда как на стульях поместится разная мелюзга.

Возле лагеря владыки Кашмирского расположен лагерь семилетнего магараджи Путтиальского. Упоминаю ради назидания русской публики вереницу имен и титулов, коими украшен сей юный принц: «Его светлость магараджа Ражиндар-Синг, Мохиндар-Бахадур, Фарзанд-и-Хас, Даулат-и-Ин-глишия, Мансур-и-Заман, Эмиль-уль-Умра, магараджа Джирадж, Раджашар, Раджган, владыка Путтиалы». Невзирая на свой юный возраст, маленький потентат отличается замечательным великодушием. Он только что пожертвовал, и «так прямо от себя», уверяют нас газеты, — и без малейшего на то намек со стороны своего резидента 50 000 рупий на «патриотический фонд». Этот фонд предназначен для вспоможения раненым в последнем походе на Афганистан. И хотя с каждого фунта стерлингов не придется и шиллинга на долю туземного английского войска в Индии, однако же с подпиской обращаются преимущественно к туземцам, быть может потому, что англи-

чане ничего не дают, предпочитая получать, а не отдавать заработанные в Индии капиталы.

Лагерь этого щедрого *bebe* чрезвычайно красив и оригинален и, вместо двора к его палатке ведет прелестный, у кого-то занятый сад. Его палатки — пунцовые с черными и белыми полосами, а дурбарная палатка в виде огромного двойного купола. За принцем следуют пятьдесят слонов и батарея артиллерии, пушки которой все, кроме одной, забыты. Далее тянутся лагеря магараджей Наббы и Джинда...

Между двумя последними существует соперничество еще с первых дурбаров вице-королей Индии, соперничество, которое и разыгралось в нынешнем году самым неожиданным образом. Оно состоит в том, кто из них перещеголяет другого в роскоши и оригинальности царских затей. До сей поры пальма первенства постоянно доставалась магарадже Наббы. Но в этот год его светлость был неприятно поражен подставленной ему соперником ножкой. Раджа Джиндский появился среди лахорского народонаселения, и толпы разинули рты, да так и остались до конца дурбара... Секретно заказанный им фазтон оказался весь из чистейшего серебра! Необычайно оригинального и элегантного рисунка, этот экипаж поразил всех своими огромными размерами. Девять чистокровных лошадей, залитых в серебряные сбруи, тащили его тремя тройками по старой форейторской моде с *постильоном* на спине каждого коренника. Позади восседали в серебряном же заднем сидении два фантастических егеря, а сзади, на серебряных же запятках качались босые и голоногие *чупрасси*, в голубых бархатных кафтанах с золотым шитьем и длинными серебряными *махалками*, на концах которых развевались белые хвосты яка, которыми туземные слуги отгоняют от *саабов* мух и комаров.

Сам же магараджа, самодовольно улыбаясь и развалясь на голубых вышитых золотыми листьями подушках, с торжеством поглядывал по сторонам. Эффект вышел поразительный!.. Дамы верхом останавливались на Малле¹ и ахали. Тюльбюри англичан поневоле давали дорогу странному и огромному экипажу, который остановился, наконец, у музыки, как бы приглашая полюбоваться собой поближе... Все винты, гвозди, рессоры, все металлические части этого фазтона покрыты

---

¹ Малл Bois de Boulogne Лахора.

снаружи толстыми пластами золота, даже оси и наружная обшивка колес, тогда как самые спицы из чистого серебра! Так как у раджи Джиндского нет ни войска, ни батарей, ни крепостей, а только несметная куча денег при одной пушке, которая к тому же имеет странную привычку убивать лишь тех, кто из нее стреляет, то англичане очень любят старого Джинда.

Увидев экипаж и произведенный им эффект, магараджа Наббы чуть не умер от удара. Огромные грозди из цельных изумрудов, ниспадающие с его белого атласного тюрбана, тряслись над его носом в продолжение целого часа от волнения, тряслась и его седая борода... Вернувшись домой, он тотчас же приказал послать телеграмму в Лондон, справляясь, сколько ему будет стоить коляска из чистого золота с серебряными гвоздями и рессорами. Полученный им ответ поверг его в безутешное горе. Ему бы пришлось продать свою столицу для удовлетворения мстительной фантазии!

Прочие лагеря — все, более или менее, копии с двух вышеописанных. Некоторые раджи почему-то сочли нужным приготовить у себя во дворах разные замысловатые машины для гимнастики и *поло*, в честь могущих их посетить английских *саабов*, быть может, в тайной надежде, что, авось, Бог милостив, и *саабы* свернут себе на них шею.¹

Мы промешкали в Парусиновом городе до самого вечера, разглядываемые туземцами с таким же, если не с большим любопытством, как разглядывали мы их сами. Наконец, какофония разнохарактерных «зорей», одновременно предпринятая туземными трубачами, заставила нас поспешить к экипажам. Мигом окутали индийские сумерки словно прозрачным покровом и лагерь, и крепость, и окружающую их огромную поляну. И не успели мы еще усесться, как уже замелькали перед нами сотни костров, заблестали золотисто-красные огоньки и стала раздаваться у входа каждого лагеря тяжелая по-

---

¹ Англичане — ужасные охотники в Индии до всевозможных гимнастических упражнений и игр, где требуется ловкость и смелость. *Поло* — игра в деревянный мяч на лошадях, род скачки с препятствиями с разным числом наездников на каждой стороне. Она ими перенята у кашмирцев: ежегодно от восьми до двенадцати человек англичан бывают убиты в этой опасной игре, сброшенные или задавленные часто падающими лошадьми.

ступь британских патрулей, обходящих и охраняющих каждую ночь туземных часовых в «Лагере независимых магараджей».

Глава 5

Британский Нимрод и «полосатые». — Что творится на дурбарах. — В ожидании приезда маркиза. — Слоны и их раджи. — Принцы и их политические дядьки. — Торжественный приезд вице-короля. — Адрес муниципалитета. — Вид процессии со старой баши. — Странное поведение магараджи Кашимирского. — Трехъярусная процессия слонов. — Что думает о дурбарах туземная печать.

Вице-король охотился за тиграми в «джонглях» Кадир-Дуна возле Мазры и вдоль нагорных владений (Hill-States¹) тридцати семи царьков Гималайского ската и вследствие этого на целый день опоздал своим приездом в Лахор.

Маркиз Рипон считается после своего сына, лорда Грея, лучшим стрелком в Англии. Страстный охотник, он спешил по уверению газет отличиться до приезда своего наследника в Индию и оставить по себе ужасную память «полосатым». В первый день охоты он собственноручно убил двух тигров на повал и изувечил третьего, которого тотчас же слон доконал хоботом...

Церемония представления происходит в дурбарной палатке, в глубине сцены, на троне, затянутый в шитый золотом синий мундир и с треуголкой на левом колене, сидит неподвижно вице-король и ждет... Вот ведет под руку «независимого» приставленный к нему политический резидент, и оба останавливаются на верхней ступени у входа в палатку. Оттуда раджа отвешивает поклон, приложив обе ладони ко лбу. Затем его подводят поближе к священной персоне, репрезентирующей Великобританию и раджа снова сгибается перед непод-

---

¹ Рассыпанные по всему скату Гималайских передовых холмов по эту сторону Индии владения независимых раджей и подвластных им серदारей, под протекторатом Англии, зовутся Hill States — «холмовые штаты».

вижной фигурой, которая после этого надевает треуголку. Лишь тогда только, когда представляемый униженно подносит на платке *нессер*,¹ состоящий из пригоршни золотых *мохуров*,² вице-король обязан подать признак жизни. Отдав радже легкий поклон, он дотрагивается кончиками пальцев до предлагаемого злата, и, мгновенно отдернув ее от *нессера*, изображает на лице своем как бы отвращение и гадливость к презренному металлу... Говорят, игра лорда Литтона в этом отношении была великолепна!

Эта часть церемониала с мимикой введена в начале настоящего столетия ввиду практического преподавания нравственности «продажным азиатам». Нессер, та же взятка властью имеющим, перешла в Индию из Персии с мусульманами и как обычай существует, конечно, с незапамятных времен. Чтобы не уничтожить с одной стороны обычая, но лишить его оскорбительного или, точнее, уличительного характера, придумали эту аллегория — пантомиму. Она известна под именем *touched and remitted*: «дотронуться и отдать». Для благородного маркиза, обладающего 80 000 фунтов стерлингов годового дохода, не считая громадного содержания в 300 000 рупий в год с прибавочными на разъезды, полагаем небольшое искушение представил *нессер* из блестящих *мохуров*!..

Наконец, с усилием оторвавшись от дурбаров, *нессеров*, дрожавших перед ним раджей, а главное, от излюбленных им тигров, маркиз Рипон направил свои стопы в Лахор. С утра 10 ноября все в городе и за городом пришло в волнение. С рассвета уже полисмены и экстренные почтальоны на верблюдах развозили приезжим постановления полиции на этот высокопраздничный день. Ввиду огромного числа слонов, назначенного для вице-королевской процессии, частным экипажам дозволялось проезжать лишь по глухим переулкам. Тот, кто желал присутствовать на дебаркадере железной дороги по прибытии его вице-величества и представлении ему магараджей, обязан был явиться с билетом ровно в 2 часа пополудни, хотя вице-королевский поезд ожидали только в пять. Приняв это распоряжение сперва с ворчанием, мы впоследствии почувствовали большую благодарность властям: трех часов ока-

---

¹ *Нессер* — приношение властям, знак покорности.

² *Мохур* — золотая монета стоимостью в 32 шиллинга.

залось еле достаточным для того, чтобы хорошо разглядеть эту необычайно фантастическую картину!..

Подъехав ровно в 2 часа к барьеру дороги, ведущей к обширному двору вокзала, построенного за городом, мы нашли уже всю огромную площадь и пустыри за нею битком набитые народом. Кавалерийские полки, исключительно из европейцев, обрамляли с артиллерией весь горизонт в виде подковы, перед ними стояла построенная в шеренгу инфантерия, а перед этою человеческою стеной красовались жиденькие батальоны солдат из войск независимых раджей. В этом замкнутом в полверсты в диаметре пространстве теснились бесконечные вереницы слонов с башнями, паланкины и верховые лошади магараджей; затем целое волнующееся море различных разукрашенных народностей.

Оставив экипаж за барьером, нам пришлось пробираться между слонами шаг за шагом и с некоторою опасностью для наших туалетов, а что вышло еще опаснее, между ног лошадей и верблюдов. Слон — существо велемудрое и весьма осторожное. Он ни за что не наступит на живое существо, хотя бы то была букашка, если только он заметит ее вовремя; подняв свою мясистую морщинистую ногу, он глубокомысленно уткнет хобот в землю и станет спокойно ожидать, пока она выползет из-под ноги, а уже затем только, фыркнув, установит свое прерванное равновесие. А верблюд — существо и глупое и грязное. Так и в этом случае: в то время, как слоны, пыхтя, тяжело сторонились от нас, богопротивные верблюды оплевали нашу компанию... Туземные мистики пребывают в полной уверенности, что в слонах обитают души браминов, считающие тяжким грехом лишить жизни даже клопа; а в верблюдов переселяются лишь одни низкие души магометан...

Не легко было пробраться среди этой толпы. К счастью, в нашей компании находились мистрис У. — жена гусарского капитана, полк которого участвовал в церемониале, да один из влиятельнейших железнодорожников рая туземцев.

Добравшись с величайшими усилиями до главного подъезда, наш железнодорожник сунул нас предварительно в камеру кассира, а сам пошел на верхнюю платформу приготовить нам места на переброшенном над поездами мосту. Оттуда публика, не смешиваясь с туземными принцами и не мешая

распорядителям и властям, могла видеть, вися на три аршина над платформой, все, что на ней происходит. Пока же, сидя у окошечка, выходящего на крыльцо подъезда, мы имели довольно времени налюбоваться на беспрестанно подъезжавших раджей и, конечно, не теряли времени глазеть на диковинное зрелище...

Пред нами огромный двор, наполненный разряженными «царскими» слонами. В длинных до земли пополах из золотой парчи, вышитой жемчугом и драгоценными камнями, с золотыми, украшенными изумрудами, кольцами в огромных хлопающих ушах и на конце хобота, с пучками великолепнейших магнолий и страусовых перьев на голове и у корня хвоста, эти дюжие животные представляли для нас, невинных западников, самое оригинальное, диковинное в мире зрелище... За одною слонихой необычайного роста бежал ее слоненок, несущий на спине длинную лестницу из чистого серебра, по которой его хозяин раджа, готовясь садиться в башню, влезал на его гигантскую родительницу. Слонов во дворе было так много, что не было возможности разглядеть даже половину. Некоторые из *х'ауд* были закрыты от солнца красными бархатными занавесками с богатою золотой вышивкой, тогда как сами слоны буквально исчезали под чапраками из такого же бархата, с золотыми вышитыми на нем цветами; каждая из попон стояла в Индии, где ручная работа почти ничего не стоит, от 5 000 до 10 000 рупий! У многих слонов их умные, важные лица были разрисованы геометрическими фигурами, линиями и звездами, перемешанными с астрологическими знаками, от дурного глаза. Почти у всех на толстых ногах красовались дорогие браслеты из золота, серебра и драгоценных камней, а на конце клыков были надеты золотые шарики, величиною с яблоко, у других весь лоб до глаз и крестец были покрыты золотою сеткой с камнями. На слоне магараджи Кашмирского было навешено на 250 000 рупий одних драгоценностей! Его кольцо из чистого золота, ниспадающее на всю грудь слона бесчисленными монетами, и в несколько аршин в окружности, охватывало его толстую шею кольцами величиною в московский бублик; а *его махут* (возница), сидящий между ушей животного, словно человеческая бородавка, колотил его голову острою булавою из чистого золота, украшен-

ною бирюзой и крупным жемчугом. На каждом слоне была или башня или же открытое сидение в виде двухместного задка фазтона. *Хауда* на вице-королевском слоне, самом огромном из всех слонов на дурбаре, была из чистого серебра с золотыми украшениями и стоила казне 25 000 рупий...

Касательно невежливых «кораблей пустыни», их было гораздо меньше, нежели слонов, но и эти горбатые существа были не менее разряжены. У одного оба горба были покрыты парчой, вышитою шелками и жемчугом; на уродливой морде сияла узда с золотою насечкой, а на макушке красовалась золотая коронка. У магараджи Путтиалы был целый артиллерийский верблюжий полк. Как животные, так и их ездоки, одеты в красные с желтым мундиры и чепраки. Говорят, что этот полк из самых полезных и бравых. Каждый артиллерист имеет пред собою длинную винтовку, приделанную к передней шишке седла на вертлюге и крутящуюся по всем направлениям. По словам очевидца, бомбардир, сидя верхом между двумя горбами, заряжает и стреляет из этой винтовки с удивительной быстротой и великим риском прострелить голову своему верблюду.

«Эти послушные животные, — описывает офицер, выдавший их в деле, — движутся учащенной рысью, один за другим, далеко вытянув вперед шею, словно гонимое мальчишкой стадо глупых гусей. Но при первом тихо произнесенном их седоком слове верблюд останавливается как вкопанный, и, услышав в двух вершках от головы свист пули и выстрел, он снова пускается во всю прыть, делая по пятнадцати миль в час».

Не менее своих слонов и верблюдов были разодеты магараджи и науабы, которым я никак не могу простить их привычки протыкать насквозь, как бусы, самые дорогие изумруды и оправлять рубины почти неопределимой стоимости в серебро! К покрытому красным сукном крыльцу ежеминутно подъезжали раззолоченные виктории, коляски, фазтоны и кареты, которые показались бы верхом безвкусицы в Лондоне или Париже, но в Индии превосходно гармонируют с остальным. В каждом экипаже сидело по два человека: раджа — ошуюю и английский офицер в мундире — одесную. Вот худенькая, бледно-зеленоватая фигурка науаба Бахавультурского, в *pinse-nez*, фиолетовом бархатном кафтане, шелковых

чулках и башмаках танцовщицы. Науаб принадлежит к партии «реформаторов», то есть дует вино и водку и, не желая являться босиком, обувается в женские розовые чулки и башмаки.¹ Его ведет под руку приставленный к нему «политический офицер». За ними новая пара: громадный раджа Капарталлы с насурьмленными бровями и вымазанными *гёзеллем*² ресницами тащит как на буксире крошечного полковника В... За ними раджа Мандии со знаком Вишну на лбу, с ножными браслетами до колен и сияющею на солнце алмазною диадемой на тюрбане угрюмо шествует возле своего надзирателя. Вот подкатили один за другим раджи Чамбы и Сукета: сирдар Кальзии и науабы Малер-Котли, Логару и Дуджаны, блистающие всеми цветами радуги и похожие на ходячие ювелирные выставки. Все эти изнеженные царьки распространяют вокруг себя одуряющий запах мускуса, розового масла и амбры... Издали легко принять их пестрые, восходящие по лестнице попарно с британскими офицерами фигуры за дам в маскараде, совершающих с кавалерами торжественный полонез...

Оставив кассирскую конурку и взойдя на платформу, мы очутились словно в ложе над сценой. Представшая перед нами картина оказалась еще оживленнее и интереснее... Прямо под ногами у нас магараджа Кашмирский, приехавший с восемнадцатью подвластными ему сирдарами: одна сплошная масса драгоценностей!.. Жемчужный с бриллиантами полуаршинный панаш на его тюрбане почти касался перил моста, где нас поместили, а белая атласная одежда сияла алмазами. Рядом с ним стоял, косясь на него, престарелый магараджа Наббы, в излюбленных им изумрудных гроздьях, обрамлявших его лицо, словно зеленый венок водяного лешего, он стоял, гордо опираясь на дорогую саблю, увы, едва ли не осужденную навеки пребывать в заржавленных ножнах!

Приехав, конечно, в своей серебряной коляске, «старый Джиид», сожалел, быть может, что не мог в ней въехать на платформу и тем снова растравить рану в сердце соперника,

---

¹ Туземцы обязаны, являясь к англичанам, быть или босыми, оставляя туфли у порога, или же надевать чулки и обувь:

² Сурьма — антимоний. В Индии многие, большая часть мужчин, красят себе глаза антимонием, чрезвычайно, говорят, предохраняющим зрение.

удовольствовался на сей раз тем, что нацепил на себя в десять раз более изумрудов, нежели болталось на голове повелителя Наббы. Далее, между ног какого-то сановника в мундире и треугольной шляпе копошилось крошечное существо в футляре из парчи, покрытой бриллиантами... Многие из второразрядных раджей подходили к этой сияющей крошке и униженно кланялись, становясь для этого почти на колени, а британские сановники, проходя мимо, покровительственно *хауду-ю-ду-кнув*, кивали маленькой драгоценной массе головой и протягивали ей два пальца для *shake hands*. То был магараджа Путтиалы, семилетний ребенок, которому никто не дал бы более пяти, хоть его светлость уже года три как женат.

Но все-таки и это не разъясняет мне, почему у маленького магараджи путтиальского уже есть заранее приготовленный «предполагаемый наследник»?

Но у всех *дурбарных* магараджей, сердарей и науабов такие постные лица! Невзирая на весь внешний блеск, роскошь обстановки и торжественность встречи, эта многочисленная компания туземцев, имена которых внесены в «Золотую книгу»,¹ напоминала собою гораздо более вынос тела на богатых похоронах, нежели собрание величайшей знати Индии, съехавшейся для радостного привета новому вице-королю. Приехавшие за два часа до поезда, одни, без обычной свиты и прислужников (которых из боязни толкотни, вероятно, не пустили на узкую платформу), все эти принцы ходили и стояли, словно приговоренные тени из Дантова Ада. Им даже нельзя было присесть отдохнуть, так как не было там ни одного стула, а сесть по обычаю на кончик позвонка им, верно, не позволяли. Сумрачные лица суровых сикхов; как-то боязливо разбегаются по сторонам хитрые, полные затаенного лукавства и ненависти глаза мусульманских принцев; хмурятся разрисованные сектантскими знаками лбы владетельных индусов, а паче всех — чело магараджи «счастливой кашмирской долины». Даже толпы затянутых в мундиры англичан смотрят вдвое напыщеннее и с гордо поднятыми головами прохаживаются мерными шагами по платформе в ожидании поезда. Все молчат, один лишь еле слышимый шепот доносится по

---

¹ Все знатнейшие имена магараджей, раджей и браминов внесены в «Золотую книгу».

временам из группы английских городских властей, стоящих отдельно от прочих и не обращающих ни малейшего внимания на представителей династий, из коих многие ведут свой род далеко за Ксеркса. Никогда не приходилось мне видеть в двух шагах от себя такую толпу, человек до трехсот и в то же время присутствовать при таком молчании: словно они все превратились в глухонемых. Одинокая как перст фигурка, маленькая, сгорбленная, худая, в стареньком поношенном сюртуке, в белой подвязке вместо галстука и когда-то черном, а ныне порыжевшем и изломанном цилиндре семенила тонкими ножками по платформе, перебегая от одной группы к другой и заговаривая со всеми магараджами. Невзрачная фигурка оказалась ни более, ни менее как его высокопреосвященство, епископ Лахорский. Не успев в продолжение своей многолетней карьеры обратить в христианство ни единого индуса, он, говорят, поклялся выстроить на деньги одних магараджей-язычников кафедральный собор в Лахоре. До сих пор, хоть этому обету уже минуло несколько лет, к будущему собору выстроен один только фундамент да две стены; но зато его высокопреосвященство успел только надоесть злополучным раджам.

Чу!.. Свисток, один, другой... третий, затем трезвон на платформе, и все на минуту замирает... Британское начальство вытягивается; раджи и науабы превращаются в соляные столбы. С шипением и свистом все близится поезд, задерживает ход и, наконец, останавливается. Пред вице-королевским вагоном становятся во фронт лахорский генерал-губернатор и главнокомандующий войсками генерал Гейнс и первые приветствуют выходящего маркиза Рипона. Мы ожидаем взрыва приветствий *ура!*.. Нам отвечает одно пыхтение успокаивающегося локомотива, сдержанный говор, да глухой гул тихо обмениваемых фраз... Сгибаются спины, вздымаются шитые золотом фалды вице-мундиров, мелькают обтянутые в белые перчатки руки во время взаимных рукопожатий, и более ничего!.. Вице-короля трудно отличить от других. Довольно полный, низенький человек лет пятидесяти, с большою, длинною бородой с проседью; лицо добродушное и красное, но, выражаясь паспортным языком, «особых примет не имеется». Однако, присмотревшись, вы видите пред собою настоящего

джентльмена, с мягкими, спокойными и полными достоинствами манерами... Впрочем, в Симле, в своем простом сером пиджаке, он нам нравился еще более, нежели в Лахоре, в регалиях, треуголке и с грудью, покрытую орденами и алмазными звездами...

Не успел благородный лорд пожать и полдюжины рук, как пред ним предстал президент Лахорского муниципального комитета с адресом. Адрес был напечатан золотыми буквами по белому атласу и покоился в прелестном серебряном футляре, работы артистов в Люкнау.¹ Приведу лишь один параграф из этого списка, прочитанного твердым и официально растроганным голосом:

«Не находим достаточно слов поздравить себя с тем, что с первого же года наместничества вашей милости выпало на нашу счастливую долю принимать ваше превосходительство в столице Пенджаба, под столь радостным для нас предзнаменованием. Мы говорим о миссии вашей первому приветствовать и сделать смотр тем храбрым воинам, которые так благодарно и героически защищали честь своей императрицы и отечества в последней афганистанской кампании. Дозвольте же нам, благородный лорд, принести вашему высокопревосходительству наши сердечные поздравления в необычайно блестящем успехе, который так постоянно сопровождал ваши доблестные британские войска на поле брани в Кабуле, Шерпуре и других местах, и в том также, что довелось нам мирным путем водрузить эмира Абдурахмана на престоле афганистанском под высоким британским покровительством»...

Подписано семью европейцами, 12 сикхами, пандитами и разными *бахадурями* и девятью магометанскими ханами, шейхами и науабями, членами муниципалитета города Лахора.

Цветистое красноречие этих пожеланий и выражений восторга было принято в глубоком и благоговейном молчании... Два или три героя столь блестящей афганской кампании крякнули, но ничего не сказали...

Пожав руки всем представляемым ему англичанам, вице-король стал пожимать длани и подводимых к нему, разыгрывавших до того роль шпалер магараджей. В это самое время

---

¹ Люкнау и Дели славятся своими золотыми и серебряными изделиями.

ему стали отдавать королевский салют: сперва стоящая на платформе европейская почетная гвардия, за ней железнодорожная артиллерийская батарея.¹ Одним из первых был представлен маленький Путтиалла, которому вице-король ласково пожал только что вынутую из рта руку и погладил его по усеянному алмазами тюрбанчику. Затем рука маркиза протягивалась еще несколько раз к темным рукам различных туземных светлостей.

Чтобы лучше видеть торжественную процессию на слонах и верблюдах, напомнившую мне сцену из «Сандрильйоны», где поется:

«Un cortége magnifique
Composé d'beaucoup d'chameaux»

мы оставили наш мост и отправились на старую высокую башню у ворот вокзала. Оттуда дорога, усеянная триумфальными арками, украшенная по обеим сторонам значками и флагами и обрамленная 10 000 войском, расстилалась перед нами до самого города как на ладони.

Процессия состояла из пятидесяти девяти слонов. Во главе, на самом огромном из них ехал вице-король. За ним, по два в ряд шли слоны немного поменьше ростом первого, удостоившиеся нести драгоценные ноши: генерал-губернатора и главнокомандующего, престарелого генерала Рейнса, свиту и лахорских высших властей. Совсем в арьергарде, уже *по три в ряд* и *обязательно* меньше ростом двух первых рядов слонов, выступали слоны с магараджами и наубами...

Дойдя до этой страницы моего правдивого повествования, заранее приношу извинения тем из англо-индийских властей, которым случится прочесть эти строки.² Но истина за-

---

¹ Здание железной дорога в Лахоре, как и во многих других городах Индии, вместе с тем и *вооруженная крепость*.

² А что многие из них читают, конечно в переводе, мои письма в «Моск. Ведом.», то не подлежит сомнению и даже весьма льстит моему самолюбию. «Bombay Gazette» недавно цитировала целые фразы, немного перековерканные, из «Пещер и дебрей Индостана». Как эта газета, так и преследующий меня *за мою национальность* «Times of India», сделали мне честь донести на меня публике; «Под псевдонимом Радды-Бай, начиная от № 305, 30 ноября 1879 г.,

ставляет меня сознаться в следующем, быть может, не совсем лестном для них факте: насколько истый индеец в своем живописном костюме красиво и роскошно выглядит в хауде на слоне, настолько британец в мундире и треугольной шляпе смешон на нем... Издали — ни дать, ни взять, облаченные в красные генеральские мундиры и треуголки с плюмажем мар-тышки на больших, покрытых попоною пуделях!.. Не доставало для полного сходства одной шарманки, но она вполне заменялась тремя военными оркестрами, которые гремели с замечательным единодушием: «Rule Britannia» и «God Save the Queen», каждый в собственном тоне...

Вдруг пронеслась с быстротою молнии странная весть: магараджа Кашмирский отказался участвовать в вице-королевской процессии. «Он уехал домой, в лагерь!»... Скандал и общее смятение. Одни говорили, что он притворился больным, другие — что он обиделся, потому что как генерала английской армии его место было с европейскими генералами, возле главнокомандующего, а не позади, со второстепенными раджами; еще другие — что он попал под опалу, и вице-король даже не подал ему руки на вокзале и т. д. Но отчего и почему, — мы ничего не узнали, а газеты об этом даже не заикнулись. Очень скромный народ, здешние репортеры, и действуют с большим единодушием с правителями Индии...

Процессия двинулась однако и без своенравного магараджи.

— Вообразите, — повествовал прибежавший в башню некий юный чиновник, — магараджа настаивал, чтобы ему привели его слона к главному подъезду, где в то время устраивалась процессия, и вице-король влезал уже по лестнице на своего мамонта!.. Удивительное невежество и бестактность...

— И что же? Пустили его?

— Конечно не пустили: или ступай на предназначенное тебе место в процессии, или исчезай с заднего крыльца!..

— Да ведь он этим еще более оскорбится...

«Моск. Ведом.», я, де, пишу об Индии в самом *англо-фобском* (Anti English) органе России, в Московской Газете!..» (См. «Bombay Gazette», ноябрь, 6.1880).

— Непременно!.. Следовало бы его еще более проучить... Наше правительство слишком нежничает с этими черномазыми!..

— Ну уж, будто бы, — сорвалось у меня с языка. — Так вы бы их лучше уж всех разом повесили, без дальних хлопот,— добавила я, постоянно забывая о своем щекотливом положении в Индии.

Юноша покосился на меня, а я прикусила язычок. К счастью, мистрис У. совершила счастливую для меня диверсию, спросив его, что же, наконец, стало с магараджей...

— Ничего особенного... Он сел на верховую лошадь и ускакал со своими сердарями домой, в лагерь... оставив слона в процессии...

— Да как же это? Разве слон так и отправится один и без седока?

— О нет! Им воспользовался кто-то... кажется, наш старый епископ...

Наконец процессия устроилась. Последний слон вывалил из ворот, и потянулась длинная, сияющая в догорающих лучах заходящего солнца золотом, пурпуром и дорогими камнями, вереница поработанных лесных гигантов... Впереди вице-король, за ним европейцы, а в хвосте поработанные не менее своих слонов раджи и когда-то великие мира сего представители угасающих династий Востока. Всех слонов было, как выше показано, сверх пятидесяти, и возле этих махин самые рослые лошади кавалеристов и гарцующих сердарей казались издали и с высоты нашей башни собачками. Но вот приблизился пестрый кортеж к триумфальной арке из зелени и повернул по дороге к городу между двумя сплошными стенами войск. Снова выпалили царский салют, снова музыка прогремела национальный гимн, а затем снова грозное молчание! Ни крика приветствия, ни одного *ура*, ни малейшего изъявления радости, словно на эти массы напал столбняк. Похоронная процессия бывает оживленнее.

Что за притча такая? — недоумевали мы, ожидавшие, конечно, хоть искусственно-восторженного, но все же не такого холодного приема. Тайна отчасти разъясняется откровенною передовою статьей, появившейся несколько дней спустя в одной туземной газете. С переменой министерства индусы рас-

храбрились, спеша воспользоваться коротким сроком отдыха, гарантированного им победившей партией. Предоставляю говорить за себя самим туземцам, стараясь сохранить в переводе их оригинальный язык.

«Корили лягушки бросающих в них камнями мальчишек: вам забава, нам смерть! Жители Пенджаба имеют полное право сказать то же самое о лахорском дурбаре. Без сомнения, это празднество доставило огромное развлечение индийским властям от вице-короля до последнего чиновника включительно. Но для туземцев вообще, а особенно для тех несчастных владетельных принцев и магараджей, которым было приказано явиться на поклон, дурбар оказался неиссякаемым источником страдания. Чтобы не оставаться перед другими в посрамлении, каждый наполовину, если не совсем разоренный раджа обязан затрачивать огромные суммы, которых у него нет и которые он должен занимать, и ехать со свитой и целым лагерем иногда за несколько сот миль на Поклон. Конечно, цель таких дурбаров известна каждому. Наши правители ищут сделать по возможности сильное впечатление на нас — туземцев, подавить нас величию британской нации. За каких же глупых ослов они нас принимают? Неужто они надеются пленить нас стеклянными бусами и блестящими медными ноговицами, как некогда пленяли оными во дни вторжения в Южную Америку испанцы краснокожих индейцев? Но хотя мы и индийцы, но не краснокожие... Воззваниями к одному воображению довольно трудно проверить сердца наших народов, а великолепию англичан никогда не справиться с величием и пышностью дворов наших прежних правителей. Подобная тактика может быть удачною лишь с дикарями, но и с ними не всегда, так как ведь и дикари скоро поймут, что одним воображением да зрелищами чужого богатства не насытишь пустого желудка. Довольно англичане поражали воображение наших невежественных масс. Мы ожидаем теперь от их сновников чего-либо посущественнее, хотя бы удовлетворения наших самых насущных нужд. Ничего не может быть далее от истины, как идея, что индусы падки на роскошь и наружный блеск. Издревле в высшей степени интеллигентная, даровитая нация индийцы как раса всегда отличались необычайною воздержанностью в своем образе жизни. Трудно найти людей

проще нас в пище, в одежде и во всем, касающемся наших повседневных привычек. Магометане любят роскошь и блеск, но индусы так же просты и воздержанны теперь, как и тридцать столетий тому назад. Высшая из наших каст, брамины, превышающие своей численностью все другие сословия в Индии, почти аскеты. Раджпуты — современные спартанцы, и разве одних магометан удастся нашим правителям привлечь своими дурбарами... Так долой, мишура и пустые забавы! Их железные дороги, их телеграфы, превосходная дисциплина в их армии — вот, что внушало и внушает нам уважение к английской нации, но уже никак не эти глупые выставки роскоши, напрасная затрата капиталов из ежечасно иссякающей казны нашего отечества!».

Глава 6

*Сады Шалимарские и незабудки с берегов Рейна. — Допотопные экипажи. — Нисходящая иерархия раджей и восходящая иерархия завоевателей. — Британские идеи о русских. — Что англо-индийцы почитают за *res plus ultra* «бон-тона»? — Олимп и отсутствие амброзии. — Счастливые раджи и голодные кули. — Кого Англии следует страшиться? — Обед шотландских героев. — Каширский Вильгельм Телль. — Долговязый майор в западне. — Правда глаза колет даже героям.*

Вице-король оставался в Лахоре до 17 ноября, и вся неделя его пребывания ознаменовалась ежедневными праздниками. Общий «большой дурбар» был назначен 15 числа, после чего он уезжал на свой «официальный тур», намереваясь объездить почти всю Индию. Зрелищ «выставок роскоши» являлось поэтому в изобилии, и мы едва поспевали на всевозможные кортежи, смотры и увеселения, со слонами и без оных, но всегда с магараджами как непременною частью этих «выставок» величия победоносных бриттов.

Самыми замечательными из всех увеселений явились три: гулянье в иллюминированных садах Шалимарских; праздник с обедом, данный городом, по подписке впрочем,

полку шотландцев и «общий дурбар». Смотр всех войск, — которых было не 10 000, как это передавалось в газетах,¹ а всего около шести тысяч человек, так как большая часть остальных лежала по госпиталям, — ничего для меня не представил особенного. Кто видел петербургские маневры и смотры в Париже во дни Наполеона III, не потерял бы ровно ничего, оставаясь у себя дома во время смотра в Лахоре. Но о двух остальных увеселениях стоит сказать несколько слов, особенно о садах Шалимарских. Эти чудные сады, расположенные миль четыре от города, обязаны своим существованием могольскому императору Шах-Джахану, злополучному строителю Тадж-Махала и еще более злополучному отцу своего сына Аурангзеба, посадившего родителя в крепость и продержавшего его там до самой смерти. Шалимар в переводе — «Обитель радости». Парк почти на целую милю в длину и разбит на трех вздымающихся одна над другою террасах: имеет 450 фонтанов с водой, бьющей из них в полной исправности и столько же мраморных бассейнов, в которые вода этих фонтанов, прозрачная как слеза и холодная во все времена года, переливается с более или менее поэтическим журчанием, смотря по душевному настроению посетителя.

Удивительные садоводы были эти магометане! Европейские турки, своими разбитыми по западной системе садами, не могут дать даже и приблизительного понятия о садах индийских моголов. Туристы, посещающие Альгамбру, могут судить по развалинам мавританских киосков, фонтанов и ныне заросших, перепутанных, как лабиринт, аллей о красоте садов Индии. Правда, Шалимар как сад, не уступающий парку магараджи Путтиальского близ Кальки, лишен его обстановки, великолепной панорамы бесконечного хребта старого Гимавата.² Зато ничто не может сравниться с его чудною растительностью, в которой соединились цветы всех частей света. Словно и растительное царство собралось держать в Шалима-

---

¹ Туземные войска независимых магараджей не присутствовали на смотре и потому не могут быть взяты в расчет.

² *Гимават* — санскритский двусложный термин, означающий «снегом увенчанный», от слова *Гима* — снег и *ват* — лохматый, а Гималайя в буквальном переводе «обитель вечного снега», *алайя* — «обитель».

ре дурбар. Долго не забыть нам неподдельного чувства радости, когда у подножия огромного старого манго, укутанного, как подагрик, обвивающим его кактусом, мы нашли небольшую грядку с фиалками и незабудками! Последние цвели на берегу старой канавы, посеянные, как нам сказали, женой одного немецкого миссионера. Вообразите себе Рейн у подножия Гималаев, далекий север, забредший в гости к своему южному брату, почти под самыми тропиками... Я сорвала несколько веточек цветов, каких никогда мне и во сне не снилось увидеть в палящих долинах Индостана...

Под вечер, 12 ноября, мы отправились на иллюминацию Лахорского сада. Наш путь лежал через бесконечные густые аллеи, превращающие все главные города Индии в Фонтенбльский лес. Уже вековые деревья бросали длинные косые тени на старые полуразрушенные мечети и мусульманские кладбища, расстилающиеся по обеим сторонам дороги. Ни в самом Лахоре, ни в его окрестностях не осталось почти ни одного вполне уцелевшего памятника моголов. Ненависть последнего царя Лахорского ко всему мусульманскому разрушила все, что только могла разрушить, пока не погиб, попав в ловушку, и сам разрушитель и царство его...

Широкие аллеи были буквально загромождены спешившими на празднество экипажами, всадниками и скороходами британской и туземной знати. Между колес аристократических колясок и *барушей* проскользали, как молния, крошечные *эки* туземцев, представляющие самый любопытный контраст с экипажами остального мира.

Экка состоит из голой доски, положенной на два большие колеса. Над этою доской — род балдахина, иногда из бархата и дорогих материй, а чаще — из простого одеяльного ситца, прикрепленного на четыре столбика, воткнутые по четырем концам платформы. В этот примитивный экипаж, о котором упоминается в древнейших рукописях Индии, впрягается крошечный бычок из породы гималайских горских быков-карликов, или же такой же миниатюрной породы *пони* величиною с большую ньюфаундлендскую собаку.¹ Оба живот-

---

¹ Крошечная, но в Индии такие лошадки продаются за 5-10 рупий; но есть между ними порода такая же крошечная, но из столь быстрых скакунов, что за них платятся для скачек большие деньги.

ных, обладая изумительно по своему росту силой и выносливостью, скачут, особенно бычки, быстрее иной лошади. В этом экипаже, где едва ли мог бы поместиться один европеец, ухитряются усесться на корточках иногда до четырех туземцев, с возницей — пять!.. И летит такая эцца, словно ветер в поле, летит, оглушая прохожих своими погремушками и колокольчиками, покрывающими бычка от позолоченных рожков до хвоста: а главная в ней прелесть та, что она не может опрокинуться... И вот мчались и теперь по дороге к Шалимару такие допотопные таратайки, нахально опережая кровных рысаков раджей, отправлявшихся на поклон к вице-королю, теперь уже в более европейском виде, в модных колясках и без слонов... Невзирая на всю царскую обстановку, скороходов и другие затеи, их светлости находились, как и всегда, вынужденными давать дорогу всякому англичанину-писарю, ехавшему в наемном *гарри* (биржевой карете).

Вдали, в золотистом тумане быстро потухающего дня, еще горели ананасоподобные верхушки пагод и храмов, но подножия их уже стемнели и словно плавали в синевших, подымавшихся над рекою парах, когда мы стали приближаться к саду. Красиво выглядела вся эта огромная темно-зеленая, теперь почти черная, масса, словно уходившая своими террасами в темно-синее, уже усеянное бледными звездами, небо. Кое-где зажигались огоньки, но когда после многочисленных остановок и осторожного лавирования среди сплошной массы народа наш экипаж остановился у широкой аллеи, ведущей к главному входу, черная масса давно превратилась в огненную, разбегаясь целыми волнами пламени справа, слева и позади нас... Не желая входить вместе с аристократической толпой, где нам пришлось бы давать дорогу всякому английскому сержанту, так как с нами было много туземцев, мы решили подождать. Не выходя из коляски, мы приказали отъехать к стороне и, став под группую развесистых смоковниц, получили возможность вновь любоваться постоянно прибывающими раджами.

На всех этих политических празднествах, как в царствии небесном, «много званых да мало избранных». В сад на иллюминацию допускали лишь по билетам, но и там, как и в процессии и на всех дурбарах, каждый сверчок должен был

знать свой шесток. Из туземцев в саду были одни раджи со свитами, да главная городская знать из индусов с мусульманами. Билетов было всего три тысячи, а зрителей — сверх ста тысяч.

Аллея, ведущая к воротам сада, по обеим сторонам была освещена тысячами китайских фонарей. По высоким стенам тянулись огненною линиею площадки, странной и столь любимой в Индии формы атрибута богинь или *Дурги*, то есть женской производительной силы в природе. Над сияющими прихотливыми узорами в восточном вкусе пылали выше бесчисленные панели с монограммой и гербами маркиза Рипона. В саду за воротами, — сквозная беседка, — целый дворец в мавританском стиле, с широкой аркой, вместо дверей и минаретами по бокам, сияла, словно усыпанная сверху донизу огненным бисером, являясь воображению каким-то огнедышащим драконом, охраняющим заколдованные сады. Громадное здание заслоняло весь вид во внутрь парка. Далее открывалась просто волшебная панорама, достойная *«Тысячи и одной ночи»*. На первом плане — пространнейший цветник, перекрещенный, как лабиринт, дорожками из цветных изразцовых плит. Меж ними, словно узлы, перевязывающие эту сеть дорожек, возвышались белые мраморные бассейны, круглые и звездообразные, но каждый в виде геометрической фигуры с высоко бьющими фонтанами, посреди самых редких цветов. А надо всем этим, опускаясь над корзинами и фонтанами, как потолок палатки, гирлянды разноцветных огней, сверкающие всеми радужными переливами опалов, в брызгах сорока водометов!..

Над волшебною площадкой воздымается первая терраса сада, а за ней — вторая беседка поменьше, с большим балконом впереди. Она почти висит на краю скалы, над головами знатных туземцев, получивших *высокую привилегию* входа в сад, где находились вице-король и английские чиновники,¹ водопады и бассейны отделяют гостей от массы менее знатного, хоть и не простого, но все же *черного* народа, допущенного дышать одним воздухом с их белыми владыками. Балкон, или, скорее, платформа с перилами, покрыта дорогими коврами, уставлена тронами и креслами, на которых восседают сами

---

¹ См. «Civil and Military Gazette». Ноября 14, 1880 г.

боги и богини Олимпа с Юпитером во главе. Боги скучают, вероятно, за амброзией, так как непьющие сыны Инда и муниципалитета забыли о буфете и, как верное отражение их пасмурного лица, и у «знатных туземцев» лица изрядно вытянуты... В саду, как и на дебаркадере, несмотря на тысячную толпу, царствует торжественное молчание. Но оно придает тем более величия картине, в которой общее впечатление немного портится черными фраками и цилиндрами, да белыми галстуками богов. Но эта маленькая как бы фальшивая нота в общей массе гармонии замечается лишь нами, прихотливыми европейцами. В глазах суеверных туземцев, привыкших представлять свою главную богиню *Кали* под видом черной, как смоль, фигуры с ожерельем из белых человеческих черепов на груди и шее, черные костюмы победителей являются еще знаменательнее...

Зато костюмы туземцев были до такой степени оригинальны и богаты, что можно было забыть, что мы в стране Священной Коровы и вообразить себя на царском *bal costumé*. Шёлковая ли, бархатная или из тончайшего Кашмира материя, все было зашито золотом, жемчугом и рубинами; верхняя одежда, тюрбаны и пояса, один богаче другого, и всегда соблюдена удивительная гармония в целом, необычайное сочетание цветов. Вспомним, что в Кашмире известны более трехсот оттенков цветов недоступных европейским фабрикантам. В глазах пестрило и двоилось от такого непривычного перелива цветов и блеска дорогих камней. Даже ручки махалок из хвоста тибетского яка, которыми слуги отмахивают здесь назойливых мух и комаров от носов своих властелинов, были у многих сделаны из золота и покрыты словно *porte-bouquet* у модной красавицы, инкрустацией из драгоценных камней!

Молчание было прервано, наконец, громом и пальбой фейерверка. Взлетели под темно-синее небо бураки и прочие пиротехнические затеи. Между последними отличались воздушные надписи с приветом и пожеланиями на двух языках, английском и индостанском, вице-королю всего лучшего.

Встал вице-король Индии; вскочило за ним и все сонмище богов. Как по приезде в сад, так и при отъезде: пушки выпалили салют, и конец Шалимарскому празднеству. Другое любопытное торжество, но в ином роде, представил собою

публичный обед, данный двумя шотландскими полками. По программе за обедом следовали олимпийские игры, шотландские пляски под национальную музыку, песни, борьба атлетов и т. д. Исполнение программ увенчалось «полным успехом», по выражению лахорского органа англо-индийцев... «Особенно атлетические подвиги, *без всякого сомнения* убедившие туземцев еще раз в необходимости британской нации, доказав им фактически, насколько мускульная сила народа, управляющего ими, превосходит ту же силу в их тщедушных телах». Газета могла бы, но забыла, добавить к этому интересному анатомическому заявлению другое, чисто физиологическое сведение: насколько растяжимость сытого британского желудка превышает своею емкостью эту способность голодного желудка индуса. Покойный Гаргантюа наверное умер бы от объедения, если бы только пожелал соревноваться в этот день с чествуемыми кельтами!..

Целые горы ростбифа и жареных баранов; гекатомбы окороков и поросят, при виде коих мусульмане спешили удалиться, отплевываясь за первым скрывшим их углом; пирамиды плем-педдингов и фруктов, и разливное море пива и водки! Все это под двумя навесами, под которыми были накрыты два стола, на шестьсот персон каждый. Перед навесами, украшенными значками полков, триумфальная арка с навешенными на нее приветствиями «покорителям Афгана». Патриотические стихи и имена афганских местностей, где оба полка Highlanders наиболее отличились, сияли яркими цветами на темном фоне из пальмовых листьев.

Наевшись, напившись и накурившись, голоногое воинство направило свои стопы к поляне, приготовленной для национальных sports. У многих из героев ноги вследствие загара под солнцем Кабула цвета сырой говядины, тряслись и пошатывались после стольких усердных возлияний Бахусу. Но шотландские гладиаторы вообще вышли из боя с честью. Наслушавшись пения менестрелей, музыки волынок и свирелей и насмотревшись вдоволь на полковых клоунов и атлетов, мы расстались с побежденными и победителями. Оставив первых, громко храпевшими в глубоком пьяном сне на пыльной арене, а вторых — получающими приз в 300 рупий из нежных ручек мистрис Р., жены главного распорядителя шот-

ландца, мы отправились было домой, но были задержаны оказавшимся затем весьма необычным зрелищем по дороге...

Под раскидистым, зеленым манганным деревом оружейные полудюжиной голых мальчишек, два *туземные* атлета из уличных фокусников давали, в свою очередь, представление. Увидев нас и предчувствуя редко выпадавшее на их долю счастье заработать несколько медных монет, они предложили нам показать свое искусство, между прочим, знаменитую в Индии «пляску с мечами», известную более под именем «пляски смерти». Мы согласились...

Актеров было всего двое: активный и пассивный. Первый, высокий, тонкий как жердь кашмирец, с движениями голого коричневого тела, напоминавшими гибкие и грациозные прыжки арабской ливретки; второй, такой же голый индус, мальчик лет пятнадцати, косматый и грязный, но с глазами, горевшими, как у лесной кошки. Главный актер, весь костюм которого состоял из пояса от покойных *инекспресиблей* да блестящей сабли, поднес нам последнюю, прося убедиться в ее качестве. Лезвие оказалось до того острым, что один из наших спутников, еле дотронувшись до него, порезался; сабля была настоящею бритвой. Ряд наших удивлений начался с того, что кашмирец, увидав сильно капающую из пальца кровь, прыгнул неслышно, как тень, к небольшому мешочку и вынул из него какую-то тряпку (кусочек ярко-желтой, видимо, выкрашенной кожи), так же быстро приложил ее или, скорее, дотронулся до обрезанного пальца сикха и в одну секунду остановил кровь.¹

В то время, как за четверть версты от него британцы получали премии в 300 рупий за выказанную силу «мускулов», долженствовавшую внушить туземцам такой страх и уважение к их «непобедимости», наш голый фокусник выкидывал такие неслыханные подвиги, почти сверхъестественной лов-

---

¹ Мы предлагали ему до ста рупий за такой кусочек, но голодный, нищенски бедный кашмирец только отрицательно начал головой нам в ответ. «Этот талисман передан мне в наследство *умершим* отцом моим, который достал *его*, рискуя жизнью, и я поклялся возвратить *его* ему *перед смертью*», --- повторял он нам. Но посредством какого именно процесса он поклялся вернуть умершему родителю вверенную ему драгоценность, этого мы не могли добиться от него.

кости в фехтовании, что нам оставалось лишь открыть рот и сожалеть, что его в эту минуту не видят «непобедимые». Приведу лишь два для примера.

Положив мальчика, неподвижно растянутого на земле, со слегка растопыренными пальцами рук и ног, кашмирец, с саблей в руках, стоя на пол-аршина от головы лежавшего и обернувшись к нему все время спиной, начал плясать, выкидывая какие-то невиданные дотоле нами *па*. Все быстрее и быстрее делались его движения, и он стал высоко подкидывать свою саблю, хватая ее и ловя на воздухе голою ругой, безразлично за лезвие, как и за рукоятку, пока, наконец, не прерывая движений, он попросил нас «приказывать» ему, между какими именно пальцами рук или ног мальчика он должен бросить свою саблю. Сперва мы не поняли, а поняв — ужаснулись и отказались от выбора. Но у наших сикхов разгорелись глаза, и они стали называть и указывать на разные части распростертого перед нами тела. «Между большим и вторым пальцем правой руки», — закричал один из сикхов.

И острая, как бритва, сабля взвилась на воздух и, перевертываясь в своем падении на землю, стукнула тупым ребром по перепонке между названными пальцами, *за спиной* у бросавшего ее фокусника. В ту же секунду, мальчик, не пошевелив ни одним мускулом лица или тела, в свою очередь, высоко подкинул незаметным движением кисти правой руки саблю в воздух. Кашмирец, все танцуя к нему спиной, поймал ее на лету и опять потребовал выбора. На этот раз была выбрана левая нога между мизинцем и четвертым пальцами, и послушная сабля опустилась из-под небес прямо на указанное место; а левая нога движением ступни вновь отправила ее вверх и вновь очутилась она в проворной руке старшего индуса. Затем было выбрано место между макушкой головы мальчика и стеблем, растущим на несколько линий от нее, и сабля воткнулась острием глубоко в землю на одну линию от головы, а рукоятка поймана заброшенной за спину рукой танцора. Потом выбирались другие опасные места на теле мальчика. В десять минут времени сабля взвилась раз тридцать на воздух. Падая, она опускалась ребром буквально на среднюю линию выбранного наудачу места; перебивала между всеми пальцами рук и ног и всегда безошибочно, как бы опускаемая

верною и осторожною рукой какого-нибудь сообщника-невидимки!

Казалось бы, что одного удара простой тяжести сабли, усиленной быстротой падения, было достаточно, чтобы перебить мальчику все суставы. Ничуть не бывало. По окончании операции, он весело вскочил на ноги, подпрыгнул и, лягнув ногами воздух, уселся на корточки в ожидании дальнейших приказаний.

Кашмирец попросил затем у одного из сикхов апельсин и, получив его, сделал знак мальчику; тот мгновенно исполнил требуемое, растянувшись снова на земле, на этот раз ничком, и упираясь подбородком в апельсин, подкаченный к нему ногой хозяина. Тогда старший индус снова пустился в «пляску смерти», повернувшись, как и прежде, спиной к лежащему. Его движения сделались еще быстрее, прыжки все выше и изумительнее, и перешли, наконец, в бешеную скачку на одном месте. Он уже не подбрасывал в воздух сабли, а, извиваясь как змея, то подаваясь всем телом вперед, то перегибаясь назад, пока голова его почти касалась земли, он махал острым лезвием по земле, словно брея ее, и буквально косил пожелтевшую траву налету. У меня кружилась голова, глядя на эти змееобразные, быстрые как молния движения. В продолжение нескольких секунд он описывал таким образом своим страшным оружием полукруг пред собою; но вдруг, не повертываясь, закинул далеко руку за спину и одним быстрым движением, вперив горящие глаза в стоявшего возле меня сикха, рассек апельсин под подбородком у мальчика одним ударом!.. Удар пришелся ровно посередине, и бритва не могла бы разрезать его удачнее...

Сикхи завывали от восхищения, а я, признаюсь, побледнела. Каким жалким показался в моем воображении Вильгельм Телль с его подвигом над яблоком; а голоногие шотландцы, крики тожества которых доносились до нас с их поляны, чем-то вроде пляшущих по деревьям медведей. В сравнении со сверхъестественною ловкостью этого нищего кашмирца все доселе виданные мною подвиги фокусников и даже японцев бледнели и исчезали в пучине презрения.

Он повторил свой фокус не раз и не два, а двадцать раз в тот день и в последующие. Он рассекал своею околдованною саблей все, что мы ему ни давали: яблоки, орехи, даже яйца, и

непрерывно или в руке мальчика, или под его подбородком. Мы пригласили на этот феномен всех друзей и знакомых — в том числе несколько англичан и моего долговязого приятеля майора, между прочим. С последним случилось следующее.

Заметив, что фокусник рассекает предметы непрерывно с помощью своего мальчика и так быстро, что являлось почти невозможным следить за молниеподобным движением стали, майор усомнился.

— Быть может, — говорил он, — мальчик подменяет уже готовыми и наперед разрезанными яблоками и апельсинами еще нетронутые плоды... Как знать?..

— Ну, а яйцо, — заспорила я с ним. — Разве возможно подменить целое рассеченным?.. Ведь оно при малейшем движении вытечет...

— Гораздо легче предположить последнее, как оно ни трудно, нежели поверить, что фокусник, обернувшись к вам спиной, рассечет у вас яблоко, которое вы держите между двух пальцев, как он только что сделал это...

— Если вам угодно, то я готов держать выбранное вами яблоко, тотчас же, здесь и под вашим наблюдением, «майор Саиб», — предложил ему один из молодых сикхов. — Я вполне уверен в искусстве кашмирца...

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, *мой добрый друг*, — покровительственно процедил майор в ответ индусу, сыну богатого судьи, произнеся слово «друг» как бы сказав «болван», — вы, туземцы, все падки верить в сверхъестественное...

— Да в этом ничего нет сверхъестественного... кроме феноменальной ловкости этого человека...

— А... вы давно его знаете? — перебил майор презрительно, словно подозревал сикха в стачке с фокусником.

— Я вижу его со вчерашнего дня в первый раз в жизни! — с достоинством ответил оскорбленный туземец.

— Стойте!.. — вмешалась я. — Если вы, майор, думаете, что этот подвиг — просто ловкий фокус, и удар сабли проходит мимо, не задевая яйца, то оно и останется целым в ваших руках и риска вам нет никакого... Почему бы вам не сделать личного опыта?.. Вот несколько дюжин яиц в корзине... Выбирайте и становитесь в позицию!.. Майор покраснел и видимо растерялся.

— Неужели вы боитесь? — продолжала я. — Полноте!.. Я женщина, а сию же минуту готова подвергнуть себя этому опыту!.. — поддразнивала я его.

И, взяв яйца между большим и указательным пальцами, я стала за индусом, продолжавшим все время нашего спора плясать, потрясая острою саблей.

Индусы разинули рот, а майор воспользовался этим случаем, чтобы совершить диверсию.

— Надеюсь, что вы не сделаете этой неосторожности!.. — воскликнул он, бросаясь ко мне с аффектированной поспешностью и отнимая яйцо.

— Ну, так держите его сами!..

— Позвольте, — спокойно заметил сын судьи. — Яйцо в ваших руках совершенно целое, господин майор, не так ли?

— Ну да, *это* целое!.. А почему я знаю, что у мальчишки в *дотти*¹ не лежит другое, приготовленное?.. — отвечал майор, чувствуя себя не очень ловко.

— Так не угодно ли вам потрудиться подложить его мне под подбородок... — сказал сикх, бросаясь на землю ничком и заложив обе руки за спину. — Прошу вас, не спускайте с него глаз, доколе кашмирец не рассечет его...

Майор желчно рассмеялся, но сделал, как его просили. Он собственноручно положил яйцо под безбородый подбородок юного сикха.

— Ну, а теперь, — произнес он, грозно обращаясь к кашмирцу, дабы заявив свою верховную власть лучше скрыть свое замешательство под видом сугубой суровости, — если ты... либо промахнешься, либо порежешь саабу лицо, я тебя заставлю сгнить в тюрьме!..

В эту минуту, злясь на майора за его придирки, у меня родилась в голове мысль отомстить ему. Мне была известна его чрезвычайная скупость, а также и причина, почему он, несомненно храбрый человек, отказывался подвергнуть себя лично опыту.

— Стойте, господа!.. Одну минуту. Я желаю вам сделать одно предложение... вот вы, майор, безо всякой причины напустились на фокусника и, быть может, напрасно обругали и напугали его... ну, а что если он и не ранит сааба и не промах-

---

¹ Поясная одежда.

нется? Чем вы его вознаградите?.. Обещаете ли вы ему, в случае успеха, двадцать пять рупий или же лично подчиниться тому же опыту...

— С какой стати желаете вы заставить меня дать этому шарлатану такую сумму?..— вскипятился скупой майор.

— Только в случае, если он окажется не шарлатаном... а не то так держите яйцо или яблоко сами и тем составьте ему громкую славу и репутацию. Это... те же деньги.

— И этого я не сделаю!.. Надо мною все товарищи стали бы смеяться...

— А не сделаете, так над вами еще хуже станут смеяться...— сказала я, отводя его в сторону: — потому что в таком случае... я сама подвергнусь этому риску, даю вам честное слово... И завтра же все в городе узнают, а между прочими и мистрис Р., что там, где не побоялась опасности женщина, герой трансваальский и афганский, майор спасовал, если не струсил!..

Нервы у него разыгрались...

— Вы не сделаете этого!.. Все это пустая затея!..

— Нет, сделаю... а вы знаете, какого мнения мистрис Р. о *нервных* мужчинах и что она вчера говорила, что...

Майор побледнел. Мистрис Р. была молоденькая богатая вдова, и мой долговязый приятель был сильно влюблен в ее... приданое. Он поспешно перебил меня.

— Ну, перестаньте шутить... пожалуй, ради вашего каприза я дам этому дураку... ну, пять рупий.

— Двадцать пять... ни пенсом меньше. Не то я завтра же поведу моего Вильгельма Телля к мистрис Р. и подыму вас у нее на смех.

— Вы мстительны. Ну, так и быть... даю!..

— Господа! — громко заявила я — наш достойный майор, сознавая, что быть может, он напрасно обидел *джадуваллу* (фокусника), обещает ему 25 рупий, в случае успеха. Начинайте!

Мы находились в саду отеля, и тамаша (представление) привлекло много зрителей. Кашмирец попробовал лезвие на пальце и встал в позу, то есть, повернулся спиной к лежащему на земле добровольцу. У меня замерло сердце. Ну, что если он, в дурной час, промахнется! Пропал наш бедный сикх!..

С тяжелым вздохом майор еще раз присев на землю, овладел яйцом и в последний раз пожелал убедиться, что оно не подменено во время нашего разговора. Он довел свою предосторожность до того, что начертил на нем карандашом знак. Затем он тихо подладил его под подбородок сикха и, отойдя в сторону, дал знак кашемирку начинать.

На этот раз, против обыкновения, последний даже не косил травы. Подпрыгнув раза три, он перегнулся назад дугой и одним махом мощной руки совершил обычную глиссаду лезвием на четверть вершка от горла сикха. Сверкнула сталь и несколько сухих стебельков полетело в сторону. Но яйцо не распалось...

— Промaxedся! Промaxedся! — с злобною радостью воскликнул майор. — Что я вам говорил?..

— Напрасно радуетесь!.. Лежите смирно! Раттан-Чанд!.. Не двигайтесь ни одну секунду!.. Смотрите все!..

И, не позволяя никому дотронуться до яйца, я подвела майора ближе к нему... Ровно посередине овального белого шарика появилась желтая полоска, словно кто обмотал его этого цвета ниткой... Местами из-под этой полоски вытекали капли жидкого белка. Яйцо оказалось рассеченным пополам, словно бритвой!..

Торжество было полное. Даже скупой майор не очень хмурился, опорожня свои карманы в поисках двадцати пяти рупий, хотя под предлогом, что с ним не было достаточно денег, он и успел обсчитать кашмирца на четыре рупии, обещая отдать их ему после...

Но случая к «после» не представлялось более никогда. Кашмирец исчез с того дня, и ни майор, ни мы уже не встречали его... Когда он уходил, долговязый британец пожелал рассмотреть поближе его чудодейственную саблю. Пробуя и глядя лезвие, он ворчал себе под нос:

— Подобной стали я никогда не встречал!.. Откуда этот нищий мог достать ее!.. Гей, ты продашь мне эту... штуку?..

Тамашавалла только отрицательно покачал головой, заметив, что это «сабля отца» и он не может продать ее...

Глава 7

Великий дурбар. — Раджи готовятся. — Судилище Озириса-Аменты. — Озирис, Тифон и осужденные души. — «Русская интрига». — 500 искушений. — Чем может иногда разрешиться тайна «русской интриги» в Индии. — Данга. — Меня лечат астрологи. — Популярность маркиза Рипона. — Гомер и я. — Спасаясь в Бенаресе. — Финал.

Дрожали сердца магараджей, приготовлявшихся к великому дурбару в утро 15 ноября 1880 года. Кивали сонными головами их астрологи, проводившие целую ночь в наблюдениях за звездами, тщетно вопрошая отуманенное дождевыми облаками небо и получив в ответ лишь несколько капель дождя на бритые макушки... Ныли желудки бедных кули, работавших денно и ночью над сооружением вице-королевского лагеря и приготовлением дурбарной палатки. Тысячи клерков-писарей, одна из высших доступных туземцам должностей на коронной службе, изгибали далеко за полночь свои щедедушные груди над экстренною работою за своими конторками. Быстро, как птицы, мелькали *соусы*, разнося пригласительные билеты...

Без билетов — *point de salut!* Не было пропуска в священный политический *adytum*, где жрецы готовились в тот день представлять избранные жертвы главному идолу храма. Ровно шестнадцать лет со дня последнего Дурбара лорда Лоренса, в 1864 году, спал Лахор, забытый в торжествах последующими вице-королями. Счастливый город! Для него длинный ряд вице-королей, белых, черных, красных, пестрых, всех теней вигов и ториев, пролетел мимо, как ночной кошмар. Он заснул при лорде Лоренсе, самом любимом из всех вице-королей Индии, который так любил ее, что и по возвращении своем в Англию всегда заступался за ее интересы, даже против прямых выгод Манчестера; и вот Лахор снова просыпается при лорде Рипоне, который обещает сделаться вторым Лоренсом, достойным преемником справедливейшего из правителей Индии...

Но магараджи еще не знают своего нового вице-короля. В их еще свежих воспоминаниях о лорде Литтоне маркиз смутно рисуется таким сладкоречивым, бьющим на театральный

эффект «Лат-Саабом», как и их бывший вице-король, знаменитый Оуэн Мередит,¹ обещания которого туманны, как небо их родины, изменчивы, как Индийский океан, а нововведения и реформы убийственны, как дыхание *Нага*.²

Звезды не успели успокоить их насчет событий предстоящего дурбара. Даже обычно ясное небо их родины отуманилось на редкость накануне и оставило бедных раджей в полном неведении будущего... Вот почему страшатся они приближающегося дурбара с его «саламами», «нессарами» и грозными *комшионер-саабам*,³ как некогда страшился умирающий египтянин судилища Озириса... Их не прельщают даже ожидающие их дорогие подарки от имени королевы-императрицы, ибо, познав давно всю суету и опасность оных, они и теперь готовы в душевной горечи своей воскликнуть вместе с древними мудрецами: *Timeo Danaos et dona ferentes!*..⁴

Дурбар происходил на поляне возле городского сада. Широкая дорога, обрамленная по обеим сторонам рядами фонарных столбов, вела к вице-королевской палатке. Этих столбов прежде не было на этом месте, и они поставлены с их фонарями нарочно для торжества. Кругом главной, как маленькие опенки вокруг величественного мухомора, группировались другие палатки, поменьше, предназначенные для свиты: каждая с такою же, но еще более загадочною, нежели первая, дорогой, расстилающеюся перед ее входом. Говорю: «загадочная», потому что макадамизированная свежим слоем смолы (подозреваю, даже дегтем) в то самое время, как спешившие на дурбар смертные на засохших уже местах ее скользили и чуть не падали, на других, еще не успевших затвердеть, прилипали подошвами, как мухи к мухоловному пластырю. Аллегорическое ли то было представление ловческой способности англичан в их отношениях к другим народам,— не знаю, так как расспрашивать не дерзнула...

Прямо пред входом вице-королевской палатки, где должен был происходить *дурбар*, был помещен артиллерийский

---

¹ Owen Meredith — псевдоним лорда Литтона в литературе.

² *Наг* — бог под видом змеи, которая в Индии почитается священной.

³ «Комиссионер-господин». В Индии все навыворот.

⁴ Бойтесь данайцев, дары приносящих.

парк, пушки коего салютовали каждому входящему гостю по чину и заслугам. Так, перворазрядные магараджи получали право на 21 выстрел; раджи помельче на 18, 12, 7, а некоторые так даже всего на три.

Один за другим проходили по авеню фонарных столбов, междудвойными рядами шотландцев и двух батальонов туземного войска, в сопровождении почетного караула британских воинов, благоухающие восточную амброй раджи и магараджи. Это оригинальное совокупление ориентальных одежд и европейских мундиров, а особенно озабоченные, торжественно кислые физиономии гималайских potentатов, словно они все отправлялись на заклятие, напомнило мне известные карикатуры Гаварни из сцен парижского оперного бала. Точь-в-точь закостюмированные султанами и набобами парижане, увлекаемые за излишек канкана неумолимыми полицейскими сержантами, — au violon, potentаты подходили один после другого к навесу, снимали туфли, смиренно ждали, пока окончат назначенный каждому салют, а затем исчезали, словно колибри, поглощаемые в разинутой пасти полосатого боа-констриктора, в широко зияющей во глубине навеса двери в палатку.

Но предлагаю читателю проскользнуть за мною внутрь приемной залы, устроенной в палатке или, вернее, в двух палатках, так как наружная сливается со внутреннею или, как это здесь называют, «шамияной». Все здесь рассчитано на политический эффект: все обдуманно, и актеры, хорошо заучившие свои роли, готовы. Эффект, произведенный на туземную публику, и эффект, произведенный собственно на меня, опишу в виде добавления.

Общая обстановка вокруг нас напоминала мне картину, которую можно найти в Люксоре, как и на стенах многих других египетских руин, изображающую «Суд Озириса» над представшими пред ним душами в области *Аменти*. Даже внутренние стены и потолок первой палатки, подбитой материей столь излюбленного древними египтянами цвета всех оттенков охры, как бы срисованы с «зала суда», как мы находим ее на саркофагах и памятниках Египта. Взгляните, по обеим сторонам, прямо от входной двери до глубины второй или внутренней палатки, тянутся двумя длинейшими линия-

ми ряды сидений: налево — для туземцев, направо — для европейцев. Ошую сидят под видом раджей, сердарей и *деванов* грешные подсудимые души в Аменти, ожидающие решения своей дальнейшей судьбы. Вот сейчас станут взвешивать на адских весах их сердца и помышления, а затем, либо пошлют в изгнание в кромешную тьму, либо одарят пестрым халатом. Одесную же, где весь первый ряд занят официальными лицами, расположились не европейские «саабы», не коллекторы и комиссионеры, а «сорок два ассессора». По их как бы окаменелым лицам и бесстрастному выражению можно наверно предположить, что они судьи неумолимые. А вот и Тифон, обвиняющий подсудимых. Сегодня он нарядился в военный мундир шефа полиции, главного *секретного* надзирателя над поведением всех больших и малых раджей в Индии.

Далее, за квадратную палаткой, синее, словно глубь звездного неба, вице-королевская «шамиана», круглая, с куполообразным потолком, подбитая темно-голубой шелковой материей. По витым столбам и куполу ее горят, как звезды, золотые канделябры, лампы и разные блестящие украшения. А в самой глубине, на покрытой золотой парчой эстраде, возвышается серебряный трон с серебряными с позолотой британскими львами по бокам, с огромным гербом Англии на спинке престола, серебряною же скамеечкой с красной бархатной на ней подушкой, а за спинкою трона — королевским знаменем Великобритании!.. Под сенью гигантского штандарта сидит маркиз Рипон, Озирис дня. Он опирается обеими руками на лбы британских львов, как бы сдерживая их львиную ярость... Направо от вице-короля — группа военных, перемешанная с несколькими высокими чиновниками гражданского управления. То отборный букет, присланный Марсом и Фемидой; самые замечательные личности в Индии — под предводительством сэра Дональда Стюарта. Только что пожалованный командором ордена Бани, главнокомандующий войсками Индии,¹ стоял как Анубис, страж богов, охраняя вице-короля по программе.

За Анубисом толпился целый рой туземных босоногих слуг в королевской красной с золотом ливрее. Одни с неисче-

---

¹ Он получил эту высокую должность за афганистанскую войну и был назначен на место дряхлого Гейнца во время дурбара.

зающими с горизонта Индии махалками из яковых хвостов, которыми они так усердно хлестали воздух вокруг вице-королевской головы, что развеваемые во все стороны волосы вскоре образовали ореол вокруг чела благородного лорда; другие стояли неподвижно, словно бронзовые кариатиды, приподняв обеими руками *золотые рога изобилия!* Увы! «Золотые», но пустые! Не намек ли то на истощение индийской казны?

Да, казна пуста, но магараджи, раджи все еще сияют, как будто окунулись, нырнув с головою в голкондский рудник да еще не успели высохнуть. Когда среди пушечной пальбы и звуков национального гимна вице-король появился из боковой двери возле эстрады, словно бриллиантовая струя покатилась по направлению к серебряному трону. Низко согнулись спины, зашуршали парчовые одежды, зазвенели хрустальную песенку грозди алмазных, рубиновых и жемчужных ниток, висевших *фунтами* на темных лбах. Кто сказал, что Индия бедна?..

Еще раз сверкнула струя, отливаясь назад от трона, и теперь, когда настала торжественная минута затишья перед началом дела, стало легче рассматривать эти блестящие ряды венчанных индусов и моголов. Каждый из них еще до появления маркиза был торжественно приведен и посажен на означенное ему по рангу место, налево от вице-королевской эстрады. Главных раджей вводил министр-секретарь иностранных дел; второстепенных — чиновник, не столь важный; а третьих, то есть, последнего разряда, чуть не писарь.

Вице-король был одет в полный придворный костюм, то есть, в бархатное (если не ошибаюсь) верхнее платье или кафтан, в белые атласные брюки и такую же жилетку, в шелковых чулках, в помпонах и башмаках с алмазными пряжками, и при шпаге; он выглядел настоящим портретным маркизом времен короля Георга; не доставало только пудры. Но зато его широкая голубая лента ордена Бани через плечо, орден Подвязки с бриллиантовой пряжкой и куча других орденов и звезд позволяли ему соперничать даже с некоторыми раджами по части сияния и блеска...

Принцы были рассажены по чину. Так, владетель Кашмира сидел возле трона первым; возле него, еле достигая локтя магараджи, сидел, болтая крошечною голою ножкой с ногот-

ками, выкрашенными в *чандан*¹ и поджав под себя другую ногу, младенец-властитель Путтиалы. Хорошенький ребенок дулся. Ровно ничего не понимая в торжестве, он часто подымал свои огромные полные слез глаза на воспитателя, делая время от времени видимые попытки оставить свое место. Но стоящий за креслом воспитатель останавливал его быстрым движением глаз и губ, и бедное дитя снова принималось отчаянно болтать ногою. Восседавший по другую сторону его «старый Джинд», укутанный с ног до головы в золотую парчу, издали в своей неподвижной торжественности и со сложенными на груди руками, казался высунувшим голову из-за покрова гроба покойником. Но эта неподвижность была искусственная. Присмотревшись, легко можно было заметить, что он коварно и втихомолку наблюдает за своим соперником, магараджей Наббы. Последний отворачивал голову, делая отчаянные усилия, чтобы не смотреть в сторону счастливого обладателя серебряной коляски... Все напрасно! Если б у его наббской светлости голова была вся наполнена старыми гвоздями, а в руках Джинда был сильнейший магнит, то и то последний не в состоянии был бы притягивать эту голову сильнее, чем то делали пустые руки раджи Джиндского. Тайна разъяснилась весьма скоро: на старом эксцентрике были надеты из золотой сетки перчатки, густо зашитые букетами из алмазов и цветных драгоценных камней! Для того чтоб удовлетворить свое тщеславие и лишний раз раздавить соперника, он не пожалел погубить целую горсть превосходных дорогих изумрудов, сапфиров и рубинов! Все эти камни были пробуравлены, как бусы и, понятно, потеряли две трети своей цены.

Наконец успокоились пушки, замолчала музыка и настала минута затишья. Не было туземца в палатке, у которого не забилося бы учащенно сердце, у кого от страха неизвестности, а у кого из простого, но в высшей степени возбужденного любопытства, вследствие многоречивых за последние дни толков. Все глаза были обращены на магараджу Кашмирского. Произведенный им скандал на станции железной дороги был перетолкован многими газетами в предумышленное оскорбление Англии. Стало быть, не говоря уже о подозреваемой якобы переписке Ранбир Спига с Россией, несчастный мага-

---

¹ Желто-красная краска, употребляемая также в Персии, род хны.

раджа находился еще под прямым обвинением, так как — *lé-semajesté*. При прежнем министерстве с его неумолимым суровым веянием духа ториев и практическим приложением закона Моисеева «зуб за зуб» и «око за око» немедленно последовали бы репрессии.

Теперь, невзирая на толки и сплетни, никто даже из высших сановников, вероятно, не знал *наверное* намерений вице-короля в отношении магараджи Кашмирского. Да и политика маркиза Рипона в Индии еще далеко тогда не выяснилась. Поэтому, когда настала минута, в которую она впервые должна была обрисоваться, вся дурбарная публика пришла в сильную агитацию.

— Интересно знать... что ожидает магараджу?..

— Что-то будет сейчас!.. Слышали, что говорят?..

— Да, да, тише!.. Письмо из Петербурга... за подлинною подписью. Это наверное!

— Неужели?.. И что же?.. Разве его не сошлют?..

— Да аннексировать бы... да и кончить разом!

— Говорят, ожидают наверное, со стороны вице-короля публичное заявление неудовольствия...

— А как вы думаете, — обратилась я вполголоса к толстому соседу, знакомому по отелю, — плохо придется радже или нет?

— Да уже наверное эта выходка его на станции не *может* ему пройти даром, — отрезал решительно толстяк.

— Но мне говорил капитан М., что магарадже приготовлены великолепные дорогие подарки от имени королевы, между прочим, хрустальный стол?

— Что ж? Подарки сами по себе, а выговор — своим чередом. Только вот увидите, что он и от подарков откажется!

Между тем герой этих толков сидел неподвижно, немного бледный, но совершенно спокойный. На его темно-бронзовом лице образовались под глазами два больших, почти черных, круга, и по временам он едва заметно корчился и слегка как бы от холода вздрагивал. Но даже эта дрожь замечалась скорее в шелесте высокой бриллиантовой эгретки его тюрбана, нежели в бесстрастных чертах его лица. Круто нафабранные усы магараджи так же были молодецки завиты кольцами, как и всегда, а черные, как чиширь, глаза смотрели ленивее, но не

угрюмее обыкновенного; из-за полузакрытых век он глядел скорее нездоровым, чем встревоженным.

Вот раздается чей-то громкий, следовательно, передающий нечто официальное, голос.

Дурбар открыт!.. Их светлости магараджи и раджи, имеющие честь присутствовать на нем, приглашаются приготовиться к представлению его высокопревосходительству, вице-королю, избранному и т. д. и т. д.

Час пробил... через несколько секунд участь магараджи должна решиться! Матушка Россия, полюбуйся на невинную жертву твоих политических козней!.. Ведь то, что бледный магараджа удрал от процессии только!.. В лице русской я вдруг чувствую себя как бы виноватою за всю Россию. Я не смею взглянуть на него... Мне мнится, будто я сама погубила магараджу.

К нему подходит секретарь иностранного департамента дел Индии, и принц медленно подымается. Настает минута такого гробового молчания в платке, что мнится, будто я слышу жужжание комара, пляшущего в воздухе над носом «старого Джинда». Вижу, как подводят магараджу к вице-королю. На темно-голубом фоне *шамяны* Кашмирский принц сияет, как окруженный своими кольцами Сатурн в телескопе, ослепляет глаза, словно длиннохвостая комета!.. Его белая атласная мантия «Великого Командора Звезды Индии» расстилается по парчовым ступеням, словно сверкающий на солнце водопад, искрясь и брызгая бриллиантовую пылью, а смуглые, украшенные целым капиталом руки покорно подносят на вышитой салфетке *нессер* — тяжеловесную горсть золотых мохуров. Трижды поднимаются и руки и *нессер* ко лбу магараджи в *саламе* и трижды протягиваются они с приношением к вице-королю. Маркиз привстает, отдает с учтивою улыбкой поклон и, протянув руку к *нессеру*, слегка касается рукой золота и тотчас же отдергивает ее назад... Солнце оттолкнуло вещество кометы, по природе вещей, а также и по программе дурбара... Но что будет далее!..

Я гляжу с замиранием сердца и вижу, как убедясь в тщетности своих усилий подкупить своим веществом солнце, комета начинает неловко пятиться, ретируясь назад к своему креслу, избегая, согласно этикету, обернуться к представите-

лю императрицы Индии спиной и тщетно стараясь совладать с собственным командорским хвостом. Этот пожалованный ему Англией хвост вместе с алмазною звездой Индии на груди оказывается в эту минуту для него как бы орудием бичевания, посланным самою же Англией.

Еще несколько брыканий ногой из-под запутанного шлейфа, и его светлость падает в объятия: к счастью, собственного кресла. Сцена первая кончается... прошла благополучно.

Все переглядываются, а несколько раджей потупляются. Публика в недоумении. Неужели ожидаемый всеми «публичный выговор» так и умер в зародыше?..

Но церемониал еще далеко не кончен. Быть может, «выговор» отложен к концу оногo, когда будут раздаваться подарки. Я начинаю снова тревожиться, тем более, что великолепный Ранбир Синг «компаньон Индийской империи» также начинает сильно морщиться и беспокойно повертывается на своем кресле. Вот подвели, а затем и приподняли «младенца», маленькие ручки которого насилу сдерживают тяжелый *нессер*. Следуя приказаниям воспитателя в своих усилиях совершить *санам*, он роняет на пол несколько золотых монет, заявляет опасное желание разреветься, и его поспешно уносят... За младенцем следует Джинд, принужденный к огорчению своему, скрывать оригинальные перчатки под салфеткой... За Джиндом какой-то четвертый раджа... пятый... шестой... седьмой... Каждый из них, подводимый по рангу тем или другим британским сановником, подходит, слышит свое произнесенное громким голосом и перековерканное английскими устами имя, кланяется, предлагает свой *нессер*, получает отказ, опять кланяется, пятится пред вице-королем назад, иногда садясь вместо своего кресла на колена соседнего раджи и, благополучно достигнув порта, опускается на свое место со вздохом облегчения.

До пятисот представлений!.. Пятьсот раз *трижды* протягивается рука вице-короля к нессеру и столько же раз пересиливает искушение. Подозреваю, что вице-король спрятал собственную руку, заменив ее механическою. Между публикой многие заснули. Но время все же побеждает, все препровождает в Лету, даже вице-королевские дурбары и самих вице-

королей. Часам к двум (представление началось с 11 1/2) последний сердарь был представлен и последний *девои* попятился назад к своему месту.

Перерыв — и моментальное затишье. Слышится лишь одно тяжелое дыхание чиновников да сопение усталых магараджей.

— Подарки для его светлости, магараджи Кашмирского! — раздается визгливый тенор Тифона.

Все снова навострили уши, а глаза публики направляются к толпе ливрейных сипаев, вносящих из соседней палатки одни за другими груды дорогих подарков.

Чего тут не было! Индийские шали и нитки крупнейшего жемчуга; ножные и ручные браслеты и дорогие сабли и мечи; почетные халаты и ящики с музыкой; уборы из драгоценных камней и золотые идолы; хрустальный стол и щит из носороговой кожи; пистолеты, ружья, серебряные кубки и т. д. Магараджа Кашмирский вместо ожидаемого выговора получил на 50 000 рублей подарков от своей императрицы.

Слуги, сложив принесенные подарки в кучу у подножия вице-королевского трона, отвесив земной поклон, удаляются. Маркиз Рипон произносит имя магараджи Кашмирского, подзывает его и указывает рукою на подарки. Тот кланяется, прижимает руки ко лбу и сердцу и с трудом возвращается на свое место. Публика объясняет эту слабость волнением и сильной реакцией от боязни к радости и успокаивается собственным объяснением. Являются слуги магараджи и, захватив подарки в охапку, исчезают... Конец сцене второй и последней.

Виват! Вице-король из лагеря вигов!.. Ура! Гладстону и его политике!..

В третий раз все снова умолкает... Подарки розданы всем раджам и сердарям по заслугам и чину, и все снова уселись и приготовляются слушать вице-королевский *спич*. Снова легкая тревога с моей стороны, но надежда теперь преобладает.

Эта речь оказалась настоящим политическим манифестом. Она давала ключ к только что выказанной вице-королем сдержанности и, по мнению недовольных консерваторов, чуть не преступной снисходительности в отношении к проступку владетеля Кашмира. Маркиз прямо объявил, что он, лорд Рипон, всю душу и помышлениями принадлежит к политиче-

ской системе лорда Лоренса, разделяет с ним его взгляды и твердо решил, не уклоняясь ни на шаг, следовать по стопам этого государственного мужа. Обращаясь к принцам и вождям пенджабских племен, он в одно и то же время пощекотал их самолюбие, воздав заслуженную хвалу их «воинственным инстинктам» и плеснул холодной водой на их патриотический жар. «Невзирая на 30 лет мира под британским управлением, — говорил он им, — я знаю, что ваша храбрость на поле битвы была бы столь же замечательною теперь, как и в те бурные дни, когда война у вас была скорее правилом, нежели исключением. Но, — добавил он, — по-моему истинная слава страны состоит не в вечных войнах, а скорее в ее мире со всеми». Он напомнил им, что верховное правительство полагается на них, на их мудрость и искреннее желание возвысить родину в деле скорейшего введения необходимых в ней реформ и улучшений в собственных их «независимых владениях». Сам же он лично *«верит в их (принцев) верноподданнические чувства и честь»*. Он (лорд Рипон) надеется на них, ожидает, что они посвятят свои первые и главные заботы благоденствию своих подданных; употребят все усилия, дабы спасти свой народ от ожидающей его страшной участи невежества, среди цивилизации остального мира: голодной смерти по собственной вине... Он окончил, выразив надежду, что с этой минуты «Индия будет надолго, если не навсегда, освобождена от измен и страшного призрака как междоусобных, так и пограничных войн»...

Грянул оркестр «God save the Queen»; затрубили трубы, загремели литавры, запищали шотландские рожки, и стали магараджи и раджи, сердары и науабы исчезать один за другим из палатки, под аккомпанемент салютующих их светлости пушек, рева верблюдов, ржания лошадей и всего того невообразимого гама, который в Индии всегда сопровождает скопища туземцев.

Одним из первых поспешно удалился магараджа Кашмирский, так поспешно, что удаление его было скорее похоже на бегство изгнанника, нежели на возвращение домой могущественного и одаренного императрицей Индии принца. Лица, стоявшие близ подъезда, у конца «аллеи фонарей» слышали, а потом и передавали другим, с какою поспешностью и

«диким блеском в глазах» он приказывал людям нести его до́мой во весь дух, словно он бежал от какой-то опасности...

Нечего и говорить, как все эти слухи интриговали непосвященную в тайны «секретной» или закулисной политики публику. Не было конца догадкам и предположениям. Некоторые открыто обвиняли вице-короля в «опасной оплошности», в отсутствии всякого «политического инстинкта».

— Он не знаком еще с настоящим положением дел в Индии, — говорил

— Да, придется ему еще раскусить, как и всем нам, глубокое, почти бездонное для вновь приезжего в страну европейца коварство азиатов, — кричал другой, старый англо-индиец, очевидец сцен 1857 года.

— Эта либералы погубят наш «престиж» в Индии, — жаловался третий.

— Такой поступок просто ни с чем не сообразен!.. Он идет прямо против всех традиций минувшего правительства. Но, тише, тише!.. Вот идет второй секретарь...

— О!.. А!.. Нелепо!.. Ужасно неосторожно! — шептали тории всех оттенков.

Не было почти группы из многих поджидавших экипажей европейцев, откуда не раздавались бы подобные этим восклицания. Полное недоумение и даже до некоторой степени смущение овладело англо-индийской колонией. Некоторые из алармистов зашли так далеко, что стали, наконец, прямо намекать на возможность «неожиданной и немедленной атаки со стороны войск генералов Кауфмана и Скобелева». Ободренный гарантированной ему вице-королем на дурбаре безнаказанностью, принцу Кашмирскому стоит лишь теперь свистнуть. У русских ухо чуткое... как знать? Быть может они и засели где-нибудь поблизости, на границе, в одной из сотен еще не эксплуатированных долин гималайских дремучих лесов...

Верная своей задаче аккуратного и правдивого летописца дурбара 1880 года, считаю долгом своим заметить, что подобная чушь исходила из уст не совсем официальных. Вышеупомянутые последние взгляды и предположения принадлежали почти всецело пессимистам прекрасного, но легковверного пола, и весьма юным, только что оперившимся и прилетевшим из-за родных туманов птенцам. Но, тем не менее, верно и то,

что даже убеленные сединами старцы ввиду такой «нетрадиционной» линии в индийской политике, качали головой, предвидя всевозможные осложнения, если не в скором настоящем, то в туманном будущем.

— Слышали вы, как вице-король сказал принцам, что он «верит в их верноподданнические чувства», доверяет их чести... Доверять руку осам, засунув ее в их гнездо! — презрительно фыркнул один железнодорожный чиновник.

— Действительно!.. Смотреть сквозь пальцы на такие неприличные выходки!.. видимо преднамеренное оскорбление целой Англии в лице вице-короля... Это уже слишком... слишком сильно заявлять себя либералом!..

— Это значит просто давать... пощечину публичному мнению англо-индийцев!.. — отрезал один из птенцов.

— Повернуться спиной к его высокопревосходительству и высшим правителям страны в самую минуту торжественной процессии въезда того, кто здесь представляет ее величество, осмелится сделать лишь тот, кто чувствует поддержку сильной и враждебной нам руки, — глубокомысленно заметил мой сосед, толстый англичанин.

Я потупилась, чувствуя, что подо мною снова слегка как бы дрогнула только что укрепившаяся почва.

— Гей!.. Сааб!.. — вдруг закричал толстяк проходившему мимо нас с верховою лошадыю кашмирцу. — Моти-Сахай!.. На минуточку... Сюда!.. Я желаю вам сказать несколько слов... вот этот *негр*... быть может, разъяснит нам что-нибудь... Он из свиты раджи... — добавил прозорливый дипломат, обращаясь нам.

Отодвинутые от наших экипажей громадною толпой уезжающих раджей высокосферного сановничества, мы стояли на лужайке в нескольких шагах от дороги.

Кашмирец, рослый детина с *рыжею* бородой, подошел к нашей групп бросил поводья бежавшему за ним слуге. Он униженно поклонился толстяку и другим белым саабам.

— Ну, что, пандит,¹ — обратился к нему по-английски и окольную тропой жирный дипломат. — Как поживает астрология?..

---

¹ «Пандитами» называются в Индии все ученые лингвисты, особенно те, которые знают санскритский язык и изучают астрологию.

— Звезды неблагоприятны нам, сааб, все дурные предзнаменования... — совершенно серьезно отвечал пандит, совершенно свободно по-английски.

— The devil they are! Неужто?.. Ваш магараджа только что забрал на 5000 рупий от ее величества подарков и вдруг «звезды ему еще не благоприятны!» Да чего ж ему еще?..

— Не в материальных отношениях, сэр... Этим его светлость весьма доволен... а вот он все нездоров, и астрологи его давно уже предсказывают ему, что Лахор будет когда-нибудь пагубен для его светлости... Оттого магараджа так долго и отказывался ехать на дурбар...

— Гм-м... м!.. — промычал англичанин, — Оттого, а?.. Ну, а раз в Лахоре разве звезды ему и здесь пророчили несчастье... а? Планеты воспрепятствовали ему занять назначенное ему место в процессии, заставили его удрать против приказаний властей домой в лагерь?..

— Нет, сэр... Но его светлость был вынужден против своего желания так поступить...

— Вынужден против своего желания... — передразнил англичанин: — Это что за чушь!.. Кто же мог его принудить к тому?..

— Обстоятельства и... тот факт, что его светлость находился в то время европейском здании, на станции английской железной дороги... магараджа очень набожен!..

— Что за черт... ничего не понимаю!.. И какое же может иметь отношение его бегство с железною дорогой и... его набожностью?..

— Наши религиозные постановления очень строги в этом отношении, сэр... *Шастры*¹ предписывают особый священный церемониал для каждого действия, для малейшего отправления в жизни человека, сэр... и наш магараджа не мог... не рискуя лишиться касты и попасть под обвинение в тяжелом грехе оставаться одной минутой доле среди английских властей в принадлежащем им здании.

— Да что же такое случилось, наконец?.. Кто заставлял его идти против его религии... его *шастр*?.. Ведь не на корове же его заставляли ехать!..

---

¹ Шастры — книга браминов с религиозными постановлениями и предписаниями для ежедневного обихода индусов. Последний обязан от рождения до смерти есть, пить, спать и всецело жить по шастрам.

Пандит искоса взглянул на группу жадно слушающих его дам и промолчал.

— Да отвечайте же, пандит! — нетерпеливо приставал к кашмирку англичанин. — Что такое испугало вашего магараджу... что случилось?..

— Его светлость уже несколько недель, как отдал себя на полное распоряжение самого ученого в Кашмире *хакима*¹ — и что же?.. Хаким что ли не велел ему ехать?..

— Н-нет, — как бы нехотя отвечал припертый к стене кашмирец. — Не хаким, сааб, а... а... последствия его лечения. *Его светлость в то утро, как и во все последующие, принимал сильное очистительное...*

Англичанки чуть было не попадали в обморок.

Эффект вышел великолепный! Сам инквизитор переконфузился и поспешил усадить своих дам в экипажи. Кашмирец, с которым все, кроме меня, позабыли проститься, сел на лошадь и тихо направился к лагерю магараджей...

Так просто прозаически и неожиданно разрядилась грозная, нависшая над политическим горизонтом туча, разрешилась тайна, смутившая было всю англо-индийскую колонию, тайна «русской интриги» и «беспримерной» *вследствие одной дерзости магараджи Кашмирского.*

* * *

Конец *великому дурбару!*.. На другой день Лахор уже опустел, разъехались его гости, поплелись каждый восвояси магараджи. Иные с истинно царскими подарками в своих выюках; другие, истратив на приезд тысячи и получив за это посеребренный кубок. Собирались уезжать и мы, да не уехали. Меня посетила в тот же вечер *донги*, самая злокачественная в Индии лихорадка. Эта интересная туземка продержала меня много дней одну в дак-бунгало, куда меня перевели из сырых комнат отеля, грозя все время прибрать меня, но под конец выпустив как-то невзначай из своих хищных когтей.

Много странного, изумительно странного, но вместе с тем и хорошего узнала я во время моей тяжелой болезни. Например, то, чего англичане уже конечно не подозревают, а еще менее заслуживают. Их обращение с туземцами довело

---

¹ Хаким — туземный доктор.

последних до таких утрированных на их счет подозрений, что не один, а человек двадцать туземцев, из которых многие были образованные, солидные люди, умоляли меня пресерьезно не посылать за английским доктором из боязни, что тот нарочно убьет меня, залечив не потому, что я русская, а главное потому, что я «не презираю, а люблю индусов»! Я насилу их разуверила в возможности такого нелепого подозрения, а быть может и не разуверила, а только они перестали сопротивляться моему желанию.

Но европейский доктор не помог мне. Его наука, как сам он сознался, бессильна против свирепой туземной *данги*.¹ Когда два английских медика отказались от лечения, испробовав на мне все средства, туземцы заявили свои права и принялись лечить меня по-своему. И только тогда, в дни страшной муки узнала и оценила я вполне этот народ. Никогда не забуду я ту неисчерпаемую доброту, терпеливость в обращении со мною и преданность этих бедных загадочных туземцев. Что они спасли мне жизнь, это верно: оценить справедливо эту расу может лишь тот, кто, как я, испытал эту преданность на самом себе, не на словах, а на деле. И я уверена, что всякий другой, будь он хотя сто раз англичанином, найдет в них то же, что и я, если только потрудится узнать индусов покороче, подружится с ними, третируя их как равных себе, а не как собак! Десятки *арий-самаджей*² и брахмов³ присоединились к членам теософического общества и, потащив отцов и матерей на совет, многие бросив на все время болезни слушание курсов в университете, стерегли меня и денно и нощно, кто от воображаемого «глаза», а кто от простуды во время пароксизма, что при *данге* ведет к верной смерти.

---

¹ Для сведения русской медицины скажу, что, по словам английских медиков, такого рода лихорадка нигде неизвестна, кроме Индии. Это нечто среднее между тифом и самым мучительным ревматизмом во всех частях тела. Единственные часы успокоения от мук, когда лежишь в бессознательном состоянии, в бреду. Для *данги* нет лекарств.

² Члены-монотеисты одного реформаторского религиозного общества. (См. «Письма из пещер и дебрей Индостана»).

³ Члены бенгальского Брахмо-Самадж, последователи Бабу-Кешуба Чендер-Сена.

В то время, как отцы их тащили мне ежедневно на квартиру дюжины две обедов, состоящих из всевозможных туземных *деликатесов*, до которых я, конечно, и не могла даже дотронуться и которые тут же раздавались *бескостным* нищим,¹ сыновья бегали по городу и окрестностям, собирая всех известных хакимов, астрологов и браминов-заклинателей. Хакимы приказывали мне посыпать голову каким-то перцем, глядеть, не спуская глаз, на бумажку со стихом из *Шастры*, от восхода до захода солнечного, а затем, свернув бумажку в комок и спрятав ее в куске теста с кокосовым маслом и сахаром, *дать съесть ее черной собаке*. Брамины-заклинатели выгоняли из меня дангу, позоря ее и всю родню ее самым обидным для нее образом, а астрологи (которым мои друзья, наверное, платили очень дорого, благодаря моему европейству, которое оскверняло их на время), никак не могли напасть на созвездие, под которым я родилась в моем *предыдущем* образе. Я же решительно не могла помочь им в этом затруднении: память моя отказывалась припомнить метемпсихозы, как души, так и тела моего. Наконец астролог, старший и самый ученый из них, решил, что я должно быть была когда-то травой *кузи*, так как *данги* очень любят ее и всегда сильно привязываются к той местности, где она растет. Решили достать этой травы и посыпать ею угол пустыря в саду, надеясь заманить *данги* из моего измученного тела в пустырь... Но, увы, черной собаки, годной для прихотливой *данги*, не нашли; не тронулась она названием *феринги* (француженки, иностранки) и не пожелала отправиться в пустырь, где ее «съели бы желтоногие коршуны». Но тем не менее, я остаюсь навек благодарною моим преданным, добрым индусам, которым моя болезнь стоила немало трудов и даже денег. В Аллахабаде, куда я наконец добралась, пользуясь короткими перерывами между пароксизмами, да и то контрабандой, так как *данги* заразительна, и узнай ее во мне железнодорожные чиновники, мне бы и билета не дали; — там в доме лучших приятелей моих из англичан, я наконец оправилась. Но вылечил меня от этой египетской язвы туземец *бабу* из Бенгала, только что оперившийся студент медицины, а не европеец...

---

¹ Нищие, принадлежащие к одной из каст, не станут есть чего-либо выходящего из дома европейцев, даже и нетронутого.

Я провела всего несколько дней в Аллахабаде. Несмотря на мою искреннюю дружбу к хозяевам и их упрашивания остаться, я нашла, что сил моих не хватит жить долее в этой атмосфере политики. Господи! Что за скучный народ эти англичане и что за подозрительный народ! Они положительно впадают в Индии из одной галлюцинации в другую. Только что освободившись от их *idée fixe* «русской интриги» в Кашмире, я попала на другого такого «белого бычка» в Аллахабаде! Теперь они с ума сошли по Мерву. Я им про свою *дангу*, а они мне про Мерв; спеться нам оказалось невозможным. Этот несчастный Мерв не сходил у них с языка, а *этикет* требовал, чтобы, собравшись вместе, англичане в Индии ни о чем другом не говорили, как о политике и непременно о «злобе дня», как теперь выражаются наши газеты. А какой же им еще лучшей «злобы», как Мерв? За эти несколько дней я чувствовала, что одна *данга* спасает меня от одури разжижения мозгов. По ночам и во время пароксизмов мне чудилось, будто я иду одна на Мерв и с помощью моей верной *данги* мы сжигаем город дотла, чтобы только англичане перестали говорить о нем, успокоили свои нервы. Наконец я им предложила издать новый англо-индийский политический лексикон и заменить слово «нерв» на «мерв» и «нервозность» на «мервозность». Чуть не обиделись. Тогда, воспользовавшись любезным приглашением магараджи Бенареса, я уехала к нему, и таким образом освободилась в одно время и от *данги* и от *Мерва*...

Три месяца уже прошло со дня великого дурбара, а маркиз Рипон делается с каждым днем популярнее. Когда вернувшись месяц спустя из Бомбея по дороге в Калькутту, он серьезно заболел (и егохватила *данга!*) и слег в Аллахабаде, где и пролежал около семи недель между жизнью и смертью, вся Индия искренне горевала о его опасном положении. И да простится мне невольный грех, если я ошибаюсь, мне кажется, что сочувствовала ему более *туземная* Индия, нежели сами англо-индийцы! Сердце народное, что сердце и чутье ребенка. Массы бессознательно, инстинктивно чувствуют, кто им желает добра и кто им враг, и даже кто равнодушен к ним. Простые и безыскусственные речи нового вице-короля, задушевные, но никогда не быющие на эффект, как речи его предшественника, лорда Литтона, производили с самого нача-

ла и продолжают производить на туземцев неотразимое влияние. Так и слышится в них под сдержанным тоном высокопоставленного сановника теплое, искреннее чувство симпатии к этому запуганному, забитому народу, к этой почти нищенской, разоренной его предшественниками земле. «Рад бы сделать для вас многое!».. говорят его добрые глаза, а симпатичный голос еще более глаз вкрадывается в душу слушающего... Да, маркиз Рипон добрый и благонамеренный человек. Это вполне честная душа и, выбрав, невзирая на сильную оппозицию, именно его, а не кого другого, ехать залечивать, если еще не поздно, раны Индии, Гладстон доказал еще раз, что он обладает верным тактом государственного мужа.

А теперь конец и моей англо-индийской «Илиаде». Чувствую, что если что и имею общего с Гомером, то разве его слепоту, заранее прошу прощения, если в чем погрешила касательно англо-индийской политики. Но да не заподозрит, вследствие этого, русская публика ни искренности моего желания держаться по мере возможности одних фактов, ни истины и правдивости моего незатейливого рассказа вообще. Успев в эти два года исколесить вдоль и поперек эту своеобразную, столь привлекательную для каждого европейца и еще столь мало известную страну, на протяжении около 12 000 миль и проведя большую часть времени с индусами, надеюсь, что могу сообщить о них не одно интересное сведение. Их религия, исконные обычаи, как и сами они, — неиссякаемый источник для наблюдателя.

Проведя весь последний декабрь в гостях, у так кстати пригласившего нас магараджи Бенареса, я нашла более чем когда-либо случай для таких наблюдений. Там, вдали от английского общества и их этикета, превращающего человека в мумию, я, наконец, свободно вздохнула. После почти пяти месяцев, проведенных мною в обществах Симлы и Аллахабада, где самый воздух кажется зараженным политикофильством, а древесная листва в аллеях «кантонементов» шепчет проходящему бритту о «русских замыслах», мне впервые удалось отдохнуть и заняться делом.

Добрый старый принц оказался самым радушным, любезным хозяином. Он принимал нас на славу, дав нам в полное распоряжение свои экипажи, слонов и лодку на Ганге, доста-

вив нам этим все средства изучать как религию, так и древности, которыми столь изобилует знаменитый Бенарес. Материала для «Дневника» накопилась бездна. В скором будущем, надеюсь (с позволения данги) снова поделиться с русской публикой своими впечатлениями о Бенаресе. Там, вдали от городского шума, в вечно зеленом Рамбаге, саду бога Рамы, в замке магараджи, я и начала писать эти воспоминания о знаменитом ныне в летописях Индии *дурбаре в Лахоре...*

Е. Ф. Писарева

Елена Петровна Блаватская
(*Биографический очерк*)

Любовью и враждой окружена. —
В сердцах людских останется она.

— Шиллер

Глава I. Введение

Трудно себе представить что-либо необычайнее и несправедливее того упорного непонимания и даже враждебности, с которыми русское образованное общество продолжает относиться к своей гениальной соотечественнице Елене Петровне Блаватской.

Прошло уже 18 лет со дня ее смерти, а с основания ею Теософского общества более 30 лет,¹ срок, совершенно достаточный для того, чтобы вызвать серьезные расследования относительно деятельности и трудов этой русской женщины, которая боролась с такой неукротимой силой против сковавшего человеческую мысль материализма, которая вдохновила столько благородных умов и сумела создать духовное движение, продолжающее расти, развиваться и оказывать влияние на сознание современников. Плоды ее деятельности на виду, и только по ним можно сделать истинную оценку Е. П. Блаватской: она первая обнародовала сокровенные учения, на которых основаны все религии, и первая сделала попытку дать религиозно-философский синтез всех веков и народов; она вызвала пробуждение религиозного сознания древнего Востока и создала международный братский Союз, в основу которого положены уважение к человеческой мысли, на каком бы языке она ни выражалась, широкая терпимость ко всем членам единой человеческой семьи и стремление воплотить не мечтательный, а конкретный идеализм, проникающий во все области жизни. Перед такими плодами должны бы умолкнуть всякая вражда и возникнуть глубокий интерес к необычайным силам той души, которая смогла дать такой могучий толчок человеческой мысли. А между тем, имя Е. П. Блаватской продолжает вызывать в России по-прежнему недоверие, и до сих пор не нашлось ни одного значительного голоса, чтобы сказать веское

---

¹ Биографический очерк опубликован в 1909 г. — *Прим. ред.*

слово в пользу той, которая, по справедливости, должна бы быть славой и гордостью своей родины.

Из всех ее литературных трудов, благодаря которым Западная Европа впервые познакомилась с сокровенными учениями древнего Востока, в России только в прошлом году появился первый перевод ее «Голоса Безмолвия», и до сих пор ее литературное имя соединяется у нас только с очерками об Индии, которые, под псевдонимом Радда-Бай, названные «Из пещер и дебрей Индостана», печатались в «Русском Вестнике», если не ошибаюсь, в начале восьмидесятых годов. И все, что мне удалось найти в русской литературе по поводу Елены Петровны, ограничивается враждебным памфлетом романиста Всеволода Соловьева «Разоблаченная жрица Изида», его же статьей противоположного характера в «Ребусе» за июль 1884 г. да двумя статьями в словаре Венгерова; одна из них, из третьих рук составленная биографическая статья, не имеющая никакой ценности, а другая — заметка Владимира Соловьева, основанная на чистейшем недоразумении, о котором речь впереди. Если к этому прибавить малоизвестный биографический очерк ее родной сестры Веры Петровны Желиховской, напечатанный в «Русском Обозрении» в 1891 г., ее же книгу, написанную в ответ на упомянутый памфлет Всеволода Соловьева, «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины» и две ее статьи в «Ребусе» за 1881-82 гг. — вот и все материалы на русском языке, касающиеся Е. П. Блаватской.

Несравненно приятнее было бы совсем не касаться названной книги Всеволода Соловьева, которая отмечена такой печатью предательства, что, читая ее, становится неловко, словно сам участвуешь в очень нехорошем деле. Но она сыграла слишком роковую роль во мнении русского общества относительно Е. П. Блаватской; бойко и ярко написанная, она многими была прочтена, и так как очерченную Елену Петровну на родине совсем не знали и защититься из могилы она не могла, — пущенная клевета обошла беспрепятственно всю Россию, и одни — из его книги, а другие — понаслышке от читавших ту же книгу, стали утверждать, что Е. П. Блаватская — уличенная обманщица, и учения ее, идущие из такого мутного источника, не могут быть чистыми. Но самое опасное в этой дурной книге то, что она опирается на «документы». Благодаря этому, даже разборчивые люди, возмущенные тоном книги, все же подпадают под ее влияние. Ценность главного документа, — «Отчета Общества психических исследований», мы разберем позднее, а теперь необходимо сказать не-

сколько слов о приемах Всеволода Соловьева. Чтобы напасть с оскорблениями на женщину, которая — по его же словам — относилась к нему с материнской лаской, он дождался ее смерти и, по странному недосмотру, издал свою статью в России и на русском языке, тогда как, по его же словам, похвальной целью этой книги было — охранить доверчивых людей от губительного влияния Е. П. Б. Поэтому нужно думать, что книга его назначалась не для русских, которые совсем не знали Е. П. Б. и не могли даже пользоваться ее сочинениями и по условиям тогдашней цензуры, и потому, что они были написаны на английском языке, — а для тех, которые или уже подпали, или могли легко подпасть под ее губительное влияние, т. е. для англичан. Но этого мало: надеясь, что его русская книга не дойдет до англичан, он сослался в ней на двух живых свидетелей, г-жу Купер-Окли и г-на Гебхарда, хорошо знавших Елену Петровну; но он ошибся в расчете, и они утверждают, что он ссылался на них ложно. Ввиду этого, нужно с большой осторожностью относиться и к главному «документу» его книги, т. е. к письмам Е. П. Б., большая часть которых приведена без всякой даты. Что стоило, при таком бесцеремонном отношении к истине, сделать легкие изменения, которые могли совершенно изменить смысл письма? Во всяком случае всех, читавших книгу Соловьева, убедительно прошу во имя справедливости к русской женщине, горячо любившей свою родину, и к теософам всего мира, которым дорого ее имя, прочесть ответ В. П. Желиховской «Е. П. Блаватская и современный жрец Истины» и книгу А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости». Последняя книга — подробное, подкрепленное многочисленными живыми свидетелями расследование на месте, т. е. в Адьяре, наделавшего когда-то много шума следствия г-на Ходжсона, напечатанного в отчете Лондонского общества психических исследований.

Когда мне пришлось впервые познакомиться с теософией, а затем и с главным трудом Е. П. Блаватской «Тайная Доктрина», меня сразу поразило полное несоответствие между развернувшейся передо мной большой величиной и тем — до странности неподходящим представлением, которое упорно сохраняется в русском обществе, как относительно самого теософского движения, так и относительно его создательницы. Это вызвало во мне решимость как можно основательнее познакомиться с ее жизнью и трудами и выяснить, насколько возможно, истинный образ той, которая сумела вызвать к себе все оттенки человеческих чувств.

от обожания до ненависти, от глубокого почитания до презрительной насмешки включительно. С тех пор прошло несколько лет и мне не только удалось познакомиться приблизительно со всем, что было написано о ней, но и лично узнать наиболее значительных из ее учеников, как А. Безант, Джорж Мид, г-жа Купер-Окли, Бертрам Китлей, Гюббе-Шлейден и др. Одновременно с этим я продолжала изучать ее сочинения и многочисленные комментарии к ее Тайной Доктрине, из которых образовалась обширная литература на трех европейских языках. И чем более я знакомилась со всеми материалами, тем яснее становилось для меня, что для *истинной* биографии Е. П. Блаватской, которая передала бы ее *верный образ*, время еще не пришло. Ее необыкновенная психическая организация, проявлявшая такие силы, которые у огромного большинства людей находятся еще в скрытом состоянии, — настолько опередила тип современного интеллигентного человека, что разгадать ее вполне и безошибочно определить ее свойства будет в состоянии лишь психология будущего. История говорит, что и прежде появлялись время от времени люди, одаренные неведомыми для остальных людей силами, как Калиостро, Яков Бёме, Сведенборг и др., но разница между ними и г-жой Блаватской огромная: те жили в иные времена, когда общение между людьми было медленное и трудно проверяемое, а критический анализ находился еще в зачатке, и до нас могли дойти только смутные легенды об их чудесных силах. Елена Петровна появляется на сцене жизни в такое время, когда умственное общение обегает земной шар с необычайной быстротой, когда каждое сколько-нибудь выдающееся явление делается немедленно достоянием всего мира; и жила Елена Петровна — последовательно в трех частях света — совершенно открыто, принимала у себя всех, кто только желал ее видеть, была лично известна множеству людей всех национальностей и профессий. Ее знали многие ученые Америки, Азии и Европы. И сама она, и ее жизнь, и ее так называемые чудеса, были у всех на виду. Замолчать ее или отделаться смутными легендами было уже невозможно. Но и до сих пор мало кто сознает, что не только принесенные ею с Востока учения, но и она сама, ее личность, ее необычайные психические свойства представляют для нашей эпохи явление величайшей важности. Она — не теория, а факт. И факт этот говорит слишком настоятельно, что наука должна широко раздвинуть свои границы, принять в свои пределы не только физические, но и сверхфизические явления, и рядом с эволюцией

формы признать и эволюцию психическую и духовную, или же — сложить оружие и объявить себя бессильной перед явлениями высшего порядка. С этой точки зрения, т. е. как явление по внутренним своим свойствам далеко опередившее свое время и дающее глубоко интересные указания на будущие линии человеческого развития, Елена Петровна должна бы представлять огромный интерес для современных психологов; как этот интерес проявился в действительности, мы увидим далее из отчета Лондонского «ученого» Общества психических исследований; иного проявления со стороны присяжных ученых во всех собранных мною материалах мне не попадалось.

Когда сталкиваешься с воспоминаниями и отзывами знавших Елену Петровну людей, как друзей, так и врагов, или когда спрашиваешь живых свидетелей ее жизни, более всего поражает разнообразие их мнений, словно перед вами проходит не одна, а множество личностей с одним и тем же именем «Елена Петровна Блаватская». Для одних она — великое существо, открывающее миру новые пути, для других — вредная разрушительница религии, для одних — увлекательная и блестящая собеседница, для других — туманная толковательница непонятной метафизики; то — великое сердце, полное безграничной жалости ко всему страдающему, то — душа, не знающая пощады, то — ясновидящая, проникающая до дна души, то — наивно доверяющая первому встречному; одни говорят о ее безграничном терпении, другие о ее необузданной вспыльчивости и т. д. до бесконечности. И нет тех ярких признаков человеческой души, которые бы не соединялись с именем этой необыкновенной женщины.

Никто не знал ее *всю*, со всеми ее свойствами. Одиночество ее доходило до того, что даже самые близкие, дорогие люди относились с недоумением и даже с недоверием к ее свойствам. Трагизм этого одиночества бросается в глаза, когда читаешь биографический очерк, написанный ее горячо любимой сестрой: рядом с добрым чувством, сколько в нем недоумения, а порой смущения, сколько *вынужденного* доверия только потому, что она видела «неопровержимые доказательства»... и какое удивление прорывается у этой любящей сестры, когда она встречается с очень высокой оценкой ее личности... как ей хочется извиниться и сказать: «Ну, это уж слишком!»

И это вполне естественно. Свойства ее выходили из обычного уровня настолько, что были слишком чужды для огромного

большинства. Кто-то сказал про нее, что «она поднималась на высоты, где способны парить одни орлы человечества, и кто не в силах был подняться вместе с ней, тот видел лишь пыль ее подошв». Даже ближайший ее сотрудник и помощник, полковник Олькотт, признается в своем дневнике, что, несмотря на многие годы совместной жизни, он до конца не мог ответить на часто задаваемый себе вопрос: *кто* была Елена Петровна? До того не поддавалась никаким установленным определениям ее многогранная натура, до того необычайны были многие ее свойства и проявления. Но в некоторых определениях сходятся все, знавшие ее: все утверждают, что она обладала необычайной душевной силой, подчинявшей себе все окружающее, что она была способна на невероятный труд и сверхчеловеческое терпение, когда дело шло о служении идее, об исполнении воли Учителя; и также единодушно сходятся все на том, что она обладала поразительной, не знавшей границ, искренностью. Искренность эта сказывается в каждом проявлении ее пламенной души, никогда не останавливавшейся перед тем, *что* о ней подумают, *как* отнесутся к ее словам и поступкам, она сказывается в необдуманных выражениях ее писем, она сквозит в каждой подробности ее бурной, многострадальной жизни. Искренность ее и доверчивость доходили до размеров совершенно необычайных для души, собравшей такое небывалое в истории разнообразие жизненного опыта: начиная с впечатлений светской русской девушки времен крепостного права и затем — совершенно сказочных переживаний в Индии и Тибете в роли ученицы восточных мудрецов до не менее необычайного положения духовного учителя и провозвестника древней Мудрости среди высоко культурных англичан в самом трезвом из европейских центров — Лондоне.

Одна из черт Елены Петровны, которая для близких людей представляла необыкновенную привлекательность, но в то же время могла сильно повредить ей, был ее меткий, блестящий юмор, большей частью добродушный, но иногда и задевавший мелкие самолюбия.

Знавшие ее в более молодые годы вспоминают с восторгом ее неистощимо вселый, задорный, сверкающий остроумием разговор. Она любила пошутить, подразнить, вызвать переполох. Ее племянница, Надежда Владимировна Желиховская, сообщает: «У тети была удивительная черта: ради шутки и красного словца она могла насочинять на себя что угодно. Мы иногда хохотали до истерики при ее разговорах с репортерами и интервьюерами в

Лондоне. Мама ее останавливала: «Зачем ты все это сочинишь?» — А ну их, ведь все они голь перекатная, пусть заработают детишкам на молочишко! — А иногда и знакомым своим теософам в веселые минуты рассказывала, просто для смеха, разные небывальщины. Тогда мы смеялись, — но с людской тупостью, которая шуток не понимает, из этого произошло много путаницы и «неприятностей». Не только «неприятностей», но весьма возможно, что из тех, которые не понимают шуток, бывали и задеваемые ее шутками, и те переходили в лагерь ее врагов.

Врагов ее можно разделить на две категории: на врагов ее учения и на личных недоброжелателей. Из числа первых самыми яркими были миссионеры, жившие в Индии, влияние которых подрывалось ее стремлением объединить в общем эзотеризме все древнеарийские верования и доказать происхождение всех религий из *единого* божественного источника. Наряду с миссионерами, врагами ее были и правоверные спириты, учения которых она подрывала и в многочисленных статьях, и в устных беседах, никогда не стесняясь — по своему обыкновению — в выражениях. Ее личными врагами была и та часть английского общества в Индии, которую она уже по свойству своей свободолюбивой, ненавидевшей этикет натуры должна была шокировать и которые не могли ей простить, что она предпочитала им общение с презренными в их глазах индусами; кроме того, ее врагами являлись и все те, которые подходили к ней с корыстными целями, и, неудовлетворенные в своем желании получить от нее оккультные знания, благодаря которым она проявляла свои «чудеса», — уходили от нее с затаенной враждой. Результатом всей этой вражды и явился нашумевший так сильно процесс Куломбов—Паттерсона—Ходжсона. Но о нем речь впереди, а теперь я приведу вкратце те биографические данные, которые мне удалось проверить благодаря любезному содействию ее ближайших родственников.

Всю жизнь ее можно разделить на три ясно разграниченные периода. Детство и юность со дня рождения в 1831 году и до замужества в 1848 г. составляют первый период; второй — таинственные годы, по поводу которых не имеется почти никаких определенных данных, длившийся, с четырехлетним перерывом, когда она приезжала к своим родственникам в Россию, более 20 лет, начиная с 1848 года по 1872 год, и третий период с 1872 года до смерти, проведенный в Америке, Индии, а последние шесть лет в Европе, среди многочисленных свидетелей, близко знавших Елену Петровну. Относительно этого последнего периода суще-

ствуует много биографических очерков и статей, написанных близко знавшими ее людьми.

Глава 2. Первый период Детство Е. П. Блаватской

Относительно внешних условий детства Елены Петровны мы можем получить достаточно ясное представление из двух книг ее родной сестры В. П. Желиховской — «Как я была маленькая» и «Мое отрочество», в которых она описывает свое семью, но из них нельзя вынести почти никакого представления о характере и переживаниях самой Елены Петровны в детстве. Объясняется это отчасти тем, что Вера Петровна была моложе на четыре года и не могла сознательно наблюдать за сестрой, которая, судя по ее же рассказам, как старшая, жила совершенно отдельной жизнью; кроме того, в 30-х годах прошлого столетия, когда протекало детство обеих сестер, на сверхнормальные психические силы ребенка должны были смотреть, как на нечто очень нежелательное, и от посторонних и от других детей той же семьи они должны были тщательно скрываться. Другой источник, книга Синнетта «Случаи из жизни мадам Блаватской», дает несколько очень интересных подробностей, но автор писал свою книгу, основываясь на случайных рассказах Елены Петровны, и насколько верно он запомнил и точно передал ее слова — это проверить трудно.

Что касается юности Е. П. до ее раннего брака в 1848 году, об этом периоде ее жизни не сохранилось почти никаких сведений.

Из сверстниц Елены Петровны ее родная тетка, Надежда Андреевна Фадеева, которая только на три года старше Елены Петровны и жила с ней в самой интимной близости, когда обе были еще детьми; подтверждает необыкновенные явления, окружавшие Елену Петровну в детстве, и в письме,¹ помеченном: «Одесса 8-20 мая 1877 года», она высказывается так: «Феномены, производимые медиумическими силами моей племянницы Елены — чрезвычайно замечательны, истинные чудеса, но они не единственные. Много раз слышала я и читала в книгах, относящихся к спиритуализму, и священных и светских, поразительные отчеты о явлениях, схожих с описываемыми Вами, но то были

---

¹ Приведенная выдержка из этого письма напечатана в книге А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости», Лондон, 1907.

отдельные случаи. Но столько сил, сосредоточенных в одной личности, соединение самых необычайных проявлений, идущих из одного и того же источника, как у нее, это, конечно, небывалый случай, возможно и не имеющий равных себе. Я давно знала, что она владеет величайшими медиумическими силами, но, когда она была с нами, силы эти не достигали такой степени, какой они достигли теперь. Моя племянница Елена совсем особое существо и ее нельзя сравнивать ни с кем. Как ребенок, как молодая девушка, как женщина, она всегда была настолько выше окружавшей ее среды, что никогда не могла быть оцененной по достоинству. Она была воспитана как девушка из хорошей семьи, но об учености не было даже и речи. Но необыкновенное богатство ее умственных способностей, тонкость и быстрота ее мысли, изумительная легкость, с которой она понимала, схватывала и усваивала наиболее трудные предметы, необыкновенно развитый ум, соединенный с характером рыцарским, прямым, энергичным и открытым, — вот что поднимало ее так высоко над уровнем обыкновенного человеческого общества и не могло не привлекать к ней общего внимания, следовательно и зависти и вражды всех, кто в своем ничтожестве не выносил блеска и даров этой поистине удивительной натуры».

Физическая наследственность Елены Петровны интересна в том отношении, что среди ее ближайших предков были представители исторических родов Франции, Германии и России. По отцу она происходила от владетельных Мекленбургских князей Ган фон Роттенштейн-Ган. Со стороны матери — прабабушка Елены Петровны была урожденная Бандре-дю-Плесси — внучка эмигранта-гугенота, вынужденного покинуть Францию вследствие религиозных гонений. Она вышла в 1787 году замуж за князя Павла Васильевича Долгорукого, и дочь их, княжна Елена Павловна Долгорукая, в замужестве за Андреем Михайловичем Фадеевым, была родная бабушка Елены Петровны и сама воспитывала рано осиротевших внуков. Она оставила по себе память замечательной и глубоко образованной женщины, необыкновенной доброты и совершенно исключительной для того времени учености; она переписывалась со многими учеными, между прочим с президентом Лондонского географического общества Мурчисоном, с известными ботаниками и минералогами, один из которых (Гомер-де-Гель) назвал в честь ее найденную им ископаемую раковину *Venus-Fadeeff*. Она владела пятью иностранными языками, прекрасно рисовала и была во всех отношениях выдаю-

щейся женщиной. Дочь свою Елену Андреевну, рано умершую мать Елены Петровны, она воспитывала сама и передала ей свою талантливую натуру; Елена Андреевна писала повести и романы под псевдонимом Зинаиды Р. и была очень популярна в начале сороковых годов; ее ранняя смерть вызвала всеобщее сожаление, и Белинский посвятил ей несколько хвалебных страниц, назвав ее «русской Жорж-Занд».

О семье Фадеевых мне пришлось много слышать от Марьи Григорьевны Ермоловой, обладавшей необыкновенно отчетливой памятью и знавшей хорошо всю семью, когда последняя жила в Тифлисе, где муж г-жи Ермоловой был губернатором в сороковых годах 19-го столетия. По ее отзывам, юная тогда Елена Петровна была блестящая девушка, но крайне своевольная, никому и ничему не подчинявшаяся, а семья ее дедушки пользовалась прекрасной репутацией, и бабушку Елены Петровны ставили так высоко за ее выдающиеся качества, что «невзирая на то, что сама она ни у кого не бывала, весь город являлся к ней на поклон». У Фадеевых, кроме дочери Елены, матери Елены Петровны Блаватской, вышедшей замуж за артиллерийского офицера Гана, и другой дочери, в замужестве Витте, были еще дочь Надежда Андреевна и сын Ростислав Андреевич Фадеев,¹ которых Елена Петровна так горячо любила, что, по мнению ее биографа Олькотта, они и ее сестра Вера Петровна Желиховская с детьми были ее единственной привязанностью на земле.

В семье своего дедушки Фадеева рано осиротевшая Елена Петровна провела большую часть детства, сперва в Саратове, где он был губернатором, а позднее в Тифлисе. Судя по тому, что дошло до нас, детство ее было чрезвычайно светлое и радостное. На лето вся семья переезжала на губернаторскую дачу — большой старинный дом, окруженный садом, с таинственными уголками, прудами и глубоким оврагом, за которым темнел спускавшийся к Волге лес. Вся природа жила для пылкой девочки особой таинственной жизнью; часто разговаривала она с птицами, животными и невидимыми товарищами ее игр; она очень оживленно говорила с ними и иногда начинала громко смеяться, забавляясь их, никому кроме нее невидимыми смешными проделками, а когда наступала зима, необыкновенный кабинет ее уче-

---

¹ Р. А. Фадеев, артиллерийский генерал, был видным деятелем в славянских землях и известным военным писателем семидесятых и восьмидесятых годов. Оставил по себе память глубоко образованного, остроумного и привлекательного человека.

ной бабушки представлял такой интересный мир, который способен был воспламенить и не столь живое воображение. В этом кабинете было много диковинных вещей: стояли чучела разных зверей, виднелись оскаленные головы медведей и тигров, на одной стене пестрели, как яркие цветы, прелестные маленькие колибри, на другой — как живые, сидели совы, соколы и ястребы, а над ними, под самым потолком, распростер крылья огромный орел. Но страшнее всех был белый фламинго, вытягивавший длинную шею совсем как живой. Когда дети приходили в бабушкин кабинет, они садились на набитого черного моржа или на белого тюленя, и в сумерки им казалось, что все эти звери начинали шевелиться, и много страшных и увлекательных историй рассказывала про них маленькая Елена Петровна, особенно про белого фламинго, крылья которого казались обрызганными кровью. Из всех воспоминаний В. П. Ж. о детстве Елены Петровны для нас, живущих в эпоху, когда знание скрытой психической природы человека значительно расширилось, делается ясным, что в детстве Елена Петровна обладала ясновидением; невидимый для обыкновенных людей астральный мир был для нее открыт, и она жила наяву двойной жизнью: общей для всех физической и видимой только для нее одной. Кроме того, она должна была обладать сильно выраженными психометрическими способностями, о которых в те времена на Западе не имели никакого представления. Когда она, сидя на спине белого тюленя и поглаживая его шерсть, рассказывала детям своей семье о его похождениях, никто не мог подозревать, что этого ее прикосновения было достаточно, чтобы пред астральным зрением девочки развернулся целый свиток картин природы, с которыми некогда была связана жизнь этого тюленя.

Все думали, что она черпает эти увлекательные рассказы из своего воображения, а в действительности перед ней раскрывались страницы из незримой летописи природы. Подтверждение, что она обладала этим редким даром, дает нам сама В. П. Ж. По ее словам, вся природа жила для нее своей особой, невидимой для других жизнью. Для нее не только кажущееся нам пустое пространство было наполнено, но и все вещи имели свой особый голос, и все, что нам кажется мертвым, жило для нее и рассказывало ей по-своему про свою жизнь. В подтверждение В. П. Ж. дает нам в своих воспоминаниях замечательную сцену, которая разыгралась во время детского пикника, когда целая группа приглашенных детей собралась в яркий летний день на песчаной

полосе земли, которая несомненно была некогда частью морского или озерного дна. Она была вся усеяна остатками раковин и рыбных костей, попадались и камни с отпечатками на них не существующих более рыб и морских растений.

В. П. Ж. вспоминает маленькую Елену, растянувшуюся на песке; локти ее погружены в песок, голова поддерживается соединенными под подбородком ладонями рук, и вся она горит вдохновением, рассказывая какой волшебной жизнью живет морское дно, какие лазурные волны с радужным отражением катились по золотому песку, какие там яркие кораллы и сталактитовые пещеры, какие необыкновенные травы и нежно окрашенные анемоны покачивались на дне, и между ними за резвыми рыбками гонялись разные морские чудовища. Дети, не спуская с нее глаз, слушали ее зачарованные, и им казалось, что мягкие лазурные волны ласкают их тело, что и они окружены всеми чудесами морского дна... Она говорила с такой уверенностью, что вот около нее проносятся эти рыбки и эти чудовища, рисовала пальцем на песке их очертания, и детям казалось, что и они их видят... Однажды, в конце подобного рассказа, произошел страшный переполох. В момент, когда ее слушатели воображали себя в волшебном мире морского царства, она вдруг изменившимся голосом заговорила, что под ними разверзлась земля и голубые волны заливают их... Она вскочила на ноги и на ее детском лице отразилось сперва сильное удивление, а вслед затем и восторг, и вместе безумный ужас, она упала ниц на песок, крича во всю мочь: вот они, голубые волны! Море... Море заливает нас! Мы тонем... Все дети, страшно перепуганные, бросились тоже вниз головой на песок, крича изо всех сил, уверенные, что море поглотило их.¹

Часто рассказывала она о различных посещениях, описывая неведомых нам лиц. Чаще всех перед нею появлялся величественный образ Индуса в белой чалме, всегда один и тот же, и она знала его так же хорошо, как и своих близких, и называла своим Покровителем; она утверждала, что именно он спасал ее в минуты опасности. Один из таких случаев произошел, когда ей было около 13-ти лет: лошадь, на которой она каталась верхом, испугалась и понесла; девочка не смогла удержаться и, запутавшись ногой в стремя, повисла на нем; но вместо того, чтобы разбиться, она ясно почувствовала чьи-то руки вокруг себя, которые под-

---

¹ Передаю этот эпизод, за неимением подлинника, по английскому переводу книги В. П. Желиховской, выдержки из которой помещены в октябрьской книжке журнала «Теософист» за 1935 г.

держивали ее до тех пор, пока лошадь не была остановлена. Другой случай произошел гораздо раньше, когда она была совсем еще крошкой. Ей очень хотелось рассмотреть картину, висевшую высоко на стене и завешанную белой материей. Она просила раскрыть картину, но просьба ее не была уважена. Раз, оставшись в этой комнате одна, она придвинула к стене стол, втащила на него маленький столик, а на столик поставила стул, и ей удалось на все это вскарабкаться; упираясь одной рукой в пыльную стену, другой она уже схватила уголок занавески и отдернула ее, но в это мгновение потеряла равновесие, и больше она ничего уже не помнила. Очнувшись, она лежала совершенно невредимая на полу, оба стола и стул стояли на своих местах, занавеска перед картиной была задернута, и единственным доказательством, что все это произошло наяву, был след, оставшийся от ее маленькой ручки на пыльной стене, пониже картины.

Таким образом, детство и юность Елены Петровны протекли при очень счастливых условиях в просвещенной и, по всем признакам, очень дружной семье с гуманными традициями и чрезвычайно мягким отношением к людям.

Великое счастье для нее и для всех, кому она принесла так много света, что ее необычайная, одаренная такими сверхнормальными свойствами природа, была с такой любящей и мудрой заботой оберегаема во время ее детства. Если бы она попала в суровую и непросвещенную среду, ее утонченная, в высшей степени сенситивная нервная система не выдержала бы грубого обращения, и она бы неминуемо погибла.

Глава 3. Второй период Странствия

Если взять географическую карту и отмечать на ней передвижения Елены Петровны за период от 1848 до 1872 г., получится такая картина: от 1848 по 51 год ¹ путешествие по Египту, Афинам, Смирне и Малой Азии; *первая* неудавшаяся попытка проникнуть в Тибет; в 1851 году (дата дана в ее собственных заметках) она едет в Англию, и там происходит ее первая встреча с Учителем, который появлялся ей в детстве и которого она звала своим Покровителем; с 1851 по 53 г. путешествие по Южной

---

¹ Даты позаимствованы мной из книги А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости», 1907 г.

Америки и переезд в Индию, *вторая* неудавшаяся попытка проникнуть в Тибет и возвращение через Китай и Японию в Америку; от 1853 по 55 или 56 г. странствования по Северной и Центральной Америке и переезд в Англию; от 1855 или 56 по 58 г. — возвращение из Англии через Египет и Индию и *третья* неудавшаяся попытка проникнуть в Тибет. Вот здесь является противоречие: гр. Вахтмейстер, ближе всех стоявшая к Елене Петровне в последние годы ее жизни, в своей речи, произнесенной в Теософском об-ве в Лейпциге 30 сентября 1899 года, передавала, что первое ее путешествие в Тибет произошло в 1856 году.¹ В декабре 1858 г. Елена Петровна появляется неожиданно в России у своих родных и остается сперва в Одессе, а потом в Тифлисе до 1863 года. В 1864 году она проникает наконец в Тибет, оттуда уезжает на короткое время (в 1866 г.) в Италию, затем снова в Индию и, через горы Кумлун и озеро Палти, снова в Тибет. В 1872 году она едет через Египет и Грецию к своим родным в Одессу, а оттуда в следующем 1873 году уезжает в Америку, и этим кончается второй период ее жизни.

Всматриваясь в это 20-летнее скитание (если вычесть 4 года, проведенные с родными) по земному шару, совершенно бесцельное с виду, так как мы имеем дело не с ученым изыскателем, а с женщиной, не имевшей никаких определенных занятий, — единственным указателем на истинную цель всех этих скитаний являются снова и снова возобновляющиеся попытки проникнуть в Тибет. Помимо этого указания, не существует никаких определенных сведений об этом периоде ее жизни. Даже горячо любимые ею родственницы, ее сестра и тетка, с которыми ее связывала самая нежная дружба, и те не знали ничего определенного об этой эпохе ее жизни. Одно время они были уверены, что ее нет уже в живых.

В воспоминаниях Марии Григорьевны Ермоловой, о которой я упоминала во 2-ой главе, лично знавшей все обстоятельства девичьей жизни Елены Петровны, есть одна подробность, не упоминаемая нигде, которая могла сыграть большую роль в ее судьбе. Одновременно с Фадеевыми в Тифлисе жил родственник тогдашнего наместника Кавказа, кн. Голицын, который часто бывал у Фадеевых и сильно интересовался оригинальной моло-

---

¹ Гр. Вахтмейстер привела интересную подробность этого путешествия: так как чужестранцы не могли проникать внутрь страны, то явившиеся за ней в Дарджилинг индусы положили ее в повозку, закрыли сеном и под таким покрытием повезли.

дой девушкой. Он слыл, по словам г-жи Ермоловой, «не то за масона, не то за мага или прорицателя».¹

В своем рассказе о неожиданном замужестве Е. П., г-жа Ермолова связывает это событие с отъездом князя Голицына из Тифлиса. Непосредственно вслед за его отъездом по городу пошли слухи, что внучка генерала Фадеева скрылась и никто не знает, куда она отправилась. В высших сферах Тифлисского общества, к которому принадлежала молодая девушка, исчезновение ее объясняли тем, что она последовала за князем Голицыным и что только этим можно объяснить согласие ее семьи на такой неравный брак с пожилым Блаватским, который, со светской точки зрения, был необъяснимым *mésalliance*.

М. Г. Ермолова хорошо знала Блаватского, потому что он служил чиновником по особым поручениям в канцелярии ее мужа, губернатора; он был скромный, ничем не отличавшийся человек средних лет и был во всех отношениях не пара для молодой, восемнадцатилетней девушки из влиятельной, высокопоставленной семьи.

Г-жа Ермолова, зная хорошо условия, в которых протекала жизнь Е. П., была убеждена, что дедушка и бабушка Елены Петровны согласились на этот брак своей внучки, чтобы «спасти положение» и прекратить неблагоприятные для ее репутации слухи. Благодаря связям генерала Фадеева, было нетрудно создать для скромного чиновника «приличное положение», и его перед свадьбой назначили вице-губернатором Эривани. Относительно побега Е. П. из родительского дома, г-жа Ермолова думала, что это был с ее стороны не более как необдуманная поступок, целью которого было с помощью князя Голицына войти в сношение с таинственным мудрецом Востока, куда направлялся князь Голицын. Если сопоставить эти обстоятельства и последующее бегство из дома мужа через три месяца после брака, который по всем данным был фиктивный, можно с большой вероятностью предположить, что в разговорах с «магом» кн. Голицыным, следовательно с человеком, сведущим в области медиумизма и ясновидения или по крайней мере интересующимся подобными явлениями, Елена Петровна могла получить много указаний, которые и подействовали на ее решение во что бы то

---

¹ Родственницы Е. П. Блаватской ответили на мой запрос, что кн. Голицын действительно бывал часто у Фадеевых перед замужеством Елены Петровны, но был ли он оккультистом — этого они не знают, хотя прибавляют, было вполне возможно.

ни стало вырваться из стеснительных условий светской девичьей жизни. Весьма вероятно, что она рассказала заинтересованному собеседнику о своих видениях и о своем «Покровителе» и получила от него ряд указаний, может быть и адрес того египетского копта, о котором упоминают как о ее первом учителе по оккультизму. Подтверждением этому служит и то обстоятельство, что, покинув Эривань и доехав до Керчи со своими слугами, Елена Петровна отсылает их под выдуманном предлогом с парохода и, вместо того, чтобы ехать к отцу, как предполагали ее родственники и слуги, отправляется на Восток, в Египет, и путешествует не одна, а со своей знакомой — гр. Киселевой. Возможно, что встреча их была случайная, но возможно, что было и предварительное соглашение. Если мое предположение верно, весь характер ее исчезновения на Восток совершенно меняется: вместо бесцельного искания приключений является определенное стремление к намеченной цели.

Через три года происходит самое важное событие этой эпохи ее жизни — ее первая встреча с Учителем. Об этой встрече, которая произошла в Лондоне в 1851 году, упоминают Г. Олькотт, гр. Вахтмейстер и г-жа Безант.

Все значение этой встречи выясняется лишь в связи с героическим характером пламенной, никогда не ослабевавшей, преодолевавшей все препятствия, верной до последнего вздоха преданности ее своему Учителю. Эта преданность, раскрывающая весь размер ее души, и была тем ярко зажженным маяком, который направлял все действия ее последующей жизни. При свете этого маяка все ее скитания, вся необычайность ее переживаний, ее снова и снова возобновлявшиеся попытки проникнуть в Тибет, где она надеялась приблизиться к нему, все это получает совершенно новый, глубокий смысл.

Ее враги, а также и все судящие по одним видимостям, предполагают, что таинственность ее жизни скрывает за собой нечто предосудительное, иначе «почему бы ее жизнь не была открытой, как у всех добрых людей»? Да, ей было что хранить в тайне, но не пошлые искания приключений наполняли эту таинственную часть ее жизни, а неукротимая тяга большой души к большой цели.

Чтобы верно понять эту сторону ее жизни, необходимо знать, что такое «ученичество», в чем оно состоит, какого рода обязательства оно налагает на ученика и каково на Востоке отношение ученика оккультной школы к своему Учителю.

Без приблизительного хотя бы понятия об этих вещах невозможна верная оценка жизни Елены Петровны, которая несомненно была ученицей высоких адептов восточной Мудрости (Брахма Видья).

Для европейцев, утеравших всякое понятие об эзотеризме, представляется какой-то сказкой самое существование восточных Учителей, живущих совершенно особой жизнью, где-то среди неприступных Гималаев, никому неизвестных, кроме горсти теософов-мечтателей. Но это представление совершенно меняется, когда начинаешь знакомиться с внутренним смыслом религиозных учений Индии. Разница умственной и духовной жизни материалистического Запада и мистического Востока очень глубока, и непонимание со стороны Запада самых существенных особенностей Востока вполне естественно. На Востоке никто не сомневается в существовании высоких адептов Божественной Мудрости. В газете «Boston Courier» от 18 июля 1886 года, как раз по поводу обвинения Елены Петровны в фиктивности ее общения с несуществующими Учителями Мудрости, появился протест, подписанный семьюдесятью пандитами из Негапатама, рассадника знатоков древних религиозных учений Индии, в котором они утверждают, что «махатмы или садху не измышление г-жи Блаватской, а Высшие Существа (*Superior Beings*), в существовании которых никто из просвещенных Индусов не сомневается, которых знали наши деды и прадеды, с которыми и в настоящее время многие Индусы, ничего общего с Теософским обществом не имеющие, находятся в постоянных сношениях».¹ Это — свидетельство ученых Востока. Но и западные ученые, по крайней мере наиболее передовые, не отрицают возможности сверхнормальных психических способностей, которые у большинства людей находятся в скрытом состоянии и только со временем разовьются до полного своего проявления; а если это так, совершенно нелогично отрицать возможность все более и более высоких ступеней психической и духовной эволюции, следовательно и появления таких «Высоких Существ», душевные силы и свойства которых еще неизвестны на нашей низшей ступени развития.

Многих смущает тайна, окружающая их. Но на это существуют важные причины, из числа которых наиболее понятной для европейского ума должно быть естественное утончение всей нервной системы; в какой степени такая утонченная организация

---

¹ Подлинник этого документа со всеми подписями хранится в библиотеке Адьяра.

должна страдать от наших современных условий жизни, это поймут все, обладающие «тонкими нервами». Если взять ту же чувствительность, только в неизмеримо усиленной степени, нетрудно представить себе предел, за которым шумы и вибрации городской суеты и скопления множества негармонично настроенных людей станут даже опасными для сильно утончившихся нервных проводников. В этом главная причина того факта, что люди, достигавшие святости, которая неизбежно сопровождается утончением всей нервной системы, всегда стремились в уединение, скрывались в пустынях и джунглях. Когда же человеку с исключительно тонким психическим развитием — по свойствам его жизненной задачи — все же приходится оставаться среди многолюдья, он должен сильно страдать. На не очень высокой ступени развития без предосторожностей, известных оккультисту, он даже и не мог бы выдержать грубых шумов современной городской жизни.¹

Если рассматривать весь характер жизни Е. П. Блаватской, владея хотя бы самыми элементарными понятиями об оккультных явлениях, можно с уверенностью сказать, что весь второй период ее жизни был сначала — подготовлением к ученичеству, а затем и самим ученичеством; что же касается последних лет ее жизни, они носят на себе ясную печать определенной духовной миссии. Доказательством служат многие обстоятельства ее жизни, а также и характер ее литературного творчества. Во-первых, Стансы «Дзиан», к которым все три тома ее «Тайной Доктрины» служат комментариями, могли быть доступны лишь ученику высокого Адепта, который — по соображениям высшего порядка — нашел своевременным обнародовать их в конце прошлого столетия. Будь это не так, Стансы эти были бы давно уже известны, если не западным ученым, то, по крайней мере, восточным пандитам, а этого не было, и Стансы эти действительно впервые даются миру через Е. П. Блаватскую. Иначе в Индии давно уже поднялись бы громкие протесты со стороны ученых браманов, которые не преминули бы раскрыть самозванство женщины, к тому же из презираемой ими в душе расы варваров,² которая приписала себе *первую* передачу такого драгоценного древнейшего документа. Другая ее книга. «Голос Безмолвия», не раскрывает ее «ученичества» только для европейцев, совершенно уте-

---

¹ О том, как сильно Е. П. Блаватская страдала от физических шумов, хорошо известно ее ближайшим ученикам.

² Млечча.

рявших религиозный эзотеризм; для тех же, которые понимают истинный смысл евангельского изречения: *узок путь и тесны врата, ведущие в Жизнь, и немногие находят их* и знают, что такое восточный религиозный «путь», для них совершенно очевидно, что Е. П. Блаватская была ученицей эзотерической школы Востока, ибо только там могла она приобрести эти изречения, насквозь проникнутые духовностью древнего Востока, которые несомненное всяких документов говорят за то, что она соприкоснулась с этой духовностью и черпала свое вдохновение не из вторых рук, а из первоисточника. Только истинный *чела*, с великим напряжением перестраивающий всю свою душевную жизнь по новым линиям, сжигающий всю свою низшую природу в огне внутренней битвы, способен выразить опыт духовного подвига так, как выразила его Е. П. Блаватская в своей книге «Голос Безмолвия».

Вторым доказательством подлинности ее «ученичества» служат ее постоянные сношения с учителями Востока, удостоверенные множеством свидетелей, как европейцев, так и индусов. Сношения эти носили различный характер: реже всего они были непосредственно физические, чаще — письменные и еще чаще — ясновидяще-психические; в широкую область последних входят и астральные сношения (ясно виден образ и слышен голос физически отсутствующего), и внутренне психические, намеком на которые может служить «внушение».

Но на той ступени развития, которой достигали психические силы Елены Петровны, сношения последнего рода между учителем и учеником, или *гуру* и *челой*, как выражаются на Востоке, могут достигнуть такой же отчетливости и непрерывности, как и физические общения. Между ними устанавливается нечто в роде беспроволочного телеграфа. Существует множество свидетельств, как, даже во время оживленного разговора, когда внимание Елены Петровны было устремлено на определенный предмет, она внезапно останавливалась, как бы прислушиваясь, и вслед за тем каждый раз появлялось или письмо, или внутреннее указание, которое она и спешила выполнить. Никто при этом не слышал каких-либо звуков, кроме нее; лишь до ее раскрытого внутреннего слуха ясно доносились внутренне произносимые слова Учителя, которые и передавались посредством соединявших их магнетических токов.

Все такие явления, как ясновидение и яснослышание, психометрия, телепатия, внушение и т. д., казавшиеся еще недавно явлениями сверхъестественными, начинают регистрироваться в

летописи научных наблюдений, но объяснить их современная наука не будет в состоянии до тех пор, пока не начнет считаться с духовной природой человека, с его *духовной эволюцией*.

До сих пор одни только оккультисты разбираются правильно во всех «ненормальных» психических явлениях, но они не считают их *ненормальными*, а лишь преждевременно и односторонне, поэтому и негармонично развивающимися свойствами человеческой души. При естественном ходе эволюции силы эти будут раскрываться очень медленно и постепенно и притом в определенных взаимных сочетаниях. При ускоренной эволюции они могут проявляться или негармонично, а следовательно и нежелательно, как у большинства медиумов; у *которых развитие проводников опередило развитие духа*, или же они могут пройти через *правильную внутреннюю культуру*.

В последнем случае необходим Учитель, сам прошедший через такую культуру, необходимо то, что можно назвать посвящением в высшую область духа, и если у идущего по этому «пути» хватит душевных сил, чтобы вынести огромное напряжение сознательной внутренней перестройки всей своей психики, тогда он может *чрезвычайно* опередить свою расу, — и те силы, которые у остальных действуют еще стихийно, у него будут подчиняться его собственной воле; он станет господином над ними, и вследствие этого освободит огромное количество энергии на высшую работу духа. Наоборот, те психические силы, которые развились преждевременно и остаются стихийными, *не* подчиненными сознанию и воле, могут служить только во вред тому, кто обладает этими силами: не он распоряжается ими, а они владеют им и вводят в смятение. И хотя до его *преждевременно* развитого внутреннего слуха и зрения и достигают наиболее грубые световые и звуковые явления невидимого мира, но от этого он не становится ни духовнее, ни умнее. Он не разбирается в них и не понимает взаимной связи в фактах сверхфизического мира.

Правильная *культура* высших психических сил имеет свою науку, свои строго обоснованные дисциплины, свой многовековой опыт, своих учителей и свои школы; в одну из таких восточных школ и была принята Е. П. Блаватская, доказательством чему служат последние годы ее жизни, когда уже совершенно ясно обнаружались результаты систематической культуры ее чрезвычайно сильных сверхнормальных психических способностей. «Тогда (речь идет о 1859 и 60 гг.) все эти феномены были вне ее власти и контроля», сообщает ее сестра В. П. Желиховская, «а

когда мы снова увидели ее в 1884 году, то все эти проявления сил невидимых агентов... были ей вполне покорны и *никогда* не проявлялись без ее воли и прекращались мгновенно по ее желанию. Та же переменна проявлялась и в случаях ее ясновидения. Ранее она, *не желая*, часто видела вещи, ни ее, и никого особенно не интересовавшие, а двадцать лет спустя она переносилась духовным взором туда, куда хотела, и видела только то, что *хотела* видеть».¹

Именно эти психические силы, развитые до полной сознательности и вполне подчинявшиеся ее воле, и служат самым неоспоримым доказательством, что психическое ее развитие прошло через правильную культуру оккультной школы. Силы эти можно разделить на несколько групп:

а) Внушение, вызывающее различные иллюзии — световые, звуковые, осязательные, вкусовые и иллюзии обоняния у того, кто подвергается внушению.

б) Ясновидение всех видов, чтение чужих мыслей и настроений (изменения в ауре наблюдаемого).

в) Сношения на расстоянии с лицами, одаренными таким же или большим психическим развитием.

г) Сильно развитое высшее ясновидение, дававшее ей возможность черпать знания не доступным для большинства способом (чтение космической хроники в свете Акаши).

д) Запечатление объективных представлений актом воли (осаждение — *precipitation* — на бумаге или ином материале). Картины, произведенные Еленой Петровной таким способом, т. е. наложением руки на чистый лист бумаги, были представлены экспертам в 1895 году, через промежуток в 17 лет, и можно было ясно различить рисунок, сделанный как бы водяными красками, голубым, красным и зеленым карандашами, чернилами и золотом. Во всех таких случаях, сосредоточенное воображение является творцом, сила и материя — его работающими орудиями. Все эти способы известны только в восточных школах оккультизма, ни один западный медиум не владеет ими.

е) Явления, требующие знания первичных свойств природы, силы сцепления, образующей различные агломераты из атомов, и знания эфира, его состава и потенциальности.

Другие ее психические силы излишне и перечислять, так как объяснить их мог бы только тот, кто знает столько же, сколько знала сама Е. П. Блаватская.

---

¹ «Русское Обозрение», 1891 г.

Следующим доказательством ее высокого оккультного развития служит ее упорное молчание относительно всех обстоятельств этого таинственного периода ее жизни. Это доказательство особенно важно ввиду ее характера, до такой степени откровенного и несдержанного, что она — по словам ее близких — никогда не разбирала, что и перед кем говорила, и тем чрезвычайно себе вредила, сама давая против себя оружие своим недоброжелателям. Кто знаком с условиями оккультного обучения, для того подобное умалчивание не только в порядке вещей, но оно одно из самых верных показателей, что данный человек *действительно* ученик оккультной школы. Можно прожить с ним под одной кровлей всю жизнь и не узнать о его принадлежности к школе, и, наоборот, когда встречаются оккультисты, а такие в последнее время встречаются нередко, чуть не на улицах объявляющие через своих приближенных о своем «посвящении», можно быть совершенно уверенным, что здесь нет ничего серьезного. *Ни один истинный чела никогда, ни при каких условиях, не говорит о своей принадлежности к школе и ни о чем, относящемся к его оккультному обучению.* Это — необходимое условие, которое имеет очень серьезные основания. А когда далеко стоящие от тонких явлений высшего сознания бросают упреки по поводу «тайны», ссылаясь на то, что все хорошее должно совершаться *явно*, на этот упрек можно ответить одно: оккультная школа *действительно* развивает высшие силы в своих учениках, а среди этих сил есть и такие, как способность видеть в ауре человека его истинный характер и все его скрытые свойства, а также способность внушать людям свою волю и свои мысли. Нетрудно себе представить, какие потоки новых бедствий устремились бы на без того уже трудную земную жизнь, если бы развитие скрытых сил стало доступно для всех, вплоть до эгоистов с нечистыми намерениями!

Следующим доказательством служат ее постоянные и неизменные заявления, что *не она* автор своих книг, что она только орудие, только пишущая под диктант и т. д. Если бы это было неверно, если бы за ней не стояли Учителя и она сама придумала свою «Тайную Доктрину», со всеми ее бесчисленными ссылками и цитатами, она оказалась бы не только обладательницей огромной учености, неизвестно где приобретенной, но и величайшим гением, потому что такого индивидуального творчества, как ее «Тайная Доктрина», не найти ни в одной эпохе. И что могло заставить ее лишать себя заслуженной славы, почета и уважения

своих современников и упорно приписывать свое личное творчество несуществующим призракам?

Какие силы могли бы заставить человека, который собственными усилиями приобрел такую массу знаний, отречься от них в пользу создания своей фантазии, вызывая лично к себе оскорбительное недоверие, насмешки и непонимание со всех сторон, даже со стороны близких и дорогих людей? Только одно безнадежное сумасшествие могло бы вызвать такое невероятное положение вещей, а между тем Елену Петровну обвиняли в очень многих грехах, но в *этом* ее не обвиняли никогда.

Приведенных доказательств, вероятно, достаточно, чтобы осветить истинный смысл второго, таинственного периода ее жизни, а те немногие фактические подробности, которые близкие люди знали об этом периоде, указывают на те же черты, которыми отличались и последние годы Елены Петровны, протекавшие на виду у многочисленных свидетелей: та же железная воля, та же героическая отвага, та же беззаветная преданность идее и пламенный энтузиазм, та же неукротимая энергия. Весьма возможно, что эта вторая часть жизни Елены Петровны была богата и личными яркими переживаниями, хотя можно поручиться, что они не были ни мелкими, ни пошлыми, но все это совершенно не важно в сравнении с тем внутренним смыслом ее жизни, который раскрывается перед нами.

Один из эпизодов ее путешествия по Монголии, который упоминается в «Разоблаченной Изиде», дает понятие о том, в каких положениях приходилось ей бывать во время ее скитаний. Это было в 1855 г., когда ей было 24 года и когда она в *третий* раз пыталась проникнуть в Тибет. Из Калькутты она трогается в путь с тремя товарищами, и они едут через Кашмир под эгидой татарского шамана. Товарищи ее уехали недалеко: двоих вернули назад правительственные агенты, а третий заболел жестокой лихорадкой, и отважная Елена Петровна отправилась далее одна с шаманом, стремясь все в ту же «запретную страну». Во время отдыха в монгольской степи, под раскинутой палаткой, шаман склонился на просьбу своей молодой спутницы показать действие своего талисмана, который он постоянно носил при себе; вместо всяких объяснений, он *проглотил* его, и почти немедленно впал в глубокий транс. Два часа провела молодая женщина с его окоченелым телом в одиночестве, среди монгольской степи, и провела, по-видимому, очень интересно, потому что заставляла астральное тело шамана путешествовать по свету и рассказывать

ей, что делают ее друзья. Одна из них, старая румынская дама, появилась даже собственной особой в углу палатки с письмом в руках. Впоследствии оказалось, что дама эта во время чтения означенного письма потеряла сознание и «увидала Елену в каком-то пустынном месте под цыганской палаткой». Под конец Елена Петровна отправила астрального шамана за помощью; и, действительно, через некоторое время целая партия всадников подъехала к палатке и освободила ее из становившегося неприятным положения.

Прежде чем перейти к дальнейшим годам жизни Елены Петровны, приведу интересный документ, относящийся ко второму ее пребыванию в Тибете, между 1866 и 1871 годами, который напечатан в недавно вышедшей книге А. Безант «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости». Документ этот был доставлен необычайным образом любимой тетке Елены Петровны, Надежде Андреевне Фадеевой, которая следующим образом описывает его появление в письме, помеченном 26 июня:

«Я писала г-ну Синнетт... по поводу письма, полученного мной чудесным образом, когда моя племянница была на противоположном конце света, или, вернее сказать, когда никто не знал, где она находилась; обстоятельство, которое повергло нас в большую тревогу. Все наши старания узнать, где она, не привели ни к чему. Мы уже готовы были считать ее мертвой, когда — я думаю, что это было приблизительно в 1870 г. — я получила письмо от того, кого вы называете Учителем, припосланное ко мне самым необычайным и таинственным образом в мой собственный дом посланником с азиатским лицом, который тут же исчез с моих глаз. Это письмо, в котором меня просят не беспокоиться и уверяют, что она здорова, находится у меня, но осталось в Одессе. Когда я вернусь, я перешлю его к Вам и буду очень рада, если оно пригодится. Извините меня, но мне с трудом верится, чтобы были люди настолько неразумные, чтобы думать, что моя племянница или Вы выдумали этих людей, которых вы называете махатмы.

Мне неизвестно, как долго Вы знали их лично, но моя племянница говорила мне о них, и очень обстоятельно, много лет тому назад. Она писала мне, что возобновила отношения с некоторыми из них ранее, чем написала «Изиду». Зачем бы ей придумывать их? С какой целью? И как бы они могли сделать ей столько добра, если бы они не существовали? Ваши враги, может быть, недурные и небесчестные люди, но они во всяком случае неумные, если обвиняют Вас в этом. Если я, которая надеюсь остаться до могилы ревностной христианкой, верю в существование этих людей (хотя и не во все чудеса, приписываемые им), почему бы и другим не верить? По крайней мере существование одного из них я могу засвидетельствовать лично. Кто мог прислать то письмо в момент,

когда я так сильно нуждалась в успокоении, если не один из этих адептов, о которых они толкуют? Правда, я не знаю почерка, но способ, которым оно было передано мне, был так необычаен, что никто, кроме адепта оккультных знаний, не мог совершить ничего подобного. Оно обещало мне возвращение моей племянницы, и обещание это было исполнено. Во всяком случае я пришло Вам письмо через две недели, и Вы получите его в Лондоне».

Письмо было получено через десять дней, завернутое в письмо самой г-жи Фадеевой; оно было написано на китайской рисовой бумаге, наложенной на глянцевитую бумагу ручного производства, какая употребляется в Кашмире и в Пенджабе, и вложено в конверт из той же бумаги. Адрес был такой: Высоко-чтимой Госпоже Надежде Андреевне Фадеевой в Одессу (To the Honourable, very Honourable Lady Nadiejda Andriewna Fadeeff, Odessa). В углу конверта заметка рукой г-жи Фадеевой на русском языке, сделанная карандашом: *Получено в Одессе 7-го ноября о Леленьке, вероятно из Тибета, 11-го ноября 1870 года. Надежда Ф.* Само письмо следующего содержания: «Благородные родственники Е. Блаватской не должны печалиться. Она жива и желает передать тем, кого любит, что она здорова и чувствует себя очень счастливой в далеком и неизвестном убежище, которое она избрала. Пусть принадлежащие к ее семье леди успокоятся. Ранее чем пройдут 18 новых лун, она возвратится в свой дом». Письмо и адрес написаны хорошо знакомым для многих почерком махатмы К. Х.

Глава 4. Третий период Творчество

Третий период жизни Е. П. Блаватской, который она, начиная с 1873 года, провела последовательно в Америке (1873-1878 г.), в Индии (1878-1884) и в Европе (1884-1891), был настолько известен, имел такое множество свидетелей, постоянно окружавших ее, что его можно проследить день за днем во всех подробностях. Как на более ценные материалы для ее биографии можно указать на записки полковника Олькотта «Листы старого дневника» в шести томах, на книгу граф. Вахтмейстер «Воспоминания о Е. П. Б. и Тайной Доктрине»,¹ на книгу Синнетта «Случаи из жизни мадам

---

¹ Кроме личных воспоминаний граф. Вахтмейстер, в ее книге приложены отзывы 6 знавших Е. П. лиц.

Блаватской» и на изданное в 1907 году президентом Теос. о-ва, г-жой А. Безант, расследование процесса Куломбов—Паттерсона под заглавием «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости».

В 1873 году, по указанию своего Учителя, Елена Петровна отправилась из Парижа в Нью-Йорк. Переезд ее в Америку ознаменовался на этот раз таким характерным эпизодом, что я не могу не привести его для русских читателей, как образчик ее совершенно необыкновенной доброты. У нее никогда не было лишних денег, и на этот раз, по приезде в Гавр, у нее в кошельке оказался только один пароходный билет 1-го класса да несколько мелких монет. На пароходной пристани она заметила плачущую женщину с двумя детьми. На ее расспросы женщина рассказала, что муж прислал ей денег на ее приезд с детьми в Америку, но что купленные в городе у агента билеты оказались поддельными, ее не берут на пароход, и вот она — без гроша в чужом городе. Недолго думая, Елена Петровна пригласила женщину идти за собой на пароход, и там заставила пароходного агента обменять ее билет 1-го класса на палубные билеты 3-го класса для себя и для женщины с детьми. Так она и переехала через океан на палубе, в толпе переселенцев.

В начале ее пребывания в Америке ей пришлось немало бедствовать, но она никогда не унывала и пока не получила деньги из дома, занималась то шитьем галстуков, то изготовлением искусственных цветов. Ко времени ее появления в Северной Америке, в штате Вермонт, в Читтендене происходил ряд поразительных медиумических явлений, которые привлекли к себе всеобщее внимание. Они происходили в коттедже фермеров, двух братьев Эдди, людей совершенно необразованных и темных, но обладавших таким сильным медиумизмом, что в их присутствии постоянно происходили сильные спиритические феномены, до материализации включительно. В их доме Елена Петровна впервые встретилась с полковником Олькоттом, который с этого времени стал ее верным помощником и сотрудником. Генри Олькотт служил в северо-американском войске во время войны за освобождение негров, а по окончании войны он был адвокатом и корреспондентом одной из больших нью-йоркских газет. По поручению этой газеты он и приехал в Читтенден, чтобы расследовать наделавшие большого шума спиритические явления на ферме братьев Эдди. Познакомившись с Еленой Петровной, Г. Олькотт заинтересовался так сильно ее обширными оккультными знаниями и необычайными явлениями, которые постоянно проявлялись

в ее присутствии, что предложил ей свое сотрудничество, сперва в ее литературной деятельности (он выправлял английский текст ее «Изиды»), а затем, познакомившись через нее с учениями теософии, принял деятельное участие в ее разнообразной и неутомимой борьбе с царившим в то время материализмом.

Знакомясь с тем, как Е. П. Блаватская начинала осуществлять свою миссию, и следя за дальнейшей ее деятельностью, нетрудно догадаться, что теми психическими проявлениями, которыми она так поражала окружающих, она надеялась достигнуть определенной цели: расшатать неверие в невидимый мир, доказать, что, рядом с физическими, существуют и иные, несравненно более тонкие, но не менее реальные явления. Большинство окружающих ее тогда людей были уже заинтересованы спиритизмом. В 1-м томе записок полковника Олькотта («Листы старого дневника», 1, стр. 13) помещено ее письмо, в котором она говорит, что была послана из Парижа в Америку (в то время, когда явления на ферме Эдди вызвали к себе всеобщее внимание), чтобы свидетельствовать истинность спиритических явлений и обнаружить неправду спиритической теории, по которой явления эти объясняются появлением духов усопших.

Чтобы доказать, что теория эта основана на заблуждении, она производила подобные же явления при мощном сознании *силою воли* — и исключительной *способностью сосредоточения*, прибавлю я от себя. В явлениях на ферме братьев Эдди поразительно было то, что с появлением среди зрителей Е. П. Блаватской, материализованные «духи» начали принимать вид жителей Кавказа, курдов, осетин, а также русских, это служит подтверждением, что материализации, которые на спиритических сеансах принимаются за духов усопших, могут принимать ту или другую форму под влиянием *силы мысли* того из присутствующих, который способен думать *отчетливо и с большой сосредоточенностью*. А Елена Петровна, по заявлению знавших ее, обладала совершенно необыкновенной способностью сосредоточиваться. Она умела собирать все свое внимание на одной вещи с такой энергией, что все остальное для нее уже не существовало; «нужно добиваться, — говорила она своим ученикам, — чтобы, если вы думаете о коробке спичек, для вас не было бы в мире ничего, кроме этой коробки и вашего я». Далее, на стр. 15-й того же дневника, есть указание, что Елена Петровна примкнула временно к спиритизму для того, чтобы показать спиритам все опасности медиумических сеансов и всю разницу, которая существу-

ет между спиритическими явлениями и истинной духовностью. Она была уверена, что спиритизм, как учение, не в состоянии повлиять на одухотворение жизни, и считала своей миссией ложный западный медиумизм заменить восточной духовностью (Брахма Видья).

К тому же ее отрицательное отношение к спиритизму основывалось не на отвлеченных теориях, а на ясновидении: в связи с отделением из тела медиума астральной субстанции она видела часто такие нежелательные явления, которые легко могут объяснить всю страстность ее нападений на спиритические сеансы.

Ее решением бороться с развитием медиумизма можно объяснить и то обилие феноменов, которые она производила в ту пору своей жизни. Она хотела ими доказать, что опытный оккультист может творить то же, что и «духи» спиритистов. Среди различных явлений, которые она показывала с этой целью, были мгновенные исчезновения людей или предметов, например, исчезновение человека, несущего лампу, что производило впечатление, что лампа движется одна по комнате. Западные ученые отказываются объяснить подобные явления, а между тем на Востоке они известны многим. Елена Петровна объясняла это тем, что восточный оккультизм знает несравненно больше о *внутреннем человеке*, о том, который через физические чувства — эти «окна души» — сообщается с внешним миром, и поэтому восточный оккультист может действовать непосредственно *на него*; он может на время прекращать нервные токи таким образом, что передача сознания у того, на кого устремлено его воздействие, временно приостанавливается — как бы обрезаются проволоки внутреннего телеграфа, и человек перестает видеть то, на что направлено запрещение оккультиста.

Елена Петровна прекрасно знала, какую бурю вражды и нареканий она навлечет на себя своим противодействием спиритизму и все же с обычным бесстрашием и энергией шла навстречу этой буре. Что это было так, доказывают следующие строки из ее письма, помещенного в 1-м томе дневника Олькотта (стр. 25): «Получила приказание сообщать публике правду о спиритических феноменах и их медиумах. И отныне начнется мое мученичество! Все спириты восстанут на меня вдоваков к христианам и ко всем скептикам. Твоя воля, Учитель, да будет исполнена!»

Но рядом с серьезной целью убедить людей в реальности невидимых миров, производимые ею «феномены» имели и отрицательную сторону: они вызывали большой наплыв любопыт-

ных, которые разносили слухи о ее «чудотворениях» и привлекали к ней не столько серьезных людей, сколько жаждавших увидеть ее феномены. Сама же она относилась к ним скорей с пренебрежением, утверждая, что эти феномены лишь ничтожная и подчиненная сторона теософии, что психологические эксперименты стоят в таком же отношении к духовной философии, в каком химические эксперименты стоят к науке химии. Но они, тем не менее, сослужили для многих важную службу, став мостом, через который люди переходили от западного спиритизма к восточному спиритуализму, и они же помогали серьезным ее последователям понимать возвышенные учения теософии.

В 1875 году, 7 сентября, произошло открытие Теософского общества. В скромной квартире Елены Петровны собралось 17 человек: несколько редакторов и писателей, ученый еврейский раввин, президент Нью-Йоркского Общества для расследования спиритизма, два врача и еще несколько лиц. Один из присутствующих, г-н Фельт, прочитал доклад о «потерянном каноне пропорций у древних египтян», а затем полковник Олькотт произнес речь, в которой очертил современное духовное состояние мира, конфликт между материализмом и духовностью с одной стороны и религией и наукой с другой; их безвыходным препирательством он противопоставил философию древних теософов, умевших слить воедино оба полюса жизни. Затем он предложил учредить Общество оккультистов и при нем библиотеку для изучения скрытых законов природы, которые были известны древним и совсем утрачены для нас. Предложение его было принято, и его выбрали президентом Теософского общества. В тот первый вечер было выработано семь основных положений, но в них и тогда уже были ясно намечены те три главные цели, которые позднее были поставлены на знамени Теософского общества.

Вначале развитие Общества пошло медленно, но это несколько не ослабило энергии его русской основательницы и ее американского помощника. В следующем, 1876 году Елена Петровна начала писать «Изиду», а в 77-м году «Изида» была уже издана в Нью-Йорке и вызвала к себе большое внимание в американской прессе. Писала Елена Петровна свою книгу всегда в присутствии Олькотта, который занимался в той же комнате и помогал ей, выправляя английский стиль каждого листа.

Г. Олькотт сообщает много интересного по поводу этой совместной работы, хотя наблюдения его чисто внешние и дать им какое-либо объяснение он совсем не мог. Так, в передаваемых

ему для редакции листах он наблюдал *четыре* разных почерка. Хотя общий характер письма оставался во всех четырех один и тот же: один почерк был мельче и ровнее, другой — более размашистый, третий — средней величины и очень четкий и, наконец, четвертый — очень неразборчивый. И в достоинстве английского стиля замечалась большая разница, смотря по тому, которым из четырех почерков страница была написана; некоторые страницы требовали многих поправок, а некоторые были так совершенно выражены, что не нуждались совсем в исправлении.

Каждое изменение стиля и почерка совпадало всегда или с удалением Елены Петровны из комнаты, или с определенным выражением глаз, которые поражали в такие минуты своей безжизненностью. В одном из своих писем она выражается так: «Я живу с открытыми глазами в волшебном мире видений и картин, владея при этом всеми своими чувствами... В течение нескольких лет, чтобы не забылось то, чему меня научили, передо мной постоянно возникало все, что мне было нужно. Днем и ночью картины прошлого проносились перед моими внутренними глазами. Медленно, в скользящем движении, подобно образам в волшебной панораме, века проходят передо мной... и каждое важное, а иногда и неважное событие фотографируется в моем уме словно отпечатанное в неизгладимых красках... Я решительно отказываюсь приписывать все это своим собственным познаниям или памяти, потому что одна я никогда не достигла бы ничего подобного».

В 1878 г. основатели Теософского общества решили переселиться в Индию. К этому времени у них уже завязались заочные сношения с несколькими индусскими пандитами, и они пришли к тому, что лучшей почвой для возрождения древневосточной духовности должна быть именно Индия.

Перебравшись в Индию, они поселились вначале в Бомбее, и вскоре множество посетителей из местных браманов, буддистов, парсов и др. толпились вокруг Е. П. Блаватской, слушая ее эзотерические толкования древних текстов. Помощь, которую последователи различных верований находили при этом в одних и тех же теософических объяснениях, служила для всех них самым существенным доказательством, что теософия действительно основа всех религий.

Вначале Елене Петровне приходилось терпеть от любознательности местной полиции, которой казалось очень подозрительным, что русская дама вступила в такие оживленные сноше-

ния исключительно с туземцами-индусами. Но через некоторое время умные английские полицейские разобрались, что дело идет о религии, и оставили ее в покое.

Работа у Елены Петровны и ее сотрудника с самого начала их переселения в Индию закипела такая горячая, влияние их в Индии росло так быстро, и они были так завалены письмами, что уже на другой год решено было основать свой журнал, и в октябре 1879 г. возник «Теософист», который выходит и до сих пор в Индии, а с 1907 года, т. е. после смерти Г. Олькотта, поступил под редакцию нового Президента, А. Безант. К этому же времени относится знакомство Елены Петровны с издателем главного англо-индусского органа «Pioneer», Синнеттом, который под ее влиянием из позитивиста и скептика стал теософом; сочувствие г-на Синнетта было чрезвычайно полезно для зарождающегося теософского движения, так как он занимал почетное положение среди местного общества и пользовался всеобщим — доверием и уважением.

Результатом посещения Елены Петровны его летнего дома в Симле была первая книга по оккультизму, написанная Синнеттом, «Оккультный мир», в которой он подробно описывает необыкновенные явления, происходившие в присутствии Елены Петровны в его доме. Несмотря на ее резкие внешние приемы, которые очень не нравились Синнетту, так как представляли полный контраст со сдержанным самообладанием леди его среды, он описывает свои впечатления от тогдашней Елены Петровны в таких выражениях: «она владеет великолепными психическими дарами и несокрушимым мужеством, которое выносит ее из всех подавляющих испытаний, а ее духовный энтузиазм так велик, что он превращает все ее страдания и весь напряженный труд в пыль и прах по сравнению с ее непоколебимой верностью невидимому Учителю». Через нее Синнетт вступил и сам в сношения с «невидимыми Учителями», и плодом этих сношений была его книга «Эзотерический Буддизм», которая представляет первую попытку дать систематический очерк эзотерической космогонии.

Здесь будет уместно упомянуть, какие нежелательные последствия повлекло за собой неудачно выбранное название этой книги и неправильная орфография слова «буддизм». Именно эта книга и пропущенная в ее названии ошибка вызвали распространившееся повсюду мнение, которое разделял и Владимир Соловьев, когда писал свою статью в словаре Венгерова, что прине-

сенная Е. П. Блаватской теософия есть замаскированный буддизм. А между тем, слово «буддизм», которое стоит в заглавии книги Синнетта, должно означать вовсе не учение Гаутамы Будды, а эзотерическую Мудрость, от *Будха*, Мудрость (санскритский корень *budh* — знать). Эта ошибка вызвала совершенно неверное представление, что те эзотерические религиозные учения, которые впервые обнародованы Е. П. Б., принадлежат буддизму, религии, исповедуемой на Востоке. В действительности, божественная Мудрость, теософия, Брахма Видья, доступную для современного сознания часть которой Е. П. Б. старалась изложить в своей «Тайной Доктрине», является общим для *всех* религий эзотерическим учением, той «твердой пищей», о которой Апостол Павел упоминает в своем Послании к Коринфянам (I посл., III, 2), одинаково присущей и брахманизму, и буддизму, и зороастризму, и христианству. Статья Влад. Соловьева написана — если не ошибаюсь — 17 или 18 лет назад; с тех пор духовное движение, созданное Е. П. Б., продолжало расти и развиваться, и в настоящее время, когда вся обширная теософская литература на деле доказала, с какой серьезной любовью теософы изучают эзотеризм всех религий, подобный упрек в замаскированной проповеди буддизма был бы уже невозможен.

Следующие пять лет до 1884 года прошли в энергичной пропаганде теософии внутри Индии. Оба основателя Теософского общества разъезжали по всей Индии, стараясь везде возбудить интерес к высокой красоте древнеиндусских верований и вызвать воспоминание о былой славе великого народа.

Такое отношение Е. П. Б. и Г. Олькотта, полное любви и энтузиазма к религии угнетенного народа, произвело огромное впечатление среди населения Индии.

Когда основатели Теософского общества явились на Цейлон, им была устроена такая восторженная встреча, словно их приезд был народным событием, и все духовенство острова с Первосвященником во главе приветствовало и благословляло их.

В конце 1882 г., благодаря сырому климату Бомбея, оказавшемуся очень вредным для здоровья Елены Петровны, она тяжело заболела. Это была первая из ее смертельных болезней, когда доктора давали ей жить лишь несколько часов и затем признавались, что ее быстрое выздоровление, при таком состоянии организма, было для них совершенно непостижимо. И этот раз доктора объявили ее безнадежной; но в самый разгар болезни она исчезла из своей комнаты, где лежала в бессознательном

состоянии, а затем, дня через три или четыре — вернулась домой совершенно здоровая. Исчезновение ее объясняют тем, что она без ведома своих домашних была увезена на север от Дарджилинга в место, никому из них неизвестное, и там была вылечена своим Учителем. Ее сестра, Вера Петровна Желиховская, получила от нее как раз около этого времени письмо из Дарджилинга (на границе Тибета), в котором подтверждается это предположение близких ей людей.

В одном из многочисленных передвижений по Индии, еще до болезни Елены Петровны, ей и Олькотту очень приглянулось небольшое поместье, по нашему вернее — усадьба, в окрестностях Мадраса, расположенная на морском берегу; с помощью местных индусских членов Теософского общества место это было куплено для Общества и в нем был устроен постоянный приют для его представителей. Это и был Адьяр, хорошо известная «Штаб-квартира» Общества, в которой до самой смерти прожил первый президент, а в настоящее время живет его преемница, А. Безант, в промежутках между своими путешествиями в Европу и Америку; как раз в начале текущего 1910 года владения Адьяра расширились: благодаря стараниям нового президента приобретены два участка, примыкающие к прежнему владению Адьяра, которые в честь основателей Теософского общества названы «садами Блаватской» и «садами Олькотта». На этих участках, по инициативе госпожи А. Безант, построено в тени деревьев несколько домов для приезжих теософов, чтобы дать возможность серьезным работникам воспользоваться всеми преимуществами Адьяра, между прочим — прекрасной Адьярской библиотекой, наполненной редкими книгами всех веков по вопросам восточных религий, философий и по оккультизму.

После переселения в Адьяр, 19 декабря 1882 г., здоровье Елены Петровны оставалось настолько неудовлетворительным, что потребовалась перемена климата, и она переселилась «на время» — как тогда все думали — в Европу. 7 февраля 1884 года покинула она Адьяр, провела лето того же года в Лондоне, осень в Эльберфельде у своих друзей Гебхардов, и только и думала о том, чтобы скорей приняться за свою «Тайную Доктрину», когда из Адьяра получилось известие о состоявшемся против нее заговоре, к изложению которого мы сейчас и перейдем. Получив это известие, Елена Петровна отправилась в Индию, чтобы защитить свое доброе имя от возведенной на нее клеветы. Но новая болезнь вынудила ее снова покинуть Индию и, по настоянию док-

тора, вернуться в Европу. Здесь, едва оправившись от перенесенных волнений и болезни, она с жаром принялась за свою «Тайную Доктрину». Чтобы работать над ней без помехи, она выбрала уединенный Вюрцбург. На эту работу она смотрела как на главное дело своей жизни. Она была уверена, что человечество подошло к нравственному кризису, что все усиливавшийся материализм мог закристаллизовать сознание в такой степени, что возврат к духовности становился бы все труднее и труднее. Нужно было помочь ему, пробить окно в духовный мир, раскрыть перед людьми невидимые для них дали. Так понимала Елена Петровна порученную ей задачу и со свойственными ей энергией и энтузиазмом принялась за дело. Зимой 1885 г. она провела в Вюрцбурге сперва одна, а потом вдвоем с графиней Вахтмейстер, которая взяла на себя заботу о ее материальных нуждах. Совсем больная, страдающая от острого ревматизма, который грыз все ее измученное тело, она с неослабевающим самоотвержением сидела за своим письменным столом с раннего утра и до вечера, не давая себе никакого отдыха среди дня. В разгаре этого труда, поглощавшего ее всю без остатка, на нее неожиданно обрушился второй страшный удар, который наверно раздавил бы каждую менее сильную душу.

Вот как гр. Вахтмейстер описывает это страшное для Елены Петровны утро в декабре 1885 г.: «Никогда не забуду я словно застывшего на лице ее выражения неопишуемого страдания, с которым она взглянула на меня, когда я вошла к ней утром и застала ее с только что полученным отчетом г-на Ходжсона в руках. «Вот, воскликнула она, какова карма Теософского общества! Она обрушивается на меня, и я — козел отпущения! Я должна нести на себе грехи Общества, и теперь, когда меня заклемили величайшей обманщицей, да еще русской шпионкой вдобавок, кто будет слушать меня, кто будет читать «Тайную Доктрину»? Как буду я продолжать дело Учителя? О, проклятые феномены, которые я делала, чтобы удовлетворить друзей и поучать окружающих! Как я вынесу такую страшную карму? Как переживу все это? Если я умру, пострадает дело Учителя и Общество погибнет!».¹

Отчет, который потряс ее таким образом, принадлежал следователю Ходжсону, посланному Лондонским обществом психических исследований в Индию с целью проверить на месте обви-

---

¹ «Воспоминания о Е. П. Блаватской графини Вахтмейстер». London, 1893, стр. 25-26.

нения Куломбов в поддельности всех необычайных явлений, которые происходили в Адьяре. Отчет признавал все эти явления результатом мошеннических подлогов, совершенных Еленой Петровной с помощью помощников и при посредстве проделанных отверстий и задвижных дверей. В таком виде результат следствия был представлен Совету Общества психических исследований и, санкционированный этим Обществом, был напечатан в его протоколах. Теперь, когда прошло столько времени и когда выяснились все подробности этого процесса, в котором на одной стороне были: явно обнаруженный подкуп (миссионер Паттерсон не скрывал, что платил Куломбам за доставленные ими письма, приписанные Е. П. Блаватской), подложные письма и, в качестве единственных обвинителей, двое рассчитанных за дурное поведение слуг, а с другой стороны свидетельства всех ближайших сотрудников Е. П. Блаватской и Г. Олькотта, д-ра ф. Гартманна, Джелжа, Ледбитера, Броуна, Домадара, Субба-Рао и др., большинство которых жило в адьярском доме, затем — всеми уважаемых г-на Синнетта и генерал-майора Моргана, бывшего секретаря министерства по делам Индии господина Лэн-Фокса,¹ инженера Четти и др. вплоть до инспектора полиции и множества известных и уважаемых индусов, которые все единодушно утверждали, что обвинения мужа и жены Куломбов — ложь и вздорная клевета; когда все это знаешь, является потребность узнать, как мог целый синклит ученых с известным Майерсом во главе не усмотреть всей несостоятельности следствия, произведенного Ходжсоном; как могли они не заметить, что все его обвинение, налагавшее на доброе имя обвиняемой позорное клеймо мошенничества, было основано исключительно на показаниях двух лиц, которые сами признавали себя за ее сообщников... Это осталось бы неразгаданной тайной, если бы все дело не происходило в первой половине 80-х годов истекшего столетия, когда материалистический гилноз в науке был настолько силен, что все, недоступное проверке физических чувств, отвергалось как «не выдерживающее научной критики».

Суть дела состояла в том, что после отъезда Е. П. Б. и Г. Олькотта из Адьяра в Европу, который состоялся 7 февраля 1884 года, оставшиеся в Адьяре ближайшие сотрудники их в середине мая того же года порешили удалить из дома экономку Куломб и ее мужа, которые надоели им своими интригами, дурным харак-

---

¹ Лэн Фокс поместил в «Тайме» 9 октября 1884 г. письмо, опровергающее возведенные на Е. П. Блаватскую обвинения.

тером и нечестностью. Взяты они были Еленой Петровной из сострадания к их бедственному положению, а когда Е. П. уехала из Адьяра, они, под предлогом ремонта, завладели ее комнатами, и зная, что их положение в доме становится все более шатким, решились отомстить, судя же по дальнейшему их поведению, надеялись, вероятно, извлечь и материальную пользу из этой мести. С этой целью столяр Куломб принялся ломать стену в спальне Елены Петровны и делать разные приспособления, которые должны были доказать, что она производила свои феномены с помощью потайных дверей и других мошеннических приемов. К счастью, им не удалось докончить начатого, и когда от них потребовали ключи от комнат Елены Петровны и несколько теософов, в числе которых были д-р Гартманн, Субба-Рао, судья Сринаваза-Рао, г-н Броун, Домадар и другие, вошли в ее спальню, они увидели следующее: в стене, заставленной шкафом, было пробито отверстие, которое было недоделано и должно было, по всей вероятности, пройти насквозь в соседнюю, так называемую «оккультную комнату», в которой — как раз против сделанного отверстия — висел на противоположной стороне стены небольшой шкаф, где чаще всего происходили различные феномены. Цель Куломбов была ясна: в шкафу, стоявшем в спальне, они уже устроили подвижную стенку, которая, впрочем, скрипела и плохо двигалась; вероятно, такую же стенку они предполагали сделать и в шкафу, висевшем в оккультной комнате, а стену, отделявшую оба шкафа, они уже начали ломать с целью сделать отверстие, через которое можно бы сообщаться из спальни с «оккультной комнатой» через висевший там шкаф. Но это им не удалось, и в течение всего лета 1884 года многочисленные посетители Адьяра рассматривали и начатую дыру в стене, которая была такого размера, что 10-летний мальчик мог с трудом в нее влезть, и подвижную спинку шкафа, которая скрипела и не хотела скользить. Осенью 1884 г., следовательно до возвращения Елены Петровны и *до появления в Индии следователя Ходжсона*. В. Джедж, заменявший президента на время ее отсутствия, решил уничтожить следы деятельности Куломбов; с этой целью он пригласил тридцать свидетелей, которые все подписались под протоколом, свидетельствующим о проделанном в стене отверстии, после чего приглашенный им каменщик заделал пробитую стену и комнату оклеили новыми обоями. Но все это не помешало командированному Обществом психических исследований Ходжсону, который приехал в Адьяр *весной 1885 года* и не мог видеть

ничего, кроме гладкой стены, так как отверстие было сделано осенью 1884 года, приложить к своему отчету план комнаты (стр. 220) с пробитой стеной, вводя читателей отчета в заблуждение, будто он сам видел отверстие и сам набросал план, тогда как план этот был составлен Джемом до заделки отверстия. Между тем, Куломбы, потерпев неудачу в своем первом предприятии, придумали новое: они подделали целый ряд писем,¹ будто бы написанных Еленой Петровной к своей сообщнице г-же Куломб, в которых делаются признания в различных мошенничествах. Это предприятие удалось: письма были куплены иезуитом миссионером Паттерсоном и напечатаны в «Christian College Magazine». Но самое непонятное из этой вторичной попытки предать и продать Елену Петровну выпадает на долю самого следователя Ходжсона: несмотря на то, что Е. П. Блаватская клятвою отрицала подлинность этих писем, несмотря на все признаки подделки (орфографические ошибки во французских словах, перепутанные имена и т. д.), несмотря на взрыв негодования всех знавших Елену Петровну порядочных людей, г-н Ходжсон не согласился показать эти письма ни ей, ни ее близким, и в то же время все свои обвинения строил на них. Другое обвинение Ходжсона состояло в том, что письма Учителей писались самой Еленой Петровной, и это обвинение поддерживалось им несмотря на то, что берлинский эксперт Шютце утверждал, что «нет ни малейшего сходства между почерком этих писем и почерком Е. П. Блаватской». Но самым интересным является конечный вывод Ходжсона: отвергнув целый ряд психологических мотивов, которые могли бы заставить Елену Петровну пуститься в такие проделки, он решает, что она была агентом русского правительства и действовала в пользу русских интересов, в доказательство чего и представляет «документ» (опять-таки выкраденный г-жой Куломб из бумаг Елены Петровны). К несчастью для г-на Ходжсона редактор газеты «Pioneer» узнал в этом документе отрывок из перевода Елены Петровны «Путешествие в центральную Азию» полковника Гродекова, который она делала для его газеты. Вероятно, вышла неудачная страница и она выбросила ее в корзину для бумаг, откуда «документ» и попал в руки проницательного следователя.

Я не могу останавливаться далее на подробностях этого процесса; прибавлю только, что он вызвал в свое время со сторо-

---

¹ Знающие Куломбов говорят о большом сходстве почерка мужа Куломб с почерком Е. П. Блаватской.

ны заинтересованных лиц новые расследования на месте, которые опровергли все выводы следователя Ходжсона. Протоколы этих расследований и многочисленные протесты, появившиеся в то время в газетах Индии и Америки, составили целую литературу. Наиболее ценные данные из всех тогдашних расследований были, после тщательной проверки, собраны новым президентом Теософского общества, А. Безант и изданы в 1907 году под заглавием «Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости». В этой книге интересующиеся могут узнать правду относительно процесса Куломбов—Ходжсона.

Как бы то ни было, а дело было сделано: клевета была пущена гулять по свету, и люди, стоявшие далеко от истинного положения вещей, долго еще продолжали повторять невежественные обвинения Ходжсона, ровно ничего не понимавшего в восточном оккультизме. Тех же, которые старались вникнуть в дело, чрезвычайно смущал вопрос: отчего *ясновидящая* Елена Петровна не знала, что готовится против нее заговор? И отчего не спасли ее Учителя, к которым она относилась с такой глубокой преданностью? В ответ на первый вопрос можно указать на тот случай ясновидения, который сестра Елены Петровны приводит в биографии Е. П. Б.¹ Она сильно беспокоилась за своего сына. Заметив это, Елена Петровна попросила ее помолчать, закрыла глаза и, после нескольких мгновений сосредоточенного внимания, сказала сестре, чтобы она не тревожилась, что сын ее жив. *Для ясновидения нужна такая же фиксация внимания, как и для физического зрения.* Каждый испытал на себе, как ускользают от человека окружающие объекты, когда внимание его занято одним определенным предметом, а мы знаем, что Елену Петровну в то время занимали чрезвычайно серьезные задачи. И она, конечно, не думала о проделках оставшихся в Адьяре Куломбов. Великодушные люди всегда доверчивы; а когда узнаешь, каких больших размеров была душа у Елены Петровны, становится вполне понятно, что ей не хотелось устремлять свое внимание на мелкие предательства, о которых ее не раз предупреждали. Она просто не останавливалась на них и пользовалась своим ясновидением для более достойных и интересных целей.

Гораздо труднее ответить на второй вопрос, так как он относится к психическим законам высшей ступени сознания, на которой многое проявляется совершенно иначе, чем на нашей низшей

---

¹ «Русское обозрение», ноябрь, декабрь 1891 г.

ступени, хотя для понимающего закон кармы не трудно догадаться, почему Учитель никогда не пользуется *своими высшими силами* для изменения человеческой судьбы. Закон кармы учит, что все, происходящее с человеком во время его земной жизни, есть результат им же совершенного в прежних существованиях, есть восстановление им же нарушенного равновесия или справедливости, что одно и то же. Поэтому Адепты Мудрости не считают себя вправе влиять на совершающуюся карму кого бы то ни было *своими оккультными силами*. В пределах всем доступного человеческого участия и сострадания они могут действовать, и в этих пределах они сделали все, что можно было сделать, предупреждая неоднократно и остававшихся в Адьяре, и уехавшего в Европу Олькотта.¹ Иное вмешательство было бы нарушением духовного Закона, который в «Голосе Безмолвия» выражается так: «Она (стезя отречения) приводит архата к неизреченной душевной печали; печали за «живого мертвеца»² и бессильной жалости к страдающему человечеству, подлежащему всем бедствиям кармы; ибо мудрые знают, что плоды кармы не могут быть устранимы». И дальше: «Научай не создавать новые причины; но волне последствий, подобно великой волне прилива, ты не должен ставить преград, дабы завершился ее естественный бег».³ Прибавлю к этому и еще одно указание: на тех высших ступенях человеческого духа, о которых идет речь, мера, которой *мы* измеряем события, не имеет значения, и то, что для нас кажется чрезвычайно важным, является совсем не важным там.

Чтобы покончить совсем с этим тяжелым, эпизодом из жизни Е. П. Блаватской, нужно сказать несколько слов о ее поездке осенью 1884 года в Индию, о которой было упомянуто лишь вскользь. Узнав о проделках Куломбов и о поддельных письмах, напечатанных Паттерсоном в «Christian College Magazine», она поехала туда с надеждой привлечь Куломбов и Паттерсона к судебной ответственности, выяснить на суде всю правду и восстановить свое доброе имя. Но ей пришлось еще раз пожертвовать собой. Комитет, состоявший из 24 наиболее уважаемых членов Теософского общества, европейцев и индусов, решил, что иск с ее стороны выдвинет на сцену вопрос о махатмах, и они сами, а также их отношения к ученикам, станут темой для пересудов и

---

¹ См. рассказ В. П. Желиховской о письме к Олькотту, «Русское обозрение», 1891 г.

² Не пробужденный духовно человек.

³ См. «Голос Безмолвия».

насмешек совершенно невежественных в вопросах восточного оккультизма английских судей. а это обстоятельство может оскорбить чувства индусов. Этот мотив был для нее важнее ее личной судьбы и — она покорилась. Необходимо к этому прибавить, что она обрадовалась, когда узнала, что Общество психических исследований посылает в Индию своего поверенного для расследования всего дела на месте, что и выражала в своих письмах. Из этого читатель поймет, до чего неожидан был удар, который ей нанес отчет Ходжсона.

Чрезвычайно важным доказательством вздорности всех обвинений следователя Ходжсона и правоты Елены Петровны служат те овации и знаки уважения и сочувствия, с которыми индусы встретили Елену Петровну, когда она приехала в Мадрас уже после клевет, возведенных на нее Куломбами и Паттерсоном. Если бы в обвинениях следователя была хотя искра правды, индусы должны бы забросать не цветами, как это было в действительности, а камнями ту женщину, которая из личных темных целей надругалась над их священными заветами. Сама идея махатм и сношения с ними имеют для индусов такое высокое значение, что они никогда не простили бы тому, кто сделал из этих сношений повод для подлога и шутовского маскарада, в чем обвиняли Елену Петровну Куломбы и чему поверил Ходжсон.

А между тем, индусы встретили ее со всеми признаками глубокого уважения и в обращенных к ней приветственных речах определяли ее деятельность совершенно иначе, чем лондонский ареопаг ученых; они благодарили ее за «возрождение санскритской литературы, за старания примирить религию с наукой, за пролитие света на потустороннюю судьбу человека, за соединение различных индусских каст в одно братское чувство взаимной симпатии, за верную передачу арийской Мудрости, которая подвергалась таким искажениям со стороны европейцев».

Нужно думать, что это благодарное отношение индусов принесло некоторое утешение Елене Петровне; но нравственное потрясение было настолько сильно, что она тяжело заболела. Лечивший ее доктор настоял на ее немедленном возвращении в Европу, и друзья перенесли ее в носилках на пароход, который и увез ее навсегда из привлекавшей ее с юных лет «страны чудес». В Европе она, как уже было сказано, избрала тихий Вюрцбург, чтобы без помехи писать «Тайную Доктрину», и прожила сперва в этом немецком городке, а потом в Остенде, вдвоем с гр. Вахтмейстер до своего переселения в 1887 году в Лондон. В Остенде

на глазах гр. Вахтмейстер произошло ее третье чудесное выздоровление. Два доктора нашли ее положение безнадежным и только удивлялись, как она могла жить с такими сложными недугами. Ночью с ней началась агония; долго сидела около нее гр. Вахтмейстер, пока не забылась. «Когда я открыла глаза, первые утренние лучи прокрались в комнату и на меня напал страх, что я спала, а в это время Е. П. Блаватская могла умереть... Я с ужасом повернулась к ее кровати, но вместо трупа увидела Е. П. Блаватскую, смотрящую на меня спокойно своими ясными серыми глазами. «Графиня, идите сюда», сказала она. Я бросилась к ней. «Что случилось? Вы совсем не та, что были ночью!» — Она ответила: «Да, Учитель был здесь; Он предложил мне на выбор или умереть и освободиться, если я того хочу, или жить еще и кончить «Тайную Доктрину». Он сказал мне, как тяжелы будут мои страдания и какое трудное время предстоит мне в Англии — я ведь должна буду туда поехать. Но когда я подумала о тех людях, которым мне разрешено передать мои знания и о Теософском обществе, которому я уже отдала кровь своего сердца, я решила пожертвовать собой»... Окончила она свою речь веселой шуткой, а когда пришли доктор и еще несколько лиц и она встретила их на ногах и завела с ними шуточный разговор, удивление их не знало границ».¹

И она «промучилась» еще пять лет, потому что с земной точки зрения тот напряженный труд, который она несла до последнего часа, несмотря на жестокие физические страдания, нельзя назвать иначе, как мученичеством. За эти пять лет многое было сделано: написаны три тома «Тайной Доктрины», из которых два были напечатаны при ней, а третий после ее смерти; написаны: «Ключ к теософии» и «Голос Безмолвия» и множество статей в журнале «Люцифер», который она начала издавать немедленно после водворения в Лондоне. Кроме этого литературного труда, который брал у нее, по показаниям многочисленных свидетелей последних лет ее жизни, по 12 часов в день, она по вечерам была окружена посетителями, в числе которых было много литераторов и ученых. В это время английский отдел Теософского общества был уже вполне сформирован и по четвергам собиралась первая Теософская Ложа, которая и до сих пор носит название «Ложи Блаватской»; на этих вечерних собраниях всегда присутствовала Елена Петровна, давая ответы на многочислен-

---

¹ «Воспоминания о Е. П. Блаватской графини Вахтмейстер», стр. 75, 76.

ные вопросы, с которыми члены ложи обращались к ней. К этому же времени относится появление среди теософов, окружавших Елену Петровну, г-жи А. Безант, ставшей после ее смерти главой и сердцем теософского движения.

В мае 1891 года, почти без всякой предупреждающей болезни, Елена Петровна скончалась в своем рабочем кресле, как истинный воин Духа, каким она была всю жизнь. Ее тело было предано сожжению и пепел был разделен на 3 части: одна часть сохраняется в Адьяре, другая в Нью-Йорке, третья оставлена в Лондоне. День ее успокоения чествуется в трех частях света под названием «Дня Белого Лотоса». Теософы всего мира стараются ознаменовать этот день добрыми делами. В Бомбее, Адьяре и Калькутте в этот день дают обеды тысячам бедняков и раздают им Бхагаватгиту; в Нью-Йорке, Филадельфии и еще в нескольких городах Соединенных Штатов происходит то же самое, но особенно горячо чествуют ее память на Цейлоне, где все население чтит ее имя.

Глава 5. Мировое значение Е. П. Блаватской

Чтобы верно оценить мировое значение принесенных Е. П. Блаватской откровений, необходимо знать, насколько они были нужны и своевременны именно для нашей эпохи, а для этого следует охватить общий смысл всего переживаемого человечеством на наших глазах. Но несчастье современного европейского сознания в том, что оно раскололось на такое множество точек зрения, ничем не связанных между собой, с которых рассматривается и оценивается вся текущая действительность, что прийти к чему-либо общему и согласованному для него чрезвычайно трудно. Необходимость объединения в чем-либо общем — едва ли не важнейшая духовная потребность нашего времени, и хотя две главные системы мысли, одна — приводящая все явление к материальным процессам, а другая — к духовным, и служат известному обобщению, покрывая своим знаменем множество противоречивых теорий и воззрений, но, развиваясь в противоположных направлениях, они раскалывают сознание и неизбежно будут все более удаляться от полноты истины, если не найдется нечто связывающее, какая-либо общая основа, которая примирила бы их и соединила в одну цельную согласованную систему. А между тем, это связывающее *нечто* существует, и сама европей-

ская наука подошла уже совсем вплотную к тому объединяющему началу, которое пронизывает одинаково и материальную жизнь, и жизнь духовную. Это объединяющее начало, эта скрытая пружина всякой жизни есть *эволюция*, развитие из простого в сложное, из несовершенного в совершенное, как в мире форм, так и в мире духа, ведущее нас к разумной и благой цели. Приняв одновременную эволюцию формы и жизни за мерило человеческого прогресса, мы сразу поднимемся над всем противоречием современной мысли и станем на такой наблюдательный пост, откуда возможно окинуть *весь* процесс жизни в его целом.

Если мы захотим отыскать корни всего, что совершается на наших глазах, мы должны искать их очень глубоко, в той древности, которая служила колыбелью нашей расы. В те незапамятные времена, когда арийская раса была еще в своем младенческом возрасте, цивилизация ее достигала чрезвычайной высоты и блеска; об этом все яснее говорят раскопки последних десятилетий. Судя по сохранившимся образцам, не было той отрасли человеческого творчества, в которой древние народы не достигли бы высокого совершенства. Стоит лишь вспомнить их не поддающиеся времени колоссальные постройки, которые требовали не только знания высшей механики и математики, но еще каких-то знаний, которыми не владеют современные инженеры; или их удивительные водопроводы, превращавшие раскаленную почву юга в цветущие сады. А по научным исследованиям последних лет не только все наши религиозные идеи и символы, но и все мелочи домашнего обихода, до игр и развлечений включительно, все это было уже известно, все это так или иначе проникло к нам с древнего Востока.¹

Как же объяснить это явление? Ведь несомненно, что те древние народы были родоначальниками нашей расы, несомненно, что в них выразилась ее юность. Как же могли они достигнуть такого совершенства культуры и знать уже в детстве то, что знаем через многие тысячелетия мы, их взрослые потомки? Логика вещей и наблюдения над процессами природы, у которой ничего не пропадает даром и ничто не повторяется на одной и той же ступени, заставляет думать, что те древние цивилизации имели совершенно иные задачи, чем наша современная цивили-

---

¹ Это — утверждение не только теософов, но и представителей позитивной науки: так проф. Виппер высказал как раз эту уверенность в своей публичной лекции в Москве 2 ноября 1906 г. Лекция эта напечатана в отдельной брошюре под заглавием «Свет с Востока».

зация. Учения теософии подтверждают эту догадку; они учат, что земная жизнь *всего* человечества представляет из себя нечто целое, имеющее одну общую цель: *развитие всех сторон сложного человеческого осознания*. Для этого дается поле действия — Земля, и на этом поле все отдельные народы, в различные эпохи, путем разнообразных культур, работают — каждый над своей особой задачей, содействуя осуществлению единого, общего для всего человечества разумного плана.

В той древности, где нужно искать корни всего, что мы переживаем в настоящее время, масса человечества была еще в состоянии детства, индивидуальное начало было еще в зачатке, сознание работало смутно и мечтательно, создавая неопределенные мысли, лишённые отчетливых граней, какие бывают у маленьких детей, но зато человечество пользовалось огромным преимуществом: оно действовало под непосредственным наблюдением высоких Руководителей, сверхчеловеческою мудростью и великими знаниями которых и объясняется поражающая нас высокая ступень древних культур. Руководителей этих называют общим именем «Посвященные»; имя это происходит от того, что старший «посвящал» младшего, т. е. передавал ему свои знания, если последний по своим нравственным качествам был достоин вступить в число руководителей юного человечества. В эзотерических преданиях всех древних народов есть множество указаний на то, что во главе всех отделов общественной жизни стояли именно такие «Посвященные», поднявшиеся над эгоизмом и над личными интересами.

В сущности, мы не имеем никакого представления о тех временах, и лишь смутное воспоминание о них сохранилось в легендах о «золотом веке» человечества. Мы узнаем древние цивилизации, когда они уже заканчивали свою внутреннюю задачу — воспитать юное человечество, когда сохранились лишь внешние формы, которые всегда переживают одушевлявшую их когда-то жизнь. Оттого эти цивилизации производят на нас впечатление дряхлости. Самая раса может быть в общем очень молода, а формы ее жизни будут отжившими, дряхлыми, если они уже сыграли свою роль и их поддерживают искусственно, когда растущая жизнь требует уже новых форм; по той же причине и отдельные народности, которые не ищут новых путей и слишком долго задерживаются на старых, приходят в упадок.

Когда детство арийской расы приблизилось к концу, и на очередь стало развитие *личного начала и самостоятельной ин-*

цитивы, тогда Руководители человечества стали отступать от него все далее, и для него настало время самому создавать свои задачи и осуществлять их по-своему.

В эзотеризме есть выражение: *человечество осиротело*. Это и означает упомянутый переход к самостоятельному творчеству.

Чтобы могла осуществиться главная цель земного творчества — развитие всех сторон человеческого сознания, потребовалась вся та неоглядная вереница исторического опыта, который выразился в смене господствующих народностей, в насаждении разнообразных культур, в создании различных типов общественного строя. С этим ключом вся человеческая история читается по-новому, и можно догадаться какую задачу пришлось осуществлять и нашей западноевропейской культуре. Она развивала ту сторону сознания, которую вернее всего назвать *земной разум*, низший манас, она доводила его до полной *отчетливости*, до совершенства, и напряженностью своих эгоистических задач, и высокими формами своих научных дисциплин отточила аналитическое мышление до полного совершенства.

На заре своей юности наша арийская раса пользовалась непосредственным руководством; мы им *не* пользуемся, но от времени до времени, когда сознание людей проходит через острые кризисы, когда новые начала жизни вступают в борьбу с отживающим, людям дается высшая помощь в форме разнообразных духовных воздействий, иногда посылаются в мир ученики с совершенно определенной миссией. Такая миссия была возложена на Елену Петровну Блаватскую в конце истекшего столетия. Если мы оглянемся на ту эпоху, когда Елена Петровна основала Теософское общество, мы увидим все особенности западноевропейской культуры доведенными до своего полного расцвета: благодаря эгоистическому царству капитала и материалистическому строю мышления, внешняя жизнь приняла уродливые формы ожесточенной борьбы за существование, беспощадной конкуренции, взаимной вражды и озлобленности, а в области духа шло постепенное угасание идеала и беспощадное вытравление всякого религиозного начала...

Плоды этого расцвета созрели на наших глазах, мы присутствуем при небывалой еще картине всемирной революции, и на наших же глазах в бездонных глубинах мысли и сердца всего культурного человечества начинается поворот и поднятие на новую ступень сознания. Если представить себе картину европейского будущего в случае, если бы дальнейшее развитие продол-

жалось по тем же линиям безудержного эгоизма и угашения всех духовных запросов, станет понятным, что никогда не было такой острой нужды в высшем воздействии. В ответ на эту нужду и явилось раскрытие древних тайных учений и основание Теософского общества. Незадолго до этого времени в разных местностях Америки и Европы начали обращать на себя внимание спиритические явления. Спиритизм появился в те годы со своими потрясающими медиумическими феноменами не случайно; он представлял собою тот таран, который пробивал первую брешь в сознании, он должен был расшатать заплонивший умы материализм и заставить людей задуматься. И мы видим, какой общий переполох в общественном мнении и какую тревогу среди ученых вызвали в то время явления спиритизма. Вера в существование одного лишь физического мира была расшатана. Но этого было мало. Вся жизнь требовала перестройки, а внешнему строительству должно предшествовать внутреннее преобразование. Последнее же требует веры, энтузиазма, высокого идеала. Религиозные идеи, выросшие на европейской почве, оторванные от жизни и науки, были бессильны повлиять на сознание. Необходим был приток новой духовной энергии. Такой энергией проникнуты эзотерические учения древних Посвященных, которые вдохновляли творчество всех античных арийских народов. Раскрыть впервые их тайный смысл выпало на долю русской женщине. И, как и следовало ожидать, ее миссия вызвала к себе внимание во всем мире, вплоть до американского Трансвааля, прежде, чем ее признали на родине. А между тем, нигде жажда духовного обновления не чувствуется с такой глубокой искренностью, как у нас, и может быть ни у кого нет такой органической духовной связи с древней Индией, как у русских. Лучшие русские люди были всегда идеалисты, а древняя Индия вся проникнута высоким идеализмом своей чистой, пламенной, безбрежной религиозной философии.

Если вдуматься в те три главные цели, которые основательница Теософского общества поставила на его знамени, мы найдем в них поразительное соответствие главным духовным нуждам нашего времени. Мы исстрадались от вражды партий, классов и народов; теософия ставит на своем знамени *всеобщее братство* без различия национальности, религии и касты. Мы жаждем примирения между мыслью и сердцем, слияния идеала с действительностью. Теософия приносит нам научно-религиозный синтез древнего Востока, в котором все стороны челове-

ской жизни, и материальной, и духовной, представляют нечто цельное, неразрывно связанное единством религиозного сознания. Мы переросли наши психологические понятия, усложнившаяся душевная жизнь современного человека требует новых приемов воспитания, новых методов внутренней культуры. Теософия дает нам совершенно новую для европейского сознания психологию, *опытно* проверенную и научно обоснованную на законе *духовной эволюции*.

В состоянии ли теософия выполнить свои обещания? Ответом на это служит более чем 30-летнее существование Теософского общества. Такая проверка уже давно обнаружила бы ее несостоятельность; но союз теософов продолжает крепнуть и расти, несмотря на то, что он не имеет никаких внешних форм, никаких догматов, ничего — с обыденной точки зрения — завлекательного, даже не требует никаких обетов; невидимая духовная связь, соединяющая ее членов, оказывается настолько крепкой, что в состоянии связать в одну семью людей различных национальностей, говорящих на разных языках, принадлежащих к различным религиям и культурам. Другим ответом на тот же вопрос служит большая, блестящая теософская литература, имеющая своих талантливых представителей во всех странах мира, хотя прошло еще так немного времени с тех пор, как Е. П. Блаватская заложила фундамент этой литературы двумя своими трудами, написанными на английском языке: «Разоблаченная Изиды» (изд. в 1877 г.) и «Тайная Доктрина» (в 1888 году).

В чем же сила теософии? Приносит она новую религию или, как некоторые думали, вводит к нам в замаскированной форме буддизм?

Сила теософии в том, что она дает сокровенные учения древних, Мудрецов, знания которых обнимают *весь цикл эволюции нашей расы до конца*. Вот почему она в состоянии дать ответы на все запросы нашего современного сознания, вплоть до мучительных загадок жизни и смерти, которые стояли до сих пор неразрешенными перед человеческим сознанием. Я не могу вдаваться в изложение самих учений, но могу указать интересующимся на обширную теософскую литературу, которая разрабатывает со всех сторон отдельные положения древней Мудрости: дав себе труд и время, читатель имеет полную возможность проверить мои слова. Прибавлю лишь несколько слов для тех, которые — по недоразумению — могут подумать, что теософия зовет человечество назад, в его младенческое состояние.

Да, она зовет его назад, но только в том смысле, в каком каждый человек возвращается к тем высоким истинам, которые он в детстве воспринимал бессознательно, от которых в молодости отступал потому, что они были слишком глубоки для него, которые позднее пропускал через критическую оценку, а в зрелом возрасте принимал уже сознательно и добровольно. Каждый законченный эволюционный цикл обегает такой полный круг, и наше сознание близится к тому, чтобы обойти свой полный круг и, после огромного опыта, растянувшегося на многие тысячелетия, прошедшего через многие цивилизации, через восхождения и падения, расцвет и утомление, — повернуть назад к исходной точке своего отправления и слиться с ней, но уже *сознательно и добровольно*.

В заключение, мне хотелось указать на те результаты миссии Е. П. Блаватской, которые успели уже обнаружиться. За последние два десятилетия все интересующиеся Индией наблюдают различные признаки пробуждения среди коренного населения Индии и небывалое прежде стремление к объединению. Совершенно не причастные к теософии наблюдатели, стоящие на противоположном полюсе мысли, и те соглашаются, что в основе современного движения в Индии лежит недавно возникшая тенденция к религиозному объединению. В жизни Индии религия играла всегда первенствующую роль; множество сект и подразделений, на которые разбились шесть основных религиозных систем браманизма, и распадение буддизма на северный и южный отделы поддерживали дух разъединения и в среде индусов. Поворот к единству и толчок к внутреннему возрождению, о котором сейчас упомянуто, был дан впервые Е. П. Блаватской, ее обнаружением *общего всем расколовшимся религиозным верованиям единого эзотерического начала* и ее энергичной пропагандой — совместно с Генри Олькоттом — религиозного объединения Индии. Покойный президент Теософского общества был выдающийся организатор; он чрезвычайно удачно работал среди индусов в пользу названного объединения, создал много школ, где обучение велось в том же духе, собрал множество драгоценных манускриптов, которые благодарные индусы не переставали приносить в дар теософской библиотеке, и неутомимо популяризировал красоту и высокий идеализм древних религиозных учений Индии.

Подъем религиозного сознания, который был вызван этим непривычным для индусов любовным вниманием к их духовным

сокровищам, продолжается и до сих пор, а за последние годы возрождение древнеиндусской самобытности приняло очень широкие размеры благодаря неутомимой деятельности настоящего президента Теософского общества г-жи Безант; ее стремления направлены к тому, чтобы положить в основу воспитания индусского юношества лучшие заветы древней Индии, и с этой целью она создала несколько колледжей, в которых индусские юноши знакомятся с неисчерпаемыми богатствами древнеарийской религиозной мысли.

Возрождение древнего Востока и пробудившийся на Западе интерес к его духовным сокровищам сыграет великую роль в ближайшем будущем и поможет человеческому сознанию подняться на высшую ступень.

Трудно даже представить себе все последствия, которые могут произойти от слияния широких объединяющих идей древнего Востока с точным анализом европейского Запада, его высокого научного развития с глубиной религиозного сознания древности.

Начало этого слияния совершается на наших глазах благодаря эзотерическим учениям, которые Е. П. Блаватская принесла западному миру, как дар от древнего Востока.

Учения эти, которые на современном языке вернее всего назвать религиозно-научным синтезом, приводят в гармонию все стороны человеческой жизни, согласуя материальные задачи человека с его духовными запросами.

А кто станет отрицать, что самая повелительная задача нашего времени, от верного решения которой зависит все будущее человечества, есть приведение в гармонию этических проблем с проблемами социальными, нравственного идеала человека с его жизненной практикой?

Вся сила теософии и состоит в том, что ее учения в состоянии разрешить эту задачу, *не убивая земных интересов*. Теософия должна стать впереди человеческой мысли потому, что она соединяет в себе всю полноту опыта современного Запада и древнего Востока, полный круг сознания арийских народов, как религиозного, так и научного, дающего в соединении — *Мудрость*.

Если спросят, почему именно Е. П. Блаватская была избрана для такой высокой миссии? Потому, что она одна из всех современников обладала соединением той тонкой психической организации, которая необходима для общения на высших ступенях сознания, и тех нравственных качеств, без которых великие духовные задачи не могут быть доведены до конца. Она обладала

исключительной отзывчивостью на духовные влияния и в то же время могучей волей и необыкновенной силой терпения; пламенный энтузиазм и преданность идее, которой она служила, соединялись в ней с безграничным самоотвержением; вот что давало Елене Петровне Блаватской право на ее высокое полномочие и на глубокую благодарность всех, кто знал и понимал ее.

Е. П.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>В. Желиховская.</i> Радда Бай	5
Письма из пещер и дебрей Индостана	51
Загадочные племена на «Голубых горах»	498
Дурбар в Лахоре	669
<i>Е. Ф. Писарева.</i> Елена Петровна Блаватская	777

Блаватская Елена Петровна
ИЗ ПЕЩЕР И ДЕБРЕЙ ИНДОСТАНА

Редактор *К. Леонов*
Художественный редактор *А. Сауков*
Оформление переплета *П. Сацкий*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.05.2001.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.
Тираж 8000 экз. Заказ 364

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.
Тел./факс: (095) 932-74-71

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК»
представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2
Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru
contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.
М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.
т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

ISBN 5-04-007640-1

9 785040 076406 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

